ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

в пятнадцати томах

Под общей редакцией
С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова

Руководитель авторского коллектива А. И. Подберезкин

Редакционный совет

А. Н. Артизов, А. А. Ахтамзян, Ю. А. Булатов, А. В. Мальгин, В. Р. Мединский, М. А. Мунтян, М. Ю. Мягков, Н. А. Нарочницкая, М. М. Наринский, В. В. Наумкин, Я. В. Новиков, А. А. Орлов, В. О. Печатнов, А. И. Подберезкин, К. К. Провалов, Л. П. Решетников, О. А. Ржешевский, О. Е. Родионов, Г. Р. Ручкин, А. В. Серегин, И. И. Сирош, В. М. Фалин, В. С. Христофоров, А. О. Чубарьян

Московский государственный институт международных
отношений (Университет) МИД России

Издание осуществлено при финансовой поддержке
ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“»

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

Под общей редакцией
С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова

СТАЛИН В ГОДЫ ВОЙНЫ

IX

Издательство
«МГИМО–Университет»
2015

УДК 9(47)
ББК 63.3(2)622
В27

Издание осуществлено во взаимодействии с ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“»

Под общей редакцией
С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова

Руководитель авторского коллектива
А. И. Подберезкин

Редакционный совет
А. Н. Артизов, А. А. Ахтамзян, Ю. А. Булатов, А. В. Мальгин, В. Р. Мединский, М. А. Мунтян, М. Ю. Мягков, Н. А. Нарочницкая, М. М. Наринский, В. В. Наумкин, Я. В. Новиков, А. А. Орлов, В. О. Печатнов, А. И. Подберезкин, К. К. Провалов, Л. П. Решетников, О. А. Ржешевский, О. Е. Родионов, Г. Р. Ручкин, А. В. Серегин, И. И. Сирош, В. М. Фалин, В. С. Христофоров, А. О. Чубарьян

Редакционная коллегия
Т. Г. Занина, Е. Е. Кириллова, В. И. Мизин, Л. А. Рогова, А. К. Сорокин, Т. Ф. Тищенко, И. В. Фетисов, А. В. Юрасов

В27 Великая Победа : в 15 т. / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Центр военно-политических исследований. — М. : МГИМО–Университет, 2015.

ISBN 978-5-9228-1300-6

Т. 9: Сталин в годы войны — 2015. — 652 с. ISBN 978-5-9228-1309-9

Пятнадцатитомное издание «Великая Победа» подготовлено на основе современных представлений ведущих отечественных историков академических институтов и образовательных центров и ряда иностранных ученых-историков о событиях Второй мировой войны. Впервые за последние годы в отечественном историческом пространстве появилось столь объемное издание, повествующее о сложнейших и трагических перипетиях политических, дипломатических и военных столкновений, затронувших интересы практически половины населения нашей планеты.

В многотомнике особое внимание уделяется попыткам недобросовестного или политически мотивированного толкования событий Второй мировой войны и её итогов, нередко ставящего под сомнение великий подвиг нашего народа, принесший освобождение миру от самой чудовищной и бесчеловечной «коричневой чумы» XX века с её доктриной мирового господства на основе расового деления мира. В книгах многотомного издания таким попыткам дается должный отпор.

Издание рассчитано на широкий круг читателей.

УДК 9(47)
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-9228-1309-9 (т. 9)

© Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 2013

© Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 2015

ISBN 978-5-9228-1300-6

Книга двадцать шестая

ДИПЛОМАТ

Сталин — дипломат на конференциях «большой тройки» в годы Великой Отечественной войны

А. Ю. Борисов*

История мстит тиранам, славит победителей, а неудачникам платит равнодушием и забвением. Личность Сталина и его деятельность на посту руководителя Советского государства на протяжении почти трёх десятилетий не укладывается в эти жесткие рамки и до сих пор остаётся предметом острых дискуссий как в нашей стране, так и за рубежом. Развязанные им кровавые репрессии против собственного народа ничем не могут быть оправданы и навсегда останутся трагической страницей нашей истории. Но это не должно мешать объективной оценке его личности, заслонять другие стороны его деятельности.

Чингисхан с телефоном

Пиком политической карьеры Сталина явилась его деятельность на посту Верховного Главнокомандующего и главы Советского правительства в годы Великой Отечественной войны, которая, по мнению серьезных исследователей, внесла крупный вклад в достижение победы над фашизмом. Куда меньшей известностью пользовалась деятельность Сталина в качестве дипломата, определявшего советскую внешнюю политику и отношения с главными союзными державами по антигитлеровской коалиции. Его партнёры по «большой тройке» — президент США Ф. Рузвельт и премьер-министр Великобритании У. Черчилль были выдающимися государственными деятелями, твёрдо отстаивающими в ходе межсоюзнических переговоров национальные интересы своих стран и нередко выступавшими совместно против интересов СССР. Противостоять им, не теряя из виду общие цели в борьбе с фашизмом, было нелёгким делом, требовавшим большого дипломатического искусства, глубоких знаний и умения находить «общий язык» на переговорах. Ведь это были политики мирового масштаба, исповедующие другую систему ценностей, воспитанные в другой системе координат и имеющие совсем другую ментальность, чем их советский собеседник.

Добавим к этому, что до Великой Отечественной войны Сталин, как партийный руководитель, обладал более чем скромным опытом ведения международных переговоров, предпочитая оставаться в тени и из-за кулис руководить внешней политикой. Западным государственным деятелям были хорошо известны в эпоху Лиги Наций имена Г. В. Чичерина, М. М. Литвинова и других советских дипломатов новой «ленинской школы», в то время как человек номер один в Советской России представлялся большой загадкой за высокими кремлёвскими стенами. Сталин, как бы подтверждая свой партийный надгосударственный статус, скорее предпочитал время от времени принимать в Кремле известных западных писателей, общественных деятелей и журналистов, что должно было придавать ему имидж духовного лидера, эдакого коммунистического Махатмы Ганди, чем прожженного политика. Посетивший Москву и удостоившийся встречи со Сталиным Роман

* **Александр Юрьевич Борисов** — д.и.н., профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО(У).

Роллан, когда спросили его мнение о кремлёвском затворнике, лаконично и не слишком лестно отозвался о нём как о «Чингисхане с телефоном». Вероятно, проницательному писателю удалось уловить даже в ходе непродолжительной встречи всю сложность характера «кремлёвского горца», его природное коварство и умение когда надо играть соответствующую роль.

Если верна сентенция, что дипломатами не становятся, а ими рождаются, то Сталин был прирождённым дипломатом, хорошо усвоившим принципы великого флорентийца Николо Макиавелли. Можно недоумевать, как человек без университетского и уж тем более специального образования мог так глубоко разбираться в хитросплетениях международной политики своего времени. Ответ между тем может быть только один: он всю жизнь полагался на великую силу самообразования и обладал потрясающей политической интуицией, если согласиться с правилом, что «информация — мать интуиции». Его дипломатия много взяла из напряженной внутриполитической жизни дореволюционной и постреволюционной России. Здесь Сталину не было равных среди современников. Мало было таких, как он, кто прошёл подобную школу жизни, политической борьбы, жестокостей, коварства, лицемерия, разочарований, поражений и побед, умения сломить противника и одержать над ним верх. Важное место в этой «науке побеждать» занимало полученное им в юные годы образование в Тифлисской духовной семинарии, которое воспитало в нём уверенность в своей правоте и решимость идти к поставленной цели. Вместе с тем его едва ли можно было считать идеологическим фанатиком, человеком, одержимым одной идеей, как многие из его «товарищей по партии». В политике он был скорее циником, прагматиком, реалистом, умевшим подчинять идеи требованиям момента в духе, как это называлось, «творческого марксизма».

Про Сталина в части его международной деятельности можно сказать, что он скорее был гибким геополитиком, чем последователем раз и навсегда заученной догмы, какой бы привлекательной и перспективной она не казалась. А раз так, то он вступал на путь старой как мир «реал-политик» с традиционным инструментарием в виде «баланса сил», «сфер влияния», размена территорий, тайных сделок и т. д. Он, может быть, одним из первых среди политиков понял, что в XX столетии — эпохе грамотности и возросшей роли общественного мнения, любой поворот в политике следовало подкреплять информационной поддержкой, или, как тогда говорили, идеологической работой. Именно по его инициативе сложился и расцвёл советский «агитпроп», как важнейшая часть сопровождения внешнеполитической деятельности.

В отличие от других «вождей партии», Сталин довольно рано понял всю тщетность и бесперспективность надёжд и расчётов на осуществление идеи мировой революции и, придя к власти, постепенно вернулся к проведению традиционной государственной политики, преследующей национальные интересы и учитывающей геополитические реальности внешнего мира. Этот поворот более десятилетия сопровождался острейшей фракционной борьбой в правящей партии по вопросам путей и методов строительства социализма в одной стране и привёл, наряду с другими причинами, к трагическим последствиям для народа в ходе кровавых «сталинских чисток». Известные атрибуты мировой революции, такие, как Коминтерн, деятельность коммунистических и рабочих партий и других пацифистских, «прогрессивных» организаций, для которых «первое в мире социалистическое государство» было непререкаемым авторитетом, были включены в сферу интересов советской государственной политики и тесно переплетались с деятельностью спецслужб.

Если говорить о сталинской стратегии в межвоенные годы, то она заключалось в одном слове «выжить» во враждебном капиталистическом окружении и обеспечить благоприятные внешние условия для индустриализации страны в кратчайшие исторические сроки ценой напряжения и перенапряжении всех сил народа. Что касается враждебного окружения, то оно не могло быть другим, так как крупнейшая и самодостаточная держава мира с колоссальной ресурсной базой противопоставила себя всем остальным под лозунгом национализации «священной частной собственности» и реорганизации всей социальной и экономической жизни на государственных, антирыночных началах. Выжить и устоять в таких условиях было поистине сверхзадачей, учитывая сложную динамику международной жизни в период после Версальского мирного урегулирования, что предполагало отчаянное дипломатическое маневрирование и рискованную игру на противоречиях империалистических держав.

Международная политика в эти годы, несмотря на пацифистскую риторику Лиги Наций

и показное миролюбие держав-победителей в Первой мировой войне, отличалась крайним национальным эгоизмом и экономическим протекционизмом, во много раз усиленными разразившимся в 1929 году мировым экономическим кризисом. Кризисы, как известно, не делают мир добрее, а до предела обостряют все существующие противоречия мировой политики и создают новые. Это была та сложная школа мировой политики, в которой оттачивал свое дипломатическое мастерство Сталин. Его, большого мастера по части политических интриг, «боёв без правил», нередко со смертельным исходом, едва ли могла удивить беспринципность международной дипломатической жизни и действия по принципу «каждый за себя». Растиражированная идея коллективной безопасности, на словах поддержанная всеми участниками европейской политики, на деле оказалась пустым звуком и служила прикрытием гонки вооружений и подготовки к войне. Проблема недоверия в международных отношениях была ключевой и обоюдоострой после возникшего в 1917 года раскола мира, породившего непримиримые антагонистические классовые противоречия.

Больше всего Сталин боялся нового объединения империалистических держав против Советского Союза и ориентировал советскую внешнюю политику делать всё возможное, чтобы этого не допустить. Если у него и были определённые иллюзии в отношении примирения с капиталистическим миром на основе выгод экономического сотрудничества с СССР в период его индустриализации и экономической депрессии на Западе, то они быстро рассеялись после прихода к власти в Германии Гитлера и образования очагов войны и агрессии, как в Европе, так и на Дальнем Востоке.

Международная ситуация коренным образом изменилась. Начиналась борьба за новый передел мира между державами — сторонниками статус-кво и так называемыми ревизионистскими государствами, недовольными Версальско-Вашингтонской системой. Важно было в этой борьбе не оказаться в положении крайнего и избежать участия в войне в невыгодный момент и на невыгодных для СССР условиях. Это была задача-максимум сталинской дипломатии на тот исторический период. Судя по имеющимся архивным источникам и отдельным публичным высказываниям Сталина, он исходил из того, особенно в 1930-е годы, что войну не удастся избежать, а можно лишь постараться её отсрочить и минимизировать её последствия для Советского государства. В то же время, согласно канонам марксистской науки, война рассматривалась как средство разрешения межимпериалистических противоречий и общего ослабления капиталистической системы к выгоде мирового революционного движения, а, следовательно, и Советского Союза.

Что касается выбора тактических средств, то здесь полной ясности в Кремле не было, многое зависело от конкретного момента, политики западных государств, расстановки сил и т. д. Какое-то время в связи с ростом военной опасности Сталин исходил из возможности установления союзнических отношений с группой демократических государств-сторонников поддержания статус-кво в интересах изоляции потенциальных агрессоров. Страна не была готова к войне и нуждалась в длительной мирной передышке с целью создания внешних гарантий форсированной индустриализации СССР и на этой основе технического перевооружения армии. Сталин явно переоценивал опасения западных держав по поводу фашистской угрозы, а поэтому его ждало сильное разочарование. В силу классовых причин западные демократии оказались не готовы к сотрудничеству с СССР и больше полагались на политику «умиротворения» стран-агрессоров. Окончательно это стало ясно после Мюнхенского сговора (1938 г.), решившего судьбу Чехословакии и явившегося важным водоразделом в оценке Сталиным международной обстановки.

Начиналась лихорадочная игра «без правил» под лозунгом «каждый за себя». Здесь следует искать истоки пресловутого сталинского дипломатического «коварства» и «вероломства», не уступавшего действиям западных «умиротворителей» по сталкиванию

СССР с гитлеровской Германией. Судя по документам Коминтерна, в частности, дневникам Г. Димитрова, идеальным Сталин считал схватку держав на Западе при сохранении СССР своего нейтралитета до определённого момента. Если это и было коварством, то можно считать его нормой международного поведения в то время. В этом смысле, Сталин был не хуже и не лучше своих западных контрагентов. Каждый думал о себе, а обо всех вместе (верующих и неверующих) должен был позаботиться Господь Бог. В создавшейся обстановке Сталина не смущала возможность сговора с Гитлером при всех политических и идеологических издержках этого

и потерях в общественном мнении. Геополитика и, как тогда казалось, здравый смысл диктовали жёсткую, своекорыстную линию поведения. Риск был велик, ответственность была огромна, но ещё больше был страх оказаться на направлении главного удара фашистской агрессии, пока страна была ещё не готова к войне.

Остальное — хорошо известно. Важно лишь отметить, что, несмотря на подписанный пакт о ненападении с Гитлером и секретные протоколы к нему, Сталин не сжигал мосты к западным демократиям, хотя и демонстрировал полную лояльность Берлину, и как стратегически, так и экономически объективно способствовал успехам вермахта на Западе. Быстрый разгром Польши и, особенно, поражение Франции, первоклассной военной державы, и выход немецких танковых корпусов к Ла-Маншу вызвало шок в Кремле. Сталин серьёзно просчитался в своих оценках перспектив развития военной ситуации в Европе, будучи уверенным, что война примет затяжной, позиционный характер по примеру Первой мировой. Ему понадобилось время, чтобы понять, что в военном деле произошёл коренной переворот в связи с прогрессом техники, о котором говорил ему репрессированный в 1937 году маршал Тухачевский.

Эпоха позиционных войн осталась в прошлом, чего не смогли понять французы, надеявшиеся отсидеться за «неприступной линией Мажино» и измотать немцев в оборонительных боях. Наступило время «молниеносных войн», стремительных танковых прорывов при поддержке авиации с целью окружения и разгрома противника. Стратегическая обстановка кардинально изменилась. Надеявшийся продиктовать свою волю воюющим империалистическим державам по мере их ослабления, Сталин сам оказался в положении полуофициального союзника Гитлера по «переустройству» европейского территориального пространства. СССР потерял свободу манёвра, теперь его судьба зависела от планов Гитлера и его верности взятым обязательствам. То, что казалось верхом дипломатического искусства, обернулось серьёзнейшим стратегическим просчётом, породившим длинную цепь больших и малых ошибок. Начался прямой отсчёт времени к 22 июня 1941 года.

У американцев есть поговорка: «when in a hole, stop digging» (если оказался в яме, кончай копать). У нас тоже хватает народной мудрости на ту же тему. Однако бывает проще сказать, чем сделать. Когда события набирают инерцию и приобретают лавинообразный характер, изменить их ход бывает очень непросто. Политик оказывается заложником событий, а не их творцом. Особенно, когда речь идёт о верных выводах из ложных предпосылок. Чем увереннее чувствовал себя Гитлер на пике побед германского оружия, тем растеряннее и двусмысленнее выглядела внешнеполитическая линия Кремля. Сталин всё больше оказывался пленником своих логических умозаключений, в основе которых лежали рациональные мотивы. Ему казалось, что Гитлеру было куда выгоднее продолжать кооперироваться с СССР в вопросах европейской и мировой политики, чем воевать против него, даже если это означало новую, более крупную сделку о разделе сфер влияния. Правда, неясно, было ли это с советской стороны всего лишь тактическим ходом с целью оттянуть время, или чем-то более серьёзным и обязывающим. Во всяком случае, находясь с визитом в Берлине осенью 1940 года, Молотов, следуя сталинским инструкциям, сдержанно отнёсся к немецким предложениям сконцентрироваться «на южном направлении», т. е. в сторону Индийского океана, сфере непосредственных интересов Великобритании. Советская осторожность в этом вопросе, спустя совсем короткое время, облегчила задачу наладить боевое взаимодействие с англичанами.

Но Гитлер руководствовался собственной логикой, которая Сталину с его рациональным умом была, видимо, недоступна. Большое место в ней занимала идеологическая одержимость с элементами мистицизма и даже оккультизма, культивировавшая оголтелый антикоммунизм, расизм, чувство превосходства над славянскими народами, идею «жизненного пространства», планы мирового господства. Вполне вероятно, что Сталин до конца не понимал, что имеет дело с политическим авантюристом, и приписывал Гитлеру качества рационального политика, которыми тот попросту не обладал. Если многим в окружении Гитлера, особенно из числа военных, война против Советского Союза казалась «чистым безумием»[1], то сам Гитлер был склонен рассматривать её в идеологических тонах как «крестовый поход» Запада против большевизма. Поэтому стратегический просчёт Сталина, стоивший Советскому Союзу больших жертв, заключался, прежде всего, в неспособности трезво оценить подлинные мотивы принятия решений в Берлине, что в свою очередь привело к роковой ошибке в определении сроков начала войны.

В одной коалиции:
Тегеранская конференция

Если до начала Великой Отечественной войны в период действия советско-германского пакта о ненападении и связанных с ним закулисных сделок на дипломатической авансцене более известна была фигура главы советского правительства Молотова, то с началом нового периода главным дипломатом становится сам Сталин. Он сам принимает послов союзных держав, ведёт ответственные переговоры, участвует в конференциях «большой тройки» руководителей стран антигитлеровской коалиции СССР, США и Великобритании. Он крепко держит в своих руках все нити дипломатических переговоров и определяет их повестку дня. Возникает такой уникальный канал связи и поддержания тесных отношений между тройкой лидеров Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем, как переписка между ними военного времени часто «напрямую» через головы внешнеполитических ведомств и посольств, носившая характер доверительного обмена мнениями по ключевым вопросам ведения войны и организации послевоенного мира.

Характер сталинских посланий, многие из которых были написаны им собственноручно или подверглись его основательной правке, позволяют судить о его осведомлённости, знании предмета и психологии своих партнёров, настойчивости в постановке и отстаивании целей. Его политический лексикон отличает лаконичность, чёткое формулирование мыслей, а нередко и чисто русская прямолинейность. Особенно это бросалось в глаза на фоне многословных, витиеватых и малосодержательных посланий Черчилля и весьма уклончивых и безукоризненно вежливых по форме посланий Рузвельта. В отдельных случаях, когда оказывались затронуты интересы СССР, особенно в вопросе открытия второго фронта или поставок по ленд-лизу, Сталин мог, что называется, «рубить с плеча», предпочитая ясность дипломатической недосказанности в отношениях с союзниками. Это нередко давало положительный эффект, хотя и оставляло у западных союзников, судя по их двусторонним обменам, известный осадок от «брутальности» сталинского натиска и отсутствия привычной западной «политкорректности».

К моменту первой встречи в верхах в Тегеране (1943 г.) в Лондоне и в Вашингтоне имелось уже достаточно опыта общения американских и английских представителей с главой Советского правительства, чтобы судить о его дипломатическом стиле и манере вести переговоры. Для президента Рузвельта важное значение имел визит в Москву в июле 1941 года его ближайшего помощника и друга Гарри Гопкинса, который после тесного общения со Сталиным и в разрез с информацией американского посольства развеял охватившие Вашингтон страхи, что дни Советского Союза были «сочтены». Гопкинс увидел уверенного в своих силах лидера, чьи слова о том, что война в России для немцев не будет прогулкой по бульварам Франции, произвели на него неизгладимое впечатление. С его слов и под влиянием его впечатлений «из первых рук» в Кремле Рузвельту стало ясно, что война на востоке принимает затяжной характер и что судьба России находилась в твёрдых руках.

Эта информация помогла Рузвельту лучше понять, что оказание помощи России означало, как стали говорить в Вашингтоне, чувствуя настроение президента, оказание помощи «самим себе». Именно с таким настроением отправился в Россию в сентябре 1941 года в качестве спецпредставителя президента по следам Гопкинса другой единомышленник Рузвельта и будущий посол США в Москве Аверелл Гарриман для участия в первой трёхсторонней межсоюзнической конференции по вопросам организации военных поставок СССР, когда немцы готовились к штурму Москвы. Гарриман не был кадровым дипломатом, он был успешным бизнесменом — финансистом, наследником крупного состояния и владельцем большой собственности в Европе, особенно в оккупированной гитлеровцами Польше. Так что война с Гитлером носила для него в известном смысле личный характер. Его отец строил в XIX веке железные дороги на западном побережье США и передал сыну вместе с состоянием своё умение разбираться в людях. Сталин знал ещё до войны посланца Рузвельта и называл его «наш человек из Чиатура» с намёком на принадлежащую Гарриману в годы НЭПа марганцевую концессию в Грузии, которая, впрочем, не принесла своему владельцу больших дивидендов.

И снова Сталин, учитывая ответственность момента, взял дело в свои руки и лично вёл переговоры с представителями союзников, несмотря на их сравнительно скромный ранг и напряжённую ситуацию на фронте. В его глазах создание и укрепление антигитлеровской коалиции имело ключевое значение для преодоления чувства одиночества у советского народа и подъёма боевого духа Красной Армии. На том этапе военные

поставки сами по себе ещё не имели большой практической пользы и скорее давали мощный пропагандистский эффект. И вновь перед союзниками предстал уверенный в силах своего государства и его армии руководитель, который явно стремился заразить этой уверенностью своих собеседников.

Переговоры, по существу, начались сразу же по прибытии американской и английской делегаций в Москву 28 сентября. В тот же вечер их руководителей принял в Кремле глава Советского правительства. «Первая встреча была отмечена большим откровением со стороны Сталина,» — отмечал Гарриман. — «Он обрисовал в деталях военное положение, не скрывая, что оно было критическим. Сталин подчеркнул жизненную важность любой ценой удержать Москву».

А. Гарриман не хотел спешить с заявкой и считал, что следует узнать как можно больше из бесед с советскими руководителями. Эта тактика сразу же негативно сказалась на ходе переговоров. Не удивительно, что следующая встреча с главой Советского правительства, состоявшаяся вечером 29 сентября, проходила совсем в иной атмосфере. «Второй вечер,» — вспоминал Гарриман, — «был очень бурным. Сталин не скрывал того, что он крайне неудовлетворен нашими предложениями. Казалось, он ставил под сомнение нашу добрую волю».

Этот жёсткий разговор оказал отрезвляющее воздействие на представителей США и Великобритании, которые отказались от тактики затягивания переговоров и предприняли шаги навстречу Советскому Союзу. В результате были согласованы основные статьи протокола поставок Советскому Союзу и 1 октября протокол был подписан участниками конференции. Как признавал позднее А. Гарриман, это решение было «всего-навсего осознанием американских эгоистических интересов».

Важно отметить большое чувство достоинства, с каким вёл переговоры Сталин, никогда не опускаясь до роли униженного просителя даже в тот момент, когда судьба Советского Союза висела на волоске. Как военный руководитель и дипломат в одном лице он хорошо понимал, что имел дело с опытными государственными деятелями, воспитанными в школе реальной политики, где веками действовал принцип «бесплатный сыр бывает только в мышеловке». Особенно этим недальновидным поведением, когда решалась судьба не только СССР, но и всего человечества, отличался Черчилль, который в отношениях с Советским Союзом часто не мог переступить через свою антипатию к коммунизму и к России в целом в духе вековых традиций британской внешней политики. Большей гибкостью и дальновидностью, в глазах советского руководителя, отличался президент США Рузвельт, который за деталями старался не терять из виду главных целей в войне и нередко шёл навстречу Сталину, хотя и проявлял при этом большую непоследовательность и колебания. Примером являлись переговоры об открытии второго фронта в Европе, которые всерьёз начались после вступления США во Вторую мировую войну в декабре 1941 года и начала советского контрнаступления под Москвой, сорвавшего самонадеянные планы гитлеровского «блицкрига».

Не вдаваясь здесь во все перипетии этой борьбы, растянувшейся почти на два самых трудных для советского народа года, следует сказать, что она обнажила скрытые пружины взаимоотношений государств даже тогда, когда они являлись союзниками или, как тогда говорили, «товарищами по оружию» и продемонстрировала особенности дипломатического стиля их руководителей. Иногда складывается впечатление, что Сталина в ходе многочисленных раундов этих переговоров отличала известная прямолинейность, наивность и даже доверчивость в отношении своих более искушённых в дипломатических интригах партнёров. Действительно ему хотелось верить, что взятые союзниками обязательства будут исполнены. Скорее всего, ему было обидно, что его обманывали столько раз, когда он мало что мог сделать, чтобы отстоять свои интересы. Но он никогда не давал волю своим чувствам и понимал, что дипломатия мало что могла сделать, пока своё веское слово не сказала Красная армия. Вполне вероятно, что, будучи узником закрытого общества, он до конца не понимал всей глубины и своекорыстия дипломатической тактики западных союзников, вобравшей в себя многовековой опыт буржуазной дипломатии, исходившей из того, что не было постоянных союзников и друзей, а постоянными могли быть только интересы. Но, как уже говорилось, Сталин был хорошим учеником и недобросовестность союзников оставила глубокий след в его памяти, не способствуя росту доверия к ним.

Дело в том, что Москва принимала за чистую монету обещания и никак не могла поверить в то, что государственные мужи такого калибра, как Рузвельт и Черчилль, были способны

вести двойную игру и успокаивать Советское правительство заведомо ложными обещаниями или, как любили говорить французские дипломаты на Кэ д'Орсе, «смазывать губы» партнёру. Да и как было не поверить, когда, например, 11 апреля 1942 г., вручив советнику посольства СССР А. А. Громыко своё личное послание Сталину, президент Рузвельт на словах добавил, что он, «как и Сталин, является реалистом и хочет предпринять конкретные шаги для того, чтобы оттянуть часть сил Гитлера с советского фронта», и что, по его мнению, «это можно сделать летом этого года, не откладывая». Причём, когда по прямому поручению своего правительства Громыко через день уточнил лично у Рузвельта место намеченной высадки, то получил вполне определённый ответ: «во Франции», чего и добивалось от союзников Советское правительство.

Это обязательство, как известно, было сорвано, впрочем, как и многие последующие, и Рузвельт, уйдя в тень, предоставил объясняться с главой Советского правительства Черчиллю, который, видимо, меньше дорожил своей репутацией или считал, что в тот момент (ещё до Сталинградской битвы и начала коренного перелома в войне) с Советским Союзом можно было особенно не церемониться. Правда, сопровождать британского премьера в его поездке в Москву в августе 1942 г. Рузвельт поручил своему доверенному лицу — Гарриману, чтобы тот смог отследить реакцию «дяди Джо», как между собой уже начали фамильярно именовать Сталина два англосакса, и в случае накала страстей, не допустить открытого дипломатического скандала.

Первый приём в Кремле не оставил никаких сомнений у гостей, какие чувства испытывали советские руководители по поводу нелояльности западных союзников в ответственный для исхода всей Второй мировой войны момент. В переданном им с советской стороны меморандуме указывалось, что отказ Великобритании и США от своих обязательств значительно осложнил положение Красной Армии и нанёс ущерб планам советского командования. По сути дела, Советский Союз вновь был оставлен один на один с общим врагом. Как сообщил в Белый дом Гарриман, первый вечер в Кремле «был очень бурным». Сталин умел, когда надо, дать почувствовать партнёрам своё возмущение. Черчилль в свойственной ему безапелляционной манере отверг эти обвинения и в ответном меморандуме официально уведомил об отказе открыть второй фронт в 1942 г., пообещав вторгнуться в Европу весной 1943 г. силами 27 американских и 21 английских дивизий. В отель гости вернулись удручённые услышанным в Кремле.

По существу Советское правительство мало что могло сделать в тот момент, чтобы повлиять на решения западных союзников, Поэтому, судя по трём записям бесед в Кремле от 12,13 и 15 августа, Сталин не стал нагнетать обстановку и, высказавшись «без дипломатии», начистоту, предпочёл не заострять разногласия. Приходилось делать хорошую мину, так как открытый разлад был бы только на руку Берлину. Осадок, и немалый, конечно, остался и лишний раз подтвердил хорошо известную истину, что здравый смысл в политике побеждал далеко не всегда. А вот в какой степени проявленная союзниками недобросовестность скажется на доверии к ним Сталина при решении других вопросов, тогда ещё никто сказать не мог.

Погружённость в военные дела во время Сталинградского сражения, обозначившего коренной водораздел в истории всей Второй мировой войны, несколько охладила интерес в Москве к отношениям с западными союзниками. Получив первый негативный опыт как в вопросе открытия второго фронта, так и признания советских довоенных границ, Сталин придерживался осторожной дипломатической тактики и не торопил события, уклоняясь под разными предлогами от предложений союзников провести встречу в верхах в двустороннем или трёхстороннем формате. Особенно настойчиво добивался такой встречи «с глазу на глаз» президент Рузвельт, который считал, что ему будет легче договориться с советским лидером без присутствия Черчилля. Однако Сталин считал, что время для такой встречи ещё не созрело без выполнения союзниками ряда предварительных условий и поворота хода войны в пользу СССР. Получив предметный урок, ему явно вновь не хотелось выступать в отношениях с союзниками с позиций слабости.

Благоприятный момент наступил после победы советского оружия в Орловско-Курском сражении летом 1943 г. и завершения коренного перелома в войне. Международные позиции СССР заметно укрепились, чётко обозначились перспективы разгрома гитлеровской Германии и её союзников. В полный рост вставал вопрос о послевоенном устройстве мира, который очень волновал президента Рузвельта. Он понимал, что без положительного решения вопроса об открытии второго фронта Сталин не будет двигаться вперёд. Кроме того, американцы, в отличие от

англичан, боялись «опоздать в Европу» и упустить плоды победы. Становилось ясно, что придётся увязать воедино вопросы военной стратегии и послевоенного мира. Сталина такой подход устраивал и он дал согласие на проведение в Москве, что само по себе было символично и явилось признанием заслуг Советского Союза в войне, конференции министров иностранных дел трёх союзных держав — СССР, США и Великобритании в октябре 1943 г. Речь шла об уяснении серьёзности намерений союзников пойти навстречу интересам СССР перед встречей «большой тройки».

Как известно, Московская конференция явилась вполне успешной дипломатической встречей, в предварительном порядке положительно ответившая на волновавший Советское правительство вопрос и во многом прояснившая ближайшие планы Лондона и Вашингтона. В течение всех дней её работы Сталин внимательно следил за её ходом и регулярно инструктировал главу НКИД Молотова. К тому времени он уже почувствовал, что по мере приближения конца войны расширялась зона англо-американских разногласий по ключевым вопросам послевоенного устройства, на время затихших в момент общей смертельной опасности. В центре находился вопрос о «демократическом переустройстве мира», под которым Рузвельт понимал процесс деколонизации в ущерб британским имперским интересам[2]. Сталин видел возможность воспользоваться этими разногласиями к выгоде СССР. Ленинская наука об использовании межимпериалистических противоречий не выходила у него из головы. Он также не оставил без внимания озвученные на конференции предложения американцев принять участие в послевоенном восстановлении СССР. Но всё это имело смысл лишь в случае решения ключевого вопроса — о втором фронте. Глава американской делегации К. Хэлл отмечал в своих мемуарах: «Ясно было, что для того, чтобы склонить Сталина к соглашению с нами о политических решениях, нам нужно сначала дать ему полное заверение в вопросе о военной стратегии».

Московская конференция ускорила выдвижение Советским правительством широкой программы послевоенного мироустройства. Эта программа бала изложена в докладе Сталина 6 ноября 1943 г. по случаю XXIV годовщины Октябрьской революции. Едва ли даже самый придирчивый западный советолог мог разглядеть в этой программе «классовое острие» или планы по «советизации» Европы. Скорее это был общедемократический документ, под содержанием которого вполне мог бы подписаться любой буржуазный политик. Не случайно, именно в это время в Кремле было принято решение о роспуске Коминтерна, ослаблении ограничений на свободу религии и установлении диалога с русской православной церковью, что ясно говорило об определённой «смене вех» в советской внешней политике, уточнении её приоритетов и об охлаждении интереса к «мировой коммунистической революции».

Скорее всего, на том этапе Сталин, возможно, несколько идеализируя будущее, исходил из того, что удастся найти некую магическую формулу, некий «модус операнди» в отношениях с западными союзниками, невзирая на идеологические различия и нередко противоположные геополитические интересы. Разумеется, даже ближайшее будущее было в тумане и никто и с приблизительной долей определенности не мог сказать как далеко смогут зайти стороны в сближении друг с другом ценой отказа хотя бы от части своих классовых или национальных интересов во имя более широких целей. В конце концов, политик всегда был и есть заложник своей среды и обстоятельств и действует в строго определённых рамках. Тем более, что далеко не всё зависело от намерений и политики Кремля.

Московская конференция проложила дорогу саммиту «большой тройки». Оставалось лишь договориться в отношении места встречи. Неожиданно этот, казалось бы, второстепенный вопрос вышел на уровень большой политики. Испытывая боязнь к авиаперелётам, свойственную многим людям его поколения, Сталин предложил остановиться на Тегеране, откуда легко было поддерживать устойчивый контакт с Москвой и где имелись представительства всех трех государств. В свою очередь, Рузвельт настойчиво предлагал различные пункты в Северной Африке и на Ближнем и Среднем Востоке. Самолюбие не позволяло президенту принять советское предложение и проделать к месту встречи значительно большую часть пути, хотя он ссылался при этом на свои «конституционные обязанности». Началась борьба персональных амбиций, в которой сталинские позиции оказались сильнее. 5 ноября глава Советского правительства делает рискованный шаг и предлагает направить на переговоры Молотова. В этом случае, как сообщал он, могли бы отпасть затруднения, связанные с выбором места встречи. Это окончательно ре-

шило исход дела. Рузвельт, возлагавший особые надежды на личную встречу со Сталиным, счел необходимым отбросить соображения престижного характера и согласился прибыть в Тегеран к концу ноября.

Отправляясь в Тегеран, Рузвельт хорошо знал о бескомпромиссном настроении в Москве в отношении второго фронта. Поэтому все попытки Черчилля его поколебать по дороге в Тегеран на англо-американской встрече в Каире и пробудить интерес к операциям на Балканах успеха не имели. Во время совещания 19 ноября с американскими начальниками штабов на борту линкора «Айова» по пути в Каир президент указал на необходимость употребить все усилия, чтобы вместе с Англией оккупировать большую часть Европы и первыми вступить в Берлин. Английские интересы на том этапе разошлись с американскими.

В Тегеране Рузвельт по приглашению Сталина остановился в одном из особняков на территории советского посольства, расположенного поблизости от посольства Великобритании. Так было безопаснее: американское посольство находилось в другом конце иранской столицы, а в городе перед встречей «большой тройки» подняла голову гитлеровская агентура, имелись сведения о готовящихся диверсиях, покушениях и провокациях. Позднее Рузвельт рассказывал в близком кругу, что этим шагом он хотел продемонстрировать свое «абсолютное доверие» к русским и стремление с первой же встречи установить с ними дружеские отношения.

На Тегеранской конференции, проходившей с 28 ноября по 1 декабря 1943 г., развернулась острая дипломатическая дискуссия вокруг второго фронта, тон в которой попытался задать Черчилль. Глава советской делегации отвёл все попытки подменить операцию «Оверлорд» действиями на Балканах. Он настойчиво добивался согласования точной даты высадки англо-американских войск во Франции и назначения главнокомандующего, призванного нести персональную ответственность за успех операции. «Мы, русские, ограничены сроком пребывания в Тегеране. Мы могли бы пробыть здесь в течение 1 декабря, но 2-го мы должны уехать»[3], — многозначительно заявил Сталин в конце второго заседания конференции вечером 29 ноября. Это был сильный дипломатический ход, который ясно дал понять союзникам, что время проволочек кончилось и что терпеть их дипломатическую игру советский союзник не собирался.

В секретных военных решениях Тегеранской конференции было записано, что операция «Оверлорд» будет предпринята в течение мая 1944 года вместе с операцией против Южной Франции и что советские войска начнут наступление примерно в это же время с целью предотвратить переброску германских сил с Восточного на Западный фронт.

Тегеранская конференция вошла в историю не только принятыми военными решениями, но и тем, что ее участники обменялись взглядами по ряду важных послевоенных проблем. Чувствовалось, что «вопрос о будущем устройстве мира», как говорил Рузвельт, занимал все его мысли. Ему большей частью и принадлежала инициатива в их постановке. Глава советской делегации, проявляя известную сдержанность, на том этапе война была еще в полном разгаре, тем не менее, не отказывался обсуждать эти вопросы в предварительном порядке. Советская делегация в Тегеране получила достаточно полное представление о позиции Соединенных Штатов на ближайшее будущее.

Вырисовывалась значительная область советско-американского согласия. Именно после Тегерана Рузвельт стал ещё больше расходиться с Черчиллем, обеспокоенного судьбой британской империи и восстановлением довоенного европейского «равновесия». По ряду ключевых политических проблем позиции СССР и США были близки или совпадали. Это касалось вопросов создания международной организации безопасности, деколонизации, учреждения механизма опеки или попечительства, разоружения побежденных государств, предотвращения новой агрессии со стороны Германии и др. В то же время стороны разошлись в отношении будущего Германии. Советская сторона не поддержала американских планов ее расчленения, выдвигавшихся Хэллом еще на Московской конференции министров иностранных дел, считая, что этот вопрос нуждается в более глубоком изучении.

Обозначились также реальные контуры развития делового сотрудничества между СССР и США в послевоенное время на взаимовыгодной основе. Американская сторона придавала этому вопросу большое значение в качестве рычага длительного воздействия на СССР. Об участии США в восстановлении советской экономики шла речь между президентом, Гопкинсом и Гарриманом во время почти семичасового перелета из Каира в Тегеран. Рузвельт привлек

внимание посла к важности этого вопроса и поручил не упускать его из виду.

Примечательно, что свою первую беседу с главой Советского правительства в Тегеране 28 ноября президент начал именно с обсуждения этих перспективных вопросов, предложив передать Советскому Союзу после войны часть американского торгового флота. Его собеседник ответил, что «Россия будет представлять собою после войны большой рынок для Соединенных Штатов». Рузвельт на это заявил, что американцам потребуется большое количество сырья, поэтому он думает, что между двумя странами будут существовать тесные торговые связи. Сталин заметил, что «если американцы будут поставлять нам оборудование, то мы им сможем поставлять сырье».

Сложнее обстояло дело с вопросами, затрагивающими интересы безопасности СССР, прежде всего признание западными союзниками легитимность его довоенных границ. Американская позиция при обсуждении их в Тегеране оставалась двусмысленной, если не сказать не дружественной Советскому Союзу. Президент хорошо понимал, что США, в конце концов, будут вынуждены уступить, но, будучи политиком до мозга костей, рассчитывал как следует поторговаться. Похоже, что, выложив на стол конференции «козырь» второго фронта, он спешил обзавестись новым. Нехитрая, и старая как мир философия «quid pro quo», а по-русски говоря, «баш на баш» была близка американскому политику. Отсюда и попытки Рузвельта в беседе с главой советской делегации поставить под сомнение легитимность советской западной границы, взять под защиту эмигрантские круги, враждебно настроенные к СССР и т. д.

В целом первая «проба сил» участников коалиции закончилась на позитивной ноте. За одним столом собрались выдающиеся личности, которые быстро оценили друг друга и продемонстрировали умение находить общий язык. Было видно, что «игра ума» явно доставляла им удовольствие и они получали удовлетворение от общения друг с другом. Если Черчилль уже имел представление о стиле Сталина и его неторопливой манере вести переговоры, то Рузвельту пришлось «на ходу» приспосабливаться к советскому лидеру и неожиданным поворотам его мысли. Личное знакомство со Сталиным в Тегеране несколько поубавило его самоуверенность и настроило на деловой лад.

Вот как описывал впечатления американцев от первого знакомства со Сталиным член делегации, близкий к Рузвельту адмирал Леги: «Мы сразу почувствовали, что имеем дело с исключительно умным человеком, который убедительно говорил и был преисполнен решимости добиться того, что он хотел для России. Подход маршала к нашим общим проблемам был прямым, доброжелательным и учитывающим точки зрения его двух коллег до тех пор, пока один из них не выдвигал какую-либо идею, которую Сталин считал неприемлемой с точки зрения советских интересов. В таких случаях он мог говорить правду в глаза вплоть до колкостей»[4].

Что касается Сталина, то общение через переводчика с западными коллегами по переговорам не мешало ему чувствовать себя комфортно и уверенно, за исключением, пожалуй, отдельных случаев соблюдения светского протокола, когда изъяны в воспитании давали себя знать. Да и где было профессиональному революционеру родом из бедной грузинской семьи, прошедшему школу тюрем и ссылок, тягаться с выходцем из кругов родовой американской аристократии «долины Гудзона» или потомком герцогов Мальборо. Память советских очевидцев, по понятным соображением связанных «железной клятвой» много лет, сохранила, как 30 ноября в Тегеране отмечали день рождения Черчилля. Ему исполнилось 69 лет, и по возрасту он был старше своих коллег. Сталин, как заметили члены советской делегации, явно чувствовал себя не в своей тарелке. Стол был накрыт в лучших традициях английской аристократии с бесчисленным количеством приборов и фирменной посуды, и это выбивало из привычной колеи склонного к аскетизму и «не кончавшего академий» советского вождя. В остальном он чувствовал себя вполне «на равных» со своими новыми партнёрами, а в чём-то, как показали ближайшие события, и превосходил их.

Ялтинская конференция

Если Тегеран был первой встречей «большой тройки», то Крымская или Ялтинская конференция, состоявшаяся 4–11 февраля 1945 года, стала апофеозом сотрудничества трёх великих держав в годы Второй мировой войны. Ей предшествовали драматические события на фронте, связанные с изгнанием захватчиков с территории СССР и освобождением Красной Армией народов Европы от фашизма вместе с начавшейся высадкой на континенте 6 июня 1944 года в соответствии

с тегеранскими договорённостями англо-американских войск. В центре межсоюзнических отношений неизбежно должен был оказаться вопрос об организации послевоенной жизни освобождённых народов Европы.

Можно попробовать реконструировать ход мыслей Сталина в тот сложный период в отношении развития ситуации в Восточной Европе и политики СССР, отталкиваясь от имеющихся архивных документов и свидетельств очевидцев и участников событий. По условиям перемирия с бывшими союзниками Германии и в связи с военной необходимостью в целом Восточную Европу заняли советские войска. Оказало ли их присутствие влияние на вектор дальнейшего развития освобождённых стран? Существует упрощённый, если не сказать циничный, взгляд: мол, «чьи войска, тот и порядок» или, как говорили в средние века в эпоху религиозных войн, «чья сила, того и религия». Примером служит, например, освобождённая англо-американскими войсками Италия, где велико было влияние левых сил, а маятник всё-таки качнулся в сторону буржуазной реставрации. Спору нет, присутствие иностранных войск всегда было важным ресурсом для родственных по природе и близких по духу внутренних сил. Достаточно вспомнить, кто вернул во Францию власть Бурбонов после наполеоновских войн. Не была исключением и Восточная Европа на заключительном этапе Второй мировой войны.

Присутствие Красной армии — армии социалистического государства, бесспорно, сказалось на внутреннем раскладе сил. Но главное заключалось в том, что в Европе в целом ещё накануне войны произошёл глубокий раскол элит (режим Виши и де Голль, Чемберлен и Черчилль и т. д.) и возник непримиримый конфликт между властью и народом. Вся Европа и, прежде всего, Восточная, исторически более склонная к оппортунизму, соглашательству, была поражена страшной довоенной болезнью — коллаборационизмом, тягой правящих кругов к установлению фашистских порядков. Ответственность элит перед народом за роковой выбор, обернувшийся национальной катастрофой, была велика. Не важно, уступили ли они нацистам свой суверенитет без борьбы (как Бенеш в Чехословакии) или по своей воле и в своих классовых интересах (как в Венгрии или в Румынии) пошли на сговор с ними и приняли на их стороне участие в преступной войне.

Повсеместный рост левых сил был закономерной реакцией на глубокий общественно-политический кризис в Европе и провал довоенной политики правящих кругов. Никто не может сказать, как выглядела бы ситуация в «стерильном виде», без влияния внешних факторов с той и другой стороны. В истории так не бывает. Вопрос в другом: в какой степени действия Советского Союза носили сознательно-преобразовательный характер или в большей степени были ответной реакцией на политику внешних сил?

Острым политическим вопросом в отношениях с западными союзниками грозил стать вопрос о возвращении к власти лиц, скомпрометировавших себя сотрудничеством с нацистами или их приспешниками и настроенными откровенно антисоветски. Как показывал опыт обустройства послевоенной жизни в Северной Африке, Италии или во Франции, союзники не видели большого греха в том, чтобы привлечь к управлению бывших коллаборационистов и прямых пособников фашистов, заинтересованных в восстановлении довоенных порядков, ссылаясь на нехватку «квалифицированных кадров». Это, естественно, не могло не вызывать протест левых и антифашистских сил, борцов движения сопротивления, в том числе коммунистов. Советские власти не могли на это смотреть сквозь пальцы, поскольку это противоречило всей логике войны с фашизмом и понесённым во имя победы в ней жертвам. В результате возникало объективное противоречие, которое вносило элементы раздора в межсоюзнические отношения.

Сталин хорошо понимал, что ситуация в освобожденной Восточной Европе носила кризисный, противоречивый и взрывоопасный характер и могла осложнить союзнические отношения, а поэтому искал пути к сглаживанию противоречий. Какое-то время казалось, что ответ можно было найти в старой как мир и не раз осуждённой как империалистической концепции «сфер влияния». Рожденным в XIX веке политикам была близка классическая «реал-политик», хотя на словах, особенно президент Рузвельт, они оперировали лозунгами демократии и свободы выбора. Инициативу взял на себя прагматичный Черчилль, когда в октябре 1944 года напросился на визит в Москву. Предполагая, о чём может идти речь, Рузвельт предусмотрительно дистанцировался от этого визита и расценил его как сугубо предварительный перед новой встречей «большой тройки». При этом, по подсказке Гопкинса, президент на всякий случай напомнил своим партнёрам, что не было такого вопроса в этой войне, который бы не интересовал США как

«глобальную державу». Пожалуй, это был первый случай, когда США открыто заявили о своих глобальных претензиях в послевоенном мире, который незадолго до этого издатель Генри Люс уже окрестил «американским веком».

Черчилль, действительно, привёз в Москву, как он откровенно выразился, довольно «грязный» документ, который ни много, ни мало являлся отчаянной попыткой британской дипломатии, выступавшей с позиций слабости, полюбовно договориться с Советским правительством о «сферах влияния» в освобожденных странах Восточной Европы. Правда, одному Богу было известно, как можно было на практике соблюсти процентные соотношения, «сфер влияния», предложенные Черчиллем в отношении Югославии, Венгрии, Румынии, Болгарии и Греции, не говоря уже о такой «мелочи», как пренебрежение волей самих народов.

Однако хранящиеся в советских архивах записи бесед Черчилля и Идена со Сталиным и Молотовым дают основания судить, что советские руководители, склонные мыслить конкретными, если не сказать, безнравственными в духе того времени, категориями, как показал ещё советско-германский «секретный протокол», в целом восприняли благосклонно неуклюжую арифметику британского премьера. Вполне вероятно, они видели в этом практическую возможность избежать конфликтов с союзниками на заключительном этапе войны и в послевоенное время. В конце концов, удалось же союзникам заранее договориться о зонах оккупации в Германии и тем самым не допустить неконтролируемого развития событий на завершающем этапе войны.

Записи советско-английских бесед в Москве дают возможность почувствовать щекотливость момента и выставляют Черчилля — страстного обличителя довоенного сговора Сталина и Гитлера как инициатора новой сделки за спиной народов. В то же время сам факт обсуждения такой сделки, какими бы мотивами Кремль не руководствовался, не красит советских лидеров. Может быть, поэтому реакция Сталина была в чём-то двусмысленной или, что называется, согласием «по умолчанию», что дало повод для прямо противоположных интерпретаций с той поры его позиции как зарубежными, так и отечественными историками.

Одни считали, что поставленная на английском документе «кремлёвским горцем» синяя птичка свидетельствовала о его согласии с Черчиллем, другие столь же эмоционально это отрицали. Скорее всего, Сталин не верил, что можно было подменить искусственной «политической инженерией» реальный политический процесс и уступал натиску Черчилля под давлением обстоятельств, памятуя в то же время об осторожной позиции, занятой Рузвельтом. В конце концов, не будем забывать, что инициатива в постановке этого вопроса принадлежала англичанам, а отказ с советской стороны «полюбовно» договориться в контексте неудержимого наступления Красной Армии мог легко создать ложное впечатление в столицах союзных держав, что победитель намеревался «получить всё». Само собой разумеется, что эта группа вопросов, наряду с другими проблемами послевоенного мироустройства, оказалась в центре внимания участников Ялтинской конференции.

Как ясно следует из опубликованных ещё МИД СССР архивных документов, место проведения конференции было предложено американской стороной, а не «навязано Сталиным» больному Рузвельту, как по сей день утверждают некоторые западные авторы. 13 октября 1944 года Г. Гопкинс в беседе с советским послом А. А. Громыко заявил, что «по его мнению, Рузвельт для встречи мог бы прибыть на военном корабле в Черное море». Как сообщал в НКИД посол, «Гопкинс допускает, что встреча могла бы состояться где-либо на советском черноморском побережье». 27 декабря назначенный к тому времени американским послом в Москве А. Гарриман информировал Советское правительство о согласии Рузвельта прибыть в Крым к началу февраля. С советской стороны было выражено удовлетворение в связи с этим решением.

Не преуменьшая имеющиеся разногласия, в Москве в то же время были уверены, что их удастся преодолеть. 19 октября 1944 года Сталин сообщал в Вашингтон об итогах своих переговоров с Черчиллем: «В беседах выяснилось, что мы без больших трудностей можем согласовать нашу политику по всем вставшим перед нами важным вопросам, а если мы и не можем еще обеспечить немедленное нужное решение той или иной задачи, как, например, по польскому вопросу, то, тем не менее, и здесь открываются более благоприятные перспективы. Я надеюсь на то, что эти московские беседы принесут пользу и в том отношении, что при будущей встрече нас троих мы сможем принять определенные решения по всем неотложным вопросам, представляющим для нас общий интерес»[5].

Выступая в ореоле победителя, Сталин прибыл в Ялту, чтобы договориться со своими

партнёрами и в этих целях был готов пойти на значительные уступки, не жертвуя, разумеется, коренными интересами Советского государства. В последние месяцы доядерного века он исходил из того, что помощь Советского Союза была нужна союзникам как в Европе, так и на Дальнем Востоке и что без активной роли СССР нельзя было заложить прочные основы системы послевоенной безопасности. Из головы Сталина не выходили колоссальные масштабы разрушений в результате гитлеровской агрессии, и он на том этапе очень рассчитывал на американскую помощь в деле послевоенного восстановления СССР. К числу вопросов, по которым «торг был неуместен», относились вопросы безопасности СССР, признания его послевоенных границ, ликвидации довоенного «санитарного кордона» и создания пояса дружественных соседних государств.

Что касается партнеров Советского Союза по переговорам, то их цели определялись сложным переплетением национальных интересов и достаточно трезвой оценкой собственных возможностей в сложившейся обстановке. В одном американском исследовании, например, отмечается, что у Рузвельта были две крупные цели: окончательно добиться советских обязательств о вступлении в войну на Дальнем Востоке и получить от Сталина окончательное согласие на создание Организации Объединенных Наций. Среди главных задач Черчилля, как подчеркивается в исследовании, было сохранение Британской империи «наряду с обеспечением устойчивого баланса сил на Европейском континенте путем возрождения Франции и Германии в качестве мощного противовеса Советскому Союзу»[6].

Главной проблемой оставалась германская. Участники конференции подписались под заявлением, в котором, в частности, говорилось: «Нашей непреклонной целью является уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантий в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушить мир всего мира». На основе рекомендаций Европейской консультативной комиссии (ЕКК) был окончательно решен вопрос о зонах оккупации Германии.

Судя по имеющимся документам, на том этапе в Кремле оперировали формулой «дружественные правительства» освобождённых государств, что, прежде всего, должно было положить конец возрождению в Восточной Европе былого «санитарного кордона» и способствовать установлению добрососедских отношений со странами, волею трагических обстоятельств втянутыми в водоворот войны и оказавшихся в орбите гитлеровской Германии. Была достигнута договоренность о признании западных границ СССР. США и Англии пришлось безоговорочно признать советско-польскую границу, как она сложилась до начала Великой Отечественной войны. В решениях Ялтинской конференции было записано: «…Восточная граница Польши должна идти вдоль линии Керзона с отступлениями от нее в некоторых районах от пяти до восьми километров в пользу Польши». Последнее явилось уступкой советской стороны в ответ на прямую просьбу Рузвельта сделать жест доброй воли в отношении поляков. Когда Черчилль попробовал поставить под сомнение включение Львова в советские границы, заявив, что он никогда не был русским городом, Сталин мгновенно сразил его одной фразой: «А Варшава — была». Премьер намёк понял и не нашёлся, что ответить.

В связи с окончательным решением Советского Союза вступить в войну с Японией «через два–три месяца» после капитуляции Германии и окончания войны в Европе участниками конференции было подписано соответствующее соглашение с перечнем ряда условий. Оно предусматривало восстановление принадлежащих СССР территориальных прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 году, а именно: возвращение Советскому Союзу южной части о. Сахалин и всех прилегающих к ней островов; передачу ему Курильских островов и решение ряда других важных территориальных вопросов.

Американские руководители исключительно высоко оценивали это соглашение, считая его «малой ценой» за советское обязательство начать военные действия на Дальнем Востоке. Имея в виду подписанное соглашение, член американской делегации адмирал У. Леги говорил Гарриману: «Это делает поездку стоящей того». В окружении Рузвельта господствовало твердое убеждение, что без участия Советского Союза победа в войне с Японией была крайне затруднена, а то и невозможна. Если Сталин и азартно играл за дипломатическим столом в Ливадийском дворце, то делал он это строго по правилам и с соблюдением классического принципа взаимности.

Интересно свидетельство на этот счет сменившего Хэлла на посту госсекретаря США Э. Стеттиниуса: «Я знал в Ялте, например, о том огромном давлении, оказанном на президента нашими военными деятелями с тем, чтобы добиться вступления России в войну на Дальнем Востоке.

В то время атомная бомба еще была неизвестной величиной, а наше поражение в „Битве на выступе“ (в Арденнах) было у всех свежо в памяти. Мы все еще не форсировали Рейн. Никто не знал ни того, как долго продлится европейская война, ни того, сколь великими окажутся потери».

На Ялтинской конференции был окончательно согласован комплекс вопросов, открывших дорогу для создания Организации Объединенных Наций, прежде всего вопрос о процедуре голосования в Совете Безопасности. Учредительную конференцию было решено провести в конце апреля 1945 г. в Сан-Франциско. Американская дипломатия вынуждена была отойти от своей позиции в вопросе о голосовании, подрывавшей принцип единогласия великих держав. Сталину удалось убедить Рузвельта, что отсутствие «права вето» в определенной ситуации могло обернуться против интересов Америки и повторить ситуацию с Уставом Лиги Наций, который отверг Конгресс. Трагическая судьба президента Вудро Вильсона в глазах Рузвельта была поучительной.

На Ялтинской конференции после продолжительной дискуссии был найден приемлемый компромисс. Сталин пошёл навстречу американским предложениям, которые исходили из безусловного единогласия постоянных членов Совета Безопасности по всем важнейшим решениям, относящимся к сохранению мира, включая принятие экономических, политических и военных санкций, и допускали отступление от принципа единогласия при мирном урегулировании споров. Сталин также снял свое предложение об участии в ООН всех союзных республик и ограничился двумя из них: Украиной и Белоруссией, что получило немедленную поддержку американской стороны. Это было то, что на языке дипломатии называется «запросной позицией с последующим обоюдо-приемлемым компромиссом».

Как и следовало ожидать, наибольшие споры в Ливадийском дворце разгорелись по вопросам политического устройства освобожденных европейских государств. Западные державы откровенно выступали за реставрацию довоенных режимов, СССР делал ставку на антифашистский подъём и настаивал на предоставлении европейским народам права самим решать свою судьбу, что в той конкретной ситуации могло означать только приход к власти левых сил. При обсуждении «Декларации об освобожденной Европе» Сталин предложил включить в него положение о том, что в процессе налаживания мирной жизни освобожденных европейских народов *«будет оказана поддержка политическим деятелям этих стран, принимавшим активное участие в борьбе против германской оккупации»*.

На первых порах эта, казалось бы, очевидная и в духе времени поправка встретила поддержу президента Рузвельта, однако, обсудив этот вопрос с сотрудниками госдепартамента, которые почувствовали «советский подвох», он отклонил советское предложение под тем предлогом, что оно якобы не имело отношения к делу и являлось чуть ли не вмешательством» во внутренние дела европейских народов. Сталиным в связи с этим было подчеркнуто, «что у союзников не может быть одинакового отношения к тем, кто поддерживал немцев и кто боролся против них». Все же в интересах успешной работы конференции было решено эту поправку с обсуждения снять. В «Декларации об освобожденной Европе» было зафиксировано принципиальное положение, гласившее: «Установлени**е** порядка в Европе и переустройство национальной экономической жизни должно быть достигнуто таким путем, который позволит освобожденным народам уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору»[7].

Большое место в работе Ялтинской конференции занял польский вопрос. Он затрагивался почти на всех пленарных заседаниях. При его обсуждении, по подсчетам Черчилля, было произнесено в общей сложности 18 тыс. слов (!), добавим, порой достаточно резких. Это и понятно, поскольку позиции сторон вначале были диаметрально противоположными. Всех, разумеется, волновал вопрос о власти в послевоенной Польше. «Наиболее существенной частью польского вопроса, — подчеркнул Рузвельт на заседании 6 февраля, — является вопрос о создании постоянного правительства в Польше». В этом вопросе Сталин держался твёрдо и рамки возможного компромисса видел весьма узкими. По его словам, вопрос о Польше был вопросом жизни и смерти для Советского государства.

Вместе с Черчиллем Рузвельт попытался убедить Сталина согласиться с такой «реорганизацией» Временного польского правительства, которая вернула бы к власти прозападных довоенных деятелей, подставивших Польшу под удар вермахта и несущих свою долю ответственности за развязывание Второй мировой войны. В качестве рычага дипломатического давления

Рузвельт считал, например, «мало оправданным» перенесение польской границы на Одер и Нейсе–Лужицкую. Сталин, хорошо зная расклад сил внутри Польши и ограниченные возможности западного вмешательств, высказался (вопрос, насколько искренне) в пользу того, чтобы не мешать полякам самим решать свои внутренние дела и не навязывать им чужую волю. Хотя Сталин вёл себя сдержанно, сила, тем не менее, была на его стороне. Судя по всему, он хотел переиграть историю и думал о том, как сделать Польшу союзником в послевоенное время на случай новой угрозы с запада. А это, конечно, зависело от внутреннего устройства Польши.

Обстановка на конференции в связи с польским вопросом заметно накалилась. Перспектива оказаться в тупике не прельщала Рузвельта. Он понимал необходимость компромисса. 6 февраля президент направил Сталину специальное послание по польскому вопросу: «Я исполнен решимости,» — писал он, — «не допустить раскола между нами и Советским Союзом. Наверняка имеется способ примирить наши разногласия», говорилось в нём. В итоге такой «способ» был найден. Достигнутая договоренность в отношении Польши гласила, что действующее Временное польское правительство должно быть реорганизовано на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы.

Остается сказать несколько слов о том, как решалась репарационная проблема. Советский Союз, понесший колоссальный ущерб от фашистской агрессии, имел полное право компенсировать за счет репараций хотя бы часть того, что было разрушено и уничтожено врагом. Однако усилиями западных партнеров этот вопрос был превращен в предмет недостойного политического торга. Думая только о том, как не ослабить послевоенную Германию в качестве нового «оплота против большевизма», Черчилль под различными предлогами отказывался зафиксировать в протоколе точную сумму германских репараций, предложенную советской делегацией. Рузвельт в начале поддержал его в этом.

Дело в том, что президент в полной мере не понимал характер социалистического государства, в частности уровень его самодостотаточности, склонность к автаркии, государственной монополии, неинтегрированность во внешний мир, привычку жить в капиталистическом окружении и полагаться в основном на собственные силы. В связи с этим он преувеличивал роль экономического фактора, а, следовательно, и, германских репараций, в качестве средства давления на СССР, имея в виду задачу советского послевоенного восстановления, в котором США думали, как принять участие на выгодных для себя условиях. Сталин был заинтересован в американской помощи, но рассматривал её как взаимовыгодное дело и был против политических условий. Ему было проще вновь нагрузить непосильным бременем свой народ, чем отказаться от некоторых из плодов победы. Примечательно, что на самой конференции американская делегация не стала затрагивать вопрос о долгосрочном кредите на 6 млрд долл., поставленный Советским правительством перед послом Гарриманом 3 января 1945 года, видимо, ожидая «встречных шагов» с советской стороны.

Правда, во время одного из банкетов в Ливадийском дворце между Рузвельтом и Сталиным состоялся на первый взгляд шутливый и вместе с тем весьма примечательный разговор. Президент, отдав должное высокому качеству крымского шампанского, высказался в том духе, что ему следовало бы выписать из Москвы 500 бутылок. На это глава Советского правительства иронически заметил, что он мог бы «отпустить» этот товар президенту на основе долгосрочного кредита с рассрочкой на 30 лет, как раз на тот срок, о котором шла речь в советском предложении от 3 января 1945 года. Намек, должно быть, не остался незамеченным, но дело с места особенно не сдвинулось.

В подписанном протоколе указывалось, что советская и американская делегации согласились передать вопрос в Московскую комиссию по репарациям, которая в качестве базы для обсуждения будет исходить из советского предложения об общей сумме репараций с Германии в 20 млрд долларов с правом получения Советским Союзом 50% от этой суммы. Англичане отказались зафиксировать точную цифру репараций. Похоже, Черчилль уже тогда начал разыгрывать новый европейский «баланс сил», в котором послевоенной Германии предназначалось не последнее место.

Финал в Потсдаме

Ялтинская конференция не только явилась пиком сотрудничества СССР, США и Великобритании в годы войны, но она открывала реальные перспективы для продолжения этого сотрудничества в мирное время на основе новой системы

мирного урегулирования, которая вскоре получит название Ялтинско-Потсдамской. Последний раздел подписанного в Крыму коммюнике так и назывался: «Единство в организации мира, как и в ведении войны». Между тем ситуация в межсоюзнических отношениях по мере приближения конца Второй мировой войны становилась всё более и более противоречивой. Выпадал главный аргумент в пользу сотрудничества — общий враг. Всё больше появлялось признаков того, что после завершения общего дела союзники могут разойтись в разные стороны, чтобы следовать своим интересам. Новая основа сотрудничества не была найдена, зато чувствовалось заметное охлаждения отношений между победителями..

Старая колониальная держава Великобритания, обескровленная войной, всё больше выпадала из общего контекста, где тон задавали Сталин и Рузвельт. Черчилля это не на шутку беспокоило, и он старался сделать всё, чтобы сорвать складывающееся советско-американское взаимопонимание и восстановить довоенную драматургию. Пока был жив Рузвельт, надеявшийся осуществить новый передел мира, прежде всего, за счёт британских и французских интересов, Черчиллю это не удавалось. Он всё больше оказывался на обочине мировой политики, где действовал безжалостный принцип соотношения военных и экономических потенциалов. Шутливое замечание Сталина в Крыму, когда был затронут вопрос о членстве Ватикана в международной организации: «А сколько дивизий имеет папа?», выражало склонность того жестокого времени к силовой политике.

Судя по некоторым признакам, Рузвельт имел лишь самые общие наброски схемы как «уживаться» с Советским Союзом в послевоенном мире, не доводя дело до конфронтации с ним. СССР не рассматривался им как первоочередная американская озабоченность. Ему казалось, что США по своим интересам являлись глобальной державой, а СССР, озабоченный безопасностью своих границ и проблемой послевоенного восстановления, — в большей степени континентальной и региональной. Это давало Соединённым Штатам широкое поле для дипломатического манёвра при осуществлении своих планов глобальной экспансии, прояви они достаточное понимание советских интересов и пойди ему навстречу в жизненно важных для него вопросах в Европе и в Азии. История умалчивает о том, как к подобной схеме мог относится Сталин, послевоенные амбиции которого тоже не отличались скромностью и подогревались победой в войне. Но первые шаги к послевоенному миру, сделанные в Ялте, и возникшая между ним и Рузвельтом «химия» вселяли определённые надежды на лучшее будущее.

Смерть Рузвельта 12 апреля 1945 года спутала многие карты и создала новую ситуацию. Заметно оживился и активизировался Черчилль, а в Москве искренне сожалели и грустили о потере боевого союзника. Там не были готовы к этому и по инерции какое-то время продолжали цепляться за призраки прошлого. Между тем первые сигналы из Вашингтона нельзя было назвать особенно обнадёживающими. Новый президент Г. Трумэн в непозволительном тоне говорил с наркомом Молотовым, посетившим Вашингтон по дороге на конференцию в Сан-Франциско, и по неопытности сразу же «наломал дров» в отношениях с Советским Союзом, «подмахнув» подготовленный в госдепартаменте приказ о демонстративном прекращении 8 мая, т. е. в День Победы поставок СССР по ленд-лизу, что очень обескуражило Москву. Белому дому пришлось давать отбой, направив в конце мая в Москву проверенного Гопкинса для «выправления положения». Именно во время этого визита своего старого знакомого Сталин скажет запомнившиеся американцу слова: «Русские люди — простые люди, но их не надо считать дураками», выразив тем самым переполнявшие его чувства. Но политикам не дано жить чувствами. Война закончилась, и предстояло ей подвести черту.

В ходе визита Гопкинса и была достигнута окончательная договоренность о проведении последней в годы войны конференции «большой тройки». Согласование места её проведения не вызвало больших осложнений. Естественно было подвести черту войне в столице поверженного «третьего рейха» и договориться о сотрудничестве на будущее. Правда, Трумэн в близком кругу высказывал мысль о желательности приезда Сталина в США, словно желая этим подчеркнуть куда теперь переместился новый центр мира, но вовремя отказался от столь тщеславной затеи. Поскольку Берлин был сильно разрушен в результате бессмысленного сопротивления нацистов в последние дни войны, то выбор пал на расположенный поблизости от него старинный Потсдам, точнее на хорошо сохранившийся на его окраине дворец Цецилиенхоф.

После переговоров Гопкинса со Сталиным в Москве успешно завершилось формирование Временного польского правительства нацио-

нального единства, с которым в начале июля 1945 года США и Великобритания установили дипломатические отношения. Верх одержала компромиссная формула, учитывавшая интересы основных сторон расколотого войной польского общества. Между Москвой и Вашингтоном после известной напряженности, созданной давлением Черчилля, был согласован вопрос об отводе американских войск из Саксонии и Тюрингии, входивших в советскую зону оккупации. 26 июня спустя два месяца после начала своей работы подписанием Устава Организации Объединенных Наций закончилась конференция в Сан-Франциско. Советский посол в США Громыко, следуя жёстким сталинским инструкциям, после краткого пребывания на конференции Молотова, отстоял решения, принятые в Думбартон-Оксе и в Крыму, и не допустила ослабления ООН на последнем этапе ее создания.

А дипломатический горизонт после смерти Рузвельта быстро заволакивали новые тучи. США перехватили эстафету у Великобритании и не желали примириться с переменами в странах Восточной Европы, повлёкшими за собой потерю власти довоенными элитами и своего влияния в этом регионе. В Вашингтоне думали о том, как бы ущемить политические интересы восточноевропейских стран, чтобы развернуть их в свою сторону. Особенно сильному нажиму со стороны США подвергались бывшие союзники гитлеровской Германии — Болгария, Румыния и Венгрия. Американская дипломатия отказалась установить с ними дипломатические отношения, как предлагало Советское правительство, и отложила решение этого вопроса до конференции.

Одновременно в Вашингтоне изыскивались новые способы оказания давления на Советский Союз в восточноевропейских делах. Арсенал у американцев, надо сказать, был не велик. На передний план выдвигалась проблема репараций. Не случайно президент Трумэн отказался передать до предстоящей конференции причитавшуюся Советскому Союзу часть германского военного и торгового флота. Из-за обструкционистской позиции американского представителя Э. Поули, крупного калифорнийского нефтепромышленника в созданной ялтинскими решениями репарационной комиссии в Москве проблема репараций зашла в тупик: 37 заседаний комиссии закончились безрезультатно. Стороны словно ходили по кругу.

Эти и другие проблемы европейского урегулирования, включая германский вопрос, предстояло разрешить на Берлинской (Потсдамской) конференции, проходившей с 17 июля по 2 августа 1945 года. Атмосфера, в которой она проходила, отличалась от предшествующих встреч «большой тройки» в годы войны и об отношениях «одной большой семьи», используя слова Рузвельта, сказанные в Ялте, говорить не приходилось. Советской дипломатии пришлось иметь дело с новыми западными деятелями. Черчилль видел себя в роли наставника американского президента, новичка в дипломатии, что не ускользнуло от Сталина. Как вспоминал маршал Жуков, незадолго до конференции Сталин сказал ему: «Теперь, после смерти президента Рузвельта, Черчилль быстро столкуется с Трумэном»[8].

Новый президент США вел переговоры по шпаргалке, подготовленной госдепартаментом, и больше всего опасался как бы «не уступить чего лишнего» Сталину. А в середине переговоров конференцию покинул Черчилль, потерпевший поражение на выборах и оскорбленный «неблагодарностью» английского народа. Именно в этот момент он произнёс в запальчивости ставшие знаменитыми слова: «После войны гигантов началась война пигмеев». Имел ли он в виду одного Клемента Эттли, сменившего его на посту премьер-министра?

Верил ли Сталин в тот момент, что ему удастся удержать отношения с вчерашними союзниками на орбите сотрудничества? Надежды оставались, но всё сильнее одолевали и сомнения. Во всяком случае, Москва ставила трудноразрешимую задачу — отстоять свои принципиальные интересы и не поссориться с партнёрами. Примером может служить внимание, проявленное с советской стороны к волнующим США проблемам, и прежде всего к вопросу вступления СССР в войну с Японией. Остается фактом, что летом 1945 года, даже после испытаний «большой бомбы», как именовали атомное оружие в Вашингтоне, американские руководители продолжали возлагать большие надежды на вступление СССР в войну на Дальнем Востоке. «Было много причин для моей поездки в Потсдам, — отмечал президент Трумэн, — но наиболее важная, на мой взгляд, заключалась в том, чтобы добиться от Сталина личного подтверждения вступления России в войну против Японии, чему придавали исключительное значение наши военные руководители». При первой же встрече с главой советской делегации в Потсдаме Трумэн сказал, что «США ожидают помощи от Советского Союза» в этом вопросе. Получив от Сталина утвердительный ответ, Трумэн в тот же день записал в своем

дневнике: «Конец япошкам (в оригинале japs. — *Авт.*), когда это произойдет»[9].

Важным сигналом для Сталина стало специально приуроченное ко дню открытия конференции испытание американцами атомного оружия, о чём его не преминул с победным видом поставить в известность Трумэн прямо на конференции. И хотя Москва была в курсе готовящихся испытаний благодаря советской разведке, сам факт столь вызывающего подкрепления дипломатии силой нового сверхоружия говорил о многом. Сталинские сомнения начинали перерастать в уверенность, что СССР ждут нелёгкие времена, и передышки после кровопролитной войны может и не быть.

Однако выпущенный на волю атом был пока ещё скорее символом наступления нового века, чем реальным фактором дипломатии. Внешне всё ещё выглядело вполне пристойно. Это проявилось уже в ходе первой встречи главы Советского правительства с президентом США в день открытия конференции, 17 июля. Трумэн в ходе беседы подчеркнул, что «он очень рад встрече с генералиссимусом Сталиным, с которым он хотел бы установить такие же дружественные отношения, какие у генералиссимуса Сталина были с президентом Рузвельтом». На это было сказано, что «со стороны Советского правительства имеется полная готовность идти вместе с США». При этом Сталин на правах более опытного дипломата назидательно подчеркнул, что «без трудностей не обойтись и что важнее всего — желание найти общий язык»[10].

Чувствуя недостаток своего опыта, Трумэн на конференции старался держаться в тени, предоставив задавать тон британскому премьер-министру, а тот демонстрировал открытую воинственность и непримиримость в расчёте на английских избирателей в ходе первых после войны выборов. В беседе с советским послом в Лондоне Ф. Т. Гусевым накануне конференции премьер-министр говорил в ультимативном тоне. «Одно из двух,» — заявил Черчилль, — «или мы сможем договориться о дальнейшем сотрудничестве между тремя странами, или англо-американский единый мир будет противостоять советскому миру и сейчас трудно предвидеть возможные результаты, если события будут развиваться по второму пути». Это была программа, как оказалось, на ближайшие полвека, предвестник Фултонской речи.

Однако запугать Сталина, когда советские войска стояли в центре Европы и могли суточным танковым броском достичь Ла-Манша, было не так-то просто. Именно тогда на конференции Гарриман скажет с явным подтекстом, что советский вождь, видимо, очень был горд оказаться в Берлине. На это Сталин бесстрастно ему ответит в том же тоне, что же мол тут особенного: «Царь Александр до Парижа дошёл». Гарриман вспоминал, что при этих словах у него по телу пошли мурашки. Англосаксам пришлось отойти от занятых «жестких» позиций и принять компромиссные решения по наиболее острым вопросам повестки дня. В свою очередь советская делегация отстояла свои интересы в Восточной Европе ценой отдельных уступок западным партнерам в репарационной проблеме и других вопросах. Тем самым был сделан важный шаг к выходу СССР из довоенной изоляции и созданию пояса дружественных государств.

Американская дипломатия, строившая свою тактику с учетом «особой заинтересованности» СССР в решении репарационной проблемы, допустила просчёт в оценке советских внешнеполитических приоритетов. К тому времени Советский Союз отводил германским репарациям скромное место в деле восстановления советской экономики. «Мы потеряли очень много оборудования в этой войне, страшно много,» -говорил на заседании 31 июля Сталин. — «Надо хоть одну двадцатую часть возместить». Напрасно ожидала на конференции американская делегация обращений с советской стороны за «экономической помощью» к США. Политическая цена её оказалась слишком высокой. Безопасность, как в то время её понимали в Кремле, не шла ни в какое сравнение с преимуществами экономической выгоды. В деле восстановления страны советскому народу пришлось полагаться на собственные силы. Не в характере Сталина было беречь свой народ.

Участник многих дипломатических переговоров в годы войны американский дипломат Чарльз Болен, будущий посол США в Москве, так оценивал качества Сталина как дипломата. «В Тегеране, Ялте и Потсдаме и в течение 10 дней, когда я видел его во время визита Гопкинса весной 1945 г. поведение Сталина было безупречным. Он был терпелив, умел внимательно слушать, всегда спокоен, как выражением лица, так и манерой держаться… Он всегда был вежлив и склонен сдержанно формулировать свои мысли». Наверное, это особенно бросалось в глаза на фоне эксцентричного и вспыльчивого Черчилля и любящего напустить туману и повитийствовать Рузвельта.

Несмотря на изменившуюся атмосферу встречи и настроения её участников, Сталин в целом был доволен результатами Потсдамской конференции. Об этом он говорил членам советской делегации. «Конференцию можно, пожалуй, назвать удачной», заявил он при закрытии конференции. Действительно, были достигнуты важные решения в отношении реконструкции германской политической жизни на демократических началах. Что касается вопроса о германских репарациях, то из-за бескомпромиссной позиции, занятой американской и английской делегациями, советская сторона была вынуждена согласиться с получением их главным образов из своей зоны оккупации, хотя это и противоречило согласованной политике отношения к Германии как к единому целому. Советская делегация добилась решения вопроса о передаче Советскому Союзу трети германского военного и торгового флота, который представители *США* и Великобритании первоначально пытались использовать для давления на советскую сторону на переговорах. Была достигнута также договоренность о присоединении к СССР Восточной Пруссии с городом Кенигсбергом.

Советская делегация отклонила планы «переустройства» восточноевропейских стран, в частности требования Трумэна о «немедленной реорганизации» правительств Болгарии и Румынии, об осуществлении контроля со стороны западных держав за выборами в этих странах и т. д. Было принято решение о создании Совета министров иностранных дел (СМИД) с целью подготовки мирных договоров с бывшими союзниками гитлеровской Германии, установления в дальнейшем с ними дипломатических отношений и принятии их в ООН. Это способствовало укреплению позиций новой власти в Болгарии, Румынии и Венгрии.

На конференции был окончательно решён вопрос о западной границе Польши, который западные державы пытались использовать для оказания давления на вновь сформированное польское правительство. Руководители США и Великобритании были вынуждены заявить о прекращении признания ими «эмигрантского правительства в Лондоне» и согласиться с тем, что оно «больше не существует». Так закончилась длительная дипломатическая борьба вокруг польского вопроса, открывшая историю послевоенной Польши.

Трудно сказать, какие мысли переполняли Сталина в конце последней встречи глав союзных держав в годы войны. Настроение у него не было, во всяком случае, столь же приподнятым как в Крыму. Может быть, сказывалась усталость от прожитых военных лет и нечеловеческого напряжения. Как-никак ему было уже 65 , а в войну, тем более такую, как известно, один год шёл за три. Может быть, когда кругом царило праздничное настроение и народ заслуженно мог позволить себе расслабиться, его интуиция подсказывала ему, что впереди страну ждут нелёгкие времена и снова придётся собираться с силами после изнурительной и кровопролитной войны. А, может быть, ему стало известно, что президент Трумэн пребывал в раздражённом состоянии и в узком кругу приближённых (прослушка, как всегда, работала безупречно) клялся «никогда не иметь больше дело с русскими». Кто знает, может быть, поэтому, когда Трумэн в качестве председательствующего перед закрытием конференции выразил надежду на скорую новую встречу всех троих, Сталин, не без сомнения в голосе, откликнулся: «Дай Бог».

---

1 Яльмар Шахт. Главный финансист третьего рейха. Признания старого лиса. 1923–1948. М., 2011. С. 401.

2 Jon Meacham. Franklin and Winston. An Intimate Portrait of an Epic Friendship. N.Y. 2003. P. 120.

3 Тегеранская конференция руководителей трёх союзных держав — СССР, США и Великобритании. (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Сборник документов. М., 1984. С. 79–80.

4 Leahy W. I was There. L., 1950. P. 243.

5 Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. Том 1. 1941–1943. М., 1984. С. 241.

6 US Congress. Soviet Diplomacy and Negotiating Behaviour. Emerging New Context for US Diplomacy. Vol. 1, Washington, 1979. P. 179.

7 Крымская конференция руководителей трёх союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.) Сборник документов. М., 1979. С. 268.

8 Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 2, М., 1974. С. 412.

9 Off the Record, The Private Papers of Harry S. Truman. Ed. by R. Ferrel. N.Y., 1980. P. 53.

10 Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трёх союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.) Сборник документов. М., 1980. С. 42.

Сталин и Рузвельт — союзники в войне

В. О. Печатнов*

Сталин и Рузвельт — эти имена соединились в истории как олицетворение боевого союза двух великих держав в борьбе с общим врагом. Сталинско-рузвельтовская «ось» была главным звеном всей «большой тройки», за которым стояли основные военные и экономические ресурсы антигитлеровской коалиции. В истории XX века трудно найти еще один подобный пример личных отношений между государственными лидерами, имевших столь огромные последствия для всего мира. Не удивительно, что этим отношениям посвящена обширная научная литература. Тем не менее, многое в них и по сей день остаётся неясным и даже загадочным. Это касается, прежде всего, их «сталинского аспекта», менее документированного и изученного по сравнению с рузвельтовским. Одна из загадок — как в действительности Сталин оценивал личность своего американского партнера?

С одной стороны, есть длинный ряд свидетельств очевидцев и участников событий, которые говорят об уважительном и даже почтительном отношении Сталина к Рузвельту, начиная с их первой очной встречи в Тегеране. Вот как описывал этот первый контакт по горячим следам для своих подчиненных посол США в Москве А. Гарриман — главный посредник между двумя лидерами, лучше других западных представителей знавший хозяина Кремля: «Сталин чувствовал себя с президентом как дома. Наши взгляды ближе к русским, чем взгляды англичан… Сталин обращался с президентом как со старшим из участников, всячески стараясь дознаться, что у него на уме. То, что он там обнаружил, ему явно понравилось, и он относился к президенту с чрезвычайным почтением и уважением»[1]. Это почтительное отношение Сталина к Рузвельту как к старшему партнеру (хотя тот был на два с лишним года моложе Сталина) в отличие от его гораздо более неровных отношений с Черчиллем отмечается в мемуарах К. Хэлла, Э. Стеттиниуса, Ч. Болена, Э. Идена, А. А. Громыко, В. М. Бережкова и других.

С другой стороны, из воспоминаний соратника И. Б. Тито М. Джиласа известен весьма нелестный отзыв Сталина о Рузвельте, сделанный им в разговоре с югославскими коммунистами летом 1944 года: «Черчилль, если за ним не уследить, вытащит у вас копейку из кармана… Рузвельт не таков. Он потянется только за крупной монетой»[2]. Для многих западных историков один этот отзыв ставит под сомнение все противоположные свидетельства как откровенное выражение подлинного отношения Сталина к президенту, свободного от дипломатических церемоний. Надо учесть, что разговоры с «товарищами по партии» имели свои жанровые особенности и в них не было принято хорошо отзываться о «буржуазных деятелях». И все же вопрос остаётся…

Непростым было и отношение Рузвельта к Сталину. За внешней любезностью и демонстративным уважением также скрывался «задний план» политических расчетов, заслуживающий детального анализа. Анализ этих взаимоотношений затрудняется еще и тем, что оба лидера были

* **Владимир Олегович Печатнов** — д.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО(У).

скрытными, склонными к лицедейству людьми, не любившими оставлять следов своих мотивов и подлинных настроений.

Взаимные представления и расчёты

Казалось бы, трудно придумать двух других людей, более непохожих по своему происхождению, воспитанию, образу мысли и даже самому типу личности. С одной стороны — американский патриций, виртуозный политик демократического склада, харизматический оптимист солнечного темперамента, полагавшийся на силу убеждения и искусство компромисса. С другой — «сумрачный диктатор» (А. С. Пушкин), крестьянский сын с окраин российской империи, боевик-подпольщик, ставший единоличным правителем огромной страны при помощи кровавых чисток и физического устранения своих противников. И, тем не менее, эти два человека сумели найти общий язык и наладить взаимодействие своих стран в борьбе с общим врагом. Думается, что ключ к решению этой загадки надо искать не столько в словах и психологии, сколько в политике обоих лидеров. При всех огромных различиях между ними Сталин и Рузвельт были расчетливыми реалистами, привыкшими использовать людей в своих политических целях. Личные отношения для них, тем более отношения на высшем уровне, были скорее производными от этих целей. При этом каждый из них занимал центральное место в военно-политической стратегии другого.

Для Рузвельта Сталин был лидером огромного поднимающегося государства, единоличным хозяином советской политики, принимавшим все важнейшие решения. Рузвельт, как видно из его известного спора с бывшим послом США в СССР У. Буллитом весной 1943 года, отказывался видеть в Сталине «простого кавказского бандита»[3]. Он видел масштаб этого человека, сумевшего создать доселе невиданную государственную систему и провести её через страшное испытание начального этапа войны. Критическая роль Сталина для выживания Советского Союза в этой титанической борьбе считалась в Вашингтоне чем-то подразумевающимся. «СССР выстоит, если будет жив Сталин и продолжится помощь ему со стороны союзников», — прогнозировала из Москвы армейская разведка США в начале 1942 года[4]. Поэтому личность Сталина имела исключительное значение для достижения двух сверхзадач рузвельтовской стратегии в отношении СССР — обеспечении максимального советского вклада в вооружённую борьбу со странами «оси» и продолжении сотрудничества двух держав после войны, без которого, как хорошо понимал президент, нельзя будет достичь прочного мира.

Главным вектором советской стратегии Рузвельта при всей её многослойности и подстраховках была надежда на постепенную интеграцию Советского Союза в «семейный круг» великих держав (как говорил в Тегеране сам президент) на основе признания его законных интересов безопасности, предоставления весомой роли в мировом концерте великих держав и постепенной либерализации сталинского режима по мере вхождения его в этот «семейный круг»[5]. Через 10–20 лет, говорил президент кардиналу Спеллману осенью 1943 года, «Россию можно сделать менее варварской» и «из дружбы по принуждению может получиться постоянная и длительная дружба»[6]. Ключевым звеном этой «стратегии приручения» была личность самого Сталина как подлинного самодержца, способного повернуть свою страну в ту или иную сторону. Отсюда — одержимость Рузвельта налаживанием личных отношений со Сталиным, его расчеты на завоевание расположения кремлевского диктатора для оказания на него влияния. В этом сказывалась не только его нелюбовь к традиционной дипломатии и вера в своё обаяние, но и уверенность в том, что демократическая Америка и ее президент пользуются в Москве большим расположением, чем аристократическая Великобритания и её лидер — давний противник советской России. «Думаю, что я сам могу справиться со Сталиным лучше, чем Ваш Форин Офис или мой Госдепартамент, — писал он Черчиллю весной 1942 года, — Сталин ненавидит (премудрость) ***спесь*** всей вашей верхушки. Он более высокого мнения обо мне и, надеюсь, останется при этом мнении»[7]. Эти расчеты Рузвельта на «внушаемость» Сталина, как проницательно заметил знаменитый биограф президента А. Шлезингер-мл., «были отнюдь не столь безнадёжно наивными, как принято считать. Рузвельт с его поразительным чутьём великого политика интуитивно понимал, что для Запада Сталин был единственным доступным рычагом, который можно было использовать против ленинской идеологии и советской системы. Если бы можно было подействовать на Сталина, это уже само по себе давало шанс подтолкнуть русских действовать вопреки предписаниям их веры»[8]. На

подходе к Тегерану Рузвельт, по свидетельству его ближайшего советника Г. Гопкинса, был убеждён в том, что «хотя он вряд ли обратит Сталина в хорошего демократа, он сможет достичь с ним рабочего взаимопонимания. В конце концов, он провел всю жизнь в управлении людьми и Сталин по сути своей не мог в корне отличаться от других»[9].

Для Сталина в свою очередь Рузвельт был инициатором глубоких реформ «нового курса» и международного сотрудничества в борьбе с фашизмом. Президент, покончивший с многолетней политикой непризнания СССР, «решительный и смелый политик», «самая крупная фигура из капитанов современного капиталистического мира» (по словам самого Сталина в интервью У. Дюранти и Г. Уэллсу 1933–1934 гг.) — таким воспринимался Рузвельт в Кремле в 1930-х гг. При этом в глазах его обитателей он, разумеется, оставался буржуазным, т. е. классово-чуждым деятелем — «либеральным барином», как называл его полпред А. А. Трояновский в депешах в Москву[10].

За годы войны репутация Рузвельта как главной опоры американской политики сотрудничества с СССР еще более укрепилась. Сам факт немедленной поддержки президентом военных усилий «классового врага» в лице СССР должен был произвести большое психологическое воздействие на советское руководство, включая самого Сталина. Хотя в Кремле хорошо понимали эгоистические мотивы этой поддержки, она отнюдь не представлялась неизбежной или безальтернативной. Позиция выжидания, рассчитанная на взаимное истребление двух враждебных Соединенным Штатам диктаторских режимов (в духе известного высказывания сенатора Г. Трумэна) выглядела куда более вероятной и логичной с точки зрения классовой логики кремлёвских вождей. В том, что «просвещённый эгоизм» в политике США возобладал над антисоветизмом, была, как хорошо знали в Москве, большая личная заслуга Рузвельта. Отзвук этой смешанной с удивлением благодарности отчётливо слышен даже в конце войны в ялтинском тосте Сталина за здоровье Рузвельта — человека, «страна которого не подверглась серьёзной угрозе вторжения, но у которого были, очевидно, более широкие взгляды на национальные интересы, и, хотя его стране не грозила непосредственная опасность, он явился главным инициатором мер, приведших к мобилизации всего мира против Гитлера»[11].

Советские дипломаты и разведчики, имевшие неплохих информаторов в столице США, как правило, рисовали внутреннюю расстановку вашингтонских сил в виде двух полюсов — Рузвельта и его лояльного окружения (Г. Гопкинс, Г. Моргентау, Г. Уоллес и др.) с одной стороны, и «антисоветских элементов» в администрации, госдепартаменте и военном командовании — с другой. Президент в худшем случае мог «проявлять колебания», «идти на поводу» у этих сил или у Черчилля, но не был замечен в качестве инициатора явно враждебных Советскому Союзу действий, а напротив, нередко их пресекал[12].

Восприятие Сталина могло быть более сложным. Не доверявший даже самому себе, привыкший и в союзниках видеть врагов, он, конечно, не доверял до конца и Рузвельту тем более, что благодаря хорошо поставленной разведке, отчётливо видел его двойную игру (прежде всего, с секретной разработкой атомного оружия и затягиванием открытия второго фронта). Но как утилитарист, он хорошо понимал, что Рузвельт для СССР — это наилучший из всех возможных вариантов американского руководства, который нужно беречь и максимально использовать в своих интересах. «Он (Рузвельт) всё же дружелюбнее относится к нам, чем кто бы то ни было из видных американцев, и явно желает сотрудничать с нами». — подтверждал из Вашингтона посол М. М. Литвинов[13]. Для Сталина Рузвельт тоже был важнейшим средством реализации своей большой стратегии, главными целями которой являлись разгром общего врага и закрепление плодов победы — новой расширенной сферы влияния СССР в Европе и на Дальнем Востоке. В последнем Рузвельт проявлял большую сговорчивость, чем Черчилль, что во многом объяснялось удалённостью США от Европы и малой соприкасаемостью американской и советской сфер влияния. Рузвельт, как известно, без особых возражений согласился на передачу Советскому Союзу новых территорий и прав на Дальнем Востоке, дал понять Сталину ещё в Тегеране, что США не будут серьёзно препятствовать восстановлению советского контроля над Прибалтикой (при условии соблюдения там внешних демократических приличий типа референдума) и был готов смириться с советским доминированием (если и не полным контролем) в Восточной Европе[14].

Более отдалённые перспективы отношений с США при сохранении там «рузвельтовской тенденции» также выглядели из Москвы

весьма обнадёживающе. Лучшие умы НКИД — М. М. Литвинов, И. М. Майский, А. А. Громыко в своих прогнозах 1943–1944 гг. исходили из того, что послевоенная «американская экспансия» минует сферу влияния СССР и будет идти в основном за счёт британской империи, что США могут сотрудничать с СССР в искоренении остатков фашизма и милитаризма, а также служить источником финансово-экономической помощи в послевоенном восстановлении народного хозяйства[15].

Вопрос о том, как далеко сам Сталин был готов зайти в сотрудничестве с Рузвельтом, пока не имеет однозначного ответа ввиду скудости имеющихся у нас данных. Здесь многое зависело от конкретных задач и обстоятельств; не случайно пик сталинской готовности к сближению с Вашингтоном пришёлся на критический конца 1941 — начала 1942 года, когда, по выражению А. Твардовского, «было всё на кону». Именно тогда Сталин допускал возможность прямого участия сил союзников в военных действиях на советско-германском фронте и высказал горячую поддержку (вопреки сомнениям В. М. Молотова) рузвельтовской идеи «четырёх полицейских» как основы системы послевоенной безопасности. «Соображения Рузвельта насчёт охраны мира после войны совершенно правильны, — телеграфировал он своему заместителю, находившемуся с дипломатической миссией в Вашингтоне в мае 1942 года. — Не может быть сомнения, что без создания объединённой вооруженной силы Англии, СССР, США, способной предупредить агрессию, невозможно сохранить мир в будущем. Хорошо было бы сюда включить Китай»[16]. Историки обычно проходят мимо этого высказывания; между тем, сама идея создания «объединённой вооруженной силы» четырех великих держав для предотвращения агрессии была для того времени необычайно смелой, тем более — в устах лидера Советского Союза, который до того в своих отношениях с Западом не шел дальше договоров о коллективной безопасности. Для Сталина эта идея не была одиночным экспромтом. Он снова вернулся к ней в Тегеране, где в беседе с Рузвельтом высказался за совместный контроль Объединённых Наций не только над Германией, но и над стратегическими опорными точками по всему миру, включая Европу, Дальний Восток и Северную Африку. Президент поддержал эту идею «на все сто процентов», после чего Сталин заметил, «что в таком случае всё обеспечено»[17]. Однако Рузвельт уклонился от дальнейшего обсуждения этого предложения (показавшегося ему, видимо, слишком радикальным) и шанс на попытку реализации идеи «четырех полицейских» был упущен. Хотя Сталин по мере укрепления позиций СССР всё больше рассчитывал на собственные силы в обеспечении безопасности своей страны, он и в августе 1944 года в переговорах с польской делегацией говорил о «мече» военной мощи Объединённых Наций как гарантии послевоенного мира — перспектива совместного военного контроля «большой тройки» над миром, видимо, еще не казалась ему немыслимой[18].

Но и независимо от этой отдалённой перспективы, дополнительную ценность Рузвельту в глазах Сталина придавало то обстоятельство, что американский президент был определённым противовесом Черчиллю, давая возможность кремлёвскому диктатору играть на англо-американских противоречиях. Доктринёрская убеждённость в неискоренимости «англо-американского антагонизма» лежала в основе мировосприятия советского руководства. Планировщики НКИД, в частности, искренне верили, что с помощью США Советскому Союзу удастся потеснить британского льва с окраин его империи, прилегавших к сфере интересов СССР[19].

В целом, из двух лидеров англо-саксонского мира Рузвельт для Сталина был гораздо более важной и располагающей фигурой, чем Черчилль. Сказывались и личные качества — обходительность Рузвельта и ершистая заносчивость британского премьера. Эта дифференциация особенно отчётливо просматривается в ходе переговоров «большой тройки» в Тегеране и Ялте. Сталин гораздо предупредительнее с Рузвельтом, чем с Черчиллем — чаще соглашается с ним, а если возражает, то сдержанно, никогда не позволяя себе явных колкостей или грубоватых шуток, выпадавших на долю англичанина. Наверное, не случаен был и выбор разномастных кличек для обоих лидеров в донесениях советской разведки — «Капитан» (Рузвельт) и «Кабан» (Черчилль), поскольку разведчики хорошо представляли себе вкусы и предпочтения главного адресата своей информации.

Короче говоря, заинтересованность Сталина и Рузвельта друг в друге носила обоюдный характер, причем стратегические соображения для обоих подкреплялись личным интересом к партнёру и его политике. Для Рузвельта Сталин был трудным, но интригующим и серьёзным партнёром, скупым на военные обязательства,

однако твёрдым в их соблюдении, как показывали, например, советская поддержка высадки союзников в Нормандии и помощь им во время последнего наступления немцев в Арденнах (последнее — в порядке добровольного исполнения «товарищеского долга», а не формальных обязательств, как подчёркивал Сталин в Ялте)[20]. Рузвельт был одним из немногих американских политиков, наделённых способностью и желанием войти в труднейшее положение советского руководства, проявляя при этом большой такт и уважение к союзнику. «Со Сталиным необходимо обращаться крайне внимательно». — Писал он Черчиллю в июле 1942 года. — «Нам всегда нужно помнить о личности нашего союзника и той трудной и опасной ситуации, в которой он находится. Нельзя ожидать глобального взгляда на войну от человека, в страну которого вторгся враг»[21]. Как видно из этой англо-американской переписки, Рузвельт не разделял черчиллевского снобизма в отношении Сталина, стремился гасить эмоциональные вспышки премьер-министра, призывая его к большей терпимости и деликатности в обращении с «дядюшкой Джо». Если для Черчилля были характерны резкие переходы от возмущения Сталиным к восхищению им, то Рузвельт вел себя с ним более ровно и последовательно, опираясь на свою долгосрочную «стратегию приручения». Хорошо зная сталинскую подозрительность, президент стремился не давать для неё лишних поводов, избегая ситуаций, отдающих «англо-американским сговором» против Сталина. Известны, например, его неоднократные отказы от двусторонних встреч с Черчиллем накануне и в ходе тегеранской встречи в Тегеране, где он к тому же предпочел остановиться в советской, а не британской резиденции. Само согласие Рузвельта на пагубные для его здоровья далёкие поездки в Тегеран и Ялту также было данью уважения к советскому союзнику.

Взаимоотношения Сталина и Рузвельта осложнялись тем, что объективное положение обоих лидеров и возглавляемых ими государств в условиях Второй мировой войны коренным образом рознилось. Сталин представлял страну, подвергнувшуюся массированному вторжению главных сил мощного врага, который оккупировал значительную часть его территории. На карту — вплоть до коренного поворота в войне — было поставлено само выживание страны и ее народа. Выстоять в этом лобовом столкновении с самой сильной военной машиной того времени можно было только ценой крайнего напряжения всех сил и ресурсов. Другого выбора у Сталина не было и понятно, что решению этой задачи подчинялось всё остальное.

Рузвельт располагал несравненно большей свободой действий. Неуязвимая для вражеского нападения, располагавшая огромной экономической базой с большим запасом производственных мощностей и временем для постепенного наращивания сил, Америка могла себе позволить весьма щадящую модель мобилизации, тем более, что основную тяжесть войны долгое время нес на себе Советский Союз. «…У нас было время подготовиться, пока другие воевали», — говорил на слушаниях в Конгрессе в начале 1945 года глава Управления военных исследований и разработок известный американский физик В. Буш[22].

Учитывая эту огромную разницу в ставках и приоритетах, лидерам двух стран было не просто войти в положение друг друга. Сталину было трудно понять медлительность и колебания союзников в оказании военной помощи СССР. Рузвельт и особенно Черчилль недооценивали критичность советской ситуации и корили Сталина за недопонимание сложностей своей борьбы с Германией и Японией на других военных театрах.

Оба лидера действовали и в различных внутренних условиях. Несмотря на усиление президентской власти в обстановке военного времени Рузвельт был вынужден считаться с Конгрессом, общественным мнением и прессой, а также — с предвыборными соображениями. У Сталина этих ограничений не было, чему Рузвельт в душе немного завидовал. Как-то раз в беседе с доверенным британским дипломатом президент сказал полушутя, «что вообще-то он является большим сторонником принципа диктатуры и что если бы только все мировые дела были предоставлены ему, Премьер-министру и Дядюшке Джо безо всяких забот о Конгрессе и Парламенте, то всем было бы гораздо лучше»[23]. Эта разница в политических режимах также мешала взаимопониманию: Сталин с крайним недоверием относился к ссылкам англо-американцев на свои домашние препятствия, а Рузвельт плохо разбирался в сталинской системе власти.

Разумеется, во взаимоотношениях двух лидеров в годы войны бывало всякое: периоды затишья или относительной гармонии сменялись охлаждениями и даже разладами, сопровождавшимися взаимными обвинениями.

Траектория этих колебаний определялась не столько субъективными особенностями обоих партнеров, сколько военной обстановкой и политикой сторон. Все это, прежде всего, отражалось в переписке «Сталин — Рузвельт», служившей главным каналом связи между ними. Новые документы российских, американских и британских архивов, связанные с этой перепиской, добавляют свежие штрихи к уже известным эпизодам взаимоотношений двух лидеров. Особый интерес представляют кризисные моменты этих отношений и то, как эти кризисы преодолевались.

Первые трудности

На первом этапе войны оба лидера неизменно придерживались в ней ровного уважительного тона, несмотря на имевшиеся трудности и разногласия[24]. У Сталина были причины для недовольства политикой Вашингтона, сорвавшего в 1941 — начале 1942 гг. выполнение плана поставок по ленд-лизу. В отчете Наркомата внешней торговли об итогах первых трех месяцев реализации Первого протокола, отмечалось, что «представители американского правительства щедро дают обещания и бесцеремонно нарушают свои обязательства»[25]. Однако Сталин воздерживался от прямой критики администрации в этом вопросе. Его сдержанность объяснялась, видимо, не только нежеланием задевать президента, но и осведомленностью о том, что Рузвельт и Гопкинс делают всё от них зависящее для выправления ситуации, тогда как военное и другие ведомства США нередко саботируют указания президента[26].

Еще более серьезным раздражителем для Кремля были проволочки союзников в вопросе об открытии второго фронта в 1942 году, но и здесь Сталин адресовал свои самые резкие упреки не Рузвельту, а Черчиллю, видя в нем главного вдохновителя этой политики.

Первое небольшое охлаждение в отношениях двух лидеров произошло на рубеже 1942–1943 гг. Оно было спровоцировано упорным желанием американского военного командования заполучить авиабазы на Дальнем Востоке для своей войны с Японией. Идя на поводу у военных, Рузвельт в послании Сталину от 30 декабря поднял вопрос о посылке туда американских авиационных соединений и предложил направить на Дальний Восток инспекционную миссию во главе с генералом О. Брэдли для подготовки этой операции[27].

Послание президента насторожило Сталина, оживив его давние опасения, что американцы хотят втянуть СССР в преждевременную войну с Японией. Предложение провести осмотр советских военных объектов на Дальнем Востоке отдавало еще и разведывательными намерениями американской стороны. Тем не менее, Сталин предпочел не заметить этой части послания, выделив предложение Рузвельта направить на Дальний Восток американские бомбардировочные авиачасти. Сталин резонно предложил послать эти бомбардировщики (без летного состава) на действующий советско-германский фронт[28].

Рузвельт, однако, упорствовал. Признав, что планы совместных действий против Японии носят предварительный характер, он все же продолжал настаивать на поездке Брэдли в своем послании от 9 января 1943 г. К этому было привязано и предложение направить в Москву генерала Дж. Маршалла для обсуждения положения на Дальнем Востоке и информирования советского руководства о дальнейших планах союзников. Это была личная инициатива Рузвельта, удивившая даже его военных. Когда 7 января на совещании с руководством Комитета Начальников Штабов президент предложил эту идею генералу, тот недоуменно спросил о цели такой поездки. Маршалл хорошо знал, что ему нечего будет сказать Сталину по существу, поскольку даже между собой КНШ и Белый дом к тому времени еще далеко не определились с планами дальнейших операций, не говоря уже об их согласовании с англичанами. Рузвельт ответил, что поездка Маршалла поможет укрепить моральный дух русских, поскольку Сталин после отказа присоединиться к англо-американской конференции в Касабланке «возможно, чувствует, что выпал из обоймы» и «испытывает чувство одиночества»[29]. Вероятно, президент имел в виду, что Маршалл поедет в Москву после Касабланки и лично проинформирует Сталина о принятых на ней решениях, дабы рассеять у того ощущение изоляции. Так или иначе, если Рузвельт хотел тем самым поднять настроение Сталина, то он скорее добился обратного эффекта.

Настойчивое стремление Белого дома проникнуть на Дальний Восток, где не было никаких военных действий, в сочетании с явным нежеланием послать эти самолеты на реальный советско-германский фронт при сталинской подозрительности могло быть истолковано только как намерение втянуть СССР в «свою войну»,

оставшись в стороне от советско-германской войны. В другой раз Сталин, возможно, и принял бы авторитетного Маршалла, но в данном контексте и в дальневосточной привязке он счел такой приезд нежелательным. В итоге он отступил от своего обычного вежливо-предупредительного тона в переписке с Рузвельтом и послал первое резкое послание президенту. Он жестко отвел оба предложения президента: «вполне понятно, что русские военные объекты могут быть инспектируемы только русской инспекцией», что же касается миссии Маршалла, то Сталин попросил «разъяснить цель и задачи этой поездки, чтобы я мог сознательно отнестись к этому вопросу и дать Вам свой ответ». Мало того, в конце послания Сталин напомнил о неудачах союзников в Северной Африке, наступая на больную мозоль англо-американцев[30]. Хотя рукописный черновик послания принадлежал Молотову, в этом ответственном случае нарком, конечно, действовал по указанию «Хозяина». «Вероятно, Рузвельт обидится», — прокомментировал в дневнике Майский, информированный об этой переписке, — «Ничего не поделаешь! Надо учить американцев. Они в самом деле воображают себя солью земли и менторами мира»[31].

Рузвельт ничего не ответил на это холодное послание Сталина, удержавшись от соблазна высказаться в том же духе. Но в душе он был возмущен непривычным для себя обхождением. «Рузвельт был страшно взбешен и хотел было резко реагировать», рассказывал Черчилль Майскому о беседах с президентом в Касабланке. «Но я его разубедил. Я сказал президенту: кто сейчас действительно воюет? Только Сталин воюет и как воюет…Не можем мы ему в таком случае ставить каждое лыко в строку. Рузвельт согласился со мной и решил не ругаться со Сталиным». Не понимал президент и причин отказа Сталина приехать на встречу с ним и Черчиллем, на что премьер, по его словам в том же разговоре с Майским, сказал:

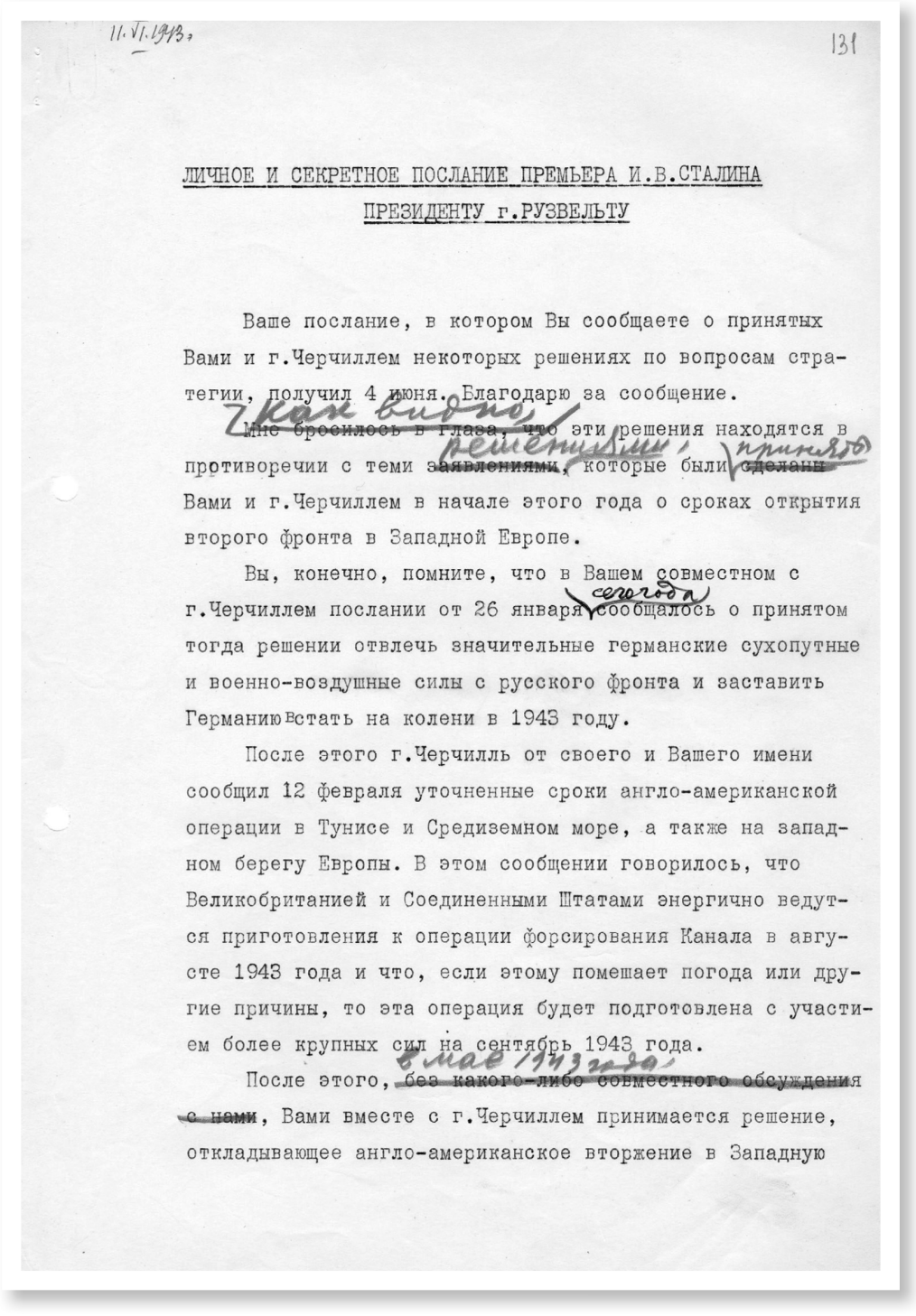
«Сталин — реалист. Его не проймешь словами. Если бы он приехал, то первый вопрос, который он задал бы нам с Вами, гласил бы: «Ну, сколько немцев Вы убили в 1942 году? И сколько Вы рассчитываете убить в 1943 году? А что бы мы с Вами ответили? Мы и сами не знаем. Сталину это было ясно с самого начала, — какой же смысл ему было ехать на совещание? Тем более, что дома у него действительно делаются большие дела»[32].

Миссия Дэвиса

Наметившийся к лету 1943 года перелом в ходе войны на фоне осложнения отношений с советским союзником по второму фронту подстегнул давнее стремление Рузвельта установить прямой личный контакт со Сталиным даже в обход Черчилля. Президент был убежден, что сможет скорее найти общий язык с советским вождем, чем империалист и аристократ Черчилль, уже встречавшийся со Сталиным в августе 1942 года. Такой демарш требовал особой деликатности и не случайно Рузвельт вновь прибегнул к использованию доверенного личного эмиссара, избрав на сей раз для этой роли бывшего посла США в Москве Джозефа Дэвиса, пользовавшегося доверием президента и имевшего хорошую репутацию в Кремле. Миссия Дэвиса готовилась в глубокой тайне, кроме президента в нее был посвящен только Г. Гопкинс[33]. Рузвельт и Дэвис (как поведает потом Дэвис в разговоре с Литвиновым) даже разработали секретный код для обозначения месяцев года, которые Сталин может предложить для встречи с президентом, а Дэвис передаст депешей из Москвы в Белый дом, скрывая подлинный смысл сообщения от непосвященных[34]. Что касается Черчилля, то президент заверил Дэвиса, что позднее сам объяснится с премьером и тот «все поймет»[35]. Объяснение, однако, вышло тяжелым: когда в июне Рузвельт окольным путем — через своего представителя в Лондоне А. Гарримана сообщил премьеру о планах своей встречи с «дядюшкой Джо», он попытался приписать авторство этой идеи самому Сталину. Черчилль плохо в это поверил, хотя и не стал оспаривать версию Рузвельта[36].

Содержание послания президента Сталину было скрыто не только от англичан (усиленно гадавших об этом «таинственном послании»)[37], но и от посла США в Москве У. Стэндли. Литвинова Рузвельт лично проинформировал о своей идее «встречи без Черчилля», так что Сталин был заранее поставлен в известность о готовившейся миссии[38]. Дэвис передал послание Сталину 20 мая 1943 года, причем бедному Стэндли пришлось оставить эмиссара наедине со Сталиным и Молотовым во время его обсуждения[39]. Вдобавок ко всему на следующий день Дэвис пытался убедить посла, что он не знает содержания послания (так как оно, якобы, было написано на русском языке)[40].

Ответ Сталина на тайное предложение Рузвельта о встрече тет-а-тет был вполне

11.VI.1943

131

ЛИЧНОЕ И СЕКРЕТНОЕ ПОСЛАНИЕ ПРЕМЬЕРА И.В.СТАЛИНА
ПРЕЗИДЕНТУ г.РУЗВЕЛЬТУ

Ваше послание, в котором Вы сообщаете о принятых Вами и г.Черчиллем некоторых решениях по вопросам стратегии, получил 4 июня. Благодарю за сообщение.

Как видно решениям принятым

Мне бросилось в глаза, что эти решения находятся в противоречии с теми заявлениями, которые были сделаны Вами и г.Черчиллем в начале этого года о сроках открытия второго фронта в Западной Европе.

Вы, конечно, помните, что в Вашем совместном с г.Черчиллем послании от 26 января сегодня сообщалось о принятом тогда решении отвлечь значительные германские сухопутные и военно-воздушные силы с русского фронта и заставить Германию встать на колени в 1943 году.

После этого г.Черчилль от своего и Вашего имени сообщил 12 февраля уточненные сроки англо-американской операции в Тунисе и Средиземном море, а также на западном берегу Европы. В этом сообщении говорилось, что Великобританией и Соединенными Штатами энергично ведутся приготовления к операции форсирования Канала в августе 1943 года и что, если этому помешает погода или другие причины, то эта операция будет подготовлена с участием более крупных сил на сентябрь 1943 года.

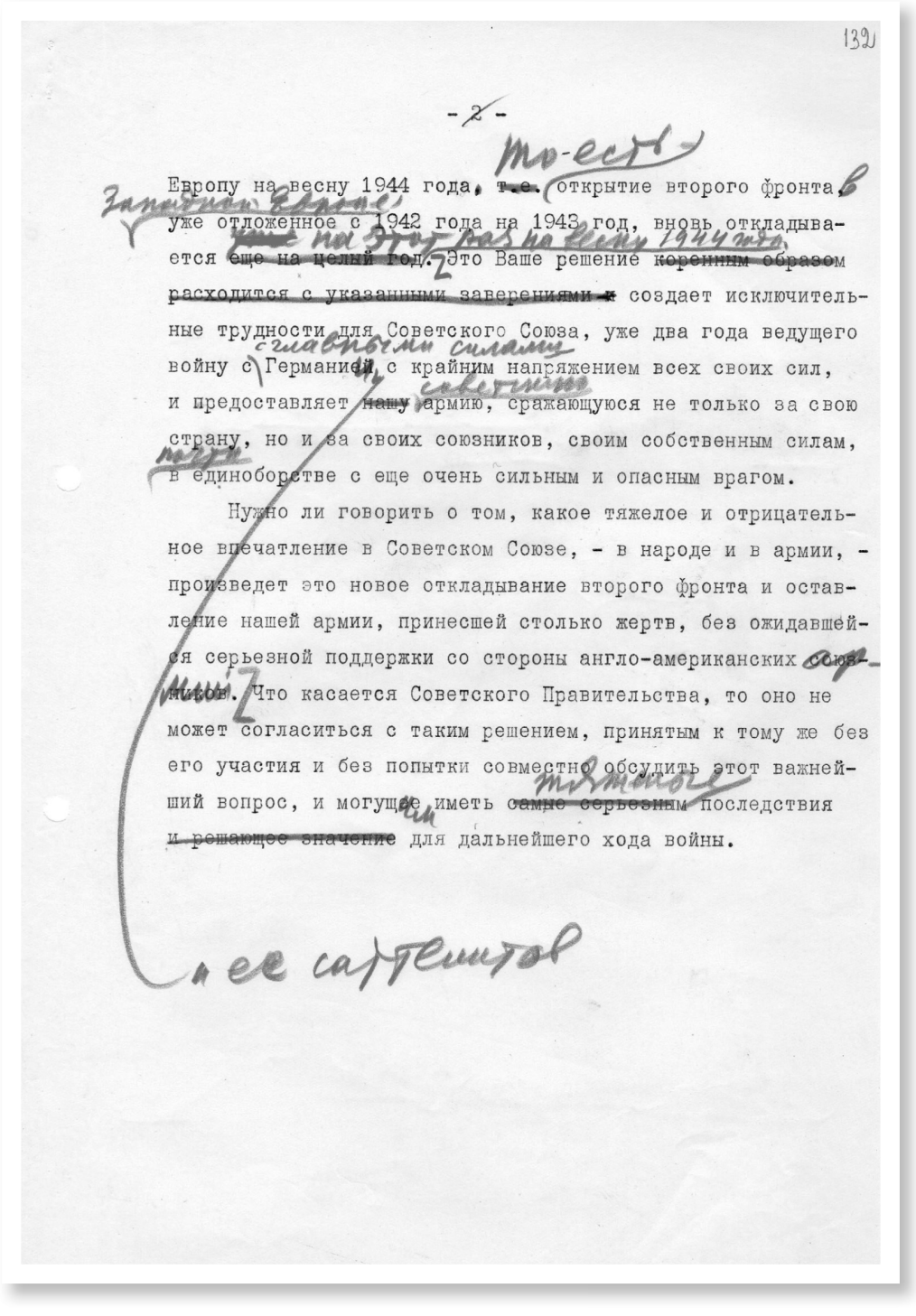
в мае 1943 года

После этого, без какого-либо совместного обсуждения с нами, Вами вместе с г.Черчиллем принимается решение, откладывающее англо-американское вторжение в Западную

Рис. 1.

положительным. Хотя в беседе с Дэвисом он высказал удивление исключением Черчилля, Сталин согласился и на встречу вдвоем, причем — без жестких предварительных условий о месте ее проведения. Из уважения к президенту («этому великому человеку», как он сказал Дэвису) в качестве возможного места встречи Сталин даже назвал американский город Фербенкс в глубине Аляски, расположенный еще дальше от советской территории, чем предложенный президентом берег Берингова пролива[41]. Обходя каналы Госдепартамента, Дэвис поведал Рузвельту о Фербенксе устно по возвращению[42]. Предложенное Сталиным возможное время встречи (июль–август) Дэвис сообщил президенту еще из Москвы, используя тот самый секретный код, о котором он заранее договорился с Рузвельтом, так что Стэндли не понял, о чем идет речь.

Сталина, как и американского президента, видимо, привлекала возможность «встречи

139

- 2 -

Европу на весну 1944 года, т.е. открытие второго фронта, уже отложенное с 1942 года на 1943 год, вновь откладывается еще на целый год. Это Ваше решение коренным образом расходится с указанными заверениями и создает исключительные трудности для Советского Союза, уже два года ведущего войну с Германией с крайним напряжением всех своих сил, и предоставляет нашу армию, сражающуюся не только за свою страну, но и за своих союзников, своим собственным силам, в единоборстве с еще очень сильным и опасным врагом.

Нужно ли говорить о том, какое тяжелое и отрицательное впечатление в Советском Союзе, - в народе и в армии, - произведет это новое откладывание второго фронта и оставление нашей армии, принесшей столько жертв, без ожидавшейся серьезной поддержки со стороны англо-американских союзников. Что касается Советского Правительства, то оно не может согласиться с таким решением, принятым к тому же без его участия и без попытки совместно обсудить этот важнейший вопрос, и могущее иметь самые серьезные последствия и решающее значение для дальнейшего хода войны.

Рис. 2.

умов», которая открывала возможность выяснения англо-американских разногласий и использования их в своих целях. Вопрос о том, насколько он действительно был готов ради этого отправиться на Аляску, остается открытым. Сам Дэвис вполне удовлетворился сталинской реакцией, сообщив Рузвельту, что его миссия увенчалась «полным успехом»[43] и что в ее результате «в принципе было достигнуто полное согласие»[44]. В послании Сталину от 4 июня Рузвельт поблагодарил его за «сердечный прием» своего эмиссара и принципиальное согласие со своим предложением, подчеркнув, что ждет «дальнейшего сообщения» о намеченной встрече[45].

Ждать, однако, пришлось долго. Если у Сталина и было намерение поехать на Аляску для встречи с президентом, то оно, видимо, исчезло после получения 4 июня послания Рузвельта, в котором тот сообщил о решениях, принятых на англо-американском совещании

под кодовым названием «Трайдент» (Вашингтон, 12–25 мая). Главным последствием этих решений для Советского Союза была новая отсрочка открытия второго фронта, на сей раз — до весны 1944 года.

Извещение Сталина об этих решениях далось союзникам нелегко. Черчилль вспоминает, что на самой вашингтонской конференции ему с Рузвельтом так и не удалось составить приемлемый текст послания Сталину, хотя они потратили на это немало сил[46]. Итоговый вариант подготовил Дж. Маршалл, когда они с Черчиллем летели из США на штабное совещание в Алжир. Дальнейшие согласования содержания послания осуществлялись уже между штабом Эйзенхауэра в Алжире и Белым домом при соблюдении строжайших мер предосторожности. Шифропереписка через военные каналы велась с использованием кодовых имен: «Агент» (Черчилль), «Битти» (Рузвельт), «Румба» (Сталин). Черчилль через Гопкинса поторапливал президента, интересуясь судьбой послания. Гопкинс отвечал, что 31 мая оно было отправлено назад Маршаллу для пересылки его в Москву со специальным курьером[47]. Правка президента была крайне незначительной. 2 июня Черчилль через Маршалла просил Рузвельта о том, чтобы послание было вручено Сталину совместно послами США и Великобритании в Москве, а сопроводительное письмо шло бы от имени его и президента[48]. В конечном итоге от посылки курьера пришлось отказаться, поскольку президент ответил, что послание и сопроводительное письмо «были переданы шифром в американское посольство, но с большой неохотой ввиду постоянной угрозы взлома кодов»[49]. Рузвельт умолчал о том, что сопроводиловка была подписана им одним, хотя и со ссылкой на согласие Черчилля.

Сталин ответил Рузвельту посланием, полным сдержанного негодования. Его правка черновика, подготовленного В. М. Молотовым, сделала документ еще более точным и энергичным[50].

В своей правке последнего абзаца (рис. 1, 2) Сталин в косвенной форме вообще отрицает «решающее значение» действий союзников для хода войны, по умолчанию оставляя эту роль только за Советским Союзом. В результате законное возмущение поведением союзников сочетается с подчеркнутым чувством собственного достоинства и уверенностью в своих силах.

Рузвельт в ответ предпочел отмолчаться, предоставив возможность отреагировать на это сталинское послание Черчиллю. Попытка премьер-министра дать развернутое оправдание решениям «Трайдента» вызвала еще более суровый выговор Сталина, приведший Черчилля на грань разрыва его переписки с Кремлем[51]. Рузвельт, между тем, все еще рассчитывал на встречу со Сталиным тет-а-тет и решил напомнить ему о тайной договоренности. В послание от 15 июля 1943 года он вставил загадочную фразу: «Я надеюсь вскоре услышать от Вас относительно другого дела, которое, как я по-прежнему считаю, чрезвычайно важно для Вас и для меня»[52]. Рузвельт, как подтверждал английский посол Галифакс из Вашингтона со ссылкой на разговор с самим президентом, «еще не утратил надежду получить согласие Сталина на встречу с ним». Президент, сообщал он, хотел бы использовать эту встречу для зондирования возможности «присоединения СССР в будущем» к войне с Японией[53]. Черчилль к тому времени примирился с этой сепаратной затеей. В разговоре с Майским 3 июля он великодушно заметил: «…я не буду в претензии, если Сталин и Рузвельт встретятся вдвоем. У меня с Рузвельтом полное взаимопонимание. Я был бы рад, если бы такое же взаимопонимание установилось между Рузвельтом и Сталиным»[54]. Однако Сталин хранил молчание и тогда уже Дэвис (возможно, с подсказки президента) напомнил ему о тогдашнем уговоре, передав через Гопкинса записку о том, что он обеспокоен отсутствием вестей из Кремля. 22 июля 1943 года Гопкинс от имени Рузвельта попросил А. А. Громыко переслать это сообщение Сталину[55]. Временный поверенный не замедлил исполнить это в тот же день, передав специальной депешей на имя Молотова следующее: «Рузвельт через Хопкинса просил меня передать товарищу Сталину следующее обращение Джозефа Дэвиса: «Маршалу Сталину. Я немного беспокоюсь в связи с тем, что мы ничего не слышали от Вас относительно моего последнего разговора с Вами. Не могли бы Вы известить нас в скором будущем»[56]. Сталин не стал отвечать ни Рузвельту, ни Дэвису. Он прекрасно понял загадочную фразу Рузвельта в послании от 15 июля, обведя ее в переводе двойной чертой[57], но ответил президенту лишь 8 августа 1943 года. Сославшись на сложную обстановку на фронте, он вежливо отложил выполнение своего обещания, «данного Вам через г-на Дэвиса», отметив, что не возражает против участия в будущем совещании Черчилля[58]. Сепаратная встреча двух лидеров так и не состоялась.

Мини-кризис вокруг Италии

Следующее обострение отношений между Рузвельтом и Сталиным произошло по вопросу обращения с Италией, которая начала выходить из войны вскоре после вторжения союзников в Сицилию 25 июля 1943 года. Рассматривая Италию как свою зону влияния, англо-американцы стремились свести к минимуму роль СССР в итальянских делах: они монополизировали мирные переговоры с правительством маршала П. Бодольо и с запозданием информировали Москву об этих переговорах в совместном послании от 19 августа 1943 года (которое к тому же дошло до Сталина и Молотова в неполном виде)[59].

Реакция Кремля на это послание Рузвельта и Черчилля была очень резкой по своей стилистике. Возможно, это отчасти объяснялось инициативой Молотова, рукой которого оно написано безо всякого видимого участия Сталина. Автор ухватился за злосчастные пропуски в послании, чтобы обвинить союзников в халатности, если не в чём-то худшем. В послании, правда, содержалось и важное конструктивное предложение о создании союзной комиссии по Италии, которое наверняка было согласовано со Сталиным. Но и оно было сформулировано в явно раздраженном тоне[60].

Это послание было получено Рузвельтом и Черчиллем 24 августа 1943 года в Квебеке, где они находились на очередном англо-американском совещании под кодовым названием «Квадрант». «Мы оба вне себя» — была первая реакция президента, которую удалось смягчить Гарриману, напомнившему слова Черчилля из его послания Сталину по второму фронту — «Ваши упреки совершенно меня не трогают». Премьеру, однако, было не до шуток. В разговоре с Гарриманом он назвал Сталина «противоестественным человеком» и мрачно предрекал «кровавые последствия» конфликтов с ним в будущем[61]. Не случайно даже Э. Иден в своём окружении выражал озабоченность «опасно антирусским» настроем премьера[62]. В отчете для своего Кабинета по итогам «Квадранта», датированном 25 августа, Черчилль писал:

«Единственным темным пятном сейчас является всё усиливающаяся медвежья манера Советской России. Вы, конечно, ознакомились с телеграммой Сталина о событиях в Италии. У него нет абсолютно никаких оснований для жалоб, поскольку мы не сделали ничего иного, кроме как передали итальянским представителям суровые условия безоговорочной капитуляции, которые уже получили полное одобрение Советского правительства, и немедленно информировали его обо всех этих вопросах.

Президент был крайне обижен тоном этого послания. Он дал указание передать советскому временному поверенному, что он в отъезде и вернется только через несколько дней. Сам я пока не получал подобного сообщения, но мы с Иденом, естественно, не будем ничего предпринимать, пока не изменится настрой Президента»[63].

Упомянутое Черчиллем указание Рузвельта, действительно, имело место, но содержало совсем не тот смысл, который приписывал ему премьер-министр. В архиве Штабной комнаты Белого дома сохранилось незамеченное до нас историками распоряжение президента своему ближайшему помощнику генералу («папаше») Уотсону, датированное 25 августа 1943 года, когда после окончания «Квадранта» Рузвельт и Черчилль разъехались по стране на несколько дней отдыха. В нём для передачи через Громыко содержалось следующее сообщение Сталину: «Послание Маршалла Президенту и Премьер-Министру было передано Президенту, который покинул конференцию в Квебеке и ввиду отсутствия будет недоступен до начала следующей недели. Любой ответ Маршалла на телеграмму Президента и Премьер-Министра по поводу совместной встречи, разумеется, будет им передан»[64]. (имелось в виду совместное послание Рузвельта и Черчилля от 18 августа 1943 года, в котором они в очередной раз предлагали провести встречу в верхах).

Это полуофициальное послание Рузвельта ясно говорит о желании президента оставаться на связи с Кремлем во время своего отсутствия в Вашингтоне, а вовсе не о его возмущении действиями Сталина. Так его понял и Громыко, который (как докладывал в тот же день президенту сам Уотсон), «заверил меня, что сделает всё от него зависящее для ускорения ответа на исходное послание от Вас и Премьер-Министра»[65]. Таким образом, Черчилль — намеренно или нет — сильно сгущал краски, проецируя на президента свое раздраженное настроение. Очевидно, что Рузвельт с его более терпимым и уравновешенным отношением к Сталину ожидал от него новых, более обнадёживающих сигналов, прежде всего — по самому волновавшему его вопросу о встрече «большой тройки».

Это объяснение подтверждается и новыми документами из Архива внешней политики МИД России. Громыко, конечно, не мог не

передать в Москву (причем — самым срочным образом) личное напоминание президента. В тот же день он телеграфировал Молотову:

«Генерал Уотсон сегодня, 25 августа, в 9 часов 30 минут утра попросил меня приехать к нему в Белый дом. Он сообщил, что получил указание президента (который еще находится в Канаде) просить меня сообщить товарищу Сталину о том, что он, Рузвельт, и Черчилль очень хотели бы получить в ближайшие дни ответ товарища Сталина на их предложение о возможности встречи в Фербенксе. Черчилль специально задерживается здесь в США до получения ответа. Завтра он прибывает в имение Рузвельта возле Нью-Йорка «Гайд парк». Рузвельт возвратится из Канады в начале будущей недели, во всяком случае не раньше понедельника. Вотсон дал мне прочесть текст вышеупомянутого послания Рузвельта и Черчилля от 18 августа на имя товарища Сталина»[66].

Как видно, Уотсон придал сообщению президента еще более любезный, почти просительный характер. Но к тому времени ответ Кремля был уже готов. На следующий день (26 августа) в Вашингтоне было получено другое, гораздо более примирительное по тону послание обоим лидерам от Сталина, который, видимо, решил сгладить инцидент и успокоить союзников. В нём вежливо говорилось о невозможности для Сталина отлучиться для встречи на Аляске и выражалось согласие с инструкциями Эйзенхауэру по условиям капитуляции Италии. Очередной мини-кризис в союзных отношениях был преодолен.

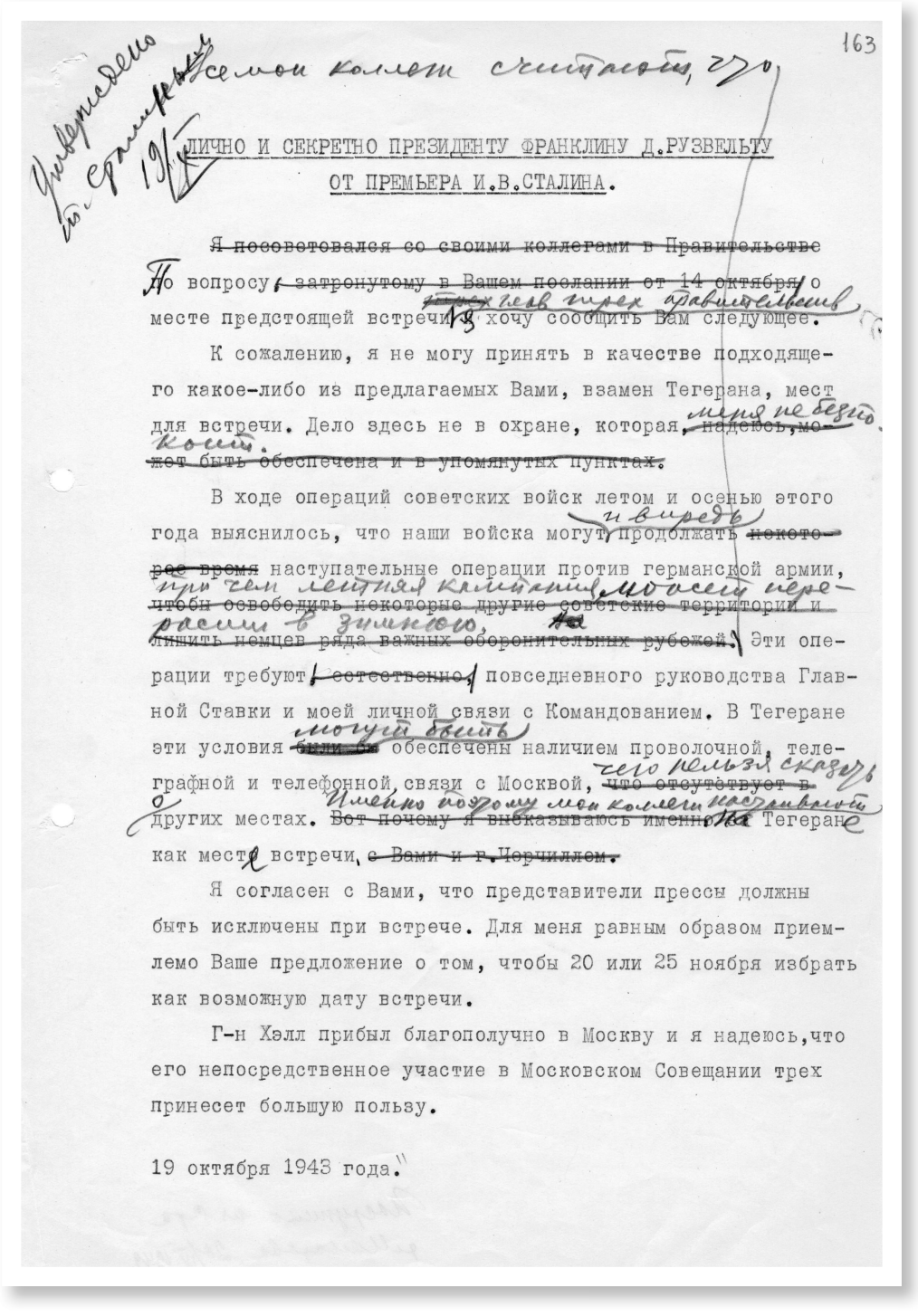
На пути к Тегерану

Выбору Тегерана в качестве места встречи «большой тройки» предшествовал длительный торг между Сталиным и Рузвельтом, который в отличие от Черчилля упорно отказывался от столь далекой поездки к границам СССР. Анализ черновиков переписки и других новых документов позволяет прояснить некоторые любопытные нюансы в этой предистории. Сталин впервые упомянул Иран в послании Рузвельту от 8 сентября 1943 года, причем вставил этот абзац своей рукой — видно, идея эта осенила его уже в ходе редактирования молотовского проекта. Он также вписывает туда фразу о том, что момент встречи еще придется уточнить, «считаясь с обстановкой на советско-германском фронте, где втянуто в войну с обеих сторон свыше 500 дивизий и где контроль со стороны Верховного командования СССР требуется почти каждодневно»[67]. Тем самым, Сталин с самого начала вводит свой козырный аргумент в пользу Тегерана — необходимость для Главнокомандующего быть рядом с фронтом, где решается судьба всей войны. Рузвельт в ответ выдвинул свои резоны — необходимость постоянного контакта с конгрессом, трудности фельдъегерской связи между Вашингтоном и Тегераном. Он предложил провести встречу в Каире, Багдаде или одном из портов Восточного Средиземноморья, где обещал Сталину надежную связь и охрану[68].

Послание Рузвельта с просьбой о переносе места встречи из Тегерана было внимательно прочитано в Кремле с подчеркиванием ключевых фраз. Однако Тегеран для Сталина был принципиально важен и он не собирался уступать. Из предыдущей переписки с Рузвельтом он прекрасно знал, как давно стремился президент к этой встрече. Кроме того, Рузвельт на встрече с Громыко 4 октября 1943 года сам проговорился, что «вообще он не против того, чтобы встречу устроить в Тегеране, но что для него это было бы связано с очень большими трудностями» в отношениях с Конгрессом, как сообщил в Москву новый посол[69].

Таким образом, в этом психологическом поединке «кто дрогнет первым» тактические преимущества были на стороне Сталина. Рукописная правка Молотовым подготовленного проекта была, видимо, одобрена Сталиным в устной форме, а может быть — и подсказана им, судя по визе наркома на этом документе. Она усиливает козырный аргумент вождя, отодвигая в сторону все остальные доводы[70].

Несгибаемость Сталина в вопросе о Тегеране стала для Рузвельта тяжелым известием. Сразу же по получении послания президент надиктовал своей секретарше текст ответа, что бывало крайне редко в его переписке со Сталиным. Затем он показал его Гопкинсу, который помимо мелкой редакционной правки предложил целиком исключить одно предложение, в котором Рузвельт пытался доказать, что исполнение им своих конституционных обязанностей так же важно для победы в войне как роль Сталина в качестве главнокомандующего. Гопкинс, видимо, сумел убедить президента, что такое уравнение было бы явной натяжкой. Ощущая эту слабину, Рузвельт не только более подробно развернул свою аргументацию, но и предельно драматизировал ситуацию: он называет ее «кризисом» (в русском переводе — «критическое положе-

163

ЛИЧНО И СЕКРЕТНО ПРЕЗИДЕНТУ ФРАНКЛИНУ Д.РУЗВЕЛЬТУ
ОТ ПРЕМЬЕРА И.В.СТАЛИНА.

~~Я посоветовался со своими коллегами в Правительстве~~
По вопросу, ~~затронутому в Вашем послании от 14 октября~~, о месте предстоящей встречи трех правительств хочу сообщить Вам следующее.

К сожалению, я не могу принять в качестве подходящего какое-либо из предлагаемых Вами, взамен Тегерана, мест для встречи. Дело здесь не в охране, которая, ~~надеюсь, может быть обеспечена и в упомянутых пунктах.~~ меня не беспокоит.

В ходе операций советских войск летом и осенью этого года выяснилось, что наши войска могут и впредь ~~некоторое время~~ наступательные операции против германской армии, причем летняя кампания, по-моему, перерастет в зимнюю, ~~чтобы освободить некоторые другие советские территории и лишить немцев ряда важных оборонительных рубежей.~~ Эти операции требуют ~~естественно~~ повседневного руководства Главной Ставки и моей личной связи с Командованием. В Тегеране эти условия ~~были бы~~ могут быть обеспечены наличием проволочной, телеграфной и телефонной связи с Москвой, ~~что отсутствует в~~ чего нельзя сказать о других местах. ~~Вот почему я выказываюсь именно~~ Именно поэтому мои коллеги настаивают на Тегеране как месте встречи, ~~с Вами и г.Черчиллем.~~

Я согласен с Вами, что представители прессы должны быть исключены при встрече. Для меня равным образом приемлемо Ваше предложение о том, чтобы 20 или 25 ноября избрать как возможную дату встречи.

Г-н Хэлл прибыл благополучно в Москву и я надеюсь, что его непосредственное участие в Московском Совещании трех принесет большую пользу.

19 октября 1943 года.

Рис. 3.

ние»), а возможность срыва встречи из-за разногласий о месте ее проведения — «трагедией». В качестве последней уступки своему корреспонденту Рузвельт предлагал Басру и даже Анкару, расположенные недалеко от советской границы. Послание заканчивалось на эмоциональной просительной ноте — президент просил Сталина «выручить» его в этом вопросе. Его текст был срочно телеграфирован в Москву для передачи Хэллу, который находился там на конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании и должен был встречаться со Сталиным. «В ответ на мои послания, — говорилось в сопроводиловке президента для госсекретаря, — Маршал не проявил понимания моих обязательств. Поэтому прошу Вас вручить от моего имени это послание Маршалу и объяснить ему в устной форме те вполне определенные и ясные причины, которые продиктованы не личными желаниями, а закреплены в Конституции. Это

не теоретический, а фактический вопрос»[71]. С учетом важности сообщения посольство США в Москве сделало свой перевод послания для советской стороны. Оно было вручено Сталину Хэллом во время их встречи 25 октября.

Еще до получения в Кремле этого послания Рузвельта вопрос о встрече в верхах обсуждался во время его беседы Идена со Сталиным 21 октября 1943 года. Отчет англичанина об этой беседе, направленный Черчиллю, дает дополнительные штрихи к «тегеранскому настрою» Сталина в его британском восприятии:

«Маршал сказал, что очень сожалеет о неудобствах, причиняемых Президенту; сам он был бы рад поехать куда-нибудь подальше, но возможности, открывшиеся сейчас в войне, предоставляются раз в полвека. Он говорил это с выражением полной искренности. Я думаю, что он действительно хочет встречи, но вряд ли готов отправиться туда, где у него нет представительства, через которое он может поддерживать постоянную секретную связь с Москвой. В какой-то момент он сказал, что было бы крайне жаль откладывать встречу до весны, но, возможно, так будет лучше. Я ответил, что такая отсрочка вызовет в мире огромное разочарование. Маршал не стал с этим спорить»[72].

Используя различия между Рузвельтом и Черчиллем в вопросе о Тегеране, Сталин через Идена посылал этот сигнал премьеру в надежде на его помощь в этом деле — встреча под угрозой и может быть отложена, если Рузвельт откажется ехать в Тегеран. Расчет оказался верен. Британский премьер стал уговаривать Рузвельта на хотя бы краткий визит в иранскую столицу из Каира для встречи с «дядюшкой Джо», полагая, что тот «дальше Тегерана не поедет»[73].

На встрече с Хэллом 25 октября 1943 года Сталин повторил свои аргументы в пользу Тегерана и пояснил особенность военной обстановки, делающей его близость к фронту особенно необходимой: в отличие от Красной Армии немцы исчерпали свои резервы, что открывает уникальную возможность для нового наступления и решающего разгрома основных сил вермахта. Он также с сожалением говорил о возможности переноса встречи в верхах на весну 1944 года. Хэлл, как и ранее Иден, высказался против такой отсрочки, отметив опасность усиления разногласий между союзниками и ослабления общественной поддержки сотрудничества «большой тройки» в самих США. В своих рекомендациях президенту госсекретарь и новый американский посол в Москве А. Гарриман отмечали искреннее стремление Сталина ко встрече с Рузвельтом и твердость его выбора в пользу Тегерана[74].

Рузвельт, тем не менее, продолжал упорствовать в своем отказе ехать в Тегеран. Его мнение на сей счет передал верный Гопкинс в беседе с Громыко 26 октября 1943 года, подчеркнув, что «почти уверен в том, что Рузвельт лететь в Тегеран не сможет». К трудностям конституционного порядка он добавил и человеческий аргумент, рассчитанный на простое сочувствие — «невозможность для президента предпринять по условиям здоровья перелет между Багдадом и Тегераном»[75].

Но Сталин не уступал. Он выдерживал паузу с ответом Рузвельту, выжидая его реакции на высказанное им Хэллу и Идену. «От дядюшки Дж. пока — ни слова», — сетовал президент своему британскому коллеге 25 октября[76]. К варианту отсрочки встречи Сталин добавил еще один элемент мягкого шантажа. «Для нас ясно, — телеграфировал из Москвы Иден после очередного разговора с Хэллом, — что Д. Дж. не поедет дальше Тегерана. Он дал понять, что может послать вместо себя Молотова. Мы с Хэллом считаем, что было бы ошибкой для Вас с Президентом ехать в Басру ради встречи с Молотовым…». По мнению министров, в создавшейся обстановке оставалось только два варианта действий: наилучший — предложенный Черчиллем бросок в Тегеран из Басры на один-два дня для встречи со Сталиным, или отсрочка встречи в случае, если «Президент не готов на первый вариант»[77]. Уже не раз откладывавшаяся встреча «большой тройки» снова повисла в воздухе. Между тем, для союзников она становилась еще более настоятельной в свете неожиданного для них успеха Московской конференции министров иностранных дел трех держав, завершившейся 30 октября 1943 года. Советское руководство проявило высокую готовность к сотрудничеству и на конференции были достигнуты важные взаимовыгодные договоренности. Нужно было ковать железо, пока горячо. «Насколько я могу судить о настрое этих непредсказуемых людей,- писал об итогах конференции Иден в телеграмме Черчиллю, — они сейчас готовы идти вместе с нами во всех делах при условии, если будут чувствовать, что равны нам во всех отношениях, и что мы ничего от них не утаиваем». Иден призывал Черчилля «нажать» на Рузвельта «со всей Вашей силой»[78].

Сталин внимательно изучил послание Рузвельта от 21 октября, подчеркивая самые важные

для себя места: «я не могу поехать в Тегеран», «…члены моего кабинета и лидеры законодательных палат», «Басра», «специальный провод под Вашим контролем», «в шестистах милях от русской территории», «дело величайшего значения». Но он не собирался выручать президента. Чтобы окончательно дожать его в этом вопросе, Сталин добавляет к своему коронному аргументу то самое предложение, которое до этого передавал через посредников — послать вместо себя на эту встречу Молотова, дабы устранить «затруднения в выборе места встречи». Это был ловкий ход. С одной стороны, кремлевский затворник мог быть уверен, что союзники не согласятся на такой вариант; с другой — предложение выглядело достаточно правдоподобным, поскольку Молотов уже встречался самостоятельно и с Черчиллем, и с Рузвельтом во время своей миссии 1942 года. Прижатый к стене, Рузвельт, наконец, сдался, поступившись самолюбием ради встречи со Сталиным. Для сохранения лица он сослался на якобы найденный им способ решения проблемы связи с Конгрессом[79]. Характерно, что президент не удосужился сообщить о своем согласии поехать в Тегеран Черчиллю, который узнал об этом от своих дипломатов и был крайне обижен обращением с собой как с младшим партнером: «Я бы предпочел, чтобы Вы сами прямо сказали мне об этом», — телеграфировал он Рузвельту 11 ноября[80].

В ходе подготовки Тегеранской конференции одним из главных вопросов стало размещение делегации США, поскольку американская миссия в Тегеране находилась на большом удалении от советской и соседней британской. Черчилль поспешил пригласить его на свою территорию и уговорить на это Сталина. Премьеру очень хотелось сохранить традицию «совместного проживания» с президентом во время их встреч, располагавшую к доверительности и тесному неформальному общению. В послании Сталину от 23 ноября 1943 года он упомянул этот вариант как уже почти решенное дело[81]. Однако президент не торопился принять приглашение Черчилля. 24 ноября он отправил свое послание Сталину, в котором передавал решение этого вопроса ему с прозрачным намеком на свою готовность воспользоваться советским гостеприимством: «Я знаю, что Ваше Посольство и Британское Посольство в Тегеране расположены близко друг от друга, в то время как моя Миссия находится от них на некотором расстоянии. Мне сообщили, что все трое из нас подвергались бы ненужному риску, отправляясь на заседания и возвращаясь с заседаний, если бы мы остановились слишком далеко друг от друга.

Где, по Вашему мнению, должны мы жить?»[82]

Несмотря на уговоры Черчилля, Рузвельт не хотел создавать у Сталина впечатления об англо-американском «шушуканье» в тайне от русских. Кроме того, его чрезвычайно интересовала личность советского диктатора и он не хотел упускать уникальной возможности более тесного общения с ним для налаживания личного контакта. Рузвельт, проехавший ради этого полмира, действительно, ждал этой встречи с «острым предвкушением» («with keen anticipation»), как гласил первоначальный русский перевод последней фразы его послания, приглаженный потом при издании «Переписки». Рузвельт, не без иронии подтвердил в своих мемуарах Хэлл, «ждал встречи со Сталиным с детским энтузиазмом»[83].

В ответном послании Рузвельту Сталин — возможно, за недостатком времени — не ответил на вопрос президента, ограничившись лапидарным сообщением в телеграфном стиле о дате своего прибытия в Тегеран. Получив это скупое сообщение Сталина, Рузвельт, видимо, решил, что его намёк не был услышан, и перешел к открытому тексту, переданному по закрытому каналу. 25 ноября советский дипломатический представитель в Тегеране Максимов срочно сообщил в Москву о беседе со своим американским коллегой Дрейфусом. Тот сказал, что президент прибудет в иранскую столицу 28 ноября и доверительно сообщил об отказе Рузвельта остановиться в английской миссии. «Одновременно американец заявил, — говорилось в телеграмме, — что, если можно, то Рузвельт принял бы с большим удовольствием приглашение остановиться на территории советского посольства. Дрейфус просил по этому вопросу снестись с НКИД и дать ему ответ. Дрейфус добавил, что в том случае, если по какой-либо причине нам этого нельзя будет сделать, то данная беседа должна остаться в глубоком секрете»[84]. На сей раз Москва ответила ясно: Молотов распорядился дать указание Максимову передать Дрейфусу, «что Советское правительство охотно принимает предложение президента о том, чтобы устроить его в советском посольстве в Тегеране»[85]. Эта доселе неизвестная переписка ясно свидетельствует о том, что вопреки распространенной версии не Сталин «заманил» Рузвельта на советскую территорию, а сам президент напросился в гости к советскому вождю, проявив при этом

недюжинное упорство и конспиративную изобретательность. Собственную инициативу в этом вопросе Рузвельт скрывал даже от своих коллег, которым он объяснял, что принял приглашение русских дабы «показать мое доверие к ним, мою полную уверенность в них»[86].

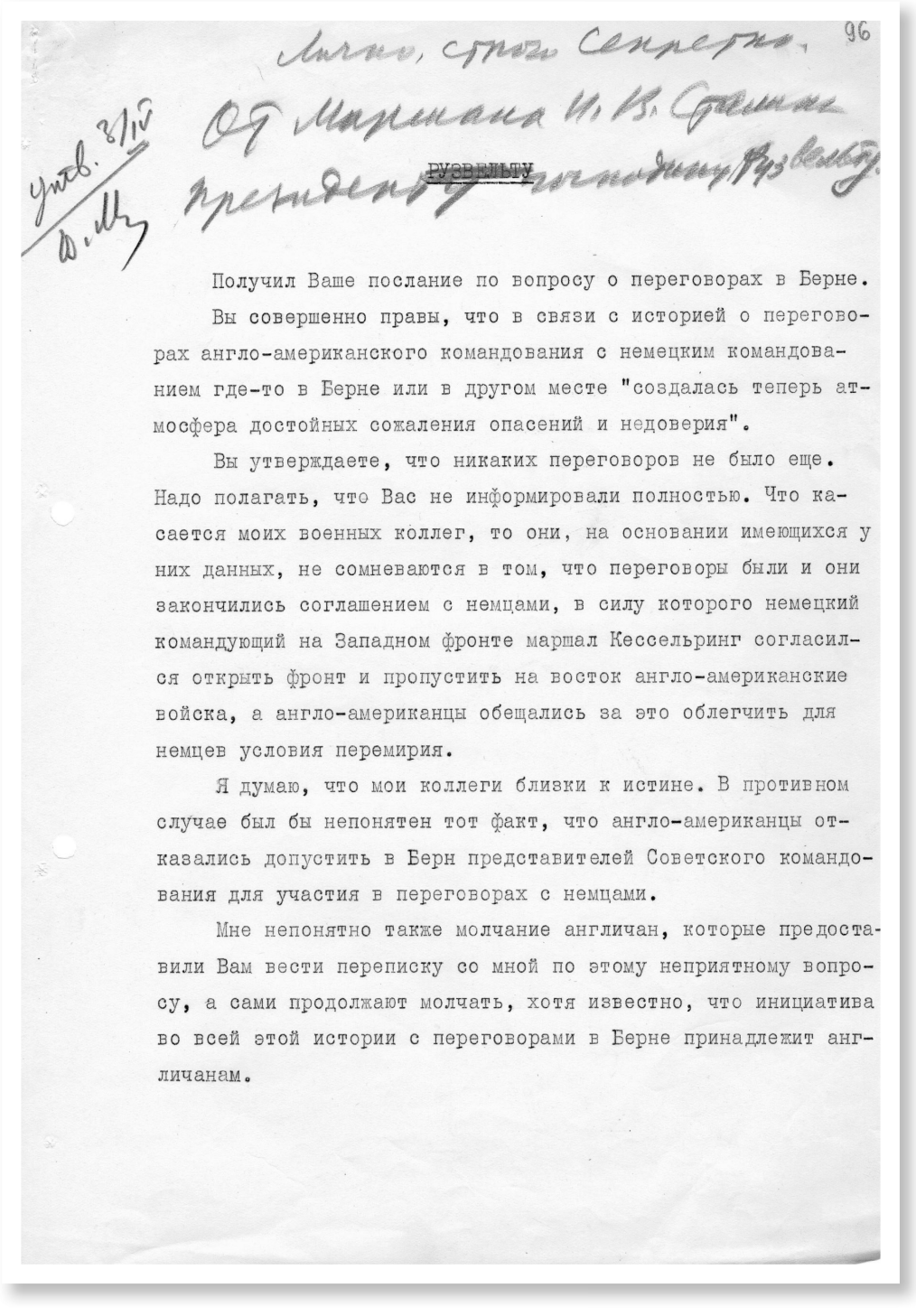
Делегация США во главе с Рузвельтом после шестичасового перелета прибыла из Каира в Тегеран 27 ноября 1943 года и провела первую ночь в американской миссии, поскольку прилетела раньше намеченного срока и еще не имела окончательного приглашения с советской стороны (распоряжение на сей счет Молотова, переданное через его заместителя В. Деканозова в Москве, задержалось и дошло до Максимова лишь 28 ноября). Теперь заволновались уже в советской делегации, решив принять срочные меры. В ту же ночь Молотов срочно пригласил к себе Гарримана и сообщил ему об угрозе «враждебных актов» «в отношении руководителей наших государств» со стороны «прогерманских элементов». В этой обстановке, сказал нарком, «представляется целесообразным осуществить первоначальное предложение о том, чтобы президент Рузвельт остановился в советском посольстве»[87]. Хотя нарком не подтвердил своего предупреждения конкретными данными, Гарриман согласился с рекомендацией Молотова и пообещал поговорить с президентом. Рузвельта не пришлось долго уговаривать: на следующее утро после краткого обмена мнениями с помощниками он с готовностью принял приглашение Сталина. Ему было предоставлено самое просторное помещение на территории посольства, тогда как Сталин расположился в более скромном здании. Тегеранская конференция началась.

Бернский Инцидент

Пожалуй, самое тяжелое объяснение между Рузвельтом и Сталиным состоялось в марте–апреле 1945 года в связи с известным «Бернским инцидентом» — истории с секретными контактами между американской разведкой и нацистскими представителями в Берне в марте 1945 года (операция «Кроссворд»), которые Сталин не без основания счел сепаратными переговорами о капитуляции германских войск в Северной Италии. Дипломатия США сообщила об этих контактах советской стороне (полагая, что в Москве о них все равно узнают), но наотрез отказалась пригласить на них советских представителей, объясняя свой отказ тем, что контакты в Берне носят чисто предварительный характер, а советские участники смогут подключиться к последующим официальным переговорам в штаб-квартире союзных войск в Казерте (Италия). Рузвельт одобрил это решение, опасаясь, что советское присутствие в Берне затянет обсуждение с немцами или вообще отобьет у них желание капитулировать. Кроме того, он считал Италию сферой западного влияния, в которой решающее слово должно оставаться за англо-американцами[88]. Этот неубедительный отказ возбудил в Москве большие подозрения в том, что «за спиной Советского Союза» союзники ведут сепаратные переговоры с немцами, как писал Молотов Гарриману 22 марта 1945 года в ответ на очередные заверения американцев[89]. Встревоженный резким тоном Молотова, Рузвельт с подачи своих военных 24 марта направил Сталину послание с объяснением обозначенной американской позиции.

Ответное послание Рузвельту по этому вопросу от 29 марта было подготовлено Молотовым и оставлено Сталиным без поправок. В нем говорилось о том, что немцы уже использовали эти переговоры для переброски новых дивизий из Италии на советско-германский фронт и ставился ключевой вопрос — «почему отказано представителям Советского командования в участии в этих переговорах и чем они могли бы помешать представителям союзного командования»[90]. Внимательно изучая ответ Рузвельта на это послание, Сталин выделяет в нем ключевые места: «атмосфера, достойная сожаления», «никаких переговоров о капитуляции не было», «целью было установление контакта», «Ваши сведения … ошибочны». Отталкиваясь от этих опорных точек, Молотов пункт за пунктом парирует оправдания Рузвельта в проекте ответного послания. Перед тем как его утвердить, Сталин решает предельно заострить звучание этого и без того гневного документа, поднимая ставки «Бернского инцидента» еще выше.

Роль англичан в операции «Кроссворд» была более противоречивой, чем представлялось в Кремле. Молчание Черчилля по этому вопросу в переписке со Сталиным объяснялось не коварством Лондона (в которое так истово верили в Москве), а тем, что эта операция была американской инициативой, к которой англичане подключились на правах младшего партнера. Кроме того, британская сторона поначалу придерживалась иной позиции по вопросу о советском участии. Документы британских архивов показывают, что британский Кабинет и КНШ

Лично, строго секретно. 96

От Маршала И. В. Сталина

Президенту РУЗВЕЛЬТУ

Утв. 3/IV

Получил Ваше послание по вопросу о переговорах в Берне.

Вы совершенно правы, что в связи с историей о переговорах англо-американского командования с немецким командованием где-то в Берне или в другом месте "создалась теперь атмосфера достойных сожаления опасений и недоверия".

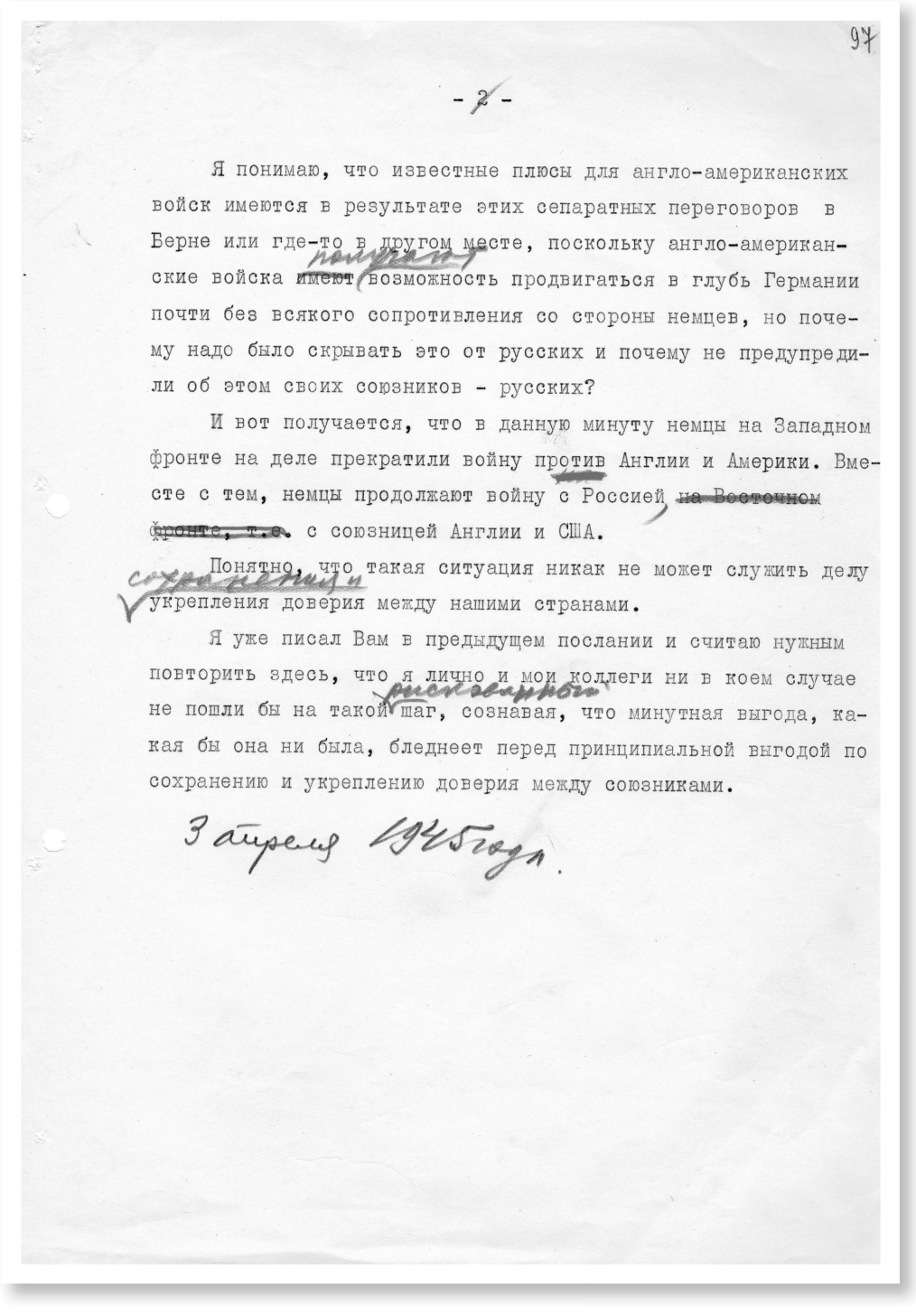
Вы утверждаете, что никаких переговоров не было еще. Надо полагать, что Вас не информировали полностью. Что касается моих военных коллег, то они, на основании имеющихся у них данных, не сомневаются в том, что переговоры были и они закончились соглашением с немцами, в силу которого немецкий командующий на Западном фронте маршал Кессельринг согласился открыть фронт и пропустить на восток англо-американские войска, а англо-американцы обещались за это облегчить для немцев условия перемирия.

Я думаю, что мои коллеги близки к истине. В противном случае был бы непонятен тот факт, что англо-американцы отказались допустить в Берн представителей Советского командования для участия в переговорах с немцами.

Мне непонятно также молчание англичан, которые предоставили Вам вести переписку со мной по этому неприятному вопросу, а сами продолжают молчать, хотя известно, что инициатива во всей этой истории с переговорами в Берне принадлежит англичанам.

Рис. 4.

были не против приглашения в Берн советских представителей и даже направили было соответствующие указания союзному главнокомандующему в Италии фельдмаршалу Г. Александеру[91]. Одним из мотивов было опасение создать нежелательный для себя прецедент «в похожей ситуации на Восточном фронте» (как отмечал во внутренней переписке Иден)[92]. Сам Черчилль проявлял понимание советской чувствительности в этом вопросе, о чем свидетельствует ряд его высказываний в своем кругу. Так, например, 23 марта 1943 года он писал Идену: «Я хорошо понимаю встревоженность русских тем, что принятие нами капитуляции (немцев. — *В. П.*) на Западе или Юге ликвидирует сопротивление нашим армиям, которые дойдут до Эльбы или даже Берлина прежде Медведя»[93]. Черчилль также не до конца доверял информации резидента УСС в Швейцарии Аллена Даллеса о том, что контакты в Берне имели чисто предварительный

97

- 2 -

Я понимаю, что известные плюсы для англо-американских войск имеются в результате этих сепаратных переговоров в Берне или где-то в другом месте, поскольку англо-американские войска получают возможность продвигаться в глубь Германии почти без всякого сопротивления со стороны немцев, но почему надо было скрывать это от русских и почему не предупредили об этом своих союзников - русских?

И вот получается, что в данную минуту немцы на Западном фронте на деле прекратили войну против Англии и Америки. Вместе с тем, немцы продолжают войну с Россией на Восточном фронте, т.е. с союзницей Англии и США.

Понятно, что такая ситуация никак не может служить делу сохранения и укрепления доверия между нашими странами.

Я уже писал Вам в предыдущем послании и считаю нужным повторить здесь, что я лично и мои коллеги ни в коем случае не пошли бы на такой рискованный шаг, сознавая, что минутная выгода, какая бы она ни была, бледнеет перед принципиальной выгодой по сохранению и укреплению доверия между союзниками.

3 апреля 1945 года.

Рис. 5.

характер. «Похоже, что разговоры в Швейцарии могут зайти дальше этого, если уже не зашли», — писал он Идену 30 марта[94]. В середине апреля — уже после спада остроты кризиса Черчилль в послании новому президенту США Г. Трумэну дал весьма реалистическое объяснение реакции Кремля на «Кроссворд»:

«Мы с Вами знаем, что наша совесть чиста. Однако надо понять и подозрения русских, как бы ошибочны они не были. Их разведка, безусловно, доложила о действиях УСС. Русским было заявлено, что их там не ждут. Тем временем, дела в Швейцарии продолжались на протяжении более двух недель, в течение которых Кессельринг был переведен из Северной Италии на командование Западным фронтом…Русские, с их подозрительной натурой, естественно, могли предположить, что все это было частью сплетенного в Швейцарии заговора с целью освободить путь для легкого продвижения союзных армий по Германии через

Рейн и что Кессельринг отправился на запад для осуществления этого плана. В то же время они наверняка заметили переброску значительного количества немецких дивизий с Западного фронта на Восточный. Соединив эти два обстоятельства, они пришли к неверному заключению о том, что мы пытаемся устроить себе легкую прогулку за их счет и ради нашей славы. Отсюда — оскорбительная телеграмма Сталина Рузвельту от 3 апреля. Боюсь, что, несмотря на наш окончательный ответ, эта выдумка станет в русской армии легендой»[95].

Однако в разгар кризиса под влиянием Вашингтона и, будучи возмущен тоном послания Сталина Рузвельту от 3 апреля 1945 года (которое было доведено до его сведения), премьер солидаризировался с американской позицией и поддержал Рузвельта в отдельном послании Сталину по этому вопросу от 5 апреля.

Сталинско-молотовское послание Рузвельту от 3 апреля поначалу было воспринято в Белом доме как оскорбление, требующее срочного отпора. Рузвельт, находившийся на лечении в местечке Уорм-Спрингс (Джорджия), дал указание своему военному помощнику адмиралу У. Леги «принять необходимые меры для подготовки немедленного ответа»[96]. Сталинское послание исполнено «подозрительности и недоверия к нашим мотивам, — записал Леги в своём дневнике, — Я подготовил для президента направленный затем маршалу Сталину резкий ответ, настолько близкий к отповеди, насколько это возможно в дипломатических обменах между государствами»[97]. Рузвельт подписал проект, не внеся никаких изменений. В нем выражалось удивление тем, что «Советское Правительство, по видимому, прислушалось к мнению о том, что я вступил в соглашение с врагом, не получив сначала Вашего полного согласия». Леги и помогавший ему Дж. Маршалл вставили в конец послания фразу о «крайнем негодовании» президента в отношении информаторов Сталина «в связи с таким гнусным, неправильным описанием моих действий или действий моих доверенных подчиненных»[98]. Однако Рузвельт, как отмечает американский историк У. Кимбэлл, «так и не ответил на главный вопрос советского премьера — почему советские представители были исключены из бернских переговоров?»[99]

Сталин ответил Рузвельту 7 апреля в вежливом тоне, начав с того, что «никогда не сомневался в Вашей честности и надежности, так же как и в честности и надежности г-на Черчилля». Речь идет о разном понимании союзнического долга, подчеркнул он: «Мы, русские, думаем, что в нынешней обстановке на фронтах, когда враг стоит перед неизбежностью капитуляции, при любой встрече с немцами по вопросам капитуляции представителей одного из союзников должно быть обеспечено участие в этой встрече представителей другого союзника. Во всяком случае это безусловно необходимо, если этот союзник добивается участия в такой встрече. Американцы же и англичане, думают иначе, считая русскую точку зрения неправильной»[100]. По сути, обе стороны остались при своем мнении, но решили сгладить этот инцидент, чтобы не доводить дело до опасного разрыва.

Следующий шаг к примирению сделал Рузвельт, хотя и не без колебаний, как показывают документы его архива, прежде не замеченные историками. Его первой реакцией на послание Сталина от 7 апреля 1945 года (полученное им 9 апреля), была резолюция для Леги: «Думаю, что это не требует ответа, если только Вы и генерал Маршалл не считаете нужным ответить»[101]. Документальных свидетельств дальнейшего обсуждения этого вопроса не сохранилось, поэтому не ясно, кто был инициатором ответа — Леги с Маршаллом или сам Рузвельт при зрелом размышлении изменил свое первоначальное мнение. Возможно, это могло быть решено по телефону между президентом и его советниками. Так или иначе, Рузвельт подписал подготовленный адмиралом проект послания, в котором благодарил Сталина за «искреннее пояснение советской точки зрения» и выражал надежду на то, что «незначительные недоразумения (в английском оригинале — „непонимания“) такого характера не должны возникать в будущем»[102]. Посол Гарриман, приложивший руку к раздуванию этого кризиса, на свой страх и риск задержал передачу послания в Москве, предложив исключить из него термин «незначительный», поскольку (как телеграфировал он президенту) «в данном случае непонимание представляется мне очень серьезным». Когда Леги получил эту телеграмму Гарримана, он уже твердо знал настрой президента, который накануне передал через него свое последнее послание Черчиллю с призывом «не педалировать советскую поблему»[103]. Поэтому Леги предложил Рузвельту следующий проект ответа послу — «Я не намерен опускать слово «незначительный», так как хочу считать бернское непонимание незначительным инцидентом»[104]. Это сообщение ушло из Штабной комнаты

в Уорм-Спрингс в 10:50 утра 12 апреля, а уже в 13:06 Леги получил его одобрение президентом. В 13:15 Рузвельт пожаловался на «ужасную боль в затылке» и потерял сознание. Еще через два часа его не стало. Таким образом, шаг навстречу Сталину был его последним важным решением. «Та энергия, с которой он отверг мое предложение, — вспоминал впоследствии Гарриман, — была очень характерна для его решимости обращаться со Сталиным максимально сдержанно, несмотря на все трудности»[105]. В Москве этот шаг был оценен по достоинству. И. М. Майский в беседе с британским послом А. Керром 13 апреля с облегчением заметил, что бернский инцидент был, наконец, закрыт, судя по «предсмертному посланию» президента Сталину[106].

* * *

Вечером 13 апреля 1945 года Сталин принял Гарримана. «Он встретил меня скорбным молчанием и не отпускал моей руки секунд тридцать». — Отмечается в американской записи беседы. Посол заверил вождя в том, что Трумэн продолжит политику Рузвельта. «Президент Рузвельт умер, но дело его должно продолжаться», — ответил Сталин. — «Мы окажем президенту Трумэну помощь всеми своими силами»[107]. По настоятельной просьбе Гарримана он тут же пересмотрел свое решение не посылать Молотова на учредительную конференцию ООН в Сан-Франциско, принятое в разгар «бернского инцидента».

Недюжинный актёр, Сталин, по всей видимости, был всё же действительно потрясён кончиной Рузвельта, как и большинство современников. Правда, в Ялте он видел президента ослабленным, но знал, что тот продолжает твёрдо сохранять управление государством в своих руках, о чём говорила и их активная переписка вплоть до самого последнего дня. К эффекту внезапности примешивалось чувство тяжёлой потери: Сталин рассчитывал на привычное партнёрство с президентом в критический период завершения войны и закладывания основ послевоенного устройства. Он был хорошо информирован о нарастании сопротивления советской политике Рузвельта в Америке и теперь имел веские основания опасаться её пересмотра. Тем более, что преемник Рузвельта не входил в круг его близких соратников и был известен в Москве главным образом своим памятным призывом 1941 года к взаимному истреблению немцев и русских. Уже первые шаги Трумэна — его жесткий разговор с Молотовым 23 апреля 1945 года, внезапное, безо всякого предупреждения, прекращение поставок по ленд-лизу 12 мая — подтвердили эти опасения. «Теперь, после смерти президента Рузвельта Черчилль быстро столкуется с Трумэном», — говорил своим соратникам Сталин в те майские дни[108].

Отношение Сталина к покойному президенту ощущается и в его публичной реакции на его кончину. В фонде Молотова сохранился черновик сталинского соболезнования вдове президента Элеоноре. В нём Сталин высоко поднимает значение мировой роли Рузвельта, заменяя скупую молотовскую характеристику президента «как друга и соратника по борьбе с нашим общим врагом» на куда более выразительное и масштабное определение — «великого организатора борьбы свободолюбивых наций против общего врага и как руководителя дела обеспечения безопасности во всём мире»[109].

Именно в такой формулировке послание было срочно, 13 апреля 1945 года, напечатано в «Известиях», задав тон всей советской пропаганде в освещении этого события. В том же номере «Известий» было опубликовано и послание Сталина президенту Трумэну, в котором подчёркивалась историческая роль Рузвельта как «величайшего политика мирового масштаба и глашатая организации мира и безопасности после войны»[110].

По решению правительства на государственных учреждениях в Москве были вывешены траурные флаги. Это фактически означало объявление официального траура в связи с кончиной буржуазного лидера — единственный случай подобного рода во всей предыдущей советской практике. И за этим решением тоже стоял Сталин.

Разумеется, в сталинской реакции на смерть Рузвельта присутствовали и чисто политические расчёты — образ покойного президента отождествлялся с расцветом советско-американских отношений и становился их мерилом на будущее. И всё же думается, что в этой реакции было и искреннее сожаление и опасение за будущее. 15 апреля, отвечая на взволнованное письмо Г. Гопкинса, в котором говорилось об утрате Россией «своего самого большого друга в Америке», Сталин написал в необычном для себя, прочувствованном тоне: «Совершенно согласен с Вами в оценке роли и значения Рузвельта для Советского Союза. Лично я глубоко опечален потерей испытанного друга — человека великой души»[111].

[1] Staff Meeting, December 8, 1943.// Library of Congress, W. A. Harriman Papers, Chronological File, Cont. 171.

[2] M. Djilas. Conversations with Stalin. N.Y., 1962, P. 73.

[3] W. Kimball. The Juggler. Franklin D. Roosevelt as Wartime Statesman. Princeton, 1991, P. 88.

[4] April 23, 1942 (by Michela). // Franklin D. Roosevelt Library (далее — FDRL), Harry L. Hopkins Papers, Military Intelligence, USSR-EE Branch.

[5] Подробнее об этой стратегии Рузвельта см.: J. Gaddis. Strategies of Containment: A Critical Appraisal of American National Security Policy during the Cold War. N.Y., 1982, P. 9–13; W. Kimball. The Juggler, ch. 5.

[6] R. Gannon. The Cardinal Spellman Story. N.Y., 1962, P. 222–224.

[7] Churchill & Roosevelt: The Complete Correspondence (далее — Churchill & Roosevelt), Vol. 1–3. Edited by W. Kimball. Princeton, 1984, Vol.I. P. 421.

[8] A. M. Schlesinger, Jr., L. Gardner, H. Morgenthau. The Origins of the Cold War . Waltham (Mass.), 1970, P. 72.

[9] Цит. по: W. Kimball. The Juggler, P. 110.

[10] А. Трояновский — М. Литвинову, 1.12.1936.// Архив Внешней Политики МИД РФ (далее — АВП РФ), ф. 05, оп. 16, п. 122, д. 104, л. 91.

[11] Цит. по: Р. Шервуд. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца (перевод с английского). Т. 2, М., 1958, С. 587.

[12] См., например, М. Литвинов. Политика США. // АВП РФ, ф. 06, оп. 5, п. 28, д. 327, лл. 15–16; А. Громыко. К вопросу о советско-американских отношениях (14.07.1944). //АВП РФ, ф. 06, оп. 6, п. 45, д. 603, лл. 7–8.

[13] АВП РФ, ф. 06, оп. 5, п. 28, д. 327, л. 21.

[14] R. Messer. The End of an Alliance. James Byrnes, Roosevelt, Truman, and the Origins of the Cold War. Chapel Hill, 1982, P. 42; Notes on the Conversations with the President. — Library of Congress, W. A. Harriman Papers, Chronological File, Cont. 175. «При послевоенном решении наших споров с пограничными государствами, — со знанием дела прогнозировал посол М. Литвинов, — Рузвельт не станет активно поддерживать их претензий, если он очутится перед свершившимися фактами». (АВП РФ, ф. 6, оп. 5, п. 28, д. 327, л. 22).

[15] Подробнее об этих прогнозах см.: V. Pechatnov. The Big Three after World War II. New Documents on Soviet Thinking about Post-War Relations with the United States and Great Britain. Cold War International History Project, Working Paper № 13, Washington, 1995, P. 4–5, 7–8.

[16] О. А. Ржешевский. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004, С. 244.

[17] Советский Союз на конференциях периода Великой Отечественной Войны 1941–1945 гг. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трёх союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Сборник документов. М., 1978, С. 117–118.

[18] АВП РФ, ф.06, оп. 6, п. 42, д. 550, л. 29.

[19] Дополнительные соображения о подопечных территориях (записка М. Литвинова, 28.06.1945). // АВП РФ, ф. 06, оп. 7, п. 17, д. 173, л. 64.

[20] Советский Союз на конференциях периода Великой Отечественной Войны 1941–1945 гг. Т. 4. Крымская конференция руководителей трёх союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г). Сборник документов. М., 1979, С. 61.

[21] Churchill & Roosevelt, Vol. 1, P. 545.

[22] Цит. по: M. Sherry. Preparing for the Next War. America's Plans for Post-War Defense. N.Y., 1976, P. 131.

[23] Conversation between Mr. Law and President Roosevelt // The National Archives, Kew, Richmond (далее — TNA), Foreign Office (далее — FO) 371/44595.

[24] См.: В. О. Печатнов, И. Э. Магадеев. Канал Сталин–Рузвельт // «Великая победа»: многотомное продолжающееся издание под общей редакцией С. Е. Нарышкина и академика А. В. Торкунова. М., МГИМО, 2011. Т. 7.

[25] Советско-американские отношения. 1939–1945. Под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 2004, С. 192, 196.

[26] Там же. С. 216.

[27] Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1957, (далее — Переписка), Т. 2, С. 45–46.

[28] Там же. С. 47.

[29] Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers (далее — FRUS), Conferences at Washington, 1941–1942, and Casablanca, 1943. Washington, 1968. P. 506–507.

[30] Переписка, Т. 2, С. 49–50.

[31] И. М. Майский. Дневник дипломата. Лондон, 1934–1943, кн. 2, ч. 2: 22 июня 1941–1943 г. Сост. Ю. А. Никифоров, Л. В. Поздеева, О. А. Ржешевский; отв. ред. А. О. Чубарьян. М., Наука, 2009, С. 194.

[32] Из Лондона, 9 февраля 1943 года // АВП РФ, ф. 059, оп. 7, п. 13, д. 6, лл. 221–222.

[33] Подробнее о происхождении миссии Дэвиса см.: В.Л. Мальков. Путь к имперству. Америка в первой половине XX века. М., 2004, С. 396–399.

[34] Беседа М.М. Литвинова с Дж. Дэвисом, 22 мая 1943 г. // АВП РФ, ф. 06, оп. 5, п. 29, д. 337, л. 16.

[35] E. MacLean. Joseph Davies: Envoy to the Soviets. Westport, 1992, P. 100.

[36] Churchill & Roosevelt. Vol. 2. P. 283.

[37] Kerr to Warner, 3rd June, 1943; Warner to Kerr, 1st July, 1943 // TNA, FO 800/301.

[38] Литвинов — в НКИД, 5 мая 1943 г. // Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы в 2 т. М., 1984 (далее — САМО), Т. 1. С. 314–315.

[39] Davies to the President and the Secretary of State, May 21, 1943. //FDRL, Map Room Files (далее — MR), Box 8. См. также: Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина. // Исторический архив. 1998. № 4. С. 67.

[40] C. Dunn. Caught between Roosevelt and Stalin: America's Ambassadors to Moscow. Lexington, 1998. P. 188.

[41] F. Castigliola. Roosevelt's Lost Alliances. How Personal Politics helped Start The Cold War. Princeton, 2012, P. 192–193. Американский исследователь У. Кинселла, не приводя источников, ошибочно считает, что Сталин ответил на предложение Рузвельта встретиться на одном из берегов Берингова пролива отказом (Kinsella W.E. Jr. Relations with the Soviet Union. // A Companion to Franklin D. Roosevelt / Ed. by W.D. Pederson. Malden, 2011).

[42] Davies to the President and the Secretary of State, May 27, 1943. // FRUS. The Conferences at Cairo and Tehran, 1943. P. 5.

[43] Davies to Roosevelt, May 29, 1943 // FDRL, President's Secretary File.

[44] Davies to the President and the Secretary of State, May 27, 1943. // FRUS. The Conferences at Cairo and Tehran, 1943. P. 5.

[45] Переписка, Т. 2, С. 68–69.

[46] W. Churchill. The Second World War. Vol.IV, The Hinge Of Fate. London, 1951, P. 811.

[47] Hopkins to Eisenhower for Churchill, May 31, 1943 // FDRL, MR, Box 8.

[48] From AFHQ in North Africa to War, June 2, 1943 // Ibid.

[49] From President to General Marshall, June 2, 1943 // Ibid.

[50] Российский Государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ), ф. 558, оп. 11, д. 365, л. 131–132.

[51] Подробнее см.: В.О. Печатнов. Переписка У. Черчилля с И.В. Сталиным в годы Великой Отечественной войны (по документам британских архивов) // Международная жизнь, 2010, № 7, С. 113–115.

[52] Переписка, Т. 2, С. 76.

[53] From Washington to Foreign Office, 8th July, 1943 // Churchill Archive Centre (Cambridge University) Winston S. Churchill Papers, Chartwell (далее — CHAR), 20/129.

[54] Майский — в НКИД, 3 июля 1943 г. // АВП РФ, ф. 059а, оп. 7, п. 13, д. 6, л. 298.

[55] Davies to Mr. Stalin, July 22, 1943; Hopkins to Gromyko, July 22, 1943 // FDRL, MR, Box 8.

[56] Из Вашингтона 23.VI. 1943 г. // АВП РФ, ф. 059, оп. 10, п. 3, д. 25, л. 41.

[57] РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 366, л. 1.

[58] Переписка, Т. 2, С. 77.

[59] Там же, С. 81–82.

[60] Там же, С. 83.

[61] W.A. Harriman.and E. Abel. Special Envoy to Churchill and Stalin, N.Y., 1975, P. 226.

[62] The War Diaries of Oliver Harvey. Ed. by John Harvey. London, 1978, P. 288.

[63] Prime Minister to Deputy Prime Minister and War Cabinet, 25th August 1943 // CHAR 20/ 129.

[64] For General Watson, August 25, 1943 // FDRL, MR, Box 8.

[65] My Dear Mr.President, August 25, 1943 // Ibid.

[66] Из Вашингтона, 25.VIII. 1943 г. // АВП РФ, ф. 059, оп. 10, п. 3, д. 26, л. 2.

[67] Переписка, Т. 2. С. 89; РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 366, л. 71–72.

[68] Переписка, Т. 2. С. 98–99.

[69] САМО, Т. 1. С. 373.

[70] РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 366, л. 163.

[71] From Opnav to Alusna, October 21, 1943 // FDRL, MR, Box 8.

[72] From Moscow to Foreign Office, 22nd October, 1943 // CHAR/20/ 122.

[73] Churchill & Roosevelt, Vol. 2. P. 570.

[74] FRUS, The Conferences at Cairo and Tehran, 1943.

[75] САМО, Т. 1. С. 394.

[76] Churchill & Roosevelt, Vol. 2. P. 561.

[77] From Moscow to Foreign Office, 1st November, 1943 // CHAR/20/123.

[78] From Moscow to Foreign Office, 2nd November, 1943 // Ibid.

[79] Переписка. Т. 2. С. 104.

[80] Churchill & Roosevelt, Vol.2, P. 596.

[81] Переписка. Т. 1. С. 177.

[82] Переписка. Т. 2. С. 107.

[83] C. Hull. Memoirs. Vol. 2, P. 1313.

[84] Из Тегерана, 25 ноября 1943 г. // Архив Президента РФ, ф. 3, оп. 63, д. 222, л. 6.

[85] Молотов — Деканозову, 26 ноября 1943 г. // Там же, л. 7.

[86] F. Castigliola. Roosevelt's Lost Alliances, P. 196.

[87] САМО, Т. 1. С. 442–443.

[88] Churchill & Roosevelt, Vol. 3, P. 586.

[89] САМО, Т. 2. С. 87.

[90] Переписка, Т. 2. С. 199.

[91] См.: From Foreign Office to Washington, 18th March, 1945//TNA, The Prime Minister Office Papers (далее — PREM) 3/198/2; From A.F.H.Q. to AGWAR, 15th March, 1945// Ibid.

[92] TNA, PREM 3/198/2.

[93] Prime Minister to Foreign Secretary, 23 March, 1945//TNA, PREM 3/356/9.

[94] Foreign Secretary (personal minute by W. S. C.), 30.03.45//PREM 3/198/2.

[95] From Foreign Office to Washington, 15th April, 1945//PREM 3/473.

[96] From The President to Marshal Stalin, 4 April 1945 / FDRL, MR, Box 9.

[97] Leahy Diaries, April 4, 1945. // National Archives, College Park (Maryland), Record Group 218, William Leahy, Cont. 4.

[98] Переписка. Т. 2. С. 206.

[99] Churchill & Roosevelt, Vol. 3. P. 609.

[100] Там же. С. 206–207.

[101] From The President to Marshal Stalin, 11 April 1945 // FDRL, MR, Box 9.

[102] Переписка. Т. 2. С. 211–212.

[103] Roosevelt to Churchill, April 11, 1945 // FDRL, Presidential Trips (Warm Springs Trip, March 29-April 12, 1945), Box 23.

[104] Ambassador Harriman for the President, April 12, 1945; For Harriman from the President, April 12, 1945. // Library of Congress, W. A. Harriman Papers, Chronological File, Cont. 178.

[105] Library of Congress, W. A. Harriman Papers, Writing Files, Memoirs, E. Abel Files, Cont. 860.

[106] From Moscow to Foreign Office, 14th April, 1945 // TNA, PREM 3/197/8.

[107] FRUS, 1945, Vol. 5, Washington, 1967, P. 828.

[108] Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 713.

[109] АВП РФ, ф. 06, оп. 7, п. 44, д. 693, лл. 5–6.

[110] Известия, 13.04.1945.

[111] АВП РФ, ф. 06, оп. 7, п. 44, д. 693, л. 38.

Большая игра: Сталин и Черчилль в начале Второй мировой войны

О. А. Ржешевский*

Довольно распространенный тезис о том, что антигитлеровская коалиция «The Grand Alliance» возникла как бы в одночасье после нападения Германии на СССР, заявлений У. Черчилля (22 июня 1941 г.) и Ф. Рузвельта (24 июня 1941 г.) о поддержке Великобританией и США борьбы СССР против нацистского нашествия требует существенной корректировки.

Прежде всего отметим, что образование в XX веке коалиций, противостоящих агрессивной политике Германии, относится к началу века. В 1904–1907 гг. оформились в военно-политический союз (Антанту) Англия, Франция и Россия. В ходе Первой мировой войны этот союз объединил против германской коалиции более 20 государств (среди них США, Италия, Япония) и силой принудил агрессоров к капитуляции. В конце августа 1939 г. после неудачи англо-франко-советских переговоров об объединении сил для борьбы с надвигавшейся немецкой агрессией возникла коалиция Англии, Франции и Польши. Советско-германский договор о ненападении (23 августа 1939 г.), нейтралитет СССР в разразившейся 1 сентября 1939 г. Второй мировой войне, советско-германский договор о дружбе и границе (28 сентября 1939 г.), казалось, не оставляли и отдаленной перспективы создания военно-политического союза СССР, Великобритании и США. Найденные отечественными историками в последние годы архивные документы понемногу открывают картину поиска «невозможного». В предлагаемом читателям документальном очерке рассматривается период от первых контактов в этом направлении между Черчиллем и Сталиным в октябре 1939 г. до нападения Германии на СССР.

Напомним обстановку в Европе, которая сложилась к октябрю 1939 г. Польша была разгромлена вермахтом за две недели. Германские войска вплотную подошли к советским границам (в то время демаркационной линии), и только вмешательство Гитлера воспрепятствовало командованию вермахта «продолжить наступление на Восток»[1]. Не только в Лондоне и Париже, но и в Москве ближайшее будущее в войне виделось как противоборство на западном фронте, в море и в воздухе, успех которого определит экономическая блокада Германии, боевые действия и усилия дипломатии воюющих сторон. Поражение Франции и разгром сил англо-французской коалиции на европейском континенте не прогнозировались.

Тем не менее для англо-французского и советского руководства демонстрация мощи Германии в войне с Польшей и решимость нацистского руководства осуществить свои захватнические цели были очевидны. Исторически сложилось так, что первые шаги на пути объединения сил СССР, Великобритании и США в борьбе с агрессорами предстояло сделать Сталину и Черчиллю. Инициативу проявил У. Черчилль — территория Великобритании и её имперских владений подвергались наибольшей военной опасности.

1 октября 1939 г. У. Черчилль, в то время первый лорд адмиралтейства (военно-морской министр), выступая по радио сделал важное

* **Олег Александрович Ржешевский** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

заявление: «То, что русские армии должны были находиться на этой линии, было совершенно необходимо для безопасности России. Во всяком случае, позиции заняты и создан Восточный фронт, на который Германия не осмеливается напасть». 6 октября он пригласил советского посла И. Майского. По итогам встречи Майский сделал следующую неформальную запись в своем опубликованном в 2009 г. дневнике:

«6 октября Секретарь Черчилля позвонил по телефону и просил меня приехать к нему в адмиралтейство в 10 час[ов] вечера. Не совсем обычный час для приема послов в Англии, но ведь сейчас время необычное, да и человек, приглашающий меня, тоже не совсем обычный человек!

Ночь сегодня темная, туманная. На небе низкие, мрачные облака. На улицах хоть глаз выколи. Не без труда добрался я до «Horse Parade», где находится Адмиралтейство. Машина то и дел[о] должна была останавливаться и искать путь. Приехали. Знакомая площадь кажется незнакомой. Клубится туман. Из тумана мрачно подымается, точно какая-то сказочная крепость, здание Адмиралтейства. Нигде ни огня, ни человека. Я долго стучал и звонил в разные двери и ворота, — мне отвечало только молчание. Что они там, заснули? Или все это огромное учреждение, управляющее 24 час[а] в сутки движениями британского флота во всех концах земли, вымерло?.. Я начинал уже терять терпение. Наконец, в длинной арке ворот показался бледный луч света, а за ним показался и сам заспанный сторож. Я объяснил, в чем дело. Спустя несколько минут я уже сидел в кабинете «первого лорда Адмиралтейства» (военно-морского министра. — *О. Р.*).

Черчилль встретил меня приветливой улыбкой. На столе у него стояла бутылка виски и содовая вода. На стенах была коллекция самых разнообразных карт самых разнообразных частей мира с густо нанесенными линиями морских путей. С потолка свешивалась лампа с широким темным абажуром, дававшая очень приятный мягкий свет. Черчилль кивнул на лампу и, наливая виски с содой, удовлетворенно сказал:

— Эта лампа висела здесь 25 лет назад, когда я первый раз был морским министром. Потом ее сняли. Сейчас ее вновь повесили.

Как это по-английски!

Потом Черчилль подвел меня к какой-то широкой двустворчатой дверце в стене, распахнул ее, и в глубокой нише я увидал карту Европы с наколотыми в разных местах старыми, полинявшими флажками:

— Это карта движений германского военного флота во время прошлой войны. Каждое утро в соответствии с данными морской разведки флажки перекалывались, так что в каждый данный момент мы знали, где находится то или иное немецкое судно. Я заказал эту карту 25 лет назад. Она сохранилась. Теперь она опять пригодится. Надо только освежить флажки.

Я с улыбкой посмотрел на Черчилля и сказал:

— Итак, история повторяется!

— Да, повторяется, и я готов был бы философствовать по поводу своеобразной романтики моего возвращения в этот кабинет с перерывом в четверть века, если бы речь шла не о такой дьявольской работе, как разрушение судов и человеческих жизней.

Мы вернулись к настоящему, и я спросил:

— Что вы думаете о мирных предложениях Гитлера? Черчилль вскочил с места и порывисто заходил по кабинету.

— Я только что с ними ознакомился и еще не имел возможности обменяться мнениями с моими коллегами по кабинету. Лично я считаю их абсолютно неприемлемыми. Ведь это же условия завоевателя! Но мы еще не завоеваны! Нет, нет, мы еще не завоеваны!

И Черчилль вновь с раздражением забегал из угла в угол.

— Некоторые из моих консервативных друзей, — продолжал Черчилль, -рекомендуют мир. Они боятся, что в ходе войны Германия станет большевистской. Но я стою за войну до конца. Гитлер должен быть уничтожен. Нацизм должен быть сокрушен раз [и] навсегда. Пускай Германия становится большевистской. Это меня не пугает. Лучше коммунизм, чем нацизм.

Впрочем, все это была лишь присказка. Сказка, из-за которой Черчилль пригласил меня к себе в столь поздний час, сводилась к желанию поговорить со мной о состоянии англо-советских отношений.

Черчилль спросил меня, как мы определяем характер этих отношений в настоящий момент. В ответ я повторил ему то, что 27 сентября сказал Галифаксу. Черчилль внимательно меня выслушал и затем в течение почти часовой беседы излагал взгляд британра на вопрос об англо-советских отношениях. В основном этот взгляд сводится к следующему.

Англо-советские отношения всегда были отравлены ядом взаимных подозрений, а сейчас больше, чем когда бы то ни было раньше. Каковы эти подозрения? Англия подозревает

СССР в том, что он заключил военный союз с Германией и в один прекрасный день выступит открыто против западных держав на стороне Гитлера. Лично Черчилль в это не верит, но многие (в том числе и в правительственных кругах) в это верят. Данное обстоятельство, конечно, не может не отражаться на общем тоне отношений Англии к СССР. С другой стороны, СССР подозревает Англию в том, что она ведет против него враждебную политику и устраивает против него всякие махинации в Прибалтике, в Турции, на Балканах и т. д. Данное обстоятельство тоже не может не отражаться на тоне отношений СССР к Англии. Черчиллю понятно, почему наши подозрения особенно обострены в настоящий момент. Англо-франко-советские переговоры о пакте велись отвратительно (мне известно его мнение на этот счет), и, конечно, они оставили в сознании и памяти Москвы плохие воспоминания. Однако пусть мертвые хоронят мертвых. Важнее, чем прошлое, — настоящее и будущее. И вот об этом-то настоящем и будущем Черчилль и хочет говорить.

Его исходная точка — это то, что основные интересы Англии и СССР нигде не сталкиваются. Мне известно, что так он думал раньше, так он думает и сейчас. Стало быть, нет причин для плохих или неудовлетворительных между ними отношений.

В самом деле, каково положение сейчас?

В результате событий последних недель восток и юго-восток Европы оказались вне зоны войны — хорошо это или плохо с точки зрения правильно понятых британских интересов? Хорошо. И потому в данном вопросе интересы обеих сторон не сталкиваются, а скорее совпадают. Пусть нас не смущают критика и раздражение, которыми советско-германский пакт о ненападении и последующие шаги совпра были встречены в Англии вначале. Это был результат неожиданности. Но первый шок сейчас прошел, и люди начинают видеть вещи в более правильной перспективе.

Далее, Прибалтика. СССР становится хозяином восточной части Балтийского моря. Хорошо это или плохо с точки зрения британских интересов? Хорошо. Правда, кое-кто из лейбористско-либеральных сентименталистов проливают слезы по поводу «русского протектората» над Эстонией или Латвией, но к этому нельзя относиться серьезно. По существу же, последние действия совпра в Прибалтике соответствуют интересам Англии, ибо они сокращают возможный «лебенсраум»[2] Гитлера. Если балтийские страны должны потерять свою самостоятельность, то лучше, чтобы они включались в советскую, а не в германскую государственную систему. К тому же включение этих стран в орбиту СССР соответствует тенденциям истории и географии, а стало быть, стабилизации и миру в Восточной Европе.

Наконец, Балканы и Черное море. Черчилль подошел к большой карте Европы и размашисто провел пальцем черту, проходящую примерно по линии новой советско-германской границы, северу Румынии и Югославии. Потом он воскликнул:

— Дальше Германию пускать нельзя! Особенно же важно не пускать Германию к Черному морю.

И Черчилль со страстью стал доказывать, что если Германия выйдет из устья Дуная, то она не только захватит Балканы, но неизбежно потянется также к Малой Азии, Ирану, Индии. Она захочет владеть Украиной и Баку. Этого не могут допустить ни Англия, ни СССР. Стало быть, и тут их интересы не сталкиваются, а совпадают. Совпра сильно ошибается, если думает, что Англия интригует против него в Турции и на Балканах. Англия заинтересована только в одном: не пустить Германию к Черному морю. Отсюда вытекает ее балканская политика, ее дружба с Турцией, ее желание иметь возможность в случае крайности послать свой флот через проливы. Но если бы СССР один или СССР совместно с Турцией закрыл подступы к Черному морю для Германии, Англия могла бы свернуть свою балканскую политику и отказаться от права прохода через проливы. У Англии достаточно хлопот в других частях мира.

Какой же из всего вышесказанного вывод?

Вывод тот, что и в настоящий момент, как и раньше, основные интересы Англии и СССР не сталкиваются, а совпадают. Стало быть, есть база для добрых отношений между обеими странами. Бритпра принимает наше заявление о нейтралитете как положительный факт и только хотело бы, чтобы это был дружественный нейтралитет.

Я спросил, разделяет ли кабинет те мысли, которые Черчилль только что развивал предо мной? Я ведь не мог забыть, что еще совсем недавно Черчилль находился в жестокой оппозиции к бритпра, в частности к Чемберлену. Черчилль ответил:

— Конечно, кабинет не отвечает за каждый нюанс моих высказываний, но в основном

и существенном то, что я вам сказал, отражает взгляды всего правительства.

Черчилль стал расспрашивать меня, как можно было бы улучшить отношения между обеими странами? Не могу ли я порекомендовать каких-либо полезных шагов, мер и т. п.?

Я уклонился, однако, от подачи советов. Сам же Черчилль считал, что, пожалуй, лучшим способом для смягчения напряжения могло бы быть развертывание торговых операций. Потом, как бы суммируя свои мысли, он с лукавой улыбкой заметил:

— Сталин сейчас играет большую игру и играет ее счастливо. Он может быть доволен. Но я не вижу, почему мы должны быть недовольны?

Распрощались мы с Черчиллем «по-дружески». Он просил меня поддерживать с ним тесный контакт и обращаться без стеснения в случае надобности. Запомним это на будущее.

Возвращаясь домой по темным, насупленным улицам, я невольно задавался вопросом: почему этот ответственный разговор со мной вел Черчилль, а не Галифакс?

Нахожу для этого два объяснения: 1) руководящая роль, кот[орую] Черчилль все более завоевывает в кабинете, и 2) крайнее раздражение Галифакса против СССР со времени советско-германского пакта, делающее его неподходящим каналом для улучшения а/с отношений. Мне известно, что Галифакс долго сопротивлялся, прежде чем пригласить меня к себе 23 сентября. Только сильный нажим со стороны кабинета заставил его это сделать»[3].

21 февраля 1940 г. нарком иностранных дел В. Молотов направил указание И. Майскому (оно «адресовано» и современным фальсификаторам истории России) следующим образом разъяснить английскому правительству политику СССР в отношении Германии: «Первое. Мы считаем смешным и оскорбительным для нас не только утверждение, но даже просто предположение, что СССР будто бы вступил в военный союз с Германией. Второе. Хозяйственный договор с Германией есть лишь договор о товарообороте, по которому вывоз из СССР в Германию достигает всего 500 млн. марок, причем договор экономически выгоден СССР, так как СССР получает от Германии большое количество станков и оборудования, равно как изрядное количество вооружения, в продаже чего нам неизменно отказывали как в Англии, так и во Франции. Третье. Как был СССР нейтральным, так он и остается нейтральным, если, конечно, Англия и Франция не нападут на СССР и не заставят взяться за оружие. Упорно распространяемые слухи о военном союзе СССР с Германией подогреваются не только некоторыми элементами в самой Германии, чтобы запутать Англию и Францию, но и некоторыми агентами самой Англии и Франции, желающими использовать воображаемый „переход СССР в лагерь Германии“ для своих особых целей в области внутренней политики»[4].

Вынужденная война СССР с Финляндией (30.11.1939 12.03.1940 гг.) прервала наметившуюся тенденцию к англо-советскому сближению и едва ни привела к опаснейшему для нашей страны развитию событий. СССР был исключен из Лиги Наций. США ввели «моральное эмбарго», фактический запрет на торговлю с СССР. Черчилль, в то время военно-морской министр, отметил в своих мемуарах: «Я горячо сочувствовал финнам и поддерживал все предложения, направленные им на пользу»[5]. На СССР обрушилась волна осуждения и угроз. Как писал французский журналист А. Кериллис, «дух крестового похода повеял отовсюду… Раздавался один только клич: „Война России!“ Те, кто требовал полной неподвижности за линией Мажино, теперь умоляли послать армию сражаться к Северному полюсу…»[6]. Гитлеровское руководство поддерживало эту кампанию как фактор, отвлекающий внимание западных союзников от предстоящего наступления вермахта. Важной составной частью этой пропагандистской кампании были проекты одновременного достижения мира с Германией, распространяемые германскими агентами. «Мир был бы заключен за счет России, против которой сразу же после перемирия выступил бы вермахт, — вспоминал французский дипломат Ж. Барду, — Англия получила бы Туркестан. Границы Ирана и Турции оказались бы отодвинутыми до Каспийского моря. Италия имела бы долю участия в нефти, а Германия аннексировала бы Украину»[7].

Некоторые западные историки относят такого рода планы к напрасным воображениям союзных лидеров, «которые пребывали в мире иллюзий до тех пор, пока их не привело в чувство наступление Гитлера»[8]. Иллюзии действительно были, но не только.

Комитет начальников штабов Великобритании неоднократно рассматривал вопрос о положительных и отрицательных сторонах объявления войны России. В одном из документов Комитета указывалось, что «в России имеются

три центра добычи нефти: Баку, Грозный и Майкоп. Если уничтожить русские нефтепромыслы (а все они представляют собой разработки фонтанирующего типа и поэтому могут быть легко разрушены), нефти лишится не только Россия, но и любой союзник России, который надеется получить её у этой страны»[9]. На бомбардировку Баку отводили 15 дней, Грозного — 12, Батуми — 3. В конце декабря начальник имперского генерального штаба генерал У. Айронсайд записал в своем дневнике: «Я думаю, что перед нами открылась возможность повернуть все против русских и немцев. Но мы должны играть в наши карты очень осторожно и быть в состоянии действовать внезапно»[10]. Строительство аэродромов и подготовку самолетов предполагалось завершить к концу июня — началу июля 1940 г. Советское предложение Великобритании выступить посредником на советско-финляндских переговорах о заключении мира британское правительство отклонило.

5 февраля 1940 г. Верховный военный совет союзников принял решение направить в Финляндию англо-французский экспедиционный корпус. Предполагалось, что его численность составит 150 тыс. чел. (100 тыс. предоставляла Великобритания, 50 тыс. — Франция). Эмигрантское правительство Польши готовилось направить в Финляндию бригаду своих войск. Политическая ситуация складывалась для СССР весьма неблагоприятно: в войну с Финляндией втягивались западные державы, возникла реальная угроза оказаться среди участников Второй мировой войны[11]. В Москве знали и понимали, что «ухудшение советско-английских отношений ближайшим образом связано с финляндскими событиями, и чем скорее эти события будут приведены к желательному нам разрешению, тем больше шансов, что советско-английские отношения смогут пережить их нынешний кризис»[12].

В Лондоне и Париже разрабатывались планы ударов с севера на Ленинград и с юга — на Баку с последующим развитием встречного наступления на Москву. На севере одна из операций предусматривала высадку англо-французского десанта в Петсамо, его продвижение совместно с финскими войсками в направлении на Кандалакшу с тем, чтобы перерезать железную дорогу Мурманск — Ленинград. Удар с юга планировало Французское командование в Сирии и Ливане. Возглавлявший его генерал М. Вейган намеревался «сломать хребет СССР»[13].

Великобритания, Франция и США направили в Финляндию значительные партии вооружения, Швеция и другие страны — более 11 тыс. добровольцев.

Но заверений и обещаний было больше, чем поставок вооружения. Возникли трудности и с отправкой англо-французских экспедиционных сил в Финляндию. Швеция и Норвегия уклонялись от согласия на пропуск англо-французских войск через территорию своих стран, которая могла превратиться в театр военных действий. Медлила с официальным обращением о помощи войсками и сама Финляндия. В то же время англо-французы требовали от Финляндии продолжения войны и препятствовали переговорам о достижении мира. С ухудшением обстановки на фронте в правительстве Финляндии начали раздаваться голоса, что «политика западных держав является блефом», поскольку, как отмечалось на его заседании 3 марта: «Они не помогали Польше, хотя и обещали. И Чехословакию они побудили к капитуляции»[14]. Успешное наступление Красной Армии и заключение с Финляндией 12 марта 1940 г. мира на советских условиях разрядили на время обстановку на северо-западных границах страны.

Финская авантюра дорого стоила англо-французским союзникам. 10 мая началось наступление вермахта на западном фронте, которое по своей силе, размаху, оперативному искусству и достигнутым результатам без преувеличения поразило мир. Не предвидело такого хода войны на западе и советское военно-политическое руководство. 22 июня, через 44 дня, Франция капитулировала. Вместе с ней под пятой вермахта оказались Дания, Норвегия, Голландия, Люксембург. Войска англо-французкой коалиции на европейском континенте потерпели сокрушительное поражение. Правительство У. Черчилля отклонило германские предложения о переговорах, за которыми последовал «блитц» — немецкое воздушное наступление на Великобританию (июнь–сентябрь 1940 г.) с целью «выбомбить» её из войны. Но в «битве за Британию», 70-летие успеха которой в 2010 г. торжественно отметила страна, немецкая авиация встретила решительный отпор сил противовоздушной обороны. Благодаря действиям британской авиации, стойкости и мужеству населения Лондона и ряда других городов германские ВВС не достигли поставленной цели и понесли большие потери[15]. «Встретив упорное и неожиданное сопротивление и помня о Красной Армии, стоящей на юго-

восточной границе, Гитлер остановился перед Ламаншем. Вторжение на Британское острова не состоялось…»[16]. Но угроза такого вторжения тем не менее оставалась.

В создавшейся обстановке политика Великобритании на советском направлении приобрела новые очертания. Одним из первых сигналов было заявление министра иностранных дел Галифакса о готовности возобновить торговые переговоры. И. Майский после посещения 18 июня 1940 г. английского парламента записал в своем дневнике: «В конце сегодняшнего заседания произошла не совсем обычная демонстрация. Лейборист Джон Морган взял слово и предложил палате отметить факт прибытия [Ст.] Криппса в Москву и вступления его в исполнение обязанностей посла. Раздались шумные одобрения со всех скамей, причем депутаты повернулись лицом к дипломатической галерее, в первом ряду которой сидел я. Далее Морган выразил пожелание всякого успеха Криппсу в его новой работе Опять раздались дружные одобрения, а Черчилль полуприподнялся с правительственной скамьи и, глядя в мою сторону, сделал приветливый жест. Другие министры последовали примеру премьера»[17].

Новый британский посол С. Криппс, сторонник англо-советского сближения (он вступил в должность в конце июня 1940 г. вместо У. Сидса, отозванного в «отпуск» с началом войны с Финляндией), добился встречи со Сталиным. Предварительно Криппс передал Молотову «Записку британского посольства», в которой объяснялась причина необходимости его личной встречи со Сталиным:

«Я получил инструкции от своего правительства добиваться этого немедленного приема у Вас с тем, чтобы поставить Вас в известность, что я получил весьма важное послание от Министра-Президента Великобритании на имя г-на Сталина и мне поручено далее запросить у Вас, г. Председатель, может ли мне быть дана возможность передать в самое ближайшее время послание Министра-Президента г-ну Сталину лично ввиду того, что я не в праве передать его каким-либо другим способом.

Я, конечно, счел бы своей личной обязанностью по отношению к Вам тотчас же по налаживании передачи послания указанным мной способом сообщить Вам заранее содержание его.

Я вполне признаю, что выраженная мною просьба является крайне незаурядной, но обстоятельства нашего времени таковы, что Министр-Президент Великобритании счел необходимым в интересах своей собственной страны и, как он полагает, также в интересах СССР избрать этот крайне исключительный путь, направленный к тому, чтобы г. Сталин и Вы имели бы перед глазами полное и откровенное изложение политики Великобритании.

Мне хотелось бы прибавить, что, на мой взгляд, было бы крайне нежелательно, чтобы дело об этом послании было как-нибудь оглашено, и я со своей стороны позабочусь о том, чтобы соблюсти об этом тайну.

Без сомнения, г. Председатель, при обсуждении способа передачи послания это будет в числе пунктов, которым Вами будет уделено внимание.

Если я получу в какое-либо время сообщение от Вас, что я могу принести с собой документы, о которых шла речь, в известное место и в известный час, то я заключу из этого, что Вы наладили передачу мной послания Министра–Президента г-ну Сталину в указанные час и место и что я буду иметь возможность предварительно, до передачи послания, ознакомить Вас с его содержанием.

Я привезу с собой оригинальное послание на английском языке, равно как сделанный без ручательства перевод его на русский язык, каковой, я надеюсь, будет вполне точным.

Я вполне понимаю, что Вы не в состоянии дать мне тотчас же ответ на мою просьбу, ибо Вам потребуется время на обсуждение таковой, но я Вас очень прошу не отказать считаться с тем, что время не терпит и что мое правительство считает передачу послания вопросом крайне срочным и важным»[18].

БЕСЕДА ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК ВКП(б) И. В. СТАЛИНА С ПОСЛОМ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В СССР С. КРИППСОМ В КРЕМЛЕ

(1 июля 1940 г. извлечение)

…Тов. Сталин начинает с частных вопросов, где говорится об отношениях между СССР и Германией, начиная с момента объявления войны. Тов. Сталин говорит, что если господин Премьер хочет знать о наших отношениях с Германией, то мы можем сообщить, что у нас нет блока с Германией на предмет войны против Англии. У нас есть только пакт о ненападении[19].

Касаясь вопроса о равновесии, тов. Сталин говорит, что мы хотим изменить старое равнове-

сие в Европе, которое действовало против СССР. Как известно по результатам переговоров, англичане и французы не пошли в этом вопросе навстречу. Это послужило базой сближения СССР с Германией, которое и было проведено в тех размерах, о которых говорилось выше. Тов. Сталин замечает, что если идет вопрос о восстановлении равновесия и, в частности, установлении равновесия в отношении СССР, то мы должны сказать, что согласиться на это не можем.

Тов. Сталин высказывает мнение, что равновесие, идет ли вопрос о равновесии в Европе или в каких-либо других частях света, все равно это является очень трудной задачей для разрешения.

Переходя к третьему, последнему, вопросу о желательности установления порядка на Балканах под эгидой СССР, тов. Сталин считает долгом сказать, что СССР не имеет такого намерения. Господствовать на Балканах СССР не стремится, и такое стремление считает опрометчивым и опасным.

Далее тов. Сталин переходит к главному — господству Германии в Европе.

Тов. Сталин говорит, что он считает еще преждевременным говорить о господстве Германии в Европе. Разбить Францию — это еще не значит господствовать в Европе. Для того, чтобы господствовать в Европе, надо иметь господство на морях, а такого господства у Германии нет, да и вряд ли будет. Европа без водных путей сообщения, без колоний, без руд и сырья.

Тов. Сталин замечает, что это объективные данные, свидетельствующие, что об опасности господства в Европе еще рано говорить.

Что же касается субъективных данных о пожеланиях господства в Европе, то тов. Сталин считает долгом заявить, что при всех встречах, которые он имел с германскими представителями, он такого желания со стороны Германии — господствовать во всем мире — не замечал.

Криппс выражает удовлетворение разъяснением тов. Сталина по вопросу отношений между СССР и Германией, что дает ясное понимание позиции СССР.

В отношении вопроса о равновесии Криппс высказал мнение, что он думает, что английское правительство не считает возможным восстановление старого равновесия. Без сомнения, возникнет вопрос о том, какое должно быть равновесие. Точка зрения премьера — какое-то равновесие должно существовать, но никак не господство какой-то одной силы.

Тов. Сталин говорит, что это совершенно правильно.

Возвращаясь к вопросу о Балканах, Криппс извиняется, что он неправильно изложил этот вопрос, и разъясняет, что он имел в виду не желательность господства СССР на Балканах, а трудность установления равновесия без какой-либо большой соседней державы, дающей руководство в определенном направлении, к стабилизации отношений на Балканах, соединяя балканские страны ближе друг с другом. Криппс считает, что в этом вопросе СССР и Турция по сложившейся традиционной дружбе имеют большой интерес на Балканах и имеют возможность внести большую стабильность в существующее положение.

Криппс заявляет, что англичане чувствуют большое беспокойство в отношении существующей обстановки, т. к. у Англии есть соглашение с Турцией и возникновение какого-нибудь конфликта на Балканах вовлечет Англию в исполнение договора. Англия чувствует, что постольку, поскольку Германия испытывает недостаток в нефтепродуктах, то имеется опасность проникновения Германии на Балканы и Ближний Восток для того, чтобы получить побольше нефтепродуктов.

Криппс выражает полное согласие с тов. Сталиным по вопросу о господстве на морях и считает, что это является основным фактором, стоящим на пути между господством Германии и ее настоящим положением.

В отношении же Западной Европы Криппс считает, что, кроме Великобритании, нет больше силы, которая могла бы предотвратить германское господство.

Тов. Сталин напоминает Криппсу, что последний забыл США. Криппс отвечает, что США еще не сделали заявления о посылке каких-либо сил для помощи в Европу.

Продолжая далее, Криппс говорит, что существующая ситуация делает блокаду Германии очень важным фактором в утилизации всех возможностей для предотвращения проникновения в Германию товаров из Англии, доминионов и Америки.

Касаясь вопроса о желании Германии господствовать в Европе, Криппс говорит, что он не имел возможности встретить немцев и говорить с ними, но он имел возможность читать то, что они пишут. Кроме того, согласно информации, полученной от британской секретной службы, у него (Криппса) создалось прочное мнение, что

желание Гитлера одинаково как в отношении господства на Западе, так и в отношении господства на Востоке. В настоящее время Криппс читает книгу «Гитлер мне сказал», где Гитлер говорит о своих взглядах на господство в мире. Все эти высказывания о Восточной Европе повторяются в течение последней недели в Берлине Герингом.

Тов. Сталин отвечает, что он не всегда верит тому, о чем так много кричат, т. к. по опыту он знает, что если они кричат, то это лишь военная хитрость. Тов. Сталин говорит, что он не исключает, что среди национал-социалистов есть люди, которые говорят о господстве Германии во всем мире. Но, говорит тов. Сталин, я знаю, что есть в Германии неглупые люди, которые понимают, что нет у Германии сил для господства во всем мире.

Тов. Сталин говорит, что он не столь наивен, чтобы верить отдельным устным заявлениям отдельных руководителей относительно их нежелания господствовать в Европе и во всем мире. Я эти два рода объединяю в один, т. к. нельзя господствовать в Европе без господства во всем мире. Но если, говорит тов. Сталин, я продолжаю верить в нежелание основных руководителей Германии господствовать в Европе, то это я делаю, т. к. знаю, что у них нет сил для господства во всем мире.

Касаясь Балкан, тов. Сталин говорит, что требования СССР к Румынии ограничиваются теми заявлениями, которые были опубликованы. У СССР по отношению к Румынии нет никаких претензий.

Конечно, говорит тов. Сталин, не исключено, что Италия и Германия захотят обеспечить себя румынской нефтью, но, мне кажется, что Румыния сама не возражает против этого.

Тов. Сталин считает, что какая бы большая сила ни вошла на Балканы в качестве руководителя, она будет иметь все шансы на то, чтобы там запутаться.

Пользуясь случаем, Криппс задает вопрос о том, не существует ли на Балканах опасности для какой-либо страны запутаться подобным образом, если не будет какой-нибудь сильной руководящей державы. Тов. Сталин отвечает, что на Балканах можно было бы установить порядок очень легко. Привести войска и сказать: «Довольно». Но это уже будет не руководство, а настоящая оккупация. СССР же таких действий предпринимать не намерен.

Тов. Сталин переходит к вопросу о Турции.

Что можно сказать о Турции? У нас неплохие отношения с турками, но они, турки, так много играют в политике и так много выкидывают неожиданных фокусов, что трудно угадать, чего они хотят.

В отношении стремлений Италии и Германии на Ближний Восток, то тов. Сталин считает такие стремления не исключенными, но здесь многое зависит от позиции Турции. Какой прыжок и куда она его сделает, очень трудно угадать.

Криппс отвечает, что, конечно, турки прыгнут, если будет опасность для Стамбула или для дальнейшего пересмотра статус-кво на Босфоре или в Черном море. Если есть возможность для Англии сделать что-либо в направлении разрешения этого вопроса, то Англия с удовольствием сделает все возможное.

Тов. Сталин переходит к вопросу о Балканах.

Тов. Сталин говорит, что надо изучить этот вопрос. Я думаю, говорит тов. Сталин, что для Германии не имеет смысла снимать войска с Западного фронта и перебрасывать их на Балканы. В Румынии много говорят, что из-за войны на Средиземном море румынам некуда отправлять нефть. Румыны нефть продадут Германии и Италии. Поэтому едва ли есть основания отвлекать силы на Балканы.

В отношении же Турции, Стамбула и проливов. Какая же опасность может быть для Турции в этом вопросе? Может быть, это вымышленная опасность Турции, на которой последняя собирается сыграть и выкинуть новый фокус. Если же говорить не о мнимых, а о реальных опасностях, то выступление тов. Молотова[20] должно полностью успокоить турок. Отношения у нас с ними хорошие постольку, поскольку мы не собираемся нападать друг на друга. В отношении же последних переговоров нужно прямо сказать, что мы с турками не договорились и разошлись недовольные друг другом.

Во время своего последнего приезда, говорит тов. Сталин, Сарад-жоглу[21] и разговаривать не хотел относительно проливов, и я думаю, что наши отношения нуждаются в улучшении. Если Великобритания имеет намерения приложить усилия, чтобы улучшить отношения, то мы возражать не будем.

Криппс отвечает, что он по этому вопросу снесется с правительством.

Переходя к вопросу о торговых переговорах, Криппс говорит, что Англия при этих переговорах должна обратить сугубое внимание на вопросы блокады Германии, но в то же время

Англия желает сделать все, чтобы доставить СССР необходимое для его экономики.

Криппс задает вопрос о том, может ли Англия считать отношения достаточно дружественными, чтобы быть уверенными в невозможности попадания английских товаров в руки врагов Англии.

Тов. Сталин отвечает, что при заключении договора СССР исходил из расчета излишков, а не имел в виду то, что СССР вообще может вывозить за границу. Как до войны, так и после нам не хватало и не хватает никеля, меди; мы совершенно не имеем сырого каучука. Олова СССР своего производства не хватает. Не хватает станков. Если англичане будут думать каждый раз, когда мы ввозим недостающие нам товары, что товары эти предназначены для Германии, то это будет неправильно, — в договоре с немцами у нас нет обязательств снабжать их цветными металлами, но, говорит тов. Сталин, я должен сказать, что мы обязаны дать немцам тот цветной металл, который необходим при выполнении наших заказов, размещенных в Германии. Для примера скажу, что недавно СССР купил у Германии недостроенный крейсер, покупаем кое-что из артиллерии, покупаем трехоски, кое-какую авиацию. На все эти вещи непременно потребуются цветные металлы. Конечно, мы не полностью обеспечиваем немцев цветными металлами, а лишь на некоторую часть.

Тов. Сталин говорит, что он откровенно должен сказать, что СССР будет снабжать немцев цветными металлами для производства продукции, предназначенной для СССР. Если бы немцы не обещали нам дать упомянутое вооружение, то мы никакого договора с ними не подписали бы, и если это обстоятельство представляет препятствие для заключения торгового соглашения между СССР и Англией, то, говорит тов. Сталин, я должен сказать, что соглашение не состоится. Короче говоря, у нас есть договор с немцами, по которому мы должны дать им часть цветных металлов для выполнения наших заказов, и так как нам самим не хватает необходимых цветных металлов, то ясно, что часть ввезенных из-за границы металлов попадет в Германию. Договор, заключенный с Германией или с кем-либо еще, мы нарушать не можем, и при переговорах англичане должны учесть указанное обстоятельство, если они считают возможным вообще учесть его.

Конечно, говорит тов. Сталин, я мог бы обещать, что ни один фунт ввозимых товаров не попадет в Германию, но это было бы нечестное обещание, и, конечно, г. Криппсу нужно не такое обещание. Поэтому я откровенно излагаю всю правду.

Криппс отвечает, что в Англии, как и во всякой другой стране, имеются люди, подозревающие всякий вывоз за границу. Тем более существует отдел блокады, который занимается этим вопросом и использует все возможности, чтобы предотвратить поступление товаров в Германию для использования их на себя. В то же время Англия не имеет никаких намерений помешать СССР выполнять свои заказы там, где он хочет.

Криппс говорит, что хотя он и не имеет инструкций от своего правительства, но он думает, что никаких непреодолимых трудностей в переговорах не будет.

В заключение беседы Криппс обещает получить инструкции от своего

правительства и выражает надежду, что после этого весьма полезного разговора возможно будет начать переговоры с тов. Микояном, как только последний будет свободен[22].

Послание У. Черчилля от 24 июня 1940 г. советскому руководству:

«Теперь, когда лицо Европы меняется с каждым часом, я хотел бы воспользоваться приемом Вами нового Посла Его Величества, чтобы поручить последнему [послу] передать Вам послание от меня.

Географически наши обе страны расположены на противоположных оконечностях Европы, и с точки зрения государственного устройства можно сказать, они олицетворяют глубоко отличающиеся друг от друга системы политической мысли. Но я надеюсь, что эти факты не должны помешать тому, чтобы отношения между нашими странами в международной сфере стали исполненными согласия и взаимно благотворными.

В прошлом — в самом недавнем прошлом — наши отношения, надо признать, были омрачены взаимными подозрениями; и в августе прошлого года советское правительство решило, что интересы Советского Союза требуют, чтобы оно прервало переговоры с нами и вступило в тесные отношения с Германией. Таким образом, Германия стала Вашим другом почти в тот же момент, когда она стала нашим врагом.

С тех пор, однако, возник новый фактор, который, как я позволяю себе думать, делает желательным восстановление обеими нашими

странами их прежних связей с тем, чтобы мы могли, в случае необходимости, консультироваться друг с другом в отношении тех дел в Европе, которые неизбежно должны интересовать нас обоих. В настоящий момент перед всей Европой, включая обе наши страны, встает проблема того, как государства и народы Европы будут реагировать на перспективу установления Германией гегемонии над континентом.

Тот факт, что обе наши страны не вполне расположены в Европе, а расположены на ее оконечностях, ставит их в особое положение. Мы располагаем лучшими возможностями по сравнению с другими, менее благоприятно расположенными странами противостоять стремлению Германии к гегемонии, и, как Вам известно, британское правительство твердо намерено использовать с этой целью свое географическое положение и свои великие ресурсы.

На деле политика Великобритании сосредоточена на достижении двух целей, а именно, во-первых, спасти себя от господства Германии, которое хочет установить нацистское правительство, и, во-вторых, освободить остальную Европу от господства, установление которого над ней Германия в настоящее время осуществляет.

Советское правительство само в состоянии судить о том, угрожает ли интересам Советского Союза нынешнее стремление Германии к гегемонии над Европой и, если так, каким образом можно лучше всего обеспечить эти интересы. Но я считаю, что кризис, который переживает сейчас Европа и даже весь мир, настолько серьезен, что он дает мне право искренне изложить Вам положение дел, как оно представляется британскому правительству. Это, я надеюсь, обеспечит то, что в любых переговорах, которые советское правительство может иметь с сэром Стаффордом Криппсом, не будет неправильного понимания политики правительства Его Величества или его готовности полностью обсудить с Советским правительством любую из громадных проблем, возникающих в результате нынешней попытки Германии осуществлять в Европе последовательными этапами методический процесс завоевания и поглощения»[23].

По итогам беседы Криппс, сообщая, что беседа длилась около трех часов и проходила в «дружеской, предельно открытой атмосфере», сделал вывод, что «русско-германское сотрудничество будет продолжаться», и выделил согласие Сталина на британское содействие в нормализации отношений с Турцией и решении проблемы черноморских проливов[24]. Послание Черчилля придало ещё большую активность британской политике на советском направлении. Угроза вторжения на Британские острова, «битва за Британию», возрастающее итало-немецкое давление на Балканах, последовавшее за «зимней войной», усилили стремление Великобритании добиться сближения с СССР и, если не разрыва, то ослабления советско-германских отношений, начиная с торговли, которую, впрочем, оценивали в Форин офис как неудовлетворяющую запросы Германии. В Москве понимали всю сложность дипломатической обстановки и, чтобы избежать обострения отношений с Германией, 13 июля информировали немецкого посла Шуленбурга о содержании переговоров между Криппсом и Сталиным. 17 июля о них было объявлено в Лондоне.

В настоящее время рассекречены отечественные документы, которые представили возможность более достоверно воссоздать историю британской инициативы о заключении секретного договора между Великобританией и СССР, его содержание и порядок предполагаемого подписания.

В дневнике Майского имеется следующая запись:

«22 октября Криппс по поручению британра просил свидания с Молотовым по вопросу „первостепенно политической важности“. Т[ов]. Молотов, однако, не мог принять Криппса, и вместо этого Криппс посетил т. Вышинского, которому вручил особый меморандум, заключительная часть которого содержала три пункта:

1). Британра изъявило готовность признать „де-факто“ перемены в Прибалтике с тем, что „де-юре“ весь вопрос будет урегулирован позднее, вероятно после войны.
2). Британра заявляло, что готово обеспечить на базе равноправия участие СССР в послевоенном урегулировании европейских дел.
3). Британра обещало не принимать участия в каких-либо военных действиях против СССР.

Т[ов]. Вышинский обещал Криппсу доложить вопрос совпра»[25].

Проект договора содержал двусторонние обязательства:

«I. Советское правительство обязуется:

а) относиться к великобританскому правительству с проявлением в полной мере такого же благожелательного нейтралитета, какой в настоящее время соблюдается по отношению к Турции;

б) поддерживать по отношению к Турции и Ирану благожелательный нейтралитет, в особенности на тот случай, если одна из этих стран или обе они окажутся вовлеченными в войну с одной или обеими из держав „оси", и оказать им в их обороне содействие такими мерами, в пределах технического нейтралитета, какие советское правительство проводило поныне относительно Китая;

в) продолжать в несокращенных размерах оказанную уже китайскому правительству помощь и поддержку означенного правительства против японской агрессии, а также воздержаться от вступления в какое-либо соглашение с Японией, которое лишило бы его возможности продолжать оказание такого содействия Китаю или которое поощрило бы Японию приступить к агрессивным действиям по отношению к каким-либо британским владениям;

г) на тот случай, что торговое или товарообменное соглашение, предусмотренное статьей II (г), не вызовет опасной реакции со стороны держав оси или Японии, заключить с великобританским правительством, как только вслед за тем станет практически возможным, пакт о ненападении, подобный действующему ныне между Германией и СССР.

II. Великобританское правительство со своей стороны взаимно обязуется:

а) на случай победного заключения войны консультировать в полной мере с советским правительством наравне с другими державами, оказавшими Великобритании содействие или прямой военной помощью, или соблюдением благожелательного нейтралитета по отношению к послевоенному устройству в Европе и Азии. Такое обязательство не могло бы, конечно, наложить на великобританское правительство заранее долг выразить свое согласие с какими-либо частными взглядами советского правительства, равно как подобное обязательство, данное другой какой-либо державе, не могло бы принудить великобританское правительство согласиться со взглядами этой другой державы. Это обязательство, однако, служит ручательством, что взгляды советского правительства будут приняты полностью в соображение на базе дружеского совещания с другими заинтересованными державами;

б) по окончании войны не организовывать или не вступать в какой-либо союз, направленный против Советского Союза, поскольку советское правительство, со своей стороны, готово воздержаться от какого-либо враждебного действия, направленного против великобританского правительства, будь это непосредственно или косвенно, посредством внутренней пропаганды;

в) признать впредь до того, как состоится консультация, предусмотренная выше, по статье II (а), de facto власть Советского Союза в Эстонии, Латвии, Литве, Бессарабии, Северной Буковине и тех частях бывшего Польского государства, которые теперь находятся под Советским главенством;

г) поставлять советскому правительству, на основании общего торгового или товарообменного договора, поскольку сделают это возможным собственные потребности великобританского правительства или предшествующие обязательства по отношению к третьим странам, имеющиеся налицо товары или оказать содействие в лице экспертов в зависимости от того, потребуется ли то или другое советскому правительству в целях защиты СССР на случай будущего нападения со стороны его соседей;

д) гарантировать, что не будет произведена атака на территорию Советского Союза со стороны Турции или Ирана этими странами или их существующими или будущими союзниками»[26].

Главное в этом документе — предложение заключить секретный договор, который бы сближал политику двух стран. В обмен Великобритания признавала «de facto» «власть Советского Союза в Эстонии, Литве, Бессарабии, Северной Буковине и тех частях Польского государства, которые теперь находились под советским главенством». Академик А. О. Чубарьян оценивает заявление британского правительства от 22 октября 1940 г. как предложение Советскому Союзу осуществить пересмотр и стратегический поворот в своей внешней политике, заключив тайное соглашение с Великобританией, и таким образом добиться отхода СССР от прежних тесных отношений с Германией[27]. При заключении подобного договора вероятность войны с Германией многократно возрастала и британские предложения были в феврале 1941 г. отклонены[28].

Советской дипломатии приходилось уклоняться под тем или иным предлогом от

«кардинальных» предложений английского правительства и в то же время не допускать ухудшения отношений с Великобританией как потенциальным союзником. Несмотря на изменившееся в Европе соотношение сил в пользу Германии, британские предложения в то время были неприемлемы. В Москве рассчитывали удержать Германию от войны против СССР. 24 февраля 1941 г. в ответ на инициативу министра иностранных дел А. Идена приехать в Москву для встречи с И. Сталиным в целях улучшения англо-советских отношений заместитель наркома иностранных дел А. Вышинский сообщил Криппсу, что «сейчас ещё не настало время для решения больших вопросов»[29].

3 апреля Черчилль направил Сталину послание, в котором сообщил о растущей угрозе нападения Германии на СССР[30].

Послание Черчилля подтверждало сведения советской разведки о сосредоточении немецких войск у наших границ и могло служить поводом для письма Сталина, направленного через несколько дней Гитлеру с запросом о причинах создавшегося положения и целях этого сосредоточения войск вермахта. Советский руководитель сообщил Гитлеру о том, что у него сложилось впечатление, будто Германия готовится к нападению на СССР. В ответ Гитлер прислал «доверительное письмо», в котором сообщил, что «в Польше действительно сосредоточены крупные военные соединения, но что он, будучи уверен, что это не пойдет дальше Сталина, должен разъяснить, что сосредоточение его войск в Польше не направлено против Советского Союза, так как он намерен строго соблюдать заключенный пакт, в чем ручается своей честью главы государства»[31].

Вскоре последовал новый импульс недоверия к английской политике. 10 мая 1941 г. произошло то, что «казалось невероятным»[32]: на Британские острова прилетел Р. Гесс — заместитель Гитлера по партийному руководству. Сам управляя самолетом, Гесс приземлился на парашюте примерно в 20 милях от поместья герцога Гамильтона, известного прогерманской активностью. Прилет в Англию «нациста № 3» получил громкий международный резонанс и не мог не рассматриваться советским руководством как угроза англо-германского сговора перед нападением Германии на СССР. Основания к тому имелись. Советская разведка на протяжении многих лет сообщала о переговорах, которые велись в Лондоне и Берлине особенно активно с ноября 1937 г., когда состоялась знаковая встреча Гитлера с британским министром иностранных дел лордом Галифаксом (1938–1940 гг.). После войны содержание этих переговоров прояснили изданные документы так называемого «Архива Дирксена» — немецкого посла в Лондоне в 1938–1939 гг. Полученное в Москве после прилета Гесса официальное уведомление английского правительства о решении продолжать войну с Германией не могло заслонить возникшую тревогу. 16 мая 1941 г. парламентский заместитель министра иностранных дел Р. Батлер заверил советского посла И. М. Майского в том, что «решимость правительства вести войну осталась в полной силе… Гесс остается в Англии и будет рассматриваться как военнопленный»[33]. Советская разведка получала сведения о Гессе и его встречах начиная с 14 мая, и, по оценке историков разведки, это была реализация замысла нацистского руководства заключить мир с Англией накануне нападения на Советский Союз, подставив его в одиночестве под удар агрессоров. «Во всяком случае затяжка с открытием второго фронта совпадала с требованием Берлина не мешать Гитлеру вести „восточную кампанию“, пока он не победит… Не случайно английские власти надолго засекретили архивные материалы, связанные с перелетом Гесса; спустя более полувека после полета „Черной Берты“ британские власти предпочитают держать такие сведения в глубочайшей тайне»[34]. Вокруг дела Гесса возникло множество легенд, одна из них — в Англии. Британский хирург Х. Томас, который в соответствии с порядком пребывания немецких военных преступников в тюрьме Шпандау наблюдал за состоянием Р. Гесса, убеждал автора главы, что в тюрьме Шпандау находился кто-то другой, но не Р. Гесс. Этому «двойнику» Х. Томас сделал несколько рентгеновских снимков легких, но, по его словам, «остающихся на всю жизнь» следов сквозного ранения левого легкого, полученного Р. Гессом в Первую мировую войну, не обнаружил. Х. Томас написал об этом две книги, но особенного успеха они не имели. Загадками остаются запрет Гессу во время Нюрнбергского трибунала что-либо сообщать о своем полете в Великобританию, самоубийство Гесса в тюрьме и многое другое в этой истории.

Но в обстановке 1941 г. (и не только) присутствие «под рукой» личности Гесса, встречи с ним официальных представителей правительства, включая лорда-канцлера Д. Саймона, который в 1935 г. вел переговоры с Гитлером, могли

привести к изменению английской политики, учитывая наличие влиятельных прогерманских (если не сказать пронацистских) сил в самом британском истеблишменте.

История с Гессом продолжает привлекать внимание знатоков международных отношений этого периода по обе стороны океана. Д. Робертс в своей новой книге, посвященной «маршалу советской дипломатии» В. М. Молотову, рассматривает миссию Гесса как его личную попытку заключить сделку с Великобританией. «В Москве, однако, побег Гесса расценили как наличие раскола в Германии между теми, кто выступал за войну с Советским Союзом, и теми, кто считал приоритетной войну с Великобританией»[35].

В США ориентации Ф. Рузвельта на поддержку СССР в случае войны с Германией, которой он следовал с середины 1930-х гг., противостояли не только оппозиция республиканцев в Конгрессе и изоляционисты в стране, но и собственный Госдепартамент. Советское посольство в США и разведка своевременно и достоверно информировали правительство о положении дел. Насколько зыбкими были расчеты на установление союзнических отношений с США, свидетельствуют опубликованные документы Госдепартамента за 1941 г. Один из них — меморандум «Политика в отношении Советского Союза в случае начала войны между Советским Союзом и Германией» от 21 июня 1941 г. Ключевое значение в меморандуме имела заключительная часть: «Мы не должны давать никаких обещаний Советскому Союзу заранее относительно помощи, которую мы могли бы оказать в случае германо-советского конфликта, и мы не должны брать на себя никаких обязательств в отношении того, какой могла бы быть наша будущая политика по отношению к Советскому Союзу или России. В частности, мы не должны участвовать ни в каких мероприятиях, которые могли бы создать впечатление, что мы действовали не в духе доброй воли, если впоследствии мы будем вынуждены отказать в признании советскому правительству в изгнании или перестать признавать советского посла в Вашингтоне в качестве дипломатического представителя России в случае, если Советский Союз потерпит поражение и советское правительство будет вынуждено покинуть страну»[36].

Настораживали полученные в первые месяцы 1941 г. сведения о том, что США и Англия окажут помощь СССР только при определенных условиях. Один из источников сообщал, что Ф. Рузвельт в мае 1941 г. на совещании начальников штабов заявил, что если Сталин не спровоцирует нападение Германии, то США поддержат СССР, в противном случае не будут вмешиваться. Прилет Гесса в Англию крайне заострил опасения советского руководства о непоследовательности политики потенциальных союзников. Усиление на западе пропагандистской кампании о наличии у СССР «плана мировой революции» и её «ледокола» — Красной Армии, распространявшейся немецкой агентурой для оправдания предстоящего нападения на СССР, а также западной печатью и радиопропагандой, потребовали принятия чрезвычайных мер, чтобы исключить условия, которые могли бы послужить поводом для обвинения СССР в развязывании войны с Германией, оставить его один на один с агрессорами.

Видимой непоследовательностью объясняются предпринимаемые (в иных случаях и запрещаемые) в последние недели и дни перед войной некоторые меры советского руководства, направленные на повышение боеготовности войск, их выдвижение к западным границам. С учетом современных знаний о сложившейся обстановке в советско-английских и советско-американских отношениях обратим внимание на сообщение ТАСС от 13 июня 1941 г. В нем подчеркивалось, что СССР, верный своей мирной политике, «соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными»[37]. Эта часть сообщения была адресована не только Берлину, а также Лондону и Вашингтону. В начале июля по приказанию Сталина в НКВД создали особую группу (её возглавил П. А. Судоплатов) с задачей воспрепятствовать попыткам немецких диверсантов провести в районе советской границы провокацию, подобную той, которая была осуществлена перед началом войны против Польши в 1939 г. Сталин отменил приказ командующего Киевским особым военным округом о занятии частями укрепленных районов, предполья (передовых позиций), а также аналогичные приказы в других приграничных округах; запретил полеты советской авиации в приграничной полосе (10 км от государственной границы). В то же время по его приказу был совершен облет западной границы для проверки сведений разведки о завершении подготовки вермахта к нападению на СССР,

которые подтвердились[38]. 18 июня последовала телеграмма Генерального штаба о приведении войск приграничных округов в боевую готовность[39].

В первой половине июня на англо-советских переговорах произошли изменения. 13 июня 1941 г. А. Иден сообщил Майскому о готовности Великобритании оказать помощь своей авиацией на Ближнем Востоке, направить военную миссию в Москву в случае нападения Германии, и немедленно сделать об этом сообщение правительства[40].

Предложение о публикации подобных сообщений приходилось рассматривать в контексте настойчивых усилий британской дипломатии ускорить столкновение СССР с Германией. Очевидным являлось и то, что «германский рейх всеми средствами пытается спровоцировать Советский Союз на такие действия, которые дали бы возможность скомпрометировать его в глазах мировой общественности как виновника агрессии, лишить тем самым союзников в борьбе с истинными захватчиками»[41]. Именно в эти дни требование «не дать никакого повода для войны» было возведено в ранг одной из первостепенных задач политики и дипломатии государства[42].

15 июня 1941 г. У. Черчилль сообщил Рузвельту о готовности Великобритании оказать России всемерную помощь в случае нападения Германии и получил поддержку Рузвельта[43]. Но ни Черчилль, ни Рузвельт не сообщили Сталину об этом решении.

Битва за союзников была выиграна дорогой ценой. Время с 10 по 15 июня являлось, по оценкам специалистов, последним критическим рубежом, когда советские войска приграничных округов успевали, получив на то приказ, перейти в состояние боевой готовности с отмобилизованием и развертыванием на театре военных действий.

Таковы некоторые страницы, по выражению Черчилля, «Большой игры», от результатов которой во многом зависели судьбы нашей страны и всего мира в разразившейся войне. Расчеты советского руководства уберечь страну от войны с нацистской Германией и её союзниками не оправдались. Но между СССР, Великобританией и США была в конечном счете достигнута договоренность о совместной борьбе против фашистской агрессии, что стало важнейшим дипломатическим прорывом того времени.

---

1 По свидетельству генерала вермахта Н. Формана, ввод частей Красной Армии в восточные районы Польши помешал осуществлению задуманного в военных кругах Германии продвижения немецких войск к границам СССР (История Второй мировой войны 1939–1945. М., 1974. С. 357). Начальник Генерального штаба Сухопутных войск Германии генерал Ф. Гальдер назвал день 20 сентября 1939 г., когда в Берлине приняли решение об отводе немецких войск на согласованный рубеж, «днем позора немецкого политического руководства» (Гальдер Ф. Военный дневник: пер. с нем. Т. 1. М., 1968. С. 125). Некоторые западные историки, уклоняясь от рассмотрения немецких военных документов, называют ввод советских войск в восточные районы Польши «предательским ударом в спину». (Dilks D. Churchill and Company. Allies and Rivals in War and Peace. L. 2012. p. 173).

2 Нем. Lebensraum — жизненное пространство.

3 Майский И. М. Дневник дипломата. Лондон 1934–1943. В 2 кн. Кн. 2. Ч. 1. М., 2009. С. 28–31 (далее: Майский И. Дневник дипломата).

4 Архив внешней политики РФ. Ф. 059. оп. 1, п. 326, д. 13, л. 4 (далее АВПРФ). См. также: Вестник Архива Президента Российской Федерации. СССР — Германия 1933–1941. М., 2009. С. 185–210.

5 Черчилль У. Вторая мировая война: пер. с англ. Т. 1. М., 1955. С. 496. Следует отметить, что, освещая ход предшествовавших войне советско-финских переговоров, он не указал, что взамен требуемых для защиты Ленинграда территорий СССР предлагал Финляндии вдвое большие районы Северной Карелии.

6 Kerillis A. Frankais, voici la ve'rite! New York, 1942. P. 102.

7 Bardoux J. Journal d'un tėmoin de la troisième. Paris, 1957. P. 203–204.

8 Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война: пер. с англ. М., 1976. С. 47.

9 Public Record Office. Cab., 80/4. P. 294–297.

10 The Ironside Diaries 1937–1940. London, 1963. P. 190.

11 Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. II. М., 2012. С. 354.

12 ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 55.

13 Gamelin M. Servir. T. III. Paris, 1947. P. 199.

14 Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. II. М., 2012. С. 363.

[15] Потери люфтваффе в «битве за Британию» составили 1294 самолета, английской авиации — 788. The Oxford Companian to World War II. Oxford, New York, 1995. P. 158–163.

[16] Сейерс М., Кан А. Тайная война против Советской России. М., 2012. С. 280.

[17] Майский И. Дневник дипломата. С. 201.

[18] ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 377–378.

[19] И. Сталин получил письмо Черчилля за полтора часа до встречи с Криппсом и ознакомился с его содержанием. — Прим. авт.

[20] Известия. 1940. 30 марта. Имеется в виду выступление В. Молотова 29 марта 1940 г. на шестой сессии Верховного Совета СССР.

[21] Министр иностранных дел Турецкой Республики Ш. Сараджоглу находился с официальным визитом в СССР 25 сентября — 17 октября 1939 г. — Прим. авт.

[22] ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 394–399.

[23] Там же. С. 399–400.

[24] Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. Volume I. L., 1970. P. 468–470 (далее — Woodword).

[25] Майский И. Дневник дипломата. Кн. 2. Ч. 1. С. 286.

[26] ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 704–705

[27] Чубарьян А. Канун трагедии: Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 — июнь 1941 г. М., 2008. С. 389, 391.

[28] ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 51–53.

[29] АВПРФ. Ф. 059, п. 353, д. 2409, л. 54.

[30] Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной воны 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1986. С. 442–443 (далее — Переписка).

[31] Цит. по: Лота В. Увидеть красный свет // Российское военное обозрение. 2008. Июль. № 7. С. 46. Сведения о первоисточнике этой переписки отсутствуют.

[32] Трухановский В. Черчилль. М., 2003. С. 305.

[33] ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 2. С. 690.

[34] Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. 1933–1941 годы. М., 1997. С. 433–440.

[35] Roberts G. Molotov. Stalin's cold warrior. Washington. 2012. P. 48.

[36] Москва — Вашингтон. Политика и дипломатия Кремля 1920–1941: сб. док-ов. Т. 3. М., 2009. С. 719–720. Подробнее о переговорах с Великобританией и США см.: Печатнов В. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. М., 2006. С. 11–50; Вестник Совета безопасности Российской Федерации. 2010. № 2(8) С. 32–55; Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. II. М., 2012. С. 384–392.

[37] Известия. 1941. 14 июня.

[38] Мартиросян А. 22 июня. Блицкриг предательства. От истоков до кануна. М., 2012. С. 598.

[39] О телеграмме начальника Генерального штаба 18 июня 1941 г. о приведении войск Западного особого военного округа в боевую готовность известно из материалов следственного дела на командующего округом, а затем (июнь 1941 г.) Западном фронтом генерала армии Д. Г. Павлова. См.: Ямпольский В. …Уничтожить Россию весной 1941 г. Документы спецслужб СССР и Германии: 1937–1945. М., 2009. С. 509. Оригинал телеграммы или её копии остаются неизвестными.

[40] Майский И. Дневник дипломата. Т. 2. Кн. 1. С. 407–408.

[41] Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка в подготовке германской агрессии против СССР. Март–июнь 1941 г. Документы из Центрального архива ФСБ. М., 1995. С. 17.

[42] Кондрашов В. Знать все о противнике. Военные разведки СССР и фашистской Германии в годы Великой Отечественной войны с фашистской Германией (историческая хроника). М., 2010. С. 90–93.

[43] Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. Edited with a commentary by Warren F. Kimball. Vol. 1. London, 1984. P. 208, 211.

Статья выполнена при поддержке РГНФ (проект 12-01-00084).

Сталин и Китай в годы войны

В. А. Корсун*

Ретроспективный анализ китайско-советских и китайско-российских отношений, сама динамика эволюции которых предопределяет теорию и практику взаимоотношений КНР и Российской Федерации сегодня, немыслим без учета фигуры И. В. Сталина, заложившего целый пласт стереотипов взаимовосприятия политических элит двух стран-соседей на многие годы вперед. Огромное множество публикаций различных российских и зарубежных, в первую очередь китайских, авторов, содержащих как детальный, так и комплексный анализ истории китайско-российских отношений в XX веке, несомненно, свидетельствуют о решающей роли «отца народов» в формировании политики Москвы на китайском направлении. Без учета этих публикаций, особенно в условиях, когда огромные блоки информации, содержащиеся в архивах, еще не стали достоянием общественности, невозможно воссоздать подлинную историческую картину и адекватно ответить на вопрос, сформулированный автором одного из фундаментальных исследований по данной теме, «какой именно подход требуется исследователю для рассмотрения столь противоречивой проблемы, как типология российско-китайских отношений, в которых прошлое и настоящее имеют в равной степени важное значение, если брать типологию этих отношений в качестве примера для преломления теории к эмпирической реальности»[1].

Не все еще документы советских архивов, проливающих свет на механизмы принятия внешнеполитических решений в СССР, доступны ученым. Более того, не все соображения, высказывавшиеся советскими руководителями на заседаниях Политбюро, фиксировались в соответствующих протоколах, и нередко очень трудно выявить логику того или иного решения, формулируемого одной строчкой в протоколах заседаний высших партийных и государственных органов. Поэтому, пытаясь понять смысл поступков Сталина на международной арене, исследователи зачастую вступают в область догадок и предположений, сделанных на основе тех документов и свидетельств, что находятся в их распоряжении. Из обширного круга источников и литературы, от научно-исследовательской до мемуарной, мы выберем только аспекты сталинской политики по отношению к созданной по инициативе и при содействии Коминтерна в 1921 году КПК, а также реорганизованный в 1923–1924 гг. с помощью Москвы аналогичным образом как партия большевистского типа Гоминьдан, в критический для судеб китайского народа период сопротивления японской агрессии. Надеемся, что это позволит извлечь уроки из допущенных ошибок, оценить прошлое с позиции сегодняшнего дня, что даст возможность, в свою очередь, уяснить современное состояние наших отношений и наметить возможные ориентиры на будущее их взаимодействие.

В Отчетном докладе ЦК КПК на XII съезде коммунистической партии Китая было заявлено: «Нашей партии пришлось хлебнуть немало горя из-за той партии, которая, возомнив себя „партией-отцом“, пыталась взять нас под свой контроль»[2]. Конечно же, имелась в виду ВКП(б)/КПСС, менторско-поучительный тон в отношении Китая отдельных руководителей которой,

* **Владимир Андреевич Корсун** — доцент кафедры Востоковедения МГИМО (У) МИД РФ.

а также «директивный стиль» руководства китайскими коммунистами со стороны ИККИ, рассматривающего КПК чуть ли не как аналог своего дальневосточного бюро, отмечает и ряд российских исследователей, таких, как С. Л. Тихвинский, А. В. Меликсетов, В. С. Мясников, М. С. Капица, О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков, А. М. Григорьев, Е. П. Бажанов, А. В. Панцов, А. Д. Воскресенский и др. Из-за отсутствия необходимой документальной базы специалисты — синологи разных стран и разных политических убеждений на протяжении многих лет не могли адекватно интерпретировать политику Москвы в Китае, причины и мотивы корректировок и поворотов в ее тактике, выявить действительные причины ее успехов, ошибок и провалов. При этом, следует иметь в виду, что в Москву поступала весьма противоречивая информация от представителей Коминтерна, Профинтерна, КИМа, различных советских работников в Китае, представителей Разведывательного управления Штаба РККА и других источников, которые далеко не всегда одинаково оценивали сложную, порой полную драматизма и противоречивую обстановку в Китае.

Отметим также, что Москва длительное время просто не располагала достаточным количеством специалистов по Китаю, а многие «эксперты» пытались доказать исключительную приемлемость для китайских условий опыта российских революций, классовой борьбы и Гражданской войны, а также практики развернувшейся в СССР сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Самым печальным, вероятно, было то, что на характер решений и механизм их принятия, в том числе по весьма деликатным кадровым вопросам в руководстве КПК, определяющее влияние оказывали внутренние процессы в СССР и политические дискуссии в ВКП(б). После поражения Красной армии под Варшавой в 1920 г. и провала восстания в Гамбурге в ноябре 1923 г., что ознаменовало собой завершение подъема революционной волны в Европе, внимание Москвы было переключено на работу на Востоке с целью подрыва «тылов империализма», и центром подобных дискуссий стала проблематика второго «национально-освободительного» дыхания мировой революции и конкретно перспектив революции в Китае. Причем, если в 1925 г., выступая на XIV съезде ВКП(б), Сталин предсказывал: «Силы революционного движения в Китае неимоверны. Они еще не сказались как следует. Они скажутся в будущем. Правители Востока и Запада, которые не видят этих сил, не считаются с ними в должной мере, пострадают от этого»[3], то из письма И. В. Сталина В. М. Молотову и Н. И. Бухарину от 9 июля 1927 г. следует, что он по существу признал поражение китайской революции. В этом письме он полагает, что «нельзя считать исключенной возможность интервала между буржуазной революцией и между *будущей* буржуазной революцией — по аналогии с тем интервалом, какой был у нас между 1905 г. и 1917 г. (февраль)» и подвергает резкой критике КПК, особенно за невыполнение директив ИККИ, за непонимание и неготовность к новой «аграрной фазе революции», за «болтовню» о гегемонии пролетариата, в которой КПК «ни бельмеса» не понимает и т. п.

В результате «чисток» и отстранения сначала (во второй половине 1927 г.) от руководства ВКП(б) и Коминтерна представителей «левой» оппозиции, возглавлявшейся Л. Д. Троцким и Г. Е. Зиновьевым, а в 1928–1929 гг. — Н. И. Бухарина и его сторонников под лозунгом борьбы против «правых» и «примиренцев к правым» произошло утверждение личной власти Сталина и решение ключевых вопросов деятельности Коминтерна, в том числе и на китайском направлении, сосредоточилось в руках И. В. Сталина[4]. С этого момента становится очевидным, что кто бы ни занимал пост министра иностранных дел СССР, М. М. Литвинов ли, В. М. Молотов или А. Я. Вышинский, какое бы участие ни принимали в процессе выработки внешней политики члены советского Политбюро, все они были не более, чем исполнителями воли одного человека, чье решение было беспрекословным и не подвергалось сомнению. Методы руководства международным коммунистическим движением, штабом которого выступал Коминтерн, были аналогичны тем, что сложились внутри партий: демоцентрализм, жесткая дисциплина, подчинение нижестоящих организаций вышестоящим, меньшинства большинству, конспиративность, навешивание классовых ярлыков, нетерпимость к возражению позиции «руководящего ядра» и особому мнению, что было равносильно предательству, измене делу марксизма-ленинизма. Партии слабые, малочисленные, теоретически плохо подготовленные, подобные КПК, были вынуждены безропотно, рискуя быть обвиненными в «раскольничестве» и «национализме», подчиняться указаниям и советам московского центра.

Примечательно, что именно китайские коммунисты наиболее охотно принимали навязанные правила игры по схеме «старший–младший» («учитель–ученик»), введя в духе стратагемной манеры самоуничижения в оборот понятия «партия–отец», «СССР — старший брат» и скрупулезно восприняв в первую очередь советскую номенклатурную систему льгот и привилегий, спецраспределителей и спецпайков, кассового бронирования, эксклюзивного «цековского» здравоохранения и отдыха. Печальным является то, что политические установки, первоочередные и перспективные задачи зарождались в данной атмосфере в среде ближайшего окружения первых лиц в партии — их помощников, секретарей, переводчиков, а личные отношения между неизбежно становящимися харизматическими лидерами становились порой определяющими. Очевидно, что в сталинский период равноправия в советско-китайских межпартийных отношениях не было, и КПК лишь терпела данную ситуацию в силу своей слабости и изолированности. Неравноправный характер отношений, заложенный в этот период, когда КПК выступала в основном реципиентом советской финансовой и военной помощи на положении «ведомого», не был преодолен и впоследствии. В случае с КПК неравноправные межпартийные отношения, с учетом имеющих глубокие исторические корни этнопсихологических комплексов превосходства и конфуцианского китаецентризма, а также чувства оскорбленного достоинства китайских лидеров, мечтающих о восстановлении былого ведущего положения Китая в мире, были особенно чреваты негативными последствиями.

Вместе с тем, позитивный вклад Коминтерна и большевиков в развитие и укрепление международного коммунистического движения, включая его отряд в Китае, отмечают практически все китайские исследователи, не ставящие под сомнение то активное содействие становлению коммунистического движения на китайской земле, распространению идей марксизма-ленинизма, борьбе с оппортунистическими идейными течениями и детской болезнью «левизны» и ту огромную помощь, которую они оказали революционным силам Китая в деле освобождения и становления Китайской Народной Республики. В китайских монографиях дружно подчеркивается, что после поражения революции 1925–1927 годов «Коминтерн сформулировал курс на образование Советов», создав тем самым предпосылки для «нахождения правильного пути китайской революции — захвата власти вооруженным путем»[5]. В одном из важнейших документов периода перехода КНР на путь экономических реформ и открытости в «Решениях по некоторым вопросам истории коммунистической партии Китая со времени образования Китайской Народной Республики» от 27 июня 1981 года подчеркивалось, что КПК «родилась под влиянием Октябрьской революции в России и движения „4 мая“ в Китае, с помощью руководимого Лениным Коммунистического Интернационала». Одновременно с этим, в «Решениях» отмечалось, что «возобладавшая главным образом в конце 1920-х и начале 1930-х годов в международном коммунистическом движении и в рядах нашей партии ошибочная линия превращала марксизм в догму, а постановления Коминтерна и опыт Советского Союза в нечто священное. Это едва не завело китайскую революцию в тупик»[6].

Следует подчеркнуть, что, критикуя Коминтерн за превращение его в чрезмерно централизованную «всемирную коммунистическую партию», что не способствовало сочетанию марксизма с революционной практикой каждой страны, вело к догматизму, бюрократизму и экстремистской болезни «левизны», современная китайская историография подвергает порочный волюнтаристский стиль «ручного управления» из Москвы Сталина (товарища Филиппова — это был долгие годы псевдоним Сталина для контактов с зарубежными компартиями) лишь до известного предела. В июле 1949 года, когда Лю Шаоци тайно приехал в Москву, Сталин, по версии китайских историков, таких, как ветеран дипломатической службы КНР У Сюцюань, выступавшего в качестве переводчика русского языка на начальном этапе китайско-советского взаимодействия, признал, что советская сторона в прошлом «неподобающим образом» вмешивалась в дела китайской революции. Он, якобы, сказал: «Мы мешали и препятствовали вам, и я по этому поводу испытываю угрызения совести»[7].

Мао Цзэдун, постоянно сетовавший в беседах с советскими представителями, что Сталин считал «коминтерновцев» в рядах КПК своими, а его «третировал» как правого оппортуниста (известны слова Мао о том, что он хотел бы написать книгу о преступлениях Сталина по отношению к китайской революции, но позволит опубликовать ее только через 10 тысяч лет после своей смерти), не пошел, однако, слишком

далеко в осуждении «культа личности». После недолгого периода поддержки хрущевской десталинизации в официальной пропаганде КНР устоялась и поддерживается оценка, данная в свое время Мао Цзэдуном: в его деятельности 70% положительного, а 30% — ошибочного, или как заявил однажды представитель МИД КНР на пресс-брифинге: «Сталин занимает свое место в истории» и «в Китае к нему подходят принципиально, исторически, диалектически, объективно»[8]. Сталин, чьи неоднократно переиздававшиеся произведения, в т. ч. на пяти иностранных языках, по-прежнему обязательны для изучения в системах партийно-государственной и комсомольской учебы, продолжает оставаться противоречивой, но харизматической личностью, а критика его культа строго «купирована», ибо тотальное его развенчание затрагивает такую основу государственности КНР, как Мао Цзэдун, который, как известно, был для коммунистического Китая «и Лениным, и Сталиным, и Хрущевым, и Брежневым».

Перед лицом японской агрессии 18 сентября 1931 года в Маньчжурии, которая фактически спасла коммунистическое движение в Китае от полного разгрома со стороны армии Чан Кайши и позволила остаткам войск КПК переправиться в ходе длительного «великого похода» на север в так называемый «особый район Китая», у границ СССР и МНР со столицей в городе Янъани, в повестку дня встал вопрос о прекращении Гражданской войны и создании при содействии Москвы «второго единого фронта» между Гоминьданом, возможность влияния на политическое поведение лидеров которого посредством финансовой и военной помощи была утрачена Кремлем еще в 1927 году, и Компартией против общего врага — японских агрессоров. Выяснив для себя, что он явно переоценил революционный потенциал японского пролетариата и в равной мере недооценил живучесть японского «военно-феодального империализма», И. В. Сталин в письме к Ворошилову от 27 ноября 1931 года вынужден констатировать: «Дела с Японией сложные, серьезные. Япония задумала захватить не только Маньчжурию, но, видимо, и Пекин…. Более того, не исключено и даже возможно (выделено Сталиным), что она протянет руку к нашему Дальвосту и, возможно, Монголии… Главное теперь в подготовке обороны на Дальнем Востоке»[9].

Сталину хватило политической мудрости смириться с поражением арьергардных восстаний Китайской революции под лозунгом диктатуры пролетариата и советского движения, инспирированного ультралевацкой платформой в Политбюро ЦК КПК, известной как «линия Ли Лисаня», и, отбросив идеологическую риторику, всерьез заняться поисками путей перехода от политики советизации Китая к тактике единого национального антияпонского фронта. Не случайно, практически, за весь период с сентября 1931 года до известного своими решениями VII конгресса Коминтерна ИККИ не принял ни одной развернутой резолюции о задачах КПК и советского движения[10]. Между тем, жизнь сама диктовала китайским коммунистам во имя политического выживания обратиться 10 января 1933 г. ко всему китайскому народу с заявлением о том, что при условии немедленного прекращения наступления на советские районы «Красная армия готова заключить боевое соглашение с любыми воинскими частями о совместной вооруженной борьбе против японской империалистической агрессии»[11]. Опубликованные документы дают возможность проследить все этапы длительного и трудного пути разработки уже после VII конгресса Коминтерна новой политической ориентации КПК и тактики антияпонского фронта в национальном масштабе на основе сотрудничества КПК и ГМД при активном содействии Секретариата ИККИ, дававшего рекомендации и корректировки, как непосредственно ЦК КПК, так и делегации КПК в ИККИ (она работала в Коминтерне до 1940 году) во главе с Ван Мином.

Следует отметить, что в самом Коминтерне начиная с середины 1930-х гг. и вплоть до роспуска Коминтерна в мае 1943 года практически не было дискуссий как по теоретическим, так и по другим китайским вопросам, а споры по проблемам реализации курса на длительное сотрудничество КПК и Гоминьдана и тактике КПК в едином фронте велись лишь внутри руководства КПК, однако полными материалами состоявшихся там дискуссий мы не располагаем. Характерно, что во время антияпонской войны Коминтерн и Кремль старались не вмешиваться (или, по крайней мере, не афишировали это) во внутренние дела КПК. Единственная попытка со стороны Секретариата ИККИ весной 1940 года высказать пожелание по некоторым кандидатам для включения в ЦК КПК была вежливо отклонена руководством КПК. На практике каждое серьезное решение по китайскому вопросу согласовывалось с Политбюро ЦК ВКП(б) или

с И. В. Сталиным, а Г. Дмитров, как и раньше, обращался за советами к Сталину по сюжетам китайской политики, что находит подтверждение в его дневнике и письмах к И. В. Сталину[12].

Едва ли не решающую роль сыграл Сталин в мирном разрешении так называемого «сианьского инцидента» в декабре 1936 года, когда удалось спасти жизнь и освободить Чан Кайши, арестованного генералами-путчистами Чжан Сюэляном и Ян Хучэном в г. Сиани, убедить руководство КПК, требующего казни гоминьдановского лидера, в недопустимости новой вспышки Гражданской войны и неприемлемости установки на одновременную борьбу против Гоминьдана и японских захватчиков. Помимо прочего, к этому времени НКИД уже существенно продвинулся в переговорах с правительством Нанкина и в контактах с Чан Кайши лично по вопросам советско-китайского сближения, естественно с учетом интересов сохранения как фактора китайской внутриполитической жизни КПК и с оглядкой на Японию, с которой Москва не хотела обострения и конфликта. Терять в этой ситуации важного, влиятельного и надежного партнера по диалогу, особенно перед лицом давления мощной прояпонски настроенной группировки в Гоминьдане, было бы крайне неразумно. Свою «благонадежность» китайский лидер неоднократно доказал, дав многочисленные заверения в том, что «в случае конфликта СССР с Японией китайский народ будет на стороне русского»[13], неоднократно отвергнув предложения Токио о перемирии и «союзе против большевизма», весьма сдержанно отреагировав на продажу СССР КВЖД «Маньчжоу-го» 23 марта 1935 года, на небывалую активность Советского Союза в Синьцзяне, где у власти находился демонстративно лояльный Москве дубань Шэнь Шицай, а также на подписание без консультаций с Нанкином 12 марта 1936 года советско-монгольского протокола о взаимопомощи. Для Сталина «Сианьский инцидент», в определении Гоминьдана, возглавляемого Чан Кайши, как главной силы, способной противостоять агрессии Японии, стал настоящим «моментом истины». По его прямому указанию Исполком Коминтерна потребовал от КПК обеспечить «мирное решение конфликта» и спасти жизнь руководителю Гоминьдана, после чего, благодаря вмешательству Москвы, Чан Кайши был благополучно освобожден[14].

В свою очередь, Чан выполнил обещание, данное им специально прибывшему в Сиань эмиссару ЦК КПК Чжоу Эньлаю, и уже в феврале 1937 года третий пленум ЦИК Гоминьдана принял постановление, создававшее предпосылки для примирения с коммунистами. Поворот на 180° в тактике КПК дался нелегко, но уже 8 июля 1937 года, то есть на второй день после массированного нападения Японии на внутристенный Китай, ЦК КПК выступил с обращением к нации с призывом к единению, а 15 июля 1937 года передал Нанкину декларацию о сотрудничестве с Гоминьданом (Чан Кайши разрешил опубликовать ее лишь 22 сентября), в которой предусматривалось, в частности, преобразование Красной армии в части Национально-революционной армии и выступление их по приказу Военного совета Национального правительства на фронт. Чан Кайши выступил со своим заявлением 23 сентября 1937 года, что явилось отправным моментом в установлении единого национального фронта, который не имел какой-либо организационной формы, но фактически легализовал КПК и ее армию.

В полемике, мягко говоря, с некорректной концепцией, утвердившейся в китайской и западной историографии периода 1937–1945 гг., исходящей из того, что успешное развитие КПК в эти годы происходило без помощи Кремля и даже вопреки ему, а помощь Советского Союза оказывалась якобы только Гоминьдану, приведем недавно опубликованное известным китайским историком Ян Куйсуном детальное исследование по доступным источникам о финансовой помощи Коминтерна Компартии Китая за 1920–1944 годы[15]. Всего только финансовой помощи из Москвы Компартии Китая в 1937, 1938, 1940 и 1941 годах поступило 3 852 394 ам. долл. а кроме этого КПК получала различное имущество, технические, медицинские средства, а в 1937 году на деньги Москвы была создана военная школа в Урумчи для подготовки военно-технических кадров КПК[16]. Характерно, что в беседе 23 февраля 1940 года Сталина с лечившимся в СССР Чжоу Эньлаем на заявление последнего, что ежемесячная финансовая «брешь» КПК составляет 58 280 ам. долл., а финансовая «брешь» армии 300 тыс. ам. долл., Сталин сказал, что «он очень занят, не успевает прочесть многие вещи», но помощь гарантировал[17]. Рассматривался даже вопрос о поставках КПК оружия и другой военной техники, в частности танков, но из-за невозможности партии обеспечить нелегальную их доставку от границы МНР до территории, контролируемой Компартией, сделать это не удалось.

Наконец, не забудем, что в дополнение к Договору о ненападении была достигнута договоренность о предоставлении Китаю советской военной техники, боеприпасов и снаряжения (своей военной техники, за исключением винтовок, Китай в то время не производил) в счет льготных кредитов (к 1939 году — 450 млн долл.), и при этом было особо оговорено, что четвертая–пятая часть помощи оружием должна была выделяться нанкинским правительством 8-й и Новой 4-й армиям коммунистов. Справедливости ради, отметим, что на деле эта доля составляла к 1939 году лишь 1/40 часть, а в начале 1940 года Гоминьдан вовсе прекратил делиться с коммунистами поступавшей помощью, ввиду начавшихся внутри «единого фронта» вооруженных конфликтов. Уже на первых переговорах в Москве о предоставлении Китаю военной помощи И. В. Сталин заявил китайской делегации: «Кто хочет быть независимым, тот должен организовать свою военную промышленность… Мы вам дадим сколько угодно моторов… мы вам дадим инструкторов»[18]. 14 октября 1939 года Комитет обороны СССР принял решение построить в Урумчи на паях с Китаем авиасборочный завод мощностью 300 истребителей в год[19]. Кроме того, в помощь Китаю были направлены более 5000 советских военных советников (В качестве главного военного советника Чан Кайши неоднократно просил направит к нему В. К. Блюхера, блестяще зарекомендовавшего себя в период Северного похода, не зная, что Блюхер находился под следствием в Лефортовской тюрьме, где 8 ноября 1938 года умер под пытками) и летчиков-добровольцев, 200 из которых погибло. Можно констатировать, что к сентябрю 1939 года более 80% военно-технической помощи Китайской Республике приходилось на СССР и лишь менее 20% на США и Европу[20]. Отметим без ложного пафоса, что данная безальтернативная помощь (до марта 1938 года в Китае работали немецкие советники, после чего помощь была свернута) расценивается не как содействие исключительно Гоминдану, а как поддержка через официальное правительство борьбы всего китайского народа против японских агрессоров[21]. В целом, объем финансовой и военной помощи смог реально поддерживать деятельность КПК и ее организации, помочь им выжить в сложной борьбе и превратиться в реальную силу на политической арене Китая в 40-е годы XX века.

В плане межгосударственных отношений несомненным детищем дипломатии «византийской школы» Сталина было подписание 21 августа 1937 года в Нанкине советско-китайского Пакта о ненападении и 13 апреля 1941 года советско-японского Пакта о нейтралитете. Первые контакты Москвы и предварительные переговоры по поводу заключения договоров начались с Токио (по инициативе Москвы) еще в 1926–1927 годах, а с Нанкином (по инициативе Чан Кайши) параллельно с восстановлением (к огромному неудовольствию Японии) советско-китайских дипломатических отношений 12 декабря 1932 года. По вполне понятным причинам долгие переговоры велись строго конфиденциально и в строгом секрете от третьей стороны «треугольника». Впрочем, была еще и «четвертая» сторона — КПК, но Кремль сделал все, чтобы предотвратить распад единого фронта и не допустить перед лицом японского вторжения новой Гражданской войны. К июлю 1932 года СССР имел договоры о ненападении и нейтралитете с восьмью из девяти своих соседей на западных и южных границах (за скобками оставалась только Румыния из-за Бессарабии), и это вписывалось в общий контекст ключевых внешнеполитических приоритетов Москвы. В условиях нарастания японской агрессии в регионе Дальнего Востока и угрозы возникновения советско-японской войны данная проблематика приобретала особую актуальность.

Сталин, который держал руку на пульсе дальневосточных событий, оперативно, даже находясь на отдыхе в Сочи, реагировал на регулярно направляемые ему аналитические записки, собственноручно правил тексты практически всех вариантов договоров, желая избежать военного столкновения с Японией, дал добро на признание «де-факто» еще весной 1932 г. «Маньчжоу-Диго», открыв консульства этого марионеточного государства в Чите и Благовещенске, на перевозки японских войск по КВЖД и на продажу этой железной дороги в 1935 г. «Маньчжоу-го». Чан Кайши, не желавший достижения компромисса Москвы и Токио за счет интересов и в ущерб территориальной целостности Китая, а также втайне мечтавший столкнуть СССР и Японию в военном конфликте, не доверял Сталину и, надолго замариновав процесс подписания Договора, постоянно шантажировал Москву кошмаром сепаратной сделки с Токио. Он неоднократно посылал в Москву своих личных эмиссаров — видных гоминьдановских деятелей, в прошлом известных дружественным отношением к СССР (Цзян Цзинго, Сунь Фо, Хэ

Яоцзу, Шао Лицзы), дабы прощупать реальные намерения Кремля и обеспечить себе свободу рук для любого маневра. Лишь после «сианьского инцидента» и возвращения в марте 1937 г. в Нанкин из СССР старшего сына Чан Кайши Цзян Цзинго с его женой Фаиной Вяхревой и сыном (Сталин уделял особое внимание сыновьям лидеров Китая и перед отъездом вручил Цзян Цзинго, так же, как и сыну Мао Мао Аньину в 1946 г., именное оружие на память), в советско-китайских отношениях сложилась более доверительная атмосфера. Не осталось незамеченным и то, что параллельно с этим Москва оказывала активную политическую поддержку Китаю в Лиге Наций и других международных организациях, куда Китайская Республика неоднократно и безуспешно обращалась с просьбами обуздать агрессора.

Подписанный 21 августа 1937 г. в Нанкине полпредом Д. В. Богомоловым и министром иностранных дел Ван Чжунгуем Договор о ненападении выходил за рамки традиционно принятых и фактически может рассматриваться как договор о взаимной помощи сторон. Параллельно Богомолов сделал устную декларацию о том, что СССР «не заключит какого-либо договора о ненападении с Японией до того времени, пока нормальные отношения Китайской Республики и Японии не будут формально восстановлены», а Ван Чжунгуй (в свете подписанного 25 ноября 1936 г. Германией и Японией «Антикоминтерновского пакта») заявил, что «Китайская Республика не заключит в течение действия договора о ненападении…какого-либо договора с третьей державой о так называемых совместных действиях против коммунизма, который практически направлен против СССР»[22].

Известна дальнейшая трагичная судьба Богомолова, который в сентябре 1937 г. был вызван в Москву и арестован, а вскоре — расстрелян. Помимо прочего, Богомолову инкриминировалось прозвучавшее однажды из его уст предложение заключить с Нанкином договор о взаимопомощи, его неспособность предвидеть начала китайско-японской войны летом 1937 г. и неумелое составление текста устной декларации, оставляющей, по мнению Кремля, свободу рук Китаю и практически полный запрет заключения пакта ненападения СССР с Японией. В присущей сталинской манере видеть даже за оплошностями сознательный «вражеский» расчет: в данном случае столкнуть лбами СССР и Японию, кремлевский руководитель в беседе с послом Ян Цзэ 18 ноября 1938 г. охарактеризовал Богомолова как «троцкиста» и «плохого информатора», зло добавив при этом: «А плохих информаторов мы арестовываем». Позже вождь практически взвалил на смещенного полпреда вину за все трудности и проблемы, возникшие в советско-китайские отношениях в 1933–1937 гг.[23].

В ответ на очередную попытку убедить СССР вступить в войну против Японии, предпринятую китайским послом Ян Цзэ 18 ноября 1937 г., Сталин заявил: «Если Китай будет успешно отражать натиск Японии, СССР начинать войну не будет. Если же Япония начнет побеждать, СССР вступит в войну»[24]. Данное заявление Сталина, очевидно, было обусловлено поступавшей из советских загранучреждений информацией, не предвещавшей серьезных поражений китайской армии. Но китайские войска в тот период уже отступали из Шанхая и положение было критическим. Вероятно, новый кадровый состав советского полпредства и консульств после отзыва полпреда Д. В. Богомолова, военного атташе А. Я. Лепина и других опытных работников не в состоянии был дать объективный анализ событий в стране. В последующем Сталин стал более скуп на подобные обещания, предпочитая быть более осторожным в вопросах возможного подключения СССР в войну против Японии, но более благосклонно рассматривать просьбы китайской стороны о расширении всемерной помощи «великому китайскому народу в его героической освободительной войне против агрессора», обуславливая ее уже другим: «Мы сможем оказывать регулярную помощь Китаю при том условии, если не будет войны в Европе»[25].

Одна из главных задач советской дипломатии на первом этапе отражения японской агрессии была решена: Китай не капитулировал. Японская сторона 29 раз по разным каналам обращалась к китайскому правительству с предложениями о мире на ее условиях, но Чан Кайши оставался верен курсу на достижение целостности и независимости китайского государства. В Китае, между тем, внимательно следили за развитием событий в Европе, не теряя надежды вовлечь европейские державы в китайско-японский конфликт. Подобная перспектива открылась после начала войны в Европе, поражения Франции и разгрома английской армии под Дюнкерком, когда Япония поддалась соблазну не упустить благоприятный момент

для захвата азиатских колоний западных держав. И. В. Сталин после нападения Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. дал ошибочную характеристику начавшейся Второй мировой войны как империалистической с обеих сторон и, к изумлению Чан Кайши, пошел на заключение 23 августе 1939 г. Договора о ненападении с Германией, известного как «Пакт Молотова–Риббентропа» и Договора о дружбе и границе СССР и Германии 28 сентября 1939 г.

Следует учитывать, что Кремлю приходилось действовать в ситуации «все против всех» и принимать решения буквально в цейтноте. Напряженность в советско-японских отношениях, вызванная в том числе и поставками вооружения Китаю, быстро обнаруженными японской разведкой, вылилась в пограничные конфликты. Операции Красной Армии в 1938 г. в районе озера Хасан и крупномасштабные бои в 1939 г. в районе реки Халхин-Гол стали конкретной военной помощью и фактическим участием СССР в войне на стороне Китая. На фоне этого «Мюнхенская сделка», японо-британское соглашение «Арита–Крейги», непрекращающиеся «мирные» предложения в адрес Чан Кайши со стороны Японии, а также со стороны Германии, вплоть до приглашения Китаю вступить в «Антикоминтерновский пакт» ставили советское государство перед перспективой внешнеполитической изоляции и непосредственной опасностью войны одновременно в Европе и на Дальнем Востоке, причем без союзников.

Все вышеизложенное заставило уделить большее внимание Японии, и без этого занимавшей в системе внешнеполитических приоритетов Сталина место гораздо важнее Китая, и активизировать замороженные японо-советские консультации, чему способствовал пересмотр военных планов Токио и переориентация главного вектора дальнейшей японской экспансии на Юг, в чем не последнюю роль сыграло поражение японской армии на Халхин-Голе (с советской стороны участвовало около 60 тыс. бойцов — погибли 7632 чел., а с японской — около 75 тыс. — погибло 8632 чел.) Несмотря на строжайшую секретность, информация о возможности достижения некого советско-японского компромисса за счет Китая дошла до Нанкина. Посол Китайской Республики в Москве Ян Цзэ посетил НКИД СССР и в беседе с заместителем наркома С. А. Лозовским, выполняя инструкции Чан Кайши, спросил, верны ли слухи, муссируемые на Дальнем Востоке о том, что СССР якобы предложил Японии заключить договор о ненападении, а Япония откликнулась на это предложение и что Германия и Италия советуют Токио заключить соответствующий договор. С. А. Лозовский ответил, что среди этих слухов, судя по газетам, наиболее вероятен последний. На прямой вопрос Ян Цзэ, какова будет позиция Советского Союза, если японское правительство действительно выдвинет какое-либо конкретное предложение относительно упомянутого договора, замнаркома ответил, что на данном этапе трудно что-либо сказать, международная обстановка весьма сложна и решения будут приниматься с учетом всего комплекса вопросов[26].

В этом же 1939 году 13 ноября советский полпред А. С. Панюшкин был вызван на аудиенцию с Чан Кайши, во время которой китайского руководителя интересовало два вопроса: не изменилась ли политика СССР в отношении Китая в свете того, что в докладе наркома иностранных дел В. М. Молотова, посвященном очередной годовщине Октября (1939 г.) Китай не был упомянут, а также вопрос о том, будет ли СССР продолжать продавать Японии сырье после того, как США с будущего года прекратят снабжение Японии военными материалами и сырьем. Полпред попытался как мог успокоить Чан Кайши и снять излишнюю настороженность китайского правительства относительно политики Кремля, вручив китайскому лидеру телеграмму И. В. Сталина и В. М. Молотова, в которой отсутствие упоминания Китая интерпретируется как неизменность политики СССР в отношении Китая[27]. Неизвестно, насколько это успокоило Чунцин (куда к этому времени переместилось гоминьдановское правительство), но в январе 1940 г. Чан Кайши направил письмо маршалу К. Ворошилову с настойчивой просьбой не прекращать материальной и технической помощи Китаю[28].

Согласно недавно опубликованным документам, 2 июля 1940 г. в беседе с наркомом Молотовым японский посол в Москве Того Сигэнори внес в вербальной ноте на рассмотрение советского правительства проект пакта о нейтралитете, одним из условий подписания которого, много раз повторенный С. Того, был отказ от помощи правительству Чан Кайши[29]. Молотов счел необходимым заверить японского посла в том, что и раньше СССР оказывал помощь Китаю исключительно из экономических соображений, получая за поставки цветные металлы, так же как и СССР, вынужденный расплачиваться за военную помощь — станками, заводским обо-

рудованием, военной техникой — в счет кредита на 200 млн германских марок от Германии по торговому соглашению от 19 августа 1939 г., погашая его поставками сырья и продовольствия. 30 октября 1940 г. новый посол Японии в России Татэкава Ёсицугу на встрече с Молотовым заявил о желании японского правительства заключить с СССР пакт о ненападении, аналогичный советско-германскому Пакту о ненападении от 23 августа 1939 г., на что 18 ноября 1940 г. последовал ответ советского наркома о том, что «советское общественное мнение не сможет благожелательно воспринять заключение пакта о ненападении, если он не будет сопровождаться восстановлением территориальных потерь, понесенных Россией на Дальнем Востоке, а именно утратой в свое время Южного Сахалина и Курильских островов»[30]. Поэтому Молотов предложил вернуться к обсуждению пакта о нейтралитете, как не предусматривающего разрешение территориальных проблем, что встретило понимание японской стороны лишь весной 1941 г., когда в Европу был направлен министр иностранных дел Ёсукэ Мацуока для реализации одобренных кабинетом министров Японии «новых принципов ведения переговоров с Германией, Италией и Советским Союзом». Заслуживает цитирования характер беседы Мацуока со Сталиным (в отличие от получасовой беседы с Молотовым, эта беседа длилась более часа), в которой, пытаясь оправдать заключение Тройственного пакта Японии, Германии и Италии 27 сентября 1940 г., японский министр заявил, что «мы выдвигаем лозунг — долой индивидуализм и капитализм, но для этого нужно уничтожить англо-саксов» и «Япония ведет войну не с китайским народом, а с англо-саксами, т. е. с Англией и Америкой», а также с Чан Кайши, который является слугой англо-саксонских капиталистов[31].

Когда уже казалось, что советско-японские переговоры закончились провалом из-за Сахалина (Япония была готова купить Северную часть острова, а СССР, в ответ, Южную), за день до отъезда на родину Мацуока был приглашен в Кремль и вопрос был сдвинут с мертвой точки — 13 апреля 1941 г. был подписан, а 24 апреля ратифицирован Пакт о нейтралитете сроком на пять лет, что означало, что даже в случае его денонсации одной из сторон, он продолжал бы иметь силу до 25 апреля 1946 г. Как мы видим, столь раздраматизированная в свое время устная декларация Богомолова не помешала Сталину заключить договор с Японией, который противоречил если не букве (здесь была игра в слова: между «нейтралитетом» и «ненападением» якобы большая дистанция), то духу декларации, которая, впрочем, вероятно с самого начала рассматривалась Кремлем не более, чем неофициальным «джентльменским обещанием», которое Советский Союз вправе был взять обратно, если того потребуют его национально-государственные интересы. Пакт о нейтралитете безусловно был выгоден как Советскому Союзу, так и Японии. В набиравшей обороты Второй мировой войне Сталин стремился обезопасить дальневосточные границы СССР с тем, чтобы в случае острой необходимости, перебросить оттуда дивизии на западный фронт. Япония, в свою очередь, увязнув в войне с Китаем, стремилась лишить Чан Кайши советской помощи, а с другой стороны, она, обезопасив свои тылы, получила возможность захватывать стратегические плацдармы и присваивать ресурсы более слабых стран на южном направлении.

Возвращаясь к теме Китая, можно констатировать, что уже к осени 1940 г. отношения Москвы и Чунцина оказались в «замороженном» состоянии. Отдавая себе отчет в значимости для Китая советской помощи, Чан Кайши и другие официальные лица Китайской Республики неоднократно направляли Сталину послания, в которых выражали благодарность СССР за сочувствие и помощь китайскому народу и выражали надежду на ее продолжение[32]. Советское руководство и Наркомвнешторг под различными предлогами не принимали вновь назначенного посла Китайской Республики в Москве Шао Лицзы и не отвечали на письменные просьбы посольства о возможности провоза через территорию СССР грузов, закупленных для Китая в третьих странах[33]. Чан Кайши, крайне обеспокоенный слухами о возможности советско-японских переговоров, направил запрос Сталину, на что кремлевский руководитель ответил, что «не знает, насколько эти слухи соответствуют действительности»[34]. В одном из своих последних писем на имя Чан Кайши от 16 октября 1940 г. И. В. Сталин дал китайскому руководителю дельный совет в «этой сложной и противоречивой международной обстановке» сохранять и укреплять китайскую национальную армию: «Национальная китайская армия есть носитель судьбы, свободы и независимости Китая. Если Ваша армия будет сильна, Китай будет неуязвим»[35]. Когда, наконец, 17 октября 1940 г. посол Китайской Республики был принят заместителем наркома

иностранных дел А. Вышинским, то ему стало понятно, что «политика СССР в отношении Китая не изменилась, а помощь приостановлена»[36]. Шао Лицзы попытался выяснить у другого заместителя наркома иностранных дел С. А. Лозовского, что означает извещение торгпреда в Китае о возможности выполнения заявок на поставки из СССР, сделанных Китаем только до 10 марта 1941 г., на что ему ответили, что это связано с техническими трудностями, находящимися в компетенции Наркомвнешторга[37]. До сведения посла не была доведена информация о том, что 18 марта 1941 г. Наркомвнешторг издал приказ о запрещении импорта в воюющие страны оружия, оборудования и медикаментов, материалов, используемых в военных целях, а в апреле того же года в СССР был также запрещен транзит этих товаров.

11 апреля 1941 г. посол СССР в Китае А. С. Панюшкин заверил Чан Кайши в том, что Советский Союз не намерен жертвовать интересами дружественной державы[38]. Уже два дня спустя, 13 апреля, было объявлено о заключении советско-японского договора о нейтралитете. По совместной Декларации о взаимном уважении, сопровождавшей пакт, Япония признавала МНР в обмен на признание Советским Союзом Маньчжоу-го[39]. Главным элементом пакта было обязательство не помогать третьим странам в следующей редакции Статьи 2: «В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта»[40]. 12 июня 1941 г. наркомом по иностранным делам В. М. Молотовым и послом Японии в СССР Татэкавой были парафированы торговый договор и соглашения о транзите товаров и учреждении торговых представительств обеих стран.

Весть о советско-японском договоре потрясла Китай, где эта шокирующая новость была расценена как нарушение советско-китайского пакта о ненападении от 1937 г. Китайская общественность оценила этот акт как «национал-эгоистический», а китайская пресса квалифицировала его как вероломную измену союзническим обязательствам[41]. Чан Кайши, правда, попытался «сделать хорошую мину», заявив в беседе с полпредом А. С. Панюшкиным 19 апреля 1941 г., что, «несмотря ни на что, вера нашего народа в Сталина остается непоколебимой… Мне хотелось бы только надеяться на то, что если СССР будет предпринимать какие-либо шаги в отношении Японии, то это не будет тайной для нас»[42]. Несмотря на неоднократные заверения НКИД СССР и советского полпреда А. Панюшкина в том, что помощь Китаю со стороны Москвы не уменьшится, советско-китайские отношения начали ухудшаться, а помощь Китаю по государственной линии прекратилась.

На данный сюжет наложились и другие драматические события, также не способствовавшие взаимному доверию Москвы и Чунцина. В начале 1941 г. Китай оказался на пороге возобновления Гражданской войны из-за событий в южной части пров. Аньхой, где части Новой 4-й армии якобы отказались перебазироваться по приказу НРА Китайской Республики на северный берег Хуанхэ, т. к. войска коммунистов были укомплектованы местными жителями, неохотно покидавшими родные места, 6 января 1941 г. были внезапно атакованы гоминьдановскими войсками. Погибло около 7 тыс. бойцов, курсантов, медперсонала и членов семей командиров, командующий 4-й армией Е Тин был взят в плен и содержался в заточении до 1946 г., а обе стороны наперегонки стремились довести до Сталина собственные версии событий. Полпред СССР и главный военный советник В. И. Чуйков после бесед с представителями КПК Чжоу Эньлаем и Е Цзяньином, которые буквально рвались в бой (Чжоу Эньлай даже обвинил Гоминьдан в стремлении «поглотить» КПК), пришли к заключению, что Чан Кайши, видимо, понял, что ни СССР, ни Англия, ни США не будут в значительных объемах оказывать вооруженную помощь Китаю и решился на обострение отношений с КПК, дабы в дальнейшем получить возможность маневра в зависимости от позиции держав.

Перспектива развертывания в Китае гражданского конфликта ни в коей мере не устраивала Москву, и советский полпред заявил руководству КПК, что «основным противником КПК в настоящее время остается по-прежнему Япония», «нужно во что бы то ни стало сохранить сотрудничество с Гоминьданом», но одновременно следует «реабилитировать себя и показать широким народным массам подлинного виновника событий», при этом, однако, «не ссылаться на Чан Кайши как на организатора событий»[43]. 25 января 1941 г. Чан Кайши встретился с советским полпредом и заверил его, что речь не идет об общеполитическом мероприятии или смене курса, а разоружение ча-

стей Новой 4-й армии является лишь вопросом воинской дисциплины. Сталину же он направил очередное письмо с благодарностью за помощь Китаю в войне сопротивления[44]. По поручению И. В. Сталина генеральный секретарь Исполкома Коминтерна Г. Димитров телеграфировал в Янъань, в штаб-квартиру КПК: «Мы считаем, что разрыв не является неизбежным, наоборот, опираясь на массы, которые стоят за сохранение единого фронта, надо сделать все зависящее от компартии и от наших военных, чтобы избежать развертывания междоусобной войны. Просим пересмотреть Вашу позицию по этому вопросу и сообщить нам свои соображения и предложения. Дмитров»[45]. Решительная позиция Кремля по «Аньхойскому инциденту» сыграла важную роль в предотвращении полного распада единого фронта в Китае.

Новая эпоха открылась в международных отношениях 22 июня 1941 г., когда Германия вероломно напала на Советский Союз, и началась Великая Отечественная война. С началом гитлеровской агрессии против Советского Союза руководство ВКП(б) всю свою политику подчинило задаче разгрома фашистской Германии и ее сателлитов и на выполнение этой задачи мобилизовало все силы Коминтерна. Сталин и его окружение нацеливали Коминтерн на организацию европейского движения Сопротивления и национально-освободительной антифашистской войны[46]. Антифашистская стратегия отвечала не только интересам Советского Союза, но и совпадала с жизненными интересами всех народов. 23 июня 1941 г. ЦК КПК опубликовал директиву партийным организациям «Задачи КПК в условиях нападения фашистской Германии на СССР». В Директиве, подписанной Мао Цзэдуном, подчеркивалась необходимость крепить единый антияпонский фронт, сотрудничество КПК и ГМД, в области внешних отношений объединиться для борьбы против общего врага со всеми теми, кто в Англии, США, других странах выступает против фашистских правителей Германии, Италии и Японии. 21 июля 1941 г. Чан Кайши, в свою очередь, направил И. В. Сталину телеграмму от имени армии и народа Китая с пожеланиями полной победы[47].

Неожиданная для Сталина агрессия Германии привела к катастрофическому положению на западном фронте СССР и огромным бедствиям советского народа. Прекращение помощи Китаю было обосновано не только желанием Кремля любой ценой избежать войны на два фронта, но и критической ситуацией в самом Советском Союзе. К концу 1941 г. встал вопрос о целесообразности пребывания в Китае советских военных советников, многие из которых воевали в составе китайской армии наравне с китайскими бойцами. Помимо прочего, их положение осложнило то, что те из них, кто находился на фронтах в зонах соприкосновения частей Гоминьдана и КПК, обязаны были, следуя указаниям из Москвы, не допускать разгрома коммунистических частей, даже если зачинщиками столкновений выступали коммунисты. В ответ на эту пристрастность гоминьдановское правительство приняло решение вывести их из зон соприкосновения и использовать главным образом на работе в военных учебных заведениях. И уже в феврале 1942 г. Кремль принял решение об их отзыве на родину. Еще раньше, в 1941 г., вернулись советские летчики (всего с конца 1937 г. по 1941 г. в Китай было направлено около 700 летчиков и техников, которые в первый период антияпонской войны приняли на себя главный удар японских военно-воздушных сил).

Вследствие конфликтов в ставшем сферой особого внимания Кремля Синьцзяне с губернатором Шэн Шицаем (обратившимся в 1941 г. с предложением к Москве образовать Советскую Республику Синьцзян и включить ее в состав СССР, но получившим отказ Кремля), парализовавших работу советских и советско-китайских предприятий, СССР демонтировал и вывез оборудование смешанных предприятий. В мае 1943 г. были закрыты все торговые организации и отозваны все торговые представители и специалисты, а также выведен кавалерийский полк Красной Армии и отозваны все военные советники. Эта акция принесла убытки Советскому Союзу, он недополучил товары на сумму в 22,5 млн долл., после чего все экономические связи с Советским Союзом через Синьцзян, а также налаженные связи Коминтерна с КПК через Синьцзян были прекращены[48]. Кульминацией политики Сталина в Синьцзяне явилась вооруженная поддержка илийского восстания и образование 15 ноября 1944 г. Восточно-Туркестанской Республики во главе с Алихан-Тюре, просуществовавшей до 1949 года[49].

7 декабря 1941 г. Япония вероломно, без объявления войны совершила нападение на основные базы США и Великобритании в бассейне Тихого океана и в Юго-Восточной Азии, после чего японо-китайская война стала частью

Второй мировой войны. После начала войны на Тихом океане укрепилось международное и финансовое положение правительства Чан Кайши. США стали уделять больше внимания Китаю и уже в марте 1942 т. подписали с Чунцинм соглашение о предоставлении Китайской Республике 500 млн долл. В Юго-Западном Китае строились аэродромы для американской авиации. В Китай прибывали самолеты, летчики и техники США, а также многочисленные представители и эмиссары Вашингтона. Так же, как и «информаторы» Сталина, они были крайне недовольны пассивностью как гоминьдановских, так и коммунистических войск на фронтах войны. Они считали недопустимым растрату сил и энергии на междоусобные разборки ГМД и КПК, что существенно снижало общий антияпонский потенциал и расшатывало конструкцию «единого фронта», заявившую о себе как плодотворной тактике в деле сопротивления агрессору. Эта тактика сыграла важную роль для развития КПК и ее вооруженных сил.

Здесь уместно осветить вопрос, который, по мнению многих западных, советских и китайских исследователей, бросает тень на отношения Москвы с КПК. В июне и сентябре 1941 г. ИККИ и советское руководство по особым каналам обращались к ЦК КПК с просьбой послать части регулярной армии и партизанские отряды для проведения боевых операций в Южную Маньчжурию в случае нападения Японии на Советский Союз. ЦК КПК 18 июля 1941 г. телеграммой на имя Г. Дмитрова дал ответ на просьбу советского руководства, суть которого сводилась к тому, что в существующей обстановке КПК не могла послать войска 8-й армии к южным границам Маньчжурии, сильно укрепленными японцами. «Если же мы будем действовать, несмотря ни на какие жертвы, тогда не исключена возможность, что мы будем разбиты и не в состоянии упорно отстаивать партизанские базы в тылу противника длительный период»[50]. Когда 20 июля 1941 г. Г. Дмитров передал содержание этой телеграммы ЦК КПК В. М. Молотову, тот беспристрастно-дипломатично ответил: «С линией поведения ЦК Компартии Китая согласны. В отношении боеприпасов (ЦК КПК в той телеграмме просил подкрепления боеприпасами, пулеметами и т. п.) — пока не давать обещания»[51]. Как говорится, неприятный осадок остался.

Несмотря на всю сложность своего положения, СССР оказал финансовую помощь китайским коммунистам в размере 1 млн американских долларов, которая была выделена решением Политбюро ЦК ВКП(б) 3 июля 1941 г. на военные нужды КПК и переправлена частями по различным каналам. «Конкретную военную помощь» Мао Цзэдуну, в т. ч. радиопередатчики, радиокомплектующие, было решено переправлять через «окно» на границе МНР с Китаем[52]. Сталин рассчитывал использовать китайских коммунистов для отвлечение японских армий, предотвращения их нападения на СССР, но руководство КПК отнюдь не хотело ставить под удар свои войска. Общеизвестен лозунг, который Мао выдвинул в выступлении перед слушателями партшколы в Янъани в ноябре 1941 г.: «10 процентов собственных сил — на борьбу с Японией, 20 процентов — на борьбу с гоминьданом, 70 процентов — на рост своих сил». КПК предпочитала участвовать лишь в локальных операциях против японских войск, применяя тактику партизанской войны (Вспомним в связи с этим рекомендации, которые дал Сталин, провожая Ван Мина и Кан Шэна на родину 11 ноября 1937 года: «Её тактика должна заключаться в… том, чтобы тревожить противника, заманивать его внутрь страны и бить ему в тыл. Необходимо взрывать коммуникации, железнодорожные мосты, [используемые] японской армией». Сравним это с формулой Мао «враг наступает — мы отступаем; враг остановился — мы тревожим; враг утомился — мы бьем; враг отступает — мы преследуем», ставшей буквально мантрой для бойцов КПК).

Очевидно, что, обретя свою «вотчину», Мао Цзэдун не особенно стремился сражаться с японцами, предпочитая накапливать собственные силы, укреплять тылы и готовиться к решающей схватке за вожделенную власть в Китае. Еще большую свободу рук получили китайские коммунисты после роспуска Коминтерна, в связи с чем ЦК КПК принял специальное решение от 26 мая 1943 г., выразив полное согласие с предложением Президиума ИККИ о роспуске этой «всемирной компартии», отдав должное помощи Коминтерна Компартии Китая, в том числе в течение шести лет войны сопротивления Японии: «В целом во все периоды существования Коминтерна Коминтерн использовал все возможные силы для помощи китайскому народу, испытывающему бедствия и трудности». Вместе с тем в решении ЦК КПК указывалось, что «уже давно китайские коммунисты могли полностью и самостоятельно на основе конкретных особенностей и особых условий вырабатывать

собственные политические установки, тактику и действия»[53].

Что касается официальных межгосударственных отношений СССР и Китайской Республики, то в 1941–1943 гг. они существенно охладились, что было связано с возникшими разногласиями и резким сокращением советской военно-технической помощи Китаю и торговли с ним. Москва, помимо желания любой ценой избежать войны на два фронта, чисто физически из-за тяжелого положения на советско-германском фронте (что давало основание предсказывать аналитикам в Чунцине скорое крушение СССР под натиском Германии) не в состоянии была поддерживать прежний уровень военных поставок Китайской Республике, лишь 9 декабря 1941 г. официально объявившей войну Японии, Германии и Италии. К середине 1943 г. были отозваны практически все военные советники из Китая, однако Москва сохранила влияние на ситуацию в стране, что, в частности, позволило ей параллельно с американской дипломатией принять меры по недопущению войны между КПК и Гоминьданом в 1943 г, а по мере кардинальных изменений ситуации на советско-германском фронте развернулся и процесс нормализации отношений с Китайской Республикой. Будучи союзниками де-факто, а с 1 января 1941 г. (после их присоединения в Вашингтоне к Декларации Объединенных Наций) и де-юре, СССР и Китай, однако, вплоть до самого конца Второй мировой войны продолжали строить отношения на базе пакта о ненападении 1937 года (в 1942 г. он был продлен на новый пятилетний срок).

С 28 ноября по 1 декабря 1943 г. в Тегеране состоялась конференция глав союзных держав США, СССР и Великобритании, на которой Сталин впервые, откликаясь на многочисленные просьбы союзников, официально заявил о готовности СССР вступить в войну с Японией после победы над гитлеровской Германией[54], что стало бы сильной поддержкой Китаю в антияпонской войне, а также помогло бы ускорить окончание Второй мировой войны. Это заявление Сталина было закреплено 11 февраля 1945 г. на конференции в Ялте, где главы трех союзных держав — США, СССР и Великобритании подписали Ялтинское соглашение с его секретной частью, в которой было зафиксировано, что «через два–три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну с Японией на стороне Союзников при условии 1) сохранения нынешнего статуса Внешней Монголии (Монгольская Народная Республика); 2) восстановления всех прав России, которых она лишилась в результате вероломного нападения Японии в 1904 г.: а) возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалин и всех прилегающих к ней островов; б) обеспечения статуса международного торговому порту Дальний (Далянь, Дайрэн) с предоставлением преимущественных прав в нем Советскому Союзу, восстановления аренды порта Порт-Артур (Люйшунь) как военной базы СССР; в) создания советско-китайского совместного предприятия и установления совместного управления Южно-Маньчжурской железной дорогой от г. Дальний до КВЖД с предоставлением СССР льготных прав пользования ею при сохранении суверенных прав Китая на территории Маньчжурии; 3) передачи Советскому Союзу Курильских островов»[55].

С учетом того, что содержащиеся в секретном приложении вопросы, затрагивающие суверенитет Китая, рассматривались в отсутствие представителя Китайской Республики, главы трех государств участников Ялтинской конференции согласились в том, что для обеспечения выполнения всех требований СССР необходимо согласовать их с правительством Гоминьдана. Сталин, в свою очередь, заявил о своей готовности подписать договор о дружбе с Китайской Республикой еще до вступления в войну с Японией. Сочтя, что союзнические обязательства, данные США и Великобритании, имеют «преимущественную силу», Москва устами Молотова, принявшего японского посла Наотакэ Сато, денонсировала 5 апреля 1945 г. Пакт о нейтралитете с Японией. 8 августа 1945 г. пригласил японского посла Сато и объявил, что, поскольку «союзники обратились к Советскому Союзу с предложением включиться в войну против японской агрессии и тем самым сократить сроки окончания войны, сократить количество жертв и содействовать скорейшему восстановлению всеобщего мира», со следующего дня Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией[56]. Еще 30 июня 1945 г. в Москву прибыла делегация, которую возглавлял председатель Исполнительного юаня, он же министр иностранных дел Китая шурин Чан Кайши Сун Цзывэнь, а в состав вошли Ван Шицзэ, сменивший в ходе переговоров Сун Цзывэня на посту министра иностранных дел, Цзян Цзинго — сын Чан Кайши, Фу Бинчан — китайский посол в Москве и др. Со 2 июля делегация

официально начала переговоры о заключении союзного договора, ставшие апофеозом дипломатии Сталина на китайском направлении.

И. В. Сталин, предварительно ознакомив Сун Цзывэня с секретной частью Ялтинской декларации, лично в присущей ему жесткой манере вел переговоры, которые выявили значительные расхождения сторон во взглядах о путях решения обсуждавшихся проблем, в первую очередь по вопросу о независимости МНР и принадлежности КВЖД и ЮМЖД. Сталин отмёл попытки китайской стороны отложить рассмотрение, как не требующего настоятельного решения, вопроса о Внешней Монголии, китайский суверенитет над которой был признан СССР по соглашениям, подписанным в 1924 г. с пекинским правительством и в 1937 г. с правительством Нанкина. Напротив, вопрос о полном суверенитете Монголии Сталин считал первостепенным, так как, по его мнению, Внешняя Монголия стала «буфером, обеспечивающим безопасность СССР на Северо-Востоке» и «если СССР не будет иметь законного права самообороны в Монголии, то в дальнейшем» …в свете того, что «Германия и Япония и после капитуляции по-прежнему останутся сильными державами… Советский Союз может потерять весь Дальний Восток». Наконец, «народ Внешней Монголии не захочет присоединяться ни к Китаю, ни к СССР, а потребует независимости», что имеет для Китая «больше положительных, чем отрицательных сторон»[57].

По поводу связывающей Владивосток и Сибирь КВЖД (напомним, проданной Советским Союзом в 1935 г. «Маньчжоу-го») Сталин, не сомневаясь, что право собственности на нее должно принадлежать ее строителям (России), настоял на том, чтобы эта дорога вместе с ЮМЖД (никогда не принадлежавшая СССР), связывающая КВЖД с незамерзающими портами Порт-Артур и Дальний (находились в аренде России вместе с заливом и прилегающими территориями сроком в 25 лет по российско-китайской конвенции от 27 марта 1898 г.), были в совместном управлении и совместно эксплуатировались, а в будущем, по истечении оговоренного срока, были бы возвращены Китаю. Аналогичной позиции Сталин придерживался и в отношении портов Люйшунь и Далянь, добившись не только восстановления концессии Порт-Артура как военно-морской базы СССР и интернационализации Дальнего как торгового порта, но и обеспечения преимущественных прав в этом порту для СССР[58].

Таким образом, Сталин мыслил не только в категориях «восстановления прав, утерянных в результате агрессии», но и в понятиях «льготы», «преимущества», «территориальные уступки» и «трофеи», встретившие непонимание союзника — Китая и чуть было не заведшие переговоры в тупик. Не случайно, правительство Чан Кайши неоднократно обращалось в Вашингтон, безуспешно настаивая на вмешательстве США в ход Московских переговоров, чтобы заставить СССР изменить свою позицию и в ряде вопросов уступить Китаю в вопросах уважения его суверенитета и целостности в Маньчжурии, ибо Сталин намекнул, что в случае недоговоренности, готов рассматривать эти вопросы, как исключительно касающиеся советско-японских отношений. Сдвинуться с мертвой точки удалось только на четвертой встрече 9 июля 1945 г., когда Сун зачитал текст телеграммы Чан Кайши, одобренный ЦИК ГМД, в которой китайская сторона соглашалась на «совместную эксплуатацию вышеупомянутыми портами и железными дорогами в течение 20 лет», призывая СССР «оказать содействие Китаю в подавлении беспорядков в Синьцзяне» (Восточно-Туркестанская республика грозила превратиться в третью после МНР и Маньчжурии «буферную зону» вдоль границы) с «Алтайским хребтом…в качестве части этой провинции», выражая пожелание, чтобы «всякая помощь — политическая, материальная или моральная…оказывалась Советским правительством только Центральному правительству Китая», а также в принципе соглашаясь на решение монгольского вопроса путем «плебисцита монгольского народа»[59]. На китайского премьера самое благоприятное впечатление произвели заверения Сталина о том, что «СССР полностью признает суверенитет Китая над Маньчжурией», что «китайских коммунистов советская сторона не поддерживает и не думает поддерживать», что «в Китае существует только одно правительство, и если имеется другое, то как и отношения между партиями — это внутреннее дело Китая» и «он интересуется этим постольку, поскольку его заботит будущее Китая»[60].

Окончательный импульс достижению соглашения дало введение 9 августа 1945 г. советских войск на территорию Китая в рамках Маньчжурской стратегической наступательной операции, цель которой заключалась в разгроме японской Квантунской армии, освобождении Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) и Северной Кореи. 14 августа, т. е. в день, когда японский

император Хирохито объявил о безоговорочной капитуляции, состоялось подписание Договора о дружбе и союзе между Советским Союзом и Китаем и ряда связанных с ним соглашений. Договор предусматривал обязательства сторон «вести войну против Японии до окончательной победы» и «взаимно оказывать друг другу всю необходимую военную и другую помощь и поддержку», а после разгрома Японии совместно принимать все меры для того, чтобы «сделать невозможным повторение агрессии и нарушение мира Японией». Договор носил обоюдовыгодный характер, был действительно равноправным (позднее, впрочем, КПК и Сталин радикально поменяют эти характеристики) и закладывал хорошую основу для всестороннего сотрудничества между СССР и Китаем. Были подписаны также соглашения о порядке совместной эксплуатации СССР и Китаем в течение 30 лет КВЖД и ЮМЖД (обе дороги объединялись под названием КЧЖД и провозглашались общей собственностью)[61], совместного использования в течение 30 лет Порт-Артура как военно-морской базы и порта Дальний в качестве свободного порта, открытого для торговли и судоходства всех стран при сдаче половины всех портовых сооружений оборудования в бесплатную аренду Советскому Союзу сроком на 30 лет.

Таким образом, Москва получила правовую основу для реализации своей дальневосточной политики и использования железнодорожной сети и морских портов Северо-Восточного Китая как в военных целях против Японии, так и в реализации своей дальневосточной стратегии. В нотах, которыми 14 августа 1945 г. обменялись обе стороны, СССР выразил готовность оказать Китаю моральную и материальную поддержку, уважать его суверенитет над Маньчжурией и вывести свои войска не позднее, чем через три месяца после капитуляции Японии. Китай заявил о признании независимости Внешней Монголии, если монгольский народ путем плебисцита подтвердит свое стремление к этому. Такой плебисцит в МНР состоялся 20 октября 1945 г., и весь народ высказался за независимость своей страны. Учитывая итоги голосования, Китай в январе 1946 г. вынужден был признать статус-кво МНР.

Итак, накануне вступления СССР в войну с Японией политическая карта Китая являла собой следующую картину: часть страны — Северо-Восточный Китай (Маньчжу-диго) — находилась под фактической оккупацией Японии. Гоминьдановское правительство (с центром в г. Чунцине) контролировало ¾ территории страны и имело многомиллионную армию. Силы КПК базировались в так называемых «освобожденных районах» (центр — г. Яньань) с населением около 150 млн человек[62]. Несмотря на декларацию о создании единого антияпонского фронта, подлинного соединения вооруженных сил Гоминьдана и КПК так и не случилось. Стремление обоих китайских лидеров, Чан Кайши и Мао Цзэдуна, к объединению под своей властью всего Китая, а также противоречивость и непоследовательность внешнеполитической ориентации китайских руководителей препятствовали успеху освободительной войны. Лидер Гоминьдана Чан Кайши, видевший опору в борьбе против распространения коммунистического влияния в Китае в правительстве Соединенных Штатов, одновременно стремился избежать конфликта с СССР и использовать с максимальной выгодой результаты победы Советской Армии над японцами. Соглашаясь в принципе с известной позицией Е. П. Бажанова, который, корректируя однозначно отрицательную интерпретацию в советской историографии диалога КПК с Вашингтоном в 1930–1940-х годах, утверждает, что в целом это «санкционировалось» Москвой в силу ряда соображений относительно их «целесообразности» на данном этапе исторического развития[63], отметим, что потуги Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая и других лидеров КПК произвести максимально благоприятное впечатление на эмиссаров из США даже ценой принижения значимости для них отношений с СССР не могли прибавить взаимного доверия Сталина и лидеров КПК.

Так, например, можно только догадываться, какое впечатление на Сталина произвела информация от его резидентуры в Китае (а чаще информаторами Сталина становились сами китайские лидеры, постоянно обращающиеся к «вождю народов» с жалобами и друг на друга и на советских специалистов) о том, что Мао, с радостью узнав о денонсации 5 апреля 1945 г. советским правительством пакта о нейтралитете с Японией от 13 апреля 1941 г., выразил надежду, что советские вооруженные силы «освободят Внутреннюю Монголию для КПК… разгромят Квантунскую армию в Маньчжурии, и лавры побед советского оружия достанутся Яньани»[64]. В итоге, даже суровые военные будни не могли изгладить из души Сталина, не любившего признаваться в своих собственных неудачах и просчетах и с радостью перекладывавшего

ответственность за них на других, глубокого недоверия к КПК и ее лидеру, Мао Цзэдуну, который, проведя в 1942 г. тотальную «чистку» партии, в 1943 году, воспользовавшись роспуском Коминтерна, добился своего избрания на пост председателя ЦК КПК. А всего через два года, пользуясь чрезвычайной загруженностью Сталина и его соратников, ухитрился добиться того, чтобы проходивший тогда VII съезд КПК официально принял решение, что КПК «во всей своей работе руководствуется идеями Мао Цзэдуна» (а не идеями Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина, как остальные компартии)[65].

Подводя итоги дальневосточной политики Сталина на китайском направлении в военный период, следует признать, что, несмотря на некоторые шараханья, непоследовательность, а порой авантюризм и цинизм отдельных внешнеполитических шагов Кремля, Советскому Союзу удалось избежать войны на два фронта, с минимальными потерями внести существенный вклад в ускорение поражения японских захватчиков и капитуляцию Японии 2 сентября 1945 г., оказав существенное влияние на внутриполитическую ситуацию в Китае, предопределив, в конечном счете, коммунистическую перспективу развития этой страны. Ликвидация японского милитаризма позволила и оформление союзных отношений с гоминьдановским правительством Китая, дали возможность СССР снять накопившиеся негативные «наслоения» в виде потерь стратегически важных для Советского Союза земель и сухопутных и морских коммуникаций, создав тем самым, с одной стороны, потенциал обострения двусторонних отношений, а с другой, объективные условия для оздоровления общей ситуации в Северо-Восточной Азии. Творцом этой политики был Сталин, Оставаясь в целом пленником коммунистической парадигмы, Сталин пережил существенную эволюцию взглядов, в ходе которой перевес брали прагматизм над идейностью и геополитика над идеологией, эволюцию, вызванную изменениями международной обстановки и связанную с накоплением советским лидером опыта в международных делах, а также все большим стремлением подчинить внешнеполитическую конъюнктуру своеобразно понимаемым им национальным интересам. Поистине символической иллюстрацией подобной эволюции служат слова Цзян Цзинго, который в 1945 г. на вопрос секретаря в приемной перед кабинетом Сталина в Кремле А. Н. Поскребышева, что ему бросилось в глаза в Москве по сравнению с 1930-ми годами, ответил, что раньше в кабинете Сталина висел портрет Ленина, а теперь изображение Петра Первого (!).

---

1 Воскресенский А. Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999, С. 11.

2 Жэньминь жибао, 1982. 8 сентября.

3 Сталин И. В. Соч. Т. 7, С. 293.

4 См. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. III. 1927–1931. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае, Ч. 1. М. 1999, С. 34–35.

5 Луань Цзинхэ. Синь Чжунго чэнли цяньси сулянь дуй хуа чжэнцэ поуси (Изучение внешней политики СССР по отношению к Китаю до образования КНР) //Дандай Чжунго ши яньцзю. 2003. № 2. С. 97.

6 Агентство Синьхуа, 1981. 1 июля.

7 У Сюцюань. Восемь лет в Министерстве иностранных дел. — Шицзе чжиши, 1983, № 16. С. 9.

8 Синьхуа, 1988. 11 мая.

9 Кен О. В. Мобилизационное планирование и политические решения. СПб., 2002. С. 206.

10 ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. IV . Ч. 1. С. 27.

11 ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. IV . Ч. 1. С. 247. Док. № 100.

12 См. Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн 1919–1943. Документы. М., 2004. С. 15, а также: Георги Димитров. Дневник (март 1933 — 6 февруари 1949). София, 1997.

13 АВП РФЮ Ф. 0100, оп. 18, п. 179а, д. 4, л. 166.

14 Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн, 1919–1943 гг.: Документы. М., 2004, С. 742.

15 См. Ян Куйсун. Гунчан гоцзи вэй чжунгун тигун цайчжэн юаньчжу цинкуанчжи каоча (Исследование положения с финансовой помощью Коминтерна Компартии Китая)//Чжунъэ гуаньсидэ лиши юй сяньши (История и современное состояние китайско-российских отношений).Хэнань дасюэ чубаньшэ. 2004. С. 232–273.

16 ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. V. ВКП(б), Коминтерн и КПК в период антияпонской войны. Август 1937 — май 1943, М. 2007. Док. №№ 65,126,140,157,180,198,202,217)

[17] РГАСПИ, ф.495, оп.74, д.317; Цит. по Ян Куйсун. Указ. Соч. С. 266.

[18] Русско-китайские отношения в XX в. Т. 4. С. 646.

[19] Там же. С. 522.

[20] Очерки истории Министерства иностранных дел России. М., 2002. С. 260.

[21] Подробнее см. Бородин Б. А. Помощь СССР китайскому народу в антияпонской войне, 1937–1941. М., 1965.

[22] Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 4. М., 2000, Форзац.

[23] Подробнее см. Соколов В. В. Забытый дипломат Д. В. Богомолов // Новая и новейшая история. 2004. № 3, С. 195.

[24] Русско-китайские отношения в XX в. Т. 4; Советско-китайские отношения. Кн. 1; 1937–1944 г. М., 2000. Док. № 121. С. 156.

[25] Мясников В. С., Ледовский А. М. Отношения СССР с Китаем в период японо-китайской войны (1937–1945) // Русско-китайские отношения в XX в. Т. 4; Советско-китайские отношения. Кн. 1; 1937–1944 г. М., 2000. С. 249.

[26] Русско-китайские отношения в XX в. Т. 4. Кн. 1, Док. № 378, С. 494.

[27] Русско-китайские отношения в XX в. Т. 4. Кн. 1, Док. № 410, 412.

[28] Там же. С. 565.

[29] Там же. С. 600.

[30] Архив внешней политики РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 28. Д. 388. Л. 2.

[31] Дипломатический вестник. 1974, № 23–24, С. 72–74.

[32] Русско-китайские отношения в XX в. Т. 4. Кн. 1, Док. № 443, С. 586, Док. № 430, 432, 433.

[33] Там же. С. 613, 615–617.

[34] Там же. С. 623.

[35] Там же. Док. № 466, С. 622.

[36] Там же. С. 620, 623–624.

[37] Там же. С. 643.

[38] Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). Советская Россия в Китае. Воспоминания и размышления в 70 лет. М., 2009. С. 121.

[39] Там же. С. 121–122.

[40] Внешняя политика СССР: Сборник документов. М., 1946. Т. 4. С. 550.

[41] Русско-китайские отношения в XX в. Т. 4. С. 646.

[42] Там же. Док. № 477. С. 646.

[43] Там же. Док. № 469. С. 628.

[44] Русско-китайские отношения в XX в. Т. 4. Док. № 471, 473.

[45] Цит. по: Коминтерн и II мировая война. Ч. 1, М., 1994. С. 500–501.

[46] См. Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн 1919–1943. Документы. М., 2004. Док. №№ 205, 207, 211.

[47] Русско-китайские отношения в XX в. Т. 4. Док. № 482. С. 652.

[48] Сладковский М. И. Китай: основные проблемы истории, экономики, идеологии. М., 1977, С. 131

[49] См. Галенович Ю. М. «Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений, 2 т., М., 1992.

[50] ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. V. ВКП(б), Коминтерн и КПК в период антияпонской войны. Август 1937 — май 1943, М. 2007. Док. № 186.

[51] Там же. Прим . 1 к док. № 186, Док. № 188.

[52] Там же. С. 480, 540, 556.

[53] Там же. Док № 291. А также: Гунчаньгоцзи хэ чжунго гэмин цзяосюэ цанькао цзыляо (Коминтерн и китайская революция: справочные материалы). Пекин, 1983, Т. 1–2.

[54] Громыко А. А. Памятное. М., 1988. Кн. 1. С. 177.

[55] Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers. The Conference at Malta and Yalta 1945. Washington, 1955. P. 984.

[56] Правда. 1945. 9 августа.

[57] АВП РФ, ф. 45, оп. 1, п. 322, л. 4–5; Русско-китайские отношения в XX в. Т. 4. С. 74.

[58] АВП РФ, ф. 45, оп. 1, п. 322, л. 6–7; Русско-китайские отношения в XX в. Т. 4. С. 75.

[59] Чжунхуа миньго чжунъяо шиляо чубань — Дуйжи канчжань шици ди сань бянь (Первый сборник главных материалов по истории Китайской Республики — период антияпонской войны. Глава 3), Тайбэй, 1981, Т. 2. С. 609–619.

[60] Там же. С. 620.

[61] Соглашение о Китайской Чанчуньской железной дороге от 14 августа 1945 г. // Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем, 1917–1974 гг. Прил. С. 343.

[62] Меликсетов А. В. Победа китайской революции, 1945–1949. М., 1989. С. 43–57.

[63] Бажанов Е. П. Китай и внешний мир. М., 1990. С. 41–42.

[64] Владимиров П. П. Особый район Китая, 1942–1945. М., 1973. С. 502.

[65] Панцов А. В. Мао Цзэдун. М, 2007. С. 480–492.

Поединок на афганском направлении

Ю. А. Булатов*

Накануне Второй мировой войны агрессивные планы фашистской Германии на Ближнем и Среднем Востоке мало чем отличались от аналогичных проектов времен кайзера Вильгельма II. Как и прежде, одной из приоритетных задач являлось завоевание афганского плацдарма для развертывания наступательных операций в Центральной Азии.

Масштабное проникновение фашистской Германии в Афганистан началось сразу же после прихода Гитлера к власти в 1933 году. Незадолго до начала войны состоялись встречи А. Гитлера с представителями правящей династии Надиров в Афганистане: в 1938 году — с премьер-министром Афганистана М. Хашим-ханом-родным дядей короля М. Захир-шаха, в 1939 году — с послом Афганистана во Франции Шах-Вали — ханом, которому афганский король также доводился родным племянником[1]. Нацисты остановили свой выбор на министре экономики Афганистана А. Меджиде как ключевой фигуре среди растущей группировки германофилов в высших эшелонах власти. Нацисты не ошиблись. Именно А. Меджид заключил с немецкими банками, а также с правительственными учреждениями ряд договоров, которые заложили фундамент германо-афганского сотрудничества.

С января 1941 года и вплоть до окончания Второй мировой войны министр экономики Афганистана находился в Германии, являясь по сути дела «специальным представителем» королевства Афганистана в ставке А. Гитлера[2]. Он обеспечивал оперативную связь нацистской верхушки с кабульскими властями. В сопровождении немецких бонз А. Меджид в составе инспекционных групп неоднократно выезжал на Западный фронт. По итогам этих поездок он информировал афганское руководство о действительном положении на европейском театре военных действий.

При участии немецких агентов, состоявших на афганской службе, а также при посредничестве Абдул Меджида в государственных структурах власти Афганистана были созданы влиятельные германофильские группировки из явных и скрытых пособников нацистов. В Военном министерстве в состав этой группы входили командующий Центральным военным округом двоюродный брат короля М. Захир-шаха — М. Дауд-хан и его заместитель Мухаммед Ариф-хан, начальник штаба вооруженных сил страны Мустафа-хан, руководитель его оперативного отдела Саратуддин-хан, начальник управления разведки при Военном министерстве Мухаммед Анвар-хан, командир кавалерийской бригады Султан Ахмед-хан и т. д.[3].

Германофилы в гражданском секторе государственной власти группировались не только в Министерстве экономики и в структурах Афганнацбанка. Опорными пунктами германофилов стали также следующие правительственные учреждения в Афганистане: Министерство иностранных дел, Министерство общественных работ, Министерство здравоохранения, Министерство просвещения, Министерство почт и телеграфа и т. д. Явной прогерманской ориентации придерживались начальник Общеполитического

* **Юрий Алексеевич Булатов** — д.и.н., профессор кафедры Всемирной и Отечественной истории, декан факультета Международных отношений МГИМО (Университет) МИД России

департамента МИД Афганистана Наджибулла-хан, министр почт и телеграфа Рахимтулла, министр здравоохранения Яхья-хан, бывший афганский посол в Москве Абдул Гусейн-хан, высланный по представлению НКИД СССР из страны в 1938 году за антисоветскую деятельность[4].

«Проба пера» для сторонников фашистской Германии в Афганистане была назначена на август 1939 году, т. е. в канун начала Второй мировой войны. Планируя открыть фронт военных действий против англичан на Западе, фашистское руководство, естественно, готовилось предпринять меры к дестабилизации обстановки и на Востоке против Британской Индии. Посол СССР в Афганистане К. А. Михайлов в срочной шифртелеграмме на имя наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова докладывал: «По сведениям, добытым стороной, в Кабуле обнаружена фашистская группа, созданная немцами: доктором Фишером и инструктором высших офицерских курсов майором Шенком. Группу возглавляет министр просвещения Наим-хан…

Военный министр раскрыл эту оппозиционную правительству группу и сообщил об этом премьеру. Наим-хан в результате нервного потрясения сильно заболел»[5]. Выступление германофилов не состоялось.

Информация о происках немецких спецслужб в Афганистане накануне Второй мировой войны вскоре просочилась на страницы иностранных газет. Например, газета «Стейтсмен» от 1 февраля 1941 года сообщала: «Немецкие, итальянские и японские агенты проявили особую активность в Афганистане за несколько месяцев перед началом войны. Представители афганского правительства приняли к сведению тот факт, что их страна была использована в качестве базы для пропаганды в полосе племен. За всеми иностранцами требуется установить строгий надзор. Все они находятся на государственной службе, и в их договорах предусмотрено, что проявление политической активности будет караться по всем строгостям законов страны. Однако в течение трех недель с момента возникновения войны был вскрыт конспиративный заговор, инспирированный иностранными силами…»[6].

В связи с началом Второй мировой войны король Афганистана М. Захир-шах официально объявил о нейтралитете своей страны. На страницах газеты «Ислах» от 7 сентября 1939 года был опубликован королевский указ. В этом документе, в частности, говорилось следующее: «Наше королевское правительство, будучи всегда сторонником мира, во всех случаях желало мира и спокойствия. В настоящее время, когда, к сожалению, началась война на европейском материке, мы пожелали, чтобы наше Королевское правительство продолжало в дальнейшем соблюдать мир и спокойствие и нейтралитет. Поэтому я объявляю о нейтралитете Афганистана в нынешней войне и прошу у всевышнего прекращения войны, разрушающей культуру и нарушающей спокойствие человечества…»[7]. Провозгласив нейтралитет, афганские власти в своих официальных заявлениях по поводу начавшейся войны старались даже не упоминать конкретно воюющие стороны, дабы не быть обвиненными в своих симпатиях в пользу Германии или Великобритании.

Афганский нейтралитет в некоторой степени спутал карты нацистов, стремившихся перетянуть Кабул на свою сторону. В этой связи приоритетной задачей Третьего Рейха на афганском плацдарме стала разработка плана государственного переворота в Афганистане с целью свержения правительства М. Хашим-хана и формирования нового правительства, готового вместе с германской военщиной вступить в борьбу против Англии на Востоке. Этот план в Берлине получил кодовое название «Аманулла». Его суть заключалась в том, чтобы, объединив усилия афганских германофилов в высших эшелонах власти со сторонниками бывшего эмира Афганистана Амануллы, осуществить государственный переворот при участии внешних сил — спецподразделений фашистского вермахта.

Неожиданное оживление в среде афганской эмиграции в Европе, и, в первую очередь, среди аманулистов также привлекло внимание советского руководства. 19 сентября 1939 года в адрес посла СССР в Риме из центрального аппарата НКИД СССР ушла телеграмма следующего содержания: «По имеющимся у нас сведениям, требующим проверки, находящийся в изгнании бывший падишах Афганистана Аманулла и его сторонники в связи с происходящими в настоящее время событиями в Европе начинают проявлять политическую активность. С соблюдением должной осторожности подробно выясните и соберите необходимые сведения, в чем конкретно проявляется эта деятельность Аманулы и его сторонников, кто его окружает, с кем он поддерживает связь и их характер…»[8]. Вскоре советской стороне стало ясно, что инициатива

вернуть Амунуллу-хана из политического небытия принадлежала именно немцам.

Разработка операции «Аманулла» велась параллельно двумя германскими ведомствами — Министерством иностранных дел во главе с И. Риббентропом и военной разведкой (абвер II — иностранные армии) во главе с адмиралом Ф. Канарисом. После подписания в августе–сентябре 1939 года Пакта о ненападении и Договора о дружбе и границе между СССР и гитлеровской Германии руководство Третьего рейха дало поручение своему внешнеполитическому ведомству попытаться привлечь Советский Союз к реализации плана «Аманулла». По замыслу немцев, СССР должен был предоставить им плацдарм в Туркестане для дислокации бригады СС и горной дивизии вермахта с целью их последующего десантирования в Афганистане. В своих расчетах нацисты, по-видимому, уповали на то, что И. В. Сталин в конце 1920-х гг. пытался уже оказать поддержку Аманулле-хану в его борьбе с религиозными фанатиками. Большевистский лидер даже направил на Кабул специальный корпус под командованием В. Примакова, но эта помощь оказалась запоздалой. К тому времени Аманулла был уже свергнут и эмигрировал в Италию, а советские войска вернулись в Туркестан.

Осенью 1939 года афганская тема неоднократно становилась предметом разговора немецкого посла в Москве Ф. Шуленбурга и главы внешнеполитического ведомства СССР В. М. Молотова, причем инициатива неизменно исходила от германского дипломата. 2 ноября 1939 года Ф. Шуленбург перед своим отъездом в Берлин в беседе с В. М. Молотовым лишь высказал свою заинтересованность в постановке афганской темы и ее обсуждении. 13 ноября 1939 года Ф. Шуленбург, вскоре вернувшись из Берлина, вновь посетил советского наркома по иностранным делам. Во время переговоров посол заявил, что германское правительство с целью быстрого окончания войны хочет «сделать сильный нажим на Англию». Поэтому оно просит правительство СССР «послать в Афганистан Амануллу и его людей для нажима на англичан»

17 ноября 1939 года Ф. Шуленбург в ходе встречи с В. М. Молотовым вновь инициировал постановку вопроса о «транзите» Аманулы и его людей в Афганистан через советскую территорию. Однако афганская тема не получила своего развития, ибо немецкий посол затруднился ответить на прямой вопрос наркома СССР, в чем конкретно должно выразиться содействие советских властей Аманулле[9]. Спустя ровно месяц, 17 декабря 1939 года, Ф. Шуленбург проинформировал о наличии у германской стороны планов государственного переворота в Афганистане. Более того, в Москву для ведения переговоров с В. М. Молотовым по афганскому вопросу прибыл П. Клейст — сотрудник Внешнеполитического бюро НСДАП, возглавляемого И. Риббентропом.

Архивы внешней политики СССР по данному вопросу все еще остаются закрытыми. В многотомном собрании документов внешней политики СССР за 1940/41 гг. лишь в примечании на этот счет дается краткая информация. Скупые строки, изложенные телеграфным стилем, подтверждают, что в декабре 1939 года в Москве находился П. Клейст — специальный представитель И. Риббентропа, уполномоченный обсуждать разрабатывавшиеся планы германской стороны по измененииию режима в Афганистане[10]. Эта встреча П. Клейста с советским наркомом была первой и последней. Тот факт, что состоялась лишь одна встреча В. М. Молотова с представителем И. Риббентропа, явно свидетельствовал о том, что эти переговоры не увенчались успехом. В феврале 1940 года П. Клейст в ходе своего визита в Москву неоднократно обращался в НКИД СССР за содействием в получении новой аудиенции у В. М. Молотова, но ему было отказано. Афганская тема в нацистском варианте никак не могла устроить советских руководителей и была закрыта. 28 декабря 1939 года резидент советской внешней разведки в Берлине А. Кобулов также получил приказ из Москвы прекратить все контакты с аманулистами в Европе.

По данным советской разведки, нацистское руководство не стремилось напрямую установить контакт с Аманулой-ханом. Берлин считал вполне достаточным поддерживать неформальные отношения с афганским эмиром в изгнании через его бывшего министра иностранных дел Гулям Сиддик-хана, находившимся в контакте с немецкими спецслужбами. Для немцев в их многоходовой комбинации на афганской шахматной доске Аманулла-хан представлял собой номинальную политическую фигуру. Нацисты в первую очередь стремились в пропагандистском плане «раскрутить» образ Аманулы-хана как афганского лидера, победившего англичан в ходе третьей англо-афганской войны в начале XX века. Это было особенно важно для Берлина

в условиях растущего противоборства Германии и Англии на фронтах Второй мировой войны. Таким образом, курьезным выглядит тот факт, что разработка германскими спецслужбами плана по свержению династии Надиров в Афганистане первоначально проходила без какого-либо участия этого бывшего афганского лидера, хотя его именем и нарекли этот проект абвера. Роль Аманулла по сути дела была сведена лишь к пропагандистскому обеспечению замысла нацистов.

5 марта 1940 года посол Германии в СССР Р. Шуленбург дезавуировал все предложения немецкой стороны по поводу плана «Аманулла». В документах МИД СССР за 1940 год отмечается, что в ходе этой встречи Ф. Шуленбург информировал В. М. Молотова о том, что план касательно… Афганистана, с которым приезжал в Москву г-н Клейст и который самому послу казался фантастичным, не исходил от фюрера и от И. фон Риббентропа. Поэтому вопрос о «транзите» Аманулла снимается совсем[11].

Вместе с тем в ходе переговоров советской делегации во главе с В. М. Молотовым с руководителями Третьего рейха в ноябре 1940 года в Берлине афганский вопрос в завуалированной форме был поднят вновь. Нацисты пытались навязать советской стороне обсуждение темы о разграничении сфер влияния в мировом масштабе с тем, чтобы выяснить позицию СССР, в том числе и в отношении Афганистана. Советская делегация не только не проявила интерес к планам нацистов в Азии и Африке, но и ответила категорическим отказом обсуждать что-либо подобное[12]. По указанию Москвы кабульская резидентура полпредства СССР сумела довести до сведения афганской стороны немецкий план 1940 года, ставивший целью свержение правительства М. Хашим Хана. Однако никакой ответной реакции на последовало[13].

Ведомство И. Риббентропа, потерпев провал в организации секретных переговоров с Москвой по афганскому вопросу, всячески стремилось дискредитировать советское руководство в глазах кабульских властей. Нацисты пытались представить попытки аманулистов выйти на контакт с посольствами СССР в европейских столицах как некий сговор Советского Союза с афганской оппозицией с целью свержения короля М. Захир-шаха. Такого рода дезинформация, изготовленная в недрах внешнеполитического ведомства Германии, была рассчитана для потребления исключительно афганской стороной.

Афганские власти в конечном итоге клюнули на это приманку. Подтверждением тому явилась беседа наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом королевства Афганистан в СССР Султан Али-ханом от 23 марта 1940 года. Афганский посол заявил советскому наркому, что, согласно телеграмме, полученной от афганского правительства, бывший министр иностранных дел Гулям Сиддик-хан организует через Советский Союз и Германию интриги против Афганистана. Ввиду того, что афганское правительство, как сообщил посол, получило эти сведения из достоверных источников, посол просил Молотова проинформировать его по этому вопросу. В. М. Молотов ответил, что высказанное послом сообщение является явной выдумкой. По его словам, Советское правительство не интересуется Гулям Сиддик-ханом и не имеет с ним никаких отношений. В свою очередь В. М. Молотов посоветовал послу «не слушать этих информаций, а лучше посмотреть, кто снабжает афганское правительство такими сведениями»[14].

Как и ожидалось, источником распространения слухов о попытках некоторых иностранных государств оказать содействие возвращению Амануллы-хана на афганский престол являлось посольство Германии в Кабуле. Советский полпред К. А. Михайлов в телеграмме от 28 июня 1940 года сообщил в Москву: «По сведениям, добытым стороною, немецкий посол Г. Пильгер в беседе с премьер-министром М. Хашим-ханом…провокационно заявлял, что якобы СССР совместно с Италией готовит восстановление режима Амануллы[15].

Таким образом, роль ведомства И. Риббентропа в деле разработки плана «Аманулла» свелась к тому, чтобы направить афганские власти по ложному следу. Афганская тема, поднятая в Москве в ходе встреч Ф. Шуленбурга и П. Клейста с В. М. Молотовым, по сути дела обеспечивала внешнее прикрытие для плана «Аманулла». На деле эта операция разрабатывалась военной разведкой нацистской Германии. Во главу угла ставилась задача консолидации всех оппозиционных сил и в первую очередь аманулистов и других противников правящего режима под руководством германофилов в высших эшелонах власти в Афганистане.

Успеху фашистской пропаганды в Афганистане на первоначальном этапе Второй мировой войны способствовали победы немецко-фашистских войск на Западном фронте. В связи

с систематическими поражениями англо-французских войск в войне с немцами, как отмечал полпред СССР К. А. Михайлов в своем донесении от 30 мая 1940 года, среди афганских правящих кругов все более растет тревога за судьбу Англии, с которой афганское правительство связывает и свою судьбу. Афганские народные массы и некоторая буржуазная молодежь, напротив, высказывают свою радость по поводу поражения Англии — исконного врага афганского народа[16].

Агентурная сеть немецких осведомителей из числа афганцев эффективно действовала не только среди правящей элиты, но и получила своих информаторов в рассматриваемый период среди разночинцев: студенчества, представителей интеллигенции и мелкобуржуазных слоев городского населения. Вербовку сторонников осуществляли с учетом двух факторов: прохождение обучения молодых афганцев в Германии и их женитьба на гражданках Третьего рейха. Именно таким образом был завербован А. Г. Брешна — директор Кабульской типографии. В прошлом он неоднократно посещал Советский Союз и даже работал художником-консультантом на фильме известного советского режиссера В. Пудовкина «Потомок Чингисхана». Агентом немецкой разведки стал врач Низаммудин, получивший квалификацию хирурга в Германии и женившийся там на немке и т. д. В справке советской резидентуры «Немцы в Кабуле» за январь 1942 года приводится подробный перечень лиц из числа чиновников и государственных служащих, работавших на фашистскую Германию[17].

После начала Второй мировой войны сценарии дальнейшего развития событий в Афганистане разрабатывались не только немецкой военной разведкой. Афганская тема стала предметом изучения специалистами Генерального штаба вооруженных сил фашистской Германии. Это было обусловлено принятием руководством Третьего рейха политического решения об использовании афганского плацдарма для похода на Индию. 18 декабря 1939 года А. Розенберг направил А. Гитлеру меморандум, в котором предложил использовать Афганистан в случае необходимости против Британской Индии или Советской России[18]. Начало военным приготовлениям в отношении Афганистана было положено в феврале 1941 года. По приказу Гитлера в состав войск, привлекавшихся к участию в операции «Барбаросса», была введена «Оперативная группа „Афганистан“. Начальник Генерального штаба генерал-полковник Гальдер своей директивой № 124/41 утвердил численность этой военной группировки, состоявшей из трех танковых, четырех моторизированных, шести горных и четырех пехотных дивизий. 11 июня 1941г. для офицеров Главного командования сухопутных войск (ОКХ) и Верховного главнокомандования вооруженных сил Третьего рейха (ОКВ) была разработана «Директива № 32» — о продвижении вермахта через Кавказ на Ближний Восток и далее в Афганистан и Британскую Индию. 3 июля 1941года всем отделам Генштаба ОКХ и ОКВ за № 430/41 было разослано указание начать штабную разработку военных операций на период после реализации плана «Барбаросса». Задача выхода к границе Индии возлагалась на так называемое «соединение Ф» — моторизованный корпус под командованием генерала Фельми, который формировался в Греции и специально оснащался для действий в субтропических и тропических условиях. Был также установлен срок операции в Афганистане — сентябрь 1941 года[19].

Новые вводные определили приоритеты практической деятельности ведомств И. Риббентропа и Ф. Канариса на афганском направлении. По указанию Берлина германский посол в Кабуле Г. Пильгер в беседах с премьер-министром Афганистана М. Хашим-ханом стал настойчиво предлагать афганцам начать активные действия по воссоединению с Афганистаном пуштунских племен, проживавших в Северо-Западной пограничной провинции Индии. В окружении немецкого посла также поговаривали, что Германия готова оказать содействие афганскому правительству в расширении его территории за счет Британской Индии в Белуджистане, создав тем самым «афганский коридор» с выходом к морскому побережью[20].

В этой связи Полпредство СССР в Кабуле информировало центр, что под влиянием немецких внушений афганское правительство стало обсуждать, правда, в своем узком кругу, план воссоединения с Афганистаном территории индийской полосы независимых пуштунских племен, отторгнутых англичанами у Афганистана в 1893 году. Реализация этого плана, как сообщал советский посол, ставилась в связь с успехами фашистской Германии на европейском театре военных действий[21].

Именно такая благоприятная для германской военщины обстановка складывалась

в полосе индо-афганской границы. Несмотря на то, что англичане сконцентрировали в Северо-Западной пограничной провинции Индии мощную военную группировку, насчитывавшую свыше 500 тыс. человек с танками и самолетами, число антибританских выступлений племенных объединений афридиев, вазиров, мохмандов, шинвари и т. д., численность которых в общей сложности составляло почти 4 млн человек. В Вазиристане восстаниепуштунских племен под руководством Хаджи Мирзы — хана, известного как «Факир из Ипи», по сути дела приобрело перманентный характер и поставило под угрозу сам факт колониального владычества англичан в этом районе Британской Индии.

Операция «Аманулла» получила «второе дыхание» в связи с тайной переброской из Кабула в Берлин весной 1941 года одного из лидеров национально-освободительного движения Индии С. Ч. Боса — основателя политического объединения «Форвард Блок». В своей пропагандистской деятельности он ратовал за вооруженный путь в борьбе для достижения независимости Индии при опоре на союз с любым иностранным государством, в т. ч. и с фашистской Германией[22].

В канун нападения фашистской Германии на Советский Союз заканчивались последние приготовления немецкой разведки к переброске разведывательно-диверсионных групп абвера в полосу индо-афганской границы. Эта операция получила название «Пожиратели огня». В мае 1941 года служба Ф. Канариса укрепила кадровый состав германской резидентуры в Кабуле. Ее руководителем стал кадровый сотрудник абвера Р. Расмус (агентурный псевдоним «Карлмай»). Он был срочно переведен из германского посольства в Бухаресте в Кабул. Р. Расмус имел некоторый опыт оперативной работы в полосе пуштунских племен, т. к. ранее в течение 27 лет отработал в Индии, занимаясь сбором развединформации и созданием агентурной сети под крышей немецкого коммерсанта в Бомбее, а затем и консула в Калькутте. В посольстве Германии в Афганистане он был утвержден в должности коммерческого атташе. Общее число сотрудников абвера в Кабуле к этому времени составило 15 человек. Для непосредственной организации немецкой агентурной сети и диверсионной операции в полосе племен в Кабул прибыли два немецких агента из полка «Бранденбург»: профессор медицины, специалист по борьбе с проказой М. Обердорффер — старший лейтенант абвера, и энтомолог Ф Брандт. Планировалось переправить этих диверсантов к Факиру из Ипи, снабдив их большими суммами денег и оружием. Переброска в Афганистан немецких боеприпасов и вооружения общим весом в несколько тонн дипломатической почтой была уже осуществлена агентом абвера Венгером, работавшим в Афганистане представителем организации Тодта. Для доставки последней партии военного груза, включая коротковолновые передатчики, по территории Турции, Ирана и Афганистана был организован автопробег якобы для рекламы испытаний новой модели «Фольксваген». 24 июня 1941 года, т. е. через два дня после нападения Германии на Советский Союз, из Берлина в германское посольство в Кабуле поступил приказ о начале операции «Пожиратель огня».

Историки российских спецслужб Ю. Л. Кузнец и Ю. Н. Тихонов в своих публикациях свидетельствуют о том, что советская резидентура в Кабуле располагала всеми данными о подготовке и проведении немцами спецоперации «Пожиратель огня»[23]. Однако до сих пор ни в одной из публикаций не раскрываются источники информации советской разведки. Как представляется, одними из главных информаторов советской резидентуры в Кабуле являлись супруги — итальянец Пьетро Кварони и его жена, русская по происхождению, Лариса Чагина, которые и сообщили о проведении абвером в Афганистане спецоперации «Пожиратель огня». Советское посольство в Кабуле было информировано, что П. Кварони, будучи послом Италии в Кабуле, являлся также резидентом итальянской разведки в Афганистане. П. Кварони, как общепризнанный знаток зоны пуштунских племен, нередко оказывал консультационные услуги советским дипломатам при анализе обстановки в полосе индо-афганской границы.

В дневнике советского посла в Афганистане К. А. Михайлова за период с января по июнь 1941 года достаточно часто упоминается итальянский посланник П. Кварони. Подробно излагается также содержание бесед этих двух руководителей дипломатических миссий в Кабуле, состоявшихся 26 января, 8 апреля, 10 июня 1941 года в здании советского посольства, а также 1 мая 1941 года на приеме в немецком посольстве. В ходе беседы в советском посольстве 8 апреля 1941 года, например, П. Кварони рассказал советскому послу, что с момента своего приезда в Афганистан в 1936 году он начал изучать племенной вопрос, лично посещал стоянки и кишлаки представителей племен мангалов

и джаджи близ Кабула. Итальянец даже посоветовал направить атташе полпредства СССР Н. Мурадова, знавшего персидский язык и внешне неотличимого от представителей восточных народов, в места расселения афганских племен для сбора интересующей советское посольство информации[24]. Необходимо подчеркнуть, что контакты К. А. Михайлова с П. Кварони были прерваны накануне спецоперации абвера «Пожиратель огня».

Следует также отметить, что П. Кварони был и специалистом по России, хорошо знал русский язык. По имеющимся сведениям, этот итальянец в годы гражданской войны и интервенции в России «путешествовал» по Украине и даже брал интервью у Н. Махно. В 20-е гг. XX века П. Кварони работал в итальянском консульстве в Тбилиси, а затем и в посольстве Италии в Москве. В 1936 году этот профессиональный разведчик стал послом Италии в Афганистане. Его жена Л. Чагина — дворянка, дочь царского генерала, покинула Россию в 1928 году. В 1936 году она появилась в Афганистане уже вместе с П. Кварони в качестве его законной супруги. По утверждению советского посла в Кабуле К. А. Михайлова, Л. Чагина также являлась сотрудницей иностранных спецслужб[25]. Определить политическое лицо Л. Чагиной по имеющимся в распоряжении автора сведениям не представляется возможным. Доступные документальные источники дают ей взаимоисключающую характеристику. К. А. Михайлов в своей телеграмме в НКИД СССР от 29 июня 1942 года указывал, что Л. Чагина являлась активной белогвардейкой[26]. В свою очередь агент абвера Ф. Брандт в своем сообщении, датированном февралем 1942 года, передавал из Кабула в Берлин, что госпожа Кварони «настроена чрезвычайно положительно к России и даже большевикам»[27].

Предположение о связях Л. Чагиной с советской разведкой сделал также бывший посланник Германии в Афганистане Г. Пильгер во время своего допроса в Бутырской тюрьме (Москва) 31 января 1946 года Следователем был задан следующий вопрос: «В телеграмме № 147 Вы указываете о том, что жена итальянского посланника Кварони подозревается в шпионской работе на русских. Скажите, из каких источников Вы сообщали в Берлин об этих данных?» Ответ Г. Пильгера: «У меня не было точных сведений о причастности жены Кварони к шпионской работе в пользу русских. Однако в 1941 вместе с Витцелем (сотрудник абвера. — *Прим. Ю. Б.*) прибыл в Афганистан Вальтер — бывший секретарь Германского посольства в Москве. Вальтер в разговоре со мной сообщил, что когда он работал в немецком посольстве в Москве, то ему было якобы известно о сотрудничестве жены Кварони с советской разведкой. Исходя из этих соображений, я сообщил МИДу Германии об этом. Других данных о сотрудничестве жены Кварони с советской разведкой у меня не было[28]. Кто она, Л. Чагина? Русская патриотка, советская разведчица или двойной агент спецслужб СССР и Италии? Архивы СВР России на этот счет до сих пор хранят молчание.

Следует также отметить, что ныне явно просматривается и возможный канал связи советской резидентуры с Л. Чагиной. В телеграмме советского посла К. А. Михайлова от 29 июня 1942 года, как уже указывалось выше, была дана не только характеристика госпоже Кварони, но также отмечались ее связи в Кабуле. В донесении советского полпреда отмечалось, что жена итальянского посла в Кабуле часто посещает афганского министра двора Ахмед Шаха и входит в число его ближайшего окружения[29]. Эту информацию К. А. Михайлова подтвердил также сотрудник абвера А. Цугенбюллер, работавший в немецком посольстве под крышей дипкурьера, а затем помощника коммерческого атташе. В ходе допроса от 20 и 24 сентября 1945 года в Москве этот немецкий агент подтвердил, что итальянцы в качестве источника информации использовали министра двора Ахмед Шаха, с которым жена Кварони — русская, с ее слов, княгиня, поддерживала дружественные отношения. Жена Кварони, кроме того, часто посещала жен министра двора и жен крупных афганских чиновников и с их помощью собирала интересующую нас информацию, которую через своего мужа П. Кварони передавала немецкому послу Г. Пильгеру[30].

В то же время, по воспоминаниям ветерана службы внешней разведки РФ генерал-майора Л. П. Костромина, советская разведка в 1935 году восстановила связь со своим агентом «Марьям», ставшей гражданской женой афганского чиновника высокого ранга Али Мухаммеда — будущего министра двора при короле М. Захир-шахе. С помощью «Марьям», как пишет Л. П. Костромин в книге «Очерки истории Российской внешней разведки», резидентура неоднократно осуществляла акции влияния, решала деликатные вопросы[31].

Супружеская чета профессионалов разведки Кварони отвечала за организацию переброски немецких диверсантов в полосу независимых племен на индо-афганской границе в соответствии с соглашением, подписанным германскими и итальянскими спецслужбами в июне 1941 года. При личном участии семейства Кварони был подготовлен безопасный коридор для прохода к индо-афганской границе, а затем в Вазиристан к Факиру из Ипи. Этим «окном» на границе в середине июня 1941 года первым воспользовался итальянский разведчик Анцилотти, работавший в Кабуле под крышей советника итальянского посольства. Анцилотти доставил Факиру из Ипи крупную сумму денег и небольшую партию оружия. Л. Чагина непосредственно обеспечивала прикрытие и доставку Анцилотти к индо-афганской границе и его возвращение в Кабул. Таким образом, сотрудникам абвера Л. Чагина продемонстрировала безопасный маршрут для переброски немецких диверсантов.

В конце июня 1941 года П. Кварони уведомил абвер о своем решении лично сопровождать группу диверсантов во главе с М. Обердорффером и Ф. Брандтом в расположение Факира из Ипи в Вазиристане, используя тот же маршрут. По пути к индо-афганской границе машина итальянского посла с его спутниками была остановлена в Гардезе афганской полицией, и они вынуждены были вернуться в Кабул. Оказалось, что П. Кварони «забыл» уведомить о своей поездке МВД Афганистана. Дело было в том, что после нападения фашистской Германии на СССР руководство Афганистана приняло специальное постановление по вопросу организации путешествий и поездок по стране. Суть этого указа заключалась в том, что разрешение на поездку выдавалось только местными структурами МВД при обращении соответствующих инстанций и при условии, если эта упомянутая инстанция подтверждала необходимость поездки[32].

Исходя из вышеизложенного, руководство абвера в Кабуле приняло решение отстранить итальянских разведчиков от операции «Пожиратель огня» и самостоятельно провести немецких диверсантов по «итальянскому маршруту». П. Кварони, тем самым, смог «грамотно» отойти от непосредственного участия в операции по переброске немецких диверсантов в Северо-Западную пограничную провинцию Индии, сохранив за собой право, как партнер абвера, получать всю информацию о ходе подготовки операции и о намечаемых сроках ее проведения. В конечном итоге не только в Берлине, но и в Москве знали точную дату и конкретный участок индо-пакистанской границы, где намечалась переброска диверсантов абвера. Плата за услуги, оказанные супругами Кварони советской разведке, была определена позднее. В 1943 году П. Кварони сразу же после падения фашистского режима в Италии на страницах афганской газеты «Ислах» публично осудил политику Б. Муссолини и подтвердил свою верность королю Италии Виктору Эммануилу III и демократическому правительству Бадальо. Весной 1944 года П. Кварони — бывший посол фашистской Италии — вместе со своей женой «активной белогвардейкой» получил агреман от советских властей и был направлен для продолжения своей дипломатической карьеры в Москву в качестве посла Италии в СССР. Разумеется, утверждение кандидатуры П. Кварони на пост главы итальянской миссии в Москве могло состояться только с ведома и согласия И. В. Сталина. Интересно также отметить, что П. Кварони, получив столь высокое назначение, счел необходимым именно через посольство СССР в Кабуле направить телеграмму в адрес главы итальянского правительства Бадальо. В своем послании от 15 апреля 1944 года он, в частности, писал: «Выражая Вашему Превосходительству благодарность за вверенную мне миссию, уверяю Вас, что сознаю вполне всю важность для нашей страны политики соглашения с Советским Союзом и буду делать все от меня зависящее в этом направлении»[33]. Комментарии, как говорится, излишни.

До начала Великой Отечественной войны кабульская резидентура полпредства СССР в составе пяти кадровых разведчиков с агентурным аппаратом, насчитывавшим всего 15 человек, в одиночку противодействовала немецкой разведке, развернувшей активную деятельность в Афганистане. В результате вероломного нападения нацистской Германии на СССР 22 июня 1941 года изменилось соотношение сил в борьбе с фашизмом как на Западе, так и на Востоке. Германский фашизм стал общим врагом для СССР и Великобритании. Намечалась возможная перспектива для организации совместных действий двух стран в борьбе против фашистской Германии и ее союзников, в том числе и на афганском плацдарме.

23 июня 1941 года по поручению английского посланника в Кабуле Ф. Тайтлера советское посольство в спешном порядке посетили

представители британских спецслужб, а также МИД Великобритании. Сотрудник Интеллидженс сервис майор Флетчер — первый секретарь английской миссии, работавший под крышей пресс-атташе, в беседе с советником полпредства СССР В. Козловым предложил совместными усилиями выдворить немцев из Афганистана, а также выразил свою готовность детально информировать советскую сторону о немецкой активности в Афганистане. Немцы, доверительно заявил Флетчер, неоднократно предлагали афганскому правительству расширить территорию Афганистана за счет СССР и Индии. В тот же день В. Козлов принял своего коллегу советника английской миссии Халейя. Англичанин также предложил объединить усилия по выдворению немцев из Афганистана[34]. Таким образом в «рабочем порядке» английская сторона инициировала постановку вопроса о возможных совместных действиях СССР и Великобритании против фашистской Германии и других держав «оси» на афганской территории.

2 июля 1941 года состоялась встреча уже глав дипломатических миссий СССР и Великобритании, аккредитованных в Афганистане. Посланник Ф. Тайтлер посетил полпреда К. А. Михайлова. В своей телеграмме в адрес руководства НКИД СССР советский посол сообщил следующее: «Вчера меня посетил английский посланник Ф. Тайтлер. Он поставил вопрос о сотрудничестве по выдворению немцев из Афганистана и спрашивал, какова наша позиция по этому вопросу. Заметив, что инициатором постановки вопроса является английская сторона, я заявил, что мы ждем от них конкретных предложений. Вместе с тем я дал понять англичанину, что не вижу принципиальных возражений по установлению более тесного контакта и по сотрудничеству в деле выдворения немцев из Афганистана. Никаких конкретных предложений англичанин пока не внес. Он сообщил, что обратился к своему правительству и в ближайшее время ждет ответа[35]. Эта информация, содержавшаяся в шифртелеграммах из Кабула от 24, 25 июня и 3 июля 1941 года, была немедленно доложена наркому по иностранным делам СССР В. М. Молотову, а затем легла на стол председателю Государственного комитета обороны СССР И. В. Сталину. Хорошо известно о сталинской манере вникать во все тонкости дел, которыми он занимался. Поэтому несложно предположить, что он владел вопросами противостояния СССР и Германии в Афганистане и политической ситуацией в целом, создавшейся вокруг этой страны. Дальнейшие события это подтвердили.

В это же время в Москве советские руководители в ходе переговоров с послом Великобритании в СССР С. Криппсом обсуждали перспективу создания антигитлеровской коалиции. 27 июня 1941 г. В. М. Молотов дважды беседовал с главой Британской миссии С. Криппсом. Первая встреча носила протокольный характер, в ходе которой английский посол представил дипсостав, а также членов военной и экономической миссий. В своей речи С. Криппс выразил сочувствие СССР, подвергшемуся нападению, и ограничился неопределенными обещаниями. В. М. Молотов в ходе переговоров сразу же обозначил две ключевые темы: а) степень военно-политического сближения СССР и Великобритании; б) масштабы и размеры взаимной помощи. В свою очередь С. Криппс, в частности, заявил, что для политического соглашения время еще не созрело, т. к. накопилось немало взаимного недоверия от прошлого, да это могло бы задержать немедленные меры практической помощи. По словам английского посла, после установления военно-экономического сотрудничества, которое устранит взаимные подозрения прошлого, обе стороны смогут прийти к сотрудничеству и политическому. В ходе переговоров была также затронута и афганская тема. Было признано необходимым следовать общей политической линии в отношении стран Ближнего и Среднего Востока, в т. ч. и Афганистана[36]. Становилось ясно, что англичане как в Кабуле, так и в Москве действуют по одному сценарию.

8 июля 1941года английский посол С. Криппс был принят в Кремле И. В. Сталиным. Председатель ГКО СССР сразу же отметил, что у советского правительства создалось плохое впечатление в связи с непонятной позицией, занятой английским правительством. Руководству СССР, продолжал советский лидер, кажется, что Великобритания не хочет себя связывать с Советским Союзом каким-либо соглашением. И. В. Сталин разъяснил С. Криппсу, как он понимает соглашение: 1) Англия и СССР обязываются оказывать друг другу вооруженную помощь в войне с Германией; 2) обе стороны обязываются не заключать сепаратного мира. 10 июля 1941 года И. В. Сталин повторно принял английского посла С. Криппса, который выразил согласие английской стороны включить вышеперечисленные пункты, обозначенные И. В. Сталиным, в совместное соглашение СССР и Великобритании.

В ходе переговоров И. В. Сталина и С. Криппса 8–10 июля 1941 года получила развитие и афганская тема. Советский лидер заметил, что он читал донесение советского посла из Кабула, в котором последний сообщает, что в разговоре с ним не то посланник, не то военный атташе английской миссии заявил, что необходимо выбросить немцев из Афганистана. Считая высказывания представителя английской миссии мнением английских кругов, И. В. Сталин поставил перед С. Криппсом вопрос о большом скоплении немцев в Афганистане, которые будут вредить Англии и СССР. Сталин спросил, что Криппс считает необходимым предпринять, чтобы выгнать немцев из Афганистана, т. к. потом это сделать будет трудно. В свою очередь английский посол заявил, что, по его мнению, Молотов должен сделать соответствующее представление афганскому послу. По его словам, когда в Лондоне узнали о передвижении немцев в Афганистане, английское правительство сделало официальное предупреждение афганским властям. С. Криппс обещал также войти в контакт с английским посланником в Кабуле и выяснить вопрос о немцах[37].

Официальный ответ английского правительства по афганскому вопросу после встречи С. Криппса с И. В. Сталиным откладывался. 18 июля 1941 года С. Криппс проинформировал В. М. Молотова лишь о решении индийского правительства принять соответствующие меры в отношении Афганистана с целью выгнать оттуда немцев[38]. Лондон тянул время, хотя общая политическая линия в отношении Афганистана к этому времени уже проявилась в деятельности спецслужб СССР и Великобритании на афганской территории, стремившихся не допустить переброску агентов абвера к Факиру из Ипи. Несмотря на то, что советской резидентуре и английским спецслужбам заранее были известны «итальянский маршрут» выдвижения немецких диверсантов, а также дата начала операции «Пожиратель огня» — 19 июля 1941 года, очередной нажим Германии на правящие афганские круги накалил ситуацию до предела.

11 июля 1941 года министр иностранных дел фашистской Германии И. Риббентроп направил своему посланнику в Кабуле Г. Пильгеру телеграмму с указанием официально предложить афганскому королю М. Захир-шаху сотрудничество с Германией, а также получить согласие афганской стороны о назначении новым послом Германии в Афганистане Вернера-Отто фон Гентинга, возглавлявшего еще в 1915 году немецкую миссию в Афганистане и уже тогда имевшего задачу вовлечь Афганистан в войну на стороне немцев. Афганские правящие круги уклонились от предложения об официальном сотрудничестве с Третьим рейхом. Однако афганское правительство было вынуждено согласиться выдать агреман Вернеру-Отто фон Гентингу, имевшему еще со времен Первой мировой войны большие связи как с афганскими националистическими деятелями, так и с бунтующими племенами на индо-афганской границе. Уступая немцам, кабульские власти также смотрели сквозь пальцы на активную деятельность абвера по привлечению афганской разведки к участию в операции «Пожиратель огня». Немцам удалось даже добиться большего. Свое согласие оказать содействие в проведении этой спецоперации дал командующий Центрального военного округа М. Дауд-хан. Следует также отметить, что в это же время афганский посол в Москве Султан Али-хан всячески убеждал своего английского коллегу С. Криппса, что кроме немецкой миссии в Кабуле немцев практически нет[39].

19 июля 1941 года операция «Пожиратель огня» в самом своем начале потерпела крах. По дороге в Вазиристан немецкие диверсанты в сопровождении представителей афганских спецслужб попали в засаду, подготовленную английским спецназом. М. Обердорффер был убит, Ф. Брандт ранен. Последний был незамедлительно доставлен в Пешавар, где стал давать показания сотрудникам английских спецслужб[40].

Официальная версия, разработанная англичанами, гласила, что именно благодаря бдительности афганских пограничников был предотвращен вооруженный прорыв неустановленной группы, в состав которой входили немецкие граждане М. Обердорффер и Ф. Брандт. В этой связи английские спецслужбы вскоре передали кабульским властям раненого диверсанта Ф. Брандта, который для прохождения курса лечения был помещен в один из лучших госпиталей близ афганской столицы.

Афганское правительство сочло возможным согласиться с английской версией изложения событий от 19 июля 1941 года, т. к. это позволяло королевскому режиму сохранить лицо и одновременно ослабить нажим фашистской Германии на правящие круги страны. Согласно телеграмме советского посла К. А. Михайлова от 24 июля 1941 года, руководство Министерства иностранных дел Афганистана пригласило посла

Германии Г. Пильгера дать официальное разъяснение по поводу инцидента от 19 июля 1941 года с участием немецких граждан М. Обердорффера и Ф. Брандта. Однако немецкий посол отказался явиться в МИД Афганистана, сказавшись больным[41]. После окончания Великой Отечественной войны Г. Пильгер, находясь под следствием в СССР, признавал: «Чтобы не расшифровывать мероприятий германской военной разведки по заброске в Индию для подрывной работы Обердорффера и Брандта, я, по поводу инцидента, происшедшего с ними на афганской границе, заявил афганскому правительству протест в связи с «неправильными действиями» афганских пограничников в отношении германских «научных работников»[42]. В Кабуле в связи с началом расследования дела о немецких диверсантах были проведены аресты среди представителей афганского офицерского корпуса, обвиненных в политических связях с немцами.

20 июля 1941 года, т. е. на следующий день после неудачной попытки немецких диверсантов проникнуть в Северо-Западную пограничную провинцию Индии из Афганистана, посол Великобритании в СССР вручил наркому иностранных дел СССР В. М. Молотову Памятную записку относительно пребывания немцев в Афганистане. В этом документе, в частности, отмечалось, что «правительство Его Величества полностью представляло себе опасность обилия немецких агентов в Афганистане, а время от времени самостоятельно делало усилия — пока что безуспешные — с целью убедить афганское правительство уменьшить количество немцев, проживавших в стране. При обстоятельствах, сложившихся таким образом, правительство Его Величества приветствует предложение, сделанное господином Сталиным относительно совместных действий по оказанию нажима на афганское правительство[43].

Вместе с тем следует отметить, что поддерживая советское предложение о совместных действиях в Афганистане, английская сторона трактовала их по-своему. В Памятной записке речь шла в первую очередь о проведении не совместных, а параллельных демаршей двух стран в отношении афганского правительства. Текст Памятной записки также свидетельствовал о стремлении англичан взять на себя роль организатора и координатора выступлений СССР и Великобритании на внутриполитической арене Афганистана. В этом английском документе был также представлен возможный вариант параллельного демарша советской стороны в Кабуле, который бы мог иметь следующий вид: во-первых, представитель Советского Союза мог бы выразить беспокойство советского правительства в связи с количеством германских граждан, которым афганское правительство разрешило проживать в стране; во-вторых, правительству Его Величества кажется желательным ввиду подозрительности позиции афганских властей в отношении так называемых «русских замыслов на афганскую территорию» дать афганскому правительству заверения, что советское правительство безусловно желает уважать независимость и территориальную неприкосновенность Афганистана; в-третьих, представитель Советского Союза мог бы, как это предлагается, просить афганское правительство принять срочные меры, чтобы избавиться от чрезмерно большой немецкой колонии в Афганистане. Наконец, он мог бы информировать афганское правительство, что в связи с этим его правительство рассматривает меры, которые оно должно предпринять, чтобы обеспечить свои интересы. МИД Великобритании в этом документе подчеркивал: «Желательно, чтобы эти предложения были сделаны очень осторожно и лишь с тем, чтобы обеспечить координацию действий Советского Союза и Англии. Чем ближе будет параллельность между демаршами, тем более выразительным он покажется афганскому правительству[44].

Английская сторона также информировала НКИД СССР, что правительство Великобритании санкционировало проведение политики постепенного экономического давления на афганские правящие круги. Эта программа, предложенная англичанами, подразделялась на два этапа: поддерживая строго корректные отношения с афганским правительством, правительство Его Величества заменит теперешнюю политику поддержки и помощи политикой, которая будет сдерживать афганское правительство несколькими способами, например: путем наложения импортного тарифа на афганский хлопок, путем разрыва ведущихся в данный момент переговоров о покупке афганской шерсти, путем задержки транзита товаров в Афганистан и из Афганистана через Индию, путем отказа предоставить портовые средства в Карачи и т. п. Дальнейшей и наиболее эффективной формой давления (которая, однако, может быть удачной лишь в том случае, если советское правительство готово поступить таким же образом) будет экономическая блокада Афганистана со стороны индийской

границы (должна быть проведена, если советское правительство согласится совместно с подобного рода блокадными действиями со стороны границы по реке Аму-Дарье)[45].

В этой связи необходимо также отметить, что первоначальные меры экономического давления на афганское правительство, разработанные англичанами, наносили прежде всего ущерб интересам СССР, нежели Великобритании. Английское предложение о наложении импортного тарифа на афганский хлопок привело бы к срыву советско-афганского соглашения о продаже СССР четырех тысяч тонн афганского хлопка, подписанного 12 августа 1941 года. Английская сторона в рассматриваемый период не интересовалась хлопком и никаких закупок этого сельскохозяйственного сырья в Афганистане не производила. Англичане также в перечне санкций указывали на возможность разрыва англо-афганских переговоров о покупке афганской шерсти. Однако, следует указать, что к этому времени соглашение между Великобританией и Афганистаном о закупке 500 т шерсти было уже подписано, т. е. англичане в этом деле экономически никак не пострадали бы. По сути дела реализация советской стороной английского плана экономического давления на Кабульский режим привела бы в одностороннем порядке к ослаблению экономических, а значит политических позиций СССР в Афганистане.

Постпредством СССР в Афганистане также была разработана программа возможной экономической блокады Афганистана, которая разительно отличалась от «мягких форм» экономических санкций англичан. Советский документ, направленный в НКИД СССР для передачи англичанам, предусматривал следующие меры: а) срочно добиться вместе с англичанами отказа Ирана и Турции в транзите немецких грузов в Афганистан; б) немецкие грузы, находившиеся на советской территории, в Афганистан не пропускать; в) предложить Англии прекратить, а не просто задержать транзит грузов, идущих через Индию в Афганистан; г) совместно с англичанами отказаться от продажи афганцам не только бензина, но и строительных материалов д) отказаться не только от закупки хлопка, но и шерсти и фруктов; е) расторгнуть английскую сделку на афганскую шерсть, а не прекратить переговоры, т. к. переговоры и без того англичане прекратили и т. д.[46]. Английская сторона приняла к сведению советские предложения, однако, оставила их без ответа.

Необходимо также подчеркнуть, что в Памятной записке англичан от 20 июля 1941 года делался упор в первую очередь не на сокращении немецкой колонии в Афганистане, а на пересмотре решения афганского правительства о выдаче агремана на назначение В. Гентинга — руководителя ближневосточной референтуры VII политического отдела МИД Германии — немецким послом в Кабуле. 26 июля 1941 года английский посланник в Кабуле посетил премьер-министра Афганистана М. Хашим-хана и сделал ему представление по поводу назначения нового германского посла. Премьер-министр в свою очередь заявил, что афганское правительство не может что-либо предпринять в отношении В. Гентинга. Вместе с тем 1 августа 1941 года афганское правительство изменило свое решение с учетом возможных демаршей Великобритании и СССР. Министерство иностранных дел Афганистана уведомило английского посланника о том, что В. Гентинг не приедет в Кабул. С этого момента англичане временно прекратили давление на афганцев с тем, чтобы выдворить немцев из Афганистана. Глава британской миссии в Кабуле предложил советскому послу не поднимать вопрос о высылке немцев перед афганским правительством до приезда нового германского посланника. Советская сторона согласилась с этим предложением. Однако Берлин так и не назначил своего нового посла, сохранив этот пост за Г. Пильгером.

Разовые меры афганских властей по пресечению происков фашистской Германии на афганском плацдарме не могли удовлетворить советское руководство, т. к. речь по сути дела шла о несоблюдении афганской стороной долгосрочных соглашений, подписанных между СССР и Афганистаном. В первую очередь это касалось Договора о нейтралитете и взаимном ненападении между СССР и Афганистаном от 24 июля 1931 года, продленного двумя сторонами в марте 1936 года сроком на 10 лет. В первую очередь советское руководство было озабочено тем, что кабульские власти после начала Великой Отечественной войны не спешили официально дать оценку вероломному нападению фашистской Германии на СССР. Свою поддержку СССР в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками они выражали исключительно в устной форме в беседах наедине с представителями советского посольства.

Анализируя обстановку, сложившуюся в Афганистане к этому времени, посольство СССР

сообщало в НКИД СССР, что «афганское правительство, внешне лояльное и дружественное СССР, маскируясь нейтралитетом, в действительности заняло враждебную позицию, нарушая свои договорные обязательства в главном вопросе о недопущении на своей территории враждебной СССР деятельности организаций и отдельных лиц»[47]. В этой связи следует отметить, что кабульские власти официально заявили о своем нейтралитете в военном столкновении СССР и Германии лишь только в конце августа 1941 года. Основной причиной возвращения афганского руководства к своей традиционной политике нейтралитета явилось решение Советского Союза и Великобритании ввести 23 августа 1941 года свои войска в Иран для предотвращения профашистского переворота[48].

Немецкая разведка в своей подрывной деятельности против СССР решила прибегнуть к помощи белоэмигрантов — выходцев из Средней Азии — после того как узнала, что англичане, щедро оплачивавшие до этого работу белоэмигрантов против Советского Союза, прекратили выплату им денег. Глава германской миссии в Кабуле Г. Пильгер в телеграмме в Берлин от 4 августа 1941 года, в частности, отмечал: «Местные узбеки обратились к майору Шенку с вопросом, нужны ли и какие именно шаги должны быть предприняты уже сейчас в Узбекистане и других тюркских государствах Советского Союза против большевизма, который стоит перед верной гибелью»[49].

Резидентура службы внешней разведки СССР в Кабуле в свою очередь докладывала: «В середине 1941 года немецкая миссия приступила к организации антисоветской деятельности, имея своей задачей проникнуть в центр Закаспийской области и организовать на территории СССР во всех пограничных с Афганистаном районах русского Туркестана антисоветскую партизанскую борьбу»[50]. Однако эти планы немецких спецслужб в конечном итоге были сорваны. Советской разведке удалось выявить и нейтрализовать каналы связи немцев с бывшим эмиром Бухары Саид Алим Ханом, лидером туркменской белоэмиграции Кызыл Аяком, руководителем группы басмачей из числа киргизской белоэмиграции Камчибеком, одним из лидеров узбекской белоэмиграции Абдул Керим Ханом и т. д.

5 августа 1941 года в Москве в ходе переговоров В. М. Молотова с послом Великобритании С. Криппсом была достигнута договоренность о сотрудничестве английской и советской разведок на Среднем Востоке[51]. Советская резидентура внешней разведки должна была не только вскрыть разветвленную сеть фашистской агентуры в Афганистане, но и совместно с британскими спецслужбами, нанося удары по германской, японской и итальянской разведкам, предотвратить подготавливаемый нацистами переворот и введение войск вермахта в Афганистан.

Однако англичане не форсировали развитие контактов разведслужб СССР и Великобритании. В первую очередь это объяснялось общим подходом английского руководства к сотрудничеству с СССР на первоначальном этапе Великой Отечественной войны. Суть этой политики Лондона была достаточно откровенно определена послом СССР в Великобритании И. М. Майским. В своей беседе от 27 августа 1941 года с английским министром иностранных дел А. Иденом он прямо заявил: «Ведь фактически выходит так, что Англия в настоящий момент является не столько нашим союзником, товарищем по оружию в смертельной борьбе против гитлеровской Германии, сколько сочувствующим нам зрителем»[52].

Затишье в контактах дипломатических миссий СССР и Великобритании в Афганистане продолжалось недолго. В сентябре 1941 года правящие круги Великобритании инспирировали ряд публикаций в английской прессе, посвященных подрывной деятельности немцев в Афганистане. Например, в газете «Дейли Геральд» от 22 сентября 1941 года была опубликована статья «Подозрительная деятельность германских агентов в Афганистане». Каирский корреспондент «Дейли Геральд» сообщал о беспокойстве английских властей в связи с активизацией немецких агентов, находившихся в Афганистане. По его данным, более 50 немцев состояли на службе в германской миссии в Кабуле, что выходило за всякие рамки потребностей обычной легальной работы миссии. Остальные немецкие агенты были разбросаны по всей стране в качестве специалистов и техников, которые фактически контролировали все средства связи и передвижения. Английский корреспондент указывал, что департаменты афганских ведомств, в ведении которых находились аэродромы, дороги, а также средства связи, были отданы в распоряжение немцев или действовали по указанию германских советников. Большое число немцев, которым удалось бежать из Ирана, нашли себе убежище в Афганистане[53].

29 сентября 1941 года министр иностранных дел Великобритании А. Иден заявил послу СССР в Лондоне И. М. Майскому, что настало время оказать давление на афганское правительство с целью избавиться от представителей стран «оси» в Афганистане. В качестве первого шага он признал необходимым потребовать удаления всех неофициальных немцев и итальянцев, т. е. лиц, не имевших отношения к дипломатическому составу миссий нацистской Германии и фашистской Италии. Вместе с тем в ходе состоявшейся беседы, когда советской стороной было выражено согласие на совместный с англичанами демарш по выдворению представителей Германии и Италии из Афганистана, выяснилось, что англичане не особенно склонны к совместному демаршу. Они желали бы взять это дело в свои руки и только информировать советскую сторону. При этом англичане ссылались на то, что англо-афганские отношения якобы курирует индийское правительство, поэтому Ф. Уайли представляет индийское правительство и получает инструкции из Дели. Индийское же правительство, по мнению А. Идена, имеет серьезные предубеждения против СССР, в связи с чем оно не решается действовать совместно с советской стороной. Только после категорических возражений И. М. Майского А. Иден согласился телеграфировать в Индию, что советское правительство с самого начала будет принимать участие в предполагаемом демарше[54].

Консультации по данному вопросу в конечном итоге переместились из Лондона в Кабул. 2 и 6 октября 1941 года в ходе бесед полпреда СССР К. А. Михайлова и английского посланника Ф. Уайли последний сообщил, что ему поручено совместно с послом СССР предпринять дипломатический демарш М. Хашим-хану и по-дружески просить удалить неофициальных немцев и итальянцев из Афганистана в течение 6 недель. Английский посланник также подчеркнул необходимость одновременного демарша и даже выражал желание сверить предварительные тексты демаршей. Идя навстречу пожеланиям советского посла, англичанин согласился просить афганцев провести эту операцию в месячный срок.

Впоследствии Ф. Уайли не только отказался сверять тексты демаршей, но и совместно с советским послом посетить премьер-министра Афганистана М. Хашим-хана для вручения официальных заявлений. 9 октября 1941 года английский посланник Ф. Уайли посетил афганского премьер-министра М. Хашим-хана и изложил ему просьбу своего правительства о выдворении из Афганистана в месячный срок неофициальных представителей Германии и Италии. М. Хашим-хан положительного ответа не дал[55].

Афганский поединок СССР и Третьего рейха вступал в завершающую фазу. 11 октября 1941 года посол СССР в Афганистане К. А. Михайлов посетил премьер-министра Афганистана М. Хашим-хана и сделал официальное заявление, в котором рекомендовал в ближайшее время удалить из Афганистана немецких и итальянских специалистов, работавших в военном министерстве и других афганских учреждениях. Следует отметить, что демарш советского посла был строго выдержан в духе действовавшего Договора о нейтралитете и взаимном ненападении, подписанного между СССР и Афганистаном. Как известно, в этом документе, в частности, отмечалось: «Договаривающиеся стороны не допустят и будут препятствовать на своей территории организации и деятельности группировок, а также будут препятствовать и деятельности отдельных лиц, которые вредили бы другой договаривающейся стороне или же подготовили бы ниспровержение государственного строя другой стороны, или же покушались бы на целостность ее территории, или же производили бы мобилизацию или вербовку вооруженных сил против другой договаривающейся стороны»[56]. В ходе своего демарша К. А. Михайлов представил премьер-министру М. Хашиму-хану исчерпывающую информацию о деятельности абвера на территории Афганистана, привел ряд фактов на этот счет и назвал имена наиболее активных фашистских разведчиков.

Премьер-министр Афганистана в ответ заявил, что обсудит заявление советского посла со своими министрами. Глава афганского правительства также попытался обвинить советскую сторону во вмешательстве во внутренние дела страны, одновременно заверяя, что афганские власти понимают, какая опасность грозит миру, «если мир будет захвачен одним государством, тогда остальные народы будут рабами». Одновременно М. Хашим-хан всячески отрицал враждебную деятельность немцев и итальянцев в Афганистане, заметив, что немцы будто бы сами хотят уехать из страны, но он их задерживает для работы[57]. Стало очевидным, что афганское правительство не соглашалось принять советские предложения. Вместе с тем афганские правящие круги не спешили с официальном отказом советской стороне.

В создавшейся ситуации необходимо было выработать конкретные меры воздействия на афганское правительство. Английский посланник Ф. Уайли после аудиенции советского посла К. А. Михайлова у афганского премьер-министра в тот же день встретился с советским дипломатом и рекомендовал начать с «войны нервов». Глава британской миссии в Кабуле предложил открыть кампанию против афганского правительства по радио с использованием компромата, собранного на коррупционеров-министров, а также и на короля Афганистана М. Захир-шаха. Советский посол, учитывая обстановку на фронтах Великой Отечественной войны осенью 1941 года, не разделял эту точку зрения и считал нужным быстрее переходить к мерам реального, а не психологического воздействия на афганское правительство[58].

Необходимость переходить от слов к делу определялась и линией поведения немцев в Афганистане. Немецкая сторона при поддержке германофилов в высших эшелонах власти страны стала активно распространять слухи о том, что Афганистану грозит раздел его территории между СССР и Англией. План раздела, по словам немцев, начинался первым актом — удаление «невинных» германских инженеров и преподавателей, за этим последует ликвидация дипломатических миссий стран оси, а дальше ввод англо-советских войск[59].

В афганском руководстве началась открытая конфронтация по поводу удаления немцев и итальянцев из Афганистана между германофилами и традиционалистами, придерживавшимися проанглийской ориентации. В поддержку немцев неизменно продолжали выступать зам. премьер-министра Наим-хан[60], командующий Центрального военного округа Дауд-хан и др. Впоследствии премьер-министр Афганистана М. Хашим-хан вспоминал, что в начале войны среди афганцев имелась группа молодежи, которая увлекалась обещаниями немцев, однако он, как премьер, удержал эту группу от этого увлечения. По его словам, он понимал, что Афганистан, если хочет сохранить себя, должен ориентироваться только на СССР и Англию. Для меня, — продолжал премьер, — было ясно, что, если Германия дойдет со стороны СССР до афганской границы, то она пойдет и дальше в Индию и превратит Афганистан в арену войны[61].

16 октября 1941 года министр иностранных дел Афганистана Али Мухаммед-хан сообщил советскому послу, что афганское правительство решило принять совет советского правительства и удалить из Афганистана немецких и итальянских специалистов. В то же время он выразил надежду, что на территории Афганистана «не повторятся иранские события»[62].

У национал-патриотов и германофилов в составе афганского правительства, выступавших против решения М. Хашим-хана о высылке немецких советников и специалистов, хватило сил только на то, чтобы настоять на организации торжественных проводов немцев и итальянцев «в связи с окончанием сроков их командировки в Афганистане». Им были вручены от имени короля и премьер-министра Афганистана крупные денежные премии и ценные подарки, а майор Шенк за заслуги в деле подготовки афганских офицерских кадров был награжден орденом[63]. 28 октября 1941 года министр иностранных дел Афганистана Али Мухаммед-хан уведомил полпреда СССР К. А. Михайлова о выезде из Афганистана немцев и итальянцев двумя партиями 29 и 30 октября 1941 года. В общей сложности было выслано немногим более 200 человек. На территории Афганистана прекратил свою деятельность целый ряд немецких технических и транспортных фирм, представлявших собой на деле автономные структуры абвера. Были закрыты представительства «Сименс Шуккерт», «Телефункен», «Шенкер и К°», «Ундейч», «Фарбениндустри» и т. д. По представлению советской стороны, из Афганистана были также высланы немецкие граждане, лишь недавно принявшие афганское подданство.

Однако национал-патриоты и германофилы в афганском правительстве не считали вопрос об удалении немцев и итальянцев из Афганистана закрытым. Группа «молодых» министров во главе с М. Дауд-ханом требовала провести «всенародное» обсуждение решения афганского правительства о высылке немецких и итальянских специалистов. С этой инициативой выступил Абдул Гуссейн-хан — бывший афганский посол в СССР, ставший к этому времени министром почт и телеграфа.

Премьер-министр Афганистана М. Хашим-хан при согласии короля М. Захир-шаха принял решение созвать Всеафганскую Лойя-Джиргу (Верховный Совет Афганистана) исходя из следующих соображений: во-первых, добиться от депутатов поддержки всей политики афганского правительства и, в частности, утвердить решение о выдворении немцев и итальянцев из страны; во-вторых, оградить правящую династию

соответствующими решениями Лойя Джирги, которые исключали бы любую возможную форму нажима на афганское правительство со стороны тех или иных иностранных государств.

5–6 октября 1941 года в Кабуле состоялась Всеафганская Лойя-Джирга, в работе которой приняли участие делегаты от всех провинций общим числом до 1200 человек. С докладом, посвященным исключительно вопросам внешней политики Афганистана, выступил министр иностранных дел Али Мухаммед-хан, а в прениях слово было предоставлено только религиозным авторитетам. Внутренняя политика афганского правительства так и не стала предметом обсуждения, а возможные выступления германофилов были также заблокированы. В итоге депутаты этого всеафганского форума — высшие духовные иерархи, представители власти и влиятельные вожди афганских племен постановили: «Никакому иностранному правительству ни в какой форме не будет позволено занять всю или часть афганской территории или использовать нашу дорогую родину для военных целей на земле или в воздухе, или просить у нас каких-либо привилегий во время войны»[64].

Решения Лойя-Джирги подтвердили бесплодность попыток фашистской Германии вовлечь Афганистан в орбиту своих агрессивных замыслов. Блицкриг немецкой военщины в Центральной Азии не состоялся. Разгром немецко-фашистских войск под Москвой в декабре 1941 года окончательно сорвал планы молниеносной войны Третьего рейха как на Западе, так и на Востоке.

---

1 Шифртелеграмма из Посольства СССР в Афганистане в адрес НКИД СССР от 17 декабря 1947 г. Кабул. Входящие шифртелеграммы за 1947 г. Особый архив НКИД, инвент. № 7213, п. 41, д. 268, л. 1; шифртелеграмма из Посольства СССР в Афганистане в адрес НКИД СССР от 22 июня 1939 г. АВП РФ ф. 059 оп. 1, пор. № 2061, п. 298, л. 120, 128.

2 Министр экономики А. Меджид вернулся из Германии в Афганистан лишь в марте 1946 г. — прим. автора.

3 Подробнее см.: Ю. Л. Кузнец «Мародеры» выходят из игры» М., 1992 г. С. 30–33.

4 Шифртелеграмма из Посольства СССР в Афганистане в адрес НКИД СССР от 31 июля 1939 г. АВП РФ, ф. 059 оп. 1, пор. № 2061, п. 298, л. 128.

5 Там же. Л. 128.

6 АВП РФ № 170 — Афг. Обзор афганской прессы с 1. I по 20 III 1941 г. т. 1 л. 59.

7 Газета «Ислах» сентябрь 7, 1939 г.

8 Телеграмма заместителя Народного комиссара Иностранных Дел СССР В. Г. Деканозова Временному Поверенному в Делах СССР в Италии Л. Б. Гельфанду от 19 сентября 1939 г. Документы внешней политики СССР. М.,1992 г., т.XXII, Книга 2. С. 103.

9 Цитируется по книге Ю. Н. Тихонова «Афганская война Третьего рейха. НКВД против абвера». М., 2003. С. 88–89

10 Примечание к документам внешней политики СССР за 1940/41 гг. Документы внешней политики СССР М., 1998 г. т. XXIII, Книга 2, Ч. 2. С. 777–778.

11 Беседа Наркома Иностранных Дел СССР В. М. Молотова с Послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом 5 марта 1940 г. Документы внешней политики СССР. М., 1995. Т. XXIII. Книга 1. С. 131.

12 «История Второй мировой войны 1939–1945». М., 1975. Т. 3. С. 346–347; В. М. Бережков «Страницы дипломатической истории». М., 1984. С. 31.

13 Новые документы о деятельности разведок стран «оси» в Афганистане в годы Второй мировой войны // Новая и новейшая история. № 5, 2001. С. 101.

14 Беседа Наркома Иностранных Дел СССР В. М. Молотова с Послом Королевства Афганистан в СССР С. А. Ханом 23 марта 1940 г. Документы внешней политики СССР М., 1995. Т. XXIII. Книга 1. С. 170.

15 Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Королевстве Афганистан К. А. Михайлова в НКИД СССР от 28 июня 1940 г. Документы внешней политики СССР. М., 1995. Т. XXIII. Книга 1. С. 386.

16 Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Королевстве Афганистан К. А. Михайлова в НКИД от 30 мая 1940 г. Документы внешней политики СССР М., 1995. Т. XXIII. Книга 1. С. 292.

17 Подробнее см.: «Немцы в Кабуле — январь 1942 г.» — «Рассекречено» — Служба внешней разведки РФ–1.

18 Л. Безыменский «Особая папка «Барбаросса» М., 1972. С. 262.

19 Подробнее см.: Л. Безыменский «Разгаданные загадки третьего рейха 1941–1945» М., 1984. Т. 2. С. 27–41; Л. Безыменский «Особая папка «Банрбаросса» М., 1972. С. 260–264.

20 Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Королевстве Афганистан К. А. Михайлова в НКИД СССР от 28 июня 1940 г. Документы внешней политики СССР. М., 1995. Т. XXIII. Книга 1. С. 386.

[21] Доклад Посольства СССР в Афганистане «О внешней политике афганского правительства в 1941 г. — начало 1942 г.» АВП РФ ф. 06, 1942 г., оп. 4, п.16, д. 161 л. 10 — Секретариат т. В. М. Молотова. Афганистан. Письма, полученные из Посольства СССР в Афганистане.

[22] Руководство СССР не разделяло «особый путь» борьбы С. Ч. Боса за независимость Индии, хотя советская сторона и оказала содействие в транзите этого индийского лидера из Кабула в Берлин. — *Прим. автора.*

[23] См.: Ю. Л. Кузнец «Мародеры» выходят из игры». М., 1992. «Тегеран-43» М., 2003; Ю. Н. Тихонов «Афганская война третьего рейха. НКВД против абвера». М., 2003.; «Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию». М., 2008.

[24] Запись беседы Посла СССР в Афганистане К. А. Михайлова с посланником Италии в Афганистане П. Кварони от 8 апреля 1941 г. АВП РФ ф. 06, оп. 3, п. 9., д. 103, т. 1 л. 101-НКИД СССР. Секретариат Наркома т. В. М. Молотова. 1941 г. Дело Аф.–021. Записи бесед посла СССР в Афганистане.

[25] Характеристика на германского посланника в Кабуле Ганса Пильгера, составленная Послом СССР в Афганистане К. А. Михайловым. Документ № 170/1520 от 23 мая 1942 г. С. 3. — «Рассекречено» Служба внешней разведки РФ-10.

[26] Шифртелеграмма из Посольства СССР в Афганистане от 29 июня 1942 г. в адрес НКИД СССР 10-й отдел, инвент. № 2517, п. 370, т. 2, л. 94.

[27] Новые документы о деятельности разведок стран «оси» в Афганистане в годы Второй мировой войны. // Новая и новейшая история. № 5, 2001. С. 94.

[28] Стенограмма протокола допроса бывшего немецкого посланника в Афганистане Г. Пильгера от 31 января 1946 г. С. 22. «Рассекречено» — Служба внешней разведки-10.

[29] Шифртелеграмма из Посольства СССР в Афганистане от 29 июня 1942 г. НКИД СССР. Кабул. Входящие шифртелеграммы за 1942 г. НКИД СССР 10-й отдел, инвент. № 2517, п. 370, т. 2, л. 94.

[30] Стенограмма протокола допроса бывшего помощника коммерческого атташе германской дипломатической миссии в Кабуле А. Цугенбюллера от 20 и 24 сентября 1945 г. С. 8–9. «Рассекречено» — Служба внешней разведки РФ-10.

[31] Очерки истории российской внешней разведки. М., 1997. Т. 3. С. 202–203.

[32] Вербальная нота № 834/410 МИД Афганистана от 13 августа 1941 г. — Ноты МИД Афганистана Посольству СССР в Афганистане АВП РФ оп. 28, пор. № 11, инв. № 014, п. 39, л. 243.

[33] Шифртелеграмма из Посольства СССР в Афганистане от 16 апреля 1944 г. в адрес НКИД СССР. Кабул. Входящие шифртелеграммы за 1944 г. 10-й отдел НКИД СССР. Папка № 1, Дело № 230 за 1944 г., инвент. № 5814, п. 37, л. 226.

[34] Шифртелеграммы из Посольства СССР в Афганистане от 24 и 25 июня 1941 г. в адрес НКИД СССР. Кабул. Входящие шифртелеграммы за 1941 г. Инвент. № 2383 п. 349, т. 1, л. 148–149.

[35] Шифртелеграмма из Посольства СССР в Афганистане от 3 июля 1941 г. в адрес НКИД СССР. Там же, л. 165.

[36] Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР В. М. Молотова с Послом Великобритании в СССР С. Криппсом 27 июня 1941 г. Документы внешней политики СССР. М., 2000. Т. XXIV. С. 47–49.

[37] Записи бесед Председателя Совета Народных Комиссаров СССР И. В. Сталина с Послом Великобритании в СССР С. Криппсом 8 и 10 июля 1941 г. Документы внешней политки СССР. М., 2000. Т. XXIV. С. 122–123; 129–132.

[38] Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР В. М. Молотова с Послом Великобритании в СССР С. Криппсом 18 июля 1941 г. Документы внешней политики СССР. М., 2000. Т. XXIV. С. 169.

[39] Запись беседы Председателя Совета Народных комиссаров И. В. Сталина с Послом Великобритании в СССР С. Криппсом 8 июля 1941 г. Документы внешней политики СССР М., 2000. Т. XXIV. С. 122.

[40] Документ № 3 «Донесение Ф. Брандта в Берлин от 7 февраля 1942 г.», представленный в приложении к книге Ю. Н. Тихонова «Афганская война третьего рейха. НКВД против абвера». М., 2003. С. 280–281.

[41] Шифртелеграмма из Посольства СССР в Афганистане от 24 июля 1941 г. в адрес НКИД СССР. Кабул. Входящие шифртелеграммы за 1941 г., инвент. № 2383, п. 349, т. 1, л. 181.

[42] Стенограмма протокола допроса бывшего посланника фашистской Германии в Афганистане Г. Пильгера от 1 ноября 1945 г. С. 4. «Рассекречено». Служба внешней разведки РФ-10.

[43] Памятная записка Посольства Великобритании в СССР, врученная Наркому Иностранных Дел СССР В. М. Молотову 20 июля 1941 г. Документы внешней политики СССР. М., 2000. Т. XXIV. С. 574.

[44] Там же. С. 575–576.

[45] Там же. С. 575.

[46] Доклад Посольства СССР в Афганистане «О внешней политике афганского правительства в 1941 г. — начало 1942 г.». — АВП РФ ф.06, 1942 г., оп. 4, п. 16, д. 161 л. 21. Секретариат т. В. М. Молотова. Афганистан. Письма, полученные из Посольства СССР в Афганистане.

[47] Там же. Л. 2.

[48] Подробнее см.: Нота правительства СССР Правительству Ирана 25 августа 1941 г. Документы внешней политики СССР. М., 2000. Т. XXIV. С. 256–260.

[49] Телеграмма германской миссии в Кабуле от 4 августа 1941 г. в адрес МИД Германии. «Рассекречено». Служба внешней разведки РФ-10.

[50] Справка «Из Кабула спец. № 153–152» от 24 марта 1942 г. С. 1. «Рассекречено». Служба внешней разведки РФ-10.

[51] Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР В. М. Молотова с Послом Великобритании в СССР С. Криппсом 5 августа 1941 г. Документы внешней политики СССР. М., 2000. Т. XXIV. С. 219.

[52] Телеграмма Посла СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР 27 августа 1941 г. Документы внешней политики СССР. М., 2000. Т. XXIV. С. 264.

[53] Политические взаимоотношения Афганистана с другими странами 1941 г. АВП РФ ф. 71 Референтура по Афганистану, оп. 33, д. 3, п. 52 № 111 Аф. л. 9.

[54] Доклад Посольства СССР в Афганистане «О внешней политике афганского правительства в 1941 г. — начало 1942 г.» АВП РФ ф. 06, 1942 оп. 4, п.16, д. 161 л. 32–33 — Секретариат т. В. М. Молотова. Афганистан. Письма, полученные из Посольства СССР в Афганистане.

[55] Там же. Л. 34–35.

[56] Договор о нейтралитете и взаимном ненападении между Союзом Советских Социалистических республик и Афганистаном 24 июня 1931 г. Документы внешней политики СССР. М., 1968. Т. XIV. С. 393.

[57] Запись беседы Посла СССР в Афганистане К. А. Михайлова с Премьер-министром Афганистана М. Хашим-ханом 11 октября 1941 г. Документы внешней политики СССР М., 2000. Т. XXIV. С. 356–359.

[58] Запись беседы Посла СССР в Афганистане К. А. Михайлова с Посланником Великобритании в Афганистане Ф. Уайли 11 октября 1941 г. Документы внешней политики СССР М., 2000. Т. XXIV. С. 360–362.

[59] Доклад Посольства СССР в Афганистане «О внешней политике афганского правительства в 1941 г. — начало 1942 г.» — АВП РФ, ф. 06, 1942 г., оп. 4, п. 16, д. 161, л. 44. Секретариат т. В. М. Молотова. Афганистан. Письма, полученные из Посольства СССР в Афганистане.

[60] В сентябре 1939 года Наим-хан был назначен заместителем премьер министра Афганистана, сохранив за собой портфель министра просвещения. — *Прим. автора.*

[61] Шифртелеграмма из Посольства СССР в Афганистане от 26 февраля 1944 г. в адрес НКИД СССР — 10-й отдел НКИД СССР, д. № 230 за 1944 г., инвент. № 5814, п. 37, л. 96.

[62] Запись беседы Посла СССР в Афганистане К. А. Михайлова с Министром Иностранных Дел Афганистана А. М. Ханом 16 октября 1941 г. Документы внешней политики СССР. М., 2000. Т. XXIV. С. 372.

[63] Шифртелеграмма из Посольства СССР в Афганистане от 31 октября 1941 г. в адрес НКИД СССР. Особый архив НКИД СССР. Входящие шифртелеграммы за 1941 г. Кабул. Инвент. № 2384, п. 349, т. 2 л. 27.

[64] Газета «Ислах» ноябрь 7, 1941.

Иран в антигитлеровской коалиции

С. Б. Дружиловский*

После начала Второй мировой войны иранское правительство провозгласило политику нейтралитета, однако к этому времени на территории Ирана усилилась деятельность германской агентуры, которая готовила в этой стране фашистский переворот на случай успешных действий германских войск против Франции и Англии. В последующем германское руководство рассчитывало использовать иранский плацдарм для продвижения в Индию и другие азиатские территории. Поддерживая великодержавные амбиции тогдашнего шаха Ирана Мохаммеда Резы Пехлеви и с целью привлечения его на свою сторону, Гитлер провозгласил персов, наряду с германцами, потомками ариев и заявил об их принадлежности к высшей арийской расе.

Германское руководство не без оснований рассчитывало на то, что, в случае победы немцев в битве за Кавказ, иранская армия вступит в войну на стороне Германии.

Чтобы предотвратить угрозу со стороны своего южного соседа правительство СССР летом 1941 года трижды (26 июня, 19 июля и 16 августа) направляло ноты иранскому правительству о несовместимости покровительства иранских властей фашистской агентуре с принципами советско-иранского договора 1921 года и официальным заявлением о нейтралитете в мировой войне. Английское правительство также выдвинуло аналогичные требования к иранскому руководству.

После отказа Ирана выполнить требование союзнических держав премьер-министр Англии У. Черчилль предложил И. Сталину осуществить совместную кампанию в Иране. «Предлагая провести совместную англо-русскую кампанию в Персии, — писал У. Черчилль, — мы добивались, главным образом, открытия коммуникаций от Персидского залива до Каспийского моря»[1]. Согласно предварительной договоренности с Англией и по ее предложению, Советский Союз 25 августа 1941 года временно ввел свои войска на иранскую территорию. Одновременно в южную часть страны вступили английские войска. Реза шах отдал своим войскам приказ к сопротивлению, однако вооруженные силы страны оказались неспособными дать отпор союзническим войскам и через несколько дней сложили оружие.

Вступление на территорию Ирана союзнических войск вызвало падение правительства Али Мансура и отречение Реза шаха (16 сентября 1941 года) в пользу наследника престола — Мохаммеда Резы Пехлеви. Новый шах и вновь сформированное правительство выразили желание сотрудничать с союзными державами. Большая часть германских подданных была арестована и интернирована.

С вводом союзных войск в Иран руководство СССР и Великобритании заявило, что не рассматривают эту акцию как оккупацию. Однако назначенный премьер-министром нового иранского правительства Мохаммад Али Форуги не стал довольствоваться одними лишь словесными заявлениями и в начале сентября 1941 года выступил с инициативой вступить в переговоры с союзными державами для определения статуса

* **Сергей Борисович Дружиловский** — профессор кафедры востоковедения МГИМО(У) МИД России

вторгшихся в Иран иностранных армий и письменного закрепления суверенитета и независимости иранского государства в условиях пребывания этих армий на иранской территории. Переговоры завершились 29 января 1942 года подписанием тройственного договора между СССР, Великобританией и Ираном о союзе во время войны[2].

По этому договору СССР и Великобритания обязались уважать территориальную целостность, суверенитет и политическую независимость Ирана (ст. 1), защищать его против агрессии со стороны Германии или любой другой страны (ст. 3), оказывать содействие и поддержку в экономической жизни Ирана для преодоления трудностей, возникающих в результате войны (ст. 7), не заключать никаких договоров, противоречащих данному договору, и консультироваться с иранским правительством по всем вопросам, затрагивающим прямые интересы Ирана (ст. 6).

Союзные государства получили право содержать на иранской территории сухопутные, морские и воздушные силы в необходимом для них количестве. При этом подчеркивалось, что пребывание войск «не представляет собой военной оккупации и будет возможно меньше затруднять нормальную работу администрации и органов безопасности Ирана, экономическую жизнь страны, обычное передвижение населения и применение иранских законов и постановлений (ст. 4). Предусматривался вывод советских и английских войск через шесть месяцев после окончания войны (ст. 5).

Иран, в свою очередь, обязался: сотрудничать с СССР и Великобританией всеми доступными ему средствами, причем помощь иранских вооруженных сил ограничивалась поддержанием внутреннего порядка на иранской территории, обеспечить союзным государством право использования средств коммуникаций, включая железные и шоссейные дороги, оказывать помощь в получении материальной и рабочей силы для поддержания и улучшения коммуникаций (ст. 3), не устанавливать отношений, не совместимых с данным договором, и не заключать противоречащих договору соглашений (ст. 6).

Однако менее известно, что по настоянию иранской стороны полномочные представители Англии и СССР в день подписания договора дали идентичные обязательства, специально разъясняющие и подтверждающие наиболее интересующие Иран вопросы, отраженные в договоре. Так, в одной из нот от 29 января 1942 года послы СССР и Великобритании А. Смирнов и Р. Буллард отметили, что, согласно ст. 3 подписанного сторонами договора, союзные державы не требуют от Ирана участия его вооруженных сил в войне или военных операциях против какой-либо иностранной державы, и что ст. 4 не требует от иранского правительство вносить какой-либо вклад в укрепление вооруженных сил союзных держав, если это не будет необходимо для самого Ирана[3].

В другой ноте от того же числа послы союзных держав гарантируют Ирану, что их правительства не будут участвовать в каких-либо переговорах или конференциях, на которых могли бы обсуждаться вопросы, ущемляющие территориальную целостность, суверенитет или политическую независимость Ирана, а также не будут обсуждать что-либо, касающегося прямых интересов Ирана без предварительных консультаций с его правительством[4].

Со своей стороны, министр иностранных дел Ирана А. Сохейли направил послам СССР и Великобритании ноту, в которой в разъяснении понимания Ираном ст. 6 договора заявил, что иранское правительство отказывается от поддержания дипломатических отношений с государствами, которые не имеют таких отношений с союзными державами[5].

Только после обмена этими грамотами и разъяснения всех сомнительных для Ирана вопросов премьер-министр Ирана М. Форуги 31 января 1942 года направил главам союзных государств приветственные телеграммы по случаю подписания тройственного договора.

В последующем Иран твердо стоял на позициях отстаивания своего суверенитета, но в то же время старался неукоснительно соблюдать взятые им на себя перед союзными державами обязательства. Кроме оказания действенной помощи союзникам в эксплуатации Трансиранской железной и шоссейных дорог, по которым перевозились военные грузы в Советский Союз (подсчитано, что по иранскому маршруту было перевезено 24% военных грузов), иранское правительство активно подключилось к обеспечению безопасности на иранской территории. Были арестованы сотни лиц, причастных к профашистской деятельности и выданы союзником десятки иностранных граждан, уличенных в шпионаже в пользу держав «оси».

Особенно напряженная обстановка в это время складывалась в юго-западных районах

Ирана — местах компактного проживания кашкайских племен, недовольных политикой, проводимой центральным правительством в период правления Реза-шаха. Этим воспользовалась находящаяся в Иране германская агентура, которая сумела наладить контакты с вождями кашкайских племен и, снабдив их деньгами и оружием, весной 1943 года спровоцировала выступление кашкайцев с антиправительственными лозунгами, включавшими требование выдворить союзные войска с территории Ирана.

По просьбе английской военной администрации иранское правительство принимает решение направить в зону восстания регулярные войска, которые к августу 1943 года оттеснили кашкайские племена в горы и заставили их пойти на переговоры[6]. В это же время участилась заброска немцами на территорию Ирана диверсантов, которые вливались в ряды уже действующих в Иране немецких шпионов, возглавляемых Ф. Майером, Р. Гамоттой и Ю. Шульце.

Видя реальную угрозу дестабилизации положения в Иране со стороны германской агентуры, контрразведки союзных держав начали настоящую охоту на германских агентов и их пособников. Иранская сторона оказывала им в этом активное содействие. Именно иранской полиции в августе 1943 г. удалось арестовать самого опасного германского шпиона, руководителя фашистской подрывной деятельностью в Иране Франца Майера, после чего он был передан в руки союзников[7].

Можно согласиться с теми исследователями-иранистами, которые считают, что именно деятельность фашистской агентуры подтолкнула иранское правительство 9 сентября 1943 года объявить войну гитлеровской Германии. По крайней мере, никаких свидетельств того, что этот шаг иранского руководства осуществлялся под давлением союзников по антигитлеровской коалиции, не имеется. Выступая в меджлисе с заявлением об объявлении войны Германии, премьер-министр Али Сохейли сказал: «После подписания тройственного договора с СССР и Великобританией мы ожидали, что страны «оси», войдя в положение Ирана и приняв во внимание его обязательства перед союзными державами, откажутся от действий, которые могли бы привести к нарушению Ираном своих обязательств, принятых по тройственному договору. …Однако германские агенты, вопреки ожиданиям, начали сеять разногласия, раскалывать нацию и разжигать пламя восстания внутри страны для того, чтобы создать беспокойство в народе и беспорядок в государстве»[8].

Сразу же после объявления войны Германии иранский МИД отправил сообщение представителям государств, входящих в одну с Ираном международную региональную организацию — Саадабадский пакт, то есть аккредитованным в Иране послам Турции, Ирака и Афганистана и лишь потом в шведское посольство, представлявшее германские интересы в Иране и в посольства других стран. На следующий день, 10 сентября 1943 года шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви направил свои личные послания английскому королю Георгу VI, Председателю Президиума Верховного Совета СССР М. Калинину и президенту США Ф. Рузвельту с извещением о вступлении Ирана в войну против Германии и присоединении к Декларации Объединенных Наций, подписанной 26-ю государствами антигитлеровской коалиции 1 января 1942 года. В ответ он получил заверения всех трех руководителей отныне рассматривать Иран как союзное и дружественное государство.

Таким образом, к началу Тегеранской конференции Иран превратился в полноценного союзника стран антигитлеровской коалиции и считал, что может выступать на равных с другими его участниками и пользоваться их доверием. Видимо, представители трех ведущих союзных держав и особенно СССР думали по-другому. Подготовка к Тегеранской конференции велась в полной тайне от иранского руководства. Правда, незадолго до открытия Тегеранской конференции во второй половине октября 1943 года Иран посетили проездом в Москву для участия в конференции министров иностранных дел трех союзных держав Государственный секретарь США К. Халл и министр иностранных дел Англии А. Иден. Оба они имели аудиенцию у шаха Ирана, а в честь А. Идена премьер-министр Ирана Сохейли даже устроил официальный прием, на котором еще раз подтвердил готовность Ирана выполнить все свои союзнические обязательства по тройственному договору с СССР и Великобританией, а также в качестве участника антигитлеровской коалиции.

Однако никаких намеков о возможной роли Ирана в подготовке намеченной конференции глав трех великих держав главами внешнеполитических ведомств США и Англии сделано не было. Правда, и само это решение принималось трудно. Если И. Сталин с самого начала выдвинул Тегеран в качестве возможного места

проведения конференции, то У. Черчилль считал, что в качестве такого места более предпочтительными могут быть Кипр или Хартум. Ф. Рузвельт также долго колебался с выбором места конференции и лишь в начале ноября дал свое окончательное согласие на проведение встречи в Тегеране.

Конфиденциальную информацию о том, что встреча руководителей союзных держав будет проходить в Тегеране премьер-министр Ирана получил от советского временного поверенного в делах М. Максимова 20 ноября 1943 г. При этом было заявлено, что никакой информации об этом среди населения распространять не следует, поскольку встреча будет проходить кулуарно в пределах посольств союзных держав.

И. Сталин прибыл в Тегеран тайно 25 ноября 1943 года, о чем в тот же день советское посольство поставило в известность премьер-министра и министра иностранных дел Ирана. В тот же день стало известно, что 26 ноября в Тегеран прибывают Ф. Рузвельт и У. Черчилль. Иранское правительство, несмотря на предупреждения о необходимости соблюдать секретность, решило придать встрече глав союзных государств торжественный характер, чем нимало обеспокоило приехавших иностранных гостей. В частности, У. Черчилль в своих воспоминаниях писал: «По пути нашего следования в город на протяжении трех миль через каждые 50 ярдов были расставлены персидские конные патрули. Таким образом, каждый злоумышленник мог знать, какая важная особа приезжает и каким путем она проследует. Не было никакой защиты на случай, если бы нашлись два–три решительных человека, вооруженных пистолетами или бомбой»[9].

Как известно, приехавший в тот же день президент Ф. Рузвельт принял предложение И. Сталина поселиться на территории советского посольства во избежание необходимости ежедневно передвигаться по улицам Тегерана, подвергая себя возможной угрозе нападения со стороны вражеской агентуры. При этом И. Сталин явно сгущал краски. Ему были хорошо известны донесения советских спецслужб, согласно которым немецкая агентура в Иране к этому времени была подавлена, ее руководители арестованы, а сам Тегеран практически заперт для передвижения, с запретом кому-либо покидать город или входить в него. Факт нахождения американского президента на территории советского посольства давал советскому руководству возможность ежедневно воздействовать на него, вырабатывая единое мнение в противовес известным предложениям У. Черчилля открыть второй фронт не в Северной Франции, чего добивался И. Сталин, а на Балканах. Правда, сам У. Черчилль, похоже, не придавал этому большого внимания, считая Ф. Рузвельта своим естественным союзником. По крайней мере, известно, что он поддержал И. Сталина в вопросе переезда Ф. Рузвельта в советскую резиденцию. В последующем все встречи и заседания участников конференции проходили на территории советского посольства за исключением торжественного обеда 30 ноября 1943 года, устроенного в посольстве Великобритании, по случаю 69-летия У. Черчилля.

Широко распространенное мнение о том, что все переговоры велись исключительно в составе делегаций трех великих держав, не соответствует действительности. Вот, например, выдержка из отчетного выступления премьер-министра Ирана Сохейли 4 ноября 1943 года перед депутатами иранского меджлиса, показывающая, что иранские представители различных рангов на всем протяжении работы конференции вели интенсивные и, с их точки зрения, крайне плодотворные переговоры с руководством союзных держав. «29 ноября его величество имел беседу с господином Рузвельтом, которая прошла в дружественной атмосфере. Во время этой встречи, кроме меня, присутствовали министр императорского двора и министр иностранных дел Ирана, а также посол США в Иране. В тот же день его величество провел переговоры с господином Черчиллем касательно иранских проблем в присутствии посла Великобритании, на которых было достигнуто полное взаимопонимание. 30 ноября Председатель Совета Народных Комиссаров маршал Иосиф Сталин в сопровождении господина В. Молотова и поверенного в делах советского посольства в Иране господина М. Максимова встретились с его величеством и во время их беседы были подтверждены существующие между двумя странами дружеские отношения. В тот же день министр иностранных дел Ирана и я были приглашены И. Сталиным и в присутствии Молотова и Максимова имел место обмен мнениями по Ирану в духе полного взаимопонимания, установившегося между нашими странами.

Во время других встреч между мной и министром иностранных дел Ирана, с одной стороны, и министрами иностранных дел В. Молотовым и А. Иденом, с другой, мы проводили перего-

воры, касающиеся отношений Ирана с союзниками в настоящее время и после окончания войны. При этом министры иностранных дел обеих стран выражали искреннюю заинтересованность в отношении проблем, касающихся нашей страны»[10].

Апофеозом иранской активности на Тегеранской конференции стал меморандум министра иностранных дел Ирана Сайеда, переданный им 1 декабря 1943 года, в последний день работы конференции, народному комиссару иностранных дел В. Молотову, министру иностранных дел Великобритании А. Идену и в отсутствии госсекретаря США Хала послу США в Иране Дрейфусу. В этом документе иранская сторона подчеркивала свои большие заслуги перед союзниками в деле разгрома общего противника, указывала на те трудности, которые приходится испытывать иранскому народу в условиях военного времени и те финансовые и материальные потери, которые несет Иран, осуществляя помощь своим союзникам. При этом выражалась уверенность, что союзные державы своевременно снимут все ограничения на деятельность иранских властей и передадут Ирану, с учетом всех компенсаций, те средства и ресурсы, которые сейчас временно находятся в их руках. В конце Меморандума отмечалось, что «Правительство и народ Ирана, воспользовавшись тем, что три великих державы собрались здесь в Тегеране, ожидают, что, учитывая все вышесказанное, участники конференции примут декларацию, подтверждающую еще раз те добрые к нам намерения, которые до этого неоднократно декларировались как устно, так и письменно»[11].

После проведения экстренных переговоров между министрами иностранных дел СССР и Великобритании при участии специального представителя президента США генерала П. Харлея такая декларация была подготовлена и подписана главами трех держав на последнем ночном заседании 1 декабря 1943 года. Содержание этой декларации хорошо известно. В последующем она легла в основу развития двусторонних отношений Ирана с тремя великими державами. В частности, на нее ссылались иранцы во время подписания договоров с США о направлении в Иран военной миссии генерала Шфарцкопфа и экономической миссии А. Мильспо.

Со своей стороны, иранское руководство, а также, практически, все средства массовой информации с большой благодарностью отнеслись к этому шагу участников конференции не в последнюю очередь потому, что он демонстрировал причастность Ирана к решению мировых проблем и давал гарантии на его участие в послевоенном устройстве мира при учете иранских интересов.

В знак своей благодарности к руководителям трех великих держав муниципалитет Тегерана принял решение переименовать улицы Дей, Каани и Рафаэль авеню в улицы Рузвельта, Сталина и Черчилля. Со своей стороны, все три руководителя союзных держав с бортов своих самолетов направили благодарственные телеграммы в адрес руководства Ирана, причем президент Рузвельт и премьер-министр Черчилль изъявили благодарность его величеству шаху Ирана, а Сталин премьер-министру Сохейли.

В последующие годы Иран выполнял свои обязательства по обеспечению бесперебойных поставок военных грузов, перевозимых союзными державами в СССР, но, в то же время, делал все возможное для предотвращения использования своей территории в качестве ресурсной базы союзных держав. Так, 2 сентября 1944 года правительство М. Саеда в ответ на попытки американских нефтяных компаний начать разработку новых нефтяных месторождений в Иране приняло решение не выдавать никаких новых концессий иностранным компаниям до окончания мировой войны. Тем не менее, советская делегация, прибывшая в Тегеран для ведения переговоров о предоставлении нефтяной концессии СССР в северных районах Ирана, вручила иранскому премьер-министру свои предложения по этому вопросу. В знак несогласия с претензиями СССР правительство М. Саеда в ноябре 1944 года ушло в отставку. Однако и новое правительство М. Баята отказалось вести переговоры с советской делегацией по этому вопросу. 2 декабря 1944 года иранский меджлис принял закон, запрещавший иранскому правительству вести переговоры с иностранными правительствами или частными компаниями относительно иранской нефти.

Несмотря на такой исход «вопроса о северной нефти» советское руководство решило в одностороннем порядке приступить к нефтяным изысканиям в северной зоне советского присутствия в Иране. 21 июня 1945 года И. Сталин, как председатель Государственного комитета обороны, подписал секретное постановление о проведении соответствующими учреждениями геологоразведочных работ в северных провинциях Ирана[12].

В последующем СССР связал вывод своих войск из Ирана с созданием в Северном Иране советско-иранского нефтяного общества, что и было отражено в совместном коммюнике по итогам визита в Москву премьер-министра Ирана А. Кавама в марте 1946 года. Сразу же после подписания этого коммюнике СССР объявил о начале вывода своих войск из Северного Ирана с 25 марта 1946 года. Закончился вывод войск через полтора месяца, 9 мая 1946 года. Однако вслед за этим, в нарушение обязательств своего премьер-министра, иранский парламент отказался ратифицировать советско-иранское соглашение. С этого времени Иран стал участником «холодной войны» против СССР на стороне западных держав.

---

1 Алиев С. М. История Ирана. М.: ИВ РАН, 2004. С. 201.

2 Текст договора см. «Советско-иранские отношения в договорах конвенциях и соглашениях». МИД СССР. М., 1947. С. 202–206.

3 The Tehran Conference. The Three-Power Declaration Concerning Iran. December 1943. Published by The Ministry of Foreign Affairs. Iran, 1945. P. 100, 101.

4 Ibid. P. 96, 97.

5 Ibid. P. 98, 99.

6 Попов М. В. Крах гитлеровского плана нападения на СССР из Ирана : Ученые записки Института Востоковедения. Т. VIII. Иранский сборник. М., 1953. С. 36.

7 Оришев А. Б. Ноябрь 1943 г.: Тегеранская конференция — 60 лет спустя. В сб. «Иран и Россия». М., 2004. С. 123.

8 The Tehran Conference… P. 114.

9 Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. Т. 5–6. М., 1991. С. 193.

10 The Tehran Conference… P. 149–151.

11 Ibid. P. 29.

12 Алиев С. М. История Турции. XX век. М.: ИВ РАН, 2004. С. 214.

Книга двадцать седьмая

РУКОВОДИТЕЛЬ

Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами генералиссимус Сталин

М. А. Гареев*

Сталин Иосиф Виссарионович (1879–1953 гг.)

Руководитель Коммунистической партии и Советского государства, один из выдающихся деятелей международного коммунистического и рабочего движения.

Участник Революции 1905–1907 гг., Октябрьской революции 1917 г., Гражданской войны. С 1922 г. Генеральный секретарь ЦК партии, с мая 1941 г. одновременно председатель СНК (с 1946 г. — Совет Министров) СССР.

С началом Великой Отечественной войны с 30 июня 1941 г. председатель ГКО (до 4 сентября 1945 г.); с 23 июня вошел в состав Ставки Главного командования, с 10 июля 1941 г. возглавил Ставку Верховного командования; с 19 июля нарком обороны (до марта 1947 г.); с 8 августа 1941 г. Верховный Главнокомандующий Водруженными Силами СССР (до сентября 1945 года). Генералиссимус Советского Союза (1945 г.)

Как всякий прозорливый человек, о своей судьбе И. В. Сталин после возвращения с Тегеранской конференции в 1943 г. говорил: «…Я знаю, что когда меня не будет, не один ушат грязи будет вылит на мою голову. Но я уверен, что ветер истории все это развеет»[1]. Действительно, в известном докладе Н. С. Хрущева в 1956 г. и особенно в последние 15 лет помои лились на Сталина сплошным мутным потоком и сказать о нем что-то объективно было не просто.

Некоторые тарелкины[2] периода «оттепели» и «перестройки» с подачи Н. С. Хрущева и других ниспровергателей нашей истории неустанно тиражировали версию, что Сталин с началом войны растерялся и отошел от дел и будто бы членам Политбюро ЦК ВКП(б) с трудом удалось уговорить его вернуться к своим обязанностям. Так, Э. С. Радзинский, выступая по телевидению 13 и 14 марта 1997 г., утверждал, что с началом войны «Сталин бежал из Кремля… Я проверил по журналу посетителей. Все так: целых три дня Сталин отсутствовал в своем кабинете»[3].

В связи с этим в конце статьи еще раз приводим записи кремлевской охраны за период с 22 по 28 июня 1941 года, из которых видно, когда и с кем встречался Сталин в первую неделю войны и становится очевидной ложь упомянутых выше утверждений. И таких заведомо лживых «уток» запущено немало, и они продолжают летать, несмотря на то, что неопровержимые исторические факты их опровергают.

Мало пользы принесли и публикации, рассчитанные на идеализацию и искусственное

* **Махмут Ахметович Гареев** — генерал армии, доктор военных наук, доктор исторических наук, президент Академии военных наук РФ.

обожествление Сталина, умалчивающие о его просчетах и упущениях.

Кое-кто сегодня ставит под сомнение и пытается даже оправдать жестокие репрессии 30-х годов, особенно тяжело сказавшиеся на военных кадрах. Но когда-то раз и навсегда всему обществу, независимо от политических пристрастий, нужно твердо и определенно сказать: необоснованные репрессии ни при каких обстоятельствах не могут быть оправданы. Но говорить об этом нужно честно, без перехлестов в обратную сторону, когда в последнее время любой человек, подвергшийся в те годы аресту, изображается невинной жертвой сталинских репрессий. Как будто в то время в действительности не было никаких шпионов, вредителей, воров, бандитов. Речь не идет о невинно пострадавших людях (о них уже сказано), но каждое государство живет по своим законам и призвано оберегать свою безопасность.

События начала 90-х годов XX в. опровергли и наивные возгласы: «Разве могло быть до войны столько предателей и врагов народа?» На примере некоторых высокопоставленных партийных функционеров в 1991 г. можно было видеть, что их оказалось еще больше, чем предполагали органы госбезопасности, которые иногда занимались поиском блох, где их нет, и не разглядели многих подлинных, наиболее опасных и одиозных противников Советского государства. Представьте себе, как можно было бы воевать на советско-германском фронте, если бы СМИ и диссиденты в 1941 г. развернули такую же свистопляску, как во время первой чеченской войны 1994–1995 гг., призывая солдат не воевать.

Ясно одно, что и при освещении роли Сталина во время Великой Отечественной войны нужен более объективный, взвешенный подход с учетом всей неоднозначности и суровости того времени, сложности и противоречивости личности Сталина.

В данном очерке имеется в виду именно такой подход к рассмотрению деятельности И. В. Сталина во время войны как Верховного Главнокомандующего Советскими Вооруженными Силами. Для этого недостаточно делать ссылки на те или иные, пусть самые авторитетные высказывания. Нужен объективный, критический анализ того, в каких условиях он решал свои задачи, какие стояли задачи перед государством и как они были выполнены под его руководством. О любой исторической личности можно объективно судить только «по сухому остатку» от всей его деятельности.

Деятельность Сталина по подготовке страны к обороне

Руководителю государства было необходимо, прежде всего создать благоприятные внешнеполитические условия для обороны страны.

Эту задачу пришлось решать в невероятно сложных условиях. Суть в том, что весь капиталистический мир должен был объединиться в борьбе против Советского Союза, чтобы уничтожить первое в мире социалистическое государство. С этой целью в 1938 г. было заключено и Мюнхенское соглашение, рассчитанное на подталкивание Гитлера к нападению на СССР. Если бы эти планы не удалось расстроить политико-дипломатическими средствами, реальных шансов на спасение не было. Большую опасность представляло возможное выступление Японии против СССР с перспективой ведения одновременной войны на Западе и на Востоке.

Но Сталину и Молотову путем заключения договоров о ненападении с Германией в 1939 г. и нейтралитете с Японией удалось расколоть единый антисоветский фронт потенциальных противников и добиться того, что западные страны, толкавшие Гитлера на Восток, впоследствии сами вынуждены были выступить на стороне Советского Союза. Наша страна получила возможность разделаться вначале с фашистской Германией, а затем с Японией. Кое-что сделал Сталин и для того, чтобы ускорить вступление США во Вторую мировую войну в декабре 1941 г., в чем, кстати, помогал и Черчилль, скрыв от Рузвельта появившиеся у него данные о подготовке Японии к нападению на Перл Харбор.

Создание антигитлеровской коалиции во время Второй мировой войны было величайшей дипломатической победой, отвечающей интересам не только нашей страны, но и всего международного сообщества, во многом предопределившим течение и исход войны. Конечно, этому способствовали и некоторые объективные международные обстоятельства, но факт остается фактом: Советскому Союзу удалось вырваться из кольца враждебного окружения. Когда В. Резун в «Ледоколе», и некоторые историки задним числом протаскивают версию о том, что Сталин готовился первым напасть на Германию, а Гитлер просто упредил его, они не учитывают именно это обстоятельство. Сталин ни при каких обстоятельствах не мог пойти на такое, ибо СССР тогда мог остаться в полной международной изоляции, что было бы для нашей страны самоубийственным шагом. Тем

более, что ему было известно и намерение Рузвельта выступить на стороне Германии, если СССР первым начнет войну.

Обвинения Сталина в заключении пакта о ненападении с Германией, освобождении Западной Белоруссии и Западной Украины, вводе войск в Прибалтийские страны также являются недостаточно обоснованными. Перед большой войной это было вызвано и серьезными геополитическими интересами: нельзя было дать возможности фашистам захватить огромные территории и превратить их в выгодный плацдарм для нападения на нашу страну.

В 20-е и 30-е годы правительство Польши проводило враждебную антисоветскую политику и в сговоре с Гитлером вынашивало планы захвата части Украины. Заключение в 1934 г. польско-германской декларации даже в западной историографии считается первой брешью, пробитой в деле создания системы коллективной безопасности в Европе и, в частности, в системе восточно-европейских союзов Франции. Правители Польши вместе с Германией участвовали в разделе Чехословакии и, в конечном счете, своей авантюристской политикой привели польский народ к катастрофе 1939 года.

В 1939 году, в условиях, когда польское правительство уже начало покидать территорию своей страны, бросив на произвол судьбы населявшие ее народы, было совершенно естественным стремление Советского Союза прийти на помощь белорусскому и украинскому народам и помочь им в национальном воссоединении. Тем более, что эти территории были незаконно отторгнуты от СССР в результате польской агрессии в 1920 г. Ввод советских войск на эти территории диктовался также необходимостью поддержания элементарного порядка и обеспечения безопасности населения. Польское население начало создавать отряды «гражданской обороны». Украинцы и белорусы в ответ на это вооружались против поляков. Обстановка дестабилизировалась и многочисленными бандами, которые засылались абвером. Появление советских войск предотвратило гражданскую войну в этих областях.

Поход Советской Армии в Западную Белоруссию и на Западную Украину был предпринят только после того, когда стало очевидным окончательное поражение Польши. Польский историк В. Т. Ковальский в книге «Последний год Европы» справедливо отмечает, что «Польша не могла уже ни воспрепятствовать захвату этих земель немцами, ни позднее освободить эти территории, если бы их заняла Германия»[4].

Бывший британский премьер-министр Ллойд Джордж 28 сентября 1939 г. писал польскому послу в Лондоне: «русские армии вошли на территории, которые не являются польскими и которые были аннексированы Польшей силой после Первой мировой войны… Различие между двумя событиями (т. е. германским нападением на Польшу и вводом советских войск. — *М. Г.*) становится все более очевидным для британского и французского общественного мнения. Было бы преступным безумием ставить их на одну доску»[5].

Примерно так оценивали эту акцию Советского Союза и другие трезвомыслящие государственные деятели. Так, У. Черчилль даже в период наиболее напряженных советско-британских отношений 1 октября 1939 г. в своем выступлении по радио говорил: «…То, что русские армии должны были находиться на этой линии, было совершенно необходимо для безопасности России против немецкой угрозы. Во всяком случае, позиции заняты и создан восточный фронт, на который нацистская Германия не осмеливается напасть»[6].

Можно еще раз выразить сожаление и осуждение действий советского руководства, которое после начала германо-польской войны высказывало совершенно недопустимые оценки по отношению к польскому государству. Но хорошо известно и то, что они в последующем были решительно исправлены.

США в 1942 г. высадились в Марокко, не спросив разрешения ни у марокканского султана, ни у правительства Виши, с которым они поддерживали дипломатические отношения. Американское командование оправдывало это соображениями обеспечения скрытности и внезапности действий, чтобы упредить возможные контрмеры противника и уменьшить потери своих войск. И сегодня американцы, где хотят, там и высаживаются.

Когда в 1941 г. возникла угроза проникновения фашистских сил в Иран, Англия и СССР (стратегически вполне оправданно) договорились о вводе своих войск на территорию Ирана. В противном случае наносился большой ущерб общим интересам антигитлеровской коалиции. Много было и других подобных действий, которые в ряде случаев носили вынужденный характер и были вызваны интересами достижения победы над противником. Разговоры

о «секретных протоколах» к договору 1939 г. рассчитаны на не осведомленных людей. В них нет ничего небывалого.

Секретные переговоры с заключением соответствующих соглашений велись между Англией и Германией. Польско-английский договор от 25 августа 1939 г. также имел секретное приложение, в котором, в частности, Литва объявлялась принадлежащей сфере интересов Польши, а Бельгия и Голландия — Великобритании[7]. Латвия и Эстония в августе 1938 г. подписали секретные соглашения о гарантиях их границ с Германией. Сталина обличают в заключении тайных «аморальных» секретных протоколов с Гитлером, об установлении сфер влияния в Восточной Европе, но при этом забывают о тайных соглашениях с Рузвельтом и Черчиллем о разделе Европы в Ялте и с Трумэном в Потсдаме в 1945 г., которые предопределили послевоенное устройство мира. Двойные стандарты не сегодня родились. До сих пор действуют секретные дополнения к американо-японскому договору о безопасности 1951 г. и т. д.

Таким образом, выявленные на сегодняшний день документы и известные факты, в том числе приведенные на Нюрнбергском процессе над нацистскими преступниками, говорят о том, что главным виновником развязывания Второй мировой войны является империализм и порожденный им фашизм во главе с Гитлером, захвативший власть в Германии.

Руководителям Англии, Франции, Польши и Чехословакии не удалось предотвратить мировую войну или хотя бы локализовать ее масштабы. По существу они предали интересы своих народов и помогли фашистам ввергнуть мир в пучину жесточайшей войны. Невозможно объяснить и тем более оправдать игнорирование того очевидного факта, что фашизм угрожал всему человечеству, в том числе и странам Запада.

Что касается Советского Союза, то исторические факты говорят о том, что он в целом стоял на миролюбивых позициях. Как известно, XVIII съезд ВКП(б) в 1939 г. вновь подтвердил установку: соблюдать осторожность и не давать втянуть в военные конфликты нашу страну. Советское правительство не всегда последовательно и умело, но в целом настойчиво проводило политику, направленную на предотвращение войны. Объективно внешняя политика СССР отвечала жизненным интересам советского народа и других народов. Поэтому утверждения о равной ответственности за развязывание войны Гитлера и Сталина и тем более о виновности в этом СССР являются необоснованными и несостоятельными.

Умело отстаивал Сталин государственные интересы нашей страны и во время войны, в том числе в ходе Тегеранских, Ялтинских, Потсдамских переговоров. Оперативно откликался на просьбы союзников во время Арденнского сражения в 1945 г., когда Советская Армия на две недели раньше намеченного срока начала Висло-Одерскую наступательную операцию, твердо выдержал Сталин свои обязательства по вопросу вступления СССР в войну против Японии в 1945 г. и в ряде других случаев. В целом, Сталин внес большой политико-дипломатический вклад в дело достижения победы во Второй мировой войне и для мобилизации сил и средств своей страны и союзных государств для отпора фашизму.

Вторая главнейшая задача руководителя Советского государства состояла в том, чтобы создать экономические, индустриальные и технические основы для обороны страны.

Не нужно забывать, в какой неимоверной отсталости и разрухе оказалась Россия после Первой мировой и Гражданской войн. Сталин говорил, что мы отстали от передовых капиталистических стран на 100 лет. Или мы пробежим это расстояние за 10 лет, или нас сомнут.

Положение усугублялось тем, что фашистская Германия, разгромив в короткие сроки Францию, экспедиционный корпус Англии и другие Западно-Европейские страны, захватила значительную часть Европы, поставив на службу своим целям все ее экономические, людские и технические ресурсы. В распоряжении вермахта оказалась военная техника и материальные запасы 92 французских, 30 чехословацких, 22 бельгийских, 18 голландских, 12 английских, 6 норвежских дивизий; 92 немецкие дивизии были оснащены трофейной, преимущественно французской автомобильной техникой. Только во Франции было захвачено 3 тыс. самолетов и свыше 3,5 тыс. танков. Всего в 11 оккупированных странах было захвачено военной техники на 150 дивизий. Вся Западная и Восточная Европа с ее мощной экономикой и 350 миллионным населением работала на фашистскую Германию.

Все экономические ресурсы и внутренняя жизнь Германии были подчинены интересам ведения войны. Военное производство в Германии с 1934 г. по 1940 г. увеличилось в 22 раза;

58% национального дохода было обращено на военные нужды[8].

Война, которую готовил против Советской страны германский фашизм, была необычной. Речь шла не о завоевании или удержании отдельных спорных территорий или колоний, как это было в Первую мировую войну, а о полном уничтожении Советского государства, массовом истреблении народов СССР. Как говорил И. В. Сталин, речь шла о жизни и смерти нашей страны и ее народов.

Гитлер планировал лишить восточные народы «какой бы то ни было формы государственной организации и в соответствии с этим держать их на возможно более низком уровне культуры». «Наш руководящий принцип, — говорил он, — должен заключаться в том, что эти народы имеют только одно единственное оправдание для своего существования — быть полезными для нас в экономическом отношении»[9]. В последующем, уже с началом войны (в конце 1941 г.) гитлеровские планы порабощения и истребления «восточных народов» были конкретизированы в генеральном плане «Ост», разработанном главным управлением имперской безопасности. Генеральный план «Ост» предусматривал выселение около 31 млн человек с оккупированных территорий Польши и западной части Советского Союза (80–85% польского населения Западной Украины, 75% населения Белоруссии, значительную часть населения Литвы, Латвии, Эстонии) и размещение на этих землях 10 млн немцев, а в Прибалтику планировалось переселить датчан, норвежцев, голландцев и англичан.

При последующих уточнениях плана говорилось об уничтожении 46–56 млн человек. В целом план «Ост» предусматривал уничтожение в течение 25–30 лет 120–140 млн человек в Польше и в Советском Союзе. Остальную часть населения предполагалось онемечить путем проведения ряда специальных мероприятий. «Восточное министерство» уточняло, что по отношению к русскому народу «речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве. Дело заключается скорей всего в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их»[10].

Все это и предопределяло особо непримиримый и ожесточенный характер войны. В свете этого нетрудно понять всю безответственность и кощунственность утверждений о том, что победа фашизма не была бы чем-то роковым для СССР, поскольку фашизм освободил бы нас от сталинизма.

В свете всего этого, рассуждения Г. Х. Попова и других ультралибералов о том, что власовцы и другие предатели боролись против сталинского режима, разглагольствования украинских и прибалтийских националистов, бывших бендеровцев и эсэсовцев о том, что они сражались на стороне фашистов ради завоевания независимости для своих стран или «новую Россию» совершенно не состоятельны. Ибо, согласно упомянутым выше планам, Гитлер планировал создание германских протекторатов в Польше, Прибалтике, Украине и не предусматривал создание каких-либо самостоятельных государств — даже для России.

В соответствии с этим, в плане войны против Советского Союза (план «Барбаросса»), изложенном в директиве Верховного Главнокомандования Германии № 21 от 18 декабря 1940 г., указывалось: «Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии»[11].

План «Барбаросса» предусматривал: внезапный переход в наступление заранее отмобилизованными и развернутыми группировками крупных масс танков, пехоты, артиллерии и авиации, одновременное нанесение мощных и глубоких ударов на ленинградском, московском и киевском стратегических направлениях, с сосредоточением основных усилий на московском направлении.

К лету 1941 г. вооруженные силы Германии насчитывали 8,5 млн человек (в том числе 1,2 млн человек вольнонаемного состава) и по общей численности превосходили советские вооруженные силы в 1,6 раза. Сухопутные войска (5,2 млн человек) имели в своем составе 214 дивизий, в том числе 35 танковых и моторизованных, 5640 танков и штурмовых орудий, 77 тыс. орудий и минометов, 10 тыс. боевых самолетов, 217 боевых кораблей, в том числе 161 подводную лодку.

Для нападения на СССР фашистская Германия вместе со своими сателлитами сосредоточила группировку вооруженных сил, насчитывавшую 5,5 млн человек, около 4300 танков и штурмовых орудий, в том числе 2800 тяжелых и средних, 47,2 орудий и минометов, около 5 тыс. боевых самолетов и 190 боевых кораблей. К июню 1941 г. фашистское командование завершило стратегическое развертывание вооруженных сил вдоль границ Советского Союза, создав три группы армий.

Таким образом, Советскому Союзу необходимо было противостоять очень сильному и коварному противнику. При оценке степени подготовленности к войне СССР в последнее время получили распространение две версии. Одни авторы полагают, что Советский Союз к войне серьезно не готовился и не был готов к ней. Другие, наоборот, утверждают, что вся жизнь советского государства была подчинена только одной цели — подготовке к войне, но осуществлялась она плохо, бестолково, ошибки в оборонном строительстве и репрессии свели на нет достигнутое в этой области и поэтому не удалось по-настоящему подготовиться к войне.

Однако исторические факты свидетельствуют о том, что обе эти точки зрения страдают однобокостью и недостаточно объективно отвечают на главный вопрос: почему, в отличие от Англии и Франции в 1940 г., СССР удалось выстоять в 1941 году. Говорить о том, что Сталин преступно не подготовил страну к обороне просто не серьезно.

Правда состоит в том, что на протяжении всей своей истории Советское государство относилось к обороне страны с исключительной серьезностью и ответственностью как к одной из важнейших первоочередных задач. Советское государство проявляло постоянную заботу об укреплении обороны страны и боеспособности Вооруженных Сил. Вместе с тем задачи обороны не превращались в самоцель, не приобретали самодовлеющее значение.

После Гражданской войны интересы восстановления разрушенного народного хозяйства и строительства социализма потребовали сокращения Советской Армии и флота (с 5,5 млн до 0,5 млн человек). И в 30-е годы советские военные мероприятия были довольно сдержанными. Только в 1939 г. Красная Армия перешла на кадровую систему. Общая численность Советских Вооруженных Сил к этому времени составляла 1,9 млн человек. Все это время основные усилия государства направлялись на создание индустриальной, научно-технической и в целом экономической базы страны. Нельзя забывать о том, что некоторых важнейших отраслей промышленности вообще не было, в том числе танковой, авиационной, автомобильной, станкостроительной, приборостроительной. Их приходилось создавать заново, практически без всякой помощи извне. Особое значение придавалось обеспечению экономической самостоятельности страны, особенно в области военного производства.

Несмотря на большую отсталость страны и огромные трудности, благодаря героическим усилиям народа, прежде всего — рабочего класса и инженерно-технической интеллигенции — в короткий срок была в основном осуществлена индустриализация страны. К 1941 г. Советское государство сумело создать материально-техническую базу, обеспечившую массовое производство вооружения и военной техники в предвоенные годы и во время войны.

Валовая продукция промышленности СССР к 1941 г. по сравнению с 1913 г. увеличилась в 7,7 раза, производство средств производства — 13,4, машиностроения и металлообработки — в 30, энерговооруженность труда — в 5 раз. По выпуску валовой продукции машиностроения, добыче нефти и производству тракторов СССР занял первое место в Европе и третье место в мире; по добыче угля, производству цемента — третье место в Европе.

В 1940 г. в Советском Союзе было произведено 14,9 млн тонн чугуна (в 3,5 раза больше, чем в 1913 г.), 18,3 млн тонн стали (в 4,3 раза больше), 166 млн тонн каменного угля (в 5,7 раза больше), нефти 31,1 млн тонн (в 3 раза больше), производилось электроэнергии 48,6 млрд кВт/ч)[12].

Для повышения живучести экономики на случай войны особое значение придавалось ускоренному развитию промышленности в восточных районах. В 1940 г. удельный вес восточных районов в производстве важнейших видов продукции составил 25–30% общесоюзного производства. В конце 1937 г. был принят план научно-исследовательских и конструкторских работ, согласно которому главной задачей ставилось создание новых образцов и модернизация наиболее перспективных видов оружия; На ведущих оборонных предприятиях создавались конструкторские бюро и опытные цеха. Это позволило ускорить разработку новых образцов боевой техники, танков: Т-34 и КВ, самолетов Як-1, МиГ-3, ЛаГГ-3, Ил-2, Пе-2, 85-миллиметровых зенитных орудий и других новых видов оружия.

Что бы сегодня ни говорили, в предвоенные годы, в целом, был сделан огромный скачок в индустриальном развитии страны и укреплении ее мощи. Достаточно вспомнить, что в 1928 г. в Красной Армии было всего лишь 200 танков и бронемашин, 1000 самолетов устаревших конструкций, 350 грузовых машин, противотанковой и зенитной артиллерии вообще не было. Причем Сталин лично основательно вникал

в основные вопросы создания нового оружия и технического оснащения Красной Армии.

И все же, в целом, экономический и военный потенциал Германии, с учетом ресурсов оккупированных территорий значительной части Европы, существенно превосходил потенциал Советского Союза (по производству угля — в 2,5 раза, стали — в 1,5 раза, чугуна — в 1,3 раза). К тому же промышленность Германии была полностью переключена на военные нужды и осуществляла массовое производство оружия и техники новейшей модификации.

Это военно-экономическое неравенство Советского Союза усугубилось крайне неудачным началом войны, в чем большая вина Сталина и о чем еще будет идти речь. Достаточно сказать, что к ноябрю 1941 года наша страна потеряла на оккупированной противником территории 63% добываемого угля, 58% стали и 60% алюминия. Летом 1942 г. в результате отступления советских войск на юге потери в народном хозяйстве еще больше возросли. Несмотря ни на что, промышленность СССР 1942 года произвела 12 тыс. полевых орудий (калибра 75-мм и крупнее), 9,3 тыс. танков и 14,7 тыс. самолетов. И в последующем в ходе всей войны советская промышленность выпускала основных видов орудия больше, чем фашистская Германия, которая располагала значительно большими военно-экономическими ресурсами.

Но все это стало возможным благодаря тому, что экономические основы нашей победы были заложены еще до войны.

Такой же объективной оценки требуют и допущенные ошибки с перестройкой народного хозяйства накануне войны, которые не позволили в полной мере реализовать имевшиеся у СССР потенциальные возможности в начальный период войны.

Оборонная промышленность, транспортные, авиационные, автомобильные и другие предприятия не имели даже утвержденного правительством мобилизационного плана на 1941 год. Многие оборонные производственные задачи решались распорядительным порядком. Правительством и Наркоматом обороны не были в полной мере учтены нужды мобилизационного развертывания Вооруженных Сил, потребности оснащения оружием и военной техникой вновь формируемых соединений и частей.

Имевшиеся производственные возможности промышленности не были своевременно переключены для увеличения выпуска вооружения и военной техники. Задача перестройки промышленности на массовое производство военной продукции осложнялась тем, что в этот переломный период развития военной техники требовалось не просто увеличивать ее производство, а перейти на производство новых образцов вооружения, особенно бронетанковой и авиационной техники.

К концу 30-х годов значительная часть танкового парка оказалась устарелой. К 1939 г. были созданы лучшие к тому времени танки Т-34 и КВ. Но их производство только началось. В 1940 г. и первой половине 1941 г. промышленности удалось выпустить всего 636 танков КВ и 1225 Т-34. Примерно такое же положение было с авиационной техникой. Самолеты И-153 и И-16 устарели и значительно уступали немецким.

А серийное производство скоростных самолетов-истребителей Як-1, МиГ-3, ЛаГГ-3, бомбардировщиков Пе-2, штурмовика Ил-2 началось лишь в 1941 г. К началу войны из всей авиационной техники на новую приходилось только 17,3%.

Недостаточно производилось пушечной (преобладали гаубицы), противотанковой и зенитной артиллерии. Не удовлетворялись полностью нужды армии в боеприпасах, потребности в которых в ходе военных действий оказались значительно большими, чем предполагалось.

Все это особенно тяжело дало о себе знать в начале войны, когда многие войсковые склады в приграничной зоне в первые же дни военных действий были захвачены противником и планы отмобилизования армии сорваны.

С началом Второй мировой войны и особенно после поражения Франции в 1940 г. Советский Союз был вынужден принять меры и к увеличению численности своих Вооруженных Сил. За короткий срок (с 1939 г. до июня 1941 г.) численность Советских Вооруженных Сил была увеличена с 2 млн до 5 млн человек. (В Сухопутных войсках и войсках ПВО — свыше 4,5 млн, в ВВС — 476 тыс., в ВМФ — 344 тыс. человек). На их вооружении состояло 67 тыс. орудий и минометов, 1860 новых танков и свыше 2700 боевых самолетов новых типов. Кроме того, имелось большое количество танков и боевых самолетов устаревших типов и со значительно израсходованными моторесурсами.

В составе ВМФ имелось 276 боевых кораблей основных классов, в том числе 212 подводных лодок.

Численность войск западных военных округов, противостоящих гер- манской армии и ее сателлитам, составляла 2,9 млн человек. В их

составе имелось 170 дивизий (103 стрелковых, 40 танковых, 20 моторизованных; 47 кавалерийских), 37,5 орудий и минометов, 6 тыс. танков, из них 14 751 новых танков (КВ и Т-34), 7 тыс. самолетов (1540 новых типов). В составе трех флотов имелось 182 корабля (3 линкора, 7 крейсеров, 45 эсминцев, 127 подводных лодок)[13]. Всего этого было недостаточно и группировки войск на Западе требовали усиления.

В связи с этим в середине марта 1941 г. по настоянию Наркома обороны и начальника Генштаба Сталиным было принято решение о дополни- тельном призыве на учебные сборы 800 тыс. человек приписного состава из запаса с целью доукомплектования в первую очередь 98 стрелковых дивизий западных военных округов. Это пополнение прибыло в части лишь в мае-июне и не успело пройти боевую выучку.

В первой половине мая Сталин разрешил под видом подвижных лагерных сборов перебросить часть войск внутренних округов на Запад: с Урала в район Великих Лук — 22 армию, из Приволжского округа в район Гомеля — 21 армию, из Северо-Кавказского военного округа в район Белой Церкви — 19 армию, из Забайкальского округа на Украину (в район Шепетовки) — 16 армию (всего 28 дивизий).

Но в целом мы явно опаздывали с развертыванием Вооруженных Сил.

На Западе противник превосходил советские войска по личному составу в 1,8 раза, по тяжелым и средним танкам — в 1,5 раза, по боевым самолетам новых типов — в 3,2 раза, хотя всего самолетов и танков в Красной Армии было больше.

Необходимо учесть также, что до 40–50% нового пополнения личного состава и новой боевой техники находилось во вновь формируемых соединениях и частях, которые не были боеготовы и не могли принять участия в отражении наступления противника, то общее превосходство в силах и средствах оказалось трех-четырехкратным. Причем, пользуясь инициативой нападающей стороны, на избранных направлениях немецко-фашистские войска имели возможность создавать подавляющее превосходство в силах и средствах.

Но общее количество соединений и боевой техники не отражает в полной мере положение дел. Следует иметь в виду также и то, что немецкие дивизии были полностью укомплектованы по штатам военного времени (численность пехотных дивизий составляла 14–16 тыс. человек).

Советские дивизии и механизированные корпуса не были полностью укомплектованы. Например, стрелковые дивизии при штатной численности 14,5 тыс. человек фактически имели от 5–6 тыс. до 8–9 тыс. человек.

Накануне войны большое количество личного состава из соединений было передано в новые формирования, вследствие чего и те и другие оказались недоукомплектованными.

В годы советской власти была проведена большая работа по подготовке военных кадров. Для этой цели была развернута широкая сеть военных училищ и академий (200 военных училищ Красной Армии и ВМФ, 19 военных академий, 7 высших военно-морских училищ, 10 военных факультетов при гражданских вузах). Если в 1924–1927 гг. военно-учебными заведениями было выпущено 24 тыс. командиров и политработников, то в 1941 г. — более 300 тыс. человек и десятки тысяч командиров было выпущено в предыдущие годы. Эта работа была во многом обесценена вследствие упомянутых выше массовых чисток.

Всю систему управления Вооруженными Силами лихорадила чехарда с непрерывными перестановками руководящего состава в Центральном аппарате и военных округах. Так, за пять предвоенных лет сменилось четыре начальника Генштаба. За полтора года перед войной (1940–1941 гг.) пять раз (в среднем через каждые 3–4 месяца) сменились начальники управления ПВО, с 1936 по 1940 г. сменилось пять начальников разведывательного управления и др. Поэтому большинство должностных лиц не успевало освоить свои обязанности, связанные с выполнением большого круга сложных задач перед войной[14].

В целом у Советского руководства планы по коренному преобразованию и повышению боевой мощи Красной Армии и Военно-Морского Флота были рассчитаны на несколько лет. «Когда же все это будет нами сделано, — говорил И. В. Сталин. — Гитлер не посмеет напасть на Советский Союз»[15]. Но все это, к сожалению, не суждено было осуществить. Война застала нашу страну и ее вооруженные силы в стадии многих незавершенных дел по перевооружению, реорганизации и переподготовки армии и флота, создания обороны, государственных резервов и мобзапасов, перестройки промышленности. Многие потенциальные возможности не были рационально использованы. Положение усугубилось неправильной оценкой характера

начального периода войны и недооценкой стратегической обороны.

Как справился Сталин с обязанностями главы государства и Верховного Главнокомандующего накануне и в начале войны с точки зрения военно-стратегической?

Если исходить не из того, нравится кому-то Сталин или нет, а из того, что получилось объективно, на деле, то со всей определенностью можно сказать, что его деятельность в этот период и в данной области была наиболее неудачной и предопределила все многие другие просчеты и ошибки.

Его военно-стратегические взгляды, основанные, главным образом, на опыте Гражданской войны, были излишне политизированы и идеологизированы. Исходя из правильного в принципе утверждения, что военная стратегия подчинена политике и вытекает из политических целей, он, в конечном счете, превращал политику в самоцель. Но при этом, он не до конца учитывал, что политики в чистом виде не существует. Она жизненна тогда, когда в совокупности учитывает многие факторы, в том числе военно-стратегические соображения. Решив любой ценой оттянуть сроки начала войны, Сталин все подчинил этой цели и полагал, что, когда будет нужно, он приведет Армию в полную боевую готовность. Он просто не представлял себе в реальном виде, что стратегическое развертывание Вооруженных Сил — такой сложнейший и внутренне взаимосвязанный процесс, когда, например, бессмысленно наращивать силы в глубине, оставляя части первого эшелона небоеготовыми. С точки зрения поддержания должной боевой готовности войск (сил) не в полной мере выполнили свои обязанности нарком обороны и Генштаб.

В теории, конечно, понималось, но на практике было предано забвению то элементарное положение, что война — явление двустороннее. Непонимание и нежелание Сталина считаться с этой простой истиной было доведено до абсурда. Он часто упускал из виду, что при остром политическом и военном противоборстве сторон недопустимо исходить только из собственных желаний и побуждений, не учитывая того, какие цели преследует и что может предпринять другая сторона. Его особенно подводила доходившая до абсурда предвзятая однозначность оценки военно-политической обстановки, не допускавшая какой-либо альтернативности ее развития. Если, скажем, он задумал отодвинуть сроки начала войны на несколько лет, то значит и Гитлер до этого не может предпринять нападение. Поскольку, по его расчетам, военная мощь Франции в 1940 г. позволяла ей противостоять Германии сравнительно длительное время, то это уже гарантирует отсрочку агрессии против СССР.

Если, по мнению Сталина, Германии было целесообразнее вначале закончить войну против Англии, а затем уже напасть на СССР, то так обязательно и должно было случиться. И так во всех делах. Как ни странно, но почему-то не возникал вопрос, что делать, если противостоящая сторона будет действовать вопреки этим расчетам и предположениям, если события будут развиваться в ином направлении. В намеченную им схему мышления реальная жизнь уже не всегда укладывалась. 13 июня нарком обороны предлагает Сталину привести войска в боевую готовность, а он рекомендует С. К. Тимошенко читать на следующий день сообщение ТАСС о том, что Гитлер не собирается нападать. Уверовав в свою непогрешимость и привыкнув к тому, что внутри страны все ему повинуется, Сталин, видимо, внушил себе, что так должно происходить и во всех других сферах.

Многие упущения 1941 г. объясняются совершенно неоправданной, неимоверной централизацией руководства всех сторон жизни и деятельности государства, обороны страны, строительства и подготовки Вооруженных Сил. В принципе, такая централизация накануне и в ходе войны была нужна, особенно накануне войны. Больше того, авторитет государственной власти в народе, жесткая требовательность и воля Сталина, партийная, государственная дисциплина и исполнительность сыграли во время войны большую роль в организации перестройки всей страны на военный лад, мобилизации усилий всего народа для отпора врагу.

Но установленная Сталиным чрезмерная централизация руководства и управления, переходящая все разумные пределы, всеобщая подозрительность и недоверие к людям, их придавленность и запуганность чрезвычайно сузили общий фронт работы, лишали систему управления тех живых соков творчества и инициативы, без которых она может функционировать только строго по вертикали сверху вниз, в пределах установленных рамок, будучи не способной охватывать все сложности реальной действительности и реагировать на ее изменения. Такая система управления не могла быть эффективной

и тормозила работу по подготовке страны и Вооруженных Сил к отражению агрессии.

Один человек, будь он даже самым выдающимся, был не в состоянии охватить все аспекты политических, экономических, дипломатических, идеологических, военных и других проблем, которые надо было глубоко анализировать и решать в очень сложной и противоречивой обстановке предвоенных лет и в ходе войны. Несмотря на огромную работоспособность, Сталин не только не мог объять все эти вопросы, но к тому же монополизировал право на их личное решение и сковывал самостоятельность мышления и действий подчиненных. Другие руководители и органы управления во всех звеньях должны были по всем вопросам ждать указаний и заниматься только их механическим исполнением.

Как писал Г. К. Жуков: «…у меня была огромная вера в Сталина, в его политический ум, его дальновидность и способность находить выходы из самых трудных положений. В данном случае — в его способность уклониться от войны, отодвинуть ее. Тревога грызла душу. Но вера в Сталина и в то, что в конце концов все выйдет именно так, как он предполагает, была сильнее»[16].

Многие предложения Госплана, Наркомата обороны подолгу не рассматривались и решение назревших вопросов многократно откладывалось. В результате до начала войны не были приняты решения по переводу промышленности на военное положение и форсированию производства новых видов оружия. Не были утверждены и введены в действие новые оперативные и мобилизационные планы взамен устаревших и не соответствовавшим новым условиям. Все это привело к катастрофе 1941 года.

В военно-исторической литературе и в воспоминаниях участников Великой Отечественной войны называется много различных причин наших неудач и поражений в начале войны.

Все эти обстоятельства и причины сыграли свою негативную роль, но они не были главными, решающими. Например, не столь важную роль, как изображается, сыграла ошибка с определением главного удара противника, ибо на юге, где мы имели основные силы, а немцы меньшую часть сил, наши войска также потерпели поражение. Следовательно, дело не только в этом.

Главная причина неудач была в том, что войска приграничных округов не были заблаговременно приведены в боевую готовность и до начала нападения противника не заняли предназначенных оборонительных рубежей, позиций. Они оказались, по существу, на положении мирного времени и не смогли своевременно изготовиться к отражению агрессии. Это обстоятельство и породило многие просчеты, и предопределило наши неудачи.

Но для постижения правды истории очень важно не только вскрыть упущения, назвать причины неудач или объявить кто в этом виноват, но и постараться понять, объективно разобраться: почему и под влиянием каких условий и факторов все это произошло. Только тогда можно сделать обоснованные выводы и извлечь из них должные уроки для наших дней.

А если внимательно взглянуть на события, происходившие накануне войны, не растворяясь в частностях, то глубинные истоки самих причин наших неудач коренятся и упираются в один главный вопрос — в раскрытие подлинного замысла Гитлера и, прежде всего сроков его возможного нападения на СССР.

После войны очень много написано о том, что разведка своевременно вскрыла и точно докладывала о планах гитлеровского командования и сроках возможного нападения фашистской Германии на СССР. И действительно, наши разведчики много сделали для раскрытия приготовлений противника.

Международный фонд «Демократия» издал сборник важнейших документов за 1941 год. В предисловии к первому тому сказано, что никакой внезапности не было, Сталин имел точные данные о готовящемся нападении, но преступно ими пренебрег. Но для тех, кто все же хочет по-настоящему разобраться в прошлых событиях и дойти до истины, такого объяснения недостаточно. Все равно остается вопрос: почему так поступил Сталин? Ведь, несмотря на все свои ошибки, он не был врагом своей страны, не хотел ее поражения, что подтверждается последующей его деятельностью в ходе всей войны.

Это говорится не для оправдания Сталина. Оправдать все это невозможно. Просто обстановка накануне войны была значительно сложнее, чем это иногда изображается, шли разведданные и документы не только о возможном нападении, но и о том, что это провокационные слухи, дезинформационные сведения. Но о таких документах в упомянутом сборнике фонда «Демократия», как и в ряде других книг (например, «Военные загадки третьего рейха». С. 280–290) не упоминается, как будто их не

было. Однобокий подбор только угодных фактов искажает историю.

Посол СССР в Лондоне Майский буквально накануне войны сообщал в Москву подробные сведения о военных приготовлениях Германии и в конце донесения делал вывод, что Гитлер сможет напасть на СССР только после того, как покончит с Англией. Начальник ГРУ Голиков и нарком ВД Берия представляли Сталину доклады о развертывании германских вооруженных сил у наших границ и завершали их выводами о дезинформационном характере этих сведений. Назывались сроки гитлеровского нападения 15 апреля, 1, 15, 20 мая, 15 июня. Сроки проходили, а нападения не было. Много поступало и другой дезинформации.

О том, с какой степенью достоверности наша разведка предвидела назревание войны можно судить по воспоминаниям одного из высших руководителей внешней разведки П. А. Судоплатова. «Меня одолевали, — пишет он, — тревожные мысли, но мне и в голову не могло прийти, какая беда вскоре обрушится на всех нас. Конечно, я чувствовал угрозу военной провокации или конфликта, но не в состоянии был представить его масштабы…». В три часа ночи, продолжает он, всех начальников управлений и отделов вызвал Меркулов и официально объявил, что началась война: немецкие войска перешли нашу границу. Он тут же приказал, чтобы весь аппарат был вызван на работу по сигналу тревоги[17].

Видите ли, все «предвидели», «все знали» и с началом войны пришлось собираться по тревоге. Кстати, когда после войны маршалу М. В. Захарову представили на утверждение план подъема Генштаба по тревоге, он начертал резолюцию: «Если Генштаб придется собирать по тревоге, то лучше его заранее разогнать».

Но сегодня иногда судят об этих противоречивых явлениях чрезмерно упрощенно и в отрыве от того, что происходило в действительности. Это относится и к существовавшей в то время версии о том, что Гитлер не будет воевать на два фронта и поэтому не нападет на СССР, пока не разделается с Англией. Но это была, по существу, подмена реальной действительности отвлеченными, схематичными положениями, порожденными историческими стереотипами. Фактически в 1941 году никаких двух фронтов для Германии не было. После быстрого поражения англо-французских войск в 1940 году, чего Сталин никак не ожидал, Англия, находясь за Ла-Маншем, серьезной угрозы для Гитлера на континенте не представляла. Осуществлялась дезинформация грандиозных масштабов.

Геббельс в своем дневнике 25 мая 1941 г. записал: «В отношении России нам удалось организовать великолепную дезинформацию. Из-за сплошных „уток“ за границей уже больше не знают, что ложно, а что верно…» И далее он же 18 июня — «Маскировка наших планов против России достигла наивысшей точки. Мы настолько погрузили мир в омут слухов, что сами в них не разбираемся. Новейший трюк: мы намечаем созыв большой конференции по проблемам мира с участием России»[18].

К сожалению, в 1941 г. Сталин и Генштаб не разобрались до конца с сутью этих дезинформационных мероприятий противника.

Сталин внушал себе и своим подчиненным, что нападение может быть только после падения Англии; он полагал, что войну можно будет оттянуть до 1942 года, и все свои решения и действия подчинил этому соображению. Будучи уверенным, что все так и будет, поручил сделать сообщение ТАСС от 14 июня 1941 года о том, что пакт о ненападении Германией будет соблюдаться. Потому, когда 22 июня 1941 года нападение свершилось, для Сталина и всех других это оказалось неожиданным, внезапным. Однако, объективно, внезапности не должно было быть, ибо имелись данные и возможности, чтобы ее не было. Но она, к сожалению, случилась. Как теперь объясняют, упомянутое выше сообщение ТАСС было сделано с целью военно-политического зондажа, но в таком случае следовало предупредить об этом командующих округами и флотами специальным распоряжением.

Советское политическое руководство, Наркомат обороны и Генштаб не смогли адекватно оценить сложившуюся обстановку и не приняли своевременных мер для приведения Вооруженных Сил в полную боевую готовность и исключения внезапности. Это была роковая ошибка. Этим все объясняется, отсюда проистекают все другие просчеты.

Когда в исторических трудах справедливо отмечают, например, что соединения и части не были доукомплектованы личным составом и техникой до штатов военного времени, новые образцы танков и самолетов распылены, а не направлены для сформирования хотя бы нескольких боеспособных соединений, полевая и зенитная артиллерия оторвана от своих дивизий и отправлена на полигоны и о многих других подобных упущениях, то при отвлеченном

подходе к этим вопросам, в отрыве от конкретных условий, в которых подобные решения принимались, все это выглядит как сплошная, ничем не объяснимая глупость, безответственность и головотяпство.

Но ведь сознательно, специально заведомо глупых решений никто не искал. Все, как это нередко бывает и сегодня, хотели сделать как лучше.

Стремясь оттянуть начало войны и не спровоцировать ее, не предпринимали мобилизацию, поэтому остались не укомплектованными соединения. Раздали по 10–15 новых танков и самолетов вновь формируемым танковым и авиационным дивизиям, чтобы они хоть как-то могли начинать осваивать новую технику. И артиллерию вывели на полигоны, потому что сформировали много новых артиллерийских частей, а с приходом в Западную Белоруссию и Западную Украину они еще ни разу не стреляли. И многое другое делалось исходя из того, что время еще есть и для подготовки войск, и для возвращения артиллерии с полигонов и т. д.

Но времени, на которое рассчитывали, как раз и не оказалось. Ибо Гитлер тоже, при всей авантюристичности своей политики, понимал, что время работает против него и нужно нападать в середине 1941 года, так как потом будет уже поздно.

Часто говорят: где ответственность наркома, Генштаба, командующих войсками военных округов, командиров и штабов других звеньев? Эту ответственность с них снять нельзя. Сам Г. К. Жуков весьма остро говорил о своей ответственности. Но если вы хотите до конца понять, почему они так действовали, не надо забывать и о той обстановке, в которой им приходилось работать. Георгий Константинович пишет, что его постоянно мучила и сверлила мысль: не зашли ли мы слишком далеко с политикой предотвращения войны любой ценой, не будет ли упущено время для приведения Вооруженных Сил в боевую готовность? Но каждый раз, вспоминал он, успокаивал себя тем, что, видимо, Сталин, политическое руководство располагают такими данными, особыми, непостижимыми для него соображениями, которые ему до поры до времени не положено знать. Но, очевидно, в делах безопасности государства не может быть таких соображений, в которые не был бы посвящен министр обороны и начальник Генштаба.

Справедливости ради, надо сказать, что накануне войны, особенно в мае-июне 1941 года, нарком обороны и начальник Генштаба неоднократно выходили с предложениями о приведении войск в боевую готовность, но все их предложения отвергались.

Попытки командующих войсками военных округов что-либо сделать по своим решениям жестко пресекались. Генерал-полковник М. П. Кирпонос просил разрешения хотя бы предупредительным огнем препятствовать действиям фашистских самолетов. Ему ответили: «Вы что, хотите спровоцировать войну?»[19].

Командир 125-й стрелковой дивизии генерал Богайчук 18 июня доложил командующему Прибалтийским военным округом, что противник изготовился к нападению и может упредить наши войска в занятии укрепленных позиций. Он просил дать указание, как этого не допустить, или дать ему право самому принять неотложные меры. Комдив получил ответ: «Больше выдержки. Силы и средства у вас есть. Крепко управлять. Не нервничать… (Кузнецов)»[20]. Командир артиллерийского полка 10-й армии 17 июня 1941 года на партсобрании сказал: «Может быть, это наше последнее собрание в мирных условиях». Его обвинили в панических настроениях и арестовали.

Не способствуют прояснению истины и бытующие в исторической литературе стереотипы. Например, говорят, что в Одесском военном округе по инициативе начальника штаба М. В. Захарова авиацию своевременно рассредоточили, войска привели в боевую готовность и поэтому больших потерь не было.

Так, Б. Соловьев и В. Суходеев в своей, в ряде моментов довольно аргументированной книге о Сталине пишут, что советские войска «кроме флота и соединений Одесского военного округа (подчеркнуто мною. — *М. Г.*) не успели занять оборонительные позиции, сменить аэродромы, поднять самолеты в воздух, осуществить другие необходимые в той обстановке мероприятия»[21]. Это типичный пример, когда суждения строятся на основе однажды запущенных стереотипов, мифов, согласно заранее заданной схеме, а не анализа конкретных условий обстановки.

Конечно, инициатива, проявленная в ОДВО или ВМФ, должна служить примером. Но в полосе Южного фронта не было таких массированных ударов, как в полосе Западного или Юго-Западного фронтов, и противник на этом направлении перешел в наступление через несколько дней после начала войны. Если бы даже не были приняты указанные выше меры, результат был бы тот же.

Или, как мог Главком ВМФ Н. Г. Кузнецов привести флоты «в полную боевую готовность», как об этом пишут? Для этого нужно провести мобилизацию. Но ее невозможно осуществить без решения политического руководства, Генштаба, наконец, без военных комиссариатов, которых отдельно для ВМФ не существовало.

Поэтому сегодняшние рассуждения некоторых историков о том, что надо было на всех уровнях проявлять инициативу, в принципе, верны, но не учитывают реально существовавшую в то время атмосферу.

Иногда называют главной причиной неудач в 1941 г. репрессии и истребление лучшей части командиров в 1937–1938 гг. Конечно, они нанесли огромный ущерб РККА. Но если бы вместо Жукова был Тухачевский, а вместо Павлова — Уборевич, мало что изменилось бы. Ибо заранее подготовившийся для нападения противник обрушил удар огромной силы по войскам, которые не изготовились для отражения этого удара. И предотвратить его можно было только на политическом уровне.

Реально в 1941 году военно-политическое руководство лишь к исходу 21 июня приняло решение, направленное на приведение пяти приграничных военных округов в боевую готовность. Но И. В. Сталин все еще надеялся, что нападения не будет. Директива, по существу, не давала разрешения на ввод в действие плана прикрытия в полном объеме. В ней предписывалось «не поддаваться ни на какие провокационные действия». В пункте «а» директивы от 21 июня 1941 года сказано: «В течение ночи 22 июня 1941 года скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе». А что делать полевым и всем другим войскам, производить или нет оперативное развертывание — об этом ничего не было сказано.

Если бы, как планировалось, в округа был направлен заранее установленный сигнал: «Приступить к выполнению плана прикрытия 1941 г.» или, как сделал нарком ВМФ перейти на оперативную готовность № 1, то на оповещение войск ушло бы 25–30 мин. Но поскольку в округа была направлена директива, которая ограничивала приведение в действие оперативных планов (следовательно, во всех инстанциях ее нужно было расшифровывать и снова зашифровывать), то на оповещение и постановку задач ушло 3–5 часов, а многие соединения никаких распоряжений вообще не получали, и сигналом боевой тревоги для них стали разрывы вражеских бомб и снарядов.

Командующие и штабы фронтов, поняв, что ограничения на ввод в действие оперативных планов сковывают действия войск, начали по своей инициативе отдавать распоряжения о вскрытии оперативных пакетов. К. К. Рокоссовский пишет, что такое распоряжение (от штаба 5-й армии Юго-Западного фронта) он получил около 4 часов утра. А военный совет Западного фронта только в 5 час. 25 мин. направил армиям директиву: «Ввиду обозначившихся со стороны немцев массовых военных действий приказываю: поднять войска и действовать по-боевому».

При том способе передачи распоряжений, который избрал Генштаб в ночь на 22 июня, даже командующие и штабы военных округов и армий не могли понять, что им нужно делать и как действовать.

Действительно, более организованно проходило доведение сигналов в ВМФ. Нарком Н. Г. Кузнецов в 23 час.50 мин. 21 июня 1941 года отдал распоряжение: «Немедленно перейти на оперативную готовность № 1». Конечно, не тайно и не вопреки Сталину. А распоряжение по оперативному развертыванию сил флотов было отдано на следующий день, с началом войны.

В результате всех этих упущений и ошибок войска оказались на положении мирного времени — в пунктах постоянной дислокации, в военных городках, лагерях; чолевая и зенитная артиллерия — на полигонах. За двое–трое суток до начала войны подтягивались ближе к госграницe вторые эшелоны (например, 12 мк ПрибВО, 14 мк ЗапВО, два мехкорпуса КОВО). Но большинство соединений первого эшелона только уже в ходе боевых действий и под массированными ударами авиации и артиллерии противника начало выдвигаться к госграницe навстречу наступающим танковым группировкам врага, не успев занять назначенные рубежи в приграничной зоне. Из 57 дивизий, предназначенных для прикрытия границы, только 14 расчетных дивизий, или 25 процентов выделенных сил и средств, успели занять назначенные районы обороны, и то в основном на флангах советско-германского фронта.

Построение обороны было рассчитано лишь на прикрытие границы, а не на ведение оборонительной операции с целью отражения наступления превосходящих сил противника.

Занятие обороны дивизиями первого эшелона предусматривалось только вдоль госграницы; вариант занятия обороны, в глубине не рассматривался, хотя было ясно, что в случае

внезапного нападения противника стрелковые дивизии не смогут успеть выйти к позициям у госграницы. В таком положении оказалась, например, 75-я стрелковая дивизия, которая, имея в основном стрелковое оружие, совершая марш-бросок к госграницe в растянутых колоннах, столкнулась с развернутым в боевой порядок танковым соединением противника.

Конечно, в смысле разумного исполнения отданных распоряжений, многое зависело от самих командующих и командиров на местах. Например, некоторые люди до сих пор удивляются, как могли немцы уже через неделю ворваться в Минск. Давайте посмотрим, в каком положении находились, например, войска 4-й армии Западного фронта. Кстати, их располагал бывший командующий 4-й армией В. И. Чуйков. Во-первых, из-за нехватки казарменного фонда личный состав был расположен крайне скученно. Например, в Бресте и Брестской крепости в нескольких километрах от госграницы дислоцировались две стрелковые, одна танковая дивизии и еще 15 различных соединений и частей, вплоть до окружного госпиталя. Причем танковая дивизия 14-го механизированного корпуса с объявлением тревоги должна была уходить в тыл, в район Кобрина, чтобы изготовиться для контрудара в составе корпуса. Стрелковые дивизии имели задачу выдвигаться на оборонительные рубежи вдоль границы севернее и южнее Бреста.

Командующий 2-й танковой группой генерал Гудериан, в течение 20 и 21 июня изучавший в бинокль советскую территорию, писал в своих воспоминаниях: «тщательное наблюдение за русскими убеждало меня в том, что они ничего не подозревают о наших намерениях. Во дворе крепости Бреста, который просматривался с наших наблюдательных пунктов, под звуки оркестра они проводили развод караулов. Береговые укрепления Западного Буга не были заняты русскими войсками… Перспективы сохранения момента внезапности были настолько велики, что возник вопрос: стоит ли при таких обстоятельствах проводить артиллерийскую подготовку в течение часа, как это предусматривалось приказом»[22].

В соответствии с планом оперативного развертывания, некоторые дивизии Западного и Киевского Особых военных округов должны были занимать оборону не на тех направлениях, где они были расположены, а со смещением к северу от 30 до 60 и более километров, т. е. совершать перегруппировку вдоль фронта в непосредственной близости от госграницы.

В результате некоторые участки на направлениях главных ударов противника оказались оголенными.

Кстати, автору не раз приходилось бывать на военно-исторических конференциях в Генштабе, штабах округов, флотов, военных академиях. Всюду обычно молодые офицеры нещадно критикуют за эти ошибки Сталина или Тимошенко, Жукова, командующих войсками округов, поскольку они, конечно, должны были более детально вникать в оперативные планы. Но мало кто почему-то вспоминает о разведчиках, операторах или артиллеристах — офицерах Генштаба, штабов объединений, которые непосредственно исполняли планы, наносили расположения соединений на картах с теми непростительными огрехами, о которых упоминалось выше. Это было бы поучительно и дало возможность понять, что к бедам 1941 г. многие из нас имеют отношение.

В полосе Западного фронта 2-й и 3-й немецким танковым группам противостояли только по одной стрелковой дивизии. Противник имел 5–6 кратное превосходство в силах и средствах. Не отвечали интересам ведения оборонительных операций в начале войны базирование авиации и расположение складов с материальными запасами. Аэродромы строились в непосредственной близости от границы, базирование на имевшихся аэродромах было крайне скученным. В результате советская авиация и материальные запасы в первые дни войны оказались под ударом противника.

Всего этого командующие на местах могли не допустить. Но ведь кое-что навязывалось сверху с той целью, чтобы показать немцам, что мы не собираемся нападать. Судя по всему «сверху», по линии политорганов были даны негласные указания продемонстрировать, что командный состав спокойно отдыхает и ничего не собирается предпринимать.

Обычно в исторической литературе больше всего возмущений по поводу того, что командующий Западным военным округом генерал Павлов вечером 21 июня находился в Доме офицеров, на концерте. Но и командующий Черноморским флотом адмирал Октябрьский пишет в своих воспоминаниях, что вечером 21 июня с семьей находился на концерте.

Вечером 21 июня командиры частей и соединений 4-й армии были вызваны из крепости в город Брест на партсобрание и прослушивание концерта. Части, расположенные в крепо-

сти, с началом войны попали под ожесточенный огонь артиллерии и стрелкового оружия. Практически в большинстве своем они не смогли организованно выйти из крепости в предназначенный районы и оборонительные позиции. Многие командиры, уехавшие в город Брест, не смогли вернуться в свои части и соединения.

К. К. Рокоссовский (командир механизированного корпуса) пишет в своих воспоминаниях: «…с утра 22 июня 1941 г. собирался вместе с командирами выехать на рыбалку»[23]. Примерно то же самое происходило в других гарнизонах. Это ведь не просто безответственность (Рокоссовского в этом не обвинишь) или случайность. По существу, исходя из главной установки — «не спровоцировать войну» — все это было соответствующим образом организовано.

Некоторые историки, журналисты до сих пор продолжают утверждать, что никакой внезапности нападения не было. Но фактор внезапности не есть нечто абстрактное, он возникает и дает о себе знать в зависимости от того, как люди и прежде всего руководство воспринимают данные об обстановке и назревающую угрозу. Уже говорилось, в каком виде поступали доклады Сталину и как он их воспринимал. Так, Берия, докладывая сообщения разведки, в одном из которых прямо говорилось: «Германия нападет на СССР 22 июня после 3 часов утра»[24], подчеркивал, что считает эти сведения дезинформацией. Если бы Сталин верил этим сведениям, то около часа ночи 22 июня, за несколько часов до начала войны, не уехал бы к себе на дачу. Даже когда нападение фашистской Германии уже началось, Сталин еще сомневался в случившемся. С 3:30 22 июня авиация противника уже бомбила наши города, а собранное в 5:45 по указанию Сталина Политбюро в течение еще трех часов выясняло, война это или не война. Сталин еще спрашивал: «Не провокация ли это немецких генералов?»

Тимошенко отвечает: «немцы бомбят наши города на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. Какая же эта провокация?» Сталин стоит на своем: «если нужно организовать провокацию, то немецкие генералы бомбят и свои города…». И, подумав немного, продолжал: «Гитлер наверняка не знает об этом».

В это время поступает доклад из Генштаба о том, что немецкие войска после артподготовки перешли наши границы. Тимошенко и Жуков докладывают об этом Сталину и предлагают немедленно организовать ответные удары наших войск. Сталин отвечает: «подождем возвращения Молотова». (Последний принимал германского посла, прибывшего с нотой об объявлении войны СССР). После официального объявления Германией войны Сталин дает согласие на ответные действия наших войск, но строго предупреждает, чтобы они нигде не смели переходить госграницу. Сталин и после всего этого продолжал еще на что-то надеяться. Поскольку он рассчитывал на совсем другое развитие событий, все, что случилось вопреки его расчетам, было неожиданным для него и для военного командования, для которого установки главы государства обязательны.

В свете всего этого очевидна и несостоятельность утверждений, будто Сталин готовил упреждающий удар. Вдумайтесь только: готовить упреждающий удар и с началом войны отдавать войскам приказ не переходить госграницу. Не до этого было Сталину в то время.

В 70-е годы группа историков (в т. ч. В. Вокулов) обратилась к А. М. Василевскому с вопросами, была ли в действительности внезапность нападения в 1941 году, или как говорили некоторые из них, «Сталин придумал миф о внезапности для оправдания своих просчетов». Не имея возможности ответить всем, кто ему прислал письма, Александр Михайлович прислал в Военно-научное управление Генштаба записку с оценками событий накануне и в начале войны. В частности, по вопросу внезапности он писал: «Главное в том, что мы не смогли определить точно нападения врага, привести в полную боевую готовность войска приграничных военных округов. Получилось так, что хотя мы и знали, что гитлеровцы готовятся напасть на нашу Родину, но поскольку просчитались с определением его сроков, война для нас стала неожиданной…». Так что содержание внезапности нападения составляет не наше незнание о приготовлениях фашистской Германии к войне, угрозы войны, а просчет в определении времени нападения и неготовность советских войск встретить врага отмобилизованными, на заранее подготовленных рубежах в полной боевой готовности.

Если не считать тех авторов, кто заведомо запутывает этот и без того непростой вопрос, то непонимание причин случившейся неожиданности фашистского нападения в 1941 г. в большинстве своем связано с примитивным и схематичным мышлением, с восприятием фактора внезапности отвлеченно, без учета того, как сложившуюся обстановку воспринимали

должностные лица того времени, наделенные правами принимать соответствующие решения. В реальности, начиная от Сталина и кончая командирами частей, они исходили или (последние) были обязаны исходить из того, что войны в ближайшее время не будет. Если это было бы не так, то даже самый безответственный командир или политработник (как это было, например, в 4-й армии) не затеял бы вечером 21 июня партактив в Бресте с отрывом всех командиров от своих частей и соединений или не стал бы отправлять артиллерию и зенитные части на полигоны.

А то, что кому-то из современных историков или писателей, исходящих из знания того, что уже произошло и что сегодня досконально известно об обстановке и решениях обеих сторон, представляется, что внезапности нападения в 1941 г. не было, то никаких исторических оснований для этого нет. Подобные версии свидетельствуют лишь о том, что не все люди способны мысленно поставить себя в условия того времени и адекватно их оценить. Еще раз можно повторить: да, были возможности, чтобы внезапности не допустить. Но роковые ошибки в оценке обстановки и прежде всего со стороны Сталина позволили ей разразиться. Это свершившийся исторический факт и отменить его невозможно.

Таким образом, в самой организаций развертывания и оперативном построении войск закладывались предпосылки к поражению. В результате в первые же часы и дни войска понесли большие потери и не смогли оказать достаточно организованного сопротивления. В ходе приграничных сражений потерпели полное поражение 28 дивизий, 72 дивизии потеряли от 50% и более личного состава и боевой техники. Противнику уже в первые двое суток удалось продвинуться на глубину 100–150 км.

В тяжелом положении оказались советские ВВС. Авиация потеряла большинство самолетов на аэродромах. Например, авиация Западного фронта за первый день войны потеряла 738 самолетов из имевшихся 1780. Всего советская авиация в первый день войны потеряла 1200 самолетов. Противник тоже потерял несколько сот самолетов. Но внезапный удар позволил германской авиации в самом начале войны завоевать господство в воздухе.

Главное командование Советских Вооруженных Сил, Генеральный штаб, не получая достоверных данных об обстановке и не зная подлинного положения дел на фронте, отдавали войскам нереальные распоряжения, не соответствующие сложившейся обстановку.

В условиях, когда устойчивость стратегической обороны была нарушена и образовались опасные прорывы крупных группировок противника на большую глубину, наиболее целесообразным было заблаговременно готовить оборону на рубеже рек Западная Двина и Днепр, отводя войска и подтягивая на этот рубеж резервы. Но такие решения своевременно не были приняты.

Советское командование, стремясь любой ценой удержать каждый рубеж и не допустить отхода, ставило войска в еще более тяжелое положение, что вынуждало их к дальнейшему отступлению.

Некоторые эшелоны с пополнением, команды отмобилизованных военнослужащих не смогли прибыть к местам назначения и попадали в расположение противника.

Быстрое продвижение фашистских группировок и выход их на фланги и коммуникации советских войск, непрерывные удары вражеской авиации, действия в тылу многочисленных диверсионных групп и гитлеровской агентуры оказывали на многих военнослужащих ошеломляющее воздействие. Война фашистской Германии против нашей страны с самого начала носила крайне жестокий характер, особенно по отношению к мирному населению. Ставка делалась на то, чтобы устрашить, сломить волю к сопротивлению.

В этих условиях особенно важно было, чтобы Ставка ВГК, лично Сталин проявили выдержку и самообладание. И это в целом удавалось. Но все же не всегда в острой обстановке находились верные оперативно-стратегические решения, политическая, идеологическая зашоренность еще давала о себе знать.

В июле месяце Генеральный штаб пришел к обоснованному выводу, что фашистское командование, скорее всего не будет продолжать наступление на Московском направлении, так как группа германских армий «Центр», продвинувшись вперед, оголила свои фланги. Особо опасное положение для них складывалось со стороны нашего Центрального фронта. Поэтому становилось очевидным, что противник может направить основные усилия для разгрома войск этого фронта. Начальник Генерального штаба Г. К. Жуков докладывал Сталину, что, если это произойдет, то германские войска получат возможность выйти во фланг и тыл нашему Юго-

Западному фронту и предлагал отвести войска за р. Днепр. Сталин не только не согласился с такой оценкой обстановки (как же можно оставлять Киев?!), но за излишнюю настойчивость отстранил Г. Жукова от должности начальника Генштаба.

Но опасения Генштаба подтвердились. В середине сентября германские войска прорвались в тыл Киевской группировки наших войск и окружили до четырех армий Юго-Западного фронта. Из этого окружения смогла выйти только часть наших войск. Немало было и других подобных случаев, когда советские войска терпели тяжелые поражения и несли большие потери исключительно из-за того, что не своевременно принимались нужные оперативно-стратегические решения. За первые пять месяцев войны немецко-фашистские войска вторглись на территорию СССР на глубину от 800 до 1200 км, вышли на подступы к Москве, блокировали Ленинград, захватили большую часть Донбасса и Крыма. Противник оккупировал территорию до 1,5 млн квадратных километров, где до войны проживало около 75 млн человек.

Как уже отмечалось, постепенно сама сложившаяся обстановка вынудила советское Главнокомандование осознать необходимость полного пересмотра прежнего плана ведения войны и перехода к стратегической обороне. Однако заранее спланированных стратегических оборонительных операций не было. Они складывались в ходе вынужденных боевых действий на основе решений и распоряжений, которые принимались и отдавались под давлением складывающейся неблагоприятной обстановки. Это уже после войны некоторыми историками была придумана версия о заранее задуманном планомерном отступлении с переходом в победоносное контрнаступление.

Таким образом, заблаговременное развертывание противником многократно превосходящих сил на решающих направлениях и крайне невыгодные условия, в которые были поставлены советские войска, потеря управления в ряде звеньев привели с самого начала военных действий к образованию огромных брешей в обороне, окружению и отсечению от основных сил многих соединений и частей. Потери советских войск за 1941 год убитыми, пленными и без вести пропавшими составили свыше 3 млн человек.

Вместе с тем, несмотря на глубокое продвижение и захват обширных территорий, противнику не удалось полностью разгромить советские войска и лишить их способности к сопротивлению. Их наступление удалось остановить. Немецко-фашистские войска понесли серьезные потери.

К моменту окончания Московской битвы только сухопутные войска Германии потеряли более 1,5 млн человек, что почти в пять раз превышало все потери, понесенные ими в Польше, Северо-западной и Западной Европе и на Балканах в 1939–1941 гг. К тому же немцы лишились основной массы танков и самолетов.

С конца 1941 года фашистской Германии предстояло, по существу, начинать совершенно иную, новую фазу войны, которую ее руководство не предусматривало.

Красная Армия и Военно-Морской Флот в начале войны преодолели многие трудности, выпавшие на их долю, развеяли миф о непобедимости фашистской армии и смогли устоять под ее ударами.

В целом, несмотря на то, что политическое руководство своими просчетами поставило государство и Вооруженные Силы в критическое положение, в чрезвычайной обстановке начального, самого трудного периода войны, многие руководители на местах, большинство советских людей не дрогнули. Они приложили огромные, поистине героические усилия, чтобы укрепить армию и перестроить экономику на военный лад, эвакуировать большинство промышленных предприятий на Восток.

Советским войскам удалось задержать продвижение противника как в результате упорного сопротивления продолжающих сражаться войск первого эшелона, так и главным образом за счет срочного формирования и выдвижения новых резервных соединений и объединений.

К концу третьей недели военных действий советские войска смогли в основном стабилизировать фронт по рубежу: река Луга, озеро Ильмень, Опочка, верхнее течение Западной Двины, Днепр. Ставка смогла осуществить мобилизацию и подготовку стратегических резервов, которые сыграли решающую роль в сражениях под Ленинградом, Смоленском, Киевом и Москвой.

Сталин сыграл главную роль в мобилизации сил и средств, создании резервов для обороны Москвы. Да и то, что он до конца остался в Москве, нашел в себе мужество провести 7 ноября 1941 г. военный парад, имели огромное морально-политическое значение.

Подводя итог сказанному, следует еще раз подчеркнуть, что главный причиной катастроф

в 1941 г. было то, что наша Армия не смогла, а точнее сказать, была не в состоянии во всеоружии вступить в войну, организованно провести первые приграничные сражения. Ответственность за это ложится на политическое, стратегическое руководство и, прежде всего на Сталина, Молотова, а также на Тимошенко и Жукова. И об этом приходится говорить не для того лишь, чтобы бросить камень в сторону этих людей. Дело в том, что эти проигранные сражения сказывались затем на всем ходе первой половины войны. В наши дни, когда начинают рассматривать Смоленское сражение, оборону Москвы или Ростова-на-Дону, смотрят на положение сторон, соотношение сил так, будто бы ничего до этого не было и две армии только что свеженькими, обученными и сколоченными еще в мирное время сошлись между собой. Но из-за того, что войска не были боеготовы, мы уже в начальный период войны потеряли основную часть кадровой армии, большую часть самолетов, танков, артиллерии. Противник сразу получил огромное превосходство во всех этих средствах. В битве под Москвой и последующих битвах сражались наскоро пополненные и сформированные, не обученные и не сколоченные соединения и части. Да, танкисты, артиллеристы и другие специалисты не успевали овладевать оружием и техникой. Многие командиры не умели вести разведку, организовать огневое поражение противника, взаимодействие родов войск, ибо ни по каким книжкам, рассказам, на ускоренных курсах всему этому не научишься — нужно многократно тренироваться, приобретать боевой опыт. Но времени и возможности для этого уже не было. Поэтому не было другого выхода, как овладевать боевым мастерством в ходе самих боевых действий, неся порою неоправданно тяжелые потери. А немецкая армия вступила в войну, будучи полностью отмобилизованной, имея двухлетний боевой опыт и оказавшись в максимально благоприятном положении в самом начале войны, продолжала наращивать свое боевое преимущество. В последующем доблестью и героизмом наших командиров и солдат оно было во многом ликвидировано.

Но как бы кто не оценивал события 1941 г., мы, последние оставшиеся в живых фронтовики, вправе сегодня еще раз напомнить современным политикам, идеологизированным на новый лад историкам, злобствующим на костях своих дедов и восхищающимся немецко-фашистской военной школой журналистам, что из событий 1941 года следует один главный непреложный вывод: ни при каких обстоятельствах нельзя ставить свою армию в такое ужасное положение, в котором она оказалась 22 июня 1941 года. И ни одна другая армия в мире, кроме нашей, не могла бы оправиться после того, что случалось в первые дни войны и переломить ход войны в свою пользу. Это был самый трудный процесс, особенно для становления офицерского состава. И об этом никогда нельзя забывать, иначе мы никогда не поймем того, что произошло в Великой Отечественной войне.

Стратегическое руководство в ходе войны

Героическая борьба советского народа и его Вооруженных Сил доказала, что нацистской агрессии в Европе не только можно противостоять, но фашистскую Германию можно и сокрушить. Великобритания, США и другие страны стали союзниками СССР. Но впереди предстояла трудная борьба со все еще сильным противником, Сталин предполагал и ставил задачу завершить войну в 1942 году.

В директивном письме Ставке ВПК от 10.01.1942 г., подписанном Сталиным, указывалось: «Немцы хотят получить передышку, но этого им давать не следует. Гнать их на Запад без остановки, заставить израсходовать резервы до весны, когда у нас будут новые большие резервы, а у немцев не будет больше резервов и обеспечить таким образом полный разгром гитлеровских войск в 1942 году»[25]. Задача эта была не совсем реальной, но в случае более активных действий союзников, коренного перелома в войне в этом году, видимо, можно было добиться. Но и этому не суждено было сбыться. В силу ряда новых ошибок, допущенных Ставкой ВГК, Красной Армии пришлось терпеть неудачи и в летней кампаний 1942 года.

При обсуждении в Ставке в марте 1942 года планов на летнюю кампанию Генштаб (Б. М. Шапошников) и Г. К. Жуков предлагали основным способом действий считать переход к стратегической обороне. Г. К. Жуков считал возможным предпринять частные наступательные действия лишь в полосе Западного фронта, перейдя на всем остальном советско-германском фронте к обороне, С. К. Тимошенко предложил, кроме того, провести наступательную операцию на Харьковском направлении. На возражения Г. К. Жукова и Б. М. Шапошникова по поводу это-

го предложения Сталин заявил: «Не сидеть же нам в обороне, сложа руки, не ждать, пока немцы нанесут удар первыми! Надо самим нанести ряд упреждающих ударов на широком фронте и прощупать готовность противника. И далее, «Жуков предлагает развернуть наступление на Западном направлении, а на остальных фронтах обороняться. Я думаю, что это полумера»[26].

В результате было принято решение предпринять ряд наступательных операций в Крыму, в районе Харькова, на Льговском и Смоленском направлениях, в районах Ленинграда и Демьянска. Характерно, что в представлении Сталина, обороняться, означало «сидеть, сложа руки».

Что касается планов германского командования, то одно время считалось, что оно ставило своей главной целью овладение Москвой путем глубокого обхода с юга. Но в действительности, согласно директиве Гитлера № 41 от 5.4.1942 г., основной целью немецкого наступления летом 1942 г. было овладение Донбассом, кавказской нефтью и путем нарушения коммуникаций в глубине страны лишить СССР важнейших ресурсов, поступающих из этих районов. Наше ВГК ждало главного удара противника на Московском направлении. Непоследовательность и нерешительность в выборе способа действий, когда, с одной стороны, в принципе, предполагалось перейти к стратегической обороне, с другой — предпринимался ряд неподготовленных и необеспеченных материально наступательных операций, привели к распылению сил, и наша армия оказалась не подготовленной ни к обороне, ни к наступлению. В результате наши войска и летом 1942 г. вновь потерпели тяжелое поражение и им пришлось отступать до р. Волга, и только под Сталинградом было остановлено наступление германских войск. К ноябрю 1942 г. Ставке ВГК во главе со Сталиным удалось мобилизовать крупные резервы для перехода в контрнаступление и разгрома фашистских войск под Сталинградом. При предварительном рассмотрении плана контрнаступления Сталин высказал мысль, что, может быть, лучше ограничиться ударом с севера на юг и с юга на север вдоль Дона, что значительно сужало кольцо окружения. Но были и сверх смелые предложения — наносить удары прямо на юг, на Ростов, чтобы окружить все фашистские войска на северном Кавказе и на Сталинградском направлении. Представляется, что постановка подобной задачи была явно нереалистичной. Такое окружение было бы по существу весьма относительным, ибо, располагаясь на огромной территории, группировки противника сохраняли бы свободу маневра для нанесения ударов и прорыва из окружения, а советских сил и средств могло оказаться недостаточным для создания плотного кольца окружения. В конечном счете, был принят вариант, предложенный Г. К. Жуковым и А. М. Василевским, предусматривающий нанесение ударов с севера и юга по сходящимся направлениям на Калач с одновременным выделением войск для создания внутреннего и внешнего фронтов окружения.

Следует, прежде всего, отметить умелый выбор Ставкой ВГК и Генштабом момента для перехода в контрнаступление, когда наступление противника уже выдыхалось, группировки его войск были растянуты, фланги ослаблены, а переход к обороне не осуществлен. Весьма удачно, с учетом наиболее уязвимых мест (оборонявшихся румынскими войсками) были определены направления главных ударов с целью окружения и уничтожения наиболее сильной группировки под Сталинградом. Сталинградская битва закончилась окружением и уничтожением трехсоттысячной группировки гитлеровцев и потрясла всю Германию.

До сих пор идут споры: кому принадлежит идея Сталинградской операции? Она, конечно, возникла объективно из складывающейся обстановки. Те или иные предложения высказывали и командующие фронтами. В окончательно сформулированном виде общую идею этой операции высказали Г. К. Жуков и А. М. Василевский. Но по неписаным военным законам она в конечном виде принадлежит Сталину, тому, кто сумел уловить ее суть, кто нашел в себе мужество и взял на себя ответственность за ее проведение. Он же сыграл главную роль в сбережении и создании стратегических резервов и материально-технических средств для проведения этой операции.

Несмотря на ряд достигнутых военно-политических и стратегических успехов, обстановка для Советского Союза весной 1943 года оставалась крайне напряженной и сложной. Враг был надломлен, но еще полон решимости продолжать войну. Приходилось учитывать и опасность попыток гитлеровского руководства к заключению сепаратного мира с нашими западными союзниками.

В ходе ожесточенных сражений истекшей зимой и советские войска понесли большие потери в личном составе и технике. Освобожденные

районы находились в опустошенном состоянии. От советского государства, Верховного Главнокомандования и всего народа требовались новое напряжение физических и духовных сил, мобилизация всех экономических и военных возможностей для наращивания ударов по врагу до полного его разгрома. Положение осложнялось тем, что Германия продолжала опираться на промышленность и ресурсы всей Западной Европы. В 1943 г. она еще производила в четыре раза больше чугуна, стали и проката, угля — почти в шесть раз, электроэнергии — в полтора раза больше, чем Советский Союз. Поэтому только за счет более рационального использования имеющихся ресурсов и самоотверженного труда советских людей можно было превзойти врага в создании в первую очередь того, что требовалось для достижения победы. И эта задача была решена. В 1943 г. наша промышленность произвела тяжелых и средних танков в 1,4 раза, боевых самолетов в 1,3 раза, оружия 76 мм калибра и выше — на 63%, минометов — на 213% больше, чем промышленность фашистской Германии. В 1943 г. авиационные заводы дали около 35 тыс. самолетов, а танкостроители — 24 тыс. танков и самоходно-артиллерийских орудий[27]. Во главе всей грандиозной работы стоял Государственный комитет обороны во главе со Сталиным. Активно занимались оборонно-промышленными делами такие государственные деятели, как Молотов, Вознесенский, Маленков, Микоян, Шахурин, Ванников, Устинов и другие.

Гитлер стремился летом 1943 г. любой ценой одержать крупную победу в районе Курска и вернуть себе стратегическую инициативу.

События 1941–1942 гг., тяжелые неудачи и одержанные победы не прошли даром и для советского руководства во главе со Сталиным, военного командования и в целом для страны и вооруженных сил. Уроки были извлечены сполна и реализованы в обоснованных решениях и конкретных действиях, исходя из сложившейся обстановки на советско-германском фронте. Наученный горьким опытом 1941–1942 гг., Сталин стал больше прислушиваться к предложениям представителей Ставки ВГК, Генштаба и командующих войсками фронтов. Но эту сторону дела тоже нельзя слишком упрощать. Что значит прислушиваться, к кому прислушиваться, если, например, в 1943 г. одни командующие предлагали перейти к обороне, другие (Военный совет Воронежского фронта) нанести упреждающий удар и наступать. Очень рискованный и ответственный выбор был за ВГК — Сталиным. В отличие от 1941–1942 гг., перед Курской битвой он проявил понимание смысла стратегической обороны. Утвержденный Сталиным замысел действий советского Верховного Главнокомандования состоял в том, чтобы переходом к преднамеренной стратегической обороне силами Центрального. Воронежского, частично Степного фронтов, отразить летнее наступление немецко-фашистских войск, обескровить их и последующим переходом в контрнаступление нанести поражение главным группировкам противника. Таким образом, планировалась и проводилась ярко выраженная стратегическая оборонительная операция силами нескольких фронтов под общим руководством Ставки ВГК.

Умелый выбор стратегического способа действий, большая и многообразная работа по подготовке оборонительной операции предопределила успешное ее проведение. Если в 1941–1942 гг. немецко-фашистские войска, переходя в наступление, полностью сокрушили советскую оборону и продвигались на сотни и тысячи километров, а советским войскам удавалось остановить противника ценой неимоверных усилий и после длительного отступления, то, перейдя в наступление 5 июля под Курском, фашистские войска продвинулись в полосе Центрального фронта до 10 км, а в полосе Воронежского фронта — до 30–35 км лишь на узких участках фронта. При этом они понесли большие потери в людях, танках и другой боевой технике. Прорвавшиеся группировки противника были остановлены и в последующем отброшены в исходное положение контрударами армейских и фронтовых вторых эшелонов и резервов.

Верховное Главнокомандование во главе со Сталиным удачно выбрало момент для перехода в контрнаступление. Окончательный крах операции под Курском, предпринятой гитлеровским командованием в июле 1943 г., был предопределен не только оборонительными действиями, но и переходом в наступление 12 июля войск Западного и Брянского фронтов на Орловском направлении и войск Степного и Юго-Западного фронтов на Белгород-Харьковском направлении. Одновременно войска Центрального и Воронежского фронтов, используя успех вышеуказанных фронтов, продолжали теснить противника, отбросив его на

исходные позиции, и затем 8 августа перешли в общее контрнаступление, Таким образом, наступление немецко-фашистских войск летом 1943 г. закончилось их сокрушительным поражением. Красная Армия в этой битве одержала выдающуюся победу, означавшую окончательный коренной перелом в ходе всей войны. Ставка ВГК умело организовала форсирование сходу реки Днепр в 1943 г.

В 1944–1945 гг., составляющих заключительный период Великой Отечественной войны, немецко-фашистская армия окончательно перешла к жесткой стратегической обороне. Предпринимались и сильные контрудары — отдельные наступательные операции (как, например, в районе озера Балатон, Арденнах в начале 1945 г.). Но эти активные действия носили уже частный характер, подчиненный интересам ведения обороны с целью затягивания войны и заключения сепаратного или многостороннего мира на приемлемых для Германии условиях. Однако положение Германии ухудшилось. Ее поражения на советско-германском фронте привели к обострению внутриполитической обстановки в самой Германии и в стане ее союзников. Особенно обострилось положение с людскими ресурсами.

Наше Верховное Главнокомандование добилось того, что в целом военно-политическая и стратегическая обстановка коренным образом изменилась в пользу СССР и его союзников. В 1942–1943 гг. в восточных районах нашей страны было вновь построено 2250 тыс. и восстановлено в освобожденных районах свыше 6 тыс. предприятий. Оборонная промышленность в 1944 г. ежемесячно производила танков и самолетов в пять раз больше, чем в 1941 году.

Это говорит о том, насколько эффективно осуществлялось во время войны строительство и подготовка Вооруженных Сил. К этому времени подавляющего превосходства советских вооруженных сил над германскими еще не было. Оно появилось, когда союзники высадили крупный десант в Нормандии в июне 1944 г. и был открыт второй фронт в Европе, что еще больше затрудняло германскому командованию маневр силами и средствами с одного фронта на другой.

Советское Верховное Главнокомандование поставило задачу перед советскими вооруженными силами не дать возможности немецко-фашистской армии закрепиться на занимаемых рубежах и затянуть войну, завершить освобождение территории своей страны, освободить другие народы Европы от фашистской оккупации и закончить войну полным разгромом фашистской Германии совместно с западными союзниками. Решить эти задачи можно было только активными наступательными действиями. В 1944 г. Советская армия провела 10 крупных наступательных операций, начав с наступления по освобождению Правобережной Украины и снятия блокады Ленинграда зимой 1944 года.

Зимой и весной 1945 г. продолжалось стратегическое наступление на всем советско-германском фронте при одновременных наступательных операциях англо-американских войск с Запада, в результате которых фашистская Германия оказалась в тисках общих согласованных ударов союзников. Советскими Вооруженными Силами в этот период были проведены Восточно-Прусская, Висло-Одерская, Будапештская, Венская, Восточно-Померанская, Нижнесилезская, Верхнесилезская, Берлинская, Пражская и другие наступательные операции, приведшие к полному краху фашистской Германии и ее безоговорочной капитуляции.

К этому времени повысились уровень стратегического руководства Верховного Главнокомандования, Генштаба, оперативно-тактическое мастерство командиров, штабов; в целом военное искусство Советских Вооруженных Сил достигло наибольшего расцвета.

Некоторые отличительные черты сталинского стратегического руководства

В ходе войны главными отличительными чертами Сталина как Верховного Главнокомандующего были: умение предвидеть развитие стратегической обстановки и охватывать во взаимосвязи военно-политические, экономические, социальные, идеологические и оборонные вопросы; выбор наиболее рациональных способов стратегических действий; соединение воедино усилий фронта и тыла; высокая требовательность и большие организаторские способности; строгость, твердость, жесткость управления и огромная воля к победе любой ценой.

Жесткость Сталина доходила порой до необъяснимой степени. Так, в начале войны всю вину за катастрофу с высшего стратегического руководства пытались переложить на командование Западного фронта. В самом начале войны был издан приказ НКО № 270, в котором объявлялись преступниками некоторые

генералы, судьба которых была еще неизвестна, устанавливались репрессии не только для воинов, попавших в плен, но и что особенно жестоко — для их жен и даже детей.

Попали в разряд неблагонадежных и были лишены политического доверия военнослужащие, бывшие какое-то время в окружении, хотя, как правило, в окружение попадали соединения и части наиболее стойко оборонявшие занимаемые рубежи. Это обстоятельство усугубило тяжелое отступление советских войск летом 1942 г., ибо после ряда репрессий войска стали бояться окружения больше, чем самого противника.

В приказе Сталина № 0428 от 17.11.1941 г. требовалось разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края и на 20–30 км вправо и влево от дорог. Не трудно понять, в какое положение попадало население в условиях, когда уже наступала зима.

Как ни странно, но после войны Сталина чаще всего и наиболее крикливо критиковали те руководители, которые особенно рьяно выполняли и «перевыполняли» подобные указания Сталина, отягощая тем самым их последствия. И Сталину приходилось их даже сдерживать и поправлять. Так, 10 июля 1941 г. в адрес Н. С. Хрущева была направлена телеграмма следующего содержания: «Ваши предложения об уничтожении всего имущества противоречат установкам, данным в речи т. Сталина. Ваши же предложения имеют в виду немедленное уничтожение всего ценного имущества, хлеба и скота в зоне 100–150 километров от противника, независимо от состояния фронта. Такое мероприятие может деморализовать население, вызвать недовольство Советской властью, расстроить тыл Красной Армии, и создать как в армии, так и среди населения настроение обязательного отхода вместо решимости давать отпор врагу»[28].

При всем желании как-то понять жестокие нравы войны, трудно комментировать директиву Ставки № 39799 от 21.09.1941 г., где указывалось: «Говорят, что немецкие мерзавцы, идя на Ленинград, посылают впереди себя стариков, детей от занятых районов с просьбой к большевикам сдать Ленинград. Бейте во всю по немцам и по делегатам, кто бы они не были, косите врагов, все равно, являются ли они вольными или невольными врагами».

Суровым и неоднозначным был и изданный в июле 1942 года приказ НКО № 227, который требовал расправы с теми, кто отступал без приказа сверху, предусматривал создание заградотрядов, штрафных рот и батальонов. В обстановке, сложившейся летом 1942 г., он был вынужденным и в целом способствовал осознанию личным составом армии тяжести положения и ответственности за выполнение задач по обороне страны. Но вместе с тем было очевидно, что главной причиной отступления войск были не трусость командиров и солдат, а крупные ошибки и просчеты в стратегическом руководстве со стороны Ставки ВГК и Генштаба, поставившие войска в тяжелейшее положение.

Были и иные проявления жестокости, связанные, например, с репрессированием и переселением целых народов, с судьбой возвращающихся из плена военнослужащих и др. Не трудно представить себе, какой гнев вызовут упоминаемые выше факты у твердокаменных ортодоксов. Но они были, и отменить их уже никому не дано. Многое из этого и оправдать трудно, хотя нелегко представить себе и то, как реально должен был действовать командир, на участке действий которого идут в Ленинград фашисты под прикрытием стариков и детей. Война, конечно, явление жестокое и суровое.

Однако, если у некоторых историков, писателей хватает духа для осуждения сталинской жестокости, они начинают предавать забвению чудовищные фашистские злодеяния (из 26,5 млн наших потерь 18 млн мирных граждан, уничтоженных фашистами). А в «Аргументах и фактах» (№ 14, 2001 г.) сын Геббельса утверждает, что лагеря и печи Дахау и Освенцима построили после войны американцы и русские. Давно уже мало кто вспоминает, а многие люди нового поколения и не ведают о таких делах, как насильственное поселение в резервации на территории США десятков тысяч японцев — американских граждан — во время Второй мировой войны; о жестоком и бессмысленном уничтожении 100 тыс. мирных жителей в Дрездене американской и британской авиацией; применение атомных бомб (без всякой военной надобности) и уничтожение сотен тысяч людей в Хиросиме и Нагасаки в 1945 г. Эти жестокие акты продолжались во Вьетнаме и Югославии на глазах у всех в наше время, хотя у всех на памяти решения Нюрнбергского международного трибунала, осудившего подобную жестокость в любом проявлении.

А ангажированные однобокие подходы, когда одни жестокости осуждают (судят, например,

Милошевича), а о других предпочитают умалчивать или даже оправдывают их, только уводят в сторону от сути вопроса.

Настала пора, когда ООН, международное сообщество должны более четко определиться по этой проблеме и сказать свое веское слово.

Что касается времени Великой Отечественной войны, то нельзя согласиться и с утверждениями, что все во время войны держалось лишь на насилии и принуждении. Уже какие свирепые репрессивные меры с массовыми расстрелами принимали фашисты, но они так и не смогли покорить большинство советских людей и партизан на оккупированной территории. Вообще управлять российскими народами одним лишь насилием невозможно. Как говорил Л. Н. Толстой, «репрессиями можно угнетать народ, но управлять народом с помощью насилия нельзя».

Интересам создания жесткой структуры руководства Сталиным были подчинены и формы управления Вооруженными Силами. После Гражданской войны сама жизнь вынуждала прийти к единоначалию, как к единственно возможной и целесообразной форме военного управления. Но вопреки этому, в мае 1937 года был введен институт военных комиссаров. На основе опыта советско-финской войны в 1940 г. снова пришлось вернуться к единоначалию. Однако после первых неудач вначале Великой Отечественной войны Сталин, не доверяя командующим и командирам, снова учреждает должности военных комиссаров во всех звеньях от батальона и выше политруков в подразделениях, что еще больше осложнило управление войсками в самое трудное время. На период более одного года, когда существовал институт военных комиссаров, приходятся самые тяжелые неудачи и потери Красной Армии. И не случайно уже в октябре 1942 года пришлось возвращаться к единоначалию как единственно верной форме военного управления, что во многом способствовало повышению ответственности, организованности и твердости управления войсками в боевой обстановке.

Плановая, централизованная экономика, помноженная на патриотизм и самоотверженность большинства советского народа во время войны, показали свою жизненность. И Сталин в течение всей войны уделял большое внимание перестройке народного хозяйства на военный лад и организации военного производства. Несмотря на большие потери в промышленности в результате вражеской оккупации страны, Советский Союз выиграл экономическое противоборство с Германией и ее союзниками. В основном бесперебойно обеспечивалось снабжение армии продовольствием, боеприпасами и горюче-смазочными материалами.

С началом войны довольно трудно осваивалось военное искусство, в том числе искусство стратегического руководства Вооруженными Силами. Все, начиная с Верховного Главнокомандования, Генштаба и кончая командиром подразделения и солдатом, на протяжении всей войны учились воевать.

Сталина на посту Верховного Главнокомандующего неверно изображать как сугубо гражданского человека. Многолетний опыт революционера–подпольщика, активное участие в двух революциях — немало значили для закалки будущего руководителя военно-политического плана. Учесть надо и то, что Сталин, как и многие революционеры того времени, усердно изучал военную историю, военно-теоретическую литературу и в этой области был довольно знающим человеком.

Во время Гражданской войны он получил огромный опыт военно-политического руководства крупными массами войск на многих фронтах (оборона Царицына, Петрограда, на фронтах против Деникина, Врангеля, белополяков и др.), а став Генеральным секретарем — фактическим главой государства, непосредственно руководил процессом создания и строительства Советских Вооруженных Сил. Его военный опыт несопоставим с опытом Рузвельта, Черчилля или Гитлера, который тоже немало занимался военными вопросами.

Для соответствия «Наполеоновскому квадрату» он обладал незаурядными умом и волей. Хорошая память Сталина, умение быстро вникнуть в суть вопроса, сильная воля и твердый характер создавали предпосылки для проявления военного искусства. Но отрицательно сказывались отсутствие систематизированных военных знаний и опыта службы в регулярных войсках. Поэтому, по свидетельству Жукова и Василевского, Сталин лишь через 1–1,5 года с начала войны начал серьезно разбираться в оперативно-стратегических вопросах.

Никто не отрицает, что у Сталина была хорошая интуиция, способность быстро схватывать обстановку и разбираться в сложных вопросах. Например, Черчилля поразила быстрая и верная оценка Сталиным показанного ему плана «Торч» по высадке союзников в Северной

Африке в 1942 г. «Это замечательное заявление, — отмечал он, — произвело на меня глубокое впечатление. Оно показывало, что русский диктатор быстро и полностью овладел проблемой, которая до этого была новой для него. Очень немногие из живущих людей смогли бы в несколько минут понять соображения, над которыми мы так настойчиво бились на протяжении ряда месяцев. Он все оценил молниеносно»[29].

Знавшие и близко работавшие со Сталиным авторитетные люди единодушно отмечали, что наиболее сильной его стороной, как Верховного Главнокомандующего, было его умение разбираться в сложных военно-политических вопросах, подчинять интересам политики решение экономических и стратегических вопросов. Хотя и в этой области были крупные провалы, как это случилось с определением возможных сроков нападения Германии на нашу страну. Но в последующем были сделаны и крупные позитивные шаги.

С тех пор как война стала охватывать все стороны жизни государства, объединение в одних руках политической и военной власти считалось одним из условий, благоприятствующих наиболее полной мобилизации всех экономических, моральных и военных возможностей государств для ведения войны. Стремление к этому в той или иной мере проявлялось во всех государствах в периоды Первой и Второй мировых войн, в том числе и в западных странах, таких, как, скажем, США и Англия.

В нашей стране во время Гражданской войны важнейшие вопросы обороны, в том числе наиболее принципиальные военные вопросы, решались Советом Рабочей и Крестьянской обороны. Но Ленин, возглавляя этот Совет и правительство, не брал на себя функции наркома обороны и Главнокомандующего Вооруженными Силами. Это давало определенную самостоятельность военному ведомству, хотя и в то время было немало неразберихи и согласование политических, экономических и военных усилий в ряде случаев осуществлялось с большими трудностями. До Великой Отечественной войны не были приняты определенные решения по организации военно-политического руководства страной и вооруженными силами в военное время. Но, в принципе, предполагалось, что руководство будет осуществляться примерно при таком разделении функций, как во время гражданской войны. С началом Великой Отечественной войны Нарком обороны формально стал Главнокомандующий Вооруженными Силами. Но поскольку без ведома Сталина ни одно решение не могло быть принято, вскоре он официально занял должности не только Председателя Комитета обороны, но и Наркома обороны и Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами. Такая централизация власти имела положительные стороны, позволяя максимально полно концентрировать усилия государства в интересах фронта. Но жесткая централизация и контроль превращались порою в самоцель.

Еще во время расследования причин «Пермской катастрофы» в 1918 г. Сталин поставил вопрос о том, что «Штаб армии не должен ограничиваться официальными донесениями… начдивов и начбригов, он должен иметь своих представителей — агентов, регулярно информирующих штабы и зорко следящих за точным исполнением приказов командиров»[30].

Контроль за исполнением приказов — важнейшая обязанность любого вышестоящего органа управления. Но излишнее нагромождение контроля порой снижало оперативность управления. Уже в первые дни войны нарком обороны С. К. Тимошенко был направлен на Западное направление, Г. К. Жуков — на Юго-Западный фронт, Б. М. Шапошников — на Западный. Были отправлены в войска для контроля и многие другие ответственные должностные лица Генштаба и Наркомата обороны, что еще больше ухудшало организацию управления в центре. В последующем представители Ставки направлялись не только для координации действий нескольких фронтов (что было оправданно), но и в отдельно действующие фронты. Даже когда в 1941 г. были созданы Главкоматы направлений, Сталин продолжал посылать своих представителей для контроля над ними. Так было в ходе всей войны.

В 1943 г. Василевский с трудом добился назначения Антонова первым замом начальника Генштаба, чтобы его постоянно кто-то замещал в Москве. Но не успел он прибыть к месту службы, Сталин отправил его в войска представителем Ставки на Воронежский фронт. В 1944 г. перед вступлением советских войск в Болгарию при 3-м Украинском фронте уже был представитель Ставки (С. К. Тимошенко), но Сталин в дополнение послал еще туда Жукова; в конце 1943 г. командующий Белорусским фронтом К. Рокоссовский был направлен представителем Ставки на 1-й Украинский фронт (к Н. Ватутину). Кроме того, существовал многочисленный

корпус представителей Генштаба, которые постоянно находились во всех органах управления до штаба дивизии включительно. Не говоря уже о многих других инспектирующих комиссиях, проверяющих типа Мехлиса, буквально терроризирующих подчиненных и дезорганизующих работу систематическими доносами представителей НКВД, особых отделов и других органов, которые в совокупности нередко создавали тягостную, нервозную обстановку в системе управления войсками.

В ходе тяжелых оборонительных сражений в 1941–1942 гг. происходили частые смены командующих фронтами и армиями. Еременко в 1941 г. Западным фронтом командовал два дня, Гордов — Сталинградским фронтом в 1942 г. — неполных два месяца и т. д. Но ни один самый одаренный командующий, прибыв на фронт, не может за несколько дней не то что изменить обстановку, но даже познакомиться и овладеть ею.

К тому же Сталин практически мало бывал в действующей армии, а без личного общения с теми, кто выполняет боевую задачу, по одним лишь донесениям и телефонным докладам невозможно понять и прочувствовать во всей глубине все особенности складывающейся обстановки. Правда, этот изъян в стратегическом руководстве компенсировался частыми основательными выездами на фронты Г. К. Жукова, А. М. Василевского, других представителей Ставки ВГК. Но никто не может заменить личного восприятия обстановки.

Главная беда Сталина, как и других политических деятелей (как, например, К. Е. Ворошилова, Н. А. Булганина, Д. Ф. Устинова) состояла в том, что они, не зная войсковой жизни, не имея опыта управления ими, совершенно не представляли себе, как в действительности могут происходить их действия после принятия политических решений, и отсюда — нередкие случаи постановки войскам нереальных задач. Таким людям кажется, что как только он скажет, армия сразу же и развернется для отражения агрессии с началом войны или в ходе войны по любому телефонному звонку можно перейти в наступление или нанести контрудар, не понимая, что на это требуется определенное время. Эти порочные пережитки в руководстве войсками оказались живучими, и со случаями постановки войскам нереальных задач пришлось столкнуться и в Афганистане и в Чечне.

Сталин придерживался активной наступательной стратегии, хотя в теории признавал и правомерность отступления, когда это требуется по обстановке. Он высказывал даже правильные слова о недопустимости огульного наступления, необходимости закрепления успехов. Но на деле культ наступления был доведен у него до крайностей, когда стратегическая оборона рассматривалась как что-то низменное и недостойное советского военного искусства, что явилось одной из причин наших поражений в 1941 и летом 1942 гг.

Одним из коренных положений теории и практики военного искусства, которых придерживался Сталин, был тезис о решающем значении выбора главного удара для успеха в любой операции. Его теоретические суждения о необходимости учета при выборе направления главного удара политических, экономических и военных аспектов обстановки, изложенные наиболее полно в его предложениях по разгрому Деникина 1919 г. в принципе были вполне резонными. Но и это положение было превращено в догмат. В частности, было большим преувеличением: правильный выбор направления главного удара на три четверти предопределяет успех операции.

Опыт войны показал, что наряду с обоснованным решением (в том числе выбором направления сосредоточения главных усилий), постановкой реальных задач войскам, главными факторами, обеспечивающими успех, были достижение скрытности и тщательности организации боевых действий и их всестороннего боевого, материального и технического обеспечения, твердого управления войсками в ходе боя и операции. На практике же Сталину ни в 1941, ни в 1942 гг. не удалось правильно определить направление главного удара противника и соответственно направления для сосредоточения основных усилий своих войск. В последующие годы войны Ставке ВГК во главе со Сталиным, как правило, удавалось изыскать наиболее выгодные направления для ударов с решительным сосредоточением основных усилий на решающих участках фронта.

Разработка и практическое применение новых эффективных способов вооруженной борьбы, новаторское решение многих других проблем военного искусства явились результатом творчества Ставки ВГК, Генштаба, командующих видами ВС и родов войск, командующих, командиров и штабов фронтов, армий, соединений, частей и подразделений.

Но неправомерно говорить о том, что все это творчество в области военного искусства

было осуществлено помимо или даже вопреки Сталину, хотя бы потому, что без его ведома и согласия решения по таким вопросам и не могли приниматься. Следует сказать и о том, что война требовала ответственного отношения к военной теории. Попытки не считаться с накопленным опытом, с выработанными на его основе теоретическими рекомендациями очень быстро давали о себе знать неудачами на фронте. С этим объективным обстоятельством был вынужден считаться и Сталин. Во второй половине войны он стал глубже вникать в детали подготовки и ведения операций. В опенке Сталина как Верховного Главнокомандующего более уместно, видимо, полагаться на авторитетных лиц, которые близко с ним работали на протяжении всей войны.

Как рассказывал Г. К. Жуков, «идти на доклад в Ставку, к Сталину, скажем с картами, на которых были хоть какие-то „белые пятна", сообщать ему ориентировочные, а тем более преувеличенные данные — было невозможно. И. В. Сталин не терпел ответов наугад, требовал исчерпывающей полноты и ясности. У него было какое-то особое чутье на слабые места в докладах и документах, он тут же их обнаруживал и строго взыскивал с виновных»[31].

И далее: «В стратегических вопросах Сталин разбирался с самого начала войны. Стратегия была близка к его привычной сфере политики; и чем в более прямое взаимодействие с политическими вопросами вступали вопросы стратегии, тем увереннее он чувствовал себя в них… его ум и талант позволили ему в ходе войны овладеть оперативным искусством настолько, что, вызывая к себе командующих фронтами и разговаривая с ними на темы, связанные с проведением операций, он проявил себя как человек, разбирающийся в этом не хуже, а порой и лучше своих подчиненных. При этом в ряде случаев он находил и подсказывал интересные оперативные решения»[32].

И, может быть, наиболее краткую, но правдивую объемную характеристику Сталину дал А. М. Василевский: «О Сталине как о военном руководителе в годы войны необходимо написать правду. Он не был военным человеком, но он обладал гениальным умом. Он умел глубоко проникать в сущность дела и подсказывать военные решения»[33].

Известный писатель-фронтовик В. В. Карпов в своей интересной книге «Генералиссимус» пишет: «После смерти Сталина появилась версия о том, что он никогда никого не слушал и единолично принимал военно-политические решения. С этим согласиться нельзя. Если Сталину докладывали вопросы со знанием дела — он слушал. И бывали случаи, когда он отказывался от своих собственных мнений и решений»[34]. Так категорично — «никогда никого не слушал» — мало кто из серьезных историков и писателей мог утверждать.

Г. К. Жуков, А. М. Василевский и другие, близко работавшие со Сталиным люди, писали, что в первый период войны (по крайней мере, до Сталинграда) Сталин в ряде случаев действительно не прислушивался к советам и предложениям, которые делались членами Ставки, Генштабом, командующими войсками фронтов. И вряд ли стоит ставить это под сомнение. Тем более, что кроме этих авторитетных свидетельств есть неопровержимые факты истории. Уже говорилось, что накануне войны Сталиным не были приняты многократные предложения наркома обороны, Генштаба, командующих войсками округов о повышении боевой готовности войск приграничных военных округов. С началом войны не согласился с отводом войск Юго-Западного фронта за р. Днепр. Весной 1942 г. отклонил предложения о переходе к стратегической обороне и т. д. Все это было и без учета этих фактов объективно судить о Сталине невозможно. Как нельзя отрицать и того, что в последующем Сталин стал вести себя по-иному. И об этом тоже можно судить не только по словам тех или иных свидетелей, но и прежде всего по результатам успешно проведенных операций в 1943–1945 гг.

Сталина, как и любую другую историческую личность, неправомерно рассматривать в застывшем виде. Суровая действительность войны ломала и изменяла многое, в том числе и самые крупные исторические личности. Довольно усердно проходил тяжкую школу войны и Сталин. В связи с этим представляется весьма достоверным и искренним эпизод беседы А. М. Василевского с К. Е. Ворошиловым в марте 1944 года.

«Если Сталин был чем-либо недоволен, — писал А. Василевский, — а в войну, особенно в ее начале, поводов для этого имелось много, он мог резко и несправедливо отругать. Но в ходе войны он заметно изменился. К нам, работникам Генштаба и главных управлений Наркомата обороны, командующим фронтами, стал относиться сдержаннее, спокойнее, даже тогда, когда на

фронте что-то случалось неладное. Встречаться с ним стало гораздо проще, чем раньше. Видимо, война, ее повороты, наши неудачи и успехи оказали влияние на характер Сталина.

В последних числах марта 1944 года я встретился с ним в Мелитополе, чтобы решить вопросы, связанные с взаимодействием войск 4-го Украинского фронта с войсками Отдельной Приморской армии, где К. Е. Ворошилов являлся представителем Ставки. Когда все вопросы были решены, мы остались с Климентом Ефремовичем наедине у него в вагоне и разговорились на разные темы, в том числе о характере Сталина. Вечер был теплый, тихий, и погода, да и обстановка на фронте располагали к „душевной" беседе, и Климент Ефремович довольно охотно отвечал на мои вопросы. Когда я спросил: неужели нельзя было раньше высказывать Сталину в необходимых случаях свои возражения, ведь сейчас, в период войны, на заседаниях Политбюро или ГКО при обсуждении того или иного принципиального вопроса, касающегося ведения вооруженной борьбы или развития народного хозяйства, вопреки высказанному Сталиным мнению члены Политбюро довольно смело и настойчиво вносят свои предложения, и они Сталиным не только не отвергаются, но и охотно обсуждаются; и если предложение разумно, оно принимается.

Точно так же и при работе в Ставке мы, военные, имеющие прямое отношение к вооруженной борьбе, вносим свои предложения, и Сталин считается с нами.

Климент Ефремович, подумав, ответил:

— Раньше Сталин был не таким. Наверное, война научила его многому. Он, видимо, понял, что может ошибаться и его решения не всегда могут быть самыми лучшими и что знания и опыт других могут также быть полезными. Сказались на Сталине и годы: до войны он был моложе и самоувереннее…»[35]. Эти откровения К. Ворошилова подтверждаются не только многими другими авторитетными свидетельствами, но и всем ходом событий во время войны.

Важную роль играли выступления Сталина, приказы и директивы Ставки ВГК, в которых личному составу армии и всему народу разъяснялись цели и характер освободительной войны, разоблачались захватнические цели фашистской Германии, вскрывались достижения и недостатки в практике военных действий, обобщался боевой опыт, ставились задачи по совершенствованию способов подготовки и ведения боевых действий и операций, применения оружия и военной техники, повышению морального духа войск и воинской дисциплины. Вообще Сталиным, партийными организациями, политорганами была проведена огромная работа по формированию оборонного сознания народа, патриотизма советских людей и высокого морального духа Армии и Флота.

Большая работа проводилась Сталиным по руководству партизанским движением, активизации антифашистского движения в оккупированных странах.

В целом, страна и Вооруженные Силы во время войны твердо управлялись. Поэтому нельзя дело изображать так, как это иногда делается, будто все происходило чуть ли не стихийно и мы одолевали врага вопреки всякому руководству. Но бесспорно и то, что именно самоотверженные усилия народа на фронте и в тылу, его преданность своему Отечеству во многом компенсировали издержки руководства, особенно в начале войны и, в конечном счете, обеспечили достижение победы.

С учетом всего изложенного, в зеркале истории нам нужно видеть не лубочного, а живого Сталина со всеми его достоинствами и огрехами. Подводя итог, можно сказать, что главное в деятельности Сталина на посту Верховного Главнокомандующего во время Великой Отечественной войны состояло в том, что Советское государство именно под руководством Сталина разгромило фашистскую Германию, империалистическую Японию и избавило свои народы, Европу и все человечество из-под угрозы фашистского порабощения. На совести Сталина непростительная жестокость, особенно перед войной, серьезные ошибки и просчеты, которые, как он сам говорил, доводили страну до моментов отчаянного положения. Но невозможно отрицать и того, что во многом благодаря его мобилизующей роли, организаторским способностям, его усилиям, поддержанным большинством народа, нашей стране удалось выстоять в неимоверно трудной, ожесточенной борьбе с сильным противником и прийти к Великой Победе.

Да, есть горячие головы, которые призывают перечеркнуть его имя в истории. Но это невозможно. Несмотря на всю сложную противоречивость его личности и деяний, своими главными делами, свершениями во благо своего народа и всего человечества, Сталин войдет в историю как выдающийся государственный и военный деятель.

Из записей, сделанных дежурными секретарями о посетителях И. В. Сталина с 21 по 28 июня 1941 г.*

21 июня 1941 г.

		вход	выход
1.	т. Молотов	18:27	23:00
2.	т. Ворошилов	19:05	23:00
3.	т. Берия	19:05	23:00
4.	т. Вознесенский	19:05	20:15
5.	т. Маленков	19:05	22:20
6.	т. Кузнецов	19:05	20:15
7.	т. Тимошенко	19:05	20:15
8.	т. Сафонов	19:05	20:15
9.	т. Тимошенко	20:50	22:20
10.	т. Жуков	20:50	22:20
11.	т. Буденный	20:50	22:00
12.	т. Мехлис	21:55	22:20
13.	т. Берия	22:40	23:00

Последние вышли в 23:00

22 июня 1941 г.

1.	т. Молотов	5:45	12:05
2.	т. Берия	5:45	9:20
3.	т. Тимошенко	5:45	8:30
4.	т. Мехлис	5:45	8:30
5.	т. Жуков	5:45	8:0
6.	т. Маленков	7:30	9:20
7.	т. Микоян	7:55	9:30
8.	т. Каганович	8:00	9:35
9.	т. Ворошилов	8:00	10:15
10.	т. Вышинский	7:30	10:40
11.	т. Кузнецов	8:15	8:30
12.	т. Димитров	8:40	10:40
13.	т. Мануильский	8:40	10:40
14.	т. Кузнецов	9:40	10:20
15.	т. Микоян	9:50	10:30
16.	т. Молотов	12:25	16:45
17.	т. Ворошилов	11:40	12:05
18.	т. Берия	11:30	12:00
19.	т. Маленков	11:30	12:00
20.	т. Ворошилов	12:30	16:45
21.	т. Микоян	12:30	14:30
22.	т. Вышинский	13:05	15:25
23.	т. Шапошников	13:15	16:00

24.	т. Тимошенко	14:00	16:00
25.	т. Жуков	14:00	16:00
26.	т. Ватутин	14:00	16:00
27.	т. Кузнецов	15:20	15:45
28.	т. Кулик	15:30	16:00
29.	т. Берия	16:25	16:45

Последние вышли в 16:45

23 июня 1941 г.

1.	т. Молотов	3:20	6:25
2.	т. Ворошилов	3:25	6:25
3.	т. Берия	3:25	6:25
4.	т. Тимошенко	3:30	6:10
5.	т. Ватутин	3:30	6:10
6.	т. Кузнецов	3:45	5:25
7.	т. Каганович	4:30	5:20
8.	т. Жигарев	4:35	6:10

Последние вышли в 6:25

23 июня 1941 г.

1.	т. Молотов	18:45	1:25
2.	т. Жигарев	18:25	20:45
3.	т. Тимошенко	18:50	20:45
4.	т. Меркулов	19:10	19:25
5.	т. Ворошилов	20:00	1:25
6.	т. Вознесенский	20:50	1:25
7.	т. Мехлис	20:55	22:40
8.	т. Каганович	23:15	1:10
9.	т. Ватутин	23:55	0:55
10.	т. Тимошенко	23:55	0:55
11.	т. Кузнецов	23:55	0:50
12.	т. Берия	24:00	1:25
13.	т. Власик	0:50	0:55

Последние вышли в 1:25 мин 24.VI.41 г.

24 июня 1941 г.

1.	т. Малышев	16:20	17:00
2.	т. Вознесенский	16:20	17:05
3.	т. Кузнецов	16:20	17:05
4.	т. Кизаков (Лен.)	16:20	17:05
5.	т. Зальцман	16:20	17:05
6.	т. Попов	16:20	17:05
7.	т. Кузнецов (Кр.М.Фл.)	16:45	17:00
8.	т. Берия	16:50	20:25
9.	т. Молотов	17:05	21:30

10.	т. Ворошилов	17:30	21:10
11.	т. Тимошенко	17:30	20:55
12.	т. Ватутин	17:30	20:55
13.	т. Шахурин	20:00	21:15
14.	т. Петров	20:00	21:15
15.	т. Жигарев	20:00	21:15
16.	т. Голиков	20:00	21:20
17.	т. Щербаков	18:45	20:55
18.	т. Каганович	19:00	20:35
19.	т. Супрун	20:15	20:35
20.	т. Жданов	20:55	21:30

Последние вышли в 21:30

25 июня 1941 г.

1.	т. Молотов	1:00	5:50
2.	т. Щербаков	1:05	4:30
3.	т. Пересыпкин	1:07	1:40
4.	т. Каганович	1:10	2:30
5.	т. Берия	1:15	5:25
6.	т. Меркулов	1:35	1:40
7.	т. Тимошенко	1:40	5:50
8.	т. Кузнецов	1:40	5:50
9.	т. Ватутин	1:40	5:50
10.	т. Микоян	2:10	5:30
11.	т. Мехлис	1:20	5:20

Последние вышли в 5:50

25 июня 1941 г.

1.	т. Молотов	19:40	1:15
2.	т. Ворошилов	19:40	1:15
3.	т. Малышев	20:05	21:10
4.	т. Берия	20:10	21:10
5.	т. Соколов	20:10	20:55
6.	т. Тимошенко	20:20	24:00
7.	т. Ватутин	20:20	21:10
8.	т. Вознесенский	20:25	21:10
9.	т. Кузнецов	20:30	21:40
10.	т. Федоренко	21:15	24:00
11.	т. Каганович	21:45	24:00
12.	т. Кузнецов	21:50	24:00
13.	т. Ватутин	22:10	24:00
14.	т. Щербаков	23:00	23:50
15.	т. Мехлис	20:10	24:00
16.	т. Берия	00:25	1:15

17.	т. Вознесенский	00:25	1:00
18.	т. Вышинский	00:35	1:00

26 июня 1941 г.

1.	т. Каганович	12:10	16:15
2.	т. Маленков	12:40	16:10
3.	т. Буденный	12:40	16:10
4.	т. Жигарев	12:40	16:10
5.	т. Ворошилов	12:40	16:30
6.	т. Молотов	12:50	16:50
7.	т. Ватутин	13:00	16:00
8.	т. Петров	13:15	16:10
9.	т. Ковалев	14:00	14:10
10.	т. Федоренко	14:10	15:30
11.	т. Кузнецов	14:50	16:10
12.	т. Жуков	15:00	16:10
13.	т. Берия	15:10	16:20
14.	т. Яковлев	15:15	16:00
15.	т. Тимошенко	13:00	16:10
16.	т. Ворошилов	17:45	18:25
17.	т. Берия	17:45	19:20
18.	т. Микоян	17:50	18:20
19.	т. Вышинский	18:00	18:10
20.	т. Молотов	19:00	23:20
21.	т. Жуков	21:00	22:00
22.	т. Ватутин	21:00	22:00
23.	т. Тимошенко	21:00	22:00
24.	т. Ворошилов	21:00	22:10
25.	т. Берия	21:11	22:30
26.	т. Каганович	21:05	22:45
27.	т. Щербаков	22:00	22:10
28.	т. Кузнецов	22:00	22:20

27 июня 1941 г.

1.	т. Вознесенский	16:30	16:40
2.	т. Молотов	17:30	18:00
3.	т. Микоян	17:45	18:00
4.	т. Молотов	19:35	19:45
5.	т. Микоян	19:35	19:45
6.	т. Молотов	21:25	24:00
7.	т. Микоян	21:25	2:35
8.	т. Берия	21:25	23:00
9.	т. Маленков	21:30	00:47
10.	т. Тимошенко	21:30	23:00

11.	т. Жуков	21:30	23:00
12.	т. Ватутин	21:30	23:50
13.	т. Кузнецов	21:30	23:30
14.	т. Жигарев	22:05	0:45
15.	т. Петров	22:05	0:45
16.	т. Сококоверов	22:05	0:45
17.	т. Жаров	22:05	0:45
18.	т. Никитин	22:05	0:45
19.	т. Титов	22:05	0:45
20.	т. Вознесенский	22:15	23:40
21.	т. Шахурин	22:30	23:10
22.	т. Дементьев	22:30	23:10
23.	т. Щербаков	23:25	24:00
24.	т. Шахурин	0:40	0:50
25.	т. Меркулов	1:00	1:30
26.	т. Каганович	1:10	1:35
27.	т. Тимошенко	1:30	2:35
28.	т. Голиков	1:30	2:35
29.	т. Берия	1:30	2:35
30.	т. Кузнецов	1:30	2:35

28 июня 1941 год

1.	т. Молотов	19:35	00:50
2.	т. Маленков	19:35	23:10
3.	т. Буденный	19:35	19:50
4.	т. Меркулов	19:45	20:05
5.	т. Булганин	20:15	20:20
6.	т. Жигарев	20:20	22:10
7.	т. Петров	20:20	22:10
8.	т. Булганин	20:40	20:45
9.	т. Тимошенко	21:10	23:10
10.	т. Жуков	21:30	23:10
11.	т. Голиков	21:30	22:55
12.	т. Кузнецов	21:50	23:10
13.	т. Кабанов	22:00	22:10
14.	т. Стефановский	22:00	22:10
15.	т. Супрун	22:00	22:10
16.	т. Берия	22:40	01:50
17.	т. Устинов	22:55	23:10
18.	т. Яколев из ГАУ НКО	22:55	23:10
19.	т. Щербаков	22:10	23:30
20.	т. Микоян	23:30	00:50
21.	т. Меркулов	24:00	00:15

Последние вышли в 00:50

[1] Полководцы, М., 1995. С. 31.

[2] Персонаж из пьесы Сухово-Кобылина «Смерть Тарелкина», про которого на похоронах говорили, что он в отличие от других людей, ходил на демонстрациях не за знаменем, а **впереди** знамени и был во всем настолько передовой, что никто не мог сказать, кто идет впереди прогресс или Тарелкин.

[3] Завтра. 1997. № 14.

[4] Военно-исторический журнал, 1990, № 10. С. 22.

[5] Там же. С. 23.

[6] Churchill W. The Second world war. Yol. 1. P. 449.

[7] Военно-исторический журнал, 1990, № 10. С. 19.

[8] Начальный период войны. М., 1974. С. 179.

[9] Военно-исторический журнал, 1965. № 1.

[10] Военно-историческим журнал, № 1. С. 86.

[11] Совершенно секретно. Только для командования. Документы и материалы. С. 149.

[12] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Энциклопедия. М., 1985. С. 7.

[13] ЦГАОР, ф. 8418, оп. 25, д. 199, лл. 1–5.

[14] ЦГАСА, ф. 25880, д. 4, л. 4.

[15] Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 1. М., 1990. С. 357.

[16] Военно-исторический журнал. 1987, № 9. С. 54.

[17] Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. М., ТОО «Гея» 1996. С. 144.

[18] «Новая и новейшая история». 1994, № 6. С. 198.

[19] Военно-исторический журнал. 1997, № 4. С. 34–36.

[20] Архив МО, ф. ПрибВО, оп. 680086, д. 7, л. 437.

[21] Соловьев Б. Суходеев В. Полководец Сталин. М., 2001. С. 52.

[22] Гудериан Гейнц. Воспоминания. М., 1954. С. 146–147.

[23] Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1997. С. 30.

[24] Военно-исторический журнал. № 5, 2002. С. 40.

[25] ЦАМО, ф. 132А, по. 2642, д. 41, лл. 75–81.

[26] Сталинградская эпопея. М., 1968. С. 22.

[27] Соловьев В. Г. Вермахт на пути к гибели. М., 1973. С. 46–48.

[28] Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 207.

[29] Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1955. Т. 4. С. 478.

[30] Сталин И. В. Сочинения. 1953. Т. 4. С. 212.

[31] Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 294.

[32] Симонов К., Глазами человека моего поколения. М., 1988. С. 358, 372.

[33] Там же. С. 451.

[34] Карпов В. В. Генералиссимус. М., 2002. С. 101.

[35] Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1975. С. 549–550.

Как рождались мифы о Сталине

Ю. А. Никифоров*, С. Ю. Рыченков** —
составители и авторыпримечаний

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПО РАДИО

3 июля 1941 года

Товарищи! Граждане! Братья и сестры!
Бойцы нашей армии и флота!

К вам обращаюсь я, друзья мои!

Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу Родину, начатое 22 июня, продолжается. Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, несмотря на то, что лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения, враг продолжает лезть вперед, бросая на фронт новые силы. Гитлеровским войскам удалось захватить Литву, значительную часть Латвии, западную часть Белоруссии, часть Западной Украины. Фашистская авиация расширяет районы действия своих бомбардировщиков, подвергая бомбардировкам Мурманск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь. Над нашей Родиной нависла серьезная опасность.

Как могло случиться, что наша славная Красная Армия сдала фашистским войскам ряд наших городов и районов? Неужели немецко-фашистские войска в самом деле являются непобедимыми войсками, как об этом трубят неустанно фашистские хвастливые пропагандисты?

Конечно, нет! История показывает, что непобедимых армий нет и не бывало. Армию Наполеона считали непобедимой, но она была разбита попеременно русскими, английскими, немецкими войсками. Немецкую армию Вильгельма в период первой империалистической войны тоже считали непобедимой армией, но она несколько раз терпела поражения от русских и англо-французских войск и, наконец, была разбита англо-французскими войсками. То же самое нужно сказать о нынешней немецко-фашистской армии Гитлера. Эта армия не встречала еще серьезного сопротивления на континенте Европы. Только на нашей территории встретила она серьезное сопротивление. И если в результате этого сопротивления лучшие дивизии немецко-фашистской армии оказались разбитыми нашей Красной Армией, то это значит, что гитлеровская фашистская армия так же может быть разбита и будет разбита, как были разбиты армии Наполеона и Вильгельма.

Что касается того, что часть нашей территории оказалась все же захваченной немецко-фашистскими войсками, то это объясняется главным образом тем, что война фашистской Германии против СССР началась при выгодных условиях для немецких войск и невыгодных — для советских войск. Дело в том, что войска Германии как страны, ведущей войну, были уже целиком отмобилизованы и 170 дивизий, брошенных Германией против СССР и придвинутых к границам СССР, находились в состоянии полной готовности, ожидая лишь сигнала для выступления, тогда как советским войскам нужно было еще отмобилизоваться и придвинуться к границам. Немалое

* **Юрий Александрович Никифоров** — к. и. н., старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

** **Сергей Юрьевич Рыченков** — сотрудник войсковой части 43753.

значение имело здесь и то обстоятельство, что фашистская Германия неожиданно и вероломно нарушила пакт о ненападении, заключенный в 1939 году между ней и СССР, не считаясь с тем, что она будет признана всем миром стороной нападающей. Понятно, что наша миролюбивая страна, не желая брать на себя инициативу нарушения пакта, не могла стать на путь вероломства.

Могут спросить: как могло случиться, что Советское правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Не была ли здесь допущена со стороны Советского правительства ошибка? Конечно, нет! Пакт о ненападении есть пакт о мире между двумя государствами. Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 году. Могло ли Советское правительство отказаться от такого предложения? Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп. И это, конечно, при одном непременном условии — если мирное соглашение не задевает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести миролюбивого государства. Как известно, пакт о ненападении между Германией и СССР является именно таким пактом.

Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии.

Что выиграла и проиграла фашистская Германия, вероломно разорвав пакт и совершив нападение на СССР? Она добилась этим некоторого выигрышного положения для своих войск в течение короткого срока, но она проиграла политически, разоблачив себя в глазах всего мира как кровавого агрессора. Не может быть сомнения, что этот непродолжительный военный выигрыш для Германии является лишь эпизодом, а громадный политический выигрыш для СССР является серьезным и длительным фактором, на основе которого должны развернуться решительные военные успехи Красной Армии в войне с фашистской Германией.

Вот почему вся наша доблестная армия, весь наш доблестный военно-морской флот, все наши летчики-соколы, все народы нашей страны, все лучшие люди Европы, Америки и Азии, наконец, все лучшие люди Германии клеймят вероломные действия германских фашистов и сочувственно относятся к Советскому правительству, одобряют поведение Советского правительства и видят, что наше дело правое, что враг будет разбит, что мы должны победить.

В силу навязанной нам войны наша страна вступила в смертельную схватку со своим злейшим и коварным врагом — германским фашизмом. Наши войска героически сражаются с врагом, вооруженным до зубов танками и авиацией. Красная Армия и Красный Флот, преодолевая многочисленные трудности, самоотверженно бьются за каждую пядь Советской земли. В бой вступают главные силы Красной Армии, вооруженные тысячами танков и самолетов. Храбрость воинов Красной Армии беспримерна. Наш отпор врагу крепнет и растет. Вместе с Красной Армией на защиту Родины подымается весь советский народ.

Что требуется для того, чтобы ликвидировать опасность, нависшую над нашей Родиной, и какие меры нужно принять для того, чтобы разгромить врага?

Прежде всего необходимо, чтобы наши люди, советские люди, поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение. Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов. Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение. Нужно, чтобы советские люди поняли это и перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили всю свою работу на новый, военный лад, не знающий пощады врагу.

Необходимо, далее, чтобы в наших рядах не было места нытикам и трусам, паникерам и дезертирам, чтобы наши люди не знали страха в борьбе и самоотверженно шли на нашу Отечественную освободительную войну против фашистских поработителей. Великий Ленин, создавший наше государство, говорил, что основным качеством советских людей должна быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей Родины. Необходимо, чтобы это великолепное качество большевика стало достоянием миллионов и миллионов Красной Армии, нашего Красного Флота и всех народов Советского Союза.

Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинив интересам фронта и задачам организации разгрома врага. Народы Советского Союза видят теперь, что германский фашизм неукротим в своей бешеной злобе и ненависти к нашей Родине, обеспечившей всем трудящимся свободный труд и благосостояние. Народы Советского Союза должны подняться на защиту своих прав, своей земли против врага.

Красная Армия, Красный Флот и все граждане Советского Союза должны отстаивать каждую пядь Советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу.

Мы должны организовать всестороннюю помощь Красной Армии, обеспечить усиленное пополнение ее рядов, обеспечить ее снабжение всем необходимым, организовать быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым.

Мы должны укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам этого дела всю свою работу, обеспечить усиленную работу всех предприятий, производить больше винтовок, пулеметов, орудий, патронов, снарядов, самолетов, организовать охрану заводов, электростанций, телефонной и телеграфной связи, наладить местную противовоздушную оборону.

Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие нашим истребительным батальонам. Нужно иметь в виду, что враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов. Нужно учитывать все это и не поддаваться на провокации. Нужно немедленно предавать суду военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешают делу обороны, не взирая на лица.

При вынужденном отходе частей Красной Армии нужно угонять весь подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни одного килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться.

В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджогов лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия.

Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, порабощенного гитлеровскими заправилами. Наша война за свободу нашего Отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу, против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера. В этой связи историческое выступление премьера Великобритании господина Черчилля о помощи Советскому Союзу и декларация правительства США о готовности оказать помощь нашей стране, которые могут вызвать лишь чувство благодарности в сердцах народов Советского Союза, являются вполне понятными и показательными.

Товарищи! Наши силы неисчислимы. Зазнавшийся враг должен будет скоро убедиться в этом. Вместе с Красной Армией поднимаются многие тысячи рабочих, колхозников, интеллигенции на войну с напавшим врагом. Поднимутся миллионные массы нашего народа. Трудящиеся Москвы и Ленинграда уже приступили к созданию многотысячного народного ополчения на поддержку Красной Армии. В каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага, мы должны создать такое народное ополчение, поднять на борьбу всех трудящихся, чтобы своей грудью защищать свою свободу, свою честь, свою Родину в нашей Отечественной войне с германским фашизмом.

В целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР, для проведения отпора врагу, вероломно напавшему на нашу Родину, создан Государственный Комитет Обороны, в руках которого теперь сосредоточена вся полнота власти в государстве. Государственный Комитет Обороны приступил к своей работе и призывает весь народ сплотиться вокруг партии Ленина–Сталина, вокруг Советского правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии и Красного Флота, для разгрома врага, для победы.

Все наши силы — на поддержку нашей героической Красной Армии, нашего славного Красного Флота!

Все силы народа — на разгром врага!

Вперед, за нашу победу!

Правда. 1941. 3 июля.

ЗАПИСКА СЕКРЕТАРЮ ЦК КП(б) УКРАИНЫ Н. С. ХРУЩЕВУ

10 июля 1941 года

14:00

Киев. Хрущеву

1). Ваши предложения об уничтожении всего имущества противоречат установкам, данным в речи т. Сталина, где об уничтожении всего ценного имущества говорилось в связи с вынужденным отходом частей Красной Армии. Ваши же предложения имеют в виду немедленное уничтожение всего ценного имущества, хлеба и скота в зоне 100–150 километров от противника, независимо от состояния фронта.

Такое мероприятие может деморализовать население, вызвать недовольство Советской властью, расстроить тыл Красной Армии и создать как в армии, так и среди населения настроения обязательного отхода вместо решимости давать отпор врагу.

2). Государственный Комитет Обороны обязывает Вас, ввиду отхода войск и только в случае отхода, в районе 70-верстной полосы от фронта увести все взрослое мужское население, рабочий скот, зерно, трактора, комбайны и двигать своим ходом на восток, а чего невозможно вывезти, уничтожать, не касаясь, однако, птицы, мелкого скота и прочего продовольствия, необходимого для остающегося населения. Что касается того, чтобы раздать все это имущество войскам, мы решительно возражаем против этого, так как войска могут превратиться в банды мародеров.

3). Электростанции не взрывать, но снимать все те ценные части, без которых станции не могут действовать, с тем, чтобы электростанции надолго не могли действовать.

4). Водопроводов не взрывать.

5). Заводов не взрывать, но снять с оборудования все необходимые ценные части, станки и т. д., чтобы заводы надолго не могли быть восстановлены.

6). После отвода наших частей на левый берег Днепра все мосты взорвать основательно.

7). Склады, особенно артиллерийские, вывезти обязательно, а чего нельзя вывезти, взорвать.

8). Что касается эвакуации заводов дальше 70-верстной полосы, где прямой угрозы со стороны противника пока не имеется, то эту эвакуацию осуществлять заблаговременно, вывозя главным образом станки и прочее наиболее ценное оборудование.

Председатель Государственного
Комитета Обороны
И. СТАЛИН

Источник. 1995. № 2. С. 113.

Примечание. Хрущев Н. С. (1894–1971) — первыйй секретарь ЦК КП(б) Украины, член Политбюро ЦК ВКП(б), член Военных Советов Главного командования Юго-Западного направления (08–10.1941), Юго-Западного фронта (09.1941–07.1942), Главного командования Юго-Западного направления (12.1941–06.1942), Сталинградского (07–08.1942), Юго-Восточного (08–09.1942), Сталинградского (09–12.1942), Южного (с 01.1943) фронтов.

БЕСЕДА С ПОСЛОМ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В СССР С. КРИППСОМ

10 июля 1941 года

Сов. секретно

Криппс заявил, что он получил на имя т. Сталина личное послание Черчилля, являющееся ответом на предложения, сделанные т. Сталиным в беседе от 8 июля.

Зачитав вслух и вручив т. Сталину русский текст послания Черчилля, Криппс отметил встретившиеся затруднения при переводе на русский язык той части послания Черчилля, где говорится о «декларированном соглашении, выраженном в заявлении». Криппс далее заявил, что в целях ускорения подписания соглашения он по личной инициативе и под свою личную ответственность набросал проект соглашения, которое, по его мнению, отражает точку зрения английского правительства.

Проект представленного Криппсом соглашения гласил:

«Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве и Правительство Союза Советских Социалистических Республик согласились и декларируют о следующем:

а) Оба правительства взаимно обязуются оказывать друг другу помощь всякого рода в настоящей войне против Германии.

б) Они далее обязуются, что в продолжение этой войны они не будут вести переговоров о мире и не будут заключать перемирие без обоюдного согласия».

Отвечая на вопрос т. Сталина, почему бы не назвать предлагаемый проект документа соглашением, Криппс заявил, что ему при составлении проекта пришлось руководствоваться посланием Черчилля, где последний называет документ «согласованной декларацией». Желая поскорее начать обсуждение соглашения, Криппс и решил составить проект в наиболее простой, по его мнению, форме, и он, Криппс, не будет ничего иметь против внесения в текст его проекта каких-либо поправок и предложений.

Приняв к сведению разъяснение Криппса, т. Сталин предложил дополнить первый пункт проекта и включить этот пункт в проект в следующей редакции:

а) Оба правительства обязуются оказывать друг другу всякого рода помощь, в том числе и вооруженную, в войне против Германии.

Согласившись с новой редакцией первого пункта, Криппс, однако, заявил, что поскольку в предложенном им тексте упоминается оказание «друг другу помощи всякого рода», то он не видит большой надобности в предложенном т. Сталиным добавлении. Криппс также заявил, что он как адвокат часто сталкивался в Англии с составлением соглашений и всегда пользовался общими терминами. У англичан, пояснил Криппс, странный способ передачи смысла документа, и он находит, что если сделать оговорку, то в Англии найдутся люди, которые будут думать, что оговоренная в соглашении помощь ограниченна. Вопрос, поднятый т. Сталиным, Криппс считает чисто техническим. Однако он лично должен предостеречь, что в Лондоне, возможно, сделают те же замечания, какие сделал сам Криппс.

Тов. Сталин спросил Криппса, не возражает ли тот, если на беседе будет присутствовать т. Молотов.

Криппс выразил полное согласие с предложением т. Сталина, после чего в беседе принял участие т. Молотов.

После того как т. Молотов ознакомился с посланием Черчилля и предложениями Криппса, т. Сталин прочитал англо-франко-турецкий договор и согласился, что в этом договоре действительно

сказано: «В случае если Турция будет вовлечена в военные действия с европейской державой в результате агрессии, совершенной этой державой против Турции, Франция и Соединенное Королевство будут эффективно сотрудничать с Турцией и окажут ей в пределах своих сил всяческую помощь и содействие».

Криппс, шутя, заявил, что он надеется, что соглашение, которое собираются заключить Англия и СССР, не постигнет участь англо-франко-турецкого договора.

Тов. Сталин заметил, что никто не мог и не может сказать, что Советский Союз не выполнял взятых на себя обязательств по заключенным им договорам.

Коснувшись редакции первого пункта проекта соглашения, т. Сталин предложил следующий вариант:

1) Оба правительства обязуются оказывать друг другу всякого рода помощь и содействие…

Если, заявил т. Сталин, такой вариант приемлем, то у него больше нет никаких возражений.

Приняв к сведению замечание т. Сталина, Криппс спросил, может ли он послать телеграмму в Лондон с текстом проекта соглашения как одобренного Советским правительством.

Ответив утвердительно, т. Сталин спросил Криппса, определено ли действие данного соглашения какими-либо сроками или нет.

Криппс заявил, что срок действия соглашения определяется продолжительностью войны против Германии. Как только кончится война, то договор сам по себе отпадет. Война же не кончится до тех пор, пока обе страны, как это указано в договоре, не заключат мир при взаимном согласии.

Тов. Сталин в шутливом тоне заметил: «А не боится ли Англия, что русские сами победят Германию и скажут Англии: не хотим, мол, с вами иметь никакого дела».

Криппс, также смеясь, ответил, что это невозможно, так как сторонам, подписавшим соглашение, не разрешается делать что-либо подобное.

Далее т. Сталин спросил Криппса, как будет называться предлагаемый послом проект документа.

Криппс заявил, что это будет соглашение в форме декларации. В этой декларации будет сказано о том, что обе договаривающиеся стороны заключили соглашение, о чем они и «декларируют».

На предложение т. Сталина назвать документ не декларацией, а договором, как это сделано у Англии с Турцией, Криппс заявил, что договор по своему содержанию гораздо сложнее, имеет различные дополнения, приложения и т. п.

Возможно, заявил Криппс, впоследствии мы могли бы выработать такой договор.

Не согласившись с замечанием т. Сталина, что декларация меньше обязывает, чем соглашение, Криппс предложил назвать документ или «Согласованной декларацией», или «Декларированным соглашением».

По мнению Криппса, новая форма соглашения лучше, чем обычная, так как она даст результаты в ближайшее время. Если же обе стороны будут обсуждать отдельные пункты документа, то пройдут месяцы.

Тов. Сталин заявил Криппсу, что пусть лучше пройдут месяцы, но пусть обе стороны выработают настоящий документ, определяющий их сотрудничество.

На предложение Криппса назвать документ декларацией «о соглашении о совместных действиях Правительства Его Величества и Правительства СССР» т. Сталин заявил, что есть лучшие формы определения сотрудничества. На опыте Мюнхена уже весь мир убедился, что декларации ничего не стоят, и их никто не выполняет.

Криппс начал уверять т. Сталина, что настоящее соглашение Англия будет выполнять и соблюдать и что название не изменит смысл и содержание документа.

Тов. Сталин заметил, что предлагаемое послом название документа даст обильную пищу критикам. Может создаться впечатление, что обе стороны не имеют уверенности друг в друге.

Согласившись с замечанием т. Сталина о критиках, Криппс заявил, что во Франции побоятся критиковать соглашение. Криппс, однако, предложил назвать документ «Соглашение между Англией и СССР о совместных действиях против Германии» или «Соглашение относительно взаимопомощи и консультации между СССР и Англией».

Тов. Сталин и т. Молотов заметили, что добавление слова «консультация» ослабляет значение документа.

Криппс тогда предложил следующее название документа: «Соглашение о совместных действиях Правительства Его Величества в Соединенном Королевстве и Правительства Союза Советских Социалистических Республик в войне против Германии».

Тов. Сталин и т. Молотов согласились с предложением Криппса.

Далее т. Сталин и т. Молотов и Криппс пришли к окончательному решению о тексте самого соглашения, приняв следующую редакцию:

«Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве и Правительство Союза Советских Социалистических Республик заключили настоящее соглашение и заявляют (декларируют) о следующем:

1. Оба правительства взаимно обязуются оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода в настоящей войне против гитлеровской Германии.
2. Они далее обязуются, что в продолжение этой войны они не будут ни вести переговоров, ни заключать перемирие или мирный договор, кроме как с обоюдного согласия».

Криппс заявил, что он хотел бы послать в Лондон как английский текст проекта, так и русский.

Тов. Сталин и т. Молотов одобрили желание Криппса и передали послу русский текст проекта соглашения.

Криппс заявил, что если он получит согласие своего правительства на подписание в том виде, как оно сейчас выработано, то он, Криппс, будет просить Лондон уполномочить его подписать это соглашение.

В заключение беседы т. Молотов спросил Криппса, получил ли тот ответ из Лондона касательно предложений о принятии совместных мер в Иране и Афганистане.

Криппс заявил, что он телеграфировал в Лондон и просил рассмотреть поставленный т. Сталиным вопрос немедленно. Криппс также указал Лондону на необходимость снестись с Майским, чтобы выяснить, можно ли сделать совместный демарш.

Обещав проконсультироваться с английским посланником в Тегеране, Криппс высказал предположение, что, может быть, придется дипломатические меры поддержать военными.

Тов. Сталин согласился с последним замечанием Криппса.

Добавив, что он указал Лондону на необходимость быстрых действий в вопросе о немцах в Иране, Криппс заявил, что он снесется с английским посланником в Кабуле и узнает положение вещей. Если надо будет, то он согласует со своим правительством вопрос о совместных действиях английского и Советского правительств.

Тов. Сталин сообщил Криппсу, что советская разведка узнала с месяц тому назад о предложениях, которые немцы сделали иранцам. Немцы предлагали Ирану продавать им нефть втрое дороже, чем англичанам.

Немцы также обещали иранцам, что помогут захватить нефтяные промыслы Баку.

Криппс заявил, что о первом у него имелись аналогичные сообщения. Что же касается обещаний немцев оказать помощь в захвате Баку, то это он слышит впервые. Криппс добавил, что единственный способ расправиться с немцами — это принять совместные действия.

Прощаясь с Криппсом, т. Сталин заявил, что он лично просит как Криппса, так и самого Черчилля поскорее разрешить вопрос с подписанием соглашения с тем, чтобы внести ясность как в самом СССР, так и во всей Европе.

Криппс заверил т. Сталина, что ни с его стороны, ни со стороны Черчилля не будет задержки и что вопрос будет стоять только за доминионами.

Беседа продолжалась 1 час 10 мин.
Беседу записал *Потрубач*

Документы внешней политики. Т. XXIV. С. 129–132. АВП РФ. Ф. 048. Оп. 48. П. 431. Д. 10. Л. 5–12.

Примечание. Потрубач М. М. — помощник наркома иностранных дел СССР.
В «Личном послании от г-на Черчилля г-ну Сталину», имеющем гриф «Весьма конфиденциально», говорилось: «Тотчас же по получении от сэра Стаффорда Криппса донесения о его беседе с Вами

и о сделанном при этом предложении об англо-советской согласованной декларации, …мною было созвано заседание британского Военного кабинета с участием премьера доминиона Новая Зеландия г-на Фрезера, находящегося в настоящее время в Лондоне. Как Вы поймете, нам будет необходимо запросить мнение доминионов — Канады, Австралии и Южной Африки. Мне хотелось бы, однако, тем временем заверить Вас, что мы всецело одобряем предложение, сделанное Вами о согласованной англо-советской декларации. Мы считаем, что подписание декларации должно было бы состояться тотчас же по получении ответов от правительств доминионов и что немедленно вслед за этим следовало бы предать его гласности» (Переписка председателя Совета Министров СССР… С. 8–9).

12 июля 1941 года между правительствами СССР и Великобритании вместо предполагавшейся англо-советской декларации было заключено Соглашение о совместных действиях в войне против Германии.

ПЕРЕГОВОРЫ ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ С ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ ЗАПАДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ С. К. ТИМОШЕНКО

20 июля 1941 года

У аппарата СТАЛИН. Здравствуйте. Вы до сих пор обычно подкидывали на помощь фронту по две, по три дивизии, и из этого пока что ничего существенного не получалось. Не пора ли отказаться от подобной тактики и начать создавать кулаки в семь-восемь дивизий с кавалерией на флангах. Избрать направление и заставить противника перестроить свои ряды по воле нашего командования. Вот, например, нельзя ли в группе из трех дивизий Хоменко, трех дивизий орловских, одной танковой дивизии, которая уже дерется под Ярцевом, и одной мотодивизии, добавить, может, еще две-три дивизии из резервной армии, прибавить сюда кавалерию и нацелить всю эту группу на район Смоленска, чтобы разбить и вышибить противника из этого района, отогнав его за Оршу. Я думаю, что пришло время перейти нам от крохоборства к действиям большими группами. Все.

ТИМОШЕНКО. Я думаю, правильно будет осуществление замысла, изложенного Вами; тем более, последние данные говорят за то, что противник всеми своими силами танковых частей и мотодивизий на направлении Смоленска действует северо-западнее — на Ярцево и все-таки главная группа танков — на Ельню, блокируя танками и мотопехотой непосредственно Смоленск. И, конечно, угроза создается Смоленску и на узком фронте непосредственно на Ярцево. Удар, рекомендуемый Вами, т. е. мощный удар именно на Смоленск без больших обходов, может решительно сказаться в нашу пользу. Все.

Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16(5–1). С. 83–84. ЦАМО. Ф. 96а. Оп. 2011. Д. 5. Л. 1, 2.

Примечание. Хоменко В. А. (1899–1943) — генерал-майор, командующий 30-й армией (с 07.1941), заместитель командующего Московской зоной обороны (с 11.1941), командующий 58-й (с 09.1942) и 44-й (с 11.1942) армиями.

ИЗ ПЕРЕГОВОРОВ ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ С КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ БРЯНСКОГО ФРОНТА А. И. ЕРЕМЕНКО

24 августа 1941 года

Конец 23 ч 40 мин

[…]*

ЕРЕМЕНКО. Я хотел бы поставить еще один вопрос относительно пикирующих бомбардировщиков. В связи с тем, что перед фронтом действуют подвижные войска противника и что

затруднить их маневр могут пикирующие бомбардировщики (они хороши главным образом для действия по мостам и по узким дефиле, это я знаю из опыта — как нам затруднял противник маневр под Смоленском своими пикирующими бомбардировщиками), прошу дать один полк Пе-2, желательно 24-й Краснознаменный полк. Кроме того, для систематического ночного воздействия на противника дать одну эскадрилью ТБ-3, а также прошу дать 10 штук У-2 для связи. У меня все.

У аппарата СТАЛИН. Здравствуйте. У-2 Вам уже отправлены, ТБ-3 получите, Пе-2 два или даже три (речь идет о количестве авиационных полков. — *Ред.*) можем немедленно отправить Вам. У меня есть к Вам несколько вопросов.

1. Не следует ли расформировать Центральный фронт, 3-ю армию соединить с 21-й и передать в Ваше распоряжение соединенную 21-ю армию? Я спрашиваю об этом потому, что Москву не удовлетворяет работа Ефремова.
2. Вы требуете много пополнений людьми и вооружением. Из Ваших заявок я вижу, что Вы исходите из старых штатов 17 000 человек на дивизию. Но у нас имеется решение не иметь больше 17-тысячных дивизий ввиду громоздкости тылов, а иметь 11 000 в дивизии. Если же в старых дивизиях сохранились оба полка артиллерии, то можно иметь в дивизии до 13 000, в самом крайнем случае до 15 000, но не больше. Я прошу Вас руководствоваться при составлении заявок на пополнение этими соображениями.
3. Мы можем послать Вам на днях, завтра, в крайнем случае послезавтра, две танковые бригады с некоторым количеством КВ в них и 2–3 танковых батальона; очень ли они нужны Вам?
4. Если Вы обещаете разбить подлеца Гудериана, то мы можем послать еще несколько полков авиации и несколько батарей РС. Ваш ответ?

ЕРЕМЕНКО. Здравствуйте. Отвечаю.

1. Мое мнение о расформировании Центрального фронта таково: в связи с тем, что я хочу разбить Гудериана и, безусловно, разобью, то направление с юга нужно крепко обеспечивать. А это значит — прочно взаимодействовать с ударной группой, которая будет действовать из района Брянска. Поэтому прошу 21-ю армию, соединенную с 3-й, подчинить мне.
2. Относительно пополнения. Тут, по-видимому, вкралась где-либо ошибка: я, наоборот, те дивизии, которые восстанавливаются в 13-й армии, приказал укомплектовать их на первое время хотя бы до 6 тысяч и не требовал 17 тысяч; тут, по-видимому, неопытные наши работники просто напутали.

Я очень благодарен Вам, товарищ Сталин, за то, что Вы укрепляете меня танками и самолетами. Прошу только ускорить их отправку, они нам очень и очень нужны. А насчет этого подлеца Гудериана, безусловно, постараемся разбить, задачу, поставленную Вами, выполнить — т. е. разбить его. У меня к Вам больше вопросов нет. Будут ли вопросы ко мне?

СТАЛИН. Мы думаем, что можно было бы Ефремова снять с фронта и сделать его Вашим заместителем, если Вы этого хотите, а командующим 21-й армией, туда войдет и 3-я армия, поставить Кузнецова — нынешнего командующего 3-й армией. В Генштабе говорят, что Кузнецов более энергичен и способнее, чем Ефремов. Учтите, что 21-я армия уже получила или скоро получит 27 000 пополнения. Мы думаем, что работников 3-й армии Вы могли бы использовать для усиления вашего фронтового штаба. Что касается фронтового штаба Центрального фронта, то его работников мы хотели бы получить в Москву. Один вопрос — как действуют у вас штурмовики Ил-2? Все.

ЕРЕМЕНКО. Отвечаю на первый вопрос. Я не возражаю против назначения Ефремова заместителем командующего Брянским фронтом. Относительно штаба 3-й армии — я просил бы его использовать как штаб армии, посадив его на фронте между 50-й и 13-й армиями, с подчинением ему трех стрелковых и одной кавдивизии, ибо сейчас в армиях по 10–11 единиц (имеется в виду количество соединений. — *Ред.*) и трудно управлять армиями. Прошу назначить командующим этой армией генерал-майора Крайзера, проверенного мною в боях, показавшего исключительные командирские качества. Он сейчас командует 1-й мотодивизией на Запфронте.

Второй вопрос. Я Вам сегодня послал доклад шифром, в котором прошу командармом 13 назначить генерал-майора Городнянского — командира 129-й дивизии. Этот тоже проверен в боях и показал большие тактические способности и непреклонную волю к победе.

Относительно штурмовиков Ил-2. Летчики и все командиры в восторге от их действий; они-то, по сути дела, за два дня значительно нанесли поражение противнику и заставили, по сути дела, остановиться и топтаться на месте группу Гудериана.

До свидания, товарищ Сталин.

СТАЛИН. Хорошо, сделаем, как Вы предлагаете. С Вами хочет продолжить разговор начальник Генерального штаба. До свидания. Желаю успеха. Сталин.

ШАПОШНИКОВ. Товарищ Еременко! Завтра, 25.08, Вы получите приказ о дальнейших ваших действиях. Приказ будет Вам доставлен особым нарочным из Генерального штаба на автомобиле. По получении приказа прошу телеграфировать о его доставке Вам. Все.

До свидания. Б. Шапошников.

ЕРЕМЕНКО. Хорошо, буду ждать.

Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16(5–1). С. 131–135. ЦАМО. Ф. 96а. Оп. 2011. Д. 5. Л. 45–52.

* *При публикации опущено начало переговоров, где Еременко по просьбе Б. М. Шапошникова докладывает обстановку на фронте.*

Примечание. Ефремов М. Г. (1897–1942) — генерал-лейтенант, командующий 21-й армией, с 08.1941 — Центральным фронтом, с 10.1941 — 10-й армией, затем заместитель командующего Брянским фронтом. С 10.1941 командующий 33-й армией. Погиб в бою 19.04.1942.

Кузнецов В. И. (1894–1964) — генерал-лейтенант, командующий 3-й (с 06.1941), 21-й (с 08.1941), 58-й (12.1941), 1-й ударной (11.1941 — 05.1942), 63-й (07–11.1942) и 1-й гвардейской (с 12.1942) армиями.

Городнянский А. М. (1896–1942) — генерал-майор, командир 129-й дивизии, командующий 13-й (с 08.1941) и 6-й (с 01.1942) армиями. Генерал-лейтенант (с 03.1942). Погиб в бою (27.05.1942).

Гудериан Г. В. (1888–1954) — генерал-полковник вермахта, командующий 2-й танковой группой (с 10.1941 — 2-й танковой армией). С 12.1941 — в резерве.

РАСПОРЯЖЕНИЕ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ БРЯНСКОГО ФРОНТА А. И. ЕРЕМЕНКО

6 сентября 1941 года

04 ч 00 мин

Я узнал, что 108-я танковая дивизия попала в окружение и потеряла много танков и экипажей. Это могло случиться лишь по причине плохой распорядительности с Вашей стороны, нельзя пускать дивизию в наступление одиночкой, не подкрепив ее фланги и не прикрыв ее авиацией. Если авиация не могла летать ввиду плохой погоды, Вам следовало отложить наступление танковой дивизии до момента, пока погода не улучшится и авиация не получит возможность поддержать танковую дивизию. Обязываю Вас впредь не допускать такой опрометчивости. Обязываю Вас также найти средства для того, чтобы выручить оставшихся в окружении танкистов и по возможности также танки. Учтите также, что ссылка летчиков на плохую погоду не всегда правильна. Штурмовики могут летать и при плохой погоде, если облачность не ниже 100–150 метров. Передайте тов. Петрову, что я его обязываю поменьше ссылаться на погоду, получше использовать штурмовиков для полетов в плохую погоду.

И. СТАЛИН
Б. ШАПОШНИКОВ

Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 165. ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 97. Л. 34, 35.

Примечание. В составе группы генерала А. Н. Ермакова 29 августа 1941 108-я танковая дивизия была введена в бой против 47-го танкового корпуса противника. 31 августа развернулось танковое сражение, в котором участвовали с советской стороны 108-я танковая дивизия (полковник С. А. Иванов) и 141-я танковая бригада (бывшая 110-я танковая дивизия — полковник П. Г. Чернов), с немецкой стороны — 17-я танковая дивизия. Сражением руководили заместитель командующего Брянским фронтом генерал-майор Ермаков и генерал-лейтенант танковых войск В. А. Мишулин.

ЛИЧНОЕ ПОСЛАНИЕ ПРЕМЬЕРА г-на СТАЛИНА ПРЕМЬЕРУ г-ну ЧЕРЧИЛЛЮ

13 сентября 1941 года

Я изложил в своем последнем послании мнение правительства СССР о создании второго фронта как основного средства улучшения нашего общего дела. В ответ на Ваше послание, где Вы вновь подчеркиваете невозможность создания в данный момент второго фронта, я могу лишь повторить, что отсутствие второго фронта льет воду на мельницу наших общих врагов.

Я не сомневаюсь, что английское правительство желает победы Советскому Союзу и ищет путей для достижения этой цели. Если создание второго фронта на Западе в данный момент, по мнению английского правительства, представляется невозможным, то, может быть, можно было бы найти другое средство активной военной помощи Советскому Союзу против общего врага? Мне кажется, что Англия могла бы без риска высадить 25–30 дивизий в Архангельск или перевести их через Иран в южные районы СССР для военного сотрудничества с советскими войсками на территории СССР по примеру того, как это имело место в прошлую войну во Франции. Это была бы большая помощь. Мне кажется, что такая помощь была бы серьезным ударом по гитлеровской агрессии.

Приношу благодарность за обещание ежемесячной помощи со стороны Англии алюминием, самолетами и танками.

Я могу лишь приветствовать, что английское правительство думает оказать эту помощь не в порядке купли-продажи самолетов, алюминия и танков, а в порядке товарищеского сотрудничества.

Надеюсь, что английское правительство получит немало случаев убедиться в том, что правительство СССР умеет достойным образом оценить помощь своего союзника.

Два слова о записке посла Великобритании в Москве г-на Криппса, переданной В. М. Молотову 12 сентября 1941 года. В этой записке сказано: «В случае, если Советское правительство будет вынуждено уничтожить свои военно-морские суда в Ленинграде, чтобы предотвратить переход этих судов в руки неприятеля, правительство Его Величества признает требование Советского правительства после войны об участии правительства Его Величества в замене уничтоженных таким образом судов».

Советское правительство понимает и ценит готовность английского правительства возместить частично ущерб, который будет нанесен Советскому Союзу в случае уничтожения советских кораблей в Ленинграде. Не может быть сомнения, что в случае необходимости советские корабли в Ленинграде действительно будут уничтожены советскими людьми. Но за этот ущерб несет ответственность не Англия, а Германия. Я думаю поэтому, что ущерб должен быть возмещен после войны за счет Германии.

Переписка председателя Совета Министров СССР… С. 20–21.

Примечание. Инициатива Кремля по поводу высадки английских дивизий в СССР, как и следовало ожидать, понимания у партнеров не встретила. В ответном послании Черчилль развивал идею «успешного выступления в Норвегии» и привлечения Турции на сторону антигитлеровской коалиции. Предложение посражаться бок о бок с германскими дивизиями на восточном фронте он квалифицировал как «абсурд» и «сущую бессмыслицу». Между тем, в телеграмме послу в СССР Криппсу прямо высказывался за вывод советских дивизий из Ирана — «этим дивизиям следует

защищать свою собственную страну». (См.: Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000. С. 276). Разумеется, игра Черчилля для советской стороны загадкой не являлась. Молотов вспоминал: «Мы у союзников войска просили, предлагали, чтоб они свои войска дали на наш Западный фронт, но они не дали, они говорили: вы возьмите свои войска с Кавказа, а мы обеспечим охрану нефтяных промыслов. Мурманск тоже хотели охранять. А Рузвельт — на Дальнем Востоке. С разных сторон. Занять определенные районы Советского Союза. Вместо того чтобы воевать. Оттуда было бы непросто их потом выгнать…» (*Чуев Ф. И.* Молотов: полудержавный властелин. С. 79).

СВЕРДЛОВСК, УРАЛМАШ. ДИРЕКТОРУ МУЗРУКОВУ, ГЛАВНОМУ ИНЖЕНЕРУ РЫЖКОВУ

Прошу вас честно и в срок выполнять заказы по поставке корпусов для танка КВ Челябинскому тракторному заводу. Сейчас я прошу и надеюсь, что вы выполните долг перед Родиной. Через несколько дней, если вы окажетесь нарушителями долга перед Родиной, начну вас громить как преступников, пренебрегающих честью и интересами своей Родины. Нельзя терпеть, чтобы наши войска страдали на фронте от недостатка танков, а вы в далеком тылу прохлаждались и бездельничали.

И. СТАЛИН
17 сентября 1941 года

Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 188.

Примечание. Музруков Б. Г. (1904–1979) — директор Уральского завода тяжелого машиностроения (Уралмаш).

Рыжков Д. А. (1897–1964) — главный инженер и заместитель директора Уралмаша. С декабря 1941 г. — главный инженер и заместитель директора завода № 9 народного комиссариата вооружений СССР.

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 002373 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ЗАПАДНОГО ФРОНТА И. С. КОНЕВУ

27 сентября 1941 года

07 ч 25 мин

В связи с тем, что, как выявилось в ходе боев с противником, наши войска еще не готовы к серьезным наступательным операциям, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. На всех участках фронта перейти к жесткой, упорной обороне, при этом ведя активную разведку сил противника и лишь в случае необходимости предпринимая частные наступательные операции для улучшения своих оборонительных позиций.
2. Мобилизовать все саперные силы фронта, армий и дивизий с целью закопаться в землю и устроить на всем фронте окопы полного профиля в несколько линий с ходами сообщения, проволочными заграждениями и противотанковыми препятствиями.

   Особенно хорошо должны быть прикрыты в инженерном и огневом отношении направления на Ржев, Вязьму и стыки с соседними фронтами.
3. Организовать систематическую как воздушную, так и наземную разведку противника, установив постоянное наблюдение за всеми передвижениями и изменениями в боевых порядках противника.
4. За счет развития окопных и оборонительных сооружений постепенно умножать фронтовой и армейские резервы, выводя в ближайший тыл несколько дивизий для пополнения и усиления.

5. Командующим фронтом и армиями через каждые пять дней сообщать в Генеральный штаб о ходе исполнения настоящей директивы, особенно в части, касающейся строительства окопов.
6. Получение подтвердить.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
Б. ШАПОШНИКОВ

Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 208–209. ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 96. Л. 47.

Примечание. В тот же день директивы аналогичного содержания были отданы Юго-Западному (С. К. Тимошенко, № 002374) и Брянскому (А. И. Еременко, № 002375) фронтам. Командующему войсками Брянского фронта вменялось в обязанность особенно хорошо прикрыть в инженерном и огневом отношении направления на Брянск, Севск и Курск; а Юго-Западного — на Белгород, Харьков и Славянск.

ТИМОШЕНКО, ХРУЩЕВУ, ПОКРОВСКОМУ

5 октября 1941 года

№ 1977/ш, 5.10.41, 0:10

Ваше сообщение о причинах неудачных боев первой гвардейской дивизии получил. Ваши выводы считаю неправильными. Неудачи первой гвардейской дивизии объясняются тем, что командование фронта неправильно ввело дивизию в бой. Вы поступили неправильно, бросив в бой небольшие части дивизии без артиллерии до выгрузки и развертывания всей дивизии. Неправильно было также, что после стокилометрового перехода не дали бойцам передохнуть и оправиться и бросили их в бой сходу. Кроме того, фронт имел возможность поддержать части дивизии танками, чего он, однако, не сделал почему-то. При таком неправильном методе ввода частей в бой можно провалить любую первоклассную дивизию.

Сталин.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 59.

Примечание. Приказом народного комиссара обороны СССР И. В. Сталина и начальника Генерального штаба Красной Армии Б. М. Шапошникова 18 сентября 1941 года № 308 100-я, 127-я, 153-я и 161-я стрелковые дивизии, показавшие образцы мужества, отваги, дисциплины и организованности, были переименованы в 1-ю, 2-ю, 3-ю и 4-ю гвардейские дивизии (см.: *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 18. С. 257–258).

Тимошенко, направляя Сталину соответствующие материалы, в качестве главной причины неудачных действий гвардейцев в сентябре 1941 года указал на «недостаточную боевую сколоченность гвардейской дивизии» (Там же. Л. 58).

ТБИЛИСИ. КОЗЛОВУ

21 октября 1941 года

Можете ответить генералу Уэйвел следующим образом:

«Командование Закфронта приносит благодарность генералу Уэйвел за предложение о совместных действиях английских и советских войск. Вместе с тем командование Закфронта должно заявить, что оно не правомочно решать вопросы совместных действий английских и советских войск на территории Советского Союза, ибо подобные вопросы могут быть решены лишь

правительствами обеих стран. Ввиду этого командование Закфронта не может принять предложение генерала Уэйвел».

От себя Ставка приказывает вам вежливо отшить Уэйвел и ему подобных и послать их подальше.

По поручению Ставки
Василевский.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 59. Л. 88–89.

Примечание. Автограф И. В. Сталина.

Козлов Д. Т. (1896–1967) — генерал-лейтенант, командующий Закавказским (с 12.1941 — Кавказским), с 01.1942 — Крымским фронтом. Генерал-майор (06.1942). Командующий 24-й армией (08.1942). С 10.1942 помощник и заместитель командующего войсками Волховского фронта.

Василевский А. М. (1895–1977) — генерал-майор, заместитель начальника Оперативного управления Генштаба, с августа 1941 заместитель начальника Генштаба и начальник Оперативного управления. Генерал-лейтенант (28.10.1941), генерал-полковник (21.05.1942). С июня 1942 начальник Генштаба, с октября одновременно заместитель наркома обороны СССР. Генерал армии (18.01.1943).

Уэйвел А. П. (1883–1950) — генерал, командующий британскими войсками на Ближнем Востоке (1940–1941). Командующий войсками в Индии (1941–1942). Командующий объединенными войсками союзников в южной части Тихого океана (1942), командующий войсками в Индии (1942–1943).

РЕЧЬ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

7 ноября 1941 года

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, рабочие и работницы, колхозники и колхозницы, работники интеллигентского труда, братья и сестры в тылу нашего врага, временно попавшие под иго немецких разбойников, наши славные партизаны и партизанки, разрушающие тылы немецких захватчиков!

От имени Советского правительства и нашей большевистской партии приветствую вас и поздравляю с 24-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции.

Товарищи! В тяжелых условиях приходится праздновать сегодня 24-ю годовщину Октябрьской революции. Вероломное нападение немецких разбойников и навязанная нам война создали угрозу для нашей страны. Мы потеряли временно ряд областей, враг очутился у ворот Ленинграда и Москвы. Враг рассчитывал на то, что после первого же удара наша армия будет рассеяна, наша страна будет поставлена на колени. Но враг жестоко просчитался. Несмотря на временные неуспехи, наша армия и наш флот геройски отбивают атаки врага на протяжении всего фронта, нанося ему тяжелый урон, а наша страна — вся наша страна — организовалась в единый лагерь, чтобы вместе с нашей армией и нашим флотом осуществить разгром немецких захватчиков.

Бывали дни, когда наша страна находилась в еще более тяжелом положении. Вспомните 1918 год, когда мы праздновали первую годовщину Октябрьской революции. Три четверти нашей страны находилось тогда в руках иностранных интервентов. Украина, Кавказ, Средняя Азия, Урал, Сибирь, Дальний Восток были временно потеряны нами. У нас не было союзников, у нас не было Красной Армии, — мы ее только начали создавать, — не хватало хлеба, не хватало вооружения, не хватало обмундирования. 14 государств наседали тогда на нашу землю. Но мы не унывали, не падали духом. В огне войны организовали тогда мы Красную Армию и превратили нашу страну в военный лагерь. Дух великого Ленина вдохновлял нас тогда на войну против интервентов. И что же? Мы разбили интервентов, вернули все потерянные территории и добились победы.

Теперь положение нашей страны куда лучше, чем 23 года назад. Наша страна во много раз богаче теперь и промышленностью, и продовольствием, и сырьем, чем 23 года назад. У нас есть теперь союзники, держащие вместе с нами единый фронт против немецких захватчиков. Мы имеем теперь сочувствие и поддержку всех народов Европы, попавших под иго гитлеровской тирании. Мы имеем теперь замечательную армию и замечательный флот, грудью отстаивающие

свободу и независимость нашей Родины. У нас нет серьезной нехватки ни в продовольствии, ни в вооружении, ни в обмундировании. Вся наша страна, все народы нашей страны подпирают нашу армию, наш флот, помогая им разбить захватнические орды немецких фашистов. Наши людские резервы неисчерпаемы. Дух великого Ленина и его победоносное знамя вдохновляют нас теперь на Отечественную войну так же, как 23 года назад.

Разве можно сомневаться в том, что мы можем и должны победить немецких захватчиков?

Враг не так силен, как изображают его некоторые перепуганные интеллигентики. Не так страшен черт, как его малюют. Кто может отрицать, что наша Красная Армия не раз обращала в паническое бегство хваленые немецкие войска? Если судить не по хвастливым заявлениям немецких пропагандистов, а по действительному положению Германии, нетрудно будет понять, что немецко-фашистские захватчики стоят перед катастрофой. В Германии теперь царят голод и обнищание, за 4 месяца войны Германия потеряла 4 с половиной миллиона солдат, Германия истекает кровью, ее людские резервы иссякают, дух возмущения овладевает не только народами Европы, подпавшими под иго немецких захватчиков, но и самим германским народом, который не видит конца войны. Немецкие захватчики напрягают последние силы. Нет сомнения, что Германия не может выдержать долго такого напряжения. Еще несколько месяцев, еще полгода, может быть, годик — и гитлеровская Германия должна лопнуть под тяжестью своих преступлений.

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки! На вас смотрит весь мир как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят порабощенные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!

За полный разгром немецких захватчиков!
Смерть немецким оккупантам!
Да здравствует наша славная Родина, ее свобода, ее независимость!
Под знаменем Ленина — вперед, к победе!

Правда. 1941. 8 ноября.

ЛИЧНОЕ ПОСЛАНИЕ ПРЕМЬЕРА СТАЛИНА ПРЕМЬЕРУ ЧЕРЧИЛЛЮ

8 ноября 1941 года

Ваше послание я получил 7 ноября.

1. Я согласен с Вами, что нужно внести ясность, которой сейчас не существует во взаимоотношениях между СССР и Великобританией. Эта неясность есть следствие двух обстоятельств: первое — не существует определенной договоренности между нашими странами о целях войны и о планах организации дела мира после войны; и второе — не существует договора между СССР и Великобританией о военной взаимопомощи в Европе против Гитлера. Пока не будет договоренности по этим двум главным вопросам, не только не будет ясности в англо-советских взаимоотношениях, но, если говорить совершенно откровенно, не обеспечено и взаимное доверие. Конечно, имеющаяся договоренность по вопросу о военном снабжении Советского Союза имеет большое положительное значение, но это не решает дела и далеко не исчерпывает вопроса о взаимоотношениях между нашими странами.

   Если генерал Уэйвелл и генерал Пэйджет, о которых говорится в Вашем послании, приедут в Москву для заключения соглашений по указанным основным вопросам, то, разумеется, я готов с ними встретиться и рассмотреть эти вопросы. Если же миссия названных генералов ограничивается делом информации и рассмотрения второстепенных вопросов,

то я не вижу необходимости отрывать генералов от их дел и сам не смогу выделить время для таких бесед.

2. Относительно объявления войны Финляндии, Венгрии и Румынии со стороны Великобритании создалось, мне кажется, нетерпимое положение. Советское правительство поставило этот вопрос перед правительством Великобритании в секретном дипломатическом порядке. Неожиданно для СССР весь этот вопрос, начиная от обращения Советского правительства к правительству Великобритании вплоть до рассмотрения этого вопроса правительством США, вынесен в печать и обсуждается в печати, дружественной и вражеской, вкривь и вкось. И после всего этого правительство Великобритании заявляет о своем отрицательном отношении к нашему предложению. Для чего все это делается? Неужели для того, чтобы демонстрировать разлад между СССР и Великобританией?
3. Можете не сомневаться, что нами принимаются все меры к тому, чтобы поступающее из Англии в Архангельск вооружение своевременно доставлялось по месту назначения. То же будет сделано и в отношении Ирана. Нельзя, однако, не сказать, хотя это и мелочь, что танки, артиллерия и авиация приходят в плохой упаковке, отдельные части артиллерии приходят в разных кораблях, а самолеты настолько плохо упакованы, что мы получаем их в разбитом виде.

Переписка председателя Совета Министров СССР… С. 29–30.

Примечание. Пейджет Б. — генерал, начальник штаба территориальных войск Великобритании (1941), командующий территориальными войсками Великобритании (1942). **См. также примечание к телеграмме И. М. Майскому 19 ноября 1941 года.**

ТЕЛЕГРАММА И. В. СТАЛИНА И. М. МАЙСКОМУ

19 ноября 1941 года

Мое послание к Черчиллю имеет исключительно деловой характер и не задевает лично кого-либо из членов английского правительства, тем более не может задевать премьера Черчилля. Я слишком обременен делами фронта, чтобы уделить хоть одну минуту на личные дела. Мне кажется странным, что поставленные в моем послании важные деловые вопросы о военном соглашении и об организации дела мира после войны подменены вопросами личного порядка. Если кто и обижен создавшимся положением, так это — моя Родина, так как поставленный нашим правительством в секретном дипломатическом порядке вопрос о Финляндии был вынесен в печать и было опубликовано, что Англия отклонила предложение СССР об объявлении состояния войны с Финляндией. Разве трудно понять, что это обстоятельство поставило мою Родину в положение страны обескураженной и униженной. И все же, несмотря на это, у меня нет претензий на этот счет, и добиваюсь лишь одного — соглашения насчет взаимной помощи в Европе против Гитлера и договора об устройстве дела мира после войны. Таков мой ответ на пожелание Идена и Бивербрука.

Сталин.

Соколов В. В. И. М. Майский между И. В. Сталиным и У. Черчиллем в первые месяцы войны // Новая и новейшая история. 2001. № 6. С. 30.

Примечание. Содержание послания И. В. Сталина У. Черчиллю от 8 ноября 1941 г. вызвало раздражение премьер-министра Великобритании. 12 ноября Иден, а затем лорд У. Бивербрук сообщили И. Майскому, что премьер-министр, как и весь кабинет в целом «были удивлены и огорчены» тоном и содержанием послания Сталина. Они дали понять, что если бы со стороны Сталина последовало какое-либо разъяснение, что «в своем послании он не имел в виду обидеть Черчилля, что произошло недоразумение и проч., то инцидент можно было бы уладить». 15 ноября Майский сообщил об этом в Москву, после чего получил в ответ публикуемую выше телеграмму.

НАРКОМБОЕПРИПАСОВ — ГОРЕМЫКИНУ. МОЛОТОВСКИЙ ОБКОМ, ЗАВОД № 98

4 декабря 1941 года

Завод сорвал в ноябре программу производства нитроглицериновых порохов… Вы должны дать в декабре не менее 950 тонн… Дальнейший срыв задания по поставке нитроглицериновых порохов Государственный Комитет Обороны будет рассматривать как преступление перед Родиной.

И. Сталин.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 59. Л. 101.

БЕСЕДА С МИНИСТРОМ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ВЕЛИКОБРИТАНИИ А. ИДЕНОМ

16 декабря 1941 года

После взаимных приветствий и выражения удовольствия со стороны Идена вновь оказаться в Москве и встретиться с т. Сталиным, т. Сталин предложил Идену проекты двух договоров — о военной взаимопомощи и о разрешении послевоенных проблем. Бегло ознакомившись с названными текстами, Иден заявил, что каких-либо принципиальных возражений против такого рода документов у него нет, но что он хотел бы, конечно, несколько внимательнее изучить предложенные тексты и, может быть, внести в них те или иные небольшие поправки.

Тов. Сталин и Молотов не возражали против намерения Идена.

Затем т. Сталин заявил, что, по его мнению, было бы желательно приложить ко второму договору секретный протокол, в котором была бы намечена общая схема реорганизации европейских границ после войны. Схема эта сводилась к следующему:

1. *Польша.* Западная граница Польши должна включать Восточную Пруссию и коридор, причем немецкое население этих районов должно быть эвакуировано в Германию. Восточная граница Польши (граница с СССР) должна идти по реке Неман, причем Тильзит должен находиться в руках Литвы, составляющей часть СССР. Далее к югу эта граница в основном должна идти примерно по «линии Керзона», которая может быть в известных пунктах частично модифицирована.
2. *Чехословакия* должна быть восстановлена в своих старых границах, включая Судеты. Этот последний район, ввиду его стратегической важности, ни в коем случае не может быть передан в руки Германии. Сверх того, территория Чехословакии должна быть увеличена на юге за счет Венгрии, которая должна понести надлежащее возмездие за свое поведение в ходе этой войны.
3. *Югославия* должна быть восстановлена в своих старых границах и несколько расширена за счет Италии (Триест, Фиуме, острова в Адриатическом море и т. д.).
4. *Албания* может быть восстановлена как независимое государство при гарантии ее независимости другими державами.
5. *Турция* в виде компенсации за соблюдение ею нейтралитета может получить Додеканес, населенный турками район Болгарии к югу от Бургаса и, может быть, какие-либо территории в Сирии. Полезно было бы также передать Турции некоторые острова Эгейского моря, закрывающие выходы из ее важнейших портов, вроде Смирны. По этому пункту Иден заметил, что на Додеканес давно уже претендуют греки, ибо население названных островов является греческим, однако признал необходимость обсуждения и того или иного урегулирования данного вопроса. Тов. Сталин со своей стороны прибавил, что отход от Болгарии Бургасского района явился бы наказанием за поведение Болгарии во время войны. Болгария должна была бы также несколько пострадать территориально и на своей югославской границе. По мнению т. Сталина, для Болгарии совершенно достаточно иметь один морской порт в виде Варны.

6. *Греция* должна быть восстановлена в своих старых границах. То же должно быть сделано и в отношении всех остальных оккупированных Германией стран.
7. *Франция.* По вопросу о будущем Франции т. Сталин задал Идену вопрос, что он думает на эту тему. Вполне очевидно, что Петэн и компания — люди совершенно безнадежные, люди, которые сделали ставку на победу Германии, но каково все-таки возможное будущее Франции? Можно ли сейчас высказать по данному поводу известные предположения или же лучше игнорировать всю эту проблему? Иден ответил, что он вполне согласен с т. Сталиным в оценке Петэна и компании. Что же касается будущего Франции, то ему кажется, что Франция пройдет через очень длинный период разложения и депрессии, прежде чем она снова сможет стать великой державой. Не исключено, что этого и вообще не случится и что Франция перейдет на положение второстепенной европейской державы вроде Испании. Тов. Сталин высказал мнение, что если бы Франция осталась после этой войны в состоянии длительной прострации, то в интересах безопасности Великобритании было бы целесообразно, чтобы последняя имела свои военные и морские базы на французском берегу в таких пунктах, как, например, Булонь, Дюнкерк и т. д. Равным образом было бы целесообразно, чтобы Бельгия и Голландия находились в открытом военном союзе с Великобританией и чтобы последняя на их территориях также имела право содержать свои военные, воздушные и морские базы. Это было бы важно не только с точки зрения интересов безопасности Великобритании, но также и как гарантия независимости Бельгии и Голландии. Советский Союз был бы готов поддерживать эти притязания Англии. Советский Союз также не возражал бы против того, чтобы Англия имела свои морские базы в Норвегии или Дании, при условии гарантии некоторыми державами входов и выходов из Балтийского моря. Иден выразил т. Сталину благодарность за его обещание поддержки Великобритании в приобретении морских и других баз в только что названных странах.
8. *Германия.* В отношении Германии т. Сталин сказал, что абсолютно необходимым является ослабление Германии в первую очередь путем отделения Рейнской области с ее промышленным районом от остальной Пруссии. Как должна быть оформлена дальнейшая судьба Рейнской области — в виде ли независимого государства, протектората и т. д., — можно будет обсудить в дальнейшем. Важно самое отделение. Австрия должна быть восстановлена как независимое государство. Возможно, что то же следовало бы сделать с Баварией.
9. *Советский Союз* считает необходимым восстановление своих границ, как они были в 1941 г., накануне нападения Германии на СССР. Это включает советско-финскую границу, установленную по мирному договору между СССР и Финляндией 1940 г., Прибалтийские республики, Бессарабию и Северную Буковину. Что касается границы СССР с Польшей, то она, как уже выше было сказано, в общем и целом могла бы идти по «линии Керзона» и с включением Тильзита в состав Литовской республики. Кроме того, Советский Союз, сделавший в 1940 г. подарок Финляндии в виде возвращения Петсамо, считал бы необходимым ввиду позиции, занятой Финляндией в нынешней войне, вернуть себе этот подарок. Далее Советский Союз хотел бы, чтобы Румыния имела военный союз с СССР с правом для последнего иметь на румынской территории свои военные, воздушные и морские базы. Объем самой Румынии должен быть несколько увеличен на западе за счет Венгрии, в рамках которой в настоящее время проживает до 1,5 млн. румын. Это также явилось бы дополнительным наказанием для Венгрии за ее роль в войне. На севере такого же рода отношения Советский Союз хотел бы иметь с Финляндией, то есть Финляндия должна была бы состоять в военном союзе с СССР с правом последнего иметь на финской территории свои военные, воздушные и морские базы.

Изложив все это, т. Сталин заметил, что данная схема должна была бы лечь в основу того секретного протокола, который следовало бы приложить к договору о послевоенных проблемах. Далее т. Сталин коснулся еще двух вопросов послевоенного порядка. Во-первых, он высказал мнение, что Германия должна будет возместить пострадавшим от нее странам (Великобритании, Советскому Союзу, Польше и др.) нанесенный ею вред. Во-вторых, в будущей реконструированной Европе в интересах поддержания мира и порядка желательно было бы создать военный союз демократических государств, во главе которого стоял бы какой-либо совет или другой центральный орган, имеющий в своем распоряжении международную военную силу. Советский Союз также не имел

бы возражений против создания в Европе тех или иных государственных федераций. Тов. Сталин просил Идена высказать свое мнение по всем затронутым им вопросам.

Иден начал с текстов договоров, подлежащих оглашению, и в этой связи вручил т. Сталину выработанный им свой проект соглашения. Иден полагал, что текст будущих договоров мог бы в известной мере явиться объединением нашего текста с предложенным им английским текстом, тем более что в ряде пунктов они совпадают.

Что касается проблем послевоенной Европы, то Иден высказал свою большую благодарность т. Сталину за столь подробное и откровенное изложение того, что он думает по этому поводу. Лично Иден согласен с мнением, высказанным т. Сталиным. Иден полагает, что в послевоенной Европе ответственность за ее реконструкцию и за поддержание мира и порядка ляжет главным образом на наши два государства, совместно, конечно, с Соединенными Штатами, поскольку последние готовы будут вообще сотрудничать в этом деле. В отношении будущей Германии Иден может заверить т. Сталина, что британский народ твердо решил сделать все, что в его власти, для предупреждения нового повторения германской агрессии. Как это должно быть сделано, требует внимательного рассмотрения и обсуждения. Идену представляется, что при всяких условиях необходим самый строгий военный контроль над Германией и что Англия, Советский Союз и Соединенные Штаты (если последние этого захотят) должны будут организовать подобный контроль. По вопросу о раздроблении Германии британское правительство не принимало никаких решений, но в принципе оно против этого не возражает. Идену кажется, что разделение Германии желательно было бы провести по возможности путем стимулирования сепаратистских движений в Германии. Однако британское правительство готово обсуждать и всякие другие способы проведения данной политики. Британское правительство при всяких условиях стоит за независимость Австрии. Оно готово рассматривать вопрос о независимости Баварии и независимости Рейнской области. Иден должен, однако, заметить, что британское правительство до сих пор всерьез не занималось проблемой будущего Германии, как и вообще проблемами послевоенной Европы. Здесь оно далеко отстало от Советского правительства. Поэтому сейчас он может высказать лишь свое собственное мнение, как отдельный министр. Однако по возвращении домой он доложит весь вопрос кабинету, который его обсудит, и после того дискуссия на данную тему может быть продолжена через Майского в Лондоне или через Криппса в Москве. В вопросе о репарациях британское правительство держится той точки зрения, что денежные репарации не имеют никакой цены. Опыт прошлой войны показал, что денежные репарации ведут только к целому ряду финансовых и экономических затруднений и больше вредят победителям, чем побежденным. Иное дело реституция тех материальных ценностей (товары, машины и т. п.), которые Германия уничтожила или захватила.

Тов. Сталин заметил, что Советский Союз также считает, что денежные репарации малополезны и что Германия должна произвести реституцию в натуре. Самое лучшее было бы лишить Германию и Италию их наиболее совершенных станков в интересах оккупированных или пострадавших стран.

Иден полностью согласился с т. Сталиным и заявил, что он не видит оснований, почему мы не должны были бы требовать, чтобы Германия восстановила, например, Советскому Союзу те станки, машины, фабрики и т. д., которые она разрушила.

Переходя далее к более общему вопросу о схеме послевоенной реконструкции, Иден добавил, что еще до того, как СССР был вовлечен в войну, Рузвельт прислал Черчиллю послание, в котором просил британское правительство не принимать на себя никаких секретных обязательств о послевоенной реконструкции Европы без предварительной консультации с ним. Это, конечно, не исключает возможности дискуссии между Англией и СССР по вопросу о базисе будущего мира. Однако в интересах более успешного и гладкого проведения реконструкции послевоенной Европы было бы очень важно держать все время тесный контакт с Соединенными Штатами.

Тов. Сталин возразил, что есть ряд вопросов, которые касаются интересов безопасности только наших двух стран. Такие вопросы, казалось бы, мы могли бы обсуждать вполне самостоятельно.

Иден с этим отчасти согласился, однако продолжал настаивать на том, что в вопросах мирового порядка участие Соединенных Штатов является обязательным.

Тов. Сталин согласился с последним заявлением.

Иден выразил благодарность т. Сталину за его положительное отношение к вопросу о федерировании малых европейских государств. Иден полагает, что подготовляющаяся конфедерация

Польши и Чехословакии должна рассматриваться как положительный факт. Было бы желательно, чтобы и Балканские страны также нашли ту или иную форму федеративного объединения. Тем самым всем этим странам легче было бы сохранять и поддерживать свою экономическую и политическую независимость.

Далее Иден вновь вернулся к вопросу о договорах и стал спрашивать т. Сталина, как было бы лучше поступить с имеющимися у нас тремя документами (два советских и один английский текст). Не следовало ли бы как-нибудь их объединить?

Тов. Сталин ответил, что текст, предлагаемый Иденом, очень напоминает декларацию. Наоборот, Советское правительство предлагает два договора. Декларация — это алгебра, договоры — это простая практическая арифметика. Мы хотим арифметики, а не алгебры. Так как Иден в этом месте несколько двусмысленно засмеялся, то т. Сталин добавил, что из его слов не следует заключать, будто бы он относится неуважительно к алгебре. Алгебра — хорошая наука, к которой он относится с полным почтением, но сейчас, при данных конкретных обстоятельствах, мы предпочитаем арифметику. Гитлер на каждом шагу хвалится заключаемыми им договорами. Было бы поэтому более целесообразно, чтобы мы не ограничивались декларациями, а заключили настоящие договоры. Затем т. Сталин спросил, как быть с предложенным им секретным протоколом.

Иден ответил, что он не может подписать подобный документ без предварительной консультации со своими коллегами. К тому же, британское правительство до сих пор еще не прорабатывало по-настоящему поднятые т. Сталиным проблемы.

Тов. Сталин тогда заявил, что он не настаивает на немедленном принятии тех его предложений, которые касаются изменения границ за пределами СССР, но он полагал бы, что вопрос о западной границе СССР мог бы быть разрешен немедленно.

Иден возразил, что он не может дать сейчас ответ на этот вопрос. Данный вопрос, как и все вообще вопросы об изменениях границ, происшедших на протяжении нынешней войны, британским правительством до сих пор откладывались до мирной конференции. Британское правительство не раз делало заявления, что оно не считает возможным признание новых границ немедленно, до конца войны. Такова была политика британского правительства в течение минувших двух лет. Далее британское правительство обещало американскому правительству консультироваться с ним по всем вопросам подобного рода. Наконец, в соответствии с конституцией Британской империи, британское правительство должно консультироваться также с доминионами. Поэтому Иден считает, что ответ на вопрос о советской западной границе он сможет дать только в Лондоне через Майского, после того как он снесется со всеми вышеупомянутыми инстанциями.

Иден полагает, что такой метод более правилен не только с чисто юридической, но также и с политической точки зрения.

Тов. Сталин поинтересовался: не облегчило ли бы разрешение вопроса о признании западной советской границы, если бы данный вопрос в Лондоне был урегулирован не в порядке договора, а в порядке обмена нот?

Иден ответил, что технически это, может быть, несколько облегчило бы желательное разрешение вопроса, но по существу все-таки, прежде чем принимать соответственное решение, британскому правительству пришлось бы консультироваться с Соединенными Штатами и доминионами.

Тов. Сталин заметил, что он не имеет никаких возражений против информирования Соединенных Штатов о наших переговорах по данному вопросу. Наоборот, он был бы очень доволен, если бы Соединенные Штаты приняли участие в признании советской западной границы 1941 г.

Иден возразил, что сомневается в готовности правительства Соединенных Штатов это сделать в настоящее время. По его мнению, лучше всего будет, если по возвращении в Англию он прежде всего проконсультирует премьер-министра и затем сообщит нам его точку зрения.

Тов. Сталин ответил, что он хотел бы подчеркнуть свое желание прийти к соглашению с Англией по данному вопросу, чтобы иметь тут с нею единый фронт.

Иден подтвердил, что он тоже очень хотел бы единого фронта с Советским Союзом как по этому, так и по многим другим вопросам, но тем не менее сейчас он находится в большом затруднении. Вопрос о границах вообще еще не изучался и не решался британским правительством. Иден иллюстрирует свою мысль примером. По вопросу о будущем Польши он лично вполне согласен с тем, чтобы Восточная Пруссия вошла в состав Польской республики. Он не имеет оснований

думать, что Черчилль будет против этого возражать. Тем не менее сейчас он не может высказать никакого мнения от имени премьера просто потому, что до сих пор никогда не говорил с ним на данную тему.

Тов. Сталин заметил, что вполне понимает позицию Идена, однако он должен с особой силой подчеркнуть, что военные цели СССР и Англии должны быть идентичны, ибо только в этом случае наш союз может быть крепок. Если у нас будут различные военные цели, не будет никакого союза.

Иден выразил согласие с этим положением и прибавил, что его целью является примирение военных целей обеих стран. Он допускает, что между СССР и Англией могут быть известные разногласия по тому или иному пункту, однако не сомневается, что в основном наши военные цели одинаковы и что единый фронт в этой области вполне возможен. Тем не менее, поскольку вопрос о границах еще не обсуждался и не решался кабинетом, Иден все-таки не считает возможным принимать на себя сейчас в Москве какие-либо связывающие обязательства. Иден спросил т. Сталина, говорил ли он что-нибудь полякам по вопросу о границах будущей Польши.

Тов. Сталин ответил, что пока ничего не говорил, но скажет, если это окажется нужным. Во всяком случае т. Сталин полагает, что Польше должны быть отданы все земли до Одера, а остальное пусть будет Пруссия или, вернее, не Пруссия, а Берлинское государство.

Иден высказал сомнение в целесообразности раздробления Германии на части, если для этого не будет предпосылки в виде сепаратистских движений среди германского народа. Иначе возникнет ирредентистское движение (от лат. Terra irredentia — невоссоединенные земли, политическое движение, ставящее своей целью воссоединение разделенного народа в одном государстве. — *Ред.*), которое в недалеком будущем вновь объединит всю страну.

Тов. Сталин возразил, что именно такого рода рассуждения привели нас к нынешней войне. Желает ли Иден нового нападения со стороны Германии?

Несколько смущенный Иден пытался защищаться, ссылаясь на то, что нельзя слишком упрощать подобные вопросы.

Далее Иден заявил, что по поручению премьера он хотел бы ознакомить т. Сталина с военным положением Великобритании и сообщить ему некоторые данные о количестве и диспозиции ее вооруженных сил. Суть сообщения Идена сводилась к следующему:

В 1939 году, в начале войны, Англия по сравнению с Германией была сильна на море, хотя ей и не хватало судов для конвоирования торговых караванов. Первая линия британского воздушного флота состояла из 1200 самолетов. Количество сухопутных войск было невелико, причем не было ни одной механизированной дивизии. После Дюнкерка Англия осталась в ужасном положении. Во Фландрии было потеряно все вооружение десяти дивизий и очень большое количество авиации. Германия заняла северный французский берег, с которого ей легко было бомбить крупные промышленные центры Великобритании. Встала угроза вторжения. Задачи флота были в чрезвычайной степени отягчены. Воздушных сил не хватало. Во всей Англии имелась лишь одна полностью обученная и вооруженная дивизия. Не было ни укреплений, ни плана защиты. Не лучше обстояло дело в империи, в Египте и вообще на Ближнем Востоке. Британских сил было совершенно ничтожное количество. Достаточно сказать, что, например, в Судане после Дюнкерка находилась всего лишь одна бригада, в то время как итальянцы в Абиссинии имели свыше 150 тыс. войск.

Перед Англией во всей остроте встал вопрос о том, чтобы как-нибудь выжить. Положение осложнялось опасной ситуацией на море. В обычное время Англия возит ежегодно до 70 млн т грузов. Теперь программа была сокращена до 40 млн т, для реализации этой программы Англия располагала торговым флотом в 12,5 млн т. (Имеется в виду флот океанского значения, за вычетом каботажного, рыболовного и т. п. — *Ред.*) В каждый данный день на море находилось 600 военных судов. Морская война с каждым днем усиливалась. Потопления судов росли. Высшей точки эти потопления достигли в мае–июле 1941 г., когда Англия в среднем теряла до 500 тыс. т в месяц. Таких потерь она долго переносить не могла бы. К счастью, однако, благодаря принятым мерам цифра потоплений была сильно сокращена и, например, в ноябре упала до 130 тыс. т в месяц.

Сейчас, спустя полтора года после Дюнкерка, положение Англии значительно крепче. Ее сухопутные силы (включая метрополию, Ближний Восток и т. д.) составляют 2 ¼ млн человек. Воздушный флот насчитывает 750 тыс. человек и скоро, вероятно, дойдет до 1 миллиона. В морском флоте имеется 500 тыс., в торговом флоте — 125 тыс. человек. Большое количество людей занято

в судостроении и на починке судов, В общей сложности это составляет 4 млн человек. Сверх того, Англия имеет до 1,5 млн «отечественной гвардии» (ополчение). Большое количество женщин вовлечено в промышленность и в военное дело. На Ближнем Востоке Англия сейчас имеет 18 дивизий. К весне будущего года она рассчитывает иметь там 28 дивизий, в том числе 5 или 6 механизированных. В Индии создается армия в 1,5 млн человек, из которых 800 тыс. уже имеются налицо. Гарнизон в Малайе состоит из 4 дивизий, империя дала Англии в общей сложности 25 дивизий, из них Канада — 5, Австралия — 4, Южная Африка — 2, Новая Зеландия — 1,5 и Индия — 13.

В воздушном флоте Англия сильнее всего в истребителях. Выполнение авиационных программ было несколько замедлено во время прошлогодних воздушных налетов. Количество бомбардировщиков постепенно увеличивается. На Ближнем Востоке Англия имеет сейчас 60 эскадрилий. Главная масса их сосредоточена в Северной Африке, где Англия и ведет наступательную кампанию в Ливии. Здесь силы противника исчисляются в 10 дивизий, из них около одной трети — немцы. Авиация противника в Ливии достигает 600 самолетов. Немцы и итальянцы пытаются слать подкрепления в Ливию, но не в состоянии покрыть свои потери. Британское правительство ставит своей задачей в ближайшее время очистить Средиземное море, занять не только Ливию, но и Триполи с тем, чтобы сделать возможным использование Средиземного моря для транспортных целей, а также подготовить возможность наступательных операций в Европе. Однако события на Дальнем Востоке, начавшиеся уже после отъезда Идена из Лондона, вносят совсем новый элемент в общую ситуацию.

Выслушав сообщение Идена, т. Сталин заявил, что, по мнению советского военного командования, весьма крупные германские воздушные силы (до 1500 самолетов) переброшены немцами в Японию и что как раз эти немецкие воздушные силы, а не японские нанесли в последнее время такие чувствительные удары британскому флоту на Дальнем Востоке. В подтверждение своей мысли т. Сталин указал, что за последнее время на нашем фронте количество германской авиации сокращается, а в то же время германское производство самолетов достигает в среднем 2–2 1/2 тыс. в месяц. Куда же в таком случае деваются немецкие аэропланы? Кроме того, мы хорошо знаем из собственного опыта, что представляют из себя японские летчики. Мы наблюдали их также в Китае. Можно смело сказать, что последние события в Малайе — не японская работа.

Иден был чрезвычайно заинтересован сообщением т. Сталина и стал спрашивать, каким образом немцы оказались в состоянии перебросить свои воздушные силы на Дальний Восток.

Тов. Сталин ответил, что это сделано, вероятнее всего, через Южную Америку, а возможно, также через Испанию и Португалию.

Иден выразил т. Сталину большую благодарность за сообщенные им сведения и сказал, что со своей стороны постарается произвести надлежащую проверку их через английские каналы. Затем Иден заявил, что, уезжая из Англии, он имел у себя «в кармане» 10 эскадрилий самолетов, которые и хотел предложить нам для посылки на советский фронт, как только это позволят операции в Ливии. Однако сейчас он получил сообщение, что эти десять эскадрилий британское правительство вынуждено направить в Сингапур.

Тов. Сталин ответил, что вполне понимает положение британского правительства и не имеет возражений против переадресовки названных десяти эскадрилий.

Иден выразил сожаление по поводу такого оборота дел, но т. Сталин еще раз подтвердил, что вполне понимает создавшуюся ситуацию, ибо мы, на нашем фронте, тоже не раз переживали трудные периоды. Тов. Сталин поинтересовался, не отразятся ли последние события на отправке танков в СССР.

Иден ответил, что не отразятся, поскольку во всяком случае речь идет об Англии. У Идена имеются, однако, опасения насчет Америки. Если американцы прекратят свои поставки, то, например, англичане на Ближнем Востоке окажутся в очень тяжелом положении, ибо там они оперируют американскими самолетами, а «Харрикейны», изготовляемые в Англии, идут в СССР.

Далее т. Сталин спросил, что Иден хотел бы знать о нашей военной ситуации.

Иден ответил, что ему было бы интересно иметь представление о нашем общем плане операций в течение зимы и весны будущего года.

Тов. Сталин заметил, что военная политика СССР до сих пор сводилась к политике отступления с боями. Мы защищали каждый пункт, каждый район, стремясь постепенно утомить и измотать

германские силы. Теперь наступил переломный момент. Немецкая армия утомлена. Ее командиры надеялись закончить войну до зимы и не сделали надлежащих приготовлений для зимней кампании. Германская армия сейчас плохо одета, плохо питается, морально падает все ниже. Она начинает испытывать надрыв. В то же время СССР подготовил крупные подкрепления и в последние недели пустил их в действие. Это создало перелом на фронте и привело к тем событиям, которые мы наблюдали в течение последних недель. Немцы пытались закопаться в землю, но они мало склонны к постройке сильных укреплений. Наши войска прорывают их укрепления. Наши контратаки постепенно развились в контрнаступления. Мы имеем в виду вести такую политику в течение всей зимы. Вероятно, немцы попытаются создать новые формирования и бросить их на восточный фронт с тем, чтобы остановить наше наступление. Когда это будет, неизвестно, но, надо думать, не раньше как месяца через два. Это время мы постараемся использовать возможно лучше. Трудно загадывать, как далеко мы продвинемся в ходе нашего наступления, но во всяком случае такова будет наша линия вплоть до весны. У нас имеется сейчас известное превосходство в воздухе, хотя и не очень большое. Немцы имеют еще крупное превосходство в танках, и танки нам очень нужны, особенно «Валентины», которые оказываются вполне пригодными для операций в зимнее время. Танки «Матильда», наоборот, пригодны для операций летом, но не зимой, ибо их моторы недостаточно сильны для зимнего времени. Мы наступаем и будем наступать на всех фронтах. Германская армия в конце концов вовсе не так сильна, репутация ее сильно раздута.

Иден поблагодарил т. Сталина за его сообщение, подчеркнув его большую важность и интерес для британского правительства. Затем Иден затронул вопрос о Турции и спросил, нельзя ли сделать что-либо для того, чтобы теснее связать Турцию с союзниками.

Тов. Сталин ответил, что лучшим средством для достижения такого результата было бы пообещать Турции Додеканес.

Иден опять вернулся к греческим притязаниям на Додеканес, но т. Сталин ответил, что в Греции ведь тоже имеются турки и что во всяком случае возможно было бы предложить туркам и грекам известный обмен островами.

Иден признал мысль т. Сталина вполне правильной, но заметил, что несколько времени тому назад, когда англичане рассчитывали захватить Додеканес, они начали было вести переговоры с греками и турками по вопросу о его дальнейшей судьбе. Разговоры эти не привели ни к какому положительному результату. Тем не менее Иден полагает, что можно было бы сделать попытку пойти по линии, указываемой т. Сталиным. Далее Иден спросил, наблюдаются ли в последнее время в отношении турок к Германии какие-либо изменения.

Тов. Сталин ответил, что турки очень боятся немцев, хотя и не любят их. Иден поинтересовался мнением т. Сталина по вопросу, пропустят ли турки немецкие войска через свою территорию.

Тов. Сталин выразил в этом сомнение.

Иден ответил, что он согласен с т. Сталиным.

В заключение Иден предложил, чтобы на следующее утро т. Майский и Кадоган (постоянный товарищ министра иностранных дел, приехавший с Иденом) встретились и набросали бы на основе трех имеющихся документов текст тех двух договоров, которые имеет в виду т. Сталин.

Это предложение было принято.

Заседание закончилось около 20 час. 30 мин.

Переводил *Майский.*

Документы внешней политики. Т. XXIV. С. 501–510. АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 279. Л. 5–21.

ЗАПИСКА К. А. МЕРЕЦКОВУ

29 декабря 1941 года

Уважаемый Кирилл Афанасьевич! Дело, которое поручено Вам, является историческим делом. Освобождение Ленинграда, сами понимаете, — великое дело. Я бы хотел, чтобы предстоящее наступление Волховского фронта не разменивалось на мелкие стычки, а вылилось бы в единый

мощный удар по врагу. Я не сомневаюсь, что Вы постараетесь превратить это наступление именно в единый и общий удар по врагу, опрокидывающий все расчеты немецких захватчиков. Жму руку и желаю Вам успеха.

И. Сталин

Полководцы и военачальники Великой Отечественной. М, 1985. С. 110.

Примечание. Мерецков К. А. (1897–1968) — генерал армии, заместитель народного комиссара обороны СССР (1941–1943), командующий 7-й отдельной (09–11.1941), 4-й отдельной армиями (11–12.1941), командующий Волховским фронтом (12.1941–04.1942), командующий 33-й армией (05–06.1942), Волховским фронтом (с 06.1942).

Волховский фронт образован на северо-западном направлении 17 декабря 1941 года. Командующим назначен генерал армии К. А. Мерецков.

В этот же день директивой Ставки Верховного Главнокомандования Волховскому фронту в составе 4-й, 59-й, 2-й ударной и 52-й армий ставится задача перейти в общее наступление, имея целью разбить немецкие войска, оборонявшиеся по западному берегу Волхова, и главными силами армий выбить на рубеж ст. Любань — ст. Чолово. В дальнейшем наступать в северо-западном направлении, окружить противника под Ленинградом и во взаимодействии с войсками Ленинградского фронта окружить и пленить, а в случае отказа сдаться в плен, — истребить его. В этот же день директивой Ставки Ленинградскому фронту было указано активными действиями содействовать Волховскому фронту в разгроме противника, обороняющегося под Ленинградом, и в освобождении Ленинграда от блокады.

ПЕРЕГОВОРЫ ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ С КОМАНДОВАНИЕМ ВОЛХОВСКОГО ФРОНТА

10 января 1942 года

МЕРЕЦКОВ. У аппарата Мерецков, Запорожец и Мехлис.

СТАЛИН. У аппарата Сталин, Василевский.

1. По всем данным, у вас не готово дело наступления к 11 числу. Если это верно, надо отложить еще на день или на два дня. Чтобы наступать и прорвать оборону противника, надо иметь в каждой армии ударную группу хотя бы из трех дивизий и надо, кроме того, сосредоточить 50–60 орудий в районе ударной группы каждой армии для поддержки ударной группы. Есть ли у вас все это и подготовлено ли уже?
2. Если Соколов не подходит для армии, надо его сменить и назначить на его место хотя бы Яковлева.
3. Нужно вернуть Клыкову его дивизии и надо сделать это побыстрее, в противном случае армия Клыкова будет небоеспособной.
4. Не нужно дробить 4-ю армию на две армии, ее надо сохранить как армию во главе с Ивановым. Никакой опергруппы в составе 4-й армии не нужно, нужна лишь ударная группа, которой должен руководить командующий армией. У русских говорится: поспешишь — насмешишь. У вас так и вышло. Поспешили с наступлением, не подготовив его, и насмешили людей. Если помните, я вам предлагал отложить наступление, если ударная армия Соколова не готова. Вы отказались отложить, а теперь пожинаете плоды своей поспешности. Сталин.

МЕРЕЦКОВ. Докладываю: 1) С большим трудом лично Военным советом подготовили наступление Галанина и Соколова, причем, если большую работу можно было возложить после проверки и инструктажа на месте на Галанина и его командиров, то за Соколова необходимо всю работу до мелочей вести самим. Сейчас в основном работа у Галанина и Соколова выполнена, созданы ударные группы для прорыва, но мы считаем, что нужно еще раз лично самим проверить готовность на местах и устранить недоделки. Сейчас у Соколова собраны мною командиры бригад и дивизий для того, чтобы каждого из них проверить. Для подготовки Клыкова потребуется еще

три дня, причем необходимо учесть, что часть артиллерии Клыкова я привлек для работы на направлении главного удара Соколова. Только в настоящее время 288-я и 111-я дивизии остались в составе армии Галанина. Я их имел в виду. Армию Клыкова надо ставить во второй эшелон, так как нежелательно было бы брать их до овладения Чудово и Грузино. Поэтому, если представляется возможным, нужно было бы у Соколова и Галанина начать 12, у Клыкова — 13, Иванов может начать одновременно с Галаниным. Если можно, на вторую ударную, как знающую хорошо направление, поставить Клыкова, а вместо Клыкова на 52-ю — Яковлева.

СТАЛИН. А как 4-я армия?

МЕРЕЦКОВ. 4-я армия может быть подготовлена к наступлению на 12 одновременно с Галаниным и Соколовым.

СТАЛИН. Хорошо, отложите на 12, а 52-ю армию — на 13, Клыкова можно пересадить на 2-ю ударную, а Яковлева — на 52-ю. Обдумайте хорошенько, может быть, отложить еще на день, то есть на 13, с тем, чтобы все армии выступили вместе с 52-й армией. Не нужно хорохориться, а нужно сказать честно — готовы ли будете к 12 или нет. Завтра вылетает к вам начальник артиллерии Воронов; сядет на аэродром Хвойная. Он вам окажет помощь по части артиллерии. Известно ли вам, что Морозов уже захватывает Старую Руссу? Все.

МЕРЕЦКОВ. Если наступать всеми армиями, это лучше, но в этом случае готовность надо отложить на 13. О действиях Морозова нам ничего не известно.

СТАЛИН. Морозов ворвался в Старую Руссу и ведет бои одной частью своих дивизий в городе Русса, а другой частью пошел на Сольцы. Мы согласны отложить наступление на 13 число. Сейчас получите приказ о назначениях и перемещениях:

«Командующему войсками Волховского фронта. 10 января 1942 года. 3.30. Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Освободить генерал-лейтенанта Соколова от командования 2-й ударной армией и направить в распоряжение Ставки.
2. Назначить генерал-лейтенанта Клыкова командующим 2-й ударной армией, освободив его от командования 52-й армией.
3. Назначить генерал-лейтенанта Яковлева командующим 52-й армией.
4. Об исполнении донести.

Ставка Верховного Главнокомандования.
И. Сталин, А. Василевский».
Все.

Все ясно, приняли приказ.
Мерецков, Запорожец.

Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 36–37. ЦАМО. Ф. 96а. Оп. 2011. Д. 26. Л. 22–24.

Примечание. Мехлис Л. З. (1889–1953) — армейский комиссар I ранга, с июня 1941 заместитель наркома обороны, начальник Главного политического управления (ГлавПУ) РККА, представитель Ставки ВГК на Крымском фронте (по 05.1942). Корпусной комиссар, член Военного совета 6-й армии Резервного фронта (07–09.1942), Воронежского фронта (09–10.1942), Волховского фронта (с 10.1942).

Галанин И. В. (1899–1958) — генерал-майор, командующий 12-й армией Южного фронта (08–10.1941), 59-й армией Волховского фронта (11.1941–04.1942), заместитель командующего группой войск Западного фронта (05–08.1942), заместитель командующего войсками Воронежского фронта (08–09.1942), командующий 24-й армией Донского фронта (с 10.1942). Генерал-лейтенант (с 01.1943).

Иванов П. А. — генерал-майор, начальник штаба 23-й армии, командующий 4-й армией (1941–1942).

Морозов В. И. (1897–1964) — генерал-лейтенант, командующий 11-й армией, командующий 1-й ударной армией (с 11.1942).

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 170228 ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ ЗАПАДНОГО И ЮГО-ЗАПАДНОГО НАПРАВЛЕНИЙ, КОМАНДУЮЩИМ ФРОНТАМИ И АРМИЯМИ

9 апреля 1942 года

04 ч 30 мин

В армиях имеется целый ряд дивизий, не имевших совершенно отдыха в течение длительного периода.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает в тех случаях, когда не представляется возможным вывести на отдых целые дивизии, распоряжением командующих армиями выводить на отдых отдельные части дивизии — батальон или полк, установить для них очередность, с тем чтобы отдых каждого батальона — полка продолжался четыре–пять дней.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
Б. ШАПОШНИКОВ

Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 151. ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 31. Л. 164.

ТЕЛЕГРАММА В. М. МОЛОТОВУ

23 мая 1942 года

Лондон. Молотову

Обе твои шифровки получил. На фронте пока нет больших изменений. В районе Барвенково и Изюма идут большие бои. У немцев в этом районе шесть танковых дивизий. Изюм в наших руках. Барвенково у немцев. В районе Харькова наше наступление приостановлено. Керченский полуостров пришлось очистить. На других фронтах пока все по-старому, идет накопление сил, подтягивание наших резервов. Нам очень нужны истребители, танки. Поставьте перед англичанами вопрос об усилении поставки истребителей, танков, особенно Валентина.

СТАЛИН
23.V.42 г.

Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии. 1941–1945. М., 2004. С. 137.

Примечание. С 20 по 26 мая 1942 года заместитель председателя Совета Народных Комиссаров и нарком иностранных дел СССР Молотов находился в Лондоне, где вел переговоры с премьер-министром Великобритании Черчиллем и другими членами его кабинета по важнейшим вопросам совместной борьбы трех ведущих держав антигитлеровской коалиции. Итогом визита стало подписание 26 мая союзного договора между СССР и Великобританией. На следующий день Молотов вылетел в Вашингтон, где 29 мая — 5 июня провел переговоры с президентом США Рузвельтом. На обратном пути В. М. Молотов вновь посетил Лондон, откуда 11 июня вылетел в Москву. (См.: Там же. С. 97–345).

ТЕЛЕГРАММА В. М. МОЛОТОВУ

24 мая 1942 года (I)

МОЛОТОВУ

1. Проект договора, переданный тебе Иденом, получили. Мы его не считаем пустой декларацией и признаем, что он является важным документом. Там нет вопроса о безопасности границ,

но это, пожалуй, неплохо, так как у нас остаются руки свободными. Вопрос о границах, или скорее о гарантиях безопасности наших границ на том или ином участке нашей страны, будем решать силой.
2. Мы предлагаем отбросить поправки к старым проектам договоров и принять за основу проект Идена, объединяющий оба договора.
3. Наши поправки к проекту Идена: Часть 1 статья 1 — вместо слов «в силу Союза, установленного между нами», сказать «в силу Союза, установленного между Великобританией и СССР». Далее: часть 2, конец статьи 5 — вместо слов «не вмешиваться во внутренние дела других народов» сказать «не вмешиваться во внутренние дела других государств».
4. Если есть у Вас другие поправки, сообщите нам поскорее.
5. Желательно поскорее подписать договор и после этого вылететь в Америку.

ИНСТАНЦИЯ

Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль… С. 157.

Примечание. Таким образом, в целях заключения договора после изнурительных переговоров Сталина с Иденом в декабре 1941 года и не менее трудных бесед Молотова с Иденом и Черчиллем в мае 1942 го Советскому правительству пришлось пойти на уступки, сняв требование о подтверждении границ СССР 1941 года. Спустя три с лишним десятка лет Молотов вспоминал: «Мы настаивали на документе о наших послевоенных границах. Деталей не помню, я сущность помню, конечно. Мы настаивали все время, я напирал на это, Сталин в 1941 году, потом я прилетел с проектом в 1942 г… Черчилль: „Это мы никак не можем“. Я так и вертелся, туда-сюда. Послал Сталину телеграмму. Отвечает: „согласись без этого“. Я — вперед. Все упиралось в признание за нами Прибалтики. Они не соглашались. А когда мы от этого отошли — конечно, это было необходимо в тот момент, — они удивились, Черчилль был поражен. Иден обрадовался очень, что мы пошли навстречу» (*Чуев Ф. И.* Молотов: полудержавный властелин. С. 84–85).

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 155452 ВОЕННЫМ СОВЕТАМ ФРОНТОВ И АРМИЙ О ПРИЧИНАХ ПОРАЖЕНИЯ КРЫМСКОГО ФРОНТА В КЕРЧЕНСКОЙ ОПЕРАЦИИ

4 июня 1942 года

В период с 8 по 20 мая войска Крымского фронта вели неудачные бои с наступающим противником на Керченском полуострове и потерпели поражение,

К началу наступления противника Крымский фронт располагал шестнадцатью стрелковыми дивизиями, тремя стрелковыми бригадами, одной кавалерийской дивизией, четырьмя танковыми бригадами, девятью артиллерийскими полками усиления, 401 самолетом, в том числе 176 исправными истребителями и 225 исправными бомбардировщиками. Противник против указанных сил Крымского фронта имел семь пехотных дивизий, одну танковую дивизию, одну кавалерийскую бригаду, одну механизированную бригаду и до 400–500 самолетов.

Как видно, Крымский фронт имел большое превосходство над противником в пехоте и артиллерии и лишь несколько уступал противнику в авиации. Тем не менее наши войска на Крымском фронте потерпели поражение и в результате неудачных боев вынуждены были отойти за Керченский пролив.

Изучение хода всей Керченской операции вскрыло несостоятельность руководства войсками фронта со стороны командующего Крымским фронтом генерал-лейтенанта Козлова, члена Военного совета дивизионного комиссара Шаманина, начальника штаба генерал-майора Вечного и представителя Ставки Верховного Главнокомандования армейского комиссара I ранга Мехлиса.

I

Основная причина провала Керченской операции заключается в том, что командование фронта — Козлов, Шаманин, Вечный, представитель Ставки Мехлис, командующие армиями фронта, и особенно 44-й армией генерал-лейтенант Черняк и 47-й армией генерал-майор Колганов, обнаружили полное непонимание природы современной войны, что нашло свое выражение в следующих фактах.

1. Опыт современной войны, где танки и авиация играют большую роль, показывает, что исход боя и судьбу войск нельзя ставить в зависимость только лишь от полевых укреплений и линейно растянутых по переднему краю сил боевого порядка. Войска, растянутые в линию по переднему краю линии обороны, могут быть прорваны, как говорят об этом многочисленные факты. Поэтому главная задача состоит в том, чтобы иметь сильные вторые и третьи эшелоны, развернутые на подготовленных в глубине рубежах, армейские и фронтовые резервы, которые должны задержать прорвавшегося врага, а затем контрударом разгромить его. При этом расстановка вторых эшелонов и резервов должна всегда производиться с обязательным учетом характера местности. Например, открытая, ровная местность, как это имело место на Керченском полуострове, требует от всех командиров более глубокого построения своих боевых порядков, выделения сильных резервов в глубину, с размещением их на узлах дорог, в населенных пунктах, достаточно удаленных от передовых позиций, дабы иметь время для развертывания этих резервов и выдвижения их против прорвавшегося противника.

   Вопреки этому опыту командование Крымского фронта растянуло свои дивизии в одну линию, не считаясь с открытым равнинным характером местности, вплотную пододвинуло всю пехоту и артиллерию к противнику и резервов в глубине не создало, причем на одну дивизию приходилось на фронте не более двух километров, — значит, фронт имел возможность создать вторые и третьи эшелоны. Вследствие этого, после прорыва противником линии фронта, командование оказалось не в силах противопоставить достаточные силы наступающему противнику. Приступив же с опозданием к организации контрудара по прорвавшемуся противнику, командование фронта не могло довести это дело до конца, ибо противник атаковал дивизии, разрозненно подходившие к полю боя с правого фланга своего фронта.
2. Опыт войны показывает далее, что организованное и твердое управление войсками в бою играет решающую роль и что потеря связи командования с войсками гибельно отражается на исходе боевой операции. Штабы обязаны иметь хорошо оборудованные, замаскированные командные пункты, должны иметь заранее оборудованные запасные командные пункты с тем, чтобы периодически менять свое местонахождение; штабы должны держать в полной готовности все виды средств связи (радио, провод, самолет, авто, офицер связи), дабы связь была бесперебойной и безотказной. Штабы должны, наконец, понять, что радио является наиболее надежным средством связи и что они обязаны всячески развивать и культивировать его в армии.

   Вопреки этому опыту командование Крымского фронта в первые же часы наступления противника выпустило из рук управление войсками. Командование фронта и армий продолжительное время не меняло своих командных пунктов, вследствие чего противник, зная расположение этих пунктов, первым же налетом авиации разбомбил эти пункты, нарушил проводную связь на командных пунктах штабов фронта и армий и расстроил узлы связи, а радиосвязь по преступной халатности штаба фронта оказалась в загоне. К использованию других средств связи штабы армий оказались неподготовленными.
3. Опыт войны показывает, что успех боевой операции немыслим без четко организованного взаимодействия всех родов войск в бою. Особенно важное значение имеет организация взаимодействия в боевой работе наземных сил с авиацией.

   Вопреки этому опыту командование Крымского фронта не организовало взаимодействия армий между собой и совершенно не обеспечило взаимодействия наземных сил с авиацией фронта. Командование Крымского фронта авиацией не руководило и допустило такое положение, когда наша авиация действовала распыленно и вне общего плана операции, ввиду чего она не дала массового контрудара против немецкой авиации, хотя она имела для этого все возможности.

4. Опыт войны показывает, что наряду с умением организовать наступательный бой командование должно уметь, когда этого требует обстановка, вывести свои силы из-под удара противника. При отводе войск решающим является умение командования правильно наметить маршруты движения, рубежи и сроки выхода на них войск, умение организовать прикрытие отводимых сил достаточно сильными арьергардами.

Вопреки этому опыту командование Крымского фронта не организовало отвод войск. Командование Крымского фронта не поняло того, что противник, нанося главный удар против левого фланга фронта, сознательно вел себя пассивно против правого нашего фланга, будучи прямо заинтересован в том, чтобы наши войска на этом фланге оставались на своих позициях, и рассчитывая нанести им удар с выходом своей ударной группировки на тылы наших войск, остававшихся в бездействии на правом фланге. Когда же на второй день после начала наступления противника, учитывая обстановку, сложившуюся на Крымском фронте, и видя беспомощность командования фронта, Ставка приказала планомерно отвести армии фронта на позиции Турецкого вала, командование фронта и тов. Мехлис своевременно не обеспечили выполнение приказа Ставки, начали отвод с опозданием на двое суток, причем отвод происходил неорганизованно и беспорядочно. Командование фронта не обеспечило выделение достаточных арьергардов, не установило этапов отхода, не наметило промежуточных рубежей отвода и не прикрыло подхода войск к Турецкому валу заблаговременной выброской на этот рубеж передовых частей.

II

Вторая причина неудач наших войск на Керченском полуострове заключается в бюрократическом и бумажном методе руководства войсками со стороны командования фронта и тов. Мехлиса.

Тт. Козлов и Мехлис считали, что главная их задача состоит в отдаче приказа и что изданием приказа заканчивается их обязанность по руководству войсками. Они не поняли того, что издание приказа является только началом работы и что главная задача командования состоит в обеспечении выполнения приказа, в доведении приказа до войск, в организации помощи войскам по выполнению приказа командования.

Как показал разбор хода операции, командование фронта отдавало свои приказы без учета обстановки на фронте, не зная истинного положения войск. Командование фронта не обеспечило даже доставки своих приказов в армии, как это имело место с приказом для 51-й армии о прикрытии ею отвода всех сил фронта за Турецкий вал, — приказа, который не был доставлен командарму. В критические дни операции командование Крымского фронта и тов. Мехлис, вместо личного общения с командующими армиями и вместо личного воздействия на ход операции, проводили время на многочасовых бесплодных заседаниях Военного совета.

III

Третья причина неуспехов на Керченском полуострове заключается в не-дисциплинированности тт. Козлова и Мехлиса. Как уже отмечалось выше, тт. Козлов и Мехлис нарушили указание Ставки и не обеспечили его выполнения, не обеспечили своевременный отвод войск за Турецкий вал. Опоздание на два дня с отводом войск явилось гибельным для исхода всей операции.

* * *

Учитывая, что тт. Мехлис, Козлов, Шаманин, Вечный, Черняк, Колганов, Николаенко (начальник авиации фронта) показали свою несостоятельность в руководстве войсками и являются прямыми виновниками неудачного исхода Керченской операции, Ставка Верховного Главнокомандования решила:

1. Снять армейского комиссара 1-го ранга т. Мехлиса с постов заместителя народного комиссара обороны и начальника Главного политического управления Красной Армии и снизить его в звании до корпусного комиссара.
2. Снять генерал-лейтенанта т. Козлова с поста командующего фронтом, снизить его в звании до генерал-майора и проверить его на другой, менее сложной военной работе.
3. Снять дивизионного комиссара т. Шаманина с поста члена Военного совета фронта, снизить его в звании до бригадного комиссара и проверить его на другой, менее сложной военной работе.

4. Снять генерал-майора т. Вечного с должности начальника штаба фронта и направить его в распоряжение начальника Генерального штаба для назначения на менее ответственную работу.
5. Снять генерал-лейтенанта т. Черняка с поста командующего армией, снизить его в звании до полковника и проверить на другой, менее сложной военной работе.
6. Снять генерал-майора т. Колганова с поста командующего армией, снизить его в звании до полковника и проверить на другой, менее сложной военной работе.
7. Снять генерал-майора авиации т. Николаенко с поста командующего ВВС фронта, снизить его в звании до полковника авиации и проверить на другой, менее сложной военной работе.

Ставка считает необходимым, чтобы командующие и военные советы всех фронтов и армий извлекли уроки из этих ошибок и недостатков в руководстве командования бывшего Крымского фронта.

Задача заключается в том, чтобы наш командный состав по-настоящему усвоил природу современной войны, понял необходимость глубокого эшелонирования войск и выделения резервов, понял значение организации взаимодействия всех родов войск, и особенно взаимодействия наземных сил с авиацией.

Задача заключается в том, чтобы наш командный состав решительно покончил с порочными методами бюрократическо-бумажного руководства и управления войсками, не ограничивался отдачей приказов, а бывал почаще в войсках, в армиях, дивизиях и помогал своим подчиненным в деле выполнения приказов командования.

Задача заключается в том, чтобы наш командный состав, комиссары и политработники до конца выкорчевали элементы недисциплинированности в среде больших и малых командиров.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. ВАСИЛЕВСКИЙ

Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 236–239. ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 107. Л. 177–184.

Примечание. Колганов К. С. — генерал-майор, заместитель командующего 10-й армией (1941–1942), заместитель начальника штаба Брянского фронта (1942), заместитель командующего 47-й армией, (02–05.1942). С июня 1942 — полковник.

Вечный П. П. — генерал-майор, заместитель начальника Оперативного управления Генерального штаба, начальник отдела по использованию опыта войны Генштаба РККА, начштаба Крымского фронта (10.03.1942–19.05.1942), начальник отдела по использованию опыта войны Генштаба РККА.

Николаенко Е. М. (1905–1961) — генерал-майор, командовал Резервной авиагруппой, командующий ВВС Резервного (с 08–10.1941), Крымского (с 12.1941) фронтов. Полковник, начальник Липецкого авиационного учебного центра (06.1942).

Черняк С. И. (1899-?) — генерал-лейтенант. Командовал 46-й армией Закавказского фронта (07–12.1941), 44-й армией Крымского фронта (02–05.1942). Полковник, командир 306-й стрелковой дивизии (с 07.1942).

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 170508 ВОЕННОМУ СОВЕТУ СТАЛИНГРАДСКОГО ФРОНТА А. И. КИРИЧЕНКО, Н. С. ХРУЩЕВУ и А. С. ЧУЯНОВУ

14 июля 1942 года

02 ч 40 мин

Ставка считает нетерпимым и недопустимым, что Военный совет фронта вот уже несколько дней не дает сведений о судьбе 28, 38 и 57-й армий и 22-го танкового корпуса. Ставке известно из других источников, что штабы указанных армий отошли за Дон, но ни эти штабы, ни Военный

совет фронта не сообщают Ставке, куда девались войска этих армий и какова их судьба, продолжают ли они борьбу или взяты в плен. В этих армиях находились, кажется, 14 дивизий. Ставка хочет знать, куда девались эти дивизии.

Ставка хочет тоже знать, какова судьба 22-го танкового корпуса.

Военный совет фронта обязан добыть все необходимые сведения о положении этих войск и выработать меры помощи им, если они уже не взяты в плен. Ставка считает нетерпимым, что Военный совет отмалчивается и не проявляет заботы о судьбе этих войск. Ставка требует незамедлительного ответа.

И. СТАЛИН

Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 308–309. ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 124. Л. 226.

Примечание. Чуянов А. С. (1905–1977) — первый секретарь Сталинградского обкома и горкома ВКП(б), председатель Сталинградского городского комитета обороны, член Военного совета Сталинградского, Донского, Южного фронтов (1942).

Сталинградский фронт образован по приказу Ставки Верховного Главнокомандования 12 июля 1942 года. Первоначально в состав фронта входили три резервные армии (63, 62-я и 64-я) и две армии бывшего Юго-Западного фронта (21-я и 8-я воздушная). Позднее были включены отошедшие в его полосу 28, 38-я и 57-я армии.

В момент, когда Ставка требовала информации об этих армиях, они, перемешавшись частями, отступали под ударами 4-й танковой армии и 44 танкового корпуса противника, пытаясь зацепиться за населенные пункты и занять оборону. В итоге к 15 июля лишь части 38-й армии сумели переправиться за Дон и занять оборону в полосе Сталинградского фронта восточнее ст. Вешенской (на базе отступивших частей 22 июля начинается формирование 1-й танковой армии). Личный состав 28-й армии к 15.07 не превышал батальона (направлена для переформирования в Астрахань), 57-й армии — 933 человека (пополнена войсками, с августа принимала участие в оборонительных боях южнее Сталинграда).

РАСПОРЯЖЕНИЕ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ ЮЖНОГО, СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО И СТАЛИНГРАДСКОГО ФРОНТОВ

23 июля 1942 года

02 ч 25 мин

Если немцам удастся построить понтонные мосты на Дону и получить таким образом возможность перевести на южный берег Дона артиллерию и танки, то это обстоятельство создаст большую угрозу Южному, Сталинградскому и Северо-Кавказскому фронтам. Если же немцам не удастся перекинуть понтонные мосты и они перебросят на южный берег Дона только отдельные пехотные части, то это не составит большой опасности для нас, так как отдельные пехотные части немцев без артиллерии и танков легко будет уничтожить нашими войсками.

Ввиду этого главная задача наших частей на южном берегу Дона и нашей авиации состоит в том, чтобы не дать немцам построить понтонные мосты на Дону, а если им все же удастся построить их — обязательно разрушить их ударом артиллерии, наземных войск и всей массой нашей авиации.

Прошу принять это указание к руководству и регулярно сообщать об исполнении в Генштаб.

И. СТАЛИН

Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 321. ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 126. Л. 132.

ПОСЛАНИЕ ПРЕМЬЕРА СТАЛИНА ПРЕМЬЕРУ ЧЕРЧИЛЛЮ

23 июля 1942 года

Получил Ваше послание от 18 июля.

Из послания видно, что, во-первых, правительство Великобритании отказывается продолжать снабжение Советского Союза военными материалами по северному пути и, во-вторых, несмотря на известное согласованное Англо-Советское коммюнике о принятии неотложных мер по организации второго фронта в 1942 году, правительство Великобритании откладывает это дело на 1943 год.

Наши военно-морские специалисты считают доводы английских морских специалистов о необходимости прекращения подвоза военных материалов в северные порты СССР несостоятельными. Они убеждены, что при доброй воле и готовности выполнить взятые на себя обязательства подвоз мог бы осуществляться регулярно с большими потерями для немцев. Приказ английского адмиралтейства 17-му конвою покинуть транспорты и вернуться в Англию, а транспортным судам рассыпаться и добираться в одиночку до советских портов без эскорта наши специалисты считают непонятным и необъяснимым. Я, конечно, не считаю, что регулярный подвоз в северные советские порты возможен без риска и потерь. Но в обстановке войны ни одно большое дело не может быть осуществлено без риска и потерь. Вам, конечно, известно, что Советский Союз несет несравненно более серьезные потери. Во всяком случае, я никак не мог предположить, что правительство Великобритании откажет нам в подвозе военных материалов именно теперь, когда Советский Союз особенно нуждается в подвозе военных материалов в момент серьезного напряжения на советско-германском фронте. Понятно, что подвоз через персидские порты ни в какой мере не окупит той потери, которая будет иметь место при отказе от подвоза северным путем.

Что касается второго вопроса, а именно вопроса об организации второго фронта в Европе, то я боюсь, что этот вопрос начинает принимать несерьезный характер. Исходя из создавшегося положения на советско-германском фронте, я должен заявить самым категорическим образом, что Советское правительство не может примириться с откладыванием организации второго фронта в Европе на 1943 год.

Надеюсь, что Вы не будете в обиде на то, что я счел нужным откровенно и честно высказать свое мнение и мнение моих коллег по вопросам, затронутым в Вашем послании.

И. СТАЛИН

Переписка председателя Совета Министров СССР… С. 50–51.

ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СССР

28 июля 1942 года
№ 227
город Москва

Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге и у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. Части войск Южного фронта, идя за паникерами, оставили Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамена позором.

Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама бежит на восток.

Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много земли, много населения и что хлеба у нас всегда будет в избытке. Этим они хотят оправдать свое позорное поведение на фронтах. Но такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам.

Каждый командир, красноармеец и политработник должны понять, что наши средства не безграничны. Территория Советского государства — это не пустыня, а люди — рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы, матери, жены, братья, дети. Территория СССР, которую захватил и стремится захватить враг, — это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию вооружением и боеприпасами, железные дороги. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину.

Поэтому надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо если не прекратим отступления, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог.

Из этого следует, что пора кончать отступление.

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв.

Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок Советской земли и отстаивать его до последней возможности.

Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникерам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас, в ближайшие несколько месяцев — это значит обеспечить за нами победу.

Можем ли выдержать удар, а потом и отбросить врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают теперь прекрасно и наш фронт получает все больше и больше самолетов, танков, артиллерии, минометов.

Чего же у нас не хватает?

Не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять Родину.

Нельзя терпеть дальше командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции. Нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу.

Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование — ни шагу назад без приказа высшего командования.

Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо, как с предателями Родины.

Таков призыв нашей Родины.

Выполнить этот приказ — значит отстоять нашу землю, спасти Родину, истребить и победить ненавистного врага.

После своего зимнего отступления под напором Красной Армии, когда в немецких войсках расшаталась дисциплина, немцы для восстановления дисциплины приняли некоторые суровые меры, приведшие к неплохим результатам. Они сформировали более 100 штрафных рот из бойцов, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставили их на

опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали, далее, около десятка штрафных батальонов из командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, лишили их орденов, поставили их на еще более опасные участки фронта и приказали им искупить свои грехи. Они сформировали, наконец, специальные отряды заграждения, поставили их позади неустойчивых дивизий и велели им расстреливать на месте паникеров в случае попытки сдаться в плен. Как известно, эти меры возымели свое действие и теперь немецкие войска дерутся лучше, чем они дрались зимой. И вот получается, что немецкие войска имеют хорошую дисциплину, хотя у них нет возвышенной цели защиты своей родины, а есть лишь одна грабительская цель — покорить чужую страну, а наши войска, имеющие возвышенную цель защиты своей поруганной Родины, не имеют такой дисциплины и терпят ввиду этого поражение.

Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов, как учились в прошлом наши предки у врагов и одерживали потом над ними победу?

Я думаю, что следует.

Верховное Главнокомандование Красной Армии приказывает:

1. Военным советам фронтов и прежде всего командующим фронтами:

а) безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступать дальше на восток, что от того отступления не будет якобы вреда;

б) безусловно снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения к военному суду командующих армиями, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования фронта;

в) сформировать в пределах фронта от одного до трех (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины.

2. Военным советам армий и прежде всего командующим армиями:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования армии, и направлять их в Военный совет фронта для предания военному суду;

б) сформировать в пределах армии 3–5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (по 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной;

в) сформировать в пределах армии от пяти до десяти (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной.

3. Командирам и комиссарам корпусов и дивизий:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров полков и батальонов, допустивших самовольный отход частей без приказа командира корпуса или дивизии, отбирать у них ордена и медали и направлять их в военные советы фронта для предания военному суду;

б) оказывать всяческую помощь и поддержку заградительным отрядам армии в деле укрепления порядка и дисциплины в частях.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, штабах.

Народный комиссар обороны
И. СТАЛИН

Г. К. Жуков в Сталинградской битве. Сборник документов. М., 1996. С. 27–32. ЦАМО Ф. 4. Оп. 12. Д. 105. Л. 122–128.

БЕСЕДА С ПРЕМЬЕР-МИНИСТРОМ ВЕЛИКОБРИТАНИИ У. ЧЕРЧИЛЛЕМ И ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ ПРЕЗИДЕНТА США В СССР А. ГАРРИМАНОМ

12 августа 1942 года

Присутствовали:
Молотов, Ворошилов, Керр.
Переводчики — Павлов и Денлоп.

Черчилль заявляет, что самолет, на котором летели Брук, Уэйвелл, Теддер и Кадоган, должен был вернуться в Тегеран из-за аварии, и поэтому они будут в Москве завтра. Но он может сейчас же приступить к военным переговорам в общих чертах, а затем он предлагает обсудить все вопросы в деталях в присутствии английских и советских военных.

Сталин спрашивает, как прошло путешествие.

Черчилль отвечает, что путешествие было очень приятным и он совсем не утомлен.

Сталин спрашивает, как обстоят дела в Каире.

Черчилль отвечает, что он сообщит об этом в строго секретном порядке, так как это еще не опубликовано. Черчилль считал необходимым заменить Окинлека Александером, который хорошо дрался в Бирме. Помимо этого, в верховном командовании на Ближнем Востоке он произвел также и другие радикальные изменения. Он надеется, что в течение августа или сентября англичане выиграют битву в Египте. Англичане располагают в Египте более значительной армией, большим количеством самолетов, танков и артиллерии, лучшими коммуникациями, чем Роммель. Но немцы обладают большим искусством в использовании тяжелых танков и противотанковых пушек. Черчилль обнаружил настроения боязни драться с немцами. Тем не менее, говорит Черчилль, мы перейдем к наступлению в августе или сентябре, используя подкрепления, которые будут получены из Англии и Индии. Мы надеемся, продолжает Черчилль, что победим немцев там, где они находятся в настоящее время. Он думает, что в настоящее время уже не существует опасности взятия Каира или захвата Суэцкого канала. Он очень обязан Сталину за 40 бомбардировщиков, которые Сталин любезно предоставил английскому правительству. Черчилль организует в настоящее время отдельное командование для Персии и Ирака. Мы, говорит он, стараемся создать 10-ю армию для защиты юга Каспия. Но прежде очень важно выиграть битву в Египте и уничтожить Роммеля. В этом случае можно будет отправить большие подкрепления на Каспий. В сражении можно надеяться на успех, но нельзя его гарантировать.

Сталин говорит, что у нас пока дела на фронте идут нехорошо. Противник стремится прорваться к Баку и выйти на Сталинград. Было трудно предполагать, что немцы соберут так много войск и танков отовсюду из Европы. В настоящее время на нашем фронте находится Лист со своими войсками с Балкан, много итальянцев, венгров, немало румын. Нам не удалось остановить наступления. В виде контрмеры мы предприняли диверсию в сторону Ржева и Вязьмы. Здесь продвижение у нас идет неплохо. Цель этой операции состоит в том, чтобы заставить противника перегруппировать свои силы.

Черчилль спрашивает Сталина, считает ли он, что Гитлер имеет в своем распоряжении добавочную армию для того, чтобы выступить против Москвы с запада и с Воронежа.

Сталин отвечает, что он не может этого сказать. Фронт большой. Гитлер может взять десятка два дивизий и создать кулак в любом месте. Для этого не надо иметь специальных резервов; для этого нужно два десятка пехотных и 2–3 танковых дивизии. Здесь, в Москве, у нас дело попрочнее, но нельзя гарантировать вероятность неожиданностей.

Черчилль заявляет, что он приехал для того, чтобы говорить о реальных вещах. Мы, говорит он, будем беседовать друг с другом, как друзья. Черчилль надеется, что Сталин выскажет откровенно то, что он считает полезным предпринять в настоящее время.

Сталин говорит, что он готов к этому.

Черчилль заявляет, что когда Молотов посетил Лондон, он, Черчилль, сообщил ему, что англичане постараются найти средства для осуществления эффективной диверсии путем нападения на

германские позиции во Франции. Но Черчилль также сказал и вручил Молотову памятную записку о том, что он не может дать никакого обещания на этот год. После этого американцы и англичане тщательно изучили этот вопрос и пришли к выводу, что они не в состоянии предпринять операций в сентябре месяце, который является последним месяцем с благоприятной погодой, операций, которые имеют своей задачей отвлечение пехотных дивизий противника с русского фронта. Но, как известно Сталину, Англия и США готовятся к большим операциям в 1943 году. Для этой цели в 1943 году в Англию должен прибыть 1 млн американских солдат. Таким образом, американские экспедиционные силы составят весной 1943 года 27 дивизий, к которым англичане готовятся прибавить 21 собственную дивизию, причем почти половину этих сил будут составлять танковые дивизии. Пока что в Англию прибыло только 2,5 американских дивизии, но ожидаются большие транспорты войск в сентябре, октябре, ноябре и т. д. В настоящее время мне хорошо известно, что в 1942 году имеющееся в наличии количество дивизий не будет помощью для России, что, когда эти силы будут готовы в 1943 году, возможно, что немцы будут располагать более крупными силами для встречи англичан и американцев, чем в настоящее время.

Относительно вопроса о нападении на французское побережье я хочу изложить некоторые соображения. Мы располагаем десантными средствами для того, чтобы перевезти 6 дивизий для десанта на укрепленном побережье. Если эта высадка будет успешной, то для поддержания операций потребуется такое количество тоннажа, которым в настоящее время Англия и США не располагают. Мы в деталях изучили, говорит Черчилль, две операции, которые мы могли бы предпринять в сентябре нашими незначительными силами. Были рассмотрены два района. Первая операция — это операция в районе Па-де-Кале на отрезке от Дюнкерка до Дьеппа. Эта операция имела бы своей целью оттягивание военно-воздушных сил противника во Францию, которые достаточно сильны для весьма напряженных боев. Мы не имеем достаточного количества сил, которые были бы в состоянии достаточно глубоко проникнуть на французскую территорию, чтобы оказать этим помощь СССР. Операция в Па-де-Кале имеет то большое преимущество, что мы господствуем в этом районе в воздухе и поэтому ее осуществление вызвало бы весьма тяжелые воздушные бои с противником. С другой стороны, противник знает об этом, и нет сомнений в том, что в этом секторе он может сконцентрировать против нас более значительные силы, чем те, которые мы можем перевезти в этом году. Вследствие значительных приливов и отливов в Дуврском проливе любые десантные операции связаны с большими трудностями. Одно преимущество, которое можно было бы извлечь из десанта, — это воздушные бои. Но представляется маловероятным, что это преимущество было бы достигнуто полным уничтожением экспедиционных сил и что противник торжествовал бы, а мы потерпели бы катастрофу. Далее, чтобы провести нападение на Па-де-Кале в этом году, нам пришлось бы прервать большие приготовления на 1943 год и отвлечь ведущих людей, затратить большую часть десантных средств. По этой причине мы не считаем разумным предпринять наступление в районе Па-де-Кале в этом году.

Сталин говорит, что можно было бы высадиться на Шербурском полуострове, занять острова в проливе и с них снабжать войска, действующие на полуострове.

Черчилль отвечает, что это невозможно сделать, так как английская истребительная авиация не может из-за дальности расстояния обеспечить господства над Шербурским полуостровом. Черчилль готов к тому, чтобы английские военные обсудили с маршалом Ворошиловым этот вопрос во всех деталях. Черчилль спрашивает Сталина, желает ли он, чтобы это обсуждение состоялось.

Сталин отвечает, что он не против этого обсуждения, но он хотел бы спросить Черчилля, правильно ли он понимает, что второго фронта в этом году не будет, что английское правительство также отказывается от операции по высадке 6–8 дивизий на французском побережье в этом году.

Черчилль спрашивает Сталина, что он понимает под вторым фронтом.

Сталин отвечает, что он понимает под вторым фронтом вторжение большими силами в Европу в этом году.

Черчилль заявляет, что открыть второй фронт в Европе в этом году англичане не в состоянии, но они полагают, что второй фронт может быть создан в другом месте. Что касается операции по высадке 6–8 дивизий на французском побережье в этом году, то английское правительство считает, что эта операция принесла бы больше вреда, чем пользы, и отрицательно отразилась бы

на приготовлениях к операции большого масштаба в 1943 году. Черчилль боится, что это будет неприятным известием для Сталина, но он может заверить, что, если бы англичане и американцы знали бы, что, бросая 1 млн 500 тыс. — 2 млн человек, они смогли бы оказать помощь своему союзнику путем отвлечения значительных сил с русского фронта, они бы не остановились перед этим из-за возможных потерь. Однако если бы это предприятие не привело к отвлечению никаких сил, то оно испортило бы перспективы операций в будущем году и, следовательно, было бы большой ошибкой. Черчилль просит Гарримана высказать свою точку зрения.

Гарриман заявляет, что присоединяется к соображениям Черчилля и не имеет к ним добавлений.

Сталин говорит, что он несколько иначе смотрит на войну. Он считает, что тот, кто не хочет рисковать, никогда не выиграет войны. В меморандуме, который был передан в Лондоне Молотову, говорилось о том, что англичане предполагают высадить в этом году 6–10 дивизий на побережье во Франции. Если бы мы раньше знали, что они не могут этого сделать, мы могли бы дать им 3 корпуса для десанта с воздуха. Например, в Дорогобуже среди немцев было выброшено с воздуха 2,5 тыс. человек. Они великолепно дрались, и, когда отпала нужда, их посадили на самолеты и вывезли оттуда. Для того чтобы сделать войска настоящими, им надо пройти через огонь и обстрелы. Пока войска не проверены на войне, никто не может сказать, чего они стоят. Сталин считает, что представляется случай испытать огнем войска. Он, Сталин, на месте Англии поступил бы иначе. Не надо только бояться немцев.

Черчилль раздраженно отвечает, что они не боятся немцев, и спрашивает Сталина, задавал ли он себе вопрос, почему Гитлер не предпринял в 1940 году вторжения в Англию, когда Англия имела едва 20 тыс. обученных людей, 200 пулеметов, 50 танков, в то время как Гитлер имел в своем распоряжении всякого рода баржи, парашютные войска и т. д. Если бы Гитлер напал в то время на Англию, то Черчилля не было бы в настоящее время в Москве.

Сталин отвечает, что высадка в Англии встретила бы сопротивление со стороны населения, в то время как высадка войск во Франции была бы встречена французским населением с сочувствием.

Черчилль заявляет, что именно в силу этого обстоятельства тем более важно не заставить французов подняться, ибо они принесли бы большие напрасные жертвы.

Сталин заявляет, что, если англичане не могут высадиться, он не настаивает и не требует этого. Однако он не может согласиться с аргументами, высказанными Черчиллем.

Черчилль заявляет, что он очень благодарен Сталину за его высказывания, но надеется, что Сталин разрешит обсудить английским и советским военным детали тех соображений, которые он сегодня изложил.

Сталин замечает, что вопросы должны решать политики, а не военные, которые являются консультантами.

Черчилль выражает свое согласие с этим заявлением Сталина и замечает, что в Англии военные тоже являются консультантами.

Далее Черчилль говорит, что второй фронт в Европе — это не единственный второй фронт. По мнению английского и американского правительств, можно было бы предпринять другие большие операции, которые были бы полезнее для общего дела. Мы не думаем, говорит Черчилль, что Франция является единственным местом, в котором может быть создан второй фронт. Американцы и англичане приняли решение о проведении другой операции, и Черчилль имеет полномочия Рузвельта сообщить русскому правительству об этой операции при условии сохранения полной секретности. Эту операцию можно сохранить в секретности только путем прикрытия ее другой операцией. Она должна быть проведена под руководством верховного командования США, которое уже назначило своих представителей в Англию. Операция носит название «Факел» и состоит в захвате Северного побережья Французской Африки. Для этой цели будут использованы 250 тыс. войск в составе примерно 7 дивизий США и 5 британских. Войска высадятся в нескольких пунктах побережья Северной Африки: в Касабланке, в Алжире и вплоть до Бизерты. Президент установил 30 октября самым поздним сроком для начала этой операции. Но мы, говорит Черчилль, прилагаем все усилия, чтобы начать ее осуществление в начале октября.

Сталин спрашивает Черчилля, информирован ли об этой операции де Голль.

Черчилль отвечает, что де Голль об этой операции не информирован, так же как он не был информирован о Мадагаскаре. Дело в том, что де Голль и окружающие его лица много говорят и поэтому Черчилль не хотел сообщать де Голлю об англо-американских планах. Черчилль заявляет, что захват французского побережья дал бы возможность очистить Средиземное море, получить базы для бомбардировки Италии — самого слабого союзника Гитлера, а также открыл бы дополнительные пути для вторжения на европейский континент в будущем году. Кроме того, Черчилль предполагает, что эта операция благоприятно повлияла бы на позиции Испании и Турции.

Сталин заявляет, что он вполне понимает операцию по захвату побережья Северной Африки с военной точки зрения. По его мнению, она обладает четырьмя преимуществами. В результате этой операции были бы открыты коммуникации через Средиземное море и союзники получили бы базы для бомбардировки Италии, вышли бы в тыл армии Роммеля и закрыли бы «оси» путь на Дакар. Но Сталин считает, что эта операция недостаточно обставлена в политическом отношении. Его интересует вопрос, будет ли сделана декларация в начале англо-американской операции против Северной Африки. Сталин считал бы, что эту операцию было бы более полезно провести при участии де Голля или кого-либо из французских генералов.

Черчилль заявляет, что американское правительство располагает большим количеством своих агентов в Северной Африке. Оно считает, что высадка англо-американских войск на побережье Северной Африки под американским флагом встретит весьма слабое сопротивление со стороны французского населения и, может быть даже сочувствие. Кроме того, он полагает, что эту операцию можно будет изобразить как начало освобождения Франции и, таким образом, исключить представление о ней как о притязаниях Англии и США. Черчилль рассчитывает также, что в результате осуществления операции немцы предъявят серьезные требования к Виши, и правительство Виши будет вынуждено или потерпеть крах, или вообще сбежать. По его мнению, было бы крайне желательным столкновение немцев с правительством Виши.

Сталин заявляет, что он вполне понимает указанную операцию с военной точки зрения и говорит: «Да поможет бог ее осуществлению».

Черчилль заявляет, что он сообщит о мнении Сталина Рузвельту. Затем Черчилль хотел бы перейти к следующему вопросу, который касается помощи южному флангу русского фронта при помощи английских воздушных сил для защиты Кавказа и Каспийского моря. Однако в настоящий момент он не может сделать определенного предложения о предоставлении СССР с этой целью 15 или более английских эскадрилий, так как англичане должны сначала увидеть, как будут развиваться операции в Египте.

Сталин отвечает, что мы были бы благодарны за помощь нам авиацией, так как в этом районе мы испытываем недостаток авиации.

В заключение беседы *Черчилль* говорит, что операция по захвату побережья Северной Африки является настолько очевидной, что о ней может говорить пресса. Поэтому важно представить дело так, что мы пойдем в другом направлении, что мы нанесем удар в районе Па-де-Кале. Ничего не должно быть сказано о том, что мы не будем атаковать противника на побережье Франции в этом году. Другой ширмой для операции «Факел» могло бы быть предположение противника, будто мы нападем в этом году на Норвегию. В Англии действительно подготавливается несколько арктических дивизий, и противник не может этого не заметить и будет думать о возможности нашего нападения на Норвегию в этом году.

Советско-английские отношения… Т. 1. С. 265–271.

Примечание. Брук А. Ф. (1883–1963) — генерал-лейтенант, начальник Имперского штаба сухопутных сил Великобритании.

Теддер А. У. (1890–1967) — главный маршал авиации Великобритании, в 1940–1943 — заместитель командующего и командующий ВВС на Ближнем Востоке и Средиземноморье.

Голль Ш. де (1890–1970) — бригадный генерал, руководитель Французского национального комитета (1941), Французского комитета национального освобождения (1943).

Павлов В. Н. (1915–1993) — помощник наркома иностранных дел СССР, заведующий Центрально-европейским отделом НКИД.

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 170569 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ЮГО-ВОСТОЧНОГО И СТАЛИНГРАДСКОГО ФРОНТОВ А. И. ЕРЕМЕНКО

15 августа 1942 года

Копии: заместителю командующего войсками фронтов по Сталинградскому фронту, командующему 62-й армией (А. И. Лопатину. — *Ред.*)

04 ч 20 мин

По донесениям штаба Сталинградского фронта 181, 147 и 229 сд 62-й армии продолжают вести бои в обстановке окружения в районе Евсеев, Майоровский, Плесистовский. Несмотря на это и на неоднократные указания Ставки, помощь им Сталинградским фронтом до сего времени не оказана. Немцы никогда не покидают свои части, окруженные советскими войсками, и всеми возможными силами и средствами стараются во что бы то ни стало пробиться к ним и спасти их. У советского командования должно быть больше товарищеского чувства к своим окруженным частям, чем у немецко-фашистского командования. На деле, однако, оказывается, что советское командование проявляет гораздо меньше заботы о своих окруженных частях, чем немецкое. Это кладет пятно позора на советское командование. Ставка считает делом чести нашего сталинградского командования спасение окруженных частей. У нашего сталинградского командования имеется сейчас достаточно сил и средств, чтобы пробиться к своим окруженным дивизиям и вывести их.

Ставка приказывает немедленно организовать прорыв фронта противника, пробиться к своим окруженным дивизиям и организованно вывести их.

О принятых мерах донести.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. ВАСИЛЕВСКИЙ

Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 362. ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 136. Л. 12, 13.

РАСПОРЯЖЕНИЕ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО № 170585 ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ СТАВКИ И ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ А. М. ВАСИЛЕВСКОМУ и Г. М. МАЛЕНКОВУ

25 августа 1942 года

05 ч 15 мин

Меня поражает то, что на Сталинградском фронте произошел точно такой же прорыв далеко в тыл наших войск, какой имел место в прошлом году на Брянском фронте, с выходом противника на Орел. Следует отметить, что начальником штаба был тогда на Брянском фронте тот же Захаров, а доверенным человеком тов. Еременко был тот же Рухле. Стоит над этим призадуматься. Либо Еременко не понимает идеи второго эшелона в тех местах фронта, где на переднем крае стоят необстрелянные дивизии, либо же мы имеем здесь чью-то злую волю, в точности осведомляющую немцев о слабых пунктах нашего фронта.

Как вы думаете использовать дивизии, подходящие с севера в район Себряково, в какие армии думаете их включить? Как работает наша авиация? Живы ли Еременко и Хрущев?

Как видно из донесения Лопатина, противник свободно переправляет свои части в районе Котлубани на восток от Дона. Это значит, что он будет прорывать следующий обвод Сталинграда.

По-моему, следовало бы отвести Лопатина, а также и 64-ю армию на следующий обвод, восточнее Дона. Отвод надо произвести скрытно и в полном порядке, чтобы он не превратился в бегство. Надо организовать арьергарды, способные драться до смерти, чтобы дать отойти частям армии.

Наступление 1-й гвардейской армии согласно вчерашней директиве уже не осуществимо в данный момент. Ей надо поставить задачу на оборону и прочно удерживать плацдарм, так же как и 63-й армии.

Жду немедленного ответа.

И. СТАЛИН

Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 373. ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 126. Л. 160, 161.

Примечание. Захаров Г. Ф. (1897–1957) — генерал-майор, начальник штаба 22-й армии, с 08.1941 начальник штаба, с 10.1941 командующий войсками Брянского фронта, с 12.1941 заместитель командующего войсками Западного фронта, с 05.1942 начальник штаба Северокавказского направления, затем Северо-Кавказского фронта, с 08.1942 начальник штаба Юго-Восточного (Сталинградского) фронта. С 10.1942 заместитель командующего Сталинградским, затем Южным фронтом. Генерал-лейтенант (20.12.1942).

Рухле И. Н. — полковник, заместитель начальника штаба ВВС Брянского фронта (1941), начальник оперативного отдела Юго-Западного фронта (1942). Генерал-майор (1942), начальник оперативного отдела Сталинградского фронта (1942). 4 октября генерал Рухле снят с должности и через несколько дней арестован.

РАСПОРЯЖЕНИЕ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО № 170599 ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ Г. К. ЖУКОВУ

3 сентября 1942 года

22 ч 30 мин

Положение со Сталинградом ухудшилось. Противник находится в трех верстах от Сталинграда. Сталинград могут взять сегодня или завтра, если Северная группа войск не окажет немедленной помощи.

Потребуйте от командующих войсками, стоящих к северу и северо-западу от Сталинграда, немедленно ударить по противнику и прийти на помощь сталинградцам.

Недопустимо никакое промедление. Промедление теперь равносильно преступлению. Всю авиацию бросьте на помощь Сталинграду. В самом Сталинграде авиации осталось очень мало.

Получение и принятые меры сообщить незамедлительно.

И. СТАЛИН

Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 387. ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 136. Л. 21.

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 170634 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ СТАЛИНГРАДСКОГО ФРОНТА А. И. ЕРЕМЕНКО

5 октября 1942 года

Копия:
командующему войсками Донского фронта (К. К. Рокоссовскому. — *Ред.*)

14 ч 30 мин

Я думаю, что Вы не видите той опасности, которая угрожает войскам Сталинградского фронта. Заняв центр города и выдвинувшись к Волге севернее Сталинграда, противник намерен отобрать у Вас переправы, окружить 62-ю армию и взять ее в плен, а после этого окружить

южную группу Ваших войск, 64-ю и другие армии, и тоже забрать их в плен. Противник может осуществить это свое намерение, так как он занимает районы переправ через Волгу как на севере, так и в центре и на юге от Сталинграда. Чтобы предотвратить эту опасность, надо оттеснить противника от Волги и вновь захватить те улицы и дома Сталинграда, которые противник отобрал у Вас. Для этого необходимо превратить каждый дом и каждую улицу Сталинграда в крепость. К сожалению, Вы этого не сумели сделать и все еще продолжаете сдавать противнику квартал за кварталом. Это говорит о Вашей плохой работе. Сил у Вас в районе Сталинграда больше, чем у противника, и несмотря на это, противник продолжает теснить Вас. Я недоволен Вашей работой на Сталинградском фронте и требую, чтобы Вы приняли все меры для защиты Сталинграда. Сталинград не должен быть сдан противнику, а та часть Сталинграда, которая занята противником, должна быть освобождена.

И. СТАЛИН
Продиктовано по телефону.
ВАСИЛЕВСКИЙ

Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 410–411. ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 126. Л. 185, 186.

РАСПОРЯЖЕНИЕ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО № 170686 ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ Г. К. ЖУКОВУ

12 ноября 1942 года

04 ч 00 мин

Если авиаподготовка операции не удовлетворительна у Иванова и Федорова (условные фамилии А. И. Еременко и Н. Ф. Ватутина. — *Ред.*), то операция кончится провалом. Опыт войны с немцами показывает, что операцию против немцев можно выиграть лишь в том случае, если имеем превосходство в воздухе. В этом случае наша авиация должна выполнить три задачи.

Первое — сосредоточить действия авиации в районе наступления наших ударных частей, подавить авиацию немцев и прочно прикрыть наши войска.

Второе — пробить дорогу нашим наступающим частям путем систематической бомбежки стоящих против них немецких войск.

Третье — преследовать отступающие войска противника путем систематической бомбежки и штурмовых действий, чтобы окончательно расстроить их и не дать им закрепиться на ближайших рубежах обороны.

Если Новиков думает, что наша авиация сейчас не в состоянии выполнить эти задачи, то лучше отложить операцию на некоторое время и накопить побольше авиации.

Поговорите с Новиковым и Ворожейкиным, растолкуйте им это дело и сообщите мне ваше общее мнение.

ВАСИЛЬЕВ

Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 448–449. ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 126. Л. 193.

РАСПОРЯЖЕНИЕ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО № 170688 ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ Г. К. ЖУКОВУ

15 ноября 1942 года

13 ч 10 мин

День переселения Федорова и Иванова можете назначить по Вашему усмотрению, а потом доложите мне об этом по приезде в Москву. Если у Вас возникает мысль о том, чтобы кто-либо

из них начал переселение раньше или позже на один или два дня, то уполномочиваю Вас решить и этот вопрос по Вашему усмотрению.

ВАСИЛЬЕВ

Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 449–450. ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 126. Л. 195.

Примечание. «Переселение» — условное название начала контрнаступления под Сталинградом.

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ПО ВОЙСКАМ ЮГО-ЗАПАДНОГО, ЮЖНОГО, ДОНСКОГО, СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО, ВОРОНЕЖСКОГО, КАЛИНИНСКОГО, ВОЛХОВСКОГО И ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТОВ

25 января 1943 года

В результате двухмесячных наступательных боев Красная Армия прорвала на широком фронте оборону немецко-фашистских войск, разбила сто две дивизии противника, захватила более 200 тысяч пленных, 13 000 орудий и много другой техники и продвинулась вперед до 400 километров. Наши войска одержали серьезную победу. Наступление наших войск продолжается.

Поздравляю бойцов, командиров и политработников Юго-Западного, Южного, Донского, Северо-Кавказского, Воронежского, Калининского, Волховского, Ленинградского фронтов с победой над немецко-фашистскими захватчиками и их союзниками — румынами, итальянцами и венграми под Сталинградом, на Дону, на Северном Кавказе, под Воронежем, в районе Великих Лук, южнее Ладожского озера.

Объявляю благодарность командованию и доблестным войскам, разгромившим гитлеровские армии на подступах Сталинграда, прорвавшим блокаду Ленинграда и освободившим от немецких оккупантов города Кантемировка, Беловодск, Морозовский, Миллерово, Старобельск, Котельниково, Зимовники, Элиста, Сальск, Моздок, Нальчик, Минеральные Воды, Пятигорск, Ставрополь, Армавир, Валуйки, Россошь, Острогожск, Великие Луки, Шлиссельбург, Воронеж и многие другие города и тысячи населенных пунктов.

Вперед, на разгром немецких оккупантов и изгнание их из пределов нашей Родины!

Верховный Главнокомандующий
И. СТАЛИН

Москва, Кремль. 25 января 1943 года.

Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1975. С. 13.

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30095 КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ ФРОНТОВ

18 апреля 1943 года

Копия: начальнику Главного политического управления Красной Армии (А. С. Щербакову. — *Ред.*)

22 ч 30 мин

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает гвардейские соединения (гв. стр. корпуса, гв. армии), состоящие из наиболее опытных и устойчивых войск, держать, как правило,

в резерве или во втором эшелоне и использовать их в наступательной операции — для прорыва на направлении главного удара, а в оборонительной — для контрудара.

В соответствии с этим необходимо постепенно и без ущерба для боевой готовности войск и прочности обороны занимаемых рубежей произвести во фронтах и армиях перегруппировку с тем, чтобы вывести гвардейские соединения в резерв или во второй эшелон.

Во время нахождения в резерве гвардейские соединения готовить главным образом для наступления, для прорыва оборонительной полосы противника. Особое внимание обратить на тщательность отработки вопросов взаимодействия родов войск, ближнего боя, ночных действий, борьбы с танками противника. Научить войска быстро и глубоко закапываться в землю с целью прочного закрепления захваченных рубежей.

Штабы всех степеней учить организовывать наступательный бой с целью прорыва оборонительной полосы противника и управлять войсками в динамике боя. Обратить внимание на вопросы использования средств усиления, ввода в бой вторых эшелонов, организации тыла.

После прорыва оборонительной полосы противника при наличии мощных вторых эшелонов гвардейские соединения, участвовавшие в этом прорыве, выводить в резерв для отдыха и восстановления, не доводя их ни в коем случае до истощения.

Твердо провести в жизнь правило, чтобы все раненые гвардейцы после выздоровления возвращались в свою часть. Перегруппировку гвардейских соединений без ведома Ставки не производить.

Внешней выправкой, дисциплиной, быстротой и четкостью выполнения приказов, вниманием к бойцу добиться, чтобы гвардейские части являлись образцом и примером для всех остальных частей Красной Армии.

Командующим войсками фронтов о мерах, принятых к исполнению настоящей директивы, донести к 1 мая 1943 г.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
Г. ЖУКОВ

Русский архив: Великая отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 122. ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 142. Л. 90–91.

ЛИЧНОЕ И СЕКРЕТНОЕ ПОСЛАНИЕ ПРЕМЬЕРА И. В. СТАЛИНА ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ г-ну У. ЧЕРЧИЛЛЮ, ПРЕЗИДЕНТУ г-ну ФРАНКЛИНУ Д. РУЗВЕЛЬТУ

21 апреля 1943 года

Поведение Польского Правительства в отношении СССР в последнее время Советское Правительство считает совершенно ненормальным, нарушающим все правила и нормы во взаимоотношениях двух союзных государств.

Враждебная Советскому Союзу клеветническая кампания, начатая немецкими фашистами по поводу ими же убитых польских офицеров в районе Смоленска, на оккупированной германскими войсками территории, была сразу же подхвачена правительством г. Сикорского и всячески разжигается польской официальной печатью. Правительство г. Сикорского не только не дало отпора подлой фашистской клевете на СССР, но даже не сочло нужным обратиться к Советскому Правительству с какими-либо вопросами или за разъяснениями по этому поводу.

Гитлеровские власти, совершив чудовищное преступление над польскими офицерами, разыгрывают следственную комедию, в инсценировке которой они использовали некоторые подобранные ими же самими польские профашистские элементы из оккупированной Польши, где все находится под пятой Гитлера и где честный поляк не может открыто сказать своего слова.

Для «расследования» привлечен как правительством г. Сикорского, так и гитлеровским правительством Международный Красный Крест, который вынужден в обстановке террористического режима с его виселицами и массовым истреблением мирного населения принять участие в этой следственной комедии, режиссером которой является Гитлер. Понятно, что такое «расследование», осуществляемое к тому же за спиной Советского Правительства, не может вызвать доверия у сколько-нибудь честных людей.

То обстоятельство, что враждебная кампания против Советского Союза начата одновременно в немецкой и польской печати и ведется в одном и том же плане, — это обстоятельство не оставляет сомнения в том, что между врагом союзников — Гитлером и правительством г. Сикорского имеется контакт и сговор в проведении этой враждебной кампании.

В то время как народы Советского Союза, обливаясь кровью в тяжелой борьбе с гитлеровской Германией, напрягают все свои силы для разгрома общего врага свободолюбивых демократических стран, правительство г. Сикорского в угоду тирании Гитлера наносит вероломный удар Советскому Союзу.

Все эти обстоятельства вынуждают Советское Правительство признать, что нынешнее правительство Польши, скатившись на путь сговора с гитлеровским правительством, прекратило на деле союзные отношения с СССР и стало на позицию враждебных отношений к Советскому Союзу.

На основании всего этого Советское Правительство пришло к выводу о необходимости прервать отношения с этим правительством.

Я считаю нужным информировать Вас об изложенном и надеюсь, что […] поймет необходимость этого вынужденного шага Советского Правительства.

21 апреля 1943 года.

Переписка Председателя Совета Министров СССР… С. 113–114, 428–429.

Примечание. Адресатам были направлены послания с одинаковым текстом, за исключением одного разночтения: в последнем абзаце вместо отточия, заключенного в квадратные скобки, в варианте телеграммы, адресованном У. Черчиллю, указано: «Британское Правительство» (см.: Там же. С. 114); в варианте, адресованном Ф. Д. Рузвельту, — «Правительство США» (см.: Там же. С. 429).

ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СССР

26 мая 1943 года

Командующему ВВС Красной Армии
маршалу авиации товарищу НОВИКОВУ

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Немедленно снять с должности командира авиационного полка полковника *Сталина В. И.* и не давать ему каких-либо командных постов впредь до моего распоряжения.
2. Полку и бывшему командиру полка полковнику Сталину объявить, что полковник Сталин снимается с должности командира полка за пьянство и разгул и за то, что портит и развращает полк.
3. Исполнение донести.

Народный комиссар обороны
И. СТАЛИН

26 мая 1943 года

Иосиф Сталин в объятиях семьи. М, 1993. С. 91–92.

ОТВЕТ ГОСПОДИНУ КИНГУ

Господин Кинг!

Я получил от Вас просьбу ответить на вопрос, касающийся роспуска Коммунистического Интернационала. Посылаю Вам свой ответ.

Вопрос. «Британские комментарии по поводу решения о ликвидации Коминтерна были весьма благоприятными. Какова советская точка зрения на этот вопрос и на его влияние на будущее международных отношений?»

Ответ. Роспуск Коммунистического Интернационала является правильным и своевременным, так как он облегчает организацию общего натиска всех свободолюбивых наций против общего врага — гитлеризма.

Роспуск Коммунистического Интернационала правилен, так как:

а) Он разоблачает ложь гитлеровцев о том, что «Москва» якобы намерена вмешиваться в жизнь других государств и «большевизировать» их. Этой лжи отныне кладется конец.

б) Он разоблачает клевету противников коммунизма в рабочем движении о том, что коммунистические партии различных стран действуют якобы не в интересах своего народа, а по приказу извне. Этой клевете отныне также кладется конец.

в) Он облегчает работу патриотов свободолюбивых стран по объединению прогрессивных сил своей страны, независимо от их партийности и религиозных убеждений, в единый национально-освободительный лагерь для развертывания борьбы против фашизма.

г) Он облегчает работу патриотов всех стран по объединению всех свободолюбивых народов в единый международный лагерь для борьбы против угрозы мирового господства гитлеризма, расчищая тем самым путь для организации в будущем содружества народов на основе их равноправия.

Я думаю, что все эти обстоятельства, взятые вместе, приведут к дальнейшему укреплению единого фронта союзников и других объединенных наций в их борьбе за победу над гитлеровской тиранией.

Я считаю, что роспуск Коммунистического Интернационала является вполне своевременным, так как именно теперь, когда фашистский зверь напрягает свои последние силы, необходимо организовать общий натиск свободолюбивых стран для того, чтобы добить этого зверя и избавить народы от фашистского гнета.

С уважением
И. СТАЛИН
28 мая 1943 года

Правда. 1943. 30 мая.

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30137 КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ ФРОНТОВ, ВВС КРАСНОЙ АРМИИ И ПВО ТЕРРИТОРИИ СТРАНЫ

9 июня 1943 года

24 ч 00 мин

После отражения налета авиации немцев на Курск 2.6 в Генштаб поступили донесения о сбитых самолетах противника и захваченных в плен летчиках: от командующего Центральным фронтом — о сбитых средствами фронта 50 самолетах и средствами ПВО территории страны 76 самолетах; от генерал-лейтенанта Громадина — о сбитых средствах ПВО территории страны 86 самолетах.

Кроме того, генерал-лейтенант Громадин 3.6 донес о захвате в плен 42 немецких летчиков, а начальник штаба Воронежско-Борисоглебского дивизионного района ПВО полковник Гаврилов донес, что захвачены в плен 61 летчик.

Произведений поверкой установлено, что сбито всего 123 самолета противника, а захвачено в плен только 5 немецких летчиков, из них 4 на Воронежском фронте в районе Обояни.

Таким образом, донесения о количестве сбитых самолетов немцев были представлены в основном правильные, а донесения о захваченных в плен немецких летчиках даны генерал-лейтенантом Громадиным и полковником Гавриловым не проверенные и не соответствующие действительности.

Обращаю внимание командующего ПВО территории страны генерал-лейтенанта Громадина на плохо организованный контроль и поверку получаемых донесений.

Начальнику штаба Воронежско-Борисоглебского дивизионного района ПВО полковнику Гаврилову объявляю выговор за представление ложного донесения.

Ограничиваюсь этой мерой взыскания в отношении т. Гаврилова только потому, что учитываю его предшествующую хорошую работу.

Приказ объявить всем начальникам штабов фронтов, командующим и начальникам штабов воздушных армий, командующим и начальникам штабов зон и районов ПВО территории страны.

И. СТАЛИН

Русский архив: Великая отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 162–163. ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 158, 159

ЛИЧНОЕ И СЕКРЕТНОЕ ПОСЛАНИЕ ПРЕМЬЕРА И. В. СТАЛИНА ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ г-ну У. ЧЕРЧИЛЛЮ

24 июня 1943 года

Ваше послание от 19 июня получил.

Мне вполне понятна сложность организации англо-американского вторжения в Западную Европу, в частности организации переброски войск через Канал. Эта сложность была также видна из Ваших сообщений.

Из Ваших сообщений прошлого и этого года я вынес уверенность, что Вы и Президент отдавали себе полный отчет в трудностях организации такой операции и что соответствующая подготовка этого вторжения Вами совместно с Президентом ведется с полным учетом этих трудностей и со всем необходимым напряжением сил и средств. Еще в прошлом году Вы сообщили, что вторжение в Европу английских и американских войск в большом масштабе будет произведено в 1943 году. В Вашем меморандуме, переданном В. М. Молотову 10 июня 1942 года, Вы писали:

«Наконец, и это является наиболее важным из всего, мы концентрируем наши максимальные усилия на организации и подготовке вторжения на континент Европы английских и американских войск в большом масштабе в 1943 году. Мы не устанавливаем никаких пределов для размеров и целей этой кампании, которая вначале будет выполнена английскими и американскими войсками в количестве свыше 1 миллиона человек при соответствующей авиационной поддержке».

В начале нынешнего года Вы от своего имени и от имени Президента дважды сообщали о Ваших решениях по вопросу о вторжении англо-американских войск в Западную Европу с целью «отвлечь значительные германские сухопутные и военно-воздушные силы с русского фронта». При этом Вы ставили задачей поставить Германию на колени уже в 1943 году и определяли срок вторжения не позже сентября месяца.

В Вашем послании от 26 января сего года Вы писали:

«Мы совещались с нашими военными советниками и приняли решения об операциях, которые должны быть предприняты американскими и британскими вооруженными силами в течение первых девяти месяцев 1943 года. Мы хотим немедленно сообщить Вам о наших намерениях. Мы полагаем, что эти операции, вместе с Вашим мощным наступлением, могут наверное заставить Германию встать на колени в 1943 году».

В следующем Вашем послании, полученном мною 12 февраля сего года, Вы, уточняя принятые Вами и Президентом сроки вторжения в Западную Европу, писали:

«Мы также энергично ведем приготовления, до пределов наших ресурсов, к операции форсирования Канала в августе, в которой будут участвовать британские части и части Соединенных Штатов. Тоннаж и наступательные десантные средства здесь будут также лимитирующими факторами. Если операция будет отложена вследствие погоды или по другим причинам, то она будет подготовлена с участием более крупных сил на сентябрь».

В феврале, когда Вы писали об этих Ваших планах и сроках вторжения в Западную Европу, трудности этой операции были более значительными, чем теперь. С тех пор немцы потерпели не одно поражение: они были отброшены на юге нашими войсками и потерпели здесь немалый урон; они были разбиты и изгнаны из Северной Африки англо-американскими войсками; в подводной войне немцы также попали в более трудное положение, чем когда-либо раньше, а превосходство англо-американских сил значительно возросло; известно также, что американцы и англичане достигли господства своей авиации в Европе, а военный и транспортный морской флот возросли в своей мощи.

Таким образом, условия для открытия второго фронта в Западной Европе на протяжении 1943 года не только не ухудшились, а, напротив, значительно улучшились.

После всего этого Советское Правительство не могло предполагать, что Британское и Американское Правительства изменят принятое в начале этого года решение о вторжении в Западную Европу в этом году. Напротив, Советское Правительство имело все основания считать, что это англо-американское решение будет реализовано, что должная подготовка ведется и второй фронт в Западной Европе будет, наконец, открыт в 1943 году.

Поэтому, когда Вы теперь пишете, что «Россия не получила бы помощи, если бы мы бросили сотню тысяч человек через Канал в гибельное наступление», то мне остается напомнить Вам о следующем. Во-первых, о Вашем же собственном меморандуме от июня месяца прошлого года, когда Вы заявляли о подготовке к вторжению не одной сотни тысяч человек, а о количестве англо-американских войск свыше 1 миллиона человек уже в начале операции. Во-вторых, о Вашем февральском послании, в котором говорилось о больших подготовительных мероприятиях к вторжению в Западную Европу в августе — сентябре этого года, чем, очевидно, предусматривалась операция отнюдь не с одной сотней тысяч человек, а с достаточным количеством войск.

Когда же Вы теперь заявляете: «Я не могу представить себе, каким образом крупное британское поражение и кровопролитие помогло бы советским армиям», то не ясно ли, что такого рода заявление в отношении Советского Союза не имеет под собой никакой почвы и находится в прямом противоречии с указанными выше другими Вашими ответственными решениями о проводимых широких и энергичных англо-американских мероприятиях по организации вторжения в этом году, от которых и должен зависеть полный успех этой операции.

Я уже не распространяюсь о том, что это Ваше ответственное решение об отмене предыдущих Ваших решений насчет вторжения в Западную Европу принято Вами и Президентом без участия Советского Правительства и без какой-либо попытки пригласить его представителей на совещание в Вашингтоне, хотя Вы не можете не знать, что в войне с Германией роль Советского Союза и его заинтересованность в вопросах второго фронта достаточно велики.

Нечего и говорить, что Советское Правительство не может примириться с подобным игнорированием коренных интересов Советского Союза в войне против общего врага.

Вы пишете мне, что Вы полностью понимаете мое разочарование. Должен Вам заявить, что дело идет здесь не просто о разочаровании Советского Правительства, а о сохранении его доверия к союзникам, подвергаемого тяжелым испытаниям. Нельзя забывать того, что речь идет о сохранении миллионов жизней в оккупированных районах Западной Европы и России и о сокращении колоссальных жертв советских армий, в сравнении с которыми жертвы англо-американских войск составляют небольшую величину.

24 июня 1943 года.

Переписка Председателя Совета Министров СССР… С. 129–131.

О ПРИСУЖДЕНИИ СТАЛИНСКОЙ ПРЕМИИ ПРОФЕССОРУ РАМЗИНУ ЛЕОНИДУ КОНСТАНТИНОВИЧУ ЗА СОЗДАНИЕ КОНСТРУКЦИИ ПРЯМОТОЧНОГО КОТЛА И О ПРИСВОЕНИИ ПРЯМОТОЧНОМУ КОТЛУ ИМЕНИ АВТОРА

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР

Совет Народных Комиссаров Союза ССР *постановляет*:

1. Присудить Сталинскую премию первой степени в размере 150 000 рублей профессору Рамзину Леониду Константиновичу за создание конструкции прямоточного котла.
2. Присвоить прямоточному котлу имя автора и впредь именовать его «Котел Рамзина».

Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР
И. СТАЛИН
Управляющий делами Совнаркома СССР
Я. ЧАДАЕВ

Москва, Кремль. 7 июля 1943 г.

Правда. 1943. 8 июля.

Примечание. Рамзин Леонид Константинович (1887–1948) — выдающийся советский ученый-теплотехник. С 1920 года — профессор Московского высшего технического училища, в течение десяти лет возглавлял кафедры «Тепловые станции» и «Топливо, топки и котельные установки». Один из организаторов Всесоюзного теплотехнического института, в 1921–1930 годах — его директор. Известен своим вкладом в разработку и осуществление плана ГОЭЛРО. В 1930 году был осужден по делу промпартии, приговорен к расстрелу, замененному 10 годами тюремного заключения. В заключении ученому создали условия для работы по специальности. Со своими сотрудниками он изобрел прямоточный котел высокого давления, внедрение которого в промышленное производство и энергетику дало крупный экономический эффект. В феврале 1936 года Л. К. Рамзин был амнистирован.

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30157 ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ А. М. ВАСИЛЕВСКОМУ, КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ЮЖНОГО ФРОНТА Ф. И. ТОЛБУХИНУ

31 июля 1943 года

21 ч 00 мин

Считаю позором для командования фронтом, что оно допустило по своей халатности и нераспорядительности окружение наших четырех стрелковых полков вражескими войсками. Пора бы на третьем году войны научиться правильному вождению войск.

Требую, чтобы командование фронта немедля сообщило в Генштаб специальной шифровкой о том, какие экстренные меры думает оно предпринять для того, чтобы вызволить окруженных и безусловно приостановить продвижение вражеских войск. У фронта для этого есть средства и он должен выполнить эту задачу.

И. СТАЛИН

Русский архив: Великая отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 185. ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 139. Л. 191.

Примечание. С 17 июля по 2 августа 1943 года войскам Южного фронта в ходе Миусской наступательной операции не удалось прорвать оборону 6-й немецкой армии (заново сформированной вместо уничтоженной под Сталинградом) группы армий «Юг». На направлении главного удара войска сумели вклиниться в ее оборону лишь на 5–6 км и захватить небольшой плацдарм на р. Миус в районе Степановка, Мариновка. Чтобы не допустить прорыва обороны, немецко-фашистское командование перебросило в полосу Южного фронта резервы, и 30 июля противник нанес сильный контрудар на главном направлении Южного фронта.

СЕКРЕТНОЕ И ЛИЧНОЕ ПОСЛАНИЕ ОТ ПРЕМЬЕРА И. В. СТАЛИНА ПРЕЗИДЕНТУ ФРАНКЛИНУ Д. РУЗВЕЛЬТУ

8 августа 1943 года

1. Только теперь, по возвращении с фронта, я могу ответить Вам на Ваше последнее послание от 16 июля. Не сомневаюсь, что Вы учитываете наше военное положение и поймете происшедшую задержку с ответом.

Вопреки нашим ожиданиям немцы начали свое наступление не в июне, а в июле месяце, и теперь бои на советско-германском фронте в полном разгаре. Как известно, советские армии отбили июльское наступление гитлеровцев. Вы знаете также, что наша армия сама перешла в наступление, взяла Орел и Белгород и осуществляет дальнейший нажим на врага.

Легко понять, что при нынешней острой обстановке на советско-германском фронте от командования советских войск требуется большое напряжение и исключительная бдительность к действиям врага. В связи с этим и мне приходится в настоящее время несколько отойти от других вопросов и других моих обязанностей, кроме основной обязанности по руководству фронтом. Приходится чаще лично бывать на различных участках фронта и подчинять интересам фронта все остальное.

Я надеюсь, что при таких обстоятельствах Вам будет вполне понятно, что в данный момент я не могу отправиться в далекое путешествие и не смогу, к сожалению, в течение лета и осени выполнить своего обещания, данного Вам через г-на Дэвиса.

Я очень сожалею об этом, но обстоятельства, как знаете, сильнее людей, и приходится им подчиниться.

Встречу ответственных представителей обоих государств я считаю безусловно целесообразной. В настоящей военной обстановке ее можно было бы устроить либо в Астрахани, либо в Архангельске. Если Вас лично это не устраивает, то Вы могли бы направить в один из названных пунктов вполне ответственное доверенное лицо. При этом если это предложение будет принято Вами, то следовало бы нам заранее установить круг вопросов, подлежащих обсуждению, и наметки предложений, которые должны быть приняты на совещании.

Я уже г-ну Дэвису говорил в свое время, что не имею возражений против присутствия г-на Черчилля на этом совещании с тем, чтобы совещание представителей двух государств превратить в совещание представителей трех государств. Я и теперь продолжаю держаться этой точки зрения при условии, что Вы не будете возражать против этого.

2. Пользуюсь случаем, чтобы приветствовать Вас и англо-американские войска с выдающимися успехами в Сицилии, приведшими к краху Муссолини и его шайки.

3. Благодарю Вас за поздравление Красной Армии и советского народа по случаю успехов под Орлом.

8 августа 1943 года.

Переписка Председателя Совета Министров СССР… С. 444–445.

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30170 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТА Н. Ф. ВАТУТИНУ

22 августа 1943 года

Копия: представителю Ставки (Г. К. Жукову. — *Ред.*)

03 ч 00 мин

События последних дней показали, что Вы не учли опыта прошлого и продолжаете повторять старые ошибки как при планировании, так и при проведении операций. Стремление к наступлению всюду и к овладению возможно большей территорией, без закрепления успеха и прочного обеспечения флангов ударных группировок, является наступлением огульного характера. Такое наступление приводит к распылению сил и средств и дает возможность противнику наносить удары во фланг и тыл нашим далеко продвинувшимся вперед и не обеспеченным с флангов группировкам и бить их по частям.

При таких обстоятельствах противнику удалось выйти на тылы 1-й танковой армии, находившейся в районе Алексеевка, Ковяги, затем он ударил по открытому флангу соединений 6-й гв. армии, вышедших на рубеж Отрада, Вязовая, Панасовка и, наконец, противник 20 августа нанес удар из района Ахтырки на юго-восток, по тылам 27-й армии, 4-го и 5-го гв. танковых корпусов.

В результате этих действий противника наши войска понесли значительные, ничем не оправданные потери. Было также утрачено выгодное положение для разгрома харьковской группировки противника.

Я еще раз вынужден указать Вам на недопустимые ошибки, неоднократно повторяемые Вами при проведении операций, и требую, чтобы задача ликвидации ахтырской группировки противника, как наиболее важная задача, была выполнена в ближайшие дни.

Это Вы можете сделать, так как у Вас есть достаточно средств.

Прошу не разбрасываться, не увлекаться задачей охвата харьковского плацдарма со стороны Полтавы, а сосредоточить все внимание на реальной и конкретной задаче — ликвидации ахтырской группировки противника, ибо без этого серьезные успехи Воронежского фронта невозможны.

И. СТАЛИН

Русский архив: Великая отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 194–195. ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 142. Л. 184, 185.

Примечание. События, о которых идет речь в Директиве, произошли на заключительном этапе Белгородско-Харьковской наступательной операции войск Воронежского и Степного фронтов (кодовое наименование «Полководец Румянцев»), проведенной 3–23 августа во время Курской битвы с целью создать условия для освобождения Левобережной Украины. А. М. Василевский, осуществлявший взаимодействие между Воронежским и Степным фронтами, вспоминал, что ночь на 22 августа заместитель начальника Генерального штаба А. И. Антонов ознакомил его с директивой, отправленной командующему Воронежским фронтом Н. Ф. Ватутину. «В тот вечер я получил директиву Ставки на имя Г. К. Жукова». Василевский цитирует эти документы в качестве подтверждения того, что «Верховный Главнокомандующий очень внимательно следил за ходом фронтовых событий, быстро реагировал на все изменения в них и твердо держал управление войсками в своих руках» (Василевский А. М. Дело всей жизни. М.: 1978. С. 326–327).

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30174 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА П. А. КУРОЧКИНУ

22 августа 1943 года

15 ч 00 мин

Ввиду того, что момент внезапности в операции по овладению районом Старой Руссы теперь уже упущен и решить сейчас задачу по овладению этим городом без больших жертв невозможно,

Ставка Верховного Главнокомандования *приказывает* наступление войск вашего фронта с 22 августа прекратить.

Войскам фронта перейти к жесткой обороне, пополнить соединения за счет ресурсов фронта, создать резервы и готовить войска к наступательным действиям.

Одновременно с этим вести активную разведку противника и вскрывать его намерения.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Русский архив: Великая отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 196. ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 143. Л. 201.

Примечание. Антонов А. И. (1896–1962) — генерал-полковник, 1-й заместитель начальника Генштаба и начальник Оперативного управления, с 05.1943 1-й заместитель начальника Генштаба. Генерал армии (08.1943).

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30213 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТА Н. Ф. ВАТУТИНУ, ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ СТАВКИ Г. К. ЖУКОВУ и А. Е. ГОЛОВАНОВУ

3 октября 1943 года

01 ч 40 мин

Констатирую, что первый воздушный десант, проведенный Воронежским фронтом 24 сентября, провалился, вызвав массовые ненужные жертвы. Произошло это не только по вине тов. Скрипко, но и по вине тов. Юрьева и тов. Ватутина, которые должны были контролировать подготовку и организацию выброски десанта.

Выброска массового десанта в ночное время свидетельствует о неграмотности организаторов этого дела, ибо, как показывает опыт, выброска массового ночного десанта даже на своей территории сопряжена с большими опасностями.

Приказываю оставшиеся полторы воздушно-десантные бригады изъять из подчинения Воронежского фронта и считать их резервом Ставки.

И. СТАЛИН

Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 217. ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 142. Л. 194.

Примечание. Речь идет о Днепровской воздушно-десантной операции, предпринятой с целью содействия войскам Воронежского фронта в форсировании Днепра. Планом наступления войск Воронежского фронта предусматривалось накануне форсирования выбросить в течение двух ночей воздушный десант в Букринской излучине, захватить плацдарм и не допустить подход к нему резервов противника с запада и северо-запада. Выполнение этой задачи возлагалось на 1-ю, 3-ю и 5-ю воздушно-десантные бригады, объединенные для удобства управления в воздушно-десантный корпус под командованием генерал-майора И. И. Затевахина. Выброска первого эшелона десанта в составе 3-й и части сил 5-й воздушно-десантных бригад была осуществлена в ночь на 24 сентября в сложных метеорологических условиях при сильном зенитном огне противника. В результате многие экипажи самолетов потеряли ориентировку и произвели выброску десантников с больших высот в обширном районе. Часть десантников оказалась в расположении вражеских войск и понесла большие потери. В ходе осуществления операции выявились серьезные недостатки в ее технической подготовке. Связь штаба фронта с бригадами была потеряна и дальнейшее десантирование прекращено.

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30221 КОМАНДУЮЩИМ ЧЕРНОМОРСКИМ ФЛОТОМ И ВОЙСКАМИ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФРОНТА Л. А. ВЛАДИМИРСКОМУ и И. Е. ПЕТРОВУ, НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА Н. Г. КУЗНЕЦОВУ

11 октября 1943 года

01 ч 30 мин

По полученным данным операция Черноморского флота 6 октября, закончившаяся провалом, ненужной гибелью людей и потерей трех крупных боевых кораблей, проводилась без ведома командующего Северо-Кавказским фронтом, несмотря на то, что флот подчинен ему в оперативном отношении.

Ставка Верховного Главнокомандования *приказывает*:

1. Командующему Черноморским флотом все намеченные к проведению операции флота обязательно согласовывать с командующим войсками Северо-Кавказского фронта и без его согласия никаких операций не проводить.
2. Основные силы флота использовать для обеспечения боевых действий сухопутных войск. Дальние операции крупных надводных сил флота проводить только с разрешения Ставки Верховного Главнокомандования.
3. На командующего Северо-Кавказским фронтом возложить ответственность за боевое использование Черноморского флота.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Русский архив: Великая отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 221. ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 143. Л. 253.

Примечание. Владимирский Л. А. (1903–1973) — вице-адмирал, командующий Черноморским флотом.

Речь идет о боевом походе отряда кораблей Черноморского флота к берегам Крыма 5–6 октября 1943 года, который возглавлял командир 1-го дивизиона эсминцев капитан 2 ранга Г. П. Негода. Целью операции являлось уничтожение немецких плавсредств и десантных кораблей, возвращавшихся из Керчи, а также обстрел портов Феодосии и Ялты. Однако враг быстро разгадал замысел операции. Черноморский флот потерял три крупных корабля — эсминец «Способный», эсминец «Беспощадный» и лидер «Харьков».

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 30222 ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ А. М. ВАСИЛЕВСКОМУ, КОМАНДУЮЩИМ АВИАЦИЕЙ ДАЛЬНЕГО ДЕЙСТВИЯ И ВОЙСКАМИ ЮЖНОГО ФРОНТА А. Е. ГОЛОВАНОВУ и Ф. И. ТОЛБУХИНУ

13 октября 1943 года

Копия: командующему воздушно-десантными войсками (А. Г. Капитохину. — *Ред.*)

19 ч 10 мин

Из шифртелеграммы т. Александрова (А. М. Василевского. — *Ред.*) и т. Голованова за № 219 от 13.10 видно, что на Южном фронте готовится ночной массовый воздушный десант несмотря на то, что ночные массовые десанты были признаны пагубными.

Приказываю:

1. Не производить массовых ночных воздушных десантов.
2. Массовые воздушные десанты производить либо перед рассветом, либо перед наступлением темноты, т. е. в условиях, когда десантники при выброске могут видеть друг друга.
3. При всех условиях в районе выброски десанта должно быть обеспечено полное господство в воздухе нашей авиации.
4. Район для выброски десанта должен быть на удалении от линии фронта не далее 30–40 км с расчетом, чтобы десантники и войска, наступающие с фронта, могли бы через 3–4 дня соединиться.
5. Вне этих условий воздушные десанты не допускать.

СТАЛИН

Русский архив: Великая отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 221–222. ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 143. Л. 254.

ЛИЧНО И СТРОГО СЕКРЕТНО ОТ ПРЕМЬЕРА И. В. СТАЛИНА ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ г-ну У. ЧЕРЧИЛЛЮ

13 октября 1943 года

1. Получил Ваше послание от 1 октября с сообщением о намерении направить в Советский Союз северным путем четыре конвоя в ноябре, декабре, январе и феврале. Однако это сообщение обесценивается Вашим же заявлением о том, что намерение направить в СССР северные конвои не является ни обязательством, ни соглашением, а всего лишь заявлением, от которого, как можно понять, британская сторона может в любой момент отказаться, не считаясь с тем, как это отразится на советских армиях, находящихся на фронте. Должен сказать, что я не могу согласиться с такой постановкой вопроса. Поставки Британским Правительством в СССР вооружения и других военных грузов нельзя рассматривать иначе, как обязательство, которое в силу особого соглашения между нашими странами приняло на себя Британское Правительство в отношений СССР, выносящего на своих плечах вот уже третий год громадную тяжесть борьбы с общим врагом союзников — гитлеровской Германией.

   Нельзя также не считаться с тем, что северный путь является наиболее коротким путем, позволяющим в наиболее краткий срок доставить на советско-германский фронт поставляемое союзниками вооружение, и что без надлежащего использования этого пути осуществление поставок в СССР в должном объеме невозможно. Как я уже Вам писал раньше и как это подтвердил опыт, подвоз вооружения и военных грузов для СССР через персидские порты ни в какой мере не может окупить недопоставок, получающихся в результате отсутствия подвоза северным путем вооружения и материалов, которые, как это вполне понятно, входят в расчет снабжения советских армий. Между тем отправка военных грузов северным путем в этом году почему-то и без того сократилась в несколько раз по сравнению с прошлым годом, что делает невозможным выполнение установленного плана военного снабжения и находится в противоречии с соответствующим англо-советским протоколом о военных поставках. Поэтому в настоящее время, когда силы Советского Союза напряжены до крайности для обеспечения нужд фронта в интересах успеха борьбы против главных сил нашего общего противника, было бы недопустимым ставить снабжение советских армий в зависимость от произвольного усмотрения британской стороны. Такую постановку вопроса нельзя рассматривать иначе, как отказ Британского Правительства от принятых на себя обязательств и как своего рода угрозу по адресу СССР.
2. Что касается Вашего упоминания о будто бы имеющихся в сообщении В. М. Молотова противоречивых моментах, то я должен сказать, что не нахожу для такого замечания какого-либо основания. Принцип взаимности и равенства, предложенный советской стороной для разрешения визовых вопросов в отношении персонала военных миссий, мне представляется

правильным и действительно справедливым. Ссылки на то, что различие в функциях британской и советской военных миссий исключает применение указанного принципа и что количественный состав британской военной миссии должен определяться только Британским Правительством, мне представляются неубедительными. Это достаточно подробно было уже освещено в соответствующих памятных записках НКИД.

3. Я не вижу необходимости в увеличении количества британских военнослужащих на Севере СССР, так как подавляющая часть находящихся там британских военнослужащих не используется надлежащим образом и уже в течение многих месяцев обречена на праздность, на что уже не раз указывалось с советской стороны. В качестве примера можно указать на 126-ю британскую портовую базу в Архангельске, о ликвидации которой за ее ненадобностью неоднократно ставился вопрос и на ликвидацию которой только теперь получено согласие британской стороны. Имеются также, к сожалению, факты недопустимого поведения отдельных британских военнослужащих, пытающихся в ряде случаев путем подкупа завербовать некоторых советских граждан в разведывательных целях. Подобные оскорбительные для советских граждан явления, естественно, порождают инциденты, приводящие к нежелательным осложнениям.
4. В отношении упоминаемых Вами формальностей и некоторых ограничений, применяемых в северных портах, следует иметь в виду, что в прифронтовой зоне такие формальности и ограничения неизбежны, если не забывать о военной обстановке, в которой находится СССР. К тому же это применяется одинаково как к британским и вообще иностранным, так и к советским гражданам. Тем не менее советскими властями был предоставлен британским военнослужащим и морякам и в этом отношении ряд льгот, о чем было сообщено Британскому Посольству еще в марте сего года. Таким образом, упоминание Вами о многочисленных формальностях и ограничениях покоится на неточной информации.

   Что касается вопроса о цензуре и привлечении к ответственности британских военнослужащих, у меня нет возражений против того, чтобы на условиях взаимности цензура частной почты для британского персонала в северных портах производилась самими британскими властями, а также чтобы дела английских военнослужащих о мелких нарушениях, не влекущих за собой судебного разбирательства, передавались на рассмотрение соответствующих военных властей.

13 октября 1943 года.

Переписка Председателя Совета Министров СССР… С. 162–164.

Примечание. Черчилль в послании, полученном 1 октября, сообщал, что союзники рассчитывают отправить в СССР четыре конвоя в течение ноября 1943 года — февраля 1944 года, но при этом делал весьма существенную оговорку: «Однако я должен заявить, что это не обязательство и не соглашение, а скорее заявление о нашем торжественном и серьезном решении» (Там же. С. 159).

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ С ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ УПРАВЛЕНИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА США Д. НЕЛЬСОНОМ

15 октября 1943 года

На приеме присутствовал поверенный в делах США в СССР М. Гамильтон.

Сталин спрашивает, чем он может служить Нельсону.

Нельсон благодарит Сталина и говорит, что он был встречен в СССР весьма гостеприимно и видел все, что хотел.

Сталин спрашивает, показали ли Нельсону заводы.

Нельсон благодарит и говорит, что сегодня вечером он видел авиационный завод, который на него произвел весьма благоприятное впечатление.

Нельсон благодарит за то, что Сталин его принял. Он до приезда в СССР находился под большим впечатлением борьбы русского народа. Но это впечатление особенно усилилось после приезда в СССР и посещения Сталинграда, в котором он провел 24 часа. Несмотря на то, что о событиях в Сталинграде ему было известно и раньше, но все эти сведения оказались недостаточными, когда он увидел Сталинград в действительности. Слов нет, чтобы описать, что произошло в Сталинграде.

Сталин отмечает, что Сталинграда как города нет.

Нельсон соглашается с этим, но говорит, что дух народа, защищавшего город, живет в нем.

Сталин спрашивает, был ли Нельсон в Куйбышеве и не собирается ли он посетить этот город.

Нельсон отвечает, что в Куйбышеве он не был и сомневается, сможет ли посетить его. Дело в том, что он хотел бы возвратиться в США, если это ему будет разрешено, через Сибирь — Аляску и по пути посетить Казань и два-три других города.

Сталин отвечает, что к этому не будет никаких препятствий. Путь через Сибирь — Аляску самый безопасный.

Нельсон благодарит Сталина и говорит, что этот путь наиболее безопасный и наиболее быстрый. Он говорит, что он принял с радостью приглашение Советского правительства посетить Советский Союз. Он является представителем деловых кругов и не является политическим деятелем. Как представитель деловых кругов, он предвидит большое будущее дружественных отношений между США и СССР. Он полагает, что имеется много путей, которыми обе страны могут помогать друг другу.

Сталин отвечает, что это правильно.

Нельсон говорит, что интересы США и СССР не сталкиваются.

Сталин заявляет, что интересы СССР и США не сталкиваются и не должны сталкиваться. Они не будут сталкиваться, если некоторые группы в США не будут давать для этого повода.

Нельсон заявляет, что интересы США и СССР не должны и не будут сталкиваться. Он хочет использовать свою поездку в СССР для того, чтобы изложить деловым кругам Америки правильное мнение о России. Он видит, что представление о России, созданное писателями, недостаточно правильно.

Сталин отвечает, что с деловыми кругами легче иметь дело, так как они не имеют предрассудков.

Нельсон говорит, что он с этим вполне согласен.

Нельсон заявляет, что он счастлив сыграть свою роль в деле сближения американского и русского народов, в деле дружбы этих народов, которая должна возникнуть в результате восхищения, испытываемого американским народом борьбой русского народа.

Сталин замечает, что особенно удивляться героизму Красной Армии не стоит, так как Красная Армия защищает свою Родину, и на ее месте всякий поступил бы точно так же.

Нельсон с этим соглашается. Но Красная Армия, говорит он, проявила не только героизм, но и показала много умения. Он, Нельсон, готов согласиться с тем, что, может быть, не нужно поздравлений и выражений восхищения. Но, независимо от этого, важно, чтобы наши народы были спаяны узами тесной дружбы.

Сталин говорит, что русский народ не будет создавать препятствий к этой дружбе с американским народом.

Нельсон заявляет, что он не видит трудностей в деле осуществления дружбы обоих народов. Различие в правительственных системах обеих стран не может быть препятствием. Американцы не собираются вмешиваться во внутренние дела Советского Союза, и он, Нельсон, уверен, что русские и маршал Сталин не будут вмешиваться во внутриполитическую систему Америки. Он, Нельсон, считает, что русские похожи на американцев. Оба народа имеют одинаковые вкусы, но трудность состоит в том, что оба народа плохо знают друг друга.

Сталин говорит, что русские ближе сходятся с американцами, чем с людьми другой национальности. Русским нравится простота отношений, существующая на американских фабриках и заводах между рабочими и инженерами. У американского и русского народов много общего в быту и в отношениях к народу. В Америке нет помещиков и нет аристократии. В России аристократия и помещики были ликвидированы. Это сближает русский и американский народы в быту. Предки американцев бежали от аристократии в другую страну, в то время как русские изгнали аристократию из своей страны.

Нельсон заявляет, что это совершенно правильно. Предки американцев бежали от политической тирании.

Сталин замечает, что Россия представляет собой большой рынок для США.

Нельсон говорит, что он хотел бы отметить один важный момент. США будут иметь в конце войны значительные излишки товаров, в которых будет нуждаться СССР и которые США будут готовы предоставить СССР.

Сталин замечает, что по опыту он должен сказать, что в течение 20 лет строительства в нашей стране русские предпочитали иметь дело с американцами, нежели с другими иностранцами.

Нельсон заявляет, что он счастлив слышать эти слова Сталина. После войны, говорит он, перед СССР встанут крупные задачи: развить производство большого количества предметов, поднять уровень жизни населения и организовать систему распределения по всей громадной стране. Соединенные Штаты имеют большой опыт в области распределения и будут готовы оказать свою помощь Советскому Союзу в этом отношении. Нельсон хотел создать комиссию в составе представителей США и Советского Союза для разработки вопросов экономического сотрудничества между СССР и США после войны. Он должен заявить при этом, что он говорит не от имени правительства, а от себя лично. Он знает, что перед СССР после войны встанут, во-первых, задачи восстановления разрушенных территорий и, во-вторых, задачи поднятия жизненного уровня населения, развития производства и электроэнергии и развития транспорта. В этом отношении США могут оказать Советскому Союзу помощь. Нельсон считает, что советский народ, который перенес такие громадные лишения и проявил такую храбрость, может рассчитывать, что он получит простейшие предметы для удовлетворения своих нужд и для повышения уровня своей жизни. Правительство должно будет начать работу по восстановлению страны, как только будут изгнаны немцы. В США после войны будет избыток некоторых основных товаров. США могут поставить Советскому Союзу вагоны и транспортные средства. Он хотел бы подчеркнуть, насколько сильно деловые круги Америки желают, чтобы Россия стала сильной после войны. Они считают, что сильная Россия после войны — это залог мира.

Сталин заявляет, что мысль о создании смешанной советско-американской комиссии — хорошая мысль. Организацию этой комиссии не стоит откладывать. После войны нам потребуются паровозы, вагоны, железнодорожные рельсы, тепловые и гидравлические турбины для электростанций, оборудование для добычи сырья — руды и угля, потребуется оборудование для восстановления транспорта, портов и электростанций. В частности, он, Сталин, может гарантировать Америке заказы на 10 тыс. паровозов, 50 тыс. железнодорожных вагонов и платформ, 30 тыс. километров рельсов, паровых и гидравлических турбин общей мощностью в 300 тыс. киловатт. Первые годы Советскому Союзу трудно будет платить, и Сталин хотел бы спросить Нельсона, возможно ли рассчитывать на получение кредита в Америке.

Нельсон, записав цифры, названные Сталиным, заявляет, что эти заказы легко выполнимы, за исключением паровозов. По приезде в США он переговорит об этих заказах в правительстве и с деловыми кругами. Со стороны последних он не предвидит трудностей. Трудности могут быть в Конгрессе. Предупреждая, что он говорит как частное лицо, он заявляет, что, по его мнению, американские поставки Советскому Союзу могут быть оплачены Советским Союзом поставками сырья, например марганца, хрома, леса, платины, мехов. После войны Америка может широко организовывать поездки туристов в СССР. В свою очередь и советские люди могут приезжать в Америку. Что касается платежей Советского Союза, то в начале они могут быть незначительными и затем будут увеличиваться с течением времени по мере усиления Советского Союза. Нельсон уверен в том, что мир может быть прочным лишь тогда, когда Россия будет сильной.

Сталин говорит, что в отношении оплаты поставок представители американских фирм говорят советским представителям то же самое, что и Нельсон. Интересно, однако, знать, можно ли рассчитывать на получение кредитов в первое время после войны. Он должен сказать, что русские всегда выполняли свои платежные обязательства. Никто в этом отношении на русских не жаловался. Они и впредь будут выполнять принятые обязательства полностью и в срок. Советское правительство не даст поводов для жалобы. Платежи не будут символическими, как это было в Европе после прошлой войны. Тогда вся Европа платила символически. У нас в стране плательщиком является государство.

Нельсон говорит, что русские известны как честно выполняющие свои обязательства. Ни у кого не может быть сомнения в том, что русские будут выполнять свои обязательства. Что касается кредитов, то он представляет их себе в виде разницы между суммой платежей Советского Союза и стоимостью поставленных американских товаров в первое время после войны. Затем платежи по поставкам будут возрастать, в какой-то момент времени станут равными стоимости поставок и впоследствии превысят ее в погашение предшествующих поставок. При этом Нельсон иллюстрирует свои мысли соответствующими кривыми на листе бумаги.

Сталин спрашивает Нельсона, могут ли США поставлять нам после войны товары широкого потребления, например текстиль.

Нельсон отвечает, что немедленно после войны в США не будет избытка товаров широкого потребления. После перестройки военной промышленности на мирное производство в США будет значительный избыток средств производства.

Сталин спрашивает, могут ли США поставлять Советскому Союзу станки после войны.

Нельсон отвечает, что это вполне возможно. Он обещает по возвращении в США немедленно доложить президенту о своем плане создания смешанной советско-американской комиссии для разработки вопросов послевоенного экономического сотрудничества между США и СССР. Если президент одобрит эту мысль, то он, президент, напишет об этом маршалу Сталину.

Советско–американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. I. 1941–1943. С. 380–384.

БЕСЕДА С Ф. Д. РУЗВЕЛЬТОМ В ТЕГЕРАНЕ

28 ноября 1943 года

28 ноября 1943 г. в 15 часов

Рузвельт спрашивает, каково положение на советско-германском фронте.

Сталин отвечает, что в последнее время наши войска оставили Житомир — важный железнодорожный узел.

Рузвельт спрашивает, какая погода на фронте.

Сталин отвечает, что погода благоприятная только на Украине, на остальных участках фронта — грязь и почва еще не замерзла.

Рузвельт заявляет, что он хотел бы отвлечь с советско-германского фронта 30–40 германских дивизий.

Сталин отвечает, что если это возможно сделать, то было бы хорошо.

Рузвельт замечает, что это один из вопросов, по которому он даст свои разъяснения в течение ближайших дней. Американцы стоят перед задачей поддержания войск количеством в 2 миллиона человек, находящихся на расстоянии 3 тысяч миль от американского континента.

Сталин говорит, что нужен транспорт и что он это вполне понимает.

Рузвельт заявляет, что суда в Соединенных Штатах строятся удовлетворительным темпом.

Он говорит, что позже он хотел бы переговорить с маршалом Сталиным о послевоенном периоде и о распределении торгового флота Великобритании и Соединенных Штатов таким образом, чтобы Советский Союз получил возможность начать развитие торгового судоходства. У Англии и США после окончания войны будет слишком большой торговый флот, и он, Рузвельт, рассчитывает передать часть этого флота другим Объединенным Нациям.

Сталин отвечает, что это было бы хорошо. Если Соединенные Штаты этого захотят, то они смогут это сделать. Он должен сказать, что Россия будет представлять собой после войны большой рынок для Соединенных Штатов.

Рузвельт говорит, что американцам после войны потребуется большое количество сырья, и поэтому он думает, что между нашими странами будут существовать тесные торговые связи.

Сталин соглашается с этим и говорит, что если американцы будут поставлять нам оборудование, то мы им сможем поставлять сырье.

Рузвельт заявляет, что он имел очень интересные беседы с Чан Кайши. Он, Рузвельт, был очень осторожен и хотел избежать присутствия китайцев при своей встрече с Черчиллем и маршалом Сталиным. Он, Рузвельт, думает, что китайцы удовлетворены принятыми решениями.

Сталин замечает, что войска Чан Кайши плохо дерутся.

Рузвельт с этим соглашается и говорит, что американцы оснащают сейчас 30 китайских дивизий в Южном Китае. Когда эти дивизии будут готовы, то американцы оснастят еще 30 китайских дивизий.

Сталин спрашивает, что происходит в Ливане, кто виноват в событиях.

Рузвельт отвечает, что виноват Французский национальный комитет. Англичане и французы гарантировали независимость Ливана. Ливанцы получили свою конституцию и президента. Но они захотели немного изменить конституцию. Однако французы отказали им в этом и арестовали президента и кабинет министров Ливана. Сейчас в Ливане все в порядке.

Сталин спрашивает, наступило ли спокойствие в Ливане после английского ультиматума.

Рузвельт отвечает утвердительно и говорит, что если бы маршал Сталин встретился с де Голлем, то де Голль ему не понравился бы.

Сталин говорит, что лично он не знает де Голля.

Рузвельт отвечает, что, по его мнению, французы — хороший народ, но им нужны абсолютно новые руководители не старше 40 лет, которые не занимали никаких постов в прежнем французском правительстве.

Сталин отвечает, что это потребует много времени.

Рузвельт соглашается с этим. Он говорит, что сейчас американцы вооружают 11 французских дивизий. Жиро очень симпатичный и хороший генерал, но он несведущ в области гражданской администрации и политики вообще.

Сталин говорит, что некоторые руководящие слои во Франции хотят быть умнее всех союзников и думают обмануть союзников. Они, видимо, думают, что союзники преподнесут им Францию в готовом виде, и не хотят воевать на стороне союзников, а предпочитают сотрудничать с немцами. Они держат курс на сотрудничество с немцами. Что касается французского народа, то его не спрашивают.

Рузвельт отвечает, что Черчилль думает, что Франция полностью возродится и скоро станет великой державой. Он, Рузвельт, не разделяет этого мнения. Он думает, что пройдет много лет, прежде чем это случится. Если французы думают, что союзники преподнесут им готовую Францию на блюде, то они ошибаются. Французам придется много поработать, прежде чем Франция действительно станет великой державой.

Сталин отвечает, что он не представляет себе, чтобы союзники проливали кровь за освобождение Индокитая и чтобы потом Франция получила Индокитай для восстановления там колониального режима. Он думает, что после того, что японцы проделали с идеей независимости в Бирме и Таи, нужно подумать о том, как заменить старый колониальный режим режимом более свободным. Он думает, что акты в Ливане — это первые шаги по пути замены старого колониального режима новым. Он думает, что Черчилль за то, чтобы в Ливане был более свободный режим. Он, Сталин, полагает, что с Индокитаем нужно сделать то же самое.

Рузвельт говорит, что он согласен с этим на сто процентов. Он очень был рад узнать, что Чан Кайши не хочет Индокитая. Французы хозяйничали в Индокитае 100 лет, и благосостояние народа в настоящее время там ниже, чем 100 лет назад. Чан Кайши сказал, что народ Индокитая не готов к самоуправлению. Тогда он, Рузвельт, привел пример с Филиппинами, которые также несколько лет тому назад не были готовы к самоуправлению. К настоящему времени, благодаря помощи американцев, филиппинцы подготовились к самоуправлению, и американцы обещали им его предоставить. Он, Рузвельт, полагает, что над Индокитаем можно было бы назначить 3–4 попечителей и через 30–40 лет подготовить народ Индокитая к самоуправлению. Он, Рузвельт, полагает, что то же самое положение верно в отношении других колоний. Черчилль не хочет решительно действовать в отношении осуществления этого предложения о попечительстве, так как он боится, что этот принцип придется применить и к его колониям.

Сталин отвечает, что, конечно, Черчилль не будет доволен.

Рузвельт заявляет, что когда Хэлл был в Москве, то он имел с собой документ, составленный им, Рузвельтом, о создании международной комиссии по колониям. Эта комиссия должна была бы

инспектировать колониальные страны с целью изучения положения в этих странах и возможных улучшений этого положения. Вся работа этой комиссии была бы предана широкой гласности.

Сталин отвечает, что это было бы хорошо сделать. В эту комиссию можно было бы обращаться с жалобами, просьбами и т. д.

Рузвельт заявляет, что лучше не говорить с Черчиллем об Индии, так как он, Рузвельт, знает, что у Черчилля нет никаких мыслей в отношении Индии. Черчилль полагает оставить разрешение этого вопроса до окончания войны.

Сталин говорит, что Индия — это больное место Черчилля.

Рузвельт соглашается с этим. Однако, говорит он, Англии придется кое-что предпринять в Индии. Он, Рузвельт, рассчитывает как-нибудь переговорить с маршалом Сталиным об Индии. Он думает, что для Индии не подходит парламентская система правления, и что было бы лучше создать в Индии нечто вроде советской системы, начиная снизу, а не сверху. Может быть, это была бы система советов.

Сталин отвечает, что начать снизу — это значит идти по пути революции*.

Рузвельт говорит что люди, стоящие в стороне от вопроса об Индии, могут лучше его решить, чем люди, имеющие непосредственное отношение к этому вопросу.

Сталин говорит, что, конечно, люди, стоящие в стороне от Индии, смогут более объективно смотреть на вещи

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Сборник документов. Т. 2: Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). М., 1984. С. 79–82.

* В американской записи несколько иначе: «Маршал Сталин ответил, что индийский вопрос является сложным, с различными культурными уровнями и отсутствием взаимоотношений между кастами. Он добавил, что реформы снизу будут означать революцию» (Там же. P. 486).

ЛИЧНО И СЕКРЕТНО ОТ ПРЕМЬЕРА И. В. СТАЛИНА ПРЕЗИДЕНТУ РУЗВЕЛЬТУ

16 февраля 1944 года

Ваше послание по польскому вопросу получил. Разумеется, правильное решение этого вопроса имеет важное значение как для СССР, так и для нашего общего дела.

Здесь имеются два основных пункта: первый — советско-польская граница, второй — состав Польского Правительства. Точка зрения Советского Правительства Вам известна из опубликованных им недавно заявлений и из письма В. М. Молотова в ответ на ноту г-на Хэлла, полученную в Москве через Советского Посла Громыко 22 января.

Прежде всего о советско-польской границе. Как известно, Советское Правительство официально заявило, что оно не считает границу 1939 года неизменной, и согласилось на линию Керзона. Тем самым мы пошли на весьма большие уступки полякам в вопросе о границе. Мы вправе были ждать соответствующего же заявления от Польского Правительства. Польское Правительство должно было бы сделать официальное заявление, что граница, установленная Рижским договором, подлежит изменению и что линия Керзона принимается им как линия новой границы между СССР и Польшей. Такое заявление о признании линии Керзона Польское Правительство должно было бы сделать столь же официально, как это уже сделало Советское Правительство. Тем не менее Польское Правительство в Лондоне не сдвинулось с места, по-прежнему в своих официальных выступлениях высказываясь за то, что граница, которая была в трудную минуту навязана нам по Рижскому договору, должна остаться неизменной. Следовательно, здесь нет почвы для соглашения, ибо точка зрения нынешнего Польского Правительства, как видно, исключает возможность соглашения.

В связи с этим обстоятельством обострился и вопрос о составе Польского Правительства. При этом ясно, что Польское Правительство, в котором главную роль играют враждебные

Советскому Союзу профашистские империалистические элементы вроде Соснковского и в котором почти нет демократических элементов, не может иметь почвы в самой Польше и не может, как показал опыт, установить дружественных отношений с соседними демократическими государствами. Естественно, что такое Польское Правительство не в состоянии установить дружественных отношений с Советским Союзом и от него нельзя ждать, чтобы оно не вносило разлада в среду демократических стран, которые, напротив, заинтересованы в укреплении единства между ними. Отсюда следует, что коренное улучшение состава Польского Правительства является назревшей задачей.

Я опоздал с ответом ввиду занятости на фронте.

16 февраля 1944 года.

Переписка Председателя Совета Министров СССР… С. 484–485.

СЕКРЕТНО И ЛИЧНО ОТ ПРЕМЬЕРА И. В. СТАЛИНА ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ г-ну У. ЧЕРЧИЛЛЮ

11 июня 1944 года

1. Ваше послание насчет ухода Бадольо получил. Для меня уход Бадольо также был неожиданным. Мне казалось, что без согласия союзников, англичан и американцев, не могло произойти смещения Бадольо и назначения Бономи. Однако из Вашего послания видно, что это произошло помимо воли союзников. Надо полагать, что некоторые итальянские круги намерены сделать попытку изменить в свою пользу условия перемирия. Во всяком случае, если обстоятельства подскажут Вам и американцам, что в Италии надо иметь другое правительство, а не правительство Бономи, то Вы можете рассчитывать на то, что с советской стороны не будет к этому препятствий.
2. Получил также Ваше послание от 10 июня. Благодарю за сообщение. Как видно, десант, задуманный в грандиозных масштабах, удался полностью. Я и мои коллеги не можем не признать, что история войн не знает другого подобного предприятия с точки зрения его масштабов, широкого замысла и мастерства выполнения. Как известно, Наполеон в свое время позорно провалился со своим планом форсировать Ла-Манш. Истерик Гитлер, который два года хвастал, что он осуществит форсирование Ла-Манша, не решился сделать даже намек на попытку осуществить свою угрозу. Только нашим союзникам удалось с честью осуществить грандиозный план форсирования Ла-Манша. История отметит это дело как достижение высшего порядка.

11 июня 1944 года.

Переписка Председателя Совета Министров СССР… С. 214–215.

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 220139 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 1-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА И. С. КОНЕВУ

10 июля 1944 года

02 ч 00 мин
Копия: представителю Ставки (Г. К. Жукову. — *Ред.*)

Ваш приказ от 7.07.1944 г. за № 00596/239/оп Ставка утверждает за исключением некоторых пунктов, по которым вам даются следующие указания:

1. Танковые армии и конно-механизированные группы использовать не для прорыва, а для развития успеха после прорыва. Танковые армии в случае успешного прорыва ввести через

день, а конно-механизированные группы — через два дня после начала операции, вслед за танковыми армиями.
2. На первый день операции поставить пехоте посильные задачи, так как поставленные вами задачи безусловно завышены.
3. Об отданных распоряжениях по этому вопросу донести.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945 год. Т. 16 (5–4). С. 108. ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 400.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ № 6282сс

31 июля 1944 года

О ЗАДАЧАХ СОВЕТСКИХ ВОЙСК В СВЯЗИ С ВСТУПЛЕНИЕМ НА ТЕРРИТОРИЮ ПОЛЬШИ

В связи с вступлением советских войск на территорию Польши Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. В соответствии с заявлением Наркоминдела СССР об отношении Советского Союза к Польше и Соглашением между Правительством Союза ССР и Польским Комитетом Национального Освобождения об отношениях между советским Главнокомандующим и Польской Администрацией после вступления советских войск на территорию Польши в зоне военных операций на польской территории верховную ответственность за все дела, относящиеся к ведению войны, сосредоточить в руках командующих 1-м Украинским, 1-м Белорусским, 2-м Белорусским фронтами, общее руководство управлением гражданскими делами возложить на Военные советы указанных фронтов и персонально на членов Военных советов: 1-го Украинского фронта — генерал-лейтенанта Крайнюкова, 1-го Белорусского фронта — генерал-лейтенанта Телегина, 2-го Белорусского фронта — генерал-лейтенанта Субботина. Координирование вопросов военно-хозяйственной деятельности советских органов возложить на начальника Тыла Красной Армии генерала армии т. Хрулева.
2. Руководствоваться тем, что по Соглашению между Правительством СССР и Польским Комитетом Национального Освобождения государственная граница между СССР и Польской Республикой проходит по следующей линии, нанесенной на прилагаемой карте (не публикуется. — *Ред.*) следующим образом: от реки Сан восточнее населенного пункта Мычковцы, далее восточнее Перемышль, западнее Рава-Русская, до реки Солокия, отсюда по реке Солокия и реке Западный Буг на Немиров-Яловка, оставляя на стороне Польши часть территории Беловежской Пущи, расположенную на восток от линии Немиров-Яловка, также остающихся на польской территории, отсюда до стыка границ Литовской ССР, Польской Республики и Восточной Пруссии, оставляя Гродно на стороне СССР.
3. Имея в виду, что вступление советских войск в Польшу диктуется исключительно военной необходимостью и не преследует иных целей, как сломить и ликвидировать продолжающееся сопротивление войск противника и помочь польскому народу в деле освобождения его родины от ига немецко-фашистских оккупантов, в районах, занятых Красной Армией, советов и иных органов советской власти не создавать и советских порядков не вводить. Исполнению религиозных обрядов не препятствовать, костелов, церквей и молитвенных домов не трогать.
4. Установить дружественные отношения с органами власти, которые будут созданы на освобожденной территории Польским Комитетом Национального Освобождения. Необходимые мероприятия по поддержанию общественного порядка на занятой советскими войсками

территории осуществлять через эти органы. Право мобилизации населения, а также все другие права по управлению на территории Польши принадлежат только органам, создаваемым Польским Комитетом Национального Освобождения. Никаких других органов власти и в том числе органов польского эмигрантского «правительства» в Лондоне, кроме органов Польского Комитета Национального Освобождения, не признавать. Иметь в виду, что лица, выдающие себя за представителей польского эмигрантского «правительства» в Лондоне, должны рассматриваться как самозванцы и с ними следует поступать как с авантюристами.

5. Принадлежащая польским гражданам частная собственность, а также их личные и имущественные права находятся год охраной советских военных властей и органов Польского Комитета Национального Освобождения, а также польской армии. Объявить это во всеобщее сведение соответственно от имени командующих 1-м Украинским, 1-м Белорусским и 2-м Белорусским фронтами по тексту Генштаба РККА.
6. Установить, что выдача жалованья военнослужащим на территории Польши производится с августа сего года в польских злотых, за исключением той части, которая переводится на родину.

Государственный Комитет Обороны

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2. Границы СССР восстановлены (1 июля — 31 декабря 1944 года). М., 2007. С. 102–103.

СЕКРЕТНО И ЛИЧНО ОТ ПРЕМЬЕРА И. В. СТАЛИНА ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ г-ну ЧЕРЧИЛЛЮ

16 августа 1944 года

1. После беседы с г. Миколайчиком я распорядился, чтобы Командование Красной Армии интенсивно сбрасывало вооружение в район Варшавы. Был также сброшен парашютист-связной, который, как докладывает командование, не добился цели, так как был убит немцами.

   В дальнейшем, ознакомившись ближе с варшавским делом, я убедился, что варшавская акция представляет безрассудную ужасную авантюру, стоящую населению больших жертв. Этого не было бы, если бы советское командование было информировано до начала варшавской акции и если бы поляки поддерживали с последним контакт.

   При создавшемся положении советское командование пришло к выводу, что оно должно отмежеваться от варшавской авантюры, так как оно не может нести ни прямой, ни косвенной ответственности за варшавскую акцию.
2. Получил Ваше сообщение о встрече с маршалом Тито и Премьер-министром Шубашичем. Благодарю за сообщение.
3. Очень рад удачной высадке союзных войск на юге Франции. От души желаю успеха.

16 августа 1944 года.

Переписка Председателя Совета Министров СССР… С. 239–240.

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 220213 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ КАРЕЛЬСКОГО ФРОНТА К. А. МЕРЕЦКОВУ

12 сентября 1944 года

02 ч 20 мин

Из представленного Вами за № 00112/44/оп доклада видно, что Вы ставите войскам фронта задачу разбить своими силами группировку немцев в Северной Финляндии. Это ваше решение неправильно. Согласно переговорам с финнами, выдворением немецких войск из Финляндии должны заняться сами финны, а наши войска будут оказывать им в этом только помощь.

Исходя из указанного, Ставка Верховного Главнокомандования запрещает Вам вести самостоятельные наступательные операции против немецких войск. В случае отхода немцев продвигаться вслед за ними, не навязывая противнику больших боев и не изматывая свои войска боями и глубокими обходными маневрами для того, чтобы лучше сохранить свои силы. Ставка требует от Вас точного выполнения ее указаний и еще раз предупреждает, что невыполнение указаний Ставки и Ваши попытки забегания вперед повлекут за собой отстранение Вас от командования фронтом.

Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945 год. Т. 16 (5–4). С. 143. ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 167. Л. 42.

ПОСОЛ В СССР А. ГАРРИМАН ПРЕЗИДЕНТУ Ф. Д. РУЗВЕЛЬТУ

12 октября 1944 года

Москва

Лично для президента. В серии разговоров в течение и после обеда, продолжавшегося 6 с половиной часов, обсуждались в основном следующие вопросы:

1. Польша. Сталин объяснил, почему нельзя было взять Варшаву. В первом порыве он надеялся, что Красная Армия может осадить Варшаву за счет инерции своего быстрого продвижения. Это сделать не удалось, потому что немцы выставили сильный заслон, а Красная Армия естественным образом продвинулась далеко вперед собственных коммуникаций. Варшава находится на возвышенности по сравнению с Прагой*, что делает фронтальную атаку через Вислу невозможной или с неоправданными потерями. Чтобы зайти городу в тыл, потребуется 50 дивизий, и, таким образом, становится необходимым очистить от немцев Прибалтику, чтобы обезопасить правый фланг и высвободить необходимые силы. Он выразил негодование по поводу «писак» в Англии и США, которые поставили под сомнение добрые намерения России. После нескольких замечаний премьер-министра относительно помощи Варшаве с воздуха обсудили вопрос визита Миколайчека. Договорились, что британцы и русские окажут как можно большее давление как на Миколайчека, так и на лидеров Польского Комитета, чтобы те пришли к соглашению. Если в результате переговоров между поляками соглашение все-таки не будет достигнуто, русские и британцы должны договориться между собой, выработав справедливое решение. Обе стороны затем приложат усилия, чтобы принудить поляков согласиться с этим решением.
2. Была долгая дискуссия по балканским странам, в особенности по Югославии. Премьер-министр озадачил Сталина по вопросу того, что он принял Тито, не проинформировав Черчилля. Единственное объяснение, которое дал Сталин — то, что Тито попросил его держать визит в секрете. Сталин объяснил, что никогда раньше не видел Тито, хотя тот жил в России в течение 1917 и 1918 годов. По просьбе Тито, он пообещал дать ему оружие, преимущественно трофейное немецкое, но также и некоторое русское. Сталин и Черчилль договорились, что должны соединить усилия для того, чтобы воссоединить народы Югославии, восстановить сильную федерацию, но что если окажется, что такая федерация не получится без продолжающейся внутренней борьбы, Сербия должна стать независимой страной. Оба согласились, что первое — гораздо более желательно, а ко второму стоит прибегнуть только в крайнем случае. Это привело Сталина к интересному высказыванию по вопросу панславизма, который, по его словам, он считает нереальной концепцией. Чего хотят различные славянские народы, так это независимости. Преследование цели панславизма означает доминирование славянских народов Россией. Это против интересов России, и никогда не удовлетворит малые славянские народы. Он сказал, что, по его ощущениям, ему придется когда-нибудь сделать публичное заявление, чтобы прояснить это. В отношении

Югославии Черчилль заявил, что Англия не имеет «корыстных интересов», но желает увидеть свои моральные обязательства югославам выполненными. Сталин отмахнулся от этого, сказав, что не считает британские [интересы] в Югославии корыстными. Они — вполне реальные интересы, выражающиеся в сырьевых концессиях и, в особенности, потому что Югославия имеет протяженную береговую линию в Средиземном море. Защита Средиземноморья жизненно важна для британских международных коммуникаций. Сталин признает и одобряет эти интересы. Это повело дискуссию в сторону Италии и ее будущего. Оба согласились, что итальянцев надо заставить выработать концепцию своего собственного существования в пределах полуострова.

3. Тема битвы за Италию перевела внимание на войну вообще. Сталин в существенных деталях развернул концепцию того, что попытки пробить немецкую оборону в Италии и на линии Зигфрида** приведут к неоправданным потерям. Должен быть принят план окружения. 15 из 25 союзнических дивизий в Италии могут удерживать текущую линию, а 10 можно послать через Австрию, чтобы выйти в тыл к немцам, и содействовать продвижению Красной Армии через Венгрию в Австрию. Левый фланг линии Зигфрида упирается в Швейцарию. Швейцарию надо заставить позволить союзническим войскам пройти через свою территорию, чтобы выйти во фланг укрепленным линиям немцев. Когда Черчилль возразил, Сталин сказал, что Швейцария сыграла плохую роль в войне, и ее надо заставить сотрудничать. Он сказал, что Ваше вмешательство относительно Швейцарии приведет к ее согласию. Договорились обсудить военные вопросы на следующей встрече. Черчилль сказал, что не только он с Бруком хотят обменяться информацией и взглядами по поводу Европейской войны с маршалом Сталиным и его штабом, но и генерал [Антонов] выступит на этой же встрече по ситуации на Тихом океане.
4. Это, конечно, краткий отчет о многочасовых переговорах. Чтобы дать точную картину, я должен сказать, что часто оба говорили одновременно, и не всегда на одну и ту же тему. Если Вы также представите себе, что два переводчика в то же самое время пытались перевести сказанное, то поймете, что не по каждому пункту удалось прийти к заключению. В общем, я должен добавить, что Сталин ясно дает понять, что искренне рад видеть премьер-министра в Москве, и пользуется случаем, чтобы попытаться прийти к единому мнению с Черчиллем по как можно большему числу вопросов.
5. В течение вечера Иден имел хороший разговор с Молотовым о поляках, во время которого у меня была возможность объяснить, как важно в наших отношения с Россией понимание американской нацией того, что русские были щедры и терпеливы по отношению к полякам в их трудностях, и что в США польский вопрос рассматривается как первый настоящий экзамен по сотрудничеству в разрешении мировых проблем. У Идена и у меня осталось впечатление, что Молотов впервые был по-настоящему заинтересован в понимании реакции общественности в Англии и Соединенных Штатах по поводу польского вопроса.

FRUS, 1944. Europe. Volume IV. P. 1012–1015.
Перевод с английского.

* Пригород на правом берегу Вислы, взятый Красной Армией 14 сентября 1944 года.
** Сильно укрепленная немецкая линия, возведенная на западном европейском фронте.

БЕСЕДА С У. ЧЕРЧИЛЛЕМ

14 октября 1944 года

в 16 часов 30 минут

Черчилль заявляет, что он упорно работал с поляками все утро, но не добился больших результатов. Трудность состоит в том, что поляки хотят оставить за собой формальное право защищать свое дело на мирной конференции. Он, Черчилль, изложил на бумаге то, что он зачитывал полякам. Поляки были весьма недовольны, но, как он, Черчилль, думает, они не особенно далеки от того, чтобы принять это. Черчилль показывает И. В. Сталину свое предложение в переводе на русский язык. При этом Черчилль заявляет, что если можно было бы что-либо включить в текст, что дало

бы полякам право защищать свое дело на мирной конференции, то поляки немедленно согласились бы с текстом. Он, Черчилль, хотел бы знать впечатление Маршала Сталина об этом документе.

Тов. Сталин отвечает, что если бы в документе было сказано, что линия Керзона принимается в качестве основы советско-польской границы, то тогда документ был бы приемлем.

Черчилль заявляет, что поляки были бы готовы принять документ, если бы в этом документе было оговорено, что они согласны с линией Керзона как границей, но протестуют против нее.

Тов. Сталин говорит, что это не годится.

Черчилль заявляет, что он не может гарантировать, что Соединенные Штаты Америки не поднимут польского вопроса на мирной конференции. Если соглашение не состоится и если сведения об этом проникнут в прессу, то поляки могут поднять большой шум и это принесет большой вред Президенту на выборах. Поэтому он, Черчилль, думает, что лучше было бы держать все это дело в строгом секрете, включая и тот документ, который он показал сейчас Маршалу Сталину, в течение трех недель, пока не состоятся выборы в США.

Тов. Сталин спрашивает, предлагает ли Черчилль отложить польский вопрос и думает ли он, что Миколайчику следует вернуться в Лондон, а Моравскому и другим в Люблин.

Черчилль отвечает, что он думает, что следовало бы отложить польский вопрос, если не удастся его решить в Москве, на три недели.

Черчилль заявляет, извиняясь за откровенность, что если не удастся разрешить польский вопрос, то будет невозможно убедить общественное мнение в том, что люблинский комитет не является выражением русской воли и необходимым мероприятием в тылу Красной Армии. Та пропаганда, которую ведет люблинский комитет, является весьма эффективным орудием для польского правительства в Лондоне в его кампании против люблинского комитета. Например, Моравский ругал участников варшавского восстания. Он, Черчилль, должен сказать, что такие выступления Моравского принесли больше вреда, чем пользы.

Тов. Сталин замечает, что Моравский выступал не против героического населения Варшавы, а против Бура и его хозяев.

Черчилль заявляет, что в Польше до войны было очень мало коммунистов.

Тов. Сталин говорит, что польский народ рассуждает очень элементарно. Поляки считают, что Красная Армия освобождает Польшу, и спрашивают, кто из польских руководителей является другом Красной Армии. Поляки видят, что люблинский комитет — с Красной Армией. Они видят, что англичане вместе с американцами в союзе с Красной Армией, но они спрашивают, почему никого из представителей лондонского польского правительства нет с Красной Армией. Польские крестьяне не могут этого понять. Миколайчик не понимает, какой большой вред наносит ему этот факт. Что касается утверждения, что ПКНО является выражением русской воли, то это неправильно, так как комитет пользуется широкой поддержкой польского народа. Конечно, в комитете имеются противоречия, но Черчилль знает, насколько поляки капризный народ.

Черчилль просит извинения за откровенность и говорит, что британское правительство ознакомилось с биографиями люблинских поляков. Например, оно слышало о том, что Берут очень способный и умный человек, что он коммунист и что был в тюрьме при Пилсудском, но был впоследствии обменен Советским Правительством.

Тов. Сталин говорит, что Берут состоял в коммунистической партии Польши, но он вышел из нее в 1937 или 1938 году. Он, тов. Сталин, познакомился с Берутом впервые в Москве в последнее время. Что касается того, что он, Берут, был обменен, то он, тов. Сталин, обещает навести по этому вопросу соответствующие справки.

Черчилль заявляет, что британское правительство полностью сочувствует желанию Маршала Сталина обеспечить существование дружественной Советскому Союзу Польши.

Тов. Сталин отвечает, что Советскому Союзу нужна не просто дружественная, но сильная Польша. Он, тов. Сталин, уважает многих членов ПКНО за то, что они понимают, что Советский Союз не попытается угнетать и ассимилировать поляков с русскими, как это делало царское правительство, а что Советский Союз хочет сильной и суверенной Польши. Миколайчик этого не понимает, ибо он не видит разницы между политикой царского и советского правительств по отношению к Польше.

Черчилль заявляет, что он не уверен в том, что в данный момент нужно продолжать усилия достичь соглашения. Дело в том, что если бы британское правительство открыто заявило о том,

что оно достигло соглашения с Советским Союзом в отношении границы для Польши задолго до перемирия, то это было бы весьма опасной вещью. Но он, Черчилль, расстроен тем, что между Англией и Советским Союзом должен вечно оставаться неразрешенным этот польский вопрос, причиняющий столько неприятностей.

Тов. Сталин говорит, что на Миколайчика влияет среда, в которой он вращается. Поляки из окружения Миколайчика играют на возможности конфликта между союзниками.

Черчилль замечает, что независимо от того, является ли это конфликтом между союзниками или критикой Советского Союза, польский вопрос будет гноящейся раной в отношениях между Советским Союзом и англосаксонскими странами.

Все дело в том, что поляки боятся формально заявить о том, что они отказываются от своих претензий, хотя они знают, что не получат удовлетворения их. Он, Черчилль, еще предпримет дальнейшие усилия, чтобы убедить поляков согласиться с советской точкой зрения и трезво рассмотреть положение в целом. Поляки должны будут понять, что если они согласятся, то у них будут дружественные отношения с крупнейшим соседом Польши — Советским Союзом. Было бы глупо упорствовать в том положении, в котором сейчас находятся поляки.

Он, Черчилль, думает, что будущность мира зависит от дружбы британцев и американцев с Советским Союзом. Он, Черчилль, будет откровенен и скажет Маршалу Сталину, что малые европейские страны напуганы до смерти большевистской революцией. Это объясняется тем, что до ликвидации Коминтерна Советское Правительство заявляло о своем намерении советизировать все страны Европы. Он, Черчилль, помнит, как в 1919–20 году весь мир дрожал в страхе перед мировой революцией, хотя он, Черчилль, уверен, что в Англии не было бы революции.

Тов. Сталин отвечает, что теперь мир не будет дрожать в страхе. Советский Союз не намерен устраивать большевистские революции в Европе. Он, Черчилль, может убедиться в этом на примере Румынии, Болгарии и Югославии.

Черчилль отвечает, что он верит всему тому, что ему заявляет Маршал Сталин.

Записал (Павлов)

Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии. 1941–1945. С. 455–458.

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 220255 КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ 4-го и 1-го УКРАИНСКИХ ФРОНТОВ А. И. ПЕТРОВУ и И. С. КОНЕВУ

31 октября 1944 года

19 ч 35 мин

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Разъяснить всему личному составу войск, что Чехословакия является нашей союзницей и отношение со стороны войск Красной Армии к населению освобожденных районов Чехословакии и к повстанческим чехословацким частям должно быть дружественным.
2. Запретить войскам самовольную конфискацию автомашин, лошадей, скота, магазинов и разного имущества.
3. При размещении войск в населенных пунктах учитывать интересы местного населения.
4. Все необходимое для нужд наших войск получать только через местные органы гражданской администрации чехословаков или через командование чехословацких повстанческих частей.
5. Лиц, нарушающих этот приказ, привлекать к суровой ответственности.
6. О принятых мерах донести.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945 год. Т. 16 (5–4). С. 165. ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 167. Л. 92.

ИЗ БЕСЕДЫ С ПОЛЬСКОЙ ДЕЛЕГАЦИЕЙ ВО ГЛАВЕ С ГЕНЕРАЛОМ М. СПЫХАЛЬСКИМ

15 ноября 1944 года

Нас не спросили… не посоветовались с нами. Если бы нас спросили, мы бы не дали совета восставать. Красная армия, которая овладела не одним крупным городом в ходе наступления, никогда не брала больших городов, подобных Варшаве, лобовым ударом. И мы никогда не призывали население наших городов к восстанию. Варшаву в лоб нельзя было взять, так как она находится на высоком берегу Вислы. Брать Варшаву в лоб — значит разрушить город артиллерией и понести при этом ненужные жертвы. Здесь создалось положение, аналогичное с Киевом… Мы Киева в лоб не брали. Мы взяли его обходом. Мы и Варшаву хотели взять обходным маневром, но к такой операции нам нужна была серьезная подготовка. Нужно было подтянуть минимум 40 дивизий, много боеприпасов и продовольствия… Нужно было время. Вот почему Красная Армия временно задержалась у стен Варшавы.

Советский фактор в Восточной Европе. Т. 1. М., 1999. С. 84–87. АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 358. Л. 12–16.

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 220286 КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ 2-го и 3-го УКРАИНСКИХ ФРОНТОВ Р. Я. МАЛИНОВСКОМУ и Ф. И. ТОЛБУХИНУ

26 декабря 1944 года

22 ч 10 мин

По имеющимся данным, немцы решили возможно дольше удерживать город Будапешт, заранее укрепившись в больших зданиях и заняв все удобные для обороны города позиции.

Дабы не дать немцам возможности выполнить этот план, избежать больших жертв со стороны наших войск и ускорить капитуляцию окруженной в Будапеште группы немецких войск, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает для уничтожения противника, засевшего в крупных зданиях города Будапешт, а также в крепости города на западном берегу Дуная, использовать артиллерию всех калибров, включая самые крупные, а также авиацию и подрывные команды саперов. В городских боях для сопровождения пехоты также использовать артиллерию всех калибров, до самых крупных включительно, с целью разрушения очагов обороны противника огнем орудий прямой наводки.

Исполнение донести.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945 год. Т. 16 (5–4). С. 184. ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 167. Л. 139.

ЛИЧНО И СТРОГО СЕКРЕТНО ОТ ПРЕМЬЕРА И. В. СТАЛИНА ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ г-ну У. ЧЕРЧИЛЛЮ

7 января 1945 года

Получил вечером 7 января Ваше послание от 6 января 1945 года*.

К сожалению, главный маршал авиации г-н Теддер еще не прибыл в Москву.

Очень важно использовать наше превосходство против немцев в артиллерии и авиации. В этих видах требуется ясная погода для авиации и отсутствие низких туманов, мешающих артиллерии

вести прицельный огонь. Мы готовимся к наступлению, но погода сейчас не благоприятствует нашему наступлению. Однако, учитывая положение наших союзников на западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января. Можете не сомневаться, что мы сделаем все, что только возможно сделать для того, чтобы оказать содействие нашим славным союзным войскам.

7 января 1945 года.

Переписка председателя Совета Министров СССР… С. 278.

* См. Переписку председателя Совета Министров СССР… С. 277–278. В этом послании Черчилль сообщал Сталину о тяжелом положении войск союзников на западном фронте.

ИЗ ДНЕВНИКА Г. ДИМИТРОВА

28 января 1945 года

У Сталина (на даче). Были приглашены югославы — *Моше Пияде, Хебранг* и югославский посол *Симич*, а также болгары — я, премьер *Кимон Георгиев*, министр внутренних дел *Югов*, болгарский политический представитель проф. *Михалчев* и секретарь ЦК Рабочей партии (к) — *Трайчо Костов*. Присутствовали *Молотов, Маленков, Берия*.

Исключительно задушевная атмосфера. Было объявлено, что проект союзного договора между Болгарией и Югославией согласован между обеими делегациями, и разногласий между ними нет. Мы договорились, что премьер-министры болгарского и югославского правительства обменяются письмами (не для публикации), призывающие и обязывающие обе стороны принять меры по созданию *федерации* между Болгарией и Югославией, при этом было решено не забегать вперед в вопросе о характере такой федерации — будет ли она *двуединой* между Болгарией и Югославией или же *единой* федерацией болгар, сербов, хорватов, словенцев, черногорцев и македонцев.

Много тостов. *Сталин* в своих тостах подчеркнул, что союз между Болгарией и Югославией является переворотом в истории Европы, он имеет огромное историческое значение. Это начало союза всех славянских народов. Народы должны помогать и защищать друг друга. Германия будет разгромлена, однако немцы — сильный народ с многочисленными кадрами, он снова возродится. Славянские народы не должны оказаться неподготовленными, когда на них снова попытаются напасть, а это, вероятно, или даже наверняка, произойдет в будущем. Старое славянофильство выражало устремление царской России подчинить другие славянские народы. Наше же славянофильство — совершенно другое. В его основе — идея объединения слав[янских] народов в качестве равноправных с целью общей защиты своего будущего существования. Мы ничего не хотим навязывать другим слав[янским] народам. Мы не вмешиваемся в их внутренние дела. Пусть они делают то, на что способны.

Кризис капитализма проявился в разделении капиталистов на две фракции: одна из них — *фашистская*, другая — *демократическая*. Образовался союз между нами и демократической фракцией капиталистов, т. к. последняя была заинтересована в том, чтобы не допустить господства Гитлера, поскольку такое жесткое господство довело бы рабочий класс до крайностей и до свержения самого капитализма. Сейчас в союзе с одной фракцией мы выступаем против другой, а в будущем выступим против обеих фракций капиталистов.

Возможно, мы ошибаемся, полагая, *что только советская форма* ведет к социализму. На деле доказано, что советская форма — *самая лучшая, но далеко не единственная*. Могут существовать и другие формы: демократическая республика, например, или даже — при известных условиях — конституционная монархия…

(Чрезвычайно важные и интересные вещи были сказаны Сталиным на этом замечательном вечере!)

Г. Димитров. Дневник. Март 1933 — февруари 1949. Избрано. С. 240–241.
Обратный перевод с болгарского.

Примечание. Берия Л. П. (1899–1953) — кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), Генеральный Комиссар Государственной Безопасности, Маршал Советского Союза (с 07.1945), народный комиссар внутренних дел СССР, заместитель председателя СНК СССР, член Государственного Комитета Обороны СССР, член Оперативного бюро Государственного Комитета Обороны СССР, член Комитета при СНК СССР по восстановлению народного хозяйства в районах, освобожденных от фашистской оккупации, заместитель председателя Государственного Комитета Обороны СССР, председатель Оперативного бюро Государственного Комитета Обороны СССР, председатель Специального комитета при Государственном Комитете Обороны — СНК СССР.

БЕСЕДА С У. ЧЕРЧИЛЛЕМ

4 февраля 1945 года

15 час., Воронцовский дворец

Черчилль благодарит за удобства, предоставленные в его распоряжение.

Сталин отвечает, что это долг гостеприимства. Большего наши работники не смогли сделать, так как у них было очень мало времени.

Черчилль спрашивает, какие вести поступают с фронта.

Сталин отвечает, что неплохие.

Черчилль заявляет, что 8 февраля британская группировка войск совместно с 9-й американской армией перейдет в наступление на севере.

Сталин говорит, что это хорошо. Нужно лишить немцев возможности перебрасывать свои войска с одного фронта на другой.

Черчилль говорит, что сегодня на заседании генерал Маршалл изложит планы союзников на западе. Он, Черчилль, хотел бы также, чтобы фельдмаршал Александер рассказал о положении дел на фронте в Италии.

Сталин говорит, что теперь Германия лишена Силезского угольного бассейна и если она потеряет Рур, т. е. если она лишится своих двух основных источников получения угля, то в Германии, в результате недостатка угля и хлеба, возможен внутренний крах до ее военного поражения.

Черчилль отвечает, что это может случиться.

Сталин заявляет, что у немцев нет сейчас готовых резервов. Немцы построили очень мощные укрепления на востоке, но они защищались бойцами из фольксштурма, очень нестойкими людьми.

Черчилль заявляет, что он согласен с тем, что у немцев нет готовых резервов. В этой связи он, Черчилль, хотел бы спросить, что думает маршал Сталин о наступлении Рундштедта.

Сталин отвечает, что Рундштедт поступил очень глупо, начав свое наступление в то время, когда у Германии нет сил. Это произошло потому, что Германия еще считает себя великой державой, но она уже перестала ею быть. Для новых операций нужны резервы, а у Германии их нет.

Черчилль говорит, что Гитлер приготовил паутину, но забыл про паука. Черчилль спрашивает, какого мнения маршал Сталин о Гитлере как о стратеге.

Сталин говорит, что Гитлер как стратег испортился, Бок у него был гораздо умнее. Теперь же Гитлер растерял всех своих опытных генералов.

(Дальнейшая беседа проходит в комнате, где развешены карты различных фронтов.)

Фельдмаршал *Александер* поясняет обстановку на своем фронте.

Сталин говорит, что немцы на итальянском фронте не будут наступать. Поэтому желательно было бы оставить часть сил союзников на фронте в Италии для обороны, а остальные перебросить через Адриатическое море для совместного наступления с Красной Армией в районе Австрии.

Александер отвечает, что в настоящее время у него нет в наличии свободных сил для этой операции. Кроме того, как он думает, сейчас уже поздно приступать к ее осуществлению.

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Сборник документов. Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). М., 1984. С. 44–45.

Примечание. Александер Х. Р. Л. Д. (1891–1969) — фельдмаршал, главнокомандующий союзными войсками на Средиземноморском театре военных действий (С. 12.1943), генерал-адъютант Его Величества.

ТРЕХСТОРОННИЙ УЖИН

4 февраля 1945 года

20:30, Ливадийский дворец
Запись Болена

Перед ужином и во время большей части ужина беседа была общей и носила личный характер. Маршал Сталин, президент и премьер-министр, казалось, в течение всего ужина находились в очень хорошем, веселом настроении. Никакие политические или военные вопросы не затрагивались вплоть до последнего часа ужина, когда исподволь всплыл вопрос об обязанностях и правах великих держав по сравнению с малыми державами.

МАРШАЛ СТАЛИН довольно ясно и неоднократно дал понять, что, по его мнению, три великих державы, которые понесли основную тяжесть войны и освободили малые державы от немецкого гнета, должны иметь единогласные права по сохранению мира во всем мире. Он сказал, что не может служить никаким другим интересам, кроме интересов советского государства и народа, но что Советский Союз на международной арене готов взять на себя свою долю в сохранении мира. Он сказал, что было бы нелепо полагать, что Албания должна иметь равный голос с тремя великими державами, которые выиграли войну и присутствуют на этом ужине. Он сказал, что некоторые из освобожденных стран, кажется, полагают, что великим державам не по своей воле пришлось проливать кровь, чтобы освободить их, и что теперь они ругают эти великие державы за то, что они не принимают во внимание права малых держав.

МАРШАЛ СТАЛИН сказал, что готов, в согласии с Соединенными Штатами и Великобританией, защищать права малых держав, но что он никогда не согласится на то, чтобы любая из великих держав любые свои действия обязана была бы представлять на суд малых держав.

ПРЕЗИДЕНТ сказал, что согласен с тем, чтобы великие державы несли большую ответственность, и что мир должен быть подписан тремя державами, представленными за этим столом.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР сказал, что не может идти речи о том, чтобы малые державы диктовали свою волю великим державам; но великие нации мира должны нести свою моральную ответственность и лидерство, и должны распоряжаться своей властью умеренно, и с величайшим уважением к правам малых наций. (Г-н Вышинский сказал г-ну Болену, что они никогда не согласятся с правом малых держав судить действия великих держав, и в ответ на наблюдение г-на Болена касательно мнения американского народа, ответил, что американцы должны научиться подчиняться своим лидерам. Г-н Болен сказал, что если г-н Вышинский желал бы посетить Соединенные Штаты, он хотел бы видеть, как тот попытается сказать это американцам. Г-н Вышинский ответил, что будет рад сделать это).

Вслед за тостом премьер-министра за мировой пролетариат, последовала содержательная дискуссия о праве людей на самоуправление и их отношении к лидерам.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР сказал, что, хотя его постоянно «подвергают ударам» как реакционера, он является единственным из присутствующих, кто может быть смещен в любое время всеобщим волеизъявлением своего народа, и что он лично восславляет такую угрозу.

МАРШАЛ СТАЛИН иронически заметил, что премьер-министр, по-видимому, не на шутку боится предстоящих выборов, на что премьер-министр ответил, что не только не боится их, но даже и гордится правом британского народа сменить правительство в любой момент, когда он считает это нужным. Он добавил, что, по его мнению, три присутствующих здесь нации движутся к одной и той же цели различными методами.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР по поводу прав меньших наций сделал следующее заявление: «Орел должен давать петь маленьким птичкам и не задумываться над тем, для чего они поют».

После того как маршал Сталин и президент удалились, премьер-министр продолжил с г-ном Иденом и г-ном Стеттиниусом обсуждение вопроса о голосовании в Совете Безопасности. ПРЕМЬЕР-МИНИСТР сказал, что склоняется к точке зрения русских касательно процедуры голосования, потому что полагает, что все зависит от единогласия трех великих держав, и что без

этого мир подвергнется катастрофе, не поддающейся оценке; все, что сохраняет это единство, получит его поддержку. Г-н ИДЕН решительно возразил премьер-министру, и отметил, что не будет никакой мотивации, или причины, у малых держав вступать в организацию, основанную на таком принципе, и что он лично полагает, что это не найдет поддержки среди английской публики. ПРЕМЬЕР-МИНИСТР сказал, что ни в малейшей мере не согласен с г-ном Иденом, потому что мыслит в реалиях международной обстановки.

В ответ на вопрос премьер-министра об американском мнении по вопросу о голосовании, г-н Болен заметил, что американское предложение напомнило ему историю о южном плантаторе, подарившему негру бутылку виски. На следующий день плантатор спросил негра, понравился ли ему виски. На что негр ответил, что виски совершенен. Когда плантатор спросил, что он под этим имеет в виду, негр сказал, что если бы виски был сколько-нибудь лучше, то он бы ему не достался; а будь он сколько-нибудь хуже — негр не смог бы его выпить.

Вскоре после этого премьер-министр и г-н Иден отправились — очевидно, не договорившись насчет процедуры голосования в Совете Безопасности организации ДамбертонаОукса.

FRUS. Conferences at Malta and Yalta, 1945. P. 589–591. Перевод с английского.

Примечание. Болен Ч. Ю. (1904–1974) — помощник Государственного Секретаря, переводчик президента Рузвельта на Тегеранской и Ялтинской конференциях и президента Трумэна — на конференции в Потсдаме.

Вышинский А. Я. (1883–1954) — член ЦК ВКП(б), 1-й заместитель народного комиссара иностранных дел СССР, председатель Лекционного бюро при Комитете по делам высшей школы при СНК СССР, политический советник Группы советских войск в Германии (05–08.1945).

Иден А. (1897–1977) — министр иностранных дел (1940–1945), член палаты общин.

ТРЕХСТОРОННИЙ УЖИН

8 февраля 1945 года

21:00, Юсуповский дворец
Запись Болена

Атмосфера ужина была самой сердечной, и в общей сложности было поднято 45 тостов. МАРШАЛ СТАЛИН был весел и находился в великолепном расположении духа. Большинство тостов были формальными — в честь вооруженных сил представленных государств, их военных лидеров, и укрепления дружбы трех великих держав.

МАРШАЛ СТАЛИН предложил тост за здоровье премьер-министра, которого охарактеризовал как храбрейшую правительственную фигуру мира. Он сказал, что во многом благодаря мужеству и стойкости г-на Черчилля, Англия, борясь в одиночку, бросила вызов могуществу гитлеровской Германии, в то время как остальная часть Европы пала перед Гитлером ниц, перед лицом его могущества. Он сказал, что Великобритания под руководством г-на Черчилля продолжала сражаться в одиночку вне зависимости от существующих или потенциальных союзников. Маршал сделал вывод, что знает немного примеров в истории, когда мужество одного человека было так важно для будущей мировой истории. Он пьет за г-на Черчилля, своего товарища по борьбе и храброго человека.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР в ответ поднял тост в честь маршала Сталина, могучего лидера могучей страны, которая приняла на себя всю мощь германской военной машины, сломала ей хребет, и выдворила тиранов со своей земли. Он знает, что в мирное время, — ничуть не меньше, чем в военное, — маршал Сталин и дальше будет вести свой народ от успеха к успеху.

МАРШАЛ СТАЛИН тогда предложил выпить за здоровье президента Соединенных Штатов. Он сказал, что он и г-н Черчилль в своих странах стояли перед довольно простыми решениями. Они боролись с гитлеровской Германией за самое свое существование, но был третий человек, чья страна не была подвержена серьезной угрозе нападения, но который имел, по-видимому, более широкое видение национальных интересов, и хотя прямой угрозы его стране не было, стал главным

инициатором мер, которые привели к всемирной мобилизации против Гитлера. Он упомянул в этой связи ленд-лиз как одно из самых замечательных и жизненно важных достижений в формировании антигитлеровской коалиции и в том, чтобы поддерживать союзников на полях сражений с Гитлером.

ПРЕЗИДЕНТ, в ответ на этот тост, сказал, что чувствует себя за этим столом, как будто находясь в семейной атмосфере, и именно такими словами он хотел бы охарактеризовать отношения, существующие между нашими тремя странами. Он сказал, что в последние три года в мире произошли великие перемены, и еще более великим переменам суждено произойти. Он сказал, что каждый из представленных здесь лидеров своим путем действует в интересах своего народа. Он сказал, что пятьдесят лет тому назад существовали обширные территории, где люди имели мало возможностей и никакой надежды. Но многое уже сделано, хотя до сих пор остаются пространства, где у людей остается мало возможностей и мало надежды, и их цель — дать каждому мужчине, каждой женщине и каждому ребенку на этой земле возможность безопасности и благополучия.

В следующем тосте за союз трех великих держав МАРШАЛ СТАЛИН заметил, что во время войны нетрудно поддерживать единство, поскольку существует единая цель — победить общего врага, которая каждому ясна. Он сказал, что самая трудная задача будет после войны, когда различные интересы будут способствовать разъединению союзников. Он сказал, что уверен в том, что настоящий союз сдаст и этот экзамен, и что нашим долгом является способствовать этому, и что наши отношения в мирное время должны быть такими же крепкими, какими они были во время войны.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР тогда сказал, что он чувствует, что они все теперь стоят на вершине холма, перед которым простирается море славных возможностей в будущем. Он сказал, что в современном мире функция лидера — выводить людей из лесов на широкие просторы мира и счастья. Он сказал, что эта награда близка ныне как никогда, и будет трагедией, за которую история никогда не простит нас, если мы позволим этой награде ускользнуть из наших рук по инертности или неосторожности.

ДЖАСТИС БЕРНС предложил тост за простых людей во всем мире. Он сказал, что было много тостов за лидеров и официальных лиц, и хотя мы все разделяем эти чувства, мы никогда не должны забывать о простых мужчинах и женщинах, живущих на этой планете.

МИСС ГАРРИМАН, от лица присутствующих трех дам, предложила тост за тех, кто так усердно работал здесь, в Крыму, по обеспечению нашего комфорта, и, увидев опустошения, нанесенные здесь немцами, она полностью осознала, что совершили союзники.

FRUS. Conferences at Malta and Yalta, 1945. P. 797–799. Перевод с английского.

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

Сегодня, 20 февраля, в 17 часов в столице Советской Литвы городе *Вильнюс (Вильно)* состоятся похороны генерала армии *Черняховского И. Д.*, командовавшего войсками *3-го Белорусского* фронта.

Армия и флот Советского Союза склоняют свои боевые знамена перед гробом *Черняховского* и отдают честь одному из лучших полководцев Красной Армии.

Приказываю:

В час погребения генерала армии *Черняховского* отдать умершему последнюю воинскую почесть и произвести в столице нашей Родины *Москве* салют в двадцать четыре артиллерийских залпа из ста двадцати четырех орудий.

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза
И. СТАЛИН
20 февраля 1945 года.

Правда. 1945. 21 февраля.

Примечание. Генерал армии Иван Данилович Черняховский, командовавший войсками 3-го Белорусского фронта, скончался 18 февраля 1945 года от тяжелого ранения на поле боя в Восточной Пруссии.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ГОКО № 7558 СС ВОПРОСЫ ПОЛЬШИ

20 февраля 1945 года

СОВ. СЕКРЕТНО
Москва, Кремль.

Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Впредь до окончательного определения западных и северных границ Польши на будущей Мирной конференции западную границу Польши следует считать по линии западнее СВИНЕМЮНДЕ до реки ОДЕР, с оставлением города ШТЕТТИНА на стороне Польши, далее вверх по течению реки ОДЕР до устья реки НЕЙСЕ (западной) и отсюда по реке НЕЙСЕ (западной) до Чехословацкой границы. Северную часть территории Восточной Пруссии по линии от Советской границы, севернее населенного пункта ВИТАЙНЫ, далее севернее ГОЛЬДАП, на НОРДЕН-БУРГ, ПРЕЙСИШ-АЙЛАУ, севернее БРАУНСБЕРГ, с городом и портом КЕНИГСБЕРГ считать в границах СССР, а всю остальную часть Восточной Пруссии, а также Данцигскую область с городом и портом ДАНЦИГ — в границах Польши.
2. На основании Советско-польского соглашения от 26 июля 1944 г. на всей территории Польши, освобожденной Красной Армией от немецко-фашистских захватчиков, действует польская администрация.

В отношениях с польской администрацией обязать командующих фронтами и армиями, действующими на территории Польши руководствоваться следующим:

а) Временное Польское правительство через свою администрацию обеспечивает на территории Польши государственную безопасность и общественный порядок, борьбу с шпионско-диверсионной и террористической агентурой немецких разведывательных органов и немецкого военного командования, борьбу с бандитизмом, повстанчеством и иными враждебными элементами, проводящими подрывную деятельность против Временного Польского правительства и освободительной работы Красной Армии;

б) В прифронтовой полосе глубиной от 60 до 100 км от передней линии фронта, в которой ответственность за государственную безопасность и общественный порядок возложена на командующих фронтами и представителей НКВД, существующая польская администрация оказывает всяческое содействие и необходимую помощь военному командованию Красной Армии и органам НКВД в деле проведения мероприятий, связанных с ведением военных действий;

в) тыловую линию упомянутой в пункте «б» прифронтовой полосы по состоянию на 18 февраля т. г. определить по следующим населенным пунктам: Алленштайн, Серпц, Влоцлавек, Яновитц (Яново), Оборники, Пинне (Пнево), Лисса (Лешно), Острув, Ченстохова, Краков, Тылич. (Все пункты для прифронтовой полосы исключительно.)

В дальнейшем изменения тыловой линии прифронтовой полосы в зависимости от продвижения советских войск и Войска польского на отдельных участках фронта производятся Генеральным Штабом Красной Армии;

г) на территории Польши железные дороги, обеспечивающие военные перевозки, крупные железнодорожные мосты, склады боеприпасов, горючего, продовольствия, интендантские склады, военные аэродромы и другие важные военные объекты остаются под охраной Красной Армии и войск НКВД.

3. Признать целесообразным иметь при Военных Советах фронтов и армий, действующих на территории Польши, представителей Временного Польского правительства для оказания помощи командованию фронтов и армий в разрешении различных вопросов, связанных с нуждами Красной Армии, и для осуществления связи с органами польской администрации.
4. Установить, что оперативно-чекистские группы и войска НКВД, действующие в пределах указанной выше 60–100 километровой прифронтовой полосы, обязаны:

а) аресты среди местного польского населения проводить после должной проверки материалов;

б) при аресте известных лиц из числа польских граждан информировать об этом соответствующие органы польской администрации;

в) привлекать к проведению арестов вражеских элементов польскую администрацию, местные органы Министерства внутренних дел (Министерство общественной администрации) и Министерства общественной безопасности.

5. Удовлетворить просьбу Временного Польского правительства о выделении советников министров внутренних дел (Министерства общественной администрации и Министерства общественной безопасности) Польши для оказания им практической помощи в работе, а также о выделении в распоряжение этих советников соответствующих частей войск НКВД. Поручить НКВД (т. Берия) подобрать и согласовать с польским правительством кандидатуры советников и необходимое количество инструкторов.

6. Обязать советские военные органы при разрешении вопросов использования для нужд ведения войны промышленных предприятий, оборудования и материалов и всякого рода трофейного имущества, находившихся на территории Польши, руководствоваться следующим:

а) заводы, фабрики и другие предприятия немедля передаются соответствующим польским властям с тем, чтобы некоторые промышленные предприятия, необходимые для ведения войны, были приспособлены по договоренности с польскими властями для обслуживания нужд Красной Армии и Войска польского;

б) подлежат вывозу в СССР, по согласованию с польским правительством, только необходимые для нужд ведения войны оборудование, материалы и готовая продукция с немецких и расширенных немцами во время войны предприятий Польши, в том числе и предприятий, расположенных на германской территории, отходящей к Польше;

в) подлежит возврату в СССР оборудование и другое имущество, вывезенное немцами из СССР, независимо от того, на предприятиях Германии или Польши это оборудование находится в настоящее время;

г) передаются в распоряжение местных польских органов власти взятые в виде трофеев у немцев склады с мукой, зерном, крупой и всякого рода другой готовой продукцией в тех случаях, когда нет непосредственной нужды в этих продуктах у Красной Армии и Войска польского.

Председатель Государственного
Комитета Обороны
И. Сталин

Советский фактор в Восточной Европе. Т. 1. С. 153–155. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 453. Л. 92–95, 96.

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 11041 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 4-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА И. Е. ПЕТРОВУ

17 марта 1945 года

18 ч 30 мин

Ставка Верховного Главнокомандования считает объяснение генерала армии Петрова от 17.03.1945 г. № 256 неубедительным и указывает:

1. Командующий фронтом генерал армии Петров, установив неполную готовность войск фронта к наступлению, обязан был доложить об этом Ставке и просить дополнительного времени на подготовку, в чем Ставка не отказала бы. Но генерал армии Петров не позаботился об этом или побоялся доложить прямо о неготовности войск.

   Член Военного совета фронта генерал-полковник Мехлис сообщил в ЦК ВКП(б) о недочетах в подготовке и организации наступления только после срыва операции вместо того, чтобы, зная о неполной готовности войск, своевременно предупредить об этом Ставку.

2. Командование фронта и армий не сумело скрыть от противника сосредоточение войск и подготовку наступления.

3. Штаб фронта был разбросан и большая часть его находилась в 130 км от участка наступления.

Проявленное в указанных недочетах неумение подготавливать операцию и определило ее неуспех.

Ставка последний раз предупреждает генерала армии Петрова и указывает ему на его недочеты в руководстве войсками.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945 год. Т. 16 (5–4). С. 210. ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 213. Л. 54, 55.

Примечание. Мехлис Л. З. (1899–1953) — генерал-полковник, член Военного Совета 4-го Украинского фронта (08.1944–07.1945), член Военного Совета Прикарпатского военного округа (с 07.1945).

ПРИКАЗ СТАВКИ ВГК № 11045

25 марта 1945 года

03 ч 00 мин

1. Генерала армии Петрова И. Е. снять с должности командующего войсками 4-го Украинского фронта за попытку обмануть Ставку насчет истинного положения войск фронта, не готовых полностью к наступлению в назначенный срок, в результате чего была сорвана намеченная на 10 марта операция.

   Генералу армии Петрову после сдачи войск фронта прибыть в распоряжение Ставки.
2. Назначить командующим войсками 4-го Украинского фронта генерала армии Еременко А. И.
3. О приеме и сдаче войск фронта донести.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945 год. Т. 16 (5–4). С. 214. ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 213. Л. 61.

ЛИЧНАЯ И СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНАЯ ТЕЛЕГРАММА МАРШАЛА СТАЛИНА ГЕНЕРАЛУ ЭЙЗЕНХАУЭРУ

1 апреля 1945 года

Вашу телеграмму от 28 марта 1945 года получил.

1. Ваш план рассечения немецких сил путем соединения советских войск с Вашими войсками вполне совпадает с планом Советского Главнокомандования.
2. Согласен с Вами также и в том, что местом соединения Ваших и советских войск должен быть район Эрфурт, Лейпциг, Дрезден. Советское Главнокомандование думает, что главный удар советских войск должен быть нанесен в этом направлении.
3. Берлин потерял свое прежнее стратегическое значение. Поэтому Советское Главнокомандование думает выделить в сторону Берлина второстепенные силы.
4. План образования второго дополнительного кольца путем соединения советских и Ваших войск где-либо в районе Вена, Линц, Регенсбург также одобряется Советским Главнокомандованием.
5. Начало главного удара советских войск, приблизительно — вторая половина мая. Что касается дополнительного удара в районе Вена, Линц, то он уже осуществляется советскими войсками. Впрочем, этот план может подвергнуться изменениям в зависимости от изменения обстановки, например, в случае поспешного отхода немецких войск сроки могут быть сокращены. Многое зависит также от погоды.

6. Вопрос об усовершенствовании связи между нашими войсками изучается Генеральным Штабом, и соответствующее решение будет сообщено дополнительно.
7. Что касается неприятельских сил на восточном фронте, то установлено, что их количество постепенно увеличивается. Кроме 6 танковой армии СС на восточный фронт переброшено три дивизии из Северной Италии и две дивизии из Норвегии.

Маршал *И. Сталин*
1 апреля 1945 года

Новая и новейшая история. 2000. № 3. С. 180–181. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 54. Д. 683. Л. 2.

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 11069 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 1-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА Г. К. ЖУКОВУ

17 апреля 1945 года

17 ч 50 мин

Получил Вашу шифровку с изложением показания немецкого пленного насчет того, чтобы не уступать русским и биться до последнего человека, если даже американские войска подойдут к ним в тыл.

Не обращайте внимания на показания пленного немца.

Гитлер плетет паутину в районе Берлина, чтобы вызвать разногласия между русскими и союзниками. Эту паутину нужно разрубить путем взятия Берлина советскими войсками. Мы это можем сделать и мы это должны сделать. Рубите немцев без пощады и скоро будете в Берлине.

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945 год. Т. 16 (5–4). С. 228. ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 213. Л. 83.

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 11072 КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ 1-го и 2-го БЕЛОРУССКИХ и 1-го УКРАИНСКОГО ФРОНТОВ Г. К. ЖУКОВУ, К. К. РОКОССОВСКОМУ и И. С. КОНЕВУ

20 апреля 1945 года

20 ч 40 мин

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Потребовать от войск изменить отношение к немцам как к военнопленным, так и к гражданскому населению и обращаться с немцами лучше.

   Жестокое обращение с немцами вызывает у них боязнь и заставляет их упорно сопротивляться, не сдаваясь в плен. Гражданское население, опасаясь мести, организуется в банды. Такое положение нам не выгодно.

   Более гуманное отношение к немцам облегчит нам ведение боевых действий на их территории и, несомненно, снизит упорство немцев в обороне.
2. В районах Германии к западу от линии устье р. Одер, р. Одер до Фюрстенберга и далее р. Нейсе (западная) создавать немецкую администрацию, а в городах ставить бургомистров немцев.

Рядовых членов национал-социалистской партии, если они лояльно относятся к Красной Армии, не трогать, а задерживать только лидеров, если они не успели удрать.

3. Улучшение отношения к немцам не должно приводить к снижению бдительности и к панибратству с немцами.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945 год. Т. 16 (5–4). С. 229. ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 212. Л. 13.

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 11075 КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ 1-го и 2-го БЕЛОРУССКИХ и 1-го УКРАИНСКОГО ФРОНТОВ Г. К. ЖУКОВУ, К. К. РОКОССОВСКОМУ и И. С. КОНЕВУ

23 апреля 1945 года

При встрече наших войск с американскими или английскими войсками Ставка Верховного Главнокомандования приказывает руководствоваться следующим:

1. Старшему войсковому начальнику, на участке которого произошла встреча, в первую очередь связаться со старшим начальником американских или английских войск и установить совместно с ним разграничительную линию, согласно указаниям Ставки за № 11073 от 20.04.1945 г.

   Никаких сведений о наших планах и боевых задачах наших войск никому не сообщать.
2. Инициативу в организации дружеских встреч на себя не брать. При встречах с союзными войсками относиться к ним приветливо.

   При желании американских или английских войск организовать торжественную или дружескую встречу с нашими войсками от этого не отказываться и высылать своих представителей.

   После такой встречи нашим войскам приглашать к себе представителей американских или английских войск для ответной встречи.
3. Нашим войскам во всех случаях быть образцом дисциплинированности и порядка.
4. О всех случаях встреч с союзными войсками доносить в Генеральный штаб с указанием места, времени и нумерации встретившихся частей.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945 год. Т. 16 (5–4). С. 231–232. ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 213. Л. 87.

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 11082 КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ ФРОНТОВ

7 мая 1945 года

22 ч 35 мин

7 мая в Реймсе немцы подписали акт военной капитуляции всех немецких вооруженных сил как на западном, так и на восточном фронтах.

Акт о безоговорочной капитуляции вступает в силу с 23 часов 8 мая по среднеевропейскому времени. Приказ немецким войскам о капитуляции должен дать верховный главнокомандующий немецких вооруженных сил Дениц.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Издать обращение от фронта к немецким войскам и их командованию с изложением факта подписания немцами акта военной капитуляции и распространить это обращение к вечеру 8 мая как через радио, так и листовками с предложением сложить оружие.

2. После 23:00 8 мая, т. е. утром 9 мая, потребовать от командования противостоящих вам немецких войск прекратить военные действия, сложить оружие и сдаться в плен.

3. Если немецкие войска не выполнят вашего требования, не сложат оружия и не сдадутся в плен, всеми силами нанести решительный удар по противостоящим немецким войскам и выполнять задачи, поставленные Ставкой для каждого фронта.

4. Об исполнении и ходе капитуляции немецких войск донести.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945 год. Т. 16 (5–4). С. 234–235. ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 213. Л. 113, 114.

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО № 369

9 мая 1945 года

По войскам Красной Армии
и Военно-Морскому Флоту

8 мая 1945 года в Берлине представители Верховного Командования подписали акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил.

Великая Отечественная война, которую вел советский народ против немецко-фашистских захватчиков, победоносно завершена, Германия полностью разгромлена.

Товарищи красноармейцы, краснофлотцы, сержанты, старшины, офицеры армии и флота, генералы, адмиралы и маршалы, поздравляю вас с победоносным завершением Великой Отечественной войны.

В ознаменование полной победы над Германией сегодня, 9 мая, в День Победы, в 22 часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам Красной Армии, кораблям и частям Военно-Морского Флота, одержавшим эту блестящую победу, тридцатью артиллерийскими залпами из тысячи орудий.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Да здравствуют победоносные Красная Армия и Военно-Морской Флот!

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза *И. СТАЛИН*
9 мая 1945 года. № 369

Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. С. 511–512.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПО РАДИО

9 мая 1945 года

Товарищи! Соотечественники и соотечественницы!

Наступил великий день победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побежденной и объявила безоговорочную капитуляцию.

7 мая был подписан в городе Реймсе предварительный протокол капитуляции. 8 мая представители немецкого главнокомандования в присутствии представителей Верховного Командования союзных войск и Верховного Главнокомандования советских войск подписали в Берлине окончательный акт капитуляции, исполнение которого началось с 24 часов 8 мая.

Зная волчью повадку немецких заправил, считающих договора и соглашения пустой бумажкой, мы не имеем основания верить им на слово. Однако сегодня с утра немецкие войска во исполнение акта капитуляции стали в массовом порядке складывать оружие и сдаваться в плен нашим войскам. Это уже не пустая бумажка. Это — действительная капитуляция вооруженных сил Германии. Правда, одна группа немецких войск в районе Чехословакии все еще уклоняется от капитуляции. Но я надеюсь, что Красной Армии удастся привести ее в чувство.

Теперь мы можем с полным основанием заявить, что наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой победы нашего народа над германским империализмом.

Великие жертвы, принесенные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь Отечества, не прошли даром и увенчались полной победой над врагом. Вековая борьба славянских народов за свое существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией.

Отныне над Европой будет развеваться великое знамя свободы народов и мира между народами.

Три года назад Гитлер всенародно заявил, что в его задачи входит расчленение Советского Союза и отрыв от него Кавказа, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других областей. Он прямо заявил: «Мы уничтожим Россию, чтобы она больше никогда не смогла подняться». Это было три года назад. Но сумасбродным идеям Гитлера не суждено было сбыться, — ход войны развеял их в прах. На деле получилось нечто прямо противоположное тому, о чем бредили гитлеровцы. Германия разбита наголову. Германские войска капитулируют. Советский Союз торжествует победу, хотя он и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию.

Товарищи! Великая Отечественная война завершилась нашей полной победой. Период войны в Европе кончился, начался период мирного развития.

С победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы!

Слава нашей героической Красной Армии, отстоявшей независимость нашей Родины и завоевавшей победу над врагом!

Слава нашему великому народу, народу-победителю!

Вечная слава героям, павшим в боях с врагом и отдавшим свою жизнь за свободу и счастье нашего народа!

Правда. 1945. 10 мая.

ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ПРИЕМЕ В КРЕМЛЕ В ЧЕСТЬ КОМАНДУЮЩИХ ВОЙСКАМИ КРАСНОЙ АРМИИ

24 мая 1945 года

Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост.

Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа, и прежде всего русского народа.

Я пью прежде всего за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства, и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества — над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!

За здоровье русского народа!

* * *

Я предлагаю тост за руководителя нашей внешней политики Вячеслава Михайловича Молотова. Не забывайте, что хорошая внешняя политика иногда весит больше, чем две-три армии на фронте. За нашего Вячеслава!

Правда. 1945. 25 мая.
(по газетному отчету)

Система государственной власти в СССР в годы Великой Отечественной войны

Ю. Н. Жуков*

На десятый день войны, 1 июля 1941 года, все газеты страны на первых полосах опубликовали сообщение «Об образовании Государственного комитета обороны». Оно гласило:

«Ввиду создавшегося чрезвычайного положения и в целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР для проведения отпора врагу, вероломно напавшему на нашу родину, Президиум Верховного совета СССР, Центральный комитет ВКП(б) и Совет народных комиссаров СССР признали необходимым:

1. Создать Государственный комитет обороны в составе т. Сталин И. В. (председатель), т. Молотов В. М. (заместитель председателя), т. Ворошилов К. Е., т. Маленков Г. М., т. Берия Л. П.
2. Сосредоточить всю полноту власти в государстве в руках Государственного комитета обороны.
3. Обязать всех граждан и все партийные, советские, комсомольские и военные органы беспрекословно выполнять решения и распоряжения Государственного комитета обороны.

Председатель Совнаркома СССР
и секретарь ЦК ВКП(б)
И. В. Сталин

Председатель Президиума
Верховного совета СССР
М. И. Калинин

То, что чрезвычайный орган власти, подобный британскому военному кабинету, после 22 июня следовало создать, ни у кого не вызвало и тени сомнения. Озадачить могло иное. Четко выраженное требование подчинить Государственному комитету обороны (ГКО), да еще и беспрекословно, партийные органы. Те, которые с ноября 1917 года являлись не только предельно самостоятельными, но и стояли над государственными, руководили ими. Сохранялось такое положение, несмотря на Конституцию 1936 года, согласно статье 126 которой, партия ВКП (б) была всего лишь «ядром» общественных организаций. Не более того.

Чисто государственный характер ГКО весьма наглядно демонстрировал его состав. Из четырнадцати членов и кандидатов в члены Политбюро (ПБ) в него вошло только пятеро, четверо из которых занимали к тому же ключевые посты в правительстве. Сталин — Председатель Совнаркома (СНК) СССР, Молотов — первый заместитель председателя и нарком внутренних дел, Ворошилов — заместитель наркома обороны. Только Маленков занимал исключительно партийные посты — кандидат в члены ПБ, секретарь ЦК и начальник управления кадров ЦК ВКП (б).

Но не стал ГКО и упрощенным вариантом СНК. Не вобрал в себя еще одного первого заместителя председателя СНК — Н. А. Вознесенского, трех заместителей председателя «без портфеля» — А. Н. Косыгина, М. Г. Первухина, Р. С. Землячку, семерых заместителей —

* **Юрий Николаевич Жуков** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИРИ РАН.

наркомов: Н. А. Булганина, председателя правления Госбанка СССР, А. Я. Вышинского, первого заместителя наркома иностранных дел, Л. М. Кагановича, наркома путей сообщения, В. А. Малышева, наркома среднего машиностроения, Л. З. Мехлиса, наркома государственного контроля, А. И. Микояна, наркома внешней торговли, М. З. Сабурова, председателя Госплана.

Скорее всего, при создании ГКО был использован весьма кратковременный опыт двух органов власти, в военных условиях оказавшихся слишком громоздкими, а потому и не эффективными. Во-первых, опыт образованного 21 марта 1941 года Бюро Совнаркома СССР (БСНК), должного упростить чрезвычайно большой состав правительства. Его председателем стал Молотов, а членами — Вышинский, Микоян, Булганин, Берия, Каганович и председатель Совета Союза Верховного совета СССР, председатель Комитета партийного контроля при ЦК ВКП (б) А. А. Андреев.

Вторым образцом для ГКО послужила Ставка главного командования, сформированная 23 июня 1941 года. Возглавленная наркомом обороны С. К. Тимошенко и включавшая начальника Генштаба Г. К. Жукова, И. В. Сталина, В. М. Молотова, К. Е. Ворошилова, заместителя наркома обороны С. М. Буденного, наркома Военно-морского флота Н. Г. Кузнецова. Та самая Ставка, при которой образовали «институт военных советников», разъединившийся на две группы. Военачальников: заместителей наркома обороны Г. И. Кулика, Б. М. Шапошникова, К. А. Мерецкова, начальника ВВС П. Ф. Жигарева, начальника Главного управления ПВО Н. Н. Воронова. Сугубо гражданских лиц: членов БСНК — Микояна, Кагановича, Берия, Вознесенского, а также заместителя Сталина по секретариату ЦК А. А. Жданова, Маленкова и Мехлиса.

Образование ГКО можно рассматривать и как официальное воссоздание существовавшего в первые годы советской власти негласного органа — «тройки». В 1919–1921 годах включавшей В. И. Ленина, Л. Б. Каменева, Н. Н. Крестинского, а в 1921–1924 годах — Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, И. В. Сталина. Органа, продемонстрировавшего высочайшую эффективность в схожих условиях — гражданской войны и тяжелейшего экономического кризиса.

Подтверждает последнее предположение то, что инициатором создания ГКО выступил Молотов, при существовании «тройки» занимавший пост секретаря ЦК и знавший достаточно хорошо, да еще и изнутри, ее работу. Именно Вячеслав Михайлович днем 30 июня пригасил к себе в кремлевский кабинет Маленкова и Берия и предложил им образовать ГКО, который объединил бы функции и Политбюро, и СНК СССР, и Президиума Верховного совета СССР — высших законодательного и исполнительного органов власти. Затем все они изложили замысел Сталину, находившемуся в Волынском, на «ближней даче», и встретили с его стороны полное понимание и согласие. Ведь создание ГКО не являлось чем-то вроде государственного переворота — все существовавшие властные органы сохранялись и должны были продолжать свою работу. ГКО предстояло сделать лишь то, что вскоре выразил лозунг «Все доля фронта, все для победы!».

В таком решении не было ни властолюбия, ни тщеславия. Скорее наоборот. Сталин и Молотов, Маленков и Берия брали на себя огромную ответственность за страну, за народ и их судьбу в самый трудный, непредсказуемый момент. Именно тогда, когда Красная Армия, хотя и с боями, но все же отступала. Уже оставила врагу Прибалтику, западные районы Белоруссии и Украины, Молдавию. Когда эшелоны, которые должны были эвакуировать на Восток промышленные предприятия, еще только грузились. Когда все висело на волоске…

На встрече четырех прежде всего достигли договоренность о разделе полномочий, письменно не закрепленной. Согласовали: чисто военные вопросы входят в полномочия Сталина. Ну, а Молотов, Маленков, Берия берут на себя, в дополнение к уже имевшимся у них обязанностям, еще и новые. Проведение мобилизации, формирование новых частей и доставку их на фронт, обеспечение армии и флота вооружением и боеприпасами, обмундированием и продовольствием.

Такое «джентльменское соглашение» определило главную особенность ГКО. Его члены ни разу не собирались на протокольные заседания. Свои решения они оформляли и от имени ГКО, и ПБ, ЦК ВКП (б), и СНК, и Верховного совета СССР.

Сущность работы ГКО выразило подготовленное им 1 июля постановление СНК СССР «О расширении прав народных комиссаров в условиях военного времени». Согласно ему, руководители ведомств получили невиданную прежде самостоятельность, возможность самим решать вопросы, прежде находившиеся в компе-

тенции только СНК или БСНК. Распоряжаться материальными ресурсами подчиненных им наркоматов — распределять их «между отдельными предприятиями и стройками». Начальникам последних предоставлялась возможность «выдавать из своих ресурсов другим предприятиям необходимые материалы». Распоряжаться отчасти и финансовыми ресурсами — «перераспределять капиталовложения по сверхлимитным строительствам», «резервировать… до 5% от утвержденного фонда зарплаты», «разрешать списание сумм с расчетных счетов подведомственных хозорганов и предприятий», «производить затраты по восстановлению разрушенных военными действиями предприятий и жилищ», «производить списание числящихся на балансе убытков». Наконец, у наркомов появилось и право «допускать частичные отступления от утвержденных проектов и смет», «разрешать пуск в эксплуатацию строящихся предприятий и отдельных частей»[1].

18 июля действие этого важного постановления, ломавшего прежнюю жесткую систему управления экономикой, распространили на наркоматы РСФСР и УССР.

Только затем ГКО наглядно продемонстрировал истинные размеры своей власти. Назначило членов и кандидатов в члены ПБ (это стало беспрецедентной мерой, подчеркнувшей отныне их подчиненное положение) всего лишь уполномоченными ГКО. По воинским перевозкам — сначала Кагановича, а затем Андреева. По формированию новых частей — Ворошилова, формально члена ГКО. По вооружению и боеприпасам — Вознесенского. По снабжению — Микояна. И новым председателем Совета по эвакуации — Шверника.

Серьезность таких назначений усилили еще тремя актами. 3 июля ликвидировали незадолго до того созданные при БСНК комитеты по снабжению армии (председатель Микоян), по вооружению и боеприпасам (председатель Булганин). 4 июля поручили Вознесенскому, Сабурову, Первухину с привлечением наркомов авиационной промышленности А. И. Шахурина, вооружения — Д. Ф. Устинова, боеприпасов — П. Н. Горемыкина разработать «военно-хозяйственный план обеспечения обороны страны, имея в виду использование ресурсов и предприятий, существующих на Волге, в Западной Сибири и на Урале, а также ресурсов и предприятий, вывозимых в указанные районы в порядке эвакуации»[2].

Данное поручение весьма примечательно. Оно, во-первых, отделило глубокий тыл, где требовалось срочно создать новую промышленную базу взамен той, что оказалась в зоне боевых действий или была оккупирована врагом. А во-вторых, выявило до той поры скрытый антагонизм между Молотовым, Маленковым и Берия, с одной стороны, и Вознесенским — с другой. Антагонизм, порожденный слишком уж стремительной карьерой последнего. Действительно, еще в 1935–1937 годах он являлся всего лишь заместителем председателя исполкома Ленинградского горсовета. Затем следует внезапный перевод в Москву — на должность заместителя председателя Госплана СССР В. И. Межлаука. Всего через два месяца, сразу после ареста Межлаука, Вознесенский занимает его должность, а три года спустя его, не успевшего достаточно проявить себя, утверждают первым заместителем председателя Совнаркома СССР.

Столь быстрое выдвижение не могло не породить домыслы в высших кругах. Предположения, что Сталин наконец-то нашел себе преемника в лице Вознесенского. И, видимо, потому его не ввели в состав ГКО, но и поспешили отстранить от участия в решении главнейших вопросов. Дали действительно важное поручение, но все же непостоянное, ограниченное территориально глубоким тылом. Более того, довольно скоро, 20 августа последовало еще одно постановление ГКО, подписанное, как и все такого рода документы, Сталиным:

«1. В отмену старых постановлений Государственного комитета обороны назначить т. Вознесенского уполномоченным Государственного комитета обороны по вопросам выполнения планов производства боеприпасов всех видов.
2. Освободить т. Вознесенского от всех текущих дел по Совнаркому СССР.
3. Возложить ведение текущих дел по Совнаркому СССР на т. Микояна (созыв), Малышева и Первухина»[3].

Данное постановление свидетельствовало об очень многих переменах на вершине власти. Им урезалось более, чем вдвое поручение, данное Вознесенскому ранее. Одновременно его отстраняли от работы в СНК, хотя и сохраняли должность первого заместителя главы правительства. Наконец, ставили чуть ли не на один уровень со многими, назначенными уполномоченными ГКО: Г. И. Ивановским — по Горьковской области, Л. Ф. Цанавой — по оборонному

строительству, Н. П. Листковым — по кадрам наркомата обороны.

Отрешение Вознесенского отнюдь не означало, что ГКО ослабил контроль за важнейшими отраслями промышленности. Спустя неделю последовало еще одно постановление: «Назначить заместителя председателя СНК СССР и члена Государственного комитета обороны тов. Берия Л. П. уполномоченным Государственного комитета обороны по вопросам выполнения и перевыполнения планов производства всех видов вооружения»[4]. Но, так как подобное поручение было явно не по силам одному человеку, два дня спустя, 1 сентября, к Берия направили заместителей — замов председателя Госплана П. И. Кирпиченкова и В. В. Кузнецова, «освободив их от другой работы, кроме работы, связанной с вопросами производства вооружения»[5].

Однако сразу осознав ошибочность и такого решения, уже 2 сентября члены ГКО приступили к разделу между собой курирования всей оборонной промышленности. В тот же день Сталин подписал мандат, подтверждающий, что Маленков «является уполномоченным Государственного комитета обороны по вопросам производства танков всех видов. На т. Маленкова возлагается обязанность в кратчайший срок обеспечить выполнение и перевыполнение программы по производству танков всех видов. Все партийные, советские и хозяйственные организации должны оказывать т. Маленкову Г. М. необходимую помощь и содействие в выполнении возложенного на него поручения»[6].

Получив такое задание, Маленков, прежде всего, предпринял чисто административные меры. 11 сентября решением СНК на базе отдельных заводов наркоматов среднего машиностроения, станкостроения и тяжелого машиностроения образовали Наркомат танковой промышленности с наркомом В. А. Малышевым. Положительные, да еще и весьма быстрые результаты такой реорганизации заставили ГКО повторить ее в другой области. 26 ноября из наркомата авиационной промышленности выделили производство минометов, создав Наркомат минометного вооружения, возглавленный П. Н. Паршиным.

Правда, истинная причина последнего решения была объяснена несколько позже, постановлением ГКО от 14 декабря. «Ввиду того», — указывалось в нем, — «что Наркомат авиационной промышленности стал работать последнее время из рук вон плохо, провалил все планы производства и выдачи самолетов и минометов, и подвел таким образом страну и Красную армию, Государственный комитет обороны постановил:

1. Поставить Наркомат авиапромышленности под контроль членов Государственного комитета обороны тт. Берия и Маленкова, обязав этих товарищей принять все необходимые срочные меры для развертывания производства самолетов…
2. Обязать наркома авиационной промышленности и его заместителей беспрекословно выполнять все указания тт. Берия и Маленкова…»[7].

Оба этих постановления ГКО неизбежно приводили к установлению курирования теперь уже пяти оборонных наркоматов Молотовым, Маленковым, Берия. И этими наркоматами время от времени предполагали обмениваться. Несколько ранее, 25 октября, в те дни, когда фронт вплотную приблизился к столице, последовало столь же значимое решение, только на этот раз — от имени СНК СССР и ЦК ВКП(б). Решение, поставившее Вознесенского в прямое подчинение членам ГКО:

«Поручить заместителю председателя Совнаркома СССР т. Вознесенскому Н. А. представлять в г. Куйбышеве Совет народных комиссаров СССР, руководить работой эвакуированных на Восток наркоматов и прежде всего наркоматов: авиапромышленности, танковой промышленности, вооружения, черной металлургии, боеприпасов, и добиться того, чтобы в кратчайший срок были пущены заводы, эвакуированные на Волгу, Урал, Сибирь, и чтобы Наркоматы авиационной промышленности, танковой промышленности, вооружения, черной металлургии заработали в ближайшие недели полным ходом.

Тов. Вознесенский Н. А. обязывается через каждые 5–6 дней представлять в Москву сводки о выполнении изложенной выше задачи»[8].

Видимо, это постановление нанесло Вознесенскому смертельную обиду, оскорбило его до глубины души. Ему пришлось выехать в Куйбышев, ставший на время второй столицей, где находились посольства, ряд наркоматов, их главков, а также комитетов — полностью или частично и начать выполнять поручение. Но всего два месяца спустя он оказался в Москве (скорее всего, благодаря поддержке Сталина, иным объяснить происшедшее просто невозможно), да еще и возвратил прежнюю высокую должность.

2 января 1942 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР постановили:

«1. Утвердить следующий состав комиссии Бюро Совнаркома по текущим делам: тт. Вознесенский (председатель), Молотов, Микоян, Андреев, Первухин, Косыгин.
2. Комиссия решает все текущие вопросы работы Совнаркома СССР и в необходимых случаях вносит свои предложения на утверждение председателя Совнаркома СССР»[9].

Тем самым Вознесенский возвращал утраченные было властные полномочия. Ведь в совместном постановлении не оговаривалось ни то, что из-под контроля комиссии исключается работа оборонных наркоматов, ни ее взаимоотношения, либо подчиненность ГКО. Зато четко указывалось на возможность прямого выхода на Сталина. Более того, сумел Вознесенский добиться и большего. 3 февраля по личному предложению Сталина его вместе с Микояном ввели в состав ГКО[10].

Происшедшее, судя по всему, заставило Молотова, Маленкова и Берия предпринять ответные действия. 4 февраля было официально зафиксировано «Распределение обязанностей между членами ГКО». Согласно ему, «контроль за исполнением решений» по производству танков получил Молотов; самолетов и моторов, а также за формированием авиаполков и своевременной их переброской на фронт — Маленков и Берия совместно; по Штабу минометных частей — Маленков; по производству вооружения и боеприпасов — Берия; по производству боеприпасов и по черной металлургии — Вознесенский; по вещевому, продовольственному и денежному довольствию Красной армии, а также по обеспечению ее горючим, артиллерией и их транспортировки — Микоян.

Кроме того, постановление особо оговорило: «Каждый член ГКО должен иметь заместителей по контролю выполнения наркомами решений ГКО по порученной ему отрасли работы»[11].

Последний пункт начал выполняться незамедлительно. Уже 6 февраля заместителем к Молотову назначили заместителя наркома танковой промышленности П. Н. Зернова; к Вознесенскому — замнаркома боеприпасов В. А. Махнева, зампредов Госплана СССР Н. А. Борисова и В. В. Кузнецова; к Микояну — начальника главного артиллерийского управления НКО Н. Д. Яковлева и наркома пищевой промышленности В. П. Зотова.

Однако в середине февраля «Распределение» начали пересматривать. 12 февраля контроль за производством вооружения и боеприпасов передали Берии, взамен Вознесенский получил контроль за производством цветных металлов и химикатов, добычей нефти и угля. А 16 февраля такое решение уравновесили возложением на Маленкова единолично контроля за производством самолетов и моторов, формированием авиаполков и переброской их на фронт[12].

В один ряд с «Распределением обязанностей» следует поставить и образование транспортного комитета при ГКО. В круг его обязанностей включили «планирование перевозок на железнодорожном, морском, и речном транспорте; увязку всех видов транспорта по перевозкам; выработку мероприятий по улучшению материальной базы и по обеспечению указанных видов транспорта новыми транспортными средствами (подвижной состав, путь, связь, погрузочно-разгрузочные средства) и ремонтом. Председателем комитета утвердили Сталина, получившего благодаря тому первую гражданскую обязанность по ГКО. Членами же — А. Андреева (заместитель) — первого заместителя наркома путей сообщения; Л. М. Кагановича — заместителя председателя СНК СССР (а 20 февраля его еще и ввели в состав ГКО); А. И. Микояна; П. П. Ширшова — наркома морского флота; З. А. Шашкова — наркома речного флота; А. В. Хрулева — начальника тыла Красной армии и наркома путей сообщения; И. В. Ковалева — начальника Управления военных сообщений[13].

И все же на том как кадровые перемены в высших органах власти, так и их реорганизация не завершились. 16 августа Молотова утвердили первым заместителем председателя СНК СССР «по вопросам работы СНК», а пять дней спустя назначили — в отмену постановления от 2 января — председателем комиссии БСНК по текущим вопросам вместо Вознесенского, которого сделали просто членом комиссии[14].

Продолжило реорганизацию постановление ГКО от 8 декабря «Об утверждении Оперативного бюро Государственного комитета обороны» (ОБ), в состав которого были введены только четверо из членов ГКО — Молотов, Берия, Маленков, Микоян.

К ведению ОБ отнесли «контроль и наблюдение за текущей работой» Наркоматов оборонной промышленности, путей сообщения, черной, цветной металлургии, электростанций, угольной, химической промышленности, «а также за

делом составления и исполнения планов производства и снабжения указанных отраслей промышленности и транспорта».

Вместе с тем, постановление провело и очередное перераспределение обязанностей членов ГКО дополнительно к возложенным на них прежде обязанностям. Берия получил наркоматы угольной промышленности и путей сообщения, Маленков — черной металлургии, Микоян — цветной металлургии, «контроль и наблюдение за распределением топлива, металла и электроэнергии». Последний пункт постановления освобождал Вознесенского «от обязанностей по контролю и наблюдению за работой наркоматов угольной промышленности, черной металлургии и цветной металлургии».

Тем же постановлением упразднялась комиссия БСНК по текущим вопросам и восстанавливалось довоенное БСНК. В него были введены Молотов, Микоян, Андреев, Вознесенский и председатель ВЦСПС Н. М. Шверник. Теперь БСНК, в отличие от функций ОБ, «рассматривало и утверждало от имени Совнаркома СССР народнохозяйственные планы (планы производства и снабжения), государственный бюджет и кредитование всех отраслей народного хозяйства, решало практически вопросы работы всех машиностроительных наркоматов, наркоматов по строительству и производству строительных материалов, наркоматов пищевой и легкой промышленности, наркоматов сельского хозяйства, сельскохозяйственных заготовок и торговли, морского и речного транспорта, резиновой промышленности, лесной промышленности, целлюлозно-бумажной промышленности, здравоохранения, юстиции и всех комитетов и управлений при СНК СССР, ведающих отдельными отраслями культурного строительства и административного управления».

В расширенном варианте документа — решении ПБ — содержалось еще два, более важных отличия от варианта, появившегося как постановление ГКО. Давалась мотивировка перераспределения обязанностей: «ввиду напряженного положения с углем, металлом и перевозками на железных дорогах». И указывалось: «назначить т. Вознесенского председателем Госплана СССР»[15]. Последнее возвращало его на ту должность, которую он занимал до войны.

Так процесс, начавшийся вроде бы с малозначащего распределения обязанностей между членами ГКО, логически привел к реформированию высшего исполнительного органа власти. К административному делению правительства СССР на две неравные по положению и значимости части. Одну, включавшую только наркоматы, которые и обеспечивали ведение войны, получившую название — Бюро Совнаркома. И другую, объединившую все остальные ведомства, сохранившую общее название — Совнарком. Но о том мало кто знал.

Само по себе появление двух не тождественных вариантов одного и того же постановления — от имени ПБ и ГКО свидетельствовало о многом. О том, что Сталин все еще считал свою миссию по руководству прежде всего вооруженными силами не выполненной. По-прежнему соглашался возлагать ответственность за решение вопросов оборонной промышленности на тех, кто вместе с ним и образовывал ГКО. Кому полностью доверял. Соглашаться до тех пор, пока не наступил решительный перелом на фронтах. И все же лишь военными вопросами, даже в самые опасные для страны дни, Сталин не ограничивался.

Первые полтора года войны Сталин старался держаться в тени. Не стремился без особой нужды появляться перед широкой аудиторией, часто произносить речи. Но, несмотря на это, оставался признанным народом вождем. Нации, страны. А его должности лишь дополняли, оттеняли такое положение: Генеральный секретарь ЦК партии с 3 апреля 1922 года, председатель Совета народных комиссаров с 6 мая 1941 года, председатель Государственного комитета обороны с 30 июня 1941 года, нарком обороны с 19 июля 1941 года, главнокомандующий вооруженными силами СССР с 8 августа 1941 года. Словом, все те, которые и следовало иметь, чтобы руководить отпором врагу.

Выходил из тени Сталин редко. Очень редко. Лишь тогда, когда считал это действительно необходимым, крайне важным.

3 июля — выступил по радио.

6 ноября — выступил на торжественном заседании по случаю XXIV годовщины Октябрьской революции, прошедшем в Москве, на станции метро «Маяковская».

7 ноября обратился с речью к участникам военного парада на Красной площади.

Затем, уже в 1942, 1943 и 1944 годах, выступал с докладами на торжественных собраниях, посвященных очередным годовщинам революции, в Большом зале Кремлевского дворца.

Но ежедневно в своем рабочем кабинете, задерживаясь до глубокой ночи, работал с под-

чиненными. С военачальниками, чего требовала постоянно менявшаяся обстановка на фронтах. С членами узкого руководства — Молотовым, Берия, Маленковым, Микояном. С теми, кому давал конкретные задания, исполнение которых не терпело отлагательств, с наркомами и их заместителями, секретарями ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов.

Во время таких рабочих встреч и вершилась внутренняя политика. А внешняя — в ходе подчас долгих, сложных переговоров с главами союзных стран — с премьер-министром Великобритании Уинстоном Черчиллем, президентом США Франклином Рузвельтом. С их личными посланниками У. Бивербруком и А. Гарриманом, министром иностранных дел Великобритании А. Иденом, послами С. Криппсом, А. Керром, Л. Штейнгардтом, В. Стендли. С главами союзных правительств в эмиграции — польского, В. Сикорским и С. Миколайчиком, чехословацкого, Э. Бенешем; главой Временного правительства Франции Ш. де Голлем. Со многими, очень многими иными.

Такие переговоры Сталин вел вместе с Молотовым, либо один, воспользовавшись его советами и консультациями. Ведь на них вырабатывались основы послевоенного устройства мира, будущее международных отношений.

Но существовала и еще одна проблема, которой в годы войны Сталину приходилось заниматься вплотную как Генеральному секретарю ЦК. Проблема партии. Активно действующей, вносившей собственный, огромный вклад в дело разгрома захватчиков. Но после образования ГКО оказавшейся вроде бы на втором плане. Не проявлявшей себя не только съездами и конференциями, что явно было невозможно при существовавших условиях, но даже пленумами.

Еще 2 октября 1941 года ПБ решило созвать 10 октября пленум для обсуждения всего двух вопросов: «1. Военное положение страны. 2. Партийная и государственная работа для обороны страны». Однако неделю спустя последовало новое решение: «Ввиду создавшегося недавно тревожного положения на фронтах и нецелесообразности отвлечения с фронтов руководящих товарищей, Политбюро ЦК постановляет отложить пленум ЦК на месяц»[16]. Как оказалось, «месяц» растянулся на более чем два года. На весьма продолжительный срок, вобравший важные события в жизни партии.

Среди таковых прежде всего следует отметить отмену института военных комиссаров, проведенную в армии и на флоте на основании постановлений ПБ от 9 и 12 октября 1942 года. Вслед за тем, но уже в начале 1943 года, последовало продолжение урезания организационных основ ВКП(б). Сначала начальников политотделов железных дорог и пароходств перевели на должности заместителей начальников по политической части, а в мае упразднили вообще политотделы в Наркомате рыбной промышленности, в машинотракторных станциях (МТС), на железнодорожном, морском и речном транспорте.

6 августа 1943 года последовало новое постановление, изменившее структуру крайкомов и обкомов, других территориальных органов партии. Оно потребовало:

«В целях усиления ответственности секретарей горкомов, обкомов и крайкомов, ЦК компартий союзных республик за состоянием дел в городе, области, крае, республике, а также для организационного упорядочения работы горкомов, обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик в области руководства предприятиями промышленности и транспорта, колхозами, МТС, сельским хозяйством, ЦК ВКП (б) постановляет:

«1. Иметь в обкомах, крайкомах, ЦК компартий союзных республик от трех до пяти секретарей, но не более. 2. Вместо существующих должностей отраслевых секретарей горкомов, обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик установить должности заместителей секретарей горкома, обкома, крайкома, ЦК компартии союзной республики по соответствующим отраслям промышленности, транспорта, сельского хозяйства. 3. Установить, что заместитель секретаря является одновременно заведующим соответствующего отраслевого отдела…»[17].

Обозначившаяся тенденция ярко проявилась в подготовленном накануне состоявшегося единственный раз за всю войну — 27 января 1944 года — пленума ЦК ВКП(б) проекте его постановления «Об улучшении государственных органов на местах». В документе с невинным названием, но содержавшим то, что вполне могло взорвать не только существовавшую структуру власти в стране, но и всю политическую систему, существовавшую более четверти века.

Проект был столь беспрецедентным, столь важным и многообещающим по своим последствиям, что, несмотря на свой значительный объем, заслуживает быть приведенным полностью.

«1. За время Отечественной войны против немецких захватчиков партийные и государственные органы на местах провели большую работу по организации тыла и мобилизации сил народа на отпор врагу. На полный ход пущены перебазированные на Восток заводы. Колхозы и совхозы снабжают без серьезных перебоев армию и страну продовольствием. Транспорт обеспечивает перевозки военных и народохозяйственных грузов.

Осуществляя директивы партии и правительства по организации и укреплению тыла для нашего фронта, местные партийные и государственные органы добились серьезных улучшений в руководстве хозяйственным строительством и в основном успешно справились с задачей перевода хозяйства на военный лад с целью обеспечения Красной армии всем необходимым для разгрома врага.

Вместе с тем нельзя не видеть и того, что в сложившейся практике руководства местных партийных и государственных органов хозяйственным и культурным строительством как во время войны, так и в довоенный период, имелись и имеются крупные недостатки.

Наши местные партийные органы в значительной степени взяли на себя оперативную работу по управлению хозяйственными учреждениями, что неизбежно приводит к смешению функций партийных и государственных органов, к подмене и обезличиванию государственных органов, к подрыву их ответственности и к усилению бюрократизма в госаппарате. В результате смешения функций партийных и государственных органов беспартийные часто не знают, куда им следует обращаться за разрешением своих вопросов, так как руководящие работники исполкомов советских органов вместо самостоятельного решения вопросов оглядываются на обкомы, органы партии, ожидая по каждому случаю специальных указаний. Такое неправильное положение во взаимоотношениях партийных и советских органах порождает также некоторую безответственность местных партийных руководителей, поскольку они считают себя ответственными только перед коммунистами и партийными организациями, но не перед беспартийными массами.

В организационном отношении указанные недостатки в работе местных партийных и советских органах привели к неправильному распределению руководящих работников между ними. В партийных органах сосредоточены наиболее авторитетные и опытные руководящие работники за счет ослабления руководящих кадров в советских органах, что неизбежно усиливает указанные выше недостатки работы государственных органов. Такая неправильная расстановка руководящих сил привела к тому, что в настоящее время без устранения этого серьезного организационного недостатка нельзя поднять работу советских органов на уровень современных задач советского государства.

2. В целях ликвидации указанных выше недостатков в работе партийных и государственных органов, пленум ЦК ВКП(б) считает необходимым:

а) покончить с установившейся практикой дублирования и параллелизма в руководстве хозяйственным и культурным строительством со стороны местных партийных и государственных органов, с неправильной практикой подмены и обезличивания государственных органов и полностью сосредоточить оперативное управление хозяйственным и культурным строительством в одном месте — государственных органах. Такое сосредоточение оперативного руководства и сил в одном месте целиком себя оправдало в деле руководства предприятиями промышленности и транспорта, где вся полнота власти принадлежит руководителю предприятия, а также в военном деле, где на командиров возложена полная ответственность за работу в войсках;

б) укрепить государственные органы наиболее авторитетными и опытными кадрами, способными обеспечить дальнейший подъем работы государственных органов и сосредоточить в совнаркомах республик и исполкомах Советов дело руководства хозяйственным и культурным строительством;

в) повернуть внимание партийных органов к всемерному укреплению государственных органов, поднятию их роли и авторитетности, освободив партийные органы от несвойственных им административно-хозяйственных функций и установить правильное разделение труда и разграничение обязанностей между партийными и государственными органами;

г) обязать руководящие партийные органы на местах, проводя перестройку взаимоотношений с советскими органами, осуществ-

лять политические руководство работой государственных органов и политический контроль за правильностью проведения ими директив партии и правительства; обеспечить правильный подбор и выдвижение кадров в государственном аппарате, неуклонно заботясь об их идейно-политическом росте; развернуть политико-просветительную работу в массах трудящихся, еще более сплачивая массы вокруг Советов для поддержки проводимых ими мероприятий.

3. В качестве организационных мер, обеспечивающих перестройку и укрепление местных руководящих государственных органов, пленум ЦК ВКП(б) считает необходимым:

1) признать целесообразным, чтобы первый секретарь ЦК коммунистической партии союзной республики, крайкома, обкома, окружкома, горкома, райкома партии был одновременно и председателем совнаркома союзной (автономной) республики, исполкома краевого, областного, окружного, городского, районного Совета депутатов трудящихся;
2) укрепить руководящие кадры и аппарат совнаркома союзных и автономных республик, исполкомов краевых, областных, окружных, городских и районных Советов, переведя для этой цели в советские органы из партийных органов руководящих работников, занятых в настоящее время вопросами хозяйственной работы;
3) упразднить в горкомах, окружкомах, обкомах, крайкомах, ЦК компартий союзных республик должности заместителей секретарей по отдельным отраслям промышленности, торговли, транспорта и сельского хозяйства, а также соответствующие отделы партийных органов;
4) поручить Политбюро ЦК определить порядок и сроки практического осуществления указаний, изложенных в пунктах 1, 2, 3 настоящего постановления».

Данный документ был подготовлен Маленковым и сразу же поддержан Молотовым и Хрущевым. 24 января его передали Сталину, который собственноручно начертал резолюцию: «За (с поправками в тексте). И. Сталин». Поправку же внес не смысловую, принципиальную, а чисто стилистическую и предложил свой вариант названия проекта — «Об объединении руководства партийных и государственных органов на местах», по смыслу содержания третьего раздела[18].

Легко заметить, насколько близкими по духу и замыслу оказался данный проект и «сосредоточение всей власти в государстве в руках» ГКО, начиная с 30 июня 1941 года. Да и все иные постановления, принятые на протяжении двух с половиной лет, также неуклонно вели к тому же. Причина того была предельно проста. И Сталин, и Молотов, и Маленков отлично осознавали: партия, созданная в условиях подполья для достижения единственной цели — завоевание и удержание власти, исчерпала свое предназначение. А необходимость ее коренного реформирования, определение принципиально новой роли и нового места в жизни страны стала ясной еще в годы первых пятилеток. Во время войны такая необходимость стала неизбежной. Однако проект, на котором поставил подпись еще и член ПБ Андреев, встретил решительные возражения членов узкого руководства. На заседании ПБ, состоявшемся накануне открытия пленума, 26 января, большинством голосов он был отвергнут. Отклонен, несмотря на поддержку Сталина.

Но инициаторы кардинальной реформы все же добились частичного осуществления своего предложения. 29 января ПБ приняло решение, обоснованное необходимостью «дальнейшего усиления работы Советов». Предложило, что и было сделано несколькими днями позже, назначить Н. С. Хрущева председателем СНК Украины, а П. К. Пономаренко — СНК Белоруссии, оставив их первыми секретарями ЦК компартий их республик.

В таком виде система государственной власти в СССР просуществовала до конца войны. И если ее оценивать Победой, то полностью себя оправдала.

---

1 Постановления Совета Народных Комиссаров СССР за июль 1941 года. Без места и года издания. С. 8.

2 Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). ф. 644 (ГКО), оп. 1, д. 1, л. 82.

3 Там же, д. 7, л. 82.

4 Там же, д. 8, л. 62.

5 Там же, л. 78.

6 Там же, л. 103.

7 Там же, д. 16, л. 96.
8 Постановления… за октябрь 1941 года, с. 48.
9 Постановления … за январь 1942 года, с. 8.
10 РГАСПИ. ф. 17 (ЦК РКП(б) — ВКП(б), оп. 3, д. 1043, л. 31.
11 Там же ф. 644, оп. 1, д. 20, лл. 218–219.
12 Там же, д. 21, лл. 39, 94
13 Там же, л. 49.
14 Там же, ф. 17, оп. 3, д. 1044, лл. 17, 37.
15 Там же, д. 1046, л. 20; ф. 17, оп. 3, д. 1046, лл. 20–21.
16 Там же, ф. 17, оп. 3, д. 1042, лл. 38, 47.
17 Там же, д. 1048, л. 37.
18 Российский гоосударственный архив новейшей истории, ф. 2, оп. 1, д. 3, лл. 26–32.

Путь к победе

В. В. Суходеев*

Последний предвоенный день — суббота 21 июня 1941 года — у Председателя Совета Народных Комиссаров СССР, Генерального секретаря Центрального Комитета ВКП(б) И. В. Сталина был наполнен напряженной работой. И это когда он был болен: его мучила тяжелая флегмонозная ангина с температурой под 40 градусов. Лечивший И. В. Сталина академик медицины Б. С. Преображенский предписал постельный режим, советовал отойти на время от активных дел. Сталин отверг предписание, заявив, что сейчас очень трудное время и он должен работать. О своем заболевании просил не сообщать членам Политбюро ЦК.

В субботу 21 июня И. В. Сталин вызвал в Кремль наркома обороны маршала Советского Союза С. К. Тимошенко и начальника Генерального штаба РККА генерала армии Г. К. Жукова с докладом о положении на западной границе страны. В 22 часа 20 минут правленная Сталиным и подписанная Тимошенко и Жуковым Директива № 1 Наркомата Обороны о приведении войск в боевую готовность была направлена в Ленинградский, Особые Прибалтийский, Западный и Киевский, Одесский военные округа с сообщением наркомвоенмору. В ней сообщалось, что «в течение 22–23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев» и приказывалось «быть в полной боевой готовности встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников».

Днем Сталин звонил командующему Московским военным округом генералу И. В. Тюленеву и распорядился, учитывая неспокойное положение на границе, привести в полную боеготовность войска противовоздушной обороны Москвы. Секретарю ЦК ВКП(б), первому секретарю Московского обкома и горкома партии А. С. Щербакову приказал запретить секретарям райкомов партии, а председателю Исполкома Моссовета В. П. Пронину — председателям райисполкомов выезжать на воскресенье из столицы, кратко предупредив: «Возможно нападение немцев». Днем Политбюро ЦК приняло постановление о создании группы резервных армий, передислоцированных в мае–июне в западные районы из внутренних регионов в порядке подготовки к отражению фашистской агрессии. Политбюро ЦК также заслушало сообщение Наркомата Обороны о состоянии противовоздушной обороны и принятии дополнительных мер по выпуску военной продукции.

В течение всего дня И. В. Сталин принимал В. М. Молотова, К. Е. Ворошилова, Л. П. Берия, Н. А. Вознесенского, Г. М. Маленкова, Н. Г. Кузнецова, С. М. Буденного и других высших советских руководителей. Разговор шел о подготовке страны к отпору возможной гитлеровской агрессии и о первоочередных мерах военного преобразования советского общества.

После 23 часов, когда последние приглашенные покинули кремлевский кабинет, И. В. Сталин позвонил в Киев командующему войсками КОВО генерал-полковнику М. П. Кирпоносу, Первому секретарю ЦК КП(б)Украины Н. С. Хрущеву и предупредил: «Надо быть начеку, немцы могут начать операцию на следующий день — 22 июня».

* **Владимир Васильевич Суходеев** — участник войны, научный сотрудник, Института социально-политических исследований РАН, Лауреат Государственной премии СССР.

В ночь с 21 на воскресенье 22 июня 1941 года И. В. Сталину спать практически так и не удалось. По свидетельству В. М. Молотова, И. В. Сталин до 3 часов ночи был в Кремле. И даже А. И. Микоян подтверждает, что некоторые члены Политбюро ЦК до 3 часов ночи были у И. В. Сталина, а только разъехались, как их вызвали на экстренное заседание: И. В. Сталин получил сообщение о начале немецко-фашистского вторжения.

Как и прежде в трудные времена, испытывая естественные переживания, И. В. Сталин был преисполнен твердости и решительности на незамедлительные ответные действия фашистскому агрессору. В 4 часа 30 минут утра он созвал в Кремле экстренное заседание Политбюро с участием наркома обороны маршала С. К. Тимошенко и начальника Генерального штаба генерала армии Г. К. Жукова. Политбюро ЦК рассмотрело военное положение Советского Союза и определило первоочередные меры, которые должны принять Центральный Комитет партии и Советское правительство, чтобы перестроить всю страну на военный лад.

С первых минут войны Сталин добивался сведений о положении на западной границе. В 7 часов утра он позвонил в Минск Первому секретарю ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко и, заслушав сообщение, указал: «Ваша задача заключается в том, чтобы решительно и в кратчайшие сроки перестроить всю работу на военный лад. Необходимо, чтобы парторганизация и весь народ Белоруссии осознали, что над нашей страной нависла смертельная опасность, и необходимо все силы трудящихся, все материальные ресурсы мобилизовать для беспощадной борьбы с врагом. Необходимо, не жалея сил, задерживать противника на каждом рубеже, чтобы дать возможность Советскому государству развернуть свои силы для разгрома врага. Требуйте, чтобы все действовали смело, решительно и инициативно, не ожидая на все указания свыше. Вы лично перенесите свою работу в Военный совет фронта. Оттуда руководите и направляйте работу по линии ЦК и правительства Белоруссии. В середине дня я еще раз позвоню вам, подготовьте к этому времени более подробную информацию о положении на фронте». Во второй раз, позвонив около 12 часов, Сталин спросил Пономаренко о военной обстановке, положении дел у командующего Западным фронтом Павлова и сообщил, что на фронт выезжает маршал Шапошников, посоветовав «прислушиваться к его советам». Около 13 часов Сталин позвонил Жукову и приказал ему вылететь для оказания помощи командованию Юго-Западного фронта.

В первый день начавшейся войны И. В. Сталин вместе с членами советского руководства и военачальниками, определяя задачи, которые встали перед Вооруженными Силами СССР, разрабатывал Директивы Наркомата обороны № 2 — всеми силами и средствами уничтожать врага в районах нарушения советской границы и Директивы наркомата обороны № 3 — о боевых задачах фронтов, образованных по решению Советского правительства на основе существовавших военных и особых военных округов. Директивы были переданы войскам, отражавшим по всему советско-германскому фронту мощный удар немецко-фашистской военной машины. На все пять фронтов были назначены командующие войсками. Перед командующими Северным, Краснознамённым Балтийским и Черноморским флотами ставилась задача содействовать сухопутным войскам в обороне и наступлении.

22 июня Президиум Верховного Совета СССР издал Указ о мобилизации военнообязанных 1905–1918 годов рождения на территории всех военных округов, кроме Среднеазиатского, Забайкальского и Дальневосточного. По согласованию с И. В. Сталиным Президиум Верховного Совета СССР принял Указы «О военном положении» и «Об утверждении положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий».

Политбюро ЦК решило, что с Заявлением Советского правительства о вторжении в СССР войск фашистской Германии и призывом к народам Советского Союза дать решительный отпор немецко-фашистскому агрессору выступит В. М. Молотов — заместитель Председателя Совета народных комиссаров СССР и народный комиссар иностранных дел СССР. Как вспоминал Молотов, Заявление Советского правительства он писал вместе со Сталиным, в редактировании участвовали члены Политбюро ЦК.

В. М. Молотов выступил по Всесоюзному радио в 12 часов дня. Он сказал:

«Граждане и гражданки Советского Союза!

Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление:

Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбёжке со своих самоле-

тов наши города… Налёты вражеских самолётов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории.

Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством… Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей»[1].

Заявление заканчивалось призывом, сформулированным И. В. Сталиным: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Выступление В. М. Молотова слушала вся Советская страна. Ободряюще Сталин сказал Молотову: «Ну и волновался ты, но выступил хорошо». Прямое и призывное Заявление правительства придало советским людям силу и твердую уверенность в разгроме фашистского агрессора. Рабочие и колхозники, ученые и деятели искусств клеймили агрессора и заявляли о готовности встать на защиту своего социалистического Отечества, с оружием в руках громить ненавистного врага. Военкоматы с требованием направить на фронт осаждали участники Гражданской войны и недавние десятиклассники, даже молодежь непризывного возраста. Страна вставала на смертный бой «с проклятою ордой». Теперь же недалекие политики уверяют, что людей под дулами автоматов гнали на фронт.

Наряду с неотложными внутриполитическими и военными задачами, И. В. Сталин в первый же день начавшейся войны решал и важные международные дела. Он беседовал свыше двух часов с видными деятелями международного коммунистического движения Г. М. Димитровым и Д. З. Мануильским, рассматривал задачи Коминтерна и его секций в условиях развязанной фашистской Германией войны против Советского Союза, высказал новые тактические установки братским коммунистическим и рабочим партиям по борьбе за сплочение всех миролюбивых, антифашистских сил. И. В. Сталин выразил удовлетворение в связи с заявлением премьер-министра Великобритании У. Черчилля по радио 22 июня 1941 года о том, что «…опасность, угрожающая России, — это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам, точно так же как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом, — это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара»[2].

Умные политики буржуазного мира начали осознавать, что противостоять фашистской Германии они реально могут только в объединении с Советским Союзом. В связи с гитлеровской агрессией в умах и сердцах честных людей мира открывалось понимание исторического смысла существования Советского Союза для жизни человечества, важности оказания ему поддержки и помощи в его справедливой войне.

В первый день войны, 22 июня 1941 года, И. В. Сталин принял 16 высших партийных, государственных и военных работников, некоторых из них — по два–три раза. Велось обсуждение сложившегося положения и шла выработка неотложных мер по мобилизации всех сил трудящихся, всех материальных ресурсов страны для борьбы с вторгшимся врагом. Каждому он давал конкретное задание, связанное с занимаемой должностью. Так, управляющему делами Совнаркома СССР Я. Е. Чадаеву поручено разработать предложения по эвакуации населения, предприятий и другого имущества из временно оккупированной зоны в восточные районы страны.

День 22 июня 1941 года запечатлен в документальной кинохронике, отражен во многих публицистических статьях и вдумчивых произведениях выдающихся советских и зарубежных писателей. Олицетворением мыслей чувств и решимости советских людей защищать свою социалистическую Родину стали суровые и мужественные слова созданной в вначале справедливой войны песни «Священная война» (слова В. И. Лебедева-Кумача, музыка А. В. Александрова).

Именно день 22 июня 1941 года стал переломным днем в общемировом развитии человечества. Нападение фашистской Германии и ее сателлитов на Советский Союз изменило весь ход Второй мировой войны, положило начало превращения ее в войну освободительную, войну справедливую, войну антифашистскую против чудовищного порождения мирового империализма — германского фашизма, грозившего человечеству варварством и рабством. К тому же до 22 июня 1941 года порабощенные фашистской Германией народы Европы и колониальные народы мира не видели силы, способной разгромить немецких и японских захватчиков. После 22 июня 1941 года миллионы людей разных стран и континентов свои надежды на освобождение от гнета стали связывать с мужественной борьбой советского народа и его Красной Армии, вдохновлялись на сопротивление врагу примером советских воинов и тружеников тыла, решимостью и стойкостью советского руководства.

Во второй день войны, 23 июня 1941 года, И. В. Сталин начал работать в Кремле в 3 часа

20 минут ночи. Он с Молотовым, Ворошиловым, Берией, Тимошенко, Ватутиным, Кузнецовым, Кагановичем и другими руководителями анализировал обстановку на советско-германском фронте, определял неотложные меры по отпору врагу. Для стратегического руководства всей боевой деятельностью Вооруженных Сил Союза ССР Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП(б) была создана Ставка Главного командования в составе: Народного комиссара обороны СССР маршала Советского Союза С. К. Тимошенко — председателя, членов: заместителя Председателя Совнаркома СССР и председателя Комитета обороны при Совнаркоме СССР маршала Советского Союза СССР К. Е. Ворошилова, заместителя председателя Совнаркома СССР и наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова, Председателя Совета народных комиссаров СССР, Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина, начальника Генерального штаба РККА — заместителя наркома обороны СССР генерала армии Г. К. Жукова, первого заместителя наркома СССР маршала Советского Союза С. М. Буденного, наркома Военно-Морского Флота СССР, главнокомандующего Военно-Морским Флотом СССР Н. Г. Кузнецова. При Ставке Главного Командования был организован институт постоянных советников из видных военачальников, членов правительства и партийных работников.

Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление, которым определили задачи партийных и советских органов в условиях военного времени. По решению Политбюро ЦК партии ввели в действие мобилизационный план по производству боеприпасов и патронов. И. В. Сталин принял и провел переговоры с 21 советским руководителем. Между тем сегодня приходится слышать, будто подавленный фашистской агрессией Сталин второй день войны «беспробудно пьянствовал».

24 июня на совещании у Сталина решено создать при Совнаркоме СССР Совет по эвакуации «для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей». Это было выдающееся и беспрецедентное стратегическое решение первых дней войны, ибо обеспечило эвакуацию важных оборонных предприятий и инженерно-технического персонала из прифронтовых районов и регионов вероятных военных действий на восток страны и, главное, ввод этих предприятий в строй в кратчайший срок.

Политбюро ЦК приняло постановление о «вывозе из Москвы государственных запасов драгоценных металлов, драгоценных камней, Алмазного фонда СССР и ценностей Оружейной палаты Кремля». По решению Политбюро ЦК образовано Информационное бюро (Совинформбюро) во главе с секретарем ЦК ВКП(б) А. С. Щербаковым. По решению правительства предприятия авиационной промышленности перемещались из прифронтовой полосы в тыл, ускоренно строились авиазаводы, авиазаводы-дублеры в восточных районах страны. Совнарком СССР принял Постановление об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов. Приняты меры по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе. И. В. Сталин принял и консультировался с 20 советскими руководителями.

Как и в предыдущие дни, 25 июня И. В. Сталин первостепенное внимание уделял рассмотрению хода боевых действий на советско-германском фронте и перестройке жизни страны на военный лад. По его предложению Политбюро ЦК партии приняло решение об организации на Урале и в Сибири новой базы танкостроения. Сейчас же иные авторы продолжают утверждать, будто И. В. Сталина не было в Кремле и 22 июня, и в течение трех последующих суток — 23, 24 и 25 июня 1941 года. И это притом, что издан Журнал регистрации принятых И. В. Сталиным лиц с 1924 по 1953 годы. В ходе всей Отечественной войны у него постоянно собирались партийные и государственные работники, ученые и конструкторы, хозяйственники и производственники, писатели и артисты, представители братских коммунистических партий и иностранные деятели, преобладали, естественно, военные — командующие фронтами и армиями, корпусами и дивизиями, флотами и флотилиями, члены Военных советов, командиры партизанских соединений. Со многими Сталин устраивал встречи по два-три и более раз в день. И. В. Сталин принимал посетителей и вне кремлевского кабинета — на ближней даче, на пункте управления Генштаба, выезжая в Наркомат Обороны СССР и на фронт.

26 июня в целях обеспечения выполнения производственных заданий, связанных с нуждами военного времени, директорам предприятий промышленности, транспорта, сельского хозяйства и торговли с разрешения Совнаркома СССР предоставлялось право устанавливать для всех или части рабочих и служащих обязательные

сверхурочные работы продолжительностью от одного до трех часов в день. Оплата обязательных сверхурочных работ производилась в полуторном размере. Одновременно были отменены очередные и дополнительные отпуска с заменой их денежной компенсацией. Был установлен порядок назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время. 17 июня Совнарком и ЦК ВКП(б) приняли постановление об эвакуации населения, промышленных объектов и материальных ценностей из прифронтовой полосы. 27–29 июня Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение об отборе коммунистов и комсомольцев для усиления политического влияния в войсках. За 26, 27 и 28 июня И. В. Сталин принял 79 партийных, советских и военных деятелей, с которыми продолжал рассматривать вопросы перестройки жизни страны на военный лад.

Работа по противодействию фашистскому агрессору завершилась подготовкой 29 июня 1941 года под руководством И. В. Сталина Директивы Совета народных комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей. Она четко определила империалистический захватнический характер войны фашистской Германии против социалистического Советского Союза. «Целью этого нападения, — сообщалось в Директиве, — является уничтожение советского строя, захват советских земель, порабощение народов Советского Союза, ограбление нашей страны, захват нашего хлеба, нефти, восстановление власти помещиков и капиталистов»[3]. Директива обязывала партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации и их руководителей мобилизовать все силы народа на борьбу с фашистским агрессором. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) требовали отстаивать каждую пядь советской земли, организовать всестороннюю помощь действующей армии, укреплять тыл Красной армии, подчинив интересам фронта всю жизнь страны, предавать суду военного трибунала всех, кто мешает делу обороны, в оккупированных врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы. Директива была планом превращения Советской страны в единый военный лагерь под лозунгом: «Все для фронта! Все для Победы!».

29 июня И. В. Сталин узнал из немецкого радио, что части Красной Армии оставили Минск — столицу Белоруссии. Нарком Тимошенко оказался в неведении случившегося. Тогда Сталин предложил Молотову, Маленкову и Берия немедленно выехать в Генштаб, чтобы самим разобраться в сложившейся обстановке и выработать дополнительные меры по отражению наступления врага.

Разговор состоялся крутой. Сталин заявил Тимошенко и находившимся Жукову и Ватутину: «Вы обязаны постоянно видеть все как на ладони и держать нас в курсе событий, сейчас вы просто боитесь сообщить нам правду».

По приказу Сталина на Западное направление были посланы маршалы Тимошенко и Буденный. Генерал Павлов отстранен от командования фронтом. По существу, был создан новый Западный фронт.

Военное положение потребовало преобразования всей системы высшей власти воюющего Советского Союза. С 5 мая 1941 года И. В. Сталин — Председатель Совета народных комиссаров СССР, член Центрального Комитета ВКП(б), член Политбюро ЦК, член Оргбюро ЦК, Генеральный секретарь ЦК ВКП(б). Он руководил заместителями Председателя Совнаркома, Председателями Госплана и Комиссии советского контроля, народными комиссарами СССР, Председателями Комитета по делам искусств и Комитета по делам высшей школы и Председателем правления Государственного банка.

На девятый день войны, 30 июня 1941 года, совместным Постановлением Президиума Верховного Совета Союза ССР, Центрального Комитета ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров Союза ССР образован Государственный Комитет Обороны (ГКО) — чрезвычайный высший государственный орган воюющего СССР. В обнародованном Постановлении указывалось: «Сосредоточить всю полноту власти в руках Государственного Комитета Обороны. Обязать всех граждан и все партийные, советские, комсомольские и военные органы беспрекословно выполнять решения и распоряжения Государственного Комитета Обороны»[4]. Во главе нового чрезвычайного высшего государственного органа в СССР поставили И. В. Сталина.

Сейчас, ссылаясь на различные воспоминания, кому только не приписывается идея создания Государственного комитета обороны. На самом деле создание этого органа — предложение И. В. Сталина, который по существу являлся новым чрезвычайным высшим объединенным органом политического и государственного руководства воюющего СССР — орган не громоздкий, но способный оперативно, без бюрократических

проволочек, решать ключевые вопросы войны. Сталин определил правовое положение, статус и распорядок работы Государственного комитета обороны. Это на девятый день войны!

Председатель Государственного комитета обороны И. В. Сталин имел одного заместителя — В. М. Молотова и двух членов — К. Е. Ворошилова и Г. М. Маленкова, секретаря Центрального Комитета ВКП(б). С 1942 года в связи с усложнением задач в состав ГКО были дополнительно включены — Н. А. Булганин, заместитель наркома обороны СССР, Н. А. Вознесенский, Председатель Госплана СССР, Л. М. Каганович, нарком путей сообщения СССР и А. И. Микоян, нарком внешней торговли СССР. На каждого члена ГКО Сталин возложил обязанность курировать определенным участком обеспечения успешного хода войны и строго спрашивал за выполнение поручений. Члены ГКО имели заместителей. Был установлен институт уполномоченных ГКО.

Председатель Государственного комитета обороны И. В. Сталин также был председателем Транспортного комитета при ГКО и до второй половины Отечественной войны осуществлял непосредственное командование войсками Противовоздушной обороны СССР.

Государственный Комитет Обороны объединил усилия фронта и тыла, руководил деятельностью всех ведомств и учреждений, направляя их усилия на достижение победы над врагом. Постановления Государственного Комитета Обороны имели силу законов военного времени. Стратегическое руководство вооруженной борьбой ГКО осуществлял через Ставку Верховного Главнокомандования. Государственный комитет обороны был революционным органом, опередившим свое время. Следует подчеркнуть, что ничего, даже отдаленно похожего на ГКО, американо-английские союзники создать не смогли.

На посту Председателя Государственного комитета обороны И. В. Сталину приходилось решать иные задачи и осуществлять обязанности, не похожие на те, что стояли перед ним как Председателем Совета Народных Комиссаров СССР и Генеральным секретарем Центрального Комитета ВКП(б). Разумеется, при этом вся его деятельность не может быть разорвана, ибо была подчинена единственному — разгрому немецко-фашистского агрессора и победе Советского Союза в Великой освободительной Отечественной войне.

Государственный комитет обороны за годы Отечественной войны принял 9971 постановление, регулирующее жизнь страны, не считая многочисленных распоряжений, телеграмм, резолюций на документах, устных указаний. Все постановления о назначении на руководящие должности, по вопросам общественно-экономического и военного строительства, создания боевой техники подписывал Председатель ГКО И. В. Сталин. При этом он лично проработал и написал 2256 постановлений, касающихся Вооруженных Сил СССР. Сталин работал по 16–18 часов, а то и сутками без отдыха. Вокруг него в годы Отечественной войны сложилось окружение партийных, советских, военных и идеологических работников, весьма грамотно исполнявших свои кадровые обязанности.

Учитывая все это, разве можно согласиться, что писатель-драматург Э. С. Радзинский в телевизионных передачах не раз вещал, якобы с началом войны «Сталин бежал из Кремля… Я проверил по журналу посетителей. Все так…». Доктор исторических наук Ю. Н. Жуков уверяет: «Новая тройка лидеров — Сталин, Вознесенский, Жданов — 22 июня не просто растерялась. Они были не в состоянии принять хоть какие-нибудь меры, отвечавшие той экстремальной ситуации, тому катастрофическому положению, в котором оказался Советский Союз. Ту же неспособность действовать проявило и большинство руководства партии, страны»[5]. Иные пишут, что Сталин захватил (?) пост Председателя Государственного комитета обороны для утверждения личной власти?! Подобные обвинения и вспоминать неприлично. Их авторы с легкостью необыкновенной выбрасывают начальные дни войны из колоссально напряженной и чрезвычайно плодотворной политической и военной деятельности И. В. Сталина.

Председателю Государственного комитета обороны И. В. Сталину было поручено Советским правительством и Центральным Комитетом партии выступить с Обращением к советскому народу, к бойцам Красной Армии и Военно-Морского Флота. По свойственному И. В. Сталину обыкновению, он основательно готовил свое первое с начала войны Обращение к советскому народу. Как и все свои речи и выступления, текст Обращения И. В. Сталин писал сам. Отсюда образность и доходчивость его языка, особый эмоциональный заряд и глубина анализа военной обстановки, четкость постановки первоочередных задач воюющего советского народа и его Вооруженных Сил.

Одновременно готовя Обращение, И. В. Сталин предпринимал меры по превращению Советского Союза в единый военный лагерь,

направляя все военные и трудовые действия народа и армии на разгром агрессора. Советское правительство специальным Постановлением от 1 июля расширило права народных комиссаров СССР для обеспечения своевременного и быстрого решения оперативных вопросов, связанных с выполнением в условиях военного времени возложенных на наркоматы задач, и в первую очередь планов производства и строительства. 2 июля Совнарком СССР ввел обязательную всеобщую подготовку населения к противовоздушной и химической обороне. Решением правительства дети рядового и младшего начальствующего состава армии и флота освобождались от платы за обучение в старших классах средней школы, техникумах и вузах.

3 июля 1941 года И. В. Сталин выступил с Обращением к советскому народу, к бойцам Красной армии и Военно-Морского Флота по Всесоюзному радио. Свое Обращение он начал простыми, берущими за сердце словами:

Товарищи! Граждане!
Братья и сестры!
Бойцы нашей армии и флота!
К вам обращаюсь я, друзья мои!

Сталин дал глубокий анализ происходящих событий, сказал суровую правду о сложившейся тяжелой обстановке на фронте. Правда была горькой, но в ней прозвучала не слабость, а сила, уверенность разбить врага. Обращение призвало советских людей понять всю серьезность опасности, угрожающей Советской Родине, и отрешиться от настроений мирного строительства, не впадать в панику и бесстрашно бороться с сильным, коварным и жестоким врагом. Сталин заявил, что войну с фашистской Германией нельзя считать обычной войной между двумя армиями. Это война всего многонационального советского народа и его армии против немецко-фашистских войск. Он назвал войну всенародной, войной освободительной, войной Отечественной.

Сталин говорил: «Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечение, превращение их в рабов немецких князей и баронов. Дело идёт, таким образом, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение»[6].

Сталин отметил, что Советское правительство не могло в 1939 году отказаться от предложенного Германией пакта о мире между двумя государствами, «если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентоп». Это позволило Советскому Союзу в течение полутора лет подготовить свои силы для отпора фашистской Германии. Временный военный выигрыш для Германии является лишь эпизодом, а громадный политический выигрыш для СССР является серьезным и длительным фактором, на основе которого развернутся решительные военные успехи Красной армии в войне с фашистской Германией и ее сателлитами.

Сталин призвал советских людей немедленно перестроить всю работу на военный лад, все подчинить интересам фронта и задачам организации разгрома врага. Красная армия и флот и все граждане Советского Союза должны отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за родные города и села. Надо всемерно укреплять тыл Красной армии, обеспечить ее снабжение оружием и боеприпасами, продовольствием. В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды и диверсионные группы. Речь Сталина определила программу деятельности партии, правительства на весь период Великой Отечественной войны Советского Союза. Больше того — провидчески осветила дальнейший ход и исход Великой Отечественной войны и всей Второй мировой войны.

На примерах истории Сталин показал, что непобедимых армий не бывало. Армию Наполеона считали непобедимой, но она была разбита попеременно русскими, английскими, немецкими войсками. Немецкую армию Вильгельма в Первой империалистической войне тоже считали непобедимой, но она несколько раз терпела поражения от русских и англо-французских войск и, наконец, была разбита. «То же самое, — заключал Сталин, — нужно сказать о нынешней немецко-фашистской армии Гитлера. Эта армия не встречала ещё серьёзного сопротивления на континенте Европы. Только на нашей территории встретила она серьёзное сопротивление»[7]. И. В. Сталин выразил твердую уверенность, что зазнавшийся враг будет разгромлен Красной армией.

Сталин заявил, что всенародная Отечественная война Советского Союза — это и помощь

всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. В своей освободительной войне, говорил Сталин, Советский Союз не будет одиноким: советский народ будет иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе и в лице германского народа, порабощенного гитлеровскими заправилами. И. В. Сталин отметил «историческое выступление премьера Великобритании Черчилля о помощи Советскому Союзу» и декларацию правительства США о готовности оказать помощь Советскому Союзу, заявив, что чувства благодарности народов Советского Сюза «являются вполне понятными и показательными».

И. В. Сталин закончил свое Обращение руководящей установкой: «Все наши силы — на поддержку нашей героической Красной Армии, нашего славного Красного Флота! Все силы народа — на разгром врага! Вперед, за нашу победу!»[8].

Речь Сталина 3 июля 1941 года призвала советский народ к ответным действиям на нападение немецко-фашистских войск, **поднимала народы Советского Союза на всенародную Отечественную войну, а Красную армию быть армией наступательной**, **победной**, имеющую артиллерию, авиацию, танки, дисциплинированных и инициативных бойцов, политически стойких и знающих военное дело командиров и политработников. Подчеркивалось, что по самой своей природе социалистическое Советское государство не могло быть и не было государством агрессивным. В этом его коренное отличие от любого буржуазного государства и, естественно, от такого фашистского государства, как германское государство.

Обращение И. В. Сталина по радио 3 июля 1941 года ныне сводится к упрощенному пересказу Директивы Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 года. Это делается даже в иных учебниках по истории. Упускается важный факт, что Директиву партийным, советским, профсоюзным и комсомольским органам вырабатывал Сталин вместе с другими руководящими деятелями СССР. Это обстоятельство как раз подчеркивает, что Обращение 3 июля носило программный характер, поднимало силы советского народа и его армии на священную борьбу с германским фашизмом. Встречаются и фальсификации, сводящие выступление Сталина к признанию (?) неудач на фронте и обоснованию (?), что отступление будет продолжаться (?). Иные заявляют, что Сталин выступал «полуплачущим». Чаще встречаются авторы, нелепо доказывающие, мол, Сталин в такой час, чтобы приблизиться к народу заимствовал у церковного иерарха православное обращение «Братья и сестры». Словом, нагорожено много от лукавого.

Для повышения эффективности и авторитета руководства Ставки 10 июля 1941 года Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП(б) Ставка Главного Командования была преобразована в Ставку Верховного Командования, ее Председателем назначен И. В. Сталин. В состав Ставки был введен маршал Советского Союза Б. М. Шапошников. Маршал С. К. Тимошенко был оставлен членом Ставки Верховного командования, затем членом Ставки Верховного главнокомандования. Ему не хватало необходимых политических качеств, что не позволило нужным образом справиться с обязанностями Председателя Ставки Главного Командования (по положению с обязанностями Главнокомандующего). Домыслом являются утверждения иных авторов, что, мол, Сталин не давал возможности Тимошенко действовать самостоятельно.

С 19 июля 1941 года И. В. Сталин — Народный комиссар обороны СССР. После того как 8 августа 1941 года И. В. Сталин был назначен Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами СССР, Ставка Верховного Командования была переименована в Ставку Верховного Главнокомандования и стала высшим органом стратегического руководства Вооруженными Силами Советского Союза. Состав Ставки Верховного главнокомандования (ВГК) определен в следующем составе: Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин, заместитель Верховного Главнокомандующего Г. К. Жуков, члены — Маршал Советского Союза А. М. Василевский, генерал армии А. И. Антонов, заместитель наркома обороны Н. А. Булганин, нарком Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецов.

Ставка осуществляла свою деятельность под руководством Политбюро ЦК ВКП(б) и Государственного комитета обороны. Она принципиально оценивала военно-политическую и стратегическую обстановку, сложившуюся на советско-германском фронте, принимала стратегические и оперативно-стратегические решения по ведению боевых операций, создавала для их проведения группировки войск, решала вопросы создания и подготовки стратегических резервов, материально-технического обеспечения войск, непосредственно руководила фронтами, флотами, авиацией дальнего действия. Основным оперативным и рабочим органом Ставки по

стратегическому планированию и руководству Вооруженным и Силами СССР на фронте являлся Генеральный штаб Красной Армии. Опираясь на Центральный штаб партизанского движения, Ставка ВГК осуществляла стратегическое руководство действиями народных мстителей на оккупированной фашистами советской территории.

Таким образом, в течение полутора месяцев войны Советского Союза, точнее: за 48 дней войны была создана целостная и четкая система чрезвычайных высших советских органов государственного и стратегического руководства Отечественной войной Советского Союза.

Перестройку Советского Союза на военный лад возглавило Политбюро Центрального Комитета ВКП(б). По существу, Политбюро ЦК принимало решения, которые затем оформлялись как Указы Президиума Верховного Совета СССР или Постановления Совета народных комиссаров СССР, как Постановления Государственного комитета обороны или как совместные постановления Президиума Верховного Совета СССР, Центрального Комитета ВКП(б) и Совета народных комиссаров СССР. По актуальным и срочным вопросам практиковались совместные заседания Политбюро ЦК ВКП(б), Государственного комитета обороны и Ставки Верховного Главнокомандования. Каждый из членов Государственного Комитета Обороны или членов Ставки Верховного Главнокомандования держал связь с Верховным Главнокомандующим И. В. Сталиным.

Маршал Советского Союза А. М. Василевский ставил вопрос: «Оправдано ли было то, что Сталин возглавил Верховное Главнокомандование? Ведь он не был профессиональным военным деятелем». И отвечал:

«Безусловно, оправдано.

В тот предельно трудный период наилучшим решением, учитывая опыт периода Гражданской войны, являлось объединение в одном лице функции партийного, государственного, экономического и военного руководства. У нас была только одна возможность: немедленно превратить страну в военный лагерь, сделать тыл и фронт единым целым, подчинить все наши силы задаче разгрома немецко-фашистских захватчиков. А когда Сталин, как Генеральный секретарь, Председатель Совета Народных Комиссаров, Председатель ГКО, стал еще и Верховным Главнокомандующим, наркомом обороны открылись более благоприятные возможности для успешной борьбы за победу.

Такое объединение в лице И. В. Сталина функции партийного, государственного и военного руководства не означало, что он в годы войны единолично решал все вопросы»[9].

А. М. Василевский писал, что, как правило, предварительные наметки стратегического решения и плана его осуществления вырабатывались в узком кругу лиц. Обычно это были некоторые из членов Политбюро ЦК и ГКО, а из военных — заместитель Верховного Главнокомандующего, начальник Генерального штаба и его первый заместитель. Нередко эта работа требовала несколько суток, в ходе которой Верховный Главнокомандующий непременно вел беседы, получая необходимые справки и советы по разрабатываемым вопросам, с командующими и членами Военных советов соответствующих фронтов, с ответственными работниками Наркомата обороны, наркомами и особенно руководителями той или иной военной промышленности. Несмотря на огромную сложность вставших проблем под руководством ЦК партии, ГКО и Ставки ВГК они решались успешно. По мнению маршала А. М. Василевского, И. В. Сталин, особенно со второй половины Великой Отечественной войны, являлся самой сильной и колоритной фигурой стратегического командования, успешно осуществляя руководство фронтами, всеми военными усилиями.

Огромный масштаб и многогранный объем деятельности И. В. Сталина отмечал и маршал Советского Союза Г. К. Жуков. «…С назначением И. В. Сталина Председателем Государственного комитета обороны, Верховным Главнокомандующим и наркомом обороны в Генштабе, центральных управлениях наркомата обороны, Госплане СССР и в других органах правительства сразу же почувствовалась его твердая рука»[10]. И подчеркивал:

«В руководстве вооруженной борьбой в целом И. В. Сталину помогали его природный ум, богатая интуиция, опыт политического руководства, обладание стратегическим даром. Стратегия была близка к его привычной сфере политики, и чем в более прямое воздействие с политическими вопросами вступали вопросы стратегии, тем увереннее он чувствовал себя в них. Его ум и талант позволяли ему в ходе войны овладеть оперативным искусством настолько, что, вызывая к себе командующих фронтами и разговаривая с ними на темы, связанными с проведением операций, он проявил себя как человек, разбирающийся в этом не хуже, а порой

и лучше своих подчиненных. При этом в ряде случаев он находил и подсказывал интересные оперативные решения.

…Авторитет его был чрезвычайно велик, и поэтому назначение Сталина Верховным Главнокомандующим было воспринято народом и войсками с воодушевлением.

…Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим»[11].

И. В. Сталин непосредственно работал со всеми главнокомандующими видами Вооруженных Сил СССР. На начальном этапе войны — с главнокомандующим войсками Северо-Западного направления, главнокомандующим войсками Западного направления, главнокомандующим Юго-Западного направления и главнокомандующим войсками Северо-Кавказского направления; в ходе войны — с главнокомандующим артиллерией Красной Армии, с командующим авиацией дальнего действия, главнокомандующим Военно-Морского Флота СССР, главнокомандующим партизанским движением; на заключительном этапе войны — с главнокомандующим Группой советских войск в Германии и главноначальствующим Советской военной администрации, главнокомандующим Сухопутными войсками Советского Союза и с главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке.

За все годы Великой Отечественной войны Советского Союза было создано 35 фронтов: в первые месяцы войны — пять: Карельский, Северо-Западный, Западный, Юго-Западный и Южный; в дальнейшем в связи с большим театром военных действий — до пятнадцати фронтов: например, в Сталинградской битве на разных этапах участвовали войска Сталинградского, Юго-Восточного, Юго-Западного, Донского и Воронежского фронтов; на заключительном этапе Отечественной войны участвовали войска Карельского, Ленинградского, 1-го Прибалтийского, 3-го Белорусского, 2-го Белорусского, 1-го Белорусского, 1-го Украинского, 4-го Украинского, 2-го Украинского и 3-го Украинского фронтов. В Советско-японскую войну 1945 года участвовали войска трех фронтов: Забайкальского, 1-го Дальневосточного и 2-го Дальневосточного.

За годы войны фронтами командовали одиннадцать маршалов Советского Союза и тридцать четыре генерала. Работал Сталин и с командующими армиями, нередко с командирами корпусов и дивизий; с командующими дважды Краснознамённого Балтийского, Краснознамёнными Северного, Черноморского и Тихоокеанского флотов, у штурвалов которых стояли семь адмиралов; с командующими речными и озерных флотилий, военно-морскими руководителями. Он способствовал формированию частей Войска Польского и Чехословацкого армейского корпуса, сражавшихся вместе с Красной Армией на последнем этапе войны.

В докладах Председателя Государственного комитета обороны И. В. Сталина о 24-й, 25-й, 26-й и 27-й годовщинах Великой Октябрьской социалистической революции давался глубокий анализ основных этапов хода Великой Отечественной войны, обосновывались средства защиты завоеваний советского социалистического общества и пути его дальнейшего развития, раскрывалась угроза человечеству от фашистской агрессии и насаждения фашистских режимов, указывались меры для утверждения прочного послевоенного мира. Доклады отличались реалистичностью выдвигаемых текущих и долговременных задач.

В годы Великой Отечественной войны бесперебойно действовали Президиум Верховного Совета Союза ССР и Советское правительство. Не было проведено ни одного съезда большевистской партии. Все усилия Центрального Комитета ВКП(б) были направлены на решение кардинального вопроса — отстоять Советское государство. Все члены и кандидаты в члены Центрального Комитета партии были мобилизованы на фронт или на оборонные предприятия. Главное — по решению Центрального Комитета ВКП(б) в республиканских, краевых, областных, городских, районных комитетах и в первичных партийных организациях обсуждались актуальные вопросы партийной жизни, регулярно проходили отчетно-выборные конференции и собрания. Коммунисты обсуждали и решали вопросы помощи фронту, развития производства и партийно-политической работы. Шел прием в большевистскую партию. Работал комсомол, профсоюзы. Широко была поставлена идейно-политическая работа в трудовых коллективах и среди населения. Крепла дружба народов СССР — мощная движущая сила развития советского социалистического общества.

Военная наука и военное искусство Победы

Агрессивные государства, как нападающие, обычно бывают более подготовленными к развязанной ими войне, чем миролюбивые государства, которые, будучи не заинтересованными в войне, обычно не сразу развертывают силы активного

сопротивления. В выступлении по радио 3 июля 1941 года И. В. Сталин спрашивал: Что выиграла и проиграла фашистская Германия, вероломно разорвав советско-германский пакт о ненападении 1939 года и совершив нападение на СССР? И отвечал: Германия добилась этим некоторого выигрышного положения для своих войск в течение короткого срока, но проиграла политически, разоблачив себя в глазах всего мира как кровавого агрессора. «Не может быть сомнения», — заключал Сталин, — «что этот непродолжительный военный выигрыш для Германии является лишь эпизодом, а громадный политический выигрыш для СССР является серьезным и длительным фактором, на основе которого должны развернуться решительные военные успехи Красной Армии в войне с фашистской Германией»[12].

В приказе Народного комиссара обороны СССР И. В. Сталина № 55 от 23 февраля 1942 года указывалось, что теперь судьба войны решается не временными, привходящими обстоятельствами, как, например, «момент внезапности, а постоянно действующими факторами: прочность тыла, моральный дух армии, количество и качество дивизий, вооружение армии, организаторские способности начальствующего состава армии»[13].

Советский социалистический тыл полностью справился с решением экономических и военных задач. Тыл был прочен, как никогда за все предыдущие годы. «Если Красная армия, — отмечал Сталин, — смогла успешно выполнить свой долг перед Родиной и изгнала немцев из пределов советской земли, то она сделала это благодаря тому, что её беззаветно поддерживала с тыла вся наша страна, все народы нашей страны»[14].

Сталин показал, что успешно руководить современной войной можно только тогда, когда стратегическое планирование войны и проведение его в жизнь основывается на правильном сочетании экономических и моральных возможностей с требованиями военного искусства. Сформулированные им и осуществленные на практике новые важные принципы о способах и формах ведения военных действий вошли в арсенал современной военной науки. Это — положение об активной обороне; о законах наступления и применении артиллерии, танков и авиации; о значении стратегических резервов; об организации взаимодействия между родами войск, фронтами и армиями; о выборе направления главного удара; о тактике маневрирования; о внезапности нанесения удара фронтом или группой фронтов; о разгроме главных сил противника.

На протяжении всей Великой Отечественной войны И. В. Сталин как стратег уделял исключительное внимание вопросу выбора направления главного удара в проводившихся советскими войсками стратегических кампаниях, операциях фронтов и групп фронтов. Проблема главного удара рассматривалась им широко с военно-политического положения, не ограничивалась лишь самим выбором его направления. Советскому военно-политическому руководству, хотя и с большими издержками, удалось в оборонительных сражениях первого периода Отечественной войны преодолеть последствия внезапного нападения мощного врага, сорвать в результате битвы под Москвой фашистский план «молниеносной войны». Измотав и истощив силы противника, советское военно-политическое руководство создало условия для перехода Красной Армии в контрнаступление, вырвало из рук врага стратегическую инициативу. Сталинградская битва, по определению И. В. Сталина, была «закатом немецко-фашистской армии. После Сталинградской битвы, как известно, немцы не могли уже оправиться»[15], битва под Курском поставила немецкую армию перед катастрофой.

Десять Сталинских ударов Красной Армии в 1944 году привели к изгнанию фашистских захватчиков с советской территории и вывели войну на территорию агрессора. В ходе Берлинской стратегической наступательной операции 1945 года Красная Армия в течение немногим более двух недель полностью разгромила немецко-фашистские войска и вынудила германское верховное командование подписать Акт о безоговорочной капитуляции. В советско-японскую войну 1945 года Красная армия разгромила Квантунскую армию — главную военную силу Японии — и вынудила милитаристскую Японию к капитуляции.

В ходе Отечественной войны И. В. Сталин смог умело использовать стратегические резервы как в общегосударственном масштабе, так и в масштабе стратегических кампаний и боевых операций. Так, в критические октябрьские и ноябрьские дни 1941 года Сталин жестко отклонял все настойчивые просьбы и обращения выделить войска и артиллерию из резерва Главнокомандования для укрепления северо-западного направления на подходах к Москве. Позднее генерал армии С. М. Штеменко признавался: «Тогда мы считали, что Сталин допускает ошибку. В декабре месяце, когда немецкие войска были

обескровлены, Сталин ввел эти войска в действие. Немец от Москвы был отброшен. Тогда мы поняли только, насколько Сталин велик не только в стратегии, но и в тактике».

Сталин признавал исключительно важную роль фактора времени на войне. Это особенно проявилось в назначении сроков Московской стратегической наступательной операции войск Западного, Калининского и Юго-Западного фронтов 5 декабря 1941 года; контрнаступления войск Юго-Западного и Донского фронтов 19 ноября, а затем и войск Сталинградского фронта 20 ноября 1942 года; перехода от активной обороны к решительному наступлению в Курской битве; в Берлинской стратегической операции 16 апреля 1945 года. Опыт Великой Отечественной войны Советского Союза показывает, что Верховное Главнокомандование в полной мере обладало способностью чувства времени как начала, так — что не менее важно — и завершения крупных стратегических операций.

Особенностью сталинского полководческого искусства было и «чувство» местности. Так, в приказах 1942 года И. В. Сталина проявилось великолепное знание местности междуречья Дона и Волги, района боевых действий под Сталинградом и в самом городе. Это и неудивительно: он руководил обороной Царицына ещё в годы Гражданской войны. В 1944 году во время разработки Белорусской стратегической наступательной операции Сталин советовал учитывать, что наступление Красной Армии будет проходить в лесисто-болотной местности.

В указаниях Ставки Верховного Главнокомандования и в переговорах И. В. Сталина по прямому проводу с командующими фронтами содержится много ценных предложений о военном искусстве в целом и особенно о характере стратегического наступления. Он требовал наступления согласно единому замыслу и утвержденному плану, с учётом всех сил и средств, чёткой организации взаимодействия всех родов войск в бою, не огульного продвижения войск вперед, а наступления, сопровождаемого закреплением завоеванных позиций, перегруппировкой сил сообразно с изменившейся обстановкой, подтягивания тылов, подводом резервов, боевой техники и т. д. При этом И. В. Сталин поощрял и приветствовал инициативы командующих фронтами и армиями. Он указывал на решающее значение организованного и твердого управления войсками в бою, на необходимость помнить, что потеря связи командования с войсками гибельно отражается на исходе боевой операции.

Поскольку Великая Отечественная война Советского Союза имела всенародный характер, Сталин придавал огромное значение размаху партизанского движения, действиям подпольщиков на временно оккупированной фашистскими захватчиками советской территории. 30 мая 1942 года при Ставке Верховного Главнокомандования был создан Центральный штаб партизанского движения. Его возглавить было поручено генерал-лейтенанту П. К. Пономаренко. Главнокомандующим партизанским движением был назначен маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов. На встречах с руководителями народных мстителей С. А. Ковпаком, А. Н. Сабуровым, А. Ф. Фёдоровым и другими Сталин с чувством гордости отмечал, что партизаны «и есть наш второй фронт», высоко оценив подвиг партизанки Зои Космодемьянской, подпольщиков комсомольской организации «Молодая гвардия».

В переломном 1943 году И. В. Сталин призвал партизан всеми силами помогать наступающей Красной Армии, разрушать коммуникации и связь врага, спасать советских людей от истребления фашистами и от угона на каторгу в Германию. При разработке крупных стратегических наступательных операций, проводившихся на временно оккупированной фашистами советской территории, Ставка Верховного Главнокомандования ставила перед партизанами конкретные боевые задания.

Приказы Народного комиссара обороны, Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина являются историческими документами огромной значимости, раскрывающими сущность и принципы деятельности Вооруженных Сил в годы Великой Отечественной войны. Одним из первых приказов Народного комиссара обороны И. В. Сталина был приказ от 8 августа 1941 года в связи с успешной бомбардировкой группой самолётов Балтийского флота центра Берлина и его предместий. Приказом от 18 октября 1941 года была восстановлена старая русская традиция — присваивать гвардейские звания частям и соединениям, проявившим в боях с фашистами высокое воинское мастерство и мужество. По инициативе И. В. Сталина в Красной Армии возрождена была и другая русская воинская традиция — зачисление защитников Отечества навечно в списки частей, в составе которых они совершили подвиг. Так, приказом

Наркома обороны СССР И. В. Сталина от 8 сентября 1943 года № 269 в список 1-й роты 254-го гвардейского стрелкового полка навечно зачислен Герой Советского Союза гвардии рядовой Александр Матросов, закрывший своей грудью амбразуру вражеского дзота и тем самым обеспечившим наступление батальона.

Однако сейчас недобросовестные историки и публицисты спекулируют на судьбоносных приказах времени Великой Отечественной войны Советского Союза. Так, будто приказ № 270 от 16 августа 1941 года требовал считать всех, кто оказался в немецком плену дезертирами, а их семьи арестовывать. В приказе четко записано: «Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров». Этот приказ способствовал повышению боеспособности войск в один из тяжелейших периодов Отечественной войны. Были приняты меры по улучшению воспитательной работы, одновременно пресечены необоснованные репрессии и самосуды. Приказ подписан Сталиным, Молотовым, Буденным, Ворошиловым, Тимошенко, Шапошниковым, Жуковым.

Немало лжи и вокруг Приказа № 227 от 28 июля 1942 года, известного как приказ «Ни шагу назад!», в котором прозвучала горькая и беспощадная правда о положении, сложившемся после неудачных для Красной Армии сражений в Крыму, под Харьковом и Воронежем. Была утрачена огромная территория с многомиллионным населением и богатыми природными ресурсами, столь необходимыми для продолжения борьбы с фашистским агрессором.

В обществе появились настроения разочарования. Приказ № 227 потребовал, наконец, добиться коренного перелома в Отечественной войне, перестать отступать, беспощадно бороться с трусами и паникерами, решительно пресекать любые проявления безответственности, повысить личную ответственность каждого воина и каждого труженика за ход и исход Отечественной войны. Армия и народ восприняли Приказ № 227 как документ, заставляющий быть стойкими и смелыми в бою и упорным в труде, усилил народную волю к Победе. Теперь же Приказ № 227 используют для утверждения, что Великая Отечественная война выиграна благодаря штрафбатам.

Полководчески мужественным было решение провести 7 ноября 1941 года на Красной площади военный парад в честь 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. И это не в далеком и безопасном Куйбышеве, а в Москве, когда враг стоял рядом. С трибуны Ленинского Мавзолея к уходящим на фронт бойцам, по существу ко всему советскому народу, обратился И. В. Сталин. В краткой речи он сказал:

«Разве можно сомневаться в том, что мы можем и должны победить немецких захватчиков?

Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойны этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!

За полный разгром немецких захватчиков!

Смерть немецким оккупантам!

Да здравствует наша славная Родина, ее свобода, ее независимость!

Под знаменем Ленина — вперед, к победе!»

С Красной площади по распоряжению И. В. Сталина велась трансляция военного парада на всю страну. Военный парад на Красной площади Москвы и речь И. В. Сталина вызвали патриотический подъем советского народа, вдохновили мужеством бойцов и командиров Красной Армии, партизан и партизанок. На Москву, на Сталина с надеждой на освобождение от фашистской тирании смотрели народы Европы.

И. В. Сталин показал, что фашизм, утвердившийся в гитлеровской Германии, есть порождение самых реакционных сил международного империализма в условиях общего кризиса капитализма. В докладе «XXIV годовщина Великой Октябрьской социалистической революции» он подчеркнул: «Партия гитлеровцев есть партия империалистов, притом наиболее хищнических и разбойничьих империалистов среди всех империалистов мира… Гитлеровская партия есть партия врагов демократических свобод. Партия средневековой реакции и черносотенных погромов… И если эти оголтелые империалисты и злейшие реакционеры всё ещё продолжают рядиться в тогу «националистов» и «социалистов», то это они делают для того, чтобы обмануть народ, одурачить простаков и прикрыть

флагом «национализма» и «социализма» свою разбойничью империалистическую сущность»[16].

С первых же дней Отечественной войны большевистская партия и Советское правительство ускоренными темпами перестраивали народное хозяйство на нужды производства вооружения, боеприпасов и снаряжения для Красной Армии. В глубоком тылу — в Поволжье, на Урале, в Сибири, Средней Азии и Казахстане — восстанавливались предприятия, перебазированные в первые дни и месяцы войны, развивалось строительство новых оборонных заводов, электростанций и других необходимых промышленных объектов. Перевод экономики страны на военный лад был завершен к середине 1942 года. Восточные районы превратились в главный арсенал Вооруженных Сил СССР. Вспоминая эвакуацию промышленности на Восток и развертывание ее в кратчайшие сроки на новом месте, маршал войск связи А. И. Белов писал: «Была огромная организаторская работа партии и правительства, всех органов государственной власти, сверхчеловеческий труд миллионов людей. Но это — большая заслуга и лично Сталина. Его мысли, его умения организовать»[17].

В годы войны И. В. Сталин регулярно встречался с наркомами оборонных отраслей промышленности А. И. Шахуриным, Д. Ф. Устиновым, Б. Л. Ванниковым, В. А. Малышевым и ведущими главными конструкторами авиационной техники Н. Н. Поликарповым, А. Н. Туполевым, С. В. Ильюшиным, А. С. Яковлевым, артиллерийских систем — В. Г. Грабиным, танков — Я. Я. Котиным, А. А. Морозовым, стрелкового оружия — В. А. Дегтяревым, Б. Г. Шпитальным, Г. С. Шпагиным. Нарком авиационной промышленности СССР А. И. Шахурин пишет, что вскоре после назначения на должность его вызвал И. В. Сталин и сразу обрушился с вопросами: Почему происходят такие-то события на таком заводе? Почему этот завод отстает? Почему это не делается? Он еле вымолвил:

— Товарищ Сталин, вы, может быть, упустили из виду, что я всего несколько дней на этой должности.

И услышал в ответ:

— Нет, нет, нет. Я ничего не упустил. Может быть, вы мне прикажете спрашивать с Кагановича, который был до вас на этой работе? Или чтобы я подождал еще год или полгода? Или даже месяц? Чтобы эти недостатки имели место? Чтобы я ничего не трогал? С кого же я должен спрашивать о том, что делается не так в авиапромышленности и не в таком темпе?

Совершенно пораженный сначала этим разговором, после некоторого раздумья я понял, что Сталин не только хотел с меня спросить, но и хотел, чтобы я так же спрашивал с других — требовательно, резко, со всей твердостью подходил к вопросам, которые решала в то время авиаиндустрия»[18].

Борьба в области производства вооружения и боевой техники между СССР и фашистской Германией достигла драматического напряжения в 1943 году, в год коренного перелома хода войны. 1944 год был годом максимального выпуска основных видов военной техники. Советская экономика практически сама в достатке обеспечивала все потребности фронта в вооружении, продовольствии и обмундировании. Это был по существу советский экономический второй фронт. Одновременно с ведением крупнейших стратегических наступательных операций Красной армии в стране широко развертывались по решению Советского правительства восстановительные работы на огромной территории, освобожденной от фашистских захватчиков.

В научно-технические советы ведущих наркоматов по предложению И. В. Сталина были включены крупнейшие деятели советской науки. Так, в Наркомате черной металлургии работали академики И. П. Бардин и Н. Т. Гудцов, в Наркомате электростанций — академики А. В. Винтер и Б. Е. Веденеев, — в Наркомате путей сообщения — академик В. Н. Образцов, в Наркомате электропромышленности — академик А. И. Берг, в Госплане — академик А. А. Банков. Государственный комитет обороны заслушивал доклады по военной тематике научных учреждений Академии наук СССР. Уже в 1941 году, выезжая на фронт на Волоколамском направлении, И. В. Сталин осмотрел в натуре работу ракетных установок БМ-13 («катюша»). А в 1942 году, когда шла Сталинградская битва, он принял группу ученых для беседы о возможности освоения космоса. В конце года под его председательством прошло специальное заседание Государственного комитета обороны по созданию атомной бомбы и в феврале 1943 года, года окончания грандиозного Сталинградского сражения, было подписано распоряжение по Академии наук СССР о создании Лаборатории № 2 под руководством И. В. Курчатова.

Годы Отечественной войны отмечены небывалым подъемом социалистической художест-

венно-музыкальной культуры. По инициативе И. В. Сталина возрождались русские культурные сокровища. В художественных и музыкальных произведениях, в кинокартинах и в пьесах на сценах театров звучали преимущественно военные темы, идеи советского патриотизма. 1943 год — год коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны — раскрыл новое состояние и развитие внутренних сил советского государственного и общественного стоя. По предложению И. В. Сталина Советское правительство приняло решение о создании нового Государственного гимна СССР. Был объявлен конкурс на создание текста и музыки гимна. За основу текста был принят вариант, написанный поэтами С. В. Михалковым и Г. Г. Эль-Регистаном. В доработке текста активно участвовал И. В. Сталин. Автором музыки гимна стал композитор А. В. Александров. Новый гимн впервые был исполнен в новогоднюю ночь 1944 года.

Учитывая патриотическую деятельность Русской православной церкви в годы Отечественной войны, И. В. Сталин в сентябре 1943 года пригласил в Кремль патриаршего местоблюстителя митрополита Московского и Коломенского Сергия (Страгородского), митрополита Киевского и Галицкого Николая (Ярушевича) и митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия (Симанского). В двухчасовой беседе приняли участие В. М. Молотов, Л. П. Берия и Г. Г. Карпов. Было решено провести Архирейский собор с избранием Патриарха. Через несколько дней, 8 сентября 1944 года главой Русской православной церкви — Патриархом Московским и Всея Руси был избран Сергий (в миру И. Н. Страгородский). При Патриархе образован Священный синод. Открыты храмы и Духовная академия и семинарии, возобновлено издание церковного журнала. Решены другие вопросы церковной жизни. При правительстве был создан Совет по делам русской православной церкви. Были решены вопросы других традиционных религий. В воюющем Советском Союзе в полной мере восстанавливалось действие Конституции 1936 года, согласно которой гражданам обеспечивалась свобода совести, церковь была отделена от государства и школа от церкви.

Опыт Великой Отечественной войны Советского Союза учит, что Советское государство смогло преодолеть невероятные и небывалые в истории трудности, вести самую справедливую войну и разгромить фашистского агрессора потому, что воплощало союз и дружбу народов, воспитало идейно-политическую сознательность советских людей, вырастило их страстными патриотами, любящими свою социалистическую Советскую Родину. «Советские люди, — сказал И. В. Сталин в докладе 6 ноября 1944 года «XXVII годовщина Великой Октябрьской социалистической революции», — отказывали себе во многом необходимом, шли сознательно на серьёзные материальные лишения, чтобы больше дать фронту. Беспримерные трудности нынешней войны не сломили, а ещё более закалили железную волю и мужественный дух советского народа. Наш народ по праву стяжал себе славу героического народа»[19].

Сплачивая антифашистские силы во имя Победы

Сегодня есть политики и историки, не желающие видеть в И. В. Сталине выдающегося полководца. Но они вынуждены признать в нем великого государственного деятеля и дипломата

Английский премьер во второй половине декабря 1941 года направил в Москву своего соратника министра иностранных дел А. Идена, бывшего к тому же его зятем и руководителем английской разведки. Перед ним была поставлена задача провести с советской стороной переговоры о заключении договора о союзе и взаимопомощи и послевоенном устройстве мира, а заодно удостовериться, действительно ли гитлеровцы под Москвой потерпели сокрушительное поражение.

Учитывая важность заключения договора между СССР и Великобританией, в переговорах с А. Иденом принял участие И. В. Сталин с В. М. Молотовым. Со всей настойчивостью и твердостью Сталин сразу заявил о необходимости немедленного признания Англией советских границ 1941 года и чтобы это непременно было указано в послевоенном мирном договоре. Иден в ходе переговоров заявил:

— К чему торопиться с установкой послевоенных границ, когда Гитлер все еще стоит под Москвой и до Берлина далеко.

Сталин ответил сразу и убежденно:

— Ничего, русские уже были два раза в Берлине, будут и в третий раз!

Поскольку английское правительство отказывалось признать советские границы 1941 года, решено было продолжение переговоров перенести на более позднее время. Сталин предложил свозить Идена в освобожденный Волоколамск. Иден согласился. На заснеженных полях английский министр и сопровождавшие его

военные увидели разбитую и сожженную немецкую боевую технику — танки, орудия и др., трупы убитых фашистов, которых еще не успела убрать похоронная команда. По возвращении Иден сказал, что увиденное произвело на него потрясающее впечатление, доказывающее, как немецкая армия может терпеть поражение, отступать с потерями. Он сообщил Черчиллю: «Сталин полностью с нами против Гитлера».

О поездке Идена по освобожденному Подмосковью подробно доложили Сталину. «Теперь, — заключил Сталин, — англичане на переговорах с нами будут более сговорчивыми». В июле 1941 года СССР и Англия подписали «Соглашение о совместных действиях в войне против Германии».

В то же тяжелое время 1941 года в Москву прибыл специальный представитель президента США и личный друг Ф. Рузвельта Г. Гопкинс. Перед ним была поставлена такая же задача: удостовериться, способны ли русские выстоять? Он сообщил Рузвельту об откровенных разговорах со Сталиным, его оценке сложившейся ситуации, подчеркнув, что у Сталина не было ни одного лишнего слова, жеста, ужимки. На Рузвельта произвела сильное впечатление переданная Гопкинсом фраза Сталина: «Дайте нам зенитные орудия и алюминий, и мы сможем сражаться три или четыре года».

Беседу с Гопкинсом Сталин завершил призывом к вступлению США в войну. Он сказал, что приветствовал бы «прибытие американских войск на любой участок русского фронта под полным командованием американского руководства». Вместе с тем Гопкинс признавался, что во влиятельных кругах США «удивительно велико число людей, не желающих оказывать помощь России, и которые, по-видимому, неспособны осознать своими твердолобыми головами стратегическую важность этого фронта». Гопкинс писал, что считает Сталина выдающимся военным руководителем и убеждал президента оказывать СССР помощь.

И Черчиллю, и Рузвельту стало ясно, что СССР так быстро не рухнет, а будет сражаться с фашистской Германией до ее полного разгрома. Больше того, они понимали, что без СССР не победят Германии. Хотя в Советском Союзе правящие круги Великобритании и Соединенных Штатов Америки видели страну с недружественным им политическим строем и чуждой идеологией, а в Германии они уже имели дело с опасным империалистическим хищником на мировой арене. Поэтому они считали наиболее целесообразным до поры до времени не принимать активного участия в помощи СССР, точнее: придерживаться линии сенатора Трумэна — пусть Германия и Россия бьют друг друга как можно больше.

Отсюда затяжка Великобританией и США с открытием Второго фронта в Европе, хотя союзники по антигитлеровской коалиции обещали начать военные действия еще в 1942 году, но отказались от своего обязательства. Под разными предлогами союзники оттягивали открытие Второго фронта и в 1943 году. И лишь когда стало ясно, что Советский Союз может собственными силами разгромить фашистскую Германию, тогда англо-американские экспедиционные силы 6 июля 1944 года вторглись на территорию Северо-Западной Франции (Нормандская десантная операция). Однако по-прежнему ударным был советско-германский фронт, где перемалывались главные силы вермахта.

Не торопились союзники и с поставками в СССР, особенно в тяжелый начальный период Отечественной войны, вооружения, боевой техники, стратегического сырья, продовольствия и разного рода материалов для военной экономики. Не секрет, что при этом союзники подпитывали фашистскую Германию финансами, военной техникой и даже стратегическим сырьем. К тому же союзники вели сепаратные переговоры с гитлеровцами, по поводу которых И. В. Сталин писал президенту Рузвельту:

«Вы утверждаете, что никаких переговоров не было еще. Надо полагать, что Вас не информировали полностью. Что касается моих военных коллег, то они, на основании имеющихся у них данных, не сомневаются в том, что переговоры были и закончились соглашением с немцами, в силу которого немецкий командующий на западном фронте маршал Кессельринг согласился открыть фронт и пропустить на восток англо-американские войска, а англо-американцы обещали за это облегчить для немцев условия перемирия.

Я думаю, что мои коллеги близки к истине… В противном случае был бы непонятен тот факт, что англо-американцы отказались допустить в Берн представителей Советского командования для участия в переговорах с немцами. …

Понятно, что такая ситуация никак не может служить делу сохранения и укрепления доверия между нашими странами.

Я уже писал Вам в предыдущем послании и считаю нужным повторить здесь, что я лично

и мои коллеги ни в коем случае не пошли бы на такой рискованный шаг, сознавая, что минутная выгода, какая бы она ни была, бледнеет перед принципиальной выгодой по сохранению и укреплению доверия между союзниками»[20].

При всей ненависти к социалистическому Советскому Союзу У. Черчилль изрек великую правду, когда следующими словами охарактеризовал И. В. Сталина: «Это был человек, который своего врага уничтожал руками своих же врагов, заставив даже нас, которых открыто называл империалистами, воевать против империалистов». В результате коренного перелома военных событий на советско-германском фронте в 1943 году, а, следовательно, и в ходе всей Второй мировой войны, возникла новая политическая и идейная ситуация для объединения всех антифашистских, демократических и прогрессивных сил человечества, чтобы наконец расправиться с фашизмом и его антигуманными концепциями. В этой новой мировой ситуации по предложению И. В. Сталина Президиум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала 15 мая 1943 года принял важное поворотное решение о роспуске Коминтерна.

Отвечая на вопрос по этому поводу главного корреспондента английского агентства, 28 мая 1943 года И. В. Сталин подчеркивал:

«Роспуск Коммунистического Интернационала является правильным и своевременным, так как он облегчает организацию общего натиска всех свободолюбивых наций против общего врага — гитлеризма.

Роспуск Коммунистического Интернационала правилен, так как:

а) он разоблачает ложь гитлеровцев о том, что „Москва“ якобы намерена вмешиваться в жизнь других государств и «большевизировать» их. Этой лжи отныне кладётся конец;

б) он разоблачает клевету противников коммунизма в рабочем движении о том, что коммунистические партии различных стран действуют якобы не в интересах своего народа, а по приказу извне. Этой клевете отныне также кладётся конец;

в) он облегчает работу патриотов свободолюбивых стран по объединению прогрессивных сил своей страны, независимо от их партийности и религиозных убеждений, в единый национально-освободительный лагерь, — для развертывания борьбы против фашизма;

г) он облегчает работу патриотов всех стран и объединению всех свободолюбивых народов в единый международный лагерь для борьбы против угрозы мирового господства гитлеризма, расчищая тем самым путь для организации в будущем содружества народов на основе их равноправия»[21].

В ходе освободительного похода Красной Армией от фашистского ига были спасены народы Польши, Чехословакии, Болгарии, Румынии, Венгрии, Австрии, Югославии. Большой вклад был внесен Советским Союзом в возрождение суверенитета Норвегии, Дании, Франции и ряда других европейских стран, оккупированных фашистской Германией.

Во внешнеполитической деятельности И. В. Сталина особое место занимала Польша. В довоенный период у Советского Союза с Польшей складывались в основном по ее вине серьезные конфликтные отношения. Во время войны Польша была членом антигитлеровской коалиции, ее вооруженные силы сражались на разных фронтах Второй мировой войны. Однако польское эмигрантское правительство, находившееся в Лондоне, стояло на жестких антисоветских позициях. Все это приходилось учитывать, сотрудничая с США и Англией в борьбе против Германии.

Красная Армия в ходе освободительного похода первой освобождала территорию Польши от фашистского ига. Возникли новые сложные проблемы. Еще когда немецко-фашистские войска рвались к Москве, И. В. Сталин основательно присматривался к тем польским лидерам, которые могли бы стать костяком будущего нового руководства Польши, ориентированного и учитывающего коренные интересы СССР. Созданный Польский комитет национального освобождения стал временно исполнять функции правительства Польши. В Москве 21 апреля 1945 года был подписан Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Польской республикой. В мае 1945 года Красная Армия и части Войска Польского завершили освобождение Польши. Потсдамская конференция 1945 года установила западную границу Польши по Одеру–Нейсе. В то время советские инициативы отражали интересы значительного большинства поляков, способствовали становлению впервые в ее истории народной власти. Благодаря последовательной и твердой советской позиции Польша получила Силезский промышленный район.

Даже явный недоброжелатель Советского Союза премьер У. Черчилль вынужден был

признать: «Без русских армий Польша была бы уничтожена или низведена до рабского положения, а сама польская нация стерта с лица земли. Но доблестные русские армии освобождают Польшу, и никакие другие силы в мире не смогли бы это сделать»[22].

На протяжении всей Великой Отечественной войны И. В. Сталин принимал действенные меры по укреплению антигитлеровской коалиции и закреплению внешнеполитических позиций Советского Союза и росту его международного авторитета. Именно благодаря И. В. Сталину на переломном этапе Великой Отечественной войны, а также на повороте протекания Второй мировой войны в 1943 году состоялась Тегеранская конференция глав правительств трех союзных держав СССР, США и Великобритании. На победном этапе войны И. В. Сталин провел в феврале 1945 года конференцию глав правительств трех союзных держав СССР, США и Великобритании на советской территории в Крыму (Ялтинская конференция) и в июле того же года после полного разгрома Красной Армией фашистской Германии и безоговорочной капитуляции её вооруженных сил перед Советским Верховным Главнокомандованием и Верховным командованием союзных экспедиционных сил в Берлине конференцию глав правительств великих государств СССР, США и Великобритании — победителей фашистской Германии (Потсдамскую конференцию). На Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференциях И. В. Сталин твёрдо и решительно отстаивал государственно-национальные и классово-идеологические позиции и интересы Советского Союза. Тогда, в годы войны и первые послевоенные годы, президенты США и премьер-министры Великобритании и подумать не могли, что они что-то могут навязывать, диктовать главе правительства СССР.

Заключение

Должно сбыться предвидение И. В. Сталина, высказанное в запутанном 1939 году: «все же, как бы ни развивались события, но пройдет время, и взоры новых поколений будут обращены к делам и победам нашего социалистического Отечества. Год за годом будут приходить новые поколения. Они вновь подымут знамя своих отцов и дедов и отдадут нам должное сполна. Свое будущее они будут строить на нашем прошлом»[23].

---

1 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1944. Т. 1. С. 111.

2 Черчилль У. Вторая мировая война. Т. III. Пер. с англ. М., 1955. С. 366.

3 Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне. (Июнь 1941 г. — 1945 г.). Документы и материалы. М., 1970. С. 41.

4 Ведомости Верховного Совета СССР. 1941, 6 июля.

5 Жуков Ю. Н. Настольная книга сталиниста. М., 2010. С. 12.

6 Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950. С. 22–23.

7 Сталин И. О Великой Отечественной войне. Указ. соч. С. 17.

8 Правда. 1941, 3 июля.

9 Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1975. С. 540–541.

10 Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., в 2-х т. 1990. Т. 2, С. 72–73.

11 Жуков Г. К. Указ. соч. С. 109.

12 Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950. С. 20–21.

13 Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Указ. соч. С. 78.

14 Там же. С. 282.

15 Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Указ. соч. С. 204.

16 Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Указ. соч. С. 49, 51.

17 Советская Россия. 1997. 11 сентября.

18 Шахурин А. И. Крылья Победы. М., 1983. С. 70.

19 Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Указ. соч. С. 285.

20 Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1957. С. 204–205.

21 Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Указ. соч. С. 193–194.

22 Цит. по: Советская Россия. 1997, 11 июня.

23 Сталин И. Соч., 18, С. 610.

В битве за Москву

Б. И. Невзоров*

Исследование архивных документов показывает, что главари третьего рейха, мечтая о быстром разгроме Советского Союза, не могли отделаться от представлений, что война должна закончиться в его столице. Так было всегда! Наполеон диктовал условия мира из покоренных им вражеских столиц. С падением Варшавы в 1939 года капитулировала Польша, с захватом Парижа в 1940 году — Франция. И «восточный поход», мечтали гитлеровцы, быстро завершится в покоренной ими Москве.

К июню 1941 года Вторая мировая война, втянув в свою орбиту около 30 государств, вплотную подошла к границам СССР. На Западе не оказалось силы, способной остановить военную машину нацистской Германии, которая в течение 21 недели разгромила армии 12 европейских стран. При этом Франция капитулировала на 44 день войны. Английские же войска, участвовавшие во Французской кампании (май 1940 года), бросив все вооружение и боевую технику, по существу, — спаслись бегством на Британские острова. В руки германского вермахта попало вооружение почти 180 дивизий покоренных стран. В качестве трофеев гитлеровцы взяли 4930 танков и бронетранспортеров, 3000 самолетов. Только французскими автомобилями немцы обеспечили 40 процентов своих дивизий, развернутых против СССР[1].

В покоренной Европе, казалось, всё трепетало перед рейхом. Англия — накануне поражения, бывшие нейтралы, выражали чувства преклонения и покорности. Внутри Германии пропаганда доводила миллионы людей до истерического фанатизма. Могла ли существовать в таких условиях какая-нибудь держава, особенно Россия, способная устоять под ударом германского меча?

Конечно, нет! — считал Гитлер. И сделал следующий вывод: «***Если этот колосс правильно и решительно атаковать, то он будет разбит быстрее, чем может предполагать весь мир***». А начальник генерального штаба сухопутных сил Гальдер заявил своему венгерскому коллеге: — «***Советская Россия все равно, что оконное стекло: нужно только раз ударить кулаком, и все разлетится в куски***»[2].

Уверенные в своей быстрой победе, гитлеровцы развернули свои главные силы у западной границы Советского Союза. В военной истории еще не было ничего подобного. Уже в первый же день войны Германия бросила в сражение: 70 % всех дивизий, 75 % орудий и минометов, 90 % танков и боевых самолетов. Все эти войска были сосредоточены в трех стратегических группировках (группах армий «Юг», «Центр» и «Север»), имея значительное превосходство над войсками Красной Армии в живой силе и военной технике. При этом центр тяжести усилий в масштабе всей группировки войск вторжения находился в полосе группы армий «Центр», нацеленной для удара на московском направлении. В её составе было сосредоточено 36,4 % солдат и офицеров, свыше 53 % танков, почти половина всех боевых самолетов и артиллерии от общего количества сил вторжения.

Внезапный удар столь мощной группировки 22 июня 1941 года привел к тому, что уже через

* **Борис Ильич Невзоров** — кандидат исторических наук, доцент, Почетный профессор Европейского Университета, полковник в отставке.

неделю немцы преодолели треть расстояния от госграницы до Москвы, спустя две недели — половину этого пути.

В этой связи Сталин 25 июня распорядился сформировать и развернуть на западном направлении второй стратегический эшелон — группу армий Резерва Главного Командования. 27 июня по его указанию этой группе была поставлена задача: «Не допустить прорыва противника в направлении на Москву, уничтожая его мощными контрударами наземных войск и авиации».

Еще через день, — 28 июня Сталин приказал выдвинуть две новые армии к линии, удаленной на 180–250 км от переднего края второго стратегического эшелона с задачей — прочно оборонять рубеж Нелидово, Ельня, Дорогобуж, р. Десна до Жуковки (50 км северо-западнее Брянска). Военным советам этих армий Верховный Главнокомандующий дал указание: к подготовке рубежа приступить немедленно, обратив особое внимание на организацию обороны направлений Смоленск, Вязьма и Рогачев, Медынь (то есть направлений, которые шли вдоль Минской автострады и Варшавского шоссе и кратчайшим путем выводили к Москве)[3].

Суть этих трех распоряжений Сталина в том, чтобы глубокоэшелонированной обороной на дальних подступах к Москве, сорвать попытку противника прорваться к Москве и с ходу овладеть ею. Рассмотренные выше директивы явились первыми мерами по подготовке Москвы к обороне. Их содержание показывает, что битва за Москву, как двусторонний процесс, началась с момента постановки задач войскам Красной Армии о недопущении прорыва врага к Москве — то есть с 27 июня 1941 года. До этого дня цель борьбы за русскую столицу преследовал только агрессор. А войска Красной Армии имели задачу лишь отразить вторжение врага на территорию нашей страны.

Ну, а как в советских и российских средствах массовой информации писалось о роли руководителя государства — Главнокомандующего Вооруженными Силами страны И. В. Сталина — в мобилизации всех сил страны на отпор агрессору и в битве за Москву?

В отечественной литературе и печатных источниках утверждалось, что с началом войны Сталин находился в состоянии растерянности и даже хотел покинуть Москву и, что советскими войсками он практически не управлял… Эту версию в свое время выдвинул Н. С. Хрущев, написав: «*Сталин был совершенно парализован в своих действиях и не собирался с мыслями… Он находился в состоянии шока*»[4]. Критика начального периода войны была необходима Хрущеву, чтобы подорвать огромный авторитет Сталина в глазах бывших фронтовиков, составлявшим тогда ядро советского общества.

А вот В. М. Молотов, в этой связи, отметил следующее: «*Растерялся — нельзя сказать, переживал — да, но не показывал никому. Все эти дни и ночи напролет он, как всегда работал. Некогда ему было теряться или дар речи терять*»[5]. К примеру, Сталин участвовал в составлении и редактировании обращения к народу в связи с нападением фашисткой Германии, текст которого 22 июня в 12:30 Молотов зачитал по радио. Сам же Сталин, вспоминал Молотов, не хотел выступать первым, так как еще не была ясна картина и положение на фронте[6].

Не отставал от Хрущева и А. И. Микоян. Так в своих воспоминаниях Анастас Иванович написал: когда немцы взяли Минск (*28 июня 1941. — Б. Н.*), у Сталина была «*такая прострация, что он ничем не интересовался, потерял инициативу, находился в плохом состоянии*». А в это время, не терявшие присутствие духа Берия, Молотов, Вознесенский, Маленков, Ворошилов и сам Микоян разработали идею создания ГКО (Государственного Комитета Обороны. — *Б. Н.*) и прибыли с ней к «недееспособному» Сталину на Ближнюю дачу. В этой связи авторы одного из готовившихся трудов о Московской битве попросили экспертов-графологов Следственного Комитета РФ определить, чей почерк на листочках, взятых из Кремлевских архивов Сталина?

— Их ответ был однозначен — это почерк И. В. Сталина[7].

Хотелось бы напомнить фальсификаторам истории и о том, что «ведь даже первую сводку с фронта Главного Командования Красной Армии для печати за 22.6.1941 года И. В. Сталин пишет и редактирует лично. Сталин очень краток, тщательно подбирает слова. Он хочет успокоить страну — „противник отбит“. Но сам-то понимает, что произошло нечто страшное. Он сильно нажимает на карандаш, ставит жирную точку, карандаш ломается»[8].

Тексты большинства постановлений ГКО Сталин готовил сам. Кроме них Иосиф Виссарионович подписал массу телеграмм и телефонограмм, никак и нигде не зарегистрированных, но, тем не менее, имевших силу закона. Эти документы, под которыми стоит подпись Сталина,

приводили в движение целые фронты, армии, заводы, огромные массы людей.

ГКО распоряжался жизнью всей страны. Его постановления и распоряжения выполнялись беспрекословно, точно и в срок. Практически не было случая, когда хотя бы одно постановление (за годы войны их было принято 9971) оказалось не выполнено. Символично — первым пунктом повестки дня первого заседания ГКО был вопрос об увеличении выпуска пожарных машин на московском заводе, а всего по обороне Москвы за первый год войны выпущено более ста постановлений ГКО[9]. Какие вопросы решал ГКО по ходу битвы за Москву? Проще сказать, каких вопросов он не решал. фронт, тыл, ПВО, народное ополчение, вооружение, военные кадры, эвакуация предприятий, защита населения, партизанское движение — главные темы повседневных забот этого Комитета. И с самого первого заседания ГКО Сталин озаботился проблемами защиты столицы.

Документы и материалы архивов показывают, что ни одного решения по планированию и ведению боевых действий на фронте, без Сталина не принималось с первых и до последних дней войны. Поэтому говорить о том, что он практически не управлял войсками, это — полнейший абсурд.

Извращение роли Сталина в истории Великой Отечественной войны, в том числе и Московской битвы, продолжается почти весь послевоенный период, вплоть до нынешних дней. Из подобных публикаций СМИ мы узнаем, что Победа над фашисткой Германией, оказывается, одержана вопреки Сталину, что никакой он не полководец, что «полководцем Победы» является народ и т. д. А в одном из юбилейных дней по телевидению показывали фильм: «Враг у ворот Москвы. Октябрь 1941 годжа». Так, вот его автор и ведущий Леонид Млечин с экранов телевизоров на всю страну вещал

«Москву спасли исключительно студенты и сами жители города, но только не Красная Армия, Советские солдаты просто бежали с поля боя, а бездарный командный состав, совершенно оторванный от личного состава, так объедался черной икрой, что перестал влезать в свои кители (которы**е,** между прочим, в нашей армии, появились только в 1943 году, то есть тогда, когда битва за Москву уже завершилась. — *Б. Н.*).

Продолжать цитирование содержания домыслов, мифов и прямых фальсификаций роли Сталина в битве за Москву нет смысла. Попробуем вновь вникнуть в ход борьбы за нашу столицу и самим сделать соответствующие выводы.

Какой же была роль Сталина в срыве попытки врага захватить столицу с ходу? Ход военных действий на этом этапе борьбы показывают следующее. С момента вторжения немецких войск именно Москва сразу же оказалась в центре внимания воюющих сторон: на нее был нацелен главный вектор германского нашествия, и на московском направлении проходили самые значительные события первых двух месяцев войны. В этой связи И. В. Сталин 9 июля подписал постановления ГКО: «О строительстве заграждений 3-й оборонительной линии на Московском направлении» А всего по его указаниям ГКО до 29 сентября издал 34 постановления, касавшихся различных проблем защиты Москвы.

За это время Ставка Главного Командования (Верховного Командования, с 8.8.41 года — Верховного Главнокомандования) направила фронтам Западного стратегического направления, оборонявшим дальние подступы к столице, 78 директив, приказов, а также большую часть своих резервов. В течение первого месяца войны по распоряжению Сталина на этом стратегическом направлении было развернуто **12** общевойсковых армий (из 17) **и** 121 дивизия (70 % от общего числа объединений и соединений, направленных на весь советско-германский фронт). А всего до сентября для управления этими силами в интересах защиты Москвы было образовано: пять новых оперативно-стратегических объединений, таких, как: Фронт резервных армий (14–25.7.41 г.), фронт Можайской линии обороны (18–30.7.41 г.)**,** Центральный (24.7 — 25.8.41 г.), Резервный (с 30.7.41 г.) и Брянский (с 16.8.41 г.) фронты, Всего же с момента вторжения агрессора и до 10 сентября были сосредоточены и развернуты **163 дивизии** (стрелковые, мотострелковые, танковые моторизованные, кавалерийские и народного ополчения Москвы)[10].

Для немцев становилось все более очевидным: война не кончается, а только лишь начинается. В германском стане никто не мог такого ожидать. На Днепре, у смоленских высот и на многих других участках западного направления развернулись тяжелейшие кровопролитные бои, в которых советские войска настолько потрясли наиболее мощную группировку противника, что заставили германское командование впервые во Второй мировой войне заняться пересмотром своих оперативных планов. Потеряв в Смоленском сражении свыше 200 тыс. человек[11], самая

сильная немецкая группировка была вынуждена перейти к обороне. Советское командование делало все, чтобы не допустить её к столице. Оно смогло сорвать планы врага, *выставив на место каждой разгромленной в Белоруссии дивизии свыше трех новых*[12]. В результате немцы были вынуждены перейти к обороне и отложить на два месяца планы по захвату русской столицы.

Вспоминая эти тяжелейшие для нашей страны дни, Г. К. Жуков (который, тогда был начальником Генштаба и по указанию Сталина подготовил почти все директивы Ставки о развертывании новых войск в интересах защиты Москвы), после войны писал: «фактический ход борьбы летом 1941 года означал провал первого наступления немецко-фашистских войск на Москву, когда они, опьяненные своими успехами в ходе приграничных сражений, намеривались форсированным маршем, с ходу овладеть советской столицей…Новый цикл ожесточенных боев на западном направлении развернулись осенью *1941 года*»[13].

Противовоздушная оборона столицы и действия Сталина по её укреплению

Уже на 17 день войны Гитлер объявил о своем непоколебимом решении ударами авиации сравнять Москву с землей и заявил, что «*это будет народное бедствие, которое лишит центра не только большевизм, но и русских вообще*». В ночь на 22 июля немецкая авиация совершила первый воздушный налет на Москву. Участвовало 200 самолетов. В ночь на 23 июля к Москве рвалось до 150 вражеских самолетов, в ночь на 24 июля — до 180. За первые два месяца войны немецкая авиация совершила 36 ночных массированных налетов на столицу, в которых участвовал 5100 самолетов.

И Сталин самые первые свои распоряжения, начиная с постановлений ГКО от 30 июня и от 9 июля 1941 года «О противовоздушной обороне Москвы» и ряда других, направил на подготовку столицы к отражению налетов вражеской авиации.

Всего совершено 125 налетов (93 ночных и 32 дневных), в которых участвовало свыше 7 тыс. самолетов. Из них 1086 сбито средствами ПВО на подступах к столице, 338 самолетов прорвались к городу, сбросив на него 1610 фугасных и 110 тыс. зажигательных авиабомб. Было разрушено или серьезно повреждено 1467 жилых домов, промышленных объектов, учебных, научных и общественных учреждений. Пострадало 7708 человек, из них 2196 москвичей погибло.

Но это было далеко не то, на что рассчитывал враг. Смелые самоотверженные действия 63 тыс. воинов ПВО Москвы (летчиков-истребителей, зенитчиков-артиллеристов, пулеметчиков, прожектористов, аэростатчиков, личного состава службы воздушного наблюдения, оповещения и связи) и 600-тысячной армии добровольцев — отрядов местной противовоздушной обороны сохранили город от разрушений, доля которых не превысила 2 % от числа всех зданий, имевшихся в столице к началу войны. Ведь только добровольные пожарные команды и группы самозащиты при домоуправлениях немедленно ликвидировали 43,5 тыс. очагов и 2 тыс. пожаров, возникших в столице после налетов немецкой авиации. Они также обезвредили 40 тыс. зажигательных бомб и спасли в разрушенных домах тысячи жителей, оказав первую помощь пострадавшим.

Сравнение разрушений Москвы и столиц других государств, подвергавшихся ударам авиации противника во время военных действий, показывает: в границах большого Лондона жилых и технических зданий было разрушено больше чем в Москве в 27 раз, в Берлине — в 30 и в Токио — в 491 раз! Как видим, Москва, находившаяся в прифронтовой зоне, является единственной столицей мира, которая в годы Второй мировой войны не имела существенных разрушений. При этом было бы несправедливо не упомянуть роль Сталина, Ведь именно его решением на прикрытие столицы с воздуха выделялись огромные силы и средства и лучшая техника. О степени их массирования свидетельствуют такие цифры: из каждых 100 единиц военной техники, имевшейся в Войсках ПВО на всей территории страны, около 40 самолетов-истребителей, 37 зенитных пушек и 35 зенитных прожекторов были сосредоточены в Московском корпусном районе ПВО (с 4.4.42 г. — Московском фронте ПВО). Такая степень концентрации создала материальные предпосылки для достижения невиданной в мире эффективности противовоздушной обороны крупного города.

Сталин вникал лично во все основные вопросы организации и ведения противовоздушной обороны столицы: он присутствовал на командном пункте ПВО Москвы во время учений и при отражении воздушных налетов, принимал меры к усилению группировки войск ПВО и т. д. Так, 12 июля 1941 года он подписал

приказ НКО о разделении зоны боевых действий истребительной авиации ПВО Москвы на четыре сектора с точным указанием сил, защищающих сектор, и начальника, отвечающего за его оборону. При этом Сталин исходил из того, что командир 6-го истребительного авиационного корпуса не в состоянии успешно руководить своими 29 истребительными авиационными полками, так как считал, что один человек может плодотворно управлять не более чем пятью подчиненными. Высочайшая степень концентрации сил и средств в сочетании с самой лучшей техникой и вооружением создали материальные предпосылки для достижения невиданной в мире эффективности ведения противовоздушной обороны крупного центра страны, которая и спасла город от уничтожения вражеской авиацией.

Столица справедливо гордится воинами ПВО Москвы, среди которых было более 20 тыс. девушек. Многие зенитно-пулеметные полки и прожекторные роты наполовину состояли из девушек[14]. Своей героической борьбой они не только спасли город от уничтожения вражеской авиацией, но и сыграли огромную роль в деле завоевания советской авиацией оперативного господства в воздухе на московском направлении. А без этого было бы невозможно успешно завершить не только оборонительные операции битвы за Москву, но и разгромить сильнейшую армию того времени меньшими силами в ходе контрнаступления советских войск.

Партизанское движение

И. В. Сталин в своем выступлении по радио 3 июля 1941 года обратился с призывом придать войне с фашизмом всенародный характер. Уже к 15 июля в Московской области действовало 112 истребительных батальонов, созданных на основе распоряжения Сталина в Постановлении ГКО от 9 июля. В их рядах с врагом сражалась 41 тыс. бойцов. Именно эти отряды стали основой для формирования партизанских отрядов. Всего же из бойцов истребительных отрядов и сотрудников НКВД в области был сформирован 41 партизанский отряд, 377 истребительно-диверсионных групп и Московский истребительный мотострелковый полк (в составе 1914 чел.), истребительные батальоны, созданные в начале октября из сотрудников Московской милиции, истребителей и бойцов внутренних войск НКВД. В партизанских отрядах сражалось около 15 тыс. человек[15].

Первые группы полка ушли через фронт под Рузу, Дорохово и Можайск 13–17 ноября 1941 года. Затем, с 13 ноября по 1 января 1942 года линию фронта перешли 70 истребительно-диверсионных групп. Масштаб боевой работы полка резко возрос после прорыва Красной Армии рубежа обороны по рекам Лама и Руза. Всего за время битвы за столицу истребительный полк перебросил в тыл врага 135 истребительно-диверсионных групп (более 4 тысяч бойцов). По далеко не полным данным ими было уничтожено 3761 солдат и офицеров противника, 12 танков, 96 автомашин.

Наконец, собственную партизанскую борьбу в тылу немецких войск вел Генеральный штаб РККА. С первых дней войны разведуправление Генштаба организовало на фронтах оперативные спецгруппы, занимавшиеся подбором и заброской в тыл противника разведывательно-диверсионных групп и отрядов. Оперативной спецгруппой (с августа 1941 года — Оперативный диверсионный пункт) Западного фронта командовал майор А. К. Спрогис. В рядах его диверсионных групп воевало более 2 тыс. москвичей, в том числе Зоя Космодемьянская и Вера Волошина. За год существования Оперативный диверсионный пункт, получивший в марте 1842 года наименование в/ч 9903, подготовил и перебросил за линию фронта 115 разведывательно-диверсионных групп общей численностью 2862 человека[16].

Столице угрожает «Тайфун»

Замысел немецкой операции «Тайфун» заключался в нанесении трех мощных ударов из районов Духовщины, Рославля и Шостки в восточном и северо-восточном направлениях с целью прорыва обороны советских войск, окружения и уничтожения их в районах Вязьмы и Брянска с последующим захватом Москвы. Выполнение этих задач возлагалось на группу армий «Центр» под командованием генерал-фельдмаршала фон Бока. Авиационную поддержку наступления осуществляли эскадры 2-го воздушного флота в условиях своего полного господства в воздухе.

За счет резервов ОКХ и войск с других участков восточного фронта германское командование смогло к концу сентября довести состав группы фон Бока до 1800 тыс. (по другим немецким данным до 1 929 406 человек), 14 тыс. орудий и минометов, 1,7 тыс. танков; 1390 самолетов. Никогда ранее немцы не использовали столь

огромных сил в составе одной группы армий и не развертывали на одном стратегическом направлении три танковые группы из четырех. Только на Москву противник бросил танковых и моторизованных дивизий больше, чем в мае 1940 г. против Франции, Англии Бельгии и Нидерландов вместе взятых. На советскую столицу было нацелено 42% личного состава, 75% танков, почти половина самолетов, 33% орудий и минометов из общего количества, находившегося на всем восточном фронте. Таковы были планы и силы врага.

К осуществлению операции «Тайфун» немцы приступили 30 сентября нанесением ударов силами 2-й танковой группы в направлении Орла. А с рассветом 2 октября на Москву устремились главные силы противника. Для Красной Армии операция началась с катастрофического поражения. Германский вермахт прорвал стратегическую оборону и к 9 октября окружил главные силы трех фронтов — 63 дивизии (или 66, 3 % от их общего числа). Все пути на Москву оказались открытыми. Резервов у Ставки ВГК здесь не было. Общее преимущество противника в силах над войсками фронтов западного направления возросло до 7–9 раз (К 30.9.41 г. оно составляло 1,4–1,8 раза)

Причин столь трагического для советских войск начала октябрьских сражений за Москву было несколько Главные из них следующие:

— Во-первых, это огромное превосходство противника в силах и средствах. Ведь на одну Москву танковых и моторизованных дивизий нацеливалось больше, чем в мае 1940 года против Франции, Англии, Бельгии и Голландии вместе взятых. Это позволило германскому вермахту на избранных им направлениях главных ударов добиться превосходства над советскими войсками в 6–12 раз, а не духовщино — вяземском направлении по танкам — даже в 31 раз!
— Во-вторых, войска противника были хорошо подготовлены, сколочены и. имея 25-месячный боевой опыт, обладали высочайшей подвижностью. Ведь на одну автомашину в советской стрелковой дивизии приходилось — до 115 транспортных единиц в немецких дивизиях.
— В-третьих, начало наступления врага по плану «Тайфун», для советского командования, как и в начале войны, — оказалось неожиданным. Наша разведка в данном случае оказалась не на высоте. Это обстоятельство привело к тому, что Ставка сделала ошибочные выводы из оценки стратегической обстановки. Считая, что после того, как в ходе Смоленского сражении Красная Армия заставила группу армий «Центр» перейти к обороне и перебросить треть своих армий на Юго-Западное направление, Сталин был уверен, что противник в ближайшее время не сможет возобновить наступление на Москву. Сей просчет Верховного привел к тому, что построение обороны фронтов, не соответствуя сложившейся обстановке, явилось одной из причин крупного поражения наших войск.

Но, несмотря на столь трагическое поражение и отступление Красной Армии с тяжелыми боями на 230–360 км, советская государственная и экономическая система, политическое и военное руководство страны в этой экстремальной ситуации продемонстрировала свою исключительную оперативность и живучесть. В сравнительно короткий срок Сталин смог перегруппировать силы между фронтами и, введя в сражение за Москву 25 резервных дивизий и 24 бригады. восстановил Западный и Брянский фронты, а также — сформировал новый, Калининский фронт.

Об этой стороне деятельности И. В. Сталина бывший нарком путей сообщения Ковалев вспоминал: Верховный Главнокомандующие в те дни следил за продвижением к столице буквально каждого воинского эшелона. Вы представьте себе эту сторону его деятельности. Для переброски частей только одной стрелковой дивизии требовались 40 и даже больше железнодорожных эшелонов. А ведь только до конца октября на защиту столицы было переброшено более двух десятков дивизий (стрелковых, мотострелковых, кавалерийских и др.). С этой целью было задействовано свыше 900 железнодорожных эшелонов. Они двигались из Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии, Кавказа и вдоль стратегического фронта. При этом одновременно шло много десятков эшелонов! А Сталин помнил их номера и требовал от железнодорожников делать все, чтобы каждый из эшелонов двигался со скоростью экспрессов!

Сосредоточением и введением в сражения этих резервов Сталину удалось не только остановить наступление противника, но и закрыть образовавшиеся в обороне бреши. В результате к концу октября наступление врага на Москву захлебнулось на Можайской линии обороны.

Исторический парад

В те дни, когда героическими усилиями советских войск операция «Тайфун» захлебнулась на Можайской линии обороны и тульском направлении, приближался канун 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Это событие — главный государственный праздник Советского Союза, — в предвоенные годы отмечался всегда особенно пышно. Но о каком торжестве могла идти речь в осажденном городе?! Никому и в голову не приходила мысль о возможности проведения в Москве традиционных праздничных мероприятий, глядя на покрытую камуфляжем Красную площадь, зачехленные звезды кремлевских башен, Мавзолей Ленина, укрытый мешками с песком и замаскированный полотняным «домом» с нарисованными окнами, дверьми и на улицы столицы, перекрытые баррикадами, ежами, надолбами и прочими заграждениями.

О том, чтобы отмечать эту дату в столице не думал никто, ни командование Московского военного округа, ни руководство города, ни жители столицы. Вы только представьте себе обстановку того дня. Ведь враг в тот момент уже лицезрел очертания московских пригородов, а кое-кто из наших американских и британских союзников беззастенчиво высчитывал, на сколько недель еще хватит крови Советской России, чтобы отвлекать на себя силы германского вермахта… Никому тогда даже не снился подобный вариант. А вот И. В. Сталин не только думал, но и, придавая глубокое военно-политическое значение такому событию, в строжайшей тайне организовал подготовку к военному параду на Красной площади. Только поздно ночью (около 23 ч.) 6 ноября после торжественного собрания на станции метро «Маяковская» командующий парадом зам. наркома обороны СССР маршал С. М. Буденный сообщил командирам частей об участии в параде на Красной площади. В ночь перед парадом по личному указанию Сталина были расчехлены и зажжены кремлевские звезды, также была убрана маскировка с Мавзолея Ленина.

Утром 7 ноября небо над Москвой было в низких тучах. Шел снег. Было очень холодно. Еще затемно к Красной площади потянулись колонны войск. Прибывшие музыканты военных оркестров заявили дирижеру Агапкину что клапаны (педали) у инструментов замерзают, пальцы коченеют (некоторые были без перчаток). Как играть? А играть нужно — ведь парад-то исторический! Поэтому, мелкие инструменты держали под шинелями, крупные — прикрывали обшлагами шинелей. Марши играли, чередуясь между собой: одни играют, другие отогревают инструменты. Дирижер управлял оркестром, стоя на возвышенной подставке. Снег шел непрерывно, мороз крепчал. А когда парад завершился, то дирижер не мог сойти с подставки — у него примерзли сапоги. Пришлось его вместе с подставкой выносить на руках в теплое место.

Василий Иванович Агапкин (1884–1964) — военный дирижер, композитор, полковник. По приказу наркома обороны ему было приказано дирижировать сводным военным оркестром на параде. Особое же место в творчестве Агапкина занял марш «Прощание славянки» (1912) — лучший марш русской армии. Марш посвящен женщинам-славянкам, провожающим своих сыновей, братьев, мужей на справедливую войну. Без его исполнения, вот уже почти 100 лет, не обходился ни один военный парад, торжественный марш или просто шествие соединений и частей русской армии.

В параде участвовало около. 28,5 тыс. человек, 140 арт. орудий, 160 танков и 232 автомашины. Авиация же из-за плохой погоды (сильный снегопад, пурга, ограниченная видимость) участия в параде не приняла. На Красной площади не было ни военных оркестров транспарантов, ни других украшений. Не чеканили шаг слушатели военных академий. И совсем непросто было бойцам-интернационалистам батальона отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОНа) держать строй, когда на ногах валенки, за спиной вещевой мешок, в нем вперемежку — гранаты, запасные обоймы для патронов, кубики пшенного концентрата, а сильный ветер забивает снегом глаза. Да, это был единственный парад, участники которого шли мимо трибун с вооружением, с полным боекомплектом патронов и снарядов.

Кстати, поначалу Сталин считал, что радиотрансляция с парада пойдет, только, на Москву (дабы оставить в неведении врага, не дать ему шанса уничтожить авиаударом советское руководство). И все-таки за несколько минут до начала парада вождь распорядился: «Транслировать на всю страну». Около 8 часов 10 минут, все радиостанции Советского Союза вдруг начали вести прямую трансляцию речи Сталина перед участниками военного парада на Красной площади Москвы. Её услышали не только всё советские люди, но и весь мир: «*Война, которую*

вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляют вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Александра Суворова, Михаила Кутузова». По сути, Сталин повторил мысли из обращения к народу митрополита Сергия от 22 июня 1941 года, но здесь важно иное: многое должно было измениться в мировоззрении вождя, чтобы Сталин решил напомнить русским, что они великий народ, что их сродники такие великие полководцы, кстати, память о которых большевики беспощадно разоряли еще в 30-х годах. Впервые с октября 1917 года прозвучало воззвание к русскому сердцу.

Обратите внимание на следующий факт: для ускорения переброски участников парада к линии фронта, Моссовет выделил 140 трамвайных вагонов. До главной полосы обороны, возведенной вокруг Москвы — на трамвае! Подумать только!

В итоге Сталин одержал великую пропагандистскую победу. С этого парада началась наша Победа!

Проведение военного парада в Москве было воспринято подобно грому среди ясного неба, подобно внезапно разорвавшейся бомбе… Подобного никто не ожидал ни в нашей стране, ни в Берлине, ни в столицах западных держав. Эффект от этой акции, как и предполагал Сталин, был таким же важным, как от успешно проведенной фронтовой операции.

Сообщения о параде в прифронтовой Москве стали сенсацией, облетевшей весь мир. Событие по достоинству оценили союзники: «*Организация в Москве обычного традиционного парада в момент, когда на подступах к городу идут жаркие бои, — писали американские газеты, — показали всему миру, что Москва стоит и будет стоять непобедимо*». Английская газета «Ньюс кроникл» с восторгом отметила: «*Организация в Москве обычного традиционного парада в момент, когда на подступах к городу идут жаркие бои, представляет собой великолепный пример мужества и отваги*». Германия в ноябрьские дни жила ожиданием парада на Красной площади — только не нашего, а своего. Гитлеровские газеты и радио заранее оповестили, что немецко-фашистские войска именно 7 ноября пройдут церемониальным маршем по еще одной покоренной столице Европы. О проведении парада на Красной площади немецкое командование узнало из радиотрансляции. Бомбардировщики поднялись в воздух, но до Москвы не долетел ни один из 250 самолетов.

Парад поднял на еще большую высоту морально-боевой дух войск Красной Армии и стал одним из факторов, обусловивших последующий разгром германских войск на подступах к столице. Этот парад — одна из самых ярких страниц героической истории нашей Родины вообще, и истории Великой Отечественной войны в частности.

«Генеральное» наступление немцев на Москву

Приближающаяся зима заставила германское командование спешить с подготовкой новой операции, чтобы еще до сильных морозов овладеть Москвой. Произведя перегруппировку и пополнив войска оружием, военной техникой и горючим, группа армий «Центр» к середине ноября в основном изготовилась к наступлению, продолжая превосходить советские войск по людям, танкам и артиллерии в 1,6–3 раза. Зато по количеству самолетов советская авиация (фронтовая, Дальнебомбардировочная и истребительная ПВО Москвы) имела теперь 1138 самолетов, а Люфтваффе — 580, то есть её преимуществ над немецкой авиацией стало почти двукратным.

15 ноября немцы приступили к осуществлению своей четвертой по счету операции — «генеральному» наступлению на Москву. Чтобы поднять боевой дух немецких войск, фельдмаршал фон Бок обратился к ним воистину по-наполеоновски: «*Солдаты! Перед вами Москва! За два года все столицы континента склонились перед вами. Вы прошагали по улицам лучших городов. Осталась Москва. Заставьте её склониться, покажите ей силу вашего оружия, пройдите по её площадям. Москва — это конец войны, Москва — это отдых. Вперед!*»[17].

И войска группы армий «Центр» бросились в свое последнее наступление на советскую столицу. В ходе его за 20 дней боев им удалось продвинуться на 80–100 км,

Советское командование, в общем, правильно разгадало замысел наступления врага, направления его главных ударов и группировку войск. По распоряжению Сталина войска укрепляли занимаемые позиции. 14 ноября он отдал распоряжение командующему Западным фронтом генералу армии Г. К. Жукову упреждающими ударами: в районе Волоколамска силами частей 16-й армии генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского и — из района Серпухова» частями 49-й

армией генерал-лейтенанта И. Г. Захаркина, сорвать наступление противника на Москву. Однако эти контрудары. своей цели не достигли. Слишком неравными оказались силы сторон.

3-я и 4-я танковые группы противника уже в первый день, прорвав оборону советских войск на северных подступах к столице, устремились в направлении Клина. С 18 ноября обострилась обстановка и на южных подступах к Москве. Здесь дивизии 2-я танковой армии Гудериана, наступая в обход Тулы с востока, к 25 ноября достигли рубежа в 6-ти километрах от Каширы.

Отметим, что войска группы армий «Центр» вводились в сражение в течение пяти дней. Одна из главных причин — действия отрядов и групп партизан Московской, Калининской, Смоленской, Орловской и Тульской областей. Отряды народных мстителей не только наносили удары по вражеским гарнизонам, но и нарушали их снабжение, разрушали железные дороги и мосты, минировали шоссе, взрывали склады с боеприпасами и горючим, срывали снабжение. В итоге группа армий «Центр» вместо 70 эшелонов, составлявших суточную потребность войск в материальных средствах, в середине ноября получала только 23 эшелона. Однако в целом начало очередного наступления немцев оказалось сравнительно успешным. Он был обусловлен их значительным превосходством в силах.

23 ноября пали Клин и Солнечногорск. Остановить немцев не удалось. В ночь на 28 ноября части врага захватили мост через канал Москва — Волга у Яхромы. Немцы образовали плацдарм на его восточном берегу и прорвались к окраинам Дмитрова. 30 ноября противник занял поселок Красная Поляна, подойдя к столице на пушечный выстрел. Ожесточенные бои шли на рубеже нынешнего аэропорта Шереметьево, станции Крюково, Дедовск (40 км западнее Москвы).

Чтобы снять напряжение Сталин решил перебросить под Москву семь резервных армий из тех десяти, что с начала ноября готовились в глубоком тылу страны для контрнаступления Красной Армии, однако задачи им теперь ставились чисто оборонительные. Кроме того, Верховный Главнокомандующий распорядился включить в состав армий Западного фронта десять морских стрелковых бригад. Все они по директиве Сталина от 18 октября 1941 года были сформированы из моряков Тихоокеанского и Балтийского флотов, Амурской и Каспийской Военных флотилий, курсантов Высших Военно-морских училищ, Московского флотского полуэкипажа и личного состава управлений Наркомата Военно-Морского флота.

27 ноября, чтобы *«облегчить положение Западного фронта»,* Сталин приказал генералу Коневу — *«сегодня же войсками Калининского фронта нанести удары по противнику, с целью притянуть на себя его силы»*.

1 декабря с утра немцы перешли в решающее наступление по всему фронту с тем, чтобы, наконец-то, захватить русскую столицу. Замысел противника сводился к нанесению одновременных ударов по Москве не только с севера и юга, но и с запада. Накал борьбы за Москву достиг своей кульминации. Восточнее Звенигорода противнику удалось вклиниться в оборону 5-й армии генерал-лейтенанта артиллерии Л. А. Говорова. Но на рубеже 1,5 км севернее поселка Николина Гора враг был остановлен. Юго-западнее Звенигорода немцы форсировали реку Москва, и повели наступление на Кубинку, однако контратаками частей 50-й стрелковой дивизии генерал- майора Н. Ф. Лебеденко они были остановлены и перешли к обороне. Севернее Наро-Фоминска гитлеровцам удалось прорвать оборону 33-й армии (генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова) и к исходу дня захватить дер. Акулово (6 км южнее Кубинки). Но все попытки прорваться через акуловский узел сопротивления 32-й стрелковой дивизии полковника В. И. Полосухина были отбиты. Лишь одному немецкому пехотному полку с 30 танками удалось по проселочной дороге устремиться на восток и достигнуть района Юшково, Петровское, Бурцево (0,5–2 км от платформы Алабино). Севернее Москвы танковые и моторизованные части противника захватили населенные пункты Белый Раст, Озерецкое, Катюшки и вышли к станции Лобня. В районе Тулы противник возобновил наступление с целью овладения городом.

В этой обстановке министр пропаганды третьего рейха Й. Геббельс отдал распоряжение редакциям всех берлинским газет оставить в очередных номерах свободные места для помещения экстренного сообщения о взятии Москвы. Однако сломить сопротивление советских войск врагу оказалось уже не под силу. И эти газетные места немцам заполнить так и не удалось.

Контрнаступление

29 ноября Г. К. Жуков обратился к Сталину с просьбой: дать приказ о начале контрнаступления, а также о подчинении Западному фронту двух резервных армий. Сталин ответил,

что посоветуется с Генеральным штабом. Там к предложению Жукова отнеслись отрицательно, считая, что надо сначала сосредочить все резервные армии под Москвой, изменить соотношение сил в пользу Красной Армии и только после этого переходить к контрнаступлению на врага. Однако И. В. Сталин поддержал Жукова и в тот же день, уже поздно вечером, отдал распоряжение о передаче Западному фронту 1-й Ударной, 10-й и вновь формируемой 20-й армий и о решении начать контрнаступление. Одновременно Сталин приказал Жукову представить в Ставку план контрнаступательной операции. Аналогичную задачу получило командование Юго-Западного, а затем и Калининского фронтов.

И вот 5 декабря совершенно неожиданно для врага советские войска перешли в контрнаступление. Развивалось оно медленно. Ведь превосходство в силах и средствах оставалось на стороне вермахта. Его войска отчаянно сопротивлялись. Глубокий снег ограничивал манёвр и существенно снижал темп наступления Красной Армии. Полной уверенности в успешном завершении контрнаступления такое его начало в Ставке ВГК не создавало. И, видимо, по этой причине о нем долго не было никаких сообщений.

Однако, подведя первые итоги наступательных действий, Военный совет Западного фронта 12 декабря доложил Верховному Главнокомандующему, что в результате решительного контрнаступления обе ударные фланговые группировки противника «*разбиты и поспешно отходят, бросая технику, вооружение и, неся огромные потери. Всего за время с 6.11 по 10.12.41 г. захвачено и уничтожено, без учета уничтоженных авиацией: танков — 1434, автомашин — 5416, орудий — 575, минометов — 339, пулеметов — 870…Преследование и разгром отступающих немецких войск продолжается. Жуков. Булганин*»[18].

А уже 13 декабря 1941г. во всех газетах было опубликовано сообщение Совинформбюро о провале немецко-фашистского плана окружения и взятия Москвы и о поражении войск вермахта на подступах к столице. Это известие вызвало величающую радость у советского народа. Ведь почти весь 41-й год наши войска отступали. Все сообщения с фронта скупо информировали об очередных потерях наших городов. Люди знали лишь о том, что враг подошел к Москве, что столицу эвакуировали. Город на осадном положении и казалось, что вот-вот произойдет что–то страшное и непоправимое.

В ходе контрнаступления советские войска к 7 января 1942 года продвинулись на 100–250 км, разгромили ударные группировки противника, пытавшиеся обойти Москву с севера и юга, и сняли непосредственную угрозу столице и Московскому промышленному району. Группа армий «Центр» потеряла около 116 тыс. человек (14,5% боевого состава дивизий, бригад, отдельных полков и батальонов)[19], «650 танков (65%) и 3079 орудий и минометов (22% состава на начало декабря)»[20]. Это было первое крупное поражение германского вермахта во Второй мировой войне.

Немецко-фашистские войска только за месяц контрнаступления Красной Армии под Москвой потеряли свыше 168 тыс. человек. За это время были разбиты 11 танковых, 4 моторизованные и 23 пехотные дивизии.

В ходе наступления советских войск на Западном направлении у противника из строя было выведены 16 дивизий и 1 бригада Потери группы армий «Центр» в живой силе составили более 333 тыс. человек. Полного разгрома она смогла избежать, только в результате переброски 20 дивизий и 5 бригад из Западной Европы[21].

Успех наших войск был бесспорным и чрезвычайно важным, а его значение вышло далеко за рамки чисто военной задачи. Ведь именно под Москвой немцы не только утратили стратегическую инициативу и познали горечь поражения, но, и это главное, они проиграли свою «молниеносную войну» против Советского Союза. Крах стратегии блицкрига и всего плана «Барбароссы» поставил третий рейх перед перспективой новой войны, войны длительной и на два фронта. Этого же немцы всегда чрезвычайно опасались. И, тем не менее, правители фашистской Германии оказались в ситуации, о которой фельдмаршал Кейтель на допросе в июне 1945 года заявил, что после Московской битвы не представлял себе «военного решения» всей восточной кампании. И не случайно адъютант Гитлера фон Белов в своих воспоминаниях события под Москвой отнес к «великому перелому в ходе второй мировой войны»[22]. А бывший начальник генштаба ОКХ генерал Гальдер с горечью писал: «Разбит миф о непобедимости немецкой армии…6 декабря 1941 года можно считать поворотным моментом, причем одним из самых роковых моментов в краткой истории третьего рейха…»[23].

Разгром немцев под Москвой произвел огромное впечатление на руководителей Великобритании и США. С момента вторжения Германии в СССР, будучи до смерти напуганными и боясь без помощи русских быть уничтоженными Гитлером, они сразу же заключили с нашей страной ряд договоров о политико-экономическом сотрудничестве. При этом они зорко наблюдали за событиями на советско-германском фронте, главной целью которого являлся вопрос — выдержит ли СССР страшный натиск фашистского вермахта или его постигнет жалкая судьба европейских стран, разгромленных немцами в считанные недели. И потому с получением первых же сообщений о «замечательных победах на русском фронте» У. Черчилль и Ф. Рузвельт уже 16 декабря направили свои поздравления И. Сталину, выразив полную уверенность в исходе войны.

Наступление на Западном направлении

Сталин, воодушевленный удачей, достигнутой в контрнаступлении и реакцией на неё западных союзников, решил немедленно принять меры по развитию и закреплению успеха. Он потребовал от Генштаба разработать план общего наступления на всех фронтах — от Ладожского озера до Черного моря. И уже 17–18 декабря фронты Северо-Западного и Юго-Западного направлений получили директивы о подготовке к новым операциям. А 5 января на заседании Ставки Сталин изложил свой замысел: решительным наступлением на трех стратегических направлениях нанести поражение основным группировкам противника и, не давая его войскам передышки, «*гнать их на запад без остановки… и обеспечить …полный разгром гитлеровских войск в 1942 году*»[24].

Ставка ВГК утвердила план общего наступления, хотя он не имел достаточного обеспечения силами и средствами. Их недостаток мыслилось возместить созданием во фронтах и армиях ударных групп и переходом к артиллерийскому наступлению. Однако вести артиллерийское наступление, к сожалению, не позволял острейший дефицит боеприпасов.

8 января 1942 года началась Ржевско-Вяземская наступательная операция — общее наступление советских войск на западном направлении. В ходе её к концу января Калининский фронт правым крылом продвинулся вперед на 200–250 км, центром и левым крылом на 40–120 км; Западный фронт — на 40–90 км.

Вместе с тем войска не смогли до конца выполнить задачи, возложенные на них Сталиным. Калининский фронт, наступая в полосе шириной до 800 км, уже не имел сил для завершения наступления. Западный фронт, развернув свои войска также на линии до 800 км, приостановил продвижение. Он мог продолжать операцию только на отдельных направлениях с ограниченными целями и лишь за счет дополнительных крупных внутренних перегруппировок.

Более чем скромными оказались результаты наступления и в феврале. Более того, за счет полученных резервов и создания ряда оборонительных рубежей, германские войска значительно повысили свою мощь. Умело маневрируя войсками, они не только остановили продвижение Красной Армии на запад, но юго-западнее Ржева отрезали от главных сил четыре соединения 29-й армии, а южнее Вязьмы — три дивизии 33-й армии (четвертая была передана генералу П. А. Белову) и всю группу Белова. Германскому командованию «стало ясно, что самая опасная фаза боевых действий завершается»[25] и оно 12 февраля приказало фон Боку: в ближайшее время уничтожить прорвавшиеся в тыл русские силы, удержать нынешние позиции и готовиться к наступлению, которое планируется начать после весенней распутицы.

В то же время войска Калининского и Западного фронтов из-за больших потерь утратили свое относительно небольшое превосходство над противником. Артиллерия при остром недостатке боеприпасов не имела возможности подавлять вражескую оборону, авиация лишилась господства в воздухе, а личный состав, ведя непрерывное наступление около трех месяцев, был предельно измотан. Все свидетельствовало о том, что наступательный потенциал советских войск себя исчерпал. Однако Сталин не желал считаться с этим обстоятельством. Он по-прежнему был настроен оптимистично и 16 февраля отдал войскам приказ: «разгромить и уничтожить ржевско-вяземско-юхновскую… и болховско-жиздринско-брянскую группировки противника. К 5 марта выйти и закрепиться на нашем старом оборонительном рубеже…»[26].

Как и следовало ожидать, добиться решающего успеха, несмотря на многочисленные кровопролитные бои, не удалось ни на одном из направлений, были лишь отдельные достижения местного значения. К донесениям о безуспешных ударах войск всех 12 наступавших

армий двух фронтов Сталин относился совершенно спокойно. Он считал, что успех все равно придет — не сегодня, так завтра обязательно. 22 марта он вновь потребовал разгромить вышеназванные группировки противника, освободить Ржев и не позднее 20 апреля выйти и закрепиться на линии Белый, Дорогобуж, Ельня, Снопоть[27].

О том насколько напряженными были бои того периода говорят следующие факты: в течение февраля — апреля войска генералов И. С. Конева и Г. К. Жукова освободили 713 населенных пунктов, но и сами сдали противнику 82 пункта[28]. А вот почему задачи фронтам, поставленные Сталиным, так и остались невыполненными, можно судить по таким причинам, как: усиление обороны немецких войск; глубокий снежный покров, затруднявший ведение наступления и атак; неумение наших военачальников концентрировать основные усилия на решающем направлении и организовывать взаимодействие основных родов войск для достижения намеченной цели.

В заключение отметим ту сторону деятельности И. В. Сталина в битве за Москву, которая связана с созданием необходимых условий для разгрома врага. В этой связи представляют интерес его размышления, или как их назвали «почеркушки», хранящиеся в личном архиве Сталина. Они написаны в ноябре 41-го, когда для защиты столицы по крохам собирали на флотах и флотилиях, во внутренних военных округах людей в морские стрелковые бригады и в другие воинские формирования. Сталин тогда писал: «*только правильно организованная и разумно используемая система резервов может обеспечить гигантские масштабы современной вооруженной борьбы*»[29].

Но Сталин не только писал, но и систематически проводил огромную работу по подготовке таких резервов. Исследования показывают, что за период ведения битвы за Москву было подготовлено и введено в её сражения: дивизий (стрелковых, мотострелковых, моторизованных, кавалерийских и др.) — 303, бригад (стрелковых, танковых, воздушно-десантных и др.) — 215, отдельных частей — 220; маршевого пополнения для соединений и частей — около 2,5 млн человек.

Как видим, роль Сталина в битве за Москву была чрезвычайно высокой. Он не только управлял войсками в ходе ведения операций, но и готовил резервы. Он организовал эвакуацию промышленности и населения из города, когда этого требовала обстановка. Под его руководством советские войска одержали победу над сильнейшей тогда в мире германской армией, изменили ход войны в пользу антигитлеровской коалиции.

Оценивая заслуги Верховного Главнокомандующего Советскими Вооруженными Силами в разгроме немецко-фашистких войск под Москвой, премьер-министр Великобритании У. Черчилль 15 февраля 1942 года отметил: « Одним из ярких показателей военного искусства И. В. Сталина, проявившиеся в битве за Москву, было его мастерское умение использовать военную хитрость в целях обмана противника. Как правило, ему это блестяще удавалось. Достаточно вспомнить опыт продвижения резервных соединений к линии фронта в битве за Москву в начале декабря 1941 года: перегруппировать на это направление около 70 свежих дивизий, причем так скрытно, что гитлеровцы о таком даже и помыслить не могли — такое, безусловно, под силу было только Сталину»[30].

---

1 История Второй мировой войны 1939–1945 М., 1974. Т. 3. С. 101–102.

2 Цит. по: Проэктор Д. М. Агрессия и катастрофа. М. , 1968. С. 178, 179

3 ЦАМО. Ф. 96а. Оп. 1711. Д. 1. Л. 16–17; Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы . 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 22–29.

4 Вопросы истории. 1990. № 9. С. 86 // Мемуары Н. С. Хрущева

5 См. фотоальбом. «Сталин Великая битва за Москву». М. 2011. С. 16

6 Там же

7 Там же. С. 22, 27, 29 и др.

8 Цит. По фотоальбому: Сталин. Великая битва за Москву. Факсимильный документ из архива Сталина. С. 16.

9 См. Московская битва в постановлениях Государственного Комитета Обороны. Документы и материалы. 1941–1942. — . М., 2001.

10 Подсчитано по: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Статистический анализ. Летне-осенняя кампания 1941 г. М., 2004. С. 54–56, 63–67, 160–167, 180–185; Боевой состав Советской Армии. Ч. 1. ВНУ ГШ. Военно-исторический отдел. М., 1964. С. 8–10, 16, 18, 23–24.

[11] Подсчитано по: Рейнгардт Клаус. Поворот под Москвой. Пер. с нем. М., 1980. С. 54, 381.

[12] Подсчитано по: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Статистический анализ. Летне–осенняя кампания 1941 г. С. 68, 72, 180–185.

[13] Жуков Г. К. Заря грядущей победы. // Правда. 1971. 5 декабря//.

[14] Источник: Битва за Москву. М., 1968. С. 396.

[15] См. «Партизаны в битве за Москву 1941–1942. Главное архивное управление города Москвы.

[16] Издательство ПАТРИОТ. М. 2008. С. 18–19, 21–22, 552, 554.

[17] Там же. С. 21.

[18] Разгром немцев под Москвой. Под редакцией маршала Б. М. Шапошникова. Т. 1. М., 1943. С. 12.

[19] Русский архив.: Великая Отечественная: Битва под Москвой: Сборник документов. Т. 15(4–1). С. 178–179.

[20] Подсчитано по: Рейнгардт К. Поворот под Москвой… С. 381.

[21] Подсчитано по: Советское военное искусство в Великой Отечественной войне 1941–1945. Т. 1. С. 338, 352.

[21] Подсчитано по: Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и войск её бывших сателлитов на советско-германском фронте за период 1941–1945 гг. ВНУ ГШ. Военно-исторический отдел. Выпуск второй., М., 1956. С. 62–64, 74–76, 86–88, 102–104, 116–118, 130–132, 142–144, 156–158.

[22] Below N. Als Hittlers Adjutant 1937–1945. Mainz. 1980. S. 300.

[23] Цит. по: Ширер У. Взлет и падение третьего рейха. Пер. с англ. М. 1991. Т. 1. С. 254–255.

[24] Русский Архив: Великая Отечественная. Т. 15(4–1). — М.: ТЕРРА 1997. С. 233–236.

[25] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart. 1983. S. 628.

[26] Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16(5–2). М., 1996. С. 98–99.

[27] Там же. С. 137–138

[28] Подсчитано по: Московская битва в хронике фактов и событий. М., 2004. С. 372, 426, 461.

[29] Цит. по: фотоальбом «Сталин. Великая битва за Москву». — М., 2011. С. 139.

[30] Цит. по: там же. С. 151.

Верховный Главнокомандующий

Ю. В. Рубцов*

И. В. Сталин родился 9 (21) декабря 1879 г. в г. Гори, Грузия.

Профессиональный революционер. Участник революции 1905–1907 гг. в Закавказье. Член Русского бюро ЦК РСДРП, сотрудник газет «Звезда» и «Правда». Участник Великой Октябрьской социалистической революции.

Член ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС с 1917 г., член Политбюро, Президиума ЦК в 1919–1953 гг. В 1917–1922 гг. — нарком по делам национальностей, с 1919 г. одновременно нарком государственного контроля, Рабоче-крестьянской инспекции. Во время гражданской войны 1918–1922 гг. — член Совета рабочей и крестьянской обороны, член Реввоенсовета РСФСР, РВС Южного, Западного, Юго-Западного фронтов.

С апреля 1922 г. — генеральный секретарь ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС, с мая 1941 г. — председатель Совета Народных Комиссаров (с марта 1946 г. — Совет Министров) СССР.

В годы Великой Отечественной войны: председатель Государственного комитета обороны (30 июня 1941 г. — 4 сентября 1945 г.), председатель Ставки Верховного Главного Командования (8 августа 1941 г. — сентябрь 1945 г.), Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами СССР (8 августа 1941 г. — сентябрь 1945 г.), нарком обороны СССР с 19 июля 1941 г. по февраль 1946 г., в феврале–марте 1946 г. — нарком Вооруженных Сил СССР, с марта 1946 г. по март 1947 г. — министр Вооруженных Сил СССР. Один из организаторов антигитлеровской коалиции.

Воинское звание маршал Советского Союза присвоено 6 марта 1943 г., Генералиссимус Советского Союза 27 июня 1945 г. Герой Советского Союза (27 июня 1945 г.), Герой Социалистического Труда (20 декабря 1939 г.). Награжден двумя орденами «Победа», тремя орденами Ленина, орденом Суворова 1-й степени, тремя орденами Красного Знамени.

Умер 5 марта 1953 г. Похоронен в г. Москве на Красной площади.

«Гениальный полководец Великой Отечественной войны» — так маршал К. Е. Ворошилов в 1949 г. назвал свою статью, написанную к 70-летию И. В. Сталина. В те годы не нашлось бы, наверное, человека, который взялся публично оспаривать это утверждение. Бывшее аксиомой, подкрепленное тем фактом, что Сталин — единственный, кто обладал званием Генералиссимус Советского Союза, оно, однако, после его смерти и XX съезда КПСС, развенчавшего «культ личности», стало предметом острых споров.

Не стихают они и сегодня. Многие люди, в первую очередь карьерные военные, не признают, что военный гений, как утверждалось в былые годы, мог проявиться у того, кто не обладал профессиональным образованием, не служил в армии и стал маршалом Советского Союза, не имея до того ни единого воинского звания.

* **Юрий Викторович Рубцов** — доктор исторических наук, профессор (Военный университет Министерства обороны РФ).

Сталин, в самом деле, не был кадровым военным, хотя маршальские погоны носил с удовольствием, любил, когда об этом вспоминали, особенно в сравнении с лидерами стран-союзниц (наша печать так и писала: «маршал Сталин, президент Рузвельт и премьер-министр Черчилль»).

В биографии вождя много неясных страниц, начиная с даты его рождения. Официально фигурировало 9 (21) декабря 1879 года. Но, если судить по метрической книге Успенского собора г. Гори, Иосиф Джугашвили появился на свет на год раньше — 6 (18) декабря 1878 года[1].

Он закончил духовное училище, но сану священника предпочел судьбу профессионального революционера, большевика. Еще накануне Октябрьского вооруженного переворота 1917 года вошел в состав руководящего органа РКП(б) — ее Центрального комитета, а затем довольно быстро стал одной из ключевых фигур в большевистском руководстве. В 1917–1922 гг. Сталин — нарком по делам национальностей, с 1919 года одновременно нарком государственного контроля, Рабоче-крестьянской инспекции. С апреля 1922 года — генеральный секретарь ЦК партии. Более 30 лет — с 1919 по 1953 год он был членом Политбюро, Президиума ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС.

Его участие в гражданской войне носило специфический характер: будучи членом РВС республики и нескольких фронтов (Южного, Западного, Юго-Западного), а также руководителем продовольственного дела юга России, он выполнял в основном политико-административные функции, к управлению войсками отношения не имевшие. Хотя, надо сказать, Сталин нередко вмешивался в оперативную деятельность военного командования.

Позднее, установив режим единоличной власти, он сконцентрировал в своих руках и нити военного управления. Под его руководством, используя достижения бурно развивающейся в СССР индустрии, был значительно поднят уровень технического оснащения Вооруженных Сил. «В середине 30-х годов Красная Армия как с точки зрения организационной, так и количественной, бесспорно, была сильнейшей в мире, — считает военный историк В. А. Анфилов. — В ней насчитывалось около 1,5 млн солдат и офицеров, до 5 тыс. танков и свыше 6 тыс. самолетов. Сейчас смешными кажутся слова широко известной тогда песни: „В целом мире нигде нету силы такой, чтобы нашу страну сокрушила…“, но они отражали действительное положение Советского Союза в то время»[2].

И вот этот мощный, всесокрушающий «бронепоезд» Сталин и его окружение, в первую очередь нарком внутренних дел Н. И. Ежов, нарком обороны К. Е. Ворошилов и начальник Политуправления РККА Л. З. Мехлис, сами пустили под откос, развязав в Вооруженных Силах в 1937–1938 гг. широкомасштабные репрессии.

Что побудило вождя обрушить невиданный в истории удар по командному и политическому составу собственной армии да еще в предвидении войны? Если коротко, то — опасения, что крупные военачальники, все более определявшие лицо армии — М. Н. Тухачевский, А. И. Егоров, И. П. Уборевич, И. Э. Якир, и их более молодые последователи откажут ему в поддержке в условиях крайнего обострения внутриполитической обстановки. Сталин опасался именно их — широко образованных, самостоятельно мыслящих.

Решимость вождя подпитывало острое соперничество в армейской верхушке между интеллектуальной элитой Вооруженных Сил и малообразованным окружением Ворошилова. Лагерь «кавалеристов» когда спокойно, а когда и злорадно-заинтересованно следил, как выкашивался слой «шибко умных», пока по своим внутренним законам водоворот репрессий не стал затягивать и их самих.

Документально установлено, что Сталин ежедневно получал протоколы допросов арестованных, часто вызывал наркома внутренних дел Ежова и его заместителя М. П. Фриновского, непосредственно участвовавшего в фальсификации обвинения, для доклада. Так что популярные у сталинистов версии, будто генеральный секретарь ничего о репрессиях не знал и потому не имел возможности во что-либо вмешаться, не имеют под собой ни малейшей почвы. Все шло по заранее намеченной колее при соблюдении бюрократических процедур, что придавало происходящему особенный цинизм. Например, через два дня после ареста Тухачевского Политбюро по указанию Сталина поставило на голосование членов ЦК предложение об исключении Михаила Николаевича из партии и «передаче» его дела в Наркомвнудел, будто маршал в это время находился не в ежовских застенках, а где-нибудь на курорте.

Как ни покажется странным, но советский лидер пытался повернуть в свою пользу общественное мнение на Западе, убедить в безусловной

вине Тухачевского и его товарищей по несчастью. Британская газета «Ньюс хроникл» писала, что Сталин был очень оскорблен сравнениями московских приговоров с гитлеровскими казнями в 1934 году. По его мнению, в Германии расправы совершались без суда и без каких-либо разъяснений властей на этот счет, а в Москве все было сделано в соответствии с правосудием.

К слову, острое недоверие к высшим военным, которое родилось у вождя в этот период, долго довлело над ним, накладывая негативный отпечаток на взаимоотношения с военачальниками и в ходе Великой Отечественной войны.

Сталин, конечно, не был полководцем в изначальном смысле этого слова. Правильнее называть его военачальником, высшим военным деятелем и оценивать его вклад в победу над фашистской Германией с учетом именно этого обстоятельства. В годы войны он занимал шесть высших постов в государстве — генерального секретаря ЦК ВКП(б), председателя Совета Народных Комиссаров СССР, председателя Государственного Комитета Обороны, председателя Ставки ВГК, Верховного Главнокомандующего Советскими Вооруженными Силами, наркома обороны СССР. Учитывая менталитет советского народа и крайнюю степень централизации государственной власти, принятие им на себя важнейших государственных обязанностей положительно сказалось на отражении фашистской агрессии.

Как политический руководитель он, бесспорно, имел немало достоинств. А. М. Василевский, чаще других полководцев встречавшийся с И. В. Сталиным, считал его, особенно со второй половины Великой Отечественной войны, «самой сильной и колоритной фигурой стратегического командования»[3]. Маршал отмечал в Верховном Главнокомандующем огромный природный ум, удивительно большие познания, способность аналитически мыслить, жесткую требовательность. С таким выводом выражали солидарность многие государственные и военные деятели.

Верховный хорошо представлял себе обстановку на фронтах, твердо помнил состав и дислокацию резервов. Благодаря феноменальной памяти он знал не только командующих войсками фронтов и армий, но и многих командиров соединений. На равных обсуждал профессиональные проблемы с военачальниками и дипломатами, руководителями оборонных отраслей и генеральными конструкторами. Журнал посещений его кремлевского кабинета пестрит фамилиями А. М. Василевского, Г. К. Жукова, А. И. Антонова, Н. Н. Воронова, А. В. Хрулева, А. А. Новикова, А. С. Яковлева, А. Н. Туполева, десятков других лиц.

Окружающие обращали внимание на умение вождя быстро вникать в суть сложных военно-политических вопросов и подчинять интересам политики решение экономических и стратегических проблем. Во время визита в Москву в августе 1942 года У. Черчилль продемонстрировал ему план «Торч» по высадке союзников в Северной Африке. И не мог сдержать удивления, насколько «русский диктатор быстро и полностью овладел проблемой, которая до этого была новой для него. Очень немногие из живущих людей, — вспоминал британский премьер, — могли бы в несколько минут понять соображения, над которыми мы так настойчиво бились на протяжении ряда месяцев. Он все это оценил молниеносно»[4].

Но вот выполнение Сталиным функций Верховного Главнокомандующего было весьма противоречивым. На его деятельности особенно в первые годы войны отрицательно сказывались отсутствие систематизированных военных знаний и боевого опыта, недостаточное стремление опираться на профессиональных военных и гипертрофированная вера в собственную непогрешимость.

Крупнейшим недостатком в подготовке к войне стало отсутствие к ее началу готовой системы стратегического управления Вооруженными Силами. В спешке, испытав несколько реорганизаций, были сформированы Государственный комитет обороны и Ставка Верховного Главного Командования, не сразу определилась кандидатура Верховного Главнокомандующего. Права и обязанности высших должностных лиц государства и руководителей Наркомата обороны, Генштаба не были четко регламентированы. Гражданские лица, вроде В. М. Молотова, опираясь на свое положение в государственной иерархии, считали нормальным вмешиваться в оперативное управление войсками.

Со своей стороны, Сталин по привычке к самовластию не придерживался никакой субординации и не считался с давно отработанной в военной среде системой выработки и исполнения приказов и директив. Многие решения принимались им единолично и из-за слабой оперативно-стратегической подготовки были весьма неудачными.

Таковой оказалась уже первая директива военным советам фронтов от 22 июня 1941 года, требовавшая вопреки реально складывавшейся обстановке нанести контрудары по вторгшемуся на советскую землю противнику. В условиях потери управляемости, значительном превосходстве противника наши войска не могли подготовить такие контрудары и терпели крупные поражения, неся огромные потери. Подобные примеры можно множить и множить.

Некоторые решения Сталина, вспоминал адмирал Н. Г. Кузнецов, просто озадачивали. Так, выслушав доклад о необходимости установки на кораблях мощного зенитного вооружения, вождь заявил, что «воевать будем не у берегов Америки», и отверг предложения наркома ВМФ. «Зная», — писал Николай Герасимович, — «что от самолетов можно потонуть и в 1000 км от своих берегов, и в каких-нибудь 50 км, и в базах, я не мог признать правильными рассуждения „великого вождя“. К сожалению, по нашим вопросам подобных примеров было много»[5].

Намечая, например, высадку десанта в Керчи, Верховный не посчитал необходимым предварительно обсудить план операции с флотским руководством, определить потребность в материальных средствах, наметить реальные сроки готовности. Такого рода действия адмирал объяснял пренебрежением Сталина к мнению профессионалов при его собственной явно недостаточной компетенции.

Заслуживают внимания и более широкие обобщения Н. Г. Кузнецова относительно организации руководства наркоматами, а точнее — отсутствия четкой системы в такой организации. «Мне всегда казалось, — писал адмирал, — что у Сталина не было системы в деле руководства, что помогало бы ему все охватывать и как бы равномерно следить за всем». Поэтому, замечал бывший нарком ВМФ, руководство шло в основном «распорядительным порядком», из кабинета вождя, принимаемые решения диктовались не заранее продуманной долгосрочной программой, а в основном складывающейся в тот или иной момент обстановкой. Так было в финскую войну, так руководство осуществлялось и в первый период Великой Отечественной войны.

Критически оценивая вождя, Н. Г. Кузнецов в то же время сохранял неизменно присущую ему объективность. Словно отвечая на нападки бывших сталинских сподвижников, готовых после марта 1953 года повесить на бывшего кумира всех «собак», он писал: «Слишком просто и легко объяснить все лишь культом личности Сталина. Многие из нас повинны, хотя бы в том, что молчали там, где положение требовало высказать свое мнение. За такую пассивность многие расплачивались сами, когда доходила до них очередь»[6].

Вождь нередко превращал политику в самоцель и не всегда учитывал при этом военно-стратегические соображения. Скажем, в 1942 году по следам успешной Московской битвы он, вопреки точке зрения Г. К. Жукова и мнению Генерального штаба, настоял на плане стратегического наступления на всем протяжении советско-германского фронта, хотя сил и средств у Красной Армии для этого не было. Подобный авантюризм обернулся тяжелыми поражениями в районе Любани, в Крыму и под Харьковом и утратой завоеванной было стратегической инициативы.

По поводу способностей вождя к стратегическому руководству войсками существует немало точек зрения, в том числе и противоречащих друг другу. Кое-кто из считающих себя серьезными историками недалеко ушел от Ворошилова с его признанием за Сталиным военного гения. Как представляется, компетентнее и объективнее других высказался на этот счет маршал Г. К. Жуков, причем не в мемуарах, которые подверглись изрядной «переработке» в идеологических инстанциях, а в своей речи на пленуме ЦК КПСС в 1956 году, свободной от мертвящего давления сталинского культа. И хотя речь так и осталась непроизнесенной, от этого ее содержательность ничуть не умаляется.

«…С первых минут возникновения войны в верховном руководстве страной в лице Сталина проявилась полная растерянность в управлении обороной страны, использовав которую противник прочно захватил инициативу в свои руки и диктовал свою волю на всех стратегических направлениях,» — считал Жуков. — «…У нас не было полноценного Верховного командования. Был Сталин, без которого по существовавшим тогда порядкам никто не мог принять самостоятельного решения, и надо сказать правдиво, — в начале войны Сталин очень плохо разбирался в оперативно-тактических вопросах… Генеральный штаб, Наркомат обороны с самого начала были дезорганизованы Сталиным и лишены его доверия»[7].

На второй день войны, вспоминал Георгий Константинович, вождь направил в помощь командованию воюющими фронтами все руководство Генерального штаба, включая его

начальника. На резонное предупреждение, что подобная практика лишь приведет к дезорганизации управления войсками, Сталин отрезал: «Что вы понимаете в руководстве войсками, обойдемся без вас». В результате он, «не зная в деталях положение на фронтах, и будучи недостаточно грамотным в оперативных вопросах, давал неквалифицированные указания, не говоря уже о некомпетентном планировании крупных контрмероприятий, которые по сложившейся обстановке надо было проводить».

На недооценку Сталиным значения и места Генштаба в первый период войны обращал внимание и маршал А. М. Василевский. Генеральный штаб представлял собой исключительно важное звено стратегического руководства, оперативный орган Верховного Главнокомандования, ни одна прежняя война не предъявляла к нему столь высоких требований. А главковерх подчас использовал его лишь в качестве простого технического передатчика в войска уже принятых им решений. Деликатно выраженный, но вполне ощутимый упрек слышен в словах Василевского: активное использование Оперативного управления, как и других структур Генштаба, «принесло бы значительную пользу и, быть может, избавило бы Верховное Главнокомандование от некоторых просчетов и ошибок в первые месяцы войны»[8].

По свидетельству маршала Г. К. Жукова, Сталин только через полтора года войны начал более или менее разбираться в тактических и оперативно-стратегических вопросах. Эту точку зрения разделял и маршал А. М. Василевский: «Завершился процесс роста И. В. Сталина как военачальника после Сталинградской и особенно после Курской битв, когда он поднялся до вершин стратегического руководства. Теперь Сталин стал мыслить категориями современной войны».

То есть профессиональная учеба Верховного Главнокомандующего продолжалась около двух лет. Невольно задумаешься, какую цену людских и материальных потерь пришлось за нее заплатить армии и народу.

Видели ли окружавшие вождя военачальники его недостаточную компетентность в военных делах? Не могли не видеть, но, естественно, не смели говорить об этом вслух. Своими действиями они пытались максимально скорректировать указания Сталина, тактично научить его. Наибольшее влияние на его становление как Верховного Главнокомандующего оказали маршалы Б. М. Шапошников, А. М. Василевский, Г. К. Жуков и генерал армии А. И. Антонов. Рядом с ними, под их благотворным воздействием постигал Верховный тонкости оперативного искусства и стратегии.

В июле 1942 года с назначением первого заместителя начальника Генштаба генерал-лейтенанта Н. Ф. Ватутина командующим Воронежским фронтом Генеральный штаб лишился постоянного квалифицированного руководства, поскольку его начальник Василевский все время находился в разъездах. Чтобы исправить положение, Александр Михайлович просил Сталина назначить начальником Оперативного управления — заместителем начальника Генерального штаба генерал-лейтенанта А. И. Антонова. Однако Верховный, все еще недооценивая значение и роль «мозга армии», долго не соглашался на это. Обстановку на фронтах в отсутствие Василевского ему докладывал замещавший начальника Генштаба… политработник Ф. Е. Боков, совершенно не подготовленный к такой ответственной миссии.

Даже дав в декабре 1942 года согласие на назначение Антонова начальником Оперативного управления, Верховный стал доверять ему далеко не сразу. Но мало-помалу вождя подкупили глубокое знание генералом фронтовой обстановки, его ярко выраженные аналитические способности, твердость в отстаивании своего мнения, точность выводов и конкретность предложений. 6 апреля 1943 года Антонов впервые подписал вместе с Верховным директиву Ставки. Потом до самого конца войны их две подписи чаще других стояли рядом под важнейшими документами. Алексей Иннокентьевич стал и самым частым посетителем кремлевского кабинета вождя, именно его доклады предпочитал теперь заслушивать Сталин.

До прихода Антонова Оперативное управление сильно лихорадило. Это было тем более недопустимым, что оно выступало по существу ядром Генерального штаба, его мозговым центром. Алексею Иннокентьевичу удалось утвердить в деятельности аппарата Генштаба как рабочего органа Ставки необходимую четкость и организованность. Он сумел сделать то, что многим представлялось немыслимым: упорядочить деятельность самого Верховного Главнокомандующего. Были установлены точные сроки обработки поступающей с фронта информации, определено время докладов руководителей важнейших структур Генерального штаба и Наркомата обороны, касающихся

положения на фронтах, результатов разведки, вопросов тылового обеспечения, формирования резервов и т. п.

Вот один лишь факт такого рода. До Антонова доклады Сталину об обстановке на фронтах строились во многом произвольно, а вопросы докладывались различными и далеко не самыми квалифицированными лицами вплоть до комиссара Генштаба. Алексей Иннокентьевич убедил Верховного в необходимости ввести эту работу в строго упорядоченное русло. Теперь обстановка докладывалась трижды в сутки: в течение дня, как правило, по телефону, а поздно вечером начальник Оперативного управления подводил итоги лично. Следя не по глобусу, как «вспоминал» Н. С. Хрущев, а строго по картам масштаба 1 : 200 000, подготовленным по каждому фронту с нанесенной обстановкой до дивизии, Сталин выслушивал подробные доклады о положении наших и вражеских войск, намерениях и действиях командующих. Помимо всего прочего, это была еще и превосходная школа высочайшей штабной культуры для Верховного. Не случайно Антонов — единственный из генералов — был удостоен высшего полководческого ордена «Победа».

Постепенно вождь, благодаря своему практическому уму, выработал подходящую линию поведения. Процесс планирования той или иной операции он начинал с отдачи самых общих указаний типа: «Надо не давать врагу передышки и гнать врага на запад». (Эти слова — не авторские фантазии, они прозвучали буквально на совещании в Ставке в январе 1942 года.). Вслед за тем Генштаб принимался за конкретную работу по разработке замысла и плана операции, порядка их реализации, вопросов взаимодействия, материально-технического обеспечения и т. п. К этому процессу подключались Жуков, Василевский, Антонов, командующие войсками фронтов и начальники штабов. Мышление талантливых военачальников питало конкретные решения вождя. При докладе подготовленных материалов Сталин, выслушав мнения всех, высказывал замечания по замыслу и деталям плана, срокам реализации, порядку руководства со стороны Ставки. Эти резюмирующие замечания давали основания представить его автором всей идеи. Такая линия поведения позволяла Иосифу Виссарионовичу наращивать репутацию полководца. В 1943 году она была подкреплена присвоением воинского звания маршал Советского Союза.

Максимальная централизация руководства в руках вождя имела не только плюсы, но и существенные минусы. От его слова зависело решение любого сколько-нибудь серьезного вопроса на фронте и в тылу, что изрядно вредило делу, сковывало инициативу руководящих кадров. Некомпетентное вмешательство в стратегические и оперативные вопросы затрудняло проведение в жизнь наиболее целесообразных решений и способов действий. Тот же Жуков за излишнюю настойчивость и стратегическую инициативу, проявленную в разговоре со Сталиным, уже в июле 1941 года лишился поста начальника Генштаба.

Здесь невольно вспоминается меткое замечание конструктора оружейных систем С. П. Непобедимого. Комментируя сравнение немецких военачальников с Жуковым, сделанное некоторыми зарубежными историками и нелестное для маршала, наш известный оружейник вопросил: «А попробовали бы его соперники повоевать под командованием Джугашвили!»

По мере накопления опыта войны ошибок и просчетов у Верховного стало заметно меньше. Сталин уже более взвешенно и здраво оценивал возможности Красной Армии и потенциал противника.

Примером сказанного может служить его реакция на просьбу главнокомандующего ВВС РККА А. А. Новикова перенести сроки начала контрнаступления под Сталинградом. Если раньше он, вероятнее всего, решил бы вопрос единолично, то теперь предпочел посоветоваться с подчиненным. В телеграмме, которую Верховный 12 ноября 1942 года направил Жукову, координировавшему подготовку к операции, говорилось: «Если Новиков думает, что наша авиация сейчас не в состоянии выполнить эти задачи, то лучше отложить операцию на некоторое время и накопить побольше авиации»[9].

А в ходе подготовки Курской битвы Сталин, помня о неудачных попытках стратегического наступления в 1942 году, одобрил план, предусматривавший переход к преднамеренной обороне, хотя Советские Вооруженные Силы и обладали достаточным потенциалом для наступления. Обескровив врага в оборонительных боях, выбив его танки, Красная Армия перешла в контрнаступление и в короткий срок отбросила противника за Днепр.

Но окончательно избавиться от ошибок вождю было, как видно, не под силу. Сказывалось и то обстоятельство, что он судил об обстановке на фронте исключительно по докладам подчиненных. Сталин выезжал на фронт все-

го один раз и то ненадолго. Было это 3 августа 1943 года, накануне Смоленской наступательной операции Западного фронта. Поездка проводилась в атмосфере абсолютной тайны, так что даже начальник Генштаба А. М. Василевский не был поставлен о ней в известность. Специальным поездом Сталин приехал в Гжатск, а оттуда автомобильный кортеж прибыл в район Юхнова. Сюда и были вызваны представитель Ставки маршал артиллерии Н. Н. Воронов, командующий фронтом генерал армии В. Д. Соколовский и член военного совета Н. А. Булганин.

По воспоминаниям Воронова, «Сталин прежде всего поинтересовался, далеко ли от места их встречи находится командный пункт фронта. Затем приказал познакомить его с обстановкой. Соколовский стал, было, излагать замысел операции, но Сталин его перебил: „Деталями заниматься не будем, Западному фронту нужно к весне 1944 года (явная ошибка мемуариста. — *Ю. Р.*) подойти к Смоленску, одновременно накопить силы и взять город". Эта фраза была повторена дважды, и на ней разговор был по существу закончен. Командующий попытался, было, пожаловаться на недостаток резервов и боевой техники, но в ответ услышал: „Все, что сможем, дадим, а не сможем — обходитесь тем, что имеете"»[10].

Еще одна поездка в действующую армию состоялась через два дня 5 августа, но ее и выездом на фронт не назовешь, поскольку маршрут пролег в глубокий тыл Калининского фронта. В деревне Хорошево Сталин, доставленный сюда поездом, беседовал с командующим генералом А. И. Еременко о той же Смоленской операции.

Окончательно избавиться от ошибок в управлении войсками вождю мешало и чувство абсолютного превосходства над другими людьми, в том числе военными профессионалами. Отступившее было в пору поражений, оно под влиянием побед Красной Армии возобладало вновь. Именно об этом с горечью поведал Г. К. Жуков: «По замыслу Сталина… планировалась и проводилась операция в Прибалтике в районе Либавы, которая безрезультатно повторялась несколько раз и, кроме тяжелых жертв, ничего не дала. За неудачи этой операции Сталин сменил трех командующих фронтами. Исключительно безграмотно проводились операции севернее Варшавы (правым крылом 1-го Белорусского фронта маршала К. К. Рокоссовского. — *Ю. Р.*), в результате которых погибли многие десятки тысяч наших людей. Сталину неоднократно докладывали о том, что по условиям местности там нельзя проводить операцию, однако такие доводы отвергались как „незрелые", и операция многократно повторялась с одними и теми же результатами»[11]. А ведь события, о которых вел речь полководец, имели место не в начале, а уже на заключительном этапе войны.

Свидетелем такой картины становился очень узкий круг посвященных лиц, народ же и армия под воздействием массированной пропаганды видели в Верховном Главнокомандующем фигуру не только безгрешную, но и великую во всех отношениях. Культ личности Сталина в годы войны укрепился неимоверно.

Здесь уместно поговорить о его отношении к славе, к собственным наградам. Безусловно, «звездоманией», подобно его преемникам на посту лидера партии, он заражен не был, став обладателем званий Героя Советского Союза, Героя Социалистического Труда и нескольких орденов. Негусто, учитывая беспредельные возможности вождя в этом отношении.

В литературе встречаются упоминания о том, что Сталин, например, выразил острое недовольство фактом его повторного награждения орденом «Победа» и отказался от церемонии вручения. И действительно, хотя указ Президиума Верховного Совета СССР датирован 26 июня 1945 года, вождь получил орден, по сведениям наградного отдела Администрации Президента РФ, лишь 28 апреля 1950 года. В тот же день Н. М. Шверник вручил владельцу медаль «Золотая Звезда» Героя Советского Союза и два ордена Ленина, которых Сталин был удостоен ранее.

Но о скромности ли свидетельствуют эти факты? Слабо верится, учитывая ту отмеченную многими страсть, с какой Сталин стремился обрести репутацию великого полководца, равного которому не было в нашей стране, если не во всем мире. Он не случайно в 1944 году отказался от оправдавшей себя практики координации действий групп фронтов, а успешно осуществлявших эту функцию Жукова и Василевского поставил во главе конкретных фронтов. Война шла к победному завершению и Верховный явно не собирался делить славу с кем-либо из подчиненных.

О том же, на наш взгляд, свидетельствует и учреждение специально для него воинского звания Генералиссимус Советского Союза, звания, исключительно редкого в любой армии[12]. К слову, произошло это 26 июня 1945 года, то есть в тот же день, когда вышел указ о награждении вождя вторым орденом «Победа», вызвавший

столь острое его недовольство. Но от звания Генералиссимус, в отличие от ордена, который как бы уравнивал его с другими маршалами, Сталин и не подумал отказываться, ибо оно, наоборот, зримо отделяло его от всех остальных.

Особый разговор — об отношении Верховного к маршальско-генеральскому корпусу, то есть к тем людям, без которых мало чего стоила бы и его собственная репутация. Многие маршалы и генералы обязаны своим служебным ростом сталинскому вниманию. Но горе было тем, кто в силу разных, в том числе и не зависящих от них самих, причин не оправдал доверия вождя. Войну он начал с расправы над большой группой военачальников, даже не успевших вступить в противоборство с фашистами, — генералами Г. М. Штерном, А. Д. Локтионовым, Я. В. Смушкевичем, П. В. Рычаговым, И. И. Проскуровым, с расстрела командного состава Западного фронта — генералов Д. Г. Павлова, В. Е. Климовских, А. А. Коробкова, А. Т. Григорьева, Н. А. Клича[13], с объявления генералов, погибших в бою и попавших в плен — В. И. Качалова, П. Г. Понеделина, Н. К. Кириллова, М. И. Потапова, предателями[14]. Немало высших командиров несправедливо пострадало от сталинского гнева и в ходе войны. А победу над Германией Сталин и вовсе «отметил» заключением в тюрьму главного маршала авиации А. А. Новикова, маршала авиации Г. А. Ворожейкина, маршала артиллерии Н. Д. Яковлева, генералов А. И. Шахурина, К. Ф. Телегина, судом над адмиралами Н. Г. Кузнецовым, Л. М. Галлером, В. А. Алафузовым, Г. А. Степановым, опалой маршала Г. К. Жукова[15].

Считая себя вправе произвольно решать, как распорядиться судьбой того или иного военачальника, вождь лишь перед единицами из них испытывал нечто похожее на чувство вины за нанесенные в прошлом обиды. Так, согласившись на арест К. А. Мерецкова, позднее, по его освобождении относился к нему с подчеркнутой симпатией, словно пытался загладить свою вину.

По этому поводу адмирал Н. Г. Кузнецов высказывался следующим образом: «Отношение к людям у него было, как к шахматным фигурам и преимущественно пешкам. Он мог убрать любую фигуру с шахматной доски и поставить ее вновь, если игра требовала этого. В таких случаях он не был даже злопамятен, и репрессия, пронесшаяся над человеком по его же приказу, не служила препятствием для полного доверия к нему в последующем»[16].

Сталинскую поддержку ощущали те выдвиженцы, кто смог оправдать доверие, — К. К. Рокоссовский, Л. А. Говоров, А. И. Еременко, И. Д. Черняховский, П. С. Рыбалко, П. А. Ротмистров, К. С. Москаленко, другие талантливые военачальники. «На протяжении войны я неизменно чувствовал его внимание, сказал бы, даже чрезмерную заботу, как мне казалось, далеко мной не заслуженные», — говорил в беседе с журналистом В. М. Песковым маршал А. М. Василевский.

В то же время, как вспоминал маршал Г. К. Жуков, «чем ближе был конец войны, тем больше Сталин интриговал между маршалами — командующими фронтами и своими заместителями, зачастую сталкивая их „лбами“, сея рознь, зависть и подталкивая к славе на нездоровой основе»[17]. Не отрицал правоты такого наблюдения и маршал И. С. Конев, что подтвердила, в частности, Берлинская операция.

В Сталине причудливо совмещались, казалось бы, диаметрально противоположные черты: всемерное радение о величии Советского Союза — и самонадеянность, поставившая страну на грань национальной катастрофы; внимание к кадрам — и редкая жестокость к людям-«винтикам»; стратегический ум — и мелкое тщеславие, стремление к еще одному пышному титулу вроде «величайшего полководца всех времен и народов». Об этой двойственной природе сталинской натуры, к глубокому сожалению, забывают те, кто и сегодня уверяет соотечественников, будто без вождя-диктатора наш народ был обречен на поражение в Великой Отечественной войне. Однако своим личным триумфом он обязан народу, по крайней мере, ничуть не меньше, чем народ ему.

---

1 См.: Островский А. В. Кто стоял за спиной Сталина? М., 2004. С. 83.

2 Анфилов В. А. Дорога к трагедии сорок первого года. М., 1997. С. 25.

3 Василевский А. М. Дело всей жизни. Кн. 2. М., 1988. С. 227.

4 Черчилль У. Вторая мировая война. Пер. с англ. Кн. 2. Т. 3–4. М., 1991. С. 515.

5 Кузнецов Н. Г. Крутые повороты: из записок адмирала. М., 1995. С. 33.

6 Кузнецов Н. Г. Крутые повороты. С. 37, 45, 56: он же: Накануне. М., 1969. С. 224.

[7] «Чего стоят полководческие качества Сталина». Непроизнесенная речь маршала Г. К. Жукова. // Источник, 1995. № 2. С. 147–148.

[8] Василевский А. М. Указ. соч. С. 220.

[9] Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 3 тт. М., 1990. Т. 2. С. 332.

[10] Воронов Н. Н. На службе военной. М., 1962. С. 385.

[11] «Чего стоят полководческие качества Сталина». С. 152–153.

[12] См.: Родина, 2005, № 4. С. 88.

[13] Рубцов Ю. В. Генеральская правда. 1941–1945. М., 2012. С. 23–24.

[14] 1941 год. В 2 кн. М., 1998. Кн. 2. С. 476–479.

[15] Рубцов Ю. В. Указ. соч. С. 335.

[16] Кузнецов Н. Г. Крутые повороты. С. 58.

[17] Цит. по: Светлишин Н. А. Крутые ступени судьбы. Жизнь и ратные подвиги маршала Г. К. Жукова. Хабаровск, 1992. С. 198.

Книга двадцать восьмая

БЛИЖНЯЯ ДАЧА

Ближняя дача Сталина

С. В. Девятов*, А. В. Серегин**, Ю. В. Юрьев***,
А. Н. Шефов****

О ближней даче не упоминали в официальных документах о приеме иностранных делегаций, не писали в периодической печати. Даже во время последней болезни Сталина в марте 1953 года о ней не было сказано ни слова. В правительственном сообщении фигурировала московская квартира вождя[1]. Только ближнее окружение Сталина да ограниченное число чиновников партийно-государственного аппарата и охрана знали место, где располагалась «Ближняя».

Попасть на «Ближнюю» можно было с разрешения лишь одного человека, ведь право входа туда и внутренний режим дачи определял он — «Хозяин». Так, с пиететом, называли между собой Сталина офицеры охраны, обслуживающий персонал дачи и его соратники.

Между тем дача находилась не так далеко от Московского Кремля. Кратчайшая дорога от Кремля до «Ближней» занимала не более 12 минут. Начальник хозчасти дачи И. М. Орлов вспоминал: «Сталин сообщал нам заранее, вернее, за несколько минут, что он едет на дачу. Я тут же звонил на дачу и сообщал дежурному, чтобы готовили обед или ужин, в зависимости от времени. Дежурный тут же сообщал на кухню о приезде Хозяина. Там знали, что он заказал накануне на ужин, и все, что было заказано, тут же подогревалось и в специальных мельхиоровых судках приносилось в столовую. Если приезжали гости, на кухне успевали также приготовить все к приезду гостей и Хозяина»[2].

Вождь устраивался в автомобиле не на заднем, а на специальном откидном сиденье, лицом по ходу машины. Он не только сам открывал дверцу автомобиля, но и откидывал свое сиденье без посторонней помощи. В автомобиль вместе с генсеком садились двое офицеров охраны. На заднем сиденье располагался заместитель старшего коменданта охраны (первый прикрепленный), спереди, рядом с водителем, — замначальника личной охраны (второй прикрепленный). Таким образом, Хозяин оказывался надежно прикрыт телохранителями.

Кортеж вождя приближался к главному въезду на «Ближнюю». Тесовые двухстворчатые ворота охранял пост № 1. Здесь основная машина замедляла ход. Прикрепленный, приоткрыв дверцу, высовывался, показываясь стоящей у ворот охране, и громко называл свою фамилию. Ворота открывались, и автомобили, не останавливаясь, двигались к Главному дому. К этому следует добавить, что заборы дачи имели разную высоту: четырехметровый наружный был позднее надстроен до 6 метров, высота внутреннего составляла 2 метра. Между заборами оставался двухметровый проход.

«Сталин был одет в маршальскую форму и мягкие сапоги, — пишет Джилас [Будущий вице-президент Югославии Милован Джилас], —

* **Сергей Викторович Девятов** — доктор исторических наук.

** **Александр Васильевич Серегин** — кандидат культурологии, директор дирекции информационно-издательских программ МГИМО (У).

*** **Юрий Васильевич Юрьев** — кандидат исторических наук, член-корреспондент Российской Академии военных наук.

**** **Алесандр Николаевич Шефов** — кандидат исторических наук.

Ближняя дача Сталина.

без орденов, кроме Золотой Звезды Героя Социалистического труда на левой стороне груди. В его поведении не было ничего искусственного, никакой позы. Это был не величественный Сталин с фотографий или из документальных фильмов — с замедленной продуманной походкой и жестами. Он ни на минуту не оставался спокойным — занимался трубкой с белой точкой английской фирмы Данхилл… поворачивал туда–сюда голову, вертелся на месте.

И еще одно меня удивило: он был малого роста, тело его было некрасивым: туловище короткое и узкое, а руки и ноги слишком длинные — левая рука и плечо как бы слегка огра-

ничены в движениях. У него был порядочный животик, а волосы редкие, хотя совсем лысым он не был даже на темени. Лицо у него было белым с румяными скулами… Зубы у него были черные и неправильные, загнутые внутрь. Даже усы не были густыми и представительными. Все же голова его не была отталкивающей: что-то было в ней народное крестьянское, хозяйское — быстрые желтые глаза, смесь строгости и плутоватости»[3].

Впрочем, таким вождь предстал перед Джиласом при первой встрече в Кремле. На даче сталинское облачение было куда скромнее. Создавая атмосферу непринужденности, он встретил югославского коммуниста не в маршальском мундире и сапогах, а в полувоенном френче, столь хорошо знакомом всем по фотографиям, и ботинках. Словом, в таком виде он показался Джиласу «еще меньше ростом и еще более простым, совсем домашним»[4].

Строительству сталинской дачи предшествовало трагическое событие, коренным образом изменившее быт генсека. Несомненно, оно ускорило переезд вождя из Зубалова. Утром 9 ноября 1932 года Надежда Сергеевна Аллилуева была найдена мертвой в своей комнате кремлевской квартиры. Смерть жены, как и многое другое, по-прежнему остается неразгаданной загадкой сталинской биографии.

Обеспечением безопасности партийных бонз занимался оперативный отдел (оперод) ОГПУ, который возглавлял Карл Паукер[5]. Для охраны генсека отобрали наиболее опытных сотрудников оперода. Первоначально их было 9 человек, отсюда и обиходное название — «девятка». Оно прижилось, несмотря на последовавшее вскоре увеличение числа сотрудников до дюжины. Начальником личной охраны Сталина стал уполномоченный оперода Н. С. Власик, а его заместителем — Л. Т. Богданов.

Надо сказать, что в 20-е — начале 30-х годов сам Кремль был населен почти так же густо, как и центр столицы. В его дворцах не только работали, но и проживали, как тогда говорили, «партийные, советские и хозяйственные руководители» со своими часто многочисленными семьями. Помимо семей чиновников рангом пониже, сотрудников охраны и обслуживающего персонала, здесь же размещались приближенные к сталинскому двору люди. Весьма колоритной фигурой из числа последних был известный пролетарский поэт Демьян Бедный (Придворов)[6].

Возглавивший сталинскую охрану Власик с рвением взялся за исполнение обязанностей. По его словам, помимо безопасности он озаботился обеспечением благоустроенного быта охраняемого лица и поехал в Зубалово. «Приехав на дачу и осмотрев ее, — вспоминал Николай Сидорович, — я увидел, что там царил полный беспорядок. Не было ни белья, ни посуды, ни обслуживающего персонала. Жил на даче один комендант.

Как зафиксировала в своем дневнике Сванидзе, в 1934 году Сталин еще не замыкался на «Ближней», а часто бывал и на других дачах — чаще в Зубалове, реже в Липках. Мог заехать в Зубалово повидаться с дочерью и, попив чаю, укатить на «Ближнюю» обедать: «…машины в мгновенье исчезли с глаз. Он любит быструю езду»[7]. Со временем вождь стал все чаще и чаще посещать «Ближнюю», и вскоре она стала не только местом отдыха, но и вторым рабочим кабинетом после кремлевского.

Стены над панелями во всех комнатах Главного дома «Ближней» были выкрашены клеевой краской светло-желтого или лимонного цвета. На полах всюду лежали ковры.

Окна с толстыми стеклами и прочными дубовыми рамами надежно защищали Хозяина от внешнего мира. Снаружи все окна были забраны мелкоячеистой медной сеткой, поэтому изнутри можно было видеть, что происходит в саду, оставаясь незамеченным.

В первоначальном виде Главный дом просуществовал недолго — неполных пять лет. Вскоре он была разобран. Новый дом был построен в мае 1938 года из кирпича, оштукатурен и выкрашен снаружи, как и прежний, зеленой краской, смешанной с цементом, поэтому иногда дачу называли «Зеленой». Это, видимо, был любимый цвет Сталина: многие дачи в Подмосковье и на юге были выкрашены в зеленый.

Дом, как и прежде, был одноэтажным, с семью жилыми комнатами: комнатой Светланы с выходом на террасу, библиотекой, гостевой, рабочей комнатой Сталина, столовой, кабинетом и спальней. На крыше был устроен солярий, по которому в детстве любила бегать Светлана.

Территория новой сталинской дачи с самого начала надежно охранялась. Особенно тщательно стерегли Главный дом. Вокруг здания располагались 6 оборудованных телефонами постов (в годы войны их количество увеличили). На постах, сменяя друг друга через два часа, дежурили по два офицера. Каждый был

вооружен автоматом ППШ, кольтом и наганом. В экипировку входил и нож, которым офицеры владели так же хорошо, как и огнестрельным оружием. Дежурство продолжалось сутки, после чего постовые получали сутки отдыха. Посты располагались таким образом, что оставались незаметными для гостей вождя, прибывавших со стороны служебного здания.

Члены Политбюро и другие высокопоставленные лица, приглашенные Сталиным на «Ближнюю», попадали в дом через парадный подъезд. В прихожей их встречали, в зависимости от обстоятельств, либо дежурный офицер, либо комендант дачи, либо прикрепленный генерального секретаря.

При входе, справа и слева, вплотную к стенам установлены две деревянные вешалки с никелированными крючками для верхней одежды и полочками для головных уборов. Над вешалками по центру — сдвоенные бра.

Правая вешалка — для посетителей, левая — для Сталина. На крючках — по сезону — висела верхняя одежда вождя, на полочке лежали фуражки и шапки, внизу стояла обувь. Описи дачного имущества и фотографии сохранили для нас перечни и внешний вид этой одежды: меховое пальто на котиковой подкладке; бекеша на лисьем меху; коричневое пальто из драпа; пальто военное; военный плащ; пальто серое коверкотовое штатское с надставленными карманами; пальто летнее серое старое; шарф коричневый; шарф клетчатый; фуражка штатская со звездой; шапки меховые — котиковая, из черно-бурых лисиц[8] и колонковая; военная фуражка; шляпа фетровая (коричневая); рукавицы заячьи; валенки фетровые, подшитые; галоши № 11.

В центре гостевой вешалки укреплено большое зеркало. В ящичках под ним хранились сталинские бритвенные приборы. Здесь по утрам периодически разворачивалась импровизированная парикмахерская. Офицер личной охраны подполковник Василий Туков рассказывал, что вождь, как правило, брился сам. Сначала он пользовался опасной бритвой фирмы «Золинген», а с конца 30-х перешел на безопасную — фирмы «Жиллетт». Однако в последние годы жизни Сталина все чаще брили два парикмахера (история сохранила имя и отчество одного — Василий Михайлович — и фамилию другого — Матвеев[9]).

К Сталину стекалась обширная и самая разнообразная информация. В военные годы нескончаемой чередой шли докладные записки наркомов и секретарей обкомов прифронтовых областей, телеграммы и письма членов и уполномоченных ГКО, послания союзников по коалиции — британского премьер-министра и американского президента, сводки и донесения с фронтов и многое другое. И. М. Орлов вспоминал, что бывали дни, когда на «Ближнюю» каждые пятнадцать минут приезжали фельдъегери со специальной почтой — красным пакетом с надписью: «Лично товарищу Сталину».

Вот одно из таких донесений, доставленных на дачу[10]. «Государственный Комитет Обороны. Товарищу Сталину. 16 сентября 1942 г.

НКВД СССР докладывает донесение начальника Особого отдела Сталинградского фронта тов. Селивановского, который вернулся сегодня в 2 часа ночи из города:

„По состоянию на 24:00 15-го сентября противник в Сталинграде занимал элеватор, куда проникло до 40 танков и группы мотопехоты противника, дом специалистов, расположенный в непосредственной близости у Волги — 150–180 метров от переправы. Сюда противник подтянул более 20 танков, группы автоматчиков и минометчиков.

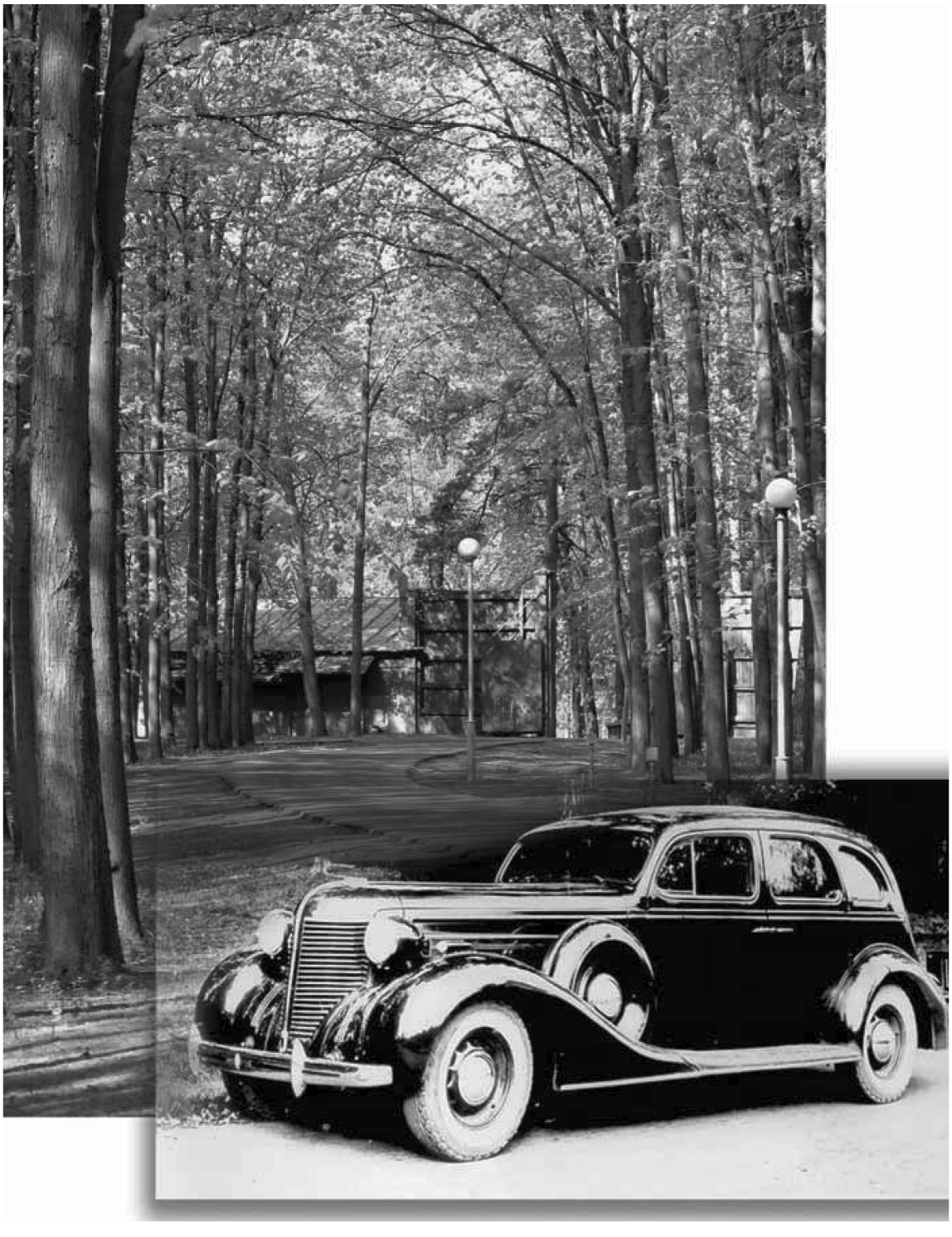
…Противником занят Мамаев Курган (высота 102), который господствует над всем Сталинградом и левым побережьем Волги — в радиусе 25–30 км от Волги, чем он взял под контроль все переправы и дороги, ведущие в Красную Слободку.

15 сентября в Сталинграде вела бой с противником при бывшая сюда ночью 13-я Гвардейская стрелковая дивизия (командующий генерал-майор Родимцев), которая в августе была выведена на переформирование, в течение последних двух недель беспрерывно находилась на марше.

Бойцы дивизии оружием владеют плохо, дивизия пришла в расположение Сталинграда без боеприпасов. Принятыми мерами боеприпасы дивизии были доставлены.

За день боев 15 сентября 13-я Гвардейская стрелковая дивизия потеряла 400 человек ранеными и убитыми и израсходовала все боеприпасы к автоматическому оружию, и несмотря на полночь 16-го сентября дивизия боеприпасов и артиллерии еще не получила.

Дивизия ощущает острую нужду в артиллерии, она ей необходима для разрушения домов, где засели автоматчики противника.

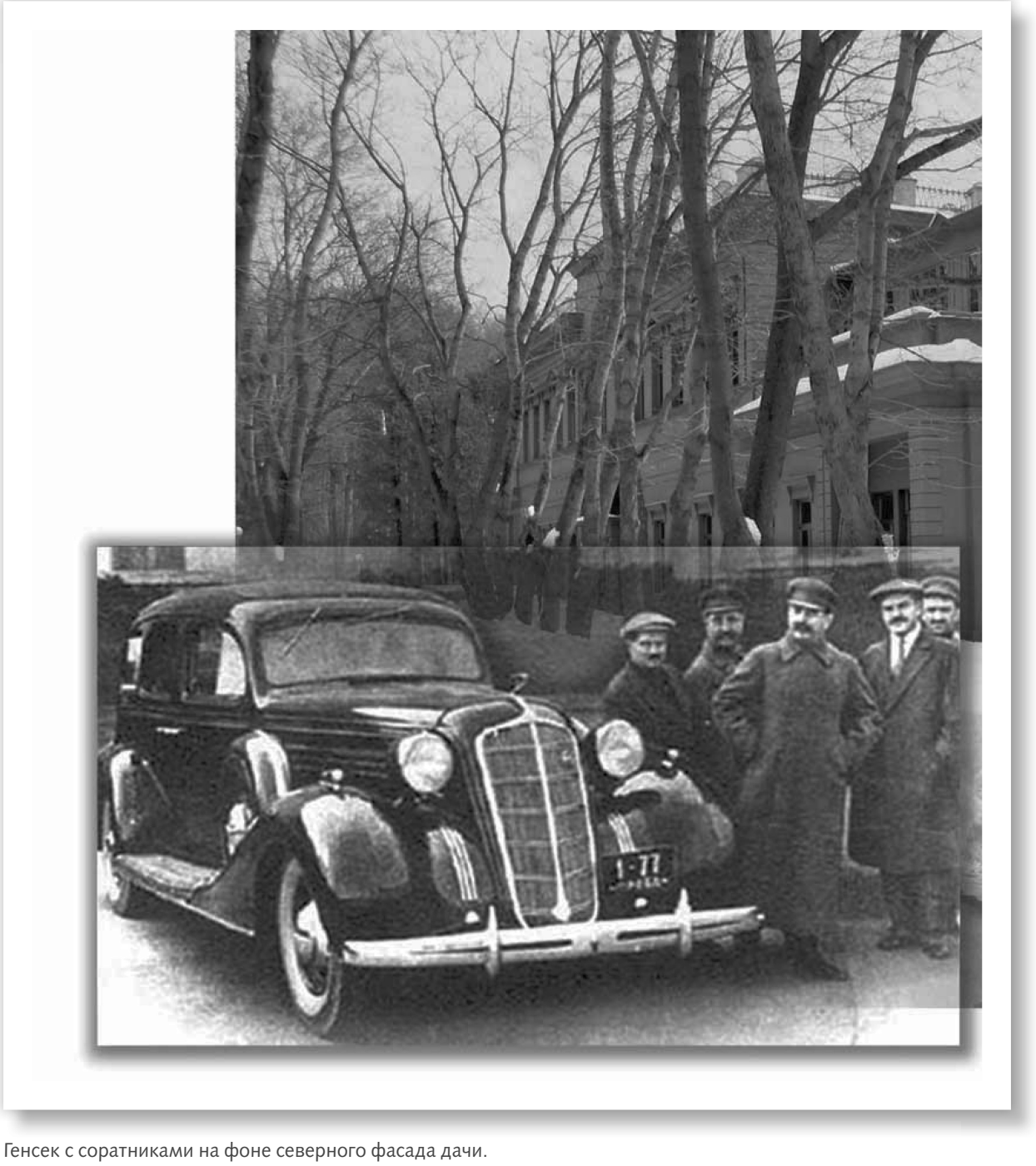

ЗИС-101А на фоне забора и ворот № 2 «Ближней».

Очень плохо обстоит дело с транспортировкой раненых на левый берег Волги. Командир 13 Гвардейской стрелковой дивизии для перевозки раненых никаких средств не имеет. Легко раненые бойцы сами делают себе плоты, грузят на них тяжело раненых и, переправляясь на левый берег, относятся легко течением вниз по Волге, где разбредаются по селам в поисках оказания помощи.

Такое же положение в 62 армии.

Вообще Сталинград к обороне не был подготовлен. Укрепления на улицах заблаговременно

Генсек с соратниками на фоне северного фасада дачи.

сделаны не были, никаких складов с боеприпасами, медикаментами, продовольствием зарыто в землю в Сталинграде не было.

Части вели уличные бои только один день, а боеприпасов уже ни у кого нет. Боеприпасы и продовольствие теперь приходится доставлять через Волгу — через единственную работающую переправу и то только в ночное время.

Через командующего фронтом тов. Еременко поставлен вопрос о немедленной доставке ночью в Сталинград для 13 Гвардейской стрелковой дивизии 500 000 патронов к автоматам, 10 000 ПТР, 10 пушек со снарядами, выделение одного–двух речных трамваев для перевозки раненых и организации переправы 1500 бойцов…

До прихода в Сталинград 13 Гвардейской дивизии, в районе вокзала противника сдерживал армейский заградительный отряд 62 армии. Многие товарищи из отряда за проявленную доблесть в бою представляются к правительственным наградам.

Факты неорганизованности и беспечности продолжают иметь место. Личным выездом в Сталинград в ночь на 16 сентября установил,

что оборона КП 13 Гвардейской стрелковой дивизии и пункта связи командующего 62 армии, расположенных на берегу Волги у здания НКВД, полностью с Волги не организована, несмотря на то, что в 100–150 метрах от КП и узла связи находится противник. Указал на это командующему 13 Гвардейской дивизии товарищу Родимцеву, приняты меры организации обороны и усиления охраны КП…

14-го сентября около 22 часов группа автоматчиков противника, проникшая в район Медведицкой улицы, захватила КП 8 отдельной роты комендантского управления города, которая находилась в штольне. При захвате этого КП было взято в плен около 80 человек и сейчас взятые в плен были использованы небольшими группами на подноску патронов немецким автоматчикам. Одна такая группа в количестве 6 человек работниками НКВД взята в плен обратно, в районе КП 13 Гвардейской СД, из которых 4 человека расстреляны как изменники родины перед строем. Ведется следствие…

Заградительным отрядом Особого отдела 62 армии с 13 по 15 задержано 1218 человек военнослужащих; из них расстреляно — 21, арестовано — 10, остальные направлены в свои части. Большинство задержанных относятся к войскам 10 дивизии НКВД и связному полку 399 стрелковой дивизии, который был брошен на поле боя командиром и комиссаром полка. За проявленную трусость — бегство с поля боя и оставление части на произвол судьбы, командир связного полка 399 стрелковой дивизии майор Жуков и комиссар — ст. политрук Распопов расстреляны перед строем.

В настоящее время бои идут в пунктах, указанных в телеграмме. Изменений нет.

Авиация с обеих сторон действует активно. Идут крупные воздушные бои".

Об изложенном и особо об отсутствии боеприпасов в частях, находящихся в Сталинграде, информирован командующий фронтом тов. Еременко.

Л. Берия»[11]

Случалось так, что сам Хозяин сталкивался в прихожей с офицерами фельдсвязи. «Я хорошо запомнил одного из них, — рассказывал Орлов. — Я как раз тогда дежурил. Это было начало февраля 1943 года. Шел снег, погода была ужасная.

Фельдъегеря тогда ездили на мотоциклах. Фельдъегерь вошел весь засыпанный снегом, отдал честь и передал Сталину пакет. „Подождите!" — сказал Сталин и ушел в Большой зал. Через несколько минут он вернулся в прихожую. В правой руке у него был большой бокал с коньяком, в левой офицерские погоны, которые в начале января вновь были введены в армии. „Выпейте, майор", — предложил Сталин, подавая фельдъегерю бокал. „Я не могу, я на службе", — ответил растерявшийся старший лейтенант. Сталин улыбнулся. „Мы, майор, здесь тоже не хреновиной занимаемся. Пейте, теперь вы майор, — сказал Сталин, протягивая офицеру погоны. — Сегодня можно, сегодня праздник — Сталинград освобожден!!"»[12]

Названия комнатам первого этажа дал сам Хозяин, следивший за тем, как их называет охрана и обслуживающий персонал дачи. Если кто-нибудь ошибался и говорил, например, «в Большой столовой» вместо «в Большом зале», то Хозяин обязательно поправлял.

На «Ближней», впрочем, как и на других сталинских дачах, поддерживался строгий порядок. Без разрешения Сталина нельзя было переставлять вещи, что-либо менять. Комнаты были оборудованы кнопками звонков, на столиках стояли внутренние телефоны без дисков: к вождю входили только по вызову. В помещениях царила абсолютная чистота. Везде висели термометры. Температура в доме могла колебаться в пределах от 18 до 22˚С.

Хрущев на XX съезде КПСС утверждал: мол, Сталин операции планировал по глобусу. Глобус действительно у Сталина был, но не на даче, а в комнате отдыха при кремлевском кабинете[13]. Заметим, что никто из советских военачальников воспоминаний о посещении сталинской комнаты отдыха не оставил.

Хрущевский вымысел опроверг и Микоян. Сетуя на ошибки и крайности Хрущева, которые, по его мнению, ослабляли позиции в десталинизации, он писал: «Глобус стоял вообще в другой комнате, я его только два раза видел: когда Япония напала на Пирл-Харбор в декабре 1941 г. и еще по какому-то случаю. Сталин следил за военными действиями по картам Генштаба. Кроме того, ему специально сделали карту, которую он носил за голенищем сапога. Такая синяя карта была, он ее доставал, делал пометки, вносил изменения и засовывал обратно. (Правда, непонятно, почему в сапоге. Видимо, крестьянская привычка, еще из Гори или из деревни в Сибири, из ссылки.) Другое дело, что он часто дезорганизовывал работу Генштаба,

отправляя Василевского на несколько недель на фронт, что не вызывалось необходимостью, но оставляло Генштаб без этого прекрасного маршала. Начальник Генштаба может два–три дня провести на каком-либо фронте, но больше всего нужно его присутствие в Ставке. Василевский был порядочным, спокойным, умным, только, может быть, слишком мягким со Сталиным, недостаточно решительно противостоявшим сталинским капризам вроде „Не отступать!“ или „Взять к такому-то числу!“»[14]

Еще две карты висели в ведущем в западную часть дома коридоре: одна справа от входа в Большой зал, ближе к входу на второй этаж, другая — напротив. По воспоминаниям очевидцев, это были географические карты различных регионов Советского Союза.

Встретив гостей, Сталин часто приглашал их пройти в Малую столовую. Здесь, как следует из названия комнаты, довольно часто накрывали стол для трапезы вождя.

Малая столовая — это 76-метровая комната, в отличие от большинства других, с 1938 года не претерпела практически никаких изменений: ее не перестраивали и обстановку почти не меняли. Пожалуй, она была самой уютной. Широкие окна лишь наполовину задернуты шторками и гардинами, так что комната хорошо освещена. По стенам, облицованным почти в человеческий рост панелями из карельской березы, скачут солнечные зайчики, пробившиеся сквозь густые кроны окружающих дом деревьев. Ощущение простора усиливает высокий кессонированый потолок. По его периметру прикреплены широкие полосы из карельской березы. В центре побеленного плафона — массивная бронзовая шестирожковая люстра, а по углам — трехрожковые люстры поменьше.

Первое, что бросается в глаза, — стоящий на большом светло-коричневом ковре прямоугольный обеденный стол. Он накрыт сильно накрахмаленной скатертью из белой камки. Ширина стола 1,25 метра, длина — 3 метра, при желании его можно раздвинуть. На ближнем левом углу — глубокая пепельница из белого мрамора, в которую так удобно класть трубку; еще одна, точно такая же, — на дальнем конце стола, строго по диагонали. Там же, но слева, — фарфоровая ваза для фруктов, две тарелки и фруктовый серебряный нож. Вокруг стола восемь стульев с серо-голубой, в тон диванам, обивкой.

За этим столом Сталин обычно и работал, и обедал. Чаще всего он располагался у ближнего к входной двери левого угла точенные цветные карандаши (обычно 14 штук) и блокноты. Здесь же — коробки советских папирос «Герцеговина Флор» и болгарских «Люкс», гаванские сигары, трубочистки, спички.

Заметим, что пепельницы на «Ближней» имелись во всех помещениях. Их ставили на небольших круглых и на обеденных столах. Когда вождь работал или проводил заседания, то часто прохаживался около стола, держа в руке трубку, и пепельницы ему всегда были нужны. «Я очень часто присутствовал на заседаниях на «Ближней» при подготовке важных партийных документов, — вспоминал один из ответственных работников ЦК партии. — Обычно нам давали задание и устанавливали срок подготовки партийного документа. В назначенный день все мы собирались на заседание у Сталина — ответственные сотрудники аппарата и стенографистки.

Сталин внимательно слушал наши доклады, обычно прохаживаясь около стола. Затем он начинал говорить, диктуя текст документа, о котором шла речь. Больше никакой редакции уже не требовалось»[15].

Справа от камина два больших окна, между ними двойные двери с тамбуром, которые ведут на застекленную восточную веранду. Через небольшую дверь слева от камина можно попасть на северную террасу. В Малой столовой на столах, подоконниках и на деревянном барьере террасы с весны до осени расставляли в вазах, а то и прямо в стаканах и фужерах цветы, которые Сталин сам срезал и приносил из сада. Провожая приехавших на дачу гостей, генсек обычно дарил им и водителю машины самолично составленные букеты.

С приходом гостей в камине на мельхиоровых шампурах жарили шашлыки. «Сталин внимательно наблюдал, как делают шашлык, и, иногда не вытерпев, говорил: „Вы не умеете. Вот как надо“, — и сам принимался за дело», — вспоминал И. М. Орлов.

Справа от камина, на ручке окна, висел полевой бинокль. Здесь же стояли охотничьи ружья: одно известной немецкой фирмы «Зауер», другое — американский винчестер. Еще одно ружье подарили тульские оружейники 23 февраля 1941 года. Было и великолепное охотничье ружье французской работы, но после войны Сталин подарил его сыну Василию. Сам хозяин чаще всего пользовался винчестером, стреляя прямо с северной террасы по воронам: их крики мешали работать[16].

Сталин со Светланой на северной террасе Главного дома.

На северную террасу выходят четыре окна. В простенке между вторым и третьим, как и прежде, стоит круглый стол. На красной скатерти, расшитой желтыми цветами, — кнопка для вызова охраны и черные телефонные аппараты фирмы «Сименс»: правительственная «вертушка» и телефон специальной связи с говорящим названием «кремлевка». Рядом аппарат цвета слоновой кости — так называемый «ВЧ». В конце 40-х годов к ним добавился красный телефон. Теперь члены Политбюро ЦК могли связаться со Сталиным, набрав двузначный номер. Рядом на стене — специальные рычажки-выключатели. Когда кто-либо звонил Сталину по любой из линий связи, то вначале попадал к дежурному. Тот узнавал, кто звонит, после чего по внутреннему телефону докладывал вождю. Получив его согласие, дежурный говорил звонившему: «Ждите», — и по внутреннему телефону сообщал Сталину: «Такой-то у такого-то телефона». Хозяин снимал трубку, переключал нужный рычажок и обычно говорил в трубку: «Сталин».

Сотрудники охраны рассказывали, что до войны у генсека стоял и городской телефон. Очень часто случалось, что по нему по ошибке звонили посторонние лица. Сталин сердился и, в конце концов, приказал городской телефон убрать, а все остальные телефоны переключить на дежурных. Когда же надо было позвонить абоненту городской телефонной сети, то Сталин пользовался аппаратом ВЧ. По приказанию дежурные соединяли Хозяина с понадобившимися ему людьми[17].

Светлана Аллилуева утверждала, что по телефону Сталин отдал приказ об убийстве известного актера и общественного деятеля Михоэлса[1].

Работая по ночам, вождь, как правило, не вызывал прислугу, поэтому на столике всегда стоял электрический чайник. Ночью хорошо работалось, особенно зимой, когда ночи так длинны. В мягком свете лампы посверкивал хрустальный стакан в мельхиоровом подстаканнике. Генсек прихлебывал маленькими глотками чаек с лимоном, и карандаш летел по бумаге. «ЦК ВКП стало известно, что секретари обкомов — крайкомов, проверяя работников УНКВД, ставят им в вину применение физического воздействия к арестованным, как нечто преступное. ЦК ВКП разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП.

При этом было указано, что физическое воздействие, как исключение, и притом в отношении лишь таких явных врагов народа, которые, используя гуманный метод допроса, нагло отказываются выдать заговорщиков, месяцами не дают показаний, стараются затормозить разоблачение оставшихся на воле заговорщиков, следовательно, продолжают борьбу с Советской властью также и в тюрьме. Опыт показал, что такая установка дала свои результаты, намного ускорив дело разоблачения врагов народа».

Тут самое время отмежеваться от «перегибов», свалить вину на других и оправдаться самому. «Правда, впоследствии на практике метод физического воздействия был загажен мерзавцами Заковским[19], Литвиным[20], Успенским[21] и другими, ибо они превратили его из исключения в правило и стали применять его к случайно арестованным честным людям, за что они понесли должную кару. Но этим нисколько не опорачивается самый метод, поскольку он правильно применяется на практике».

Какова железная логика стального вождя! Правильно, потому что применяется.

Впрочем, можно сослаться и на опыт врагов. Звучит примитивно, но вроде бы логично. «Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата и притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманна в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод. ЦК ВКП требует от секретарей обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, чтобы они при проверке работников УНКВД руководствовались настоящим разъяснением»[22].

Естественно, что руководствовались «настоящим разъяснением» вплоть до самой смерти «отца всех народов» и даже чуть позже. И в центре, и на местах беспрекословно выполняли требование ЦК. Так и положено было в сталинском «ордене меченосцев» — в коммунистической партии, — скрепленной жесточайшей дисциплиной отнюдь не демократического централизма, да и критикой с самокритикой, т. е. публичным обсуждением, осуждением и обязательным самобичеванием, — в случае ослушания. А чтоб не забывали, вождь, как в деле «врачей-вредителей», мог и напомнить.

Прихожая. Двери в тамбур.

С Малой столовой связан эпизод из жизни Сталина, о котором историки до сих пор спорят. Речь идет о поведении вождя в первые дни войны: был ли он повергнут в шок и в растерянности затворился на даче или, собрав в кулак и без того стальную волю, без устали трудился в кремлевском кабинете? Хрущев на закрытом заседании XX партсъезда изложил собравшимся первую версию, хотя сам в июне 1941 года в Москве не присутствовал и мог знать о столичных событиях лишь с чужих слов. Летом 1990 года были впервые опубликованы несколько страниц из журнала посетителей Сталина, принятых им в Кремле[23].

Из документов следовало, что с 22 по 28 июня вождь регулярно появлялся в кремлевском кабинете, где совещался со своим ближайшим окружением и вызывал на ковер военных и штатских. Однако ни 29, ни 30 июня Сталин приема в Кремле не вел, возобновив его только 1 июля.

О том, что происходило со Сталиным после нападения Германии на СССР, в разное время вспоминали трое очевидцев из ближнего окружения вождя — Молотов, Каганович и Микоян. Первые двое лишь кратко упоминали о поведении генсека, а последний подробно изложил события последних июльских дней в своих мемуарах.

Микоян писал: «На седьмой день войны фашистские войска заняли Минск. 29 июня [согласно журналам записи лиц, принятых генсеком, это было 28 июня. — *Авт.*], вечером, у Сталина в Кремле собрались Молотов, Маленков, я и Берия[24]. Подробных данных о положении в Белоруссии тогда еще не поступило. Известно было только, что связи

Гостевая вешалка с зеркалом и кресло. Здесь брили генсека.

с войсками Белорусского фронта нет. Сталин позвонил в Наркомат обороны Тимошенко[25], но тот ничего путного о положении на западном направлении сказать не мог. Встревоженный таким ходом дела, Сталин предложил всем нам поехать в Наркомат обороны и на месте разобраться в обстановке.

В наркомате были Тимошенко, Жуков и Ватутин[26]. Жуков докладывал, что связь потеряна, сказал, что послали людей, но сколько времени потребуется для установления связи — никто не знает. Около получаса говорили довольно спокойно. Потом Сталин взорвался: «Что за Генеральный штаб? Что за начальник штаба, который в первый же день войны растерялся, не имеет связи с войсками, никого не представляет и никем не командует?»

Жуков, конечно, не меньше Сталина переживал состояние дел, и такой окрик Сталина был для него оскорбительным. И этот мужественный человек буквально разрыдался и выбежал в другую комнату. Молотов пошел за ним. Мы все были в удрученном состоянии. Минут через 5–10 Молотов привел внешне спокойного Жукова, но глаза у него были мокрые…

Сталин был очень удручен. Когда вышли из наркомата, он такую фразу сказал: «Ленин оставил нам великое наследие, а мы, его наследники, все это просрали…» Мы были поражены этим высказыванием Сталина. Выходит, что все безвозвратно потеряно? Посчитали, что это он сказал в состоянии аффекта»[27].

Уехавший на «Ближнюю» вождь соратникам не звонил и не собрал их в Кремле на следующий вечер. Интересное свидетельство об этом оставил Чадаев[28], в годы войны занимавший пост управляющего делами Совнаркома: «Вечером я вновь зашел с бумагами к Поскребышеву, и вновь… Сталин не появился [согласно журналам записи лиц, принятых генсеком, это могло быть только 29 и 30 июня. — *Авт.*]. У меня скопилось много бумаг, и поскольку первым заместителем был Вознесенский[29], я попросил его подписать. Вознесенский позвонил Молотову, потом долго слушал его и, положив трубку, сказал:

— Молотов просит обождать один день и просит членов Политбюро собраться у него через два часа. Так что пусть эти документы побудут у вас…

Вознесенский поднял трубку вертушки, ждал минуту и сказал:

— Никто на даче не отвечает[30]. Непонятно, видно, что-то случилось с ним в такой тяжелый момент…»[31]

Некоторые, описывая сталинские деяния, настаивают на том, что «вождь народов», замкнувшись на «Ближней» и лишив соратников общения с собой, испытывал их на преданность. Такая трактовка вызывает большие сомнения: все ближнее сталинское окружение было давно подчинено стальной воле Хозяина. Молотов привык одобрять сталинские решения еще с дооктябрьских времен, хотя и он, и Микоян

Коридор первого этажа Главного дома. Справа видны окна второй комнаты, выходящие в коридор.

позднее утверждали, что осмеливались спорить с вождем[32]. Все приближенные, которых генеральный секретарь в разные годы включал в состав узкого руководства, были связаны с ним круговой порукой: подписывали расстрельные списки, по его заданию отправлялись на места — проводить чистки в парторганизациях.

Слепо преданный генсеку до конца жизни Каганович полностью отрицал сталинскую растерянность в первые дни войны[33]. Однако из документов видно, что он не присутствовал в кремлевском кабинете Сталина 28 июня. Не упоминается «железный нарком» и среди тех, кто приехал на «Ближнюю» 30 июня. В отличие от Кагановича, Молотов подтверждает некоторую подавленность Хозяина. Так, обсуждая книгу А. Авторханова, он по поводу процитированных в ней слов Хрущева: «Я знаю, каким героем он был. Я видел его, когда он был парализован от страха перед Гитлером, как кролик, загипнотизированный удавом», — сказал: «Ну, конечно, он переживал, но на кролика не похож, конечно. Дня два–три он не показывался, на даче находился. Он переживал, безусловно, был немножко подавлен. Но всем было очень трудно, а ему особенно…

— Авторханов пишет о Евгении Аллилуевой, тетке Светланы, которая пришла к Сталину в августе 1941 года и была поражена его паническим настроением.

— Нет, тогда он уже оправился»[34].

Микоян, однако, утверждает, что Молотов был в свое время более категоричен в оценках сталинского состояния. Когда зашла речь о том, что необходимо ехать к вождю, то «Молотов, правда, сказал, что Сталин в последние два дня в такой прострации, что ничем не интересуется, не проявляет никакой инициативы, находится в плохом состоянии»[35].

Итак, 30 июня в кремлевском кабинете Молотова собрались Берия, Ворошилов и Маленков. Пригласили Микояна и Вознесенского. Берия, вводя приглашенных в курс дела, заговорил о создании специального государственного органа, которому была бы передана вся полнота власти. Все согласились с тем, что возглавить его должен Сталин[36], и, позвонив на «Ближнюю», попросили разрешения приехать[37].

«Приехали на дачу к Сталину. Застали его в малой столовой сидящим в кресле. Увидев нас, он как бы вжался в кресло и вопросительно посмотрел на нас. Потом спросил: „Зачем пришли?“ Вид у него был настороженный, какой-то странный, не менее странным был и заданный им вопрос. Ведь по сути дела он сам должен был нас созвать. У меня не было сомнений: он решил, что мы приехали его арестовать.

Молотов от нашего имени сказал, что нужно сконцентрировать власть, чтобы поставить страну на ноги. Для этого создать Государственный Комитет Обороны. „Кто во главе?“ — спросил Сталин. Когда Молотов ответил, что во главе — он, Сталин, тот посмотрел удивленно, никаких соображений не высказал. „Хорошо“, — говорит потом. Тогда Берия сказал, что нужно назначить 5 членов Государственного Комитета Обороны. „Вы, товарищ Сталин, будете во главе, затем Молотов, Ворошилов, Маленков и я“, — добавил он»[38].

Судя по сохранившемуся черновому варианту постановления об образовании ГКО, дальше дело обстояло следующим образом. Собравшийся с силами Хозяин потребовал от «штатного писарчука» Маленкова необходимый текст[39]. Тот присел у краешка обеденного стола и принялся строчить красным карандашом в блокноте: «В целях быстрой мобилизации и организации всех сил народов СССР для отпора врагу, напавшему на нашу страну, Центральный Комитет ВКП(б) и Совнарком СССР признали необходимым:

1. Создать Государственный Комитет Обороны в составе:

т. Сталина — председатель

т. Молотова заместитель». Тут остальные фамилии Маленков стал писать более мелкими буквами — страничка кончалась. Пункт 2 он начал на следующей странице: «2. Сосредоточить всю полноту власти в государстве в руках Государственного Комитета Обороны.

3. Обязать все партийные, советские, хозяйственные и военные органы безпрекословно[40] выполнять решения и распоряжения Государственного Комитета Обороны»[41].

Потом начали обсуждать текст и вносить поправки. Придумали, что постановление должно быть подписано не только Сталиным от имени ЦК и Совнаркома — нужно подписать и за отсутствующего декоративного президента страны Калинина. Местом принятия документа указали, конечно, Кремль. Решили признать, что сложилось чрезвычайное положение. Отметили, что нападение врага было вероломным: нарушил Гитлер оба договора, на которые так надеялся Сталин. Сочли необходимым поменять родительный падеж на именительный в написании

Столовая.

фамилий членов ГКО и добавить инициалы. Маленков эти и другие мелкие поправки тут же вносил в текст. Приложили руку к документу и Сталин с Молотовым: свежеиспеченный председатель вписал в третий пункт слова «всех граждан» и заменил слово «хозяйственные» на «комсомольские», а его заместитель исправил слово «страну» в первом пункте на «родину».

Именно этот рукописный вариант постановления и сохранился в фондах Политбюро ЦК. Машинописный экземпляр документа, отложившийся в приложениях к протоколам Политбюро, видимо, был отпечатан позднее. На нем нет руки авторов, а лишь делопроизводственные пометки о рассылке: «т. Каг[ановичу], Мик[ояну], Стал[ину], Калин[ину], Молото[ву], Берия,

Щерб[акову], Мал[енкову]»[42]. Можно предположить, что Маленков прямо из Малой столовой позвонил в «Правду» и продиктовал окончательный вариант. На следующее утро, 1 июля 1941 года, постановление о создании Государственного Комитета Обороны было опубликовано в газетах.

«Спальня Светланы»

Комната № 1 находилась в конце длинного коридора, ближе к хозяйственному крылу здания, и самим своим положением выделялась из состава остальных помещений, постоянно использовавшихся генсеком для проведения рабочих встреч. Видимо, еще при проектировании дома она предназначалась вождем для дочери.

Как только было закончено возведение первого каркасного дома, в этой 28-метровой комнате с двумя большими окнами и двустворчатой дверью на северную террасу смогла разместиться восьмилетняя рыжеволосая девочка. Если ее не радовала кремлевская квартира, то вряд ли ей могли понравиться все те же деревянные панели на стенах, широкие лакированные светло-коричневые подоконники и тот минимум мебели, что находился в комнате. У одного из окон стояла кровать с тумбочкой, у другого — диван. С высокого потолка свисала массивная бронзовая люстра[43]. Небольшие круглые столики, накрытые цветными скатертями, дополняли скудную обстановку. Лишь большой шерстяной ковер текинской работы на полу несколько скрашивал казенный интерьер.

Здесь дочь генсека часто бывала по праздникам и вплоть до июня 1941 года проводила часть летних каникул. Обслуживающий персонал дачи называл эту комнату «спальней Светланы». «Иногда летом, — вспоминала Светлана Иосифовна, — он [Сталин. — *Авт.*] забирал меня к себе в Кунцево дня на три, после окончания занятий в школе. Ему хотелось, чтобы я побыла рядом. Но из этого ничего не получалось, так как приноровиться к его быту было невозможно: он завтракал часа в два дня, обедал часов в восемь вечера и поздно засиживался за столом ночью, — это было для меня непосильно, непривычно. Хорошо было только гулять вместе по лесу, по саду; он спрашивал у меня названия лесных цветов и трав, — я знала все эти премудрости от няни, — спрашивал, какая птица поет. Потом он усаживался где-нибудь в тени читать свои бумаги, газеты, и я ему уже была не нужна, я томилась, скучала и мечтала поскорее уехать в Зубалово, где была масса привычных развлечений, куда можно было пригласить подруг. Отец чувствовал, что я скучаю возле него, и обижался, а однажды рассорился со мной надолго, когда я спросила: „А можно мне теперь уехать?“ „Езжай!“ — ответил он резко, а потом не разговаривал со мной, долго не звонил.

И только когда по мудрому наущению няни я „попросила прощения“ — помирился со мной. „Уехала! Оставила меня, старика! Скучно ей!“ — ворчал он обиженно, но уже целовал и простил, так как без меня ему было еще скучнее»[44].

Начавшаяся война изменила быт сталинской семьи. Осенью 1941 года девятиклассницу Светлану Сталину эвакуировали в Куйбышев. Там, на Волге, она пробыла почти год, когда же изменилась обстановка на фронтах, вернулась в Москву.

Прибыв в Кремль, Светлана нашла отца в бомбоубежище. При их встрече имел место характерный диалог. «Отец не замечал меня, я мешала ему. Кругом лежали и висели карты, ему докладывали обстановку на фронтах.

Наконец, он заметил меня, надо было что-то сказать… „Ну, как ты там, подружилась с кем-нибудь из куйбышевцев?“ — спросил он, не очень думая о своем вопросе. „Нет, — ответила я, — там организовали специальную школу из эвакуированных детей, их много очень“, — сказала я, не предполагая, какова будет на это реакция. Отец вдруг поднял на меня быстрые глаза, как он делал всегда, когда что-либо его задевало: „Как? Специальную школу?“ — я видела, что он приходит постепенно в ярость. „Ах вы! — он искал слова поприличнее, — ах вы, каста проклятая! Ишь, правительство, москвичи приехали, школу им отдельную подавай! Власик — подлец, это его рук дело!..“ Он был в гневе, и только неотложные дела и присутствие других отвлекли его от этой темы»[45].

Весной 1943 года произошли события, которые, по словам Светланы Иосифовны, навсегда разъединили ее с отцом — «мы стали относиться друг к другу отчужденно».

«3-го марта утром, когда я собиралась в школу, неожиданно домой приехал отец, что было совершенно необычно. Он прошел своим быстрым шагом прямо в мою комнату, где от одного его взгляда окаменела моя няня, да так и приросла к полу в углу комнаты… Я никогда еще не видела отца таким. Обычно сдержанный и на слова и на эмоции, он задыхался от гнева, он едва мог говорить. „Где, где все это? — выговорил он. — Где все эти письма твоего писателя?.. Мне все известно! Все твои телефонные разговоры — вот они, здесь! — он похлопал себя рукой по карману. — Ну! Давай сюда! Твой Каплер[46] — английский шпион, он арестован!“

Я достала из своего стола все Люсины записи и фотографии с его надписями, которые он привез мне из Сталинграда… „А я люблю его!“ — сказала, наконец, я, обретя дар речи. „Любишь!“ — выкрикнул отец с невыразимой злостью к самому этому слову — и я получила две пощечины, — впервые в своей жизни. „Подумайте, няня, до чего она дошла!“ — он не мог больше сдерживаться. „Идет такая война, а она занята…!“ — И он произнес грубые мужицкие слова — других слов он не находил…

„Нет, нет, нет!“ — повторяла моя няня, стоя в углу…

„Как так — нет?! — не унимался отец, хотя после пощечин он уже выдохся и стал говорить спокойнее. — Как так нет, я все знаю!“ И, взглянув на меня, произнес то, что сразило меня наповал: „Ты бы посмотрела на себя — кому ты нужна?! У него кругом бабы, дура!“ И ушел к себе в столовую, забрав все, чтобы прочитать своими глазами»[47].

В тот же день, когда Светлана вернулась из школы, ей сказали, чтобы она зашла к отцу в столовую. «Отец рвал и бросал в корзину мои письма и фотографии. „Писатель! — бормотал он. — Не умеет толком писать по-русски! Уж не могла себе русского найти!“ То, что Каплер — еврей, раздражало его, кажется, больше всего…

Мне было все безразлично. Я молчала, потом пошла к себе. С этого дня мы с отцом стали чужими надолго»[48].

Четыре месяца после этого инцидента Светлана не встречалась и не разговаривала с отцом. В 1943 году она окончила школу и лишь тогда позвонила ему по телефону. В ответ Сталин приказал приехать.

«Я показала ему аттестат и сказала, что хочу поступать в университет, на филологический. Меня тянуло к литературе. И это же советовала мне Анна Алексеевна, наша школьная учительница.

„В литераторы хочешь! — недовольно проговорил отец. — Так и тянет тебя в эту богему! Они же необразованные все, и ты хочешь быть такой… Нет, ты получи хорошее образование — ну хотя бы на историческом. Надо знать историю общества, литературу тоже, это необходимо. Изучи историю, а потом занимайся, чем хочешь…“ Таково было его резюме»[49].

Через год влюбившаяся вновь дочь вождя сочеталась первым браком. Ее избранником стал студент Григорий Морозов[50]. По несчастливому для кремлевского горца стечению обстоятельств его зятем оказался человек нежелательной национальности. Как вы помните, этот брак усугубил последовавшие вскоре события, связанные с «делами» Михоэлса, Аллилуевых и Еврейского антифашистского комитета[51].

«Весной 1944 года я вышла замуж, — вспоминала позднее Светлана Иосифовна. — Мой первый муж, студент, как и я, был знакомый мне еще давно — мы учились в одной и той же школе… Я ездила к отцу специально для разговора об этом шаге. С ним вообще стало трудно говорить. Он был раз и навсегда мной недоволен, он был во мне разочарован.

Был май, все цвело кругом у него на даче — кипела черемуха, было тихо, пчелы жужжали… „Значит, замуж хочешь?“ — сказал он. Потом долго молчал, смотрел на деревья… — „Да, весна… — сказал он вдруг. И добавил: — Черт с тобой, делай что хочешь“[52]. Отказавшийся от знакомства с зятем, генсек настаивал, по словам Светланы Иосифовны, только на одном: молодожены не должны жить вместе с ним. „Слишком он расчетлив, твой молодой человек… Смотри-ка, на фронте ведь страшно, там стреляют, а он, видишь, в тылу окопался“[53]. Именно поэтому молодая семья въехала в квартиру в знаменитом „Доме на набережной“. Брак был не очень долгим: в мае 1947 года Григорий и Светлана расстались».

Несмотря на громадные средства, расходуемые на содержание вождя, в начале 50-х годов о комнате Светланы на даче не могло быть и речи. Как вы помните, помещение было переоборудовано осенью 1951 года. К этому времени дочь была исключена отцом из «ближнего круга». Светлана Иосифовна уже не только не имела права на отдельную комнату на «Ближней», но и не могла по своему желанию связаться с отцом по телефону и приехать к нему ни на дачу, ни в Кремль[54]. В предпоследний раз она была на «Ближней» 21 декабря 1952 года, а в следующий — приехала уже к умирающему отцу.

На прогулке с дочерью.

Любопытно, что сразу после смерти генсека его наследники планировали облагодетельствовать «Хозяйку», закрепив за ней дачу «Волынское» с обслуживанием и выделив денежное довольствие в размере 4 тысяч рублей в месяц. К чести Светланы Иосифовны, она отказалась от такого дара. Сохранилось ее письмо, датированное 21 марта 1953 года и адресованное Маленкову как председателю Совмина[55]. Судя по всему, дочь диктатора так и не притерпелась к роли «Хозяйки», навязанной ей в свое время отцом.

С комнатой Светланы соседствовало помещение чуть большего размера — около 30 м^2. Его приспособили под библиотеку: здесь была сосредоточена основная часть книг, хранившихся в Главном доме. В этой прямоугольной комнате с двумя окнами, выходящими на север, стояли в углу четыре больших книжных шкафа из мореного дуба. Шкафы эти сохранились; мы уже упоминали о них в главе «Первая комната». Каждый из них состоит из трех застекленных одностворчатых секций. На широких полках книги могли стоять в два ряда.

Всего на даче имелось более пяти тысяч книг. Еще больше их было в кремлевской квартире вождя. После смерти Сталина оба собрания были раскассированы. Часть книг, попавших в библиотеку Института Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина и партийные архивы, сохранилась до наших дней. Перелистывая их, можно ознакомиться с пометками, оставленными генсеком в тексте и на полях. Другим томам, в основном из кремлевской квартиры и кабинета вождя, повезло меньше: долгое время они лежали под лестницей в здании Сената, а затем были утрачены. По этой причине, рассказывая о сталинской библиотеке, мы вынуждены будем в первую очередь опираться на описи личного фонда Сталина и исследования историков, работавших с этим фондом.

Сталинские библиотеки формировались разными путями. Многие книги по заказу высокопоставленного читателя закупались за рубежом. При необходимости их доставляли из отечественных библиотек, чаще всего из «Ленинки». Бывало, Сталин и не возвращал туда книги[56]. Исследователями выявлены, по крайней мере, несколько десятков томов со штампами Государственной публичной библиотеки имени В. И. Ленина.

Итак, на постоянном хранении на «Ближней» находились книги по истории, философии, экономике и политике, по актуальным вопросам науки и техники, художественная литература. Здесь же были материалы съездов партии, стенограммы пленумов, экземпляры Конституции СССР 1936 года и многое другое — например, с десяток толковых словарей иностранных слов. Среди них имелось несколько дореволюционных: «Полный толковый словарь всех общеупотребительных иностранных слов» Н. Дубровского (Москва, 1905 год), два издания «Полного словаря иностранных слов», составленного Бурдоном и Михельсоном, выпущенные в 1899 и 1907 годах, словарь Ф. Павленкова в двух экземплярах.

В книжном собрании генсека присутствовали раритеты, в частности «Евгений Онегин» издания 1837 года. После смерти вождя том был передан в «Ленинку».

Известно, что Сталин почитывал труды политических противников. Так, у него хранилась книга Каменева о Чернышевском, изданная в 1933 году в серии «Жизнь замечательных людей», с примечательным штампом «Книгохранилище УСО ГУГБ Н.К.В.Д.». Генсек внимательно следил за сочинениями находившегося в изгнании Троцкого. Естественно, Сталин был знаком и с более ранними произведениями своего врага № 1. Широко известный факт: на страницах книжки «Терроризм и коммунизм», там, где автор восхваляет революционное насилие, генсек оставил пометки: «Так! Метко! Так!»[57]

Чтение с карандашом в руках было характерной чертой вождя. Пометками, сделанными красным, синим, желтым, зеленым, простым карандашом и даже фиолетовыми чернилами испещрены страницы книг сталинской библиотеки. Судя по этим пометам, ко многим произведениям

генсек обращался неоднократно. По свидетельствам современников, читал Сталин много. Посетивший «Ближнюю» в конце марта 1956 года, сразу после XX партсъезда, Шепилов рассказал одному из авторов этой книги следующую историю. Принимая Шепилова у себя на даче в мае 1950 года, вождь поинтересовался: «Вы любите читать художественную литературу? Сколько в день можете прочитать страниц, никогда не считали?» «Я опешил, — вспоминал Дмитрий Трофимович, — никак не ожидал такого вопроса.

Сталин улыбнулся, и сам ответил на свой вопрос: „Нам ежедневно приходится сталкиваться с самыми различными проблемами, и мы должны быть готовы правильно эти проблемы решать. А чтобы правильно решать, надо много читать, в том числе и художественную литературу. Вот, например, Владимир Ильич читал в день 600 страниц и мне советовал. Я стараюсь читать четыреста и вам советую. Наша работа этого постоянно требует. Очень вам советую читать больше“, — улыбнулся Сталин на прощание»[58].

Шепилову вторили другие партийные и советские функционеры. Громыко[59], сообщив о начитанности вождя, увеличил количество страниц, прочитываемых Сталиным за день, до 500. «Его начитанность, эрудиция проявлялись не только в выступлениях. Он знал неплохо русскую классическую литературу. Любил, в частности, произведения Гоголя и Салтыкова-Щедрина… Судя по моим некоторым наблюдениям, Сталин был знаком с книгами Шекспира, Гейне, Бальзака, Гюго, Ги де Мопассана — и последнего он очень хвалил, — а также с произведениями многих других западноевропейских писателей. По всей видимости, много книг прочитал и по истории. В его речах часто содержались примеры, которые можно привести только в том случае, если знаешь соответствующий исторический источник.

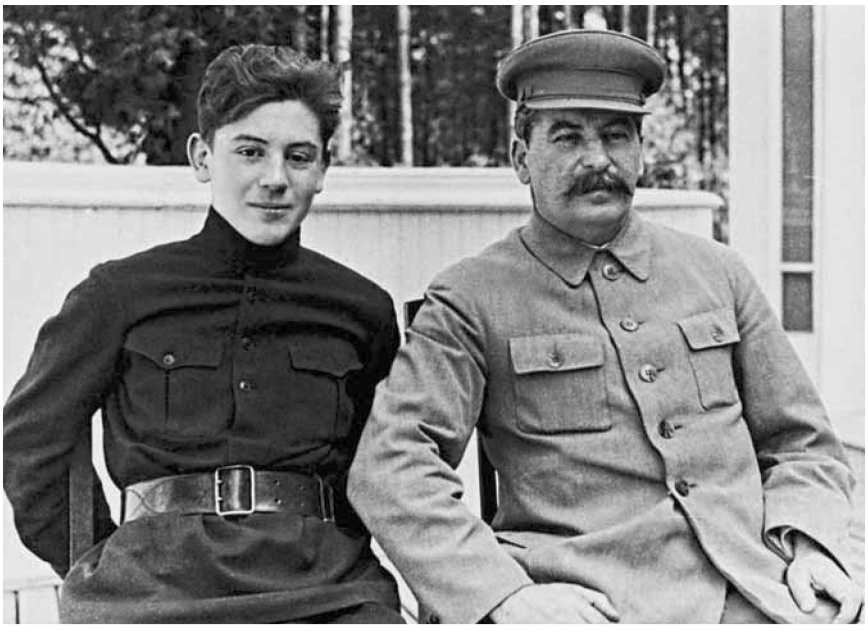
Одним словом, Сталин был образованным человеком и, видимо, никакое формальное образование не могло дать ему столько, сколько дала работа над собой. Результатом такого труда явился известный сталинский язык, его умение просто и популярно формулировать сложную мысль»[60].

Действительно, при случае вождь любил щегольнуть книжным словцом. Авиаконструктор Яковлев[61] вспоминал, что в первые годы их знакомства Сталин рекомендовал ему книги, которые следовало бы перечитать. Однажды, характеризуя неких работников, он заметил: «Вот еще Мильтиад и Фемистокл из Замоскворечья!» Убедившись, что Яковлев не знает, чем отличились эти древнегреческие полководцы, Сталин достал из книжного шкафа том энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, отыскал статью «Фемистокл», указал пальцем нужное место и приказал читать вслух. Яковлев прочел о Фемистокле, не спавшем ночами из-за славы Мильтиада после Марафонской битвы. «Как известно, оба они кончили печально, — заметил Сталин. — Так и наши доморощенные, замоскворецкие, — завидуют один другому, а дело страдает»[62].

Заметим в связи с комплиментарными характеристиками вождя, что самообразование — не панацея, как бы долго оно ни длилось. Отсутствие сколько-нибудь регулярного среднего образования и серьезной вузовской подготовки зачастую негативно сказывалось как на практической деятельности Сталина, так и на многих его теоретических построениях. Восполнить этот пробел путем самообразования так до конца и не удалось. Не помогли и попытки домашнего обучения, хотя интенсивные занятия позволяли ему до определенной степени ориентироваться в сложных научных проблемах. Ничем иным, кроме изначальной невежественности вождя в фундаментальных естественно-научных вопросах, нельзя объяснить невероятное возвышение блестящего интригана «народного академика» Лысенко и одновременное уничтожение всемирно признанной растениеводческой школы Вавилова. Грубейшим системным просчетом генсека были и действия по объявлению кибернетики «буржуазной лженаукой». В таких ситуациях не могли помочь ни таланты Сталина как политика и организатора, ни его блестящее чутье лидера.

Вождь, несомненно, скопил определенный багаж знаний в разнообразных областях. Но его познания были по большей части фрагментарными, основывались на отрывочных сведениях из книг либо суждениях специалистов, высказанных в ходе рабочих встреч. В качестве примера возьмем военную технику, знанием которой вождь так гордился. Действительно, в библиотеке Сталина было собрано значительное количество книг по вооружениям. Тем не менее вождь, случалось, допускал элементарные ошибки.

Примеры, в частности, находим в мемуарах Яковлева и дневнике Малышева. Яковлев воспроизводит в своих воспоминаниях встречу с вождем в марте 1943 года. Речь шла об истребителях. В ходе беседы Верховный главнокомандующий

Сталин с сыном Василием на северной террасе «Ближней». Фотография Н. С. Власика.

взялся сравнивать советские истребители с английским «спитфайром» и американской «аэрокоброй». Когда он назвал данные самолета «спитфайр», Яковлев, полагая, что имеется в виду разведчик, дальность полета которого 2 тысячи километров, сказал, что этот самолет не истребитель и не имеет стрелкового оружия. На это Сталин возразил: «Что вы ерунду говорите? Что я ребенок, что ли? Я говорю об истребителе, а не о разведчике. „Спитфайр“ имеет большую дальность, чем наши истребители, и нам нужно обязательно подтянуться в этом деле»[63].

Верховный в данном случае перепутал самолеты, но спорить с ним никто не рискнул. Такого же плана ошибки он допускал в наставлениях конструкторам танков.

На этом фоне совсем не удивительным оказывается на первый взгляд парадоксальное утверждение Конева: «Сталин очень верил людям, как это ни странно звучит. Он был очень доверчивым человеком. Это была своеобразная сторона его мании величия, его очень высокого мнения о самом себе. И, когда он смотрел на человека, разговаривал с ним, он считал, что человек, глядя ему в глаза, не может ему соврать, что он должен сказать ему правду и говорит ему правду. Вот почему он оказывался доверчивым, и люди преспокойно ему лгали и втирали очки»[64]. Таким образом, отсутствие системного, фундаментального образования и завышенная самооценка вождя позволяли близкому окружению обезопасить себя, если конечно же вопросы не касались главного — власти.

Недостаток образования генсеку удавалось частично компенсировать за счет иных качеств, в частности требовательности к работе своих соратников и подчиненных. «Я вижу, вы спокойную жизнь любите, — говаривал вождь, „подбадривая“ проштрафившегося работника. — Тогда вам надо на кладбище. Там покойники не будут с вами ни о чем спорить и ничего от вас не потребуют»[65]. Описаны случаи, когда вождю удавалось поразить воображение специалистов. Например, требуя доклада у командующих фронтами, он предварительно «снимал» информацию у командующих армиями и, естественно, в ходе бесед изумлял своих генералов глубоким знанием обстановки на их фронте, вплоть до мелких деталей. Впрочем, здесь также бывали осечки. Жуков в мемуарах упоминал о таком эпизоде. В 1941 году Сталин, получив сведения о том, что противник занял подмосковную деревню Дедово, перепутал ее со стратегически важным крупным железнодорожным узлом Дедовском и потребовал, чтобы генерал лично отбил населенный пункт у врага. Этот же пример Жуков приводил для доказательства ошибок Верховного в первые годы войны: «О непонимании Сталиным основ управления войсками можно многое рассказать из истории оборонительных сражений за Москву… Берия

доложил Сталину, что немцы захватили деревню Дедово и Красную Поляну. Сталин, вызвав к телефону меня и Н. А. Булганина, изругав как полагалось, приказал немедленно выехать мне в Дедово, а Н. А. Булганину в Красную Поляну и взять обратно эти деревни. Наши попытки доказать невозможность в такой тяжелый момент бросать командный пункт и управление войсками фронта были встречены угрозой расстрела. И в то время, когда мы с Н. А. Булганиным брали эти деревни, не имеющие никакого значения, противник прорвал фронт в другом месте — в районе Нарофоминска, ринулся к Москве и только наличие резерва фронта в этом районе спасло положение»[66].

Вернемся к сталинским шкафам и продолжим знакомство с находившимися там книгами. Вот выпущенная в 1946 году книга Александрова[67] «История западноевропейской философии» — подарок вождю от автора. На его беду, книга генсеку не понравилась: том испещрен пометками «ха-ха!», сделанными красным карандашом[68]. Там же, на полях, Сталин начертал указание Жданову разобраться с «философией» автора[69]. О своем негативном впечатлении от текста генсек не преминул сообщить автору, причем публично, в присутствии других работников идеологического фронта: «Я хотел еще сказать относительно вот этой книги. Она не понравилась мне. Неудачная книга получилась. Читал ее и тов. Жданов. Она ему также не понравилась. Это написал не боевой марксист, а книжник… Досадно, что такая книга появилась»[70].

Были в собрании и тома, дарственные надписи на которых выполнены рукой самого владельца библиотеки. В частности, они обращены к детям вождя. Так, на обложке книги Б. Андреева «Завоевание природы», выпущенной Госиздатом в 1927 году в серии «Книжная полка рабочего», значится: «Яша! Прочти ка эту книжку обязательно. И. Ст.». На книге Гальдерса «Воздушная война 1936 года», опубликованной Государственным военным издательством в 1932 году, размашисто наискосок пером начертано: «Ваське Красному[71] от И. Сталина. На память. 24/III 34 г. Москва». К младшему сыну обращена и дарственная надпись на одном из экземпляров самого известного труда вождя — «История ВКП(б). Краткий курс». В сталинской биографии — а как вы помните, он лично ее редактировал — о «Кратком курсе» написано буквально следующее: «В 1938 году вышла в свет книга „История ВКП(б). Краткий курс“, написанная товарищем Сталиным и одобренная комиссией ЦК ВКП(б)»[72].

Текст подарочного издания под малиновой обложкой расчерчен цветными карандашами — генсек лично подчеркнул самые важные, на его взгляд, пассажи, обвел ключевые даты и номера пунктов в выводах. Цвет подчеркиваний зависит от содержания: например, красным карандашом Сталин подчеркнул все, что говорится о Ленине и большевиках, а сиреневым — то, что относится к Мартову, меньшевикам и прочим оппозиционерам.

Ничто не должно было отвлекать от изучения канонических текстов. 16 февраля 1939 года генсек направил в Детиздат ЦК ВЛКСМ записку о рукописи Смирновой «Рассказы о детстве Сталина». «…Книжка изобилует массой фактических неверностей, искажений, преувеличений, незаслуженных восхвалений… — констатирует он. — Главное… что книжка имеет тенденцию вкоренить в сознание советских детей (и людей вообще) культ личностей, вождей, непогрешимых героев. Это опасно и вредно. Теория „героев и толпы“ есть не большевистская, а эсеровская теория… Книжка льет воду на мельницу эсеров… будет вредить нашему общему большевистскому делу»[73]. Сталинский приговор суров: «Советую сжечь книжку». Как видим, вождь строго следил за тем, как именно фальсифицируется история, и никому не позволял переходить очерченную им самим границу.

Работая над текстом «Краткого курса», генсек вычеркнул из макета наиболее апологетически звучавшие пассажи, например такой: «…В 1908 г. по приказу тюремного начальства рота солдат Сальянского полка избивала политических, арестованных в Баиловской тюрьме в Баку, где в то время сидел товарищ Сталин. Когда политических заключенных пропускали „сквозь строй“, Сталин шел, не сгибая головы, под ударами прикладов с книжкой в руке. Мужество и стойкость товарища Сталина поддерживали дух у остальных заключенных»[74]. Надо сказать, что генсек всегда был внимательным и требовательным редактором. Так, в первом варианте «Краткого курса» он не пропустил фразу: «Правые завязывали тесные связи с фашистскими разведками». Недовольный своими историографами вождь написал: «Не было еще тогда фашистских разведок (в 1929 г.)». В макете он изменил названия глав и параграфов, которые не соответствовали его концепции партийной истории как истории борьбы большевиков со

своими врагами. Редактурой генсек не удовлетворился — он включил в текст обширные фрагменты собственного сочинения[75].

Историки, первыми опубликовавшие и анализировавшие потаенные сталинские пометки на прочитанных книгах, отмечали, что вождя в известной мере «мучила» проблема, какое общество построено под его руководством. Вот его правка в учебнике по истории СССР выпуска 1937 года. В библиотеке учебник представлен в двух экземплярах. В одном Сталин вычеркнул фразу: «У нас построен социализм». Он явно подыскивает название для последней главы «Социализм в СССР построен». Вместо «построен» он сначала написал «победил». Затем в другом экземпляре — «Строительство социализма в СССР». А вот генсек читает с карандашом в руках рукопись пьесы А. Н. Афиногенова «Ложь» и правит реплику одного из персонажей. Тот спрашивает: «Повернуться лицом к подхалимам и хамелеонам? К системе магометанского социализма?» Вместо «магометанского» Сталин вписывает «приказного».

«Идеал минимальных потребностей органично вытекал из ориентаций на уравнительно-казарменный вариант социализма, — заключают О. В. Волобуев и С. В. Кулешов. — Это во многом был идеал самого Сталина. Не случайно он с интересом и одобрением относился к спартанскому воспитанию. В одном из учебников он вычеркнул фразу: „У детей в Спарте была безрадостная жизнь, жизнь без веселья и ласки“»[76].

Известный американский историк и политолог Р. Такер и другие исследователи отмечали, что почерпнутое из книг по истории повлияло на формирование политических представлений Сталина. Естественно, это влияние нельзя понимать буквально — исторические образы трансформировались. Вот две книги из сталинской библиотеки — «Очерки истории Римской империи» Р. Ю. Виппера и «История Древнего мира» С. Г. Лозинского. Обе содержат пометки вождя, в том числе и на страницах, посвященных принципату Октавиана Августа. Так, у Виппера подчеркнуты слова «подготовка принципата». У Лозинского интерес генсека вызвали, в частности, пассажи об Октавиане Августе и Юлии Цезаре. Им подчеркнуты слова «первый гражданин, принцепс… верховный правитель» об Октавиане и то место о Цезаре, где говорится, что он принял титул «вождь-победитель» (император).

Вот как характеризует особенности правления первых императоров признанный специалист по древнеримской истории Г. С. Кнабе. «Власть Августа основывалась на военной силе и юридически оформленных полномочиях, но он постоянно и усиленно заботился о том, чтобы в массовом сознании она опиралась на представления иного порядка, лишенные четкого правового содержания, в которых легенда стала народным чувством, а традиция — общественной психологией: власть отца семьи над членами фамилии, право вождя племени вершить суд, круговую поруку, соединявшую полководца и солдат, покровительство патрона клиентам, авторитетность в общественных делах, первое место в списке сенаторов. … В определенных условиях почти все они [первые императоры. — *Авт.*] подчеркивали, что считают себя не монархами, а гражданами республиканского государства, лишь получившими от сената и народа особенно широкие полномочия». Не правда ли, прослеживаются общие черты со сталинским режимом?

Грустные мысли навевают подчеркивания вождя в главке о диктатуре Суллы. Заинтересовало его не что иное, как проскрипции. Так именовались публиковавшиеся списки лиц, объявленных вне закона. Списки составлялись без суда и следствия, без указаний мотивов, часто по доносу. Имущество проскрибированных конфисковывалось, а их самих каждый гражданин мог и должен был убить.

В книге «Курс русской истории», изданной в 1916 году в Петрограде, Сталин подчеркнул следующие слова: «Чингис-хан перебил много людей, говоря: „Смерть побежденных нужна для спокойствия победителей“».

Опыт знаменитого завоевателя генсек хотел применить на практике. Он отметил в тексте то место, где рассказывалось, как в монголо-татарской армии считали воинов. Делалось ограждение, вмещавшее тысячу человек, куда загоняли воинов, уже не считая. Загнали 10 раз — вот и тумен во главе с темником. Так и «пересчитывали» все войско, тумен за туменом. На полях Сталин сделал пометку: «Об этом надо сказать нашим военным. Таким способом можно считать военнопленных»[77]. Здесь, как говорится, комментарии излишни.

Обратимся теперь к самому большому разделу сталинской библиотеки. В нем представлена русская, советская и зарубежная художественная литература. К ней примыкали и мемуары, среди которых было много эмигрантских изданий. Здесь можно было найти и воспоминания британских разведчиков, работавших в России в 20-х годах,

Сталин с детьми. Фотография Н. С. Власика.

и «Очерки русской смуты» генерала Деникина, и рассказы Аркадия Аверченко, и книги министра иностранных дел Временного правительства профессора Милюкова, и многое другое. Большинство подобных книг при их обнаружении в Советской России автоматически гарантировали своему владельцу длительный (как минимум десятилетний) срок тюремного заключения. Однако для узкого круга высших чиновников подобные меры карательного воздействия за хранение антисоветской литературы не предусматривались.

Партийно-государственное руководство имело возможность знакомиться с любой литературой. Специально для них переводили и ограниченным тиражом издавали наиболее важные и актуальные зарубежные книги. Так, в 1933 году, после прихода Гитлера к власти, была переведена и небольшим тиражом издана его печально известная «Майн кампф». По указанию вождя эта книга в песочно-желтом переплете со свастикой в углу была разослана членам ЦК и ЦКК. Сохранился экземпляр, направленный Калинину. На первой странице красуется отзыв «всесоюзного старосты»: «Многосложно бессодержательно для мелких лавочников»[78].

Пометы на страницах книг белоэмигрантов говорят о том, что со всей этой литературой Сталин знакомился очень внимательно. Так, читая воспоминания Деникина, он подчеркнул замечание белого генерала о том, что «в будущей войне с Германией русские офицеры-патриоты не будут воевать на стороне немцев». Вождь, очевидно, рассчитывал на это. Как хорошо известно, его надежды оправдались лишь частично. Во многих книгах и журналах отчеркивания сделаны разными карандашами и явно в разное время, что свидетельствует: вождь неоднократно перечитывал эти издания. Так, Сталин часто обращался к книгам Салтыкова-Щедрина, Гоголя, Лескова, Чехова и многих других русских писателей, по привычке прямо на полях записывая впечатления от прочитанного. Ссылки на вышеупомянутых авторов встречаются в выступлениях вождя. А вот и пометки на страницах произведений. Читая «Послание пошехонцам» Салтыкова-Щедрина, Сталин подчеркивает: «Пишите, мерзавцы, доносы».

Наиболее подробно исследовано, как генсек с карандашом в руках читал Льва Толстого и Достоевского[79]. Примечательно, что вождь, много читая сам, подданных своих в чтении, особенно таких авторов, ограничивал. Здесь на переднем плане все тот же прагматизм: писатель великий (надо использовать), беспокоит же возможная бесконтрольность усвоения массами («критика должна помочь читателям и особенно молодежи»). Отсюда и пути решения вставшей проблемы: поменьше самих авторских текстов, побольше промывающей мозги «критики».

До нас дошли некоторые сталинские оценки, которые он давал писателям во время различных

С. И. Аллилуева с первым мужем Г. И. Морозовым.

бесед и встреч. «Я, — пересказывал Джилас разговор со Сталиным в 1948 году, — с ранней молодости считал Достоевского во многом самым большим писателем нашего времени и никак не мог согласиться с тем, что

его атакуют марксисты.

Сталин на это ответил просто:

— Великий писатель — и великий реакционер. Мы его не печатаем, потому что он плохо влияет на молодежь. Но писатель великий!

Мы перешли к Горькому. Я сказал, что считаю самым значительным его произведение — как по методу, так и по глубине изображения русской революции — „Жизнь Клима Самгина“.

Но Сталин не согласился, обойдя тему о методе:

— Нет, лучшие его вещи те, которые он написал раньше: „Городок Окуров“, рассказы и „Фома Гордеев“. Что же касается изображения русской революции в „Климе Самгине“, так там очень мало революции и всего один большевик — как бишь его звали: Лютиков, Лютов?!

Я поправил:

— Кутузов, Лютов совсем другое лицо.

Сталин продолжал:

— Да, Кутузов! Революция там показана односторонне и недостаточно, а с литературной точки зрения его ранние произведения лучше»[80].

Наиболее известна «рецензия» на «Девушку и Смерть» Горького: «Эта штука сильнее, чем „Фауст“ Гете (любовь побеждает смерть). 11/X.31 г. И. Стал[ин]».

Рекомендовал товарищ Сталин не забывать и Куприна. Оценка его творчества передана Шепиловым со слов Жданова: «Он дал „Молоха“ — яркое обличение капиталистического свинства, буржуазной морали. Он дал „Поединок“ — правдивое полотно о царской армии, с её духом бесправия, палочной дисциплины и иными тяжкими пороками».

Показательны замечания вождя на книге Анатоля Франса «Последние страницы. Диалоги под розой». В той части предисловия, где отмечалось, что Франс не успел написать «Диалог о Любви и о Смерти», Сталин написал: «Жаль, что не успел».

И Шолохов прибегал к покровительству «своего вождя»[81]. В октябре 1938 года генсек, устроив Михаилу Александровичу «очную ставку» с сотрудниками НКВД во главе с Ежовым в своем кремлевском кабинете, не только не позволил арестовать писателя, но и милостиво разрешил тому общаться с бывшими белогвардейцами. Сталин разъяснил непонятливым сотрудникам органов: «Как же писатель должен писать о белогвардейцах и не знать, чем они дышат?»[82]

Советских литераторов генсек часто оценивал в зависимости от того, могут ли они «дать» что-либо полезное его режиму в идеологическом плане. Сошлемся на весьма показательные рас-

суждения вождя во время проработки писателей на состоявшемся 9 августа 1946 года заседании Оргбюро ЦК ВКП(б). На повестке дня — печально знаменитый вопрос «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“»:

«СТАЛИН. Анна Ахматова, кроме того, что у нее есть старое имя, что еще можно найти у нее?

ПРОКОФЬЕВ. В сочинениях послевоенного периода можно найти ряд хороших стихов. Это стихотворение „Первая дальнобойная“ о Ленинграде.

СТАЛИН. 1–2–3 стихотворения и обчелся, больше нет.

ПРОКОФЬЕВ. Стихов на актуальную тему мало, но она поэтесса со старыми устоями, уже утвердившимися мнениями и уже не сможет, Иосиф Виссарионович, дать что-то новое.

СТАЛИН. Тогда пусть печатается в другом месте где-либо, почему в „Звезде“?

ПРОКОФЬЕВ. Должен сказать, что то, что мы отвергли в „Звезде“, печаталось в „Знамени“.

СТАЛИН. Мы и до „Знамени“ доберемся, доберемся до всех…»[83].

Красочные описания того, как «добирался» до всех литераторов и других деятелей искусства возглавляемый Ждановым сталинский агитпроп, содержатся в воспоминаниях Шепилова. Жданов, как правило, уже на следующий день, вынув из кармана изрядно замусоленную записную книжку, передавал своим подчиненным указания вождя. Вот один пример. «Доведение критики художественных произведений до серьезных политических обвинений имело особенно серьезное значение, когда речь шла о произведениях, созданных в национальных республиках. Так было, в частности, в описываемый период с творчеством известного украинского поэта В. Сосюры[84]. Он опубликовал стихотворение „Люби Украину“

Люби Украину, как солнце, как свет,
Как ветер, и травы, и воды…
Люби Украину — простор вековой,
Гордись ты своей Украиной,
Красой её, новой и вечно живой
И речью её соловьиной…

Сталин нашел, что это — воспевание „Украины вообще“, „вне времени и пространства“, „извечной Украины“. Значит, это „националистический подход“. Под таким творчеством-де подпишется „любой недруг украинского народа из националистического лагеря, скажем Петлюра[85], Бандера[86] и т. п.“.

Конечно, Сталин не мог обойтись без острых блюд. Поэтому и здесь критика доводится до отождествления автора с Бандерой и Петлюрой. В итоге В. Сосюра был обвинен в национализме. Все характеристики, данные стихотворению и автору Сталиным, нашли отражение в большой редакционной статье в „Правде“. И никакие силы в мире не могли теперь избавить автора от инкриминируемой ему вины»[87].

В начале 40-х генсек стал анонимным соавтором Корнейчука[88]. Расскажем об этом поподробнее. С 24 по 27 августа 1942 года «Правда» печатала «Фронт» — новую пьесу украинского драматурга. Ее сюжет заключается в конфликте между ретроградом командующим фронтом генерал-лейтенантом Горловым и молодым образованным генералом Огневым. Герой Гражданской войны Горлов почивает на лаврах, учиться ничему не желает. Огнев, напротив, способен к совершенствованию. Он видит недостатки командующего фронтом, не согласен с его решениями. Разработанный Огневым альтернативный план наступательной операции утверждается Сталиным. После успеха операции Верховный назначает Огнева на место Горлова.

Тимошенко, усмотревший в образе Горлова намек на себя, 28 августа шлет Верховному телеграмму-кляузу: «Тов. Сталину. Опубликованная в печати пьеса тов. Корнейчука „Фронт“ заслуживает особого внимания. Эта пьеса вредит нам целыми веками, ее нужно изъять, автора привлечь к ответственности. Виновных в связи с этим следует разобрать».

Не знал, бедняга, что Сталин редактировал пьесу и кое-что вписал в текст сам. Например, такой пассаж: «Много еще у нас некультурных командиров, не понимающих современной войны, и в этом наша беда. Войну нельзя выиграть одной лишь храбростью. Чтобы выиграть войну, кроме храбрости нужно еще умение воевать, умение воевать по-современному. Опыт Гражданской войны для этого недостаточен». Вождь-драматург почти полностью написал монолог члена Военного совета фронта: «Сталин говорит, что нужно смелее выдвигать на руководящие должности молодых, талантливых полководцев… Надо бить самовлюбленных невежд, бить в кровь, вдребезги и поскорее заменить их другими, новыми, молодыми, талантливыми людьми, иначе можно загубить наше великое дело…»

С ответом маршалу Верховный не замедлил.

«28 авг.

Маршалу Тимошенко. Вашу телеграмму о пьесе Корнейчука „Фронт“ получил. В оценке пьесы Вы не правы. Пьеса будет иметь большое воспитательное значение для Красной Армии и ее комсостава.

Пьеса правильно отмечает недостатки Красной Армии, и было бы неправильно закрывать глаза на эти недостатки и принять меры к их ликвидации. Это единственный путь улучшения и усовершенствования Красной Армии».

Свой ответ и жалобу Тимошенко вождь переслал Корнейчуку. Тот, воспользовавшись случаем, благодарил и жаловался на недоброжелателей, ища защиты на будущее у земного божества-покровителя:

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Сердечно благодарю Вас за внимание. Прочитал телеграмму и Ваш ответ. Насколько я понял, тов. Тимошенко требует, чтобы меня судили за пьесу. Это еще не так страшно, так как неизвестные „благородные“ читатели дают мне клятвенное обещание по телефону, что обязательно поломают мне кости. Живу надеждой, что они не набросятся на меня все вместе, а поодиночке. С божьей помощью выдержу. Запорожский дух еще не погас.

С глубоким уважением

Александр Корнейчук».

По сталинскому велению пьесу поставили в нескольких театрах, сняли по ней фильм, в центральных и фронтовых газетах напечатали благожелательные рецензии. Беседуя со своими военачальниками, Верховный выпытывал их мнение. Попался еще один ничего не подозревавший о драматургических талантах вождя — Конев. На вопрос Сталина он простодушно ответил: «Очень плохое… Когда командующего фронтом шельмуют, высмеивают в произведении, напечатанном в „Правде“, это уже имеет не частное значение, речь идет не о ком-то одном, это бросает тень на всех», — за что тут же получил выговор: «Ничего вы не понимаете. Это политический вопрос, политическая необходимость. В этой пьесе идет борьба с отжившим, устарелым, с теми, кто тянет нас назад. Это хорошая пьеса, в ней правильно поставлен вопрос». Конев, продолжая откровенничать — дескать, в пьесе много неправды, — начал оправдываться: «Я не защищаю Горлова, я скорей из людей, которых подразумевают под Огневым, но в пьесе мне все это не нравится». «Ну да, вы Огнев! — поставил на место генерал-полковника Верховный. — Вы не Огнев, вы зазнались… Вы, военные, вы все понимаете, вы все знаете, а мы, гражданские, не понимаем. Мы лучше вас это понимаем, что надо и что не надо».

Присутствовавший при выволочке более опытный «придворный», Жуков, кое-как выкрутился, сославшись на то, что пьесу еще не читал. Вскоре Сталин потребовал от членов военных советов фронтов направить ему донесения с мнением всех высших генералов о пьесе Корнейчука. Там тоже нашлись простодушные. Булганин спешно донес слова командующего артиллерией Западного фронта: «Я бы не знаю что сделал с этим писателем… Я бы с ним разделался за такую пьесу». Говорят, что только заступничество Конева спасло генерала от неприятностей[89].

Никак генералы не могли уразуметь, что за свои просчеты в кампаниях этой войны вождь отвечать не собирался. Ответственность за них он, по обыкновению, перекладывал на других. Так было в начале войны с командующим Западным фронтом Павловым[90] и его заместителями. Так будет и впредь.

Что же касается зрителей и читателей, то тут сталинские расчеты оказались верными. Они в массе своей согласились с данной в пьесе трактовкой причин поражений Красной армии. Сталин в очередной раз вывел себя из-под критики, хотя именно он расставлял героев Гражданской войны по командным постам.

Исследователи справедливо указывают на своеобразие критериев, с помощью которых генсек оценивал человеческую личность. Наглядно это видно из его заметок на форзаце ленинской книги «Материализм и эмпириокритицизм», изданной в 1939 году. Вот они: «1) слабость, 2) лень, 3) глупость — единственное, что может быть названо пороками. Все остальное — при отсутствии вышеуказанного — составляет, несомненно, добродетель. NB! Если человек 1) силен (духовно), 2) деятелен, 3) умен (или способен) — то он хороший, независимо от любых иных „пороков“. (1) и (3) дают (2). Увы, увы! И что же видим мы»[91].

Там, где отсутствовали нравственные критерии, никакая библиотека не могла помочь.

Следующие по соседству с библиотекой — комнаты № 3 и № 4.

После войны третья комната значилась резервной. Достаточно большая площадь — 29 м^2 — позволяла использовать ее для хранения подарков, преподнесенных вождю. В довоенные

Библиотека.

же годы она была известна как гостевая. Многим это кажется невероятным, но в жизни кунцевского затворника были периоды, когда он любил принимать гостей. Прежде всего это были люди из так называемого ближнего круга.

Многие без труда назовут фамилии Молотова, Ворошилова, Кагановича, Микояна, Жданова, Берии, Маленкова, Хрущева. Кто-то припомнит Андреева, Кирова, Енукидзе, Орджоникидзе, Куйбышева, Кузнецова, Булганина и других соратников. Однако не все из них удостаивались привилегии проводить время с вождем не только во время официальных застолий, а, так сказать, в интимной обстановке.

Чести поужинать наедине с вождем удостаивались не только сподвижники, но и деятели искусств. Кинорежиссер Михаил Чиаурели, лично знавший Сталина, иногда был зван на «Ближнюю» отужинать и побеседовать, а то и поиграть в шахматы. Сталин играл не очень хорошо, но позволял себе расслабиться, сыграв одну–две партии. Об одном таком шахматном сеансе Чиаурели и рассказал незадолго до своей смерти.

Партия протекала в молчании. Вдруг с тяжелым вздохом вождь произнес: «Приснится же такое!» Через некоторое время Сталин повторил реплику и, выдержав паузу, пояснил партнеру: «Понимаешь, приснилось мне недавно, что ты стоишь рядом со мной и целишься в меня из пистолета…» Потрясенный Чиаурели не нашелся, что ответить. Вскоре вождь смешал фигуры, прервав игру.

Оставленный хозяином дачи ночевать гость долго не мог заснуть. Вдруг он услышал шаги и увидел в дверях фигуру Сталина. От страха режиссер зажмурил глаза и притворился спящим. Сталин подошел к дивану и долго в темноте смотрел на гостя. Чиаурели очень боялся, что чем–то себя выдаст, но все обошлось: вождь, постояв довольно долго, удалился к себе в спальню[92].

С 1934 по 1939 год произошло «обновление» всех руководящих парторганов. Из членов ЦК, избранных на XVII съезде, остались только 16 человек — Сталин и его окружение. Сменили уководство крайкомов и обкомов, почистили райкомы, аппарат Советов и наркоматов. Сталин убрал всех так называемых старых большевиков. На их место пришли десятки тысяч сталинских «выдвиженцев», ориентированных на «сталинскую правду», усвоивших командный стиль руководства. Типичным представителем новой генерации партийных руководителей был Брежнев, ставший в феврале 1939 года секретарем Днепропетровского обкома.

Итак, внутренние враги Сталина раздавлены. Но еще живы внешние. И прежде всего главный личный враг — «раскольник мирового коммунистического движения» Троцкий.

Легендарный чекист Павел Судоплатов4 вспоминал, как в марте 1939 года сопровождал Берию к Сталину в Кремль[93]. Во время беседы генсек заявил: «В троцкистском движении нет важных политических фигур, кроме самого Троцкого. Если с Троцким будет покончено, угроза Коминтерну будет устранена…

Затем Сталин посуровел и, чеканя слова, словно отдавая приказ, проговорил:

— Троцкий должен быть устранен в течение года, прежде чем разразится неминуемая война…»[94].

О том, как Сталин в мае[95] 1940 года инструктировал исполнителей на «Ближней», читаем у того же Судоплатова. Весьма вероятно, что первая часть встречи проходила в четвертой, рабочей, комнате; где гости отужинали, разведчик не уточнил.

«На этот раз мы [Судоплатов и Берия. — *Авт.*] поехали к Сталину на ближнюю дачу, находившуюся в получасе езды к западу от Москвы[96]. Первая часть встречи была весьма недолгой. Я доложил о неудачной попытке Сикейроса ликвидировать Троцкого, объяснив, что альтернативный план означает угрозу потерять антитроцкистскую сеть в Соединенных Штатах и Латинской Америке после уничтожения Троцкого.

Сталин задал всего один вопрос:

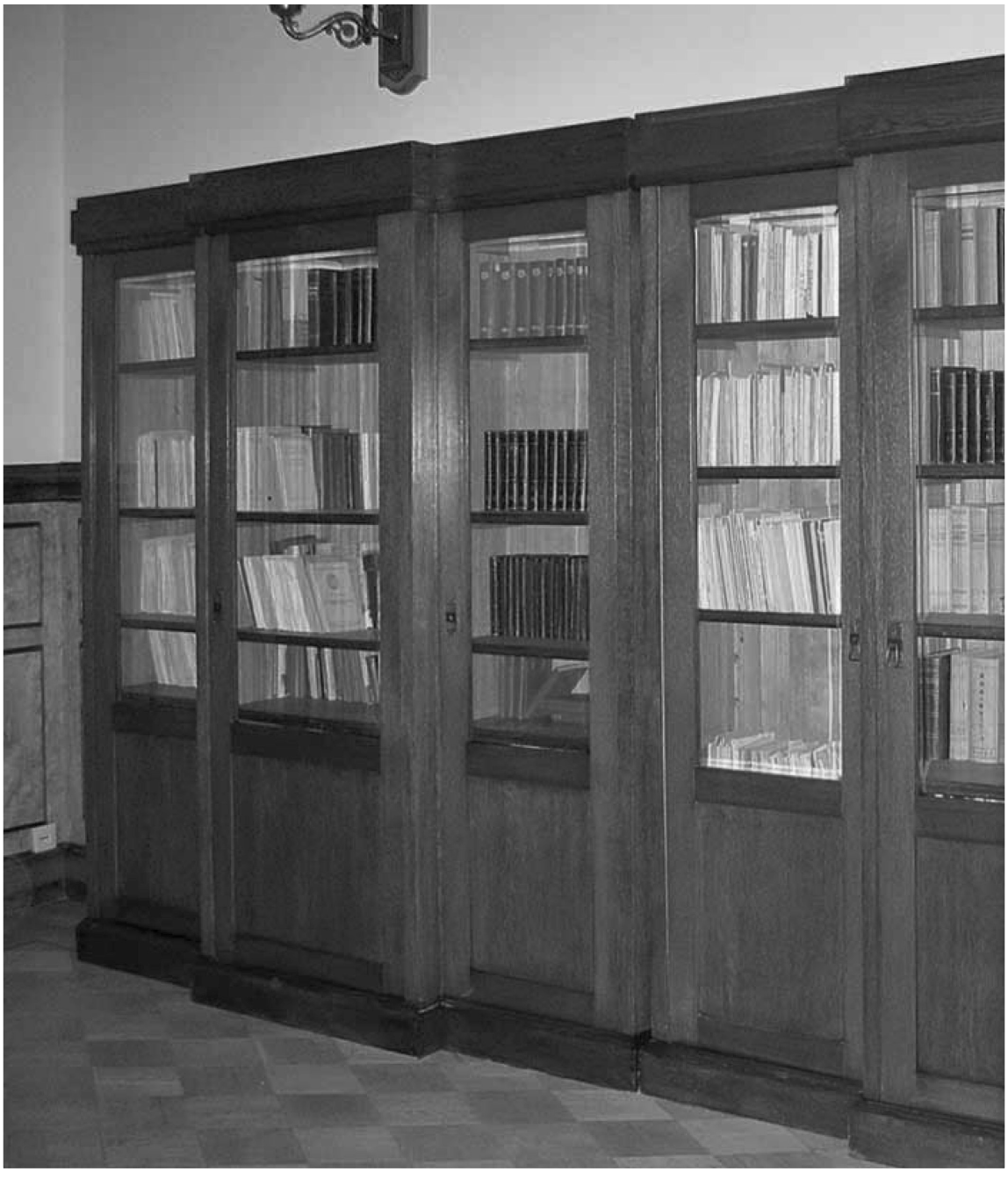
— В какой мере агентурная сеть в Соединенных Штатах и Мексике, которой руководит Овакимян, задействована в операции против Троцкого?

Я ответил, что операция Эйтингона, которому даны специальные полномочия самостоятельно вербовать и привлекать людей без санкции Центра, совершенно независимо от Овакимяна, чья разведывательная деятельность под прикрытием нашей фирмы „Амторг“ осуществляется вне связи с акцией против Троцкого.

Сталин подтвердил свое прежнее решение, заметив:

— Акция против Троцкого будет означать крушение всего троцкистского движения. И нам не надо будет тратить деньги на то, чтобы бороться с ними и их попытками подорвать Коминтерн и наши связи с левыми кругами за рубежом. Приступите к выполнению альтернативного плана, несмотря на провал Сикейроса, и пошлите телеграмму Эйтингону с выражением нашего полного доверия…

Время было уже позднее, одиннадцать вечера, и Сталин предложил Берии и мне остаться на ужин. Помню, еда была самая простая. Сталин, подшучивая над тем, что я не пью, предложил мне попробовать грузинского вина пополам с шипучей водой „Лагидзе“. Эта вода ежедневно доставлялась ему самолетом из Грузии. Вопреки тому, что пишут об этом сейчас, Сталин вовсе не был в ярости из–за неудачного покушения

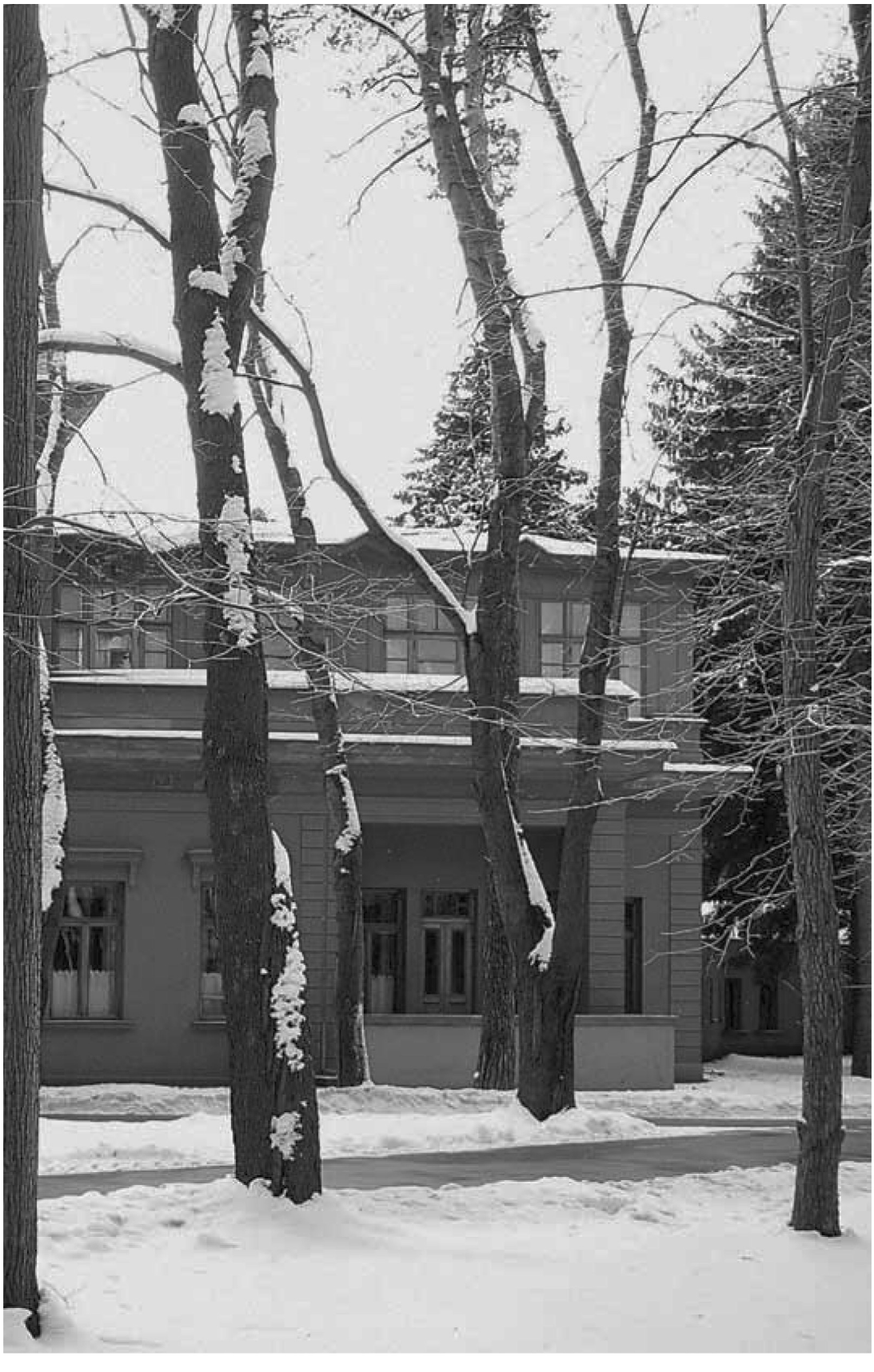

Книжные шкафы библиотеки генсека.

на Троцкого. Если он и был сердит, то хорошо маскировал это. Внешне он выглядел спокойным и готовым довести до конца операцию по уничтожению своего противника, поставив на карту судьбу всей агентурной сети в окружении Троцкого»[97].

Заметим в скобках: сталинское умение маскировать свои чувства отмечали многие из тех, кому довелось с ним встречаться. Так, Милован Джилас, давший сравнительную характеристику Сталина и Молотова, отметив холодность и расчетливость обоих, писал: «Однако у Сталина была страстная натура со множеством лиц, причем каждое из них было настолько убедительно, что казалось, что он никогда не притворяется, а всегда искренне переживает каждую из своих ролей»[98].

Примечательно, что решение, увенчавшее операцию по ликвидации Троцкого, было, скорее всего, принято там же, где вождь давал

Северный фасад «Ближней». За этими окнами, в одной из комнат первого этажа, размещалась библиотека генсека.

инструктаж Берии и Судоплатову. Сотрудники охраны рассказывали, что свою обширную корреспонденцию и ежедневную периодическую литературу Сталин любил просматривать именно в четвертой комнате. 6 июня 1941 года на «Ближнюю» был доставлен срочный пакет с запиской наркома внутренних дел. Берия просил наградить орденами шестерых работников НКВД, выполнявших специальное задание. Резолюция Сталина на документе была краткой: «За» (без публикации).

Орденом Ленина были награждены мать Меркадера Каридад и Эйтингон, орденом Красного Знамени — Судоплатов и Лев Василевский, орденом Красной Звезды — Павел Пастельник и уже знакомый нам Иосиф Григулевич. Самого Меркадера награда нашла только в 60-е годы, после его освобождения из мексиканской тюрьмы и переезда в Москву. Рамону Ивановичу Лопесу (под таким именем проживал Меркадер в СССР) было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ему ордена Ленина и медали «Золотая звезда».

Обслуживающий персонал «Ближней» утверждал, что четвертая комната была одним из любимых помещений вождя. В этой 40-метровой комнате он часто отдыхал, завтракал и обедал, пил чай, работал с документами за круглым столом у окна. Генсек не только читал почту — часто здесь же он сразу и отвечал на письма.

Широко известно, что в годы войны Сталин вел регулярную переписку с главами государств антигитлеровской коалиции, сначала с Черчиллем и Рузвельтом, затем с Эттли и Труменом. Случалось, тексты посланий Председателя Совета Министров СССР рождались на «Ближней». Так, 3 октября 1941 года генсек приема в Кремле не вел и вполне мог написать письмо Черчиллю, расположившись в четвертой комнате[99].

Как мы уже рассказывали, традиция принимать здесь посетителей сохранилась и после объединения комнат в 1951 году. Поскольку зачастую гости вождя беседовали с ним именно здесь, то многие про себя называли эту комнату кабинетом.

Вот каким увидел кабинет вождя Милован Джилас в мае 1944 года: «Он [Сталин. — *Авт.*] ввел нас в свой небольшой и, как ни странно, почти пустой кабинет — без книг, без картин, с голыми деревянными стенами. Мы сели возле небольшого письменного стола, и он сразу начал расспрашивать о событиях вокруг югославского Верховного штаба…

— Они перемрут с голоду! — волновался он.

Но я доказывал ему, что этого не может произойти.

— Как не может? — продолжал он. — Сколько раз бывало, что борцов уничтожал голод! Голод — это страшный противник любой армии.

Я объяснил ему:

— Местность там такая, что всегда можно найти какую-нибудь еду. Мы бывали и в гораздо более тяжелых положениях, и нас не сломил голод.

Мне удалось его убедить и успокоить.

…Мой оптимизм… явно привел Сталина в хорошее настроение, и он перешел к нашим отношениям с союзниками, в первую очередь с Великобританией, что и было — как мне уже тогда показалось — главной целью этой встречи со мной.

Сущность его мыслей состояла, с одной стороны, в том, что не надо «пугать» англичан — под этим он подразумевал, что следует избегать всего, вызывающего у них тревогу в связи с тем, что в Югославии революция и к власти придут коммунисты.

— Зачем вам красные пятиконечные звезды на шапках? Не форма важна, а результаты, а вы — красные звезды! Ей-богу, звезды не нужны! — сердился Сталин.

Но он не скрывал, что его раздражение невелико, — это был только упрек…

— А вы, может быть, думаете, что мы, если мы союзники англичан, забыли, кто они и кто Черчилль? У них нет большей радости, чем нагадить своим союзникам, — в Первой мировой войне они постоянно подводили и русских, и французов. А Черчилль? Черчилль, он такой, что, если не побережешься, он у тебя копейку из кармана утянет. Да, копейку из кармана! Ей-богу, копейку из кармана! А Рузвельт? Рузвельт не такой — он засовывает руку только за кусками покрупнее. А Черчилль? Черчилль — и за копейкой.

Он несколько раз повторил, что нам следует опасаться «Интеллидженс сервис» и коварства — особенно английского — в отношении жизни Тито…

Суммируя сегодня впечатления того вечера, мне кажется, что я мог бы сделать следующие выводы: Сталин сознательно запугивал югославских руководителей, чтобы ослабить их контакты с Западом, одновременно стараясь подчинить своим интересам их политику, превратить ее в придаток своей западной политики, в особенности в отношениях с Великобританией.

Основываясь на своих идеях и практике и на собственном историческом опыте, он считал надежным только то, что зажато в его кулаке; каждого же, находящегося вне его полицейского контроля, он считал своим потенциальным противником»[100].

Вернемся к разговору о контроле над генералитетом и армией в целом. Давайте, как обычно, обратимся к документам.

В феврале 1946 года состоялись выборы в Верховный Совет СССР. Накануне перед «представителями» избирателей своего, Сталинского, округа столицы выступил сам «отец народов». Как уже бывало, в выступлении содержались прямые угрозы. Речь шла о победителях, считающих, что их нельзя ни критиковать, ни проверять, ни судить. «Победителей можно и нужно судить, — с обычной категоричностью поведал вождь под смех и аплодисменты зала. — Это полезно не только для дела, но и для самих победителей: меньше будет зазнайства, больше будет скромности». Из контекста следовало, что имелся в виду суд избирателей над правящей партией. Однако уже вскоре выяснилось, что не только: сталинской опале подверглись вполне конкретные лица, в первую очередь — представители генералитета.

Широко известна опала маршала Жукова, сосланного Сталиным сначала в Одесский, а затем в Уральский военный округ. Менее известны «дела» других генералов. За настроениями генералов, особенно близких к Жукову и за ним самим, по указанию Сталина следили органы госбезопасности и регулярно его информировали. Так, 3 января 1947 года Абакумов направил вождю донесение следующего содержания:

«Представляю при этом справку о зафиксированном оперативной техникой 31 декабря 1946 года разговоре Гордова5 со своей женой и справку о состоявшемся 28 декабря разговоре Гордова с Рыбальченко[101].

Из этих материалов видно, что Гордов и Рыбальченко являются явными врагами Советской власти.

Счел необходимым еще раз просить Вашего разрешения арестовать Гордова и Рыбальченко»[102].

Начштаба прибыл в Москву проездом из Сочи в Куйбышев и остановился на квартире своего командира. Давайте вслед за Абакумовым и Сталиным послушаем разговор ничего не подозревавших о «прослушке» генералов. Попробуем разобраться, чем прогневали они

Трубка Хозяина. Длина — 14 см.

генсека и насколько наказание было адекватно «преступлению».

«Рыбальченко. — Нет самого необходимого. Буквально нищими стали. Живет только правительство, а широкие массы нищенствуют. Я вот удивляюсь, неужели Сталин не видит, как люди живут?

Гордов. — Он все видит, все знает.

Рыбальченко. — Или он так запутался, что не знает, как выпутаться?! Выполнен 1-й год пятилетки, рапортуют, — ну что пыль в глаза пускать?! … А вот Жуков смирился, несет службу.

Гордов. — Формально службу несет, а душевно ему не нравится…

Рыбальченко. — Да. Народ внешне нигде не показывает своего недовольства, внешне все в порядке, а народ умирает.

Гордов. — Едят кошек, собак, крыс.

Рыбальченко. — Раньше нам все-таки помогали из-за границы.

Гордов. — Дожили, теперь они ничего не дают. И ничего у нас нет.

Рыбальченко. — Народ голодает, как собаки, народ очень недоволен.

Гордов. — Но народ молчит, боится.

Рыбальченко. — И никаких перспектив, полная изоляция.

Гордов. — Никак мы не можем осуществить лозунга: «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» Ни х…, все пошло насмарку!

Рыбальченко. — Да не вышло ничего.

Гордов. — Вышло бы, если все это своевременно сделать. Нам нужно было иметь настоящую демократию.

Рыбальченко. — Именно, чистую, настоящую демократию, чтобы постепенно все это делать. А то все разрушается, все смешалось…»[103].

Итак, Сталин прочел донесение своего министра на «Ближней», возможно, именно в этой комнате: до 7 января приема в Кремле он не вел. Прочел и распорядился — арестовать. Как видим, недовольство вождем, его окружением или положением в стране, высказанные даже

не публично, а в самом узком кругу, приводили к аресту. Гордов, его заместитель Кулик[104] и Рыбальченко просидели три года в тюрьме без суда. Лишь в августе 1950 года Военная коллегия Верховного суда СССР всех их признала виновными в том, что, будучи антисоветски настроенными, они высказывали клеветнические суждения о мероприятиях партии и правительства, террористические угрозы по адресу Сталина, заявляли о намерении изменить Родине и организовали заговорщическую группу для борьбы с советской властью. На суде все трое обвиняемых от своих предварительных показаний отказались, заявив о применении к ним мер физического и психологического воздействия (карцер, избиения, угрозы). Несмотря на это, генералы были расстреляны.

В октябре 1941 года был издан приказ наркома обороны СССР № 0391 «О фактах подмены воспитательной работы репрессиями». В нем констатировались «частые случаи незаконных репрессий и грубейшего превышения власти со стороны отдельных командиров и комиссаров». Таким образом, партийно-государственное руководство страны опять переложило вину на армию. Приказ наркома предписывал бороться со всеми явлениями незаконных репрессий. Право карать и миловать партийное руководство считало своей исключительной прерогативой.

Служебный дом

Служебное помещение для сотрудников охраны и обслуживающего персонала располагается с западной стороны от Главного дома и соединяется с ним 25-метровым коридором. Кое-кто из гостей, подъезжавших к служебному дому через ворота № 3 и № 2, не видел Главного дома и считал, что Сталин живет в небольшом одноэтажном доме. Служебное здание действительно казалось небольшим, так как просматривалось только с западной стороны и выглядело более чем скромно. Окрашенное, как и Главный дом, в темно-зеленый цвет, закрытое густыми кустами, оно издали было почти незаметно, тем более что низкорослые липы, посаженные близко друг к другу по обеим сторонам ведущей от ворот № 2 дороги, скрывали листвой веранду столовой и кухню, оставляя взору посетителей только центральный вход служебного дома.

В служебном доме кроме кухни и столовой для сотрудников, работавших на объекте, находились комната дежурного, кабинеты руководителей охраны, жилые комнаты обслуживающего персонала и другие хозяйственные помещения. Сталинские гости из числа членов Политбюро или высшего командного состава попадали к нему через прихожую Главного дома. Гости рангом пониже — через служебный дом, но отнюдь не через центральный его вход. Эта дверь всегда была на запоре. Воспользоваться ею могли начальник охраны, комендант объекта и его заместитель по хозяйственной части: только у них были ключи. Гости же, подъехав к служебному дому на машине, поднимались по ступенькам на террасу справа от центрального входа и поворачивали налево, в комнату дежурного.

Комната эта имеет одну особенность: она вынесена за периметр здания, благодаря чему обзор из ее окон составляет 270 градусов. Таким образом, заступавший на дежурство офицер мог визуально контролировать подъездные пути не только к служебному, но и к Главному дому.

Обстановка в комнате дежурного была скудной. Помимо шкафов, стола и стульев здесь еще стояла напольная вешалка для одежды гостей и сотрудников. На западной стене висели часы с маятником. Сразу обращает на себя внимание металлический стенной шкаф слева. Внутри — телефонные блоки для подключения правительственной связи, спецсвязи, городских телефонов. На столе у дежурного — специальный внутренний коммутатор. Это прямая связь с руководителями охраны, с постами на воротах, а также с внутренними телефонами, находящимися в Главном и Малом доме, бильярдной и других помещениях «Ближней». Таким образом, к дежурному стекалась информация со всего объекта.

Сюда же приезжали фельдъегери. Красные пакеты с надписью «Лично товарищу Сталину» они сдавали старшему офицеру комендатуры дачи. Иногда в присутствии прикрепленного вручали пакет непосредственно генсеку.

Молотов, Маленков, Поскребышев, Хрущев и Микоян на «Ближней».

Все поручения, которые Сталин давал прикрепленным, старшим офицерам фиксировались дежурным в особой тетради, где записывались характер поручения, фамилия исполнителя и время исполнения. Распоряжения Хозяина дежурный получал чаще всего по внутренним телефонам. Это могли быть указания о гостях, которых следовало пропустить в Главный дом. Иногда перед встречей с очередным гостем Сталин поручал дежурному сотруднику охраны включить специальное записывающее устройство. После беседы генсек прослушивал запись и говорил дежурному: «Оставьте, надо сохранить».

Через дежурного Сталин мог затребовать к себе начальника охраны, заместителя коменданта по хозяйственной части, сестру-хозяйку, горничных. Например, он звонил и говорил: «Приготовьте мне кровать». Тогда дежурный офицер посылал двух горничных постелить Хозяину постель на одном из мягких турецких диванов. Как мы уже упоминали в главе «Малая столовая», дежурный знал, в какой именно комнате работал Сталин, поскольку на всех межкомнатных дверях на сталинской половине были установлены специальные датчики. Когда двери открывали и закрывали, сигнализация срабатывала, и на пульте загорались лампочки.

Иногда вождь вызывал дежурного офицера, нажимая кнопку звонка. Как мы уже отмечали, эти кнопки находились в каждой жилой комнате и на верандах Главного дома, а также в комнатах Малого дома и бильярдной. В одних местах кнопки крепились на стенах рядом с электровыключателями, в других — лежали на телефонных столиках. «Я знал, что Хозяин мог вызвать меня в любую минуту, — рассказывал Орлов, — и поэтому поздно вечером, ложась спать, я не раздевался, а только снимал сапоги. Как правило, в середине ночи дежурный приходил, будил меня и говорил: „Хозяин зовет!“ Я быстро натягивал сапоги, шел в туалетную комнату, быстро споласкивал лицо, приводил себя в порядок и шел в Главный дом. Сталин сидел, работал, увидев меня, говорил: „Вы спали?“ „Не спал, товарищ Сталин“. „Идите спать…“ Я шел обратно, но какой уже тут сон. Такие вызовы были очень часто»[105].

Дежурный офицер отвечал за сохранность ключей от всех помещений на территории «Ближней». Все ключи были пронумерованы. Большинство из них хранилось в особом навесном шкафу со стеклянной дверцей. В отдельных шкафчиках висели ключи от дверей Главного и Малого дома, бильярдной, беседки, а также от всех ворот.

Дежурный вел журнал приезда гостей: тех, кто подъезжал к Главному дому, отмечал со слов дежуривших на воротах, тех же, кто входил через служебный дом, видел и сам. От дежурного

Шахматный столик и шахматы.

гости выходили в коридор и двигались в глубь здания к переходу в Главный дом, минуя кабинеты руководителей сталинской охраны. Слева по коридору, первым от входа, располагался кабинет начальника Главного управления охраны — генерал-лейтенанта Власика. Тем же кабинетом пользовался и генерал Новик. Впрочем, он не так часто приезжал на дачу, как Власик. Это сравнительно небольшая, около 24 м^2, комната с тремя окнами и стандартной обстановкой. О том, что это кабинет руководителя, свидетельствует лишь дверь в левом углу: за ней — маленькая туалетная комната. Из окон можно было наблюдать за развилкой дорог, одна из которых уходит к парадным дверям Главного дома, а другая ведет мимо служебного здания к воротам № 2.

Рядом с кабинетом Власика — кабинет начальника выездной охраны Хрусталева, далее — кабинет начальника хозяйственной части Орлова, еще дальше — комната прикрепленных: Старостина, Горундаева, Тукова. Пятая комната была бельевой.

Там хранились личные вещи Хозяина: его костюмы, военная форма, а также постельные принадлежности. Этой комнатой ведала сестра-хозяйка дачи Истомина. Шестая и последняя комната по левой стороне коридора — туалет. За ним коридор поворачивает налево и через несколько метров упирается в дверь. Здесь начинается тот самый 25-метровый переход, ведущий в Главный дом. Он довольно узок и постепенно поднимается вверх. По его левой стене — пять окон, которые, как и окна Главного дома, затянуты мелкой медной сеткой.

Хромовые сапоги. Из личных вещей Сталина. Высота — 40,2 см, длина подошвы — 30 см.

Известный советский дипломат Олег Трояновский[106] вспоминал: «Сотрудников охраны в непосредственной близости от основного дома было немного… Они занимали отдельный дом, который непосредственно прилегал к даче Сталина… Иногда вечерами они просили меня переводить им тот или иной трофейный кинофильм с английского языка»[107]. По свидетельству Орлова, на киносеансах иногда появлялся Хозяин. Случалось, приводил с собой и соратников.

О том, как генсек смотрел кинофильмы, читаем у Джиласа, допущенного к просмотру вместе с ближайшим окружением в апреле 1945 года: «После ужина мы смотрели фильмы. Сталин сказал, что ему надоела стрельба, — показывали не военный, а колхозный фильм с плоским юмором. Во время фильма Сталин делал замечания, реагировал на ход действия примерно так, как это делают необразованные люди, принимающие художественную реальность за подлинную. Второй фильм был довоенный, на военную тему: „Если завтра война…“ В этом фильме война ведется с применением ядовитых газов, а в тылу агрессоров-немцев вспыхивают восстания пролетариата. После окончания фильма Сталин спокойно заметил:

— Разница с тем, как это было на самом деле, небольшая: не было только ядовитых газов, и не восстал немецкий пролетариат»[108].

Списки фильмов сначала просматривали соратники — Молотов, Жданов, Маленков, затем редактировал генсек: менял названия, переставлял сценаристов и режиссеров. Сценарии по наиболее важным, с его точки зрения, темам он читал и правил сам. В таких условиях деятели кино, так же как писатели, часто были вынуждены обращаться к вождю как к верховному арбитру.

Показательна в этом смысле история создания знаменитого кинофильма «Иван Грозный». В декабре 1940 года Сергей Эйзенштейн, задумавший поставить картину по пьесе Льва Шейнина[109] «Дело Бейлиса», обратился за разрешением к Сталину. Тот поручил Жданову встретиться с режиссером и сообщить о нецелесообразности затеи. Вместо этого Эйзенштейну было предложено готовить фильм о царе Иване.

Со сценарием фильма вождь ознакомился, скорее всего, на «Ближней»: с 10 до 15 сентября 1943 года приема в Кремле он не вел. «Сценарий получился не плохой, — сообщил Сталин Большакову 13 сентября. — Т. Эйзенштейн справился с задачей. Иван Грозный, как прогрессивная сила своего времени, и опричнина, как его целесообразный инструмент, вышли не плохо. Следовало бы поскорее пустить в дело сценарий»[110].

Со второй серией фильма не все обстояло так гладко, как с первой. В мае 1946 года в письме из Кремлевской больницы Эйзенштейн, в частности, писал: «Дорогой Иосиф Виссарионович!.. Мы настолько торопили его завершение к началу этого года, что в момент окончания фильма (февраль с. г.) сердечные спазмы, появившиеся у меня от переутомления, в свою очередь завершились сердечным припадком (инфаркт) — и вот я уже четвертый месяц лежу в больнице.

Сейчас опасность миновала и в ближайшее время я перехожу на санаторный режим. Физически я сейчас поправляюсь, но морально меня очень угнетает тот факт, что Вы до сих пор не видели картины, уже готовой в течение несколь-

Офицеры охраны Сталина и членов Политбюро у служебного дома.

ких месяцев, — и в особенности потому, что Вы так доброжелательно отнеслись к первой серии.

К этому прибавляются еще всякие неточные и беспокоящие меня сведения, доходящие до меня, о том, что „историческая тематика“ будто бы вообще отодвигается из поля внимания куда-то на второй и третий план.

Очень Вас прошу поэтому, дорогой Иосиф Виссарионович, если вы найдете кусочек свободного времени, посмотреть эту мою работу и разрешить мое беспокойство и тревоги.

Картина является второй частью трилогии о царе Иване — между первой серией, которую Вы знаете, и третьей, которая еще должна сниматься и будет посвящена Ливонской войне.

Чтобы оттенить оба эти широкие батальные полотна, данная серия взята в более узком разрезе: она внутримосковская и сюжет ее строится вокруг боярского заговора против единства Московского государства и преодоления царем Иваном крамолы.

Простите, что беспокою Вас своей просьбой.

Искренне уважающий Вас кинорежиссер

С. М. Эйзенштейн»[111].

Вождь, тщательно контролируя кинопроизводство на различных его стадиях, предпочитал все-таки оценивать уже готовую продукцию. В то же время он не гнушался растолковывать свое видение, давать «непонятливым» дополнительные указания. В феврале 1947 года Эйзенштейн и исполнитель роли Грозного Черкасов[112] явились отчитаться по поводу съемок. Сталин в присутствии Жданова и Молотова продолжил наставления: «Вы историю изучали?.. Более или менее?.. Я тоже немножко знаком с историей. У вас неправильно показана

Сталин в окружении личной охраны.

опричнина. Опричнина — это королевское войско. В отличие от феодальной армии, которая могла в любой момент сворачивать свои знамена и уходить с войны, — образовалась регулярная армия, прогрессивная армия. У вас опричники показаны, как ку-клус-клан».

«Я даю вам не указания, — слегка кокетничал вождь, — а высказываю замечания зрителя. Нужно исторические образы правдиво отображать. Ну, что нам показали Глинку? Какой это Глинка? Это же — Максим, а не Глинка. Артист Чирков[113] не может перевоплощаться, а для актера самое главное качество — уметь перевоплощаться. (Обращаясь к Черкасову.) Вот вы перевоплощаться умеете… Нужно правильно и сильно показывать исторические фигуры. (К Эйзенштейну.) Вот, Александра Невского — вы компоновали? Прекрасно получилось. Самое важное — соблюдать стиль исторической эпохи. Режиссер может отступать от истории; неправильно, если он будет просто списывать детали из исторического материала, он должен работать своим воображением, но — оставаться в пределах стиля. Режиссер может варьировать в пределах стиля исторической эпохи»[114].

За безопасность питания высшего партийно-государственного руководства страны отвечал начальник одного из отделов 9-го управления Коломенцев: «Все продукты направлялись со спецбазы, которая в то время еще находилась в Варсонофьевском переулке, — рассказывал Геннадий Николаевич. — Продукция, которая поступала для руководителей партии и правительства, проходила очень тщательную проверку. У нас большая система была. Об этой системе я говорить не могу, поскольку она и до сих пор считается секретной, но мы давали полную гарантию, что те продукты, которые мы направляем охраняемым, та пища, которая готовится на особой кухне, совершенно безопасна, то есть вопрос о том, чтобы отравить через это, был исключен полностью».

Как же проходил выезд Сталина с «Ближней»? «Обычно, — вспоминал сотрудник выездной охраны Соловьев, — Хозяин по домофону[115] сообщает дежурному: „Товарищ такой-то, пришлите машину к подъезду!“ Дежурный дает команду на все посты: „Машину охраняемому!“, сообщает прикрепленным, коменданту и т. д. По команде второй, третий и четвертый посты снимались и составляли выездную охрану (следовали за охраняемым на автомашине). Три оставшихся поста (всего вокруг дома было шесть постов) подтягивались к дому: в районе фонтана у главного входа, в районе входа в хозблок и с тыльной стороны дачи.

По заведенному раз и навсегда порядку основная автомашина ставилась у подъезда Главного дома — у фонтана. Второй пост выдвигался к автомобилю выездной охраны — в район развилки. Один прикрепленный стоит у водителя. У Сталина в машине было постоянное место — откидное (жесткое). Хозяин на заднее (мягкое) кресло не садился, видимо, из-за ревматизма. Когда с ним ехали гости, то они садились только на заднее кресло. Кроме основной машины, были еще две машины — оперативное сопровождение. В первой кроме водителя ехал начальник смены выездной охраны и три сотрудника, вторая машина была резервная, для охраняемого лица, не бронированная, которой Хозяин пользовался в редких случаях. В эту машину садилась группа из четырех сотрудников-„выездников“. Место Сталина в резервной автомашине никто из сотрудников не занимал»[116].

Перед тем как машины отправлялись в путь, дежурный сообщал на ворота № 1 о готовности машин к отправлению. Один из постовых у ворот выходил на проезжую дорогу и обеспечивал свободный выезд машин с дачи. Пока Хозяин был в дороге, дежурный поддерживал связь с кортежем и с дежурным в Кремле[117].

* * *

Парк занимает обширную территорию — два десятка гектаров. До строительства дачи на этом месте был пустырь, лишь вблизи дороги возвышались молодые сосны. Работы по озеленению начались одновременно со строительством объекта. Высаживали березы, краснолист-

ные клены, липы, серебристые ели, туи. Посадки велись вплоть до 1953 года. По разным оценкам, за все это время было высажено от 60 до 70 тысяч деревьев и кустов — и это не считая плодовых культур. В результате парку был придан неповторимый облик, который, как и интерьеры Главного дома, отразил пристрастия и антипатии своего хозяина.

Известно, что круглые клумбы и газоны — а их на «Ближней» в достатке — создают ощущение замкнутости, уединения и спокойствия. Напротив, деревья, высаженные так, что образуют отдельно стоящие высокие вертикальные формы, вызывают чувство тревоги. Сталин стремился к тому, чтобы насаждения не производили впечатления искусственных, а походили на естественный лес. Для этого по указанию генсека между рядами деревьев высаживали кустарники и не вырубали молодняк. Сухие листья убирали только у Главного дома и с подъездной дороги. В глубине парка их оставляли как естественное удобрение. Срезали и собирали лишь сухие сучья.

Со временем парк значительно разросся, и в нем по распоряжению вождя сделали шесть просек. После этого внизу под деревьями стало больше солнечного света и хорошо разрослась трава. Чтобы Хозяину было удобней гулять в сырую погоду, весной и осенью в парке укладывали узкие деревянные настилы. Летом и на зиму их убирали.

«Сад, цветы и лес вокруг, — вспоминала Светлана Аллилуева, — это было самым любимым развлечением отца, его отдых, его интерес. Сам он никогда не копал землю, не брал в руки лопату, как это делают истинные любители садоводства. Но он любил, чтобы все было возделано, убрано, чтобы все цвело пышно, обильно, чтобы отовсюду выглядывали спелые, румяные плоды — вишни, помидоры, яблоки, — и требовал этого от своего садовника. Он брал лишь иногда в руки садовые ножницы и подстригал сухие ветки, — это была его единственная работа в саду»[118].

Склонность вождя к организации экспериментов с растениями подтверждал его сподвижник Молотов. Но даже ему, столько лет знавшему своего патрона, неясны были мотивы этого увлечения. «Большой лимонник [лимонарий. — *Авт.*], специально здание большое отведенное… — говорил Молотов. — А чтобы он копался там, я этого не видел. Все: ох! ах! ох! А я, по совести говоря, меньше других охал и ахал, по мне — на кой черт ему этот лимонник! Лимонник в Москве! Какая польза, какой интерес от него, я не понимаю? Как будто опыты какие-то проводил»[119].

По свидетельствам сотрудников охраны, Сталин часто гулял по парку. Любимыми местами прогулок были круговая асфальтированная дорожка в тени туй, над берегом пруда, и березовая аллея, посаженная в 1933 году при закладке парка. В этой аллее Сталин часто гулял с гостями.

Маршал Жуков вспоминал: «В ходе Восточно-Померанской операции, кажется, 7 или 8 марта, мне пришлось срочно вылететь в Ставку по вызову Верховного Главнокомандующего.

Прямо с аэродрома я отправился на дачу И. В. Сталина, где он находился, будучи не совсем здоровым.

Задав мне несколько вопросов об обстановке в Померании и на Одере и выслушав мое сообщение, Верховный сказал:

— Идемте, разомнемся немного, а то я что-то закис.

Во всем облике, в движениях и разговоре чувствовалась большая физическая усталость. За четырехлетний период войны И. В. Сталин основательно переутомился. Работал он всю войну очень напряженно, систематически недосыпал, болезненно переживал неудачи, особенно 1941–1942 годов. Все это не могло не отразиться на его нервной системе и здоровье.

Во время прогулки И. В. Сталин неожиданно начал рассказывать мне о своем детстве. Так за разговором прошло не менее часа. Потом он сказал:

— Идемте пить чай, нам нужно кое о чем поговорить.

На обратном пути я спросил:

— Товарищ Сталин, давно хотел узнать о вашем сыне Якове[120]. Нет ли сведений о его судьбе?

На этот вопрос он ответил не сразу. Пройдя добрую сотню шагов, сказал каким-то приглушенным голосом:

— Не выбраться Якову из плена. Расстреляют его фашисты. Понаведенным справкам, держат они его изолированно от других военнопленных и агитируют за измену Родине.

Помолчав минуту, твердо добавил:

— Нет, Яков предпочтет любую смерть измене Родине.

Чувствовалось, он глубоко переживает за сына. Сидя за столом, И. В. Сталин долго молчал, не притрагиваясь к еде.

Потом, как бы продолжая свои размышления, с горечью произнес:

— Какая тяжелая война. Сколько она унесла жизней наших людей. Видимо, у нас мало останется семей, у которых не погибли близкие… Такие испытания смогли стойко перенести только советские люди, закаленные в борьбе, сильные духом, воспитанные Коммунистической партией.

И. В. Сталин рассказал мне о Ялтинской конференции. Я понял, что он остался доволен ее результатами. Он очень хорошо отзывался о Рузвельте. И. В. Сталин сказал, что он по-прежнему добивался от союзников перехода их войск в наступление, чтобы скорее добить фашистскую Германию. Наши войска в период Крымской конференции находились на Одере, вели напряженные сражения в Восточной Пруссии, в Прибалтике, в Венгрии и других районах. Верховный настаивал на наступлении союзных войск, которые находились в 500 километрах от Берлина. Соглашение было достигнуто, и с этого времени значительно улучшилась координация действий сторон.

Верховный подробно рассказал о соглашениях с союзниками по управлению Германией после ее капитуляции, о „контрольном механизме в Германии", о том, на какие оккупационные зоны будет разделена территория Германии, а также до какой линии должны продвигаться войска союзников и советские войска.

Деталей организации „контрольного механизма в Германии" и верховной власти в Германии он не касался. Об этом я был проинформирован значительно позже.

Относительно будущих государственных границ Польши на западе была достигнута полная договоренность — эти границы должны были проходить по Одеру и Нейсе (Западной), но возникли большие разногласия о составе будущего польского правительства.

— Черчилль хочет, чтобы с Советским Союзом граничила буржуазная Польша, чуждая нам, а мы этого допустить не можем, — сказал Сталин. — Мы хотим раз и навсегда, иметь дружественную нам Польшу, этого хочет и польский народ.

Несколько позже он заметил:

— Черчилль изо всех сил подталкивает Миколайчика, который более четырех лет отсиживался в Англии. Поляки не примут Миколайчика. Они уже сделали свой выбор…

Вошел А. Н. Поскребышев и подал И. В. Сталину какие-то документы. Быстро пробежав их, Верховный сказал мне:

— Поезжайте в Генштаб и вместе с Антоновым посмотрите расчеты по Берлинской операции, а завтра в 13 часов встретимся здесь же…

Верховный Главнокомандующий утвердил все наши предложения и приказал дать фронтам необходимые указания о всесторонней подготовке решающей операции на берлинском стратегическом направлении»[121].

В процитированном нами отрывке настойчиво подчеркивается доверительный характер разговора: приведены размышления вождя о судьбе сына, пространные высказывания о внешнеполитических вопросах, не имевших прямого отношения к деятельности Жукова. История создания жуковских мемуаров и в связи с этим степень достоверности тех или иных содержащихся там сведений — предмет отдельного разговора. Здесь же необходимо отметить одно: беседуя с Жуковым о работе Крымской конференции, Сталин не сообщил тому не только деталей организации контрольного механизма и верховной власти в Германии, но и других важных сведений. В частности, даже не упомянул, что опять занимался тайным дележом Европы, договариваясь о зонах влияния, правда, на этот раз не с руководством Третьего рейха, а с Рузвельтом и Черчиллем.

Малый дом

Метрах в ста от Главного дома в негустой тени высоких сосен приютился одноэтажный Малый, или, как иногда называл его Сталин, Маленький дом. Деревянный, в четыре окна по фасаду, с крытой железом крышей, он был построен в 1938–1939 годах. Как и многие строения на территории объекта, дом выкрашен в темно-зеленый цвет. От площадки с фонтаном к его крылечку ведет узкая — встречным не разминуться — дорожка (сейчас она заасфальтирована, а до 50-х годов ее просто посыпали

мелким гравием). Крыльцо защищено от дождя небольшим двускатным навесом.

В дом можно попасть через застекленные двустворчатые двери, почти такие же, как в Главном доме, но менее массивные. Попадаем в хозяйский кабинет. Его площадь 27,6 м^2. Стены облицованы панелями из светлого дуба. Пол паркетный, наборный. На нем непременный шерстяной ковер. В этом кабинете генсек пребывал в тревожные дни осени 1941 года. Немецкие войска прорвались к Москве, Главный дом заминировали, и Хозяин переместился в Малый. Когда же положение на фронте несколько стабилизировалось, он по-прежнему продолжал сюда частенько наведываться.

29 ноября. У аппарата Сталин. На другом конце провода Жуков, просит дать приказ о начале контрнаступления под Москвой. «Сталин слушал внимательно, — вспоминал Жуков, — а затем спросил: „А вы уверены, что противник подошел к кризисному состоянию и не имеет возможности ввести в дело какую-нибудь новую крупную группировку?“ — Противник истощен. Но если мы сейчас не ликвидируем опасные вражеские вклинения, немцы смогут подкрепить свои войска в районе Москвы крупными резервами за счет северной и южной группировок своих войск, и тогда положение может серьезно осложниться»[122]. Сталин ответил, что посоветуется с Генштабом, и повесил трубку.

Поздно вечером 29 ноября Ставка приняла положительное решение о начале наступления. Жуков должен был представить на утверждение план операции. Утром 30 ноября соображения Военного совета фронта были представлены в Ставку. Передавая план, Жуков написал Василевскому: «Прошу срочно доложить народному комиссару обороны т. Сталину план контрнаступления Западного фронта и дать директиву, чтобы можно было приступить к операции, иначе можно запоздать с подготовкой». План доставили Верховному главнокомандующему на дачу. Ознакомившись с ним, Сталин написал: «Согласен» и расписался.

Ночью 4 декабря Верховный с «Ближней» связался по телефону ВЧ с Жуковым: «Чем еще помочь фронту, кроме того, что уже дано? Танков пока нет, дать не можем, авиация будет. Договоритесь с Генштабом. Я сейчас туда позвоню…»[123]. 5 и 6 декабря части РККА перешли в наступление на нескольких направлениях.

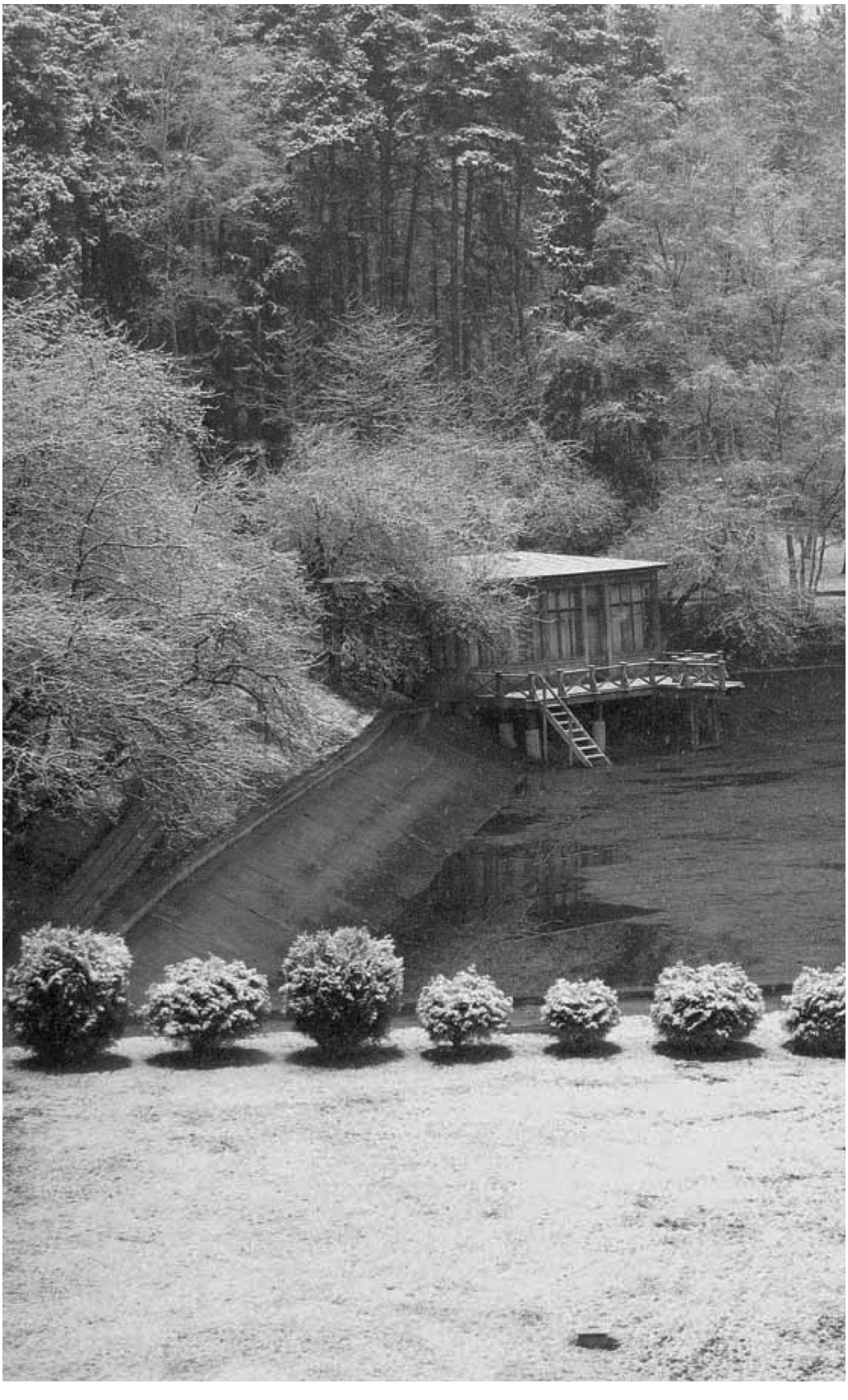
Архивные документы свидетельствуют: твердой уверенности в успехе контрнаступления под Москвой не было, иначе зачем разрабатывать планы эвакуации генсека из столицы?[124] Видимо, свежи были в памяти кремлевского горца кризисные осенние дни. Тогда в кабинете Малого дома велись совсем не победные речи.

Обстановка на фронтах и в столице была чрезвычайно тревожной. Москву с середины лета бомбили практически постоянно. По 10–12 раз в сутки радио сообщало о налетах вражеской авиации: «Граждане, воздушная тревога!» В июле ежедневное количество налетов достигало 17. В сентябре–октябре их стало немного меньше благодаря налаженным действиям противовоздушной обороны.

Рассказывают, что кремлевские зенитчики составили длинный список необходимого: истребители, прожекторы, зенитные орудия, аэростаты — и очень боялись реакции вождя на свои завышенные требования. Сталин же легко утвердил заявку — ведь речь шла о его собственной безопасности, какие уж тут могли быть ограничения. «В середине октября 1941 года, — вспоминал Орлов, — в окружении дачи грохотала беспрестанно зенитная артиллерия[125]. Во время очередного налета на Москву один из немецких бомбардировщиков, не прорвавшийся через зенитное кольцо, окружавшее Москву, сбросил однотонную бомбу, которая упала с внешней стороны забора дачи. Бомба не взорвалась, оставив лишь глубокую воронку. Когда саперы осмотрели бомбу, то в стабилизаторе они нашли прикрепленную листовку, на которой был нарисован сжатый кулак и надпись „Рот Фронт“. На обратной стороне листовки на немецком языке была надпись: „Чем можем, помогаем“. Эту листовку Сталин оставил у себя»[126].

Очевидцы вспоминали, что Сталин периодически игнорировал требования светомаскировки, хотя дача и была оборудована всем необходимым. Справедливости ради заметим, что он мог себе позволить не зашторивать окон в ранние сумерки, поскольку одним из первых получал сведения о приближении вражеских самолетов к Москве.

Надо сказать, что строительство бомбоубежища для генсека на территории «Ближней» дачи началось еще в конце 1940 года. Работами по возведению этого сверхсекретного по тем временам объекта руководила знаменитая метростроевка Татьяна Федорова. С началом войны темпы строительства возросли, однако полностью завершить работу удалось не скоро[127]. Подземный бункер для генерального секретаря строили

Ближняя дача Сталина зимой.

с размахом. Он был оснащен автономным инженерным оборудованием и связью и представлял собой настоящий командный пункт. Полностью он был готов лишь 7 марта 1942 года.

В первой половине октября 1941 года устоявшийся график ночных кремлевских бдений вождя был нарушен: со 2 октября Сталин начал появляться в Кремле днем. Откроем журналы записи посетителей кремлевского кабинета. Чаще всего прием начинался около 2–3 часов дня и заканчивался непривычно рано, в 7–8 вечера. Лишь 8 октября генсек собрал у себя Молотова, Ворошилова, Берию, Маленкова и Буденного в половине одиннадцатого вечера и продержал до часу ночи. В ту ночь Сталин вызывал на доклад Шапошникова с Василевским и трех других генералов — Артемьева[128], Котляра[129] и Ширяева[130]. Несколько дней первой декады — 3, 6, 9 и 10 октября — он в кремлевском кабинете вообще не появлялся. Утверждают, что в это время вождь вместе с другими членами ГКО вел прием посетителей на «Ближней».

В первых числах октября сплошная линия фронта перестала существовать. В районе Юхнова танковый корпус вермахта обошел советские войска с фланга и двинулся на Москву. О сложившейся ситуации докладывали Берии различные высокие чины госбезопасности, в спешном порядке выезжавшие к фронту[131]. Дело дошло до того, что сам командующий Московским резервным фронтом и Московской зоной обороны генерал-лейтенант Артемьев выехал в Малоярославец и по ВЧ начал докладывать Сталину о тяжелой обстановке. Утверждают, что недовольный вождь отчитал его: «Вас назначили командующим фронтом, а вы превратились в командира взвода разведки. Возвращайтесь в Москву». В итоге Верховный расформировал Московский резервный фронт и переподчинил его войска Жукову.

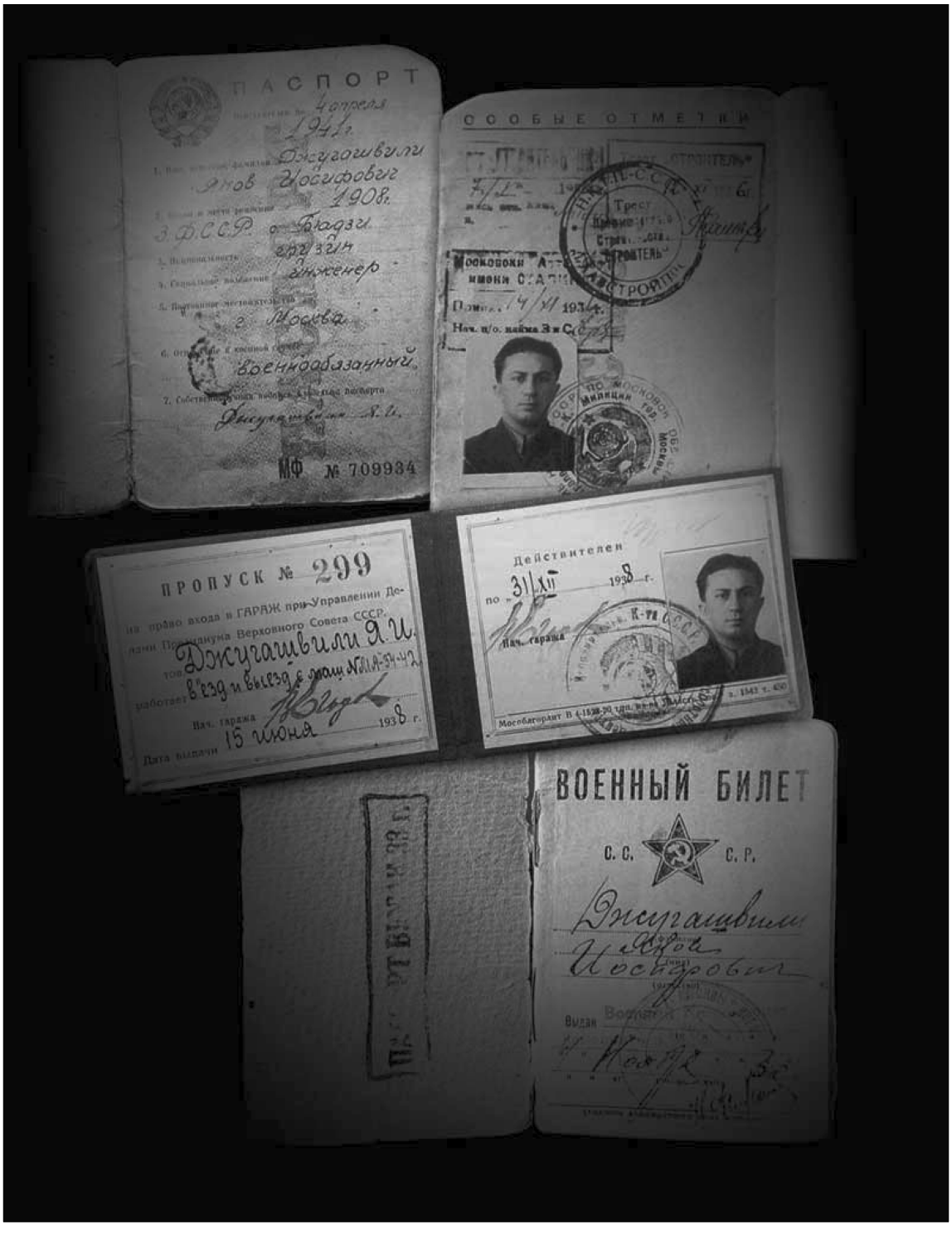
Как вспоминал Жуков, ставка ВГК на тот момент не располагала сколь-нибудь значимыми резервами. Столица фактически осталась без защиты. Как мы теперь знаем, в какие-то моменты на пути частей вермахта не было никаких воинских соединений Красной армии. Немецкое командование этого не знало. Генералы Гитлера не спешили, они опасались фланговых ударов и хотели, действуя по всем законам военной науки, взять Москву ударами с трех сторон. К тому же растянувшиеся тылы и осенняя распутица — «генерал Грязь» — затрудняли доставку горючего и боеприпасов в передовые немецкие части.

По воспоминаниям Конева, в те октябрьские дни, когда соединения вермахта приближались к столице, Сталин растерялся. Вместо принятия решения об отводе вверенных Коневу частей Верховный стал оправдываться, причем говорил о себе в третьем лице: «Товарищ Сталин не предатель, товарищ Сталин не изменник, товарищ Сталин честный человек, вся его ошибка в том, что он слишком доверился кавалеристам, товарищ Сталин сделает все, что в его силах, чтобы исправить сложившееся положение»[132].

Оправившись от потрясения, Верховный приказал Жукову прибыть в спешном порядке в Москву из окруженного Ленинграда. Но ни жестокие методы самого сталинского выдвиженца, ни расстрельные приказы других военачальников не дали результата. 14 октября танки вермахта ворвались в Калинин и повели наступление на Москву.

Жуков утверждал, что, прибыв в те дни к Верховному для доклада, стал невольным свидетелем разговора Сталина и Берии: «Не обращая внимания на меня, а может быть, еще и не заметив моего появления, Сталин сказал Берии, чтобы он на всякий случай через свою агентуру провел зондаж о возможных условиях заключения мира с Германией»[133]. Эдакий Брестский мир, à la Ульянов (Ленин). Правда, Судоплатов, получивший от Берии задание связаться с болгарским послом в СССР Стаменовым, работавшим на НКВД, и проинформировать его о якобы циркулировавших в дипломатических кругах слухах о возможном заключении мира на основе территориальных уступок, в книге воспоминаний заявлял, что это был всего лишь зондаж в целях дезинформации, да и само задание было дано гораздо раньше, в конце июля[134]. Так что эта тайна все еще ждет своих исследователей. Заметим лишь, что, согласно мемуарам Шпеера[135], Гитлер в годы войны «с иронией замечал, что после поражения России во главе ее следовало бы оставить Сталина — разумеется, при условии его подчинения германским властям, — так как он, как никто другой, умеет управлять русским народом»[136].

Генерал Тюленев[137] вспоминал, что Сталин принял его на даче в час ночи с 13 на 14 октября. Генерал доложил членам ГКО свои соображения о причинах поражения советских войск на Южном фронте. Выслушали его внимательно. Затем Сталин заговорил о предстоящей поездке Тюленева на Урал: «Положение на фронте критическое, итог зависит от того, насколько быстро

Документы Якова Джугашвили.

и эффективно мы сумели подготовить резервы. Вот вам, товарищ Тюленев, и поручается срочно выехать на Урал для формирования и обучения там резервных дивизий»…

Тюленев писал, что в мандате, выданном ему тут же, на даче Сталина, говорилось:

«1. Сим удостоверяется, что генерал армии тов. Тюленев И. В. является уполномоченным Государственного Комитета Обороны по обучению и сколачиванию вновь формирующихся дивизий на территории Уральского военного округа.

2. Тов. Тюленеву И. В. ставится задача дофор-мировать 14 стрелковых и 6 кавалерийских дивизий, организовать их обучение современному ведению боя и сколотить их, чтобы в течение 2 месяцев дивизии представляли вполне боеспособные единицы.
3. Обязать все советские, военные и партийные органы оказывать т. Тюленеву И. В. Всяческое содействие при выполнении возложенных на него задач.

Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин»[138].

Действительно, как мы уже рассказывали, согласно журналам записи лиц, принятых первым генсеком, 15–18 октября 1941 года Сталина в Кремле не было. По некоторым свидетельствам, в эти дни он находился на «Ближней» и работал именно в Малом доме.

В ночь на 15 октября Верховный подписал постановление ГКО «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы»[139]. Постановление предписывало ввиду неблагополучного положения в районе Можайской оборонительной линии в тот же день эвакуировать в Куйбышев (так называлась тогда Самара) иностранные миссии, высшие учреждения (правительство во главе с Молотовым, Президиум Верховного Совета, Наркомат обороны). Указывалось, что «т. Сталин эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке». Кроме того, предусматривался взрыв предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать, а также всего электрооборудования метро (исключая водопровод и канализацию).

По словам сотрудников охраны, в те осенние дни Верховный работал как никогда много и спал не более двух часов. «Топографические карты фронтов были разложены повсюду — в основном в кабинете. Лишь под утро Сталин ложился отдохнуть. Я неоднократно его заставал в 6 часов утра, отдыхающим на северной террасе, одетым в шинель, в фуражке и ботинках»[140].

Водитель основной машины генсека Митрюхин вспоминал: «15 октября 1941 года Сталин собрался в Кунцево. Его телохранитель, генерал Румянцев начал его отговаривать под предлогом, что дача якобы демонтирована. Сталин сказал: „Товарищ Митрюхин — в Кунцево“. Приехали — ворота закрыты. Иван Орлов, тогда сотрудник охраны, выбежал к нам и сообщил: „Товарищ Сталин, по распоряжению Румянцева дача заминирована“. Сталин посмотрел, кашлянул и произнес: „Дачу разминируйте. Натопите мне печку в маленьком домике, там буду работать до утра…“»[141].

Дежурный комендант в Большом театре Рыбин, как и положено преданному Хозяину человеку, собирая и систематизируя рассказы сотрудников сталинской охраны, естественно, зафиксировал лишь самые «розовые» из них. Это относится и к тяжелому периоду осени 1941 года. Вот что вспоминал о событиях тех дней водитель Сталина Кривченков: «По дороге мы разговорились со Сталиным об обороне Москвы. Сталин сказал: „Остаюсь в Москве с русским народом. Пока жив — враг не пройдет по улицам столицы. Стоять будем с советским народом насмерть, но врага разгромим!“»[142]. То ли вождь давал урок твердости охране, то ли творил очередную легенду о себе, но даже в других воспоминаниях, опубликованных Рыбиным, Верховный изъяснялся не столь патетично. Дмитрий Шадрин[143], заместитель начальника отдела охраны, например, рассказывал о том, что услышал во время одного из совещаний: «Я находился около Сталина и слышал, как отреагировал Сталин на предложение Л. Берии и Г. Маленкова уехать из Москвы: „Из Москвы я не поеду, несмотря на решение Политбюро ЦК ВКП(б) о моем выезде в Куйбышев“»[144].

Документы, в отличие от воспоминаний, благостной картины не рисуют. Итак, в октябре фронтовая обстановка на подступах к столице резко осложнилась. Немецкие войска быстро продвигались к Москве. Дорога на столицу была открыта. В городе началась паника, порожденная отсутствием достоверной информации и подготовкой к взрыву намеченных в соответствии с постановлением ГКО объектов. Слухи о спецмероприятиях, как тогда их называли, все-таки просочились, к тому же некоторые директора предприятий эвакуировались из столицы, выплатив рабочим зарплату за две недели вперед, другие, наоборот, бежали, прихватив денежные средства с собой. Началось повальное бегство жителей. Те, кто не мог эвакуироваться, приняли участие в стихийных расправах с отъезжавшими москвичами на городских заставах[145].

В этих условиях руководство 1-го отдела НКВД подготовило план обеспечения охраны на случай выезда членов правительства из Москвы. Так официально назывался этот документ. Поскольку часть наркоматов, членов правительства и Политбюро ЦК уже перебрались на Волгу, то речь шла, прежде всего, о самом Сталине.

Планом предусматривалось три варианта эвакуации: по железной дороге, на автомобилях и самолетами. Железнодорожный маршрут

пролегал из Москвы в Горький, а затем в Куйбышев, автомобильный шел через Ногинск, Покров, Владимир, Вязники, Гороховец и заканчивался в Горьком. Пунктом отдыха и заправки автомашин должна была стать деревня Гаврильцево в двухстах километрах от Москвы. Эвакуация Сталина по воздуху должна была осуществляться пятью самолетами[146]. Весь полет до Горького должны были прикрывать три эскадрильи — две истребителей («мигов») и одна штурмовиков.

Здесь также осталось еще много таинственного. План эвакуации, отложившийся в архивном деле, не подписан ни Власиком, ни комендантом Кремля Спиридоновым[147] и не утвержден наркомом внутренних дел. Списки экипажей самолетов поступили в 1-й отдел охраны только 12 ноября, когда напряжение на подмосковном участке советско-германского фронта несколько спало.

В тревожные осенние дни вождя тяготила еще одна забота: что делать с заключенными в тюрьмы «врагами народа». Не выдуманный, а реальный враг стремительно продвигался к сердцу его империи. Не ровен час, и тюремные сидельцы окажутся в руках немцев. Те дураками будут, если не попытаются использовать их в борьбе с большевистским режимом. Ведь использовали они в своей пропаганде имя старшего сына вождя — Якова: над красноармейскими позициями разбрасывались тысячи листовок с его фотографиями в немецком плену[148]. Прагматику генсеку такой ход событий мог представляться вполне реальным. Впрочем, это вопрос по ведомству верного Берии, и можно особенно не беспокоиться. Тот, либо предугадывая желания Хозяина, либо исполняя его указания (вряд ли когда мы узнаем точно), вовремя готовил необходимые бумаги.

Части вермахта вышли к Орлу. Немцы вот-вот должны были захватить город, а в Орловской тюрьме содержалась большая группа политзаключенных. Среди них известные в прошлом фигуры: председатель Совнаркома Украины, полпред Советского Союза в Великобритании и Франции, замнаркома иностранных дел и член ЦК партии большевиков Христиан Георгиевич Раковский, лидер партии левых эсеров, член ВЦИК и его Президиума Мария Александровна Спиридонова, член ЦК и заведующий орготделом ЦК компартии Германии Август Алфредович Кригер-Крейцбург. Были и просто неудобные свидетели: участник Октябрьского переворота, редактор «Ленинградской правды» Петр Григорьевич Петровский, врач Дмитрий Дмитриевич Плетнев, тот самый, что несправедливо был обвинен в «умерщвлении» Горького, Куйбышева, Менжинского и покушении на жизнь Ежова[149]. Список можно продолжать долго, добавим лишь сестру личного врага генсека Льва Троцкого и одновременно первую жену Льва Каменева Ольгу Давидовну[150].

6 сентября 1941 года на сталинский стол легла очередная бериевская записка с грифом «сов.[ершенно] секретно»[151]. Берия наверняка принес ее с собой: 5-го на приеме у Сталина он не был. Сами расстрельные списки на 170 человек его аппарат в спешке готовил накануне. 6 сентября Берия вошел в кремлевский кабинет вождя в 19:55 вместе с Маленковым. Там уже находился Жигарев[152], пришедший за 5 минут до них. В 20:10 Поскребышев впустил еще двоих военных: Яковлева[153] и Новикова[154], а через 5 минут Щаденко[155] и Кузнецова[156]. В 20:27 к заседавшим присоединился Молотов. В 21:10 все военные покинули сталинский кабинет. 20 минут члены ГКО находились одни, затем на 15 минут зашли Жигарев с Шахуриным. Вряд ли Сталин обсуждал, что делать с заключенными Орловской тюрьмы в присутствии армейских чинов: не их это вопрос. Судьба людей, попавших в расстрельный список, была решена либо за упомянутые 20 минут, либо за 5 минут после ухода Жигарева с Шахуриным. В бериевской записке Сталин подчеркнул карандашом число заключенных — 170 и размашисто наискосок листа расписался: «И. Сталин». Постановление ГКО гласит: «Применить высшую меру наказания — расстрел к 170 заключенным, разновременно осужденным за террористическую, шпионско-диверсионную и иную контрреволюционную работу. Рассмотрение материалов поручить Военной Коллегии Верховного Суда СССР». Подпись — Председатель Государственного комитета обороны И. Сталин. Составить такой текст можно и за 5 минут.

В этот день Верховный завершил прием довольно рано. Напротив фамилий троих сталинских соратников, Берии, Маленкова и Молотова, значится время — 21:50. Список посетителей завершает пометка: «Последние вышли 21:50»[157]. Именно такую запись каждый раз учиняли в журнале регистрации посетителей сталинского кабинета сотрудники аппарата, возглавляемого Поскребышевым, когда сам Хозяин покидал кремлевские апартаменты. Так что не исключен и третий вариант: генсек забрал записку Берии

и расстрельные списки с собой на «Ближнюю», где и составил короткое постановление ГКО, а уж оформили его задним числом.

На пятый день сталинский приговор привели в исполнение[158]. Примечательно то, что двести сокамерников расстрелянных в Медведевском лесу под Орлом «врагов народа» были эвакуированы на следующий день после расстрела[159].

Осенью 1941 года сотрудники НКВД составили немало подобных расстрельных списков. Под Куйбышевом и в иных местах заключения была расстреляна большая группа командиров, еще недавно возглавлявших ВВС и ПВО. Все они были объявлены «изменниками Родины»[160]. Сохранилось распоряжение Берии об их расстреле без суда. Понятно, что такой приказ нарком не мог отдать без согласования с Хозяином[161].

Вернемся, однако, в осажденную столицу. И здесь Верховный действовал привычным методом устрашения. Чтобы прекратить панику в городе, он предложил отдавать под трибунал нарушителей порядка, а всех призывающих к нарушению оного расстреливать на месте. Именно об этом говорилось в четвертом пункте постановления Государственного комитета обороны № 813 от 19 октября 1941 года, опубликованного на следующий день в газетах[162].

Уже первые слова выдают сталинский стиль. «Сим объявляется» — так написать вождь позволял лишь себе самому. В постановлении он успокаивает: «…оборона столицы на рубежах сто–сто двадцать километров». Называет фамилии генералов, кому эта оборона поручена — Жуков и Артемьев. Порядок в городе — забота коменданта генерала Синилова[163] (будет с кого спросить в случае неудачи). Более того, следом Верховный дает указание опубликовать в «Красной звезде» фотографию Жукова. Ответственный редактор газеты Ортенберг, посылавший к Жукову фотокорреспондента, считал, что вождь хочет показать москвичам человека, на которого они могут положиться. Позже Жуков объяснил Ортенбергу: «Наивный ты человек. Не по тем причинам он велел тебе напечатать мой портрет. Он не верил, что удастся отстоять Москву, точнее не особенно верил. Он все время звонил и спрашивал меня: удержим ли Москву? Вот и решил, что в случае потери столицы будет на кого свалить вину…»

Сталин не признавал за собой ошибок и просчетов. Потому-то и виноваты у него были то вероломный враг, напавший внезапно, то трусы и паникеры среди своих. Вот и сейчас, вводя осадное положение в столице, он требовал «нарушителей порядка немедленно привлекать к ответственности с передачей суду Военного трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте».

В архивах сохранились отчеты военной комендатуры Москвы, в сухих цифрах которых нашла отражение трагедия тех дней. В столице было создано 25 районных военных комендатур и 9 в пригородных районах. Ведомство генерала Синилова регулярно информировало наркома внутренних дел о наведении в городе железного порядка[164], а тот, в свою очередь, передавал эти сведения Верховному. За восемь месяцев с момента введения осадного положения было задержано более 830 тысяч человек. За антисоветскую агитацию 13 человек были расстреляны на месте, разоблачены 84 шпиона и диверсанта, 906 человек задержали за распространение контрреволюционных слухов, 13 022 — за грабежи, убийства и расхищение социалистической собственности. Кроме того, было разоблачено 10 610 дезертиров и 24 651 уклоняющийся от воинской службы. 44 168 человек были приговорены военными трибуналами к тюремному заключению, а 887 — к расстрелу[165].

Вернемся в сталинский кабинет в Малом доме. Как вы помните, в нем стоит этажерка с книгами. Однако в октябре 1941 г. ее полки оказались пустыми. Дело в том, что почти все книги библиотек вождя вывезли из столицы, когда готовилась эвакуация советского правительства. «Накануне праздника 7 ноября 1941 года, — вспоминал Власик, — узнав, что я отправил его библиотеку в Куйбышев, он с твердой уверенностью сказал: „Напрасно ты это сделал. Москву мы никогда не отдадим!“»[166] Власику, видимо, было невдомек, что книги могут понадобиться Хозяину в такое время. Конечно, вскоре книги из дачной и кремлевской библиотек были доставлены обратно, но Верховному они были нужны до праздника. Ведь ему предстояло написать две речи. Одну Сталин произнесет вечером 6 ноября на торжественном заседании по случаю годовщины Октябрьской революции, другую — утром 7 ноября на военном параде на Красной площади.

Если первая речь могла быть вполне традиционной и ее написание не предполагало каких-либо затруднений, то вторая явно должна была стать особенной. Она требовала высокого стиля, пафоса и в то же время доступности,

лаконичности. Как знать, не попалось ли вождю на глаза среди других бумаг, оставшихся на даче, обращение митрополита Московского и Коломенского Сергия к пастырям и пастве[167], разосланное по всем церковным приходам в первый день войны? По крайней мере, некоторое сходство в построении речи, лексике явно прослеживается. Как и Сергий, упомянул Сталин и победоносных русских полководцев — Александра Невского и Дмитрия Донского. Но вождь не был бы вождем, если бы не внес в героическую партитуру речи свойственные только ему идеологические ноты: «Враг не так силен, как его представляют некоторые перепуганные интеллигентики».

Среди сообщений о положении на фронтах, направленных в ноябрьские дни 1941 года в ГКО и Ставку, есть донесение командующего 43-й армией генерал-майора Голубева[168], датированное 8 ноября[169]. Известно, что Сталин вел прием в кремлевском кабинете 8 и 15 ноября, следовательно, вероятность того, что голубевское послание было доставлено на дачу, весьма высока.

Из первых строк донесения видно, что Голубев вручил его генерал-лейтенанту Петрову. В кремлевском кабинете Сталин Петрова не принимал: в журнале регистрации посетителей такой не значится. Точно неизвестно, был ли Петров принят Сталиным на «Ближней» или Верховный ознакомился с письмом Голубева через Поскребышева. Тем не менее на письме имеется помета Поскребышева «т. Маленкову» и его подпись, а также помета помощника Маленкова Суханова «т. Маленков ознакомлен» и дата 11 ноября.

Скорее всего, цепкая память Верховного главнокомандующего удержала строки из голубевского донесения: «…отрадно то, что видят воочию все наши жалкий облик немецкого солдата (плохо одеты, часто голодные, вшивые, грязные, часто морально подавленные). Мы не отдадим им больше ни одной деревни, все их будем разрушать и сжигать, чтобы заморозить немцев». Вдохновленный этой идеей Верховный 17 ноября издал приказ Ставки Верховного Главного Командования за № 0428 об уничтожении населенных пунктов в прифронтовой полосе. Документ существует в двух вариантах: один подписан только Сталиным[170], другой — им и Шапошниковым.

Второй вариант предназначался для рассылки командующим фронтами и отдельными армиями. Приведем его полностью. «Опыт последнего месяца войны показал, что германская армия плохо приспособлена к войне в зимних условиях, не имеет теплого одеяния и, испытывая огромные трудности от наступивших морозов, ютится в прифронтовой полосе в населенных пунктах. Самонадеянный до наглости противник собирался зимовать в теплых домах Москвы и Ленинграда, но этому воспрепятствовали действия наших войск. На обширных участках фронта немецкие войска, встретив упорное сопротивление наших частей, вынужденно перешли к обороне и расположились в населенных пунктах вдоль дорог на 20–30 км по обе их стороны. Немецкие солдаты живут, как правило, в городах, в местечках, в деревнях в крестьянских избах, сараях, ригах, банях близ фронта, а штабы германских частей размещаются в более крупных населенных пунктах и городах, прячутся в подвальных помещениях, используя их в качестве укрытия от нашей авиации и артиллерии. Советское население этих пунктов обычно выселяют и выбрасывают вон немецкие захватчики.

Лишить германскую армию возможности располагаться в селах и городах, выгнать немецких захватчиков из всех населенных пунктов на холод в поле, выкурить их из всех помещений и теплых убежищ и заставить мерзнуть под открытым небом — такова неотложная задача, от решения которой во многом зависит ускорение разгрома врага и разложение его армии.

Ставка Верховного Главного Командования приказывает:

1. Разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края и на 20–30 км вправо и влево от дорог.

   Для уничтожения населенных пунктов в указанном радиусе действия бросить немедленно авиацию, широко использовать артиллерийский и минометный огонь, команды разведчиков, лыжников и партизанские диверсионные группы, снабженные бутылками с зажигательной смесью, гранатами и подрывными средствами.
2. В каждом полку создать команды охотников по 20–30 человек каждая для взрыва и сжигания населенных пунктов, в которых располагаются войска противника. В команды охотников подбирать наиболее отважных и крепких в политико-моральном отношении бойцов, командиров и политработников, тщательно разъясняя им задачи и значение этого мероприятия для разгрома германской армии.

Фасад Малого дома.

Выдающихся смельчаков за отважные действия по уничтожению населенных пунктов, в которых расположены немецкие войска, представлять к правительственной награде.

3. При вынужденном отходе наших частей на том или другом участке уводить с собой советское население и обязательно уничтожать все без исключения населенные пункты, чтобы противник не мог их использовать. В первую очередь для этой цели использовать выделенные в полках команды охотников.

Камин в столовой Малого дома.

4. Военным советам фронтов и отдельных армий[171] систематически проверять, как выполняются задания по уничтожению населенных пунктов в указанном выше радиусе от линии фронта, Ставке через каждые 3 дня отдельной сводкой доносить, сколько и какие населенные пункты уничтожены за прошедшие дни и какими средствами достигнуты эти результаты.

Ставка Верховного Главного Командования
И. Сталин
Б. Шапошников»[172].

К тактике выжженной земли Верховный пришел не сразу после начала военных действий. По сталинским документам начального периода войны можно проследить, как менялись указания вождя, касающиеся уничтожения материальных ценностей, по разным причинам не подлежащим эвакуации. Так, в одной из телеграмм, датированной 10 июля 1941 года, председатель Государственного комитета обороны, регламентируя эвакуацию и уничтожение ценного имущества, упрекает секретаря ЦК КП(б) Украины Хрущева в излишнем усердии. Весьма симптоматично, что делает он это со ссылкой на собственные указания, причем упоминает себя в третьем лице.

«1) Ваши предложения об уничтожении всего имущества противоречат установкам, данным в речи т. Сталина, где об уничтожении всего ценного имущества говорилось в связи с вынужденным отходом частей Красной Армии. Ваши же предложения имеют в виду немедленное уничтожение всего ценного имущества, хлеба и скота в зоне 100–150 километров от противника, независимо от состояния фронта.

Такое мероприятие может деморализовать население, вызвать недовольство Советской властью, расстроить тыл Красной Армии, и создать, как в армии, так и среди населения настроения обязательного отхода вместо решимости давать отпор врагу.

2) Государственный Комитет Обороны обязывает вас в виду отхода войск, и только в случае отхода, в районе 70-верстной полосы от фронта увести все взрослое мужское население, рабочий скот, зерно, трактора, комбайны и двигать своим ходом на восток, а чего невозможно вывезти, уничтожать, не касаясь, однако, птицы, мелкого скота и прочего продовольствия, необходимого для остающегося населения. Что касается того, чтобы раздать все это имущество войскам, мы решительно возражаем против этого, так как войска могут превратиться в банды мародеров»[173].

Появление немецких войск у стен столицы толкает «отца народов» на издание еще более страшных распоряжений. Как вы помните, в Москве минируются промышленные объекты, здания госучреждений, системы жизнеобеспечения города. Что же касается других населенных пунктов, как в тылу врага, так и в прифронтовой полосе, то их, по сталинскому приказу, надлежало «разрушать и сжигать».

В отличие от документов, устная традиция по большей части приукрашивает картину осенних событий. Одну из легенд, относящихся к тому трагическому периоду, воспроизводит в своих воспоминаниях Орлов. В конце 50-х годов он красочно рассказывал о поездке Сталина на линию фронта под Москву. Сам же рассказчик будто бы сопровождал вождя. «Незадолго до начала известного московского контрнаступления Сталин вызвал меня и сказал, что собирается выехать в войска, оборонявшие Москву: „Надо посмотреть, как там подготовились к наступлению“. В считанные часы был создан специальный отряд, который двинулся к линии фронта. Я и мои ближайшие сотрудники сопровождали Сталина, ехавшего в специальной бронированной машине.

В целях конспирации специальных сообщений мы не делали. Мы благополучно прибыли на место. Сталин решил поближе познакомиться с одним из участков фронта. Нужно было видеть удивление молодого часового, который неожиданно среди идущих генералов увидел Сталина. Сталин был доволен увиденным. Он зашел в один из блиндажей. Там у небольшого зеркала сидел молодой бравый майор. Он брился. „Брейтесь, брейтесь, товарищ полковник, — сказал Сталин… Вы хорошо подготовились к бою. Командование вами довольно. Желаю вам победы в битве за Москву“. И, пожав руку молодому, оторопевшему от неожиданности майору, ставшему теперь полковником, Сталин направился к выходу. Весть о том, что Сталин был в окопах среди солдат, быстро стала известной. Нужно ли говорить, с каким воодушевлением встречали солдаты эту новость»[174]. Звучало все это красиво, но следует сказать, что не только документами, но и мемуарами военачальников эта сталинская поездка на фронт пока не подтверждается[175].

Продолжим нашу воображаемую экскурсию по Малому дому. Повернув из прихожей направо, попадаешь в столовую. Она почти в два раза больше кабинета — ее площадь 46,5 м^2. В столовой четыре окна: по два на каждой из внешних стен. В дальнем от входа левом углу — простенький камин. У камина маленькие козлы, доверху нагруженные сухими березовыми поленьями. Мебели здесь также немного. В центре овальный обеденный стол, окруженный мягкими стульями. У левой стены — небольшой сервант с посудой, справа в углу — еще несколько стульев. Налево от входа низкий диван и два кресла образуют зону отдыха.

Из столовой двустворчатые двери ведут в спальню. По площади она чуть больше

кабинета — около 29 м². На правой стене два окна. В правом дальнем углу — еще одни двустворчатые двери: через маленький тамбур можно попасть на крытую односкатной крышей террасу. Слева у стены, рядом с печкой, стоит односпальная деревянная кровать со спинкой из карельской березы и тумбочка с ночником. За ними дверь в четвертую комнату. Справа в ближнем углу — стандартный для дачи генсека платяной шкаф. В нем, как и в других шкафах по всему объекту, несколько комплектов нижнего белья, полотенца, рубашки, халаты.

Четвертая комната Малого дома по сравнению с другими совсем невелика: ее площадь — чуть больше 13 м². Первоначально это была ванная. Во время войны ее переоборудовали в так называемую комнату отдыха. Бывало, служила она и парикмахерской. Отсюда можно выйти на небольшую деревянную террасу. По бокам от двери два окна. Третье окно комнаты отдыха выходит на другую террасу Малого дома — ту, куда можно попасть из спальни.

Большая терраса огибает дом с двух сторон. В теплое время года здесь ставили кушетки, обеденный стол, стулья и столик. Генеральный секретарь часто работал тут летом.

18 августа 1945 года Сталин подписал постановление ГКО «О направлении на работу в промышленность военнослужащих Красной Армии, освобожденных из немецкого плена, и репатриантов призывного возраста»[176]. В этот день в кремлевском кабинете вождь принимал Берию, Булганина, Маленкова и Молотова. Накануне, 17-го, Хозяина в Кремле не было. Скорее всего, он был на «Ближней», и с большой долей вероятности можно предположить, что в этот день он редактировал предложенный Берией проект постановления. Не исключено, что было это именно на одной из террас Малого дома.

Для того чтобы разобраться, почему было принято подобное постановление, необходимо сделать некоторые пояснения. Всего за годы Великой Отечественной войны в плену оказалось более 5 миллионов советских военнослужащих. От голода и болезней погибло до 2 миллионов военнопленных, десятки тысяч бойцов и командиров были казнены за участие в движении Сопротивления. На территорию Германии и оккупированных ею стран также было депортировано около 5 миллионов гражданских лиц. Подавляющее большинство из них было вывезено в принудительном порядке (лишь около 250 тысяч человек выехало добровольно). Так же как и военнопленных, их использовали на работах в оборонной промышленности и сельском хозяйстве. В неволе их погибло более 1230 тысяч человек.

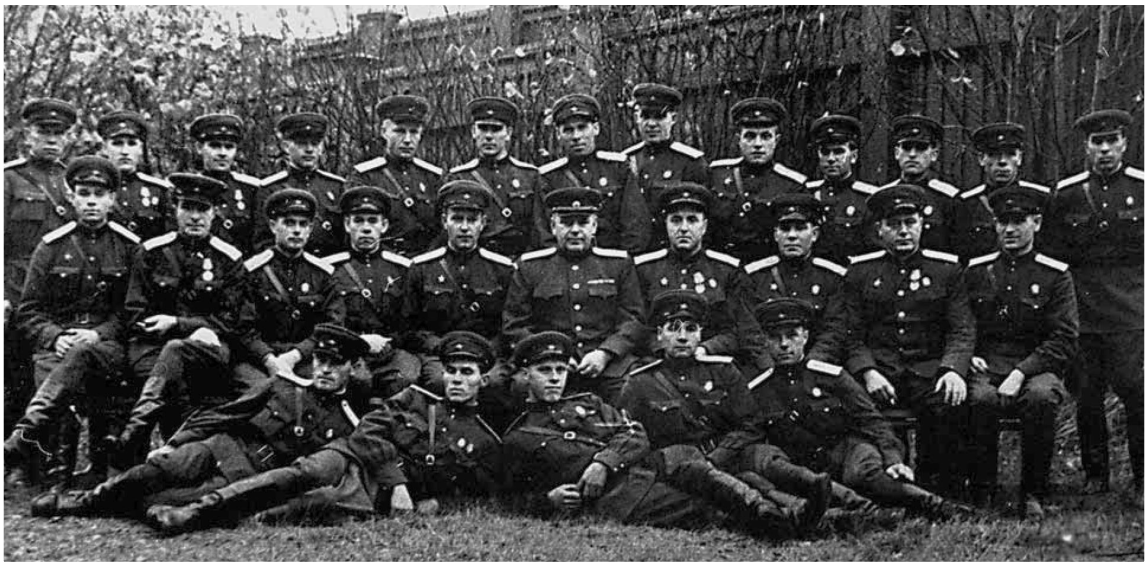
Освобожденные из немецкого плена советские граждане проходили длительные проверки в фильтрационных лагерях. Как видно из постановления ГКО, их сортировали по категориям и прикрепляли к промышленным предприятиям в отдаленных районах СССР. Таким образом Сталин решал проблему нехватки рабочих рук в промышленности.

Предвзятое отношение к оказавшимся в плену гражданам прослеживается на протяжении долгих лет. В соответствии с идеологическими догмами тоталитарного советского режима, пленение военнослужащего Красной армии рассматривалось как преднамеренно совершенное преступление. Под подозрение сразу же попадали все военнослужащие и гражданские лица, даже на непродолжительное время оказавшиеся за линией фронта. Бойцов и командиров, которые в тяжелейших условиях с боями пробивались на соединение с Красной армией, встречали как потенциальных изменников Родины.

С первых же дней войны особые отделы расстреливали без суда и следствия всех подозрительных и сомнительных лиц из числа вышедших из окружения и отставших от своих частей. Широко практиковалось заочное осуждение советских военнослужащих, оказавшихся за линией фронта. Основанием для этого зачастую были ложные доносы, наговоры, фальсифицированные материалы дознания и следствия.

Имеются многочисленные доказательства (в том числе в журналах боевых действий противника) того, что подавляющее большинство советских военнослужащих попало в плен ввиду невозможности дальнейшего сопротивления ранеными, больными, лишенными продовольствия, боеприпасов, управления со стороны вышестоящих штабов и командиров. Несмотря на это, только военными трибуналами в годы войны было осуждено свыше 994 тысяч военнослужащих, из них свыше 157 тысяч человек приговорено к расстрелу. Более половины приговоров приходится на 1941–1942 годы. Есть все основания утверждать, что большинство из осужденных — бывшие военнопленные и «окруженцы», не совершившие на деле никаких преступлений.

Характерна судьба И. А. Ласкина, героя Сталинградской битвы, участвовавшего в пленении фельдмаршала Паулюса. Выходя из окружения

Офицеры охраны, свободные от дежурства, во главе с генералом Власиком.

в августе 1941 года под Уманью, полковник Ласкин вместе с двумя сослуживцами был задержан и допрошен немцами. Через несколько часов Ласкину и его товарищам удалось бежать. Они благополучно выбрались к своим, но при проверке, зная методы работы особых отделов, все трое «окруженцев» о кратковременном своем задержании гитлеровцами умолчали. Тем не менее этот факт все-таки всплыл — в феврале 1943 года об этом стало известно сотрудникам СМЕРШа. Несмотря на заслуги, генерал-лейтенанта Ласкина арестовали. Его, начальника оперативного отдела штаба Донского фронта, обвинили в измене Родине, шпионаже и добровольной сдаче в плен. Следствие по делу тянулось долгих девять лет, и только в 1952 году Ласкин был приговорен к 15 годам лишения свободы. Реабилитирован он был лишь после смерти вождя народов.

Жестоким репрессиям с первых дней войны подверглись и члены семей тех, кого без всяких оснований стали считать изменниками Родины. Их ссылали в отдаленные местности, приговаривали к длительным срокам лишения свободы. Эти чудовищные преступления санкционировались совместным приказом НКГБ, НКВД и прокурора СССР, изданным 28 июня 1941 года. Членов семей репрессировали либо через военные трибуналы, либо через Особое совещание при НКВД СССР. Еще более зловещую роль сыграли постановление ГКО от 16 июля 1941 года и последовавший вслед за этим приказ наркома обороны № 270 от 16 августа 1941 года. Принятые в их развитие приказы и инструкции НКВД и НКГБ до крайности ужесточили репрессии по отношению к членам семей военнопленных и «окруженцев».

С конца 1941 года бывшие военнопленные, «окруженцы» и все, вызывающие подозрения, в обязательном порядке направлялись для проверки и фильтрации в специальные лагеря НКВД СССР. Обнесенные двумя рядами колючей проволоки, трехметровым забором, эти лагеря представляли собой военные тюрьмы строгого режима. Содержавшиеся в них заключенные отныне именовались «бывшими военнослужащими Красной Армии», хотя никаких судебных или хотя бы административных решений на этот счет сделано не было. Им запрещались выход из зоны, общение друг с другом, переписка и свидания с кем бы то ни было. На запросы семей о судьбе этих людей руководство НКВД отвечало, что сведений нет.

Находясь в спецлагерях, их обитатели — «спецконтингент» — привлекались к тяжелому принудительному труду в шахтах, на рудниках, на лесозаготовках, в металлургической промышленности. Им планировались повышенные нормы выработки. Формально начислявшаяся за их труд зарплата почти полностью шла в доход НКВД. За невыполнение трудовых норм, за малейшие проступки их наказывали, как заключенных ГУЛАГа. Примечательно, что организация и обслуживание спецлагерей были возложены на управление НКВД, занимавшееся

делами об иностранных военнопленных и интернированных. Таким образом, вернувшиеся из плена или окружения бойцы и командиры РККА приравнивались к военнопленным вражеской армии.

По результатам проверки каждый десятый арестовывался органами НКВД или НКГБ. Это означало неминуемое осуждение военными трибуналами или Особым совещанием. В зависимости от обстановки на фронтах часть спецконтингента через штрафные батальоны шла на пополнение действующей армии. Остальные — их было большинство — передавались навечно в постоянные кадры предприятий, расположенных в Сибири и на Крайнем Севере, тем самым оставаясь на положении каторжников.

Как видим, практика использования «спецконтингента» продолжилась и после окончания войны. Кроме того, постановление 1945 года предусматривало высылку захваченных во время боевых действий и выявленных при проверках лиц, служивших в немецких вооруженных силах и полиции. Партийно-государственное руководство, хотя и предполагало использовать служивших противнику и не запятнавших себя военно-пленных на разных условиях, все же не видело большой разницы между ними — и тех и других направляли на Крайний Север, в Сибирь, в отдаленные и гибельные места, зачастую — в одном эшелоне.

По свидетельству офицеров сталинской охраны, постоянного рабочего места в Малом доме у вождя не было: трудился он и в столовой, и в кабинете. «В Малом доме последние годы Сталин бывал редко, когда в Главном доме был какой-то ремонт, — вспоминал Ю. С. Соловьев. — Кроме того, в Малом доме был книжный шкаф и иногда Сталин туда заходил, чтобы взять нужную ему книгу»[177]. Здесь же Сталин иногда принимал гостей и, как правило, сам топил камин.

С Малым домом связана еще одна любопытная подробность жизни сталинской семьи. Сотрудники охраны рассказывали, что в Малом доме иногда жила дочь Сталина Светлана. Впрочем, как неоднократно подчеркивала сама Светлана Иосифовна, отцовскую дачу она не любила и бывала там нечасто.

* * *

С западной стороны Главного дома, в тени деревьев, приютилось небольшое одноэтажное здание, в обиходе «Ближней» именовавшееся бильярдной. Оно было сооружено в 1933 году одновременно с Главным домом, из таких же фибролитовых плит. Это единственное здание на территории дачи, которое не подвергалось значительным перестройкам. В нем три основных помещения — собственно бильярдный зал, русская баня и столовая. Туда можно попасть из просторной прихожей. Прямо — дверь в бильярдный зал; повернув налево, через комнаты отдыха попадешь в баню, направо — в столовую.

Сталин был заядлым игроком, и бильярдные столы и кии на объектах, где он проживал или хотя бы останавливался, всегда поддерживали в отличном состоянии. «Меня вызывали неожиданно, часто ночью, привозили на сталинскую дачу в Подмосковье или на юге, где стояли сделанные мною бильярдные столы, и я выполнял необходимые работы, — вспоминал Андрей Петрович, вновь оказавшись на „Ближней“ в середине 50-х годов, уже после смерти вождя. — Однажды Сталин попросил меня закруглить угловые лузы, чтобы легче было забивать шары. Я выполнил его просьбу, и теперь видите — углы луз овальные, что по правилам не делается». Старый мастер подошел к столу, погладил рукой сукно. Он волновался, на глазах его были слезы. Помолчав, он продолжал: «Сталин всегда сам приходил и принимал сделанную мной работу, всегда меня благодарил. По его просьбе я сделал ему кий — вот этот»[178], — и показал на киевницу справа от входной двери.

Надо сказать, что бильярд в Советском Союзе в те годы был очень популярен. Не обошло это увлечение и ближний круг вождя — играли на бильярде и его «соратники по партии», и начальник его личной охраны генерал Власик. «А каким [Власик. — *Авт.*] был бильярдистом! — вспоминала приемная дочь генерала Надежда Николаевна Власик-Михайлова. — Всех обыгрывал!»[179].

Сотрудники охраны были в числе постоянных партнеров Сталина по игре. Один из них, Орлов, позднее вспоминал: «Сталин играл неплохо и бил по шару, не целясь. Не любил, когда ему подыгрывали»[180]. Об одном из бильярдных «сражений» на «Ближней» поведал читателям Константин Симонов со слов маршала Конева. «На биллиарде он [Сталин. — *Авт.*] играл неплохо, тихими точными ударами, никогда не бил сильно, тщательно целился». Играя в паре с Коневым против Берии и Маленкова, Сталин проигрывал, поскольку соперники вождя были сильными игроками, а партнер, как оказалось, играл посредственно. «…Они, несмотря на все

старания Сталина, чем дальше, тем все безнадежнее проигрывали. Сталин злился, в конце концов бросил кий и прервал игру, перед этим выругав соперников: „Ну, где нам с ними играть? Смотрите, какие они бандиты. Это же бандиты. Вы посмотрите на них, какие они". За этими словами слышался еще и призыв посмотреть на то, какие они здоровые, толстые бугаи»[181].

По словам Орлова, с одобрения Хозяина утвердился обычай: проигравшие вне зависимости от чина сидели под бильярдным столом. Чаще других туда попадал Хрущев, поскольку игроком он был неважным. В таких случаях Сталин говорил «Миките»: «Даже играть не умеешь, а республикой руководить хочешь?»

Свидетельство Орлова дополняет В. Ф. Аллилуев. Обычай играть «на пролаз» сложился еще до войны, на даче в Зубалове. «…Проигравший должен был лезть под бильярдный стол, — пишет Владимир Федорович в мемуарах, — но обычно вместо взрослых ползали дети. Мои старшие братья рассказывали мне, что как-то была большая игра. Сталин играл в паре с Павлом, а дед в паре с моим отцом. Партию выиграли дед с отцом, но вместо Сталина и Павла под стол полезли мои братья. Старшая дочь Павла Кира, к его неудовольствию, сильно возмущалась этим, считая, что взрослые сами должны отдуваться за проигрыш, а Сталина Кирино негодование позабавило, он смеялся»[182]. Как видно, вождь распространил семейную традицию на своих соратников — сказалось его постоянство в привычках.

Естественно, даже во время игры Сталин не мог полностью отрешиться от дел. Очевидцы свидетельствовали, что за бильярдом вождь часто обсуждал с партнерами политические, хозяйственные, кадровые и другие проблемы.

Следует отметить, что в 1941 году вопреки инструкциям и уговорам охраны и коменданта дачи Сталин часто не уходил в укрытие во время бомбардировок, а, напротив, наблюдал за налетами вражеской авиации на Москву с солярия. Однажды, когда генерал Власик в очередной раз упрашивал Хозяина спуститься в бункер, тот сказал: «Не бойся, наша с тобой бомба еще не летит».

После окончания Второй мировой войны, в связи с угрозой атомных бомбардировок, бункер был оснащен всем необходимым для того, чтобы жить в нем продолжительное время. В техническом помещении бомбоубежища и сегодня сохранилось все установленное при жизни Хозяина оборудование, причем оно исправно функционирует. Например, дизель-генератор выпуска 1939 года можно запустить и сейчас. Естественно, не стоит удивляться тому, что все было сделано на высочайшем уровне.

Террасы, веранды, второй этаж

В Главном доме множество веранд и террас — и на первом, и на втором этаже. Они окружают дом по всему периметру. По главному фасаду, с севера, — две террасы: одна поменьше, у комнаты № 1, вторая, в несколько раз больше, у Малой столовой. Попасть на большую террасу можно по ступенькам со двора и собственно из Малой столовой. Как вы помните, вождь любил выходить сюда с винчестером и постреливать в надоедливых ворон. Здесь стоят стол, дюжина стульев, плетеный лежак с подушкой и тюфячком и маленький столик для посуды. На левом барьере северной террасы и на подоконниках Малой столовой обслуживающий персонал расставлял цветы. На одном из подоконников к услугам вождя была непременная пепельница. Рядом, в наружной стене, была вмонтирована белая кнопка для вызова охраны. На тенистой северной террасе Сталин чаще всего бывал в жаркие дни. Чтобы дышалось легче, он сам поливал дощатый пол холодной водой из шланга.

Когда к вождю привозили Василия и Светлану, он, бывало, проводил с ними время здесь, на свежем воздухе. Самые известные фотографии Сталина с детьми сделаны Власиком именно на северной террасе.

К Малой столовой примыкает и застекленная восточная веранда. Войдем в нее с северной террасы, через высокие двустворчатые двери. В Малую столовую ведут такие же большие двери, но с тамбуром. Освещает веранду светильник с большим круглым абажуром. Несмотря на обилие мебели, она не выглядит загроможденной, ведь ее площадь составляет около 50 м^2. Здесь поместились большой стол, три маленьких столика с пепельницами,

Бильярдный стол работы А. П. Чемоданова.

тахта, два кресла, двенадцать стульев и два шезлонга. Летом и осенью интерьер дополняли букеты свежесрезанных цветов. Несмотря на то что веранда не отапливалась, Хозяин нередко работал на ней даже зимой, облачившись в доху на беличьей подкладке. Здесь он читал документы, прессу и всевозможную корреспонденцию.

«В конце марта 1944 г., когда Генштаб развернул работу над планами операций на северном фланге советско-германского фронта, в Москве стояли погожие весенние дни. Для нас же, генштабистов, время было, прямо скажу, горячим… Работы, понятно, было по горло, и нам не удавалось даже вдохнуть живительный воздух весны полной грудью. Я был счастливее моих товарищей, поскольку каждый день с А. И. Антоновым совершал недолгие поездки на автомашине в Кремль да более продолжительные — на «ближнюю» дачу к И. В. Сталину в Кунцево.

Выезжать к Верховному Главнокомандующему мне приходилось иногда и в одиночку, поскольку И. В. Сталин нередко интересовался состоянием работы над той или иной операцией или требовалось срочно заменить карты, которые лежали у него на столе. Вот так было и в конце марта. А. И. Антонов передал мне приказание И. В. Сталина через три часа прибыть на «ближнюю». «„Хозяин“ хочет еще раз посмотреть карты с замыслом операций на северном фланге, — добавил он, — свезите их ему». Я собрал нужные материалы, внимательно посмотрел их и к назначенному времени отправился в Кунцево. По пути продумал еще раз сообщения Генштаба, которые Верховный Главнокомандующий в основном уже одобрил…

…Прихожая была пуста. Стояла глубокая тишина. Я открыл дверь в столовую. Никого… Потолкался на месте, кашлянул в кулак, чтобы привлечь к себе внимание обитателей дома. Опять никого… Вот тебе и вызов на доклад! Не было еще случая, чтобы И. В. Сталин не принимал человека, если вызывал к себе.

Неожиданно открылась дверь направо, ведшая в коридор, и появилась фигура в овчинном тулупе до пят с высоко поднятым воротником. Из-под полы тулупа виднелись поднятые вверх носы больших черных валенок, подшитых толстым войлоком.

Восточная веранда и северная терраса, за ними, справа по фасаду, главный вход.

Фигура, от которой исходил крепкий запах леса, похлопала рукавом тулупа и сказала голосом И. В. Сталина: „Сейчас, товарищ Штеменко, войдите в кабинет. Я буду через минуту…“

Теперь все стало ясно: Сталин имел обыкновение отдыхать в зимние дни на веранде, он лежал там в валенках, меховой шапке-ушанке, плотно завернувшись в широкий овчинный тулуп. Оказывается, я попал как раз в такое время»[183].

Если Штеменко стало все ясно, то читателям его мемуаров — вряд ли. Допустим, генерал осмелился без приглашения Хозяина пройти из прихожей в Малую столовую. Но тогда непонятно, о какой двери справа и каком коридоре он пишет: дверь на веранду находится напротив входа в Малую столовую, а коридоров между верандой и террасами нет. Если же Штеменко оставался в вестибюле, то все запутывается еще сильнее. Единственный коридор Главного дома не отделен от прихожей дверью. Южная же веранда, расположенная в той же части дома, что и коридор, была построена только в 1945 году.

На восточной террасе с высоким барьером, отделенной от застекленной веранды двустворчатыми дверями, Сталин любил бывать и зимой, и летом. В теплое время года здесь устанавливали шезлонги, на которых вождь мог и подремать. Зимой генсек прогуливался по террасе в тулупе или меховой дохе, в лисьей шапке, в подшитых войлоком валенках. Вождь не просто дышал свежим воздухом — не брезговал он и физическим трудом: брал деревянную лопату и раскидывал снег, расчищая на полу террасы дорожку для прогулки. Площадь террасы составляла больше ста квадратных метров. После такой интенсивной прогулки наверняка чувствовалась приятная легкая усталость. Если же Хозяину хотели помочь сотрудники охраны или обслуживающий персонал «Ближней», он всегда говорил: «Нет, нет, я сам».

Теперь перейдем на террасу, примыкающую к Большому залу с запада. Ее называли «террасой под лестницей», поскольку в свое время рядом располагалась ведущая на второй этаж лестница (она была демонтирована во время очередной реконструкции Главного дома). Как и на соседней веранде, тут стоял прямоугольный обеденный стол со стульями, два круглых столика

и диван. Летом Сталин часто здесь обедал или просто пил чай. Дочь вождя вспоминала: «Особенно он любил в последние годы маленькую западную террасу, где видны были последние лучи заходящего солнца. Она выходила в сад; сюда же в сад, прямо в цветущие вишни, выходила и застекленная веранда, пристроенная в последние годы»[184].

О сталинских посиделках на свежем воздухе вспоминали и гости вождя. Вновь обратимся к запискам Штеменко: «Уже после войны, в один из летних дней 1949 года, на „ближней“ даче у Сталина должен был обсуждаться вопрос укрепления противовоздушной обороны страны. Министр — А. М. Василевский — был в отпуске, и на заседание поехали В. Д. Соколовский, который оставался за министра, и автор этих строк, бывший тогда начальником Генерального штаба.

Когда мы приехали, И. В. Сталин и члены Политбюро на открытом балконе дачи вели разговор о строительстве новых заводов тяжелой промышленности за Уралом, в Сибири и на Дальнем Востоке, о проблеме рабочей силы в связи с этим.В ходе разговора И. В. Сталин вдруг спросил:

— А как думает молодой начальник Генерального штаба, почему мы разбили фашистскую Германию и принудили ее капитулировать?

Я был готов к докладу по ПВО, мысли мои вертелись вокруг этого вопроса. К тому же не вполне было ясно, в каком направлении шла беседа до нашего прибытия. Поэтому, встав, я несколько помедлил с ответом. И. В. Сталин тоже встал, пыхтя трубкой, подошел ко мне и сказал: „Мы слушаем“.

Терпеливо выслушав меня до конца, И. В. Сталин заметил:

— Все, что вы сказали, верно и важно, но не исчерпывает всего объема вопроса. Какая у нас была самая большая численность армии во время войны?

— Одиннадцать миллионов человек с небольшим.

— А какой это будет процент к численности населения?

Быстро прикинув в уме численность населения перед войной — 194 млн, я ответил: около 6 процентов.

— Правильно. Но это опять-таки не все. Нужно учесть и наши потери в вооруженных силах, потому что убитые и погибшие от ран люди тоже входили в численность армии…

Учли и это.

— А теперь, — продолжал Сталин, — давайте подсчитаем, как обстояло дело у Гитлера, имевшего с потерями более чем 13-миллионную армию при численности населения в 80 миллионов человек.

Подсчитали — оказалось — более 16 процентов.

— Такой высокий процент мобилизации — это или незнание объективных закономерностей ведения войны или авантюризм. Скорее, последнее, — заключил Сталин. — Опыт истории, общие законы ведения войны учат, что ни одно государство не выдержит столь большого напряжения: некому будет работать на заводах и фабриках, растить хлеб, обеспечивать народ и снабжать армию всем необходимым. Гитлеровский генералитет, воспитанный на догмах Клаузевица и Мольтке, не мог или не хотел понять этого. В результате гитлеровцы надорвали свою страну. И это несмотря на то, что в Германии работали сотни тысяч людей, вывезенных из других стран…

Немецкие правители дважды ввергали Германию в войну и оба раза терпели поражение, — продолжал Сталин, шагая по балкону. — Подрыв жизнеспособности страны в Первой и Второй мировых войнах был одной из причин краха… А какой, между прочим, процент населения был призван кайзером в Первую мировую войну, не помните?

Все промолчали. Сталин отправился в комнату и через несколько минут вышел с какой-то книгой. Он полистал ее, нашел нужное место и сказал:

— Вот, девятнадцать с половиной процента населения, которое составляло в 1918 году 67 миллионов 800 тысяч.

Он захлопнул книгу, и снова, обратившись ко мне, сказал примерно следующее:

— Второе, о чем вы упомянули немножко однобоко, это о наших замечательных кадрах руководителей. Нужно сказать, что они у нас были не только на фронте, но и в тылу. Нельзя забывать, что объективные возможности составляют лишь предпосылки победы. Они очень важны, но сами по себе не могут обеспечить разгром врага, если их не привести в действие и не использовать организованно. Роль организатора и руководителя принадлежит партии, только ей. Война — суровое испытание. Она выдвигает сильных, смелых, талантливых людей. Одаренный человек покажет себя в войне за несколько

месяцев, на что в мирное время нужны годы. У нас в первые же месяцы войны проявили себя замечательные военачальники, которые в горниле войны приобрели опыт и стали настоящими полководцами.

И он начал на память перечислять фамилии командующих фронтами, армиями, партизанских вожаков.

— А в тылу? Разве смогли бы сделать другие руководители то, что сделали большевики? Вырвать из-под носа неприятеля целые фабрики, заводы, перевезти их на голые места в Поволжье, за Урал, в Сибирь и в невероятно тяжелых условиях в короткое время наладить производство и давать все необходимое фронту! У нас выдвинулись свои генералы и маршалы от нефти, металлургии и транспорта, машиностроения и сельского хозяйства. Наконец, есть полководцы науки. О них тоже нельзя не сказать…

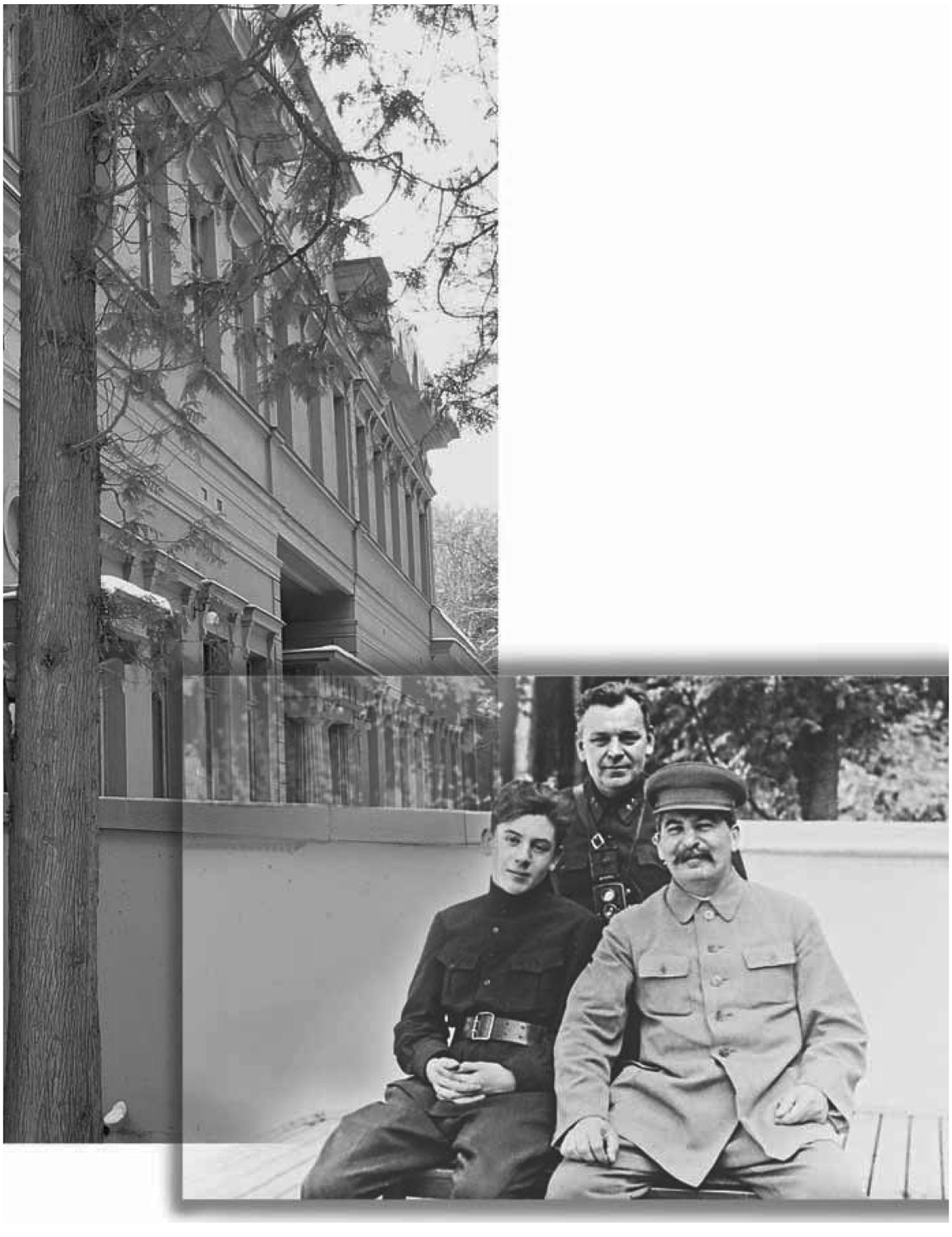
Не торопясь, без запинки он стал называть фамилии ученых, деятелей промышленности, сельского хозяйства. Потом, помолчав некоторое время, добавил:

— На Гитлера работали сотни тысяч людей, вывезенных в Германию и превращенных, по существу, в рабов. И все-таки он не смог в достатке обеспечить свою армию. А наш народ сделал невозможное, совершил великий подвиг»[185].

Описанная Штеменко сцена весьма характерна. Именно в таких беседах вождь задавал «генеральную линию», которой «подданным» следовало придерживаться в трактовке каких-либо политических, идеологических и прочих вопросов. Безусловно, вопрос о соотношении сил СССР и Германии и о подходах к ведению войны был весьма важен именно в идеологическом отношении. Однако, проводя этот своеобразный инструктаж, Сталин — намеренно или по ошибке — грубо нарушил принципы статистики, суммировав два параметра различных категорий: численность армии на конкретный момент времени и общие людские потери за все время войны. В итоге полученные цифры не имеют никакого отношения к реальности. Отметим, кстати, что, упоминая о потерях, Штеменко весьма краток — он обозначает лишь сам

Терраса перед окнами спальни и ванной комнаты.

Сталин с сыном Василием и генералом Власиком на северной террасе.

факт того, что потери были учтены, ни словом не обмолвившись о том, какими же они были.

Продемонстрировал вождь безграмотность и в вопросах военной истории, объединив в одной фразе Клаузевица и Мольтке. Ведь они являются представителями разных военных школ, более того, разных эпох. Кроме того, невозможно говорить о каких бы то ни было «догмах» Мольтке, поскольку тот, в отличие от Клаузевица, не был теоретиком военной науки.

Вообще, слова Сталина о том, что немецкие генералы, проводя тотальную мобилизацию,

опирались на идеи вышеупомянутых военных деятелей, не соответствуют действительности. Ведь если следовать идеям Клаузевица, то война готовится долго, неспешно и обстоятельно и столь же неторопливо и основательно ведется. Ни о каком экономическом авантюризме не может идти и речи. Как раз то, что вождь назвал общими законами ведения войны и противопоставил «догмам», якобы затверженным германским генералитетом, и является квинтэссенцией теории Клаузевица. Мольтке же был сторонником молниеносных военных действий, когда победа достигается прежде, чем наступит военное истощение, какового ни в коем случае нельзя допустить, — то есть и он был далек от раскритикованных Сталиным подходов.

Как мы уже упоминали, второй этаж Главного дома был надстроен в 1943 году. Предполагалось, что там будут жить гости главы Советского государства. Именно поэтому для второго этажа спроектировали большие по размеру жилые комнаты, нежели на первом этаже: площадь спальни составляет 75,5 м^2, а столовой — 120 м^2.

Выйдя из лифта, мы попадаем в коридорчик с тремя окнами. Направо — двустворчатая дверь, за ней тамбур. Миновав его, оказываемся в проходной комнате, по меркам «Ближней» небольшой — всего 21 м^2. Слева от нас — выход на закрытую западную веранду, прямо — дверь в ванную комнату, совмещенную с туалетом.

Бывало, в этих комнатах останавливались, приезжая в Москву, руководители братских компартий. Особенно долго, как вспоминал Орлов, на «Ближней» гостил Мао Цзэдун[186].

Лидер китайских коммунистов неоднократно собирался встретиться со Сталиным, но смог посетить Москву лишь после победы над Чан Кайши. Начавшаяся после поражения Японии во Второй мировой войне гражданская война несколько лет велась с переменным успехом. К концу 1948 года Народно-освободительная армия Китая, руководимая китайскими коммунистами, оттеснила гоминьдановские войска из северных провинций. Чан Кайши попытался заключить перемирие и предложил правительствам США, Великобритании, Франции и Советского Союза выступить посредниками в переговорах между Гоминьданом и КПК.

* * *

Как и Малая столовая, спальня не перестраивалась с 1938 года. Ее площадь составляет 61,5 м^2. Потолок, как и в других комнатах, кессонированный, стены обшиты деревянными панелями. Паркетный пол застелен большим красным ковром. В спальне 8 окон — четыре в южной стене и четыре в восточной. Все они занавешены плотными шторами. Освещается комната трехрожковой люстрой и четырьмя бра по углам. Обратите внимание на одну особенность: рожки у бра обращены вниз. Это объясняется тем, что спальня в 1951 году, в отличие от других комнат, не перестраивалась и светильники в ней остались прежними.

В последние годы жизни Хозяин использовал комнату в качестве гардеробной. Здесь он переодевался, готовясь к отъезду с «Ближней», и оставлял вещи, которые носил, находясь на даче. Справа от входа стоит двухстворчатый ореховый платяной шкаф с большим зеркалом на одной из дверец. Давайте заглянем в шкаф вождя. При жизни Сталина в правом отделении висела на плечиках военная и штатская одежда: два кителя, две пары брюк на подтяжках, толстовка и два серых френча с накладными карманами. Эти френчи генсек носил не только на даче — именно в них он часто появлялся на публике: во время рабочих встреч, на кремлевских приемах и даже на съездах партии.

Слева в том же отделении висел плащ светло-серого цвета и летнее пальто покроя «реглан». Внизу лежали еще две пары брюк.

В левом отделении шкафа — полки. При жизни Сталина все они, кроме первой и пятой, были застелены салфетками. На верхней полке лежали две шляпы — серая и коричневая. На второй — две стопки носовых платков, клетчатых и белых с каймой. На третьей полке — четыре пары батистовых кальсон и еще несколько платков, на четвертой — батистовые нижние рубашки и две верхних рубашки с манишкой, воротником и манжетами из светло-серого крепдешина. В ящике под полками хранилось несколько пар запасных тапочек.

Гардероб Сталина свидетельствует о консервативности его вкусов в одежде. Вождь в основном придерживался сложившегося в годы Гражданской войны образа. Более того, многие полюбившиеся вещи он носил подолгу. Об этом свидетельствует в своем дневнике М. А. Сванидзе: «…вдруг по коридору прошел он, в летнем пальто, несмотря на холодную сырую погоду (он с трудом всегда меняет по сезонам одежду, долго носит летнее, к которому очевидно привыкает, и та же история весною и также с костюмами, когда они снашиваются и надо надеть новый)»[187].

Теперь мы знаем, что стремление Сталина носить разношенную легкую обувь связано с особенностями анатомического строения его ступней и болезнями. В медицинской карте вождя есть запись: «Сращивание пальцев левой ноги», а в акте патологоанатомического вскрытия значится: «Пальцы правой стопы (первый и второй) слегка разогнуты. Ногти на первом и на втором пальцах стоп утолщены, коротки, сморщены, буроватого цвета. Ногти прочих пальцев стоп бледны и тонки». Здесь мы находим рациональное объяснение одной из легенд о непритязательности вождя: Сталин занашивал обувь до дыр не из скромности, а из опасения, что новая будет причинять боль. В силу своего характера такое глубоко личное дело, как разнашивание обуви, сын грузинского сапожника не мог доверить никому. «Ботинки носил до последней возможности. Другую, новую, неразношенную обувь надевать отказывался из-за больных ног — мешали сросшиеся пальцы на ступне… У англичан принято, чтобы новую обувь для хозяина разнашивали слуги — у нас этого не было», — вспоминал Соловьев.

Сообщение о начале войны вождь, скорее всего, получил именно в спальне.

Широкую известность в свое время получило описание этого события, приведенное в воспоминаниях Жукова. «Нарком приказал мне звонить И. В. Сталину, — читаем в мемуарах маршала. — Звоню. К телефону никто не подходит. Звоню непрерывно. Наконец слышу сонный голос генерала Власика, начальника управления охраны.

— Кто говорит?

— Начальник Генштаба Жуков. Прошу срочно соединить меня с товарищем Сталиным.

— Что? Сейчас?! — изумился начальник охраны. — Товарищ Сталин спит.

— Будите немедля: немцы бомбят наши города, началась война.

Несколько мгновений длится молчание. Наконец в трубке глухо ответили.

— Подождите.

Минуты через три к аппарату подошел И. В. Сталин. Я доложил обстановку и просил разрешения начать ответные боевые действия. И. В. Сталин молчит. Слышу лишь его тяжелое дыхание.

— Вы меня поняли?

Опять молчание.

— Будут ли указания? — настаиваю я.

Наконец, как будто очнувшись, И. В. Сталин спросил:

— Где нарком?

— Говорит по ВЧ с Киевским округом.

— Поезжайте с Тимошенко в Кремль. Скажите Поскребышеву, чтобы он вызывал всех членов Политбюро»[188].

Считается, что приведенный диалог принадлежит перу самого Жукова, но при подготовке прижизненного издания мемуаров подвергся редакторской правке. Из этого делается вывод о достоверности данного эпизода. Однако некоторые детали позволяют усомниться в том, что процитированное описание полностью соответствует действительности. Сомнительным выглядит присутствие ночью на «Ближней» Власика, который к тому же сам, после длительной задержки, отвечает на телефонный звонок. Как мы уже рассказывали, в служебном доме «Ближней» у телефона постоянно дежурили офицеры охраны, и, разумеется, дежурный ответил бы на звонок сразу.

Достоверно известно одно: заседание Политбюро в кремлевском кабинете Сталина началось в 5:45 утра 22 июня. Вслед за вождем туда вошли Молотов, только что побеседовавший с германским послом Шуленбургом, а также Берия, Тимошенко, Мехлис и Жуков.

Жуков утверждал, что Сталин считал начавшиеся военные действия всего лишь провокацией немецких генералов. «Сообщение о том, что немецкие войска на ряде участков уже ворвались на нашу территорию, не убедило его в том, что противник начал настоящую и заранее подготовленную войну. До 6 часов 30 минут он не давал разрешения на ответные действия и открытие огня, а фашистские войска тем временем, уничтожая героические сражавшиеся части пограничной охраны, вклинились в нашу территорию, ввели в дело свои танковые войска и начали стремительно развивать удары своих группировок»[189].

Составленная собравшимися в кабинете вождя директива № 2 наркома обороны[190] предписывала уничтожить силы вторгшегося врага, но самим границы не переходить. Такой приказ свидетельствует о еще теплившейся у Сталина надежде на возможность избежать войны в навязанном ему «формате». В войска директива была направлена в 7 часов 15 минут и в сложившейся ситуации никакой роли сыграть не могла.

Вот что вспоминал о первом дне войны сотрудник сталинской охраны В. Туков: «В 4:30 утра шофер П. Митрюхин подал машину Сталину к главному подъезду на даче. Сталин

вышел в сопровождении В. Румянцева, сел в машину и поехал в Кремль. В 12:00 Сталин приехал на дачу завтракать. Мы в это время в основной машине по приемнику слушали выступление В. Молотова о начале войны.

Сталин за эти дни почернел, осунулся, но не забывал отвечать на наше приветствие. Внешне он был спокоен…»[191].

Рассказ Тукова не вполне соответствует действительности — вряд ли Сталин завтракал на «Ближней». Вновь откроем журнал, в котором фиксировались фамилии посетителей сталинского кабинета, и прочтем запись за 22 июня. В 7 часов 30 минут к собравшимся присоединились Маленков и Вышинский, а еще через полчаса — Микоян, Каганович и Ворошилов. В 8:40 на инструктаж явились Димитров[192] и Мануильский[193], возглавлявшие Исполком Коминтерна. К тому моменту, как Молотов поехал на Центральный телеграф выступать с речью, в кабинете вождя посетителей не осталось: Ворошилов вышел вместе с Молотовым, Берия и Маленков — за пять минут до них, а остальные ушли еще раньше. Однако Вячеслав Михайлович вернулся уже через 20 минут, в 12:25, а через 5 минут в кабинет снова вошли Ворошилов с Микояном. Конечно, нам известно, что дорога на дачу занимала не более десяти минут, а обслуживающий персонал держал все необходимое для трапезы наготове. Но все-таки времени на завтрак в этом случае практически бы не осталось, поэтому логичней предположить, что Сталин перекусил, не покидая Кремля.

Безусловно, в первые дни войны Сталин действительно курсировал между «Ближней» и Кремлем, ведь ежедневно он вызывал туда членов Политбюро, военных, конструкторов. Это документально подтверждено журналом записи лиц, принятых Сталиным в кремлевском кабинете. Напряженную работу прервал срыв, о котором мы уже вам рассказывали в главе, посвященной Малой столовой.

Со сталинской спальней связано и одно из важных событий конца войны: именно в этой комнате Сталин получил информацию о смерти Гитлера. Вождь большевиков узнал о самоубийстве вождя нацистов от Жукова. В 3 часа 50 минут 1 мая на командный пункт 8-й гвардейской армии доставили парламентера. Им был начальник генштаба сухопутных сил генерал Кребс[194]. Генерал был уполномочен вести переговоры о перемирии и сообщил, что фюрер покончил с собой. В 4 часа командарм Чуйков[195] доложил обо всем Жукову. Тот сразу же связался со Сталиным и услышал в ответ: «Доигрался, подлец. Жаль, что не удалось взять его живым». Тут же вождь поинтересовался, где труп. Жуков доложил, что, по утверждению Кребса, труп Гитлера сожжен на костре.

3 мая Сталину стали известны и подробности. Жуков и Телегин[196] прислали по ВЧ шифротелеграмму об обнаружении трупов генерала Кребса и семьи Геббельса[197].

Полученные сведения вождь по какой-то причине не передал союзникам. Напротив, почти месяц спустя, 26 мая, на встрече с представителем Трумэна Гопкинсом, Сталин утверждал, что Гитлеру, Геббельсу, Борману и, вероятно, Кребсу удалось покинуть Берлин и скрыться. Впоследствии аналогичные заявления генсек делал неоднократно, несмотря на то что уже получил от подчиненных доклады о результатах опознаний и протоколы допросов охранников, врачей, шеф-повара рейхсканцелярии и дантиста фюрера. 9 июня версию Сталина об участи Гитлера публично повторил и Жуков. На пресс-конференции маршал заявил: «Опознанного трупа Гитлера мы не нашли. Сказать что-либо утвердительно о судьбе Гитлера я не могу. В самую последнюю минуту он смог улететь из Берлина, так как взлетные дорожки позволяли это сделать»[198]. Очевидно, подобное заявление Жуков не мог сделать по собственной инициативе. Какие цели преследовал Сталин, скрывая от союзников доказательства того, что Гитлер мертв, неизвестно. Документальных свидетельств его намерений пока не выявлено. В последнее время распространяется версия, согласно которой Сталин узнал от глубоко законспирированных агентов, подотчетных лично ему, о том, что Гитлеру удалось эвакуироваться из осажденного советскими войсками Берлина, а отравлен и сожжен был его двойник. Однако документов, подтверждающих эту версию, не приводится.

* * *

И вот мы в Большом зале. На множестве известных фотографий эта гигантская, площадью 155 м^2, комната предстает перед нами во всем ее великолепии. Фотографы, сделавшие эти кадры, располагались у дверей в прихожую. Объектив захватывал три восьмирожковых люстры, дорогое дерево потолка и стен, подсвеченное восемью двойными бра. Высокие, почти под самый потолок, окна занавешены белыми шторами.

Длинный стол с массивными ножками на громадном ковре в центре зала окружен двумя десятками стульев. Дальняя стена завершает зал полукругом. Вдоль боковых стен диваны и кресла с серо-голубой обивкой.

Вызвав звонком подавальщиц, генсек требует завтрак. Уточняя, где накрывать, Матрена Бутусова спрашивает: «В Большой столовой?» Хозяин поправляет забывшуюся официантку[199]. Накрывают ему, как он любит, на краешке гигантского стола.

За этим же столом генсек пировал с соратниками и зарубежными гостями. Описание сталинских застолий оставили многие современники: Микоян и Хрущев, Конев и Штеменко, Ильичев[200] и Чадаев, Джилас и Ракоши… Расходясь в деталях, они живописуют сходные картины.

В общественном сознании бытуют два мифа. Согласно одному, генсек пил давно и беспробудно. Другой миф рисует образ вождя-трезвенника. Давайте обратимся к свидетельствам очевидцев и попробуем разобраться, что же было на самом деле.

Дадим слово Штеменко, впервые попавшему на «Ближнюю» в годы войны. «Обед у Сталина, даже очень большой, всегда проходил без услуг официантов. Они только приносили в столовую все необходимое и молча удалялись. На стол заблаговременно выставлялись и приборы, хлеб, коньяк, водка, сухие вина, пряности, соль, какие-то травы, овощи и грибы. Колбас, ветчин и других закусок, как правило, не бывало. Консервов он не терпел.

Первые обеденные блюда в больших судках располагались несколько в стороне на другом столе. Там же стояли стопки чистых тарелок.

Сталин подходил к судкам, приподнимал крышки и, заглядывая туда, в слух говорил, ни к кому, однако, не обращаясь:

— Ага, суп… А тут уха… Здесь щи… Нальем щей, — и сам наливал, а затем нес тарелку к обеденному столу.

Без всякого приглашения то же делал каждый из присутствовавших, не зависимо от своего положения. Наливали себе кто что хотел. Затем приносили набор вторых блюд, и каждый так же сам брал из них то, что больше нравится. Пили, конечно, мало, по одной–две рюмки. В первый раз мы с Антоновым[201] не стали пить совсем. Сталин заметил это и, чуть улыбнувшись, сказал:

— По рюмке можно и генштабистам.

Вместо третьего чаще всего бывал чай. Наливали его из большого, кипящего самовара, стоявшего на том же отдельном столе. Чайник с заваркой подогревался на конфорке.

Разговор во время обеда носил преимущественно деловой характер, касался тех же вопросов войны, работы промышленности и сельского хозяйства. Говорил больше Сталин, а остальные лишь отвечали на его вопросы. Только в редких случаях он позволял себе затрагивать какие-то отвлеченные темы»[202].

Порядок самообслуживания и отсутствие официантов, сервировку стола и длительность трапез — все это подтверждает Джилас, впервые столовавшийся у генсека в 1944 году. «В просторной, без украшений, но отделанной со вкусом столовой на передней половине длинного стола были расставлены разнообразные блюда в подогретых и покрытых крышками тяжелых серебряных мисках, а также напитки, тарелки и другая посуда. Каждый обслуживал себя сам и садился куда хотел вокруг свободной половины стола. Сталин никогда не сидел во главе, но всегда садился на один и тот же стул: первый слева от главы стола.

Выбор еды и напитков был огромным — преобладали мясные блюда и разные сорта водки. Но все остальное было простым, без претензии. Никто из прислуги не появлялся, если Сталин не звонил, а понадобилось это только один раз, когда я захотел пива. Войти в столовую мог только дежурный офицер. Каждый ел, что хотел и сколько хотел, предлагали и понуждали только пить — просто так и под здравицы.

Такой ужин длился по шести и более часов — от десяти вечера до четырех–пяти часов утра. Ели и пили не спеша, под непринужденный разговор, который от шуток и анекдотов переходил на самые серьезные политические и даже философские темы…

На этих ужинах советские руководители были наиболее близки между собой, наиболее интимны. Каждый рассказывал о новостях своего сектора, о сегодняшних встречах, о своих планах на будущее. Богатая трапеза и большое, хотя не чрезмерное, количество алкоголя оживляли дух, углубляли атмосферу сердечности и непринужденности. Неопытный посетитель не заметил бы почти никакой разницы между Сталиным и остальными. Но она была: к его мнению внимательно прислушивались, никто с ним не спорил слишком упрямо — все несколько походило на патриархальную семью с жестким хозяином, выходок которого челядь всегда побаивалась»[203].

Две террасы второго этажа, прямо — двери в спальню.

Ракоши и особенно Джилас, менее скованные в оценках, нежели Штеменко, сообщают любопытные детали. Первый подчеркивал непринужденную обстановку застолий: «…рассказывались анекдоты, нередко даже сальные, под громкий смех присутствующих». Лидеру венгерских коммунистов даже удалось удивить сталинское окружение: однажды они безуспешно попытались его напоить.

Джилас упоминал о самых фантастических предлогах, под которыми генсек заставлял своих сотрапезников напиваться[204]. Каждый из присутствовавших должен был назвать температуру воздуха на улице, а затем в виде штрафа выпить столько стопок водки, на сколько градусов он ошибся. «Сталин и раньше любил хорошо поесть, но теперь он проявлял такую прожорливость, словно боялся, что ему не достанется любимое блюдо. Пил же он сейчас, наоборот, меньше и осторожнее, как бы взвешивая каждую каплю, — чтобы она не повредила… Непостижимо, насколько он изменился за два–три года. Когда я видел его в последний раз, в 1945 году, он был еще подвижным, с живыми и свежими мыслями, с острым юмором… Сейчас он смеялся над бессмысленными и плоскими шутками, а политический смысл, рассказанного мною анекдота, в котором он перехитрил Черчилля и Рузвельта, не только до него не дошел, но мне показалось, что он по-старчески обиделся, — на лицах присутствующих я увидел неловкость и озадаченность.

В одном лишь он был прежним Сталиным: резкий, острый, подозрительный при любом несогласии с ним. Он прерывал даже Молотова, и между ними чувствовалась напряженность. Все ему поддакивали, избегая излагать свое мнение прежде, чем он выскажет свое, спешили с ним согласиться»[205].

Если сопоставить приведенные выше рассказы с описаниями сталинских застолий, которые оставили Мария Анисимовна Сванидзе и Микоян, то вырисовывается следующая картина. Увеличивший после смерти жены потребление спиртного вождь с годами постепенно его сокращал. А вот ел, напротив, он все больше и больше. Подтверждают такую оценку и сотрудники охраны вождя. Неизменным осталось одно: генсек по-прежнему продолжал спаивать своих гостей и соратников. Хрущев однажды в порыве откровенности, как это с ним нередко бывало, поведал собравшимся на одном из пленумов

Тамбур и коридор второго этажа.

такой пикантный штрих из придворной жизни: «…я не могу простить, не могу забыть, когда с фронта приедешь к Сталину, стыдно было в машине, в самолете появляться. Там же люди провожают, они не знают, что меня через клизму накачали коньяком и всякой дрянью, но не пить нельзя. Вот так решались государственные вопросы, а вы говорите — Хрущев несдержанно критикует Сталина. Я не хочу все в кучу свалить, здесь были невероятные мучения для народа»[206]. (Естественно, столь скандальные откровения не могли быть обнародованы более широко, поэто-

му при подготовке стенографического отчета пленума, рассылавшегося по крайкомам и обкомам, помощники Хрущева вычеркнули этот пассаж.) Тито, который, по словам Джиласа, не мог выносить большого количества спиртного, как-то после ужина на «Ближней» заметил: «Не знаю, что за черт с этими русскими, что они так пьют — прямо какое-то разложение!»

Тем не менее было бы упрощением воспринимать сталинские «обеды» только как «пиры Валтасара». Как видим, за трапезой он вел переговоры, в неформальной обстановке обрабатывая гостей-собеседников, выслушивал доклады соратников, обкатывал на них какие-то идеи. Кроме того, поскольку вождю было свойственно держать все, что он считал нужным, под контролем, то по заведенному порядку и во время застолий ему докладывали о том, что требовало его внимания. Например, во время ужина с Джиласом Сталину принесли две телеграммы, с содержанием которых он тут же ознакомился. Одна телеграмма — о югославских делах, вторая — о планируемой на следующий день высадке союзников в Нормандии. Сталин не преминул высмеять задержку открытия второго фронта: де-мол, наверняка союзникам что-нибудь помешает. «Они ведь могут натолкнуться на немцев! — шутил вождь. — Что, если они натолкнутся на немцев? Высадки, может, и не будет, а как до сих пор — обещания».

Джиласу запомнилась твердая убежденность вождя установить на освобожденных от вермахта территориях свои порядки. «В этой войне не так, как в прошлой, а кто занимает территорию, насаждает там, куда приходит его армия, свою социальную систему. Иначе и быть не может», — подчеркнул Сталин существенную особенность идущей войны[207].

О необычном вызове на «Ближнюю» в канун Нового, 1945 года, рассказал Штеменко. Генсек обставил приглашение со свойственной ему таинственностью: распорядился через Поскребышева, чтоб генштабисты явилась на «Ближнюю» к половине двенадцатого без карт и документов. Генералы, обычно приезжавшие на доклад в более позднее время, по дороге ломали головы, зачем их вызвали, ведь на праздники их никогда раньше не приглашали.

«За несколько минут до двенадцати все вместе прибыли члены Политбюро[208] и с ними некоторые наркомы. Я запомнил только Б. Л. Ванникова и В. А. Малышева. А всего собралось человек двадцать пять мужчин и одна–единственная женщина — жена присутствовавшего здесь же Генерального секретаря Итальянской коммунистической партии Пальмиро Тольятти.

…Хозяин не соблюдал строгого ритуала: после нескольких тостов поднялся из-за стола, закурил трубку и вступил в беседу с одним из гостей. Остальные не преминули воспользоваться свободой, разбились на группы, послышался смех, голоса стали громкими.

С. М. Буденный внес из прихожей баян, привезенный с собой, сел на жесткий стул и растянул меха. Играл он мастерски. Преимущественно русские народные песни, вальсы и польки. Как всякий истый баянист, склонялся ухом к инструменту. Заметно было, что это любимое его развлечение.

К Семену Михайловичу подсел К. Е. Ворошилов. Потом подошли и многие другие.

Когда Буденный устал играть, Сталин завел патефон. Пластинки выбирал сам. Гости пытались танцевать, но дама была одна, и с танцами ничего не получилось. Тогда хозяин дома извлек из стопок пластинок „Барыню“. С. М. Буденный не усидел — пустился в пляс. Плясал он лихо, вприсядку, с прихлопыванием ладонями по коленям и голенищам сапог. Все от души аплодировали ему.

Гвоздем музыкальной программы были записи песен в исполнении ансамбля профессора А. В. Александрова. Эти песни все мы знали и дружно стали подпевать.

Возвращались из Кунцева уже около трех часов ночи»[209].

Из мемуаров Джиласа известно, что иногда в пляс пускался и сам гостеприимный Хозяин: «Он пытался и танцевать, как на своей родине, — видно было, что он не лишен чувства ритма, но вскоре он остановился, сказав удрученно:

— Стареем, и я уже старик!

Но его помощники — чтобы не сказать бояре — начали его убеждать:

— Ах, нет, что вы! Вы прекрасно выглядите, вы прекрасно держитесь, ей-богу, для ваших лет…»[210].

Практически все современники отмечали, что генеральный секретарь был в высшей степени требователен и суров, когда речь шла о точном, своевременном и безусловном выполнении его приказов. Сошлемся на наркома вооружений времен войны Устинова. Он рассказывал, как однажды доложил Верховному, что заводами изготовлено 9997 винтовок вместо 10 000 запланированных. В ответ Сталин заявил:

«Если подобный доклад повторится, то наркома Устинова больше не будет»[211].

Сталинский выдвиженец Малышев так записал впечатления от очередного визита на «Ближнюю» в феврале 1942 года. «На днях был с Котиным[212] на даче у т. Сталина. Сперва был разговор о танках КВ. Т. Сталин упрекал нас в том, что мы не дали вовремя отпора предложениям по увеличению веса танка КВ. „Мы делали ошибки, в том числе и я, — сказал т. Сталин, — а вы нас не одернули".

Потом ужинали у т. Сталина и сидели до 8 ч. утра»[213].

Несколько строчек из дневника наркома дают богатую пищу для размышлений о вожде. Вот какие выводы сделал на основании подобных фактов его главный телохранитель. «Спал он вообще очень мало, а во время войны иногда и совсем не ложился, приляжет днем часа на два и то просит Поскребышева разбудить его при малейшей необходимости… — вспоминал Власик. — Наблюдая за ним в эти трудные годы, я поражался его работоспособности. Как я уже говорил, он очень мало спал, напряжение было огромное, а годы у него были уже немолодые, все это не могло не отразиться в дальнейшем на его здоровье и нервах»[214].

С Власиком безусловно следует согласиться: нервное напряжение тех лет, несоблюдение режима труда и отдыха подорвали здоровье вождя. Попробуем все же поглубже проанализировать малышевскую запись, тем более что мы обещали рассказать об ошибках вождя, которые он допускал в наставлениях конструкторам танков. Прежде всего, бросается в глаза, как Сталин, верный своей манере объявлять других виновными в просчетах, журит Малышева. Но в данном случае нас в первую очередь интересует не это. Давайте посмотрим, что вменяет в вину конструкторам и управленцам Верховный и насколько справедливы его упреки.

Вождь утверждает: танк КВ якобы имеет лишний вес. Откуда взялось это мнение? Известно, что эксплуатация в боевых условиях выявила недостатки ходовой части КВ: она не обеспечивала машине должной маневренности. Вес КВ действительно в определенном смысле оказался слишком велик. Но дело в том, что сам по себе вес для тяжелого танка не столь и значим — до определенных пределов. Если у машины надежный двигатель и хорошая ходовая часть, фактор веса в большинстве случаев не имеет решающего значения.

Судя по дневниковым записям, Малышев не спорит с Верховным, даже не пытается объяснить ему особенности применения тяжелых танков. (Выходит, прав был Конев, когда говорил о том, что вождю можно было втереть очки!) А генсек, так как не хватает специальных познаний, гнет свою линию: танк слишком тяжел, снижайте вес (даже за счет уменьшения толщины брони!) — хотя и требует помимо этого, как видно из последующих записей наркома, модернизировать ходовую часть. В результате КВ так и не доработали как следует: скорость и проходимость возросли, но незначительно, броневая защита серьезно ухудшилась, а новым немецким машинам КВ-1С (так именовался серийный модернизированный КВ) эффективно противостоять не мог. В очередной раз убеждаемся, что в деятельности «вождя всех времен и народов», как у остальных смертных, разумные действия соседствуют с неверными решениями. Разница в цене ошибок: в первом случае она многократно возрастает.

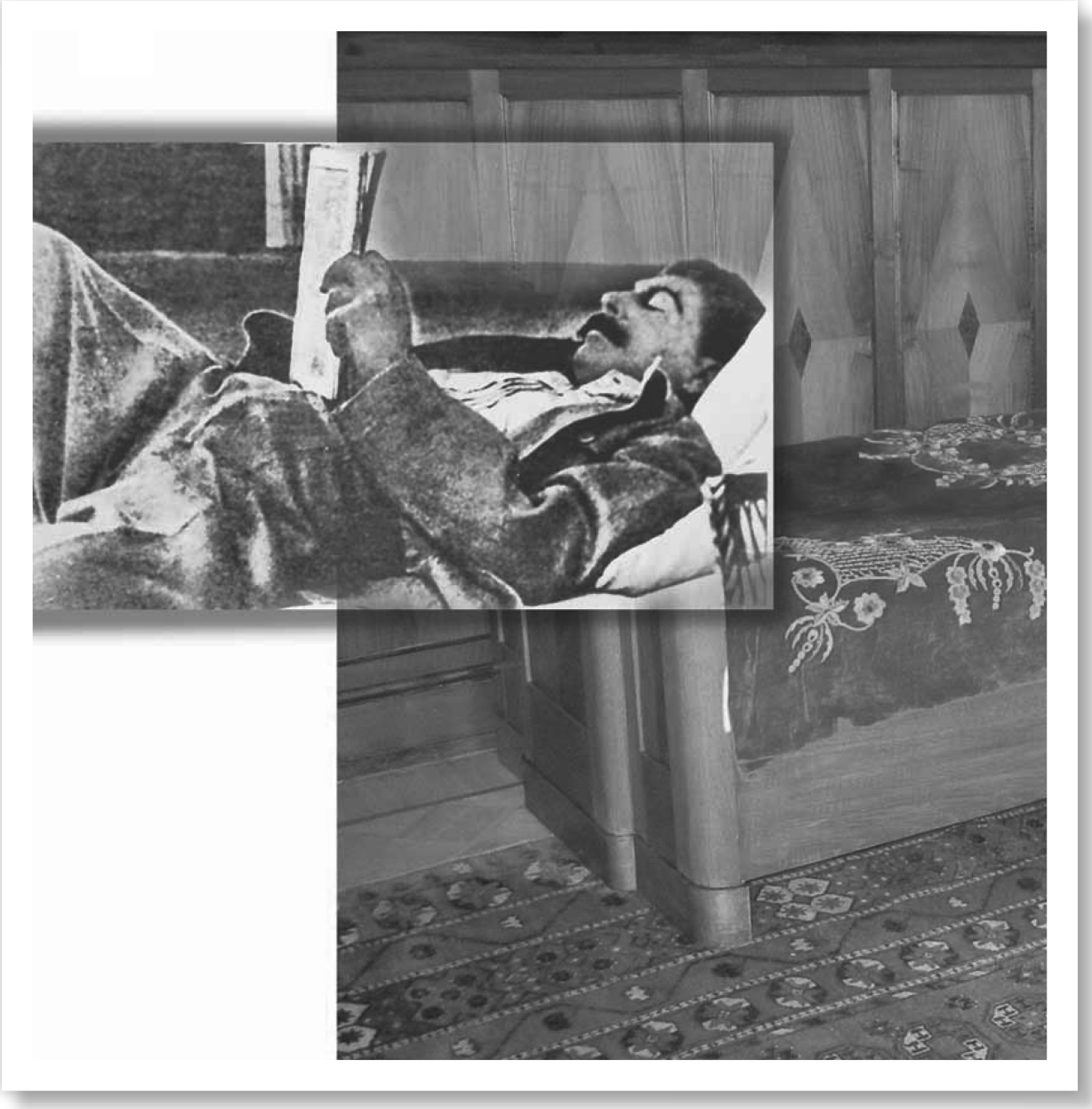
Как видим, «Ближняя» использовалась вождем для работы и отдыха не менее интенсивно, нежели кремлевские апартаменты. Отсюда он так же часто, как из кремлевского кабинета, звонил по ВЧ в обкомы партии, директорам и главным конструкторам ведущих оборонных предприятий, командующим фронтами. Сверхцентрализация управления прослеживается на каждом шагу. Вот еще один из примеров: перед нами телеграмма Сталина от 17 сентября 1941 года.

«СВЕРДЛОВСК УРАЛМАШЗАВОД ДИРЕКТОРУ МУЗРУКОВУ ГЛАВНОМУ ИНЖЕНЕРУ РЫЖКОВУ

Прошу вас честно и в срок выполнять заказы по поставке корпусов для танка КВ Челябинскому тракторному заводу. Сейчас я прошу и надеюсь, что вы выполните долг перед родиной. Через несколько дней, если вы окажетесь нарушителями своего долга перед родиной, начну вас громить как преступников, пренебрегающих честью и интересами своей родины. Нельзя терпеть, чтобы наши войска страдали на фронте от недостатка танков, а вы в далеком тылу прохлаждались и бездельничали.

И. Сталин»[215].

Милость могла дароваться столь же быстро, как и опала. Решивший вновь использовать арестованного Ванникова председатель Государ-

Кровать и тумбочка с ночником. Вождь, как и его подданные, любил почитывать лежа.

ственного комитета обороны приказал доставить его к себе. В ходе беседы вызвал Поскребышева, продиктовал ему текст постановления ГКО, которое тут же подписал:

«ГКО удостоверяет, что тов. Ванников Борис Львович был временно подвергнут аресту органами НКГБ. Как это выяснилось теперь, по недоразумению, что т. Ванников считается в настоящее время полностью реабилитированным. Т. Ванников Постановлением ЦК ВКП(б) назначен заместителем наркома вооружения и по распоряжению ГКО должен немедленно приступить к работе в качестве зам. наркома вооружения.

20 июля 1941 г.

Председатель ГКО И. Сталин»[216].

* * *

На второй день после смерти Сталина персоналу, обслуживавшему дачу, объявили, что имущество, имеющееся на объекте, должно быть подготовлено к вывозу. Через несколько дней после похорон на «Ближнюю» за своими личными вещами приехал сын генсека. Берии доложили, что Василий забрал велосипед, патефон с пластинками и какие-то мелочи. В тот же день Хрусталев, распорядившийся пропустить его на объект, был арестован[217].

25 марта Берия, игравший ключевую роль в сформировавшемся властном триумвирате, провел решение, по которому охрана дачи была расформирована, а ее функции отданы вахтерам

из МВД. В апреле был уволен весь обслуживающий персонал. «Ближнюю» передали на баланс Министерства здравоохранения СССР. На территории объекта №101, как значилось в документах, планировалось разместить детский санаторий имени Сталина Главного курортно-санаторного управления Минздрава.

Решения XX съезда, принятые вслед за ними постановления ЦК сделали невозможным само существование музея. Работы на мемориальном объекте были прекращены. В апреле 1956 года «Ближняя» становится спецдачей ЦК КПСС «Волынское». Здесь корпели над проектами постановлений ответственные работники партийного аппарата и периодически проживали члены делегаций братских компартий зарубежных стран.

В 1990 году спецдача «Волынское» вновь поступает в распоряжение 9-го управления КГБ СССР, а затем становится объектом «Волынское-1».

С течением времени терялись некоторые детали того исторического облика «Ближней», которые существовали при жизни ее первого хозяина. Из подлинных вещей того периода остались лишь мебель, столовые приборы, посуда и небольшая часть подарков в нескольких комнатах. За эти десятилетия бесследно исчезли лимонарий, многочисленные цветники и молодые посадки, виноградник: содержание огромного парка и теплиц обходилось слишком дорого. Частично были перестроены внутренние помещения русской бани. В первозданном виде остались бильярдный зал и Малый дом.

В конце 1980-х годов на территории парка по распоряжению Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева был построен новый особняк. Впрочем, последнему главному партийному руководителю Советского Союза так и не удалось пожить в этом доме. Лишь несколько раз здание использовалось для представительских встреч.

---

1 См.: Правда. 1953. 4 марта.

2 Семейный архив А. Н. Шефова.

3 Джилас М. Беседы со Сталиным. М. 1992. С. 49–50.

4 Там же. С. 55.

5 Паукер К. В. (1893–1937) — в 1920 году уполномоченный иностранного отдела, следователь, сотрудник для поручений особого отдела ВЧК, в январе–декабре 1921 года помощник начальника 15-го специального отделения особого отдела ВЧК, в 1921–1922 годах начальник 15-го специального отделения особого отдела ВЧК— ГПУ, в 1922–1923 годах заместитель начальника оперативного отдела ВЧК — ГПУ, в 1923–1934 годах начальник оперативного отдела ГПУ — ОГПУ СССР, в 1934–1936 годах начальник оперативного отдела ГУГБ НКВД СССР, в ноябре–декабре 1936 года начальник отдела охраны ГУГБ НКВД СССР, в 1936–1937 годах начальник 1-го отдела ГУГБ НКВД СССР. В апреле 1937 года арестован, 14 августа 1937 года приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания. Не реабилитирован.

6 Демьян Бедный (Придворов Е. А.) (1883–1945) — поэт, член партии большевиков с 1912 года.

7 Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива. Сб. документов. Берлин. Чикаго. Токио. Москва. 1993. С. 160.

8 В конце 40-х годов шапку из чернобурок по просьбе вождя остригли. Для этого усадили перед зеркалом офицера с подходящим размером головы (53–54), надели на него шапку и остригли мех машинкой для стрижки волос.

9 В архиве сохранилась фотография, на которой Матвеев бреет С. Ф. Кузьмичева, одного из руководителей сталинской охраны. Видимо, после такой проверки Матвеев и был допущен к Хозяину.

10 Согласно журналу записи лиц, принятых Сталиным, 16 сентября 1942 года приема в Кремле он не вел. 17 сентября прием посетителей начался в 21 час 50 минут (Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина. Журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком. 1924–1953 гг. // Исторический архив. 1996. № 3).

11 Сталинградская эпопея. Материалы НКВД и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М. 2000. С. 208, 204–207.

12 Семейный архив А. Н. Шефова.

13 Ветераны охраны утверждают, что на глобусе были отображены залежи полезных ископаемых.

14 Микоян А. И. Так было. Размышления о минувшем. М. 1999. С. 607.

15 Из беседы с Н. И. Бурмистровым, помощником секретаря ЦК КПСС Н. И. Беляева в 1964 году. Семейный архив А. Н. Шефова.

16 В 1956 году пули от винчестера были найдены в стволах спиленных деревьев.

17 Из беседы с И. М. Орловым. Семейный архив А. Н. Шефова.

[18] Михоэлс (Вовси) С. М. (1890–1948) — актер, режиссер, педагог, народный артист СССР, с 1929 года художественный руководитель Московского государственного еврейского театра.

[19] Заковский Л. М. (Штубис Г. Э.) (1894–1938) — в 1926–1930 годах начальник особого отдела Сибирского военного округа, в 1930–1932 годах полпред ОГПУ по Западно-Сибирскому краю, в 1932–1934 годах полпред ОГПУ по БССР — председатель ГПУ БССР, в июле–декабре 1934 года нарком внутренних дел БССР, в 1934–1938 годах начальник УНКВД Ленинградской области, в январе–марте 1938 года начальник УНКВД Московской области, в январе–апреле 1938 года заместитель наркома внутренних дел СССР, одновременно начальник Управления особого отдела НКВД СССР, с 20 апреля 1938 года начальник строительства Куйбышевского гидроузла НКВД СССР. 30 апреля 1938 года арестован и в августе 1938 года приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания. Не реабилитирован.

[20] Литвин М. И. (1892–1938) — в 1932–1933 годах заместитель заведующего распределительным отделом ЦК ВКП(б), в 1933–1936 годах заведующий отделами кадров, промышленно-транспортным и сельскохозяйственным ЦК КП(б) Украины, затем второй секретарь Харьковского обкома КП(б) Украины, в 1936–1937 годах начальник отдела кадров НКВД СССР, в 1937–1938 годах начальник 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР, начальник УНКВД Ленинградской области. Покончил жизнь самоубийством.

[21] Успенский А. И. (1902–1940) — в 1934–1935 годах заместитель начальника УНКВД Московской области, в 1935–1936 годах заместитель коменданта Московского Кремля по внутренней охране, с 1936 года заместитель начальника УНКВД Западно-Сибирского края, с марта 1937 года начальник УНКВД Оренбургской области, в январе–ноябре 1938 года нарком внутренних дел Украинской ССР. В ноябре 1938 года бежал из Киева и нелегально проживал под Москвой, в апреле 1939 года арестован и 27 января 1940 года приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания. Не реабилитирован.

[22] Служба безопасности. 1996. № 5–6.

[23] См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 216–220.

[24] Последний перед перерывом прием посетителей Сталин провел вечером 28, а не 29 июня. В 19 часов 35 минут к нему в кремлевский кабинет явились Молотов, Маленков и Буденный, который удалился через 15 минут. В 19:45 Поскребышев начал запускать в кабинет посетителей рангом ниже. Первым на 20 минут вошел первый заместитель наркома внутренних дел Меркулов, за ним зашел и почти тут же вышел Булганин, вероятно, получив от вождя какое-то задание. Следом на ковер вызвали начальника Главного управления ВВС Жигарева и конструктора артиллерийского вооружения Петрова, потом военных — Тимошенко, Жукова и Голикова. Словом, прием шел в обычном ритме. Берия появился в 22:40, а Микоян — в 23:30. К этому моменту уже ушел Маленков. В кабинете до конца приема оставались Молотов, Берия и Микоян, которые вышли вместе со Сталиным в 0 часов 50 минут. Не исключено, что именно тогда они и отправились вНаркомат обороны, где вождь устроил выволочку военным, живо описанную Микояном.

Еще один свидетель кремлевских событий управляющий делами Совнаркома СССР Я. Е. Чадаев подтверждал и поездку Сталина со товарищи в Наркомат обороны, и растерянность генсека, замкнувшегося на «Ближней». Правда, Чадаев, видевший в окно, как Сталин, Молотов и Берия садились в машину, утверждал, что было это по окончании утреннего заседания Политбюро 27 июня. Теперь же известно, что генсек в тот день приехал в Кремль к 16 часам и около 3 ночи уехал на дачу, а на следующий день, 28 июня, появился в кремлевском кабинете, как уже было сказано, только в восьмом часу вечера.

[25] Тимошенко С. К. (1895–1970) — в 1938–1939 годах командующий войсками Киевского особого военного округа, в 1939–1940 годах командующий Северо-Западным фронтом, в 1940–1941 годах нарком обороны СССР, в 1941–1943 годах заместитель наркома обороны СССР, в 1945–1946 годах командующий войсками Барановичского, в 1946, 1949–1960 годах Белорусского, в 1946–1949 годах Южно-Уральского военных округов. С 1960 года в Группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

[26] Ватутин Н. Ф. (1901–1944) — с июня 1941 года начальник штаба Северо-Кавказского фронта, заместитель начальника Генерального штаба, с 1942 года командующий войсками Воронежского, Юго-Западного фронтов, с октября 1943 года — 1-го Украинского фронта. 29 февраля 1944 года тяжело ранен, 14 апреля скончался.

[27] Микоян А. Так было. Размышления о минувшем. М. 1999. С. 389–390.

[28] Чадаев Я. Е. (1904–1985) — в 1937–1938 годах заместитель председателя, в 1938–1939 годах председатель Госплана РСФСР, одновременно заместитель Председателя Совнаркома СССР, в 1939–1940 годах заместитель председателя Комитета советского контроля при Совнаркоме СССР, в 1940–1949 годах управляющий делами Совнаркома (Совета Министров) СССР, в 1949–1950 годах заместитель председателя, в 1950–1957 годах председатель Госплана РСФСР, в 1957–1962 годах первый заместитель председателя, заместитель председателя Госплана РСФСР, в 1962–1975 годах заместитель председателя Госплана СССР, с 1975 года на пенсии.

[29] Вознесенский Н. А. (1903–1950) — член Политбюро ЦК ВКП(б) — КПСС в 1947–1949 годах. В 1935–1937 годах заместитель председателя Ленинградского горисполкома, в 1937–1938 годах заместитель председателя, в 1938–1941, 1942–1949 годах председатель Госплана СССР, одновременно в 1941–1949 годах заместитель, первый заместитель Председателя Совнаркома (Совета Министров) СССР, в 1942–1945 годах член ГКО.

В 1949 году арестован и 1 октября 1950 года расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. Реабилитирован 30 апреля 1954 года, в партийном порядке — Комитетом партийного контроля при ЦК КПСС 26 февраля 1988 года.

[30] Вот и еще одна загадка «Ближней». Почему на звонок Вознесенского не ответил дежурный офицер охраны? Ведь, как мы знаем, все звонки к Сталину шли через дежурного.

[31] Радзинский Э. Сталин. М. 1997. С. 502.

[32] Молотов рассказывал: «Сталин сказал, что можно построить коммунизм в одной стране. Это, конечно, противоречит марксизму-ленинизму. На XVIII съезде. Я и тогда был против этого, но промолчал. А как сделать? Просто меня бы как пушинку вышибли, все — ура, ура! — всем хочется коммунизма. Сталин хотел показать, что он шаг вперед делает» (Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М. 1991. С. 425). Такие же доводы неоднократно приводил и Хрущев.

[33] См.: Чуев Ф. Так говорил Каганович. Исповедь сталинского апостола. М. 1992. С. 88.

[34] Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М. 1991. С. 329–330.

[35] Микоян А. Так было. Размышления о минувшем. М. 1999. С. 391.

[36] Утверждают, что Вознесенский произнес в ходе описываемых событий фразу, обращенную к Молотову: «Вячеслав, иди вперед, мы пойдем за тобой». Ее трактовали в узком смысле: Молотову нужно первому войти к уединившемуся Сталину, — и в широком: в том случае, если генсек будет не способен к руководству, то ГКО должен возглавить Молотов, правая рука Сталина и его очевидный в глазах народа наследник. Опасные слова Вознесенского не прошли даром ни для него (но это будет позднее, в 1949 году), ни для Молотова, которого Сталин часами держал при себе, в кремлевском кабинете. Микоян так прокомментировал ситуацию, сложившуюся вокруг Молотова: «Внешне это создавало ему особый престиж, а на деле Сталин изолировал его от работы, видимо, он ему не совсем доверял: как бы второе лицо в стране, русский, не стал у него отбирать власть» (Микоян А. Так было. М. 1999. С. 463).

[37] Подтвердил факт поездки членов Политбюро на «Ближнюю» и еще один непосредственный участник событий — Лаврентий Берия. Во втором письме в ЦК, написанном под арестом в июне 1953 года, он, обращаясь к Молотову, напоминал: «…Вы прекрасно помните, когда в начале войны, было очень плохо и после нашего разговора с т-щем Сталиным у него на ближней даче [курсив наш; вот очередная загадка «Ближней»: выходит, что был еще один визит членов Политбюро к генсеку, до 30 июня, который не зафиксирован в других источниках. — *Авт.*]. Вы поставили вопрос ребром у Вас в кабинете в Совмине, что надо спасать положение, надо немедленно организовать центр, который поведет оборону нашей родины, я Вас тогда целиком поддержал и предложил Вам немедля вызвать на совещание т-ща Маленкова Г. М., а спустя небольшой промежуток времени подошли и другие члены Политбюро, находившиеся в Москве. После этого совещания мы все поехали к т-щу Сталину и убедили его [в — *Авт.*] немедленном [так в документе. — *Авт.*] организации Комитета Обороны Страны со всеми правами» (Источник. 1994. № 4).

[38] Микоян А. Так было. Размышления о минувшем. М. 1999. С. 391.

[39] Молотов так характеризовал своего коллегу по узкому составу Политбюро ЦК: «Маленков — очень хороший исполнитель, «телефонщик», как мы его называли, — он всегда сидел на телефоне: где что узнать, пробить, это он умел. По организационно-административным делам, кадры перераспределить — это Маленков. Передать указание на места, договориться по всем вопросам. Он нажимал — оперативная работа. Очень активный, живой, обходительный. В главных вопросах отмалчивался» (Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М. 1991. С. 336). В фондах Политбюро ЦК часто встречаются черновики партийных документов, написанные рукой Маленкова.

[40] Так в документе.

[41] Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 198.

[42] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1317. Л. 21.

[43] Настенные светильники были смонтированы в 1951 году.

[44] Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М. 2000. С. 126.

[45] Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М. 2000. С. 150–151.

[46] Каплер А. Я. (1904–1979) — киносценарист, актер и режиссер, в 1939–1941 годах преподаватель ВГИКа. Обвиненный в том, что «будучи антисоветски настроенным, вел в своем окружении враждебные разговоры и клеветал на руководителей ВКП(б) и Советского правительства… поддерживал близкую связь с иностранцами, подозрительными по шпионажу», Каплер был сослан на 5 лет в Воркуту, где работал в местном театре. После ссылки был приговорен к 5 годам исправительно-трудовых лагерей за то, что приехал в столицу вопреки запрету. Освобожден в июле 1953 года.

[47] Там же. С. 161–162.

[48] Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М. 2000. С. 162.

[49] Там же. С. 165.

[50] Морозов Г. И. (1922–2004) — юрист-международник, главный научный сотрудник НИИ мировой экономики и международных отношений РАН.

[51] Подробнее об этих «делах» и их подоплеке см.: Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М. 2001.

[52] Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М. 2000. С. 167.

[53] Там же. С. 167.

[54] Сохранилось письмо Аллилуевой отцу, датированное 28 октября 1952 года, в котором она просит соизволения на свидание.

«Дорогой папа!

Мне очень хочется повидать тебя. Никаких „дел" или „вопросов" у меня нет, просто так. Если бы ты разрешил,

и если это не будет тебе беспокойно, я бы просила позволить мне провести у тебя на Ближней два дня из ноябрьских праздников — 8-е и 9-е ноября.

Если можно, я захватила бы своих детишек — сына и дочку. Для нас это был бы настоящий праздник.

У меня все хорошо, устроилась я в городе удобно и очень благодарна за ту помощь, которую мне оказали.

Целую тебя, папа.

Очень жду твоего согласия.

Светлана» (Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива. Сб. документов. Берлин. Чикаго. Токио. Москва. 1993. С. 104).

[55] В письме говорилось: «Приношу глубокую благодарность правительству и лично Вам за участие и внимание к моим детям и ко мне в это тяжелое для всех нас время.

Вместе с тем, считаю своим долгом отказаться от некоторых предоставленных моей семье прав, как от излишних, пользоваться которыми я не считаю для нас возможным:

1) от закрепления дачи „Волынское" с обслуживанием;

2) от временного денежного довольствия в размере 4000 рублей в месяц.

Вместо закрепления за моей семьей дачи „Волынское", прошу Вашего разрешения о предоставлении мне права снимать на летний период 2–3 комнаты в дачном поселке СМ СССР Жуковка, по Рублево-Успенскому шоссе, за отдельную плату.

Еще раз приношу благодарность.

С уважением Сталина» (Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива. Сб. документов. Берлин. Чикаго. Токио. Москва. 1993. С. 104–105).

На письме имеется рукописная помета помощника Маленкова Д. Н. Суханова: «Вопрос решен лучше. Архив. Доложено. Суханов. 26/III.53 г.».

С. А. Аллилуевой была предоставлена госдача на территории пансионата «Жуковка» Управления делами Совмина СССР.

[56] Сохранилась справка отдела агитации и пропаганды ЦК КПСС следующего содержания: «Директор Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина т. Богачев просит ЦК КПСС дать указание директору Центрального музея В. И. Ленина т. Морозову о возвращении библиотеке книг, взятых для И. В. Сталина по абонементу в прошлые годы и находящихся в данное время на даче «Ближняя»…

Учитывая, что в книгах, которые были взяты для И. В. Сталина из Государственной библиотеки имени В. И. Ленина, имеются различные его пометки (в 62 книгах из 72), директор Музея В. И. Ленина т. Морозов считает целесообразным передать указанные книги в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, обязав его возместить библиотеке имени В. И. Ленина эти книги экземплярами без пометок.

Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС дано указание Институту марксизма-ленинизма (т. Обичкину) принять на хранение книги из библиотеки И. В. Сталина на даче «Ближняя» с его пометками и организовать замену их другими экземплярами для библиотеки В. И. Ленина. Директору библиотеки В. И. Ленина т. Богачеву ответ сообщен.

Зам. зав. Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС В. Снастин

Зав. сектором Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС Е. Бугаев

6 июля 1955 г.». (Источник. 1997. № 4. С. 83–84.)

[57] Тема террора не оставляет вождя равнодушным. У Каутского он подчеркивает фразу «Вожди пролетариата стали прибегать к крайнему средству, кровавому средству — террору» и пишет рядом: «Ха-ха». Знаком «NB!» отмечает слова Маркса: «Есть только одно средство укоротить, упростить корчи старого общества: кровавые родовые муки нового — революционный террор».

[58] Шефов А. Н. Две встречи. В кн.: И примкнувший к ним Шепилов. М. 1998. С. 154.

[59] Громыко А. А. (1909–1989) — в 1939–1943 годах советник посольства СССР в США, в 1943–1946 годах посол СССР в США, в 1946–1948 годах постоянный представитель СССР в Совете Безопасности ООН, одновременно в 1946–1949 годах заместитель министра, в 1949–1952, 1953–1957 годах первый заместитель министра иностранных дел СССР, в 1952–1953 годах посол СССР в Великобритании, в 1957–1985 годах министр иностранных дел СССР, одновременно в 1983–1985 годах первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, в 1985–1988 годах Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

[60] Громыко А. Памятное. Кн. 1. М. 1988. С. 204.

[61] Яковлев А. С. (1906–1989) — с 1931 года инженер на авиационном заводе, с 1935 года главный (генеральный) конструктор, одновременно в 1940–1946 годах заместитель наркома авиационной промышленности СССР.

[62] См.: Яковлев А. С. Цель жизни. М. 1987. С 496.

[63] См.: Яковлев А. С. Цель жизни. М. 1987. С. 276–277.

[64] Симонов К. М. Глазами человека моего поколения: размышления о И. В. Сталине. М. 1990. С. 358.

[65] Яковлев А. С. Цель жизни. М. 1987. С. 492.

[66] Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. М. 2001. С. 143.

[67] Александров Г. Ф. (1908–1961) — в 1939–1947 годах заместитель заведующего отделом агитации и пропаганды, затем начальник управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), одновременно директор Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б),в 1947–1954 годах директор Института философии Академии наук СССР в 1954–1955 годах министр культуры СССР, с 1955 года заведующий сектором Института философии и права Академии наук Белорусской ССР.

[68] Язвительные пометки на полях — характерная черта вождя-читателя. Углядев в одном из учебников фразу «Контрреволюционная армия выбила поляков из Кремля» (речь шла о первом и втором ополчении в годы смуты начала XVII века), Сталин пишет свое любимое «ха-ха» и поясняет: «Выходит, что поляки были революционной армией?» На полях доклада Лысенко на сессии ВАСХНИЛ, пытавшегося доказывать несовместимость выводов генетики с тезисом о классовости биологической науки, вождь начертал ехидное замечание: «А дважды два четыре — тоже буржуазное мышление?»

[69] Семейный архив А. Н. Шефова.

[70] Подробнее см.: Сталин И. В. Сочинения. Т. 17. Тверь. 2004. С. 634.

[71] Васька Красный — детское прозвище Василия Сталина.

[72] Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М. 1947. С. 163.

[73] Записка впервые опубликована в № 11 журнала «Вопросы истории» за 1953 год в качестве доказательства борьбы Сталина с культом личности. Цит. по: Волобуев О. В., Кулешов С. В. Очищение. История и перестройка. М. 1989. С. 133.

[74] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5300. Л. 15–16.

[75] Подробнее о работе Сталина над текстом макета см.: Маслов Н. Н. «Краткий курс истории ВКП(б)» — энциклопедия и идеология сталинизма и постсталинизма: 1938–1988 гг. // В кн.: Советская историография. М. 1996.

[76] См.: Волобуев О. В., Кулешов С. В. Очищение. История и перестройка. М. 1989. С. 264, 95.

[77] Семейный архив А. Н. Шефова.

[78] Подробнее см.: Илизаров Б. С. Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. Историософия сталинизма. М. 2003. С. 137–138.

[79] Об этом см.: Илизаров Б. С. Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. Историософия сталинизма. М. 2003. С. 350–449.

[80] Джилас М. Беседы со Сталиным. М. 1992. С. 112–113.

[81] Вот несколько фрагментов письма от 16 февраля 1938 года. На нем — резолюция Сталина: «Т. Ежову», в конце письма сталинская помета: «1). Травля Шолохова». На полях и по тексту имеются многочисленные пометки и подчеркивания красным, зеленым и простым карандашами, сделанные, вероятно, Поскребышевым и Ежовым.

«Дорогой т. Сталин!

После освобождения из-под ареста секретаря Вешенского РК ВКП(б) Лугового, председателя РИКа Логачева и уполномоченного Ком[итета по] Заг[отовкам при] СНК Красюкова бюро Ростовского обкома партии приняло решение о возвращении Лугового и других на прежнюю работу. В этом решении было записано следующее: „…Материалами следствия установлено, что тт. Луговой, Логачев и Красюков были злостно оговорены участниками к[онтр]р[еволюционных] правотроцкистских и эсеровско-белогвардейских организаций в своих подлых вражеских целях“…

Дорогой т. Сталин! Прошу Вас лично — Вы всегда были внимательны к нам — прошу ЦК, — разберитесь с нашими делами окончательно!

Доведите до сведения Н. И. Ежова о содержании моего письма, ведь он сделал первый почин в распутывании вешенского клубка, и пришлите комиссию из больших людей нашей партии, из настоящих коммунистов, которые распутали бы этот клубок до конца. Обком ничего не делает и не сделает! Я уже говорил Евдокимову: — „Почему обком не предпринимает никаких мер, чтобы освободить из тюрем тех, кто сидит за связь с Луговым, кто посажен врагами?" Он ответил: — „Ты говорил об этом Ежову? Ну, и хватит. А что я могу сделать?" Сажать он мог, а говорить об освобождении неправильно посаженных не может. Тогда почему же он мог спрашивать о Шацком, Семякине, Шестовой: — „А не зря ли они посажены? Не оклеветали ли их?"

Пришлите по делам арестованных коммунистов

М. Ф. Шкирятова. Он знает очень многих людей здесь по 1933 г., ему будет легче ориентироваться, и кого-нибудь из заместителей т. Ежова. И пусть они, знакомясь с ростовскими делами, хорошенько присмотрятся к Евдокимову! Он хитер — эта старая, хромая лиса! Зубы съел на чекистской работе, и чтобы он не видел вражеской работы со всех сторон облепивших его Пивоварова, Кравцова, Щацкого, Ларина, Семякина, Шестовой, Лукина, Касилова и др. ? Не верится, т. Сталин! Но если Евдокимов не враг, а просто глубокая шляпа, то неужто такой руководитель нужен нашей области, где крайне сложна политическая обстановка, где так много напаскудили враги.

За пять лет я с трудом написал полкниги. В такой обстановке, какая была в Вешенской, не только невозможно было продуктивно работать, но и жить было безмерно тяжело. Туговато живется и сейчас. Вокруг меня все еще плетут черную паутину враги. После отъезда Тимченко и Кравченко их подручные продолжают вести активную работу. Ознакомьтесь с заявлением, которое прилагаю, и Вы увидите, что старая история продолжается. О действиях этого „политически зрелого" мерзавца Сидорова, терроризировавшего колхозников, выдававшего себя за „тайного агента" НКВД, РК довел до сведения р[айонного] о[тдела] НКВД. Результаты следствия, проведенного работником НКВД Костенко, указаны в этом заявлении. Знает об этом и Евдокимов. Но до настоящего времени Сидоров не привлечен к ответственности. Всего не перескажешь, т. Сталин, хватит и этого.

Письмо повезу сам. Если понадоблюсь Вам — Поскребышев меня найдет. Если не увижу Вас, — очень прошу через Поскребышева сообщить мне о Вашем решении. Крепко жму Вашу руку.

М. Шолохов» (Источник. 1993. № 4. С. 8–19).

[82] Подробнее см.: Мурин Ю. Почему тигр не прыгнул. Комментарии к переписке и встречам М. А. Шолохова и И. В. Сталина в 1930-х годах // Родина. 2006. № 2. С. 57.

[83] Заседание Оргбюро ЦК ВКП(б) открылось докладом начальника управления Александрова. После него выступил редактор журнала «Звезда» В. М. Саянов. Генсек потребовал от Саянова объяснить причины, по которым в № 5–6 за 1946 год был опубликован рассказ М. М. Зощенко. Приведем соответствующий фрагмент неправленой стенограммы заседания.

«САЯНОВ. (Начало не стенографировалось). Вина моя большая, что я, очевидно, не понял, насколько к нашему журналу приковано внимание партии и страны.

СТАЛИН. Этот ваш журнал для детей издается?

САЯНОВ. Нет.

СТАЛИН. А почему в детский журнал не поместили?

САЯНОВ. Это печаталось из-за детей.

СТАЛИН. У вас требовательности элементарной нет. Это же пустяковый рассказ.

САЯНОВ. Теперь это видно.

СТАЛИН. У всех получается, что потом оказывается, что ничего не видели, и получается, что мелочи пишут. Вы рассказ читали?

САЯНОВ. Да.

СТАЛИН. Это же пустейшая штука, ни уму ни сердцу ничего не дающая. Какой-то базарный балаганный анекдот. Непонятно, почему, безусловно, хороший журнал предоставил свои страницы для печатания пустяковой балаганной штуки. У вас нет требовательности к своим писателям, а читатели будут требовать.

САЯНОВ. Мне кажется, что здесь дело зависит от того, что мы недостаточно вели идейно-воспитательную работу среди писателей, и что некоторое ошибочное представление имеется в писательской массе, что иногда писатели недостаточно понимают значение принципиальной критики, что у некоторых писателей была слишком большая оглядка на западно-американскую литературу, что они иногда недооценивали тех творческих богатств, которые есть в наследии нашей русской и советской литературы, что иногда в некоторых писательских кругах есть этакое увлечение современными западными писателями. Это объясняется тем, что у некоторых писателей было суждение о том, что роль идеологической актуальной темы снижена.

Несколько вещей мы возвращали, вещей, идеологически искажающих наше правильное представление. Мы указывали авторам на их ошибки, но у некоторых писателей было суждение такое, что вот война кончилась,

теперь они отдохнут и теперь надо развлекать советского читателя, надо дать ему такие произведения, которые он с удовольствием будет читать. Наша вина, что против таких настроений мы не сумели отдалить передовую писательскую часть, что мы с ними не сумели по-настоящему работать. Вот мне кажется, то основное, что следовало сейчас сказать.

ЛИХАРЕВ. Совершенно справедлива была статья в газете „Культура и жизнь" и даже слишком мягкая, которая упрекала журнал „Ленинград", что он является журналом, еще не имеющим своего профиля, страдающим безликостью среднего журнала. Мы это ощущаем и сами в своей редакционной коллегии, и мы стремились и стремимся принимать всяческие меры к тому, чтобы журнал у нас стал интереснее, чтобы он, носящий такое большое название, соответствовал этому названию. Этого нам пока что сделать не удается.

Наш журнал — тонкий журнал, он должен строиться главным образом на основном жанре рассказа. Это очень сложно. С этим жанром в литературе обстоит не совсем благополучно. Наш журнал „Ленинград" всю блокаду выходил, он выходил во все время войны, а сейчас нам стало вдруг несколько сложнее. Тогда у нас был маленький коллектив. Тогда были единицы писательские, но большие творческие писатели, с большими возможностями. Сейчас дело несколько шире стало, вернулись товарищи с других фронтов, это наш большой актив, но они неспособны осмыслить то, что было в Ленинграде, они были на других фронтах и тему Ленинграда не восприняли в должной мере, и это им не дает возможности дать те произведения о Ленинграде, которые нам хотелось бы увидеть.

Какие же меры в связи с этим мы должны принимать? Во-первых, мы беседовали с нашими писателями, и нашли язык, который доходил до сердца писательского. Затем мы обратились к газетным нашим работникам, которые неотрывно следят за пульсом города. Они представляют нам посильную помощь, потому что наш журнал очерковый и этот журнал должен показать сегодняшний Ленинград в очерке. Мы видим, что наш профиль сейчас уже более наполнен, чем было прежде.

В отношении тех промахов, на которые нам совершенно справедливо указывал т. Александров. Я, действительно, не в состоянии более подробно…

СТАЛИН. А Вы читали, что написано? Как же пропустили это?

ЛИХАРЕВ. Я сейчас скажу, почему так получилось. Артист Райкин привез в Ленинград это произведение. Два месяца читал в театре, передавали по радио это. Главрепертком утвердил.

СТАЛИН. Кто утвердил?

ЛИХАРЕВ. Главрепертком, здесь в Москве.

СТАЛИН. Главрепертком утверждает для печатания или для чтения?

ЖДАНОВ. Это эстрадный номер?

ЛИХАРЕВ. Да. Мы совершили ошибку. Мы забыли о том, что печатное слово звучит сильнее, чем слово произнесенное. В отношении Некрасова. Это пародия на произведение о Некрасове.

АЛЕКСАНДРОВ. Если бы Вы прочитали вслух эту пародию, Вас стащили бы со сцены. Получилась пародия на Некрасова.

СТАЛИН. Вы утверждаете, что это пародия на пародию?

ЛИХАРЕВ. Такая книжка есть, она дурная книжка.

СТАЛИН. Это уловка, автор прикрывается.

ЛИХАРЕВ. У нас много есть таких вещей, я мог бы продолжить.

ЖДАНОВ. У Вас тоже много произведений Зощенко, например, «Путешествие на Олимп» это то же, что и «Путешествие обезьяны»?

СТАЛИН. У вас перед заграничными писателями ходят на цыпочках. Достойно ли советскому человеку на цыпочках ходить перед заграницей? Вы поощряете этим низкопоклонные чувства, это большой грех.

ЛИХАРЕВ. Напечатано много переводных произведений.

СТАЛИН. Вы этим вкус чрезмерного уважения к иностранцам прививаете. Прививаете такое чувство, что мы —люди второго сорта, а там люди первого сорта, что неправильно. Вы — ученики, они — учителя. По сути дела неправильно это.

ЛИХАРЕВ. Я хочу только одно отметить…

СТАЛИН. Говорите позубастее. Вы что смешались или вообще согласны с критикой?

ЛИХАРЕВ. Сейчас попробую.

СТАЛИН. Что попробуете, надо сильнее говорить.

ЛИХАРЕВ. „В Севастополе" Сельвинского есть вывод, он вспоминает свою юность в Севастополе, вспоминают девушку, которую там видел, которая назвала его милым. Это ему запомнилось на всю жизнь. Вот его стихотворение.

СТАЛИН. Это уловка.

ЛИХАРЕВ. Я люблю наш журнал и мне хочется, чтобы этот журнал сохранился.

СТАЛИН. Журнал должен руководить писателями или он должен плестись в хвосте у них?

ЛИХАРЕВ. Должен руководить.

СТАЛИН. Руководить может или нет?

ЛИХАРЕВ. Он должен и будет.

СТАЛИН. Пока не выходит этого.

ЛИХАРЕВ. Я хотел заверить товарищей, что можем это делать, если нам доверят. Со следующего номера журнал будет иным. У меня есть вещи по-новому осмысленные, но ведь нам не так легко работать.

СТАЛИН. Вы хотите, чтобы все было по-хорошему. Я это вижу. Но надо суметь сделать, чтобы все было по-хорошему.

ЛИХАРЕВ. Необходимо сделать.

СТАЛИН. Да, необходимо сделать.

ЛИХАРЕВ. Оставить город без журнала очень больно. Мы должны сохранить его. Остаться без журнала, — этого нельзя.

СТАЛИН. Все требуют, чтобы мы улучшили качество продукции: ширпотреба, металла и прочее. Однако следует, чтобы и качество продукции литературной было улучшено, мы хотим, чтобы лучшие произведения печатались, на качество хотим нажать.

ПРОКОФЬЕВ. Надо учесть, товарищи, что ленинградский отряд советских писателей был в исключительном положении, что из большого количества (сейчас этот ленинградский отряд советских писателей насчитывает 274) из них действительных писателей, т. е. непосредственно творящих советскую литературу, насчитывается, приблизительно, половина.

СТАЛИН. У вас что — принято печатать только ленинградских писателей, иногородних можно?

ПРОКОФЬЕВ. Обязательно. Я считаю, что наши журналы являются также как и город Ленинград союзными журналами и поэтому я считаю, что замыкаться только в ленинградские рамки нельзя.

СТАЛИН. Уральцев будете печатать?

ПРОКОФЬЕВ. Печатаем, печатаются стихи сибирских товарищей и уральцев. Мы также думаем привлечь и московских писателей, потому что надо поднять значение наших ленинградских журналов.

СТАЛИН. Только своих писателей не хватает, видимо, произведений мало?

ПРОКОФЬЕВ. Если мы возьмем хорошие произведения московских или уральских писателей, то можем поступиться нашим ленинградским патриотизмом и потеснить ленинградских писателей на второй план.

СТАЛИН. Кто у вас Ягдфельд, ленинградец?

ПРОКОФЬЕВ. Я не знаю, он недавно в Союзе писателей.

СТАЛИН. Вам что, нравятся его произведения, можно поставить на сцене их?

ПРОКОФЬЕВ. Когда я их читал, я считал, что это романтические произведения.

СТАЛИН. Это детские произведения, это не оформившийся писатель, а школьник. Вы должны, чтобы на ваш журнал смотрели и учились у него.

ПРОКОФЬЕВ. Очевидно у нас не хватало и вкуса.

СТАЛИН. И произведений, видимо, не хватало, чтобы помешать, вот вы и вывалили в одну кучу.

ПРОКОФЬЕВ. Журнал у нас не мусорная куча, мы хотим, чтобы наш журнал был достоин нашего города, но, очевидно, не получилось этого.

СТАЛИН. Материала, видимо, не хватает, и поэтому, видимо, в «Звезде» иногда появлялись замечательные вещи, прямо бриллианты, а наряду с бриллиантами — навоз.

ПРОКОФЬЕВ. На Вашу реплику отвечаю, половина или 3/4 вины нашей с нас складывается (смех), потому что все-таки наша работа не прошла впустую. Мы давали и хорошие вещи.

СТАЛИН. Безусловно.

ПРОКОФЬЕВ. Я этому очень рад. Я считаю, что недостатки ленинградского отряда писателей, они не являются присущими только Ленинграду.

СТАЛИН. К сожалению, нет, есть и больше.

ЖДАНОВ. Это вас не может успокаивать.

СТАЛИН. Он все-таки внутренне рад.

ПРОКОФЬЕВ. Если бы мы знали, что нас призовут к ответу, мы не допустили бы таких ошибок в 5 и 6 номерах. Мы не знали, что будем на таком собрании. Я считаю, что цель настоящего собрания, цель такая, чтобы нашему журналу „Звезда“ и „Ленинград“ оказали помощь. Нам нужна помощь, Иосиф Виссарионович. Я думаю, что эта

помощь должна быть реальная и действенная. Я считаю, что ленинградские журналы должны быть поставлены в одинаковые условия с московскими журналами. Какой же хороший писатель пойдет в журнал, когда тираж «Звезды» был 10 тыс.

экземпляров, если журналы „Звезда" и „Ленинград" принесли убыток государству около 1 млн рублей.

СТАЛИН. Из этого, видимо, исходили, что товар плохой. (Смех.)

ПРОКОФЬЕВ. На прилавках наших журналов нет.

СТАЛИН. Бумаги что ли не давали?

ПРОКОФЬЕВ. Да. Если взять журнал „Октябрь", то у него штаты такие: кроме 5 зав. отделами, кроме литературного консультанта, зав. массовым отделом и т. д. имеется 7 членов редколлегии. У нас — один редактор и он, как говорится, прислуга на все руки. Дальше идет: литературный консультант, машинистка, зав. редакцией. Я считаю, что мы должны быть поставлены в равные условия.

СТАЛИН. Насчет журнала „Ленинград" ничего не расскажете?

ПРОКОФЬЕВ. Журнал „Ленинград" имеет большие традиции. Он возник из журнала „Резец", этот журнал был органом рабкоровским и из него впоследствии стал журналом „Ленинград". Мы его мыслили как массовый журнал, журнал, который должен ориентироваться на короткий рассказ, в частности, редакция журнала допускала, когда из больших произведений выбирались куски.

СТАЛИН. Вы это одобряете?

ПРОКОФЬЕВ. Нет. Союзу советских писателей надо обратить внимание на рассказ. Жанр рассказа у нас очень не в большом почете у писателей. Мы обсуждали оба журнала наших в Союзе писателей не раз и не два, но критика наша не была столь суровой как сейчас. Очевидно, у нас опять не хватает мужества в ряде случаев сказать правду, имея в виду, что люди, с которыми мы работаем, они находятся рядом с нами и будут обижены, а обида эта не прощается во веки веков. У нас некоторые очень болезненно обиды принимают.

СТАЛИН. Мнительные и чувственные люди?

ПРОКОФЬЕВ. Да и даже иногда небольшая критика оставляет глубокую царапину.

СТАЛИН. Этого бояться не следует. Как же иначе людей воспитывать без критики.

ПРОКОФЬЕВ. Критика была, но она не была такой действенной.

СТАЛИН. Боялись, что обидно будет. Обиды бояться нельзя.

МАЛЕНКОВ. И обиженных приютили. Зощенко критиковали, а вы его приютили.

ПРОКОФЬЕВ. Тогда надо обратить внимание на другое. Сейчас у Зощенко третья комедия идет.

СТАЛИН. Вся война прошла, все народы обливались кровью, а он ни одной строки не дал. Пишет он чепуху какую-то, прямо издевательство. Война в разгаре, а у него ни одного слова ни за, ни против, а пишет всякие небылицы, чепуху, ничего не дающую ни уму, ни сердцу. Он бродит по разным местам, суется в одно место, в другое, а вы податливы очень. Хотели журнал сделать интересным, и даете ему место, а из-за этого вам попадает, и не могут быть напечатаны произведения наших людей. Мы не для того советский строй строили, чтобы людей обучали пустяковине.

ПРОКОФЬЕВ. Я хочу поставить следующий вопрос об утечке людей из Ленинграда. Около 20 человек убыло.

СТАЛИН. Вы предъявите счет в Москву, может быть, вернутся люди. Уходят, что ж поделать, они не крепостные. В Москве, видимо, дело получше обстоит.

ПРОКОФЬЕВ. Больше возможностей, если говорить по-человечески, для писателя, чем в Ленинграде. И сейчас, если Центральный Комитет примет предложение Агитпропа ЦК относительно сокращения журналов Ленинграда, то я не знаю, в каком положении очутится отряд ленинградской литературы. Нельзя вместе с водой выплескивать и содержание. Я считаю, что для такого города, как Ленинград, нельзя оставлять [только] такой журнал как „Звезда". Надо сделать все возможное, чтобы эти оба журнала заработали по-настоящему. Для этого у нас найдутся силы и люди, чтобы эти оба журнала существовали.

Я считаю, что наши ленинградские журналы могут понастоящему, глубоко и со знанием ленинградской темы, темы громадного мирового звучания поднять. Мы все были в Ленинграде и видели с ленинградцами все беды, и наша задача, задача ленинградского отделения Союза советских писателей и обоих журналов сделать, чтобы эта тема зазвучала по-настоящему. Мы не имеем произведений достаточно больших и широких, где бы эта тема звучала. У нас имеются „Черты советского человека" Тихонова и „Это было в Ленинграде" Чуковского, но я не нахожу произведений, которые поднимали бы эту тему по-настоящему. Но такая попытка у нас в Ленинграде делается. Вот, Иосиф Виссарионович, Саянов написал первую часть трилогии о Ленинградском фронте. Я думаю, что это будет произведение с большим охватом событий.

МАЛЕНКОВ. Чего же расхваливаете заранее, если не читали.

ПРОКОФЬЕВ. Я говорю о теме. Писатели Ленинграда берутся за эту тему. Вера Кетлинская написала роман о Ленинграде. Когда я с ней познакомился, я сказал, что ей нужно много работать, но факт, что писатели это начинают делать.

СТАЛИН. Это делает вам большое преимущество. Материала очень много, но вы плохо используете эти преимущества. „Приключение обезьяны“ — что это — о Ленинграде, поднимает авторитет Ленинграда?

ПРОКОФЬЕВ. Нет. Несколько возражений на критику. Мы с опаской подходили к повести Борисова „Волшебник из Г[ель-Гью]“. Мы первую часть напечатали с выдержками. Когда „Литературная газета“ опубликовала статью Л. Рахманова, рекомендующую эту повесть, мы считали, что это неправильно. Сейчас Борисов пишет 3-ю часть. Мы на собрании в горкоме сказали, что не надо писать 3-ю часть, хватит одной.

СТАЛИН. Как писатель, Борисов хорошо, изящно пишет, литературным языком владеет. Это не Ягдфельд.

ПРОКОФЬЕВ. Тема, которую он берет, на Грина хватит. Это мое убеждение. Относительно стихов. Я считаю, что не является большим грехом, что были опубликованы стихи Анны Ахматовой. Эта поэтесса с небольшим голосом и разговоры о грусти, они присущи и советскому человеку.

СТАЛИН. Анна Ахматова, кроме того, что у нее есть старое имя, что еще можно найти у нее?

ПРОКОФЬЕВ. В сочинениях послевоенного периода можно найти ряд хороших стихов. Это стихотворение „Первая дальнобойная“ о Ленинграде.

СТАЛИН. 1–2–3 стихотворения и обчелся, больше нет.

ПРОКОФЬЕВ. Стихов на актуальную тему мало, но она поэтесса со старыми устоями, уже утвердившимися мнениями и уже не сможет, Иосиф Виссарионович, дать что-то новое.

СТАЛИН. Тогда пусть печатается в другом месте где-либо, почему в „Звезде“?

ПРОКОФЬЕВ. Должен сказать, что то, что мы отвергли в „Звезде“, печаталось в „Знамени“.

СТАЛИН. Мы и до „Знамени“ доберемся, доберемся до всех.

ПРОКОФЬЕВ. Это будет очень хорошо. Я хочу просить Вас и секретарей ЦК, чтобы наш „Ленинград“ был оставлен у нас, не надо закрывать наш „Ленинград“, и чтобы мы поставили эти журналы должным образом, чтобы было больше бриллиантов в „Звезде“, чтобы был уничтожен мусор…» («Литературный фронт». История политической цензуры. 1932–1946 гг. М. 1994. С. 197–205).

[84] Сосюра В. Н. (1897/1898–1965) — украинский поэт.

[85] Петлюра С. В. (1879–1926) — в 1917–1918 годах председатель Всеукраинского войскового комитета Центральной рады, секретарь (министр) по военным делам генерального секретариата Центральной рады, затем расширенного генерального секретариата Украинской народной республики (УНР), в 1918 году председатель Киевского губернского земства и Всеукраинского союза земств, с ноября 1918 года член Директории, командующий войсками (головной атаман) УНР, в 1919–1920 годах председатель Директории, с лета 1920 года в эмиграции.

[86] Бандера С. А. (1909–1959) — один из лидеров украинского националистического движения в 30–50-х годах, руководитель Организации украинских националистов.

[87] Шепилов Д. Т. Непримкнувший. М. 2001. С. 176.

[88] Корнейчук А. Е. (1905–1972) — драматург. В 1934–1941 годах и с 1946 года председатель Союза советских писателей Украинской ССР, в 1941–1943 годах политработник политуправления Юго-Западного фронта, в 1943–1944 годах заместитель наркома иностранных дел СССР, в 1944 году нарком иностранных дел Украинской ССР, в 1945–1946 годах начальник управления по делам искусств при СНК Украинской ССР.

[89] См.: Симонов К. М. Глазами человека моего поколения: размышления о И. В. Сталине. М. 1990. С. 356–357.

[90] Павлов Д. Г. (1897–1941) — в 1937–1940 годах заместитель начальника, начальник Автобронетанкового управления РККА, в 1940–1941 годах командующий войсками Белорусского (Западного) Особого военного округа, в 1941 году командующий Западным фронтом. В июле 1941 года арестован и по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР расстрелян. Реабилитирован в июле 1957 года.

[91] См.: Волобуев О. В., Кулешов С. В. Очищение. История и перестройка. М. 1989. С. 157; Илизаров Б. С. Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. Историософия сталинизма. М. 2003. С. 80–82.

[92] Подробнее см.: Боровик Г. Жестокие забавы вождя // Совершенно секретно. 2000. № 5.

[93] В журнале регистрации лиц, принятых генеральным секретарем ЦК, Судоплатов не значится. Более того, Берия на протяжении трех месяцев, в марте–мае 1939 года, практически не оставался наедине с хозяином кремлевского кабинета, за исключением 31 марта, когда он первым из посетителей вошел к Сталину в 16 часов 40 минут. Однако уже через 15 минут в кабинет явился Микоян, а вскоре за ним и Молотов.

[94] Судоплатов П. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М. 1996. С. 77.

[95] Точной даты Судоплатов опять не называет.

[96] Так в тексте.

[97] Судоплатов П. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М. 1996. С. 88–89.

[98] Джилас М. Беседы со Сталиным. М. 1992. С. 56.

[99] См.: Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. I. М. 1958. С. 27–28.

[100] Джилас М. Беседы со Сталиным. М. 1992. С. 57–59, 64–65.

[101] Рыбальченко Ф. Т. (1898–1950) — в мае–декабре 1944 года начальник штаба 3-й гвардейской армии, в январе–июле 1946 года начальник штаба Приволжского военного округа. В 1947 году арестован и в августе 1950 года приговорен Военной коллегии Верховного суда СССР к расстрелу. Реабилитирован в 1956 году.

[102] На донесении имеются рукописные пометы: «Тов. Сталин предложил пока арестовать Рыбальченко. В. Абакумов» и «Передано по телефону. 3.I.47».

[103] Приведем также отрывок из подписанной Абакумовым справки о разговоре между Гордовым и его женой Татьяной Владимировной.

«Гордов. …Ты все время говоришь — иди к Сталину. Значит, пойти к нему и сказать: „Виноват, ошибся, я буду честно вам служить, преданно". Кому? Подлости буду честно служить, дикости?! Инквизиция сплошная, люди же просто гибнут!..

Т. В. — …Вот сломили такой дух как Жуков.

Гордов. — Да. И духа нет.

Т.В. — И он сказал — извините, больше не буду, и пошел работать. Другой бы, если бы был с таким убеждением, как ты, он бы попросился в отставку и ушел от всего этого.

Гордов. — Ему нельзя, политически нельзя. Его все равно не уволят. Сейчас только расчищают тех, кто у Жукова был мало-мальски в доверии, их убирают. А Жукова год–два подержат, а потом тоже — в кружку и все! Я очень многого недоучел. На чем я сломил голову свою? На том, на чем сломили такие люди — Уборевич, Тухачевский и даже Шапошников.

Т.В. — Его информировали не так, как надо, после того, как комиссия еще раз побывала.

Гордов. — Нет эта комиссия его информировала, по-моему, правильно, но тут вопрос стоял так: или я должен сохраниться, или целая группа людей должна была скончаться — Шикин, Голиков и даже Булганин, потому что все это приторочили к Жукову. Значит, если нужно было восстановить Жукова, Гордова, тогда булганинщина, шиковщина и голиковщина должны были пострадать.

Т.В. — Они не военные люди.

Гордов. — Абсолютно не военные. Вот в чем весь фокус. Ты думаешь, я не думал над этим?

Т.В. — Когда Жукова сняли, ты мне сразу сказал: все погибло. Но ты должен согласиться, что во многом ты сам виноват.

Гордов. — Если бы я не был виноват, то не было бы всего этого. Значит, я должен был дрожать, рабски дрожать, чтобы они мне дали должность командующего, чтобы хлеб дали мне и семье? Не могу я! Что меня погубило — то, что меня избрали депутатом. Вот в чем моя погибель. Я поехал по районам, и когда я все увидел, все это страшное, — тут я совершенно переродился. Не мог я смотреть на это. Отсюда у меня пошли настроения, мышления, я стал высказывать их тебе, еще кое-кому, и это пошло как платформа. Я сейчас говорю, у меня такие убеждения, что если сегодня снимут колхозы, то завтра будет порядок, будет рынок, будет все. Дайте людям жить, они имеют право на жизнь, они завоевали себе жизнь, отстаивали ее!

Т.В. — Сейчас никто не стремится к тому, чтобы … жить для общества.

Гордов. — Общества-то нет.

Т.В. — Если даже есть — кучка, но для нее неинтересно жить.

Гордов. — А умереть тоже жалко.

Т.В. — Хочется увидеть жизнь, до чего же все-таки дойдут.

Гордов. — Увидеть эту мразь?

Т.В. — Нет, это должно кончиться, конечно. Мне кажется, что если бы Жукова еще годика на два оставили на месте, он сделал бы по-другому».

[104] Кулик Г. И. (1890–1950) — в 1937–1939 годах начальник артиллерийского управления РККА, в 1939–1941 годах заместитель наркома обороны СССР, в 1941–1943 годах командующий 54-й, 24-й и 4-й армиями, в 1944–1945 годах заместитель начальника Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии, в 1945–1946 годах заместитель командующего войсками Приволжского военного округа. В июне 1946 года уволен в отставку, в январе 1947 года арестован и в августе 1950 года расстрелян. В сентябре 1957 года указом Президиума Верховного Совета СССР реабилитирован с посмертным восстановлением в званиях маршала Советского Союза и Героя Советского Союза и в правах на государственные награды.

[105] Семейный архив А. Н. Шефова.

[106] Трояновский О. А. (1919–2003) — с 1942 года на журналистской и дипломатической работе, в 1958–1967 годах помощник Председателя Совета Министров СССР, в 1967–1976 годах посол СССР в Японии, в 1976–1986 годах постоянный представитель СССР при ООН, в 1986–1990 годах посол СССР в Китае, с 1990 года на пенсии.

[107] Трояновский О. Через годы и расстояния. М. 1997. С. 157.

[108] Джилас М. Беседы со Сталиным. М. 1992. С. 77.

[109] Эйзенштейн С. М. (1898–1948) — режиссер, сценарист, теоретик кино, с 1923 года руководил театральными мастерскими Пролеткульта, с 1928 года преподаватель Института кинематографии (ВГИК). Шейнин Л. Р. (1906–1967) — во второй половине 40-х годов следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры СССР. Арестован в октябре 1951 года, затем под следствием. Освобожден в ноябре 1953 года. В последствии писатель, драматург.

[110] Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953. М. 1999. С. 499–500.

[111] Марьямов Г. Кремлевский цензор. Сталин смотрит кино. М. 1992. С. 73.

[112] Черкасов Н. К. (1903–1966) — актер театра и кино.

[113] Чирков Б. П. (1901–1982) — актер театра и кино, исполнитель роли Максима в кинотрилогии «Юность Максима», «Возвращение Максима», «Выборгская сторона».

[114] Приведем несколько отрывков из этой беседы.

«В 10 часов 50 минут пришли в приемную. Ровно в 11 часов вышел Поскребышев проводить нас в кабинет.

В глубине кабинета — Сталин, Молотов, Жданов.

Входим, здороваемся, садимся за стол. <…>

Мы говорим о том, что мы разрезали вторую серию на две части, отчего Ливонский поход не попал в эту картину и получилась диспропорция между отдельными ее частями, и исправлять картину нужно в том смысле, что сократить часть заснятого материала и доснять, в основном, Ливонский поход.

Сталин. Вы историю изучали?

Эйзенштейн. Более или менее…

Сталин. Более или менее?.. Я тоже немножко знаком с историей. У вас неправильно показана опричнина. Опричнина — это королевское войско. В отличие от феодальной армии, которая могла в любой момент сворачивать свои знамена и уходить с войны, — образовалась регулярная армия, прогрессивная армия. У вас опричники показаны, как ку-клус-клан.

Эйзенштейн сказал, что они одеты в белые колпаки, а у нас — в черные.

Молотов. Это принципиальной разницы не составляет.

Сталин. Царь у вас получился нерешительный, похожий на Гамлета. Все ему подсказывают, что надо делать, а не он сам принимает решения… Царь Иван был великий и мудрый правитель и если его сравнить с Людовиком XI (вы читали о Людовике XI, который готовил абсолютизм для Людовика XIV?), то Иван Грозный по отношению к Людовику на десятом небе. Мудрость Ивана Грозного состояла в том, что он стоял на национальной точке зрения и иностранцев в свою страну не пускал, ограждая страну от проникновения иностранного влияния. В показе Ивана Грозного в таком направлении были допущены отклонения и неправильности. Петр I — тоже великий государь, но он слишком либерально относился к иностранцам, слишком раскрыл ворота и допустил иностранное влияние в страну, допустив онемечивание России. Еще больше допустила его Екатерина. И дальше. Разве двор Александра I был русским двором? Разве двор Николая I был русским двором? Нет. Это были немецкие дворы.

Замечательным мероприятием Ивана Грозного было то, что он первый ввел государственную монополию внешней торговли. Иван Грозный был первый, кто ее ввел, Ленин второй.

Жданов. Эйзенштейновский Иван Грозный получился неврастеником.

Молотов. Вообще сделан упор на психологизм, на чрезмерное подчеркивание внутренних психологических противоречий и личных переживаний.

Сталин. Нужно показывать исторические фигуры правильно по стилю. Так, например, в первой серии не верно, что Иван Грозный так долго целуется с женой. В те времена это не допускалось.

Жданов. Картина сделана в византийском уклоне, и там тоже это не практиковалось.

Молотов. Вторая серия очень зажата сводами, подвалами, нет свежего воздуха, нет шири Москвы, нет показа народа. Можно показывать разговоры, можно показывать репрессии, но не только это.

Сталин. Иван Грозный был очень жестоким. Показывать, что он был жестоким можно, но нужно показать, почему необходимо быть жестоким. Одна из ошибок Ивана Грозного состояла в том, что он не дорезал пять крупных феодальных семейств. Если он эти пять боярских семейств уничтожил бы, то вообще не было бы Смутного времени. А Иван Грозный кого-нибудь казнил и потом долго каялся и молился. Бог ему в этом деле мешал… Нужно было быть еще решительнее.

Молотов. Исторические события надо показывать в правильном осмыслении. Вот, например, был случай с пьесой Демьяна Бедного „Богатыри“. Демьян Бедный там издевался над крещением Руси, а дело в том, что принятие христианства для своего исторического этапа было явлением прогрессивным.

Сталин. Конечно, мы не очень хорошие христиане, но отрицать прогрессивную роль христианства на определенном этапе нельзя. Это событие имело очень крупное значение, потому что это был поворот русского государства на смыкание с Западом, а не ориентация на Восток.

Об отношении с Востоком Сталин говорит, что, только что освободившись от татарского ига, Иван Грозный торопился объединить Россию с тем, чтобы быть оплотом против возможных набегов татар. Астрахань была покорена, но в любой момент могла напасть на Москву. Крымские татары также могли это сделать.

Сталин. Демьян Бедный представлял себе исторические перспективы неправильно. Когда мы передвигали памятник Минину и Пожарскому ближе к храму Василия Блаженного, Демьян Бедный протестовал и писал о том, что памятник надо вообще выбросить и вообще надо забыть о Минине и Пожарском. В ответ на это письмо я назвал его „Иваном, не помнящим своего родства". Историю мы выбрасывать не можем…

Дальше Сталин делает ряд замечаний по поводу трактовки образа Ивана Грозного и говорит о том, что Малюта Скуратов был крупным военачальником и героически погиб в войну с Ливонией.

Черкасов в ответ на то, что критика помогает и что Пудовкин после критики сделал хороший фильм „Адмирал Нахимов", сказал: „Мы уверены в том, что мы сделаем не хуже, ибо я работаю над образом Ивана Грозного не только в кино, [но] и в театре, полюбил этот образ и считаю, что наша переделка сценария может оказаться правильной и правдивой".

На что Сталин ответил (обращаясь к Молотову и Жданову): „Ну что ж, попробуем".

Черкасов. Я уверен в том, что переделка удастся.

Сталин. Дай вам бог, каждый день — новый год. (Смеется.)

Эйзенштейн. Мы говорим, что в первой серии удался ряд моментов, и это нам дает уверенность в том, что мы сделаем и вторую серию.

Сталин. Что удалось и хорошо, мы сейчас не говорим, мы говорим сейчас только о недостатках.

Эйзенштейн спрашивает о том, что не будет ли еще каких-либо специальных указаний в отношении картины.

Сталин. Я даю вам не указания, а высказываю замечания зрителя. Нужно исторические образы правдиво отображать. Ну, что нам показали Глинку? Какой это Глинка? Это же — Максим, а не Глинка. Артист Чирков не может перевоплощаться, а для актера самое главное качество —уметь перевоплощаться. (Обращаясь к Черкасову.) Вот вы перевоплощаться умеете.

На что Жданов говорит, что Черкасову не повезло с Иваном Грозным. Тут была еще паника с „Весной", и он стал играть дворников — в картине „Во имя жизни" он играет дворника.

Черкасов говорит, что он играл большинство царей и играл даже Петра Первого и Алексея.

Жданов. По наследственной линии. По наследственной переходили…

Сталин. Нужно правильно и сильно показывать исторические фигуры. (К Эйзенштейну.) Вот, Александра Невского — вы компоновали? Прекрасно получилось. Самое важное — соблюдать стиль исторической эпохи. Режиссер может отступать от истории; неправильно, если он будет просто списывать детали из исторического материала, он должен работать своим воображением, но — оставаться в пределах стиля. Режиссер может варьировать в пределах стиля исторической эпохи.

Жданов говорит, что Эйзенштейн увлекается тенями (что отвлекает зрителя от действия) и бородой Грозного, что Грозный слишком часто поднимает голову, чтобы было видно его бороду.

Эйзенштейн обещает в будущем бороду Грозного укоротить.

Сталин (вспоминая отдельных исполнителей первой серии „Ивана Грозного".) Курбский — великолепен. Очень хорош Старицкий (артист Кадочников.) Он очень хорошо ловит мух. Тоже: будущий царь, а ловит руками мух! Такие детали нужно давать. Они вскрывают сущность человека. <…>

Черкасов спрашивает о некоторых частностях картины и о внешнем облике Ивана Грозного.

Сталин. Облик правильный, его менять не нужно. Хороший внешний облик Ивана Грозного.

Черкасов. Сцену убийства Старицкого можно оставить в сценарии?

Сталин. Можно оставить. Убийства бывали.

Черкасов. У нас есть в сценарии сцена, где Малюта Скуратов душит митрополита Филиппа.

Жданов. Это было в Тверском Отроч-монастыре?

Черкасов. Да. Нужно ли оставить эту сцену?

Сталин сказал, что эту сцену оставить нужно, что это будет исторически правильно.

Молотов говорит, что репрессии вообще показывать можно и нужно, но надо показать, почему они делались, во имя чего. Для этого нужно шире показать государственную деятельность, не замыкаться только сценами в подвалах и закрытых помещениях, а показать широкую государственную деятельность.

Черкасов высказывает свои соображения по поводу будущего переделанного сценария, будущей второй серии.

Сталин. На чем будет кончаться картина? Как лучше сделать еще две картины, то есть 2-ю и 3-ю серии? Как мы это думаем вообще сделать?

Эйзенштейн говорит, что лучше соединить снятый материал второй серии с тем, что осталось в сценарии, — в одну большую картину.

Все с этим соглашаются.

Сталин. Чем будет у нас кончаться фильм?

Черкасов говорит, что фильм будет кончаться разгромом Ливонии, трагической смертью Малюты Скуратова, походом к морю, где Иван Грозный стоит у моря в окружении войска и говорит: «На морях стоим и стоять будем!»

Сталин. Так оно и получилось, и даже немножко больше.

Черкасов спрашивает, что нужно ли наметку будущего сценария фильма показывать для утверждения Политбюро?

Сталин. Сценарий представлять не нужно, разберитесь сами. Вообще по сценарию судить трудно, легче говорить о готовом произведении. (К Молотову.) Вы, вероятно, очень хотите прочесть сценарий?

Молотов. Нет, я работаю несколько по другой специальности. Пускай читает Большаков. Эйзенштейн говорит о том, что было бы хорошо, если бы с постановкой этой картины не торопили.

Это замечание находит оживленный отклик у всех.

Сталин. Ни в каком случае не торопитесь, и вообще поспешные картины будем закрывать и не выпускать. Репин работал над „Запорожцами" 11 лет.

Молотов. 13 лет.

Сталин (настойчиво). 11 лет.

Все приходят к заключению, что только длительной работой можно действительно выполнить хорошие картины.

По поводу фильма „Иван Грозный" Сталин говорил, что если нужно полтора–два года, даже три года для постановки фильма, то делайте в такой срок, но чтобы картина была сделана хорошо, чтобы она была сделана „скульптурно". Вообще мы сейчас должны поднимать качество. Пусть будет меньше картин, но более высокого качества. Зритель наш вырос, и мы должны показывать ему хорошую продукцию.

<…>

Сталин. Артист Жаров неправильно, несерьезно отнесся к своей роли в фильме „Иван Грозный". Это несерьезный военачальник.

Жданов. Это не Малюта Скуратов, а какой-то „шапокляк"!

Сталин. Иван Грозный был более национальным царем, более предусмотрительным, он не впускал иностранное влияние в Россию, а вот Петр — открыл ворота в Европу и напустил слишком много иностранцев.

Черкасов говорит о том, что, к сожалению, и к своему стыду он не видел второй серии картины „Иван Грозный". Когда картина была смонтирована и показана, он в то время находился в Ленинграде.

Эйзенштейн добавляет, что он тоже в окончательном виде картину не видел, так как сразу после ее окончания заболел.

Это вызывает большое удивление и оживление.

Разговор кончается тем, что Сталин желает успеха и говорит: „Помогай бог!" <…>»

(Марьямов Г. Кремлевский цензор. Сталин смотрит кино. М. 1992. С. 84–92).

115 Имеется в виду внутренний телефон.

116 Семейный архив Ю. С. Соловьева.

117 ЗИС-110 был оснащен средствами подвижной радиосвязи в 1946 г. См.: Главный гараж России. От Собственного Его Императорского Величества гаража до Гаража особого назначения. 1907–2007. М. 2007. С. 178.

118 Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М. 2000. С. 21–22.

119 Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М. 1991. С. 252.

120 Джугашвили Я. И. (1908–?) — сын И. В. Сталина (Джугашвили) и Е. С. Сванидзе. Окончил Артиллерийскую академию имени Ф. Э. Джержинского. В июне–июле 1941 года командир 6-й батареи 2-го дивизиона 14-го гаубичного артиллерийского полка 14-й танковой дивизии.

О пленении Я. Джугашвили см.: Жиляев В. «Пленник». Был ли сын Сталина в немецких концлагерях? // Родина. 2002. № 9. С. 88–95.

121 Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М. 1974. Т. 2. С. 315–317.

122 Жуков Г. К. Битва за Москву // В кн.: Война. Народ. Победа. 1941–1945. Кн. 1. М. 1976. С. 70.

[123] Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 3 т. М. 1995. Т. 2. С. 259.

[124] Из документов известно, что 2 декабря 1941 года было рассчитано количество нарядов по трассе следования в случае эвакуации вождя, а еще через пять дней подготовили справку о порядке посадки на спецпоезда 1-го отдела НКВД.

[125] На самой даче тогда же близ главного входа установили спаренный зенитный пулемет. Руководил пулеметным расчетом один из офицеров охраны — лейтенант госбезопасности Туков.

[126] Семейный архив А. Н. Шефова. Эта листовка хранилась в книжном шкафу в первой комнате среди книг по военным вопросам.

[127] Одновременно с бункером на «Ближней» строилось бомбоубежище на территории Кремля. На окнах же кремлевской квартиры и кабинета Сталина были смонтированы специальные бронированные ставни толщиной 10–15 мм, закрывавшиеся изнутри.

[128] Артемьев П. А. (1897–1979) — в 1938–1941 годах командир дивизии особого назначения войск НКВД, затем начальник управления оперативных войск НКВД СССР, в 1941–1947 годах командующий войсками Московского военного округа, одновременно в 1941–1943 годах командующий войсками Московской зоны обороны, в 1947–1948 годах слушатель курсов при Высшей военной академии имени К. Е. Ворошилова, в 1949–1953 годах командующий войсками Московского военного округа, в 1953–1960 годах заместитель, первый заместитель командующего войсками Уральского военного округа, с 1960 года в отставке.

[129] Котляр Л. З. (1901–1953) — в 1940–1941 годах начальник управления Главного военно-инженерного управления РККА, в 1941–1942 годах начальник Главного военно-инженерного управления, начальник инженерных войск РККА, в апреле–сентябре 1942 года генерал-инспектор инспекции инженерных войск, в 1942–1945 годах начальник инженерных войск Воронежского, Юго-Западного и 3-го Украинского фронтов, в 1945–1951 годах начальник Военно-инженерной академии имени В. В. Куйбышева.

[130] Ширяев С.И. (1920–?) — в 1941 г. начальник отдела укрепрайонов Генштаба РККА.

[131] Вот что докладывали Берии: «По Вашему заданию 5-го октября в 17 часов мы выехали с двумя опергруппами по маршруту Москва — Подольск — Малый Ярославец — Ильинское.

В результате ознакомления с положением на месте, опроса отходящих военнослужащих и разведки установлено следующее: 2 октября на стыке 43-й и 33-й армий противник просочился в сторону Кирова, занял Киров и Спасск-Деменск.

5 октября в 6 км южнее Юхнова противником был выброшен парашютный десант, состоящий ориентировочно из 40 человек и 12 танкеток.

К 18 часам 5 октября противник силой до одного батальона при 12 танкетках с минометами, заняв Юхнов, вышел на рубеж реки Угра и оседлал Варшавское шоссе, где вступил в бой с находившимся в этом районе авиадесантным батальоном нашей 53-й авиабригады.

После того как противник просочился в стыке 33 и 43 армий, тыловые части этих армий начали панически бежать и 5 октября с раннего утра растянулись по шоссе до самой Москвы…

Юхнов и Медынь сильно пострадали от бомбежки вражеских самолетов, которая производилась несколько раз. Возникло много пожаров. В 3-х км от Ильинского от сброшенных бомб крупного калибра разрушено шоссе и порвана телефонная связь.

Для уничтожения противника на реку Угра из Ильинского выброшена одна рота курсантов Подольских курсов и 2 противотанковых батареи с задачей соединиться с нашим десантным батальоном, находящимся на Угре.

В Ильинском из числа задержанных красноармейцев и начсостава по состоянию на 22–23 часа 5.X организован отряд для обороны в составе 300 человек, который расположился на линии укрепрайона № 37. У отряда две пушки 75 мм, 3 ППД, 3 станковых пулемета, один ручной пулемет, 206 винтовок. Командует этим отрядом начальник Мало-Ярославецкого гарнизона полковник СМИРНОВ.

Кроме того, по пути из Малого Ярославца в Ильинское находились на 24 часа 5.X 64-й гаубичных полк в составе 5-ти орудий 152 мм гаубиц, 10-ти орудий 122 мм гаубиц.

По пути от Москвы через Подольск в направлении Малого Ярославца следуют колонны войск — артиллерия и пехота.

В связи с тем, что большое количество наземных частей движется в настоящее время по Варшавскому шоссе, необходимо в самом срочном порядке организовать патрулирование истребительной авиации в районе Варшавского шоссе для отражения налетов противника.

МАЙОР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ КЛЕПОВ СТ. МАЙОР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ЛЕОНТЬЕВ»

(Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 210–211).

[132] Симонов К. М. Глазами человека моего поколения: размышления о И. В. Сталине. М. 1990. С. 351.

[133] Анфилов В. А. «…Разговор закончился угрозой Сталина». Десять неизвестных бесед с маршалом Г.К. Жуковым в мае–июне 1965 года // Военно-исторический журнал. 1995. № 3. С. 44.

[134] См.: Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М. 1996. С. 173–176.

[135] Шпеер А. (1905–1981) — в 1942–1945 годах министр вооружений и боеприпасов Германии.

[136] Шпеер А. Воспоминания. Смоленск. 1996. С. 419.

[137] Тюленев И. В. (1892–1978) — в 1940–1941 годах командующий войсками Московского военного округа, в 1941–1942 годах командующий Южным фронтом, 28-й армией, в 1942–1945 годах командующий Закавказским военным округом и фронтом, в 1945–1946 годах командующий войсками Харьковского военного округа, с 1946 года в центральном аппарате Министерства обороны, с 1958 года в группе генеральных инспекторов Министерства обороны.

[138] Тюленев И. В. Через три войны. М. 1972. С. 147–148.

[139] Приводим полный текст постановления: «Ввиду неблагополучного положения в районе Можайской оборонительной линии Государственный Комитет Обороны постановил:

1. Поручить т. Молотову заявить иностранным миссиям, чтобы они сегодня же эвакуировались в г. Куйбышев (НКПС — т. Каганович обеспечивает своевременную подачу составов для миссий, а НКВД — т. Берия организует их охрану).

2. Сегодня же эвакуировать Президиум Верховного Совета, а также Правительство во главе с заместителем председателя СНК т. Молотовым (т. Сталин эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке).

3. Немедля эвакуироваться органам Наркомата Обороны в г. Куйбышев, а основной группе Генштаба — в Арзамас.

4. В случае появления войск противника у ворот Москвы поручить НКВД — т. Берия и т. Щербакову произвести взрыв предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать, а также все электрооборудование метро (исключая водопровод и канализацию).

Председатель Государственного Комитета Обороны

СССР И. СТАЛИН»

(Горьков Ю. Государственный комитет обороны постановляет. 1941–1945. Цифры. Документы. М. 2002. С. 506).

[140] Из беседы с И. М. Орловым. Семейный архив А. Н. Шефова.

[141] Рыбин А. Т. Сталин в октябре 1941 г. М. 1995. С. 10.

[142] Рыбин А. Т. Сталин в октябре 1941 г. М. 1995. С. 9.

[143] Шадрин Д. Н. (1906–?) — в феврале–апреле 1941 года начальник 3-го отдела НКГБ СССР, в апреле–июле 1941 года заместитель начальника 1-го отдела НКГБ СССР, в 1941–1943 годах заместитель начальника 1-го отдела НКВД СССР, в 1943–1946 годах начальник 2-го отдела — заместитель начальника 6-го управления НКГБ — МГБ СССР, в 1946–1949 годах заместитель начальника, начальник управления охраны 2-го Главного управления охраны МГБ СССР, в 1949–1950 годах в распоряжении управления кадров МГБ СССР, с 1950 года заместитель начальника УМГБ — УМВД — УКГБ Куйбышевской области.

[144] Рыбин А. Т. Сталин в октябре 1941 г. М. 1995. С. 9.

[145] Подробнее об обстановке в столице, настроениях населения и мероприятиях властей см.: Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М. 1995; Известия ЦК КПСС. 1991. № 1, 2, 4.

[146] В документе указаны самолеты Л-3. Очевидно, имеются в виду транспортные самолеты Ли-2.

[147] Спиридонов Н. К. (1902–1976) — в 1938 году начальник 3-го спецотдела НКВД СССР, в 1938–1953 годах начальник управления коменданта Кремля НКВД — НКГБ — МГБ СССР, комендант Кремля, с 1953 года в отставке.

[148] См.: Жиляев В. «Пленник». Был ли сын Сталина в немецких концлагерях? // Родина. 2002. № 9. С. 88–95.

[149] Ежов Н. И. (1895–1940) — в 1922–1927 годах секретарь Семипалатинского губкома и Казахского крайкома РКП(б) — ВКП(б), в 1927–1929 годах заместитель заведующего учетно-распределительным отделом ЦК ВКП(б), в 1929–1930 годах заместитель наркома земледелия СССР, в 1930–1934 годах заведующий распредотделом, отделом кадров ЦК ВКП(б), в 1934–1935 годах заместитель председателя, в 1935–1939 годах председатель Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), одновременно в 1934–1935 годах заведующий промышленным отделом ЦК ВКП(б), в 1935–1936 годах заведующий отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б), в 1935–1939 годах секретарь ЦК ВКП(б), в 1936–1938 годах нарком внутренних дел СССР, в 1938–1939 годах нарком водного транспорта СССР. 10 апреля 1939 года арестован, 4 февраля 1940 года расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. Не реабилитирован.

[150] Подробнее см.: Трагедия в Медведевском лесу. О расстреле политзаключенных Орловской тюрьмы // Известия ЦК КПСС. 1990. № 11.

[151] «Государственный комитет обороны товарищу СТАЛИНУ

В связи с военными действиями между СССР и Германией, некоторая — наиболее озлобленная часть содержащихся в местах заключения НКВД преступников ведет среди заключенных пораженческую агитацию и пытается подготовить побеги для возобновления подрывной работы.

Представляя при этом список на 170 заключенных, разновременно осужденных за террористическую, шпионско-диверсионную и иную контрреволюционную работу, НКВД СССР считает необходимым применить к ним высшую меру наказания — расстрел.

Рассмотрение материалов поручить Военной Коллегии Верховного Суда СССР.

Прошу Ваших указаний.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР Л. Берия» (Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 124–125).

[152] Жигарев П. Ф. (1904–1963) — в 1941–1942 годах заместитель наркома обороны СССР и начальник Главного управления ВВС, в 1942–1945 годах командующий ВВС Дальневосточного фронта, в 1946–1949 годах первый заместитель главнокомандующего, в 1949–1957 годах главнокомандующий ВВС, одновременно в 1949–1955 годах заместитель военного министра (министра обороны) СССР, в 1955–1957 годах первый заместитель министра обороны СССР, в 1957–1959 годах начальник Главного управления Гражданского воздушного флота, в 1959–1963 годах начальник Военной командной академии ПВО.

[153] Яковлев Н. Д. (1898–1972) — в 1941–1948 годах начальник Главного артиллерийского управления и член Военного совета Красной армии, одновременно с 1946 года первый заместитель командующего артиллерией, в 1948–1951 годах заместитель министра Вооруженных сил СССР. В 1952 году арестован, в 1953 году освобожден и реабилитирован. В 1953–1955 годах первый заместитель командующего, в 1955–1960 годах главнокомандующий войсками ПВО, с 1960 года в Группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

[154] Новиков А. А. (1900–1976) — в 1941–1942 годах командующий ВВС Северного и Ленинградского фронтов, в 1942–1946 годах командующий ВВС Красной армии, одновременно заместитель наркома обороны (министра Вооруженных сил) СССР. В 1946 году арестован, в 1953 году освобожден и реабилитирован. В 1953–1955 годах командующий дальней авиацией, одновременно в 1954–1955 годах заместитель главнокомандующего ВВС, с 1956 года на пенсии. В 2000 году реабилитирован в соответствии с Законом РФ «О реабилитации жертв политических репрессий».

[155] Щаденко Е. А. (1885–1951) — в 1941–1943 годах заместитель наркома обороны СССР — начальник Главного управления формирования и укомплектования войск РККА, в 1943–1944 годах член Военного совета Южного, 4-го Украинского фронтов, с 1945 года в аппарате Наркомата обороны.

[156] Кузнецов Н. Г. (1902–1974) — в 1937–1938 годах заместитель командующего, в 1938–1939 годах командующий Тихоокеанским флотом, в 1939–1946 годах нарком Военно-морского флота СССР и главнокомандующий ВМС, в 1946–1947 годах главнокомандующий ВМС — заместитель наркома Вооруженных сил СССР, в 1947–1948 годах начальник управления военно-морских учебных заведений, в 1948–1950 годах заместитель главнокомандующего войсками Дальнего Востока по военно-морским силам, в 1951–1953 годах военно-морской министр СССР, в 1953–1955 годах первый заместитель министра обороны СССР и главнокомандующий ВМС, с 1956 года в отставке.

[157] Исторический архив. 1996. № 2. С. 64.

[158] Во исполнение постановления ГКО Военная коллегия Верховного суда под председательством В. В. Ульриха, не утруждая себя ни возбуждением уголовного дела, ни проведением предварительного следствия и судебного разбирательства, вынесла обвинительный приговор 161 заключенному Орловской тюрьмы. Как упоминалось, список на 170 заключенных составлялся в спешке, 9 человек вообще включили в него по ошибке. Одни к тому моменту уже умерли, другие были переведены в иные места заключения. Более того, в списке значилась фамилия человека, которого оправдали еще в мае 1941 года за отсутствием состава преступления, но продолжали содержать в Орловской тюрьме. Его ликвидировали вместе со всеми «осужденными». 11 сентября в Медведевском лесу в десяти километрах от Орла были расстреляны 157 человек. Еще четверых приговоренных расстреляли в тех тюрьмах, где они содержались.

[159] Подробнее см.: Ю. Васильев. Тайна Медведевского леса // Гласность. 1990. 22 ноября.

[160] Одним из поводов для широкомасштабной чистки рядов командного состава противовоздушной обороны и военно-воздушных сил послужил несанкционированный советскими властями полет немецкого транспортного самолета. 15 мая 1941 года на Центральном аэродроме столицы Советского Союза приземлился «юнкерс» с опознавательными знаками «Люфтганзы». Скандал разразился оттого, что тихоходный самолет дружественной в то время державы, пролетевший от Белостока до Москвы через Минск и Смоленск, не обнаружила ни одна из частей ПВО. (Подробнее см.: Жирнов Е. Враги прилетели // Коммерсантъ Власть. 2001. 5 июня.) Выяснение причин, как и следовало ожидать, привело к «разоблачению» очередного «заговора» всецело подконтрольными генсеку карательными органами.

Можно было обвинить авиаторов в халатности, разгильдяйстве, выяснить действительные причины, по которым обнаружить «юнкерс» не удалось, но генсека такой подход не устраивал. Подвергшийся жесточайшим пыткам по указанию вождя начальник управления ПВО генерал-полковник Г. М. Штерн показал на допросе, что с 1931 года являлся участником военно-заговорщической организации и агентом немецкой разведки. Вместе со Штерном были арестованы заместитель наркома обороны генерал-лейтенант П. В. Рычагов, помощник начальника Генштаба по авиации Я. В. Смушкевич, командующий войсками Прибалтийского военного

округа генерал-полковник А. Д. Локтионов, начальник штаба ВВС П. С. Володин, начальник Военной академии ВВС генерал-лейтенант Ф. К. Арженухин, замначальника управления вооружений Главного управления ВВС И. Ф. Сакриер и десятки других командиров. Как водится, аресту подлежали и члены семей «врагов народа». 24 июня прямо на летном поле арестовали жену Рычагова —известную военную летчицу, замкомандира авиаполка майора М. П. Нестеренко.

[161] В начале войны продолжались репрессии военнослужащих по обвинениям в «антисоветском военном заговоре». В материалах следствия содержатся «данные» о вовлечении обвиняемых в заговор Уборевичем, Якиром и другими «врагами народа», расстрелянными в конце 30-х годов. В состав заговорщиков были включены нарком вооружений Ванников, арестованный 7 июня 1941 года, заместитель наркома обороны Мерецков, начальник Главного артиллерийского управления Красной армии генерал-майор Савченко, его заместитель генерал-майор Каюков, начальник Разведуправления генерал-лейтенант Проскуров, артиллерийский конструктор Таубин и многие-многие другие. Участников «антисоветского военного заговора» продолжали арестовывать и в конце 1941 года, и в 1942–1943 годах. Многие из них арестовывались по показаниям тех обвиняемых, кого допрашивали еще в 1937–1938 годах.

[162] Вот его текст: «Сим объявляется, что оборона столицы на рубежах, отстоящих на 100–120 км западнее Москвы, поручена командующему Западным фронтом генералу армии т. Жукову, а на начальника гарнизона г. Москвы генерал-лейтенанта т. Артемьева возложена оборона Москвы на ее подступах. В целях тылового обеспечения обороны Москвы и укрепления тыла войск, защищающих, а также в целях пресечения подрывной деятельности шпионов, диверсантов и других агентов немецкого фашизма Государственный Комитет Обороны ПОСТАНОВИЛ:

1. Ввести с 20 октября 1941 г. в г. Москве и прилегающих к городу районах осадное положение.

2. Воспретить всякое уличное движение как отдельных лиц, так и транспортов с 12 час. ночи до 5 час. утра, за исключением транспортов и лиц, имеющих специальные пропуска от коменданта г. Москвы, причем в случае объявления воздушной тревоги передвижение населения и транспортов должно происходить согласно правилам, утвержденным московской противовоздушной обороной и опубликованным в печати.

3. Охрану строжайшего порядка в городе и в пригородных районах возложить на коменданта г. Москвы генерал-майора т. Синилова, для чего в распоряжение коменданта предоставить войска внутренней охраны НКВД, милиции и добровольные отряды.

4. Нарушителей порядка немедленно привлекать к ответственности с передачей суду военного трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте.

Государственный Комитет Обороны призывает всех трудящихся столицы соблюдать порядок и спокойствие и оказывать Красной Армии, обороняющей Москву, всякое содействие.

Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин» (Правда. 1941. 20 октября).

[163] Синилов К. Р. (1902–1957) — с сентября 1941 года командир мотострелковой дивизии войск НКВД, в 1941–1953 годах комендант г. Москвы.

[164] Вот одно из первых донесений Синилова Берии и Артемьеву: «С 21 часа до 24 часов 20.10.41 произведена оперативная проверка домовладений, вокзалов, ресторанов, гостиниц и других мест концентрации граждан города.

В обходах и облавах участвовало 2500 бойцов и командиров войсковых частей, 3017 чел. работников милиции. Всего 5517 человек с общим количеством групп 278.

В результате операции по городу задержано 283 чел.

Из них: дезертиров 26 ч., нарушителей паспортного закона 244 ч., за проституцию 13 ч.

Все задержанные проверяются» (Известия ЦК КПСС.

1991. № 2. С. 215). Об осадном положении в Москве см. также: Исторический архив, 1997, № 3. С. 91–99.

[165] См.: Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М. 1995. С. 551–552.

[166] Логинов В. Тени Сталина. Генерал Власик и его соратники. М. 2000. С. 128.

[167] Вот его текст: «В последние годы, мы, жители России, утешали себя надеждой, что военный пожар, охвативший едва не весь мир, не коснется нашей страны. Но фашизм, признающий законом только голую силу и привыкший глумиться над высокими требованиями чести и морали, оказался и на этот раз верным себе. Фашиствующие разбойники напали на нашу родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени пред неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью родины, кровными заветами любви к своему отечеству.

Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божею помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении,

потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге пред родиной и верой и выходили победителями.

Не посрамим же их славного имени и мы — православные, родные им и по плоти, и по вере. Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может. Тут есть дело рабочим, крестьянам, ученым, женщинам и мужчинам, юношам и старикам. Всякий может и должен внести в общий подвиг свою долю труда, заботы и искусства.

Вспомним святых вождей русского народа, например Александра Невского, Димитрия Донского, полагавших свои души за народ и родину. Да и не только вожди это делали. Вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов, безвестные имена которых русский народ увековечил в своей славной легенде о богатырях Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче, разбивших наголову Соловья-разбойника.

Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг.

Если кому, то именно нам нужно помнить заповедь Христову: «Больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя». Душу свою полагает не только тот, кто будет убит на поле сражения за свой народ и его благо, но и всякий, кто жертвует собой, своим здоровьем или выгодой ради родины. Нам, пастырям Церкви, в такое время, когда отечество призывает всех на подвиг, недостойно будет лишь молчаливо посматривать на то, что кругом делается, малодушного не ободрить, огорченного не утешить, колеблющемуся не напомнить о долге и о воле Божией, а если, сверх того, молчаливость пастыря, его некасательство к переживаемому паствой объяснится еще и лукавыми соображениями насчет возможных выгод на той стороне границы, то это будет прямая измена родине и своему пастырскому долгу, поскольку Церкви нужен пастырь, несущий свою службу истинно «ради Иисуса, а не ради хлеба куса», как выражался святитель Димитрий Ростовский. Положим же души своя вместе с нашей паствой. Путем самоотвержения шли неисчислимые тысячи наших православных воинов, полагавших жизнь свою за родину и веру во все времена нашествий врагов на нашу родину. Они умирали, не думая о славе, они думали только о том, что родине нужна жертва с их стороны, и смиренно жертвовали всем и самой жизнью своей.

Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей родины.

Господь нам дарует победу.

Патриарший местоблюстительсмиренный Сергий,

митрополит Московский и Коломенский». (Цит. по: Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М. 1995. С. 44–46.)

[168] Голубев К. Д. (1896–1956) — в 1941 году командующий 10-й, 13-й армиями, в 1941–1944 годах командующий 43-й армией, затем в распоряжении Ставки ВГК, в 1944–1949 годах заместитель, первый заместитель уполномоченного Совнаркома СССР по делам репатриации граждан СССР, в 1949–1953 годах преподаватель Военной академии Генерального штаба.

[169] В донесении командующего 43-й армией говорилось:

«Тов. СТАЛИН!

Разрешите, пользуясь случаем, что к Вам едет генерал-лейтенант тов. Петров, обратиться с кратким, вполне откровенным докладом:

1. Авиация тов. Петрова нашей 43 армии крепко помогла, как массированными ударами по группировкам противника, так и по прикрытию своих войск, в частности 93 с.[трелковой] д.[ивизии]. Хотелось бы, чтобы эта помощь под руководством тов. Петрова была бы и впредь.

2. Армия перестала бежать и около 20 суток бьет морду противнику; на Подольск его не пускает и не пустит. Пришлось в гуще боя человек 30 расстрелять, кого надо — обласкать, и до 600 человек представили к правительственной награде.

3. Сейчас много работаем над тем, чтобы сделать нашу оборону противотанковой, противопехотной, противоартиллерийской и противовоздушной. Подводим итоги боев, с задачей к грядущим боям подготовиться еще лучше. Стараемся теоретически и практически обобщить этот опыт в штабах, передать его в войска, в академии и школы. Стараемся передать его молодому пополнению и вновь прибывающим частям. В войсках сейчас минометы наши получили права гражданства, и не только, немцы действуют ими, но и мы бьем их этим оружием. Хорошо также то, что много убитых и раненых немцев гибнет от наших пуль, — это значит личное оружие, бойцов стало действовать лучше. Не очень ещё хорошо, но лучше стала работать наша разведка. Почти ежедневно имеем пленных, причем отрадно то, что видят воочию все наши жалкий облик немецкого солдата (плохо одеты, часто голодные, вшивые, грязные, часто морально подавленные). Мы не отдадим им больше ни одной деревни, все их будем разрушать и сжигать, чтобы заморозить немцев. Я ответственно рапортую Вам о хорошей работе в целом нашей артиллерии и в частности РС [РС — „катюши". — *Авт.*]. Хорошо также работает зенитная артиллерия, которая за 10 суток сбила 11 самолетов врага.

4. Мы чувствуем себя сейчас настолько крепко, что если к нашим силам добавить имеющиеся в полосе армии одну с[трелковую] д[ивизию] (19) и танковую дивизию и ту авиацию, которой руководил т. Петров, — то мы успешно выполним и наступательную задачу на том направлении, где это требуется обстановкой, где Вы прикажете.

5. Просьба:

а) перестать применять ко мне, как к командующему, политику кнута, как это имело место в первые 5 дней. На второй день по приезде меня обещали расстрелять, на третий день отдать под суд, на четвертый день грозили расстрелять перед строем армии.

Тов. Сталин! Мне ясна обстановка, задачи, ответственность, мне не менее, чем старшим начальникам, дорога партия, родина. Я в лепешку расшибусь, чтобы выполнить задачу, не боясь ничего, с группой работников подавал пример в бою, и голая ругань, угрозы расстрела, ненужное дерганье по мелочам способны только выбивать почву из-под ног, создают обстановку, когда стыдно смотреть в глаза подчиненным, которые читают эти документы и создают ненужную нервозность. Лучше, если бы старшие начальники приехали и посмотрели, как мы работаем, или бы прислали кого-нибудь. Сейчас стало лучше. Я бы не хотел, чтобы это было понято как жалоба на Военный совет фронта, отношение которого сейчас ко мне стало нормальным.

б) Дозарезу нужны сейчас лыжи и нужно теплое белье. Лыжи нужны в первую очередь для разведки. Хотим также создать при штабе армии полк лыжников, вооруженный автоматами, для действий в тылу и на флангах противника. Нужна конница, хотя бы один полк. Своими силами сформировали только эскадрон.

Командующий 43 армией генерал-майор ГОЛУБЕВ» (Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 220–221).

170 См.: Волкогонов Д. А. Сталин. Политический портрет. В 2 кн. Кн. 2. М. 1996. Вклейка между с. 64 и с. 65.

171 Телеграммы с текстом приказа рассылались командованию Северо-Западного, Западного, Калининского фронтов, а также командующим отдельных армий, входивших в Московскую зону обороны.

172 Исторический архив. 1993. № 3. С. 149–150.

173 Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 207.

174 Из беседы с И. М. Орловым в 1959 году. Семейный архив А. Н. Шефова.

175 Пока документально подтверждена лишь одна сталинская поездка на фронт в начале августа 1943 года. Тогда Сталин встречался с командующими Западного и Калининского фронтов на смоленском направлении (См.: История Второй мировой войны. М. 1976. Т. 7. С. 241).

176 Постановление гласило: «В целях оказания неотложной помощи рабочей силой предприятиям угольной промышленности, черной металлургии и лесозаготовкам Наркомлеса СССР в районах Камского бассейна Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Разрешить НКО СССР во изменение порядка, установленного Постановлением ГОКО от 4 ноября 1944 года № 6884с, направить для работы на предприятия угольной промышленности, черной металлургии и на лесозаготовки Наркомлеса СССР в районы Камского бассейна военнослужащих Красной Армии, освобожденных из немецкого плена, прошедших предварительную регистрацию.

2. Обязать НКО СССР (т. Смородинова) направить на предприятия угольной промышленности, черной металлургии и на лесозаготовки Наркомлеса в районы Камского бассейна военнообязанных недемобилизуемых возрастов из числа репатриируемых советских граждан, признанных по состоянию здоровья годными к военной службе и подлежащих по закону мобилизации в Красную Армию.

3. Обязать НКО СССР (т. Смородинова) в соответствии с пунктами 1 и 2 настоящего постановления направить до 1 ноября 1945 года 360 тыс. человек, из них:

а) Наркомуглю 240 тыс. человек с распределением по угольным бассейнам и комбинатам, согласно приложению № 1;

б) Наркомчермету 100 тыс. человек с распределением по предприятиям, согласно приложению № 2;

в) Наркомлесу СССР 20 тыс. человек для лесозаготовок в районе Камского бассейна.

Направление на работу в промышленность бывших военнослужащих и военнообязанных производить организованными батальонами.

4. Организацию в батальоны бывших военнопленных и военнообязанных и направление их в промышленность возложить на НКО СССР.

На каждый батальон выделять по 10 человек офицеров Красной Армии.

Размещение прибывающих для работы в промышленность батальонов, их материальное обеспечение и продовольственное снабжение возложить на соответствующие наркоматы, причем офицерский состав батальонов удовлетворять всеми видами довольствия по нормам, установленным в Красной Армии по штатным должностям.

5. Поручить комиссиям в составе представителей НКВД, НКГБ и „СМЕРШ" НКО в местах работы организовать проверку состоящих в батальонах бывших военнопленных, обеспечив проверку в 2–3 месяца.

По окончании проверки все проверенные, за исключением лиц, подлежащих направлению в лагери НКВД или для расселения в отдаленных районах, передаются в постоянные кадры предприятий, на которых они работают.

6. Всех выявленных при регистрации и последующей проверке органами НКВД, НКГБ и „СМЕРШ" НКО среди бывших военнопленных и военнообязанных лиц, служивших в немецкой армии, в специальных немецких формированиях, «власовцев» и полицейских, в батальоны не включать и передавать Наркомвнуделу для расселения и использования на работах в районах Норильского и Ухтинского комбинатов НКВД СССР, Печорском угольном бассейне, а также на лесозаготовках в верховьях р. Камы Молотовской области.

Установить, что предусмотренные настоящим пунктом спецконтингенты расселяются в указанных выше районах на положении спецпереселенцев и обязаны отработать на предприятиях 6 лет.

Разрешить НКВД СССР желающим из них выписывать семьи для совместного проживания, оказывая содействие семьям спецпереселенцев в переезде к месту работы главы семьи и устройству на месте.

7. Установить, что количество бывших военнопленных, направляемых для расселения в отдаленные работы, согласно п. 6 настоящего Постановления, из числа 360 тыс. человек компенсируется Наркомуглю, Наркомчермету и Наркомлесу за счет последующих организованных поступлений бывших военнопленных в порядке, установленном в пунктах 1 и 2 настоящего Постановления, но не позже 20 декабря 1945 г.

8. Разрешить НКВД СССР (т. Чернышову) и Наркомуглю (т. Вахрушеву), из числа предназначенных для работы на предприятиях Наркомугля военнопленных немцев, направить Наркомлесу для лесозаготовок 25 тыс. человек по мере фактического получения Наркомуглем бывших военнопленных, направляемых Наркомуглю в соответствии с настоящим Постановлением.

9. Установить, что военнослужащие и военнообязанные, направляемые для работы на предприятиях Наркомугля, Наркомчермета и Наркомлеса в соответствии с настоящим Постановлением, подлежат перевозке из сборно-пересыльных пунктов и лагерей к месту работы в первую очередь.

10. Поручить т. Ковалеву (НКПС), т. Дмитриеву (ЦУП ВОСО) совместно с заинтересованными наркоматами в декадный срок составить план перевозки рабочих, направляемых на предприятия в соответствии с настоящим постановлением, из расчета отправки не менее 10 тыс. человек ежесуточно.

Т.т. Ковалеву и Дмитриеву обеспечить подачу оборудованного подвижного состава для отправки указанных рабочих к месту работы, а также организовать диспетчерское наблюдение, обеспечивающее быстрейшее движение эшелонов по назначению.

11. Разрешить Наркомуглю (т. Вахрушеву), Наркомчермету (т. Тевосяну) иНаркомлесу (т. Салтыкову) выдавать рабочим, направляемым в соответствии с настоящим Постановлением на предприятия и стройки:

а) ссуды на индивидуальное жилищное строительство в размере 15 тыс. рублей с погашением в течение 15 лет;

б) ссуды на хозяйственное обзаведение рабочим лавы и забоя в размере до 5 тыс. рублей; прочим подземным рабочим, а также рабочим, занятым на горячих и вредных работах, до 3 тыс. рублей и остальным рабочим, занятым на предприятиях указанных наркоматов, до 2 тыс. рублей со сроком погашения до 5 лет.

12. Обязать председателей исполкомов выделять рабочим, направляемым на стройки Наркомугля, Наркомчермета и Наркомлеса в соответствии с настоящим Постановлением, необходимые земельные участки для индивидуального жилищного строительства по заявкам директоров предприятий этих наркоматов.

13. Предоставить право всем военнослужащим, освобожденным из немецкого плена, военнообязанным и репатриируемым советским гражданам, направляемым на работы на предприятия в соответствии с настоящим Постановлением, привозить к месту работы членов своих семей, с оплатой стоимости проезда за счет предприятий.

14. Обязать председателей колхозов, директоров предприятий и руководителей учреждений безоговорочно отпускать членов семей рабочих, направляемых для работы на предприятия и стройки в соответствии с настоящим Постановлением, по вызовам директоров предприятий и начальников строек.

15. Обязать Наркомуголь (т. Вахрушева), Наркомчермет (т. Тевосяна) и Наркомлес (т. Салтыкова) обеспечить прибывающих рабочих в соответствии с настоящим Постановлением оборудованным жилищем и должным культурно-бытовым обслуживанием, а также организовать производственное обучение новых рабочих.

Председатель Государственного Комитета Обороны

И. Сталин».

177 Из беседы с Ю. С. Соловьевым в 2003 году. Семейный архив А. Н. Шефова.

178 Кий отличался от других тем, что внизу был прикреплен круглый красный резиновый набалдашник. Орлов подтверждал, что этим кием Сталин пользовался чаще, чем другими. Семейный архив А. Н. Шефова.

179 Логинов В. М. Тени Сталина: Генерал Власик и его соратники. М. 2000. С. 76.

180 Семейный архив А. Н. Шефова.

[181] Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине. М. 1990. С. 367–368.

[182] Возможно, именно с тех пор Хрущев невзлюбил бильярд. Как рассказывал сын А. П. Чемоданова Г. А. Чемоданов, более 50 лет возглавлявший бильярдную мастерскую в хозяйственном управлении Управления делами Совмина, вскоре после того как Хрущев стал первым секретарем ЦК КПСС, на его даче в Петрово-Дальнем построили бильярдную. Однако новоиспеченный лидер партии даже ни разу не заглянул туда.

[183] Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2. М. 1974. С. 382–384.

[184] Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М. 2000. С. 25.

[185] Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2. М. 1974. С. 504–508.

[186] Мао Цзэдун (1893–1976) — с 1943 года председатель ЦК КПК, один из основателей партии. В 1949–1954 годах председатель Центрального народного правительства и Народно-революционного совета КНР. В 1954–1959 годах председатель КНР.

[187] Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива. Сб. документов. Берлин. Чикаго. Токио. Москва. 1993. С. 157–158.

[188] Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Ч. 2. М. 1990. С. 8–10.

[189] Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. М. 2001. С. 140.

[190] Директива № 1 наркома обороны, разрешавшая привести войска в боевую готовность, была передана в приграничные военные округа 22 июня в 0 часов 30 минут. Ею одновременно предписывалось не поддаваться ни на какие провокационные действия.

[191] Из беседы с В. М. Туковым. Семейный архив А. Н. Шефова.

[192] Димитров Г. М. (1882–1949) — в 1935–1943 годах генеральный секретарь Исполкома Коминтерна, с 1942 года руководитель Отечественного фронта Болгарии, с 1946 года председатель Совета Министров Народной Республики Болгарии, с 1948 года генеральный секретарь ЦК Болгарской коммунистической партии.

[193] Мануильский Д. З. (1883–1959) — в 1921–1922 годах секретарь ЦК КП(б) Украины, в 1922–1924 годах уполномоченный Исполкома Коминтерна в Италии, в 1924–1943 годах член Исполкома Коминтерна, член Президиума Исполкома Коминтерна, в 1928–1943 годах секретарь Исполкома Коминтерна, в 1943–1944 годах заместитель заведующего отделом международной информации ЦК ВКП(б), в 1944-1953 годах заместитель Председателя Совнаркома (Совмина) и нарком (министр) иностранных дел УССР. С 1953 года на пенсии.

[194] Кребс Г. (1898–1945) — в 1936–1939 годах помощник военного атташе в Москве, в 1939–1941 годах начальник штаба VII армейского корпуса, в 1941–1943 годах начальник штаба 9-й армии, в 1943–1944 годах начальник штаба группы армий «Центр», в 1945 году помощник начальника Генерального штаба по оперативным вопросам, начальник Генерального штаба.

[195] Чуйков В. И. (1900–1982) — в 1940–1942 годах военный атташе при полпреде СССР в Китае, в 1942–1945 годах командующий 62-й армией, в 1945–1953 годах заместитель, первый заместитель главнокомандующего, главнокомандующий Группой советских войск в Германии, одновременно в 1949–1953 годах председатель Союзной контрольной комиссии в Германии. В 1953–1960 годах командующий войсками Киевского военного округа, с 1960 года заместитель министра обороны СССР и главнокомандующий сухопутными войсками, в 1961–1972 годах начальник Гражданской обороны СССР, с 1972 года в Группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

[196] Телегин К. Ф. (1899–1981) — в 1941–1943 годах член Военного совета Московского военного округа, Донского и Центрального фронтов, в 1944–1945 годах член Военного совета 1-го Белорусского фронта, с июля 1945 года член Военного совета Группы советских войск в Германии, в апреле 1946 года отозван в распоряжение Главного политуправления Вооруженных сил СССР, с августа 1946 года слушатель Особой группы высших курсов усовершенствования политсостава, в июне 1947 года уволен из армии, в январе 1948 года арестован и в 1952 году осужден. Реабилитирован в 1953 году.

[197] Текст совершенно секретного спецсообщения гласил:

«Верховному главнокомандующему Маршалу Советского Союза

Товарищу И. Сталину

2-го мая 1945 года в городе Берлин на территории имперской канцелярии рейхстага на Вильгельмштрассе, где в последнее время была ставка Гитлера, обнаружены обгоревшие трупы, в которых опознаны имперский министр пропаганды Германии доктор Геббельс и его жена.

3-го мая с. г. на той же территории в штаб-квартире Геббельса (бомбоубежище на глубине до 80 метров) обнаружены и извлечены трупы шестерых детей Геббельса.

По всем признакам трупов детей можно судить, что они были отравлены сильно действующими ядами.

Лично начальником Управления контрразведки „Смерш“ 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенантом товарищем Вадис были предъявлены обнаруженные трупы задержанным: личному представителю гросс-адмирала Деница при ставке Гитлера — вице-адмиралу Фоссу, начальнику гаража рейхсканцелярии Шнайдеру,

повару Ланге, начальнику технических учреждений имперской канцелярии Циму, в которых они опознали Геббельса, его жену и детей.

При осмотре трупов Геббельса и его жены были обнаружены золотые значки партии НСДАП, 2 пистолета „Браунинг № 1", портсигар с монограммой от Гитлера. По заявлению Фосса, золотой значок имела только единственная женщина в Германии — жена Геббельса, который ей был вручен Гитлером за 3 дня до его самоубийства, а также Фосс опознал личную подпись Гитлера на портсигаре.

На территории имперской канцелярии во дворе министерства пропаганды был обнаружен труп в форме генерала, в котором Фосс опознал генерал-лейтенанта Кребса, являвшегося начальником генерального штаба сухопутных сил

Германии. Кроме того, на подкладке мундира у левого бокового кармана обнаружена нашивка с надписью „Кребс".

1 мая с. г. Кребс приходил в 8-ю гвардейскую армию нашего фронта в качестве парламентера для переговоров о капитуляции. При осмотре трупа обнаружено пулевое отверстие с правой стороны подбородка с выходным отверстием в затыльной части головы, что свидетельствует о его самоубийстве.

Трупы Геббельса, его семьи, а также Кребса находятся в „Смерш".

Командующий войсками 1 Белорусского фронта Маршал Советского Союза Жуков

Член Военного совета 1 Белорусского фронта генерал-лейтенант Телегин

3 мая 1945 года г. Берлин»

В сопроводительной справке указано время передачи спецсообщения:

«1. Принял по „ВЧ" — подполковник Пенин, в 21 час 30 мин. 3 мая 1945 года

2. Передал — подполковник Васильев — 3.V.1945 г., в 21 час 30 мин.» (Агония и смерть Адольфа Гитлера. Сост. В. К. Виноградов, Я. Ф. Погоний, Н. В. Тепцов. М. 2000. С. 21–22).

198 Правда. 1945. 10 июня. Цит. по: Агония и смерть Адольфа Гитлера. Сост. В. К. Виноградов, Я. Ф. Погоний, Н. В. Тепцов. М. 2000. С. 15.

199 Иногда обслуживающий персонал и сотрудники охраны называли комнату «Большой столовой», поскольку именно здесь Сталин часто собирал гостей. Хозяин, услышав это неофициальное название, всегда переспрашивал: «Где?» И «проштрафившийся» сразу же поправлялся: «В Большом зале».

200 Ильичев Л. Ф. (1906–1990) — в 1938–1940 годах ответственный секретарь журнала «Большевик», в 1940–1944 годах член редколлегии и ответственный секретарь газеты «Правда», в 1944–1946 годах редактор газеты «Известия», в 1948–1949 годах заместитель начальника управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), затем первый заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), в 1949–1952 годах первый заместитель главного редактора, главный редактор газеты «Правда», в 1953–1958 годах заведующий отделом печати МИД СССР, в 1958–1961 годах заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам, в 1961–1965 годах секретарь ЦК КПСС, в 1965–1989 годах заместитель министра иностранных дел СССР, с 1989 года советник при МИД СССР.

201 Антонов А. И. (1896–1962) — в 1941–1942 годах начальник штаба Южного, Северо-Кавказского фронтов, затем Черноморской группы войск и Закавказского фронта, в 1942–1943 годах первый заместитель начальника Генерального штаба и начальник оперативного управления, с мая 1943 года первый заместитель начальника Генерального штаба, с февраля 1945 года начальник Генерального штаба, в 1946–1948 годах первый заместитель начальника Генерального штаба, в 1950–1954 годах командующий войсками Закавказского военного округа, с апреля 1954 года первый заместитель начальника Генерального штаба, с 1955 года начальник штаба Объединенных вооруженных сил государств—участников Варшавского договора.

202 Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М. 1968. С. 267–268.

203 Джилас М. Беседы со Сталиным. М. 1992. С. 60–61.

204 Впрочем, о том, как Берия и другие сталинские приближенные, подбадриваемые вождем, заставляли напиваться приглашенных на обед, чтобы вызвать их на откровенность, рассказывали и отечественные партийцы, например Чадаев и Ильичев. Маршал Конев считал, что генсек делает это для развлечения, Микоян и другие — для того, чтоб развязались языки.

205 Джилас М. Беседы со Сталиным. М. 1992. С. 109.

206 Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М. 1998. С. 521–522.

207 Джилас М. Беседы со Сталиным. М. 1999. С. 84.

208 О том, как располагались гости за обеденным столом, упоминал Джилас. Он также оставил прелюбопытное описание сталинских соратников. Приведем два «портрета» — Берии и Маленкова. Как вы помните, они были первыми, кто приехал к заболевшему вождю по вызову охраны. «Как обычно, около десяти часов вечера мы собрались за столом у Сталина — я приехал вместе с Тито. Во главе стола сел Берия, справа Маленков,

затем я и Молотов, потом Андреев и Петрович, а слева Сталин, Тито, Булганин и генерал Антонов, начальник Генерального штаба.

Берия был тоже небольшого роста — в Политбюро у Сталина, наверное, не было людей выше его. Берия тоже был полный зеленовато-бледный, с мягкими влажными ладонями. Когда я увидел его четырехугольные губы и жабий взгляд сквозь пенсне, меня как током ударило — настолько он был похож на Вуйковича, одного из начальников белградской королевской полиции, особым пристрастием которого было мучить коммунистов. Только усилием воли я отогнал от себя неприятное сравнение, напрашивавшиеся на себя так назойливо еще потому, что сходство было не только внешнее, а и в выражении — смесь самоуверенности, насмешливости, чиновничьего раболепия и осторожности.

Маленков был еще более низкорослым и полным, но типичным русским с монгольской примесью — немного рыхлый брюнет с выдающимися скулами. Он казался замкнутым, внимательным человеком без ярко выраженного характера. Под слоями и буграми жира как будто двигался еще один человек, живой и находчивый, с умными и внимательными черными глазами» (Джилас М. Беседы со Сталиным. М. 1992. С. 84).

В уголовном деле Берии сохранилась анкета арестованного. В ней приведен его словесный портрет: «1. Рост — средний. 2. Фигура — полная. 3. Плечи — опущены. 4. Шея — короткая. 5. Цвет глаз — карий. 6. Лоб — прямой. 7. Брови — прямые. 8. Нос — большой. 9. Рот — большой. 10. Губы — толстые. 11. Уши — большие, овальные. 12. Особые приметы — плешивость».

[209] Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М. 1968. С. 301–303.

[210] Джилас М. Беседы со Сталиным. М. 1992. С. 115.

[211] Из беседы с Д. Ф. Устиновым в 1977 году. Семейный архив А. Н. Шефова.

[212] Котин Ж. Я. (1908–1979) — с 1937 года главный конструктор Кировского завода, в 1941–1945 годах главный конструктор танкового завода, заместитель наркома танковой промышленности.

[213] Дневник наркома. «Пройдет десяток лет, и эти встречи не восстановишь уже в памяти» // Источник. 1997. № 5. С. 118.

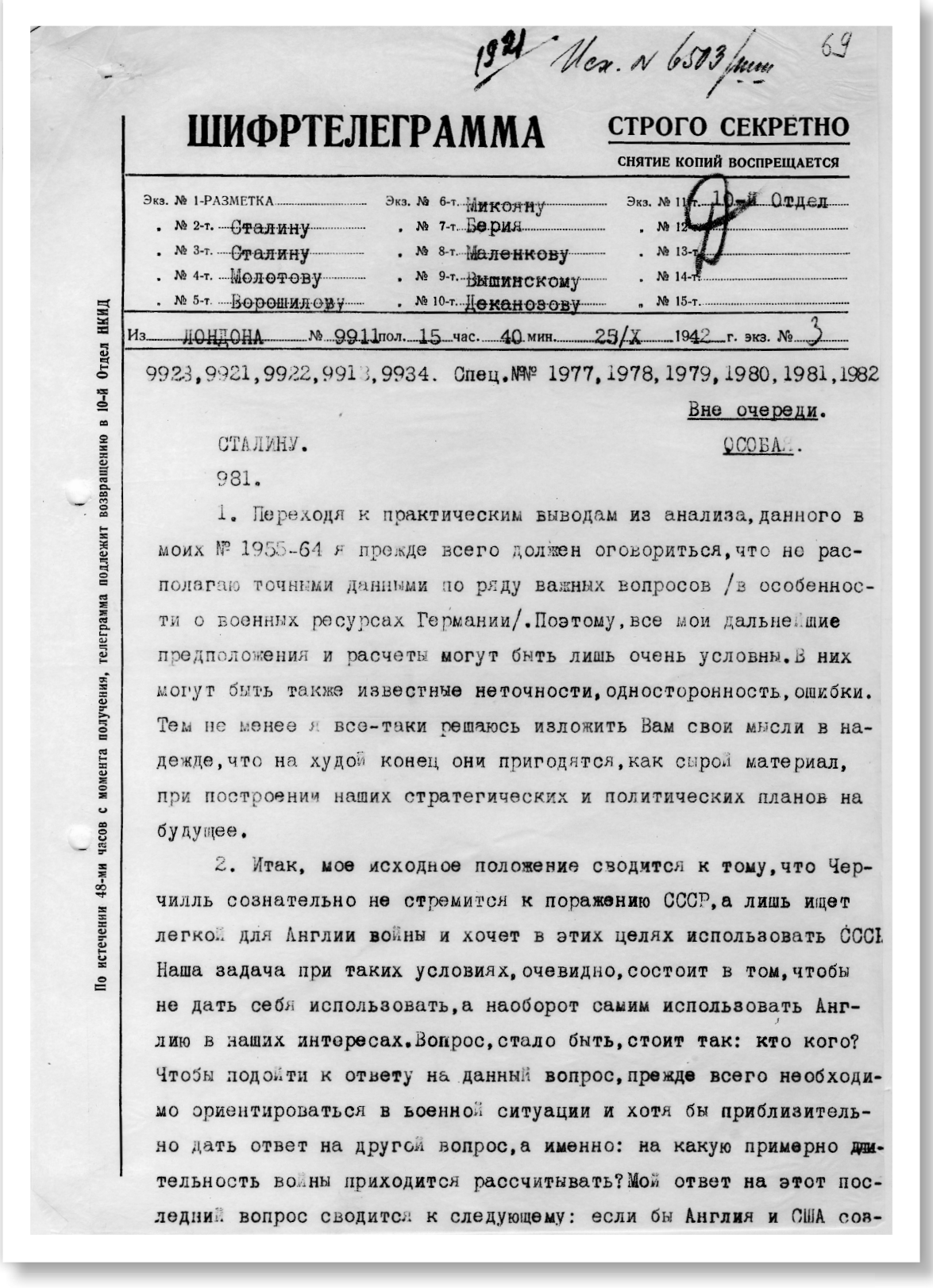
[214] Логинов В. Тени Сталина. Генерал Власик и его соратники. М. 2000. С. 122, 128.

[215] Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 188.

[216] Горьков Ю. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945). Цифры, документы. М. 2002. С. 178.

[217] См.: Сухомлинов А. В. Кто вы, Лаврентий Берия? М. 2003. С. 110–111.

ФОТОДОКУМЕНТЫ*

1941 Исх. N 6503/мин 69

ШИФРТЕЛЕГРАММА **СТРОГО СЕКРЕТНО**

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т. Микояну	Экз. № 11-т. 10-й Отдел
№ 2-т. Сталину	№ 7-т. Берия	№ 12-т.
№ 3-т. Сталину	№ 8-т. Маленкову	№ 13-т.
№ 4-т. Молотову	№ 9-т. Вышинскому	№ 14-т.
№ 5-т. Ворошилову	№ 10-т. Деканозову	№ 15-т.

Из ЛОНДОНА № 9911 пол. 15 час. 40 мин. 25/X 1942 г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

9923, 9921, 9922, 9913, 9934. Спец.№№ 1977, 1978, 1979, 1980, 1981, 1982

Вне очереди.

СТАЛИНУ. ОСОБАЯ.

981.

1. Переходя к практическим выводам из анализа, данного в моих № 1955-64 я прежде всего должен оговориться, что не располагаю точными данными по ряду важных вопросов /в особенности о военных ресурсах Германии/. Поэтому, все мои дальнейшие предположения и расчеты могут быть лишь очень условны. В них могут быть также известные неточности, односторонность, ошибки. Тем не менее я все-таки решаюсь изложить Вам свои мысли в надежде, что на худой конец они пригодятся, как сырой материал, при построении наших стратегических и политических планов на будущее.

2. Итак, мое исходное положение сводится к тому, что Черчилль сознательно не стремится к поражению СССР, а лишь ищет легкой для Англии войны и хочет в этих целях использовать СССР. Наша задача при таких условиях, очевидно, состоит в том, чтобы не дать себя использовать, а наоборот самим использовать Англию в наших интересах. Вопрос, стало быть, стоит так: кто кого? Чтобы подойти к ответу на данный вопрос, прежде всего необходимо ориентироваться в военной ситуации и хотя бы приблизительно дать ответ на другой вопрос, а именно: на какую примерно длительность войны приходится рассчитывать? Мой ответ на этот последний вопрос сводится к следующему: если бы Англия и США сов-

* Рассекреченные документы и фотографии предоставлены Росархивом и РГАСПИ.

70

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
. № 2-т.	. № 7-т.	. № 12-т.
. № 3-т.	. № 8-т.	. № 13-т.
. № 4-т.	. № 9-т.	. № 14-т.
. № 5-т.	. № 10-т.	„ № 15-т.

Из 9911, 9923, 9921, 9922, 9913, 9934 № ..... пол. ..... час. ..... мин. ..... / ..... 19 ..... г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 2 -

дали эффективный второй фронт в Европе в 1942 г., как мы на том настаиваем, становой хребет германской военной машины несомненно был бы перебит в нынешнем году, а вся война в Европе могла бы быть закончена в 1943 году /на Тихом океане она протянулась бы, надо полагать, дольше/. Когда я говорю "становой хребет германской военной машины был бы перебит", я имею в виду, что немецкая армия окончательно потеряла бы способность к крупным наступательным операциям и вынуждена была бы перейти на позиции все более слабеющей обороны. Так как однако Англия и США эффективного второго фронта в 1942 г. не устроили, то я не вижу, как война может кончиться в 1943 г. С учетом политических и военных настроений в Англии /о чем подробнее ниже/ я склонен думать, что война сможет кончиться не раньше 1944 года, - особенно принимая во внимание, что немцы очень сильны в обороне, и что разбить их, даже когда они потеряют способность к наступлению, будет делом далеко нелегким. Таким образом, мне думается, что все наши планы и расчеты, как в отношении фронта, так и в отношении тыла, должны исходить из того, что война протянется, по крайней мере, два года.

3. Если это так, то основной нашей задачей должно являться такое маневрирование, такая экономия наших ресурсов - человеческих и материальных, - чтобы не придти к финишу в состоянии полного истощения, чего так хотелось бы англичанам /и американцам/.

71

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
. № 2-т.	. № 7-т.	. № 12-т.
. № 3-т.	. № 8-т.	. № 13-т.
. № 4-т.	. № 9-т.	. № 14-т.
. № 5-т.	. № 10-т.	„ № 15-т.

Из 9911 .:..... №... пол. ... час. 9934 мин. / 19 г. экз. № 3

- 8 -

Отсюда вытекают определенные выводы:

а. В отношении тыла - создание условий, которые позволили бы ему нормально функционировать, поскольку это вообще возможно в военных условиях. Здесь, насколько могу судить из Лондона, наиболее серьезной проблемой является продовольствие. Не касаясь мер внутреннего порядка для разрешения данной проблемы, думаю, что в области мер внешнего порядка следовало бы всемерно использовать для получения продуктов не только США, но и Канаду, где имеются очень большие запасы хлеба. Недавно заключенное нами в Лондоне соглашение о канадских кредитах для закупки канадской пшеницы является началом, но только началом. Надо поставить перед Гусевым, как его основную задачу, использование Канады в целях получения на подходящих условиях продовольственных продуктов для СССР. Я, со своей стороны, конечно, готов сделать все, что могу, в том же направлении в Лондоне.

б. В отношении фронта - наше генеральное наступление, которое должно будет окончательно изгнать немцев из нашей страны и перенести войну на территорию Германии, мне думается, следовало бы отложить до того момента, когда, с одной стороны, мы сумеем создать достаточно крупные воздушные армии и накопить подавляющее количество самолетов, танков и т.д., а, с другой стороны, англичане и американцы, наконец, будут готовы вести серьезные операции в Европе. До того же нам, видимо, придется в основном придерживать

72

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
„ № 2-т.	„ № 7-т.	„ № 12-т.
„ № 3-т.	„ № 8-т.	„ № 13-т.
„ № 4-т.	„ № 9-т.	„ № 14-т.
„ № 5-т.	„ № 10-т.	„ № 15-т.

Из 9911 № пол час 9934 мин. / 19 г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 4 -

ся стратегии активной обороны, в которую, конечно, могут быть вкраплены отдельные наступательные операции большего или меньшего масштаба. Конечно, если бы внезапно обнаружилось, что Германия стоит накануне краха, было бы выгодно использовать ситуацию и открыть наше генеральное наступление, не дожидаясь Англии и США, однако в такой оборот событий для ближайшего будущего я плохо верю.

4. Если от этих общих соображений перейти к конкретным операциям, мне казалось бы, что в течение ближайшей зимы желательно было бы сделать следующее:

а. Снять осаду с Ленинграда,

б. Отогнать немцев от Сталинграда хотя бы до Донской луки, иначе в будущем году нельзя будет пользоваться Волгой, как транспортной артерией между Кавказом и остальным СССР и

в. Освободить север Финляндии и Норвегии от немцев. Эта последняя операция чрезвычайно важна для обеспечения путей сообщения между СССР, с одной стороны, Англией и США, с другой. Опыт показал, что, пока не будет уничтожено германское разбойничье гнездо в указанном районе, мы постоянно будет иметь массу осложнений с подвозом военных и других грузов к нашим северным портам. Север - это сейчас наше главное "окно" во внешний мир. Мурманск и Архангельск способны переваливать большие количества грузов, они расположены сравнительно недалеко от фронта, они

73

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
. № 2-т.	. № 7-т.	. № 12-т.
. № 3-т.	. № 8-т.	. № 13-т.
. № 4-т.	. № 9-т.	. № 14-т.
. № 5-т.	. № 10-т.	. № 15-т.

Из 9911 № пол. час. 9934 / 19 г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 5 -

также /если немцы будут ликвидированы на севере Норвегии и Финляндии/ вне пределов досягаемости для врага. Владивосток в этом отношении хуже. Он под ударом у японцев, и расстояние его от фронта колоссально. Иранский путь, как Вы знаете, отличается малой емкостью. Конечно, надо максимально развивать все три линии нашей связи с внешним миром, но все-таки северной линии видимо суждено остаться самой важной на долгое время. Для указанной операции следовало бы использовать англичан, а, может быть, и американцев, - в каких конкретных формах, я сейчас не буду обсуждать. Это дело специальных переговоров.

г. Все выше перечисленные операции представляются мне, так сказать, программой - минимум. Если бы удалось еще в течение зимы выгнать немцев с Северного Кавказа и вернуть Кубань, - было бы прекрасно, но, насколько это мыслимо, мне трудно судить.

5. Теперь несколько слов о будущей летней кампании. Очень многое тут будет зависеть от того, что станут делать в 1943 г. наши союзники. Пока совершенно очевидно только одно: конец этого и начало будущего года будут заняты операцией "Факела": В Лондоне рассчитывают, что если дела пойдут хорошо, то примерно к февралю все будет закончено. К этим расчетам я отношусь с большой осторожностью: до сих пор англичане в своих военных калькуляциях постоянно грешили в сторону излишнего оптимизма. Как бы то ни было, но после "Факела"/конечно, в случае его уда-

74

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
„ № 2-т. ..... „ № 7-т. ..... „ № 12-т. .....
„ № 3-т. ..... „ № 8-т. ..... „ № 13-т. .....
„ № 4-т. ..... „ № 9-т. ..... „ № 14-т. .....
„ № 5-т. ..... „ № 10-т. ..... „ № 15-т. .....

991 9934

Из ..... № ..... пол. ..... час. ..... мин. ...../..... 19 ..... г. экз. № .....

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 6 -

чи/ станет вопрос: что же дальше? Тут могут быть два варианта /помимо северной операции, к которой англичане будут готовы во всяком случае не раньше начала 1943 г./ - второй фронт во Франции или операции в районе Средиземного моря /например, захват Сицилии, Сардинии, Балеарских островов, Крита, высадка в Италии, на Балканах и т.п./. Конечно, наш прямой интерес состоит в том, чтобы был осуществлен первый вариант. Однако, как я уже Вам раньше сообщал, у Черчилля имеется сильная тенденция, в случае успеха "Факела", искать "второго фронта" в районе Средиземного моря. Какой вариант в конечном счете одержит верх, не знаю. Сейчас об этом трудно гадать. Ясно лишь одно: мы должны будем приложить все усилия к тому, чтобы и в данном случае использовать англичан, то-есть чтобы был принят первый вариант. Если это действительно случится, то нам, очевидно, выгодно будет одновременно начать крупные наступательные операции на Востоке, но при этом маневрировать так, чтобы заставить англо-американцев на Западе по-настоящему драться и по-настоящему нести потери. Если однако, несмотря на все наши усилия, осуществится второй вариант /война в Средиземном море/, то, мне кажется, нам выгоднее было бы больших наступательных операций летом 1943 года не проводить, а удовлетвориться лишь ограниченными наступательными действиями, преследующими цель срыва возможной германской офензивы и частичного выправления наших позиций в различных

75

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
„ № 2-т.	„ № 7-т.	„ № 12-т.
„ № 3-т.	„ № 8-т.	„ № 13-т.
„ № 4-т.	„ № 9-т.	„ № 14-т.
„ № 5-т.	„ № 10-т.	„ № 15-т. 3

Из 9911 №.... пол. .... час. .... мин. 9934 / .... 19.... г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 7 -

участках фронта. Генеральное же наступление придется отложить до того момента, когда Англия и Америка предпримут действительно серьезные операции в Европе - против Германии, а не против ее сообщников. Такой момент рано или поздно все-таки должен придти /не могут же миллионы армий бесконечно сидеть без дела/, и мы своим маневрированием могли бы в значительной степени приблизить его наступление.

6. В заключение несколько слов по поводу так называемой "единой стратегии" союзников. Сейчас, конечно, никакой "единой стратегии" нет. По существу СССР ведет свою собственную войну, Англия и США - свою собственную, причем даже между Англией и США нет достаточно полного контакта. Мне кажется, что отсутствие "единой стратегии" становится для нас все более невыгодным. Я прекрасно понимаю, что настоящая "единая стратегия" возможна только там, где все участники коалиции действительно воюют. До сиж пор воевали мы одни, и об "единой стратегии" с Англией и США трудно было говорить. Сейчас однако положение меняется: союзники тоже начинают, воевать, но, к сожалению, не там, где надо. Это обстоятельство об"ясняется в значительной мере отсутствием "единой стратегии", и оно же особенно остро напоминает о важности "единой стратегии". В самом деле, история "Факела" чрезвычайно показательна, Англичане и американцы собрались и приняли о нем решение. Мы не только не участвовали в обсуждении и выработке данно-

76

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
№ 2-т.	№ 7-т.	№ 12-т.
№ 3-т.	№ 8-т.	№ 13-т.
№ 4-т.	№ 9-т.	№ 14-т.
№ 5-т.	№ 10-т.	№ 15-т.

Из 9911 №..... пол..... час. 9031 мин...../..... 19.....г. экз. №.....

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 8 -

го плана, но даже узнали о нем лишь постфактум, когда этот план начали уже проводить в исполнение. Присутствуй мы на англо-американской конференции, возможно, что никакого "Факела" вообще не было бы, а союзные силы были бы брошены в каком-либо более плодотворном с нашей сточки зрения направлении. И если бы даже "Факел" все-таки был принят, мы могли бы настоять, по крайней мере, на том, чтобы от него не пострадало снабжение СССР.

7. Данный пример относится к прошлому, но вот о будущем: что будут делать союзники после окончания "Факела"? Куда они пойдут: во Францию или в Италию или на Балканы? Это очень важный вопрос. Кто будет его решать? Мне думается, что было бы совершенно нецелесообразно предоставлять решение данного вопроса только Англии и США. Нам тоже следовало бы принять в этом участие. Но как это сделать, если в ближайшие месяцы не будут заложены основы "единой стратегии" союзников? Или вопрос о воздушных бомбардировках Германии? Или вопрос о распределении между союзниками военной продукции США. Нам очень важно было бы принимать активное участие в решении всех таких вопросов, но это опять-таки невозможно без наличия "единой стратегии". Наконец, еще одно последнее соображение: в течение минувшего года постепенно складывалось сотрудничество Англии и США /хотя оно и сейчас далеко не полно/. Мы находились в стороне. Выгодно ли нам и дальше предоставлять возможность "западным демократиям" сбл

77

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
„ № 2-т.	„ № 7-т.	„ № 12-т.
„ № 3-т.	„ № 8-т.	„ № 13-т.
„ № 4-т.	„ № 9-т.	„ № 14-т.
„ № 5-т.	„ № 10-т.	„ № 15-т.

9911 9934

Из ..... № ..... пол. ..... час. ..... мин. ..... / ..... 19 ..... г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 9 -

жаться, укреплять существующие между ними связи, превращаться в англо-американский блок? Думаю, невыгодно, ибо на определенном этапе войны или после войны такой блок может повернуться против нас.

8. По ~~этим~~ указанным причинам я полагаю, что наступил момент, когда в целях использования Англии и США в наших интересах следовало бы приступить к созданию "единой стратегии" союзников. Как к этому легче всего подойти? Мне думается, что удобным началом явилась бы северная операция /Петсамо и так далее/. Она для нас выгодна, и англичане как будто бы ею интересуются. Полезно было бы, с той же точки зрения, также обсуждение предложения Черчилля об отправке англо-американской авиации на советский фронт.

От указанных операций не трудно было бы уже перейти к плану будущей летней кампании, к вопросу о втором фронте и так далее. Если данное предложение для нас приемлемо, то не следовало бы особенно откладывать соответственных шагов. В самом деле, если бы даже удалось договориться с союзниками о втором фронте во Франции весной 1943 года, то ведь при английских темпах потребовалось бы несколько месяцев на его техническую подготовку.

9. Времени же в распоряжении остается не так много. "Единая стратегия" естественно предусматривает наличие какого-то единого центра, который должен ее вырабатывать и проводить, -

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
. № 2-т.	. № 7-т.	. № 12-т.
. № 3-т.	. № 8-т.	. № 13-т.
. № 4-т.	. № 9-т.	. № 14-т.
. № 5-т.	. № 10-т.	„ № 15-т.

Из 9911 № пол. час. 9934 мин. / 19 г. экз. №

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

как она должна быть организована? где находиться? каковы должны быть ее функции и полномочия?" Я не хочу сейчас касаться всех этих вопросов, но думаю, что они не неразрешимы.

10. На предыдущих страницах я изложил мысли, которые приходят мне в голову при наблюдении за нынешней военно-политической ситуацией. Возможно, что моя общая установка слишком пессимистична, и что война кончится легче и скорее, чем я допускаю. Я был бы, конечно, очень счастлив, если бы это было так, если бы мы могли раньше, чем я предполагаю, освободить десятки миллионов советских людей, страдающих от кровавого террора германских захватчиков. Все это Вам виднее. И, если в результате неправильных предпосылок/?/ я пришел к неправильным выводам, Вы меня поправите. В своем извинении могу только сказать, что мне приходится работать в Англии, а Англия - очень тяжелый союзник и способна настраивать человека на сумрачные мысли. Недавно Ллойд Джордж рассказал мне следующую любопытную историю: в конце прошлой войны он как-то беседовал с французским генералом Саррайлем. Оба обсуждали трудности, связанные с ведением войны коалицией. Вспоминали конфликты, противоречия, несогласованности, отравляющие отношения между главами тогдашней Антанты. Под конец Саррайль со вздохом сказал: "Знаете ли г. премьер-министр, в результате опыта нашей войны я все более прихожу к выводу, что Наполеон, пожалуй, не был уж таким замечательным военным ге-

79

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
„ № 2-т.	„ № 7-т.	„ № 12-т.
„ № 3-т.	„ № 8-т.	„ № 13-т.
„ № 4-т.	„ № 9-т.	„ № 14-т.
„ № 5-т.	„ № 10-т.	„ № 15-т.

Из 9911, 9923, 9924, 9925, 9913, 9934 поступ. час. мин. / 19 г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- И -

нием, как его обычно изображают".-"Почему Вы так думаете?" - с некоторым изумлением спросил Ллойд Джордж. На это французский генерал ответил: "Потому что Наполеон всегда вел войны против коалиций, а я знаю, что такое коалиция".

Возможно, что, когда Саррайль произносил эти слова, он прежде всего имел ввиду Англию: она была тяжелым союзником в прошлую войну. Она является тягостным союзником и в нынешнюю.

24/X-42 г. МАЙСКИЙ.

11-экз.ак.
отп.12-00.26/X.
вып.Абрамкин.

Верно:

1945 6470/шш (80)

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т. Микояну	Экз. № 11-т. 10-й Отдел
№ 2-т. Сталину	№ 7-т. Берия	№ 12-т.
№ 3-т. Сталину	№ 8-т. Маленкову	№ 13-т.
№ 4-т. Молотову	№ 9-т. Вышинскому	№ 14-т.
№ 5-т. Ворошилову	№ 10-т. Деканозову	№ 15-т.

Из ЛОНДОНА № 9819 пол. 21 час. 00 мин. 23/X 1942 г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

9825,9847,9828,9827,9848,9835,9837,9849,9850.

Спец.№№ 1955, 1956, 1957, 1958, 1959, 1960, 1961, 1962, 1963, 1964.

Вне очереди.

СТАЛИНУ. ОСОБАЯ.

981. Вопрос, который Вы поставили мне, имеет совершенно исключительную важность, и, потому, я постараюсь дать на него посильный ответ с максимально доступными мне об"ективностью и откровенностью.

Я не хочу создавать у Вас никаких иллюзий ни в ту, ни в другую сторону.

1. И так, держит ли Черчилль курс на поражение СССР для того, чтобы потом за наш счет сговориться с Германией Гитлера или Брюннинга? Я не думаю, чтобы Черчилль сознательно ставил себе такую цель. Не думаю по следующим основаниям:

а. Поражение СССР неизбежно означало бы конец Британской империи. В самом деле, как мог бы Черчилль договориться с Гитлером? На какой базе? Ведь в случае поражения СССР Гитлер стал бы господином не только всей Европы, но и Африки и, по крайней мере, большей части Азии. Говорю "большей части Азии", так как допускаю, что Гитлер мог бы быть вынужденным, особенно на первое время, выделить Японии ее особую "сферу влияния". Очень сомнительно, чтобы в указанном гипотетическом случае Гитлер вообще пошел на какое-либо соглашение с Англией. Го-

81

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
„ № 2-т. ..... „ № 7-т. ..... „ № 12-т. .....
„ № 3-т. ..... „ № 8-т. ..... „ № 13-т. .....
„ № 4-т. ..... „ № 9-т. ..... „ № 14-т. .....
„ № 5-т. ..... „ № 10-т. ..... „ № 15-т. .....

Из. 9819, 9825, 9847, 9828, 9827, 9848, 9835, 9837, 9849, 9850 № ..... пол. ..... час. ..... мин. ..... / ..... 19 ..... г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 2 -

раздо вероятнее, что он предпочел бы ее просто разгромить и забрать те части Британской империи, на которые он сумел бы наложить руку. И, если бы даже Гитлер в рассматриваемом гипотетическом случае пошел на соглашение, то на какой основе? Очевидно, на основе его завоеваний, то-есть минимально на основе господства над Европой и побежденным СССР. Ни для кого в Англии, а тем более для Черчилля не представляет сомнения, что мир в таком случае явился бы лишь кратким перемирием, за которым отдохнувшая и еще более укрепившаяся гитлеровская Германия обрушилась бы на Англию с смертельным ударом. Германия Брюннинга /хотя Брюннинг мало популярен в Англии/ не внесла бы никаких существенных перемен в положение, ибо кто в Германии Брюннинга был бы действительным хозяином государства? Очевидно, генералы вкупе с тяготеющими к ним юнкерскими и крупно-индустриальными элементами. Но разве генералы оказались бы в описанных условиях более милостивыми? Сомнительно. Во всяком случае здешние руководящие круги, в частности Черчилль, не питает на этот счет особых иллюзий. Общее настроение названных кругов сводится к тому, что по части грабительства генералы мало уступят Гитлеру. Эта фатальная неизбежность гибели Британской империи /немедленно или спустя короткие сроки/ в случае победы Германии настолько ясна для английской буржуазии, что даже Чемберлен 4 года назад, когда германская

82

ШИФРТЕЛЕГРАММА **СТРОГО СЕКРЕТНО**

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
„ № 2-т. ..... „ № 7-т. ..... „ № 12-т. .....
„ № 3-т. ..... „ № 8-т. ..... „ № 13-т. .....
„ № 4-т. ..... „ № 9-т. ..... „ № 14-т. .....
„ № 5-т. ..... „ № 10-т. ..... „ № 15-т. .....

Из 9819, 9825, 9847 № 9828, пол. 9827, час. 9848, мин. 9835, 9837, 9849, 9850 г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 3 -

угроза была гораздо менее очевидна и непосредственна, чем сейчас, вынужден был /вопреки всем своим суб"ективным стремлениям/ пойти на войну с Гитлером. Тем более это относится к Черчиллю, суб"ективные стремления которого, наоборот, толкали и толкают его на острую борьбу с Германией.

б. Далее настроения широких масс, особенно рабочих. Они крайне анти-фашистские. Конечно, как я совсем недавно Вам писал, массы в сложившихся условиях не в состоянии заставить Черчилля устроить второй фронт в 1942 году, но для меня не подлежит сомнению, что массы не допустили бы, по крайней мере, в сколько-нибудь предвидимое время, сделку Англии с Германией за наш счет. Это хорошо знает Черчилль.

в. Третьим моментом, действующим в том же направлении, два, является то обстоятельство, что и первые, что вся экономическая жизнь Англии сейчас перестроена на войну. С войной связаны интересы и дивиденды крупнейших капиталистических компаний. Перспектива прекращения войны очень многих из них страшит, ибо они ждут от мира не только потери или сокращения своих прибылей, но также длительной дислокации промышленности, массовой безработицы, различного рода экономических и социальных потрясений. Инерция войны уже втянула в свой круговорот очень влиятельные группы господствующего класса /включая генералов, адмиралов и т. д./, и вырваться из этого круговорота им не так то легко.

83

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
№ 2-т.	№ 7-т.	№ 12-т.
№ 3-т.	№ 8-т.	№ 13-т.
№ 4-т.	№ 9-т.	№ 14-т.
№ 5-т.	№ 10-т.	№ 15-т.

Из 9819, 9825, 9847, 9828, 9827, 9848, 9835, 9837, 9849, 9850 № пол. час. мин. Ед. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 4 -

Во всяком случае, в Англии пока незаметно симптомов обратного порядка. То же во все большей мере становится действительным и для США.

г. Четвертым моментом, имеющим также серьезное значение, является то обстоятельство, что в последнее время в кругах английской буржуазии ослабел страх перед возможностью "большевизации" Европы. Эта буржуазия никогда серьезно не боялась революции в самой Англии, рассчитывая/?/ на свое уменье втирать массам очки. Но за Европу боялась. Прошлой зимой, когда нача лось наше наступление и когда многим здесь казалось, что Красная Армия сравнительно легко преодолеет немецкое сопротивление и начнет быстро отбирать назад оккупированные территории и продвигаться к Берлину, в британских правящих кругах начали появляться симптомы страха и тревоги. Сейчас это заметно гораздо меньше. Считаются, конечно, с вероятностью "хаоса" на континенте после поражения Германии, но сомневаются, чтобы СССР, "смог эффективно использовать данный хаос в целях большевизации Европы," ибо "СССР придется долго залечивать раны, полученные в войне" /цитирую ходовые в правящих кругах выражения/. "На всякий случай" к тому же эти круги поощряют сейчас формирование всяких реакционных сил и группировок среди находящихся в Лондоне эмигрантских правительств. Не подлежит сомнению, что ослабление СССР с самого начала входило в планы

84

ШИФРТЕЛЕГРАММА **СТРОГО СЕКРЕТНО**

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
„ № 2-т. ..... „ № 7-т. ..... „ № 12-т. .....
„ № 3-т. ..... „ № 8-т. ..... „ № 13-т. .....
„ № 4-т. ..... „ № 9-т. ..... „ № 14-т. .....
„ № 5-т. ..... „ № 10-т. ..... „ № 15-т. .....

Из. 9819 № ..... пост. ..... час. ..... мин. ..... 9850 19 ..... г. экз. № .....

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 8 -

британской правящей верхушки, но только до известного предела: чтобы не проиграть войны. И преобладающее мнение среди черчиллевской группы сводится к тому, что в настоящее время СССР уже достаточно ослаблен. Всякий дальнейший шаг в этом направлении был бы опасен. Ибо даже самые заскорузлые консерваторы после опыта минувших трех лет в душе глубоко убеждены /хотя открыто говорить об этом не любят/, что ни английская, ни американская армии неспособны меряться силами с германской, и что Красная Армия совершенно необходима для одержания победы над врагом. Это убеждение, это признание своей военной слабости, это неверие в возможность собственными силами разгромить гитлеровскую армию красной нитью проходят через психологию здешних правящих кругов, в частности через психологию военной верхушки.

д/ Наконец, пятым моментом, правда, гораздо меньшего значения, но все-таки таким, которого нельзя сбросить со счетов, является личность самого Черчилля. Я знаю его уже много лет и могу констатировать, что он давно кипит самыми бешеными антигерманскими чувствами. За все время войны я ни разу не наблюдал в нем ослабления этого чувства. Скорее наоборот. Мне очень трудно себе представить, чтобы именно Черчилль мог пойти на сделку с Германией Гитлера или Брюннинга /то-есть генералов/.

85

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
. № 2-т.	. № 7-т.	. № 12-т.
. № 3-т.	. № 8-т.	. № 13-т.
. № 4-т.	. № 9-т.	. № 14-т.
. № 5-т.	. № 10-т.	„ № 15-т.

Из 9819 № пол. час. мин. 9850 19 г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 6 -

Если бы здешний правящий класс, в конце концов, вздумал пойти на такую сделку, ему пришлось бы менять премьера. Это, конечно, не невозможно, но не так легко. Мне уже не раз приходилось Вам сообщать, как прочна сейчас личная позиция Черчилля в стране.

2/ Но, если, таким образом, Черчилль, на мой взгляд, не держит сознательно курс на поражение СССР и сделку с Германией, то как об"яснить его политику, в частности и в особенности его политику в отношении второго фронта? Для того, чтобы понять позицию Черчилля, прежде всего необходимо иметь более ясное представление об его общей концепции, концепции, которая корнями своими глубоко ушла в вековые традиции Англии. Вот ее важнейшие черты. Во-первых, война должна быть в максимально возможной мере "легкой войной" для Великобритании. Конкретно это означает, что разбить Германию на суше в основном должен СССР, Англия же будет оказывать ему в данной борьбе лишь "содействие". Чем позже Англия включится в такое "содействие", тем лучше, ибо тем свежее она придет к финишу и тем легче ей будет играть руководящую роль на будущей мирной конференции. Наоборот, под этим углом зрения выгодно, чтобы СССР пришел к финишу возможно более ослабленным и истощенным. Иными словами, Черчилль сейчас старается спеть новую вариацию

86

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
„ № 2-т.	„ № 7-т.	„ № 12-т.
„ № 3-т.	„ № 8-т.	„ № 13-т.
„ № 4-т.	„ № 9-т.	„ № 14-т.
„ № 5-т.	„ № 10-т.	„ № 15-т.

Из 9819 № под. нас. мич. / 9850 г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

-1-

на старую, хорошо известную английскую тему: вести войну чужими руками. Насколько ему это в конечном счете удастся, вопрос иной, но таково во всяком случае его стремление. Во-вторых, "легкая война" с английской точки зрения - это та, в которой она участвует главным образом своим военно-морским флотом и своим воздушным флотом плюс снабжение /денежное и материальное/. Особенно важен морской флот. Эта основная форма британских вооруженных сил, любимец нации, в который она верит и в эффективности которого не сомневается. Воздушный флот тоже в чести. Он пришелся англичанам ко двору. И, хотя воздушный флот не в пример морскому имеет лишь очень короткую историю, в него тоже верят и в эффективности его не сомневаются. Тем более, что воздушный флот вполне оправдал себя в сентябре-октябре 1940 года. Иначе с армией. Ее в Англии никогда не любили. Она всегда была последним убежищем для разных неудачников и авантюристов с темным прошлым. Военный опыт ее не простирался далее колониальных операций в Азии и Африке. Такая армия, конечно, не могла создавать ни военных традиций, ни военного знания, ни крупных военных специалистов и генералов. Поэтому в армию в Англии всегда плохо верили и в эффективности ее сомневались. Опыт 1914-18 годов на время несколько изменил, как характер самой армии, так и

67

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
№ 2-т.	№ 7-т.	№ 12-т.
№ 3-т.	№ 8-т.	№ 13-т.
№ 4-т.	№ 9-т.	№ 14-т.
№ 5-т.	№ 10-т.	№ 15-т.

Из 9819 №... поз... час... мин... / 9850 19... г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

-8-

отношение к ней, но с роспуском армии и отменой конскрипции после окончания прошлой войны все это быстро стерлось и забылось. Лучшие генералы и офицеры ушли в директора компаний и парламентские деятели. Вот почему "легкая война" в английском понимании включает операции на море и в воздухе, но не на суше. И вот почему на протяжении всех этих 3 лет у Черчилля всегда наблюдалось почти стихийное тяготение к тому, чтобы как-нибудь избежать, отложить, оттянуть серьезные операции сухопутного типа, а, если это уж оказывалось невозможным, то, по крайней мере, свести их к самому неизбежному минимуму. Драться на суше, по мнению англичан, должны будут другие - сначала поляки, потом французы, потом греки и югославы и, наконец, теперь мы. Британцы же готовы были вносить свою "лепту" военно-морским и воздушным флотами, снабжением и "символическими" жестами на суше.

3/ В-третьих, война вовсе не обязательно должна быть короткой. Она может быть и длинной. Даже лучше, если она будет длинной, ибо на протяжении длинной войны может представиться больше случаев заставить кого-либо другого таскать каштаны из огня. Да и почему не стремиться к длинной войне, раз для Англии война является "легкой войной"? Пусть другие /конкретно СССР/, для которых война не столь "легка", ослабевают и исто-

88

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
№ 2-т.	№ 7-т.	№ 12-т.
№ 3-т.	№ 8-т.	№ 13-т.
№ 4-т.	№ 9-т.	№ 14-т.
№ 5-т.	№ 10-т.	№ 15-т.

Из 9819 № пол. час. мин. 9850 19 г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

-9-

щаются. Это только выгодно для Англии. Такой была всегдашняя традиция Великобритании. Не важно также, если война идет плохо в военном отношении - лишь бы она была выиграна. И Англия действительно в прошлом не раз выигрывала войны, которые состояли для нее из тяжелых поражений на полях битв, выигрывала благодаря деньгам, благодаря хитрости, благодаря ловкому использованию международных противоречий. Англичане любят говорить: "Англия всегда проигрывала все битвы кроме последней". Недавно на столбцах "Сандей Таймс" /6 и 27 сентября/ появились две любопытные статьи лорда Ханки, посвященные вопросу о добровольцах нынешней войны. Они очень характерны, как по содержанию, так и по личности автора. Прежде всего о личности автора. Ханки - идеальное воплощение той верхушки английской государственной бюрократии, которая фактически правит Великобританией. В течение 20 лет Ханки был несменяемым секретарем кабинета министров, в течение 30 лет он также был несменяемым секретарем "комитета имперской защиты". Теперь он в отставке за выслугой лет. Ханки, как никто другой, знает все винтики и рычаги английской государственной машины. И он, как никто другой, прекрасно отражает мнение и взгляды руководящих кругов "служилого сословия", Великобритании - всех этих генералов, адмиралов, высших чиновников министерств и других,

89

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
. № 2-т.	. № 7-т.	. № 12-т.
. № 3-т.	. № 8-т.	. № 13-т.
. № 4-т.	. № 9-т.	. № 14-т.
. № 5-т.	. № 10-т.	. № 15-т.

Из 9819 №..... пол..... час..... мин. 0850 19..... г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- ~~10~~ -

роль которых, повседневно, в формировании политики страны огромна. Что же говорит Ханки? Ханки, как водится, начинает с истории. Он перечисляет 8 последних больших войн, в которых участвовала Англия, начиная с испанской армады 1588 года, и приходит к выводу, что длительность всех этих войн колебалась между 4 и 22 годами. В среднем приходится несколько больше 10 лет на войну. Ханки как бы хочет подсказать, что и нынешняя война в сущности "имеет право" быть по продолжительности не меньше 10 лет, но потом спохватывается, что, пожалуй, это слишком напугает читателя, и, потому скромно прибавляет, что есть основания думать, что длительность нынешней войны достигнет арифметической средней, однако тут же многозначительно заканчивает: "во всяком случае перспектива еще нескольких лет войны не должна нас смущать". Так рассуждают высшие английские бюрократы. Но разве не так же думает Черчилль? Я уже сообщал Вам раньше, что в начале сентября прошлого года британский премьер в разговоре со мной бросил такое замечание: "Да, конечно, сейчас наша армия плоха, не имеет опыта и выучки, но вот погодите, лет через 5-6 она станет хорошей армией".

4/ Исходя из только что указанной общей концепции войны, Черчилль и действует. Второй фронт во Франции с военной точки зрения трудная операция. В особенности для армии. Второй фронт

90

ШИФРТЕЛЕГРАММА **СТРОГО СЕКРЕТНО**

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
„ № 2-т.	„ № 7-т.	„ № 12-т.
„ № 3-т.	„ № 8-т.	„ № 13-т.
„ № 4-т.	„ № 9-т.	„ № 14-т.
„ № 5-т.	„ № 10-т.	„ № 15-т.

Из 9819 № пол. час. мин. /9850 19 г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 11 -

во Франции требует больших жертв. Второй фронт во Франции подводит войну слишком близко к дому. Это может разбудить здесь сильные и опасные страсти. Спокойнее держать войну где-то там, далеко, за морями. И Черчилль делает выводы: подальше от второго фронта во Франции. А, так как ничего не делать по политическим и разным другим соображениям тоже нельзя, то Черчилль выдумывает операции "факел". Это куда легче. Правда, "факел" не имеет прямого отношения к Германии, он лишь в очень отдаленной и косвоенной форме может способствовать ее конечному поражению, но что с того? Ведь Черчилль не возражает против длительной войны: в конечном итоге и "факел" что-нибудь даст для победы над врагом. Есть еще одно серьезное соображение в пользу "факела": Англия потеряла важные колониальные владения в Тихом океане /Малайю, Сингапур, Бирму плюс Голландская Индия/, - почему не получить компенсацию за это в Африке? И, если даже, в конце концов, с территориями "факела" придется расстаться после войны, они во всяком случае могут оказаться в руках Англии хорошей картой для размена при генеральном межевании мира. Однако, опять-таки чисто - личный момент. Как истинный представитель британского империализма, Черчилль всегда проявлял особый интерес к "Востоку" - к Малой Азии, Аравии, Индии, Египту, Тунису и так далее.

91

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
№ 2-т.	№ 7-т.	№ 12-т.
№ 3-т.	№ 8-т.	№ 13-т.
№ 4-т.	№ 9-т.	№ 14-т.
№ 5-т.	№ 10-т.	№ 15-т.

Из 9819 № пол. час мин 9850 19 г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 12 -

Эти страны всегда были близки его "сердцу" и будили в нем сильные эмоции, очень хорошо, впрочем, совпадавшие с весьма прозаическими интересами Великобритании. Так было в прошлую войну, - так есть и в нынешнюю. "Средний Восток" сейчас всегда в голове и на устах Черчилля. Так называемый "каспийско-левантский фронт" /включая Ливию и Египет/ имеет у него преимущества перед всеми другими фронтами. Сюда Черчилль гонит безотказно людей, пушки, танки, самолеты. И, если операция "факел" окажется успешной, что будет дальше? Судя по всему тому, что я здесь вижу и слышу в последние недели, я почти не сомневаюсь, что следующим шагом Черчилля явятся какие-либо операции против Сицилии, Сардинии, Крита, Италии, может быть, Балкан. Почему? Да просто потому что это опять-таки связано с "Средним Востоком", и еще больше потому, что это сравнительно легкие операции, во всяком случае более легкие, чем второй фронт во Франции. Вот почему у меня нет уверенности, что /если, Черчилль будет иметь волю/ этот подлинно эффективный второй фронт будет создан даже весной 1943 года. Невольно возникает вопрос, неужели Черчилль не понимает, что излишнее пристрастие к "легкой войне" в конечном счете может повернуться против самой Великобритании? Конечно, понимает, но - и это является подосновой всей его политики - Черчилль верит в

92

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
. № 2-т. ..... . № 7-т. ..... . № 12-т. .....
. № 3-т. ..... . № 8-т. ..... . № 13-т. .....
. № 4-т. ..... . № 9-т. ..... . № 14-т. .....
. № 5-т. ..... . № 10-т. ..... . № 15-т. .....

Из 9819 № ... 001 ... час ... мин ... 9850 19 ... г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 18 -

то, что СССР даже в самом худшем случае как-то "выдюжит", что спина у СССР крепкая. Это убеждение британского премьера особенно возросло после его визита в Москву. Каково же мое конечное заключение по поставленному Вами вопросу? Я формулировал бы его так: Сознательно Черчилль не держит курса на поражение СССР /и стал бы искренне возмущаться, если бы его стали в этом обвинять/, но проводимая им политика об"ективно могла бы способствовать такому разультату. И, если это все-таки не случится, то отнюдь не потому, что Черчилль, со своей стороны, делает все возможное для предупреждения разгрома нашей страны.

5/ Если признать правильной мою основную мысль/?/, то все остальное уже легко об"ясняется. Почему Черчилль фактически сокращает снабжение СССР? Говорю "фактически", так как формально все нам полагающееся по протоколу отгружается, но только ... в английских портах. Черчилль фактически сокращает наше снабжение, так как в погоне за "легкой войной" он затеял операцию "факела", а эта операция для своей реализации требует огромного количества военных судов. Я не знаю всех детальных расчетов адмиралтейства, но отнюдь не исключено, что одновременное осуществление "факела" и наших больших конвоев с их тяжелым прикрытием, британскому флоту сейчас не

93

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
. № 2-т.	. № 7-т.	. № 12-т.
. № 3-т.	. № 8-т.	. № 13-т.
. № 4-т.	. № 9-т.	. № 14-т.
. № 5-т.	. № 10-т.	. № 15-т.

Из 9819, 1925, 9847, 9828, 9827, 9848, 9835, 9837, 9849, 9850 тел. час. мин. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 14 -

под силу. Почему Черчилль не бомбит Берлин. Но это тоже понятно: он не хочет, чтобы немцы в ответ бомбили Лондон, ибо тяжелая бомбежка Лондона нарушала бы концепцию "легкой войны". Почему Черчилль не хочет сейчас судить Гесса? И это понятно: он боится в ответ массовых немецких репрессий против английских пленных. Что же тогда будет концепцией "легкой войны"? Кроме того, поскольку Черчилль ориентируется на длительную войну, он думает: кто знает, для чего еще может пригодиться Гесс?.

6/ Конечно, в Англии сейчас есть группы и течения, которые вполне сознательно стремятся к поражению СССР и сделке с Германией. Такова, например, группа Лэди Астор, "группа имперской политики" и другие. По мере сил и возможностей они стараются отравлять общественную атмосферу /в частности они ведут ожесточенную и далеко не безуспешную борьбу против второго фронта/, но пока эти группы отсиживаются в политическом полуподполье, не пользуются большим влиянием и терпеливо ждут более благоприятной для них кон"юнктуры. Отдельные представители тех же групп имеются в правительстве /Саймон, Андерсон, Кингсли Вуд/, но здесь они до поры, до времени тщательно маскируются в защитные "черчиллевские" цвета. Однако на предыдущих страницах я имел в виду не только что названные груп-

94

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
. № 2-т.	. № 7-т.	. № 12-т.
. № 3-т.	. № 8-т.	. № 13-т.
. № 4-т.	. № 9-т.	. № 14-т.
. № 5-т.	. № 10-т.	„ № 15-т.

Из 9819, 1925, 9847, 9828, 9827, час. 9848, 9835, 9837, 9849, 9850 мин. 10 г. экз. № 2

- 15 -

пы, а ту наиболее могущественную сейчас группировку крайней консервативной партии, которая возглавляется Черчиллем. Из того анализа, который сделан выше, у меня имеются некоторые практические выводы применительно к нашей политике и стратегии, но о них я Вам напишу особо.

22.X.42 г. МАЙСКИЙ.

СПРАВКА: № 981 - телеграмма т.Сталина от 19.X.42г.

11-экз.ак,лс.
отп.24.X.15-30
вып.Абрамкин.

Верно:

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

ДЕСЯТЫЙ ОТДЕЛ НКИД

Экз.№ 1

Исх. № 5435 спец. № 1020

Поступила 16 ч. 30 м. 28/X 1942 г.

Отправ. 17 ч. 40 м. 28/X 1942 г.

ЛОНДОН. СОВПОСОЛ.

Для МАЙСКОГО.

Ваши соображения получил. Я нашел в них много интересного и поучительного. Ряд ваших предложений совпадает с намеченными нами мероприятиями .

Я все же думаю, что, будучи сторонником легкой войны, Черчилль легко поддается влиянию тех, которые держат курс на поражение Сов-Союза, ибо поражение нашей страны и компромисс с Германией за счет Совсоюза является наиболее легкой формой войны Англии с Германией.

Конечно, англичане потом поймут, что без русского фронта на континенте Европы при выходе Франции из строя они, т.е. англичане, обречены на гибель. Но когда они поймут это?

Поживем, увидим.

Я сомневаюсь, чтобы англичане поддержали северную операцию. Они только болтают об этом для виду.

Черчилль заявил нам в Москве, что к началу весны 43 года около миллиона англо-американских войск откроют второй фронт в Европе.Но Черчилль принадлежит, видимо, к числу тех деятелей, которые легко дают обещание, чтобы также легко забыть о нем, или даже грубо нарушить его.

Он также торжественно обещал в Москве бомбить Берлин интенсивно в течение сентября-октября. Однако, он не выполнил своего обещания и не попытался даже сообщить в Москву о мотивах невыполнения.

Что же, впредь будем знать с какими союзниками имеем дело.

Я мало верю в операцию "факел". Если же вопреки ожидания эта операция кончится успешно, можно примириться с тем, что у нас отобрали самолеты ради этой операции.

Я говорил Уилки и сообщил Рузвельту, что в ближайшие 12 месяцев нам необходимо будет получить из США 2 миллиона тонн пшеницы. Уилки

98

2.-

сказал, что США некуда девать хлеб и что наша заявка вполне выполнима. Рузвельт отозвался положительно, но ничего конкретного не предложил. Совершенно правильно ваше предложение о том, чтобы привлечь к этому делу Канаду, которой тоже некуда девать хлеб.

СТАЛИН.

Верно
28/X-42 г.

1937
6568/шиф

55

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
№ 2-т. Сталину	№ 7-т.	№ 12-т.
№ 3-т. Сталину	№ 8-т.	№ 13-т.
№ 4-т. Молотову	№ 9-т.	№ 14-т.
№ 5-т. Вышинскому	№10-т.	№ 15-т.

Из БЕРЛИНА № 13744 пол. 4 час. 25 мин. 14/XI 19 40г. экз. № 2

13745, 13743; 13748.

ПРИНЯТА ПО ТЕЛЕФОНУ.

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел ЛИД

СТАЛИНУ. Сегодня, 13 ноября, состоялась беседа с Гитлером 3 с половиной часа и после обеда, сверх программных бесед, трех часовая беседа с Риббентропом. Пока сообщаю об этих беседах кратко. Подробности следуют.

Обе беседы не дали желательных результатов. Главное время с Гитлером ушло на финский вопрос. Гитлер заявил, что подтверждает прошлогоднее соглашение, но Германия заявляет, что она заинтересована в сохранении мира на Балтийском море. Мое указание, что в прошлом году никаких оговорок не делалось по этому вопросу, не опровергалось, но и не имело влияния. Продолжение следует.

58

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА — Экз. № 6-т. — Экз. № 11-т.
. № 2-т. Сталину — . № 7-т. — . № 12-т.
. № 3-т. Сталину — . № 8-т. — . № 13-т.
. № 4-т. Молотову — . № 9-т. — . № 14-т.
. № 5-т. Вышинскому — . № 10-т. — . № 15-т.

Из БЕРЛИНА № 13744 пол. 4 час. 15 мин. 14.XI 19 40 г. экз. № 2

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

13745, 13743

Продолжение. Вторым вопросом, вызвавшим настороженность Гитлера, был вопрос о гарантиях Болгарии со стороны СССР на тех же основах, как были даны гарантии Румынии со стороны Германии и Италии. Гитлер уклонился от ответа сказав, что по этому вопросу он должен предварительно запросить мнение Италии.

Риббентроп упорно настаивал на том, чтобы по вопросу о черноморских проливах мы высказались за пересмотр конвенции Монтре и за новую конвенцию при участии Турции, СССР, Италии и Германии с дачей гарантий для территории Турции и обещанием удовлетворить законное пожелание СССР о непропуске в Черное море военных судов нечерноморских держав. Я ответил, что по этому вопросу СССР должен договориться с Турцией, имея в виду, что для Германии и Италии, не являющихся черноморскими державами, вопрос о проливах не является существенным с точки зрения их безопасности, а для СССР вопрос о проливах связан не только с заключением нового соглашения с Турцией, но и с реальными гарантиями безопасности СССР. Вопрос же таких гарантий касается не только Турции, но и

57

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
. № 2-т.	. № 7-т.	. № 12-т.
. № 3-т.	. № 8-т.	. № 13-т.
. № 4-т.	. № 9-т.	. № 14-т.
. № 5-т.	. №10-т.	. № 15-т.

Из 13744, 13745, 13743, 13748 мин. / 19 г. экз. № 2

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отд[illegible] УКИД

- 8 -

Болгарии в указанном мною смысле, то-есть с дачей гарантий для самой Болгарии. На поставленные вопросы я ответил ему, что "совместную работу" СССР, Германии, Италии и Японии в деле разграничения основных сфер влияния между ними, считаю возможной и желательной, но об этом надо договориться, при чем следует правильно увязать эти вопросы завтрашнего дня с вопросами сегодняшнего дня. Риббентроп внес, вернее прочитал черновые наброски /"сырые мысли"/ проекта совместного открытого заявления четырех держав и два проекта секретных протоколов:

А/ О разграничении главных сфер интересов четырех держав с уклонением нашей сферы в направлении к Индийскому океану.

Б/ О проливах - в духе соглашения между Турцией, СССР, Италией и Германией. Риббентроп предложил эти проекты обсуждать в обычном дипломатическом порядке через послов. Окончание следует.

5-экз.ЛС
отп.14.XI.4-50
вып.Шляков.

14.XI.40 г.

верно: [illegible]

3231/Исх.№ 1202/ш

58

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ____ Экз. № 6-т. ____ Экз. № 11-т. ____
. № 2-т. Сталину . № 7-т. ____ . № 12-т. ____
. № 3-т. Сталину . № 8-т. ____ . № 13-т. ____
. № 4-т. Молотову . № 9-т. ____ . № 14-т. ____
. № 5-т. Вышинскому . №10-т. ____ . № 15-т. ____

Из БЕРЛИНА № I3749 пол. 4 час. 00 мин. I4.XI 1940 г. экз. № 2

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел КИД

Окончание. Я сказал, что не возражаю против такого порядка обсуждения этих проектов. Тем самым Германия не ставит сейчас вопрос о приезде в Москву Риббентропа.

Таковы основные итоги. Похвастаться нечем, но по крайней мере, выяснил теперешния настроения Гитлера, с которыми придется считаться.

Я еще не обдумал, какое дать коммюнике о моем от"езде из Берлина, так как только что вернулся от Риббентропа, и от него не имею никаких предложений об этом. Если успеете дать совет, прошу это сделать.

I4.XI.40 г. МОЛОТОВ.

5-экз.ЛС
отп.I4.XI.4-55
вып.Шляков.

Верно: Шляков

Исх. № 3232 Т203/ш

№ 3

ДНЕВНИК
В.М.МОЛОТОВА

СОВ.СЕКРЕТНО

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ С ЧЕРЧИЛЛЕМ
21 мая 1942 года.

Присутствовали: Эттли, Иден, Кадоган, Сарджент, Файэрбрэс, Майский Павлов.

Черчилль приветствует тов.Молотова и его советников и выражает свое удовлетворение по поводу его приезда в Лондон. Черчилль спрашивает тов.Молотова, как прошел перелет?

Молотов благодарит и отвечает, что перелет прошел благополучно.

Черчилль выражает Молотову сожаление по поводу катастрофы с английским самолетом, в которой погибли сотрудники военного атташе советского посольства в Лондоне.

Молотов отвечает, что это очень печальный факт, но происшествия в авиации всегда возможны.

Молотов говорит, что он хотел бы сказать несколько слов в связи со своим приездом в Лондон. Он говорит, что он уполномочен правительством вести переговоры с английским правительством и высказать мнение советского правительства по двум основным вопросам, для обсуждения которых он приехал в Англию. Затем по второму из этих вопросов он, Молотов, направляется в Соединенные Штаты Америки.

Первый вопрос касается двух договоров, протокола, а также письма по польскому вопросу, проекты которых обсуждались во время переговоров в декабре в Москве между Иденом, тов.Сталиным и им.

Второй вопрос – это вопрос об открытии второго фронта на Западе.

4

2.-

Вот два основных вопроса, по которым он, Молотов, уполномочен доложить мнение Советского правительства в Лондоне. Упомянутые вопросы не исключают, что могут быть обсуждены и другие вопросы, которые сочтут нужным поставить английское и советское правительства, поскольку это будет необходимо в интересах дела.

Молотов говорит, что сначала он хочет изложить мнение советского правительства по первому вопросу, а именно о договорах, касающихся сотрудничества Англии и СССР как в военное, так и в послевоенное время. Эти вопросы мы не сумели закончить в декабре месяце прошлого года. Не переходя к существу договоров, он, Молотов, выражает надежду и желание советского правительства закончить эту работу в ближайшие дни. Молотов говорит, что он готов приступить к обсуждению деталей и существа этих договоров как только Черчилль и Иден будут к этому готовы.

Молотов указывает, что он готов признать важность первого вопроса и готов уделить ему все необходимое внимание, но он должен заявить, что советское правительство считает особо важным вопрос о втором фронте на Западе. Инициатива постановки вопроса о втором фронте в данном случае исходит не от советского правительства. Этот вопрос поставил на рассмотрение в самом срочном порядке Президент США Рузвельт. В своем послании на имя тов.Сталина Рузвельт заявил, что в виду невозможности осуществить в ближайшее время его встречу с тов.Сталиным, он считает желательным мой приезд в Америку. Так как советское правительство не сомневается, что вопрос о втором фронте особенно касается СССР и Великобритании, то советское правительство, дав согласие на его, Молотова, поездку в США, вместе с тем признало необходимым, чтобы он, Молотов, мог обсудить этот вопрос с Черчиллем и Иденом в Лондоне перед от'ездом в США. Молотов напоминает о том,

что сегодня исполняется 11 месяцев, т.е. почти год с начала исключительно напряженной советско-германской войны, что подчеркивает важность вопроса, поставленного Рузвельтом. Мы признаем важность этого вопроса не только с точки зрения СССР, но и с точки зрения Англии и Америки. Он, Молотов, понимает, что вопрос о втором фронте - это вопрос военный. В связи с этим, вместе с ним приехал генерал-майор Исаев, который достаточно посвящен в детали этого вопроса. Но он хотел бы подчеркнуть, что вопрос о втором фронте - это в первую очередь политический вопрос, и ему, Молотову, кажется, что рассмотрение этого вопроса, как здесь в Англии, так и в США, должно получить именно такой характер.

Молотов просит извинения за длинное вступление о целях своего приезда. Он считает, что можно перейти к существу упомянутых вопросов или к тем вопросам, которые будут поставлены английским правительством. Какие вопросы обсуждать сначала - он предоставляет решить премьер-министру.

Черчилль заявляет, что английское правительство весьма удовлетворено тем, что Молотов желает обсудить вопрос о втором фронте как в Англии, так и в США. Но он хотел бы предварительно договориться с Молотовым относительно публичности его пребывания в Англии. Черчилль спрашивает Молотова, не считал ли бы он более целесообразным опубликовать об его пребывании в Англии? Ему, Черчиллю, представляется весьма невероятным, что пребывание Молотова в Англии не станет известным. Английское правительство может не допустить опубликования сообщений о приезде Молотова в английской печати, но в Лондоне много нейтральных посольств и они могут сообщить своим правительствам об его приезде в Лондон. Кроме того, факт его приезда может стать известным в США, где нет газетной цензуры.

Молотов в своем ответе Черчиллю заявляет, что он должен сказать, что советское правительство обратилось с просьбой к правительствам США и Англии не публиковать никаких сообщений о его визите до возвращения в Москву. В этом вопросе мы придерживаемся того же самого метода, который был применен во время пребывания Идена в Москве. Он, Молотов, повторяет просьбу советского правительства к английскому правительству воздержаться от публикации об его приезде в Лондон до возвращения в Москву. Молотов указывает, что, конечно, возможно проникновение тех или иных сведений о его приезде, в том числе и в Германию, но совсем другое дело, когда эти сведения получат подтверждение со стороны английского и советского правительств. Молотов просит, чтобы английское правительство сделало все, что оно может, чтобы не допустить публикаций об его приезде.

Черчилль отвечает, что английское правительство, конечно, сделает все, что возможно для выполнения просьбы советского правительства.

Молотов предлагает перейти к обсуждению интересующих обе стороны вопросов.

Черчилль заявляет, что он предложил бы начать с общего обсуждения проектов договоров и затем продолжить обсуждение договоров сегодня вечером во время встречи Молотова с Иденом.

Относительно обсуждения вопроса о втором фронте Черчилль предлагает ограничиться на данном совещании общими замечаниями по этому поводу и затем встретиться завтра утром для более подробного рассмотрения вопроса на заседании, на котором он будет присутствовать и на котором будут присутствовать начальники британских штабов. Он будет рад, если Молотов пригласит на это совещание советских генералов.

7

5.-

Молотов не возражает против предложения Черчилля, но снова подчеркивает, что вопрос о втором фронте - это прежде всего вопрос политический, а не военный.

Черчилль предлагает приступить к общему обсуждению проектов договоров.

Молотов заявляет, что советское правительство знакомо с проектами британского правительства, а британское правительство знакомо с проектами советского правительства. Проект договора, представленный Иденом через нашего посла в Лондоне, сильно отличается от проекта договора, который обсуждался в декабре месяце прошлого года в Москве. Последний английский проект содержит даже совершенно новые статьи. Поскольку наши проекты как договоров, так и дополнительного протокола известны английскому правительству, он, Молотов, просил бы раз'яснить в краткой форме, почему английское правительство не может принять советских предложений?

Черчилль в своем ответе заявляет, что советские проекты договоров наталкиваются на большие политические трудности в Англии, так как они противоречат принципам Атлантической декларации. С другой стороны, он, Черчилль, знает, что и Рузвельт неодобрительно относится к обсуждаемым проектам договоров. Поэтому он полагает, что заключение этих договоров вызвало бы сильное беспокойство общественного мнения как в Англии, так и в Америке, которое нанесло бы ущерб нашим общим усилиям. Черчилль подчеркивает, что английское правительство имеет сильное желание сотрудничать с СССР не только во время войны, но и в послевоенный период в интересах безопасности СССР и Англии, в целях уничтожения нацизма и неповторения войны. Желание английского правительства демонстрировать этот факт настолько велико, что оно готово подписать с Советским Союзом договор на основе последних английских

предложений. Английское правительство обязано дать отчет парламенту о своих действиях и обеспечить себе поддержку большинства парламента и английского общественного мнения. Если это условие не будет выполнено, то заключение договоров не будет полезным и может нанести ущерб англо-советским отношениям. В заключение Черчилль предлагает детально обсудить вопрос о заключении советско-английских договоров с Иденом.

Молотов заявляет, что он для того и приехал в Лондон, чтобы обсудить все вопросы, касающиеся наших договоров, и готов это сделать в соответствии с предложением Черчилля. Советское правительство считает своим долгом обсудить как договор о военном союзе, так и договор о послевоенном сотрудничестве, прежде всего, с британским правительством, с которым оно начало обсуждение этих вопросов, с которым оно выразило желание найти общий язык и договориться. Молотов говорит, что он не сомневается в том, что обе стороны будут считаться с мнением американского правительства, но он должен сказать, что надо говорить о договорах, приемлемых не только для английского общественного мнения, но также и приемлемых для советского правительства и советского общественного мнения. Если мы не сможем подписать договоров, приемлемых как для советского, так и для английского общественного мнения, то придется отложить решение этого вопроса. Можно прожить еще некоторое время и без договоров, но лучше, конечно, если они будут заключены.

Молотов говорит, что он должен сказать откровенное мнение советского правительства по поводу договоров. Теперь, на исходе года советско-германской войны, вопрос о договорах стоит серьезнее, чем в прошлом году с точки зрения настроений и общественного мнения в СССР. Нашей стране пришлось пережить не мало трудностей

и принести не мало жертв. Он, Молотов, должен сказать, что у нас в СССР никто не согласится с договорами, в которых не будет минимальных условий, оправдывающих жертвы, принесенные Советским Союзом в советско-германской войне, и в которых не будет известных минимальных условий, обеспечивающих безопасность СССР на будущее время. В наших проектах договоров мы остановились на указанном минимуме условий, понятных советскому общественному мнению, дальше которых нам трудно идти.

Молотов далее заявляет, что советские проекты не противоречат Атлантической декларации. Но когда нам говорят, что надо считаться с мнением когда-то существовавших правительств Литвы, Латвии, Эстонии, которые уже давно потеряли почву под ногами, то он, Молотов, должен сказать, что это требование не имеет под собой никаких оснований. Что касается Польши, то он должен сказать, что по наиболее сложному вопросу – о советско-польской границе, несмотря на трудности, которые имели и имеют место в советско-польских отношениях, советское правительство надеется и готово полюбовно договориться с польским правительством. Но мы готовы это сделать при учете наших минимальных интересов. Молотов заявляет, что он надеется, что эта точка зрения советского правительства будет полностью понята британским правительством.

Молотов говорит, что он хотел бы добавить несколько слов по вопросу о минимальных условиях, которые должны войти в советско-английский договор. Для нас минимальным условием является восстановление границ СССР, нарушенных Гитлером в войне против СССР. Мы не можем уступить в этом вопросе. Никто в СССР, после понесенных жертв, не одобрит советское правительство, если оно отступит от требования восстановления того, что было нарушено Гитлером. С другой стороны, именно ввиду того, что нам навязана эта

тяжелая война, восстановления нарушенных границ недостаточно. Мы хотим, чтобы безопасность СССР на северо-западе и на юго-западе от его границ была бы минимально гарантирована на будущее время. Договора, не содержащие этих минимальных условий, будут встречены в СССР отрицательно и не получат одобрения. Если мы сможем договориться с британским правительством в этих рамках, то будет хорошо. Если это невозможно, то лучше отложить подписание договоров.

Что касается самого деликатного вопроса – о советско-польской границе, то советское правительство заявляет, что оно все сделает, чтобы договориться с польским правительством полюбовно и на основе взаимности. Все остальное решить не трудно.

Черчилль в своем ответе указывает, что имеются два проекта договоров. Различие этих проектов можно обсудить вечером с Иденом. Сейчас он хотел бы, чтобы Молотов был уверен в целях британского правительства. Британское правительство уверено, что возможно выиграть войну и что после войны британское, советское и американское правительства будут нести полную ответственность за устройство мира. Британское правительство желает работать совместно с СССР в интересах обеих стран. Но невозможно подписать документы, которые подчеркивают разногласия между СССР и Великобританией. Цель английской политики – это дружба с СССР. Если мы осуществим эту цель, то все остальное приложится.

Переходя к вопросу о втором фронте, Черчилль говорит, что он хотел бы сделать следующее замечание. Как Великобритания, так и США готовы вторгнуться на европейский континент самыми большими силами. Английское правительство рассматривает в настоящее время вопрос о создании в Европе второго фронта и о поднятии (raise) народов, находящихся под нацистской тиранией,

и освобождении этих народов. Английское правительство все сделает, чтобы осуществить эту задачу. В связи с этим, вопросы, которые надо обсудить,- это вопросы технического и тактического порядка: проблема транспорта, тоннажа, десантных средств, воздушной обороны противника и т.д. В настоящее время все эти вопросы изучаются английскими военными специалистами. Он, Черчилль, хотел бы сообщить о том, что во время встречи с Рузвельтом в августе прошлого года он обсуждал эти вопросы с Рузвельтом и еще тогда просил его принять меры к созданию необходимых количеств десантных средств. Он еще раз просил Рузвельта об этом во время своей последней встречи с ним в январе этого года. Рузвельт обещал принять соответствующие меры с целью создания необходимого количества десантных средств. Англия также работает над разрешением этой проблемы и готовится к вторжению с максимальной энергией. Мы, говорит Черчилль, готовы серьезно рисковать, если имеется обоснованная надежда на успех наших операций.

Черчилль заявляет, что завтра на совещании Молотов ознакомится с физическими возможностями английского правительства. Второй фронт в Западной Европе будет создан как только появятся соответствующие условия для вторжения. Но в настоящее время английское правительство связано в своих возможностях.

Молотов в своем ответе Черчиллю заявляет, что он разделяет его мнение, что дружба наших стран вытекает из исторических условий и соответствует глубоким интересам обеих стран. Поскольку наши страны нашли общий язык и поскольку теперь будут уточнены интересующие их вопросы, то он, Молотов, полагает, что дружба даст свои результаты и в послевоенное время. Что касается второго фронта, то Молотов заявляет, что он понимает соображения, изложенные Черчиллем, но он надеется, что вопрос о втором фронте

12

10.-

может быть решен положительно в смысле ближайшего срока.

Черчилль заявляет, что он понимает срочность вопроса о создании второго фронта. Каждому ясно, что трудности вторжения могут увеличиться. Но он хотел бы, чтобы Молотов ознакомился с возможностями реализации в настоящее время этого желания обоих правительств.

Черчилль спрашивает, согласен ли Молотов на встречу советских генералов с британскими генералами для обсуждения вопроса о возможностях организации второго фронта в настоящее время?

Молотов говорит, что он не возражает против этой встречи, но прежде всего он хотел бы выяснить политическую сторону вопроса о втором фронте. Он говорит, что при всей важности военной стороны этого вопроса, он все же носит сугубо политический характер и он должен решаться не только с военной, но, прежде всего, с политической точки зрения.

Беседу записал В.Павлов.

Запись проверена.
В.Молотов.
6.У1.42г.

Верно: Молотов

ов-6.

№2

Сов.Секретно 13

ДНЕВНИК
тов.В.М.МОЛОТОВА

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ С ИДЕНОМ

21 мая 1942 года

1. В начале беседы Молотов и Иден констатировали отсутствие разногласий по договору о военном союзе. Поэтому было решено приступить к обсуждению советского и английского проектов договора о послевоенном устройстве.

2. В статье 1-й советского проекта этого договора ("Договор между Великобританией и СССР о разрешении послевоенных вопросов и о их совместных действиях для обеспечения безопасности в Европе после окончания войны с Германией и ее союзниками в Европе") Иден предложил дополнить фразу "Высокие договаривающиеся Стороны обязуются при разрешении послевоенных вопросов, связанных с организацией мира и безопасности в Европе, действовать по взаимному согласию" словами "и с учетом других заинтересованных государств". Иден заявил, что эти слова надо вставить для американцев. Он считает это необходимым сделать в интересах наших взаимоотношений с Америкой.

Молотов ответил, что, если это полезно и целесообразно с точки зрения наших взаимоотношений с Америкой, то я согласен с этой поправкой.

3. Статья 2-я Иденом принимается в нашей редакции. Он просил только вместо союза "и" во фразе"...со стороны Германии и государств, связанных с ней в осуществлении актов агрессии в Европе" поставить "или", на что Молотов дал согласие.

4. При обсуждении статьи 3-ьей английского проекта Молотов заявил, что меня удивляет редакция этой статьи в английском проекте. У меня и у тов.Сталина сложилось впечатление, что Иден во время пребывания в Москве не возражал против предложения тов.Сталина

75 М.

о письме Совпра Идену о том, что вопрос о советско-польской границе будет разрешен по взаимному согласию между СССР и Польшей, как между союзными и дружественными государствами. Мы считали, что по этому поводу у нас нет разногласий с бритпра. Последняя же английская редакция этой статьи ставит этот вопрос иначе, чем было условлено между СССР и Польшей при заключении советско-польского соглашения от 30 июля 1941 г., когда вопрос о границах СССР с Польшей был оставлен открытым. Мы считаем, что заключение нашего договора на этой основе не связывает Англию никакими обязательствами, так как вопрос о советско-польской границе остается открытым. Исходя из этого, тов.Сталин в декабре сделал предложение о письме, и это предложение, как нам казалось, в Москве не встречало возражений.

Иден ответил, что англопра связано обязательствами по отношению к полякам по англо-польскому договору, что нашло свое отражение в заявлении, которое было сделано англопра польскому правительству при подписании советско-польского соглашения от 30 июля 1941 г. В связи с этим он, Иден, хотел бы указать в статье третьей, что эта позиция английского правительства остается в силе. Это поможет рассеять возможные сомнения поляков относительно советско-польской границы. Если Советское Правительство предпочитает обмен письмами по этому вопросу, то он не возражает против этого.

Молотов ответил, что мы готовы подписать с поляками договор о границе на основе линии Керзона с некоторыми небольшими изменениями этой линии в пользу СССР. Мы готовы принять это старое английское предложение о советско-польской границе. Если это неприемлем для англопра, то совпра предлагает ограничиться советским письмом на имя бритпра о том, что вопрос о советско-польской границе под-

лежит урегулированию между польским правительством и СССР.

Иден ответил, что когда он был в Москве, он не имел полномочий решать вопрос о Прибалтике. Теперь этот вопрос согласован. Английское правительство готово принять советскую редакцию статьи 3-й относительно восстановления границ СССР. Но вопрос о советско-польской границе вызовет оппозицию со стороны поляков. Цель, которую преследует английская редакция проекта этой статьи, состоит в том, чтобы избежать этой оппозиции. Поэтому, если Советское Правительство предлагает обменяться письмами по вопросу о советско-польской границе, то он, Иден, ответит на мое письмо в духе второго абзаца статьи 3-й английского проекта.

Молотов ответил, что это было бы большим затруднением. Вопрос о границах СССР невозможно ставить под сомнение. Касаясь существа вопроса о советско-польской границе, Молотов заявил, что совпра считает нужным удовлетворить поляков, как это известно Идену из переговоров в Москве в декабре прошлого года, за счет Восточной Пруссии. Вполне законно, что Германия должна принести жертвы за войну против СССР, Англии, Польши и других стран. Мы не считаем возможным предрешать вопрос о советско-польской границе в договоре с Англией или, чтобы Англия односторонне в пользу Польши сейчас поддерживала разрешение вопроса, подлежащего урегулированию между польским и советским правительствами. Смысл предложения Идена-это односторонняя поддержка Польпра. Рассматривая обсуждаемый Договор о послевоенном устройстве между Великобританией и СССР, как базу для дальнейшего развития отношений, мы, конечно, имеем ввиду решение отдельных вопросов послевоенного времени с Великобританией и другими странами в последующее время. Мы не хотели бы, однако, чтобы английское правительство в спорном пока советско-польском вопросе оказывало одностороннюю поддержку Польше, сохраняя свою

позицию 1941 г. Это было бы направлено против СССР. Поэтому мы считаем необходимым предоставить разрешение этого вопроса советскому и польскому правительствам. Возможны два предложения – решить вопрос о советско-польской границе по существу на основе линии Керзона или отложить разрешение этого вопроса. Советское Правительство предлагает компромисс, оставив пока вопрос о советско-польской границе открытым. Если компромиссы вообще полезны, то польза предлагаемого нами компромиссного решения для Англии несомненна. При этом мы идем даже на то, что оставляем пока открытым вопрос о самой большой части западной границы СССР в Договоре с Англией и письмом обещаем в будущем урегулировать с Польшей этот вопрос в дружественном порядке. Это – большая уступка со стороны СССР. Уступка же Англии в этом вопросе должна состоять в том, что английское правительство не повторяет своего заявления полякам от 30 июля 1941г. и оставляет этот вопрос для урегулирования между польским и советским правительствами.

Иден заявляет, что это очень трудно осуществить. Мы пошли СССР навстречу в вопросе о Прибалтике, остался открытым лишь вопрос о советско-польской границе. Англопра связано обязательствами по отношению к полякам, принятыми им еще до начала войны. Он, Иден, считает предлагаемую Советским Правительством компенсацию Польши за счет Восточной Пруссии реалистичной и разумной. Он согласен с тем, что нет надобности устанавливать советско-польскую границу в настоящее время. Это можно сделать впоследствии. В данный момент он, Иден, стремится обеспечить от нападок поляков позицию английского правительства, выраженную в его письме, направленном полякам при подписании советско-польского соглашения. Если не подтвердить этой позиции в настоящее время, то поляки обвинят английское пра-

17

5.-

вительство в нарушении обещания.

Майский подал реплику, что Англо-Польский Договор 1939 года не гарантирует границ Польши.

Молотов указывает, что Майский прав, когда говорит, что англо-польский договор, заключенный до войны, не гарантирует границ Польши. Но даже не в этом дело. Советское Правительство предлагает решить вопрос о советско-польской границе или теперь же по существу (линия Керзона) или оставить вопрос о советско-польской границе открытым, не предрешая его ни в ту ни в другую сторону. Советское Правительство не может пойти на дальнейшие уступки в этом вопросе. Мы делаем уступку Польше, учитывая позицию Великобритании. В заявлениях, которые были сделаны тов.Сталиным, как главой Советского Правительства и как Народным Комиссаром Обороны, сказано, что мы боремся в войне с Германией за восстановление границ СССР, нарушенных гитлеровской агрессией. Мы не можем отказаться от этой позиции, в особенности после жертв, принесенных нашей страной. В отступление от этой позиции, желая пойти навстречу Великобритании, мы готовы заявить, что берем на себя обязательство договориться с Польшей полюбовно и предлагаем Великобритании также сделать уступку - не повторять своего заявления полякам от 30.УП.41г. Разумный компромисс должен быть построен на уступках с обеих сторон. Если компромисс в польском вопросе окажется приемлемым, то он может послужить базой развития отношений не только между Великобританией и СССР, но и между СССР и Польшей.

Иден говорит, что английское правительство не имеет трудностей в принятии позиции, изложенной Молотовым. Эта позиция пригодна для английского правительства в отношении СССР. Но позиция Великобритании в отношении Польши определяется обязательствами английского правительства перед Польшей. Когда он, Иден, был в Москве,

Советское Правительство просило о согласии Великобритании в отношении советских границ в Прибалтике. Английское правительство согласилось впоследствии на восстановление границ СССР в Прибалтике. Вопрос о советско-польской границе было решено оставить открытым до урегулирования его между СССР и Польшей. Он, Иден, хотел бы в настоящих переговорах с Советским Правительством подчеркнуть, что английское правительство не отступает от своей позиции по отношению к полякам от 30 июля 1941 г.

Молотов заявляет, что компромисса не получается. Мы делаем уступки, а британское правительство не делает уступок.

Иден говорит, что английское правительство сделало уступку в вопросе о Прибалтике.

Молотов заявляет, что балтийские государства в течение сотен лет входили в состав России. Что же касается Польши, то мы не претендуем на всю Польшу. Мы готовы пойти навстречу английскому правительству, оставив вопрос о наиболее значительной части западной советской границы открытым. Однако, английское правительство остается на старой позиции и компромисса не получается.

Иден спрашивает, какого мнения придерживается Советское Правительство в настоящее время о советско-польском договоре от 30.УП.41г.

Молотов отвечает, что Советское Правительство придерживается того же самого положительного мнения об этом договоре, как и раньше. Но мы никаких обязательств полякам о границе не давали. Наоборот, мы полагаем, что граница СССР, нарушенная Гитлером, должна быть восстановлена. Польшу можно было бы, по мнению Совпра, удовлетворить, как это известно Идену из переговоров в Москве за счет Германии, а не за счет СССР. Мы еще не давали самим полякам обе-

щания о компенсации Польши за счет Германии. Но это предложение может служить базой для урегулирования советско-польского вопроса, заключающего в себе не мало трудностей. Эти трудности, как мы думаем, могут быть преодолены, когда поляки узнают о существовании советского предложения о серьезной компенсации Польши за счет Германии.

Иден говорит, что когда он был в Москве, то Сталин и Молотов согласились оставить вопрос о советско-польской границе открытым. Сталин и Молотов просили тогда английское правительство о признании границ СССР в Прибалтике. Английское Правительство сделало уступку и согласилось с Советским Правительством в отношении Прибалтики. В настоящее время ему, Идену, непонятно, какую уступку должно сделать английское правительство в вопросе о советско-польской границе. Ему, Идену, представляется сейчас необходимым попытаться найти форму ответного письма Идена на письмо Молотова по этому вопросу.

Молотов говорит, что в своем письме Иден мог бы сообщить, что принимает к сведению письмо Советского Правительства. Это не будет означать, что английское правительство переходит на позицию Советского Правительства, а означает, что английское правительство делает уступку по сравнению с занятой им в июле 1941 года позиции.

Иден говорит, что в своем ответном письме он мог бы сказать, что принимает к сведению письмо Молотова и высказывает удовлетворение, что Советское Правительство готово урегулировать вопрос о советско-польской границе в дружественном духе. Затем он хотел бы сослаться на то, что английское правительство в этом вопросе стоит на позиции, изложенной в письме Польскому правительству от 30.УП.41г.

Молотов заявляет, что это означало бы одностороннюю поддержку Польши в ущерб интересам СССР. В английском ответе можно было бы не повторять прежнего английского заявления полякам.

Иден отвечает, что английское правительство не имеет намерения оказывать одностороннюю поддержку Польше. В качестве доказательства того, что Англия не гарантировала никаких границ Польши Иден привел свое заявление в Палате Общин от 30.УП.41г. в связи с письменным заявлением польскому правительству от того же числа. В этом заявлении определенно указывается, что Англия не взяла на себя никаких обязательств в отношении гарантирования каких-либо границ в Восточной Европе.

Иден говорит, что надо попытаться найти форму ответа английского правительства и еще раз посмотреть заявление английского правительства полякам от 30.УП.41г.

5. Переходя к другим замечаниям по статье третьей, Иден заявляет, что английское правительство считало бы необходимым исключить слова: "а также интересов Великобритании в деле возвращения занятых вражескими силами британских территорий в Европе" и слова "в Европе" и "Европы", чтобы не вызывать кривотолков в вопросе о невмешательстве во внутренние дела других народов и не создать впечатления, что мы признаем этот принцип только в отношении Европы.

Молотов ответил, что он не возражает против предложения Идена исключить из договора указанные слова.

6. Иден говорит, нельзя ли сохранить в договоре статью о федерациях в духе ее редакции, принятой в декабре прошлого года в Москве.

Молотов отвечает, что Иден, конечно, имеет право поставить этот вопрос, как обсуждавшийся еще в декабре. Но он, Молотов, должен об"яснить причины, по которым эта статья была исключена из договора. Дело в том, что по некоторым материалам, имеющимся

в распоряжении Советского Правительства, делаются попытки направить некоторые федерации против СССР. Это нас насторожило. Ввиду наличия таких попыток, а также поскольку этот вопрос подлежит детальному обсуждению и урегулированию между СССР и Великобританией, Советское Правительство решило воздержаться от заявления заранее поддерживать всякие федерации и считало возможным не касаться этого вопроса в договоре. Мы надеемся, что когда вопрос о федерациях будет решаться, то он будет разрешен в дружественном духе в отношении СССР и Англии.

Иден ответил, что Великобритания никогда не будет участвовать в соглашениях, направленных против СССР. Он говорит, что включение статьи о федерациях крайне желательно и обещает подыскать подходящую формулировку этой статьи.

На беседе присутствовали: с советской стороны т.т.Майский, Соболев и Павлов. С английской стороны - Кадоган, Сарджент и Файрбрэс.

Беседу записал В.Павлов.

Запись проверена.

В.Молотов.

6.VI.42г.

Верно: Молотов

6-кк

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
. № 2-т. Сталину ..... . № 7-т. ..... . № 12-т. .....
. № 3-т. Сталину ..... . № 8-т. ..... . № 13-т. .....
. № 4-т. Молотову ..... . № 9-т. ..... . № 14-т. .....
. № 5-т. Деканозову ..... . № 10-т. ..... . № 15-т. .....

Из ЛОНДОНА № 4553 пол. 3 час. 10 мин. 22.У 1942 г. экз. № 1

4554, 4555, 4556. сп.02,3,4,5. ВНЕ ОЧЕРЕДИ.

СТАЛИНУ.

1. Сегодня состоялось два заседания - утром и днем; оба, примерно, по два часа. На утреннем заседании присутствовали с английской стороны Черчилль, Иден, Эттли, Кадоган, Сарджент /помощник Кадогана/ и в качестве переводчика Файербрес, с нашей стороны - я, Майский и Павлов в качестве переводчика. На дневном заседании присутствовали с английской стороны Иден, Кадоган, Сарджент и Файербрес. С нашей - я, Майский, Соболев и Павлов.

2. На утреннем заседании с Черчиллем я изложил цели моего приезда: обсуждение и, по возможности, решение вопроса о договорах и вопроса о втором фронте, упомянув о возможности рассмотрения и других вопросов. При этом я подчеркнул особую важность и срочность вопроса о втором фронте, сославшись на инициативу Рузвельта, в связи с приглашением меня в США по этому вопросу. Черчилль не возражал, но присовокупил, что британское правительство тоже может быть найдет какие-либо "другие вопросы" для рассмотрения. Я согласился.

3. Утром Черчилль в нескольких весьма общих заявлениях высказался главным образом по первому вопросу, что ни в чем существенном не отличалось от того, что Иден раньше говорил

Зак. 541. 1-я Обр. тип.

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

23

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
. № 2-т. ..... . № 7-т. ..... . № 12-т. .....
. № 3-т. ..... . № 8-т. ..... . № 13-т. .....
. № 4-т. ..... . № 9-т. ..... . № 14-т. .....
. № 5-т. ..... . № 10-т. ..... . № 15-т. .....

Из 4553, 4554, 4555, 4556 № ..... пол. ..... час. ..... мин. ..... 19 ..... г. экз. № 2

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 2 -

Майскому. Черчилль заявил о важности итти в ногу с США и о нежелании нарушать "атлантическую хартию", ссылаясь на трудности с признанием наших проектов договоров в парламентских кругах Англии. Черчилль заявил, что целью британского правительства является обеспечение дружбы и доверия между тремя державами - СССР, Англии и США, ибо на плечи этих держав после победы ляжет руководство делами мира. Если такая дружба будет, все остальное приложится. Поэтому, де, не следует создавать затруднений в заключении договоров.

4. На это я ответил, что мы считаем нужным в первую очередь договориться с Англией, что при этом, конечно, стороны учтут мнение США и нежелательность нарушения хартии, но я подчеркнул, что из этого и исходят наши предложения о договорах, которые ближе к тому, что обсуждалось с Иденом в Москве, чем английские предложения. Поэтому мы и ограничились минимальными условиями, без которых общественное мнение в СССР не поймет и не признает каких-либо договоров, особенно после всех принесенных жертв и переносимых трудностей. Минимальным для нас является восстановление того, что было нарушено Гитлером, плюс дополнительные минимальные гарантии безопасности, прежде всего на северо-западе и на юго-западе от границ СССР. Если британское правительство считает, что соглашение на данной базе

Зак. 541. 1-я Обр. тип.

24

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
. № 2-т. ..... . № 7-т. ..... . № 12-т. .....
. № 3-т. ..... . № 8-т. ..... . № 13-т. .....
. № 4-т. ..... . № 9-т. ..... . № 14-т. .....
. № 5-т. ..... . № 10-т. ..... . № 15-т. .....

Из 4553, 4554, 4555, 4556 ол. ..... час. ..... мин. ..... 19 ..... г. экз. № 2

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 3 -

сейчас невозможно, то лучше отложить вопрос о договорах до более благоприятного будущего. В конце дискуссии Черчилль предложил мне встретиться с Иденом и попробовать договориться с ним о тексте договоров.

5. По вопросу о втором фронте Черчилль в утреннем заседании сделал краткое заявление, смысл которого сводится к тому, что британское правительство и американское правительство в принципе решили создать такой фронт в Европе, с максимально доступными им силами и в возможно кратчайший срок и к этому они энергично готовятся.

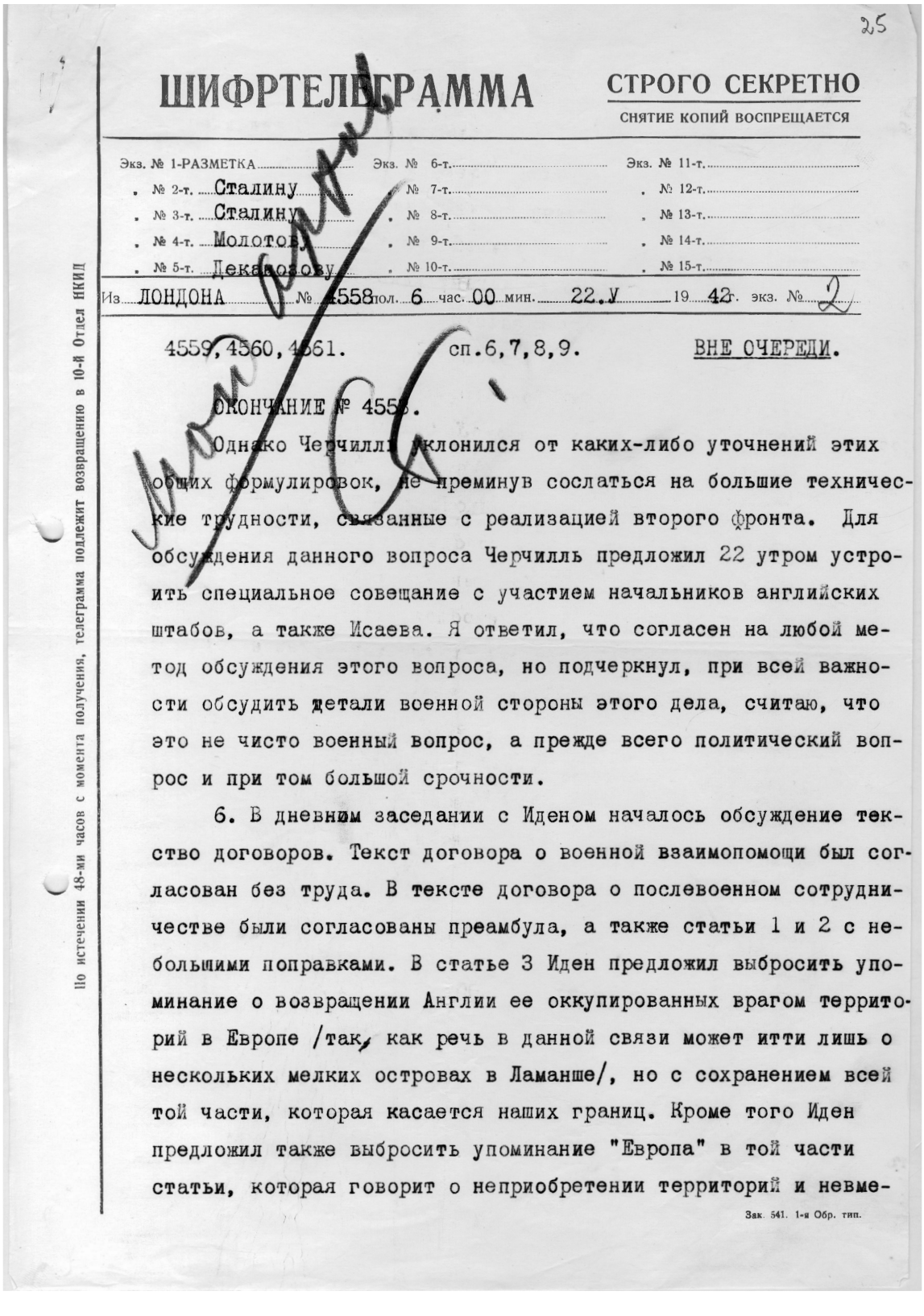
ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

5-экз.ЛС
отп.22.У.06-00
вып.Абрамкин.

Верно:

953
Вх. № 3046/шш

Зак. 541. 1-я Обр. тип.

25

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
. № 2-т. Сталину ..... . № 7-т. ..... . № 12-т. .....
. № 3-т. Сталину ..... . № 8-т. ..... . № 13-т. .....
. № 4-т. Молотову ..... . № 9-т. ..... . № 14-т. .....
. № 5-т. Деканозову ..... . № 10-т. ..... . № 15-т. .....

Из ЛОНДОНА № 4558 пол. 6 час. 00 мин. 22.V 19 42 г. экз. № 2

4559, 4560, 4561. сп.6,7,8,9. ВНЕ ОЧЕРЕДИ.

ОКОНЧАНИЕ № 4558.

Однако Черчилль уклонился от каких-либо уточнений этих общих формулировок, не преминув сослаться на большие технические трудности, связанные с реализацией второго фронта. Для обсуждения данного вопроса Черчилль предложил 22 утром устроить специальное совещание с участием начальников английских штабов, а также Исаева. Я ответил, что согласен на любой метод обсуждения этого вопроса, но подчеркнул, при всей важности обсудить детали военной стороны этого дела, считаю, что это не чисто военный вопрос, а прежде всего политический вопрос и при том большой срочности.

6. В дневном заседании с Иденом началось обсуждение текство договоров. Текст договора о военной взаимопомощи был согласован без труда. В тексте договора о послевоенном сотрудничестве были согласованы преамбула, а также статьи 1 и 2 с небольшими поправками. В статье 3 Иден предложил выбросить упоминание о возвращении Англии ее оккупированных врагом территорий в Европе /так, как речь в данной связи может итти лишь о нескольких мелких островах в Ламанше/, но с сохранением всей той части, которая касается наших границ. Кроме того Иден предложил также выбросить упоминание "Европа" в той части статьи, которая говорит о неприобретении территорий и невме-

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

Зак. 541. 1-я Обр. тип.

26

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
. № 2-т. ..... . № 7-т. ..... . № 12-т. .....
. № 3-т. ..... . № 8-т. ..... . № 13-т. .....
. № 4-т. ..... . № 9-т. ..... . № 14-т. .....
. № 5-т. ..... . № 10-т. ..... . № 15-т. .....

Из 4559, 4558, 4560, 4561 пл. ..... час. ..... мин. ..... 19 ..... г. экз. № 2

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 2 -

шательстве во внутренние дела других народов для того, чтобы не создавать почвы для кривотолков будто бы, отказываясь от таких действий в Европе, мы допускаем возможность их на других территориях. Я принял эти предложения. По вопросу о Польше была длительная дискуссия. При этом я доказывал что из желания пойти навстречу Англии мы предлагаем компромисс, в котором мы делаем большую уступку, не требуя сейчас согласия Англии на восстановление советско-польской границы 1941 года и обещая этот вопрос дружественно урегулировать непосредственно с Польшей, а Англии предлагаем сделать меньшую, а именно не подтверждать своего заявления от 10 июля 1941 года. Иден настаивал, что Англия не может отказаться от подтверждения этого заявления но согласился не вносить ничего в договор и обещал к завтрашнему дню набросать проект своего письма в ответ на то письмо, которое я должен буду послать ему одновременно с подписанием договора. На вопрос Идена я об"яснил, что мы исключили из нашего проекта упоминание о европейских федерациях в виду наличия попыток направить некоторые из этих федераций против СССР. Иден заявил, что он тоже безусловно против этого и поищет соответствующей формулировки, на что я согласился. Обсуждение дальнейших статей состоится при следующей встрече.

Зак. 541. 1-я Обр. тип.

27

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
. № 2-т. ..... . № 7-т. ..... . № 12-т. .....
. № 3-т. ..... . № 8-т. ..... . № 13-т. .....
. № 4-т. ..... . № 9-т. ..... . № 14-т. .....
. № 5-т. ..... . № 10-т. ..... . № 15-т. .....

Из 4559, 4558, 4560, 4561 пол. ..... час. ..... мин. ..... 19 ..... г. экз. № 2

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 3 -

7. 22 мая, помимо заседания о втором фронте, предусмотрен завтрак у Черчилля, а также прием у короля, который выразил желание меня видеть.

8. Черчилль вновь пробовал поднять вопрос об оглашении моего пребывания в Лондоне, но ввиду моих возражений отказался от своего намерения.

21.У.42 г. МОЛОТОВ.

5-экз.ЛС
отп.22.У.9-00
вып.Абрамкин.

Верно:

954
Исх.№ 3047/шш

Зак. 541. 1-я Обр. тип.

№ 28

ДНЕВНИК
В.М.МОЛОТОВА

СОВ.СЕКРЕТНО

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ С ИДЕНОМ
22 мая 1942 года

Присутствовали: Иден, Кадоган, Сарджент, Файэрбрэс,
т.т.Молотов, Майский, Соболев, Павлов.

1. Молотов предлагает начать обсуждение письма по польскому вопросу.

Иден заявляет, что его трудности заключаются в том, что английское правительство связано опредеденными обязательствами по отношению к полякам. Его письмо по польскому вопросу имеет своей задачей подтвердить в переговорах с советским правительством позицию британского правительства, которую оно заняло в августе 1939г. в отношении поляков. Эта позиция определяется обязательствами английского правительства. Это не означает, конечно, что английское правительство не стало бы приветствовать урегулирование польского вопроса в переговорах непосредственно между польским и советским правительствами.

Молотов говорит, что, во всяком случае, позиция может быть улучшена.

Иден спрашивает, что надо понимать под улучшением.

Молотов отвечает, что он предлагал бы договориться по польскому вопросу по существу, приняв за основу линию Керзона. Он, Молотов, ничего не предлагает, кроме старой позиции английского правительства.

Иден замечает, что когда он был в Москве, вопрос о советско-польской границе было решено оставить открытым.

Молотов заявляет, что этот вопрос можно оставить открытым. Но если подтвердить вновь прежнюю позицию британского правитель-

76-М.

ства, то получится, что английское правительство оказывает одностороннюю поддержку полякам во вред СССР. Молотов предлагает оставить вопрос о советско-польской границе открытым.

Иден говорит, что его письмо по польскому вопросу не исключает решения польского вопроса на основе линии Керзона или другой базе. Его письмо заверяет поляков в том, что позиция английского правительства, выраженная им во время заключения советско-польского договора, остается неизменной. Он затрудняется найти другую редакцию своего письма, которая бы говорила о меньшем.

Молотов заявляет, что он хочет привести некоторые конкретные данные. Иден говорил, что британское правительство согласно с решением вопроса о советской границе в Прибалтике, но возражает в вопросе о советской границе с Польшей. Вот данные. Граница СССР с Прибалтийскими республиками составляет 400 клм., а с Польшей 800 клм., то-есть в два раза больше. Спрашивается, как мы можем говорить в договоре об учете интересов в СССР в деле восстановления границ, когда 2/3 всей этой границы СССР остаются спорным вопросом и, более того, английское правительство еще снова заявляет, что оно не признает изменения границ 1939 года. Если англичане поддерживают позицию Польши в отношении 2/3 границы СССР на Западе, то спрашивается, что остается от статьи 3 Договора?

Иден заявляет, что советское предложение состояло в том, чтобы оставить вопрос о советско-польской границе открытым. Его, Идена, письмо не решает вопроса о границах и не гарантирует никакой границы. Английское правительство не предлагает гарантии границ и не оказывает поддержку какой-либо стране. Оно только лишь подтверждает свою позицию в отношении поляков от 30.УП.41г.

Это означает, что оно остается на базе своего договора с поляками, не гарантирующего Польше определенных границ.

Молотов говорит, что это означает игнорирование сложившихся фактов. Мы предлагали в декабре и теперь предлагаем не принимать никакого решения в отношении Польши. Мы считаем нужным решать вопрос об удовлетворении интересов Польши не за счет территорий, которые населены украинцами и белоруссами, вошедших в состав СССР, а за счет общего врага СССР и Польши - Германии. Мы не хотим ссориться с Польшей. Мы предлагаем Польше больше, чем дала бы ей линия Керзона, и мы готовы идти на это. Мы считаемся с желанием Англии поднять значение Польши, но не за счет украинцев и белоруссов, а за счет общего врага Великобритании, Польши и СССР - за счет Германии. Если мы можем договориться на этой основе, то это, действительно, могло бы дать базу для дружественного развития англо-советских отношений. В 1939 году тогдашняя Польша помешала сближению Англии и СССР и теперь польский вопрос снова создает затруднения без достаточных оснований к этому.

Иден говорит, что в предлагаемом им проекте ответного письма советскому правительству нет ничего, не согласующегося с его письмом полякам от 30.УП.41г. Позиция английского правительства состоит в том, чтобы вопрос о советско-польской границе оставить открытым до решения его между советским и польским правительствами. Его, Идена, письмо от 30.УП.41г. касается не границ, а определяет общую позицию британского правительства в отношении поляков.

Молотов заявляет, что если бы Иден написал в своем письме то, что он говорит или то, что он заявил в парламенте 30.УП.41г., мы могли бы тогда это обсудить. Молотов предлагает Идену заявить в своем письме, что вопрос о польской границе остается открытым.

Иден отвечает, что именно такова позиция британского правительства. Но он полагает, что вряд ли будет возможным отразить в его письме заявление в парламенте. Иден говорит, что по существу проект его письма мало отличается от советско-польского договора.

Молотов заявляет, что наш договор с поляками оставляет вопрос о советско-польской границе открытым. Заявление же Идена в его письме является явно односторонним, односторонне-пропольским. Молотов замечает, что в прошлый раз Иден обещал подыскать формулировку для компромисса. Однако, вместо новой формулировки, Иден повторяет свою старую формулировку.

Иден улыбается и выражает сомнение в возможности успешно разрешить этот вопрос.

Молотов говорит, что если ничего не выходит с письмом по польскому вопросу, тогда не стоит тратить время. Видимо, с третьей статьей не выходит.

Иден говорит, что он согласен с этим.

Молотов предлагает перейти к рассмотрению других статей договора.

Иден отвечает согласием.

2. Молотов говорит, что если мы договоримся по другим вопросам, то в пункте о федерациях можно было бы принять за основу декабрьскую формулировку. Молотов говорит, что если взять старую декабрьскую формулировку статьи о федерациях, то пункт а) этой статьи гласил: "Обеспечение и укрепление экономической и политической независимости всех европейских стран, будут ли они федерированы или существовать, как отдельные государственные единицы". Можно было бы в этот текст внести поправку и принять его в следующем виде: "Обеспечение и укрепление экономической и политической не-

зависимости всех европейских стран на дружественных основах в отношении СССР и Великобритании, будут ли они федерированы или существовать, как отдельные государственные единицы".

Иден говорит, что он предложил бы принять старую, с небольшим изменением, формулировку этого пункта, а именно в следующем виде : "Обеспечение и укрепление экономической, военной и политической независимости всех европейских стран и поощрение региональных соглашений и конфедераций в подходящих случаях".

Молотов поясняет, что его поправка вызвана тем,что есть факты, которые заставили насторожиться советское правительство. Иден уже заявил вчера,что он также против того, чтобы федерации были направлены против СССР - поэтому должно быть предложенная им(Молотовым) поправка будет приемлема для Идена. Молотов добавляет, что он готов продумать и новую формулировку Идена п.а ст.3.

3. Иден говорит,что редакция ст.ст.4,5,6 советского проекта совпадает с соответствующими статьями английского проекта и,следовательно, статьи 4,5,6 можно считать согласованными.Остается,таким образом, один трудный вопрос, а именно вопрос о статье 4 английского проекта. Эта статья, как об'яснил вчера Черчилль, была включена в договор по просьбе Рузвельта. Было бы очень полезным оставить эту статью в той или иной форме в договоре, учитывая, что в общем американскому правительству не нравится этот договор. Он, Иден, хотел бы раз'яснить смысл этой статьи. Предположим, что мы договоримся о включении Восточной Пруссии в состав Польши. Тогда эта статья будет означать,что мы желаем принять меры для переселения германского населения из Восточной Пруссии.

Молотов говорит, что в случае в Восточной Пруссией не будет разногласий. Молотов спрашивает, нельзя ли обсудить прежде вопрос о протоколе, который составляет неразрывную часть договора об обеспечении безопасности СССР на северо-западе и на юго-западе, а

также о безопасности Великобритании в районе Бельгии и Голландии. Молотов спрашивает, каково отношение Идена к этому протоколу, точное содержание которого уже известно Идену от Майского.

Иден заявляет, что до обсуждения протокола он хотел бы слышать от Молотова, принимает ли советское правительство включение в договор статьи 4.

Молотов говорит, что это новый вопрос для советского правительства. Принятие статьи 4 английского проекта связано с большими трудностями, которые можно уяснить на следующем примере. Согласно этой статьи мы, признавая в договоре включение Эстонии в состав СССР, заявляем, что все желающие переселиться, могут выехать из Эстонии. Мы тем самым будоражим население Эстонии и самим договором ведем пропаганду среди недовольных, а следовательно, искусственно создаем внутренние трудности для СССР. Договор, с одной стороны, признает включение Эстонии в СССР, а с другой стороны, развивает нежелательную пропаганду, толкая недовольные элементы среди населения к пред'явлению всякого рода претензий к советскому правительству. Поэтому советское правительство не желало бы включать статью 4 в договор.

Переходя к вопросу о протоколе, Молотов говорит, что он хотел бы об'яснить причины, по которым возник вопрос о необходимости подобного протокола. Молотов говорит, что СССР считает необходимым, чтобы при заключении англо-советского договора были предусмотрены минимальные условия для обеспечения безопасности СССР в тех районах, из которых соучастники Гитлера - Финляндия и Румыния - предприняли агрессию против СССР. Мы хотим на будущее предупредить будущие комбинации этих двух участников теперешней гитлеровской агрессии с Германией против СССР путем заключения между этими странами и СССР пактов о взаимопомощи с гарантией их независимости со стороны СССР. Мы считаем, что Великобритания могла бы пойти по тому же пути с целью обеспечения на будущее своей безопасности в районах Бельгии и

Голландии, имея ввиду, что именно территории этих стран Германия использовала для агрессии против Великобритании.

Иден говорит, что ему не ясно, какую форму иримут эти статьи. Английское правительство не намерено заключать договоров с Бельгией и Голландией о взаимопомощи. Ему, Идену, не совсем ясно, что требуется от британского правительства при подписании подобного протокола.

Молотов говорит, что смысл подписания подобного протокола состоит в том, что мы признаем желательным заключение пактов взаимопомощи Советским Союзом и отдельно Великобританией со странами, которые были очагами военной опасности для СССР и соответственно Великобритании. В отношении Финляндии и Румынии СССР и Великобритания должны договориться о необходимости восстановления действия соглашений этих стран с СССР, т.е. мирного договора от 12.III.1940 г. с Финляндией и советско-румынского соглашения от 27-28 июня 1940 года, а также заключения договоров о взаимопомощи с гарантией для Финляндии и Румынии их независимости. Особым пунктом следовало бы предусмотреть условия по обеспечению безопасности Великобритании в районе Бельгии и Голландии, территория которых, как известно, используется теперь Германией против Англии. Конечно, заключение договоров между Англией и этими странами (поскольку территория этих стран может быть использована Германией против Англии и в будущем) является всецело делом Англии.

Иден повторяет, что ему все еще не ясно содержание предлагаемого протокола. Иден просит Молотова вручить ему сегодня к вечеру проект предлагаемого протокола с тем, чтобы он мог его рассмотреть со своими коллегами.

Молотов говорит, что он может представить проект протокола, но он хотел бы знать отношение Идена к подобному протоколу, а

35

8.-

также желал бы слышать от Идена о том, какие вопросы требуют раз"яснения.

Иден говорит, что для этого он хотел бы получить проект протокола в письменной форме.

Молотов обещает представить Идену проект протокола сегодня вечером.

Записал (Павлов)

Верно: Павлов

Запись проверена и исправлена тов. В.М.Молотовым

Павлов

6-ов/кк

36

Перевод с английского.

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
22 мая 1942 года.

Уважаемый Посол,

В соответствии с договоренностью во время беседы вчера вечером я посылаю Вам проект письма, которое г-н Иден мог бы направить г.Молотову по вопросу о польской границе в ответ на предложенный г.Молотовым проект письма, которое г.Молотов предложил бы адресовать г.Идену по подписании Политического Договора. Совершенно ясно, что обмен этими письмами должен произойти в день подписания Договора и что этот обмен будет иметь одинаковую с Договором силу.

В советском проекте письма содержится ссылка на "договоренность, состоявшуюся некоторое время тому назад, между Председателем Совета Народных Комиссаров И.В.Сталиным и Премьер-Министром Польской Республики генералом В.Сикорским." Нам не совсем ясно, к какой договоренности относится эта ссылка, и Вы, наверное, согласитесь с тем, что мы должны ознакомиться с этой договоренностью, прежде чем мы сможем дать ответ на советский проект письма. Поэтому, когда мы ближе ознакомимся с указанной договоренностью, для нас может оказаться необходимым соответственно изменить проект ответа, который я Вам посылаю сегодня.

Есть еще один небольшой вопрос, в который нужно внести ясность. Последняя фраза советского письма гласит:

"При этом Советское Правительство выражает уверенность, что этот вопрос будет разрешен по взаимному соглашению между дружественными и союзными отношениями двух стран."

Вы согласитесь, что в этой фразе имеется какая-то ошибка в последних семи словах, т.к. они не имеют смысл. Не могли ли Вы препроводить нам правильный текст?

37

2.-

В отношении постановления статьи 5-ой английского проекта по вопросу о конференциях г-н Иден весьма озабочен тем, чтобы эти конференции не были бы направлены против Советского Союза. Нам кажется, что этому можно было бы эффективно противодействовать, дополнив существующий текст статьи словами "против агрессии или проникновения со стороны Германии и Италии". Тогда полный текст этой статьи будет следующий:

" Статья 5.

.....

а) Поощрение региональных соглашений и конференций среди государств Центральной, Восточной и Юговосточной Европы, где такие соглашения или конференции являются желательными в целях обеспечения и укрепления политической, военной и экономической безопасности этих государств против агрессии со стороны Германии и Италии."

Верьте мне

искренне Ваш

В.О. САРДЖЕНТ.

Перевел -

(В.Павлов)

Верно:

ак.6.

38

Английский проект ответа
письма Идена по польскому вопро

Сэр,

Имею честь подтвердить получение Вашего письма от сегодняшнего числа в связи с подписанием договора, касающегося послевоенного сотрудничества между нашими обеими странами.

Принимая к сведению содержащееся в Вашем письме заявление относительно границ между СССР и Польской Республикой, имею честь информировать Вас о следующем:

В понимании Правительства Его Величества в Соединенном Королевстве упоминание о границах в статье 3 договора не относится к границам Польши. Позиция Правительства Его Величества в этом отношении остается такой же, как она была охарактеризована в сообщении, сделанном польпра 30.УП.41г. в связи с подписанием соглашения, заключенного в тот день между Советским Союзом и Польшей.

Верно: Кобулов

6-кк

39

Советский проект письма т.Молотова Идену по польскому вопросу.

Господин министр, подписывая сего числа договор между СССР и Великобританией о разрешении послевоенных вопросов и об их совместных действиях для обеспечения безопасности в Европе после окончания войны с Германией и ее союзниками в Европе, я уполномочен правительством СССР заявить следующее:

Советское правительство считает само собой разумеющимся, что вопрос о послевоенных границах между Советским Союзом и Польской республикой составит предмет особого соглашения между правительством Польши и СССР, как об этом было в свое время условлено между председателем Совета Народных Комиссаров СССР И.В.Сталиным и премьер-министром Польской республики генералом Сикорским.

При этом Советское правительство выражает уверенность, что этот вопрос будет разрешен по взаимному согласию названных правительств в духе существующих между обеими странами дружественных, союзных отношений.

Примите и прочее.

Министру Иностранных Дел Великобритании г.А.Идену.

6-кк

№ 40

ДНЕВНИК
В.М.МОЛОТОВА

СОВ.СЕКРЕТНО

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ У ЧЕРЧИЛЛЯ

22 мая 1942 года.

Присутствовали: т.т.Молотов, Майский, Соболев, генерал-майор Исаев, контр-адмирал Харламов.

Черчилль, Иден, Эттли, Кадоган, адмирал Дэдли, Паунд, генерал- лейтенант Ней, главный маршал авиации Портал, генерал-майор Исмэй, бригадир Л.С.Холлис.
Переводчики: Файрбрэс и Павлов.

Черчилль, открывая заседание, заявляет, что Молотов вчера высказал мнение, что вопрос о втором фронте является не только военно-техническим, но и политическим вопросом. Он,Черчилль, просил бы Молотова изложить взгляды советского правительства на второй фронт.

Молотов говорит, что вопрос о втором фронте в Западной Европе-это не новый вопрос. Он поднимался еще 10 месяцев тому назад.В последнее время он был поставлен по инициативе Рузвельта,который обратился в апреле к тов.Сталину с просьбой направить его,Молотова, в Вашингтон для переговоров с ним о втором фронте. При этом Рузвельт выразил пожелание, чтобы с ним, Молотовым, был направлен генерал.Это приглашение было принято советским правительством.Хотя инициатива принадлежит в данном случае США и Рузвельту,но, как представляет советское правительство, главная задача организации второго фронта вначале может пасть на Великобританию.Поэтому советское правительство считало необходимым,чтобы он,Молотов,перед поездкой в США обсудил эти вопросы с британским правительством и выяснил точку зрения английского правительства на этот вопрос в данный момент.Мы должны рассмотреть здесь этот вопрос,как союзники и как наиболее заинтересованные в данном вопросе страны. Советское правительство считает вопрос

77-М.

о втором фронте актуальным и срочным. Оно хотело бы, чтобы таким этот вопрос был признан и английским правительством. Молотов заявляет, что здесь ему нет необходимости подробно говорить, что советско-германский фронт имеет огромную протяженность, что это фронт весьма активный и напряженный уже в течение многих месяцев. Ему нечего доказывать не только военным, но и невоенным, что ближайшие недели и месяцы будут особенно напряженными и чреватыми опасностями для СССР, а значит и для наших союзников. Когда наши войска этой зимой били немецкую гитлеровскую армию, они в то же время готовились к событиям весной и летом 1942 года. Мы испытывали большое напряжение зимой, ведя наступательные операции в трудных условиях, но мы считали, что это будет наилучшей подготовкой к разгрому гитлеровской армии разбойников, ~~и угнетателей~~. Но Гитлер не собирается сдаваться. С ним можно покончить только силой и упорной борьбой, ~~борьбой не короткой и, конечно, тяжелой~~. Главная тяжесть борьбы и разгрома гитлеровских войск находится на плечах нашей армии. Она гордится этой честью. Особенно трудным периодом будут ближайшие недели и месяцы, когда должна быть предпринята отчаянная попытка гитлеровской армии, чтобы нанести Красной Армии удар. Отсюда вытекает сегодняшняя постановка вопроса о втором фронте. Присутствующим известно, что на обоих сторонах советско-германского фронта стоят огромные вооруженные силы с огромным вооружением. Свою и при этом почетную роль в поставках этого вооружения для СССР сыграли и играют Англия и США. Но сейчас вопрос стоит для нас более остро, чем когда-либо за период советско-германской войны и поэтому сейчас дело заключается не только в усилении снабжения, но и в открытии второго фронта, что стало теперь столь актуальным и срочным делом. Молотов говорит, что он еще не может сказать, как смотрит

британское правительство на вопрос второго фронта, так как он не знает этого. Но он, Молотов, хочет смотреть правде в глаза, видеть факты, как они есть. Мы представляем себе факты следующим образом: с обеих сторон стоят друг против друга и частично уже приступили к решающим летним операциям миллионы вооруженных людей. Мы не знаем точного соотношения сил обеих сторон. Но мы считаем вероятным и исходим из предположения, что силы противника превосходят наши силы, и этим об'ясняется трудное положение наших армий в данный период. Мы, во всяком случае, считаем, что в данный момент после тяжелых 11 месяцев войны с Германией и после того как Гитлер мерами насилия, гнета и принуждения ограбил почти всю Европу и навербовал в свою армию всякими средствами огромные полчища солдат из союзных с Германией стран, нам не приходится закрывать глаза на то, что перевес сил, возможно, находится на стороне нашего непримиримого врага.

Целью его (Молотова) визита является узнать, как рассматривает Британское Правительство перспективы оттягивания в 1942 году некоторого количества германских войск из СССР, где в настоящее время немцы, видимо, имеют преимущество в вооруженных силах. Следует припомнить, что Гитлер может собрать силы и ресурсы угнетенных и порабощенных им народов, населяющих большую часть Европы. Нельзя игнорировать опасность создавшегося теперь положения на нашем фронте борьбы с Германией.

Говоря конкретно, предложение, которое он должен сделать, состоит в следующем: могут ли Союзники Советского Союза и, в первую очередь, Великобритания оттянуть от нашего фронта летом и осенью 1942 года хотя бы 40 германских дивизий и связать их боями в Западной Европе. Если это будет сделано, тогда вопрос

разгрома Гитлера был бы решен в 1942 году, и во всяком случае этот разгром был бы тогда предрешен уже в текущем году. Могут ли это сделать Союзники? Нам бы хотелось, чтобы Правительство Великобритании ответило на этот вопрос.

Черчилль говорит, что во всех прежних войнах господство на море давало державе, которая им обладала, большие преимущества в смысле возможности высадки десанта по своему желанию на побережьи противника, так как противнику было невозможно быть повсюду в состоянии готовности для встречи вторжения с моря. Применение авиации совершенно изменило положение дела. Например, во Франции и в Голландии противник мог бы в течение нескольких часов перебросить свои воздушные силы в любые угрожаемые точки побережья. Горький опыт показал, что десантная операция в зубах воздушного сопротивления противника не была разумным военным предложением. Неизбежным последствием было то, что мы были лишены возможности использовать значительную часть побережья для высадки десанта. Мы были вынуждены поэтому изучить наши возможности в тех пунктах побережья, в которых превосходство нашей истребительной авиации позволило бы завоевать господство в воздухе. Наши возможности оказались ограниченными пределами Па-де-Кале оконечностью у Шербурга и частью района Бреста. Вопрос о высадке десанта в этом году в одном из этих районов изучается и с максимальной энергией ведется подготовка. Наши планы строятся на предположении, что высадка последовательными волнами десантных атакующих войск вызовет воздушные бои, которые, если они будут продолжаться в течение недели или 10 дней, окончатся фактическим уничтожением авиационной мощи на континенте. Когда это будет достигнуто и воздушное сопротивление будет ликвидировано, десанты

в других пунктах побережья могли бы быть произведены под прикрытием превосходящих сил нашей морской мощи. Решающее значение в осуществлении наших планов и приготовлений имеет наличие специальных десантных средств, необходимых для того, чтобы произвести высадку начального десанта на весьма сильно защищенном побережьи противника. К сожалению, наши ресурсы в области специального типа этих средств пока весьма ограничены. В августе прошлого года на встрече в Атлантике он, Черчилль, убедил Президента Рузвельта в срочной необходимости для США приступить к строительству возможно большего количества танковых десантных и других судов, нужных для вторжения. Позднее, в январе этого года, Президент согласился, что США должны приложить еще большие усилия в деле строительства этих судов. Мы, с нашей стороны, в течение более чем года выпускали такое количество судов, которое было возможно выпускать, учитывая потребности строительства судов для военно-морского флота и торгового флота, потерпевшего тяжелые потери.

В апреле Президент Рузвельт командировал г-на Гопкинса и генерала Маршалла в Лондон с предложением, чтобы США совместно с Великобританией в самое ближайшее время максимально облегчили бремя борьбы, которую ведет Россия. Мы немедленно согласились с этим предложением и в настоящее время происходит совместное изучение этого вопроса. Однако, нельзя ожидать, что США будут располагать необходимыми вооруженными силами раньше конца 1942 года и что в этом году мы будем располагать большим количеством десантных средств, в которых столь сильно нуждаемся. На 1-е августа мы будем иметь только 383 единицы; на 1-е сентября - 566 единиц. В 1943 году мы будем располагать значительно большим числом судов, и мы смогли бы высадиться на побережьи противника в пяти или шести пунктах в любом месте от Нордкапа до Байонны. Однако, Британское Правительство исполнено самой серьезной решимости рассмотреть

вопрос о том, что можно сделать в этом году, чтобы оказать столь необходимую помощь доблестным русским армиям, которые принимают на себя столь значительную часть военной мощи Германии и которые уже нанесли ей столь глубокие раны.

Нужно, однако, иметь в виду следующие два пункта: Во-первых, при самой доброй воле и старании невероятно, что какая-нибудь операция, которую мы могли бы предпринять в 1942 г., если бы она даже была успешной, оттянула бы значительное количество наземных вооруженных сил противника с восточного фронта. В воздухе, однако, положение иное; на различных театрах войны мы сковываем уже приблизительно 1/2 истребительной и 1/3 бомбардировочной мощи германской авиации. Если бы план проведения воздушных сражений над континентом оказался успешным, немцы предстали бы перед выбором: либо перед уничтожением всей своей истребительной авиации на Западе, либо перед необходимостью переброски части своих воздушных сил с Востока.

Второй вопрос относится к предложению г.Молотова, что наша цель должна состоять в том, чтобы оттянуть не менее 40 германских дивизий из России ~~(включая дивизии, находящиеся в настоящее время на Западе)~~. Следует отметить, что в настоящее время против нас в Ливии действует 11 дивизий "оси", из которых 3 германских, в Норвегии находится эквивалент 8 германских дивизий и 25 дивизий находятся во Франции и Голландии. Всего 44 дивизии.

Но мы не удовлетворены этим, и если можно сделать какое-либо усилие или составить план с условием, что он будет разумным и осуществимым для того, чтобы в этом году облегчить бремя, лежащее на России, мы не поколеблемся осуществить это. Ясно, что если бы ради действий во чтобы то ни стало мы предприняли бы некоторую операцию, которая окончилась бы несчастьем и дала бы противнику случай ликовать за наш счет, то это не принесло бы пользы ни делу России,

46

7.-

ни делу Союзников в целом. Резюме сказанного, таким образом, состоит в том, что мы и США сделаем все, что физически возможно, чтобы пойти навстречу русскому правительству и народу в этом деле.

Молотов говорит, что если будет позволено, то он хотел бы задать несколько вопросов.

Молотов спрашивает, разделяется ли точка зрения на второй фронт высказанная Черчиллем, так же и Рузвельтом, поскольку Черчилль в своем выступлении ссылался на правительство США ?

Черчилль отвечает, что американское правительство разделяет желание и решимость английского правительства возможно скорее и возможно большими силами вторгнуться на европейский континент. Английское правительство расчитывает произвести эту операцию в 1943 году, когда для этой цели как Англия, так и США будут располагать 1-1,5 миллиона американских и английских войск. Английское правительство готовится к высадке десанта, большого количества войск на большом количестве судов. Если бы высадка десанта была возможна в 1942 году, то Америка не смогла бы принять в этом активного участия из-за недостатка войск и десантных средств.

Молотов спрашивает Черчилля, правильно ли он его понимает, что в вопросе о создании второго фронта нет различия во взглядах американского и английского правительств ?

Черчилль отвечает , что различий во взглядах обоих правительств на этот вопрос не имеется. Как американцы, так и англичане изучают вопрос создания второго фронта и пока о дате открытия второго фронта не принято никакого решения.

Молотов спрашивает, какая максимальная часть (процент) английских войск участвовала в активных военных действиях в Европе и в Африке, если взять любой наиболее напряженный месяц войны 1942 года ~~с наибольшей активностью~~.

Черчилль отвечает, что в настоящее время на британских островах находится эквивалент 40 дивизий, из которых 20 являются действительно мобильными дивизиями. Эти дивизии не участвуют в военных действиях. Если бы они участвовали, тогда Англия не имела бы в своем распоряжении сил для защиты островов. Причем он должен сказать, что из этого количества дивизий ежемесячно покидает английские острова 50.000 войск для участия в военных действиях на Среднем и Дальнем Востоке. В апреле и марте месяцах Великобритания имела на Среднем Востоке, начиная от Персии и кончая Ливией, 16 дивизий, в Индии 7 дивизий. Причем английские потери в результате военных действий с японцами составляют 4-5 дивизий.

Молотов говорит, что советское правительство не сомневается в том, что британское правительство хотело бы, чтобы советские армии имели успех летом 1942 года. Союзники желают того же, что и мы. Но он, Молотов, хотел бы спросить Черчилля, как оценивает британское правительство перспективы летних боев для Красной Армии. Независимо от того, считает ли английское правительство эти перспективы благоприятными или неблагоприятными, или просто не ясными, он, Молотов, просил бы Черчилля, не стесняясь, высказать свое мнение по этому поводу.

Черчилль отвечает, что мы не знаем, каковы резервы или ресурсы Красной Армии. Прошел год с начала советско-германской войны. Многие военные специалисты других стран, включая германских, думали, что СССР скоро потерпит поражение. Вопреки этим предположениям, Гитлер потерпел ряд поражений, в особенности зимой. При этом бои на советско-германском фронте происходили и происходят в условиях, когда Красная Армия захватывает все больше и больше инициативу в свои руки. Английское правительство не может на основании информации своей разведки отметить концентрации зна-

чительных германских сил для большого наступления. Английское правительство отметило лишь, что германское наступление, которое было зафиксировано на май месяц, отложено теперь до середины июня. Это имеет существенное значение. Английское правительство полагает, что наступление Гитлера в этом году будет менее сильным, чем в прошлом году. Но мы в этом не уверены. Он, Черчилль, еще раз повторяет, что он не знает ресурсов советских армий и не спрашивает о них своих гостей.

Молотов говорит, что мы - советское правительство и великий народ СССР верим в свои силы. Но мы должны считаться и с возможностью серьезных опасностей. В связи с этим он, Молотов, хотел бы спросить Черчилля, какова будет позиция Великобритании, если СССР в 1942 году не выдержит в предстоящих боях напора, который Гитлер наверняка постарается сделать максимальным? Молотов говорит, что если можно получить ответ Черчилля на этот вопрос, то он хотел бы сообщить его своему правительству.

Черчилль сказал, что если русские будут побеждены или советская военная мощь будет серьезно подорвана немцами, Гитлер, по всей вероятности, двинет как можно больше своих войск и воздушных сил на Запад с целью вторжения в Великобританию. Он может также ударить через Баку на Кавказ и Персию. Это поставило бы нас перед серьезнейшей опасностью и мы бы ни в коем случае не чувствовали уверенности в том, что располагаем достаточным количеством сил для отражения этого удара. Поэтому наше благополучие зависит от сопротивления Советской Армии. Тем не менее, если против ожидания Советская Армя будет побеждена и наступит худшее из худших, мы будем драться и надеемся с помощью Соединенных Штатов завоевать подавляющее превосходство в воздухе, которое в течение следующих 18 месяцев или 2 лет даст нам возможность подвергнуть уничтожающим

атакам германские города и промышленность. Более того, мы будем поддерживать блокаду и высаживать на континент десанты во все более увеличивающемся количестве. В конце концов, мощь Великобритании и Соединенных Штатов одержит верх. Нельзя пройти мимо того факта, что после падения Франции Великобритания одна противостояла в течение целого года многочисленным гитлеровским победоносным дивизиям, обладая лишь плохо вооруженными войсками. Но это явилось бы трагедией для человечества - такое продолжение войны, и совершенно искренней является наша надежда на русскую победу и горячо желание взять на себя нашу долю участия в сокрушении дьявольских сил. Он, Черчилль, хотел бы, чтобы т.Молотов понял, что заветным желанием Британской нации и армии является желание сразиться с врагом возможно скорее и тем помочь мужественной борьбе русской армии и народа.

В заключение Черчилль просил Молотова принять во внимание трудность вторжения с моря. После того, как Франция вышла из войны, мы в Великобритании оказались почти безоружными - имели всего лишь несколько плохо вооруженных дивизий, меньше чем 100 танков и меньше чем 200 пушек. И все-таки Гитлер не сделал попытки вторжения по причине того, что он не мог завоевать господства в воздухе. Такая же трудность стоит перед нами в настоящее время.

В заключение он предлагает, чтобы генерал Исаев и адмирал Харламов встретились с генерал-лейтенантом Нэем и вице-адмиралом лордом Л.Маунтбаттеном сегодня же и последние дадут детальные раз'яснения о специальных транспортных средствах, необходимых для высадки десантов.

Молотов спрашивает с оттенком иронии " Но каковы, собственно, перспективы такой встречи военных?"

50

11.-

Черчилль, несколько замявшись, все же предлагает устроить такую встречу.

Молотов соглашается с этим.

Молотов благодарит Черчилля за его ответ. Он повторяет, что мы глубоко верим в свои силы. Мы уже сделали не мало для того, чтобы покончить с Гитлером и сделаем еще больше для его полного разгрома. Мы верим в наши силы и в силы наших союзников.

Черчилль заявляет, что английское правительство искренне желает возможно скорее и на возможно большем фронте начать действовать, чтобы помочь СССР в его весьма тяжелой борьбе.-

Беседу записал (В.Павлов)

Верно: Молотов

Запись проверена и исправлена тов. В.М.Молотовым

Молотов

вв-3

№5

51

СОВ.СЕКРЕТНО

ДНЕВНИК
В.М.МОЛОТОВА

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ С ЧЕРЧИЛЛЕМ И ИДЕНОМ
22 мая 1942 года.

22 мая вечером Черчилль и Иден приехали в Чекерс.После обеда, около 10 часов вечера, Черчилль и Иден пригласили т.т.Молотова и Майского в отдельную комнату, где находился, между прочим, большой подвижной глобус мира, и здесь произошла длинная беседа, продолжавшаяся в течение трех часов. Переводил тов.Майский.

1. Военное положение. Львиную долю времени заняло подробное сообщение Черчилля о военном положении. Много в этом сообщении было такого, что всем известно из газет, однако, были и такие вещи, которые имеют секретный характер. Свой доклад (ибо сообщение Черчилля очень походило на доклад) премьер делал, стоя у глобуса, с сигарой в зубах и то и дело отхлебывая из стакана с виски. Сообщение Черчилля в основном сводилось к следующему :

а) Дальний Восток. Черчилль, с усмешкой заявляя "я - японец", мысленно старался поставить себя в положение японского главного военного командования и предугадать, чего можно ожидать от японцев в течение ближайших месяцев. По мнению Черчилля японцы сильно растянули свою коммуникационную линию, сильно разбросали свои силы по различным территориям, островам и полуостровам, захваченным ими в последние полгода, и , потому, в состоянии производить в каждый данный момент только одну, максимум две крупных операции. Исходя из данной предпосылки, Черчилль задавался вопросом: куда же пойдет Япония? Перед Японией - говорил Черчилль - имеется несколько возможных направлений. Начнем с севера.

78-И.

Пойдет ли она против СССР? Сомнительно,по крайней мере, в ближайшие месяцы. Сомнительно, по мнению Черчилля, потому, что здесь Японии пришлось бы атаковать очень могущественные советские силы. С чем? По английским сведениям, японцы сейчас имеют в Манчжурии 23 дивизии, в самой Японии 7, в районе южных морей 29 и примерно 10–12 дивизий в Китае. Общая же численность японской армии определяется 72 дивизиями. С 23 дивизиями атаковать СССР на Дальнем Востоке нельзя, а дополнительные силы взять пока неоткуда. К тому же война с СССР означала бы величайшую опасность для Японии с воздуха,против которой она плохо защищена. В итоге Черчилль приходил к выводу, что наступление Японии в северном направлении мало вероятно. Япония могла бы рискнуть на такое наступление лишь в том случае, если бы дела на западном фронте СССР пошли для него плохо, но этого Черчилль не ожидает.

б) Может ли Япония пойти на Австралию? Тоже мало вероятно. Ибо Австралия слишком удалена от японских баз,а белое население Австралии очень энергично и воинственно. К тому же здесь имеются американцы. Атака Австралии означала бы дальнейшее растяжение коммуникационных линий и дальнейшее разбрасывание японских сил. Поэтому, Черчиллю кажется маловероятным австралийское направление японской агрессии. Пойдет ли Япония на Индию? Это не исключается, однако, и тут Япония мало выигрывает с точки зрения военно-стратегической. Индия огромная страна с сотнями миллионов населения. В ней легко завязнуть и утонуть. Черчиллю, поэтому, кажется сомни-

тельным, чтобы Япония сделала главным об'ектом своего наступления Индию. Возможно, что она атакует район Калькутты, но скорее всего лишь для целей военной демонстрации и отвлечения внимания англичан в другую сторону. Пойдет ли Япония в Китай? Это направление кажется Черчиллю более всего вероятным. Захватив Бирму и начало Бирманской дороги, японцы скорее всего двинутся по этой дороге в глубь Китая с надеждой окончательно его отрезать от Англии и САШ и нанести смертельный удар правительству Чан Кай-ши. Такое направление выгодно для японцев еще и в том отношении, что оно будет вести не к растяжению, а к сокращению линии фронта. Оно может обещать Японии также некоторые более постоянные результаты - консолидацию японских завоеваний в Китае. Тов.Молотов заметил в этом месте, что, хотя японцы и могут иметь такие расчеты, однако, завоевание Чунцина и ликвидация правительства Чан Кай-ши представляли бы очень трудную операцию, которая, пожалуй, оказалась бы для Японии непосильной.

в) Охарактеризовав таким образом военную ситуацию на Дальнем Востоке, Черчилль перешел к изложению мероприятий, принимаемых и намечаемых Англией в этом районе. В Индии расположены 7 дивизий (4 дивизии было потеряно во время боев последних месяцев на Дальнем Востоке.Упомянув в этой связи о Сингапуре, Черчилль, сильно покраснев, воскликнул: "Сингапур - это позорное имя! Мы стыдимся того, что там произошло!"). В Индию подбрасываются английские и американские воздушные силы. Идея состоит в том, чтобы базировать их на западном берегу Бенгаль-

ского залива и оттуда бить по японскому флоту и японским базам на восточном берегу Бенгальского залива, в Малайе, в Голландской Индии. Большое внимание уделяется укреплению Цейлона, который сейчас, после потери Сингапура, является главной морской базой в Индийском океане, и Мадагаскару, оккупированному англичанами. (т.Молотов тут выразил удовлетворение по поводу данного шага британского правительства). Одновременно идет консолидация морских сил в Индийском океане, и к середине июля Черчилль рассчитывает иметь там очень солидный флот (8 линкоров, 3 авиоматки, большое количество крейсеров, эсминцев и т.д.). В итоге Черчилль приходит к выводу, что, хотя положение для Англии на Дальнем Востоке сейчас и трудное, но для пессимизма оснований нет.

г) Далее Черчилль перешел к Среднему и Ближнему Востоку, включая сюда и Северную Африку. Он дал довольно подробный исторический обзор событиям в этих районах на протяжении последних двух лет и затем коснулся современности. Британских войск здесь имеется 16 дивизий (с крупными пополнениями). Общая стратегическая линия состоит в том, чтобы разбить Роммеля, или, по крайней мере, вытеснить его из Киренаики и вновь занять Бенгази. Это важно в особенности для сохранения Мальты. Защита Мальты была и остается героической, но сейчас, после того, как немцы значительные воздушные силы перебросили из Сицилии на советский фронт, проблема Мальты является не столько проблемой боевой защиты, сколько проблемой продовольствия. Население Мальты достигает

55

5.-

300 тыс.человек. Его надо кормить. На Мальте имеются известные запасы продуктов, но нужен подвоз. Сейчас забросить на Мальту конвой очень трудная операция благодаря господству немцев в воздухе в районе Мальты. Если Бенгази будет в руках англичан, положение изменится. Из Бенгази они будут в состоянии прикрывать конвой с воздуха вплоть до Мальты. Имеются симптомы, что в ближайшие дни в Ливии начнется боевое оживление. Роммель готовится к наступлению. Английский главком Охинлек, по различным соображениям, считает, что ему будет выгоднее, если атакуют немцы. Силы на Ливийском фронте (особенно механизорованные силы) обеих сторон приблизительно одинаковы, но у англичан больше резервов. В других районах Ближнего Востока положение, по мнению Черчилля, достаточно прочно. В Иране англосоветская кооперация функционирует неплохо. Трансиранская дорога быстро увеличивает свою пропускную способность. Растет также грузовой транспорт. Черчилль считает, что пути через Иран принадлежит большое будущее. В Ираке, Сирии, Египте, Аравии положение в общем благоприятное для Англии. Турция также держится удовлетворительно, и Черчилль не думает, чтобы она пошла на поводу у Германии. К концу года англичане и американцы рассчитывают подбросить Турции значительное количество современного вооружения, и это должно будет еще больше связать Турцию с союзниками. В итоге общая ситуация в этом районе не располагает Черчилля к пессимизму. Наоборот, он смотрит на будущее с бодростью.

д) Наконец, Англия. В самой Англии имеется в настоящее время около 40 дивизий, из которых 20 обучены и вооружены, а 20 еще не могут считаться вполне готовыми к бою. 50 тысяч человек ежемесячно отправляются из Англии на Ближний и Дальний Восток. Воздушные силы Англии сильно возросли и, по мнению Черчилля, сейчас равняются примерно германским, особенно в бомбардировщиках. Беда лишь в том, что значительная часть их должна все время посылаться за пределы Англии на другие фронты. Британское правительство серьезно думает о создании второго фронта в Европе, но было бы неразумно итти на какие-либо авантюры, которые неизбежно должны кончиться провалом. В прежние войны десант не представлял из себя трудной операции для державы, господствующей на море. Сейчас положение изменилось - благодаря авиации. Сейчас десант возможен только там и только тогда, где и когда высадка может быть прикрыта с воздуха авиацией. Под этим углом зрения англичанам приходится подходить к вопросу о втором фронте на континенте. Английский десант может иметь воздушное прикрытие только на сравнительно узкой зоне французского берега (от Дюнкерка до Шербурга). Это прекрасно известно и немцам. Вот почему немцы заранее являются готовыми к возможности десанта на континенте и даже знают, где он может произойти. Стало быть, для успешности операции англичане должны иметь на соответственном участке колоссальное превосходство воздушных сил. А, если бы при начале десанта им удалось разбить германские воздушные силы, оказывающие сопротивление, то дальнейшая

8.-

высадка войск на французском берегу стала бы значительно легче,- не только в указанной зоне, но и в других более отдаленных от Великобритании частях. Исходя из указанных соображений, англичане разрабатывают свои планы и, может быть, не так уж далек тот день, когда они сделают попытку их реализации. Второй фронт на континенте мыслится англичанами, как совместная англо-американская операция. Об этом было договорено в апреле месяце на совещании Черчилля с Гопкинсом и генералом Маршаллом. Черчилль полагает, что тов.Молотову во время его пребывания в САШ было бы очень полезно по вопросу о втором фронте иметь серьезную беседу с Рузвельтом и всеми его ближайшими советниками.

Во время этого сообщения Черчилля тов.Молотов задавал отдельные вопросы для уточнения информации, но не вступал в дискуссию и не солидаризировался с Черчиллем, за некоторыми исключениями, отмеченными выше.

2. Договора. После того, как "доклад" Черчилля о военном положении был закончен, разговор перешел на вопрос о договорах. Черчилль еще раз подробно остановился на мотивах, заставляющих его относиться с большой опаской к включению вопроса о границах в текст договора. Моя основная цель - говорил Черчилль - это создание тесного сотрудничества между СССР, Великобританией и США сейчас и после войны. С этой точки зрения надо стремиться устранить с дороги все те моменты, которые могут разделить эти державы, и, наоборот, подчеркивать те моменты, которые могут их об'единить. Вопрос о границах, по мнению Черчилля, несомненно такой вопрос, который способствует созданию различного рода недоразумений и разногласий между Соединенными Штатами, с одной стороны, и Англией

и СССР, с другой. Вот почему Черчилль считал бы гораздо более выгодным с точки зрения общего дела, если бы в англо-советских договорах можно было избежать всех тех моментов, которые могли бы вызвать недоразумения и недопонимание в США. После этого вступления Черчилль предоставил слово Идену,- последний сообщил, что он разработал проект нового договора (одного, а не двух), который, по его мнению, способен был бы вывести нас из создавшихся затруднений. Этот новый договор исключает все спорные моменты, но зато создает прочный план для сотрудничества СССР и Великобритании сейчас и после войны. Новый договор предусматривает не только военную взаимопомощь между обоими государствами, но также и взаимопомощь после войны на срок в 20 лет. Иден обещал вручить текст нового договора завтра, 23-го мая. Заканчивая, Иден прибавил, что он очень надеется на готовность тов.Молотова положить в основу переговоров именно этот новый проект. Тов.Молотов ответил, что, не видя текста нового договора, он, разумеется, не может высказать о нем никакого суждения. Однако, полагает, что было бы гораздо целесообразнее не начинать нового дела, а, наоборот, закончить то дело, над которым обе стороны работали с декабря прошлого года. Иден с этим не соглашался и вместе с тем дал понять, что ,если тов.Молотов будет настаивать на заключении старого договора, то его подписание придется отложить до возвращения тов.Молотова из Америки.

3. Операции бомбардировщиков. В одном месте доклада Черчилля о военном положении тов.Молотов, прервавши его, спросил, не было ли бы возможности для советских бомбардировщиков, сбрасывающих бомбы на Берлин, вместо возвращения назад в СССР пролетать дальше на запад - в Англию, здесь отдыхать и заправляться, и отсюда с новым грузом бомб делать обратный рейс Лондон-Берлин-СССР?

Черчилль отнесся положительно к этой мысли и заявил:" Да, конечно, это было бы очень хорошо".

4. Тов.Молотов спросил также Черчилля, не согласился ли бы он дать советским военным английский прибор на самолетах, точно определяющий в воздухе расстояние и местонахождение вражеского самолета. Черчилль, указав на то, что Англия дает нам важный военный прибор для зенитной стрельбы по самолетам, решительно отказался дать этот прибор, сказав, что Англия не разрешает применять этот прибор за пределами своей страны, чтобы прибор не попал к немцам. Черчилль отказался сделать это и в обмен на какой-либо интересующий Англию военный секрет СССР,- заявив, что он не может торговаться в таком деле.

Во время беседы затрагивались и некоторые другие вопросы (например, о судебном процессе в Анкаре), но это делалось между прочим, без особого обсуждения.

Записал - И.Майский.

Запись проверена и исправлена тов. В.М.Молотовым

Верно: Молотов

66

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т. Деканозову	Экз. № 11-т.
№ 2-т. Сталину	№ 7-т. 10-й Отдел	№ 12-т.
№ 3-т. Сталину	№ 8-т.	№ 13-т.
№ 4-т. Молотову	№ 9-т.	№ 14-т.
№ 5-т. Вышинскому	№ 10-т.	№ 15-т.

Из ЛОНДОНА № 4606 пол. 16 час. 35 мин. 23.У 19 42 г. экз. № 2

сп. 13 ВНЕ ОЧЕРЕДИ.

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

СТАЛИНУ.

22 мая утреннее заседание, на котором с английской стороны присутствовали Черчилль, Эттли, Иден и начальники штабов, посвящено вопросу о втором фронте.

Я сделал заявление, в котором обосновывал важность создания второго фронта в Европе в течение ближайших недель и ближайших месяцев тем, что летом должны развернуться крупнейшие бои на советско-германском фронте, что не исключено наличие некоторого превышения сил у немцев по сравнению с нашими, что в этих условиях оттяжка на западный фронт хотя бы 40 германских дивизий могла бы сыграть решающую роль и наверняка обеспечила бы разгром или, по крайней мере, предрешение разгрома Гитлера еще в 1942 году. В ответ Черчилль ясно дал понять, что второй фронт возможен только в 1943 году или может быть в конце 1942 года. В ответ на мой вопрос, он заявил также, что Рузвельт в вопросе о сроках второго фронта стоит на его позиции. Главное препятствие, по утверждению Черчилля, состоит в том, что у англичан и американцев нет достаточного количества судов, специально приспособленных к десантным операциям, но зато в 1943 году Черчилль грозит атаковать европейский континент в 5-6 местах с помощью 1-1,5 миллиона англо-американских войск.

Зак. 541. 1-я Обр. тип.

67

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
. № 2-т.	. № 7-т.	. № 12-т.
. № 3-т.	. № 8-т.	. № 13-т.
. № 4-т.	. № 9-т.	. № 14-т.
. № 5-т.	. № 10-т.	. № 15-т.

Из ..... № 4606 пол. ..... час. ..... мин. ..... 19 ..... г. экз. № 2

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 2 -

После нескольких уточняющих вопросов пришлось признать, что английское правительство не признает возможным организацию второго фронта в желательный нам короткий срок.

23.У.42 г. МОЛОТОВ.

7-экз.ЛС
отп.23.У.19-25
вып.Абрамкин.

Верно: Шин

969
Пох. № 3082/шш

Зак. 541. 1-я Обр. тип.

№6

СОВ.СЕКРЕТНО. 40

ДНЕВНИК
В.М.МОЛОТОВА.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ С ИДЕНОМ
23 мая 1942 года.

Присутствовали: т.т.Майский, Соболев, Павлов.
Кадоган, Сарджент, Фаэрбрэс.

Иден заявляет, что он предлагает новый проект Договора, об'единяющий договор о союзе и договор о послевоенном сотрудничестве. Этот новый проект включает почти все вопросы, которые ранее обсуждались, и предусматривает заключение между СССР и Великобританией пакта о взаимопомощи на срок 20 лет.

Молотов, ознакомившись с новым проектом, говорит, что он не может еще сказать своего мнения по поводу нового проекта. Он хотел бы слышать от Идена, чем об'ясняется возникновение нового проекта взамен декабрьских проектов?

Иден отвечает, что причиной разработки нового проекта Договора были трудности, которые возникли при обсуждении прежних проектов договоров. В новый проект включены вопросы, уже согласованные между обеими сторонами и исключены спорные пункты, в особенности, по польскому вопросу и статья 4 английского проекта. Этот проект нового Договора является попыткой поставить отношения Великобритании и СССР на прочную основу. Мы хотели, говорит Иден, показать, что готовы работать совместно с СССР в течение целого поколения. Новый проект не исключает возможности заключения других соглашений в будущем между Великобританией и СССР.

Молотов спрашивает, в чем состоит отличие этого нового проекта от тех, которые рассматривались до сих пор?

Иден отвечает, что главное различие заключается в том, что в новый проект включена статья, предусматривающая обязательство об оказании взаимопомощи в течение 20 лет. Действие этой статьи может быть

9-11.

прервано, если будет обеспечено послевоенное устройство Европы, которым будут удовлетворены обе стороны. Он, Иден, уверен, что американское правительство не может иметь ни малейшего повода к возражениям против подобного Договора, то-есть против того, чтобы наши страны стали союзниками в войне против Гитлера и поддерживали дружественные отношения между собой непосредственно в послевоенный период и продолжали бы свою деятельность по принятию мер предосторожности против Германии. Он, Иден, полагает, что такой Договор был бы тепло встречен в Америке и в Англии, а также всюду, где имеется решимость бороться и предупредить в будущем повторение агрессии со стороны Германии. Хотя Договор не затрагивает спорных вопросов о границе Советского Союза, тем не менее, является очевидным, что если английское правительство обязуется гарантировать оказание Советскому Союзу помощи в течение 20 лет, то это означает, что английское правительство желает видеть Россию сильной и обеспеченной в смысле безопасности.

Молотов спрашивает, только ли в этом состоит отличие нового проекта от старых?

На этот вопрос отвечает Кадоган, который говорит, что единственное отличие нового Договора от старого заключается в том, что, с одной стороны, он оставляет открытыми вопросы, которые привели к трудностям в переговорах между Великобританией и СССР, но,с другой стороны, они, англичане, предлагают заключить на 20 лет пакт о взаимопомощи, при помощи которого они рассчитывают достичь того, о чем договорились в Москве, а именно, совместной работы обеих стран как во время войны, так и после войны. Это не исключает возможности притти к соглашению по другим вопросам в будущем, в которых будут заинтересованы Великобритания и СССР.

Молотов отвечает, что он полагает, что, вероятно, новый проект при детальном его обсуждении может быть с известными дополнениями принят к рассмотрению. Но основной недостаток этого проекта состоит в том, что он только что появился на свет и, как новорожденный, не встал еще на ноги. Новый проект необходимо доложить Советскому Правительству, а это сейчас сделать затруднительно: он, Молотов, находится в Лондоне, а Правительство в Москве. По телеграфу Советское Правительство, вероятно, не сможет решить этого вопроса, и он, Молотов, не видит возможности преодолеть эти трудности до его возвращения в Москву. Молотов говорит, что, не касаясь существа Договора, он хотел бы сказать, что после первого чтения Договора возникает вопрос о целесообразности исключения целого ряда вопросов из прежних проектов. Молотов говорит, что он считает необходимым, ввиду указанных им трудностей, закончить обсуждение прежних английских и советских проектов, тем более, что один из проектов окончательно согласован. Не исключена возможность, что мы сможем найти практический выход по пунктам, которые еще не согласованы между нами. Молотов предлагает оставить вопрос о новом проекте открытым и обещает о нем доложить в Москве.

Иден, продолжая настаивать на обсуждении нового английского проекта, заявляет, что он предложил его, так как обе стороны застряли при обсуждении прежних проектов договоров. Он предложил поэтому формулировки, которые устранили бы трудности. Кабинет еще не обсуждал этого проекта, но он, Иден, уверен, что кабинет одобрит этот проект, так как он уже получил одобрение премьер-министра Черчилля. В заключение Иден говорит, что он не возражает, если этого желает Молотов, продолжить обсуждение прежних договоров.

Молотов просит Идена высказать его мнение о секретном Протоколе.

Иден отвечает, что он только что получил прилагаемый советской стороной протокол. Иден спрашивает, должен ли быть этот протокол секретным?

Молотов отвечает, что протокол должен быть секретным, чтобы не возбуждать страстей.

Иден отвечает, что он признается, что английскому правительству будет трудно подписать секретный протокол, так как современная английская дипломатия отказалась от методов секретной дипломатии. Он признает необходимость того, что этот протокол должен быть секретным. В противном случае наверняка надо ожидать реакции со стороны Румынии и Финляндии. Что касается вопроса об обеспечении безопасности Великобритании со стороны Бельгии и Голландии, то английское правительство не намерено заключать пакта о взаимопомощи ни с Бельгией, ни с Голландией. Далее он, Иден, хотел бы знать, что практически означает статья 2-я Протокола? Означает ли она наказание Финляндии и Румынии? Об'ясняется ли ввод войск в Финляндию и Румынию тем, что советское правительство считает необходимым предотвратить то, что случилось раньше в этих странах в отношении СССР? Может быть, эта статья означает что-нибудь другое? В общем он, Иден, прежде чем сможет дать ответ относительно секретного протокола, должен будет передать его на рассмотрение своим коллегам по кабинету. То, что он высказал сейчас, является лишь его первыми впечатлениями, первыми мыслями.

Молотов отвечает, что вопрос о Протоколе не новый. Этот воп-

рос обсуждался в Москве в связи с задачей по обеспечению безопасности наших стран и на основе желательности сотрудничества в послевоенный период. До его приезда в Лондон советский посол Майский излагал содержание Протокола Идену. Наш письменный проект ничем не отличается от того, что было изложено Майским в устной форме. Тем не менее, поскольку он, Молотов, видит, что вопрос о Протоколе как в отношении его секретности, так и содержания вызывает сомнение и, по меньшей мере, может повести к затяжке переговоров, он, Молотов, готов заменить секретный Протокол поправками к тексту самого Договора и отказаться от Протокола.

Иден говорит, что он хотел бы сказать несколько слов о Протоколе. Верно, что И.В.Сталин поднимал в Москве вопрос об обеспечении СССР со стороны Финляндии и Румынии, но в то время не было предложено проекта Протокола и последний явился результатом наших переговоров в Лондоне. Он, Иден, хотел бы выслушать поправки, которые Молотов готов сделать к Договору, в случае отказа от Протокола.

Молотов отвечает, что он готов снять вопрос о заключении как секретного, так и несекретного Протокола. Но в этом случае он предложил бы к статье 3-й поправку. Молотов предлагает в первом абзаце статьи 3-й исключить слова "каждый из них" и формулировать этот абзац следующим образом: "Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются совместно работать над реконструкцией Европы после войны с полным учетом интересов безопасности Великобритании, в особенности в районе Па-де-Кале и южной части Северного моря, и интересов безопасности СССР,

особенно в районе Финского залива и северо-западной части Черного моря, равно как интересов СССР в деле восстановления его границ, нарушенных агрессией гитлеровской Германии и ее союзников в Европе, а также интересов Великобритании в деле возвращения занятых вражескими силами британских территорий в Европе и в согласии с двумя принципами - не стремиться к территориальным приобретениям для себя в Европе и не вмешиваться во внутренние дела народов Европы". Молотов поясняет, что смысл этой поправки заключается в том, чтобы не конкретизировать, какие меры будут приняты для обеспечения безопасности СССР и Великобритании. Эта статья будет означать, что мы уговорились, что Па-де-Кале и район Северного моря, а также Финский залив (дело касается Финляндии) и северо-западный район Черного моря (дело касается Румынии, так как территория Румынии в этой части Черного моря примыкает к тем районам СССР, где СССР должен быть особенно бдителен) представляют интерес в смысле обеспечения безопасности соответственно Великобритании и СССР. Молотов говорит, что именно из указанных районов пришла агрессия в отношении Великобритании и СССР и мы, Договаривающиеся Стороны, естественно не можем игнорировать это обстоятельство на будущее время. Молотов подчеркивает, что советское правительство считает указанное условие обеспечения безопасности настолько элементарным, что он, Молотов, не видит основания для разногласий в этом вопросе.

Иден заявляет, что он не думает, что было бы необходимо определять в этой статье сферу английской безопасности. Английское правительство не думает заключать ни с Бельгией, ни с Голландией пактов о взаимопомощи. Эти страны не были агрессивны в отношении Великобритании и английское правительство не ожидает агрессивных действий со стороны Бельгии и Голландии в будущем.

Молотов говорит, что мы в предложенной формулировке не упоминаем ни Бельгии, ни Голландии. Мы предлагаем формулировку, которая не связывает обе стороны. Молотов указывает, что действительно Голландия и Бельгия не предпринимали агрессивных действий в отношении Великобритании, но эти обе страны были использованы Германией в качестве базы для нападения на Англию.

Иден заявляет, что упоминание о мерах безопасности Великобритании в статье 3-й вызовет, по его мнению, большое возбуждение во Франции. Иден в шутливой форме замечает, что, вероятно, Молотов не хотел бы быть большим роялистом, чем сам король.

Молотов заявляет, что мы не настаиваем на каждой букве своей формулировки, но мы считаем, что в Договоре должны быть предусмотрены интересы безопасности обеих стран. Молотов замечает, что ему не совсем понятна незаинтересованность Англии в районах, указанных в советском проекте, и спрашивает, не интересует ли Англию в данном случае и вопрос о южной части Германии?

Иден смеется и заявляет, что в отношении Германии нет ничего незаконного.

Молотов заявляет, что он не думает, чтобы Великобритания не была бы заинтересована в обеспечении собственной безопасности со стороны Бельгии и Голландии.

Иден отвечает, что он должен посоветоваться по этому вопросу с коллегами по кабинету.

Молотов предлагает перейти к обсуждению следующего вопроса:

Иден предлагает дополнить пункт "б" статьи 3 словами:" Полное сотрудничество в межсоюзническом плане для оказания помощи в деле" ... и далее как в русском тексте. Это, как об'являет Иден, необходимо для того, чтобы показать американцам готовность наших стран работать совместно с Америкой в деле снабжения Европы продовольствием после войны.

Молотов говорит, что советская сторона должна будет обсудить эту поправку. Далее он, Молотов, переходя к статьям 4-5 и 6 советского проекта, заявляет, что они совпадают с соответствующими статьями английского проекта и, следовательно, в этом вопросе не имеется разногласий. Можно приступить к обсуждению статьи 4-й английского проекта.

Молотов говорит, что поскольку вопрос, затрагиваемый в статье 4-й английского проекта, является новым вопросом, который раньше не затрагивался, он предпочел бы вообще не включать эту статью в Договор. Но можно, конечно, обсудить это предложение англичан.

Иден говорит, что Черчилль уже об'яснил, почему трудно было бы исключить эту статью из Договора, а также указал на причины, по которым она была включена в Договор. Эта статья была включена в Договор по предложению Рузвельта. Он, Иден, должен откровенно сказать, что его коллеги по кабинету придают большое значение статье 4-й. Иден говорит, что если в Договоре мы будем касаться изменения гра-

ниц после войны, то британское правительство просило бы обязательно включить подобную статью.

Молотов отвечает, что он уже высказался о мотивах, по которым советское правительство относится с большой осторожностью к этой статье. Этот пункт договора вызывает недоумение советского правительства. Такой пункт толкает население соответствующих районов и республик к пред'явлению и выискиванию различных претензий к государству. Кроме того, статья эта прямо пропагандирует выезд из соответствующих республик и тем будоражит население, искусственно вносит беспокойство. Помимо этого, включение такой статьи может создать впечатление, что советское правительство чинило когда-либо препятствия к свободному выезду, в то время как практических трудностей в деле выезда отдельных лиц не было. Если какой-нибудь гражданин захотел бы выехать в будущем, после войны, он, Молотов, не думает, что будут существовать какие-либо возражения против этого со стороны советских органов. Но пропаганда пред'явления претензий к государству, вносящая возбуждение среди населения, конечно, нежелательна для советского правительства. Тем не менее, если Иден настаивает на включении этой статьи в Договор, то можно поднскать формулировку, несколько ограничивающую эту статью. Тов.Молотов предлагает вторую фразу статьи 4 английского проекта формулировать следующим образом:" Высокие Договаривающиеся Стороны признают желательность включения в мирное урегулирование соответствующего условия, обеспечивающего, по возможности, жителям таких территорий, принадлежащим к национальному меньшинству, которые могут пожелать покинуть эти территории, право сделать это и взять с собой движимое имущество".

Иден признает, что эта поправка улучшает редакцию статьи.

Молотов говорит, что он хотел бы пояснить, в чем состоит смысл этой статьи для советского правительства. Он говорит, что наиболее деликатным вопросом для СССР является вопрос о поляках. Мы много ссорились с поляками в прошлом, но не хотели бы ссориться с ними в дальнейшем и желали бы устранить поводы для возможных недоразумений с ними. Можно было бы, в конце концов, учитывая наши специфические отношения с поляками и их щепетильность, пойти им навстречу. Например, в Литве проживает много поляков. Литва, в соответствии с Конституцией СССР, будет составной частью СССР. Некоторые поляки могут пожелать переселиться из Литвы. В этом случае можно было бы не возражать против выезда поляков в Польшу и в другие места из Литвы. Он, Молотов, хотел бы привести также и другой пример. Часть прежней Польши, а именно Западная Украина и Западная Белоруссия, должны войти в состав СССР, но в этих областях имеются поляки, которые могут захотеть выехать в Польшу. Мы не мешали бы этому. Конечно, в данном случае можно было бы обойтись и без особой статьи в англо-советском договоре, но можно и пойти в этом договоре на такую оговорку, которая для национальных меньшинств (примеры с поляками) оговаривает право выселения, пойдя на уступки и приняв его, [illegible] Молотова, поправку, ограничивающую эту статью.

Иден, делая предположение, что часть Финляндии будет возвращена СССР, спрашивает, получит ли право финское меньшинство переселиться в этом случае в Финляндию.

Молотов отвечает, что в отношении Финляндии мы претендуем на восстановление мирного договора, согласно которому часть Финляндии отошла к СССР, но он должен сообщить о следующем: прежде чем эта

часть территории была передана СССР, финляндское правительство отвело все свое население в Финляндию. Мы пришли на территорию, где уже не было финского населения. Лишь кое-где в лесах оставались отдельные финны. Мы разрешили этим финнам в количестве около 1500 человек уйти в Финляндию. Таким образом, для той части территории, которая по мирному договору с Финляндией должна быть возвращена СССР, вопроса о переселении не существует. Иное дело в случае с поляками, среди которых могут быть желающие переселиться. Он, тов. Молотов, думает, что и здесь дело ограничится единицами. Но есть отдельные польские группы населения в Литве, Западной Украине и Западной Белоруссии. Например, около бывшей советско-польской границы имеются польские деревни. Он, Молотов, думает, что большинство поляков не пожелает уйти, но советское правительство, идя навстречу Англии, может сделать уступку, оговорив в Договоре право переселения для жителей из национальных меньшинств.

Иден спрашивает, будет ли разрешено бессарабцам выехать из Бессарабии в том случае, если Бессарабия будет воссоединена с Советским Союзом.

Молотов отвечает, что это более сложный вопрос. Бессарабия более, чем в течение 100 лет была территорией России и в течение лишь последних 20 лет принадлежала Румынии. Румыния стремится всех бессарабцев называть румынами. Большинство же населения Бессарабии составляют молдаване, которые не являются румынами. Когда Румыния была у власти в Бессарабии, она стремилась причислить к румынам всех бессарабцев без различия национальностей. В царское время подобным же образом всех бессарабцев считали русскими.

Иден говорит, что, как он понимает Молотова, литовцы не получат разрешения на переселение. Это очень серьезный вопрос. Он, Иден, благодарит за предложение в части изменения редакции статьи, которую он должен будет поставить на рассмотрение своих коллег.

Далее Иден говорит, что он хотел бы сделать предложение, касающееся обсуждения польского вопроса. До завтрака он говорил с Черчиллем. Срок от'езда Молотова в Америку, вероятно, будет зависеть от погоды. Черчилль обратился к Сталину с посланием, в котором он выразил благодарность за приезд Молотова в Лондон. Он, Иден, говорит, что английское правительство надеется, что Молотов по возвращении из Америки мог бы остановиться в Лондоне на несколько дней и поработать вместе с ним, Иденом, над разрешением польского вопроса. По мнению премьера, это лучше было бы сделать именно после возвращения Молотова из Америки.

Молотов отвечает, что план его поездки утвержден правительством. Он должен пробыть в Англии, чтобы кончить вопросы, касающиеся англо-советских отношений, и затем выехать в Америку для решения вопросов, касающихся советско-американских отношений, и возвратиться после этого в Москву. Таков план. Он, Молотов, считал бы целесообразным придерживаться порядка - кончать начатое дело, т.е. закончить работу, не останавливаясь на полдороге. Он,Молотов, хотел бы закончить обсуждаемый вопрос в той степени, которая будет приемлема английскому правительству. За приглашение Черчилля остановиться на обратном пути в Москву в Лондоне он, Молотов, выражает благодарность.

Беседу записал -
В.Павлов.

Проверено (исправления в тексте)
В.Молотов.
31.УП.

3-ов/зп

82

Перевод с английского

Вручено Иденом т.Молотову
23 мая 1942 г.

Этот документ является собственностью Правительства Его Величества

СЕКРЕТНО

ПРОЕКТ ДОГОВОРА

Его Величество король Великобритании, Ирландии и британских владений за морями, император Индии и Президиум Верховного Совета СССР,

желая подтвердить основн соглашения между Правительством Его Величества в Соединенном Королевстве и Правительством СССР о совместных действиях в войне против Германии, подписанного в Москве 12 июля 1941 года, и заменить его формальным Договором ;

желая содействовать после войны поддержанию мира и предупреждению дальнейшей агрессии со стороны Германии или государств, связанных с нею в актах агрессии в Европе ;

желая далее дать выражение своему намерению к тесному сотрудничеству друг с другом, а также с другими Об'единенными Нациями, при выработке Мирного Договора и во время последующего периода реконструкции на базе принципов , провозглашенных в декларации Президента Соединенных Штатов Америки, и Премьер-Министра Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии от 14 августа 1941 г., к которой присоединилось также Правительство СССР;

желая, наконец, обеспечить взаимную помощь в случае нападения на любую из Высоких Договаривающихся Сторон Германии или всякого иного государства, связанного с ней в актах агрессии в Европе, решили с этой целью заключить Договор и назначили в качестве своих полномочных представителей

Его Величество король Великобритании, Ирландии и британских владений за морями, император Индии от имени Соединенного Коро-

левства Великобритании и Северной Ирландии....

Президиум Верховного Совета СССР....,

которые по обмене своих полномочий, найденных в надлежащей форме, согласились о нижеследующем:

Часть 1

Статья 1.

В силу союза, установленного между ними, Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются взаимно оказывать друг другу военную и другую помощь и поддержку всякого рода в войне против Германии и всех тех государств, которые связаны с ней в актах агрессии в Европе:

Статья II.

Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются не вступать ни в какие переговоры с гитлеровским правительством или любым другим правительством в Германии, которое ясно не откажется от всех агрессивных намерений, и не вести переговоров или не заключать перемирия или мирного договора с Германией или любым другим государством, связанным с ней в актах агрессии в Европе иначе, как по взаимному согласию.

Часть II.

Статья III.

(1) Высокие Договаривающиеся Стороны заявляют о своем желании об'единиться с другими единомышленными государствами в принятии предложений об общих действиях для сохранения мира и сопротивления агрессии.

(II) Впредь до одобрения подобных предложений они примут все меры, находящиеся в их власти, чтобы сделать невозможным повторение агрессии и нарушение мира Германией или любым из государств, связанных с ней в актах агрессии в Европе.

Статья 1У.

Если одна из Высоких Договаривающихся Сторон будет вовлечена в военные действия с Германией или всяким иным государством, упомянутым в статье Ш (пункт П), в результате нападения этого государства на данную сторону, то другая Высокая Договаривающаяся Сторона сразу же Высокой Договаривающейся Стороне, вовлеченной таким образом в военные действия, всякую военную и другую помощь и содействие, находящиеся в ее власти.

Эта статья должна оставаться в силе до тех пор, пока она не будет заменена принятием предложений, упомянутых в статье Ш (пункт 1). Если таковые предложения не будут приняты, она останется в силе на период (20) лет и после того впредь до отказа от нее со стороны любой из Высоких Договаривающихся Сторон в соответствии с условиями статьи УШ.

Статья У.

Высокие Договаривающиеся Стороны согласились работать совместно в тесном и дружеском сотрудничестве после восстановления мира в целях организации безопасности и экономического процветания в Европе. Они будут принимать при этом во внимание интересы Об'единенных Наций в осуществлении указанных целей и будут также действовать в соответствии с двумя принципами - не стремиться к территориальным приобретениям для самих себя и не вмешиваться во внутренние дела других государств.

Статья У1.

Высокие Договаривающиеся Стороны согласились оказывать друг другу после войны всякую взаимную экономическую помощь.

Статья УП.

Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон обязуется не заключать никаких союзов и не принимать участия ни в каких коалициях, направленных против другой Высокой Договаривающейся Стороны.

85

-4.-

Статья УШ.

Настоящий Договор подлежит ратификации в кратчайший срок и обмен ратификационными грамотами должен произойти в_____ возможно скорее.

Он вступает в силу немедленно по обмене ратификационными грамотами и после того заменит собой Соглашение между Правительством СССР и Правительством Его Величества в Соединенном Королевстве, подписанное в Москве 12 июля 1941 года.

Часть 1-я настоящего Договора остается в силе до восстановления мира между Высокими Договаривающимися Сторонами и Германией и державами, связанными с ней в актах агрессии в Европе.

Часть II-я настоящего Договора остается в силе на период (20) лет. После того, если одна из Договаривающихся Сторон не сделает за 12 месяцев до срока заявления о желании отказаться от Договора в конце указанного периода (20) лет, он будет продолжать оставаться в силе до тех пор, пока одна из Договаривающихся Сторон не сделает 12-месячного письменного предупреждения о своем намерении его ликвидировать.

В свидетельство чего вышеназванные полномочные представители подписали настоящий Договор и приложили к нему свои печати.

Учинен в 2-х экземплярах на русском и английском языках.

" "_____1942 г.

Оба текста имеют одинаковую силу.

Верно: [illegible]

вв-3

86

Приложение № 2

Конфиденциально

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ К ДОГОВОРУ МЕЖДУ СССР И ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ О РАЗРЕШЕНИИ ПОСЛЕВОЕННЫХ ВОПРОСОВ И ОБ ИХ СОВМЕСТНЫХ ДЕЙСТВИЯХ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В ЕВРОПЕ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВОЙНЫ С ГЕРМАНИЕЙ И ЕЕ СОЮЗНИКАМИ В ЕВРОПЕ.

Стороны, подписавшие сего числа вышеуказанный договор, считая необходимым уточнить постановления статьи 3 названного договора, согласились, что при учете интересов безопасности СССР и Великобритании они будут исходить из нижеследующего:

1. В связи с тем, что Финляндия нарушила подписанный ею 12 марта 1940 года мирный договор с Советским Союзом, приняв участие вместе с Германией в вероломном нападении на СССР, и отвергла миролюбивые предложения Правительства СССР летом 1941 года о прекращении военных действий, оставшись в лагере гитлеровской Германии для продолжения агрессивной политики,- признается необходимым, наряду с восстановлением полного действия постановлений договора от 12 марта 1940 года, чтобы Советский Союз и Финляндия в целях обеспечения безопасности обеих стран и предотвращения в послевоенный период нарушения мира со стороны Германии в этой части Европы заключили между собою договор о взаимной помощи с гарантией независимости Финляндии.

2. В связи с тем, что Румыния нарушила соглашение о границе между СССР и Румынией, установленное обменом нот между Советским и Румынским правительствами 27-28 июня 1940 года, и приняла участие вместе с Германией в вероломном нападении на СССР, признается необходимым наряду с восстановлением советско-румынских границ в соответствии с вышеуказанным соглашением, чтобы Советский Союз и Румыния, в целях обеспечения безопасности обеих стран и предотвраще-

ния в послевоенный период нарушения мира со стороны Германии в этой части Европы, заключили между собой договор о взаимной помощи с гарантией независимости Румынии.

3. В целях создания гарантий независимости Бельгии и Голландии, а также для обеспечения безопасности Великобритании, Бельгии и Голландии, признается необходимым заключение договора о взаимной помощи между Великобританией и каждым из названных государств.

Верно: [illegible]

93

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА
№ 2-т. Сталину
№ 3-т. Сталину
№ 4-т. Молотову
№ 5-т. Вышинскому
Экз. № 6-т. Деканозову
№ 7-т. 10-й Отдел
№ 8-т.
№ 9-т.
№ 10-т.
Экз. № 11-т.
№ 12-т.
№ 13-т.
№ 14-т.
№ 15-т.

Из ЛОНДОНА №4837 пол. 8 час. 55 мин. 24/V 19 42 экз. № 2

4634, 4635, 4636.

спец.№№ 20, 21, 22, 23.

Вне очереди.

Посылаю текст нового договора, врученного мне Иденом 23 мая. Преамбль исключен, как несущественный, договор из двух частей:

Часть первая.

Статья 1. В силу Союза, установленного между Великобританией и Советским Союзом, Высокие договаривающиеся стороны обязуются взаимно оказывать друг другу военную и другую помощь и поддержку всякого рода в войне против Германии и всех тех государств, которые связаны с ней в актах агрессии в Европе.

Статья 2. Высокие договаривающиеся стороны обязуются не вступать ни в какие переговоры с гитлеровским правительством или любым другим правительством в Германии, которое ясно не откажется от всех агрессивных намерений, и не вести переговоров или не заключать перемирия или мирного договора с Германией или любым другим государством, связанным с ней в актах агрессии в Европе, иначе, как по взаимному согласию.

Часть 2-я.

Статья 3. 1) Высокие договаривающиеся стороны заявляют о своем желании ассоциироваться с другими единомышленными государствами в принятии предложений об общих действиях для сохранения мира и сопротивления агрессии.

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

Зак 541. 1-я Обр. тип.

94

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
„ № 2-т. ..... „ № 7-т. ..... „ № 12-т. .....
„ № 3-т. ..... „ № 8-т. ..... „ № 13-т. .....
„ № 4-т. ..... „ № 9-т. ..... „ № 14-т. .....
„ № 5-т. ..... „ № 10-т. ..... „ № 15-т. .....

Из 4637 4635 №4634 4636 час. ..... мин. ..... 19 ..... г. экз. № 2

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 2 -

2) Впредь до одобрения подобных предложений они примут все меры, лежащие в их власти, чтобы сделать невозможным повторение агрессии и нарушение мира Германией или любым из государств, связанных с ней в актах агрессии в Европе.

Статья 4. Если одна из Высоких договаривающихся сторон будет вовлечена в военные действия с Германией или всяким иным государством, упомянутым в статье 3 (пункт 2), в результате нападения этого государства на данную сторону, то другая высокая договаривающаяся сторона сразу же окажет договаривающейся стороне, вовлеченной таким образом в военные действия, всякую военную и другую помощь и содействие, лежащие в ее власти.

Эта статья должна оставаться в силе до тех пор, пока она не будет заменена принятием предложений, упомянутых в статье 3 (пункт 1). Если таковые предложения не будет приняты, она останется в силе на период (в 20 лет) и после того вплоть до отказа от нее со стороны любой из Высоких договаривающихся сторон в соответствии с условиями статьи 8.

Статья 5.

Высокие договаривающиеся стороны согласились работать совместно в тесном и дружеском сотрудничестве после восстановления мира в целях организации безопасности и экономического процветания в Европе. Они будут принимать при этом во вни-

95

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
„ № 2-т. ..... „ № 7-т. ..... „ № 12-т. .....
„ № 3-т. ..... „ № 8-т. ..... „ № 13-т. .....
„ № 4-т. ..... „ № 9-т. ..... „ № 14-т. .....
„ № 5-т. ..... „ № 10-т. ..... „ № 15-т. .....

Из 4 637 4635 4634 4636 час. ..... мин. ..... 19 ..... г. экз. № 2

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 3 -

мание интересы об"единенных наций в осуществлении указанных целей и будут также действовать в соответствии с двумя принципами - не стремиться к территориальным приобретениям для самих себя и не вмешиваться во внутренние дела других народов.

Статья 6.

Высокие договаривающиеся стороны согласились оказывать д друг другу после войны всякую взаимную экономическую помощь.

Статья 7.

Каждая из Высоких договаривающихся сторон обязуется не заключать никаких союзов и не принимать участия ни в каких коалициях, направленных против другой Высокой договаривающейся стороны.

Статья 8.

Настоящий договор подлежит ратификации в кратчайший срок и обмен ратификационными грамотами должен произойти в .....возможно скорее.

Он вступает в силу немедленно по обмене ратификационными грамотами и после того же заменит собой соглашение между правительством СССР и правительством Его Величества в Соединенном Королевстве, подписанное в Москве 12 июля 1941 г.

Часть 1-ая настоящего договора остается в силе до восстановления мира между Высокими договаривающимися сторонами

Зак. 541. 1-я Обр. гип.

96

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
„ № 2-т. ..... „ № 7-т. ..... „ № 12-т. .....
„ № 3-т. ..... „ № 8-т. ..... „ № 13-т. .....
„ № 4-т. ..... „ № 9-т. ..... „ № 14-т. .....
„ № 5-т. ..... „ № 10-т. ..... „ № 15-т. .....

Из 4637 4634 4635 4636 пол. ..... час. ..... мин. ..... 19 ..... г. экз. № 2

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 4 -

и Германией и державами, связанными с ней в актах агрессии в Европе.

Часть 2-ая настоящего договора остается в силе на период (20) лет. После того, если одна из договаривающихся сторон не сделает за 12 месяцев до срока заявления о желании отказаться от договора в конце указанного периода (20) лет, он будет продолжать оставаться в силе до тех пор, пока одна из договаривающихся сторон не сделает 12-месячного письменного предупреждения о своем намерении его ликвидировать.

Считаем этот договор неприемлемым, так как он является пустой декларацией, в которой СССР не нуждается.

23/У-1942 г. МОЛОТОВ, МАЙСКИЙ.

7-экз.мв,
отпеч.24/У.12-15.
вып. Абрамкин.

Верно:

986-а
Исх. №3096/шш

Зак. 541. 1-я Обр. тип.

97

Н.К.И.Д.
ДЕСЯТЫЙ ОТДЕЛ

Исход. № 2489
Получена 17 час. 00 мин. 24/V 1942 г.
Отправлена 18 час. 30 мин. 24/V 1942 г.

СОВ. СЕКРЕТНО
Снятие копий воспрещается
Спец. № 17

Шифрованная телеграмма

Куда ЛОНДОН Кому СОВПОСЛУ Экз. № 1

ВНЕ ВСЯКОЙ ОЧЕРЕДИ.

МОЛОТОВУ.

1. Проект договора, переданный тебе Иденом, получили. Мы его не считаем пустой декларацией и признаем, что он является важным документом. Там нет вопроса о безопасности границ, но это, пожалуй, неплохо, так как у нас остаются руки свободными. Вопрос о границах, или скорее о гарантиях безопасности наших границ на том или ином участке нашей страны будет решаться силой.

2. Мы предлагаем отбросить поправки к старым проектам договоров и принять за основу проект Идена, об"единяющий оба договора.

3. Наши поправки к проекту Идена: Часть 1 статья 1 - вместо слов "в силу Союза, установленного между нами" сказать "в силу Союза, установленного между Великобританией и СССР". Далее: часть 2, конец статьи 5 вместо слов - "не вмешиваться во внутренние дела других народов" сказать: "не вмешиваться во внутренние дела других государств".

4. Если есть у Вас другие поправки сообщите нам поскорее.

5. Желательно поскорее подписать договор и после этого вылететь в Америку.

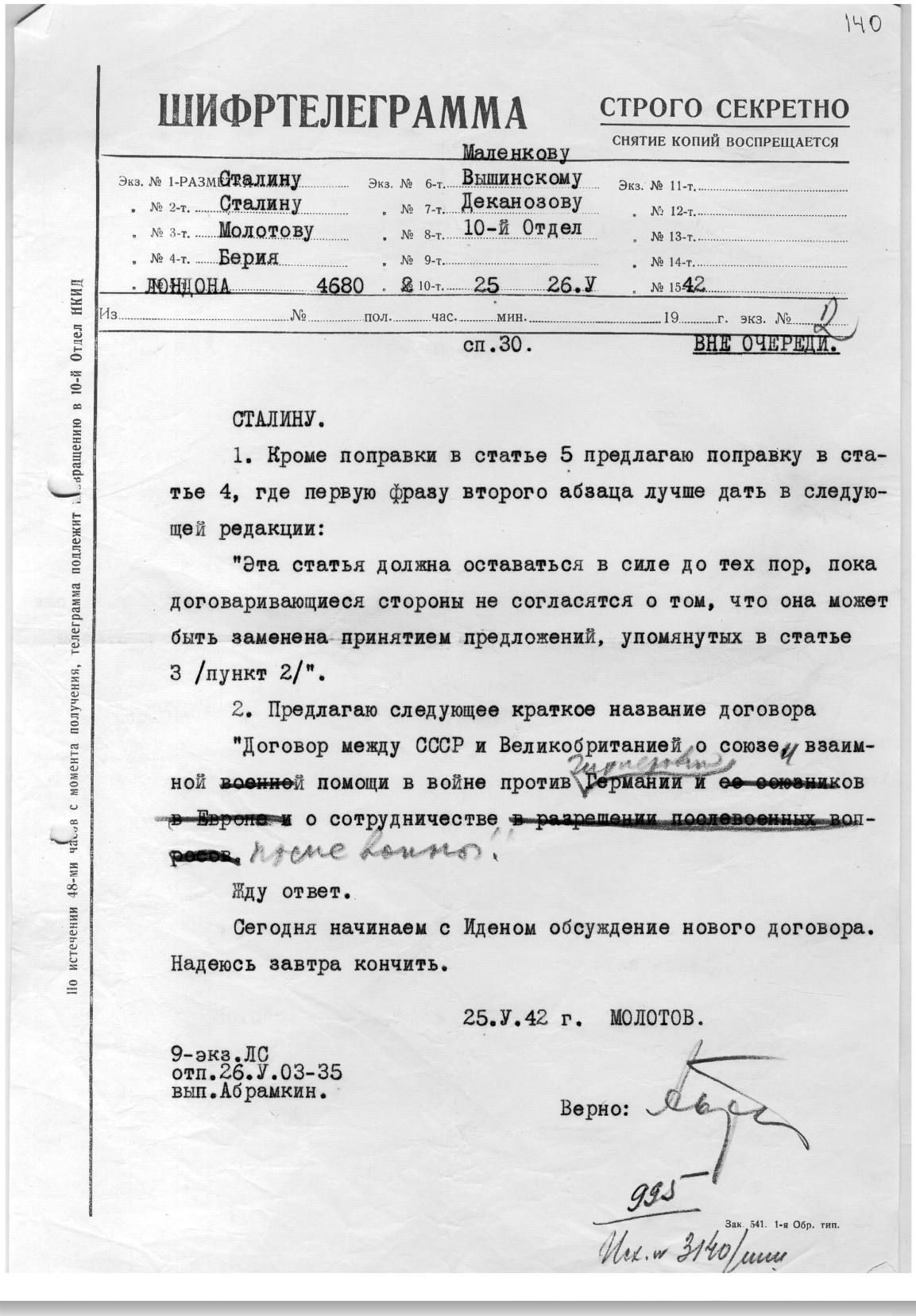
ИНСТАНЦИЯ.

Копии:
1. Тов. Сталину
2. Тов. Деканозову
3. Тов. _____
4. Тов. _____

2-экз.ЛС
отп.24.У.17-10

Верно: Шишкин

979
№ 3128/шш

140

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМ Сталину — Маленкову
№ 2-т. Сталину — Экз. № 6-т. Вышинскому — Экз. № 11-т.
№ 3-т. Молотову — № 7-т. Деканозову — № 12-т.
№ 4-т. Берия — № 8-т. 10-й Отдел — № 13-т.
ЛОНДОНА 4680 — № 10-т. 25 26.У — № 14-т. 42
Из ... № ... пол. ... час. ... мин. ... 19 ... г. экз. № 2

сп.30. ВНЕ ОЧЕРЕДИ.

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

СТАЛИНУ.

1. Кроме поправки в статье 5 предлагаю поправку в статье 4, где первую фразу второго абзаца лучше дать в следующей редакции:

"Эта статья должна оставаться в силе до тех пор, пока договаривающиеся стороны не согласятся о том, что она может быть заменена принятием предложений, упомянутых в статье 3 /пункт 2/".

2. Предлагаю следующее краткое название договора

"Договор между СССР и Великобританией о союзе и взаимной ~~военной~~ помощи в войне против Германии и ~~ее союзников в Европе~~ и о сотрудничестве ~~в разрешении послевоенных вопросов~~.

Жду ответ.

Сегодня начинаем с Иденом обсуждение нового договора. Надеюсь завтра кончить.

25.У.42 г. МОЛОТОВ.

9-экз.ЛС
отп.26.У.03-35
вып.Абрамкин.

Верно:

995

Зак. 541. 1-я Обр. тип.

Вх. № 3140/ммм

996/Исх. №3141/шш

141

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т. Маленкову	Экз. № 11-т.
„ № 2-т. Сталину	„ № 7-т. Вышинскому	„ № 12-т.
„ № 3-т. Сталину	„ № 8-т. Деканозову	„ № 13-т.
„ № 4-т. Молотову	„ № 9-т. 10-й Отдел	„ № 14-т.
„ № 5-т. Берия	„ № 10-т.	„ № 15-т.

Из ЛОНДОНА № 4693 пол. 11 час. 15 мин. 26.У 1942 г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

сп.31 ВНЕ ОЧЕРЕДИ.

СТАЛИНУ.

1. Днем у Идена кратко обсудили и наметили поправки. Вечером Черчилль пригласил к себе на квартиру, где окончательно договорились о тексте договора и долго беседовали. Поправки внесены небольшие в духе Ваших и моих предложений. Черчилль и Иден довольны. Подписываем договор 26 мая в 5 часов вечера. Опубликование откладывается до дня моего возвращения в Москву.

2. Иден заявил, что он будет информировать турок о договоре, спрашивал, не сделать ли это совместно. Я ответил, что мы информируем турок в Куйбышеве. Прошу поручить это Вышинскому /имея ввиду протокол 1929 года/.

25.У.42 г. МОЛОТОВ.

9-экз.ЛС
отп.26.У.12-25
вып.Абрамкин.

Верно:

Зак. 541. 1-я Обр. тип.

142

Н.К.И.Д.
ДЕСЯТЫЙ ОТДЕЛ

Исход. № 2512
Получена 10 *час.* 45 *мин.* 26.V 1942 *г.*
Отправлена 11 *час.* 20 *мин.* 26.V 1942 *г.*

СОВ. СЕКРЕТНО
Снятие копий воспрещается
Спец. № 23

Шифрованная телеграмма

Куда ЛОНДОН Кому СОВПОСЛУ Экз. № 1

МОЛОТОВУ. На № 30.

1. Твоя поправка к статье 4 приемлема.

2. Название договора нужно сделать короче, вроде следующего:

"Договор между СССР и Великобританией о Союзе и взаимной помощи в войне против гитлеровской Германии и о сотрудничестве после войны".

ИНСТАНЦИЯ.

Верно: Сидорова

1004
№ 3142/мсш

Копии:
1. Тов. Сталину
2. Тов. Деканозову
3. Тов. _____
4. Тов. _____

2-экз.ЛС
26.V.12-00

1019 и 32103/шш 11

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Маленкову
Экз. № 1-РАЗМНОЖКА Сталину Экз. № 6-т. Вышинскому Экз. № 11-т.
№ 2-т. Сталину № 7-т. Деканозову № 12-т.
№ 3-т. Молотову № 8-т. 10-й Отдел № 13-т.
№ 4-т. Берия № 9-т. № 14-т.
№ 5-т. № 10-т. № 15-т.

Из ЛОНДОНА № 4768 пол. 18 час. 00 мин. 28.V 19 42 г. экз. № 3

4769, 4772. сп. 1315, 1316, 1317. ВНЕ ОЧЕРЕДИ.

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

Передаю для сведения текст речи Идена при подписании договора.

Речь Идена при подписании договора 26 мая 1942 года:

"От имени правительства Его Величества в Соединенном Королевстве приветствую Вас, господин Молотов, в качестве министра иностранных дел Союза Советских Социалистических Республик. Мы встречаемся в мире, который охвачен войной, когда наши две страны находятся в схватках с общим врагом. Под воздействием войны мы нашли то взаимопонимание, которого нам не удавалось достигнуть в течение нескольких лет мирного времени.

Договор, который мы только что подписали отражает наши обязательства совместно продолжать борьбу, пока не будет одержана победа.

От имени своих коллег я заверяю Вас, что со стороны правительства и народа нашего острова не будет колебаний в этом предприятии. Такова, следовательно, первая часть нашей задачи - низвержение Гитлера и уничтожение всего того, что знаменует его режим. Но в нашем договоре имеется и вторая глава. Придет время, когда война окончится. Придет время, когда наш общий враг будет разбит и снова воцарится мир. Мы должны позаботиться о том, чтобы на этот раз мир был прочным. В договоре, который мы подписали,

Зак. 541. 1-я Обр. тип

12

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
„ № 2-т. ..... „ № 7-т. ..... „ № 12-т. .....
„ № 3-т. ..... „ № 8-т. ..... „ № 13-т. .....
„ № 4-т. ..... „ № 9-т. ..... „ № 14-т. .....
„ № 5-т. ..... „ № 10-т. ..... „ № 15-т. .....

Из 4769, 4772 № 4768 пол. ..... час. ..... мин. ..... 19 ..... г. экз. № 3

- 2 -

мы обязуемся работать совместно во имя этой цели. Никогда еще в истории наших двух стран наша ассоциация не была столь тесной. Никогда наши взаимные обязательства в отношении будущего не были столь совершенными. Это, безусловно, является счастливым предзнаменованием. В нашем соглашении нет ничего исключающего. Мы стремимся к миру и безопасности не только для обеих наших стран, но и для всех об"единившихся наций. Но взаимопонимание между нами является одной из основ мира не только для нас, но и для всего мира.

Мы подписали наш договор и часть нашей работы лежит уже позади.

Я хотел бы сказать теперь, господин Молотов, насколько мы высоко ценим государственную мудрость и понимание, которое Вы проявили в наших переговорах.

Я хотел бы также поблагодарить господина Майского, Вашего посла, который сделал так много во время своего пребывания в Великобритании, чтобы построить мост между нашими обеими странами. Часть работы уже позади нас, но еще более значительная часть лежит впереди. Нужно выиграть войну, нужно построить мир. Ни одна из этих задач не может быть разрешена лишь нами одними. Вы, господин Молотов, покидаете наши берега и отправляетесь в

Зак. 541. 1-я Обр. тип

13

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
„ № 2-т.	„ № 7-т.	„ № 12-т.
„ № 3-т.	„ № 8-т.	„ № 13-т.
„ № 4-т.	„ № 9-т.	„ № 14-т.
„ № 5-т.	„ № 10-т.	„ № 15-т.

Из 4769, 4772 №4768 пол. час. мин. 19 г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 3 -

Соединенные Штаты. Будущее человечества будет в сильной степени зависеть от сотрудничества Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Британского Сообщества наций.

Мы благодарим Вас за Вашу работу вместе с нами и желаем Вам счастливого пути".

27.У.42 г. МОЛОТОВ.

9-экз.ЛС
отп.29.У.2-00
вып.Абрамкин.

Верно:

Зак. 541. 1-я Обр. тип

№21

24

СОВ.СЕКРЕТНО.

ДНЕВНИК
В.М. МОЛОТОВА

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ С РУЗВЕЛЬТОМ
29 мая 1942 года.

Присутствовали: Гопкинс, Хэлл, Литвинов.
Переводчики: Павлов и Кросс.

Беседа состоялась сразу по прибытии самолета в Вашингтон – с аэродрома на автомобиле Молотов прибыл к Рузвельту вместе с Хэллом и Литвиновым.

После приветствия Рузвельт заявил, что вопрос, для обсуждения которого он пригласил Молотова в Вашингтон, он предложил бы обсудить завтра на совещании в присутствии генерала Маршалла и адмирала Кинга с участием советских военных.

Молотов выразил свое согласие.

Затем Рузвельт сказал, что он хотел бы коснуться сейчас нескольких вопросов.

Американское правительство имеет сведения, что немцы жестоко обращаются с советскими военнопленными, поэтому американское правительство считало бы, что для улучшения положения советских военнопленных в Германии было бы целесообразно, если бы Советский Союз присоединился к Женевской конвенции об обращении с военнопленными.

Молотов отвечает, что действительно немцы жестоко обращаются с советскими военнопленными. Немцы показали, что они не соблюдают никаких международных правил. Что касается присоединения СССР к Женевской конвенции, то Советское Правительство не считало нужным

81-М.

это сделать, во-первых, потому, что оно присоединилось к Гаагской конвенции, содержащей все важные положения, что и Женевская конвенция и, во-вторых, Советское Правительство не присоединилось к Женевской конвенции в связи с вопросом о советских военнопленных в Германии потому, что оно не хочет создавать видимость, что немцы в какой-либо мере соблюдают международные правила.

Далее Рузвельт указал, что согласно информации, полученной американским правительством, в Иране имели место беспорядки со стороны курдских племен. Американскому правительству известно, что советские военные власти в Иране приняли меры для прекращения этих беспорядков и намерены использовать для этой цели иранские войска. Американское правительство хотело бы знать, не может ли оно быть полезным, например, через свою миссию в Тегеране в деле оказания помощи советским властям в борьбе с указанными беспорядками в Иране.

Молотов благодарит Рузвельта за выраженную им готовность помочь СССР в Иране.

Затем Рузвельт заявляет, что в последнее время отношения между СССР и Турцией нельзя было назвать дружественными, какими они были раньше. Американское правительство очень желало бы, чтобы отношения между Турцией и СССР стали снова дружественными, какими они были раньше. Оно желало бы знать, не может ли оно помочь СССР в этом деле?

Молотов подтверждает желание СССР иметь хорошие отношения с Турцией и спрашивает Рузвельта, какие последние новости он может сообщить ему?

Рузвельт отвечает, что последние сообщения говорят о благоприятном положении на советско-германском фронте. Рузвельт добавляет, что американское правительство получает в настоящее время все большее и большее количество сообщений о падении морального состояния

германского населения. При этом увеличивается не только количество этих сообщений. Все эти сообщения, кроме того, говорят о весьма значительных качественных переменах в настроениях германского населения. Эти сообщения поступают из Швеции и из Швейцарии.

Молотов подтверждает, что действительно моральное состояние населения Германии должно падать. Моральное состояние германской армии также не то, каким оно было в начале советско-германской войны.

Рузвельт говорит, что германская пропаганда пытается поддержать моральное состояние немцев путем запугивания их перспективой уничтожения германского народа в случае поражения Германии.

Молотов отвечает, что гитлеровцы это действительно делают. Тов.Сталин имел это в виду, когда в своих известных приказах в феврале и мае месяцах дал по этому поводу необходимое раз'яснение, проводя различие между германским народом и гитлеровцами. Необходимо оторвать германское население от правительства.

Рузвельт отвечает, что он с большим интересом прочитал приказы тов.Сталина по этому поводу, - о том, что Советское правительство проводит различие между нацистами и германским народом. Он считает это правильным и всячески приветствует такую постановку вопроса.

Затем Рузвельт спрашивает Молотова, не имеют ли немцы в настоящее время устарелых самолетов и не замечено ли ухудшения качества германского вооружения?

Молотов отвечает, что применения устарелых самолетов на советско-германском фронте замечено не было. Немцы применяют на нашем фронте в последнее время новые самолеты типа Мессершмидт 109-Ф. Этот истребитель не является совершенно новой конструкцией. Но на этом самолете поставлен форсированный мотор самолета Мессершмидт-109.

Что касается немецких танков, то качество их, видимо, ухудшилось, броня стала более хрупкой. Вместе с тем, немцы создали тяжелые танки, но они замечены на нашем фронте в небольшом количестве.

В области тяжелой артиллерии замечено, что нередко снаряды германской тяжелой артиллерии не разрываются.

Что касается утверждения немцев о том, что якобы германская армия на Керченском полуострове использовала новый вид оружия, то надо сказать, что мы не получили никаких сообщений от своих армий об этом новом оружии. Вероятно, речь идет об обычной германской пропаганде.

Рузвельт отвечает, что он получил сообщение о том, что германское командование приняло решение не применять газов до тех пор, пока не произойдет вторжение на территорию самой Германии. Рузвельт предупреждает, что он не может гарантировать правильность этого сообщения.

Касаясь ответа Молотова на его вопрос по поводу использования немцами устарелого вооружения, Рузвельт сказал, что в противоположность немцам, японцы в настоящее время в Южной части Тихого океана пользуются устарелыми самолетами и плохо обученными летчиками. Он не знает, нужно ли это об'яснить недостатком самолетов у японцев или переброской лучших японских самолетов в Северную часть Тихого океана, к югу от островов Лучу, где они концентрируют в настоящее время значительные военно-морские силы. Цель этой концентрации не совсем ясна. Возможно, что отсюда японцы двинутся или в направлении Австралии или в направлении через Гуам на Гавайские острова или в район Петропавловска для нападения на Камчатку.

Рузвельт спрашивает, имеются ли в СССР оборонительные мероприятия на Камчатке?

28

К.-

Молотов отвечает, что имеются, но не столь значительные, и в настоящее время принимаются меры для укрепления обороны Камчатки.

Молотов спрашивает Рузвельта, когда американцы и англичане будут бить японцев?

Рузвельт говорит, что в настоящее время силы американского флота распылены. Американский флот должен патрулировать и охранять коммуникации Атлантического океана, а также коммуникации в Ирак и Суэц.

Беседу записал – В.Павлов.

Верно: Павлов

Запись просмотрена и
исправлена тов.В.М.Молотовым
Павлов

ак.3.

41

СОВ.СЕКРЕТНО.

ДНЕВНИК
В.М.МОЛОТОВА.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ С РУЗВЕЛЬТОМ

30 мая 1942 года.

Присутствовали: Начальник Штаба американской армии генерал Маршалл, Главнокомандующий военно-морским флотом адмирал Кинг, Гарри Гопкинс. Переводчики: Кросс и Павлов.

Рузвельт заявляет, что он хочет, прежде всего, кратко изложить Маршаллу и Кингу сущность вопроса о втором фронте, обсуждение которого составляет предмет настоящего совещания. Рузвельт предупреждает, что это совещание является строго секретным.

Рузвельт сообщает присутствующим, что Молотов был в Лондоне. Он прибыл в Вашингтон по его, Рузвельта, приглашению для обсуждения вопроса о втором фронте в Западной Европе. Насколько ему, Рузвельту известно, Молотов был очень любезно принят английским правительством, но он не получил никакого определенного ответа на вопрос об открытии второго фронта в этом году. Задача Молотова состоит в том, чтобы добиться определенных результатов.Мы полагаем, что имеются основания для открытия второго фронта в 1942 году.Причина необходимости открытия второго фронта в 1942 году вызывается неблагоприятным положением на советско-германском фронте. Немцы имеют в своем распоряжении большие количества танков, самолетов и другого вооружения. Моральное состояние советских армий достаточно высокое. Однако, имеется опасность, что в результате превосходства немцев в вооружении, советские армии будут вынуждены отступить,оставив Москву и нефтяные источники Баку.Это возможное вынужденное отступление советских армий приведет к значительному ухудшению общего положения союзников. Это относится к 1942 году,

85.М.

а не к 1943 году. Цель состоит в том, чтобы предпринять операции с задачей оттянуть с советско-германского фронта 40 дивизий и попытаться сделать это в 1942 году.

Рузвельт говорит, что Маршаллу и Кингу известны физические трудности подобного предприятия, но положение очень серьезное и надо предпринять действия как со стороны британской, так и американской армий даже в том случае, если перспективы намеченной операции будут сомнительны. Мы должны предпринять эти действия несмотря на возможные жертвы, даже без видов на то,что десантной армии удастся удержаться на континенте.

Рузвельт спрашивает Молотова, правильно ли он изложил содержание вопроса о втором фронте.

Молотов отвечает, что он хотел бы дополнительно сказать несколько слов по этому поводу. Молотов говорит, что он считает вопрос о втором фронте в Западной Европе, во-первых, военным и во-вторых, политическим и больше всего политическим вопросом. Он говорит,что с этой точки зрения в создании второго фронта в Европе между 1942 и 1943 г. имеется разница. Он, Молотов, представляет себе эту разницу следующим образом. В 1942 г. почти все силы Гитлера сосредоточены на нашем фронте. При этом Гитлер, если не говорить о СССР, опирается почти на всю Европу, за исключением Швеции, не говоря о Швейцарии, которая не играет почти никакой роли. Гитлер опирается на всю Европу в войне не только против СССР, но и против Англии и США. Если дела на нашем фронте в 1942 году пойдут успешно, если мы задержим Гитлера на нынешней линии, то это,конечно, хорошо. Но надо считаться не только с этой положительной перспективой. Не исключено, что Гитлер будет настолько силен, используя людские и материальные ресурсы всей Европы, что германская армия сможет добиться серьезных успехов и мы (СССР) не выдержим удара. С этим

надо считаться, чтобы представить себе обстановку в 1943 году. В этом случае в 1943 году советский фронт не будет решающим фронтом. Наши силы будут подорваны. Силы Гитлера во многом возрастут. Трудности союзников увеличатся не только потому, что не будет такого сильного противника для германской армии, как Красная Армия в 1942 году, но и потому, что Гитлер будет опираться более уверенно на часть территории СССР, включая нефтяные районы. Такая перспектива может создаться в 1943 году. Обстановка будет более тяжелая, и тогда борьба против Гитлера будет более трудной, затяжной и потребует больших жертв.

Таким образом, вопрос о втором фронте - это вопрос, который надо решать не только с точки зрения соотношения сил в настоящее время. Это соотношение может измениться в пользу Гитлера. В 1943 году мы можем не иметь и половины преимуществ, которыми мы обладаем в настоящее время. Поэтому отсрочка второго фронта до 1943 года чревата риском для СССР и большой опасностью для США и Англии. В 1943 году Гитлер может опереться на важные нефтяные источники СССР и вся тяжесть борьбы упадет на плечи Англии и США. Поэтому надо взвесить трудности борьбы с Гитлером в 1942 и в 1943 г.г., считаясь с тем, что в 1943 году эти трудности значительно возрастут.

Как конкретно обстоит дело с соотношением сил на советско-германском фронте? На обеих сторонах сосредоточены большие силы. Если об'ективно подойти к оценке соотношения сил, то количество войск и вооружения, набранного Гитлером почти со всей Европы, определяет это соотношение сил, видимо, в пользу Гитлера. Тем не менее, мы можем вести войну против Гитлера. Никто не знает, какие еще силы развернутся в нашей стране в борьбе против Гитлера. Таковы перспективы. Однако, худшая перспектива состоит в том, что благодаря некоторому перевесу сил на стороне Гитлера, нажим Гитлера будет непосилен для

СССР и Красной Армии. Если бы союзные Соединенные Штаты Америки и Великобритания смогли бы при описанном выше положении оттянуть с нашего фронта и сковать хотя бы 40 германских дивизий, то соотношение сил резко изменилось бы в нашу пользу. Мы были бы уверены, что в этом случае Гитлер был бы разбит в 1942 г. или, по крайней мере, был бы предрешен его крах в 1943 году. Мы ставим откровенно вопрос перед Рузвельтом, Маршаллом и Кингом – смогут ли США и Великобритания оттянуть и сковать эти 40 дивизий, из которых большинство уже не являются полноценными дивизиями ? Если они смогут это сделать, то вопрос, по крайней мере, в основном будет решен в 1942 году. Если США и Англия не в состоянии этого сделать, то мы будем продолжать нашу борьбу против Гитлера по существу один на один. Мы сделаем все, что можно для сокрушения Гитлера, а невозможного от нас никто не может требовать. В Лондоне я не получил удовлетворительного ответа на мой вопрос относительно второго фронта. Черчилль просил меня заехать на обратном пути в Лондон и обещал сообщить кое-что более конкретное по этому поводу. Он, Молотов, понимает, что главная тяжесть второго фронта выпадет на долю Англии, но это вопрос большой стратегии войны. Советское правительство знает, какую роль США играют в этих вопросах и поэтому не сомневается, что мнение Рузвельта, а также американской армии и флота имеет громадное значение для судьбы Гитлера. Молотов говорит, что он не скрывает того положения, которое может создаться для нашей армии летом этого года. Советское правительство хотело бы знать, могут ли США сделать что-либо для облегчения борьбы СССР против Гитлера или США еще не готовы к этому? Молотов указывает, что в том и в другом случае внесение ясности будет иметь большое значение.

Гарри Гопкинс просит переводчика Кросса еще раз дать резюме того, что было сказано тов.Молотовым и, если при переводе были допущены неточности в смысле заострения некоторых отрицательных фак-

тов, уточнить эти места.

Молотов говорит, что он может резюме сделать сам. Он указывает, что кратко положение дела заключается в следующем. Имеются трудности в 1942 году. В войне от трудностей вообще не уйдешь. Трудности возрастут в 1943 году, так как не будет крепкого фронта с нашей стороны против Германии, - следовательно, вопрос об открытии второго фронта надо решать положительно в этом году. Если отложить решение этого вопроса до 1943 года, то вся тяжесть борьбы против Гитлера выпадет на Великобританию и США. В этом заключается опасность не только для СССР, но и для Америки. Сейчас же исход войны против Гитлера может быть решен оттяжкой 40 германских дивизий с советско-германского фронта. Решить этот вопрос более выгодно сейчас, чем в 1943 году. Если Гитлер в 1942 году овладеет Европой в соответствии с его захватническими планами, к чему он сейчас стремится, - то трудностей для второго фронта в 1943 году будет гораздо больше, чем в этом году.

Рузвельт , обращаясь к Маршаллу и Кингу, говорит, что он хотел бы, чтобы они поняли следующее. Мы будем в 1943 году гораздо сильнее. Но может случиться, что Гитлер в 1943 году будет еще более силен, чем мы, и поэтому откладывание вопроса о втором фронте до 1943 года может не дать ожидаемых преимуществ: Это очень ясно выразил Молотов. Мы хотим открыть второй фронт в 1942 году. Это наша надежда. Это наше желание. Встает вопрос, возможно ли сделать это? При рассмотрении этого вопроса возникает проблема транспорта наших войск через Атлантический океан и затем через пролив из Англии в Европу. Мы будем продолжать совместно с армией и флотом изучать вопрос о том, что мы можем сделать, чтобы перебросить наши войска.

Генерал Маршалл заявляет, что вопрос об открытии второго фронта обсуждался. Имеются определенные выводы. По этому же вопросу он со-

вещался с англичанами в Лондоне. В настоящее время в Лондоне работают над проблемой второго фронта несколько американских офицеров, проводятся совещания, приготовления по выявлению и строительству необходимых десантных средств. Если все эти подготовительные работы будут успешно закончены в этом году, то станет возможным создание второго фронта в 1942 году.

Рузвельт спрашивает Маршалла, может ли Молотов передать Сталину, что американское правительство готовится к созданию второго фронта в 1942 году и что мы надеемся на создание второго фронта в 1942 году?

Маршалл отвечает, что они делают все возможное, чтобы открыть второй фронт в 1942 году. Но он в качестве подчиненного военного чина хотел бы сказать следующее. Они оценивают серьезность положения на советско-германском фронте, выражая в то же самое время свое восхищение доблестным сопротивлением советских армий в течение 11 месяцев. Они, США, согласны с тем, что нужно принять решительные меры на европейском континенте для облегчения положения советских армий. Американские военные считают, что второй фронт в Европе может быть создан путем высадки десантов с британских островов. Американские военные делают все возможное для того, чтобы найти, построить и импровизировать достаточное количество тоннажа для десантов и перебросить возможно скорее этот тоннаж к британским островам. Он, Маршалл, был в Лондоне и лично занимался этим вопросом. Для этой же самой цели в Лондоне находится в настоящее время начальник Штаба Американских Военно-Воздушных Сил и начальник снабжения американской армии. Они стараются облегчить и ускорить выполнение задачи. Он,Маршалл, хотел бы быть откровенным. Он говорит, что проблема состоит в том, что они, американцы, имеют войска, которые получат вооружение, которые хорошо обучены.Имеются прекрасные танковые дивизии. Но имеются трудности в переброске этих войск в Англию и через пролив в Европу. Это - прежде всего вопрос необходимого количества десантных

средств. Они принимают все усилия для того, чтобы найти необходимое количество тоннажа и десантных средств и перебросить их в Англию. Говоря откровенно, разрешение проблемы усложняется еще и тем, что тоннаж требуется для снабжения СССР. Кроме того, имеются трудности в области авиации. США могут послать самолеты в Англию воздушным путем. Но дело осложняется тем, что из США значительное количество самолетов отправляется в СССР. Наша цель состоит в том, чтобы принудить немцев вступить в воздушный бой. Это будет невозможно сделать до тех пор, пока нога союзных армий не вступит на континент Европы.

Маршалл говорит, что Молотов указывал на необходимость оттянуть с советско-германского фронта 40 германских дивизий. Они, американцы, не совсем так подходят к этому вопросу. Для них, прежде всего, имеет значение число дивизий, которые они смогут перевезти через пролив, чтобы вовлечь немцев в воздушные бои для уничтожения их авиации. В этом, по его мнению, заключается разница между взглядами, высказанными Молотовым, и взглядами, которых придерживаются американцы.

Рузвельт указывает, что то, о чем говорил Маршалл, не является различием взглядов. Он, Маршалл, изложил просто две стадии вторжения на континент. Высадка начального контингента войск вынудит немцев вступить в воздушный бой. После того, как германская авиация будет уничтожена, станет возможным произвести высадку дальнейших десантов. Когда на континенте будет сосредоточено достаточное количество войск, станет возможным отвлечение 40 германских дивизий с советско-германского фронта.

Далее Рузвельт говорит, что он хотел бы, чтобы адмирал Кинг об'яснил Молотову положение с посылкой конвоев в Мурманск. Дело в том, что при конвоировании караванов происходят военные действия в трех

измерениях.Во-первых, приходится оборонять караваны от нападения крупных германских военно-морских кораблей, например, от "Тирпица", во-вторых, от подводных лодок и, в-третьих, от нападений с воздуха.

Кинг заявляет, что проведение конвоев в Мурманск, а в настоящее время в Архангельск, приняло характер военных операций, так как эти конвои подвергаются нападению со стороны тяжелых германских кораблей, базирующихся в Тронхейме и Нарвике; со стороны подводных лодок, базирующихся в Нарвике и Киркинесе; со стороны германских самолетов с аэродромов, расположенных в Норвегии. Германские воздушные силы следят за следованием конвоев при выходе этих конвоев из Исландии, на всем пути до Мурманска и дальше. Когда немцы получают сообщение об отправке конвоя из Исландии, они приказывают своим подводным лодкам перехватить конвой. Следовательно, конвой должен быть защищен не только от местных атак со стороны подводных лодок, но и от возможных атак с воздуха. Необходимо, чтобы британские военно-морские силы посылали специальные корабли для наблюдения за передвижением германского военно-морского флота от баз, которые расположены ближе к маршрутам конвоев, чем базы британского флота в Скапа-Флоу. В этих условиях США пришлось усилить британский флот, чтобы англичане сумели выделить достаточное количество сил для прикрытия конвоев. Были приняты меры, чтобы прикрывать одновременно как возвращающиеся, так и направляющиеся в СССР конвои. Он, Кинг, хотел бы, чтобы советские военно-морские силы оказали помощь в деле конвоирования караванов при подходе к Мурманску, а также в деле защиты этих конвоев от германского военно-морского флота в районе Нарвика и Киркинеса. Положение с проводкой конвоев усложнилось в этом году, так как лед продвинулся в более южные районы моря и это обстоятельство затрудняет маневрирование конвоев. Конвои имеют меньшие возможности уйти от возможных нападений со стороны немцев.

Рузвельт говорит, что получены сообщения о том, что последний конвой, который прибыл в Мурманск вчера или должен прибыть туда сегодня, подвергся нападению германских самолетов. В результате из 35 судов был потоплен 1 эсминец, а 5 эсминцев и несколько судов повреждено. Немцы говорят о потоплении 17 пароходов. Рузвельт говорит, что мы должны считаться с потерями. Однако, положение должно улучшиться летом, когда лед уйдет на север и конвои будут иметь большую свободу маневрирования.

Далее Рузвельт говорит о том, что он хотел еще упомянуть о двух вопросах. Во-первых, об использовании американских бомбардировщиков для бомбардировки Румынии из Сирии и, во-вторых, о доставке американских самолетов через Аляску в Сибирь. По этому пути могли бы быть доставлены в СССР как самолеты, так и отдельные виды материалов и, следовательно, можно было бы высвободить некоторое количество тоннажа.

Молотов отвечает, что в отношении бомбардировки Румынии он полагает, что американские самолеты могли бы производить это не только с территории Сирии, но и с территории СССР. Что касается доставки самолетов через Аляску на Дальний Восток, то этот путь хорош для восточных районов СССР, а для западных районов он слишком далек.

Молотов заявляет, что он доложит тов. Сталину и Советскому Правительству относительно того, что он слышал от Рузвельта, Кинга и Маршалла в части оценки перспектив создания второго фронта в Европе

Беседу записал В.Павлов.

Верно: Молотов

вв-3.

Запись проверена и
исправлена тов. В.М.Молотовым
Молотов

2037 / № 3257/мин

55

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т. Маленкову	Экз. № 11-т.
№ 2-т. Сталину	№ 7-т. Вышинскому	№ 12-т.
№ 3-т. Сталину	№ 8-т. Деканозову	№ 13-т.
№ 4-т. Молотову	№ 9-т. 10-й Отдел	№ 14-т.
№ 5-т. Берия	№ 10-т.	№ 15-т.

Из ВАШИНГТОНА № 4859 пол. 7 час. 20 мин. 31.У 1942 г. экз. № 3

4860 сп.38,39 ВНЕ ОЧЕРЕДИ.

29 мая вечером состоялся обед у Рузвельта с участием только Гопкинса и переводчиков. После обеда была довольно длительная, но малосодержательная беседа.

30 мая состоялась основная беседа о втором фронте в том же составе плюс генерал Маршалл и адмирал Кинг. Я изложил цель моего приезда, подчеркнув, что в вопросе о войне с Германией разница между 42 и 43 годами может получиться не в пользу 43 года. Если СССР не выдержит напора гитлеровских войск в 1942 году, то в 1943 году Гитлер будет гораздо сильнее чем нынче, а советская армия не сможет связать на своем фронте почти все его войска, как это имеет место теперь. И здесь я поставил вопрос о желательности летом и осенью этого года оттянуть на западный фронт хотя бы 40 германских дивизий.

В ответ на это Рузвельт и Маршалл заявили, что всячески хотят это сделать, но пока дело упирается в недостаток судов для переброски войск во Францию. Ничего конкретного они мне не заявили.

Днем /Рузвельт/ устроил в честь меня узкий завтрак.

Мою миссию в Вашингтон можно считать законченной. Теперь дело за проверкой моторов самолета, что потребует три-четыре дня. Используя это время, чтобы побывать в Нью-Йорке. Одне вылета завтра сообщу.

30.У.42 г. МОЛОТОВ.

9-экз.ЛО
отп.31.У.9-35
вып.Абрамкин.

Верно:

Зак. 541. 1-я Обр. тип

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

56

Копия.
Сов.секретно.

ШИФРОМ.

ВАШИНГТОН МОЛОТОВУ

В деле поставок СССР из США добивайся у Президента следующего:

1. Организации ежемесячно одного каравана судов из портов Америки непосредственно в Архангельск с конвоированием военно-морскими силами США.

2. Ежемесячной поставки своим летом через Африку по 50 бомбардировщиков Б-25 со сдачей нам в Басре или Тегеране.

3. Доставки для нас в порты Персидского залива со сборкой там ежемесячно 150 бомбардировщиков Бостон-3.

4. Доставки для нас в порты Персидского залива со сборкой там ежемесячно 3.000 грузовиков. № 1454/ш

СТАЛИН

ЦК ВКП(б)
31.У.42г.

Верно: (Лукьянова)

3-ен.

1044 2267/мш 57

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т. Маленкову	Экз. № 11-т.
№ 2-т. Сталину	№ 7-т. Вышинскому	№ 12-т.
№ 3-т. Сталину	№ 8-т. Деканозову	№ 13-т.
№ 4-т. Молотову	№ 9-т. 10-й Отдел	№ 14-т.
№ 5-т. Берия	№ 10-т.	№ 15-т.

Из ВАШИНГТОНА № 4880 пол. 00 час. 50 мин. 1.VI 19 42 г. экз. № 3

сп.40. ВНЕ ОЧЕРЕДИ.

Из беседы с Рузвельтом обращает на себя внимание его заявление о способе охранения мира между народами после войны. Рузвельт развивает мысль, что для охраны мира потребуется некая полицейская сила, при чем эту полицейскую силу он мыслит в виде вооруженных сил трех или четырех стран: США, СССР, Англия и, может быть, Китай /если Китаю удастся создать центральное правительство/. По мнению Рузвельта все остальные страны, включая Францию, Польшу, не говоря о Германии, Италии и Японии, должны быть разоружены.

В ответ на это высказывание я заявил, что в такой конкретной форме нам еще не приходилось выслушивать соображения по этому вопросу, что у меня есть опасение насчет отношения к этому вопросу со стороны некоторых стран, как например Франции, Польши, Турции, что вопрос важный и требует изучения.

Эта тема не получила пока дальнейшего развития в беседах.

1-го июня буду иметь встречу с Рузвельтом.

9-экз.ЛС
отп.1.VI.2-15
вып.Абрамкин.

31.V.42 г. МОЛОТОВ.

Верно:

По истечении 48-ми лв с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

Зак. 541. 1-я Обр. тип.

№27
58

СОВ.СЕКРЕТНО.

ДНЕВНИК
В.М.МОЛОТОВА.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ С РУЗВЕЛЬТОМ
1 июня 1942 года.

Присутствовали: Гопкинс, Литвинов.
Переводчики – Кросс, Павлов.

Рузвельт заявляет, что он хотел бы коснуться нескольких вопросов. Первый из них относится к Финляндии. Американское правительство получило информацию, согласно которой в Финляндии имеется несколько групп, стремящихся к заключению мира с СССР. Эти группы не могут мобилизовать силы, чтобы демонстрировать возможность мира с СССР, пока советское и американское правительства не предпримут чего-нибудь в этом направлении. Представители упомянутых групп говорили с американской миссией в Финляндии о попытке найти базу для своих стремлений. Американское правительство готово сделать все то, что, по мнению советского правительства, гарантировало бы успех дела мира с Финляндией. Рузвельт подчеркивает, что американское правительство ничего не рекомендует советскому правительству и просит Молотова сообщить об этой информации и о мнении американского правительства тов.Сталину.

Молотов обещает это сделать немедленно.

Далее Рузвельт сказал, что следующий вопрос касается воздушной линии от Вашингтона до Москвы или Куйбышева. В настоящее время существует линия от Вашингтона до Басры. Они готовы были бы продлить эту линию до Тегерана с частотой рейсов один раз в неделю. Если бы советское правительство установило свою авиалинию от Москвы или Куйбышева до Тегерана, то мы получили бы регулярную авиа-

87.М.

связь с США для перевозки почты и официальных лиц.

Молотов ответил, что советское правительство согласно с предложением американского правительства об организации авиасвязи США-СССР и готово со своей стороны поддерживать регулярную авиасвязь на линии Москва-Тегеран с частотой рейсов в начале, может быть, только один раз в две недели.

Рузвельт, переходя к следующим двум вопросам, сказал, что они находятся в стадии исследования. Речь идет о гражданской авиалинии из США через Ном в Аляске и из Нома к транссибирской железной дороге. По этому проекту авиалинию от Нома до Петропавловска на Камчатке могут обслуживать или американские самолеты или советские самолеты. Эта авиалиния должна служить, как и первая, через Басру, для перевозки почты, пассажиров и небольших посылок.Затем имеется идея о переброске по тому же маршруту военных самолетов. По этому вопросу Стэндли говорил со Сталиным, который обещал изучить этот вопрос.

Молотов ответил, что этот вопрос изучается в настоящее время и он не знает, имеются ли конечные результаты.

Далее Рузвельт говорит, что он передал Литвинову проект соглашения между США и СССР о займе и аренде. Сейчас он, Рузвельт, не будет говорить об этом соглашении, но он хочет просить Молотова переговорить с тов.Сталиным по следующему вопросу, относящемуся к послевоенному времени. Мы знаем, говорит Рузвельт, что после войны придется решить два финансовых вопроса. Один из этих вопросов должен быть урегулирован между союзниками, а другой касается восстановления стран, пострадавших от войны, в целях обеспечения прочного мира. Он, Рузвельт, основываясь на опыте, полагает, что не следует взимать процентов. Он думает, что вместо взимания процентов все Об'единенные Нации должны разработать планы погашения (оплаты) капиталов

в течение длительного срока, но без процентов. Он, Рузвельт, хотел бы, чтобы Сталин и Молотов подумали об этой мысли не в порядке принятия каких-либо обязательств, а в порядке ее изучения. Он полагал бы, что такое решение вопроса облегчило бы положение США, СССР и Великобритании после войны, а также работу по реконструкции стран, пострадавших от войны.

Молотов ответил, что он, конечно, информирует тов.Сталина о мысли Рузвельта. Он, Молотов, понимает, какую большую роль в этом вопросе играют США.

Рузвельт благодарит и говорит, что он имеет еще один вопрос. Мы говорили, заявляет Рузвельт, о разоружении Германии и Японии и об организации контроля за ними в целях предупреждения секретного вооружения, а также о применении полицейской силы и карантина в отношении этих стран в случае их плохого поведения. При этом он, Рузвельт, не касался другой стороны этого вопроса. Дело в том, что, по его мнению, было бы необходимо в интересах безопасности наших стран отнять от слабых наций после войны множество небольших островов, которыми они владеют по всему миру в настоящее время. Он, Рузвельт, хотел бы, чтобы тов.Сталин подумал об организации опеки над подобными островами.

Молотов говорит, что в связи с высказанной ранее Президентом мыслью об организации международной полицейской силы, он хотел бы сообщить следующее: Он, Молотов, информировал советское правительство и получил соображения советского правительства и лично от тов.Сталина по этому поводу , и ему поручено сообщить Рузвельту, что советское правительство целиком разделяет мысль Рузвельта об организации об'единенной полицейской силы, по крайней мере, в составе США, СССР и Англии и, если возможно, Китая. Во всяком случае,

мысль Президента об организации полицейской силы для охраны мира советское правительство считает правильной и поддерживает ее.Ему, Молотову кажется, что мысль Президента, высказанная им сейчас, также будет встречена советским правительством с полным сочувствием и вниманием.

Рузвельт говорит, что мысль об опеке над островами означает отмену мандатов, которые были выданы отдельным странам на эти острова после прошлой мировой войны. Например, японцы получили мандат на быв.германские владения в Тихом океане. Они укрепили эти острова, превратив их в крепости. После войны мы должны выбросить оттуда японцев и ни одна из стран, включая Англию и Францию, не должна получить мандатов на эти острова. В Тихом океане много таких островов, на которые мандаты получила Франция. По его, Рузвельта, мысли этими островами никто не должен обладать после войны. Для экономического развития и административного управления островами на длительное время должна быть установлена опека трех-четырех великих держав-победителей. Необходимость подобной опеки он хотел бы показать на примере более крупных территорий. Индо-Китай, а также страны Малаккского полуострова не способны иметь свое собственное самоуправление. Но придет время, когда 30 миллионов населения Голландской Индии будут готовы к самоуправлению, и голландцы знают об этом. Никто из представителей белой расы не может надеяться на то, что он в течение неопределенного времени сможет обладать этими островами в качестве своих колоний. Это невозможно ввиду того, что народы подобных стран стремятся к независимости, и это известно представителям белой расы. Чан Кай-ши полагал бы возможным разрешить эту проблему путем создания на опеределенный срок опеки над ними. Срок опеки будет различным для отдельных стран.

62

5.-

Например, Ява, вероятно, будет готова к самоуправлению через 20 лет. Опека США над Филиппинами продолжалась в течение 43 лет, пока они не получили независимости. Борнео будет готово к самоуправлению не раньше, чем через 150 лет.

Молотов , отмечая сложность этой проблемы, говорит, что после войны она встанет перед союзными нациями. Он, Молотов, считает, что советское правительство отнесется к этой проблеме, о которой он информирует тов.Сталина и правительство, самым серьезным и внимательным образом. Молотов говорит, что для него очевидно, что этот вопрос будет лучше решен на основе принципа, что охрана мира должна находиться в руках США, СССР и Англии и, может быть, Китая, как четвертой большой державы, с обеспечением соответствующего контроля, чтобы не допустить вновь вооружения агрессивных стран - Германии и Японии. Исходя из этого принципа, он, Молотов, считает, что поставленный вопрос может быть урегулирован в желательном для наших стран духе.

Рузвельт выражает согласие с Молотовым и говорит, что он не ожидает трудностей при разрешении этого вопроса после того, когда мы выиграем войну.

Далее он сообщает Молотову, что после совещания о втором фронте он говорил с начальниками штабов о проблеме тоннажа. Американское правительство посылает в Англию в настоящее время войска и самолеты с целью создания там сил, предназначенных для вторжения в Европу. Они, американцы, начали отправлять в Англию также и десантные средства. Мы надеемся, заявляет Рузвельт, что второй фронт будет создан в 1942 году, но вопрос времени зависит от тоннажа. Мы можем, говорит он, ускорить создание второго фронта только путем получения большого количества тоннажа. В целях ускорения открытия второго

фронта начальники штабов предлагают, чтобы советское правительство еще раз просмотрело список снабжения на предстоящий год с 1 июля. Этот список , предусматривающий поставки на 8 млн. тонн, может быть выполнен только частично, так как в виду недостатка тоннажа США в состоянии отправить через Мурманск, Архангельск и Басру только 4.400.000 тонн. Из этого количества только 1.800.000 тонн грузов может быть использовано СССР на фронте в этом году летом.Остальные 2,6 млн. тонн представляют собой сырье и другую продукцию, которые нужны СССР для нужд производства , и которые СССР не может в виде готовой продукции использовать на фронте этим летом. Но если сократить поставки для СССР до 2 млн. , т.е. доставить СССР в течение года, начиная с 1 июля только то вооружение, которое может быть использовано летом 1942 года, то это высвободит большое количество судов, которые будут использованы для переброски американских войск, танков и самолетов в Англию для вторжения. Причем это сокращение поставок в СССР не коснется танков, боеприпасов, самолетов и орудий.

Молотов заявляет, что он передаст это предложение советскому правительству, но он должен сказать, что хотя в список поставок из США в СССР включены предметы, которые не будут использованы летом этого года, но они нам необходимы для укрепления тыла: строительства металлургических заводов, электростанций и железнодорожного оборудования. Эти поставки имеют большое значение для крепости фронта. Если советское правительство будет вынуждено пойти на сокращение поставок сырья и оборудования, оно пойдет на это, но сокращение этого вида поставок нежелательно с точки зрения укрепления фронта и тыла. Молотов просит с этим считаться, т.к. сейчас мы обрезаем тыл во всем для укрепления фронта, но должны дать тылу перспективы дальнейшего развития, обновления оборудования, про-

катных станов, электростанций. Мы примем все меры, чтобы заявки не были преувеличены, но приходится считаться с важностью поставок, которые необходимы не только фронту, но и тылу. Поэтому мы просили бы вопрос о втором фронте решать с учетом интересов поставок как для армии, так и для тыла, охраняющего крепость армии. Второй фронт будет выгоден, если будет крепок первый, т.е. советско-германский фронт.

Далее Молотов говорит, что он был командирован советским правительством в США и Англию по приглашению английского и американского правительств. Из Англии он, Молотов, привезет договор. Это - один вопрос. В США он был командирован по главному вопросу - по вопросу второго фронта. Молотов спрашивает, что он может ответить в Лондоне и Москве на вопрос, что он привез с собой из Вашингтона? Каково мнение Рузвельта о втором фронте? Молотов просит Рузвельта изложить это мнение в виде резюме.

Рузвельт говорит, что в Москве он заявил бы, что американское правительство стремится и надеется на создание второго фронта в 1942 году. В этом направлении как в Англии, так и в США ведется большая подготовительная работа. Одним из способов ускорения организации второго фронта было бы сокращение поставок из США в СССР в целях высвобождения дополнительного тоннажа для переброски американских войск и вооружения в Англию. В Лондоне он, Рузвельт, сказал бы, что американское правительство ожидает приезда Маунтбэттона и Портала с тем, чтобы получить их согласие на второй фронт в этом году. Рузвельт говорит, что он один не может решить вопроса о втором фронте. Необходимо проконсультироваться с Англией, которая должна будет в случае открытия второго фронта понести наибольшие жертвы. На днях из Англии возвращается начальник штаба американских воздушных сил генерал Арнольд. Он будет докладывать о результатах своей

65

8.-

поездки Маршаллу и он, Рузвельт, рекомендовал бы Молотову еще раз переговорить с Маршаллом перед своим от'ездом.

Молотов ответил согласием.

В заключение беседы Молотов передал Рузвельту записку с просьбой советского правительства об увеличении поставок самолетов и грузовиков и о регулярной отправке в СССР одного каравана судов из США с эскортированием кораблями американского военно-морского флота. Рузвельт обещал изучить этот вопрос.

Беседу записал - В.Павлов.

Верно: Павлов

вв-3.

Запись проверена и
исправлена тов. В.М.Молотовым
Павлов

66

Вручено Рузвельту 1.VI.42 г.

ПОСТАВКИ ИЗ США ДЛЯ СССР

1. Организация ежемесячно одного каравана судов из портов Америки непосредственно в Архангельск с конвоированием военно-морскими силами США.

2. Ежемесячная поставка своим лётом через Африку по 50 бомбардировщиков Б-25 со сдачей в Басре или Тегеране.

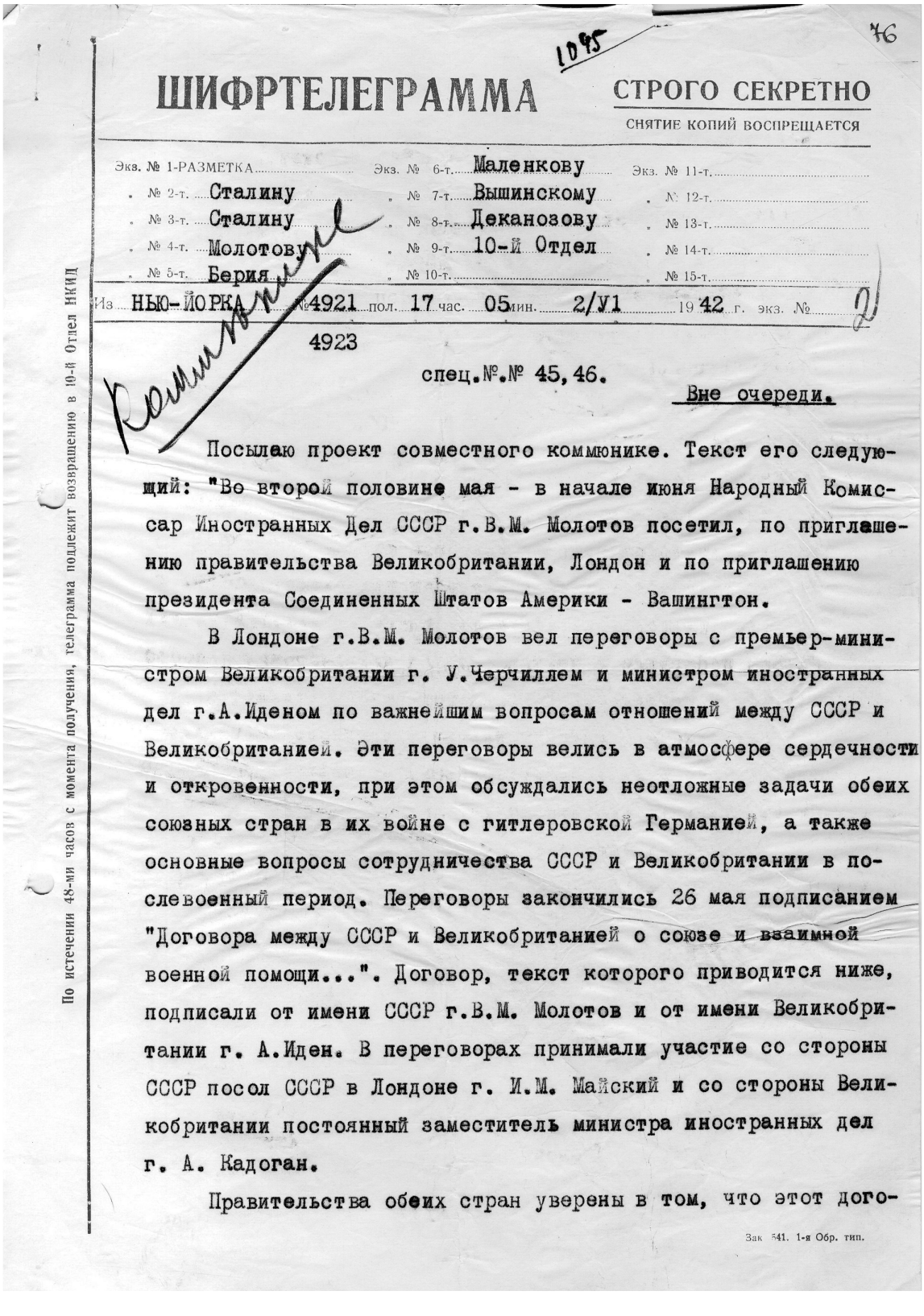
3. Доставка в порты Персидского залива со сборкой там ежемесячно 150 бомбардировщиков Бостон-3.

4. Доставка в порты Персидского залива со сборкой там ежемесячно 3.000 грузовиков.

1 июня 1942 года.

Верно: [illegible]

вв-3

1095

46

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т. Маленкову	Экз. № 11-т.
№ 2-т. Сталину	№ 7-т. Вышинскому	№ 12-т.
№ 3-т. Сталину	№ 8-т. Деканозову	№ 13-т.
№ 4-т. Молотову	№ 9-т. 10-й Отдел	№ 14-т.
№ 5-т. Берия	№ 10-т.	№ 15-т.

Из НЬЮ-ЙОРКА №4921 пол. 17 час. 05 мин. 2/У1 1942 г. экз. № 2

4923

Коминтерн

спец.№.№ 45,46.

Вне очереди.

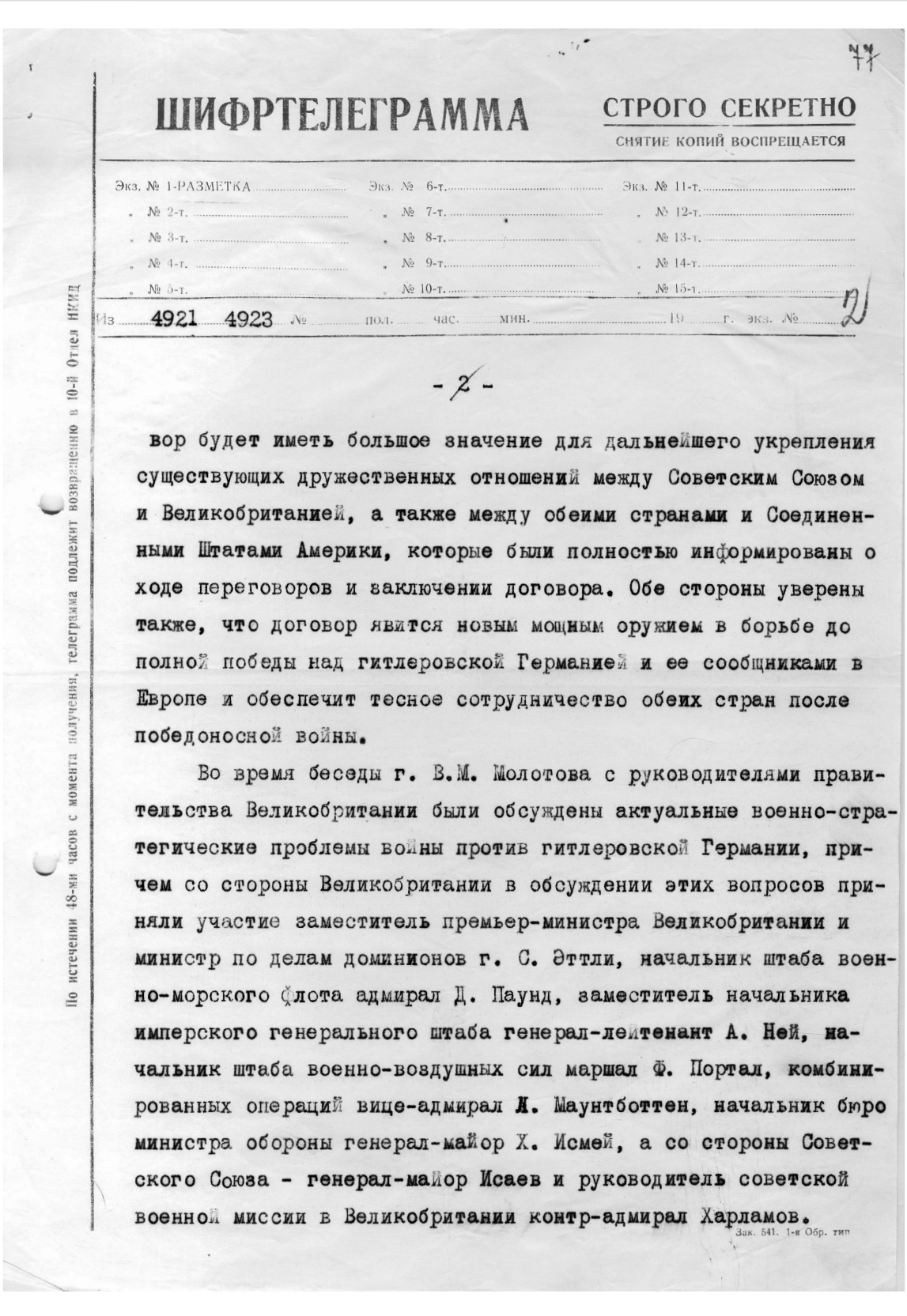
Посылаю проект совместного коммюнике. Текст его следующий: "Во второй половине мая - в начале июня Народный Комиссар Иностранных Дел СССР г.В.М. Молотов посетил, по приглашению правительства Великобритании, Лондон и по приглашению президента Соединенных Штатов Америки - Вашингтон.

В Лондоне г.В.М. Молотов вел переговоры с премьер-министром Великобритании г. У.Черчиллем и министром иностранных дел г.А.Иденом по важнейшим вопросам отношений между СССР и Великобританией. Эти переговоры велись в атмосфере сердечности и откровенности, при этом обсуждались неотложные задачи обеих союзных стран в их войне с гитлеровской Германией, а также основные вопросы сотрудничества СССР и Великобритании в послевоенный период. Переговоры закончились 26 мая подписанием "Договора между СССР и Великобританией о союзе и взаимной военной помощи...". Договор, текст которого приводится ниже, подписали от имени СССР г.В.М. Молотов и от имени Великобритании г. А.Иден. В переговорах принимали участие со стороны СССР посол СССР в Лондоне г. И.М. Майский и со стороны Великобритании постоянный заместитель министра иностранных дел г. А. Кадоган.

Правительства обеих стран уверены в том, что этот дого-

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел ИКИД

Зак 541. 1-я Обр. тип.

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ... Экз. № 6-т. ... Экз. № 11-т. ...
„ № 2-т. ... „ № 7-т. ... „ № 12-т. ...
„ № 3-т. ... „ № 8-т. ... „ № 13-т. ...
„ № 4-т. ... „ № 9-т. ... „ № 14-т. ...
„ № 5-т. ... „ № 10-т. ... „ № 15-т. ...

Из 4921 4923 № ... пол. ... час. ... мин. ... 19 ... г. экз. № ...

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 2 -

вор будет иметь большое значение для дальнейшего укрепления существующих дружественных отношений между Советским Союзом и Великобританией, а также между обеими странами и Соединенными Штатами Америки, которые были полностью информированы о ходе переговоров и заключении договора. Обе стороны уверены также, что договор явится новым мощным оружием в борьбе до полной победы над гитлеровской Германией и ее сообщниками в Европе и обеспечит тесное сотрудничество обеих стран после победоносной войны.

Во время беседы г. В.М. Молотова с руководителями правительства Великобритании были обсуждены актуальные военно-стратегические проблемы войны против гитлеровской Германии, причем со стороны Великобритании в обсуждении этих вопросов приняли участие заместитель премьер-министра Великобритании и министр по делам доминионов г. С. Эттли, начальник штаба военно-морского флота адмирал Д. Паунд, заместитель начальника имперского генерального штаба генерал-лейтенант А. Ней, начальник штаба военно-воздушных сил маршал Ф. Портал, комбинированных операций вице-адмирал Л. Маунтботтен, начальник бюро министра обороны генерал-майор Х. Исмей, а со стороны Советского Союза - генерал-майор Исаев и руководитель советской военной миссии в Великобритании контр-адмирал Харламов.

Зак. 541. 1-я Обр. тип

78

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
„ № 2-т. ..... „ № 7-т. ..... „ № 12-т. .....
„ № 3-т. ..... „ № 8-т. ..... „ № 13-т. .....
„ № 4-т. ..... „ № 9-т. ..... „ № 14-т. .....
„ № 5-т. ..... „ № 10-т. ..... „ № 15-т. .....

Из 4921 4923 № ..... пол. ..... час. ..... мин. ..... 19 ..... г. экз. № 21

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

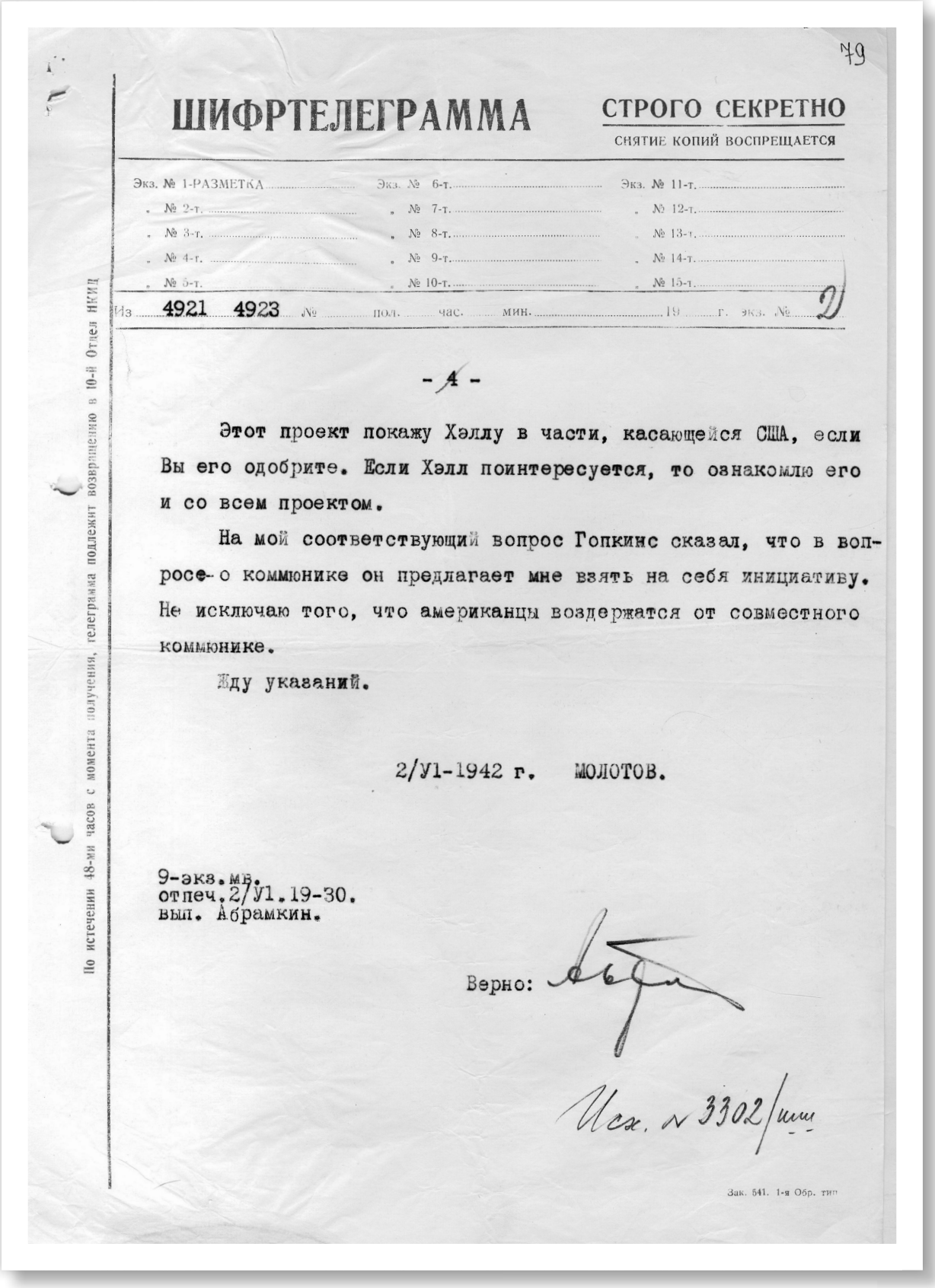
- 3 -

В Вашингтоне Народный комиссар иностранных дел господин В.М. Молотов имел ряд бесед с президентом Соединенных Штатов Америки г. Ф.Де Рузвельтом и с членами правительства США. Во время этих бесед, отличавшихся искренней дружественностью и признанием взаимной заинтересованности в скорейшем доведении до победного конца войны против гитлеровской Германии, были обсуждены как актуальные военно-стратегические вопросы войны в Европе, так и основные проблемы сотрудничества Советского Союза и Соединенных Штатов в деле обеспечения мира и безопасности всех свободолюбивых народов после войны. Обе стороны с удовлетворением констатировали единство взглядов во всех этих вопросах.

В переговорах принимали участие советский посол в США г.М.М. Литвинов, а со стороны Соединенных Штатов - г. Г.Гопкинс, государственный секретарь по иностранным делам г.К.Хэлл, начальник генерального штаба генерал Маршалл, начальник штаба военно-морского флота адмирал Кинг.

Обе стороны нашли, что имевший место дружеский контакт между руководящими деятелями США и СССР знаменует собой весьма существенный шаг в деле сближения обеих стран и усиления их сотрудничества как в настоящее время, так и в послевоенный период".

Зак. 541. 1-я Обр. тип

79

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
„ № 2-т. ..... „ № 7-т. ..... „ № 12-т. .....
„ № 3-т. ..... „ № 8-т. ..... „ № 13-т. .....
„ № 4-т. ..... „ № 9-т. ..... „ № 14-т. .....
„ № 5-т. ..... „ № 10-т. ..... „ № 15-т. .....

Из 4921 4923 № ..... пол. ..... час. ..... мин. ..... 19 ..... г. экз. № 2

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 4 -

Этот проект покажу Хэллу в части, касающейся США, если Вы его одобрите. Если Хэлл поинтересуется, то ознакомлю его и со всем проектом.

На мой соответствующий вопрос Гопкинс сказал, что в вопросе о коммюнике он предлагает мне взять на себя инициативу. Не исключаю того, что американцы воздержатся от совместного коммюнике.

Жду указаний.

2/У1-1942 г. МОЛОТОВ.

9-экз.мв.
отпеч.2/У1.19-30.
вып. Абрамкин.

Верно:

Исх. № 3302/шш

Зак. 641. 1-я Обр. тип

80

Н.К.И.Д.
ДЕСЯТЫЙ ОТДЕЛ

Исход. № 2675

Получена 23 *час.* 15 *мин.* 2.VI *1942 г.*

Отправлена 00 *час.* 35 *мин.* 3.VI *1942 г.*

СОВ. СЕКРЕТНО
Снятие копий воспрещается
Спец. № 43

Шифрованная телеграмма

Куда ВАШИНГТОН Кому СОВПОСЛУ Экз. № 1

МОЛОТОВУ.

1. Инстанция недовольна, что все твои сообщения страдают излишней скупостью и недоговоренностью. Из бесед с Рузвельтом и Черчиллем ты сообщаешь нам то, что сам считаешь важным, пропуская все остальное. Между тем инстанция хотела бы знать все, и то что ты считаешь важным и то, что по твоему не важно.

2. Это относится также к проекту коммюнике. Ты нам не сообщаешь чей это проект, согласован ли он во всех его частях с англичанами и почему собственно нельзя было бы дать два коммюнике - одно о переговорах в Англии, а другое о переговорах в США. В виду недоговоренности в твоих сообщениях нам приходится гадать.

3. Мы считаем целесообразным иметь два проекта коммюнике - один о переговорах в Англии, а другой о беседах в США.

Мы считаем далее абсолютно необходимым, чтобы в обоих коммюнике помимо всего прочего был так же упомянут вопрос о создании второго фронта в Европе и о том что по этому вопросу имеется полная договоренность. Считаем также необходимым, чтобы в обоих коммюнике было сказано о поставках Советскому Союзу военных материалов из Англии и США. Во всем остальном согласны с содержанием проекта коммюнике, переданного нам тобой.

Копии:
1. Тов. _____
2. Тов. _____
3. Тов. _____
4. Тов. _____

81

Н.К.И.Д.
ДЕСЯТЫЙ ОТДЕЛ

Исход. № 2675

Получена ___ *час.* ___ *мин.* ___ *194* *г.*

Отправлена ___ *час.* ___ *мин.* ___ *194* *г.*

СОВ. СЕКРЕТНО
Снятие копий воспрещается
Спец. № ___

Шифрованная телеграмма

Куда | Кому | Экз. № 1

-2-

4. Перед твоим приездом в Вашингтон Литвинов сообщил нам о проекте договора между СССР и США, предложенном Хеллом по вопросу о займе и аренде предметов вооружения. В твоих сообщениях об этом проекте ничего не сказано. Почему? Проект взят Хеллом обратно или случилось какое-то недоразумение.

2 июня. ИНСТАНЦИЯ.

Верно:

Копии:
1. Тов. Сталину
2. Тов. Деканозову
3. Тов. ___
4. Тов. ___

2-экз.ЛС
отп.3.У1.1-15

1047
№ 3309/шиф

1059/ Исх № 3323/шш 82

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т. Маленкову	Экз. № 11-т.
№ 2-т. Сталину	№ 7-т. Вышинскому	№ 12-т.
№ 3-т. Сталину	№ 8-т. Деканозову	№ 13-т.
№ 4-т. Молотову	№ 9-т. 10-й Отдел	№ 14-т.
№ 5-т. Берия	№ 10-т.	№ 15-т.

Из ВАШИНГТОНА №4959 пол. 23 час. 00 мин. 3.VI 19 42 г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

сп.48. ВНЕ ОЧЕРЕДИ.

Сообщаю переданный Хэллом проект коммюнике: "Народный Комиссар Иностранных Дел Союза Советских Социалистических Республик прибыл в Вашингтон во второй половине дня пятницы 29 мая, и был гостем президента в течение нескольких дней. Пребывание его в Вашингтоне дало возможность дружественного обмена мнений между президентом и его советниками с одной стороны, и г.Молотовым и его помощниками, включая посла г.Литвинова, с другой. Беседы носили самый сердечный характер. Они включали обсуждение со всех точек зрения всех важных сторон военного положения и методов военного сотрудничества.

По окончании визита президент попросил г.Молотова передать от его имени г.Сталину его мнение, что эти беседы принесли большую пользу в смысле установления базы для более близких и плодотворных отношений между обоими правительствами для достижения общих целей об"единенных наций.

В настоящее время г.Молотов возвратился в Москву".

Считаю наш проект более подходящим, конечно, можно использовать и этот с добавками. Жду ответа по поводу моего проекта.

4.VI.00-10
отп.9-экз.ЛС
вып.Абрамкин.

2.VI.42 г. МОЛОТОВ.

Верно:

Зак. 541. 1-я Обр. тип

1061 № 3328/шш 88

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

Экз. № 1-РАЗМЕТКА
Экз. № 2-т. Сталину
Экз. № 3-т. Сталину
Экз. № 4-т. Молотову
Экз. № 5-т. Берия
Экз. № 6-т. Маленкову
Экз. № 7-т. Вышинскому
Экз. № 8-т. Деканозову
Экз. № 9-т. 10-й Отдел
Экз. № 10-т.
Экз. № 11-т.
Экз. № 12-т.
Экз. № 13-т.
Экз. № 14-т.
Экз. № 15-т.

Из ВАШИНГТОНА № 4977 пол. 8 час 45 мин. 4.VI 1942 г. экз. № 3

4978 сп.50,51. ВНЕ ОЧЕРЕДИ.

31 мая Рузвельт вручил мне проект второго протокола и программы поставок Советскому Союзу со стороны США и Англии на период с 1 июля 1942 г. по 30 июня 1943 г.

Основное содержание протокола следующее:

1. Для отправки из портов США и Англии будет предоставлено 3300000 коротких тонн в северные порты и 1100000 тонн в Персидский залив, то-есть всего 4400000 коротких тонн вместо заявленных нами американцам и англичанам по подсчетам американцев 8 миллионов тонн /Беляев обещает срочно произвести свой подсчет наших заявок в тоннаже/.

2. Мы должны выбрать из нашей заявки такие виды вооружения, оборудования и материалов, из числа предлагаемых нам США и Англией, которые укладывались бы в тоннаж 4400000 тонн.

3. Эта программа может частично изменяться в ходе войны.

4. США продлят финансовые соглашения на покрытие расходов по американским поставкам. Финансирование по английским поставкам будет происходить на основе кредитного соглашения от 16 августа 1941 г. по всему снабжению, а по военному снабжению на основе английского Ленд-Лиз, который еще подлежит обсуждению.

5. США предлагают поставки общим количеством в 7 миллионов коротких тонн стоимостью в 3 миллиарда долларов, из них 1100000

Зак. 541. 1-я Обр. тип

89

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
. № 2-т. ..... . № 7-т. ..... . № 12-т. .....
. № 3-т. ..... . № 8-т. ..... . № 13-т. .....
. № 4-т. ..... . № 9-т. ..... . № 14-т. .....
. № 5-т. ..... . № 10-т. ..... . № 15-т. .....

Из 4978 № 4977 пол. час. мин. 19 г. экз. № 3

тонн военного и военно-морского оборудования, вооружения и боеприпасов стоимостью в 2 миллиарда долларов, 1800000 тонн материалов, станков и оборудования стоимостью в 400 миллионов долларов и 4300000 тонн пищепродуктов стоимостью в 600 миллиардов долларов. Разница между цифрами 7 миллиардов американских грузов и 4,4 миллиардов англо-американских поставок согласно пункта 1 настоящей телеграммы требует выяснения, что будет сделано Беляевым сегодня или завтра.

6. Англичане по проекту должны производить поставки и после 1 июля 1942 г. в масштабах прошлогоднего московского протокола. /Это не соответствует известному письму Бивербрука на имя Майского, в котором говорилось, что англичане взяли на себя обязательство производить поставки и после 1 июля на 50% больше предыдущего периода, а с 1 января 1943 г. увеличить эти поставки еще на 50 процентов.

Со своей стороны должен добавить следующее: проект протокола только переведен на русский язык и полный его текст сегодня начнем передавать в Москву на рассмотрение. После получения указаний инстанции этот проект должен быть обсужден комиссией Беляева с соответствующими органами в Вашингтоне - что предусмотрено проектом.

Зак. 541. 1-я Обр. тип

90

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
№ 2-т.	№ 7-т.	№ 12-т.
№ 3-т.	№ 8-т.	№ 13-т.
№ 4-т.	№ 9-т.	№ 14-т.
№ 5-т.	№ 10-т.	№ 15-т.

Из 4978 № 4977 пол. час. мин. 19 г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 2 -

Я не считал возможным заниматься сейчас этим вопросом в Вашингтоне или даже приступить к выяснению совместно с американцами отдельных пока неясных его пунктов.

3.VI.42 г. МОЛОТОВ.

ПРИМЕЧАНИЕ: Подчеркнутое запрошено.

9-экз.ЛС
отп.4.VI.12-45
вып.Абрамкин.

Верно:

Зак. 541. 1-я Обр. тип.

1062 № 3329/мш 91

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т. Маленкову	Экз. № 11-т.
№ 2-т. Сталину	№ 7-т. Вышинскому	№ 12-т.
№ 3-т. Сталину	№ 8-т. Деканозову	№ 13-т.
№ 4-т. Молотову	№ 9-т. 10-й Отдел	№ 14-т.
№ 5-т. Берия	№ 10-т.	№ 15-т.

Из ВАШИНГТОНА № 4979 пол. 8 час. 45 мин. 4/У1 1942 г. экз. № 3

спец.№ 52.

Проект Хэлла по вопросу о займе и аренде предметов вооружения, о котором Литвинов сообщил в Москву 27 мая, остается в силе. Ни Рузвельт, ни Хэлл не затрагивали этого вопроса в беседе со мной. Я также не касался этого вопроса в беседах в Вашингтоне. По существу этого вопроса предлагаю следующее:

1) В проект соглашения внести в двух местах (в конце второго абзаца вводной части и в конце первого абзаца седьмой статьи) одну и ту же поправку, а именно добавить слова: "К которому присоединилось также правительство СССР".

2) Проект сопроводительного письма дополнить следующим вторым абзацем: "Само собой разумеется, что установленная конституцией СССР монополия внешней торговли, являющаяся одной из основ хозяйственного устройства Советского Союза, ни в какой мере не затрагивается настоящим соглашением".

В случае согласия инстанции прошу разрешить мне подписать это соглашение и письмо, если погода заставит меня задержаться в Вашингтоне. В противном случае поручить подписание Литвинову.

3/У1-1942 г. МОЛОТОВ.

9-экз.мв.
отпеч.4/У1.12-45.
вып. Абрамкин

Верно:

Зак. 541. 1-я Обр. тип

1065 № 3338 шшш 97

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

Экз. № 1-РАЗМЕТКА
. № 2-т. Сталину
. № 3-т. Сталину
. № 4-т. Молотову
. № 5-т. Берия
Экз. № 6-т. Маленкову
. № 7-т. Вышинскому
. № 8-т. Деканозову
. № 9-т. 10-й Отдел
. № 10-т.
Экз. № 11-т.
. № 12-т.
. № 13-т.
. № 14-т.
. № 15-т.

Из ВАШИНГТОНА №5003 пол. 18 час. 45 мин. 4/VI 1942 г. экз. № 3

спец.№ 57.

Вне очереди.

Поздно вечером заходил ко мне генерал Бернс, который передал мне ответ Рузвельта на наши 4 просьбы в отношении поставок из США. Вот содержание этих ответов.

1) По первому пункту (о прямых поставках из США в Архангельск). США и Англия приложат все усилия, чтобы доставить поставки в СССР. Президент сам весьма стремится обеспечить доставку максимального количества поставок, но в настоящее время более конкретные обязательства не могут быть приняты. В частности президент думает, что СССР сможет оказать эффективную поддержку с воздуха в целях защиты конвоев, следующих северным путем. Президент думает, что это было бы очень важно сделать.

Ответ по первому пункту неопределенный, скорее, отрицательный.

2) По второму пункту (о поставках Б-25). Новый протокол предусматривает поставку 12 бомбардировщиков через Африку в порт Персидского залива вплоть до октября, когда будет изучен вопрос о возможности увеличения поставок.

Бернс добавил, что по этому пункту просьба удовлетворяется примерно на 25 процентов.

3) По пункту третьему. США будут поставлять ежемесячно 100 самолетов 8-20, которые по существу одинаковы с Бостон-3,

98

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
. № 2-т. ..... . № 7-т. ..... . № 12-т. .....
. № 3-т. ..... . № 8-т. ..... . № 13-т. .....
. № 4-т. ..... . № 9-т. ..... . № 14-т. .....
. № 5-т. ..... . № 10-т. ..... . № 15-т. .....

Из ..... № 5003 пол. ..... час. ..... мин. ..... 19 ..... г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 2 -

которые нам поставляет Англия. В октябре будет изучена возможность увеличения поставок.

4) По пункту четвертому. США полностью удовлетворяют нашу заявку на поставки 3000 грузовиков.

Бернса я поблагодарил за быстрый ответ, хотя он нас и не удовлетворяет полностью.

Я передам Беллеву, чтобы он проследил за выполнением этих вопросов Рузвельту.

3/У1-1942 г. МОЛОТОВ.

9-экз.мв.
отпеч.4/У1.21-45.
вып. Абрамкин.

Верно: Шеп

Зак. 541. 1-я Обр. тип

1066 3341/шш 101

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т. Маленкову	Экз. № 11-т.
№ 2-т. Сталину	№ 7-т. Вышинскому	№ 12-т.
№ 3-т. Сталину	№ 8-т. Деканозову	№ 13-т.
№ 4-т. Молотову	№ 9-т. 10-й Отдел	№ 14-т.
№ 5-т. Берия	№ 10-т.	№ 15-т.

Из ВАШИНГТОНА № 5004 пол. 18 час. 55 мин. 4.VI 1942 г. экз. № 3

5005 сп.58,59. ВНЕ ОЧЕРЕДИ.

СТАЛИНУ.

Из бесед с Рузвельтом считаю необходимым выделить следующие моменты:

1. О втором фронте. Рузвельт говорил о том, что приготовления ко второму фронту проводятся. Вторжение в Европу должно быть произведено из Англии, поэтому в Ирландию были отправлены первые американские войска и отправка дальнейших контингентов из США будет продолжаться. Кроме того надо обеспечить высадку десантов из Англии через пролив. Сложность транспортной проблемы второго фронта велика. На побережьи Франции имеется 3-4 порта, сильно укрепленных немцами. Эти порты необходимо использовать для выгрузки танков и другого вооружения. В других местах нельзя этого сделать, так как у берегов мелко. Людской состав, даже для 30 дивизий, можно было бы высадить в другие пункты, помимо портов. Для всех этих десантных операций строятся суда трех различных видов и размеров. Все приготовления могут быть закончены лишь в 1943 году и, следовательно, операция вторжения в Европу может быть осуществлена в 1943 г.. Однако, он, Рузвельт, убеждает американских военных пойти на риск и произвести высадку 6-10 дивизий во Франции. Возможно, что придется перенести Дюнкерк и потерять 100-120 тысяч войск, но надо итти

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

Зак. 541. 1-я Обр. тип

102

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
. № 2-т. ..... . № 7-т. ..... . № 12-т. .....
. № 3-т. ..... . № 8-т. ..... . № 13-т. .....
. № 4-т. ..... . № 9-т. ..... . № 14-т. .....
. № 5-т. ..... . № 10-т. ..... . № 15-т. .....

Из 5005 № 5004 пол. ..... час. ..... мин. ..... 19 ..... г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 2 -

на жертвы, чтобы помочь в 1942 г. и чтобы нанести удар по моральному состоянию немцев.

На вопрос Рузвельта о моем отношении к высадке десанта в 6-10 дивизий, я сказал, что это недостаточно, так как должно быть выделено для оттягивания на второй фронт хотя бы 40 дивизий. Я однако признал, что и эта операция нанесет известный удар по моральному состоянию в Германии, подумав про себя что только бы втянулись англо-американцы в какие-нибудь десантные операции.

Гопкинс заходил ко мне отдельно и тоже заверял, что дело не в количестве десантных дивизий первого периода, а в том, чтобы эти операции поскорее начались.

Генерал Маршалл при обсуждении вопросов о втором фронте пытался найти различие в его и моей точках зрения на этот вопрос. Молотов, де, стремится сковать на втором фронте побольше дивизий, а он, Маршалл, видит главную задачу в том, чтобы втянуть в бой побольше германской авиации в связи с высадкой десанта и разгромить эту авиацию англо-американской авиацией, а тогда и больший десант можно высадить. Я раз"яснил, что я согласен с предназначенной Маршаллом ролью для авиации. Рузвельт подчеркнул что указанного Маршаллом различия точек зрения нет,

Зак. 541. 1-я Обр. тип

103

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
. № 2-т. ..... . № 7-т. ..... . № 12-т. .....
. № 3-т. ..... . № 8-т. ..... . № 13-т. .....
. № 4-т. ..... . № 9-т. ..... . № 14-т. .....
. № 5-т. ..... . № 10-т. ..... . № 15-т. .....

Из 5005 № 5004 пол. ..... час. ..... мин. ..... 19 ..... г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 8 -

а что это только две стадии вторжения на континент. Я подтвердил это.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

4.VI.42 г.

ПРИМЕЧАНИЕ: Подчеркнутое запрошено.

9-экз.ЛС
отп.4.VI.23-25
вып.Абрамкин.

Верно:

Зак. 541. 1-я Обр. тип

1083 № 3376/ммм 113

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1 РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т. Маленкову	Экз. № 11-т.
№ 2-т. Сталину	№ 7-т. Вышинскому	№ 12-т.
№ 3-т. Сталину	№ 8-т. Деканозову	№ 13-т.
№ 4-т. Молотову	№ 9-т. 10-й Отдел	№ 14-т.
№ 5-т. Берия	№ 10-т.	№ 15-т.

Из ВАШИНГТОНА № 5032 пол. 20 час. 53 мин. 5.VI 19 42 г. экз. № 3

5034, 5035. сп. 1006, 1007, 1008. ВНЕ ОЧЕРЕДИ.

СТАЛИНУ.

Перед от"ездом из Лондона Иден вручил мне "протокол заседания" 22 мая у Черчилля, где обсуждался вопрос о втором фронте. Протокол излагает мое выступление и вопросы, а также выступление и ответы Черчилля. Поскольку выступление и ответы Черчилля им проредактированы, считаю важным передать полностью выступление Черчилля, в котором изложена его установка по вопросу о втором фронте. Во второй телеграмме передам всю остальную часть "протокола". Вот текст выступления Черчилля:

"Г-н Черчилль говорит, что во всех прежних войнах господство на море давало державе, которая им обладала, большие преимущества в смысле возможности высадки десанта по своему желанию на побережьи противника, так как противнику было невозможно быть повсюду в состоянии готовности для встречи вторжения с моря. Применение авиации совершенно изменило положение дела. Например, во Франции и в Голландии противник мог бы в течение нескольких часов перебросить свои воздушные силы в любые угрожаемые точки побережья. Горький опыт показал, что десантная операция в зубах воздушного сопротивления противника не была разумным военным предложением. Неизбежным последствием было то, что мы были лишены возможности использовать значительную часть

Зак. 541. 1-я Обр. тип

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

114

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
. № 2-т. ..... . № 7-т. ..... . № 12-т. .....
. № 3-т. ..... . № 8-т. ..... . № 13-т. .....
. № 4-т. ..... . № 9-т. ..... . № 14-т. .....
. № 5-т. . № 10-т. . № 15-т.

Из 5034, 5035 № 5032 пол. час. мин. 19 г. экз. № 2

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 2 -

побережья для высадки десанта. Мы были вынуждены поэтому изучить наши возможности в тех пунктах побережья, в которых превосходство нашей истребительной авиации позволило бы завоевать господство в воздухе.

Наши возможности оказались ограниченными пределами Па-де-Кале, оконечностью у Шербурга и частью района Бреста. Вопрос о высадке десанта в этом году в одном из этих районов изучается и с максимальной энергией ведется подготовка. Наши планы строятся на предположении, что высадка последовательными волнами десантных атакующих войск вызовет воздушные бои, которые, если они будут продолжаться в течение недели или 10 дней, окончатся фактическим уничтожением авиационной мощи на континенте. Когда это будет достигнуто и воздушное сопротивление будет ликвидировано, десанты в других пунктах побережья могли бы быть произведены под прикрытием превосходящих сил нашей морской мощи. Решающее значение в осуществлении наших планов и приготовлений имеет наличие специальных десантных средств, необходимых для того, чтобы произвести высадку начального десанта на весьма сильно защищенном побережьи противника. К сожалению, наши ресурсы в области специального типа этих средств пока весьма ограничены. В августе прошлого года на встрече в Атлантике он, Черчилль, убе-

Зак. 541. 1-я Обр. тип

115

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
„ № 2-т. ..... „ № 7-т. ..... „ № 12-т. .....
„ № 3-т. ..... „ № 8-т. ..... „ № 13-т. .....
„ № 4-т. ..... „ № 9-т. ..... „ № 14-т. .....
„ № 5-т. „ № 10-т. ..... „ № 15-т. .....

Из 5034, 5035 № 5032 пол. ..... час. ..... мин. ..... 19 ..... г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 3 -

дил президента Рузвельта в срочной необходимости для США приступить к строительству возможно большего количества танковых десантных и других судов, нужных для вторжения.

Позднее, в январе этого года, президент согласился, что США должны приложить еще больше усилий в деле строительства этих судов. Мы, с нашей стороны, в течение более чем года выпускали такое количество судов, которое было возможно выпускать, учитывая потребности строительства судов для военно-морского флота и торгового флота, потерневшего тяжелые потери.

В апреле президент Рузвельт командировал г-на Гопкинса и генерала Маршалла в Лондон с предложением, чтобы США совместно с Великобританией в самое ближайшее время максимально облегчили бремя борьбы, которую ведет Россия. Мы немедленно согласились с этим предложением и в настоящее время происходит совместное изучение этого вопроса. Однако, нельзя ожидать, что США будут располагать необходимыми вооруженными силами раньше конца 1942 года и что в этом году мы будем располагать большим количеством десантных средств, в которых столь сильно нуждаемся. На 1 августа мы будем иметь только 383 единицы; на 1 сентября - 566 единиц.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

4.VI.42г.

9-экз.ЛС
отп.6.VI.00-10
вып.Абрамкин.

ПРИМЕЧАНИЕ: Подчеркнутое запрошено.

Верно:

Зак. 541. 1-я Обр. тип

1087 № 3395/мин 124

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т. Маленкому	Экз. № 11-т.
№ 2-т. Сталину	№ 7-т. Вышинскому	№ 12-т.
№ 3-т. Сталину	№ 8-т. Деканозову	№ 13-т.
№ 4-т. Молотову	№ 9-т. 10-й Отдел	№ 14-т.
№ 5-т. Берия	№ 10-т.	№ 15-т.

Из ВАШИНГТОНА № 5082 пол. 14 час. 35 мин. 6/VI 19 42 г. экз. № 3

спец.№ 1017.

Вне очереди.

СТАЛИНУ.

Молотов сейчас в пути и будет в Лондоне, вероятно, не раньше завтрашнего вечера при лучших условиях. Он не оставил здесь копий своих шифровок о проекте Хэлла. Насколько мне помнится предложенная им поправка касалась лишь второго абзаца вводной части и конца первого абзаца статьи 7. В обоих случаях предполагалось упомянуть наше присоединение к так называемой Атлантической хартии. -

Ваш п. 3. Оговорка к сопроводительному письму предполагалась ввиде предосторожности на случай, если в дальнейших переговорах была бы попытка толковать монополию внешней торговли как торговый барьер. Я согласен, что поскольку все зависит от дальнейших переговоров мы будем иметь свое толкование о монополии внешней торговли, а поэтому можно обойтись без оговорки. Американцы, очевидно, хотели бы иметь идентичное соглашение о ленд-лизе с нами, Великобританией и Китаем. Последние два государства уже соглашение подписали. Прошу указания могу ли я подписать соглашение с той незначительной поправкой в двух местах, против которой американцы возражать не будут.

Ваш п.4. Когда Рузвельт делал свое предложение о сокращении тоннажа я шепнул Гопкинсу: "Не получится ли то, что

125

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
. № 2-т. ..... . № 7-т. ..... . № 12-т. .....
. № 3-т. ..... . № 8-т. ..... . № 13-т. .....
. № 4-т. ..... . № 9-т. ..... . № 14-т. .....
. № 5-т. ..... . № 10-т. ..... . № 15-т. .....

Из ..... №5082 пол. ..... час. ..... мин. ..... 19 ..... г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 2 -

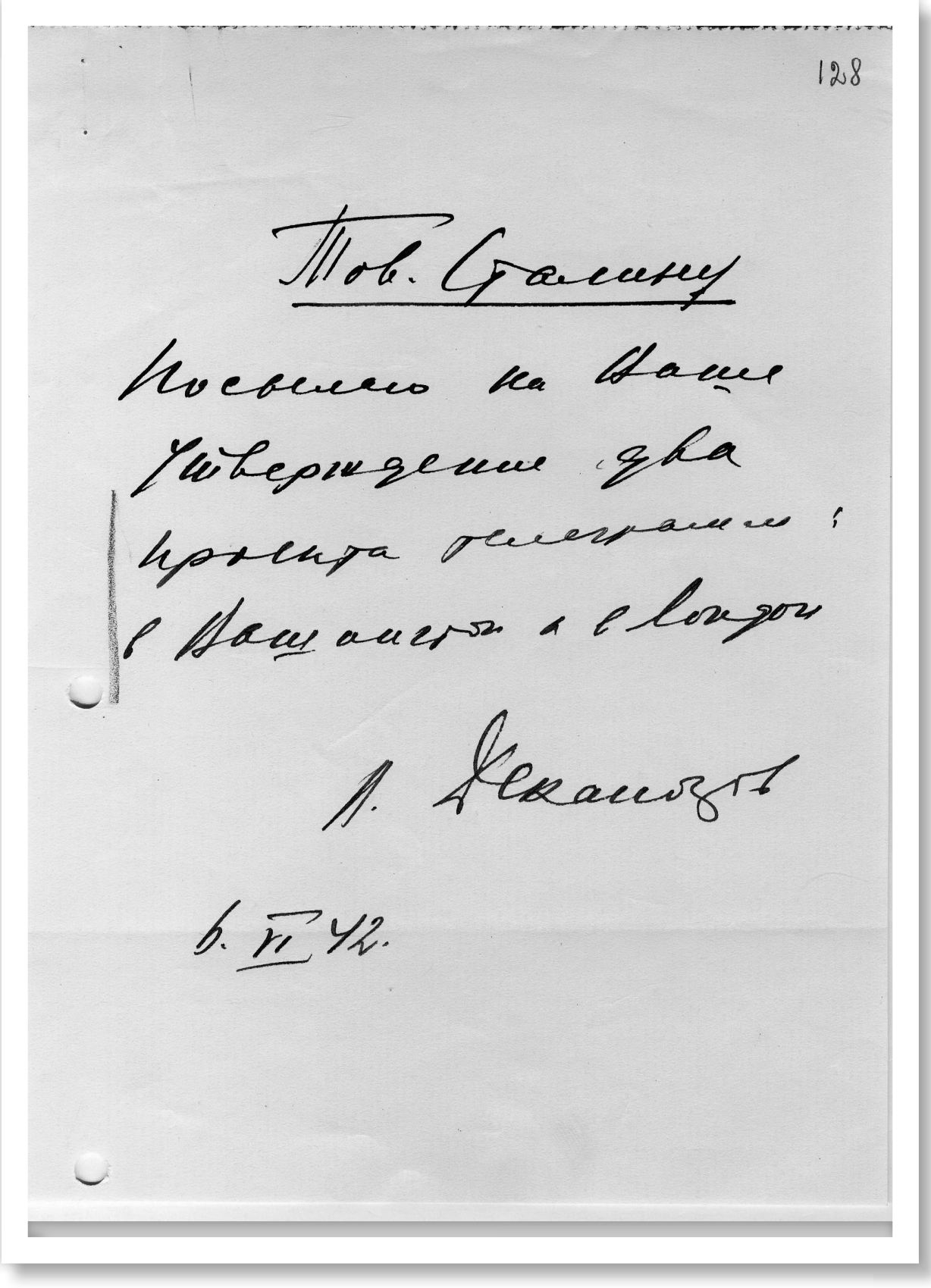
снабжение будет сокращено ради второго фронта, а второго фронта не окажется?". Гопкинс признал это замечание очень важным и предложил повторить его для президента, что мы и сделали. Президент ответил, что поскольку от Америки будет зависеть и от той помощи, которая от нее требуется для десантных операций второй фронт будет создан в 1942 году, но он не может обязываться за англичан. Он предложил еще поговорить по этому поводу с генералом Маршаллом, который должен был получить доклад от возвращавшегося на следующий день из Англии генерала Арнольда и лорда Маунтботтена.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ (см.№ 5063).

9-экз.мв.
отпеч.6/У1.19-35.
вып. Абрамкин.

Верно: Шиш

Зак. 541. 1-я Обр. тип

128

Тов. Сталину

Посылаю на Ваше
утверждение два
проекта телеграмм
в Нашингтон и в Лондон

И. Иванов

6. II 42.

129

Н.К.И.Д.
ДЕСЯТЫЙ ОТДЕЛ

Исход. №_____

Получена ____*час.* ____*мин.* _____*194 г.*

Отправлена ____*час.* ____*мин.* _____*194 г.*

СОВ. СЕКРЕТНО
Снятие копий воспрещается
*Спец. №*_____

Шифрованная телеграмма

Куда ВАШИНГТОН Кому СОВПОСОЛ Экз. №

На №№. 1017 и 1018.

1) В своей телеграмме в Москву по вопросу о проекте Хэлла о займе-аренде Молотов предлагал следующее:

"1) В проект соглашения внести в двух местах (в конце второго абзаца вводной части и в конце первого абзаца седьмой статьи) одну и ту же поправку, а именно добавить слова: "К которому присоединилось также правительство СССР".

2) Проект сопроводительного письма дополнить следующим вторым абзацем: "Само собой разумеется, что установленная Конституцией СССР монополия внешней торговли, являющаяся одной из основ хозяйственного устройства Советского Союза, ни в какой мере не затрагивается настоящим соглашением".

На эту телеграмму Молотова мы ответили телеграммой за № 2712, адресованной также на Ваше имя, которую Вы, как видно из Вашего ответа, получили.

2) Если для Вас сейчас вопрос о соглашении по займу-аренде ясен, - подпишите соглашение и сообщите нам об этом.

3) Вы должны сообщить Рузвельту о согласии Совпра на сокращение нашей заявки на тоннаж в полном соответствии с тем, как это

Копии:

1. Тов. _____
2. Тов. _____
3. Тов. _____
4. Тов. _____

130

Н.К.И.Д.
ДЕСЯТЫЙ ОТДЕЛ

Исход. №_____

Получена ____*час.* ____*мин.* _____*194 г.*

Отправлена ____*час.* ____*мин.* _____*194 г.*

СОВ. СЕКРЕТНО
Снятие копий воспрещается

*Спец. №*_____

Шифрованная телеграмма

Куда | Кому | Экз. №

- 2 -

изложено в пункте 4 нашей телеграммы за № 2712 и с добавлением, что Совпра идет на это, чтобы облегчить США подвозку войск в Западную Европу для создания там второго фронта в 1942 году, в соответствии с тем, как это сказано в согласованном Молотовым и Рузвельтом совместном коммюнике. По нашему мнению это может ускорить согласие Англии на организацию второго фронта в Европе в этом году.

4) По поводу пункта 5 нашей телеграммы. Вы должны сообщить Рузвельту наше принципиальное согласие на то, чтобы часть бомбардировщиков доставлять в СССР через Камчатку и Дальний Восток. Дополнительно сведения об аэродромах на Камчатке и на Дальнем Востоке будут даны через военные инстанции.

5) В дополнение пункта 8 нашей телеграммы (о снеговых танках) можете сообщить Маунтботтену, а также информируйте Рузвельта, что в ближайшее время нами будет выделен для отправки в Вашингтон наш военный эксперт.

Получение настоящей телеграммы подтвердите и об исполнении сообщите.

ИНСТАНЦИЯ.

Копии:

1. Тов. _____
2. Тов. _____
3. Тов. _____
4. Тов. _____

Верно:

2-экз.мв.
отп.6/VI.42 г.

131

Н.К.И.Д.
ДЕСЯТЫЙ ОТДЕЛ

Исход. №_____

Получена ____*час.* ____*мин.* _____ *194 г.*

Отправлена ____*час.* ____*мин.* _____ *194 г.*

СОВ. СЕКРЕТНО
Снятие копий воспрещается
*Спец. №*_____

Шифрованная телеграмма

Куда ЛОНДОН Кому СОВПОСОЛ Экз. № 1

Для МОЛОТОВА.

В связи с запросом от Литвинова по поводу телеграммы № 2712, копия которой послана Вам из Вашингтона в Лондон, Литвинову дан следующий ответ:

"На №№ 1017 и 1018.

1) В своей телеграмме в Москву по вопросу о проекте Хэлла о займе-аренде Молотов предлагал следующее:

"1) В проект соглашения внести в двух местах (в конце второго абзаца вводной части и в конце первого абзаца седьмой статьи) одну и ту же поправку, а именно добавить слова: "К которому присоединилось также правительство СССР".

2) Проект сопроводительного письма дополнить следующим вторым абзацем: "Само собой разумеется, что установленная Конституцией СССР монополия внешней торговли, являющаяся одной из основ хозяйственного устройства Советского Союза, ни в какой мере не затрагивается настоящим соглашением".

На эту телеграмму Молотова мы ответили телеграммой за № 2712, адресованной также на Ваше имя, которую Вы, как видно из Вашего ответа, получили.

Копии: 2) Если для Вас сейчас вопрос о соглашении по займу-арен
1. Тов. _____
2. Тов. _____ де ясен, - подпишите соглашение и сообщите нам об этом.
3. Тов. _____
4. Тов. _____

132

Н.К.И.Д.
ДЕСЯТЫЙ ОТДЕЛ

Исход. №_____

Получена ____ *час.* ____ *мин.* _____ *194 г.*

Отправлена ____ *час.* ____ *мин.* _____ *194 г.*

СОВ. СЕКРЕТНО
Снятие копий воспрещается

*Спец. №*_____

Шифрованная телеграмма

Куда	Кому	Экз. №

-2-

3) Вы должны сообщить Рузвельту о согласии Совпра на сокращение нашей заявки на тоннаж в полном соответствии с тем, как это изложено в пункте 4 нашей телеграммы за № 2712 и с добавлением, что Совпра идет на это, чтобы облегчить США подвозку войск в Западную Европу для создания там второго фронта в 1942 году, в соответствии с тем, как это сказано в согласованном Молотовым и Рузвельтом совместном коммюнике. По нашему мнению это может ускорить согласие Англии на организацию второго фронта в Европе в этом году.

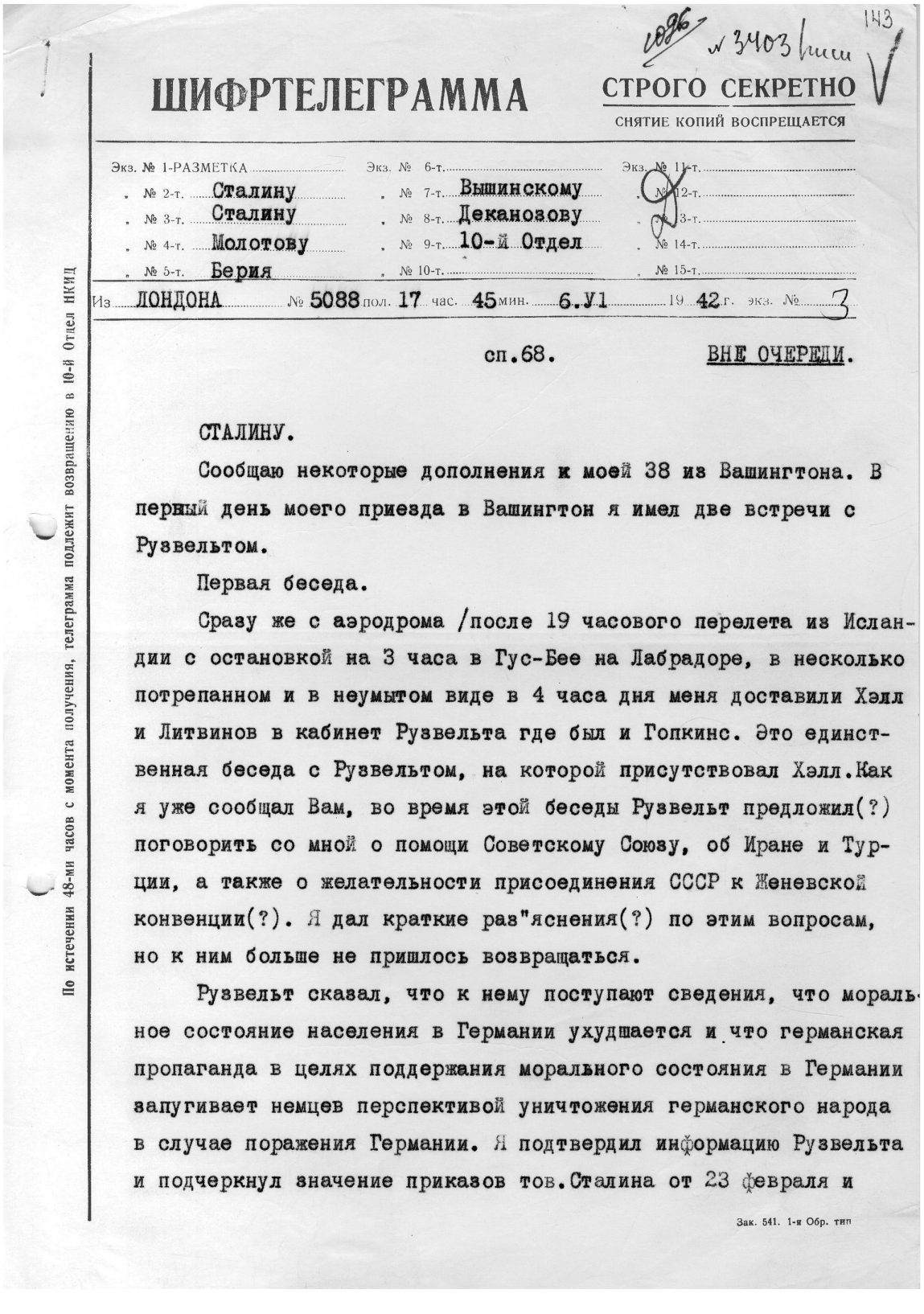
4) По поводу пункта 5 нашей телеграммы. Вы должны сообщить Рузвельту наше принципиальное согласие на то, чтобы часть бомбардировщиков доставлять в СССР через Камчатку и Дальний Восток. Дополнительно сведения об аэродромах на Камчатке и на Дальнем Востоке будут даны через военные инстанции.

5) В дополнение пункта 8 нашей телеграммы (о снеговых танках) можете сообщить Манутботтену, а также информируйте Рузвельта, что в ближайшее время нами будет выделен для отправки в Вашингтон наш военный эксперт".

ПО ПОРУЧЕНИЮ ИНСТАНЦИИ - ДЕКАНОЗОВ.

Копии:
1. Тов. _____
2. Тов. _____
3. Тов. _____
4. Тов. _____

2-экз.мв.
6/VI.42 г.

1096 № 3403/шсш 143

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
№ 2-т. Сталину	№ 7-т. Вышинскому	№ 12-т.
№ 3-т. Сталину	№ 8-т. Деканозову	№ 13-т.
№ 4-т. Молотову	№ 9-т. 10-й Отдел	№ 14-т.
№ 5-т. Берия	№ 10-т.	№ 15-т.

Из ЛОНДОНА № 5088 пол. 17 час. 45 мин. 6.У1 19 42 г. экз. № 3

сп.68. ВНЕ ОЧЕРЕДИ.

СТАЛИНУ.

Сообщаю некоторые дополнения к моей 38 из Вашингтона. В первый день моего приезда в Вашингтон я имел две встречи с Рузвельтом.

Первая беседа.

Сразу же с аэродрома /после 19 часового перелета из Исландии с остановкой на 3 часа в Гус-Бее на Лабрадоре, в несколько потрепанном и в неумытом виде в 4 часа дня меня доставили Хэлл и Литвинов в кабинет Рузвельта где был и Гопкинс. Это единственная беседа с Рузвельтом, на которой присутствовал Хэлл. Как я уже сообщал Вам, во время этой беседы Рузвельт предложил(?) поговорить со мной о помощи Советскому Союзу, об Иране и Турции, а также о желательности присоединения СССР к Женевской конвенции(?). Я дал краткие раз"яснения(?) по этим вопросам, но к ним больше не пришлось возвращаться.

Рузвельт сказал, что к нему поступают сведения, что моральное состояние населения в Германии ухудшается и что германская пропаганда в целях поддержания морального состояния в Германии запугивает немцев перспективой уничтожения германского народа в случае поражения Германии. Я подтвердил информацию Рузвельта и подчеркнул значение приказов тов. Сталина от 23 февраля и

Зак. 541. 1-я Обр. тип

144

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
№ 2-т.	№ 7-т.	№ 12-т.
№ 3-т.	№ 8-т.	№ 13-т.
№ 4-т.	№ 9-т.	№ 14-т.
№ 5-т.	№ 10-т.	№ 15-т.

Из ..... № 5088 пол. ..... час. ..... мин. ..... 19 ..... г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 2 -

1 мая в деле отпора указанной им германской пропаганде. Рузвелт сказал, что он приветствует данную тов.Сталиным постановку в вопросе о различиях между нацистами и германским народом.

Здесь Рузвельт спрашивал, не пользуются ли немцы устарелыми снарядами(?) и вооружением ухудшенного качества? Я сказал, что нередко немецкие снаряды, особенно крупные, не взрываются.

Рузвельт сказал также, что по непроверенной информации немцы приняли решение не применять газы, пока не произойдет на территории Германии.

Рузвельт сказал, что Япония сейчас в южной части Тихого океана пользуется устарелыми самолетами и плохо обученными летчиками. Он не знает нужно ли это об"яснять(?) недостатком самолетов у японцев или переброской их на север, где, к югу от острова Лучу, японцы сейчас концентрируют военно-морские силы. Может быть, сказал президент, отсюда японцы двинутся на Австралию или на Гавайские острова или на Камчатку. Имеются ли у СССР оборонительные мероприятия. Я ответил, что имеются, но не столь значительные и сейчас принимаются меры к укреплению обороны Камчатки.

Я спросил Рузвельта, когда американцы и англичане начнут бить японцев? Рузвельт ответил, что сейчас силы флота США рас-

Зак. 541. 1-я Обр. тип

145

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
. № 2-т. ..... . № 7-т. ..... . № 12-т. .....
. № 3-т. ..... . № 8-т. ..... . № 13-т. .....
. № 4-т. ..... . № 9-т. ..... . № 14-т. .....
. № 5-т. ..... . № 10-т. ..... . № 15-т. .....

Из ..... № 5088 пол. ..... час. ..... мин. ..... 19 ..... г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 3 -

пылены, приходится патрулировать и охранять коммуникации в Атлантике, а также вокруг Ирландии(?) и Средиземного моря.

На этом закончилась первая беседа с Рузвельтом, который пригласил меня к себе на обед в тот же день в 8 часов вечера.

Однако, еще за полчаса до обеда ко мне зашел Гопкинс с приглашением пойти к Рузвельту, что я и сделал. Кстати сообщаю что первый день и ночевку я провел в Белом доме в комнате напротив комнаты Гопкинса, а со второго дня я переселился в особняк рядом с Белым домом, где с момента приезда сразу же были расположены остальные товарищи из моей группы.

На обеде а также на беседах перед и после обеда, что заняло с 7½ часов почти до 12 часов ночи, присутствовал только Гопкинс и два переводчика /Кэмпбелл(?) и профессор Кросс/. Литвинов не был приглашен и на следующую беседу, состоявшуюся 30 мая целиком посвященную вопросам второго фронта с участием генерала Маршалла, адмирала Кинга и (искажены три группы. Запрошено).

В следующей телеграмме изложу содержание второй встречи с Рузвельтом, когда был обед.

9-экз.ЛС
отп.7.VI.9-45
вып.Абрамкин.

5.VI.42 г. МОЛОТОВ.

Верно:

Зак. 541. 1-я Обр. тип

1

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА
№ 2-т. Сталину
№ 3-т. Сталину
№ 4-т. Молотову
№ 5-т. Берия
Экз. № 6-т. Маленкову
№ 7-т. Вышинскому
№ 8-т. Деканозову
№ 9-т. 10-й Отдел
№ 10-т.
Экз. № 11-т.
№ 12-т.
№ 13-т.
№ 14-т.
№ 15-т.

Из ЛОНДОНА № 5119 пол. 3 час. 20 мин. 7/VI 19 42 г. экз. № 9

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

спец.№ 70.

Вне очереди.

СТАЛИНУ.

1) Как Вам известно из моей телеграммы, Рузвельт просил передать Сталину о желательности сократить наши требования на тоннаж для поставок в СССР во втором году (с первого июля 1942 года до 30 июня 1943 года) примерно до двух миллионов тонн. вместо возможных со стороны США и Англии 4,4 миллионов тонн. Это ускорило будто бы создание второго фронта в этом году. Я не получил по этому вопросу указаний из Москвы и сам не считал нужным давать ответ Рузвельту на этот вопрос до моего доклада в Москве и во всяком случае до моих вторичных бесед с Черчиллем в Лондоне и получения соответствующих указаний инстанции. Считаю однако нужным информировать Черчилля об этом предложении Рузвельта с оговоркой о неприемлемости ускорения создания второго фронта за счет ослабления ~~размеров~~ снабжения(?) фронта и спросить Черчилля действительно ли такое наше самоограничение в тоннаже для поставок в СССР обеспечит создание второго фронта в этом году.

В качестве справки к этому вопросу сообщаю, что в октябре-декабре 1941 года количество тоннажа, направленного из США в СССР, всего лишь 45-47 тысяч тонн, январь - 57 тысяч, февраль - 76 тысяч, март - 203 тысячи, апрель - 440 тысяч, май - 157 тысяч, июнь (предположительно) - 150 тысяч,

Зак. 541. 1-я Обр. тип

2

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
. № 2-т. ..... . № 7-т. ..... . № 12-т. .....
. № 3-т. ..... . № 8-т. ..... . № 13-т. .....
. № 4-т. ..... . № 9-т. ..... . № 14-т. .....
. № 5-т. ..... . № 10-т. ..... . № 15-т. .....

Из ..... № 5119 пол. ..... час. ..... мин. ..... 19 ..... г. экз. № 2

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 2 -

а всего за 8 месяцев (без июня) - 1071 тысяча тонн. В Вашингтоне у меня не было данных о тоннаже, предоставленном нам Англией. В Лондоне я их получу. Прошу подтвердить правильность моего мнения.

2) Доказывая необходимость моего вторичного заезда в Лондон, Черчилль говорил, что тогда он мне "даст отчет" о предпринимаемых Англией мерах против немцев, подчеркивал, что бомбежки Германии английской авиацией серьезны, (что в этом будут принимать участие свыше 1000 самолетов) и что может быть тогда он сможет сказать мне, что-нибудь более конкретное о подготовке второго фронта. Слова Черчилля об усилении бомбежки Германии были подтверждены налетами на Кельн, Эссен и Рур. Я не жду, что Черчилль скажет мне что-нибудь о точных сроках создания второго фронта, но думаю, что мне следует нажимать на него в смысле получения более ясного обещания создания второго фронта. Прошу указаний. Гопкинс говорил мне, что он считает нужным создание второго фронта в августе или в сентябре, но подчеркивал, что это только его личное мнение и что не он решает такие вопросы.

5/VI-1942 г. ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ.

Примечание: Подчеркнутые места запрошены.

9-экз.мв.
отпеч.7/VI.1[illegible]-45.
вып. Абрамкин.

Зак. 541. 1-я Обр. тип

Верно: Исх № 3107/шиш

3

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т. Маленкову	Экз. № 11-т.
№ 2-т. Сталину	№ 7-т. Вышинскому	№ 12-т.
№ 3-т. Сталину	№ 8-т. Деканозову	№ 13-т.
№ 4-т. Молотову	№ 9-т. 10-й Отдел	№ 14-т.
№ 5-т. Берия	№ 10-т.	№ 15-т.

Из ЛОНДОНА № 5118 бл. 3 час. 20 мин. 7/VI 19 42 г. экз. № 2

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

спец.№ 71.

Вне очереди.

ОКОНЧАНИЕ № 70.

3) На завтраке у Рузвельта 30 мая присутствовали: вице-президент Уоллес, Голкинс, Хэлл, Моргентау, Кинг, Бернс, председатели иностранных комиссий палаты представителей Блум и сената - Конелли, от нас - Литвинов, Соболев, Беляев, Акулин. Рузвельт предложил(?) тост за здоровье товарища Сталина, я за здоровье Рузвельта. В конце завтрака Рузвельт меня попросил дать информацию присутствующим о положении на нашем фронте, по возможности с характеристикой лиц и особенно Тимо. Шапо, подчеркнув, что секретность этого сообщения будет обеспечена. Я сообщил о нашей неудаче на Керченском полуострове, при перевесе у нас(?) сил, из-за неудовлетворительности местного командования генерала Козлова, который ранее не участвовал в боях с немцами. Поэтому (?), к сожалению, здесь немцы вместе с румынами получили легкий успех и чтобы у них не вскружилась голова, Тимошенко на несколько дней ранее срока начал наступление по окружению Харькова, которое вначале шло успешно. Немцы предприняли контр-наступление на Изюм-Барвенково и в связи с этим создали в некоторых местах затруднения для ранее вклинившихся наших войск. Сказал также, что эти операции втянули в бои наш юго-западный фронт Тимошенко и южный Малиновского, что масштаб боев велик и бои тяжелые,

Зак. 541. 1-я Обр. тип

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
„ № 2-т. ..... „ № 7-т. ..... „ № 12-т. .....
„ № 3-т. ..... „ № 8-т. ..... „ № 13-т. .....
„ № 4-т. ..... „ № 9-т. ..... „ № 14-т. .....
„ № 5-т. ..... „ № 10-т. ..... „ № 15-т. .....

Из ..... №5118 пол. ..... час. ..... мин. ..... 19 ..... г. экз. № 2

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 2 -

но детали мне неизвестны. Как будто, моей информацией остались довольны, причем я несколько раз подчеркивал трудности нашей армии и стремление немцев не только во что бы то ни стало отстоять Харьков, но и подготовить удар против Ростова и Северного Кавказа с захватом Грозного и Майкопа, плюс дороги на Баку, а также (концентрация?) немецких сил против Москвы(?).

Во время сообщения я пустил шпильку, что нам, мол, неприятно, что к успеху на Керченском полуострове имели отношение даже румыны, с которыми, правда, американцы не воюют. Рузвельт понял намек, громко рассмеялся .И..потом..... мне сказал, что румыны просто не заслуживают внимания. Конелли же подал реплику: Ваши враги - наши враги. Возможно, что обращение Рузвельта к конгрессу с предложением об"явить войну Румынии, Венгрии и Болгарии и быстрое согласие на это конгресса было в некоторой связи с этим завтраком.

5/У1-1942 г. МОЛОТОВ.

9-экз.мв.
отпеч.5/У1.18-05.
вып. Абрамкин.

Верно :

1059
№ 3408/шиф

Зак. 541. 1-я Обр. тип

1107 Исх № 3409/шш

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т. Маленкову	Экз. № 11-т.
№ 2-т. Сталину	№ 7-т. Вышинскому	№ 12-т.
№ 3-т. Сталину	№ 8-т. Деканозову	№ 13-т.
№ 4-т. Молотову	№ 9-т. 10-й Отдел	№ 14-т.
№ 5-т. Берия	№ 10-т.	№ 15-т.

Из ЛОНДОНА № 5117 пол. 3 час. 20 мин. 7/VI 19 42 экз. № 3

спец.№ 72.

Вне очереди.

СТАЛИНУ.

1) Вторая беседа с Рузвельтом 29 мая происходила, так сказать, в наиболее интимной обстановке. После обеда, уже в гостинной, усаживая меня рядом с собой на диване, Рузвельт спросил, так же ли меня принимал Черчилль, намекая на простоту и искренность его приема. Я ответил, что очень доволен приемом Рузвельта, а также и Черчилля, который два вечера просидел со мной почти до 2 часов ночи.

2) Перед обедом я спросил Рузвельта, знаком ли он с договором, подписанным мной и Иденом в Лондоне. Я добавил, что нам стало известно несочувствие Рузвельта прежним проектам англо-советских договоров из-за пункта о границе на западе и Советский Союз, идя навстречу американцам и англичанам, согласился на договор другого характера, без спорного пункта о советской границе, хотя в вопросе о своей старой границе СССР держится твердого мнения. Рузвельт подтвердил, что он действительно не хотел упоминания о границе в англо-советском договоре, считаясь с американским общественным мнением и что для этого надо избрать подходящий момент.

3) Бросается в глаза, что Рузвельт не поддерживает разговора на тему об этом договоре и не выразил какого-либо сочувствия этому. Литвинов доказывал мне, что Рузвельт не

Зак. 541. 1-я Обр. тип

6

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
. № 2-т. ..... . № 7-т. ..... . № 12-т. .....
. № 3-т. ..... . № 8-т. ..... . № 13-т. .....
. № 4-т. ..... . № 9-т. ..... . № 14-т. .....
. № 5-т. ..... . № 10-т. ..... . № 15-т. .....

Из ..... № 5117 пол. ..... час. ..... мин. ..... 19 ..... г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 2 -

сочувствует англо-советскому договору, потому что он не хочет сближения между СССР и Англией и, наоборот, хочет сближения между США и СССР, видимо для того, чтобы успешнее нажимать на Англию. Считаю, что Литвинов частично прав.

4) Далее Рузвельт развил свой взгляд на необходимость охраны мира силой после войны, создания полицейской силы 3-4 государств и прочее, об этом я уже сообщал.

5) После этого начался обед и беседа перешла на тему о втором фронте. И об этом я уже сообщал.

6) Рузвельт сказал также, что после войны следовало бы сделать так, чтобы каждая страна смогла сама обеспечить свое экономическое состояние, что, например, Аргентина должна производить не только мясо, маис и пшеницу, но также иметь текстильную, обувную и другие промышленности. Вопрос был поставлен президентом не вполне ясно и мне показалось в порядке прощупывания, - не являемся ли мы сторонниками автаркической точки зрения в отношении мелких государств в частности не помещаем ли мы США в Южной Америке. Я выразил сомнение в возможность того, чтобы все, в том числе малые страны, могли бы обеспечить себя продуктами своей промышленности.

7) Рузвельт спросил о продовольственном положении в Москве и Ленинграде. Я заявил, что его нельзя признать вполне

Зак. 541. 1-я Обр. тип

7

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
„ № 2-т. ..... „ № 7-т. ..... „ № 12-т. .....
„ № 3-т. ..... „ № 8-т. ..... „ № 13-т. .....
„ № 4-т. ..... „ № 9-т. ..... „ № 14-т. .....
„ № 5-т. ..... „ № 10-т. ..... „ № 15-т. .....

Из ..... № 5117 пол. ..... час. ..... мин. ..... 19 ..... г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 3 -

удовлетворительным, указал на трудности зимы в Ленинграде и на принятые меры, а также на то, что мы за счет всего в первую очередь обеспечиваем хорошо армию.

8) Гопкинс спросил работает ли Уманский в ТАСС. Я ответил, что он работает в Наркоминделе и что его заменили, как несколько молодого другим послом, более авторитетным, считаясь с важностью теперешнего момента. Рузвельт спросил знаю ли я, что жена и дочь Уманского в Вашингтоне. Я подтвердил. (Искажено 20 групп. Запрошено).

10) Рузвельт спросил, можно ли использовать аэродромы Сирии для бомбежки Румынии. Я поддержал.

11) Наконец, Рузвельт сказал, что налет американских самолетов на Японию причинил большие разрушения, что он не возражает против использования интернированного самолета против немцев.

На этом закончилась вторая беседа.

5/VI-1942 г. МОЛОТОВ.

Примечание: Подчеркнутые слова сильно искажены, поэтому возможны неточности.

9-экз.мв.
отпеч.7/VI.20-10.
вып. Абрамкин.

Верно:

Зак. 541. 1-я Обр. тип

1109 № 3425/ш 9

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т. Маленкову	Экз. № 11-т.
№ 2-т. Сталину	№ 7-т. Вышинскому	№ 12-т.
№ 3-т. Сталину	№ 8-т. Деканозову	№ 13-т.
№ 4-т. Молотову	№ 9-т. 10-й Отдел	№ 14-т.
№ 5-т. Берия	№ 10-т.	№ 15-т.

Из ЛОНДОНА №5167 пол. 22 час. 20 мин. 7.VI 19 42 г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел ИКИД

сп.74. ВНЕ ОЧЕРЕДИ.

СТАЛИНУ.

После обеда у Рузвельта ко мне в комнату зашел и Гопкинс и стал меня уверять, что Рузвельт - горячий сторонник второго фронта в 1942 году, но американские генералы считают положение на советском фронте устойчивым и не считают нужным торопиться со вторым фронтом. Гопкинс рекомендовал, чтобы я нарисовал мрачную картину положения в СССР на заседании у Рузвельта 30 мая, чтобы американские генералы почувствовали серьезность положения. Я поблагодарил Гопкинса за совет и заявил, что я должен буду сказать о серьезности нашего положения не по соображениям тактического порядка, а потому что оно действительно очень серьезно. 30 мая у Рузвельта состоялось нечто вроде заседания с участием Маршалла, Кинга и Гопкинса о втором (фронте), о чем я уже сообщал Вам.

Мое заявление на этом заседании, что если СССР не выдержит напора Гитлера в 1942 году, то советский фронт будет в 1943 году уже несравненно слабее, чем в этом году, а Гитлер при таком положении значительно усилится в будущем году и борьба против него станет гораздо труднее для США и Англии, - Рузвельт поддержал. Рузвельт, по крайней мере внешне, толкал генералов к поддержке второго фронта в 1942 году и тут же

Зак. 541. 1-я Обр. тип.

10

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
„ № 2-т. ..... „ № 7-т. ..... „ № 12-т. .....
„ № 3-т. ..... „ № 8-т. ..... „ № 13-т. .....
„ № 4-т. ..... „ № 9-т. ..... „ № 14-т. .....
„ № 5-т. ..... „ № 10-т. ..... „ № 15-т. .....

Из ..... № 5167 пол. ..... час. ..... мин. ..... 19 ..... г. экз. № 3

Со истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 2 -

спрашивал их возможно ли это.

Маршалл сказал, что они делают все возможное, чтобы открыть второй фронт, хотят помочь Советскому Союзу. Трудности с десантом на континент осложняются, однако, выделением тоннажа для СССР, а также отправкой значительного количества самолетов в СССР. Неискренность такого ответа для меня очевидна. (Пропуск трех групп) адмирал Кинг (пропуск одной группы) трудности с конвоированием караванов на Мурманск. Надо охранять от крупных немецких кораблей, вроде "Тирпица", от подводных лодок и от нападения с воздуха. Не сказав ни слова в пользу второго фронта, Кинг просил усиления с нашей стороны охраны караванов при подходе к Мурманску.

Я поблагодарил за сделанные на заседании заявления Рузвельта, Маршалла, Кинга и заявил, что обо всем услышанном сегодня о втором фронте информирую товарища Сталина и Советское правительство. На этом закончилась третья, можно сказать, основная беседа (заседание) в Вашингтоне.

9-экз.ЛС
отп.8.VI.12-00
вып.Абрамкин.

6.VI.42 г. МОЛОТОВ.

Верно:

Зак. 541. 1-я Обр. тип.

1100 Исх № 3417/мш 11

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

Экз. № 1-РАЗМЕТКА
. № 2-т. Сталину
. № 3-т. Сталину
. № 4-т. Молотову
. № 5-т. Берия
Экз. № 6-т. Маленкову
. № 7-т. Вышинскому
. № 8-т. Деканозову
. № 9-т. 10-й Отдел
. № 10-т.
Экз. № 11-т.
. № 12-т.
. № 13-т.
. № 14-т.
. № 15-т.

Из ЛОНДОНА № 5163 пол. 20 час. 30 мин. 7.VI 1942 г. экз. № 3

сп.75. ВНЕ ОЧЕРЕДИ.

СТАЛИНУ.

1. Четвертой моей встречей с Рузвельтом можно считать завтрак у него, состоявшийся сразу же после заседания о втором фронте. Об этом завтраке я уже писал и мне более нечего добавить.

2. Пятая и последняя встреча с Рузвельтом состоялась 1 июня, когда присутствовал и Литвинов. Об этой беседе я подробно сообщал в двух телеграммах /из Нью-Йорка и Вашингтона/. Следует добавить одно. В конце беседы Рузвельт, в связи с моей просьбой дать перед от"ездом резюме его точки зрения о втором фронте, снова сказал несколько слов за второй фронт и добавил, что ждет 2 июня возвращения из Англии начальника штаба воздушных сил США генерала Арнольда, а также приезда лорда Маунтботтена, начальника штаба английских воздушных сил Портала, которые должны информировать по вопросам второго фронта Маршалла, с которым Рузвельт рекомендовал мне встретиться. Однако, несмотря на все мои попытки встретиться с Маршаллом 3 июня последний уклонился от этого.

3. Лорд Маунтботтен попросился ко мне и был 3 июня у меня вместе с заместителем /по оперативной части/ начальника американского генерального штаба генералом Айзенгауером /а не Айзенгофом, как я неточно его назвал раньше/ по вопросу о десантных

Зак. 541. 1-я Обр. тип

12

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
. № 2-т. ..... . № 7-т. ..... . № 12-т. .....
. № 3-т. ..... . № 8-т. ..... . № 13-т. .....
. № 4-т. ..... . № 9-т. ..... . № 14-т. .....
. № 5-т. ..... . № 10-т. ..... . № 15-т. .....

Из ..... № 5163 тел. ..... час. ..... мин. ..... 19 ..... г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 2 -

танках. Перед уходом Маунтботтен по секрету сказал, что на-днях он устроит десантные операции в масштабах больших, чем прежние.

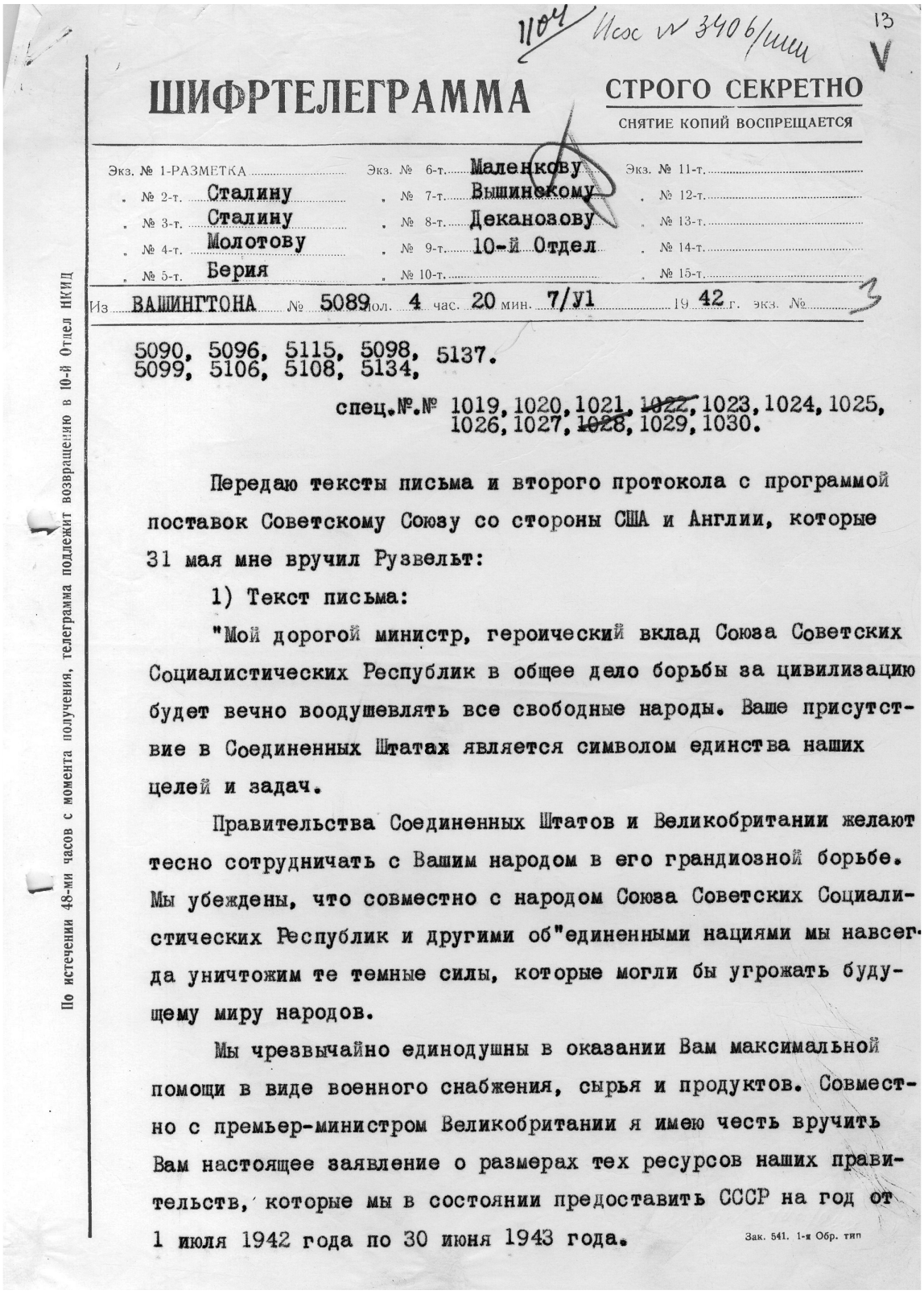
На этом телеграфную информацию о Вашингтоне считаю законченной.

5.У1.42 г. МОЛОТОВ.

9-экз.ЛС
отп.8.У1.00-45
вып.Абрамкин.

Верно:

Зак. 541. 1-я Обр. тип

1104 Исх № 3406/шш 13 V

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т. Маленкову	Экз. № 11-т.
№ 2-т. Сталину	№ 7-т. Вышинскому	№ 12-т.
№ 3-т. Сталину	№ 8-т. Деканозову	№ 13-т.
№ 4-т. Молотову	№ 9-т. 10-й Отдел	№ 14-т.
№ 5-т. Берия	№ 10-т.	№ 15-т.

Из ВАШИНГТОНА № 5089 пол. 4 час. 20 мин. 7/VI 19 42 г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

5090, 5096, 5115, 5098, 5137.
5099, 5106, 5108, 5134,

спец.№№ 1019, 1020, 1021, ~~1022~~, 1023, 1024, 1025, 1026, 1027, ~~1028~~, 1029, 1030.

Передаю тексты письма и второго протокола с программой поставок Советскому Союзу со стороны США и Англии, которые 31 мая мне вручил Рузвельт:

1) Текст письма:

"Мой дорогой министр, героический вклад Союза Советских Социалистических Республик в общее дело борьбы за цивилизацию будет вечно воодушевлять все свободные народы. Ваше присутствие в Соединенных Штатах является символом единства наших целей и задач.

Правительства Соединенных Штатов и Великобритании желают тесно сотрудничать с Вашим народом в его грандиозной борьбе. Мы убеждены, что совместно с народом Союза Советских Социалистических Республик и другими об"единенными нациями мы навсегда уничтожим те темные силы, которые могли бы угрожать будущему миру народов.

Мы чрезвычайно единодушны в оказании Вам максимальной помощи в виде военного снабжения, сырья и продуктов. Совместно с премьер-министром Великобритании я имею честь вручить Вам настоящее заявление о размерах тех ресурсов наших правительств, которые мы в состоянии предоставить СССР на год от 1 июля 1942 года по 30 июня 1943 года.

Зак. 541. 1-я Обр. тип

14

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
. № 2-т. ..... . № 7-т. ..... . № 12-т. .....
. № 3-т. ..... . № 8-т. ..... . № 13-т. .....
. № 4-т. ..... . № 9-т. ..... . № 14-т. .....
. № 5-т. ..... . № 10-т. ..... . № 15-т. .....

Из 5089 5090 5096 5115 5098 5137 50099 5106 г. 5108 № 5134. 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 2 -

С заверением в совершенном к Вам почтении, Франклин Д. Рузвельт.

Его Превосходительству Вячеславу Михайловичу Молотову, премьер-министру и Комиссару Иностранных Дел Союза Советских Социалистических Республик".

2) Текст второго протокола: "Проект второго протокола между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки и Великобританией на период с 1 июля 1942 года по 30 июня 1943 года.

1) Правительства как Соединенных Штатов Америки, так и Об"единенного Королевства придают серьезное значение предметам вооружения, которые они могут предоставить Советскому правительству в наступающем году. В добавление к всевозможным ограничениям, вызванным недостатком судов, лимитирующим фактором в отношении северного пути является количество судов, которые могут быть конвоированы в порты назначения. Лимитирующим фактором в отношении южного пути является сухопутная транспортировка грузов из портов Персидского залива.

2) Наши правительства предоставят для отправки из портов США, Об"единенного Королевства и других стран в течение периода с 1 июля 1942 года по 30 июня 1943 года приблизительно 3.300000 коротких тонн в северные порты и 1100000 коротких

Зак. 541. 1-я Обр. тип

15

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
. № 2-т. ..... . № 7-т. ..... . № 12-т. .....
. № 3-т. ..... . № 8-т. ..... . № 13-т. .....
. № 4-т. ..... . № 9-т. ..... . № 14-т. .....
. № 5-т. ..... . № 10-т. ..... . № 15-т. .....

Из 5089 5090 5096 5115 5098 м 5137 5099 5106 г 5108 № 5134

3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 3 -

тонн в порты Персидского залива. В связи с обстоятельствами, упомянутыми в параграфе первом, мы считаем, что это является наиболее практически выполнимой программой экспорта и в соответствии со всеми источниками, которыми мы сейчас располагаем. В мере тех пределов, которые диктуются время от времени вышеуказанными факторами, мы будем предоставлять необходимое количество судов, необходимых для перевозок той части программы, для которой не могут быть предоставлены суда СССР.

3) Расписание по поставкам, которые США могут поставить, было составлено с учетом программы требований, переданных правительству США правительством СССР. Расписание же поставок, предложенное об"единенным королевством, было составлено из расчета, что Россия желает продолжать получать снабжение в масштабах, согласованных на Московской конференции. Поставки, перечисленные в этих двух расписаниях, достигают приблизительно количества 8000000 коротких тонн.

4) Советскому правительству необходимо выбрать из этих двух расписаний поставок программу поставок такого снабжения и таких предметов вооружения, которая была бы в пределах тех количеств, которые упомянуты во втором параграфе. Эта программа должна включать все грузы, которые должны быть перевезены после 1 июля 1942 г., включая предметы, как по протоколу,

Зак. 641. 4-я Обр. тип.

16

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
. № 2-т. ..... . № 7-т. ..... . № 12-т. .....
. № 3-т. ..... . № 8-т. ..... . № 13-т. .....
. № 4-т. ..... . № 9-т. ..... . № 14-т. .....
. № 5-т. ..... . № 10-т. ..... . № 15-т. .....

Из 5089 5090 5096 5115 6098 5099 5106 5108 5134 5137 № 3
пол. час. мин. 19 г. экз. №

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 4 -

так и не по протоколу, которые уже заказаны или еще должны быть заказаны.

5) Нужно понимать, что эта программа может изменяться в силу непредвиденных обстоятельств, могущих возникнуть в ходе войны. Но Вы можете быть уверены, что будут приложены все усилия по доставке таких предметов вооружения, которые Вы наметите.

6) США с готовностью продлят финансовое соглашение и произведут соответствующее согласование для покрытия своей части предложенного нового протокола. Финансовое соглашение Об"единенного Королевства будет продолжать действовать, как и в настоящее время, а именно на основе налично-кредитного соглашения от 16 августа 1941 года по покрытию расходов по всему снабжению, а также и на основе соглашения (взаймы и внаем), находящегося сейчас на обсуждении и рассчитанного для покрытия расходов по военному снабжению; условия вышеуказанного соглашения в принципе согласованы.

7) Мы, без сомнения, готовы через наших соответствующих официальных лиц обсудить с Вашими представителями в Вашингтоне все детальные вопросы, относящие к нижеприведенной программе, а также и соответствующие поправки, если также потребуется.

Зак. 541. 1-я Обр. тип

17

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
. № 2-т. ..... . № 7-т. ..... . № 12-т. .....
. № 3-т. ..... . № 8-т. ..... . № 13-т. .....
. № 4-т. ..... . № 9-т. ..... . № 14-т. .....
. № 5-т. ..... . № 10-т. ..... . № 15-т. .....

Из 5089 5090 5096 5115 5098 м 5099 5106 5008 г 5134 № 5137

3

- 5 -

8) Прежде всего, мы хотим заверить Вас, что мы вполне сознаем жизненную важность Вашего фронта и чрезвычайную необходимость перевозок снаряжения в возможно большем об"еме и в возможно кратчайшие сроки.

9) Имея это в виду, мы будем рады время от времени пересматривать эту программу в целях выяснения возможности увеличения поставок и доставку военного снаряжения в СССР".

3) Текст программы поставок США: "Правительство США предлагает СССР следующую программу поставок общим количеством в 7000000 коротких тонн и стоимостью в 3 миллиарда долларов; из этого общего количества 1.100000 тонн военного, военно-морского оборудования, вооружения и боеприпасов стоимостью в 2 миллиарда долларов, 1.800000 тонн материала, станков и промышленного оборудования стоимостью в 400000000 долларов и 4.300000 тонн пищевых продуктов стоимостью в 600.000000 долларов.

Настоящая программа поставок была прдготовлена на основе того, что любой остаток на 30 июня 1942 года от действующего протокола, а также предметы, включенные в новый протокол, заявки по которым были приняты ранее и поставка которых запланирована на время после 30 июня 1942 года.[x] Программа указывает возможности (пропуск одного сл. Запр.) производства.

Зак. 541. 1-я Обр. тип

x) Видимо имеется пропуск слов.Запрошено.

18

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
. № 2-т. ..... . № 7-т. ..... . № 12-т. .....
. № 3-т. ..... . № 8-т. ..... . № 13-т. .....
. № 4-т. ..... . № 9-т. ..... . № 14-т. .....
. № 5-т. ..... . № 10-т. ..... . № 15-т. .....

Из 5089 5090 5096 5115 5098 м5099 5106 5108 г5134 № 5137

3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 6 -

В программе номенклатура предметов и основные классификации соответственны программе требований СССР, полученной 2 апреля 1942 года. По некоторым предметам предоставляемое количество является совместным предложением США и Об"единенного Королевства и записано общим числом в программах обеих правительств.

Группа 1. Вооружение и военное снаряжение.

Пункт 1. Самолеты.

Требуемое количество: 4200. Самолеты будут поставляться по октябрь 1942 года в среднем по 100 истребителей, 100 легких бомбардировщиков и 12 средних бомбардировщиков в месяц. Вопрос в отношении поставок остального количества самолетов на этот год будет зависеть от хода развития военных действий.

Пункт 2. Танки с вооружением.

Требуемое количество: 5250. 7500 танков с вооружением: в первые 6 месяцев, 1572 легких и 1428 средних танков, во вторые 6 месяцев, 2250 легких и 2250 средних танков, все по возможности в равных месячных поставках.

Пункт 3. Зенитные орудия 90 мм.

Требуемое количество: 204. 204 90 мм. зенитных орудий с полным боезапасом предоставляются в следующих размерах по 8 орудий в месяц в первой четверти, по 16 в месяц во второй

Зак. 541. 1-я Обр. тип.

19

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
. № 2-т. ..... . № 7-т. ..... . № 12-т. .....
. № 3-т. ..... . № 8-т. ..... . № 13-т. .....
. № 4-т. ..... . № 9-т. ..... . № 14-т. .....
. № 5-т. ..... . № 10-т. ..... . № 15-т. .....

Из 5089 5090 5096 5115 5098 м5099 5106 5108 5134 №5137

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 7 -

четверти, по 20 в месяц в третьей четверти и по 24 в месяц в четвертой четверти. Вспомогательные снаряжения будут предоставляться в том же размере, что и для войск США.

Группа 2.

Пункты 4 и 6. Зенитные орудия - 37 мм., 45 мм, 12,7-20 мм.

Требуемое количество: 3000 - 37 мм и 45 мм., 360 - 12,7 - 20 мм.

3360 заменяемых единиц, 37 мм. или спаренных 20 мм. на самодвижущейся установке без тяги должны поставляться по-кварталь но в следующих размерах: 300, 720, 1020, 1320.

Пункт 5. Противотанковых пушек 50-57 мм. с полным боезапасом.

Требуемое количество: 2100, 1900 - 57 мм. в размере 200 штук в месяц с октября по май и 300 штук в июне.

Пункты 7 и 8. Пулеметы с полным боезапасом 38 калибра и ручных пулеметов Томсона 45 калибра.

Требуемое количество: 120000 - 38 калибра, 127878 - 45 калибра, 240000 по 20000 в месяц 38 калибра в производстве.

Примечание: Боеприпасы для всего оружия будут поставлятьс в таком же размере как и для войск Соединенных Штатов и, если осуществимо, то в размере достаточном для ведения прицельного огня из оружия до выхода последнего из строя.

Зак. 541. 1-я Обр. тип

20

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
. № 2-т. ..... . № 7-т. ..... . № 12-т. .....
. № 3-т. ..... . № 8-т. ..... . № 13-т. .....
. № 4-т. ..... . № 9-т. ..... . № 14-т. .....
. № 5-т. ..... . № 10-т. ..... . № 15-т. .....

Из 5089 5090 5096 5115 5098 5099 5106 5108 5134 №6137 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 8 -

Группа 1. Продолжение.

Будут приложены усилия для снабжения запчастями в следующих размерах: запасные моторы 20%; запасные пропеллеры 20%; запасные части к самолетам 20% от стоимости самолета; запасные части к моторам 15% от стоимости мотора; запасные части к пропеллерам 15% от стоимости пропеллера; запасные части к танкам - для поддержания боевой способности танка в течение одного года; запасные части к грузовикам 10% от стоимости; запасные части к пушкам - для поддержания боевой способности пушки в течение 6 месяцев.

Действительные поставки запасных частей будут соответствовать тем запасным частям, необходимость в которых основана на опыте.

Выпуск запасных частей в Соединенных Штатах отстает и если фактические поставки будут ниже размеров упомянутых выше, они будут сделаны в такой же пропорции как и для войск Соединенных штатов.

Пункт 9. Разведывательные американские автомобили.

Требуемое количество: 24000. 6000 разведывательных автомобилей по 500 в месяц и 18000 легких разведывательных броневтомобилей Джипс по 1500 в месяц.

Пункт 10. Грузовики. Требуемое количество: 120000 грузо-

Зак. 541. 1-я Обр. тип

21

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
. № 2-т. ..... . № 7-т. ..... . № 12-т. .....
. № 3-т. ..... . № 8-т. ..... . № 13-т. .....
. № 4-т. ..... . № 9-т. ..... . № 14-т. .....
. № 5-т. ..... . № 10-т. ..... . № 15-т. .....

Из 5089 5090 5096 5115 5098 5099 5106 5108 5134 5137 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 9 -

вых автомобилей в год по 10000 в месяц.

Пункт 11.

Полевые телефоны. Требуемое количество: 144000 полевых телефонов по 12000 в месяц, из которых половина звуковых.

Группа 1. Продолжение.

Пункт 12. Провод для полевых телефонов. Требуемое количество: 1200000 километров. 480000 километров провода для полевых телефонов по 40000 километров в месяц.

Пункт 13. Толуол и тнт. Требуемое количество: 36000 коротких тонн толуола, 24000 коротких тонн тнт, 24000 толуола по 2000 тонн в месяц и 24000 тонн тнт по 2000 тонн в месяц.

Пункт 14. Нитроглицерин и другие типы пороха. Требуемое количество: 36000 тонн, типы и количество, которые будут предоставлены, - (будет) предметом дальнейших переговоров.

Пункт 15. Стереоскопические наблюдательные приборы для артиллерии. Требуемое количество: 1200 штук в 100 единицах. Нет совершенно.

Группа 1. Продолжение.

Пункт 16. Военные полевые бинокли. Требуемое количество: 3000. Нет совершенно.

Пункт 17 . Мотоциклеты. Требуемое количество: 36000. 10500 мотоциклетов по 500 в месяц с июля по сентябрь и по

Зак. 541. 1-я Обр. тип

22

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
. № 2-т. ..... . № 7-т. ..... . № 12-т. .....
. № 3-т. ..... . № 8-т. ..... . № 13-т. .....
. № 4-т. ..... . № 9-т. ..... . № 14-т. .....
. № 5-т. ..... . № 10-т. ..... . № 15-т. .....

Из 5089 5090 5096 5115 5098 5106 5108 5134 5136 № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 10-

1000 в месяц в дальнейшем.

Пункт 18. Тягачи для артиллерии. Требуемое количество: 7200. 2400 тягачей артиллерии по 200 в месяц, из которых часть будут иметь передачи малой скорости.

Пункт 19. Тобопганы (автосани). Требуемое количество: 2400. 2000 табогганов по 200 в месяц, начиная с сентября месяца по июнь включительно.

Группа 1. Продолжение.

Пункт 20. Радиоприемники различных типов.

Требуемое количество: 12000 приемников, 11500 радиоприемников различных типов. Определение типов подлежит дальнейшему обсуждению и будут поставляться в следующем количестве: 100 - в июле; 1100 - в августе и сентябре; 2350 - в октябре; 2475 - в ноябре; 1225 - в декабре; 525 - ежемесячно с января по июнь 1943 года.

Пункт 21. Радиопеленгаторы различных типов.

Требуемое количество: 1000 в настоящее время нет ни одного. Типы разрабатываются.

Пункт 22. Радиопеленгаторы для установки на самолетах. Требуемое количество: 2500, в настоящее время нет ни одного. Типы разрабатываются.

9-экз.мв.
отпеч.7/У1.14-35.
вып. Абрамкин.

5/У1-1942 г. ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

Зак. 5417 1-я Обр. тип

Верно:

1126/3464/шиф 29

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

Экз. № 1-РАЗМЕТКА
№ 2-т. Сталину
№ 3-т. Сталину
№ 4-т. Молотову
№ 5-т. Берия
Экз. № 6-т. Маленкову
№ 7-т. Вышинскому
№ 8-т. Деканозову
№ 9-т. 10-й Отдел
№ 10-т.
Экз. № 11-т.
№ 12-т.
№ 13-т.
№ 14-т.
№ 15-т.

Из ЛОНДОНА № 5223 вол. 22 час. 25 мин. 8.У1 19 42 г. экз. № 3

сп.1375. ВНЕ ОЧЕРЕДИ.

По сообщению воздушного министерства самолет в 15 часов по лондонскому времени благополучно приземлился в Прествике /Шотландия/.

8.У1.42 г. Новиков.

9-экз.ЛС
отп.8. У1.22-50
вып.Абрамкин.

Верно:

Зак 541. 1-я Обр. тип

30

Н.К.И.Д.
ДЕСЯТЫЙ ОТДЕЛ

Исход. № 2780
Получена 23 час. 45 мин. 7/VI 1942 г.
Отправлена 00 час. 05 мин. 8/VI 1942 г.

СОВ. СЕКРЕТНО
Снятие копий воспрещается
Спец. № 52

Шифрованная телеграмма

Куда ЛОНДОН Кому СОВПОСОЛ Экз. № 1

Вне очереди.

МОЛОТОВУ. На № 73.

1) Текстом договора с Англией вполне удовлетворены, а также твоей речью и речью Идена при подписании договора.

2) Следовало бы нажать на Черчилля, чтобы второй фронт был организован и уже приведен в действие в этом году, это при условии, что мы заявку на тоннаж сокращаем.

ИНСТАНЦИЯ.

Верно: Шаф

1110
№ 3433/ммм

Копии:
1. Тов. Сталину
2. Тов. Молотову
3. Тов. Деканозову
4. Тов. _____

3-экз.мв.
отп.8/VI.42 г.

31

Н.К.И.Д.
ДЕСЯТЫЙ ОТДЕЛ

Исход. № 2781

СОВ. СЕКРЕТНО

Снятие копий воспрещается

Получена 22 час. 15 мин. 7/VI 1942 г.

Отправлена 21 час. 50 мин. 8/VI 1942 г.

Счет № 690

Шифрованная телеграмма

Куда ЛОНДОН Кому СОВПОСОЛ - МАЙСКОМУ. Экз. № 1

Вне очереди.

Для МОЛОТОВА.

1) Ваша поправка к проекту Хэлла о займе-аренде к концу второго абзаца вводной части нам непонятна. Возможно, что у тебя имеется другой текст проекта.

2) Ваша поправка к концу первого абзаца статьи 7 приемлема.

3) Оговорка к сопроводительному письму насчет сохранения монополии внешней торговли не нужна и неприемлема, так как договор не угрожает ни в какой степени монополии внешней торговли.

4) Придется принять предложение Рузвельта о сокращении нашей заявки на тоннаж и о том, чтобы ограничиться вывозом из Америки и Англии главным образом предметов вооружения и оборудования для заводов военной промышленности. Нужно только настаивать, чтобы 4400000 коротких тонн по вывозу из США и Англии в северные порты СССР и порты Персидского залива были выполнены беспрекословно. Видимо, это необходимо для США и Англии для того, чтобы освободить свой тоннаж для подвоза войск в Западную Европу на предмет создания второго фронта.

5) Придется также согласиться на то, чтобы часть бомбардировщиков доставлять в СССР через Камчатку и Дальний Восток путем перелета. Это все-таки дает нам облегчение по части авиации, а Японии это дело не касается, так как ведем войну не с ней, а с Гер-

Копии:
1. Тов.
2. Тов. _____
3. Тов. _____
4. Тов. _____

32

Н.К.И.Д.
ДЕСЯТЫЙ ОТДЕЛ

Исход. №_____

Получена ___ *час.* ___ *мин.* _____ *194* *г.*

Отправлена ___ *час.* ___ *мин.* _____ *194* *г.*

СОВ. СЕКРЕТНО
Снятие копий воспрещается
*Спец. №*_____

Шифрованная телеграмма

Куда	Кому	Экз. № 1

- 2 -

манией.

6) Мы понимаем результаты твоей работы в Америке таким образом, что мы получим два договора с США: один официальный о займе и аренде, а другой неофициальный об определении тоннажа для завоза в СССР военных материалов и оборудования для военной промышленности. Кроме того наряду с этими двумя договорами будет договоренность с Рузвельтом о создании после войны международной вооруженной силы для предупреждения агрессии. Кажется этими результатами исчерпываются твои переговоры с США.

7) Предоставляем тебе решить вопрос кому подписать договор о займе и аренде: тебе или Литвинову.

8) О снеговых танках сделаем все необходимое.

9) Настаиваем на том, чтобы в обоих коммюнике было упомянуто о втором фронте и о поставках вооружения для СССР в той или иной форме. Это нужно, так как внесет неуверенность в ряды гитлеровцев и нейтральных стран во всей Европе.

10) Только что получили проект согласованного коммюнике с США с упоминанием о втором фронте и о поставках. Проект считаем удовлетворительным.

Копии:

1. Тов. _____
2. Тов. _____
3. Тов. _____
4. Тов. _____

33

Н.К.И.Д.
ДЕСЯТЫЙ ОТДЕЛ

Исход. №_____

Получена ____*час.* ____*мин.* _____ *194 г.*

Отправлена ____*час.* ____*мин.* _____ *194 г.*

СОВ. СЕКРЕТНО
Снятие копий воспрещается
*Спец. №*_____

Шифрованная телеграмма

Куда	Кому	Экз. №

- 3 -

Настоящая директива посылается тебе с некоторыми исправлениями и дополнениями.

Получение подтвердите.

ИНСТАНЦИЯ.

Верно:

Копии:
1. Тов. Сталину
2. Тов. ~~Василевскому~~
3. Тов. Деканозову
4. Тов. _____

3-экз.мв.
отп.7/VI.42 г.

1101
Исх № 3416/шш

34

Н.К.И.Д.
ДЕСЯТЫЙ ОТДЕЛ

Исход. № 2782
Получена 10 час. 55 мин. 8/VI 194 2 г.
Отправлена 12 час. 10 мин. 8/VI 1942 г.

СОВ. СЕКРЕТНО
Снятие копий воспрещается
Спец. № 53.

Шифрованная телеграмма

Куда ЛОНДОН Кому СОВПОСОЛ Экз. №

МОЛОТОВУ. На №№. 1009, 1010, 64, 65, 66.

Читали то, что ты сообщил о речи Черчилля при обсуждении вопроса о втором фронте, а также переданный тебе "протокол заседания" за 22 мая у Черчилля по тому же вопросу. В этом выступлении Черчилля и в протоколе заседания тебе приписывается предложение о том, чтобы Союзники оттянули не менее 40 германских дивизий из России, включая дивизии, находящиеся в настоящее время на западе. В "протоколе заседания" прямо говорится, что предложения Молотова состоят в том, чтобы союзники России, и в первую очередь Великобритания, удержали бы в Западной Европе 40 вражеских дивизий. Мы считаем, что если ты действительно сделал такое заявление, то ты поступил неправильно, ибо оно не отражает нашей позиции. Должно быть ты этого не говорил. Наша позиция, как тебе известно, состоит в том, чтобы, путем создания второго фронта в Европе, оттянуть с советско-германского фронта 40 немецких дивизий, занятых сейчас в войне с нами. Это вне зависимости от того, сколько немецких дивизий находятся сейчас в различных оккупированных странах Западной Европы. В соответствии с этой установкой тебе следует сделать соответствующее исправление в предложения, вносимые тобой от имени Совпра и фиксируемые в протоколе совместного заседания с Черчиллем 22 мая.

Копии:
1. Тов. Сталину
2. Тов. Молотову
3. Тов. Деканозову
4. Тов. _____

3-экз.мв.
отп.8/VI.42 г.

ИНСТАНЦИЯ.

Верно:

IIII
№ 3434/шш

35

Н.К.И.Д.
ДЕСЯТЫЙ ОТДЕЛ

Исход. № 2789
Получена 23 час. 20 мин. 8/VI 1942 г.
Отправлена 23 час. 35 мин. 8/VI 1942 г.

СОВ. СЕКРЕТНО
Снятие копий воспрещается
Спец. № 692

Шифрованная телеграмма

Куда ЛОНДОН Кому СОВПОСОЛ Экз. № 1

Вне очереди.

МОЛОТОВУ. Начинаем переговоры с представителями США об установлении радио-телефонной связи между СССР и США. Абсолютно необходимо иметь такую же связь между СССР и Англией. Возьми на себя это дело, используй свое пребывание в Лондоне, чтобы двинуть вперед установление радио-телефонной связи между СССР и Англией.

ИНСТАНЦИЯ.

Верно:

Копии:
1. Тов. Сталину
2. Тов. Молотову
3. Тов. Деканозову
4. Тов. _____

3-экз.мв.
отп.10/VI.42 г.

1143
№ 3521/шш

1117 3461/ш 36

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т. Маленкову	Экз. № 11-т.
№ 2-т. Сталину	№ 7-т. Вышинскому	№ 12-т.
№ 3-т. Сталину	№ 8-т. Деканозову	№ 13-т.
№ 4-т. Молотову	№ 9-т. 10-й Отдел	№ 14-т.
№ 5-т. Берия	№ 10-т.	№ 15-т.

Из ВАШИНГТОНА № 5138 пол. 7 час. 50 мин. 8/VI 1942 г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

5139, 5150, 5140, 5141, 5173, 5181,
5174, 5168, 5179, 5187, 5172, 5194.

спец.№№ 1031, 1032, 1033, 1034, 1035, 1047,
1048, 1049, 1050, 1051, 1052, 1053, 1058.

ПРОДОЛЖЕНИЕ № 1019.

Пункт 23. Радио-лампы. Требуемое количество: 2000000, радиолампы должны быть поставлены согласно плана, подлежащего согласованию.

Пункт 24. Генераторы (газовые). Требуемое количество: 15000. 10000 газо-генераторов должны быть поставлены, согласно планов, которые будут составлены. Газо-генераторы должны быть поставлены без капотов.

Пункт 25. Абсолютные радиоальтиметры. Требуемое количество: 2500, таковых нет.

Пункт 26. Радиомаяк, приборы для слепой посадки и авиационные радиокомпасы.

Требуемое количество: 250 наборов, таковых нет.

Пункт 27. Радио-пеленгаторы (различные типы). Требуемое количество, 250 комплектов, 150 комплектов радио-пеленгаторов в количестве 50 в месяц, начиная с ноября и по январь.

Пункт 28. Измерительная и испытательная (контрольная) аппаратура.

Требуемое количество: На сумму 1.000.000 долларов.

Измерительной и испытательной (контрольной) аппаратуры на сумму в 1.000.000 долларов согласно плана, который будет

Зак. 141. 1-я Обр. тип

37

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
. № 2-т. ..... . № 7-т. ..... . № 12-т. .....
. № 3-т. ..... . № 8-т. ..... . № 13-т. .....
. № 4-т. ..... . № 9-т. ..... . № 14-т. .....
. № 5-т. ..... . № 10-т. ..... . № 15-т. .....

Из 5138 5139 5150 5140 5141 м 5173 5181 19 г. экз. № 3
5174 5168 5179 5187 5172 5194

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 2 -

разрабатываться позднее.

Пункт 29. Радио-ремонтные грузовики для полевых служб.

Требуемое количество: 250 комплектов. Радио-ремонтных грузовиков не имеется.

Пункт 30. Сухих элементов для полевых телефонов.

Требуемое количество: 1500000. 1.500.000 сухих элементов для полевых телефонов по плану, который будет разработан позднее.

Пункт 31. Сухие батареи для использования с радио-аппаратурой.

Требуемое количество: 400.000. 400.000 сухих батарей для радио-аппаратуры по плану, который будет разработан позднее.

Пункт 32. Радио-компоненты, части и аксессуары.

Требуемое количество: На сумму в 500.000 долларов. На 500.000 долларов радио-компонентов, частей и аксессуаров для эксплоатации, а также и для ремонта оборудования будет поставлено по плану, подлежащему согласованию.

Пункт 33. Полевые ремонтные мастерские (легкие) для танков и грузовиков.

Требуемое количество: 100 единиц. Легких полевых ремонтных мастерских для танков и грузовиков не имеется.

Ил. 1-я Обр. тип

38

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
. № 2-т. ..... . № 7-т. ..... . № 12-т. .....
. № 3-т. ..... . № 8-т. ..... . № 13-т. .....
. № 4-т. ..... . № 9-т. ..... . № 14-т. .....
. № 5-т. ..... . № 10-т. ..... . № 15-т. .....

Из 5138 5139 5150 5140 5141 5173 5181, ноч. 19 г. экз. № 3
5174, 5168 5179 5187 5172 5194

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 3 -

Пункт 34. Полевые ремонтные мастерские для танкового дивизиона бригады.

Требуемое количество: 120 единиц. 90 полевых ремонтных мастерских, каждая из которых состоит приблизительно из 12 грузовиков, должны быть поставлены в количестве 10 единиц в месяц с октября по июнь включительно.

Группа П. Различные материалы, станки и промышленное оборудование.

Пункт 1. Морской трос.

Требуемое количество: 1200 километров, в равных, ежемесячных поставках.

Пункт 2. Трос для подводных лодок. Требуемое количество. 600. 600 километров в равных, ежемесячных поставках.

Пункт 3. Алюминевые слитки.

Требуемое количество: 48.000 коротких тонн. 24.000длинных тонны в равных, ежемесячных поставках.

Дюраллюминий. Требуемое количество: 18.000 коротких тонн. 6000 длинных тонн в равных, ежемесячных поставках.

Пункт 4. Никель. Требуемое количество: 9600 коротких тонн совместно соединенное королевство и США должны поставлять 600 коротких тонн никеля в месяц в течение первых 6 месяцев; эта цифра подлежит пересмотру по истечении первых 6

Зак 541. 1-я Обр. тип

39

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
. № 2-т. ..... . № 7-т. ..... . № 12-т. .....
. № 3-т. ..... . № 8-т. ..... . № 13-т. .....
. № 4-т. ..... . № 9-т. ..... . № 14-т. .....
. № 5-т. ..... № 10-т. ..... . № 15-т. .....

~~5138 5139 5150 5140 5141 5173 5181~~
Из ..... № ..... пол. ..... час. ..... мин. ..... 19 ..... г. экз. № .....
~~5174 5168 5179 5187 5172 5194~~

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 4 -

месяцев для последующего полугодия. Выше указанное количество включает никель различных видов, включая сплавы никеля со сталью, нихромовой проволокой и других материалов имеющих в своих спецификациях никель, за исключением готового снаряжения.

Пункт 5. Молибден. Требуемое количество: 9600 коротких тонн. 4000 коротких тонн ежемесячными поставками.

Пункт 6. Электролитная медь, резерв меди. Требуемое количество: 36000 коротких тонн. 7500 коротких тонн. Совместно Об"единенное Королевство и Соединенные Штаты, 120.000 длинных тонн равными ежемесячными поставками. Сюда входит медь во всех видах, в том числе рафинированная медь в формах, прокатная латунь и проволока, сплавы с медной основой и медь, содержащаяся в готовых продуктах, кроме амуниции.

Пункт 7. Прокатная медь (латунь для патрон и тому подобное

Требуемое количество: 102.000 коротких тонн. 102.000 коротких тонн, равными ежемесячными поставками, в соответствии с ограничениями на медь, указанными в пункте 6.

Пункт 8. Сплавы магния. Требуемое количество: 3600 коротких тонн. Нет совершенно.

Пункт 9. Цинк высокого качества.

Требуемое количество: 12.000 коротких тонн. 18.000 коротких тонн, равными ежемесячными поставками совместно Об"единен-

Зак 541. 1-я Обр. гип

40

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
. № 2-т. ..... . № 7-т. ..... . № 12-т. .....
. № 3-т. ..... . № 8-т. ..... . № 13-т. .....
. № 4-т. ..... . № 9-т. ..... . № 14-т. .....
. № 5-т. ..... . № 10-т. ..... . № 15-т. .....

Из 5138 5139 5150 5140 5141 5173 5181 19 г. экз. № 3

5174 5168 5178 5187 5172 5194

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 5 -

ное Королевство и Соединенные Штаты.

Пункт 10. Биметалл. Требуемое количество: 36000 коротких тонн. 12.000 коротких тонн, равными ежемесячными поставками, в соответствии с ограничениями на медь, указанными в пункте 6. Типов биметалла, употребляемого для термостата нет.

Пункт 11. Медные изделия и трубы. Требуемое количество: 15.000 коротких тонн. 15.000 коротких тонн, равными ежемесячными поставками, в соответствии с ограничениями на медь, указанными в пункте 6.

Пункт 12. Ферросилиций. Требуемое количество: 9600 длинных тонн. Совместно Об"единенное Королевство и Соединенные Штаты 12.000 длинных тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 13. Феррохром. Требуемое количество: 9600 длинных тонн. Совместно Об"единенное Королевство и Соединенные Штаты 7200 долгих тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 14. Броневлиты.

Требуемое количество: 48.000 длинных тонн. 12.000 тонн, равными ежемесячными поставками, при условии, что желаемые типы будут в наличии. Соответственно с ограничениями на никель указанными в пункте 4.

Пункт 15. Твердые сплавы и режущие инструменты.

Требуемое количество: 9.000.000 долларов. Количество на

Зак 441. 1-я Обр. гип

41

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
. № 2-т. ..... . № 7-т. ..... . № 12-т. .....
. № 3-т. ..... . № 8-т. ..... . № 13-т. .....
. № 4-т. ..... . № 9-т. ..... . № 14-т. .....
. № 5-т. ..... . № 10-т. ..... . № 15-т. .....

Из 5138 5139 5150 5140 5141 5173 5181 19 г. экз. № 3

5174 5168 5178 5187 5172 5194

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 6 -

9.000.000 будет поставлено по плану, подлежащему согласованию. Соответственно с ограничениями на никель, указанными в пункте 4.

Примечание: Материалы по пунктам с 16 по 34 включительно, перечисленные ниже, предположительно смогут быть предоставлены, но при условии соответствия спецификациям и размерам имеющимся в наличии в Соединенных Штатах и в соответствии с ограничениями на никель, указанными в пункте 4.

Пункт 16. Холоднотянутая прутковая сталь (серебрянка). Требуемое количество: 960 длинных тонн. 120 длинных тонн при условии ежемесячными поставками.

Пункт 17. Быстрорежущая сталь.

Требуемое количество: 6.000 длинных тонн. 3000 длинных тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 18. Инструментальная сталь. Требуемое количество: 24.000 длинных тонн. 10.200 длинных тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 19. Холоднотянутые углеродистые и легированные стальные прутья, брусья и авиационная сталь.

Требуемое количество: 168.000 длинных тонн. 129.600 длинных тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 20. Сталь горячей прокатки (углеродистый сплав и

Зак 541. 1-я Обр. тип

42

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
. № 2-т. ..... . № 7-т. ..... . № 12-т. .....
. № 3-т. ..... . № 8-т. ..... . № 13-т. .....
. № 4-т. ..... . № 9-т. ..... . № 14-т. .....
. № 5-т. ..... . № 10-т. ..... . № 15-т. .....

Из 5138 5139 5150 5140 5194 и т.д. мин. ..... 19 ..... г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 3 -

самолетная). Требуемое количество: 150.000 длинных тонн . 96.000 длинных тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 21. Хромо-кремне-марганцовистая стальная заготовка. Требуемое количество: 120.000 длинных тонн. 84.000 длинных тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 22. Холоднопрокатная листовая сталь. Требуемое количество: 96.000 длинных тонн. 84.000 длинных тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 22/а. Холоднопрокатная сталь. Требуемое количество: 96.000 длинных тонн. 84.000 длинных тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 23. Нержавеющая сталь. Требуемое количество: 10.800 длинных тонн. 3.000 длинных тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 24. Белая жесть. Требуемое количество: 60.000 длинных тонн. 60.000 длинных тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 25. Стальная проволока. Требуемое количество: 96.000 длинных тонн. 55.920 длинных тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 26. Стальной трос. Требуемое количество: 24.000 длинных тонн.

14.400 тонн, равными ежемесячными поставками.

Зак 541. 1-я Обр. тип

43

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
. № 2-т. ..... . № 7-т. ..... . № 12-т. .....
. № 3-т. ..... . № 8-т. ..... . № 13-т. .....
. № 4-т. ..... . № 9-т. ..... . № 14-т. .....
. № 5-т. ..... . № 10-т. ..... . № 15-т. .....

Из 5138 5139 5150 5140 5141 и т.д. 5194 19 г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 8 -

Пункт 27. Трубы из специальной стали.

Требуемое количество: 36.000 длинных тонн. 21.600 длинных тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 28. Проволока из нержавеющей стали.

Требуемое количество: 1.200 длинных тонн.

360 длинных тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 29. Проволока из специального сплава.

Требуемое количество: 240 длинных тонн.

240 длинных тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 30. Хромоникелевая проволока.

Требуемое количество: 480 длинных тонн. 480 длинных тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 31. Колючая проволока и скобы. Требуемое количество: 60.000 длинных тонн. 50.400 длинных тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 32. Стальные трубы. Требуемое количество: 350.000 длинных тонн. 252.000 длинных тонны, равными ежемесячными поставками.

Пункт 33. Листовая сталь горячего проката и в плитах толщиной 5/8 дюйма, шириной 72 дюйма.

Требуемое количество: 120.000 длинных тонн. 96.000 длинных тонн, равными ежемесячными поставками.

Зак 541. 1-я Обр. тип

44

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
. № 2-т. ..... . № 7-т. ..... . № 12-т. .....
. № 3-т. ..... . № 8-т. ..... . № 13-т. .....
. № 4-т. ..... . № 9-т. ..... . № 14-т. .....
. № 5-т. ..... . № 10-т. ..... . № 15-т. .....

Из 5138 5139 5150 5140 5141 и т.д. 5194 19 г. экз. № 3

По истечении ...-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 9 -

Пункт 34. Болты, гайки и так далее.

Требуемое количество: 12.000 длинных тонн.

12.000 длинных тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 35. Другие металлы и стальные изделия.

Требуемое количество: на 10.000.000 долларов. Выполнение зависит от спецификаций.

Пункт 36. Фенол.

Требуемое количество: 18.000 коротких тонн. 12.000 коротких тонн, равными ежемесячными поставками.

Нефтяные продукты.

Требуемое количество: 240.000 коротких тонн.

240.000 коротких тонн, равными ежемесячными поставками.

Типы и план поставок подлежат согласованию.

Пункт 38. Этилен-гликоль.

Требуемое количество: 2.400 коротких тонн.

2.400 коротких тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 39. Бромистый натрий:

Требуемое количество: 2.400 коротких тонн. 1.800 коротких тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 40. Фосфор. Требуемое количество: 2.400 коротких тонн.

2400 коротких тонн, равными ежемесячными поставками.

Зак 541. 1-я Обр. тип

45

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
. № 2-т. ..... . № 7-т. ..... . № 12-т. .....
. № 3-т. ..... . № 8-т. ..... . № 13-т. .....
. № 4-т. ..... . № 9-т. ..... . № 14-т. .....
. № 5-т. ..... . № 10-т. ..... . № 15-т. .....

Из 5138 5139 5150 5140 5141 и т.д. 5194. 19 ..... г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 10 -

Пункт 41. Дибутиль-фтолат.

Требуемое количество: 3.600 коротких тонн.

3.600 коротких тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 42. Диметиланилин.

Требуемое количество: 3.600 коротких тонн. 3.000 коротких тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 43. Дифениламин. Требуемое количество: 3.600 коротких тонн. 1.800 коротких тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 44. Коллоксилин. Требуемое количество: 4.800 коротких тонн. 4.800 коротких тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 45. Метанол. Требуемое количество: 12.000 коротких тонн. 12.000 коротких тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 46. Уротропин. Требуемое количество: 7.200 коротких тонн. 4.600 коротких тонн: по 300 в июле и августе и по 400 коротких тонн в каждом последующем месяце.

Пункт 47. Гексаген.

Требуемое количество: 6.000 крротких тонн. Не имеется.

Пункт 48. Хлористый алюминий. Требуемое количество: 4800 коротких тонн. 4.800 коротких тонн, равными ежемесячными поставками.

Зак 541. 1-я Обр. тип

46

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
. № 2-т. ..... . № 7-т. ..... . № 12-т. .....
. № 3-т. ..... . № 8-т. ..... . № 13-т. .....
. № 4-т. ..... . № 9-т. ..... . № 14-т. .....
. № 5-т. ..... . № 10-т. ..... . № 15-т. .....

5138 5139 5150 5140 5141 и т.д. 5194

Из ..... № ..... пол. ..... час. ..... мин. ..... 19 ..... г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- ~~11~~ -

Пункт 49. Меркурий (металлический). Требуемое количество: 300 коротких тонн. 300 коротких тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 50. Азотисто-кислый калий. Требуемое количество: 3600 коротких тонн. 3600 коротких тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 51. Аммониевый цианид. Требуемое количество: 3 коротких тонны. 3 коротких тонны, равными ежемесячными поставками.

Пункт 52. Централит. Требуемое количество: 600 коротких тонн. 600 коротких тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 53. Резарин (ресорсиноль). Требуемое количество: 120 коротких тонн. 120 коротких тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 54. Барium пероксил. Требуемое количество: 300 коротких тонн. 300 коротких тонн, равными ежемесячными поставками

Пункт 55. Стронций (С.оксилат). Требуемое количество: 96 коротких тонн. 96 коротких тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 56. Родалит (фодамин б.). Требуемое количество: 6 коротких тонн. 6 коротких тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 57. Торium (т.нитрат). Требуемое количество: 3 корот-

47

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
. № 2-т. ..... . № 7-т. ..... . № 12-т. .....
. № 3-т. ..... . № 8-т. ..... . № 13-т. .....
. № 4-т. ..... . № 9-т. ..... . № 14-т. .....
. № 5-т. ..... . № 10-т. ..... . № 15-т. .....

Из 5138 5139 5150 5140 5141 и т.д. 5194 ..... час. ..... мин. ..... 19 ..... г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 12 -

ких тонны. 3 коротких тонны, равными ежемесячными поставками.

Пункт 58. Церий (ц.хлорид). Требуемое количество: 18 коротких тонн. 18 коротких тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 59. Крезол.

Требуемое количество: 1200 коротких тонн. 1200 коротких тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 60. Сернистокислый калий. Требуемое количество: 1800 коротких тонн.

1800 коротких тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 61. Антрацен. Требуемое количество: 3600 коротких тонн. Нет совершенно.

Пункты 62, 63, 64, 65 и 68.

Станки. Требуемое количество: 21.000 штук.

Электрические печи. Требуемое количество: 600 штук.

Ковочные прессы и молоты.

Требуемое количество: На 48.000.000 долларов.

Различное промышленное оборудование. Требуемое количество: На сумму 36.000.000 долларов.

Графитные электроды. Требуемое количество: 6.000 длинных тонн.

Примечание: Можно будет предоставить всего на общую сумму в 150 миллионов долларов, количества и типы подлежат согласо-

Зак. 541. 1-я Обр. тип

48

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
. № 2-т. ..... . № 7-т. ..... . № 12-т. .....
. № 3-т. ..... . № 8-т. ..... . № 13-т. .....
. № 4-т. ..... . № 9-т. ..... . № 14-т. .....
. № 5-т. ..... . № 10-т. ..... . № 15-т. .....

Из 5138 5139 5150 5140 5141 с. и т.д. 5194 19 г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 13 -

ванию в ближайшее время с учетом ограничения на медь и никель.

Пункт 66. Промышленные алмазы. Требуемое количество: На 1 миллион 800 тысяч долларов, в США совершенно нет.

Пункт 67. Абразивы. Требуемое количество: На 6.000.000 долларов.

На 3.600.000 долларов равными ежемесячными поставками.

Пункт 69. Подшипники. Требуемое количество: 8.500.000 штук. Снабжение зависит от специфических размеров.

Пункт 70. Шарико и ролико-подшипники.

Требуемое количество: 28.000.000 штук. 28.000.000 штук, равными ежемесячными поставками при условии, что необходимые размеры распространены в американской промышленности.

Пункт 71. Подошвенная кожа.

Требуемое количество: 18.000 коротких тонн. Не имеется, за исключением включенной в готовую обувь.

Пункт 72. Армейская обувь. Требуемое количество: 4.800.000 пар. 24.000 пар по 200000 пары в месяц.

Пункт 73. Армейские ткани. Требуемое количество: 18.000.000 ярдов.

18.000.000 ярдов армейских тканей при месячной поставке в 1.500.000 ярдов в следующем процентном соотношении: 60 процентов шинельных тканей и 40 процентов тканей для верхней одежды (гимнастерки, бриджи).

Зак 541. 1-я Обр. гип

49

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
. № 2-т.	. № 7-т.	. № 12-т.
. № 3-т.	. № 8-т.	. № 13-т.
. № 4-т.	. № 9-т.	. № 14-т.
. № 5-т.	. № 10-т.	. № 15-т.

Из 5138 5139 № 5150 тол. 5140 рас. 5141 син. и т.д. 5194 19 г. экз. № 3

По истечении 48 часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 14 -

Пункт 74. Электрокабели. Требуемое количество: 12.000 километров.

12.000 километров, равными ежемесячными поставками в соответствии с ограничениями на медь, указанными в пункте 6.

Пункт 75. Изоляционная тесьма. Требуемое количество: 36.000.000 ярдов.

36.000.000 ярдов изоляционной тесьмы полого типа, по 3.000.000 ярдов в месяц. Других типов тесьмы нет.

Пункт 76. Брезент. Требуемое количество: 24.000.000 ярдов. Нет совершенно.

Пункт 77. Vistanex (ред?) (молекулярность wt 60). Требуемое количество: 300 коротких тонн. Нет совершенно до весны 1943 г.

Количество, которое можно будет предоставить, зависит от выполнения программы США по синтетической резине.

Пункт 78. Шины и резиновые трубы.

Требуемое количество: 1.800.000 комплектов. Об"единенное королевство и Соединенные Штаты предоставляют совместно 36.000 долгих тонн резины во всех видах, включая шины и резиновые трубы, в равных месячных поставках; дополнительно: 2.000 долгих тонн в месяц с Цейлона до тех пор, пока этот источник можно будет использовать.

Зак 541. 1-я Обр. тип

Пункт 79. Резиновые шланги для высокого давления.

50

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экв. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
. № 2-т. ..... . № 7-т. ..... . № 12-т. .....
. № 3-т. ..... . № 8-т. ..... . № 13-т. .....
. № 4-т. ..... . № 9-т. ..... . № 14-т. .....
. № 5-т. ..... . № 10-т. ..... . № 15-т. .....

Из 5138 5139 №5150 пол. 5140 час. 5141 и т.д. 5194 19 ..... г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 15 -

Требуемое количество: 1.000.000 метров.

Пункт 80. Листовая фибра. Требуемое количество: 3.600 тонн.

Пункт 81. Аммортизационный шнур. Требуемое количество 60.000 метров.

Сведения не могут быть предоставлены до получения дальнейших спецификаций.

Пункт 82. Металлическая ткань и экраны. Требуемое количество 1.000.000 кв. метров.

1.000.000 кв. метров равными месячными поставками, в соответствии с ограничениями на медь, указанными в пункте 6.

Пункт 83. Конденсаторная бумага (для радио). Требуемое количество: 240 коротких тонн.

240 коротких тонн равными месячными поставками.

Пункт 84. Различные аварийные материалы.

Требуемое количество: на сумму в 60.000.000 долларов. Зависит от дальнейших уточнений.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ.

9-экз.мв.
отпеч.8/У1.22-40.
вып. Абрамкин.

Верно:

Зак 541. 1-я Обр. тип

1126 Исх 3466/шш 51

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т. Маленкову	Экз. № 11-т.
№ 2-т. Сталину	№ 7-т. Вышинскому	№ 12-т.
№ 3-т. Сталину	№ 8-т. Деканозову	№ 13-т.
№ 4-т. Молотову	№ 9-т. 10-й Отдел	№ 14-т.
№ 5-т. Берия	№ 10-т.	№ 15-т.

Из ВАШИНГТОНА № 5196 пол. 15 час. 25 мин. 8.VI 19 42 г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

5198, 5195, 5191, 5205, 5203, 5206, 5207, 5210.
сп. 1061, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69.

ОКОНЧАНИЕ спец № 1058.

Общая стоимость заявки на вышепоименованные предметы установлена Советским Союзом в 180 миллионов долларов в противоположность общей стоимости, предположительно обозначенной США приблизительно в 1.000.000.000 долларов. Требуемое оборудование приблизительно вдвое превышает оборудование, необходимое для расчетов сталелитейной промышленности США по реализуемой в настоящее время программе.

Снабжение любой всевозможной части запроса не может быть осуществлено без изменения нашей собственной программы расширения производства стали. Следовательно, требования не могут быть выполнены. В отношении списка отдельных наименований смотрите программу заявок, поданную СССР.

Оборудование для нефтепромышленности.

По этой категории СССР затребовал 11 тысяч тонн отдельных труб и 16 наименований бурильного оборудования и фитингов.

Многие из затребованных наименований являются критическими факторами в расширении производства 100-октановой и синтетической резины в США. Координатор нефти доказывает на невозможность выполнения требований. В отношении списка наименований, смотрите заявку представленную СССР. Некоторые наименования, поставки

Зак 541. 1-я Обр. тип

52

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экв. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
. № 2-т. ..... . № 7-т. ..... . № 12-т. .....
. № 3-т. ..... . № 8-т. ..... . № 13-т. .....
. № 4-т. ..... . № 9-т. ..... . № 14-т. .....
. № 5-т. ..... . № 10-т. ..... . № 15-т. .....

Из ..... № ..... пол. ..... час. ..... мин. ..... 19 ..... г. экз. № 3

5198 5195 5191 5205 5203 5206 5207 5210 5196

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 2 -

которых не отразятся на выполнении программы по 100-октановой и синтетической резине могут быть предоставлены по получении точных спецификаций, может быть предоставлено некоторое количество подержанного нефтеперегонного оборудования в хорошем состоянии.

Группа 3. Оборудование и материалы для специальных отраслей промышленности.

а) Оборудование и материалы для железной дороги.

По этой категории СССР запросил 21 общих предметов и 55 специальных. За исключением нижеперечисленных предметов, программа имеет большое количество дефицитных материалов, как например, краны и другое тяжелое оборудование. Вероятно возможно будет предоставить несколько комплектов некоторых предметов по полученииии спецификаций по размерам и типам. В настоящее время, кроме указанных ниже предметов, сообщить какие-либо другие данные не представляется возможным.

Рельсы требуемые 240.000 длинных тонн.

Предлагаемые 216.000 длинных тонн.

Колеса требуемые 36.000 комплектов, предлагаемые 12.000 комплектов.

Оси требуемые 60.000 единиц, предлагаемые 54.000 единиц.

Нам кажется, что вышеупомянутое оборудование может постав-

Зак. 541. 1-я Обр. гип

53

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
№ 2-т.	№ 7-т.	№ 12-т.
№ 3-т.	№ 8-т.	№ 13-т.
№ 4-т.	№ 9-т.	№ 14-т.
№ 5-т.	№ 10-т.	№ 15-т.

Из 5198 5195 5191 № 5205 5203 5206 5207 5210 5196 19 г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 3 -

ляться равными месячными долями по 1/12 годового количества пла на. Полный перечень всех предметов смотрите в программе требова ний, полученной нами от СССР.

б) Оборудование и материалы для стале-литейной промышленности.

Под этой категорией СССР запрашивает 191 предмет для доменных печей, открытых подовых печей, бессемеровских конверторов, коксовых печей, прокатных станков, турбогенераторов, котельных установок и турбо-вентиляторов.

Группа 4.

Пищевые продукты.

Пункт 1.

Пшеница и мука.

Требуемое количество: 2.400.000 тонн. 2.400.000 тонн равными ежемесячными поставками.

Пункт 2. Сахар.

Требуемое количество: 840.000 тонн. 840.000 тонн равными ежемесячными поставками.

Пункт 3. Консервированные мясо-продукты.

Требуемое количество 120.000 тонн. 120.000 тонн равными ежемесячными поставками.

Пункт 4. Мясо.

Требуемое количество: 180.000 тонн равными ежемесячными

Зав. 141 1м Обр. уп.

54

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
. № 2-т. ..... . № 7-т. ..... . № 12-т. .....
. № 3-т. ..... . № 8-т. ..... . № 13-т. .....
. № 4-т. ..... . № 9-т. ..... . № 14-т. .....
. № 5-т. ..... . № 10-т. ..... . № 15-т. .....

Из 5198 5195 5191 № 5205 5203 5206 5207 5210 5196 19 ..... г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 4 -

поставками.

Пункт 5. Лярд.

Требуемое количество: 144.000 тонн. 144.000 тонн равными ежемесячными поставками.

Пункт 6. Растительные масла.

Требуемое количество: 120.000 тонн. 120.000 тонн равными ежемесячными поставками.

Пункт 7. Мыльная масса.

Требуемое количество: 60.000 тонн. 60.000 тонн равными ежемесячными поставками.

Группа 5. Медицинские материалы.

Требуемое количество на 13.813.966 долларов. Приблизительно на 12.000.000 долларов. Медицинских материалов в приблизительных месячных поставках и.в. большей своей части в соответствии с запросом, но при условии, что наименование предметов и их количество должно быть согласовано с соответствующим представительством Соединенных Штатов.

Военно-морские поставки.

В добавление к вышеперечисленным предметам, запрошенным правительством СССР, правительство Соединенных Штатов обязуется предоставить определенные дизельные двигатели, бензиновые двигатели, аккумуляторные батареи для подводных лодок, орудия и боеприпасы для вооружения торговых судов и тральщиков или сторожевых судов СССР.

Зак. 441. 1-я Обр. тип.

55

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
. № 2-т.	. № 7-т.	. № 12-т.
. № 3-т.	. № 8-т.	. № 13-т.
. № 4-т.	. № 9-т.	. № 14-т.
. № 5-т.	. № 10-т.	. № 15-т.

Из 5198 5195 5191 5205 5203 5206 5207 5210 5198 г. экз. № 2

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 5 -

Эти предметы могут быть предоставлены в следующих количествах: дизельные двигатели: 506 дизельных двигателей, мощностью от 170 до 1.600 лошадиных сил, в следующих количествах: 122 по 170 л.с.; 200 по 250 л.с.; 48 по 600 л.с.; 130 по 1200 л.с.; 6 по 1600 л.с.; эти дизельные двигатели могут быть предоставлены в следующих количествах (помесячно): июнь 4, июль 16, август 20, сентябрь 24, октябрь 44, ноябрь 46, декабрь 46, январь 1943г. 46, февраль 46, март 51, апрель 51, май 56, июнь 56.

Бензиновые двигатели.

2170 бензиновых двигателей мощностью от 50 до 1200 л.с. в следующих количествах: 1500 по 50-120 л.с. 120 по 900 л.с., 550 по 120 л.с. Эти бензиновые двигатели могут быть предоставлены в следующих количествах: июль 100, август 150, сентябрь 150, октябрь 150, ноябрь 150, декабрь 165, январь 1943 года 215, февраль 215, март 215, апрель 220, май 220, июнь 220.

Аккумуляторные батареи для подводных лодок.

12 аккумуляторных батарей для подводных лодок в количестве по одной в месяц.

Военно-морское вооружение и боеприпасы.

Достаточное количество орудий и боеприпасов может быть предоставлено для вооружения советских торговых судов по одному трех-дюймовому орудию двойного назначения и по два пулемета

56

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
. № 2-т. ..... . № 7-т. ..... . № 12-т. .....
. № 3-т. ..... . № 8-т. ..... . № 13-т. .....
. № 4-т. ..... . № 9-т. ..... . № 14-т. .....
. № 5-т. ..... . № 10-т. ..... . № 15-т. .....

Из 5198 5195 5191 5205 5206 5203 5207 5210 5196 [illegible] г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 6 -

с боеприпасами, как только представится возможность для вооружения упомянутых судов.

Тральщики или сторожевые суда.

10 тральщиков или сторожевых судов могут быть поставлены в течение апреля, мая и июня 1943 года.

Электро-силовое генераторное оборудование.

Правительство Соединенных Штатов также обязуется предоставить стационарное подвижное силовое генераторное оборудование, типы которого будут уточнены позднее. Некоторое количество подержанного силового генераторного оборудования в хорошем состоянии может быть предоставлено в настоящее время.

4. Текст программы поставок Англией:

"Правительство Об"единенного Королевства обязуется поставить Союзу Советских Социалистических Республик материалы по следующему плану поставок на период с 1 июля 1942 года по 30 июня 1943 года. По некоторым предметам количество предлагаемое к поставкам указано как совместное предложение США и Об"единенного Королевства и в программах обеих правительств указано общим числом.

А) Военные поставки.

1. Обещано: 200 истребителей ежемесячно в течение второго полугодия 1942 года. Правительство Об"единенного Королевства не

Зак 541. 1-я Обр. тип

57

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
. № 2-т.	. № 7-т.	. № 12-т.
. № 3-т.	. № 8-т.	. № 13-т.
. № 4-т.	. № 9-т.	. № 14-т.
. № 5-т.	. № 10-т.	. № 15-т.

Из 5198 5195 5191 № 5205 5206 5203 5207 5210 5196 19 г. экз. № 7

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

-7-

может в настоящее время увеличить данное количество (200 самолетов ежемесячно), одновременно, данная норма будет действовать до конца текущего года.

Правительство Об"единенного Королевства не может предвидеть ситуации после конца 1942 года, и его способности продолжать или увеличивать снабжение истребителями будут зависить от результатов усиливающихся воздушных боев в западной Европе в течение текущего года.

Пункт 2. Танки.

250 ежемесячно до 31 декабря 1942 года. Мы надеемся, что в результате совместного предложения США и Об"единенного Королевства явится возможность поставки 1.000 танков в месяц в течение первых 6 месяцев 1943 года. Вопросы этой поставки подлежат дальнейшему уточнению.

Пункт 3. Противотанковые орудия: по 50-2-х фунтовых пушек с боеприпасами ежемесячно; по 50-6-ти фунтовых пушек с боеприпасами ежемесячно.

Пункт 4. Противотанковые ружья: по 300 штук с боеприпасами ежемесячно.

Пункт 5. Пулеметовозы (брен) по 200 штук с вооружением ежемесячно.

Б) Военно-морские поставки.

Некоторые военно-морские поставки были обещаны после под-

Зак 541. 1-я Обр. тип

58

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
„ № 2-т.	„ № 7-т.	„ № 12-т.
„ № 3-т.	„ № 8-т.	„ № 13-т.
„ № 4-т.	„ № 9-т.	„ № 14-т.
„ № 5-т.	„ № 10-т.	„ № 15-т.

Из 5198 5195 5191 № 5205 5206 5203 5207 5210 5196 под 19 г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 8 -

писания протокола, и эти обещания будут выполнены. Количество поставок, падающее на период с июля 1942 года вплоть до их выполнения, следующее: пункт 1. Эрликон: 50 штук с боеприпасами ежемесячно.

Пункт 2. 3-х дюймовые (HA - LA английские) или 12 футовые орудия с боеприпасами. По 10 ежемесячно до тех пор, пока запросы не будут удовлетворены.

Пункт 3. Аккумуляторные батареи для подлодок. Остальные 20 штук из общего количества 32.

Пункт 4. 103 м.м. тело орудия полностью.

По 8, плюс один запасной ствол на орудие в месяц, начиная с августа.

В) Сырьевые материалы. (Количества указаны в длинных тоннах ежемесячно за исключением оговариваемых случаев).

Пункт 1. Алюминий.

По 2.000 тонн ежемесячно в течение июля, августа и сентября месяца. По истечении сентября вопрос подлежит пересмотру. Предложение Соединенных Штатов - 24.000 длинных тонн равными месячными поставками остается без изменений.

Пункт 2. Олово.

750 тонн ежемесячно, уточнение в дальнейшем зависит от решения об"единенного совета сырьевых материалов в случае, если

Зак. 541. 1-я Обр. гип.

59

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экв. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
. № 2-т.	. № 7-т.	. № 12-т.
. № 3-т.	. № 8-т.	. № 13-т.
. № 4-т.	. № 9-т.	. № 14-т.
. № 5-т.	. № 10-т.	. № 15-т.

Из 5198 5195 5191 5205 5206 5203 5207 5210 5196 № ... поступ. ... час. ... мин. ... 19 ... г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 9 -

количества, получаемые СССР из Китая, будут превышать 9.000 тон

Пункт 3. Никель.

Об"единенное Королевство и Соединенные Штаты по 600 коротких тонн ежемесячно в течение первого полугодия, для последующих 6 месяцев вопрос подлежит пересмотру. Это количество включает в себя никель во всех видах, которые можно будет получить, в том числе сплавы со сталью, никелево-хромовую проволоку и прочие материалы, обуславливающие наличие никеля в спецификациях, за исключением готовых боеприпасов.

Пункт 4. Свинец.

По 3500 тонн ежемесячно, вопрос зависит от принятия решения по не отправленным количествам свинца по первому протоколу.

Пункт 5. Медь.

Совместно Об"единенное Королевство и Соединенные Штаты, 120.000 длинных тонн, равными ежемесячными поставками. Сюда входит медь во всех видах, включая рафинированные формы, латунные и проволочные промышленные изделия, сплавы с медной основой, а также содержание меди в готовых изделиях, кроме боеприпасов.

Пункт 6. Цинк, высокого качества.

Совместно Об"единенное Королевство и Соединенные Штаты 18.000 коротких тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 7. Промышленные алмазы. На 150.000 долларов ежемесячно.

Зак. 541. 1-я Обр. гип.

60

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ..... Экз. № 6-т. ..... Экз. № 11-т. .....
. № 2-т. ..... . № 7-т. ..... . № 12-т. .....
. № 3-т. ..... . № 8-т. ..... . № 13-т. .....
. № 4-т. ..... . № 9-т. ..... . № 14-т. .....
. № 5-т. ..... . № 10-т. ..... . № 15-т. .....

Из 5198 5195 5191 № 5205 5206 5203 5207 5210 5196 пол. ... час. ... мин. ... 19 ... г. экз. № 3

- 10 -

Пункт 8. Ферросилиций.

Совместно Об"единенное Королевство и Соединенные Штаты, 12.000 длинных тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 9. Феррохром.

Совместно Об"единенное Королевство и Соединенные Штаты, 7200 длинных тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 10. Серебряная сталь.

50 тонн ежемесячно.

Пункт 11. Графит.

100 тонн в месяц, зависит от местных условий на Цейлоне.

Пункт 12. Резина.

Совместно Об"единенное Королевство и Соединенные Штаты, 36.000 длинных тонн резины во всех видах, включая шины и резиновые трубы, равными ежемесячными поставками.

Дополнительно 2.000 длинных тонн в месяц из Цейлона, до тех пор пока этот источник доступен.

Пункт 13. Джут.

4.000 тонн в месяц, зависит от условий в Индии.

Пункт 14. Шеллак.

300 тонн в месяц, зависит от условий в Индии.

Пункт 15. Шерсть.

2.000 (тонн) в месяц из Новой Зеландии, зависит от условий перевозок.

Зак 541. 1-я Обр. тип

61

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
. № 2-т.	. № 7-т.	. № 12-т.
. № 3-т.	. № 8-т.	. № 13-т.
. № 4-т.	. № 9-т.	. № 14-т.
. № 5-т.	. № 10-т.	. № 15-т.

Из 5198 5195 5191 5205 5203 5206 5207 5210 5196 № отд. час. мин. 19 г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 11 -

Г) Продовольствие.

Об"единенное Королевство сможет поставлять в СССР только те виды и количество продовольствия, которые можно будет использовать для догрузки трюмных грузов и заполняя порожние места в трюмах на судах, перевозящих танки и самолеты.

4.У1.42 г. МОЛОТОВ.

9-экз.ЛС
отп.9.У1.7-00
вып.Абрамкин.

Верно:

Зак. 541. 1-я Обр. тип

№10
69

СОВ.СЕКРЕТНО

ДНЕВНИК
В.М.МОЛОТОВА

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ С ЧЕРЧИЛЛЕМ

9 июня 1942 г.

Присутствовали: Черчилль, Эттли, Иден, Кадоган, Файрбрэс.
т.т.Молотов, Майский, Соболев, Павлов.

Черчилль приветствует Молотова и выражает свое удовлетворение по поводу его благополучного возвращения в Лондон. Молотов благодарит Черчилля и говорит, что он хотел бы информировать его о своих переговорах в Вашингтоне, о чем Черчилль просил его в свое время, а также получить от Черчилля информацию по интересующим его, Молотова, вопросам.

Молотов сообщает, что англо-советский договор был встречен в США, насколько он понял, положительно; в частности, Рузвельт доволен тем, что в договоре нет упоминания о границах.

а) Что касается вопроса о втором фронте, тое-есть, главного вопроса, то он, Молотов, может сказать следующее. По этому вопросу он может в качестве информации передать текст совместного советско-американского коммюнике, который будет опубликован после его возвращения в Москву, в котором говорится о том, что достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году. Молотов говорит, что он хотел бы сказать и по существу вопроса о втором фронте. Главнй вопрос, который интересовал как советское правительство, так и его, Молотова -это вопрос откртия второго фронта в этом году, летом или осеньк

О втором фронте Молотов имел с Рузвельтом ряд бесед. Рузвельт уделил ему, Молотову, большое внимание. В этих беседах, когда дело касалось второго фронта, участвовали также адмирал Кинг и генерал Маршалл.

Он,Молотов, встретил со стороны Рузвельта полное сочувствие тому, чтобы второй фронт был создан в 1942 году. Такого же мнения придерживается и генерал Маршалл. Правда, Рузвельт заявил, что вопрос о втором фронте должен быть обсужден и решен совместно с британским правительством, т.к. осуществление второго фронта зависит в большой степени от Великобритании, чем от США. Во всяком случае, Рузвельт заявил, что он сделает все возможное, чтобы создать второй фронт в 1942 году. Он согласился с ним, Молотовым, в том, что отсрочка второго фронта до 1943 года вовсе не означает, что в 1943 году будет легче создать второй фронт, чем в 1942 году, так как если произойдет то, чего нельзя полностью исключить, а именно, если СССР не выдержит удара Гитлера, то наш фронт в 1943 году не будет представлять серьезной силы, связывающей в 1942 г. подавляющую часть сил Гитлера. Гитлер сможет продвинуться на Кавказ по пути к Баку и, следовательно, серьезно усилится. Подготовительные меры к 1943 году, конечно, имеют значение, но из-за возможного ослабления нашего фронта и усиления Гитлера тогда возникнут более сложные условия для второго фронта. Рузвельт согласился, что с этим фактом надо считаться и поэтому признал, что надо ускорить создание второго фронта в 1942 году.

Молотов говорит далее, что он не может сказать, что в вопрос о создании второго фронта в 1942 году, с его точки зрения, внесена достаточная ясность. Перед ним, Молотовым, был поставлен вопрос о том, что если советское правительство согласно сократить свои требования на тоннаж для доставки снабжения, которые берут на себя

обеспечить Англия и США, то это облегчит решение задачи создания второго фронта в 1942 году. Он, Рузвельт, привел в доказательство этого цифры. Рузвельт в новом проекте протокола о поставках СССР оценивает заявку советского правительства на поставки на второй год в размере 8 млн.тонн. Согласно этого же проекта протокола, переданного им ему, Молотову, в Вашингтоне, США и Англия могут обеспечить поставки лишь в 4,4 млн.тонн. Причем по расчетам Рузвельта выходит, что только 2 млн.тонн представляет собой поставки, которые непосредственно могут быть использованы на фронте. Остальное представляют собой поставки, необходимые для укрепления тыла. Рузвельт заявил, что если бы советское правительство сократило свои претензии к Англии и США в отношении тоннажа, то это облегчило бы создание второго фронта. Об этом также говорили Кинг и Маршалл. Маршалл говорил, что затруднения при решении задачи о создании второго фронта в 1942 году об"ясняются не только недостатком тоннажа, но также и теми поставками самолетов, которые США производят для СССР. Маршалл оценил особенно высоко роль, которую должна сыграть авиация при высадке десанта на европейском континенте. Молотов говорит, что, будучи в Вашингтоне, он не смог дать Рузвельту ответа на его предложение относительно сокращения заявок советского правительства на тоннаж. Ответ, который Молотов получил в настоящее время от советского правительства на это предложение Рузвельта, заключается в том, что если Британское Правительство считает возможным пойти на организацию второго фронта в 1942 году, то Советское правительство согласно несколько сократить заявки на тоннаж для поставок СССР. Молотов заявляет, что он сообщает об этом Черчиллю дополнительно к своей информации о переговорах в Вашингтоне.

72

4.-

Далее Молотов говорит, что он должен добавить к своей информации следующее замечание, сделанное Рузвельтом. Рузвельт поставил перед ним вопрос, не достаточно ли, для начала, высадки десанта на континенте в 6–10 дивизий при соответствующем прикрытии этой операции авиацией, которая должна предварительно погромить немецкую авиацию. Рузвельт заявил, что можно было бы начать с высадки 6–10 дивизий на континенте, т.к. высадку этого количества войск легче обеспечить тоннажом. Он, Рузвельт, говорил, что можно было бы пойти на риск второго Дюнкерка, пожертвовать 100–120 тыс.войск, но осуществить начало второго фронта. Он, Молотов, ответил, что это количество войск в 6–10 дивизий совершенно недостаточно для осуществления второго фронта и по-прежнему подчеркнул, что для облегчения борьбы Красной Армии необходимо было бы оттянуть с нашего фронта и связать боями, по крайней мере, 40 германских дивизий. Тем не менее, он, Молотов, считает необходимым довести эту мысль Рузвельта до сведения Британского Правительства. Он, Молотов, надеется, что по вопросу о втором фронте он получит теперь от Черчилля уточнение, как это Черчилль обещал. Молотов попутно заявляет, что он всячески приветствует операции английских военно-воздушных сил при бомбардировках Кельна и Эссена, хотя эти операции и не являются вторым фронтом.

Черчилль бросает реплику, что он ни за что не пойдет на новый Дюнкерк и на бесплодную потерю 100–120 тысяч войск, кто бы ни рекомендовал ему это сделать.

Молотов заявляет, что он лишь сообщает об этом заявлении Рузвельта в порядке информации и рассчитывает, что Британское Правительство даст ему теперь более определенный и ясный ответ относительно создания второго фронта в 1942 году, так как Советское Правительство считает второй фронт по-прежнему весьма необходимым. Он, Черчилль, обещал дать более подробные раз"яснения по этому

поводу после его, Молотова, возвращения из США в Лондон.

б) Затем Молотов переходит к высказываниям Рузвельта о послевоенных вопросах. Рузвельт развивал мысль, что охрана мира после войны представляет собой такую проблему, над разрешением которой надо работать уже в настоящее время. Он выдвинул мысль, что для охраны мира после войны необходимо не только разоружить такие агрессивные страны, как Германия, Япония и т.д., но также произвести разоружение других государств, например, Франции, Румынии, Польши, с тем, чтобы оставить только у США, СССР, Англии и, может быть, Китая, - если он будет в состоянии создать централизованное правительство, - вооруженные силы. Рузвельт говорил о том, что это будет нечто вроде международной полицейской силы, без которой нельзя обеспечить сохранение длительного мира, как показала нынешняя война.

Молотов говорит, что он может, со своей стороны, добавить, что советское правительство целиком поддерживает эту мысль Рузвельта и считает ее правильной.

Черчилль бросает реплику, спрашивая Молотова: "Следовательно, по мысли Рузвельта выходит, что у Франции не будет вооруженной силы, а Франко в Испании будет ее иметь? Швеция будет располагать армией, а Норвегия нет. Так ли это? Это просто неосуществимо".

Молотов отвечает, что по мысли Рузвельта вооруженные силы должны сохранить лишь США, Англия, СССР и, может быть, Китай. Все остальные державы подлежат разоружению. Он сообщает об этом Черчиллю в порядке своей информации о переговорах с Рузвельтом.

Далее Молотов говорит, что Рузвельт высказал мысль, что некоторые подмандатные территории в Тихом океане, например, острова Голландской Индии, территории Индо-Китая, не должны после войны оставаться в распоряжении отдельных государств, а должны находиться под опекой 3-4 великих держав.

Черчилль бросает реплику: "Что скажут голландцы по этому поводу?".

Молотов говорит, что сейчас еще нет конкретных предложений по этому вопросу, а имеется лишь общее предположение, высказанное Рузвельтом, – будто бы идею об опеке выдвинул Чан Кай-ши.

Илен бросает реплику, что территории, упомянутые Молотовым, не принадлежат Чан Кай-ши и он ими не может распоряжаться.

Черчилль заявляет, что он не согласен с этим планом Рузвельта. Если бы эти предложения Рузвельта подвергнуть публичному обсуждению, то они потерпели бы полный крах.

Молотов спрашивает Черчилля, имеет ли он в виду при этом как вопрос об организации полицейской силы, так и вопрос об опеке?

Черчилль отвечает, что, во всяком случае, в организации полицейской силы могли бы принимать участие все нации.

в) Продолжая информацию Черчилля о своих переговорах в Вашингтоне, Молотов говорит, что он переходит к последнему вопросу, а именно – о военном снабжении СССР во втором году, то-есть начиная с 1.УП.42г. по 1.УП.43г. Он получил от Рузвельта проект Протокола по снабжению СССР как по линии Британского, так и Американского правительств. Он, Молотов, приводил уже цифры поставок в СССР по подсчетам Рузвельта. Он, Молотов, еще не имел возможности подробно рассмотреть представленный Рузвельтом проект Протокола, но он обратил внимание на примечание, содержащееся в Протоколе по поводу того, что поставки Великобританией будут производиться в рамках московского Протокола. Это ему, Молотову, не совсем понятно. Он не обсуждал этого вопроса с Рузвельтом, но хотел бы получить от Черчилля раз"яснение, правильно ли это при-

мечание в Протоколе? Так как он, Молотов, помнит официальное заявление Бивербрука Майскому о согласии увеличить поставки танков и самолетов СССР после 1 июля 1942 года. Проект Протокола не отражает этого заявления. Молотов говорит, что надо, видимо, считать правильным заявление Бивербрука по этому вопросу. Молотов говорит, что он хотел бы получить от Английского Правительства ответ на вопрос о том, может ли оно увеличить поставки самолетов и танков, особенно типа "Валентин".

Черчилль в своем ответе заявляет, что они очень обязаны Молотову за информацию о том, что было сказано Рузвельтом в Вашингтоне. Он, Черчилль, может сказать, что когда Рузвельт говорит об учреждениях послевоенного времени, то это лишь показывает, насколько важнее раньше одержать победу, чем распределять плоды не одержанной еще победы. Очевидно, что все эти вопросы должны быть решены на мирной конференции. Конечно, Английское Правительство исполнено решимостью, чтобы сделать для Германии невозможным снова причинить миру зло. Германию нужно разоружить и держать ее в состоянии разоружения. Вопрос о границах Германии, конечно, надо рассматривать в этой связи. Но было бы ошибочным решить теперь вопрос о том, что должно произойти со странами, вовлеченными в войну, а также с нейтральными странами. По этому вопросу он, Черчилль, обязательно свяжется с Рузвельтом. Он полагает, что ему удастся убедить Рузвельта в том, чтобы отложить решение упомянутых вопросов до того времени, когда мы одержим победу.

Затем Черчилль переходит к вопросу о снабжении. Он говорит, что Меморандум, а не Протокол, как его называет Молотов, представленный Рузвельтом, содержит все то, что Английское Правительство в состоянии сделать в настоящее время. Совершенно правиль-

но, что Бивербрук дал согласие увеличить английские поставки в конце июня на 50% и в конце года еще на 50%. Но в московском Протоколе имеется оговорка, что при возникновении новых условий, вопрос о поставках Советскому Союзу может быть пересмотрен. Новая обстановка на-лицо. Япония произвела нападение на Великобританию. Великобритания должна была ответить на это войной, которая отразилась на снабжении других театров войны. Вместо укрепления Леванта и Прикаспийского района, Английское Правительство должно было направить значительное количество танков и самолетов на фронт борьбы с Японией, включая Австралию. Английское Правительство должно сделать все возможное, чтобы отразить нападение японцев. Помимо этого нового обстоятельства - нападения японцев, американцы из'яли значительное количество самолетов и танков для создания собственной армии и авиации и для обороны Австралии. В настоящее время фактически все поставки Великобритании из США направляются в СССР. Английское Правительство охотно согласилось на это. Если бы оно могло сделать больше, то оно это сделало бы.

Молотов говорит, что он должен напомнить о том, что Бивербрук сделал свое заявление в марте, то-есть уже после нападения Японии.

Черчилль говорит, что против Великобритании действует сейчас еще и другой фактор, а именно создание американцами своей авиации и своей армии, которые смогут войти в действие лишь значительно позднее. Ввиду этого американцы сократили свои поставки Англии. Так, например, по соглашению, достигнутому в январе 1942г во время визита Черчилля в Америку, между Порталом и Арнольдом, Великобритания должна была получить, начиная с января 1942 г. и по апрель 1943 г., 5.000 боевых самолетов. В настоящее время

Рузвельт из этого количества предоставляет Англии только 1.000 самолетов. Оно, английское правительство, рассчитывало на получение 5.000 самолетов и подготовило для этого количества самолетов необходимый личный состав, а также рассчитывало на участие этих новых подразделений английской авиации в предстоящих боях. Но эти самолеты теперь потеряны для Англии из-за роста вооружения США и в результате войны с Японией. Но, говорит Черчилль, эти трудности пройдут с течением 1942 года.

Затем Черчилль переходит, как он говорит, к наиболее важному вопросу - о втором фронте. Черчилль говорит, что очень важно, чтобы советское правительство знало о положении дела. Он, Черчилл получил послание от Рузвельта, в котором последний сообщает, что высылает ему, Черчиллю, предложения о втором фронте. Он еще не получил этих предложений.

Черчилль говорит, что действительно в настоящее время делаются приготовления, чтобы попытаться высадить десант в количестве 6 дивизий во Франции осенью. Необходимый тоннаж для этой цели будет из"ят из морских перевозок. Создаются новые десантные средства и делаются все необходимые приготовления для этой операции. Но осуществится ли эта операция или нет - зависит от положения, которое возникнет в то время. Вопрос о тоннаже для вторжения на континент - это вопрос, который не может быть решен путем из"ятия судов с большим тоннажом из морских перевозок, т.е. судов, которые используются в настоящее время в конвоях, направляющихся в СССР. Вопрос вторжения на континент - это вопрос наличия специальных десантных средств. Поэтому он, Черчилль, не понимает, каким образом предложение Рузвельта о сокращении поставок СССР поможет разрешению проблемы десанта. Черчилль говорит, что когда он полу-

чит предложения Рузвельта, то он, конечно, немедленно их рассмотрит. Он еще раз заявляет о том, что производятся все приготовления, чтобы произвести высадку такого рода десанта осенью, но это нельзя считать окончательным решением. Осуществление упомянутой операции будет зависеть от положения, которое сложится к тому времени. Черчилль говорит, что он бы с удовольствием обсудил детали и дал бы подробные об"яснения по этому поводу советским военным специалистам, указав в чем состоят трудности операции и каковы физические пределы размеров этой операции в этом году.

Черчилль говорит далее, что английское правительство изучает также возможности десантных операций на Дальнем Севере в районе Петсамо. Если этот вопрос интересует советское правительство, то английское правительство готово его обсудить с ним. Эта операция потребует отправки в Мурманск соединений английской истребительной авиации заранее, чтобы они смогли обеспечить занятие аэродромов, которые будут захвачены с моря. После занятия германских аэродромов можно будет послать в район Петсамо бомбардировочную авиацию. Это вопрос технический и подробности его можно было бы обсудить с советскими командирами. Черчилль заявляет: осуществление этих операций предусматривается в 1942 году, но британское и американское правительства намерены произвести вторжение на континент в 1943 году силами в количестве 40-50 дивизий. Если будет необходимо, то количество дивизий будет увеличено до предела возможности. Для этой цели ведутся колоссальные приготовления. В Великобританию должен прибыть 1 миллион американских войск. Организуются необходимые аэродромы и лагери. В 1943 году десант, произведенный в шести точках побережья или даже больше, даст возможность выбросить на континент большую армию и обеспечить порты на побережьи, необходимые для снабжения этой армии.

Эти вопросы составляют проект соглашения, который в настоящее время разрабатывается с американцами. Он, Черчилль, понимает, что опасность имеется уже в 1942 году и что немцы в 1943 году могут стать сильнее, чем сейчас. Поэтому он, Черчилль, хотел бы дать подробные об"яснения того, что они, англичане, в состоянии сделать в 1942 году. Он готов это сделать в течение переговоров, которые бы потребовали длительного срока, и если Молотов намерен выехать из Лондона возможно скорее, – что он вполне понимает, – то он, Черчилль, готов приготовить, если этого пожелает Молотов, письменное заявление английского правительства о том, на что может советское правительство рассчитывать в 1942 году и на что оно не может рассчитывать.

Молотов заявляет, что такое заявление было бы желательно.

Черчилль говорит, что это заявление должно быть строго секретным документом.

Молотов заявляет, что это само собой разумеется.

Черчилль говорит, что завтра он предложил бы переговорить по техническим вопросам, связанным с организацией второго фронта в 1942 году. Он, Черчилль, хотел бы показать возможности Великобритании. На это совещание Молотов мог бы пригласить своих генералов. Кроме того, он, Черчилль, изложит на бумаге, что в состоянии англичане сделать и чего они не могут сделать.

Молотов выражает свое согласие с предложением Черчилля и замечает, что, насколько он понял, Черчилль относится отрицательно к высадке 6–10 дивизий в Европе из опасения, что эта операция оказалась бы вторым Дюнкерком. Однако, вместе с тем, он, Черчилль, говорит о том, что такая операция подготавливается.

80

~~12.~~-

В своем ответе Черчилль заявляет, что если бы он думал, что придется пожертвовать 100-120 тыс.войск, не достигнув никаких успехов, то он считал бы попытку осуществить подобную операцию глупой. Операция, которая окончилась бы вторым Дюнкерком, не принесла бы пользы ни англичанам, ни русским и была бы предметом насмешек со стороны гитлеровцев. Черчилль заявляет, что мы не можем выиграть войну, совершая подобные глупости. Войну можно выиграть успешными операциями. Если не будет ни малейших шансов на успех, то он никогда не предпримет операции. Он скорее готов оставить свой пост премьер-министра. Пусть кто-нибудь другой возьмет на себя ответственность за подобный шаг. Если же операция имеет шансы на успех, то он готов заплатить за нее жертвами. Он готов заплатить любой ценой за победу. Черчилль заявляет, что высадка десанта 6-10 дивизий представляет собой сложную проблему. Подобная операция требует большой подготовительной работы и обучения войск. Солдатам труднее приказать высадиться на побережьи, чем покинуть казармы. Нужно обучить войска высадке с лодок и другим навыкам. Нужно подготовить линии снабжения топливом через проливы. Войска должны делать попытки проникнуть в порты, которые могут быть заминированы противником. Фронт высадившихся войск будет небольшим, имея в виду необходимость прикрытия его английской истребительной авиацией. С другой стороны, противником будут стянуты большие силы, чтобы контратаковать высадившиеся войска. Но если эта операция будет иметь шансы на успех, то она будет проделана и она даст возможность подготовиться к десантной операции более широкого масштаба.

Беседу записал В.Павлов.

Запись проверена и исправлена тов. В.М.Молотовым

3-кк

№ 89

ИЗ ДНЕВНИКА
В.М.МОЛОТОВА.

СОВ.СЕКРЕТНО

ПРИЕМ ПРЕЗИДЕНТА ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ЭДУАРДА Б Е Н Е Ш А

9 июня 1942 г.

Молотов В.М. принял Э.Бенеша по его инициативе в помещении посольства.

Бенеш начал беседу с выражения благодарности Советскому Правительству за дружественную линию по отношению к Чехословакии за несколько лет до ликвидации и в период ликвидации Чехословакии.

Ссылаясь на беседу с посланником СССР при Чехословацком Правительстве Богомоловым, Бенеш поблагодарил Советское Правительство за выражение пожелания видеть Чехословакию восстановленной в домюнхенских границах.

Молотов сказал, что Советское Правительство было и остается противником Мюнхена и, конечно, хотело бы видеть Чехословакию восстановленной со всеми теми ее территориями, которые были у нее отняты Гитлером. В ответ на реплику Бенеша о том, что Мюнхен был преступлением и глупостью, Молотов сказал, что он присоединяется к этой точке зрения и хочет подчеркнуть, что Мюнхен развязал руки Гитлеру и ускорил вступление Европы в войну. Особенно вредной была позиция Франции в период Мюнхена.

Бенеш согласился и сказал, что Чехословакия была столько лет верна Франции и в конце концов была предана ею.

Характеризуя свою политическую линию, Бенеш сказал, что Чехословакия географически находится в тяжелом положении, окруженная Австрией, Германией, Польшей и Венгрией. В этой обстановке она вынуждена искать себе опору. В Германии искать опоры бесполезно – ее античехословацкие тенденции хорошо известны. В течение 20 лет Чехословакия ориентировалась на Запад и прежде всего на Францию. Теперь положение резко меняется, и если СССР станет соседом Чехословакии,

94-11

то ориентировка на СССР будет соответствовать более всего интересам Чехословакии и симпатиям чехословацкого народа. Надо построить такую Европу, чтобы повторение Мюнхена стало невозможным. Для этого Чехословакия шла и идет на сближение с Польшей и СССР.

Молотов подтвердил необходимость предотвращения второго Мюнхена и необходимость сближения Чехословакии и Польши, но спросил Бенеша, как он понимает польско-чехословацкую Конфедерацию, т.к. вопрос об этой Конфедерации до сих пор не совсем ясен для советского правительства. Дело идет о Конфедерации стран, одна из которых является соседом СССР, а другая может стать соседом СССР, какую позицию занимает эта Конфедерация в отношении СССР?

Бенеш сказал, что он считает, что ни при каких условиях эта Конфедерация не будет использована против СССР, что это только стремление Чехословакии использовать соседство с Польшей для укрепления своего положения в Центральной Европе.

Молотов сказал, что он рад это слышать, что Советский Союз тоже хочет иметь с Польшей и надеется иметь с ней хорошие отношения. В сближении СССР с Польшей имеются, однако, трудности, которые Советское Правительство надеется преодолеть путем некоторых взаимных уступок. Не за счет Украины и Белоруссии, а за счет Германии. Польское Правительство идет на сближение с СССР, но в польских кругах имеются лица, у которых еще сильны антирусские настроения и проявляется тенденция к использованию польско-чехословацкой Конфедерации против СССР.

Бенеш согласился с тем, что такие люди среди поляков есть, но что Чехословакия не пойдет на создание Конфедерации без выполнения двух условий: 1) Демократизации Польши и 2) Урегулирование всех спорных вопросов между Польшей и СССР. В любом случае Конфедерация будет реальностью только после освобождения обеих стран и в условиях демократического обсуждения этой Конфедерации.

Молотов отозвался одобрительно об этой позиции, но при этом напомнил Бенешу, что в начале этого года был опубликован польско-чехословацкий договор о Конфедерации, где никаких оговорок или

условий не было упомянуто.

Бенеш поспешил исправить Молотова, заменив слово "договор" словом "резолюция" x) и попытался уменьшить значение этого документа.

Молотов не стал возражать против названия, но сказал, что одновременно с подписанием этой "резолюции" польский министр иностранных дел Рачинский напечатал в "Санди Диспетч" интервью, в котором истолковал эту Конфедерацию весьма широко, как об'единение многих государств от Балтийского моря до Эгейского и вдобавок включил в это об'единение Литву, которая является Советской Республикой.

Бенеш замялся и сказал, что Чехословакия не может и не хочет вмешиваться в польско-советские пограничные споры, но что он считает вопрос о Литве, как о Советской Республике бесспорным, а большие союзы государств бесполезными. Высказался против восстановления прежней Малой Антанты. Еще раз повторил, что он не пойдет на такую польско-чехословацкую Конфедерацию, которая будет враждебна интересам СССР и что, если ему придется выбирать между Польшей и СССР, то он, безусловно, выберет СССР.

Разговор перешел на более общие темы.

Молотов сказал, что он считает свою поездку в Англию и в США в основном удачной.

Вопрос о втором фронте, если не решен окончательно, то, во всяком случае, наиболее ответственные люди Англии и США за ускорение открытия второго фронта. Это целиком совпадает с их интересами, если они хорошо поняты. Одному СССР трудно вынести тяжесть всей военной машины Гитлера, и если не будет в этом году второго фронта, то на будущий год Гитлер настолько усилится, а СССР настолько ослабнет, что открытие второго фронта в Европе станет более трудным делом, чем теперь, несмотря на то, что Америка и Англия смогут за

---

x) Поляки в своей прессе называют этот документ договором, а чехословаки соглашением. Оригинал договора названия не имеет.
Богомолов.

это время улучшить свою подготовку.

Бенеш целиком согласился с этим мнением и сказал, что он прилагает все усилия к тому, чтобы убедить англичан и американцев открыть второй фронт. По его мнению, второй фронт будет открыт в сентябре этого года.

Последним Бенеш задал вопрос о том, что Германия ответственна ли за эту войну, Германия, как таковая, или только германские фашисты должны будут жестоко поплатиться за все, что они сделали во время этой войны.

Молотов согласился, что ответственна и Германия в целом, но сказал, что сейчас было бы нецелесообразно запугивать германский народ всякими карами и тем самым помогать Гитлеру.

Бенеш согласился с тактической правильностью такой позиции.

В конце беседы Молотов спросил Бенеша, понял ли он линию Советского правительства в 1939 г. в отношении Германии.

Бенеш сказал, что да и отметил также, что он понимал и необходимость для СССР советско-финской войны и считал ее справедливой мерой самообороны СССР.

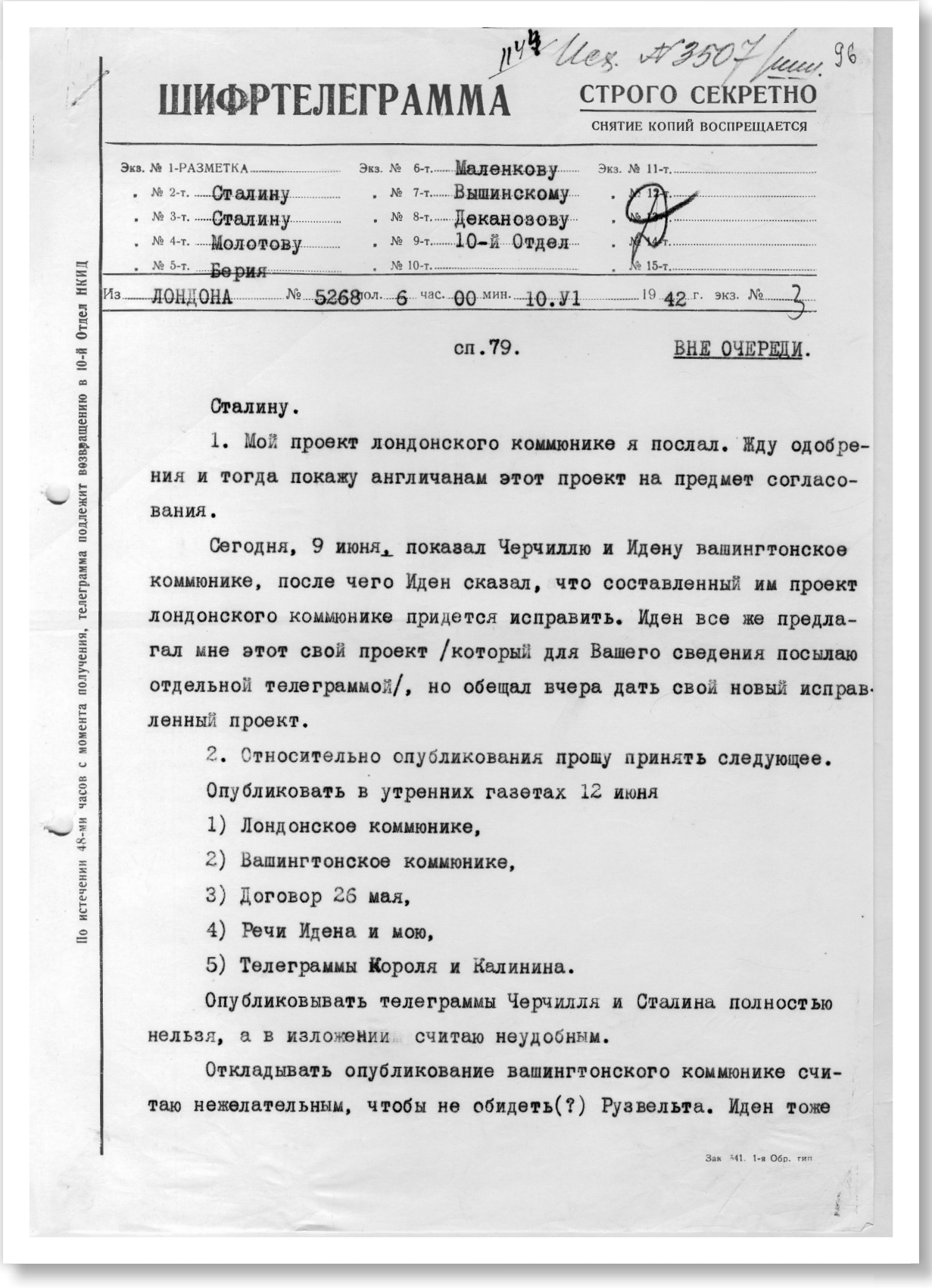
Беседу записал Богомолов,
Посланник СССР при Чехословацком
правительстве.

Верно: Молотов

вв-3

Запись проверена и исправлена тов.В.М.Молотовым

Молотов

1142 Исх. №3507/шиф. 96

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т. Маленкову	Экз. № 11-т.
№ 2-т. Сталину	№ 7-т. Вышинскому	№ 12-т.
№ 3-т. Сталину	№ 8-т. Деканозову	№ 13-т.
№ 4-т. Молотову	№ 9-т. 10-й Отдел	№ 14-т.
№ 5-т. Берия	№ 10-т.	№ 15-т.

Из ЛОНДОНА № 5268 пол. 6 час. 00 мин. 10.VI 1942 г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

сп.79. ВНЕ ОЧЕРЕДИ.

Сталину.

1. Мой проект лондонского коммюнике я послал. Жду одобрения и тогда покажу англичанам этот проект на предмет согласования.

Сегодня, 9 июня, показал Черчиллю и Идену вашингтонское коммюнике, после чего Иден сказал, что составленный им проект лондонского коммюнике придется исправить. Иден все же предлагал мне этот свой проект /который для Вашего сведения посылаю отдельной телеграммой/, но обещал вчера дать свой новый исправленный проект.

2. Относительно опубликования прошу принять следующее.

Опубликовать в утренних газетах 12 июня

1) Лондонское коммюнике,

2) Вашингтонское коммюнике,

3) Договор 26 мая,

4) Речи Идена и мою,

5) Телеграммы Короля и Калинина.

Опубликовывать телеграммы Черчилля и Сталина полностью нельзя, а в изложении считаю неудобным.

Откладывать опубликование вашингтонского коммюнике считаю нежелательным, чтобы не обидеть(?) Рузвельта. Иден тоже

Зак 541. 1-я Обр. тип

97

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
„ № 2-т.	„ № 7-т.	„ № 12-т.
„ № 3-т.	„ № 8-т.	„ № 13-т.
„ № 4-т.	„ № 9-т.	„ № 14-т.
„ № 5-т.	„ № 10-т.	„ № 15-т.

Из ..... № 5268 мол. ..... час. ..... мин. ..... 19 ..... г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 2 -

за одновременную публикацию.

Иден считает очень желательным 11 июня в 5 часов дня доложить о договоре в парламенте и разрешить опубликование по радио тоже 11 июня в 9 часов вечера. В парламенте Иден для дезинформации немцев хочет заявить, что Молотов уже прибыл в Москву. Считаю возможным согласиться.

3. Мое предложение о публикации исходит из того, что 11 июня вечером я вылетаю в Москву, но если даже 11 июня я не вылечу в Москву из-за погоды, я предлагаю сроки и порядок публикации оставить в силе, как указано выше. Иначе трудно согласовать все это в Англии и США.

4. Жду срочного ответа и указаний.

9.У1.42 г. МОЛОТОВ.

9-экз.ЛС
отп.10.У1.9-00
вып.Абрамкин.

Верно:

Зак. 541. 1-я Обр. тип

98

Н.К.И.Д.
ДЕСЯТЫЙ ОТДЕЛ

Исход. № 2822
Получена 02 час. 30 мин. 10/VI 1942 г.
Отправлена 2 час. 55 мин. 10/VI 1942 г.

СОВ. СЕКРЕТНО
Снятие копий воспрещается
Спец. № 59

Шифрованная телеграмма

Куда ЛОНДОН Кому СОВПОСЛУ Экз. № 1

ВНЕ ОЧЕРЕДИ.

МОЛОТОВУ. На №№ 77, 78.

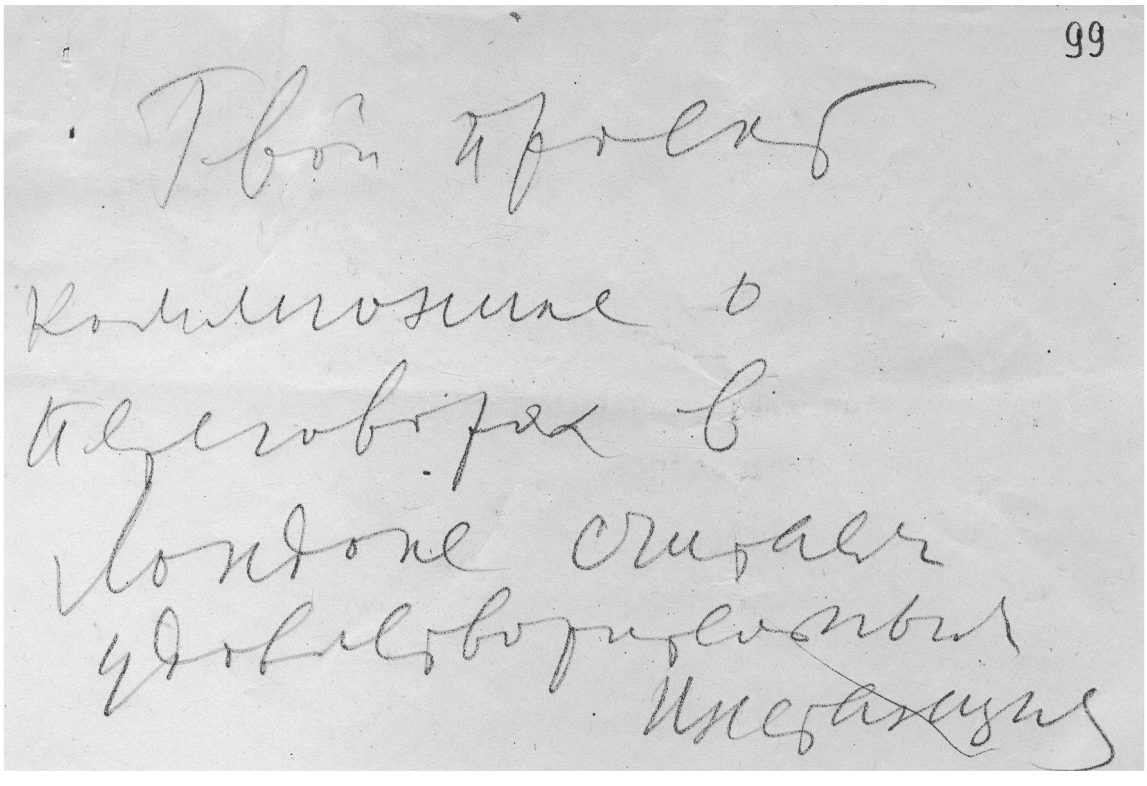
Твой проект коммюнике о переговорах в Лондоне считаем удовлетворительным.

ИНСТАНЦИЯ.

Верно: Шелу 1148 N 8510/ммм

Копии:
1. Тов. Сталину
2. Тов. Молотову
3. Тов. Деканозову
4. Тов. _____

3-экз.ЛС
10.VI.42г.

99

№2
101

СОВ.СЕКРЕТНО

ДНЕВНИК

В.М.МОЛОТОВА

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ С ЧЕРЧИЛЛЕМ

10 июня 1942 года

Присутствовали: Черчилль, Иден, Эттли и Файрбрэс.
Молотов, Майский, Соболев, Павлов.

Иден заявляет, что коммюнике о посещении Молотовым Лондона можно считать согласованным. Текст коммюнике с поправками Молотова, сделанными сегодня в беседе с Кадоганом, утвержден премьером.

Черчилль заявляет, что он хотел бы еще раз пояснить, что формулировка о втором фронте в 1942 году, содержащаяся в этом коммюнике, не означает, что английское правительство связывает себя определенным обязательством в отношении даты второго фронта.

Молотов отвечает, что он это понимает.

Далее, Иден спрашивает, как закончилась сегодняшняя беседа Молотова с Сикорским. Он хотел бы знать, были ли во время этой беседы разрешены все вопросы, интересовавшие Сикорского.

Молотов говорит, что Сикорский поднял ряд вопросов, над разрешением которых придется работать в Москве. Окончательно разрешить все эти вопросы в течение одной беседы, конечно, невозможно.

Черчилль говорит, что поляки просят об эвакуации из СССР нескольких тысяч польских детей. Он, Черчилль, хотел бы знать, как относится советское правительство к этой просьбе поляков.

Молотов отвечает, что советское правительство только что закончило эвакуацию польских граждан. Теперь поляки снова поднимают вопрос об эвакуации. Помимо того, что это будоражит польское население вторая эвакуация создает неудобства для советского правительства, так как сразу было бы легче решить этот вопрос. Что касается эвакуа-

ции из СССР детей польских граждан, то это тоже неудобно сделать. Дело в том, что в случае выезда польских детей из СССР среди польского населения может создаться впечатление, что советское правительство не в состоянии прокормить этих детей в СССР. Это, однако, не соответствует действительности, т.к. советское правительство в состоянии прокормить 150 млн.своих граждан и, конечно, в состоянии это. сделать в отношении 50 тысяч польских детей. Вместо того, чтобы конкретно обсудить вопрос об улучшении положения этих детей в СССР, как предлагало советское правительство, поляки настаивают на эвакуации детей.

Черчилль заявляет, что если в СССР имеются поляки, годные к военной службе, но которых советское правительство не в состоянии экипировать, то английское правительство было бы радо принять этих поляков. Дело в том, что в Англии всего только 44 млн., а не 150 млн. населения и она нуждается в людях.

Молотов повторяет, что мы не хотели бы проводить эвакуацию за эвакуацией. Молотов добавляет, что постепенно, несмотря на трудности, мы наладим отношения с поляками.

Черчилль заявляет, что английское правительство придает значение возрождению сильной независимой Польши в качестве равноправного чле на европейской семьи народов. Английское правительство хотело бы, чтобы отношения между Польшей и СССР улучшились. Он, Черчилль, всег да отказывался обсуждать с поляками вопрос о границах Польши, так как считал, что этот вопрос станет ясным когда Германия потерпит поражение и должна будет понести наказание.

Молотов отвечает, что мы не против возрождения сильной и независимой Польши и об этом тов.Сталин уже заявил генералу Сикорскому.

Затем Черчилль сообщает Молотову, что согласно информации, полученной английским правительством, японцы усилили свою армию в Манч-

журии на одну дивизию и теперь общее количество японских дивизий, сосредоточенных в Манчжурии, составляет 24.

Молотов говорит, что он ввиду своего от'езда из Москвы не имел в последнее время информации по этому поводу.

Черчилль вручает Молотову меморандум и поясняет, что в нем изложено все, что английское правительство в состоянии сделать в 1942 году для облегчения военного положения СССР. Черчилль просит перевести меморандум Молотову и затем спрашивает, заинтересовано ли советское правительство в совместной англо-советской операции в районе Киркинеса?

Молотов отвечает, что советское правительство весьма заинтересовано в этой операции на севере, но не в качестве замены ею второго фронта в Европе.

Черчилль говорит Молотову, что хотел бы выпить с ним прощальный бокал шампанского. Произнося при этом тост в честь Молотова, он говорит, что английское правительство с величайшим удовлетворением восприняло двукратный визит Молотова в Лондон.Он,Черчилль, выражает Молотову глубокую благодарность за то,что Молотов, приняв на себя риск двукратного путешествия в Великобританию, дважды посетил Лондон. В результате этого визита установлены личные отношения на основе доверия, дружбы и товарищества. Эти отношения будут существовать и в дальнейшем. Мы, говорит Черчилль, все сделаем, чтобы быть хорошими союзниками русских. Мы уверены в будущем, уверены в нашей общей победе. Что бы ни случилось, мы будем итти вместе с вами и максимально разделим с вами все невзгоды. Мы не ослабим нашей энергии до тех пор, пока не будет одержана полная победа и пока массы трудящихся во всем мире не будут освобождены от опасностей и от ужасов неспровоцированной нацистской и фашистской агрессии. Мы будем итти до конца и когда дойдем до этого

104

4.-

конца, то убедимся в том, что это действительно конец. Мы, продолжает Черчилль, весьма благодарны премьеру Сталину за то, что он командировал в Лондон эту памятную миссию. Мы уверены, что опубликование договора и коммюнике увеличит растущую тревогу наших врагов, ободрит и послужит стимулом для всех наших друзей, для свободолюбивых и прогрессивно мыслящих людей во всем мире. Он, Черчилль, поднимает бокал за Молотова, за его благополучное возвращение на родину.

Молотов в своем ответном тосте заявляет:" Я благодарю премьер-министра за его теплое выступление в связи с моим приездом в Лондон и переговорами, которые мне пришлось вести. Я выполнял поручение советского правительства, когда ставил интересующие правительство и нашу страну вопросы, и считаю, что я высказал полностью мнение советского правительства о том, что нужно сделать, чтобы лучше и быстрее обеспечить нашу общую победу над Германией. Я имел указания по этому важнейшему для нашей страны вопросу лично от тов.Сталина. Я убедился, что руководители английского правительства и, прежде всего, г.Черчилль, искренне и дружественно настроены к СССР и готовы сделать все необходимое, чтобы облегчить положение нашей страны. Я уезжаю ободренным и с надеждой на будущее. Я надеюсь, что договор и не писанное соглашение будут прочными и во многом полезными как во время войны, так и после войны нашим народам и всем народам, которые стремятся обеспечить для себя свободную жизнь и благосостояние. Я искренне благодарю г.Черчилля за внимание и гостеприимство, которые были оказаны мне в Англии, а также благодарю Идена за активное участие в работе, которая была проведена во время моего пребывания в Лондоне. Поднимаю бокал за здоровье премьер-министра Великобритании господина Черчилля ".

Беседу записал - В.Павлов

Запись проверена и исправлена тов. В.М.Молотовым

Верно: Павлов

105

5.-

P.S. Настоящей последней беседе с Черчиллем предшествовала накануне еще одна беседа на квартире Черчилля с участием Эттли и Идена. Записи этой беседы не имеется. Она в основном была посвящена тем вопросам (в связи со вторым фронтом в 1942 г.), о которых говорится в прилагаемой здесь Памятной записке.

В.М.

Верно: Майский

вв-3.

106

Перевод с английского.

Вручено Черчиллем
10.У1.42 г.
тов.Молотову.

СЕКРЕТНО.

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА

После весьма тщательного и основательного изучения всех возможных шагов, которые мы могли бы предпринять, чтобы облегчить положение России, мы пришли к следующим выводам:

/1/ В соответствии с нашим соглашением мы будем максимально, насколько позволяют наши возможности, продолжать отправлять в Россию по опасному Северному пути и через Персию поставки самолетов, танков и другого вооружения.

/П/ На различных театрах войны мы уже в настоящее время сковываем в воздухе половину истребительной и одну треть германской бомбардировочной авиации с целью заставить немцев отвлечь с восточного фронта еще больше своих воздушных сил. Мы будем продолжать наши бомбардировки германских городов и промышленности, а также дневное наступление нашей бомбардировочной и истребительной авиации над территорией оккупированной Франции.

/Ш/ Мы отправили и будем продолжать отправлять значительное подкрепление в Ливию, где мы имеем против себя 11 дивизий оси, включая 2 германских танковых дивизии и 1 германскую моторизованную дивизию. Мы намерены заставить противника вести сильные бои на этом театре.

В течение последних 4 месяцев Мальта сковывала значительные германские воздушные силы в Сицилии. Одно время они располагали свыше 400 самолетов первой линии для бомбардировки острова. Мы отправили и будем продолжать отправлять большие подкрепления истребительной авиации, чтобы продолжать воздушные бои, которые там происходят.

/IУ/ Мы будем продолжать нашу политику рейдов на избранные точки континента. Эти рейды увеличатся в своих размерах и масштабах с течением лета. Этим самым мы мешаем немцам перебросить на Восточный фронт какое-либо количество из 33 германских дивизий, находящихся в Западной Европе, и мы держим, таким образом, немцев в состоянии постоянной тревоги и в неведении, в каком пункте последует следующая атака.

/У/ Мы готовимся к десанту на континенте в августе или сентябре 1942 года. Как уже было ранее раз"яснено, главным фактором, ограничивающим размеры десантных сил, является наличие специальных десантных средств. Однако, ясно, что если бы мы ради того, чтобы предпринять действия любой ценой пустились бы на некоторую операцию, которая окончилась бы катастрофой и дала бы противнику возможность торжествовать по поводу нашего провала, то это не принесло бы пользы ни делу русских, ни делу союзников в целом. Заранее невозможно сказать, будет ли положение таким, что станет возможно осуществить эту операцию, когда наступит указанный срок.Мы поэтому не можем дать никакого обещания в этом вопросе. Но если указанная операция окажется разумной и обоснованной, мы не поколеблемся осуществить свои планы.

/У1/ Мы готовы, если эта мысль приемлема для русского правительства, отправить в Мурманск 4 истребительных и 2 истребительно-бомбардировочных эскадрильи с целью высвобождения русских военно-воздушных сил для операций на других участках русского фронта. Английские эскадрильи могли бы прибыть в Мурманск, примерно, в конце июля. Приемлемо ли это предложение нашим друзьям?

/УП/Придает ли еще русское правительство какое-либо значение комбинированной русско-английской операции в районе Петса-

мо, подобно той, которая была предложена ранее? Если да, то мы были бы рады начать переговоры с русским штабом по этому поводу.

/УШ/Наконец, и это является наиболее важным из всего, мы концентрируем наши максимальные усилия на организации и подготовке вторжения на континент Европы английских и американских войск в большом масштабе в 1943 году. Мы не устанавливаем никаких пределов для размеров и целей этой кампании, которая вначале будет выполнена английскими и американскими войсками в количестве свыше 1 миллиона человек при соответствующей авиационной поддержке.

Верно

1147 Исх. № 3531/мш 129

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т. Маленкову	Экз. № 11-т.
№ 2-т. Сталину	№ 7-т. Вышинскому	№ 12-т.
№ 3-т. Сталину	№ 8-т. Деканозову	№ 13-т.
№ 4-т. Молотову	№ 9-т. 10-й Отдел	№ 14-т.
№ 5-т. Берия	№ 10-т.	№ 15-т.

Из ЛОНДОНА № 5289 пол. 16 час. 00 мин. 10/VI 1942 г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

спец.№ 85.

Вне очереди.

СТАЛИНУ.

1) В телеграмму Инстанции насчет предложения Рузвельта о сокращении тоннажа вкралась ошибка. Рузвельт предложил вместо 4,4 миллионов тонн наших поставок во втором году, начиная с 1 июля 1942 года, на обеспечение которых (4,4 миллионов тонн) США и Англия дают согласие, ограничить тоннаж поставок для СССР только 2 миллионами тонн. В телеграмме же Инстанции с одной стороны дается согласие на сокращение тоннажа, а с другой стороны, предлагается отстаивать 4,4 миллионов тонн.

Сейчас это недоразумение не имеет практического значения. По приезде об"ясню.

2) Об итогах моей работы в США информирую, когда возвращусь.

3) Литвинов сообщил мне в Лондон, чтобы я информировал Москву о моем обещании президенту в связи с бомбардировкой Плоешти в Румынии, так как Маршалл торопит. Как я сообщал, Рузвельт просил разрешить американцам бомбардировать Румынию из Сирии. Я говорил Рузвельту, что Советское правительство наверно не будет возражать против американских бомбардировок Румынии также и из СССР. Прошу подтвердить.

10/VI-1942 г. МОЛОТОВ.

9-экз.мв,
отпеч.10/VI.18-15.
вып. Абрамкин.

Верно: Шош

Зак 541. 1-я Обр. тип

130

Н.К.И.Д.
ДЕСЯТЫЙ ОТДЕЛ

Исход. № 2854

Получена 20 час. 34 мин. 10.VI 1942 г.

Отправлена 20 час. 45 мин. 10.VI 1942 г.

СОВ. СЕКРЕТНО
Снятие копий воспрещается

Спец. № 62

Шифрованная телеграмма

Куда ЛОНДОН Кому СОВПОСЛУ Экз. № 1

МОЛОТОВУ.

Подтверждается согласие Совпра на предложение США бомбардировать Румынию из СССР. Можем предоставить аэродромы в Краснодаре и Армавире.

ИНСТАНЦИЯ.

Верно:

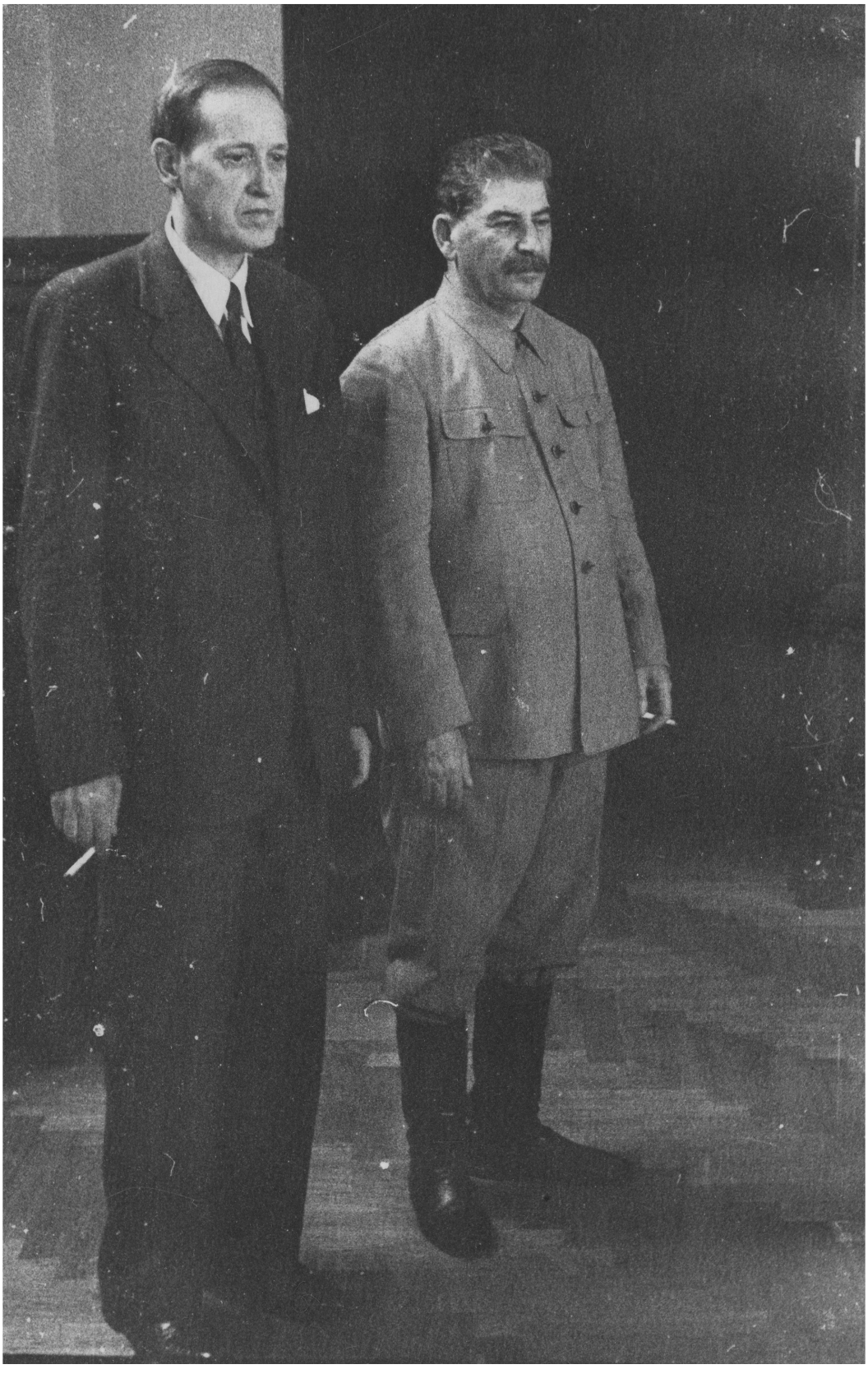
Копии:
1. Тов. Сталину
2. Тов. Молотову
3. Тов. Деканозову
4. Тов.

3-экз.ЛС
отп.10.VI.21-00

1157
№ 3538/шш

И. В. Сталин

И. В. Сталин и Г. Гопкинс, личный представитель президента США Ф. Рузвельта

И. В. Сталин и Уилки, специальный представитель президента США Ф. Рузвельта

Прием И. В. Сталиным У. Черчилля

Ялтинская (Крымская) конференция союзных держав. 4–11 февраля 1945 г.

Ялтинская (Крымская) конференция союзных держав. 4–11 февраля 1945 г.

Девис у И. В. Сталина

И. В. Сталин, А. А. Жданов, Яков и Светлана

И. В. Сталин и Г. Гопкинс, личный представитель президента США. 31.07.41 г.

В минуты отдыха

Подписание Соглашения между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях в войне против Германии. Соглашение подписали В. М. Молотов и С. Крепс

Прием И. В. Сталиным У. Черчилля. 14.08.1942 г.

Прием И. В. Сталиным У. Черчилля. 14.08.1942 г.

Ялтинская (Крымская) конференция союзных держав. 4–11 февраля 1945 г.

Ялтинская (Крымская) конференция союзных держав. 4–11 февраля 1945 г.

Ялтинская (Крымская) конференция союзных держав. 4–11 февраля 1945 г.

Ялтинская (Крымская) конференция союзных держав. 4–11 февраля 1945 г.

Ялтинская (Крымская) конференция союзных держав. 4–11 февраля 1945 г.

Ялтинская (Крымская) конференция союзных держав. 4–11 февраля 1945 г.

Берлинская (Потсдамская) конференция глав правительств СССР, США и Великобритании. Июль 1945 г.

Берлинская (Потсдамская) конференция глав правительств СССР, США и Великобритании. Июль 1945 г.

Берлинская (Потсдамская) конференция глав правительств СССР, США и Великобритании. Июль 1945 г.

Берлинская (Потсдамская) конференция глав правительств СССР, США и Великобритании. Июль 1945 г.

Берлинская (Потсдамская) конференция глав правительств СССР, США и Великобритании. Июль 1945 г.

Берлинская (Потсдамская) конференция глав правительств СССР, США и Великобритании. Июль 1945 г.

ДИПЛОМАТ
Книга двадцать шестая

А. Ю. Борисов
Сталин — дипломат на конференциях «большой тройки»
в годы Великой Отечественной войны 7

В. О. Печатнов
Сталин и Рузвельт — союзники в войне 27

О. А. Ржешевский
Большая игра: Сталин и Черчилль в начале Второй мировой войны 51

В. А. Корсун
Сталин и Китай в годы войны 67

Ю. А. Булатов
Поединок на афганском направлении 85

С. Б. Дружиловский
Иран в антигитлеровской коалиции 103

РУКОВОДИТЕЛЬ
Книга двадцать седьмая

М. А. Гареев
Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами генералиссимус Сталин 111

Ю. А. Никифоров, С. Ю. Рыченков
Как рождались мифы о Сталине 145

Ю. Н. Жуков
Система государственной власти в СССР в годы Великой Отечественной войны 225

В. В. Суходеев
Путь к победе 235

Б. И. Невзоров
В битве за Москву 253

Ю. В. Рубцов
Верховный Главнокомандующий 267

БЛИЖНЯЯ ДАЧА
Книга двадцать восьмая

С. В. Девятов, А. В. Серегин, Ю. В. Юрьев, А. Н. Шефов

Ближняя дача Сталина 279

«Спальня Светланы» 294

Служебный дом 311

Малый дом 318

Террасы, веранды, второй этаж 333

Фотодокументы 373

Научное издание

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

ТОМ IX
СТАЛИН В ГОДЫ ВОЙНЫ

Верстка А. С. Туманова

Макет обложки А. С. Руденко

Корректоры Т. Ф. Тищенко
Т. В. Петрова
В. М. Титов

Издательство «МГИМО — Университет»

119454, Москва, пр-т Вернадского 76.

Тел.: (499) 431-58-28, (495) 434-54-17

Подписано в печать 29.09.2015.

Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 81.2. Уч. изд. л. 67.4. Тираж 500 экз. Заказ № 107.

Отпечатано в ООО «Аквариус»

г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а

Тел.: (4872) 49-76-96, (4872) 49-73-73

E-mail: grif-tula@mail.ru, aquarius-press@mail.ru